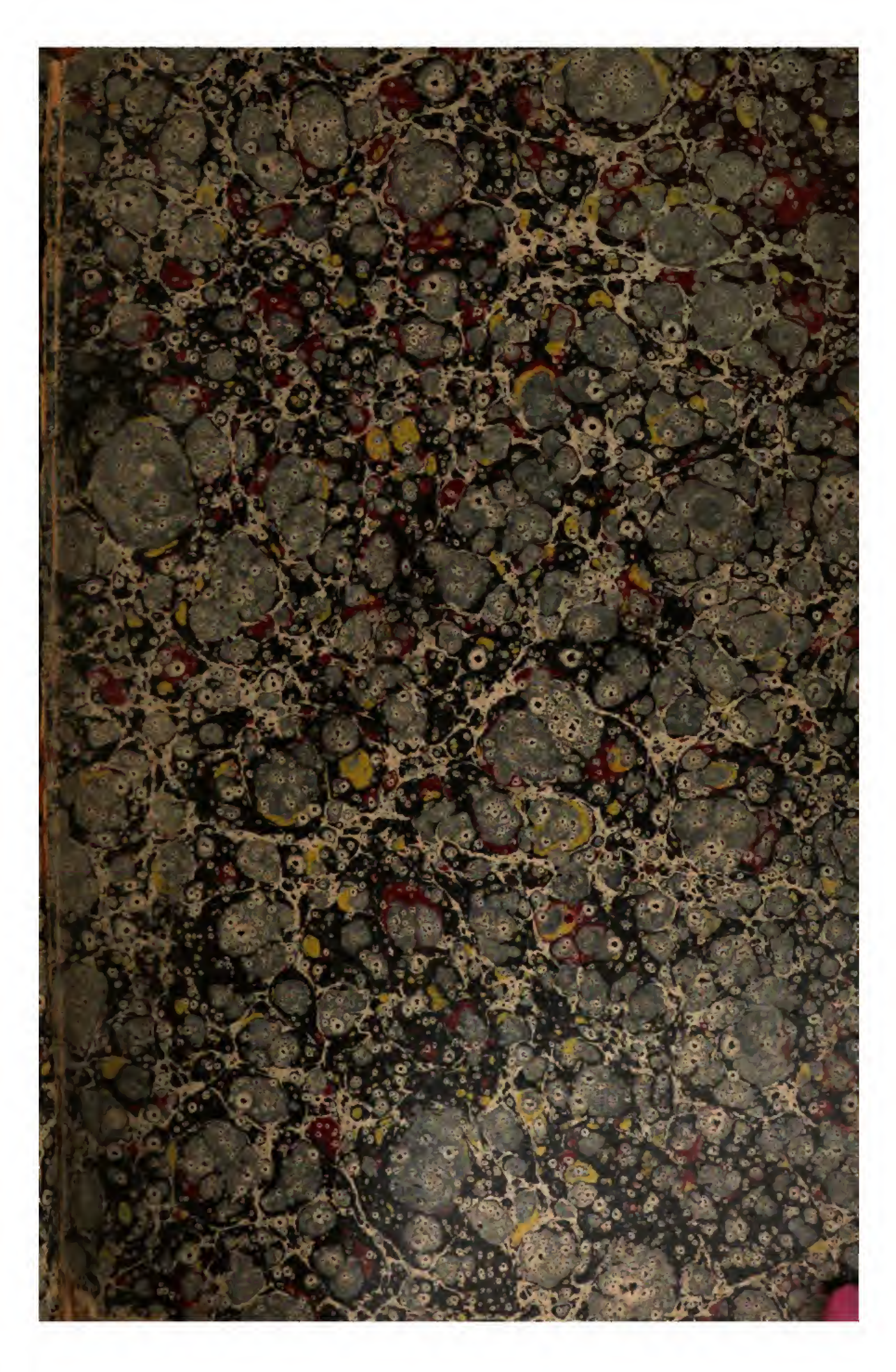

Slav 176 25
Bd. April, 1886.
VE RI TAS
Harvard College Library
FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
(Class of 1828).
Received 1 Aug. – 29 Aug. 1885.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.
ІЮЛЬ, 1885.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ IV.

ГОДЪ XLIX. — ТОМЪ CCLXXXVIII. — 1/13 іюля, 1885.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1885.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: *XVI стр.*

...изданія журнала „Вѣстника Европы" въ 1885 г., см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XLIX. — ТОМЪ CCLXXXVIII. — 1/13 ІЮЛЯ, 1885.

99-2
818

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ "ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1885

(1050)

ДОБРЫЕ ЛЮДИ.

Набросокъ изъ сельской жизни.

I.

Въ одно изъ помѣщичьихъ имѣній пріѣхалъ ученый управитель и повелъ хозяйство по новой системѣ. Съ той поры Трофиму Грязнову, проживавшему въ своемъ родномъ селѣ, по сосѣдству отъ этого имѣнія, сдѣлалось не по себѣ. На него „накрыло будто отъ порчи“, и молодой мужикъ, недавно женившійся, къ тому же не по „пристрасткѣ“, а по собственному выбору, мужикъ „съ виду совсѣмъ здоровый“, — началъ задумываться, молчать и по часту уходить изъ дома.

Повидимому, между такими событіями, вызвавшими безчисленное множество своеобразныхъ разговоровъ и предположеній, не могло существовать никакой связи; на самомъ же дѣлѣ оказалось, что именно пріѣздъ управителя и вводимыя имъ новости и произвели перемѣну въ характерѣ Трофима. Въ любознательномъ, пытливомъ мужикѣ пробудилось стремленіе къ подражанію, и въ головѣ его забродила идея. Долго мучился Трофимъ, не зная съ чего начать и за что взяться,—онъ жилъ нераздѣльно съ тремя старшими братьями, и хозяйствовали они всѣ вмѣстѣ на надѣльной землѣ, при общинномъ способѣ пользованія, а при такихъ условіяхъ, нововведенія оказывались невозможными;—наконецъ, Трофимъ рѣшился. Улучивъ время, явился онъ къ управителю и „выложилъ ему все напрямки“. Съ этого началось знакомство; управитель пыталъ Трофима всячески и убѣдившись, что онъ не изъ „зряшныхъ“, и что, при извѣстной выдержкѣ, изъ него можетъ выйти солидный сельскій хозяинъ, — взялъ его „на свои

руки", т.-е. подъ свое покровительство. Но сказалъ при этомъ Трофиму, что ему прежде всего необходимо учиться и работать. Трофимъ возразилъ, что онъ и безъ того работаетъ, не покладая рукъ, а что касается ученья — такъ онъ ужъ ученъ, въ земской школѣ три года пробылъ. Управитель похвалилъ его за то и другое, и все-таки настоялъ на своемъ предложеніи, объяснивъ, впрочемъ — какая теперь требуется отъ него наука и какой трудъ.

— Если можешь, приходи на работы ко мнѣ. Тогда ознакомишься съ новыми пріемами на практикѣ, а если въ чемъ затруднишься—скажи, я объясню.

Трофимъ началъ работать вдвойнѣ. Кончивъ свое домашнее дѣло, онъ шелъ въ помѣщичье имѣніе и работалъ тамъ. Всматривался, допытывался, разспрашивалъ и — понималъ какъ нельзя лучше. Управитель оставался доволенъ его успѣхами и ободрялъ на дальнѣйшій трудъ.

Съ этой стороны Трофиму улыбалась удача; но частыя отлучки его изъ дома влекли за собою упреки отъ старшихъ братьевъ, насмѣшки со стороны общественниковъ. Имъ, не понимавшимъ задушевныхъ желаній Трофима, страннымъ казалось, что мужикъ изъ богатаго дома и при томъ мужикъ „правильный", т.-е. не замѣченный прежде ни въ чемъ дурномъ, началъ отбиваться отъ дома и уходить на сторонніе заработки. Многіе изъ соболѣзнователей сокрушались сердечно и, покачивая опечаленными головами, со вздохами говорили:

— Теперь ужъ не жди добра: собьется съ панталыка какъ-разъ.

А жена старшаго брата, распоряжавшаяся въ семьѣ на правахъ полновластной хозяйки, нападала на Трофима еще рѣзче:

— Чего ты затѣялъ, образина твоя несуразная!—восклицала она: — у тебя вѣдь жена молодая; на кого ты ее покидаешь!.. Эхъ, упокойника родителя нѣтъ, онъ бы тебя отвадилъ по людямъ шляться!

Молчала одна Степанида, молодая жена Трофима, вполнѣ раздѣлявшая стремленія мужа; молчалъ и самъ Трофимъ. Оправдываться имъ было не въ чемъ, да ни къ чему и не привели бы оправданія — а это упорное молчаніе раздражало родныхъ еще больше. Для Трофима, помимо такихъ мелочей, достаточно было другихъ огорченій. Онъ, наравнѣ съ другими, видѣлъ результаты нововведеній управителя и понималъ, что многимъ изъ этихъ нововведеній возможно было бы позаимствоваться для крестьянскаго хозяйства, безъ особенныхъ затрудненій; но другіе, отмахиваясь руками, говорили только:

— Куда ужъ намъ! Съ посконнымъ-то рыломъ, да въ калашный рядъ!

Трофима не останавливали такія нападки. Онъ рѣшилъ,—что предпринять дальше; рѣшеніе его одобрилъ управитель, и Трофимъ, прекративъ всякіе разговоры объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, продолжалъ учиться.

Въ такой подготовкѣ, среди различныхъ непріятностей, прошло больше года. Ради осуществленія своего намѣренія, Трофимъ терпѣливо переносилъ нападки отъ родныхъ и насмѣшки отъ общественниковъ. Наконецъ, въ жизни его наступилъ великій день: ученый покровитель призналъ правоспособность ученика къ самостоятельному хозяйству, и Трофимъ—отдѣлился отъ братьевъ.

На міру заговорили.

— Отбился-таки!—торжественно возвѣщали нѣкоторые.

— А то чего же,—отвѣчали другіе:—онъ у нихъ совсѣмъ не въ родню, съизмалѣтства волкомъ смотритъ; словно выродокъ, прости Господи...

II.

Міръ отвелъ выродку клочекъ земли на южномъ концѣ села. Однако, ни Трофимъ, ни Степанида, не увлекавшіеся прелестями общественной жизни, не особенно огорчались удаленіемъ ихъ на „отшибиху". Отведенный новосельцамъ клочекъ оказывался очень удобнымъ для хозяйства, что для нихъ составляло особенную важность, а, кромѣ того, привлекалъ живописностью мѣстоположенія, веселилъ глазъ и давалъ прохладную тѣнь. Почти вплоть къ этому мѣсту отъ водяной мельницы купца Паршина подходилъ широкій прудъ, по берегамъ котораго росли ветлы и тальникъ, а по взгорью зеленѣла молодая поросль березника, пробившаяся словно на зло топору, уничтожившему предшественницу—старую рощу. Отлогій склонъ къ пруду и поляны въ перелѣскѣ покрылись темною муравою, по которой, словно цвѣты на коврѣ, разсыпались желтые, лиловые и пунсовые колокольчики. Словомъ—пріятный былъ уголокъ, веселый...

До переселенія Трофима — это былъ заброшенный пустырь, на которомъ сваливали навозъ; — не спроста же міръ наградилъ такимъ мѣстечкомъ „ученаго" выродка;—но въ дѣловыхъ рукахъ его пустырь измѣнился до неузнаваемости, и тотъ же навозъ, на который посадили Трофима какъ бы въ насмѣшку, послужилъ къ его пользѣ и выгодѣ. Трофимъ расчистилъ мѣсто, привелъ въ порядокъ, и съ слѣдующей же весны—все ожило, зацвѣло. Кра-

сивѣе и удобнѣе его усадьбы не находилось во всемъ селѣ; огороды, капустники и коноплянники оказались такими, какихъ не было ни у кого. Все это возбудило зависть выродкову „счастью“, возникли пересуды, разговоры.

— Кабы ежели такую усадьбу мнѣ,—говорилъ завистникъ:—такъ у меня бы что вышло? И уму непостижимо!

— Что и толковать, — вторили другіе: — валитъ счастье, а кому? Хоть бы человѣкъ былъ, а то... грѣхъ только одинъ, больше ничего!

По указаніямъ управителя, усадьбу распланировали какъ нельзя удобнѣе, избу поставили не большую, но щеголеватую, внутри такъ убрали, что мѣстный священникъ, молебствовавшій на новосельи у Трофима, поощрилъ его самымъ лестнымъ одобреніемъ, а бывшіе при томъ случаѣ гости изъ молодыхъ крестьянъ, товарищи хозяина по школѣ, назвали Трофима „щеголемъ“. Такъ онъ и получилъ два прозвища: „Щеголева“ — отъ молодыхъ общественниковъ и „выродка“ — отъ старшихъ.

А, между прочимъ, и тотъ случай, что Трофимъ справилъ новоселье въ средѣ молодыхъ товарищей, не пригласивъ „стариковъ“, записали тоже на его счетъ.

— Оченно не кстати учалъ носъ задирать,—говорили старики:—привернется еще и къ намъ.

Трофимъ разошелся съ братьями дружелюбно. Если и случались прежде размолвки по поводу отлучекъ на работы къ управителю, то разъ—безъ размолвокъ въ семьѣ обойтись невозможно, а во-вторыхъ, и сами братья были въ душѣ не противъ раздѣла, — слишкомъ ужъ тѣсно становилось жить въ одномъ дворѣ, и рано — поздно раздѣлъ былъ неизбѣженъ. По „божьему суду“, т.-е. по жребію, Трофимъ получилъ домашнее обзаведеніе, вполнѣ достаточное для самостоятельнаго хозяйства, и когда усадьба была устроена окончательно, когда все было размѣщено и водворено по своимъ мѣстамъ, Трофимъ съ Степанидою отправились въ старый домъ взять оттуда своихъ дѣтей, проститься съ родными, поклониться имъ въ ноги. На прощаньи старшій братъ благословилъ уходившихъ иконой, второй—хлѣбомъ и солью, третій—мѣшкомъ, наполненнымъ хлѣбными зернами. Сцена вышла трогательная, исполненная слезъ. Затѣмъ, Щеголевы, забравъ дѣтей, отправились къ себѣ, въ сопровожденіи всей родни. Мужчины несли „благословенье“, женщины подарки на новоселье—пѣтуха съ курицей, холсты, утиральники, платки.

Степанида была нервная женщина. Сцены разставанья произвели на нее сильное впечатлѣніе; сердце ея сжималось отъ грусти,

на душѣ тяготѣла тоска. Во всю дорогу она плакала и умоляла „сношельницъ“ не покидать ихъ—одиночекъ, не оставлять привѣтомъ и ласкою. Трофимъ, тоже очень взволнованный, шелъ молча, съ поникшею головою и крѣпко сжималъ въ рукахъ шляпу, въ которой таился крохотный узелокъ землицы съ родимаго двора...

На новосельѣ попили чайку, водочки, закусили чѣмъ Богъ послалъ и простились еще разъ.

Родные ушли; Степанида убирала со стола посуду, Трофимъ сидѣлъ въ задумчивости. Но вотъ онъ всталъ, махнулъ рукою, какъ бы отгоняя что-то непріятное и улыбнулся свѣтлою улыбкою человѣка, сознающаго самостоятельность собственнаго положенія.

— Ну, Стёша!—весело сказалъ онъ женѣ:—полно задумываться: будемъ теперь жить, поживать—добро наживать!

И Стёша повеселѣла.

Съ глазъ ея словно повязка упала. Она, своими руками устроивавшая новое жилище, будто сейчасъ только поняла свое новое положеніе и увѣровала въ дѣйствительность совершившейся перемѣны. Счастливая и довольная Степанида, съ мужемъ и дѣтьми вышли на дворъ, еще разъ осмотрѣли усадьбу, огороды, палисадникъ, конопляники, — вездѣ все привѣтливо зеленѣло и радовало сердце; пошли въ перелѣсокъ, дѣти нарвали тамъ полныя руки цвѣтовъ; спустились къ пруду, въ которомъ весело играла рыба: повсюду природа, освѣщенная яркими лучами солнца, будто привѣтствовала новосельцевъ, суля имъ покой, счастье, изобиліе. И съ теплымъ чувствомъ на душѣ возвратились они въ домъ...

III.

Характеристика Трофима выйдетъ не полною, если не сказать, что руководили имъ не одни хозяйственные разсчеты. Для его здраваго ума не могли не представлять особеннаго интереса и „общественныя“ дѣла. Ему не рѣдко приходилось обдумывать различныя мѣры, посредствомъ которыхъ надѣялся онъ уладить все къ общей пользѣ; онъ видѣлъ, какая неурядица господствовала въ мірскихъ дѣлахъ, и какъ общество путалось въ такой неурядицѣ, не имѣя силъ освободиться изъ нея. Міромъ верховодили три „живоглота“ [1])—Шалуновъ, Озарниковъ, Игрунчиковъ. По своему вліянію на общественныя дѣла, они назывались „стариками“, хотя по лѣтамъ и далеки были отъ старости. Старики эти

---

[1]) „Живоглотъ“—міроѣдъ, способный проглотить однообщественника „живымъ“.

отличались вполнѣ міроѣдской закваской, во всемъ преслѣдовали личный интересъ и каждое общественное дѣло старались завершить такъ, чтобы извлечь выгоду для себя. Большинство крестьянъ предъ ними, можно сказать, трепетало, изображая собою безсловесное, послушное стадо; оно было опутано неоплатными долгами, оно боялось мщенія, такъ какъ хорошо знало, что „верховодцы“ способны вредить, не задумываясь, не размышляя,—по вдохновенію, такъ сказать.

Трофимъ ни по складу ума, ни по характеру, не могъ выносить подобнаго порядка вещей. Не высказываясь открыто, ни чѣмъ не выражая протеста, онъ въ душѣ печаловался объ участи опутанныхъ крестьянъ и скорбѣлъ надъ безвыходностью ихъ положенія. Съ такими твердыми правилами и трезвымъ взглядомъ на дѣло, какими обладалъ Трофимъ, ему можно было выступить на самостоятельную дѣятельность — и въ качествѣ образцоваго хозяина, въ роли безпристрастнаго защитника общественныхъ интересовъ; и вотъ, чтобы пріобрѣсти бо́льшую независимость, онъ, отдѣлившись отъ братьевъ, началъ съ того, что уступилъ имъ свой душевой надѣлъ, а для себя снялъ маленькій участокъ въ имѣніи купца Паршина, которое подходило почти вплоть къ усадьбѣ Щеголева.

Хозяйственныя дѣла Трофима шли успѣшно. Точно по волшебству какому, въ дому его росло, прибывало, множилось. Онъ не въ силахъ ужъ былъ управляться съ хозяйствомъ одинъ и на лѣтнее время началъ нанимать работниковъ, а Степанидѣ помогала давнишняя ея пріятельница, подруга дѣтства Ѳедосья,— забитое судьбою и загнанное міромъ существо.

Ѳедосья была замужемъ за крестьяниномъ того же села, товащемъ Трофима по школѣ, но прожила съ нимъ всего годъ, а затѣмъ онъ, по жребію, поступилъ въ военную службу, изъ которой ужъ не возвратился. Оставшись одинокою, бездѣтною вдовою, Ѳедосья пропитывала себя вязаньемъ на людей чулокъ, варежекъ, и т. п. трудомъ; при своемъ углѣ, „осирой вдовицѣ“ доставало, но въ одно прекрасное утро, имущество ея, т.-е. избу со всѣмъ скарбомъ, корову и пр., міръ отсудилъ мужниной роднѣ. Послѣ такого „праведнаго“ рѣшенія, Ѳедосья осталась „въ чемъ была“; словно послѣ пожара, не знала, гдѣ приклонить голову и вела жизнь птицы небесной. По старой дружбѣ къ Щеголевымъ, она ютилась больше всего у нихъ.

Отчужденіемъ имущества Ѳедосьи руководили все тѣ же старики — Шалуновъ, Озарниковъ и Игрунчиковъ, задаренные и запоенные мужниной роднею солдатской вдовы. Это было первое

серьезное дѣло, въ которомъ Трофимъ отважно выступилъ на защиту Ѳедосьи, обнаружилъ предъ всѣмъ сходомъ свою игру. Большинство рѣшило дѣло по желанію „стариковъ“, Трофимъ навлекъ на себя неудовольствіе и весьма не двусмысленныя насмѣшки. Но тѣмъ не менѣе, старики видѣли, что меньшинство схватилось за Трофима, какъ за силу, и дружно примкнуло къ нему. Яснымъ казалось, что съ этого времени Щеголевъ долженъ стать во главѣ оппозиціи, что самовластіе „стариковъ“ натолкнулось на препятствіе: и достопочтенный тріумвиратъ объявилъ Трофиму жестокую войну, вожакомъ которой былъ Шалуновъ.

IV.

Погода стояла необыкновенно знойная; хлѣбà созрѣли ранѣе срока и притомъ всѣ разомъ—и озимые, и яровые; опасенія, что хлѣбъ перестоится на корню и начнетъ осыпаться, вынуждали спѣшить уборкой. Крестьяне изнемогали на полевыхъ работахъ, стараясь захватить хлѣбъ во-время; 16-ть часовъ дневного труда, подъ жгучими лучами солнца, въ согнутомъ положеніи! Думать объ отдыхѣ было некогда, у всѣхъ въ головѣ стояла одна мысль, что текущій „день кормитъ годъ“, и потому многіе, пользуясь луннымъ свѣтомъ, продолжали работы на всю ночь... Ночью, въ прохладѣ, работается спорѣе.

Во время такой-то великой „страды“ нахлынуло бѣдствіе, которое по справедливости считается величайшимъ бичемъ для народнаго благосостоянія и сельскаго хозяйства,—въ крестьянскихъ стадахъ появилась чума. Эпизоотія не обходила никого, всѣ словно дань платили ей и свозили съ дворовъ трупъ за трупомъ, крестьяне доходили до отчаянія и не знали—чтó дѣлать, чѣмъ помочь бѣдѣ? Трофимъ выступилъ съ предложеніемъ о необходимости мѣръ оздоровленія, но его и слушать не хотѣли. По правдѣ-то сказать, въ страдную пору вовсе не до того, и крестьяне хорошо видѣли, что изъ двухъ золъ приходилось выбирать одно которое-нибудь: или ухаживать за скотомъ и бросить въ поляхъ хлѣбъ, уже осыпàвшійся, или, наоборотъ,—спѣшить уборкой хлѣба и покинуть на произволъ судьбы скотъ. Они выбрали послѣднее и—скотъ падалъ...

Чума миновала Щеголева, не похитивъ съ его двора ни одной „животины“. Произошло это, вѣроятно, вслѣдствіе изолированности усадьбы и участка, на которомъ пасся его скотъ; однако, же такой простой случай получилъ совершенно другое объясненіе,

столько же необыкновенное, сколько и неожиданное: по селу пошелъ слухъ, что Трофимъ „знаетъ слово"...

Но судьба щадила Трофима отъ падежа будто для того только, чтобы нанести ему болѣе жестокій ударъ. Умерла Степанида, пораженная на жнитвѣ солнечнымъ ударомъ!..

Смерть жены, самая внезапность ея, потрясли Трофима невыразимо. Имъ овладѣлъ ужасъ, какое-то отвращеніе къ собственному дому, который казался ему пустыней. А въ домѣ, какъ нарочно, все процвѣтало и радовало глазъ избыткомъ и довольствомъ. Трофимъ, еще такъ недавно любовавшійся своимъ хозяйствомъ, смотрѣлъ теперь на все холоднымъ, безучастнымъ взглядомъ; онъ превратился въ автомата, исполнявшаго аккуратно, что требовалось, но относившагося ко всему равнодушно. Всѣ его мысли сосредоточились на одномъ предметѣ—на внезапной смерти жены, и дальше этого онъ ничего не видѣлъ, не сознавалъ. Онъ продолжалъ работать и—не находилъ въ работѣ ни успокоенія, ни отрады: подруги, дѣлившей съ нимъ всѣ труды, не было около него... Тоска не отступала. Куда бы онъ ни пошелъ, на что бы ни взглянулъ,—все, каждый предметъ, каждая бездѣлица напоминали о Степанидѣ; только не видѣлось ея. Не видѣлось той, которая несомнѣнно вѣровала въ его силу, раздѣляла каждую его мысль, поддерживала во всякомъ начинаніи. Среди цѣлаго моря людской злобы и ненависти, Степанида являлась спасительною пристанью, укрывавшею его отъ бурь и непогоды и—пристань эта исчезла!..

Трофимъ исхудалъ, потемнѣлъ какъ-то, сдѣлался мрачнымъ. Хозяйствовавшая теперь въ его домѣ, Ѳедосья изъ всѣхъ силъ старалась успокоить опечаленнаго вдовца; навѣщали его также родные, священникъ, управитель, школьные товарищи. Но Трофимъ словно застылъ на одномъ; участіе друзей не облегчало горя, больная душа его слышала и понимала слова утѣшенія, но откликнуться на нихъ не могла, не находила силъ.

Такое состояніе не могло быть продолжительнымъ; оно должно было разрѣшиться чѣмъ-нибудь особеннымъ.

Однажды вечеромъ, возвратясь съ поля, Трофимъ только-что вошелъ въ свою избу, какъ услышалъ тихій плачъ. Плакали его дѣти. Въ полутьмѣ онъ разсмотрѣлъ, что дѣти были одни; всѣ трое, сидѣли они на кровати, прижавшись въ уголокъ и плакали...

Трофимъ пріостановился.

— Тятя, тятя! — послышались дѣтскіе голоса: — дай намъ маму!..

Трофимъ дрогнулъ. Безсильно опустился онъ на кровать къ дѣтямъ и—зарыдалъ!.. Зарыдалъ... „мужикъ“!

Это были первыя слезы со смерти жены; благодатныя и спасительныя слезы, облегчившія его душевныя страданія...

V.

Характеръ Трофима замѣтно измѣнился. Не было прежней бойкости и рѣзкости. Тихая задумчивость проступала во взглядѣ, въ чертахъ его лица, въ движеніяхъ. Онъ будто ушелъ въ себя, въ свои думы, дѣлиться которыми ни съ кѣмъ не желалъ. Образъ жизни его тоже измѣнился. Удерживать въ своемъ домѣ Ѳедосью счелъ онъ неудобнымъ и остался съ дѣтьми да съ однимъ работникомъ. Теперь всѣ заботы, всѣ душевныя чувства Трофима сосредоточились на дѣтяхъ; молчаливый со всѣми,—съ дѣтьми онъ былъ разговорчивъ, ласковъ и нѣженъ. Установился порядокъ въ домѣ, и жизнь потекла правильно. Трофимъ и работникъ встанутъ съ пѣтухами, уберутъ скотину, накормятъ птицу, истопятъ печь, „устряпаются“ и разбудятъ дѣтей. Умоютъ, одѣнутъ ихъ, позавтракаютъ и отправятся всѣ вмѣстѣ или на огородъ, или на гумно. Трофимъ съ работникомъ заняты дѣломъ, дѣти копошатся около нихъ. Семилѣтній „большакъ“ Ванюша, старается помогать въ работѣ, погодокъ его Миша тоже не прочь поработать, но часто отвлекается игрою съ Машей, младшею сестренкой; кстати же отецъ свертѣлъ ей изъ разныхъ тряпокъ такую большую куклу, малость поменьше самой Маши, и кукла такая нарядная, вся въ разноцвѣтномъ одѣяніи, точь въ точь цѣловальничиха въ праздничный день. Играютъ съ ней дѣти около хлѣбнаго омета, а наигравшись, устроютъ изъ соломы мягкую постель, положатъ куклу спать и, глядишь, сами заснутъ около нея.

Работаетъ Трофимъ прилежно; но вдругъ что-то мелькнетъ въ его мысли; руки опустятся, и онъ стоитъ съ поникшею головою. Вскрикнетъ который-нибудь изъ дѣтей. Трофимъ взглянетъ на нихъ сначала какъ-то туманно, а потомъ улыбнется, перекинется съ ними лаской; будто полегче ему станетъ, и работа вновь закипитъ въ его рукахъ.

Придутъ съ гумна домой, пообѣдаютъ, а тамъ опять за работу. Такъ и проведутъ день.

Вечеромъ, послѣ ужина, дѣти и работникъ лягутъ спать, а Трофимъ откроетъ „укладку“ и пересмотритъ свое и дѣтское бѣлье — все ли крѣпко, не требуетъ ли починки? И, если что

расхудилось, сейчасъ же присядетъ у стола, поближе къ свѣту, и начнетъ прилаживать аляповатую заплату. Теперь Трофимъ почти все дѣлалъ самъ, съ помощью работника, и только хлѣбы печь, да бѣлье стирать отдавалъ въ люди.

Къ тому времени, когда наступила глубокая осень съ длинными вечерами, когда ненастье и холодъ гнали всѣхъ въ избу и съ тепломъ ея разставались не охотно, у Трофима была въ запасѣ для дѣтей новая утѣха—книжки съ картинками. Книжекъ такихъ накупилъ онъ цѣлую вязку въ городѣ, когда отвозилъ хлѣбъ на продажу, и теперь, за прекращеніемъ всѣхъ земледѣльческихъ работъ, занялся чтеніемъ. Какъ только стемнѣетъ, Трофимъ закроетъ окна ставнями, зажжетъ керосиновую лампу и прежде всего накормитъ семью ужиномъ, а потомъ усадитъ дѣтей на кровать и начнетъ читать имъ какую-нибудь „занятную“ книжку, объясняя значеніе картинокъ. Убаюканные монотоннымъ чтеніемъ, дѣти засыпали покойно и тихо; работникъ тоже укладывался спать, а Трофимъ принимался за обычное рукодѣлье, за починку бѣлья, и когда наступалъ часъ его успокоенія, приставлялъ къ дѣтской кровати скамью, постилалъ на ней кошму и ложился въ ногахъ у дѣтей.

VI.

Страннымъ покажется, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ было такъ: настоящее положеніе Щеголева больше, нежели другихъ, интересовало злѣйшаго его врага—Шалунова.

Антонъ Максимычъ Шалуновъ, разумѣется, не навѣщалъ Щеголева, онъ избѣгалъ даже встрѣчъ съ нимъ; но несмотря на это, собиралъ о немъ подробныя свѣденія, которыя, какъ и слѣдовало ожидать, доходили всегда въ искаженномъ видѣ, далекомъ отъ правды.

Внимательное наблюденіе за Щеголевымъ объяснялось своими причинами.

Общественная дѣятельность Трофима Осипыча опредѣлилась довольно ясно. Направленіе ея, не понравившееся Шалунову съ самаго начала, принимало теперь угрожающій для него характеръ. Авторитетъ Трофима, въ средѣ его небольшой партіи, росъ съ каждымъ сельскимъ сходомъ. Сколько ни подкапывались противники, отыскивая въ поступкахъ Щеголева какія-нибудь неблаговидныя цѣли, но ничего не находили и втихомолку сознавались въ чистотѣ его намѣреній, въ его безкорыстіи; они видѣли,

что онъ бьется на сходахъ и навлекаетъ на себя массу непріятностей, не ради корысти, не изъ личныхъ выгодъ, и что въ сущности вся его вина заключалась въ излишней горячности, въ рѣзкости пріемовъ, въ неумѣніи вести дѣло терпѣливымъ, политичнымъ путемъ. Такое сознаніе увеличивало партію Щеголева, и въ рядахъ ея начали уже показываться перебѣжчики изъ противнаго лагеря. Обстоятельство такого рода не могло не тревожить Шалунова; необходимо было принять мѣры, пока Щеголевъ не укрѣпился. Положимъ, „изничтожить“ его хотя и трудно, но все-таки возможно; стоитъ лишь сочинить какой-нибудь уголовный случай, и человѣкъ попался; но разъ, со Щеголевымъ надо быть все-таки осторожнымъ, а во-вторыхъ, еслибы даже и удался такой случай,—неизвѣстно еще какъ взглянетъ на погибель Щеголева міръ. Легко можетъ быть, и даже не можетъ быть, а несомнѣнно, что общество заподозритъ Шалунова въ трусости, въ томъ, что онъ убоялся ученаго выродка и поспѣшилъ убрать его съ дороги. Гордость Шалунова не могла допустить подобныхъ подозрѣній, тѣмъ болѣе, что при такихъ условіяхъ онъ ничего не выигрывалъ. Шалуновъ и прежде, и лучше другихъ оцѣнивалъ способности Щеголева, и ему казалось, что Трофимъ поступаетъ такъ, а не иначе, единственно потому, что его некому направить „на настоящую дорогу“. Если его взять „въ хорошія руки“ и растолковать суть, то изъ него вышелъ бы такой человѣкъ, руками котораго Шалуновъ могъ бы совершить въ міру великія дѣла. Щеголевъ—это совсѣмъ не то, что настоящіе помощники Шалунова—Озарниковъ и Игрунчиковъ; нѣтъ, онъ—сила! Однако же, какъ воспользоваться такой силой, какъ повернуть ее задомъ на передъ и завлечь въ свои сѣти? Понятно, объ уголовщинѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи; остается одно „средствіе“—подходы окольными путями и подвохи. Кстати же по поводу чумы бродятъ слухи о томъ, что Трофимъ „знаетъ слово“. На этомъ и нужно остановиться; раздуть слухъ съ гору, прибавить еще кое-что, выставить Щеголева человѣкомъ сомнительнымъ, подорвать къ нему довѣріе крестьянъ, и когда онъ будетъ всѣми оставленъ и покинутъ, довести до того, чтобы онъ самъ „спокаялся и запросилъ у Шалунова пардона!“ Тогда и наступитъ полное торжество.

Такого рода соображенія осаждали Антона Максимыча до потери покоя, до того, что онъ началъ забываться и высказывать ихъ въ слухъ. Вотъ и теперь сидѣлъ онъ въ своемъ пространномъ домѣ и тоже громко разсуждалъ:

— Трофимъ норовитъ стать мнѣ поперегъ горла; оглашенный! Да нѝшто это возможно? Я, братъ, не подавлюсь, — про-

глочу!.. Я вижу: тебя разбираетъ охота заграбастать въ свои руки побольше, а какъ это сдѣлать—не домекнешься; изъ-за того и на міру смутьянишь... Самъ на сходку выходитъ. Эко удивитъ чѣмъ вздумалъ! А ты, прежде, чѣмъ совать туда свой носъ, спросилъ бы: ходятъ ли, молъ, „умственные" люди на сходъ? Тебѣ бы и сказали: нѣтъ! Потому — за нихъ тамъ припѣвающіе орудуютъ. А ты вотъ во всякую петлю свою голову суешь! Дурачокъ—одно слово!..

Шалуновъ подумалъ и, немного спустя, заговорилъ опять.

— А еслибы прибрать тебя къ своимъ рукамъ, а?.. Вышелъ бы прокъ! Не отыскать мнѣ сподручнѣе тебя человѣка!.. Ты еще младъ, не наторился, не знаешь гдѣ счастье сыскивать, а попадешь въ мои руки—я тебѣ укажу... Шальной!.. Плуговъ какихъ-то накупилъ, вѣялокъ, по-полсотнѣ монетъ бросалъ за нихъ. Вѣтрогонъ! Не понимаешь того, что тебѣ и вспашутъ, и посѣютъ, и уберутъ—все сдѣлаютъ за красненькую, умѣй только расположиться съ нею... Хорохоришься на сходѣ и думаешь, что дѣло дѣлаешь? Нѣтъ, Трофимъ Осипычъ, настоящее-то дѣло здѣсь, у меня! Подь ко мнѣ, милый, тогда и увидишь, чего мы смогимъ натворить! Общество лежи смирно, а мы съ тобой, дурашка, учали бы похаживать да шерстку съ него постригивать! И какъ все это у насъ выйдетъ мило и прикрасно! Ха-ха-ха! Да; переходи ко мнѣ, Трофимушка! Тогда мы всѣхъ пріятелей по шапкѣ, и останемся вдвоемъ: ты да я, я да ты! Эхъ, вотъ чудотвореніе-то произойдетъ—ошалѣютъ всѣ! Эй-эй!..

Представившаяся Шалунову картина захватила дыханіе. Онъ вышелъ на крыльцо, и когда его обдуло нѣсколько вѣтромъ, возвратился въ избу.

Пройдясь по горницѣ, онъ подошелъ къ „присврынкѣ", придѣланной къ стѣнѣ, отворилъ дверцы и выпилъ стаканъ водки. Ужасная гримаса исказила его красное, заплывшее жиромъ, лицо; узенькіе глаза зажмурились совсѣмъ, по всему тѣлу пробѣжала дрожь. Замѣтно было, что вчерашнимъ вечеромъ Шалуновъ съ компаніей „опивалъ" кого-либо изъ общественниковъ.

Закусивъ хлѣбомъ съ солью, Антонъ сѣлъ за столъ и сложилъ на немъ дрожавшія руки.

По какому же это случаю пробудилось въ немъ желаніе привлечь на свою сторону Трофима? Что́ именно натолкнуло его на такую мысль?.. Да все то же неожиданное вдовство Щеголева. У Шалунова давно ужъ засидѣлась дочь Татьяна. Родниться съ какимъ-нибудь бездомникомъ не допускало самолюбіе, а состоятельные женихи сами избѣгали связи съ Шалуновымъ; такъ дѣвка

и заматорѣла. Теперь открывался превосходный случай однимъ ходомъ выиграть двѣ партіи: устроить дочь и посредствомъ такой комбинаціи не только обезоружить опаснаго соперника, а напротивъ—склонить его на свою сторону и сдѣлать орудіемъ въ своихъ рукахъ. Главнѣе всего желалось послѣдняго, а дочь являлась тутъ не больше какъ средствомъ для достиженія личныхъ цѣлей.

Однако же, и въ настоящемъ, очень важномъ для Шалунова случаѣ, онъ устранялъ себя отъ непосредственнаго участія и предпочелъ дѣйствовать такъ, какъ ворочалъ и другими мірскими дѣлами, т.-е. окольными путями, оставаясь самъ будто бы въ сторонѣ.

Установивъ такое рѣшеніе, Шалуновъ крикнулъ:

— Мароа! Ты здѣсь, что-ли?

— Здѣсь!—отозвался изъ-за перегородки писклывый голосъ.

— Подь сюда!

Въ дверяхъ показалось преждевременно состарѣвшееся, изсохшее и сморщенное существо, съ обликомъ хищной птицы. Это и была Мароа, жена Шалунова.

— Желаю говорить съ тобой, — благоволительно объявилъ супругъ.

— Мароа присѣла на лавку.

— Ты на счетъ Щеголева, что думаешь?—спросилъ Шалуновъ.

— Чего мнѣ о немъ думать; онъ мнѣ не родня...

— Дурища! — обрѣзалъ Шалуновъ; — развѣ о роднѣ только думаютъ? И мнѣ онъ тоже съ бока-припека, а я вотъ думаю же о немъ!..

— Думать-то и я думаю, Антонъ Максимычъ, — поспѣшила поправиться жена;—но... такъ только...

— Такъ только! Ты мнѣ въ доподлинности изъясни: чего ты о немъ думаешь?

— Такъ... Сижу этакъ-то къ примѣру и думаю, между прочимъ: Трофимушка, молъ, выродокъ, отъ сродственниковъ отбился, жену уморилъ, съ нечистыми знается...

— Цыцъ! — закричалъ Антонъ Максимовичъ, стукнувъ по столу:—не моги! Не въ линію отвѣтъ держишь!

Мароа умолкла, не понимая въ чемъ дѣло. Она желала угодить мужу, а вышло вонъ-что.

— Глупа становлюсь,—оправдалась она черезъ минуту.

— Мало я тебя билъ, оттого и глупа,—объяснилъ супругъ...— Вамъ съ дочкой-то только бы жрать, да выпяливаться, а объ

настоящемъ дѣлѣ подумать—на это у васъ не хватаетъ сметки. За все, про все—отецъ отдувайся.

— Ума не приложу, Антонъ Максимычъ,—промолвила жена: —растолкуй!

Шалуновъ не разгнѣвался на такую просьбу. Драться онъ теперь расположенъ не былъ, такъ какъ, по его соображеніямъ, времени терять не слѣдовало.

— Подь къ прискрынкѣ,—мирно сказалъ онъ женѣ:—хлыстни стакашекъ, авось ума-то прибудетъ... Да не забудь поднести мнѣ.

Супруги выпили.

— Такъ не понимаешь?—спросилъ Шалуновъ, отирая ладонью усы и бороду.

— Гдѣ мнѣ понимать тебя, Антонъ Максимычъ? Ты, одно слово—голова.

— Гм... Голова и есть, не твоей чета,—увѣренно произнесъ онъ и затѣмъ вдругъ спросилъ:—дочери-то кой годокъ подходитъ?

— Чего и сказывать... срамота одна!

— А-а! Застыдилась! То-то... Ну, а ежели ее за Щеголева замужъ выдать?

Марѳа остолбенѣла. Услышать подобный вопросъ отъ мужа она вовсе не ожидала и, застигнутая въ расплохъ, не знала, что сказать.

— Аль испужалась?.. Ха-ха-ха!

— Какъ же это такъ,—въ недоумѣніи спрашивала Марѳа:— выдать Татьяну за твоего супостата?

— Да; выдать и слѣдуетъ! Тогда онъ и супостатомъ не будетъ.

— Засылалъ, значитъ, къ тебѣ?—полюбопытствовала Марѳа.

— Ну... объ этомъ послѣ... Намъ самимъ надо постараться подвести такую механику, чтобы онъ поторопился... Понимаешь?

— Та-а-къ,—протянула Марѳа.

— Надо быть—такъ, если я говорю... Такъ вотъ что: орудуйте вы съ Татьяной этимъ дѣломъ. Позовите Матренку; она по этой части ходокъ-баба... Посулите ей за хлопоты, не скаредничайте; куйте желѣзо — пока горячо!.. Такъ орудуйте; а я пойду, мнѣ не-коли...

Шалуновъ выпилъ на дорожку „посошокъ“ и ушелъ изъ дома.

VII.

На задворкахъ у крестьянина Кострпгина, принадлежавшаго къ Шалуновской партіи—„шалуновца“, по выраженію крестьянъ, —стояло четыре маленькихъ, но чрезвычайно опрятныхъ съ вида избенки, называвшіяся „кельями“. Расположенныя въ рядъ, надъ береговымъ склономъ, поближе къ „благодати“, т.-е. къ водѣ, чистенькія кельи и принадлежавшія къ нимъ надворныя постройки, отличавшіяся тоже миніатюрностью масштаба и опрятностію, утопали въ зелени выхоженныхъ плодовыхъ деревцовъ и кустарниковъ, а яркая пестрядь цвѣтовъ, посѣянныхъ и въ палисадникахъ, и на огородахъ, и на каждой свободной пяди земли—придавали этому монастырьку еще бо́льшую прелесть. Обитали въ кельяхъ, спасая свои „душеньки“, такъ называемыя келейницы, контингентъ которыхъ составляли „осирыя вдовицы“, а также отбившіяся отъ семьи и хозяйства „дѣвицы“. Проводя жизнь въ убожествѣ и духовной нищетѣ, келейницы считали своею обязанностію возводить очи горѣ, вздыхать, сокрушаться о мірской суетѣ и проливать по этому поводу потоки слезъ. Хотя все это несовсѣмъ согласовалось съ ихъ изысканнымъ въ своемъ родѣ нарядомъ, съ ихъ упитанными тѣлесами и смазливыми физіономіями, въ которыхъ жизнь и здоровье кипѣли ключемъ, съ ихъ полными, какъ наливное яблоко, щеками, покрытыми густымъ румянцемъ даже до „зазора“, наконецъ, съ ихъ ясными очами съ поволокою;—но, разъ вступивъ на такой путь сокрушенія и печали, онѣ не считали нужнымъ мѣнять его на что-либо другое; напротивъ—онѣ словно боялись перемѣны и крѣпко держались на душеспасительной стезѣ.

На самомъ дѣлѣ, внѣшнюю чистоту соблюдали онѣ строго и жили очень опрятно. Въ кельяхъ у нихъ, отъ пола и до потолка, все блестѣло, все было такъ старательно прибрано, точно къ свѣтлому празднику. Во всю величину передняго угла большой росписной кіотъ, съ пышными кисейными занавѣсями, обшитыми оборочками и плетеными кружевцами. Одна половина занавѣси подобрана бантомъ изъ розовыхъ лентъ, другая—изъ голубыхъ. Въ кіотѣ множество иконъ, убранныхъ со вкусомъ и красиво—освященными вербами и живыми цвѣтами; на иконахъ ризы изъ блестящей фольги, отражавшей сіяніе „неугасимой“ лампады; предъ кіотомъ складной кожаный аналой, съ священными на немъ книгами; въ нижнемъ отдѣленіи кіота хранятся: деревянное масло, свѣчи воска непремѣнно „яраго“, т.-е. желтаго, кожаныя

лѣстовки и небольшія подушечки, квадратной формы, стеганыя на ватѣ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ разныхъ матерій. Подушечки эти подбрасываются на полъ во время „земного метанія“, дабы не касаться перстами, а паче всего ликомъ къ полу. Въ другомъ углу большая, окрашенная въ коричневую краску кровать. На ней громаднѣйшій пуховикъ и нѣсколько большихъ тоже пуховыхъ подушекъ, въ ситцевыхъ наволочкахъ съ оборочками; пуховикъ накрытъ одѣяломъ, выстеганнымъ, какъ и метальники, изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Ложе это, на которомъ скорбныя матери и сокрушающіяся сестры измозжаютъ свою бренную плоть, задернуто, отъ глазу лихого человѣка, большимъ ситцевымъ пологомъ, тоже обшитымъ неизбѣжными оборками. Третій уголъ занятъ подтопкомъ, выведеннымъ отъ кухонной печи; на подтопкѣ, представляющемъ длинную лежанку, обитательницы грѣютъ свои ноющія отъ трудовъ праведныхъ кости, а въ сумерки озаряемыя таинственнымъ полусвѣтомъ неугасимой, любятъ посидѣть на ней и „для души спасенія“ послушать усладительную бесѣду наставницы-матери. Въ шкафчикѣ за стеклами чайная посуда; на поставцѣ, о-бокъ съ нимъ, самоваръ, вычищенный до блеска и накрытый чехломъ. У оконъ, заставленныхъ горшками съ цвѣтущими растеніями, бѣлыя коленкоровыя занавѣски. Словомъ—куда ни взглянешь, вездѣ занавѣски, однѣ—ради убранства, другія—ради сокрытія грѣховной немощи избранницъ не отъ міра сего...

На келейныхъ дворикахъ тоже и чистота, и порядокъ. Хлѣвушки и закутки, для грѣха отъ несчастнаго случая, обмазаны глиной, а для прикрасы — окрашены въ красноватый цвѣтъ. Около нихъ мирно пощипываютъ травку коровки, телочки, овечки, гладкія, съ лоснящеюся шерстью; тутъ же лѣниво переваливаются съ ноги на ногу жирно раскормленные гуськи, уточки, курочки. Псовъ, какъ тварь нечистую, не держутъ: но кошекъ имѣютъ много, потому собственно, что кошку даже и въ храмъ пускаютъ.

Келейницы не сѣютъ, не жнутъ; но житница ихъ ломится отъ преизбытковъ. И вся эта благодать притекаетъ отъ доброхотныхъ дателей и составляется изъ тѣхъ крупицъ, которыя перепадаютъ келейницамъ отъ почитателей добродѣтельнаго ихъ житія.

Старицы и обрекшія себя безбрачію дѣвицы храмъ Господень посѣщаютъ усердно и становятся всегда „на своемъ“ мѣстѣ—у стѣны, противоположной лѣвому клиросу; чтобы не смущаться мірскою суетою—смотрятъ долу, хотя изъ тѣхъ пересудъ, которыя происходятъ по возвращеніи домой, оказывается, что они

видѣли всѣхъ прекрасно и замѣтили все до мельчайшихъ подробностей. Когда онѣ успѣваютъ дѣлать такія наблюденія—неизвѣстно, такъ какъ, находясь въ церкви, молятся съ чрезмѣрнымъ усердіемъ и службу слушаютъ внимательно, повторяя всѣ возгласы и подпѣвая клиру „тихими гласами“... Изъ дома, въ міръ, выходятъ въ обыкновенномъ платьѣ; но въ кельяхъ, когда наступаютъ часы стенаній и молитвенныхъ бдѣній—за отсутствіемъ собственныхъ—о чужихъ грѣхахъ, надѣваютъ сарафаны темнаго цвѣту съ бѣлыми рукавами. Бабѣ и дѣвкѣ стоять на молитвѣ „простоволосою“, т.-е. съ непокрытою головою, не подобаетъ и потому мірскія молитвенницы накрываютъ свои головы черными платками съ бѣлыми каемочками по краямъ и зашпиливаютъ платки такъ, что изъ нихъ едва выставляются глаза. носъ и губы. Очередная келейница становится къ аналою и начинаетъ пѣвучимъ, заунывнымъ голосомъ протяжное чтеніе, остальные съ лѣстовками и метальниками слушаютъ и, въ потребныхъ случаяхъ, творятъ поклоны. Послѣ чтенія пропоютъ „псальму“ или какую нибудь священную стихиру. Пѣніе онѣ любятъ и увлекаются имъ до того, что не рѣдко отъ священныхъ стиховъ переходятъ къ апокрифическимъ, а тамъ уже не далеко и до болѣе веселыхъ мотивовъ... Въ это время келейницы, одна по одной, начинаютъ поминутно выбѣгать въ чуланчикъ, что въ сѣняхъ, и возвращаясь оттуда, какъ-то странно поджимаютъ губки и прикашливаютъ не иначе, какъ „прикрывая уста ладонкой“. Глазки ихъ почему-то дѣлаются влажными, лица горятъ, виднѣются улыбки... Вскорѣ затѣмъ слышится не сдерживаемый смѣхъ, говоръ и „нощное бдѣніе“ оканчивается плясовою:

„По сусѣнцамъ я, затворница, пройду
Монашенца молодого тамъ найду“...

Такъ поживали „келейницы“, подвизаясь въ трудахъ непорочныхъ и душеспасительныхъ. Къ первымъ относились шитье, стежка одѣялъ, плетенье кружевъ, вязанье чулокъ; ко вторымъ—молитвы за грѣховный міръ, чтеніе по заказу псалтири: за умершихъ—для успокоенія ихъ душъ, за живыхъ—когда требовалось „навести тоску“ на человѣка; „отчитывали“ также отъ разныхъ болестей, отъ глазу, отъ порчи и т. д.

Въ этомъ „общежитіи“ Матрена, обозванная Антономъ Максимычемъ Матренкой, изображала нѣчто въ родѣ игуменьи, руководила всѣми дѣлами и дѣлишками, поддерживала благочестивое житіе и блюла сестеръ аки зеницу ока. А сестры, подчиняясь ей во всемъ безпрекословно, называли ее не иначе какъ

„мамонькой". Матрена, посвятивши себя такому житію, преуспѣвала въ добродѣтеляхъ и достигла даже особаго дара прозорливости; поэтому не мудрено было ей знать не только семейныя тайны, но даже предсказывать будущее. Такая выдающаяся особенность открывала ей двери во многихъ домахъ и доставляла извѣстный почетъ...

Послѣ разговора, который произошелъ между супругами Шалуновыми, Матрена начала заглядывать на дворъ Трофима и не разъ пробовала заводить съ нимъ рѣчь о женитьбѣ, о Татьянѣ. Однако Трофимъ оставался глухъ и нѣмъ. Матрена должна была убѣдиться въ безуспѣшности попытокъ прямымъ путемъ и перемѣнила планъ аттаки.

VIII.

— Миръ вашему сидѣнью!

Такъ, войдя смиренно и помолясь на иконы, привѣтствовала Матрена Анфису Гавриловну, жену Степана, старшаго Трофимова брата.

Анфиса имѣла характеръ рѣзкій, азартный, раздражалась ежеминутно и потому требовалось большое умѣнье, чтобы ладить съ ней и вести бесѣду.

— Здравствуй!—коротко отвѣтила Анфиса посѣтительницѣ.

Матрена, какъ вошла, такъ и стояла, не двигаясь съ мѣста; она замѣтила, что хозяйка чѣмъ-то раздражена, не въ духѣ и слѣдовательно безъ вспышки не обойдется.

— Что скажешь?—тѣмъ же тономъ спросила Анфиса.

— По своей сиротской скорби забрела къ вамъ, да вишь не ко времени, за пряжей сидите.

— Что же мнѣ—„гульмины святыя" праздновать прикажешь?—опрокинулась Анфиса, не оставляя работы.

— Да вѣдь я не въ осужденіе, Анфиса Гавриловна, а въ похвалу молвила такъ-то, потому что и въ писаніяхъ сказано: трудъ передъ Господомъ аки свѣча.

— Сказывай ужъ—какая скорбь?

— Скорбь не малая; лютущая скорбь, добродѣтельница наша, Анфиса Гавриловна,—чуть не простонала Матрена:—не забрела ли къ вамъ моя пеструшка-курочка.

— Взгляни тамъ на дворѣ,—обрѣзала опять Анфиса, недовольная тѣмъ, что ожиданія ея услышать болѣе интересныя новости не оправдались.

— Искала ужъ,—отвѣтила Матрена,—да не видать что-то.

— Такъ чего-жъ тебѣ еще?—грозно спросила Анфиса, бросивъ работу и подперевъ руки въ бока:—можетъ, думаешь, что я во щахъ сварила или изжарила твою курицу? Можетъ, еще въ печкѣ желаешь обыскать?.. Не пущу! Слышала: не пущу!! Съ самимъ урядникомъ приди—не пущу!!!

Анфиса кричала неистово и на лицѣ ея выступили багровыя пятна, не предвѣщавшія ничего хорошаго.

Матрена незамѣтно улыбнулась. Она знала, что Анфисѣ нужно покричать, сорвать на комъ-нибудь сердце; но гнѣвъ этотъ черезъ минуту пройдетъ: стоитъ лишь уступить и покориться—она сейчасъ же и отмякнетъ. Поэтому Матрена, изобразивъ изъ себя угнетенную жертву, воскликнула:

— Что вы, Анфиса Гавриловна! мнѣ ли, осирой вдовицѣ, обыски у васъ дѣлать?!. Да я, да мнѣ...

Матрена не договорила; рыданія заглушили ея слова. Успокоившись нѣсколько, она, сквозь слезы, продолжала:

— Я и зашла-то къ вамъ не нарокомъ... У Трофима была, завернула и къ вамъ, по пути...

Слова ея произвели свое дѣйствіе; неистовство Анфисы, раздѣлявшей о Трофимѣ мнѣніе большинства, стало утихать.

— А-а, у Трофима?.. Ну что онъ, какъ?

Матрена, взглянувъ украдкой на хозяйку, улыбнулась еще разъ и, затѣмъ, съ молитвою, опустилась на скамью.

— Ну, Матрешенька, такъ что-же у Трофима-то? Сказывай-ка!—торопила любопытная Анфиса.

Вмѣсто прямого отвѣта, Матрена заплакала опять.

— Аль на мокрое мѣсто сѣла?—подшутила хозяйка.

— Жалостно больно!—всхлипнула Матрена.

— Пеструшку?—продолжала подсмѣиваться Анфиса.

— Охъ, Анфиса Гавриловна, не до пеструшки ужъ!.. Сироточекъ жаль—вотъ кого! Трофимовыхъ дѣточекъ малыихъ, родныхъ племянничковъ вашихъ!.. Да; ихъ самыихъ!.. Да и не одни сиротки, и другое прочее въ такомъ видѣ—не смотрѣлъ-бы ни на что, съ-чужа сердце надрывается!.. Зашла я къ нему во дворъ, да какъ глянула—такъ меня, убогую, словно варомъ сварило! Нечисть на дворѣ, неубранство, все подгнило, все валится—слезамъ подобно!.. А ребяточки!.. За что страждутъ ихъ ангельскія душеньки, за чьи грѣхи, ась?.. И наги-то, и босы, и голоднешеньки! Ослабѣли такъ—еле на ноженькахъ держутся!.. О-о-охъ! Перемрутъ они безъ матери, безпремѣнно перемрутъ!— Помяните мое слово!

Сострадательная старица сдѣлала передышку и продолжала:

— Миленькая моя, Анфиса Гавриловна! не погнѣвайтесь на меня убогую и немощную; но только я за ласку вашу, за вашъ привѣтъ, вотъ что скажу вамъ: грѣхъ этотъ на вашей душенькѣ останется, вѣрьте моей совѣсти—на вашей! Избавьте вы себя отъ грѣха тяжкаго—жените мужика-то!

Анфиса очень хорошо знала, что Матрена лгала на Трофима; знала это и сама Матрена; но обѣ какъ бы не замѣчали такой лжи: одной необходимо было солгать, другой пріятно было послушать, и собесѣдницы оставались довольными, и каждая—собой и другъ-другомъ.

Хозяйка разоткровенничалась.

— Думали ужъ и мы объ этомъ не одинъ разъ,—созналась она:—да вѣдь мужикъ-то онъ какой? Упрется и молчитъ...

— А вы его пристрастите хорошенько,—посовѣтовала смиренная игуменья.

— Не изъ робкихъ... Чѣмъ его стращать-то?

— Какъ чѣмъ?! а грѣхомъ! Грѣхъ-то для чего же живетъ, какъ не для острастки? Грѣхомъ и пужайте!.. Чай, вы сродственники: въ отвѣтѣ-то за него кто будетъ?—Вы! Спросятъ-то съ кого? Съ васъ, или нѣтъ? Такъ вы, если ужъ не для него, то для спасенія своихъ душенекъ—попужайте какъ слѣдуетъ, прижмите его какъ ужа вилами; небойсь, скажется!..

— Какимъ грѣхомъ пужать-то?—недоумѣвала недогадливая Анфиса.

— Охъ ужъ! Полноте вы, красавица моя писаная! Сами вы женщина разумная, добродѣтельная; неужто не домекнетесь?.. Пораскиньте-ка разумочкомъ-то хорошенько.

— На чего напасть не знаю,—отвѣтила Анфиса.

— Ну вотъ и прекрасно!—воскликнула старица, разводя руками:—все село во трубы трубитъ, а сродственнички кровные не знаютъ!

— Объ чемъ же это трубятъ?

— Ахъ-ти! Грѣха мнѣ съ вами не изжить! Вдовица я убогая, немощная, неимущая; о душенькѣ мнѣ помышлять надо, а не о грѣхахъ содомскихъ разсказывать... Узнайте отъ кого другого... Я зашла только сказать: что вотъ-молъ во трубы трубятъ!

— Скажи, что-ли!—упрашивала Анфиса:—будетъ тебѣ и въ самомъ дѣлѣ.

— Садовенькая моя, а грѣхъ-то куда? Развѣ его спрячешь? Ежечасно вѣдь о своей душенькѣ помышляю, какъ бы не осквернить чѣмъ въ міру-то.

— Да что ты это, Матрешенька, неужто не скажешь?

Анфиса была въ страстномъ ожиданіи и, смотрѣла на Матрену жадными глазами. А старица, какъ сама воплощенная невинность, сидѣла съ наклоненной головою, зажмурилась даже и губы ея шептали молитвы... Вдругъ она зарыдала и взвизгнула на всю избу:

— Пеструшка моя, пеструшка! Гдѣ тебя сыскивать стану... Про-опа-ала!..

Анфиса не выдержала.

— Пойдемъ!—воскликнула она, сорвавшись съ мѣста:—пойдемъ на дворъ!.. Выбирай любую—скажи только!

Матрена поднялась мѣшкотно, будто противъ желанія, отвѣсила Анфисѣ молчаливый поклонъ и поплелась за нею изъ избы съ видомъ самаго жалкаго, убитаго судьбою существа.

Поймали курицу.

— Люба что-ли?—спросила Анфиса, показывая курицу изъ своихъ рукъ.

— Ничего будто,—отвѣтила подавленная горемъ вдова:—а все же не съ пеструшкой сравнить.

— Еще вонъ селезня на придачу, вонъ что подъ сараемъ сидитъ, берешь.

- Ахъ, добродѣтельница ласковая! Отъ кого и принять, какъ не отъ васъ! Знаю вѣдь: для души-спасенья дѣлаете.

— Ладно; лови селезня!

Откуда въ немощной старицѣ явилось проворство: селезень былъ пойманъ въ минуту.

— Сказывай теперь!—настаивала Анфиса.

Матрена молча разсматривала селезня.

— Чего еще смотришь?—спросила Анфиса, терявшая всякое терпѣнье.

— Смотрю—будто не ловко какъ-то: селезень съ курицей; пары-то не выходитъ имъ.

— Что же? Пѣтуха да утку еще?

— Это ужъ какъ милости вашей угодно...

— Лови!.. Только, какъ понесешь-то?

— Донести можно. У меня въ карманѣ никакъ веревочка есть: свяжу имъ лапки-то—не уйдутъ.

Матрена такъ и сдѣлала: связала селезня и, затѣмъ, поймавъ пѣтуха и утку, связала и ихъ.

— Курочку-то... Соблаговолите ужъ.

— Скажи прежде; тогда и курицу отдамъ.

— И-ихъ, батюшки! Грѣхъ-то, грѣхъ-то какой!

Матрена оглянулась по сторонамъ — никого не было; она наклонилась вплоть къ уху Анфисы и шепнула ей что-то.

— Ну!—обомлѣла Анфиса и, забывшись, развела руки. Курица выпрыгнула и съ крикомъ бросилась бѣжать по двору; но Матрена моментально догнала ее, тоже и ей связала лапки и потомъ, вытащивъ неожиданно изъ подъ стеганой своей „бедуинки“ холщевый мѣшокъ, спрятала добычу туда и крѣпко зажала ее въ своихъ рукахъ.

— Все село обошла,—примолвила Матрена:—всѣ до одного человѣка знаютъ... Совѣтъ мой: жените Трофима, не мѣшкая; а за невѣстами дѣло не остановится, любую выбирай... Да вотъ, къ примѣру сказать: хоть бы Таня Шалунова!.. А впрочемъ, что же я, и изъ головы вонъ: Антонъ Максимычъ наврядъ согласится. Слышала я отъ добрыхъ людей, что будто онъ его не долюбливаетъ. Правда это?

— Кто его, супротивника, долюбливаетъ, — согласилась Анфиса.

— Та-акъ... Экое горе, а ужъ на чтобы лучше: одна дочь, а богачества-то, богачества-то—куры не клюютъ!

— А если бы тебѣ, Матрешенька, похлопотать? Можетъ, какъ-никакъ и сладились бы.

— Похлопотать отъ чего не похлопотать! Я у нихъ въ дому — свой человѣкъ. За ваше неоставленье и ласку похлопотать можно.

— Да; порадѣй, Матрешенька; а мы тебя не забудемъ... Ахъ, грѣховодникъ! Поди ты вотъ съ нимъ! А мы тутъ сидимъ и не знаемъ! Спасибо, что сказала.

— Только, вотъ что, Анфиса Гавриловна, сказать-то я сказала, но въ случаѣ чего—я въ сторонѣ: и не знаю, и не вѣдаю, и не слыхала.

— Развѣ я не понимаю; что̀ упреждаешь понапрасну; не сомнѣвайся!.. А я тебя вотъ о чемъ попрошу: ты, Матрешенька, назиркомъ этакъ, поприсматривай: что еще будетъ дальше? И ежели запримѣтишь чего—прибѣги сказать.

— Это ужъ безпремѣнно: теперь я ваша гостья... Ну, а вы объ Танѣ-то поговорите съ нимъ. А теперь пока простите Христа ради; не оставьте насъ, сиротъ безпріютныхъ; нужда-то насъ больно ужъ одолѣваетъ, иную пору безъ хлѣбца сидимъ, изморились на сухарикахъ... Объ Танѣ-то, голубонька, не запамятуйте.

— Будь спокойна; ты у Антона Максимыча-то постарайся, это пуще всего!

— Постараюсь для вашей душеньки.

Матрена вышла, наконецъ, на улицу, но, просунувъ въ калитку голову, крикнула:

— Смотрите же: уговоръ—лучше денегъ!

Анфиса махнула ей рукой.

Слухъ, пущенный по селу Матреной, состоялъ въ томъ, будто Трофимъ сблизился съ Θедосьей. Старица сочинила такую неправду для того, чтобы уронить Трофима во мнѣніи общества еще больше, и тѣмъ заставить его искать сближенія съ Шалуновыми. Понятно, что ходъ этотъ былъ сдѣланъ съ согласія Антона Максимыча.

IX.

Трофимъ, возвратясь съ дѣтьми отъ воскресной обѣдни, пообѣдалъ и, пользуясь краснымъ днемъ, собрался съ ними сходить на могилу Степаниды, которую посѣщалъ очень часто; но пойти ему не удалось. Взглянувъ случайно въ окно на пустырь, отдѣлявшій его усадьбу отъ села, онъ увидѣлъ, что къ нему идетъ въ гости вся многочисленная родня. Съ родными видѣлся онъ рѣдко, а въ послѣднее время, уединившись въ своей семьѣ, выходилъ изъ дома только по крайней надобности и совсѣмъ пересталъ бывать у братьевъ. Поэтому, Трофимъ, не ожидавшій дорогихъ гостей, былъ душевно радъ, что навѣстили его въ одиночествѣ и принялъ ихъ съ подобающею честью. Были поданы водка, лакомства, самоваръ. Пока происходили такія приготовленія и хлопоты, бесѣда шла о предметахъ отвлеченныхъ; но когда Трофимъ сѣлъ къ столу, чтобы разливать чай, старшій братъ замѣтилъ:

— Вотъ и плохо безъ хозяйки: чаи-то наливать самому приходится.

— Что дѣлать, — не безъ грусти отвѣтилъ Трофимъ: —привыкаю по немножку и къ женской работѣ; только вотъ хлѣбы печь не научусь, и пробовалъ да не выходитъ.

— Хоть и привыкаешь,—возразилъ на это второй братъ: — а ужъ не изловчиться такъ, какъ баба; тоже вѣдь кто для чего сотворенъ, да.

— Извѣстно,—поддержалъ третій братъ:—да по-правдѣ сказать, совсѣмъ не пристало мужику такое дѣло и нетокмо что не пристало, а даже зазорно; толи дѣло, если у печи или за столомъ сама хозяйка, и любовно, и пріятственно. Бабы! праведливо я говорю?

— На что праведливѣе,—согласилась Анфиса:—только шу-

ринокъ-отъ не по нашему думаетъ; по вольности дворянской хочетъ жить.

— Какія тамъ вольности дворянства!—отвѣтилъ Трофимъ:—прямо вамъ скажу — я еще не думалъ объ этомъ въ серьезъ. Сами судите: теперь зима на дворѣ, все равно долженъ буду сидѣть дома около ребятъ, стало быть они не безъ призора; въ первое время и труднѣе было, да управился же, а теперь мнѣ много легче. Впрочемъ, поближе къ веснѣ, передъ полевыми работами, увижу—какъ тамъ Богъ по-сердцу пошлетъ.

— Уже ли до весны безъ хозяйки будешь оставаться?—спросилъ старшій братъ.

— А что же? Видите — управляюсь со всѣми дѣлами; чего же еще?.. Да вообще, я сказалъ ужъ вамъ, что не думалъ пока о женитьбѣ.

— Вотъ это-то братецъ и не ладно, что ты самъ о себѣ не думаешь; думаютъ за тебя другіе.

— Ну ихъ тутъ, другихъ-то, надоѣли они мнѣ! Прежде хоть изрѣдка заглядывали, а теперь шляются чуть не каждый день, покоя нѣтъ!... И всѣ разговоры объ одномъ только: о невѣстахъ, да о женитьбѣ.

Старшій братъ Степанъ взглянулъ на жену Анфису; она поняла его, и на лицѣ ея моментально выступили зловѣщія пятна.

— Этакъ-то чествуешь ты насъ, шуринокъ любезный!—вскрикнула она:—мы къ тебѣ со всей нашей лаской пришли тебя отъ грѣха отвести, ребятишекъ твоихъ отъ погибели спасти, а ты намъ въ носъ тычешь: шляются, да надоѣли!... Благодаримъ! Благодаримъ покорно!.. Чего же вы сидите?—обратилась она къ честной компаніи:—вставайте! Уходить надо пока до грѣха; пожалуй еще ухватомъ по шеѣ проводить!..

Трофимъ не удивился этой выходкѣ; ему хорошо было извѣстно, что „большуха“,—какъ называли Анфису въ семьѣ,—всегда считалась „взбаломошною“, и потому онъ совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Это не про васъ сказано, Анфиса Гавриловна; братья тоже чай понимаютъ, что я о другихъ говорю.

Спокойные и тихіе отвѣты Трофима всегда бѣсили Анфису; теперь же она окончательно вышла изъ себя.

— Кому ты глаза отводишь! — кричала Анфиса въ неудержимомъ азартѣ: — передъ кѣмъ ты фуфыришься! Нешто мы не видимъ, что̀ у тебя на умѣ?.. Ну, что же, ну пришли! Всѣ сообща пришли наставить тебя, ученаго человѣка, на разумъ, чтобы, значитъ, въ законъ вошелъ, а не болтался зря, какъ овца без-

пастушная! Чего ты и въ самомъ дѣлѣ выдумалъ? Ты думаешь, безъ бабы устоитъ у тебя домъ? Ни въ жисть!.. Воззриська: вѣдь у тебя трое, малъ мала меньше! Вѣдь ихъ безъ матери-то вошь изъѣстъ, червь источитъ; вѣдь ты ихъ во гноищѣ сгноишь!..

Анфиса задохнулась; Трофимъ молчалъ.

— Что молчишь? — вновь накинулась отдышавшаяся „большуха": — уткнулся въ бороду да сопишь подъ носъ, а не примѣчаешь, что кругомъ тебя происходитъ? Домъ валится, дѣти пропадаютъ, по всему селу во трубы трубятъ!.. За грѣхи-то твои кто въ отвѣтѣ будетъ? Вѣдь съ насъ спросятъ, или нѣтъ? А намъ тоже нѣтъ охоты изъ-за тебя въ смолѣ кипѣть!

Трофимъ всталъ съ мѣста, собралъ своихъ дѣтей и вывелъ ихъ на дворъ.

— Поиграйте пока здѣсь,—сказалъ онъ имъ и вернулся въ избу.

Но въ ту минуту, какъ онъ выходилъ, Степанъ сказалъ Анфисѣ:

— Ты теперь замолчи; будетъ. Započинила и къ сторонѣ: на дóстали мы, мужики, покалякаемъ, не мѣшай намъ.

Анфиса сѣла на мѣсто, а чтобы не прорваться и не заговорить, начала усердно щелкать орѣхи.

— Такъ-тось, Трофимушка, — началъ Степанъ, когда тотъ, войдя въ избу, занялъ прежнее мѣсто:—ты оченно-то не мудри, приноравливайся какъ бы поладнѣе, да попроще. Видишь: сродственники твои пришли къ тебѣ отъ своего усердія: ты и прими нашъ совѣтъ душевно и окажи намъ покорство. Я теперь для тебя на мѣсто родителя выхожу; тоже вѣдь благословлялъ два раза: какъ женился ты—благословлялъ тебя я, какъ въ раздѣлъ отошелъ—благословлялъ я же;—вотъ онѣ иконы-то здѣсь стоятъ, въ божницѣ, — да можетъ, и въ третій придется благословить, какъ жениться надумаешь. Ты, значитъ, и слушай, что я сказывать стану... Не подобаетъ этакъ, безъ хозяйки. Человѣкъ ты молодой, ребятки малые, хозяйство огромаднѣйшее: куда ни повернись—вездѣ женскій глазъ нуженъ... Для общества опять тоже не ладно... Слухи тамъ всякіе, пересуды—не хорошо. Ежели ты не бобыль, а мірской человѣкъ, въ міру живешь и въ дѣла его вступаешься, — такъ ты подлещивайся къ міру, своихъ уставовъ не вводи—молодъ еще, силы у тебя съэстолько нѣтъ, чтобы поворнуть по своему; ты потише, да полегоньку—этакъ-то дальше уйдешь; ухитрися — какъ бы замирить дѣло, а на проломъ идти всякій съумѣетъ... Ну, такъ всѣ мы сообща перетолковали промежъ себя и рѣшили: идти къ тебѣ съ совѣтомъ; можетъ, ты и

одумаешься, а ежели надумаешь что—приди сказать, потолкуемъ еще разъ.

— У меня для тебя и невѣста есть наготовѣ, — вмѣшалась Анфиса: — Невѣста-то какая, хоть бы и не тебѣ такъ впору — Таня Шалунова.

— Говорили ужъ мнѣ о ней, — сказалъ Трофимъ: — дѣвица она хорошая, это точно; но вѣдь вамъ извѣстно, что мы съ ея отцомъ не въ ладахъ; да и самой ей выходить замужъ за вдовца, на троихъ дѣтей — не рука. Она одна дочь у отца и къ такой жизни, какова моя, не привыкла.

— Это все пустяки!—въ голосъ закричали родные:—забота не твоя, мы уладимъ дѣло, ты только окажи покорность Антону Максимычу.

— А нуждается онъ въ моей покорности? — улыбнувшись, спросилъ Трофимъ.

— Нуждается—не нуждается, да на мiру-то смутьянство происходитъ, вотъ что!

— Я о томъ и хлопочу, чтобы смутьянства не было; остальное въ рукахъ Шалунова.

Родные поняли такой отвѣтъ по своему.

— Вотъ и прекрасно!—воскликнула Анфиса:—подумай объ этомъ, а мы ужъ постараемся.

— Ну, тамъ увидимъ, — сказалъ Трофимъ и прибавилъ: — очень-то не торопитесь; не нудте меня теперь.

X.

Словà: „дѣвица хорошая“ и потомъ: „остальное въ рукахъ Шалунова“ были переданы Антону Максимычу совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой придавалъ имъ Трофимъ и, кромѣ того, ихъ уснастили такими дополненiями, какiя могла создать фантазiя Анфисы, сообщившая этотъ разговоръ матери Матренѣ, и сама Матрена, тотъ часъ же побѣжавшая съ вѣстями къ Шалуновымъ. По ихъ разсказамъ вышло нѣчто въ родѣ того, что Трофимъ „давно ужъ зарится на Таню, да подступиться не смѣетъ — побаивается Антона Максимыча. Еслибы онъ былъ увѣренъ, что Антонъ Максимычъ не гнѣвается на него, такъ навѣрное прислалъ бы сватовъ“. Шалуновъ выслушалъ эти свѣденiя не безъ внутренняго удовольствiя, хотя наружно оставался совершенно спокойнымъ. Въ особенности прiятно было ему слышать о робости Трофима; Шалуновъ даже подумалъ: — „ага, сознался видно; такъ-

то лучше: супротивствомъ у меня ничего не возмешь". Но все-таки Антону Максимычу не того желалось. Услышавъ о мнимой уступкѣ со стороны Трофима, честолюбію и гордости Шалунова захотѣлось большаго: — „Что мнѣ въ сватахъ, — говорилъ онъ женѣ: — пусть самъ придетъ, да въ ногахъ поваляется, да не одинъ разъ... ну, тогда я посмотрю"... И Шалуновъ сталъ ждать Трофима. А Трофимъ сидѣлъ дома, ничего не зналъ и о Татьянѣ вовсе не думалъ.

Пока ждалъ Шалуновъ, Трофимъ не разъ размышлялъ о своемъ положеніи. Совѣтъ братьевъ — относительно женитьбы — казался ему вполнѣ убѣдительнымъ; Трофимъ сознавалъ трудность своего положенія, хотя и старался скрыть это отъ людей; управиться одному съ обширнымъ хозяйствомъ и въ особенности съ дѣтьми было невозможно. Правда, онъ ласкалъ и нѣжилъ, и развлекалъ дѣтей, какъ умѣлъ; но ласка его не походила на ласку матери, въ заботливости его о дѣтяхъ безпрестанно встрѣчались какіе-нибудь недочеты, которыхъ прежде, при жизни Степаниды, никогда не замѣчалось. Дѣти плакали, видимо скучали и нерѣдко спрашивали его „о мамѣ". Все это Трофимъ видѣлъ и не хотѣлъ обманывать себя: долженъ былъ искренно сознаться въ безплодности своихъ усилій. Сознаніе пробудилось не вдругъ, но путемъ тяжелаго и продолжительнаго опыта. Онъ все испыталъ и перепробовалъ, чтобы поддержать семью и хозяйство на прежнемъ положеніи; но догадливости и умѣнья Степаниды, золотыхъ рукъ ея и проворства замѣнить не могъ... Помощница во всякомъ случаѣ необходима, но неиначе какъ такая же душевная, хорошая и заботливая, какою была Степанида. О себѣ онъ не думалъ столько, сколько о своихъ дѣтяхъ. Найдется ли дѣвушка, способная любить ихъ какъ родныхъ, своихъ будущихъ дѣтей; не придется ли ему быть свидѣтелемъ тѣхъ горестей, которыя очень нерѣдко испытываются дѣтьми отъ мачихи? Долго соображалъ Трофимъ, перебирая въ памяти всѣхъ невѣстъ; но ни одна изъ нихъ не отвѣчала требованіямъ его души. По большей части онѣ представлялись ему похожими на Анфису, раздражительными, злобными и непремѣнно съ багровыми пятнами на лицѣ. Татьяну Шалунову онъ совсѣмъ вычеркнулъ изъ списка невѣстъ: она была красивою дѣвушкою, могла получить богатое приданое; но жила въ такой средѣ, которая не позволяла разсчитывать, что изъ Татьяны выйдетъ заботливая, любящая мать и рачительная хозяйка.

Много безсонныхъ ночей провелъ Трофимъ въ такихъ думахъ и не безплодно: въ головѣ его созрѣла мысль. — Онъ вздохнулъ свободно и ободрился. Мысли этой онъ не высказывалъ

никому; одно только было извѣстно, что Трофимъ не спѣшилъ женитьбой. Ему не хотѣлось разстаться съ этою новою, въ первый разъ испытываемою имъ жизнью, — такъ она отвѣчала его душевному настроенію. Тоска о Степанидѣ все еще не оставляла его и требовала тишины, покоя; а такое-то именно спокойствіе и окружало его теперь. Разрушить его своими руками, разстаться съ прошлымъ такъ скоро—не было силъ; необходимо обождать, когда все уляжется и въ головѣ, и въ сердцѣ, когда воспоминанія о любимой женѣ сдѣлаются менѣе жгучи.

Прошелъ филипповъ постъ, миновали и святки, вотъ не за горами и праздникъ Срѣтенія, когда зима съ лѣтомъ встрѣтятся, а Шалуновъ все еще ждалъ Трофима. Марфа, не настолько ослѣпленная гордостью, какъ ея супругъ, яснѣе видѣла причины, вслѣдствіе которыхъ не могъ прійти Трофимъ, и умоляла Антона Максимыча уступить хоть въ чемъ-нибудь, не требовать отъ Щеголева земныхъ поклоновъ и удовлетвориться обыкновеннымъ порядкомъ сватовства, чрезъ посредство родныхъ. Шалуновъ не соглашался, даже не одинъ разъ билъ жену; но и Марфа тоже не отставала.

— Не самъ ли ты,—вопила она предъ мужемъ,—взбаламутилъ дѣвку, Татьяна и въ помышленіи не имѣла Трофима, а теперь она плачетъ, съ тѣла начала спадать; пожалѣй ты хоть дѣтище-то свое кровное!

Шалуновъ снизошелъ, наконецъ, до милости и разрѣшилъ извѣстить Трофима, но не иначе, какъ стороною и только намекомъ, что онъ можетъ прислать сватовъ, не опасаясь, что ихъ опозорятъ и вытолкнутъ за ворота.

Радостную вѣсть эту сообщила Трофиму Анфиса. Онъ выслушалъ ее терпѣливо и спокойно отвѣтилъ:

— Я вамъ съ перваго слова сказалъ, что Татьяна Шалунова невѣста не по мнѣ. Стало быть о ней и говорить нечего.

Анфиса должна была сознаться, что натворила бѣду не маленькую. Вспылила тотчасъ и начала клясть Трофима, Татьяну, Матрену, словомъ—всѣхъ подрядъ, не исключая, впрочемъ, и себя. Но на этотъ разъ она имѣла вѣскія причины къ тому, чтобы встревожиться. Шалуновъ несомнѣнно будетъ мстить Грязновымъ, а мстилъ онъ ужасно. Не мало разорилъ онъ домовъ просто изъ-за пустяковъ; чего же слѣдуетъ ожидать за такое крупное дѣло? Къ Трофиму опять пришли всѣ родные. Дѣти ихъ передъ нимъ плакали, женщины отчаянно причитали, братья чуть въ ноги не кланялись. Трофимъ пережилъ тяжелыя минуты. Сердце его разрывалось на части, онъ на волосъ былъ отъ согласія... Но, взгля-

нувъ на своихъ дѣтей, отчаянно махнулъ рукой и выбѣжалъ изъ дома!

Родные посидѣли, подождали и ушли, не дождавшись его возвращенія.

— Извергъ!—рѣшили братья.

— Выродокъ!—прибавили женщины.

XI.

— Къ тебѣ я, Ѳедосья Петровна,—сказалъ Трофимъ, остановясь у двери ея квартиры и перебирая въ рукахъ шапку.

Ѳедосья, несмотря на душевное горе, на бѣдность безъисходную, смотрѣла всегда бойко и весело. Не любила она выставлять на показъ свои чувства, и потому встрѣтила неожиданнаго и давно ужъ невидѣннаго ею Трофима яснымъ, ласковымъ взглядомъ, какъ будто она была самою счастливою женщиною.

— Или съ домомъ не справишься?—привѣтливо спросила она.

— Не справлюсь и есть... Главное—съ ребятками.

— Что же надумалъ? Ко мнѣ, что ли, хочешь привести ихъ? Милости просимъ. Только съ уговоромъ: корми своимъ хлѣбомъ, у меня кормиться имъ нечѣмъ.

И Ѳедосья засмѣялась.

— Нѣтъ, не то,—задумчиво сказалъ Трофимъ.

— Извѣстно, не то; я это шутя сказала... Опять сплетки пойдутъ.

— Какія сплетки?—удивился Трофимъ.

— Будто не знаешь,—тихо проговорила Ѳедосья и отвернулась къ окну.

— Не знаю, ничего не слыхалъ; ей-ей!

— Гдѣ же тебѣ и слышать! Сидишь въ своей обители, на улицу не показываешься, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, не слыхалъ.

— Правду тебѣ говорю—не слыхалъ. Что такое?

— Ну, не слыхалъ, не знаешь, такъ и узнавать нечего... Занятнаго мало.

— Все-таки скажи: что такое?

— Спроси у другихъ, Трофимъ Осипычъ, а меня уволь отъ этого.

Ѳедосья взглянула на него глазами, полными слезъ, голосъ ея дрожалъ.

Трофимъ понялъ, какого рода могла быть сплетня. Блѣдный, схватившись рукой за голову, онъ прислонился къ дверному косяку.

— Вотъ что, Ѳедосья Петровна,—торопливо и задыхаясь проговорилъ Трофимъ:—не уходи покамѣсть никуда изъ дома; я сейчасъ приду.

И онъ ушелъ, покинувъ Ѳедосью въ полнѣйшемъ недоумѣніи.

— Господи помилуй! Что съ нимъ?!—подумала Ѳедосья и—заплакала. Она выплакивала теперь ту же самую обиду, которая открылась сейчасъ Трофиму и которая не разъ подвергала ее опасности кончить дни голодною смертію. А Трофимъ ничего объ этомъ не зналъ. Съ тѣхъ поръ, какъ непорочная старица Матрена пустила въ ходъ извѣстную сплетню, для Ѳедосьи затворились двери во многихъ домахъ, доставлявшихъ ей прежде заработокъ. Но и здѣсь, въ этомъ отказѣ принимать ее въ дома, сказывалось не столько презрѣнія къ ея поведенію, очерненному сплетней, сколько мщеніе за то, будто Ѳедосья, съ цѣлью отбить у другихъ и завладѣть самой, „приворожила“ Трофима.

На самомъ дѣлѣ слухъ былъ пущенъ для того, чтобы прекратить Трофиму доступъ въ „степенные“ дома. Разъ это достигнуто—остается одинъ Шалуновъ, который постарается взглянуть на это сквозь пальцы и т. д., и т. д. Но труды старицы Матрены оказались напрасными: Щеголевъ никуда не выходилъ и невѣстъ не сваталъ; въ результатѣ потерпѣвшею вышла одна Ѳедосья.

Пока она плакала и доискивалась до настоящихъ причинъ такого страннаго поведенія Трофима, онъ сидѣлъ въ это время у священника и, часъ спустя, возвратился отъ него успокоенный, ободренный.

— Вотъ и я!—сказалъ онъ, появляясь снова передъ Ѳедосьей.

Она сидѣла на томъ же мѣстѣ, погруженная въ скорбныя думы, и взглянула на Трофима наплаканными глазами.

— Ну такъ какъ же?—спросилъ Трофимъ такимъ тономъ, будто продолжалъ прерванный разговоръ:—если дѣтей къ себѣ взять не желаешь, такъ, можетъ, сама не пойдешь ли ко мнѣ?

Ѳедосья задумчиво покачала головой.

— Только ужъ не на время, — продолжалъ Трофимъ,—а совсѣмъ.

— Какъ это—совсѣмъ?

— Такъ!.. Еслибы я жениться на тебѣ вздумалъ, пошла бы ты за меня?

Ѳедосья посмотрѣла на него своими большими глазами, но ничего не отвѣтила.

— Пошла бы или нѣтъ?—повторилъ Трофимъ.

— Я... пошла бы,—медленно отвѣтила Ѳедосья;—только... нельзя вѣдь.

— Нельзя! Почему?

— Тебя міръ съѣстъ; не житье тебѣ будетъ изъ-за меня.

— Это ужъ мое дѣло... Я ищу мать своимъ дѣтямъ; ты пойми это.

— Я понимаю, Трофимъ Осиповичъ; но опять скажу: не будетъ тебѣ покоя со мною; не проститъ тебѣ міръ такой обиды.

— Да въ чемъ обида міру?

— Въ томъ и обида, что за тебя любую дѣвицу отдадутъ изъ хорошаго дома; Шалуновъ вонъ Таню сбираетъ за тебя, а ты вздумалъ жениться на солдатской вдовѣ... Ужли не знаешь—что̀ значитъ на міру солдатская вдова?

— Э-э, Ѳеня... Ѳедосья Петровна,—полно! Не на то мы съ тобой грамотѣ учились, чтобы пустымъ разговорамъ вѣрить...

— Однако, ходили же къ старшинѣ жаловаться на тебя.

— Такъ что же? Пусть жалуются!

— То же, что тебя хотятъ запутать въ какую-нибудь бѣду... Послѣ того, какъ старшина задалъ, слышь,—тебѣ острастку, они затихли и ждутъ тебя къ себѣ съ повинною.

— Что за чудеса! И ничего этого я не знаю, такъ какъ никакой острастки отъ старшины не было. Ты-то отъ кого слышала?

— Матрена сказывала... Она частенько ходитъ ко мнѣ, работу приноситъ; самимъ-то вишь некогда, и день, и ночь на молитвѣ стоятъ... Очень зоветъ меня къ себѣ, въ кельи.

— Подъ присмотръ, значитъ?

— Да.

— Гм... А, впрочемъ, о чемъ же это мы толкуемъ! Я вѣдь не затѣмъ пришелъ къ тебѣ... Ты скажи: идешь, что ли?

— Вѣрь Создателю—боязно! И за тебя, и за дѣтей твоихъ боязно!

— А я и у батюшки былъ сейчасъ; онъ благословилъ...

Ѳедосья глубоко задумалась и молчала.

— Скажи что-нибудь,—просилъ Трофимъ.

Вдругъ Ѳедосья залилась слезами и упала Трофиму въ ноги.

— Что ты, что ты!—кричалъ растерявшійся Трофимъ, поднимая Ѳедосью.

— То̀, что не погнушался ты мной, солдаткой оплеванной,—лепетала она, рыдая...—Помоги мнѣ, Господи, взрастить Степиныхъ дѣтей!..

Трофимъ отвернулся въ сторону и провелъ ладонью по лицу.

— Ну полно, будетъ—успокоивалъ онъ Ѳедосью:—теперь не

до слезъ; ты вотъ что, послушай-ко: сегодня среда—въ пятницу чтобы повѣнчаться; дня мѣшкать нельзя, сама знаешь—воскресенье заговѣнье; въ пятницу послѣ обѣдни и повѣнчаемся, такъ и батюшка назначилъ.

— Какъ знаешь, твоя теперь воля, — послушно отвѣтила Ѳедосья.

— Ну, прощай пока!—и Трофимъ пошелъ къ двери.—Да, вотъ что еще!—вспомнилъ онъ:—отнеси къ батюшкѣ свой вдовій билетъ; въ книгу записать нужно... Прощай!..

Что̀ произошло, послѣ неожиданной женитьбы Щеголева, у Шалуновыхъ, у Грязновыхъ, у келейницъ — можно догадаться безъ разсказа, тѣмъ болѣе, что Трофимъ женился „по-господски", т.-е. пришелъ въ церковь пѣшкомъ. Ѳедосья была тамъ ужъ, священникъ и повѣнчалъ ихъ. Ни пиршествъ, ни празднествъ не происходило; даже родные приглашены не были.

Такое отступленіе отъ обычаевъ произвело, можно сказать, ужасъ во всемъ населеніи, и всѣ говорили, что Трофиму не сдобровать.

XII.

Наступилъ великій постъ. Послѣ широкаго и шумнаго разгула масляной недѣли, все разомъ примолкло, подобралось, вошло въ колею сѣренькой, будничной жизни. Народъ постился и говѣлъ; кругомъ царило уныніе, подавляющее своею, казалось, безконечною и безъисходною томительностью; величайшимъ преступленіемъ считалось поѣсть горячей пищи, въ особенности приправленной ложкою коноплянаго масла; не говоря о старшихъ, даже дѣти и то питались только хлѣбомъ съ квасомъ или водою. Но если такъ постились въ міру грѣховные люди; что же происходило у келейницъ? Тамъ совершалось сплошное подвижничество! Не только хлѣбъ, но даже и вода чуть ли не совсѣмъ были изгнаны изъ келій; по крайней мѣрѣ, ни въ горницахъ, ни въ кухняхъ не видѣлось ничего съѣдобнаго; самовары и тѣ запрятались неизвѣстно куда, а стекла въ посудныхъ шкафчикахъ были задернуты плотными занавѣсками. Посту были подвергнуты даже и скотъ, и птица, и коты съ кошками. Все это ревѣло, кричало и мяукало, требуя обычнаго жирнаго корма и сладкаго куска; но скоту подбрасывали только сухого сѣнца, птицѣ и кошкамъ размоченыхъ сухариковъ, убѣждая ихъ „повоздержаться хоть первую-то недѣльку"; сами же дебелыя старицы и юницы только и молили на каждомъ шагу—„Изсуши мою плоть, аки звончатую

мѣдь“. Можно было опасаться, что добровольныя страдалицы къ концу поста непремѣнно истаютъ, а между тѣмъ ни малѣйшихъ перемѣнъ въ ихъ наружности не замѣчалось—какими на масляницу были, такими же казались и постомъ. Доброхотныя дательницы, ищущія спасенія души и особенно усердно посѣщавшія теперь келейницъ—разумѣется, не съ пустыми руками,—безконечно удивлялись великому ихъ подвижничеству и, въ простотѣ души, спрашивали: — „Какъ это вы терпите“? — „Молитвовкой, молитвовкой святою поддерживаемся“, — смиренно отвѣчали онѣ; и тайна для вѣровавшихъ сердецъ оставалась еще болѣе загадочною и привлекательною...

Въ кельяхъ стоялъ тяжелый запахъ деревяннаго масла и восковыхъ свѣчей; дымъ отъ кадильныхъ куреній переливался густыми струями; молитвословія совершались усиленныя во всѣ промежутки церковныхъ службъ; траурные сарафаны и платки не снимались, и по вечерамъ въ кельяхъ умилительными гласами пѣли:

„Постимся постомъ пріятнымъ: истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка“...

Такъ прошла первая недѣля и наступило „сборное воскресенье“.

Дни замѣтно прибавлялись, сумерки становились продолжительными, суровый зимній холодъ смягчился, дышалось легко и свободно. Къ солнечному закату, когда перестаетъ капѐль, а тонкій, едва ощущаемый морозецъ начнетъ свѣжить воздухъ и слегка румянить щеки, становилось особенно хорошо. Въ такой-то именно часъ перваго воскресенья почти все населеніе высыпало на улицу; тягость воздержанія первой недѣли миновала, всѣ ободрились и повеселѣли; дѣти съ громкимъ крикомъ и хохотомъ играли на срединѣ дороги, катались на ледянкахъ, впрягались тройками въ салазки и возили почту. Взрослые сидѣли у домовъ, кто на скамейкахъ, устроенныхъ около воротъ, кто на порогѣ калитки, кто на завалинахъ избъ. Молчаливаго промежутка, состоявшаго изъ шести дней поста, будто не существовало, и настоящій вечеръ представлялъ собою нѣчто въ родѣ продолженія масляной недѣли; всюду слышался веселый говоръ о злобѣ дня, въ которой на первомъ мѣстѣ, за неимѣніемъ другихъ болѣе интересныхъ новостей, все еще стояла странная свадьба Щеголева; со всѣхъ концовъ неслись насмѣшки надъ „молодой“, надъ ея богатымъ приданымъ и т. п.; шутки и остроты по этому предмету были неистощимы и сопровождались дружнымъ и одобрительнымъ хохотомъ.

„Сумерничали“ міряне весело и пріятно.

XIII.

Матери и сестры тоже выползли освѣжиться, но не на мірскую улицу, исполненную мерзости и грѣха, а на свой, пропитанный благочестіемъ, дворикъ. Вынесли изъ келій стулья и скамеечки и разсѣлись чиннехонько и благоприлично. Вскорѣ къ нимъ собралось довольно много почитательницъ ихъ добродѣтельнаго житія; женская половина села любила слушать назидательныя бесѣды начетчицъ; старицы умѣли удовлетворять ихъ любопытству, приподнимали завѣсу со всего, что казалось таинственнымъ, неудобопонятнымъ, и разъясняли все безъ малѣйшаго затрудненія, безъ запинки. Это и не мудрено: онѣ въ доподлинности знали—что̀ и вслѣдствіе чего произошло и чему въ скоромъ времени быть надлежало; вопросы, на которые не сразу отвѣтилъ бы и ученый богословъ, разрѣшались ими съ быстротою и легкостію. За то и почитали старицъ, что онѣ за словомъ въ карманъ не лазили.

Любимѣйщею и самою интересною темою для разговоровъ служилъ, разумѣется, антихристъ, который, при извѣстномъ влеченіи къ чудесному, видѣлся всюду и во всемъ. Въ этотъ разъ бесѣда шла тоже о немъ. Мамонька-Матрена была теперь въ роли просвѣтительницы, и потому вела себя далеко не такъ униженно, какъ въ тѣ минуты, когда она являлась въ богатые дома въ качествѣ попрошайки; авторитетно, съ сознаніемъ собственнаго превосходства предъ неграмотными старушками-слушательницами объясняла она имъ, что антихристъ „народился“ ужъ давно, что онъ присутствуетъ вездѣ, находится во всемъ и сидитъ во всѣхъ.

Слушательницы всполошились и начали открещиваться; но Матрена считалась ловкою начетчицею: она умѣла и припугнуть, когда это требовалось по ея соображеніямъ, и успокоить. Поэтому и сейчасъ, замѣтивъ испугъ старушекъ и бабъ, она поспѣшила поурѣзать нѣсколько вездѣсущіе антихриста, исключивъ свою обитель, себя съ сестрами и благотворителей. За то приналегла на другихъ.

— А вотъ такіе человѣцы,—говорила Матрена,—какъ Трофимъ Щеголевъ—это ужъ первые „его“ слуги... О-охъ! И бѣда только, миленькія мои, ежели не обуздать этакаго человѣка! Не состоять тогда всему вашему міру, потому что сила ему дадена врагомъ необыкновенная...

— Вамъ, матушка Матрена Силишна, лучше нашего знать,

изъ писанія,—вздыхая, говорила сосѣдка Епистимія;—только... неужто вправду Трофимъ—отъ того... какъ бишь оно...

— А ты какъ думаешь, по своему-то разсужденію?—накинулась Матрена, недопускавшая ни малѣйшихъ сомнѣній въ непогрѣшимости ея взглядовъ и словъ: — если разумѣешь лучше моего—просвѣти моего разума недоразумѣнна!

Епистимія сконфузилась.

— Я такъ это, Матрена Силишна, по глупости сказала,—извинялась она:—намъ гдѣ же, мы народъ темный.

— А если ты во тьмѣ ходишь, то и не дерзай: не всякому бо дано сіе...

— Человѣка жаль,—продолжала оправдываться Епистимія.

— Мнѣ его, можетъ, побольше твоего жалко, да вишь ты не въ своей онъ таперича власти. Здѣсь того... великій требуется разумъ: ты и смекай это.

— Намъ гдѣ же смекать! Вы наши молитвеннички и заступнички—не оставьте, научите!

— Вѣстимо такъ, сердобольныя мои, вѣстимо! Если намъ дадено—такъ мы и можемъ. Для васъ это—темно да непонятно, а намъ—все ясно, какъ на ладонкѣ.

— О-охъ, бабоньки, бабоньки!—стонали слушательницы:—куда угодятъ наши грѣшныя душеньки!

— Вы не отчаявайтесь,—успокоивала Матрена:—грѣхъ—не велика важность; не будь грѣха—не было бы и покаянія [1]); къ тому же, помните еще вотъ что: противъ всякаго грѣха заручка есть.

— Кто ее знаетъ, заручку-то эту?

— Кто знаетъ? Да не я ли твержу вамъ о ней каждый разъ!.. Милостыню твори, вдовицу и осирую не оставь. Сильнѣе этой заручки—ничего нѣтъ! Такъ завсегда и поступайте! Который кусокъ-отъ послаще—не ѣшь сама, а дай убогому; вотъ, примѣрно: хоть намъ принеси; грѣха тогда бояться и нечего; что хочешь дѣлай—мы отмолимъ!.. Другіе нарохтятся, чтобы свою мамону насытить, а вы такъ не дѣлайте!.. Послушайте, касаточки мои, что я вамъ разскажу. Вотъ, вся я тутъ передъ вами: осира, нага, убога, безпріютна; а вѣдь во мнѣ нѣтъ этого, какъ въ другихъ людяхъ,—ни зависти, ни жадности, ни злобы. Не бывало никогда и сейчасъ нѣтъ, ни-ни! Я всѣхъ равно люблю, обо всѣхъ душенька моя скорбитъ и ноетъ,—все едино, какъ ноги вотъ къ

[1]) Сектантское ученіе: — „Безъ грѣха—нѣтъ покаянія“ и потому грѣшить какъ бы обязательно, необходимо.

ненастью ноютъ,—такъ и она, душенька, тоись моя. Такъ-то. Н-ну... На чемъ бишь я остановилась?

— Ноетъ, вишь, у тебя,—подсказали слушательницы.

Матрена убѣдилась, что ее слушаютъ внимательно и продолжала:

— Да, да; ноетъ, это точно... Такъ вотъ, въ скорби-то этакой и пошла я этто молодыхъ навѣстить. Ѳенька-то вѣдь почасту къ намъ шлялась, отъ насъ вѣдь кусочками-то кормилась: ну, такъ занятно мнѣ было взглянуть—какъ она теперича носъ задираетъ? Извѣстно, не съ пустыми же руками на поклонъ къ молодымъ идти—понесла имъ отъ крохъ своихъ—сдобную кокурку. Гдѣ мнѣ взять больше? И кокурку-то понесла потому, что добрые люди ее мнѣ подали, не случись этого и пойти не съ чѣмъ было. Да, видите: сама не съѣла, сестрамъ не дала, а понесла имъ. Думаю—ребятишки у нихъ малыя, сгрызутъ!.. Что же бы вы думали! За всю мою добродѣтель, за ласку мою, за неоставленье, за скорбь и молитвы—курочкой мнѣ отплатили! Отъ этакаго-то богачества—курочку!.. Вѣрите вы мнѣ, сестрицы любящія, шла отъ нихъ—всю дороженьку смочила; слезы у меня эти—въ три ручья!.. И вѣдь что всего обиднѣе, такъ это Трофимкины лукавыя словеса. — „Напрасно, говоритъ, ты изъянилась: у насъ своего много...“ „Знаю, молъ, что много, знаю откуда и привалило тебѣ; да вѣдь пришла я затѣмъ больше, чтобы душеньку твою отъ грѣха отвести!“ — Все это хотѣла я напѣть ему, да смолчала; пожду, молъ, не одумается ли, не прикинетъ ли еще чего?—Нѣтъ, ничего не далъ! Такъ сдобнушка моя и пошла прахомъ!.. Извѣстно: спознался съ „нимъ“, ему и замстило въ глазахъ-то...

Едва успѣла Матрена сказать эти слова, келейница Лукерья чихнула.

— Правда!—подхватили голоса.

Матрена окинула собраніе многозначительнымъ взглядомъ.

XIV.

Душеспасительная бесѣда продолжалась.

— Мамонька!—спросила келейница Ѳіона, дѣвица лѣтъ 30-ти:—дозволь слово молвить.

— Сказывай!—разрѣшила Матрена:—сказывай всякое благопотребное слово.

Ѳіона поклонилась „матери“, застыдилась чего-то, потупила

глаза, облизнула губы и начала протяжнымъ, пѣвучимъ голоскомъ:

— Вышла я вечоръ на дворъ; постояла, значитъ, малое время, сотворила умную молитву и хотѣла ужъ вернуться въ келью, да взглянула ненарокомъ на небеса. А тамъ, въ небесахъ-то, таково прекрасно! Звѣзды такъ и горятъ, такъ и горятъ, одна другой пуще!— „Ахъ,—думаю я:—чай, какъ теперь тамъ всѣ ликуютъ..." Только вдругъ одна бо-ольшущая-разбольшущая звѣзда возьми да и покатись. А за ней слѣдъ такой свѣтлый. Помышляю я стою: „Видѣніе это мнѣ, недостойной дѣвицѣ Ѳіонѣ", перекрестилась, знашь, и присѣла, думала—накроетъ меня звѣзда-то, а она черезъ меня, да прямо въ гнилой уголъ, гдѣ Щеголева изба, тамъ и пропала...

— Гм...—прикашлянула Матрена:—понимаю. Это бываетъ.

— А что она обозначаетъ?—полюбопытствовала Ѳіона.

— Ну, ты еще молодешенька-глупешенька,—отвѣтила Матрена:—разумочекъ у тебя еще хилый, дѣвичій, гдѣ тебѣ все спознать.

— Это, мотри, змій,—произнесла одна изъ сосѣдокъ, не утерпѣвшая, чтобы не похвастаться передъ обществомъ своими познаніями.

Лукерья, словно нарочно, еще чихнула.

— Правда!—загудѣли голоса какъ-то торжественно.

Матрена таинственно улыбнулась.

— Какъ все сказывается-то, а?—заговорила она многозначительнымъ тономъ:—открывается-то какъ! Такъ прямехонько наружу и выходитъ!.. Ахъ! Какая благодать явлена нонѣ намъ, недостойнымъ!.. Дивуйтесь, сестрицы милыя, дивуйтесь!.. А можетъ, и еще чего не запримѣчали-ли? Сказывайте, за-одно ужъ.

Всѣ задумались, какъ бы припоминая—не отыщется ли чего; но не знали, что сказать, и молчали.

Матрена опять улыбнулась.

— Никто, значитъ, ничего не запримѣтилъ,—сказала она:—такъ и подобаетъ. Это означаетъ, голубоньки мои, что „онъ" на всѣхъ васъ напустилъ тьму.

Женщины опять было всполошились; но Матрена продолжала:

— А никто не видалъ, какъ Трофимъ по ночамъ на мазарки [1]) ходилъ?

— Это, пущай, видали.

— Зачѣмъ онъ туда шлялся?—допрашивала Матрена.

---

[1]) Кладбище.

— Къ Степанидѣ, смотри, на могилку.

— Не въ урочный-то часъ?!—воскликнула Матрена;—чай, не положено запрета и днемъ ходить туда?

— Это вѣрно...

— Эхъ вы-ы, неразумныя! Сказываю я вамъ вдругорядь: на всѣхъ васъ тьма напущена, и ничего вы таперича постигнуть не можете.

— Зачѣмъ же другимъ ходилъ онъ туда?

— Съ могилы Никишки-опойца землю таскалъ! Вотъ зачѣмъ!

— На что она ему понадобилась?—недоумѣвали слушательницы.

— Для своихъ дѣловъ праведныхъ,—пояснила Матрена; — не спроста около мельницы приткнулся, да съ мельникомъ дружбу ведетъ [1]). Припомните: осенью у насъ много дождя было?

— Куда много! Озимые на половину не взошли.

— То-то и есть! А почему не взошли — и это опять намъ извѣстно: Трофимка землей той поля посыпалъ. Гдѣ посыпалъ— тамъ и хлѣбъ не всхожъ!.. [2]). А лѣтось, какъ чума была, какъ скотина на селѣ валомъ-валила, — у него, небойсь, не тронуло ни одной. Почему? Все потому же, что онъ съ „нимъ" спознался... Да это еще что—цвѣтики! Погодите вотъ—до ягодокъ дойдетъ!.. Весна не за горами...

Чего надлежало ожидать съ наступленіемъ весны—осталось неизвѣстнымъ; Матрена не могла досказать, потому что окружавшія ее женщины подняли ужасный вопль.

— Спасительницы вы наши, не оставьте насъ!—кричали онѣ въ голосъ:—какъ мы таперича жить будемъ, что дѣлать?

— Дѣло тутъ одно, — проповѣдывала Матрена: — спасаться надо отъ такого человѣка, пока время не упоздано. Трофимка, можетъ, и самъ не радъ, да ужъ силы не имѣетъ сопротивляться, весь во власти „его" состоитъ. Кабы Трофимку женили вовремя — не поддался бы онъ „его" власти, по тому по самому, что между имъ и „имъ" была бы жена. Походилъ бы „онъ" такъ-то, походилъ, увидѣлъ бы, что жена не подпущаетъ и — отсталъ бы.

— Ну, теперь, можетъ, ничего не будетъ,—возразили слушательницы:—Трофимъ женился, въ законъ вступилъ.

— На комъ женился! — азартно вскрикнула Матрена: — на солдатской вдовѣ! Да она сама изъ такихъ же. Теперь они

---

[1]) По народному мнѣнію, каждый мельникъ непремѣнно колдунъ.

[2]) Погребеніе опойца на общемъ кладбищѣ влечетъ за собой бездождіе. Народное повѣрье.

вдвоемъ-отъ еще сильнѣе стали; вы слышали — змій къ нимъ летаетъ, чего же больше! Охъ, что̀ будетъ нашимъ головушкамъ, если мы не спасемся отъ нихъ,—сказать неможно!

Опять начались общіе вздохи и сѣтованія, посыпались вопросы: что дѣлать, какъ быть, въ чемъ должно заключаться спасенье?

— Это, голубоньки мои,—отвѣтила Матрена:—не наше дѣло, бабье; на то у насъ мужики есть, ихъ спрашивайте, они разсудятъ...

Сумракъ сгустился. Въ темной синевѣ высокаго неба загорѣлись блестящія звѣзды. Въ отдаленіи замирали звуки канувшаго въ вѣчность дня. Гдѣ-то пропѣлъ пѣтухъ, на голосъ его отозвался другой, третій, и пошла по всему селу перекличка.

— Тихій вечеръ будетъ,—сказала одна изъ сестеръ.

— Да,—подтвердила мать Матрена:—пора и за „правило“ становиться... Добро вамъ житье-то,—обратилась она къ посѣтительницамъ:—придете домой, поужинаете и—на боковую, а намъ, убогимъ, никакъ и перекусить нечего. Станемъ таперича за правило, а въ брюхѣ-то пискомъ-пищитъ, съ голоду-то, — смущеніе да и только! Кончимъ правило, гляди—каѳисмы надо читать, а тамъ полунощницу. Всю ноченьку этакъ-то безъ сна и проводимъ во бдѣніи и молитвахъ. Какъ быть! Взялись замаливать мірскіе грѣхи—такъ ужъ не отлыниваемъ, а что положено по уставу—исполняемъ твердо. Не ропщемъ, нѣтъ! Потому по самому, что скорбятъ о васъ наши душеньки любвеобильныя!

— Пойдемте и въ самдѣлѣ,—сказала Епистимія: — ужинать пора; пойдемте, бабоньки!.. Благодаримъ васъ, милыя, за ваше неоставленье, за ваши умныя рѣчи; слушаешь васъ — не наслушаешься, таково сладостно и пріятственно...

Посѣтительницы кланялись келейницамъ въ поясъ и причитали благодарности, а мать Матрена, отвѣчая такими же усердными поклонами, говорила:

— Не обезсудьте насъ, немощныхъ: служимъ — изо всѣхъ силъ стараемся; только усердіе-то наше другимъ идетъ въ пользу, а не намъ. Коровушки вонъ совсѣмъ съ голоду околѣваютъ, ревма-ревутъ, корму просятъ, а у насъ, злосчастныхъ, ни сѣнца, ни посыпки — ничевохонько нѣтъ! Нельзя ли будетъ вамъ, сестрицы любящія, покучиться мужикамъ: хоть бы по скольку-нибудь, съ міру по ниткѣ—голенькому-то глядишь и рубашечка. О-охъ, бѣдность, бѣдность! Сокрушила ты насъ совсѣмъ, не доживя вѣкъ умремъ!.. Если бы, сердобольныя мои, не недостатки, такъ нечто мы этакъ молились бы о васъ? Да мы бы тогда во

вретище одѣлись, власяницы учали носить, вериги! Да чего ужъ и сказывать! Сами, чай, понимаете...

— Ахъ-ти, горе намъ, грѣшнымъ,—стонали слушательницы: —какъ же мы это, бабоньки? Неужто покинемъ ихъ въ такой скорби лютущей!

— Съ мужиками нашими говорить,—сказала одна:—все едино, что воду въ рѣшето лить. Имъ только бы винище глохтить; на это у нихъ достаетъ, а на что другое—не допросишься.

— Миленькія мои,—прослезилась Матрена:—вижу всю вашу любовь къ намъ и усердіе. Такъ ужъ вы вотъ какъ: мужьямъ-то не надокучайте. Можно—тайно отъ нихъ. Вечеркомъ этакъ—на салазочкахъ; понимаете? Тайная-то милостыня—она какую силу имѣетъ—и-и, огромаднѣйшую!..

— Ну, простите!.. Постараемся мы о васъ, порадѣемъ...

— Идите съ миромъ, голубоньки сизыя; не оставьте ужъ, не предайте смерти лютой!..—плакалась Матрена.

XV.

На слѣдующее же утро по селу загремѣли новыя трубы, возвѣстившія міру, что Щеголевы затѣваютъ что-то такое... такое... ну, словомъ—„весна не за горами, увидите тогда! спокаитесь, да ужъ поздно будетъ!"...

Село взволновалось, за „молодыми" начали зорко слѣдить и —удивительно!—въ каждомъ ихъ поступкѣ, въ каждомъ движеніи и словѣ находили что-то подозрительное, таинственно-зловѣщее. Оказалось, что змія видѣла не одна Ѳіона—недостойная, видѣли многіе. Бабы и дѣвки всего села, покинувъ ткацкіе станки, выбѣгали по вечерамъ для наблюденій ежеминутно и, возвратясь въ избу, съ великою клятвою увѣряли, что каждая изъ нихъ тоже видѣла змія, опустившагося въ печную трубу Трофимовой избы.

Страхъ былъ велій, всѣ ждали чего-то ужаснаго; ребята ревѣли, дѣвки выли, бабы причитали и „волокомъ-волокли" въ кельи „тайную" милостыню; мужики собирались въ кружокъ, азартно спорили и грозили Щеголевымъ.

Въ обществѣ дѣйствительно произошло „смутьянство". Остававшійся повидимому въ сторонѣ Шалуновъ, хитро улыбался и отъ удовольствія потиралъ руки; за то старица Матрена — надо отдать справедливость—не знала покоя ни днемъ, ни ночью. Неустанно ходила она изъ двора во дворъ и, въ ожиданіи градущ-

щихъ бѣдствій, плакала и со всѣми прощалась, какъ бы передъ смертью, завершая это прощанье словами: „Не знаю ужъ, доживемъ ли до завтрешняго дня“.

Въ волостное правленіе, находившееся въ сосѣднемъ селѣ, ежедневно являлись крестьяне съ жалобами на Трофима.

— Что онъ сдѣлалъ?—спрашивалъ старшина.

— Смута черезъ него идетъ,—въ голосъ отвѣчали крестьяне:—въ случаѣ чего—не остаться бы намъ въ отвѣтѣ.

Щеголевы знали обо всемъ. Ѳедосья рѣшилась поговорить съ мужемъ.

— Трофимъ Осиповичъ,—сказала она:—не пора ли подумать о дѣтяхъ? Здѣсь намъ не дождаться добра.

Трофимъ ничего не отвѣтилъ ей. Онъ самъ видѣлъ, что положеніе его въ обществѣ ухудшается съ каждымъ днемъ. Вліяніе массы было настолько сильно, что онъ не могъ разсчитывать на существенную помощь отъ своихъ сторонниковъ; самое большее, что могли сдѣлать они при настоящихъ обострившихся условіяхъ—это молчать, но и только. Но даже и въ виду неизбѣжной грозы, Трофимъ не могъ передѣлать себя, а разстаться съ тѣмъ, что онъ успѣлъ сдѣлать — тоже нелегко, и вотъ, онъ откладывалъ рѣшеніе день за днемъ, ожидая — не совершится ли чудо, не произойдетъ ли перемѣны къ лучшему.

Приходили братья и совѣтовали ему или сойтись съ Шалуновымъ, или ужъ вовсе отдалиться отъ грѣха, пока не сожгли, не засадили въ тюрьму, не сослали по приговору, какъ вреднаго члена общества.

Трофимъ обѣщалъ подумать; но, пока онъ думалъ, волненіе не утихало и, наконецъ, пріѣхалъ старшина. Долго толковалъ онъ съ міромъ, со Щеголевымъ, истощилъ всѣ усилія и, убѣдившись, что примиреніе невозможно, уѣхалъ, взявъ съ собою въ волость Трофима.

— Ну, Трофимъ Осиповичъ, — сказалъ онъ ему по пріѣздѣ въ правленіе: — послѣ того, что я видѣлъ и слышалъ на сходѣ, могу посовѣтовать тебѣ одно: уходи, какъ можно скорѣе, побереги и себя, и семью. Помни: „насильно милъ не будешь“. Вотъ тебѣ годовой паспортъ, бери семью и отправляйся хоть въ городъ что ли, на время, пока здѣсь успокоются. Теперь же ничего съ міромъ не подѣлаешь.

Изъ волости Трофимъ отправился къ управителю, потомъ къ священнику, къ братьямъ. На пути отъ нихъ, онъ только на минуту забѣжалъ домой взглянуть—все ли въ домѣ цѣло и невредимо, и, не говоря ни слова, пошелъ къ Паршину. Возвра-

тился Трофимъ уже вечеромъ. Съ нимъ пришли приказчикъ и работникъ Паршина.

Дѣти давно спали. Ѳедосья сидѣла, ожидая мужа.

Несчастная женщина въ этотъ день во второй разъ пережила свою жизнь, полную горестей и лишеній. Мысль, что всѣ эти гоненія на Трофима происходятъ изъ-за нея,—наполняла ея душу неизъяснимымъ страданіемъ и въ настоящую минуту она, похолодѣвъ отъ страха, съ трепетомъ ожидала: что скажетъ мужъ, чѣмъ кончатся эти муки?

XVI.

Взглянувъ на Трофима, Ѳедосья испугалась еще больше. Ее не сдержало даже присутствіе постороннихъ людей и она порывисто спросила:

— Что случилось, Трофимъ Осиповичъ?.. Лицо-то у тебя какое... не свое точно.

— Теперь не до этого, Ѳеня,—упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Трофимъ:—давай укладываться скорѣе... только потише, пожалуйста, безъ шума, чтобы не запримѣтилъ кто.

— Что такое?!.. Ахъ, Господи!..

Но Трофимъ только рукой махнулъ и началъ выдвигать на средину избы сундуки и укладки.

— Укладывайся, укладывайся!—торопилъ онъ жену, тиская въ сундуки, что̀ попадало подъ руку.

Пока укладывались, Трофимъ отрывками передалъ ей о разговорѣ съ волостнымъ старшиной и совѣтъ его удалиться изъ села хотя на время, но какъ можно поспѣшнѣе. Другіе, у кого былъ онъ, совѣтовали то же самое и тоже говорили—не мѣшкать, пока мірское неудовольствіе не разразилось какою-нибудь бѣдою. Трофимъ прибавилъ, что съ Паршинымъ расквитался онъ на-чисто и продалъ ему всю усадьбу на сносъ.

Ѳедосья заплакала.

Не выдержалъ Трофимъ этихъ слезъ, дрогнуло его сердце, и онъ съ грустію сказалъ:

— Я все ждалъ, что они одумаются, попомнятъ меня добромъ, а вышло такъ, что изъ родного села приходится бѣжать.

— Куда?—робко спросила Ѳедосья.

— Пойдемъ на волю Божію. Остановимся пока въ городѣ и обдумаемъ тамъ...

Стояла темная мартовская ночь. Въ недосягаемой высотѣ ярко

горѣли звѣзды. Крѣпкій морозъ сковывалъ распустившіеся за день ручьи. Село спало мертвымъ сномъ и—нигдѣ ни звука.

Тихо отворились ворота въ бывшей Трофимовой усадьбѣ и такъ же тихо, безъ шума выѣхали со двора двѣ подводы, запряженныя парами. Изгнанниковъ провожали со двора только приказчикъ и работникъ Паршина.

Всѣ перекрестились. Ѳедосья и дѣти обливались слезами...

Въ концѣ года волостное правленіе получило бумагу о причисленіи Трофима Щеголева съ семействомъ къ туркестанской области.

Услыхавъ такую новость, старица Матрена сказала:

— Не жилось съ добрыми людьми; къ азіату ушелъ!..

Н. И—въ.

ШУГНАНЪ

Афганистанскіе очерки.

Окончаніе.

IX *).

На третій день послѣ отъѣзда Атабая, передъ вечеромъ прискакалъ совсѣмъ замученный горецъ и объявилъ, что сюда сегодня долженъ пріѣхать какой-то „догъ“, „авганъ“, про котораго онъ ничего не зналъ: догъ пріѣхалъ въ ближнее селеніе (Чарпанъ), и оттуда тотчасъ же послалъ его сюда сказать, что ѣдетъ догъ — вотъ и все [1]). Сколько афганцевъ — онъ тоже не знаетъ, ибо видѣлъ только одного, который его отправилъ.

Вечеромъ, дѣйствительно, къ нашему лагерю приблизилась верховая партія, человѣкъ въ пять-шесть. Подъѣзжая къ палаткѣ, она круто повернула въ сторону. Ахунъ, полагая, что за темнотой она не разобрала мѣста, крикнулъ-было по-таджикски: „здѣсь, сюда!“,—но ему не отвѣтили даже, проѣхали мимо и остановились въ четверти версты. Что это за люди, никто не зналъ. Ночь накрывала темная. На всякій случай я отдалъ приказъ о строгомъ караулѣ противъ такой непонятной таинственности.

Назавтра явился Мирза съ разъясненіями, что пріѣхалъ афганецъ посломъ, вслѣдствіе передового письма мирзы. Чиномъ авганъ—сотникъ (юзъ-баши). Съ нимъ главный старшина изъ Гунта

---

*) См. выше: іюнь, стр. 612.

[1]) Догомъ они называли верхового-нарочнаго, посланнаго съ какими-нибудь порученіями отъ начальства.

и нѣсколько туземцевъ. Вечеромъ они боялись побезпокоить меня, потому и проѣхали мимо. Атабай встрѣтилъ авгана на полдорогѣ и проѣхалъ дальше.

Часовъ въ 10 доложили, что пришелъ авганъ съ старшиной. По моему приказанію, ихъ, въ ожиданіи пріема, посадили на кошму въ приличномъ удаленіи. Восточный этикетъ не допускалъ торопливости. Распорядившись насчетъ чаю, я пригласилъ дога въ палатку.

Молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ, небольшого роста, съ не совсѣмъ сформировавшейся бородой, въ синемъ потертомъ суконномъ казакинѣ и шароварахъ на-выпускъ, съ жиденькой салля (чалмой) на головѣ, въ шапкѣ и съ неизбѣжными громоздкими пистолетами за поясомъ, неловко откозырялъ мнѣ и еще болѣе неловко подалъ руку. За нимъ ту же церемонію продѣлалъ аксакалъ, щеголявшій совершенно новенькимъ халатомъ.

Я посадилъ ихъ на коверъ, постланный на полу передъ моей койкой.

Мирза былъ за переводчика, такъ какъ гости ничего не понимали по-тюркски, а я по-таджикски говорилъ болѣе, чѣмъ дурно. Напротивъ, когда я велъ разговоръ по-тюркски, рѣчь моя, въ искусномъ переводѣ Мирзы, была свободна вполнѣ того неловкаго впечатлѣнія, которое испытываетъ всякій, принужденный говорить съ лицомъ, плохо владѣющимъ языкомъ.

— Я очень радъ видѣть у себя посланнаго отъ афганскаго начальника,—началъ я мѣрнымъ тономъ, давая Мирзѣ возможность ясно понять каждую мою мысль и перевести ее въ законченной формѣ. — Я хорошо знаю афганцевъ, знаю давно. Вы такъ молоды, что не можете помнить, но, конечно, слышали, какъ лѣтъ 16 тому назадъ афганскій отрядъ съ Искандеръ-ханомъ бѣжалъ изъ Афганистана и перешелъ къ русскимъ; слышали, какъ этотъ отрядъ вмѣстѣ съ русскими воевалъ противъ бухарцевъ при взятіи Самарканда, и какъ послѣ того Искандеръ-ханъ удостоился милости Бѣлаго Царя и былъ взятъ на службу въ Петербургъ. Все это происходило на моихъ глазахъ. Я зналъ Искандеръ-хана, видѣлъ его афганцевъ въ бою. Я зналъ, наконецъ, самого Абдурахманъ-хана, когда онъ жилъ у насъ въ Самаркандѣ и въ Ташкентѣ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ жилъ среди русскихъ какъ гость, какъ другъ, пользуясь ихъ гостепріимствомъ. Русскіе помогли Абдурахманъ-хану пробраться въ Афганистанъ, чтобы сдѣлаться его повелителемъ. Мое знакомство съ афганцами убѣдило меня, что они народъ смѣлый, прямодушный. Съ ними мы давно привыкли быть добрыми сосѣдями. Вотъ почему я такъ довѣрчиво и

спокойно повернулъ сюда, несмотря на недавнее появленіе здѣсь афганцевъ. Вы встрѣтили моего посланнаго, онъ везъ письмо и подарки бекамъ. Теперь вы сами видѣли меня и весь мой отрядъ и, воротившись, можете передать своему начальнику то, что здѣсь видѣли и что слышали отъ меня.

По мѣрѣ развитія моей рѣчи Мирза все болѣе и болѣе воодушевлялся, тогда какъ авганъ видимо приходилъ въ смущеніе. Слушая рѣчь, онъ нескладно поддакивалъ и качалъ головой. Когда же я кончилъ, онъ совершенно сконфузился.

— Господинъ... одно правительство и другое правительство... оба велики... оба дружны... вы гость... я очень мелкій человѣкъ...

Больше онъ не нашелъ, что сказать,—дипломатическое порученіе было ему не по силамъ. Даже на этихъ нѣсколькихъ несвязныхъ фразахъ крупный потъ выступилъ у него на лбу.

Имъ подали чай. Сотникъ совсѣмъ растерялся, какъ быть съ сахаромъ: сперва хотѣлъ было бросить въ чашку, потомъ раздумалъ и положилъ цѣлый кусокъ въ ротъ, окончательно переконфузился, весь запотѣлъ, видимо чувствуя себя крайне неловко на оффиціальномъ пріемѣ.

Я отпустилъ ихъ.

Поспѣшно откозырявши, юзъ-баши вышелъ и, отирая на свободѣ потъ съ лица, не утерпѣлъ и безтактно высказался передъ таджиками, какъ набрался страху до того, что чуть не подавился сахаромъ. Къ вечеру они должны были уѣхать. Я послалъ имъ маленькіе подарки, которые — по увѣренію посланныхъ — очень будто бы ихъ утѣшили. „Не намъ бы слѣдовало получать отъ гостя подарки, а ему поднести отъ насъ; но что же дѣлать—мы очень бѣдные люди“, отвѣтили они.

Мирза торжествовалъ и, по отъѣздѣ афганца, тотчасъ же явился ко мнѣ. Его выразительное лицо свѣтилось совсѣмъ иначе. Онъ увлекался, злорадно перетолковывалъ въ извѣстномъ тонѣ значеніе сценъ и разговоровъ и, усиливая подтруниванье надъ афганцами, далъ, наконецъ, полную мѣру своему сердцу.

— Вы знаете, что такое авганъ? — спросилъ онъ меня съ особеннымъ блескомъ глазъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ав-гонъ!—отвѣтилъ многозначительно Мирза, готовый разсмѣяться („гонъ“ въ его выговорѣ выходило на манеръ французскаго hon).

Я не понялъ.

— Ав-ав!.. hon-hon!

Я все-таки не догадывался.

— Такъ лаетъ собака и кричитъ воронъ,—объяснилъ онъ и совсѣмъ уже весело продѣлалъ снова: ав-ав!.. hon-hon!—Вотъ кто авгонъ, вотъ какіе звѣри въ немъ соединились, добавилъ онъ вдругъ измѣнившимся голосомъ.

— А вы не любите афганцевъ?—нашелъ я возможнымъ спросить послѣ этого.

— Что вы говорите!—чуть не воскликнулъ Мирза: да развѣ можно ихъ любить?!

Онъ разошелся и ударился въ длинныя разъясненія. Афганцы считаютъ людьми только афганцевъ. Всѣ остальные для нихъ поганыя животныя. Туземца афганецъ считаетъ хуже собаки. Онъ никогда не отнесется къ жителю по-человѣчески. Туземецъ для него поганая тварь. Онъ не говоритъ съ нимъ, онъ только приказываетъ—и какъ приказываетъ! Ему все равно, кто передъ нимъ: старикъ, женщина, дитя—онъ одинаково презрителенъ, грубъ, дикъ. Другихъ словъ, кромѣ проклятій, самыхъ унизительныхъ, позорныхъ ругательствъ, у него нѣтъ для жителей... Всѣ жители ненавидятъ афганцевъ и очень рады, что пришли русскіе, и что афганцы такъ растерялись. Они васъ боятся...

— Когда пріѣзжаетъ ко мнѣ авгонъ—я не пущу его близко къ своему дому: я даю ему поганую чашку, даю пищи, и прошу убираться отъ меня подальше. Жри и спи, какъ собака, въ полѣ, гдѣ хочешь... Ав-ав!—hon-hon! кончилъ совсѣмъ уже зло свои изліянія Мирза.

— А сильно они притѣсняютъ жителей?—спросилъ я.

— Очень. Ослушаться ихъ нельзя, такъ они злы. Авгонъ сейчасъ же хватается за шашку, за пистолетъ, какъ дикій звѣрь. Насъ они еще опасаются. Теперь что бы они ни взяли у жителей изъ продуктовъ для войска, за все деньги платятъ. Это вѣрно, этого про нихъ нельзя сказать. За все, кромѣ натуральной повинности, деньги. Но это теперь, покуда, потому они еще сами боятся учителей... А тамъ, я хорошо знаю авгона—отъ него кромѣ гадостей ничего нельзя ждать...

Долго еще велъ свою сердитую рѣчь Мирза. Видимо было, что обѣ эти народности одинаково ненавидятъ другъ друга, одинаково презираютъ еретическую вѣру противной стороны, и вся разница была только въ проявленіи этой взаимной ненависти. Афганецъ имѣлъ право громко, открыто сквернословить въ сторону горца, презирать какъ побѣдитель. Горецъ же, какъ покоренный, могъ лишь сквозь зубы на своемъ, непонятномъ афганцу—языкѣ процѣдить соотвѣтственное проклятіе, могъ только за угломъ, въ средѣ своихъ, затаенно изливать злобу на „собаку-

ворона"... Натянутость отношеній видна была сразу... Что-то напряженное, ненормальное, подавленное чувствовалось въ воздухѣ—какой-то вопросъ, глухое выжиданіе... И чуялось это не на одной сторонѣ горцевъ, а одинаково и въ лагерѣ афганцевъ. Слишкомъ рѣзко бросалась въ глаза и ихъ торопливость, ихъ недосказанность, недовѣріе, нездоровая сдержанность, неувѣренность за каждый моментъ.

Слухи изъ Барпянжа приходили все тревожные, раздражающаго характера слухи. Послѣдній эпизодъ съ Испаляханомъ окрашивался все болѣе въ „натуральныя" азіятскія краски.

Перехваченное письмо Юсуфа-Али повело къ розыску, розыскъ къ застѣнку... О какихъ богатствахъ писалъ ханъ къ сыну? Гдѣ эти богатства? Потянули ханскаго „казначея"; сталъ запираться. Начались пытки. На чисто выбритую голову капали кипящимъ саломъ. Сознался, показалъ, гдѣ скрыты яхтаны (вьючные легкіе сундуки). За первыми десятками сундуковъ слѣдовали новыя пытки и открывались новые сундуки. Застѣнокъ вошелъ въ азартъ: любо было искать дорогое добро. Набрали сотню яхтановъ и на пятидесяти лошадяхъ отправили ихъ въ Файзабадъ. Ключи отъ яхтановъ были у Юсуфъ-Али-Хана. Привели самаго Шугнанскаго властителя: отпирай! Самъ отперъ и присутствовалъ при описи. Сундуки оказались съ золотомъ, серебромъ и другими „драгоцѣнностями". Сундукъ за сундукомъ проходили передъ глазами старика хана.—„Это ты все у жителей награбилъ, собака? Какъ ты не подавился, проклятый?!. Оттого-то твои жители такъ и „богаты", старый ты воръ! И это все ты хотѣлъ утащить къ русскимъ?!." приговаривали за каждой вещью допрощики, сопровождая свои комментаріи самой распущенной восточной бранью...

Относительно самаго Юсуфъ-Али ограничились только кандалами. Въ этихъ кандалахъ онъ и былъ увезенъ изъ Файзабада въ Кабулъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Но розыскъ не кончился. Вымучивъ сундуки хана, застѣнокъ потянулъ достояніе его родни. Ищейки разсыпались по Шугнану и стали уже донюхивать скотину, домашній скарбъ. Стоило проболтаться кому-нибудь о пустякахъ, чтобы это сейчасъ же шло къ уголовному „дѣлу"... [1])

[1]) До какой мелочности дошелъ этотъ розыскъ я имѣлъ случай лично убѣдиться. Юсуфъ-Али, какъ истый скряга, покупалъ на ферганскихъ базарахъ старые халаты для раздачи своимъ служащимъ. Два тюка этого старья везъ нѣкій старый Гарыпша, выѣхавшій изъ Ферганы вмѣстѣ съ нами. Узнавъ о судьбѣ Юсуфа-Али, Горыпша бросилъ тюки на Памирѣ и поѣхалъ одинъ въ Шугнанъ. Афганцы пронюхали и заставили старика привезти тюки.

Слухи эти, передававшіеся народомъ изъ устъ въ уста, быстро разносились съ разными варьянтами изъ Бадахмана въ Шугнанъ и здѣсь изъ селенія въ селеніе. По существу народъ не могъ претендовать на расправу съ Испаляханомъ: онъ былъ дѣйствительно истый деспотъ-грабитель. Въ варьянтахъ отчетливо слышались комментаріи самихъ разсказщиковъ. Пытки и другія истязанія никого неудивляли—это было въ обычаяхъ страны. Лично Юсуфа никто не жалѣлъ; „такъ ему и надо"! звучало всегда въ тонѣ разсказа.

Но вмѣстѣ съ этимъ никто не былъ и доволенъ такой расправой. Прежде всего расправа была произведена ненавистнѣйшими людьми—афганцами. Одно это роняло уже всю силу возмездія. Горечь постигшей Юсуфа-Али судьбы не имѣла вида заслуженной карой за грѣхи, а смотрѣла обидой. Афганцы обманомъ вызвали хана, обманомъ поймали сына въ ловушку, обманомъ заняли Шугнанъ войсками; пытками достали сокровища, и, осрамивъ Юсуфа за „грабежъ", какъ бы въ насмѣшку надъ „ограбленными" жителями, увезли все отнятое у нихъ въ теченіе десятковъ лѣтъ въ далекій афганскій Файзабадъ. Правда, взамѣнъ этихъ богатствъ, населенію объявлена шестилѣтняя льгота отъ податей, но въ день моего пріѣзда въ Сардымъ было получено извѣстіе, что масса народа со всего Шугнана согнана на спѣшную разработку колесной дороги отъ Файзабада до Берпянжа. Такой сборъ народа въ самую рабочую полевую пору стоилъ уже доброй подати. Тѣмъ болѣе—дорóга была внѣшняя, чисто военная афганская дорога. Жители своими руками закрѣпляли афганцамъ легкость доступа къ Шугнану. Розыски имущества Юсуфа-Али среди жителей вели къ массѣ несправедливостей, хлопотъ, расходовъ. Словомъ, народъ отлично понималъ и чувствовалъ, что дѣло хановъ разыгрывается на его спинѣ, что онъ мѣняетъ кукушку на ястреба. Испаляханъ былъ деспотъ и мучитель, но онъ всетаки былъ свой, „настоящій" ханъ, который берегъ самостоятельность ханства, былъ хоть чѣмъ нибудь связанъ съ страной и народомъ, и хоть противъ афганцевъ отстаивалъ своихъ подданныхъ. У народа оставалась надежда, что преемникъ Юсуфа-Али будетъ съ другими, болѣе желанными личными качествами, и для бѣднаго населенія настанетъ наконецъ лучшая пора... Теперь передъ горцами были чужіе правители, злѣйшіе ихъ враги, тѣ афганцы, которымъ ихъ съпоконъ-вѣка продавали въ рабство. Уже не свой ханъ или его родня будетъ мудрить надъ ними, а станетъ издѣваться послѣдній солдатъ афганскаго войска. Что то роковое чуялось сердцемъ народа—слов-

но стоялъ онъ передъ открытыми воротами, не смѣя затворить ихъ, и предчувствовалъ полный конецъ своей святыни, всего своего внутренняго бытія, сберегая которое, онъ ушелъ отъ несправедливаго человѣчества къ самому высокому Памиру, пригнѣздился подъ самой безлюдной и недоступной „крышей міра"...

X.

Къ вечеру того же дня нашъ лагерь снова оживился новостями. Пріѣхалъ Хаджа-Мамбетъ изъ Барпянжа съ полными курджунами яблоковъ и дынь и съ свѣжими разсказами о миссіи Атабая.

Ко мнѣ въ палатку онъ явился съ восторженной физіономіей, нѣжно-радостно бросился жать мои руки, точно вырвался изъ тюрьмы къ роднымъ братьямъ.

— Одинъ?—спросилъ я.

— Одинъ, господинъ мой! Атабай изъ Барпянжа послалъ меня впередъ къ вамъ съ извѣстіями.

Онъ весь сіялъ. Киргизская душа была пресыщена, онъ зналъ и чувствовалъ, что въ немъ теперь вся сила, въ немъ весь интересъ минуты, въ его рукахъ самыя дорогія, самыя свѣженькія новости, тотъ „хабаръ", изъ-за котораго истый киргизъ не задумается промчаться безъ отдыха хоть сотню верстъ, куда угодно, безъ всякой надобности, только бы быть героемъ, разсказщикомъ важныхъ новостей, сидѣть бы на первомъ мѣстѣ, говорить—говорить, а всѣ на него смотрятъ, слушаютъ, дивятся...

На этотъ разъ онъ былъ удовлетворенъ вполнѣ. Въ палатку набилось много народу; въ открытыхъ дверяхъ торчали любопытныя лица тѣхъ, кому не хватило мѣста внутри. Всѣ улыбались, видя сіяющаго Мамбета, и вопросительно посматривали то на него, то на меня.

Началось повѣствованіе. Слова горячо лились съ неудержимаго языка Мамбета. Всякое событіе онъ представлялъ наглядно, играя десятокъ ролей разомъ, торжествуя, пугаясь, смѣясь и снова сіяя. Онъ гналъ такъ шибко! Атабай призвалъ его и сказалъ: Мамбетъ, вотъ яблоки отъ бека нашему господину. Скачи и разскажи все! Успокой ихъ поскорѣе!" И онъ погналъ. Пропаду, сдохну, но доѣду, разскажу... Наши дѣла идутъ отлично! Атабай такъ умѣлъ ловко всѣмъ распорядиться. Какое неожиданное и сильное впечатлѣніе произвело на всѣхъ посольство... Первое происшествіе было съ ними въ Сучанѣ, гдѣ ихъ задержали и не

хотѣли пустить дальше. Но такой Атабай смѣлый: „такъ вы ужъ свяжите меня, какъ вора—я вѣдь ѣду къ вашему беку съ подарками, посланниковъ вездѣ вяжутъ!“ воскликнулъ онъ и протянулъ руки. Конечно, жители смутились и отпустили его дальше... Въ Барпянжѣ они надѣлали еще больше переполоху. Атабая приняли тотчасъ же. Когда онъ вошелъ къ беку, всѣ афганскіе начальники—человѣкъ десять, сидѣли на полу полукольцомъ и передъ каждымъ лежала шашка. При входѣ Атабая всѣ поднялись на ноги. Лица были у всѣхъ вытянуты вотъ какъ!

„— Прошу садиться,—сказалъ Атабаю бекъ, указывая на приготовленное мѣсто.

„— Право сѣсть первому принадлежитъ вамъ: вы здѣсь старше всѣхъ! — ловко отвѣтилъ Атабай (другого такого смѣлаго нѣтъ нигдѣ!).

Атабай подалъ письмо. Оно было въ подклейномъ конвертѣ, бекъ сталъ вертѣть его въ рукахъ, не зная какъ распечатать (ни одинъ авганъ не умѣлъ этого сдѣлать!). Атабай говоритъ: „позвольте“, вынулъ ножъ, чикъ—и готово. „Извольте“, говоритъ. Стали читать—у всѣхъ лица стали проясняться: господинъ такъ хорошо пишетъ. Атабай поднесъ подарки: „Это—вамъ, это —вамъ“. Всѣ обрадовались. Взяли ружье, а ничего сдѣлать съ нимъ не могутъ. Атабай, говоритъ: „позвольте“. Какъ сталъ дѣлать, какъ сталъ дѣлать... разъ!—мѣдный патронъ стрекнулъ вонъ куда! Такъ всѣ авганы и завыли: „а-а!“ А Атабай еще, да еще, а авганы такъ и ревутъ „а-яй, вещица!“...

„— Что же вашему начальнику угодно?—спросилъ бекъ.

„— То и то...

„— Я для него все сдѣлаю, я пронесу его на моей головѣ! [1]) Вашъ начальникъ—большой начальникъ“...

Замѣчательно, что ходжа Мамбетъ, не бывши при этомъ разговорѣ, передалъ съ необыкновенной наглядностью и вѣрностью всѣ мельчайшія подробности встрѣчи,—такъ сильно запечатлѣлся въ его киргизской памяти разсказъ Атабая. Но когда началась настоящая дипломатія, Мамбетъ сталъ врать, какъ всѣ киргизы вмѣстѣ. Вралъ онъ, конечно, съ той же увлекательностью, но для меня было ясно, что Атабая задержали для переговоровъ по главному вопросу, а потому я и предоставилъ счастливому вѣстнику идти на свободу—и тамъ, около кипящаго чайника, доканчивать его фантазіи.

---

[1]) Чисто киргизское выраженіе, означающее высшую степень готовности услужить.

Тысячные варьянты вранья тянулись далеко за-полночь.

Утромъ меня разбудила новая вѣсть: Мирза торопливо сообщилъ, что ко мнѣ ѣдетъ самъ правитель Шугнана, Могаметъ-Фурузъ съ двадцатью афганцами, и что вчерашній юзъ-баши прибылъ снова сюда дожидаться бека. Будетъ сегодня.

— Мнѣ хлопотъ больше всего. Не хотѣлось бы угождать авгону, да это дѣлается для васъ: онъ, конечно, везетъ вамъ отвѣтные подарки—сказалъ Мирза, дружески сіяя и спѣшно скрываясь по хозяйству.

Надо было и мнѣ позаботиться о пріемѣ гостя. Главное, требовалось приготовить казаковъ. Выйдя изъ палатки, я встрѣтилъ отдаленную „читъ“ юзъ-баши. Сегодня онъ уже не былъ для меня гостемъ и держался въ сторонѣ. Казаки мои, вполнѣ уже освоившіеся съ моей системой „командованія отрядомъ“, отчетливо поняли новую инструкцію о самомъ вѣжливомъ и мирно оффиціальномъ отношеніи съ афганцами и стали готовить „чистую одёжу“, чтобы явиться франтами передъ гостями.

Вдругъ юзъ-баши и старшина исчезаютъ. Оказывается, пріѣзжалъ какой-то горецъ и что-то передалъ...

Я послалъ за Мирзой. Онъ явился сконфуженный. Вышла „ошибка“: юзъ-баши встрѣтилъ на дорогѣ туземца, который сказалъ ему, что ѣдетъ бекъ съ афганцами, поэтому онъ и вернулся сюда дожидаться бека; а сейчасъ пріѣзжалъ человѣкъ, разъяснившій, что это былъ не бекъ, а „рисалядаръ“, который ѣхалъ не сюда, а просто по селеніямъ „провѣрять дома“. Юзъ-баши и уѣхалъ.

— Это все глупый народъ болтаетъ,—добавилъ онъ съ видомъ потихони.—Теперь вѣрить никому нельзя...

Наконецъ, послѣ полудня, пріѣхалъ человѣкъ, которому можно было и вѣрить: возвратился Атабай съ другимъ афганцемъ. Оба были сильно измучены дорогой.

Новый догъ Рахматулля былъ „авгонъ“ совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ юзъ-баши. Уже пожилой, высокій, сухой и прямой, какъ палка. Длинная шея его не поворачивалась вовсе. Олицетворенная неподвижность и безстрастность—точно каменный. Лицо испитое, безъ кровинки, черные глаза безъ жизни, совсѣмъ потухшіе, какъ будто жизнь въ этомъ человѣкѣ тлѣла гдѣ-то глубоко, а вся внѣшность изображала ширму. Говорилъ онъ по два слова, сквозь зубы. При всемъ томъ онъ былъ сильно сложёнъ, мраченъ, недовѣрчивъ, но спокоенъ. Это былъ типъ афганца-опіумофага, кавалериста и самаго педантичнаго служаки. Для него не было ни дома, ни привязанностей, ни сожалѣній. Онъ загорался послѣ опія, жилъ на сѣдлѣ и, какъ привидѣніе, молчаливо,

холодно, неотразимо повиновался службѣ. Передъ отъѣздомъ Атабая, его позвали къ беку: „поѣзжай съ нимъ, отвези это письмо, при тебѣ привезутъ провизію“; выслушалъ онъ приказаніе, стоя въ своей однообразной, свободной позѣ (руки на бедрахъ), молча откозырялъ, молча тутъ же сѣлъ на лошадь и выѣхалъ. Онъ исполнитъ только то, что онъ слышалъ.

И вотъ, передо мной сидѣла эта пожелтѣвшая страница съ оттиснутыми на ней десятью словами приказанія бека. Она молчала.

— Отъ кого онъ пріѣхалъ и зачѣмъ?—спросилъ я оффиціально.

— Отъ бека письмо, — произнесла полумертвая страница первыя слова своей строчки.

Я получилъ письмецо, завернутое въ оболочку, на которой значилось:

„Достоуважаемому ученому“.

Бекъ писалъ слѣдующее (въ дословномъ переводѣ съ персидскаго):

„Основателю дружбы и знакомства слова слѣдующія: посланное вами письмо я получилъ и всѣ поименованныя въ письмѣ вашемъ обстоятельства понялъ и близко принимаю къ сердцу.

„О, другъ и товарищъ! Сообщаю вамъ, и сами вы хорошо знаете, что пограничные начальники, безъ позволенія своихъ властителей и главныхъ командировъ, не имѣютъ права пропускать ни одного человѣка, на основаніи закона правительства. По дружбѣ пишу вамъ, что задержаніе васъ тамъ мнѣ непріятно столько же, какъ и вамъ. Но цари могутъ остановить и гору! Поэтому совѣтую вамъ возвратиться обратно, чтобы подъ какимъ-нибудь предлогомъ не причинился вамъ какой-либо вредъ и ущербъ, а также, чтобы и мнѣ самому не заслужить дурного имени и безчестія предъ высшими лицами высокаго повелителя.

„Для блага вашего и моего я совѣтую вамъ возвратиться обратно. Больше ничего не имѣю добавить.

(печать) Могаметъ-Фурузъ“.

Во время чтенія, Рахматулля видимо терялъ послѣднія силы отъ утомленія и рѣшился сказать два слова отъ себя, попросивши папиросу, которая тотчасъ же освѣжила его.

— Завтра утромъ сюда доставятъ провизію,—добавилъ онъ и конецъ своей служебной строчки.

— А подковы будутъ?—спросилъ я.

— Подковъ нѣтъ,—изрекло привидѣніе.

Я сталъ объяснять, что мнѣ крайне нужны подковы и гвозди, Что безъ нихъ я не могу уйти.

Приведеніе не дрогнуло, но подъ полуопущенными вѣками что-то скользнуло.

— Я кавалеристъ, знаю, чтó такое подкова,—процѣдилъ онъ сквозь зубы:—во всемъ Шугнанѣ нѣтъ гвоздя. Моя лошадь объ одной подковѣ.

Сказавъ это, Рахматулля окостенѣлъ окончательно. Я отпустилъ его. Онъ взялъ свое ружье, лошадь, отвелъ ее подальше къ кустамъ, привязалъ и опустился около нея на траву. Тамъ онъ провелъ все время до завтрашняго утра. Мирза выслалъ ему „поганую" чашку и какой-то пищи, и этимъ ограничилъ свои сношенія.

Для меня дѣло было ясно съ момента возвращенія Атабая—надо было уходить на Памиръ.

Настаивать на пропускѣ и вести переговоры—значило терять время напрасно. Требовать пропуска, т.-е. двинуться внизъ по Гунту, — значило осложнять задачу экспедиціи, брать на себя чисто дипломатическое бремя и, затративъ время на политику, пренебречь научными изслѣдованіями въ предѣлахъ твердо уже намѣченной программы. Не будь этого недавняго занятія страны, мои дальнѣйшія настоянія въ пропускѣ имѣли бы смыслъ: тогда я боролся бы съ личнымъ капризомъ правителя. Теперь же, при указанномъ напряженномъ положеніи дѣлъ, я долженъ былъ взять на себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти послѣдствія, и они могли быть очень сложны. Двинуться при подобныхъ обстоятельствахъ впередъ можно было только подъ условіемъ, что я, никоимъ образомъ, добровольно не поверну уже назадъ. Идти и потомъ отступать—было равносильно весьма неловкой, во всѣхъ отношеніяхъ демонстраціи. Рисковать именемъ и задачей экспедиціи въ этомъ смыслѣ я не могъ себѣ позволить.

Выступленіе я назначилъ на-завтра. Путь выбралъ по Тукузъбулаку, какъ болѣе мягкій для моихъ полурасковaнныхъ лошадей, какъ новый для меня и позволяющій связать точнѣе окружную съемку Гунта съ Памиромъ.

Долго готовиться намъ не приходилось: нашъ обозъ былъ очень несложенъ, а привычка и порядокъ укладки и вьючки уже выработались въ точности. Времени было вволю, и я заставилъ Атабая разсказывать его похожденія.

Послѣ отъѣзда Мамбета изъ Барпянжа, онъ дожидался отвѣтовъ до слѣдующаго дня, помѣстившись въ комнатѣ бековскаго расходчика. Могаметъ-Фурузъ самъ пришелъ къ нему для объясненій. Пришелъ одинъ, поразилъ Атабая крайней простотой и фамильярностью обращенія. Просидѣлъ рядомъ съ нимъ, какъ

съ пріятелемъ, часа два и велъ бесѣду въ самомъ дружескомъ тонѣ. Онъ давно уже слышалъ, что русскіе на Памирѣ, что въ Сардымъ пріѣзжали джигиты, и не придавалъ этому никакого тревожнаго значенія. Лично онъ крайне расположенъ къ русскимъ, былъ бы готовъ услужить мнѣ, но при теперешнихъ обстоятельствахъ не смѣетъ. Кундузскій губернаторъ Мулладжанъ еще не скоро пріѣдетъ сюда. Посланное къ нему донесеніе пройдетъ долго—ждать отвѣта слишкомъ утомительно. Его совѣтъ—вернуться. Онъ очень смущенъ полученными подарками, ибо отплатить ему нечѣмъ.

— Вы видите, какъ бѣдно мы здѣсь живемъ сами. У насъ нѣтъ ничего, нѣтъ даже чаю. Спимъ, какъ на походѣ, едва кормимся. Мы простые солдаты. Вся одежда моя на мнѣ,—жаловался бекъ.

— Вы напрасно стѣсняетесь, господинъ, — отвѣтилъ Атабай:—подарки моимъ начальникомъ присланы не для обмѣна, а въ знакъ его дружескаго расположенія. Онъ будетъ радъ, если вы ихъ оставите у себя на память.

— Развѣ вы не мусульманинъ и не знаете нашихъ обычаевъ? —воскликнулъ Могаметъ-Фурузъ. Взять и не отдать—значитъ отдать себя на смѣхъ всѣмъ. Мнѣ очень жаль, но я пришлю вамъ подарки, и вы увезете ихъ съ собой... Все, что въ моихъ средствахъ, я сдѣлаю... Но здѣсь въ Шугнанѣ ничего нельзя достать. Муки и крупы я отпущу изъ нашихъ запасовъ. Можетъ быть, что-нибудь найдется у жителей... Но подковъ нѣтъ...

Бекъ очень долго болталъ съ Атабаемъ, повелъ его показать, гдѣ онъ предполагаетъ построить лавки для будущаго, перваго въ Шугнанѣ, базара, удивлялся щегольскому костюму моего джигита, даже справился, сколько въ Ташкентѣ стоютъ его прекрасные сапоги...

— Вонъ какъ у васъ и дешево, и хорошо. А мы здѣсь совсѣмъ оборванцами...

Словомъ, теперешній правитель большого ханства держалъ себя съ джигитомъ за панибрата. Видимо, простота была присущимъ его качествомъ. Около него не толклось ни джигитовъ, ни полицейскихъ, онъ не умѣлъ и не могъ важничать передъ подчиненными. Кажется, ему не придавали значенія и всѣ другіе афганцы. Да и вообще въ быту побѣдителей царствовалъ полнѣйшій сумбуръ, безпорядокъ.

Афганскаго войска при Атабаѣ было уже человѣкъ триста. Большая часть была пѣхота. За подкрѣпленіями въ Файзабадъ посланъ нарочный тотчасъ же по полученіи письма Мирзы. Ди-

сциплины солдаты не знали никакой, своихъ „офицеровъ“ трактовали, какъ плохіе солдаты плохихъ ефрейторовъ. На глазахъ Атабая шла спѣшная разсылка отрядовъ въ разные пограничные пункты. Ясно было, что мой пріѣздъ въ Сардымъ произвелъ переполохъ, и афганцы не вѣрили, что сзади меня нѣтъ никого. Посылали на Гунтъ, Шахдару, къ Рошану. Крики и брань висѣли надъ войскомъ, солдаты ругались между собой, огрызались на офицеровъ, шла драка и путаница. „Командующій войсками“, какъ кажется, тоже не отличался выдающимися свойствами. Главнымъ заправилой и внутреннихъ распорядковъ, и внѣшней политики былъ „рисалядаръ“ (т.-е. „воинскій начальникъ“, по опредѣленію моего расторопнаго Атабая) — бывшій „военный агентъ“ при дворѣ Юсуфъ-Али-хана. Онъ, какъ знатокъ края и наиболѣе дѣятельный человѣкъ, давалъ всему тонъ. Не сомнѣваюсь, что этому-то именно тону я прежде всего и обязанъ встрѣченными затрудненіями. Сей агентъ оказался тѣмъ самымъ афганцемъ, который былъ лично замѣшанъ въ „исторіи“ съ докторомъ Регелемъ.

„Исторію съ русскимъ докторомъ“ я слышалъ мелькомъ еще до прихода своего въ Шугнанъ. Здѣсь полученныя мною свѣденія мало разъяснили подробности, но суть подтвердилась во всѣхъ слышанныхъ мною варьянтахъ.

Въ устахъ народа фактъ изображался въ такомъ видѣ. Въ Шугнанъ, еще въ царствованіе Аспаляхана, пріѣхалъ изъ Дарваза съ маленькимъ бухарскимъ конвоемъ русскій докторъ, который собиралъ траву (чопъ). Ханъ принялъ русскаго чиновника съ почетомъ, какъ гостя. Докторъ долго жилъ въ Шугнанѣ, ѣздилъ собирать траву. Докторъ былъ хорошій человѣкъ, за все платилъ деньги и жилъ съ ханомъ дружно. Авганамъ показалось подозрительнымъ проживаніе доктора въ Шугнанѣ, и они прислали агента къ хану. Случилось, что докторъ возвратился изъ поѣздокъ въ Барпянжъ. Аспаляханъ задалъ для него праздникъ, на которомъ присутствовалъ и авганъ. Понятно, что ханъ оказывалъ доктору гораздо бо́льшее вниманіе, чѣмъ авгану. Агентъ оскорбился и высказалъ въ очень рѣзкой формѣ обиду, причемъ грубо задѣлъ доктора. Вышелъ крупный разговоръ. Докторъ не могъ простить брошенное ему публично оскорбленіе на словахъ, кинулся на авгана и далъ нѣсколько пощечинъ. Едва спасли задиру-авганца, а то бы застрѣлилъ изъ револьвера... Проученный агентъ не забылъ посрамленія и сталъ ковать ковы противъ хана и доктора. По его донесеніямъ, въ Шугнанъ прислали тридцать авгановъ. Докторъ уѣхалъ въ Дарвазъ, Аспаляхана вызвали въ Файзабадъ, а агентъ превратился въ „рисалядара“...

Въ устахъ народа фактъ ссоры обратился уже въ легенду и изображался въ такомъ приблизительно видѣ [1]).

Когда еще Аспаляханъ былъ, пріѣхалъ въ Шугнанъ изъ Дарваза русскій докторъ; съ нимъ сколько-то бухарскихъ джигитовъ. Принялъ его ханъ со всѣмъ почетомъ, какъ важнаго гостя. Жилъ русскій докторъ въ Шугнанѣ, ѣздилъ туда-сюда, собиралъ траву (чопъ). Хорошій былъ человѣкъ русскій докторъ— что возьметъ у жителей, сейчасъ деньги отдастъ, даромъ, что ханъ не велѣлъ... Жилъ,-жилъ русскій докторъ, и дошло это до авгановъ. Сейчасъ они въ Шугнанъ авгана для досмотру (того самаго, что теперь рисалядаромъ). Вотъ съѣхался русскій докторъ съ авганомъ у хана. Посадилъ ханъ русскаго доктора на первое мѣсто, авгана на второе. Подалъ ханъ русскому доктору первое кушанье, авгану второе. Разсердился авганъ: такъ-то ты меня уважаешь,—говоритъ,— русскаго доктора первымъ гостемъ сдѣлалъ, а меня вторымъ? А русскій докторъ и спрашиваетъ: а тебѣ, говоритъ, авганъ, какое здѣсь дѣло, что ты спрашивать смѣешь? Ханъ здѣсь хозяинъ, ему и знать, какой почетъ оказать русскому гостю въ чинахъ, какой простому авгану. Авганъ ему: а по какому ты праву, русскій докторъ, въ этой землѣ живешь, ѣздишь туда-сюда, всякую траву собираешь?—На то ему русскій докторъ: не тебѣ, авгану, мнѣ отвѣтъ давать! Знаетъ про то ханъ да Бѣлый Царь, а ты кто таковъ тутъ?—Авганъ и отвѣтъ: а вотъ я какой,—захочу, сейчасъ тебя изъ этого мѣста вышлю! Вотъ кто я такой! Вскочилъ русскій докторъ съ мѣста: Забылъ ты, поганый авганъ, съ кѣмъ говоришь! Видишь ты эти чины (погоны)? я своему Бѣлому Царю вѣрный слуга! А за безчестье, вотъ тебѣ! Да разъ его, да два его, да третью... Хотѣлъ было застрѣлить авгана изъ пистолета, да ханъ уговорилъ... Послѣ того авганъ злость взялъ. Того въ Бадахшанъ отписалъ, чего и не было. Оттуда сейчасъ тридцать авгановъ съ ружьями, а русскій докторъ уѣхалъ въ Дарвазъ. И сталъ авганъ съ того времени подъ хана подкапываться да и подкопалъ. За то его и рисалядаромъ сдѣлали... Теперь противъ васъ—это все его штуки. Все не можетъ забыть русскаго доктора...

Естественно, что я смотрѣлъ на эту курьезную легенду, какъ на очень характерную вещь, въ которую народъ наглядно уложилъ свои взгляды, симпатіи и антипатіи, причины и послѣд-

[1]) Даю этому разсказу условно народную форму, которая невольно впадаетъ въ нашъ русскій деревенскій тонъ. По существу простонародный разсказъ туземцевъ не переводимъ, ибо въ немъ главное значеніе принадлежитъ драматизму, съ которымъ ведется самое повѣствованіе разсказчикомъ.

ствія цѣлаго политическаго событія... Сколько я могъ вслушаться въ нѣкоторые варьянты, первое недоразумѣніе съ афганцемъ у доктора было дѣйствительно въ присутствіи хана, но оно ограничилось обмѣномъ нѣсколькихъ жесткихъ по смыслу фразъ и было замято Юсуфомъ-али. Агентъ сталъ слѣдить за докторомъ и, когда тотъ дѣлалъ поѣздку въ „рубиновымъ“ копямъ (считающимся бадахшанскими), то вышли новыя недоразумѣнія изъ-за придирокъ афганца. Окончательная же ссора, кажется, произошла изъ-за довольно грубой выходки агента, задержавшаго силой докторскаго джигита съ письмами... Какъ бы то ни было, но афганская месть вылилась въ этой исторіи большой злобой на голову Юсуфъ-Алихана. Она же теперь, хотя и крѣпко замаскированная, отзывалась, сколько могла, и на мнѣ, какъ на соотечественникѣ доктора Регеля.

XI.

Въ свѣденіяхъ, приведенныхъ Атабаемъ, кромѣ разсказанной оффиціальной стороны дѣла, была другая половина иного характера. Она касалась вынесеннаго имъ общаго впечатлѣнія о настроеніи жителей. Какъ человѣкъ, впервые попавшій въ этотъ оригинальный закоулокъ, съ непонятнымъ для него языкомъ,— онъ не могъ точно оріентироваться среди мелькавшихъ передъ нимъ событій. Онъ понималъ только одно несомнѣнное для него обстоятельство, что настроеніе жителей было крайне неровно, ненормально, напряженно; его онъ испыталъ отчасти и на себѣ: такъ, горцы задержали его во время передняго пути, а когда онъ ѣхалъ обратно, то въ послѣднемъ селеніи (Чарпанѣ) видѣлъ, что населеніе было почти все вооружено, занимало караулы, толклось тамъ и сямъ съ своими длинными ружьями. Хотя онъ и слышалъ мелькомъ, будто въ Чарпанѣ было кромѣ того нѣсколько десятковъ афганскихъ солдатъ, но за миролюбивое отношеніе афганцевъ ему ручалось дружеское поведеніе бека.

Чтобы хоть сколько-нибудь разъяснить дѣло, я позвалъ Мирзу.

— Ты знаешь, что рисалядаръ съ афганцами въ Чарпанѣ? —задалъ я ему вопросъ.

— Знаю, господинъ,—отвѣтилъ онъ, измѣнившись въ лицѣ и желая маскировать это принужденной улыбкой. Но вдругъ глаза его прищурились и засвѣтились чѣмъ-то зловѣщимъ. Кроткое, открытое лицо его совершенно преобразилось отъ этого взгляда, и мнѣ показалось, что онъ смотритъ мнѣ черезъ плечо куда-то далеко, хотя передъ нимъ была одна стѣнка палатки.

— Развѣ я скрою отъ васъ что-нибудь?—началъ онъ страстнымъ голосомъ.—Помните, вышла путаница изъ-за слуха, будто бекъ ѣдетъ васъ встрѣчать съ почетнымъ конвоемъ? Такъ думалъ простой народъ, потому что хотѣлъ видѣть въ васъ почетнаго гостя нашей страны. На дѣлѣ оказалось, что то былъ рисалядаръ съ тридцатью авганами, шедшій въ Чарпанъ заградить вамъ путь и наблюдать за вами. Вотъ истинная правда. А разсказъ о томъ, что онъ ѣздитъ по селеніямъ и дѣлаетъ опись домамъ—басня... Они васъ страшно боятся, и имъ не до счета теперь! Не вѣрьте ни одному ихъ слову, какъ они не вѣрятъ ни одному вашему. Развѣ я не писалъ имъ настоящую правду? Вы думаете, они повѣрили чему-нибудь? Ха!.. Послѣ моего письма они сейчасъ же выставили караулы...

— А зачѣмъ же вооружены жители?—спросилъ Атабай.

— Все это вздоръ—ихъ вооруженіе!—отмахнулся Мирза:—во-первыхъ, авганы этого требуютъ, чтобы усилить свои караулы, а во вторыхъ... что̀ еще можетъ выйти изъ этого вооруженія, одинъ Богъ знаетъ... народъ глупъ, но онъ добрый народъ,—прибавилъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, ясно не желая вдаваться въ дальнѣйшія разъясненія.

По уходѣ Мирзы на сцену выступилъ Ходжа-Мамбетъ. Онъ, какъ истый говорунъ-киргизъ, началъ нѣсколько издалека, съ красиваго „предисловія“ и таинственно важнаго тона.

— Господинъ! здѣшній народъ говоритъ сорочьимъ языкомъ и его понять очень трудно. Послушайте меня!—мудрено заговорилъ Мамбетъ, выдерживая роль солиднаго знатока-совѣтчика.—Я давно ихъ знаю, я умѣю стрекотать не хуже любой сороки. Я сижу около нихъ и какъ будто не слышу, но я слышу все...

Я не прерывалъ эту длинную интродукцію, предоставивъ моему оратору высказаться вполнѣ. Я зналъ, что онъ приврётъ многое, но для меня дорога̀ была только суть, общій выводъ изъ наблюденій другой стороны.

Выводы Мамбета были какъ разъ противуположны предположеніямъ Атабая. Мамбетъ зналъ навѣрное, что всѣ жители за русскихъ. Народъ оскорбленъ тѣмъ, что меня не пропустили. Жители рады мнѣ служить, но боятся афганцевъ, а главно́е, боятся того, какъ бы афганцы не затѣяли какой-нибудь коварной штуки. Народъ подозрѣваетъ измѣну, опасается, что афганцы могутъ сдѣлать засаду, нечаянное нападеніе на русскихъ въ горахъ...

— За народъ я ручаюсь своей головой,—закончилъ горячо Мамбетъ, отвѣчая на возраженія Атабая.—Народъ хочетъ собрать человѣкъ сорокъ вооруженныхъ, чтобы проводить васъ, гос-

подинъ, чтобы оградить отъ хитраго авгана! Если вы вѣрите мнѣ, то повѣрьте и народу. Послушайте, что говорили сейчасъ старшины, собравшіеся у Мирзы... Нужно беречь себя, но беречь отъ авгана, а не отъ жителей...

— Какъ хотите разбирайте! — объявилъ мнѣ въ концѣ-концовъ Атабай по-русски, чтобы Мамбетъ не могъ понять: — мое дѣло было заявить вамъ... Мамбетъ говоритъ другое, а по моему все-таки вѣрить больше можно афганцамъ, чѣмъ этимъ людямъ. Чортъ разберетъ самого Мамбета: вѣдь онъ первый убѣжитъ, если что случится, а мы ваши, отъ васъ не уйдемъ...

Словомъ, приходилось держаться правила: „береженаго Богъ бережетъ“.

Я позвалъ казаковъ, объяснилъ осторожно и кратко о слухахъ, отдалъ распоряженіе о строгомъ караулѣ ночью, приказалъ съ вечера же приготовить все къ выходу завтра, стянуть лошадей ближе и т. п. Повѣрка нашихъ артиллерійскихъ складовъ дала цифру въ 400 бердановскихъ патроновъ при шести винтовкахъ. На всякій случай я приказалъ приготовить для своей двустволки нѣсколько десятковъ патроновъ съ круглыми пулями, а самъ занялся укладкой вещей.

Сверхъ всякаго ожиданія картина съ патронами совсѣмъ особенно подѣйствовала на моего Мамбета. Сидя на колѣняхъ и припавъ къ нимъ локтями, онъ долго слѣдилъ за манипуляціями казака и вопросительно вглядывался въ наши лица, когда мы обмѣнивались какой-нибудь короткой дѣловой фразой.

— Сорокъ, ваше-діе, — объявилъ казакъ.

— Ладно, будетъ и этого, — отвѣтилъ я и мелькомъ взглянулъ на киргиза.

— Какъ ты думаешь, — обратился я къ нему полушутя по-тюркски: — довольно сорока человѣкъ убитыхъ изъ одного ружья, или мало?

Онъ былъ пораженъ и разразился рядомъ восклицаній.

— Вы вотъ шутите, господинъ мой, — закончилъ Мамбетъ свою рѣчь: — для васъ это привычная потѣха, а мы иначе смотримъ: за что будемъ пропадать?

— Ты пропадешь только тогда, если измѣнишь намъ, — отвѣтилъ я равнодушно.

— О, начальникъ! я буду негодной собакой, если не отдамъ за васъ голову... — преобразился Мамбетъ въ преданнаго слугу.

— Тогда будешь цѣлъ, — улыбнулся я, и на всякій случай приказалъ секретно наблюдать за этимъ болтуномъ.

Надо было полностью выдержать весь этотъ тяжелый искусъ.

Очень рано утромъ мы были совершенно готовы къ выступленію, но транспортъ еще не появлялся. На отлетѣ около кустовъ бродила одинокая тѣнь Рахматулли. Я послалъ къ Мирзѣ предупредить его, что сейчасъ приду къ нему прощаться и принесу ему подарки.

Посланный бѣгомъ возвратился ко мнѣ съ убѣдительной просьбой не ходить къ Мирзѣ: онъ самъ сейчасъ явится сюда. Почти вслѣдъ за нимъ, спѣшно пробираясь вдоль небольшого лога, чтобы не быть замѣченнымъ, пришелъ и самъ Мирза. Палатка еще не была убрана, и онъ вздохнулъ спокойнѣе, очутившись подъ ея прикрытіемъ. Но на его лицѣ еще отражалась сложная борьба: торопливость, конфузъ, но болѣе всего испугъ, тотъ сдержанный страхъ, который охватываетъ скрывающагося человѣка.

Не заботясь объ этикетѣ, онъ спѣшилъ объясниться и убѣжать.

Мирза просилъ извиненія, что не могъ меня принять, и боялся, что я объясню это нежеланіемъ. Онъ былъ бы счастливъ видѣть у себя такого гостя, но на глазахъ у афганца—это рискованно. За Мирзой уже слѣдятъ, какъ за подозрительнымъ человѣкомъ; ходитъ слухъ, что онъ продалъ мнѣ свой языкъ... Онъ боится, ибо съ афганцами шутки плохія...

Получивъ кучу подарковъ и спѣшно засунувъ ихъ подъ халатъ, онъ приготовился уходить, но задержался. Въ глазахъ у него снова засвѣтился вчерашній злой огонекъ.

— Присылайте сюда поскорѣе солдатъ,—сказалъ онъ, понижая тонъ:—много не надо, довольно одной роты... Вы увидите тогда, что̀ тутъ произойдетъ: въ одинъ день не останется ни одного авгана! Жители, какъ одинъ человѣкъ, поднимутся... Солдатамъ нечего будетъ дѣлать...

Онъ поднялся. Волненіе захватывало ему горло. Глаза блестѣли.

— Право, присылайте... Мы будемъ ждать... Не говорите, что я былъ у васъ, — добавилъ онъ, выходя изъ палатки, скорчился и, какъ воръ, почти бѣгомъ направился къ своей хатѣ.

Уже солнце было высоко, когда изъ-за дальнихъ бугровъ на шугнанской дорогѣ показались движущіяся фигуры. Приближались онѣ медленно, сильно растянувшись по дорогѣ.

Транспортъ состоялъ изъ осла съ вьюкомъ, сильно хромой лошади, на которой позади мѣшка, на самомъ крупѣ, сидѣлъ совершенно бѣлый старикъ, припавши грудью на вьюкъ и обхвативши его руками; сзади тянулось четверо пѣшеходовъ, съ огромными корзинами за спиной, и самымъ послѣднимъ шелъ пятокъ маленькихъ, до нельзя худыхъ барашковъ, немилосердно подгоняемыхъ двумя горцами.

Встрѣчали каждаго изъ нихъ специальными восклицаніями: „А, дѣдушка, привезъ таки! Вотъ съ ишакомъ добрался, добрый человѣкъ! Ахъ, молодцы, устали, давай вамъ Богъ!“.

Каждый торжественно останавливался, сваливалъ мѣшокъ, произносилъ привѣтствіе, обтиралъ потъ съ лица и умильно показывалъ на кладь. Началась разборка. Бекъ прислалъ пуда два муки, фунтовъ 30 рису и пучекъ луку. Жители, по приказанію бека, доставили пятокъ барашковъ, нѣсколько чашекъ масла и турсукъ кислаго молока. Когда все это сложили въ кучу, то эффектъ пропалъ совершенно — такъ бѣденъ оказался транспортъ. Зная хорошо мѣстныя цѣны, легко было опредѣлить стоимость всего. За доставку я увеличилъ сумму болѣе чѣмъ втрое, а для политики передъ афганцемъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

— Мнѣ доставлены вещи отъ бека и отъ жителей. Цѣнить ихъ я не стану и не хочу. За все искренно благодаренъ и принимаю какъ прощальный достарханъ. Но за доставку этихъ вещей я хотѣлъ бы отплатить (я зналъ, что здѣсь все хозяева) и прошу старшину раздѣлить вотъ это.

Атабай протянулъ полныя пригоршни бухарскаго серебра, и оно посыпалось въ полу старшинскаго халата.

Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы это произвело такой восторгъ, такое чарующее дѣйствіе. Усталые и запыленные оборванцы, стоявшіе до сихъ поръ въ недоумѣніи, превратились въ рѣзвыхъ дѣтей, загудѣли на разные голоса, замахали руками, дѣлали мнѣ азіятскіе книксены и въ припрыжку окружили старшину, заглядывая въ халатъ и разыгрывая ребятишекъ передъ дѣлежемъ пряниковъ.

Но на кого сильно подѣйствовало серебро — это на Мирзу. Онъ воодушевился, перебѣгалъ отъ группы къ группѣ, объяснялся на трехъ языкахъ, повторялъ мои слова, комментировалъ и, видимо, былъ болѣе всѣхъ доволенъ этой сценой. „Вотъ, посмотрите, какой это начальникъ, какъ онъ щедръ къ бѣдному народу, какъ онъ цѣнитъ трудъ простого мужика!“ такъ выражалось само собою его настроеніе, и въ тайнѣ навѣрное подчеркивалась еще одна фраза: „Это не то, что афганцы!“.

Онъ подскочилъ, наконецъ, ко мнѣ.

— Господинъ! это очень, очень хорошо вы поступили, — сказалъ онъ съ чувствомъ: — народъ, бѣда, какъ доволенъ вами.

— Я сдѣлалъ только должное,—отвѣтилъ я спокойно и обернулся къ Рахматуллѣ.

Онъ стоялъ въ той же самой позѣ, какъ въ началѣ—руки на бедрахъ, одна нога на отлетѣ и съ той же безкровностью въ

лицѣ смотрѣлъ на происходившее кругомъ. Въ его безучастномъ взглядѣ сквозило крайнее пренебреженіе ко всѣмъ этимъ людямъ, которыхъ онъ считалъ, конечно, гадинами.

— Рахматулля поѣдетъ со мной и будетъ меня провожать до границы?—спросилъ я.

— Нѣтъ, — процѣдилъ онъ. — Я не имѣю приказаній. Мнѣ велѣно было ѣхать только до Сардыма.

Онъ попросилъ дать ему мою собственноручную записку и непремѣнно по-русски.

— Тамъ прочитаютъ, пояснилъ онъ.

Трудно было этому вѣрить, и я полагаю, что ему нуженъ былъ только такой вещественный знакъ, который несомнѣнно доказывалъ бы, что онъ получилъ его отъ меня. Я написалъ.

Искренно простившись съ Мирзою, я быстро поѣхалъ догонять вьюки, подходившіе уже къ ущелью Тукузъ-булака. Черезъ нѣсколько минутъ меня догналъ на крупномъ галопѣ афганецъ. Онъ замѣчательно мастерски держался на лошади, сидя глубоко въ сѣдлѣ на длинныхъ стременахъ. Подъѣзжая ко мнѣ, онъ форменно красиво приложилъ руку къ саллѣ и сдѣлалъ военный полуоборотъ грудью въ мою сторону. Несмотря на всю безстрастность его лица, на хмурый взглядъ, онъ положительно былъ красавецъ въ своей настоящей роли кровнаго кавалериста.

Начались бугры и овраги. Мы поѣхали шагомъ. Мнѣ показался оригинальнымъ способъ Рахматулли носить ружье за плечами — стволомъ внизъ, такъ что весь прикладъ торчалъ выше плеча. Я спросилъ — по формѣ ли онъ носитъ такъ ружье или изъ простого удобства.. Мой вопросъ передали ему черезъ цѣлый рядъ провожавшихъ меня туземцевъ и, наконецъ, черезъ старшину.

— Я ношу такъ ружье потому, что его носилъ такимъ манеромъ пророкъ Али, съострилъ кавалеристъ,—отвѣчая туземцамъ и видимо не понявъ, что вопросъ былъ сдѣланъ мною.

Въ толпѣ горцевъ послышался ропотъ на ихъ родномъ языкѣ. Мамбетъ перевелъ:

— Вотъ, собака, поганый авганъ, какъ онъ издѣвается надъ нами алійцами!..

Вскорѣ мы разстались.

Проѣхали густой тугай, прошли самое узкое мѣсто ущелья, пересѣкли впадающій слѣва ручей Дузахъ-дара, по которому существуетъ перевалъ на Шахдару, и втянулись въ однообразную долину Тукузъ-булака съ быстрымъ потокомъ и зарослью вдоль береговъ.

Начался походъ.

Шугнанъ не удался. Жаль было уходить изъ этой оригинальной и такъ мало извѣстной страны, уходить послѣ того, какъ столько было затрачено труда, времени и хлопотъ, когда уже переступилъ порогъ завѣтнаго уголка. Но такова ужъ Азія... Или же въ этомъ случаѣ виновата не Азія (давно ли въ томъ же Шугнанѣ экскурсировалъ д-ръ Регель), и даже на чисто ученыхъ изысканіяхъ отзывалась та страстная политика недовѣрія, которая создала традиціонный антагонизмъ Англіи и Россіи?

XII.

На Тукузъ-булакѣ мы снова встрѣчались съ несомнѣнными слѣдами недавней культуры и можемъ указать цѣлый рядъ бывшихъ поселеній. Всѣ они тянутся по правому болѣе просторному берегу ущелья, располагаясь какъ и ранѣе, на древнихъ ледниковыхъ образованіяхъ.

Дорога моя какъ разъ тянулась по правой сторонѣ, переходя отъ развалины къ развалинамъ, отъ одной брошенной пашни къ другой. Въ одномъ мѣстѣ (какъ, напр., Ношорташъ) встрѣчаешься съ очень обширнымъ поселеніемъ, видимо разоренннымъ и брошеннымъ довольно давно. Въ другомъ (каковъ Ак-тайлякъ), напротивъ, слѣды жизни свѣжи: ясно видны остатки домовъ, даже фундаментъ кургана или кирпича. И дѣйствительно, селеніе это помнитъ хорошо мой проводникъ Ходжа Мамбетъ; оно разрушено не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ и было населено какъ таджиками, такъ и киргизами. Судя по мѣстоположенію, селеніе дѣйствительно должно было быть „веселымъ", какъ характеризовалъ его Мамбетъ. Расширенное ущелье, густой тугай по руслу, безъ сомнѣнія, составляли украшеніе мѣстности.

Выше по рѣкѣ встрѣчаемъ „горячіе ключи" (Иссы-булакъ), когда-то славившіеся и своей цѣлебной силой, и мазаромъ возлѣ нихъ, и мѣстомъ ночлега для проѣзжающихъ (рабатъ). Теперь отъ всего того, что видѣлъ Мамбетъ, остались едва замѣтные, жалкіе слѣды. Только ключи бьютъ по старому, попрежнему горячи, но все кругомъ нихъ затянуто тиной, едва сохранилась какая-то стѣнка, никто уже не приходитъ къ нимъ лечиться [1]...

---

[1]) Измѣрить температуру источниковъ я не могъ, ибо имѣвшійся у меня термометръ соотвѣтствовалъ лишь 55°С. и наполнялся весь ртутью въ моментъ погруженія. Судя по этой быстротѣ и по ощущенію руки, температура должна быть около 70°С. На обширномъ и топкомъ солонцѣ, окружающемъ ключи, значительныя выдѣленія углекислыхъ солей, но количество сѣрн. водорода не должно быть велико, хотя за-

Послѣднія старыя пашни мы видимъ на значительной высотѣ въ 12,200 фут. абс. высоты [1]). Пашни эти принадлежали киргизамъ, кочевавшимъ на сосѣднихъ степяхъ Памира, именно, въ верховьяхъ ущелья Сазъ-гоу, въ окрестностяхъ оз. Турумотай-куля. Если вѣрить словамъ Мамбета, тамъ собиралось „до тысячи кибитокъ", хотя вѣрнѣе будетъ считать эту фразу просто соотвѣтствующей неопредѣленному выраженію „много".

Вскорѣ за этими послѣдними полями приходится проѣзжать оригинальной тѣсниной съ гигантскимъ обваломъ горы, гдѣ, какъ на первомъ мудреномъ мѣстѣ у входа съ Памира въ живую долину Тукуза, стоялъ въ былое время постоянный караулъ, отъ котораго осталось нѣсколько стѣнокъ и непремѣнныхъ сторожевыхъ столбиковъ, сложенныхъ изъ камня.

Тукузская долина представляетъ наиболѣе полную картину разрушенія царствовавшей здѣсь когда-то жизни, и жизни мирной, земледѣльческой, — жизни, добытой огромнымъ и упорнымъ трудомъ, доведенной до самаго крайняго предѣла, какой только допускала суровая природа. Видѣть причину разоренія только въ одномъ внутреннемъ насиліи, въ притѣсненіяхъ со стороны своихъ хановъ—врядъ ли будетъ вполнѣ справедливо. Безспорно, что и собственные правители — хотя бы тотъ же Юсуфъ-Али — много способствовали погибели тукузской культуры. Но также несомнѣнно, что главной силой, истребившей эти селенія, была война. При всякомъ враждебномъ столкновеніи съ народами, жившими за Памиромъ, Шугнанъ терпѣлъ прежде всего въ своей пограничной полосѣ, по линіямъ тѣхъ трехъ путей, которые вели съ Памира къ Барпянжу: по Шахдарѣ, Тукузу и Гунту. На первыя селенія дѣлались набѣги, здѣсь бушевала баранта имущества, здѣсь же забирались еретики въ рабство. Помимо того, тутъ же шла непрерывная мелкая война съ кочевавшими на Памирѣ независимыми киргизами, съ этимъ жителемъ „междуцарствія", съ этимъ представителемъ дикой степной баранты, забравшимся на „самую высокую крышу" въ мірѣ, въ середину мирныхъ земледѣльцевъ. Чтò не успѣла сдѣлать война, то додѣлывалъ памирскій дикарь; чего не могли достигнуть цѣлыя полчища народовъ Азіи въ

нахъ его среди илистыхъ топей и довольно чувствителенъ. Со дна поднимается масса пузырей. На вкусъ въ водѣ врядъ ли существуетъ много щелочн. солей, и вѣроятно значеніе ключей было главнѣйше термальное.

[1]) Это наивысшій предѣлъ, до котораго здѣсь достигала полевая культура. Припомнимъ, что на Гунтѣ у Айрана она была на 11,500 ф., на Мургабѣ 10,600 ф., на Ваханѣ въ Сараатѣ 10,900 ф.

своихъ великихъ и страшныхъ передвиженіяхъ, то доканчивалъ рѣдкій киргизъ, зацѣпившійся какъ-то на пустынномъ Памирѣ.

Есть данныя, заставляющія вѣрить показаніямъ жителей, что еще сравнительно недавно многія мѣстности Памира, теперь совершенно пустынныя, служили кочевьями значительнымъ киргизскимъ родамъ, и что только послѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ военныхъ предпріятій киргизъ былъ отчасти изгнанъ, отчасти истребленъ [1]). Слѣдъ этого киргиза остался, между прочимъ, и въ наглядныхъ картинахъ разоренія восточнаго Шугнана. Наконецъ, не забудемъ и другую сторону—самихъ пограничныхъ шугнанцевъ. Если безпорядочность управленія отзывалась на центральныхъ областяхъ ханства, то на окраинахъ система произвола, безправія и распущенности должна была отразиться въ полной мѣрѣ. Предоставленные собственной защитѣ отъ нападенія барантачей, жители окраины невольно пріобрѣтали полунезависимое положеніе пограничныхъ поселеній. Наученные горькимъ опытомъ, что вооруженный набѣгъ, насиліе, измѣна даютъ самые легкіе и наглядные барыши, они усвоивали себѣ то полуразбойничье поведеніе, которое не соотвѣтствовало мирнымъ занятіямъ земледѣльца. „Воспользоваться случаемъ", какъ по отношенію къ сосѣднему вольному киргизу, такъ и по отношенію внутреннихъ ханскихъ затрудненій—дѣлалось привычкой. Алармистскій тонъ начиналъ преобладать. Выдвигались военные предводители, а съ ними и многочисленныя самолюбія, самосуды, мелкія партіи. Самоуправство наложило руку на торговые караваны, взыскивая съ нихъ свои пошлины... Ханы далеко не всегда могли и умѣли сдерживать произвольныя выходки такихъ предводителей, а нерѣдко и сами заискивали въ нихъ, смотрѣли сквозь пальцы на самоуправство, или даже прямо поощряли, пользовались такими партизанскими продѣлками, направляя ихъ противъ своихъ недруговъ. Если же временами и предпринималось ханами „усмиреніе мятежниковъ", то всегда имѣло исключительную цѣль: взысканіе значительной пени, т.-е. граничило опять таки съ разореніемъ окраины.

Мира, прочнаго мира не хватало на границѣ „высокой крыши". Желоба подгнивали и рушились. Ставить подпорки, возобновлять

---

[1]) Показанія многихъ путешественниковъ, будто они встрѣчали на Памирѣ развалины бывшихъ селеній, я считаю положительно невѣрными, ибо всѣ тѣ немногія развалины, которыя попадаются на Памирѣ, есть не болѣе, какъ разрушенные надгробные памятники или станціонные дома (рабаты). При всемъ вниманіи я нигдѣ не могъ найти даже намековъ на селенія—ни въ смыслѣ осѣдломъ, ни въ значеніи зимовокъ. Единственная быть можетъ развалина будетъ при устьѣ Акбайтала, да и та представляетъ военный курганъ.

строеніе среди этой бѣдности природы охотниковъ было мало. Наконецъ, предѣлы были прейдены, и жители разбѣжались: первыми ушли киргизы, за ними потянулъ черезъ пустыню и таджикъ — въ Кашгаръ, въ Коканъ; лишь немногіе остались вѣрны родинѣ и выселились съ окраины внутрь Шугнана, но это были рѣдкіе осколки...

Такъ погибъ Тукузъ. Также погибли Гунтъ и Шахдары. И сколько сотенъ лѣтъ пройдетъ еще, когда тѣснота внутри и сравнительное спокойствіе на окраинѣ снова привовутъ сюда трудолюбиваго горца, который однѣми своими руками вновь создастъ здѣсь мирную жизнь осѣдлаго человѣка, вновь обратитъ эту пустыню въ „веселый" поселокъ, въ доброе поле съ живительнымъ арыкомъ? Тогда пригодится и коренной Памиръ съ его роскошными лугами, съ его просторомъ ковыльныхъ пастбищъ: тамъ будутъ лѣтомъ кочевать обширныя стада окрестнаго горскаго населенія...

Но это все мечты, далекія, очень далекія фантазіи.

Дѣйствительность же задавала совсѣмъ другія задачи, преимущественно мелкаго свойства. Нужно было „беречься", т.-е. помнить, что мы можемъ вѣрить только въ себя и потому должны быть внимательны ко всѣмъ подробностямъ. Нужно было беречь лошадей и не дѣлать въ первый день послѣ долгой остановки большого перехода (мы остановились въ 16 вер. отъ Сардыма, на мѣстѣ послѣдняго бивака Путяты), а на другой день за то пройти все ущелье до выхода на степной Памиръ. Съ перваго ночлега я послалъ Ахуна назадъ въ Сардымъ за оставленнымъ тамъ башлыкомъ.

На завтра выступили чѣмъ свѣтъ, шли безостановочно весь день, сдѣлавши привалъ не болѣе часу. Но вотъ и близкій конецъ ущелью. Теперь уже разныя „догадки" теряли большую часть своего значенія. Можно быть увѣреннымъ, что мы обезпечены отъ всякихъ засадъ и обходовъ. Можно отказаться отъ военной роли передового разъѣзда и спокойно любоваться природой, вглядываться въ детали, неимѣющія ничего общаго съ боевою опаскою.

Поздно вечеромъ мы дошли до выхода изъ горъ, до послѣдняго небольшого подъема къ степному пространству, составляющему водораздѣлъ Тукузъ-Булака, Шахдары и Алигура. Оставалось всего версты три до Кой-Тезека—перевала на Аличурскую сторону.

На послѣдней тѣсной площадкѣ каменистаго оврага, по которому бѣжалъ съ шумомъ головной ручей Тукуза (близъ устья пра-

ваго его протока Упалы), мы разбили свой бивакъ. Переходъ къ Памиру чувствовался сразу: на высотѣ 13,280 фут. обнимало холодомъ; даже въ оврагъ врывался рѣзкій вѣтеръ. Послѣдніе убогіе кустики лозняка остались въ сотнѣ саженей ниже, и вокругъ насъ царствовала лишь травянистая растительность. Съ послѣдними лучами солнца быстро упала температура: въ 9 час. в. было только + 4° С., а къ ночи морозъ достигъ — 5° С.

Уже темнѣло, когда снизу между камнями показалась голова въ саллѣ, за ней другая, третья, четвертая, пятая. Въ бинокль мы узнали знакомцевъ: Ахуна, Рахматуллю, Аксакова и двоихъ туземцевъ. Они остановились не вдалекѣ отъ насъ, и вскорѣ Ахунъ доложилъ всѣ подробности: проводивъ насъ, Рахматулля послалъ нарочнаго къ рисалядару и къ утру получилъ приказаніе проводить меня „до границы“, поэтому и пріѣхалъ.

Рахматулля отправился на Памиръ, какъ младенецъ: въ той же курточкѣ, въ которой выѣхалъ изъ Барпянжа, безъ куска пищи. Но форсить подобнымъ образомъ на „крышѣ міра“ безнаказанно было нельзя, и Памиръ съежилъ афганца до того, что онъ наконецъ не выдержалъ—пришелъ къ Ахуну и выпросилъ у него суконный халатъ.

Ахунъ, какъ истый горецъ да еще съ прелестной шубой, торжествовалъ.

— Пробрало афгана, замерзнетъ онъ ночью,—хохоталъ житель подснѣговой полосы:—хорошо тебѣ тамъ было, чортъ афганъ! нѣтъ, ты вотъ у насъ здѣсь покрутись...

Но, не смотря на это злорадство, тотъ же Ахунъ не выдержалъ и напоилъ афгана чаемъ (пищу пріѣхавшіе, конечно, получили отъ отряда).

— Чортъ съ нимъ: пускай помнитъ русскихъ! — объяснялъ мой зеравшанскій таджикъ.

Чѣмъ свѣтъ утромъ мы уже были готовы.

Морозъ въ 6 ч. еще держался—4° С., облѣпивши весь ручей иглами и сосульками. Въ 7 ч., съ восходомъ солнца, термометръ показывалъ 0°. Рахматулля для развлеченія выпалилъ изъ своего ружья въ какую-то птицу.

Когда я тронулся, онъ вскорѣ догналъ меня на галопѣ, и также молча и безстрастно, какъ третьяго дня, приложилъ руку къ тюрбану.

Черезъ полчаса мы были на перевалѣ Койтезекъ. Я остановилъ отрядъ.

Койтезекъ — перевалъ чисто памирскаго типа: это плоскій, открытый водораздѣлъ, степь въ 14,000 фут. н. у. м., очень

любимая архарами, какъ пастбище. Къ югу отъ него ровно, однообразно поднимается подошва снѣговой Памирской горной цѣпи, бѣлые и массивные пики которой лежатъ отсюда верстахъ въ восьми. Изъ нихъ собираетъ свои воды руч. Тукузъ. Къ сѣверу открывается просторная озерная долина Кара-дюмёръ (торфяная), приводящая въ своемъ низовьѣ къ Аличурскому Булюнъ-кулю, сосѣду Яшиль-куля. Передъ нами и вокругъ насъ былъ просторный, высокій, хорошо намъ знакомый Памиръ. Назади—быстро сбѣгающая внизъ темная горная трещина пройденнаго Тукуза.

— Здѣсь, на этомъ перевалѣ, кончается граница Шугнана, —обратился я къ афганцу и аксакаламъ:—далѣе идетъ божій Памиръ. Хозяинъ на немъ тотъ, кто пришелъ раньше. Я пришелъ сюда первый, и этотъ Памиръ мой. Какъ вы мнѣ не позволили пройти чрезъ шугнанскія владѣнія, такъ и я запрещаю вамъ ѣхать далѣе. Вы должны возвратиться. Владѣтель Памира — я.

Провожавшіе, кажется, этого не ожидали: они хотѣли непремѣнно знать, куда я направлюсь, хотѣли проѣхать отсюда къ Яшиль-кулю, гдѣ около Бураманъ-бели теперь долженъ стоять съ отрядомъ рисалядаръ, который приказалъ имъ доставить свѣденія о моемъ маршрутѣ.

— Куда я поѣду, я не знаю: Памиръ великъ, и дорогъ много,—отвѣтилъ я, не обращая вниманія на то, что дипломаты проболтались о „дружескомъ“ пикетѣ на Бураманѣ. — Скажите беку, что вы проводили меня до вашей границы, и что далѣе я самъ знаю дорогу. Прощайте. Торопитесь возвратиться—путь не близкій.

Рахматулля не измѣнилъ себѣ и остался также непроницаемъ, хотя, очевидно, понималъ меня хорошо. Онъ поднялъ руку къ тюрбану и процѣдилъ:

— Господинъ дастъ мнѣ записку.

— Опять по-русски?—улыбнулся я.

— Да, непремѣнно: бекъ долженъ видѣть, что я былъ при васъ.

Я написалъ на клочкѣ нѣсколько словъ карандашомъ и тронулъ отрядъ.

Мы стали бодро спускаться по мягкой пологой дорогѣ среди веселыхъ луговъ. У казаковъ послышались шутки въ сторону провожатыхъ. Неизмѣнный Свиридовъ черезъ пять минутъ уже заливался длинной сибирской пѣсней, такой же просторной, перекатистой, далеко уходящей и независимой, какъ Памиръ. Свѣжо звенѣла она въ утреннемъ воздухѣ и также свѣжо отзывалась въ

душѣ. Что-то необыкновенно ясное, отзывчивое слышалось мнѣ въ ней: какъ будто все разрѣшала эта пѣсня, сваливала начисто всю скучную и ненужную дипломатію, развязывалась съ путаными пустяками. Добрый молодецъ встряхнулъ буйной головушкой и однимъ ударомъ кудрей покончилъ съ прошлымъ. Передъ нимъ былъ просторъ и простота божьяго Памира, надъ которымъ неслась простодушная россійская пѣсня. „Прошло—и слава Богу, и толковать нечего, а что впереди Богъ пошлетъ—тогда виднѣе будетъ",—говорила мнѣ эта пѣсня, и успокоивала, охватывала свѣжестью и миромъ. Проще жить лучше...

А сзади насъ, на перевалѣ, стояла недвижно, нерѣшительно кучка чужихъ людей и смотрѣла намъ въ слѣдъ. За маленькимъ поворотомъ и пониженіемъ дороги бугоръ скрылъ отъ насъ афганца съ его спутниками. Черезъ нѣсколько времени ненадолго показались ихъ головы и опять пропали.

Вопросъ подковъ, однако, стоялъ передо мной во весь ростъ; къ нему примѣшивался и хлѣбный, ибо афганскаго „провіанту" было крайне мало. Я долженъ былъ торопиться въ Рошанъ, и теперь предстояло рѣшить, какой дорогой пройти въ с. Серезъ: прямо ли, черезъ пер. Б. Марзянай, или въ обходъ отъ р. Акбайтала. За первый была близость — я могъ дойти въ три дня, тогда какъ второй былъ втрое длиннѣе. Но за то первый былъ сплошь каменный, и я могъ разстроить обозъ. Кромѣ того, — а если афганцы (хотя и мало вѣроятно) проникли уже въ Серезъ? Если они заставятъ меня вернуться еще разъ черезъ Б. Марзянай?

Къ разнымъ сомнѣніямъ Мамбетъ съ большой ловкостью прибавилъ и соблазны для другого пути: въ устьи Акбайталъ теперь центръ осеннихъ киргизскихъ кочевьевъ, и мы достанемъ подковъ, достанемъ кузнеца. Дорога все время мягкая.

Я рѣшилъ за послѣднее. Мамбетка чуть не выпрыгнулъ изъ сѣдла отъ радости. Оказалось, что въ его аулѣ свадьба, и мы пріѣдемъ какъ разъ вовремя, къ „тою" (къ празднику).

Не стану разсказывать ни о дорогѣ до Акбайтала, ни о томъ, какъ рѣзко свернулся къ зимѣ Аличуръ въ эти двѣ недѣли, въ которыя я его не видѣлъ; ни о томъ, какъ мы дѣлали подковы изъ стараго желѣза, каковъ былъ „той" съ глупыми скачками; сколько хлопотъ стоило мнѣ сговориться съ киргизьемъ насчетъ дальнѣйшаго сопровожденія меня Мамбетомъ и проч., и проч., неотносящееся къ Шугнану.

Упомяну лишь объ одномъ, что встрѣтило меня передъ самымъ выходомъ къ р. Мургабъ.

Еще на выѣздѣ изъ Сардыма мнѣ передали смутный слухъ,

что Путяту „не пустили“ и онъ „возвратился“... Я былъ въ полномъ недоумѣніи: кто и куда не пустилъ, куда возвратился? Я сильно не довѣрялъ этому неясному слуху... И вотъ, версты за три до выхода на Мургабъ, передо мной появляются три хромыя лошади и на нихъ два мусульманина — одинъ изъ трехъ переводчиковъ Путяты, Миразисъ, и погонщикъ.

У меня сердце упало, когда я увидѣлъ это печальное шествіе: „Съ шоіпральскимъ отдѣломъ несчастіе“, ударила меня первая мысль.

Благодаря Бога, были только однѣ неудачи.

Вполнѣ довѣрившись словамъ ваханскихъ властей, дозволивъ заманить себя въ ловушку и затѣмъ вынужденный спѣшно отступать вмѣстѣ съ бѣгущимъ населеніемъ по опасной карнизной дорогѣ, отрядъ Путяты витерпѣлъ за это время тяжелыя испытанія. Много было серьезныхъ потерь, поломокъ и подмочекъ, еще больше надсады и утомленія. Все это вмѣстѣ сдѣлало то, что отрядъ оказался обезсиленнымъ: лошади шибко подбиты и большинство хромыхъ (безподковье), хлѣба никакого, продовольствіе поддерживалось на Памирѣ охотой. Миразисъ съ погонщикомъ посланы Путятой впередъ, со дневки на верхнемъ Алигурѣ, въ Сересъ для покупки хлѣба, куда должны были явиться снова подъ видомъ купцовъ. По словамъ Миразиса, ихъ отрядъ долженъ былъ прійти къ Мургабу не скоро, ибо обозъ крайне обезсиленъ.

Эти свѣденія заставили меня поспѣшить выходомъ, чтобы не терять напрасно двухъ дней въ ожиданіи Путяты и поскорѣе добраться до хлѣбнаго Сереза. Миразиса, конечно, туда я не пустилъ, ибо теперь я хорошо зналъ, какъ удачно онъ разыгрывалъ „кашгарскаго купца“, ѣздившаго въ Сардымъ за хлѣбомъ.

Оставивъ письмо Путятѣ и приказавъ Миразису заготовлять угли для кузницы, я выступилъ тотчасъ же, какъ только перековалъ лошадей.

XIII.

Дорога отъ устья Акбайтала въ Сересъ, смотря по времени года, сильно измѣняется: въ началѣ зимы, когда крѣпкіе морозы сковываютъ Мургабъ льдомъ, а снѣжные заносы еще не велики, она направляется вдоль самой рѣки. Въ другое время ходу здѣсь нѣтъ. Ущелье дозволяетъ ѣхать только верстъ 30. Другая обходная дорога идетъ параллельно Мургабу верстахъ въ 15—10 отъ него къ сѣверу, отдѣленная Мургабскими высокими и скалистыми горами. Черезъ 115 верстъ она выходитъ на Мургабъ, откуда

до Сереза останется верстъ 110. Обходная дорога проходима во всякое время года, но Мургабская часть только въ низкую воду. Въ половодье Мургабъ настолько глубокъ и быстръ, что переправы черезъ него немыслимы. Въ снѣжныя зимы заносы мѣстами такъ велики, что совершенно отрѣзають Рошанъ отъ остального міра. Время моего движенія (28 августа) было какъ разъ благопріятнымъ.

Обходная дорога направлялась сперва долиной Пшарта, праваго притока Акбайтала. Путь здѣсь хорошій—и незамѣтно поднимается къ перевалу въ 14,700 ф. Долина Пшарта извѣстна среди киргизовъ здоровымъ климатомъ, а главное, своими ковыльными пастбищами, и лѣтомъ полна кочевьями. Линія мелкаго ручья дѣлитъ ее вдоль на двѣ части: правая сторона занимается аулами одного киргизскаго подрода (Теитъ), лѣвая — другого (Гадырша). За Пшартомъ мѣстность сразу измѣняется: ущелья узки съ быстрымъ паденіемъ, горы совсѣмъ насѣдаютъ и часто образуютъ тѣснины. Все пустынно, дико, тропочка то и дѣло пропадаетъ, переходы со стороны на сторону черезъ ручей безпрестанны. Камня, обваловъ, загроможденій множество. Вскорѣ, уже на высотѣ 13,700 фут., появляются кусты вереска (Miricaria), а на $13^1/_2$ т. ф. первый ивнякъ, что сравнительно съ сосѣднимъ степнымъ Памиромъ составляетъ рѣзкую разницу въ цѣлую тысячу футовъ относ. высоты [1]). Безъ сомнѣнія, болѣе высокое положеніе здѣсь кустарной зоны зависитъ отъ закрытой мѣстности среди тѣсныхъ и высокихъ горъ, что спасаетъ растительность отъ вліянія рѣзкихъ памирскихъ вѣтровъ.

Подробное описаніе этого интереснаго пути увело бы меня слишкомъ далеко отъ программы моего настоящаго очерка. Горная мѣстность такъ богата своеобразными картинами. Тутъ на каждой верстѣ встрѣтишь что-нибудь новое, оригинальное. Контрасты такъ неожиданны. Вслѣдъ за уютнымъ, милымъ уголкомъ, полнымъ идиллической прелести, полнымъ ласки во всѣхъ мелочахъ,—словно по прихоти пылкой фантазіи, вступаешь въ дикую мрачную трещину съ гигантскими голыми стѣнами, съ хаосомъ страшнаго обвала, съ безпорядочнымъ ручьемъ, гдѣ все время косишься на верхніе зубья и башни, грозящіе обрушеніемъ, или внимательно предостерегаешь лошадь отъ паденія среди камней, загромоздившихъ рѣчку...

Особенной дикостью дышетъ тѣснина Апакъ, гдѣ ручей дѣ-

---

[1]) На степномъ Памирѣ, напр., у Ямиль-куля, верхній предѣлъ ивняка лежитъ на $12^1/_2$ тыс. ф.

лаетъ два раза поворотъ подъ прямымъ угломъ, обтекая грандіозную гору правой стороны, отвѣсно бросающую къ самому ручью свои склоны изъ голаго камня и тѣхъ обломочныхъ отложеній, которымъ всего приличнѣе называться „шаночными“ [1]). Глубокій размывъ узкими логами и трещинами еще болѣе увеличиваетъ дикую красоту и величіе этой стѣны-горы, убранной наверху сказочно причудливыми остріями, шишками, столбами съ шапками, призмами и массой разнообразныхъ зубцовъ, невольно бросающихся въ глаза среди другихъ горъ еще издали съ пер. Ишартъ, за 17 верстъ разстоянія. Путь мимо горы лежитъ черезъчуръ близко, подходя къ самой стѣнѣ или удаляясь всего десятка на три саженей. Это давитъ еще сильнѣе; воистину „шапка валится“, смотря на гору снизу, и съ каждымъ шагомъ открываются все новые и новые варьянты въ формахъ и сочетаніяхъ тѣхъ фигуръ, которыя толпятся на ея круто-поднимающемся гребнѣ... Дичь, коренная, первозданная, и потому такая увлекательная.

А слѣва все время тянется, строгая своимъ однообразіемъ и простотой, острая цѣпь Мургабскихъ горъ, украшенная вдоль линіи гребня цѣлымъ рядомъ мелкихъ глетчеровъ, напоминающихъ о былыхъ временахъ грандіознѣйшаго ледниковаго покрова на Памирѣ, о тѣхъ, быть можетъ, величественныхъ временахъ, о которыхъ не вымерла народная память и запечатлѣлась въ Зендъ-Авестѣ подъ именемъ первой великой зимы, насланной злымъ Ариманомъ на центральную чудную и счастливую арійскую землю Веды...

Врядъ ли не той же ледниковой дѣятельности обязано и самое образованіе обходнаго ущелья, которымъ я двигался теперь до выхода на Мургабъ.

Съ Апака вдоль ущелья начинается древесная поросль, которая усиливается и дѣлается разнообразнѣе по мѣрѣ движенія на западъ. Съ 12,700 ф. появляется береза, а вскорѣ и арча (древесный можжевельникъ). Для здѣшнихъ мѣстъ я не знаю сочетанія древесной растительности, лучшаго противъ этихъ деревьевъ. Когда стройная березка, то веселая, то меланхолическая, съ бѣлой

---

[1]) Они образуются изъ обломковъ различной величины, сцементованныхъ большею частью глиной и пескомъ. При вывѣтриваніи и размывѣ образуются глубокіе, почти отвѣсные овраги и столбы. Если наверху такого столба окажется большой камень, то онъ, какъ зонтикъ, предохраняетъ отъ дождя лежащій подъ нимъ матеріалъ и въ концѣ концовъ получается нѣчто въ родѣ гриба или столба въ шапкѣ. Шапки эти, по большей части, встрѣчаются цѣлыми группами, часто весьма красиво и оригинально комбинированными.

корой и прозрачной, горящей на солнцѣ листвою, стоитъ рядомъ съ темной, непроглядной арчевой хвоей на коренастомъ спирально скрученномъ стволѣ и грубыхъ вѣткахъ,—тогда каждое изъ этихъ деревьевъ рисуется отчетливѣе, какъ бы дополняя и выдѣляя другъ друга. Лѣсъ изъ арчи, какъ и всякій хвойный лѣсъ, смотритъ слишкомъ мрачнымъ, тяжелымъ; березовая роща кажется черезъ-чуръ жидка, однообразно свѣтловата. А вмѣстѣ они вдругъ оживаютъ: березка дѣлается игривѣе, кокетливѣй; арча тоже ласково улыбается, чувствуя близость этой живой свѣжести; лучъ свѣта становится инымъ, дрожитъ и радуется средь стройныхъ вѣтокъ и мелкозубыхъ листиковъ березы, и мягко стелется густыми тонами по бахромѣ тяжелой хвои.

Къ сожалѣнію, и то, и другое дерево мало-по-малу истребляются здѣсь довольно сильно неправильной рубкой, и хорошіе экземпляры встрѣчаются все рѣже и рѣже. Болѣе страдаетъ береза, какъ матеріалъ чаще требующійся (арча годится только на постройки).

На дорогѣ до Мургаба отмѣчу два значительныя ущелья, впадающіе справа въ Кизилъ-агылъ: Сассыкъ (вонючее) и Саукъ (холодное). Оба они выбѣгаютъ съ сѣвера въ видѣ серьезныхъ потоковъ. Ущелья схожи одно съ другимъ: головы ихъ сильно развѣтвляются и имѣютъ вверху ледники; длина ихъ отъ 30 до 40 верстъ; общее впечатлѣніе—суровая дикость. Чрезъ верховье Сассыка есть перевалъ на верхній Акбайталъ; чрезъ низовье Саука—выходъ къ Мургабу.

Ворота на Мургабъ очень оригинальны и выходъ на нихъ весьма труденъ. Ложе р. Саука лежитъ на нѣсколько десятковъ саженъ выше Мургаба (болѣе 30), и на краю заканчивается барьеромъ изъ гигантскихъ валуновъ древней морены, которая образуетъ плотину небольшого озера. Прорвавшись чрезъ эту плотину, ручей ниспадаетъ красивымъ крутымъ каскадомъ и затѣмъ разбѣгается многими рукавами между густой зарослью, образовавшейся въ его дельтѣ. На той сторонѣ Мургаба, прямо надъ рѣкою, высится (около 20,000 ф.) красивая пирамидальная гора съ снѣговой верхушкой и крутыми скалистыми склонами, образующими выше этого мѣста странную, непроходимую тѣснину на Мургабѣ.

Вторая половина пути до Сереза, т.-е. мургабская, весьма трудно поддается описанію. Будемъ ли мы чертить общую схему дороги, вдадимся ли въ многочисленныя детали—тому, кто не знаетъ дикихъ, трущобныхъ горъ, будетъ непонятна наша дорожная панорама. Только длиннымъ рядомъ художественно исполнен-

ныхъ рисунковъ и фотографій можно бы было ознакомить, до нѣкоторой степени, съ подробностями и общимъ характеромъ тѣснины Мургаба.

Путь до Сереза на всемъ протяженіи 100 слишкомъ верстъ змѣистой рѣчки представляетъ безконечный рядъ скалъ, обваловъ, осыпей, обрывовъ, подъемовъ, спусковъ, косогоровъ, переправъ и, наконецъ, множество всякихъ затрудненій. Камень, нескончаемый камень во всѣхъ видахъ вдоль всего пути, камень тяжелый, трудный, опасный, неодолимый камень. „Карнизъ", т.-е. дорога приступкомъ вдоль обрыва или крутого косогора, „балконъ"—висячая дорога, полка, перекинутая съ выступа на выступъ, „горумъ" — огромная осыпь, обвалъ, наконецъ, броды черезъ глубокую быструю рѣку,—вотъ самые характерные виды дороги. Самое опасное—карнизъ, самое тяжелое—горумъ, самое хлопотливое—броды... Мѣстами черезъ горумъ перейти прямо нельзя, и дорога входитъ въ рѣку, гдѣ продолжается по подводной осыпи вдоль берега...

Вездѣ, гдѣ только есть возможность, берега Мургаба и устья боковыхъ ущелій поросли деревьями и кустами, представляя множество новыхъ затрудненій своей густотой, торчащими вѣтвями, ломомъ и наносомъ, оставленнымъ полой водой. За всѣмъ тѣмъ крайне рѣдко можно встрѣтить среди этихъ узкихъ, чисто береговыхъ зарослей, сколько-нибудь сносный подножный кормъ для лошадей, почему выборъ стоянки вещь крайне мудреная. Но самымъ характернымъ для Мургабской долины нужно признать ея многочисленныя скалы, гребни и носы, спускающіеся отъ горъ прямо въ воду и въ большинствѣ случаевъ, заставляющіе переходить на другую сторону рѣки, чтобы обойти небольшую, но недоступную стѣнку. Мѣстами же доводится карабкаться на такой гребень по необыкновенной крутизнѣ, тропкой, висящей на краю опаснаго обрыва. То и другое въ высшей степени утомительно и почти всегда связано съ серьезнымъ рискомъ...

Я опускаю подробныя описанія подобныхъ „замѣчательныхъ" мѣстъ: ихъ и черезъ-чуръ много, и они даже въ чтеніи утомительны...

Черезъ 40 верстъ такого пути отъ выхода на Мургабъ, я добрелъ до устья праваго ущелья Карабулака, откуда отдѣляется дорога къ сѣверу и, за переваломъ того же имени, спускается въ бассейнъ р. Кокуй-бели, гдѣ я условился встрѣтиться съ Путятой. Отсюда до Сереза оставалось еще 70 верстъ, и потому, чтобы не таскать за собой напрасно 150 верстъ полный обозъ, я оставилъ его здѣсь, а самъ на-легкѣ съ четырьмя казаками, проводни-

комъ и Атабаемъ, двинулся дальше, захвативъ съ собой двухъ вьючковъ.

Верстъ десять ниже Карабулака, среди долины Мургаба, стоитъ красивая отдѣльная горка Карадунъ, черная, правильно обдѣланная въ видѣ сахарной головы; стоитъ она у самой рѣки и снизу красиво опушена древесной порослью. За ней, на правомъ берегу Мургаба, мы встрѣчаемся съ первыми признаками горскихъ поселеній. Небольшія террасовидныя площадки мягкой земли обдѣланы человѣческой рукой; деревья тянутся правильными рядами; тамъ и тутъ стоятъ шалаши-навѣсы, крытые вѣтками и травой. Это „джайляу", лѣтовка горцевъ, куда они на лѣто уходятъ изъ своихъ селеній на пастьбу скота. Собственно Карадунъ не былъ настоящей лѣтовкой. Истое „джайляу" располагается въ горахъ, обыкновенно гдѣ-нибудь высоко, среди альпійскихъ луговъ; и предназначается исключительно для пастбища. Забравшись туда, таджикъ дѣйствительно чувствуетъ себя горцемъ, хранителемъ древнѣйшихъ пастушескихъ завѣтовъ. Едва доступная тропа вьется въ горы, по логамъ и гребнямъ, уводя къ высокимъ джайляу. Часто только для вьючнаго осла проходимы эти мудреныя дорожки. Тамъ, среди рѣдкихъ горныхъ луговъ разбиваетъ горецъ свои шалаши изъ вѣтокъ, войлоковъ и покрывалъ, и устраиваетъ большую часть своего семейства. Оттуда видитъ глубоко внизу какой-нибудь клочекъ своей долины. Тутъ онъ дышетъ свободой, дышетъ своимъ горнымъ воздухомъ, чувствуетъ себя счастливымъ, несмотря на всю кажущуюся бѣдность своего хозяйства. Оттуда онъ выходитъ на смѣлую охоту за дикимъ звѣремъ, гдѣ стоитъ его хата и зрѣетъ поле. Оттуда же онъ любуется просторомъ горъ, величественными пиками, причудливыми облаками, высокимъ-высокимъ небомъ... Здѣсь обнимаетъ его всецѣло дорогая ему природа, съ ея пейзажемъ, съ массой своеобразныхъ чудныхъ горныхъ звуковъ, съ плеядами духовъ, населяющихъ дикія трещины и снѣговые цирки; здѣсь онъ вѣритъ въ небеснаго бога, безъ мечетей, безъ гарема, безъ шаріата, въ бога трудолюбиваго земледѣльца, мирнаго, но свободнаго пастуха...

Карадунъ, видимо, лишь временно превращенъ былъ въ „джайляу" и недавно еще эксплуатировался подъ пашню, на что указываютъ и правильные полевые участки, и оросительныя канавы. Съ полверсты дальше, на правомъ же берегу, стоитъ хуторъ съ оригинальнымъ названіемъ—Назаръ-бекъ. Здѣсь совсѣмъ хорошо; веселый ключъ, масса дикихъ розановъ и даже хатка. Съ верхней площадки красивый видъ на широкую спокойную рѣку и рощу. Переѣхавъ довольно глубокимъ бродомъ на лѣвую сторону, мы

вступили на обширную плоскую террасу изъ гребня и гравія, заполняющую бывшую котловину озера. Почти на половинѣ длины террасы, близъ оригинальнѣйшихъ воротъ къ рѣкѣ изъ двухъ каменныхъ сопокъ (Нощуръ-тажъ) стоитъ разрушенная хата, а недалеко, ниже по рѣкѣ, на правомъ берегу бѣлѣется среди деревьевъ мазаръ Актамъ.

Ночлегъ нашъ противъ мазара былъ болѣе чѣмъ печаленъ: травы не было вовсе, песчаная почва била по лицу пескомъ и пылью при малѣйшемъ вѣтрѣ. Но къ ночи погода стихла, полная луна, рядомъ съ тяжелыми тѣнями, наложила на горный пейзажъ фантастическіе облики и заставила невольно забыть наше убожество: мы любовались красотою горной ночи. Подъ этими мягкими лучами мы долго вели уговоры съ Мамбетомъ, который долженъ былъ выѣхать завтра съ зарей впередъ въ Серезъ, предупредить о моемъ пріѣздѣ.

На слѣдующій день мы не дошли до Сереза верстъ 12—14, благодаря тяжелому перевалу, на который довелось взбираться въ обходъ мудреной скалы.

Спускаясь съ перевала по оврагу, мы натолкнулись на маленькую полянку съ двумя роскошными старыми березами, караулками и „полемъ“ ячменя. Я ставлю въ ковычкахъ слово: поле, ибо оно равнялось нѣсколькимъ квадр. саженямъ. Это однако не была случайно заросшая ячменемъ полоска. Къ ней былъ проведенъ крошечный арыкъ, она была вспахана, около канавки торчала деревянная лопата.

Мы спустились къ рѣкѣ и остановились среди непріютнаго ивняка, покрывавшаго неровный галечный берегъ Мургаба. На той сторонѣ тоже тянулась густая береговая поросль и виднѣлась дорожка. Вскорѣ на ней показался пѣшій горецъ съ двумя коровами. Мы крикнули ему. Онъ испугался и бросился гнать свою скотину. Стали звать еще и еще. Горецъ приглядѣлся, бросилъ скотину, крикнулъ, что прійдетъ и исчезъ въ кустахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ передо мной стоялъ высокій молодецъ, съ первой опушкой бороды, босой, робкій, но съ яснымъ взглядомъ и готовый отвѣчать на всѣ вопросы.

— Афганцы еще не пришли къ вамъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, да они и не придутъ: къ намъ труднó пробраться,—отвѣтилъ онъ съ довѣрчивой улыбкой.

Оказалось, что онъ уже зналъ объ насъ—его предупредилъ Мамбетъ. Онъ кузнецъ и будетъ для насъ ковать гвозди. Онъ же хозяинъ и караулки, и того ячменнаго поля, которое было

у насъ наверху. Посѣялъ онъ его „такъ", ни для чего: пришелъ и посѣялъ, какъ любитель...

За добрыя вѣсти я далъ ему двѣ бухарскія тенги (60 к.). Горецъ совсѣмъ растерялся отъ радости, благодарилъ и, въ знакъ особаго почтенія, приложилъ серебряныя монеты ко лбу, потомъ провелъ ими по глазамъ и кончилъ поцѣлуемъ. Все это исполнилъ живо, ловко, очевидно—привычнымъ движеніемъ.

Полагая, что до Сереза дѣйствительно „очень близко", какъ увѣрялъ Ходжа-Мамбетъ и подтвердилъ мой горецъ, я выступилъ на другой день поздно, разсчитывая, что Мамбетъ распорядился на счетъ всѣхъ заказовъ.

На дѣлѣ вышло все на такъ; до Сереза я ѣхалъ, благодаря плохой дорогѣ, $2^1/_2$ часа; ни одинъ заказъ не былъ исполненъ, и я долженъ былъ пробыть до 10 ч. утра слѣдующаго дня.

За нѣсколько верстъ до Сереза, Мургабъ, вырвавшись изъ узкой и мрачной тѣсницы, выбѣгаетъ на широкое русло, которое тянется до самаго селенія. Русло долины все изъ гальви и лишь кое-гдѣ поросло тугаемъ. Ясно, что во время полой воды Мургабъ несется здѣсь во всю ширину, отъ горы до горы и заливаетъ всю заросль.

На переправѣ съ лѣвой стороны на правую меня встрѣтилъ высланный горецъ, который отлично провелъ насъ мудреными косами и перекатами черезъ четыре рукава рѣки. Тотчасъ же начался сквернымъ косогоромъ крутой подъемъ на высокую террасу Сереза.

Съ края террасы открывался видъ и на долину Мургаба, и на серезскую обстановку.

Немного выше по теченію, чѣмъ Серезъ (вер. 4), слѣва въ Мургабъ впадаетъ то ущелье Б. Марзяная, чрезъ которое идетъ перевалъ съ Яшиль-куля. Судя по тому, что̀ видно было отсюда, дорога туда должна быть крайне трудна и камениста, по массѣ горумовъ. Противъ устья Б. Марзяная, съ правой стороны Мургаба, вытягивается въ долину каменная длинная гряда, образующая оригинальный носъ водораздѣла и узкій водоспускъ Мургабской рѣки. Лѣвыя горы круто спускаются прямо къ ея руслу. Правыя отступаютъ версты на двѣ къ сѣверу и даютъ просторъ тому каменному уступу, на которомъ я теперь стоялъ, и который тянулся отсюда на западъ верстъ на шесть слишкомъ. На этой террасѣ возвышалось семь каменныхъ холмовъ, довольно правильной формы, круглой и эллипсической: три были вытянуты вдоль Мургаба по краю уступа, одинъ замыкалъ террасу съ запада,

два дѣлили ее поперекъ на двѣ равныя части, и одинъ стоялъ уединенно на сѣверѣ близъ склона горъ.

Въ восточной половинѣ находилось весьма немного полей, что зависило отъ скудости ея орошенія; самая богатая была восточная, гдѣ и расположенъ Сврезъ. Видъ на послѣдній открывался намъ сразу, какъ только мы обогнули среднія круглыя горки.

У самой подошвы западнаго эллипсическаго холма, на очень маленькомъ и совершенно голомъ гранитномъ бугрѣ тѣсно скучились хаты съ плоскими крышами. Въ центрѣ ихъ возвышаются двѣ башни (топханы) и придаютъ селенію оригинальную картинность. Высокія гнейсовыя горы красивой, точно шлифованной, сѣрой стѣной обставляютъ Серезъ съ сѣверной стороны. Изъ крутой осыпи, спускающейся отъ нихъ, бьетъ богатый „святой ключъ“ Піри-Сарабъ [1]), орошающій всѣ поля, работающій на мельницахъ, дающій жизнь маленькой веселой рощицѣ изъ стройныхъ горныхъ тополей и ниспадающій веселымъ каскадомъ по высокому уступу террасы къ Мургабу. Около ключа подъ деревьями стоитъ памятникъ святого, который первый поселился здѣсь и положилъ основаніе Серезу.

Нужно отдать справедливость святому старцу въ выборѣ мѣста. Среди здѣшнихъ голыхъ неприютныхъ горъ трудно было выбрать болѣе оригинальный и красивый уголокъ. Поэтическое чувство святогорца удовлетворялось здѣсь вполнѣ. Эта чудная гладкая стѣна, въ узкой прорѣзи которой, далеко - далеко вверху, виднѣлось бѣлое пятнышко снѣжника; эти странные, будто нарочно обдѣланные семь холмовъ; эти огромные, раскиданные у подошвы камни, среди которыхъ можно укрыться цѣлымъ семействамъ отъ непогоды, этотъ кристаллическій источникъ, здоровый, веселый, вѣчно болтающій, обросшій зеленью и цвѣтами; эти луговины съ мягкой травой, куда на пастьбу спускалось съ высокихъ горъ стадо дикихъ козловъ,—весь этотъ самобытный міръ тихой природы долженъ былъ произвести чарующее впечатлѣніе на старца, искавшаго уединенія.

Но когда онъ выходилъ на край террасы, взбирался на холмъ

---

[1]) Въ буквальномъ переводѣ „чистый ключъ Пира“; пиръ—значитъ старецъ, но въ данномъ случаѣ этотъ старецъ изображаетъ святого мѣстнаго патрона. Пиры существуютъ у мусульманъ во всѣхъ округахъ, представляя изъ себя какъ бы народныхъ блюстителей религіозныхъ традицій и нравственнаго кодекса. Пиръ пользуется среди народа большимъ почетомъ и вліяніемъ. Объѣздъ имъ своей округи — составляетъ рядъ священныхъ празднествъ. Пиръ—лицо выборное, но часто заслуги отца дѣлаютъ это мѣсто наслѣдственнымъ.

и оттуда бросалъ взоры на окрестности, новыя чудныя картины открывались передъ нимъ. Глубоко внизу онъ видѣлъ шумный Мургабъ, за которымъ поднимались крутыя высокія Аличурскія горы съ ледниками въ ущельяхъ. На западѣ долина быстро съуживалась, переходила въ тѣснину; темныя острозубыя, совсѣмъ недоступныя горы тѣснились надъ рѣкою; тамъ, среди ихъ щелей и пиковъ собирались первыя грозныя тучи, оттуда улетало послѣднимъ мягкое облачко при восходѣ солнечнаго дня...

Теперь кругомъ Сереза были расположены поля мелкими ступенями поднимавшіяся другъ надъ другомъ. Хлѣба уже были сняты, снопы связаны и тѣсно, стоймя, поставлены близъ гуменъ, или сплошнымъ толстымъ пластомъ лежали на току, по которому, глупо толпясь, крутилась партіяословъ и быковъ, припряженныхъ къ четыреугольной плетенкѣ, составлявшей центръ вращенія. [1])

XIV.

Меня остановили въ $^3/_4$ версты передъ Серезомъ, подъ большими тополями съ травяной полянкой. Свѣжій вѣтеръ непріятно пронизывалъ насъ, несмотря на то, что было около 11 часовъ и солнце горѣло на ясномъ небѣ.

Вскорѣ изъ селенія къ тополямъ двинулась партія горцевъ человѣкъ въ двадцать пять. Впереди шли старики, настоящіе „бѣлобородые“ (акъ-сакалы), въ новыхъ свѣтлыхъ суконныхъ чапанахъ и съ чистыми салля на головахъ. По бокамъ двигались огромныя деревянныя чашки. Депутація шла не торопясь, сохраняя восточную напыщенность. На лугу разостлали въ два ряда войлоки: одинъ для меня, другой для депутаціи.

Встрѣча вышла вполнѣ радушная.

— Вы не повѣрите, какъ рады мы вашему пріѣзду,—заговорилъ старшина.—Такого гостя мы никогда не думали видѣть въ Серезѣ.

Я отвѣтилъ подходящей привѣтственной фразой. Мы усѣлись. Противъ меня выставили нѣсколько плоскихъ чашекъ съ діаметромъ около аршина. Въ каждой изъ нихъ было мѣстное, чисто горское кушанье. Изъ наиболѣе характерныхъ укажу на тонкія (въ 2 мм.) во всю чашку лепешки легко скатывающіяся въ труб-

[1]) Всюду въ Туркестанѣ не знаютъ другого способа обмолота, въ общемъ напоминающаго пріемы малоруссовъ. Разница между таджикомъ и киргизомъ проявляется лишь въ томъ, что первый молотитъ тихо и главнѣйше быками, а киргизъ шибко ѣздитъ на лошади.

ку; такія же большія лепешки, но пышныя, напоминающія нашъ деревенскій „сочень“, съ подливкой изъ масла и сметаны; густую крупную лапшу изъ тонкихъ четырехугольныхъ кусочковъ съ такой же подливой; понятно, что безъ простокваши немогло обойтись ни одно угощенье.

— Теперь, когда вы пріѣхали къ намъ, мы считаемъ уже себя русскими подданными,—продолжали старики свою скорую политику: теперь уже мы не боимся авгановъ! Дайте намъ только отъ себя записку, чтобы никто не смѣлъ насъ трогать.

Я никакъ не ожидалъ такого рѣшительнаго оборота отъ свѣтскихъ деликатностей прямо къ подданству и признаюсь весьма стѣснялся присутствіемъ такой массы народа, передъ которой велись подобныя откровенныя рѣчи. Быть дипломатомъ съ простымъ народомъ—вещь самая тяжелая, а мнѣ казалось, что положеніе мое теперь исключительно дипломатическое.

— Любезные друзья мои!—повелъ я свою дипломатію:—я долженъ благодарить васъ за радушный пріемъ, и надѣюсь съумѣю отплатить вамъ своимъ расположеніемъ. Но ѣхалъ я сюда простымъ ученымъ, который интересуется камнями, горами, рѣками и ледниками; не мое дѣло вмѣшиваться въ жизнь населенія.

— Мы это понимаемъ,—отвѣтили мнѣ:—у васъ такъ много своего дѣла! Но мы просимъ васъ, сами просимъ взять насъ подъ покровительство Россіи...

— Вы живете здѣсь вдали отъ большой жизни, — продолжалъ я,—и знаете, что подобныя вещи дѣлаются не такъ просто, какъ вы думаете. Принять васъ въ подданство никто не можетъ помимо воли самого Бѣлаго Царя.

При этомъ я тонко намекнулъ, что вести такіе разговоры врядъ-ли удобно имъ такъ публично.

— А! относительно этого мы не боимся,—оживились старики: у насъ предателей нѣтъ! Здѣсь одна семья, съ одной душой. Каждый изъ насъ думаетъ одинаково: всѣ, какъ одинъ, и одинъ, какъ всѣ. У насъ одинъ врагъ—авганъ!

Такая искренность сразу позволила мнѣ отказаться отъ дипломатической тяготы и повести простыя рѣчи съ этимъ простымъ народомъ. Я дѣлался только совѣтчикомъ ихъ, разъяснителемъ неизвѣстныхъ имъ порядковъ. Я указалъ, какимъ путемъ они могутъ дѣйствовать чрезъ русское начальство (ферганскаго губернатора), хотя не скрылъ, что ихъ изолированное положеніе въ горахъ, отдѣленныхъ отъ Ферганы Алаемъ и Памиромъ, ставитъ большія трудности въ смыслѣ осуществленія ихъ желаній о подданствѣ Россіи. Ближе было бы обратиться къ бухарскому эмиру.

— Мы уже пробовали это,—отвѣтили мнѣ.—Бухарцы затянули дѣло и на нихъ надежда плохая. Да намъ и самимъ не охота переходить подъ ихъ власть.

Послѣдняя фраза ясно намекала на разность мусульманскихъ религій.

— Ну, а какже афганцы?—спросилъ я.

— Авганъ къ намъ не попадетъ, мы его не пустимъ. Къ намъ изъ Шугнана только три дороги: здѣсь вотъ, Б. Марзянаемъ, да Ленгеромъ, или вдоль всего Мургаба. Идти ему здѣсь —трудно, а Бартангомъ [1]) совсѣмъ не пройти. Вы знаете теперь къ намъ дорогу по Мургабу сверху; такъ внизъ по Мургабу она въ десять разъ тяжелѣе. Тутъ можно ѣхать, а тамъ невездѣ и пѣшкомъ проберешься... Нѣтъ, онъ къ намъ не пойдетъ! —увѣренно добавилъ кто-то.

Послѣ переговоровъ насчетъ моихъ заказовъ, я пожелалъ осмотрѣть Серезъ.

— Для васъ нѣтъ ничего запретнаго. Вы, какъ нашъ начальникъ, можете видѣть все,—отвѣтилъ любезно старшина.—Только едва ли найдете что-нибудь интересное—мы такъ бѣдны.

Серезъ, какъ я говорилъ уже, построенъ на небольшомъ гранитномъ бугрѣ. Выражаясь точнѣе, это былъ „бараній лобъ“ (roche moutonnée), слѣдъ ледниковаго періода, т.-е. скала, округленная и оглаженная спускавшимся черезъ нее древнимъ ледникомъ. [2]) На этомъ голомъ камнѣ въ видѣ каравая толпились безъ всякаго порядка хаты горцевъ, облѣпляя бугоръ со всѣхъ сторонъ. Верхнее кольцо домовъ представляло жилища людей. Нижнее состояло изъ болѣе мелкихъ построекъ и изображало „скотные дворы“. Это было собраніе крошечныхъ хлѣвовъ, скорѣе похожихъ на курятники, что зависѣло, во-первыхъ, отъ мелкой породы мѣстнаго скота, а во-вторыхъ, отъ миніатюрности хозяйства горцевъ. Тамъ, гдѣ кончался голый камень, оканчивалось и селеніе, переходя непосредственно въ ряды полей и бахчи. Въ Серезѣ считается дворовъ 30—40. Представьте эти „дворы“ изъ трехъ-четырехъ хатокъ, включая сюда и хлѣвы, придайте имъ плоскія крыши, сбейте въ одну кучу другъ на друга— и вы получите нѣкоторое представленіе о самомъ селеніи. Чего-нибудь подобнаго улицамъ здѣсь нѣтъ совершенно. Для сообщенія между домами есть различные ходы: то идешь между домами

[1]) Такъ называется вся тѣснина Мургаба отъ Сереза до Калаи-Вамара.

[2]) Внѣ всякаго сомнѣнія, что образованіе на террасѣ Сереза вышеупомянутыхъ семи холмовъ правильной формы обязано также дѣятельности ледниковъ, спускавшихся съ сѣверныхъ горъ и сливавшихся со многими другими.

по самородной каменной мостовой, то есть по самому „лбу“, то пробираешься около хаты по приступочку, то шагаешь по крышѣ, по другой, по толстому заборчику, снова по крышѣ, опять нѣсколько шаговъ по граниту и т. д. Дворъ въ тѣсномъ смыслѣ слова встрѣчается крайне рѣдко: въ большинствѣ онъ замѣняется хлѣвами. Для устройства дворовъ нѣтъ мѣста. Да они и не нужны, благодаря простотѣ горско-деревенской жизни. Нужно что-нибудь сработать—лучшее мѣсто на крышѣ, нѣтъ—на первой свободной площадкѣ. Веранда—непремѣнная принадлежность жаркой туркестанской низины—здѣсь встрѣчается какъ роскошь: во всемъ Серезѣ ихъ едва ли насчитаешь до десятка и то самыхъ микроскопическихъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей Сереза я поставлю кузницу—курганъ съ башнями. Кузница впрочемъ ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ всякой туркестантской, только развѣ крайней тѣснотой, и замѣчательна была какъ единственное ремесленное заведеніе во всемъ Серезѣ. Бронзовый старикъ безъ рубашки обливался потомъ въ своей жаркой клѣткѣ, занятый выдѣлкой для меня гвоздей и подковъ. Онъ имѣлъ видъ какого-то библейскаго праотца въ моментъ рѣшенія судьбы цѣлаго народа—такъ онъ былъ погруженъ въ священнодѣйствіе на наковальнѣ. Слѣпой безъ выраженія подростокъ-мальчикъ ловко работалъ тяжелыми азіятскими мѣхами безъ клапановъ. Смотрѣть въ кузницѣ было нечего. Кузнецъ работалъ болѣе чѣмъ плохо, воздуху не полагалось совсѣмъ, жара невыносимая. Но всѣ собрались къ кузницѣ какъ къ чему-то восхитительному, всѣ хвалили нагого кузница и рекомендовали мнѣ его, какъ „лучшаго мастера: ужъ вы не безпокойтесь, ужъ онъ сдѣлаетъ! старикъ знаетъ!“ Хотя мнѣ и было ясно съ перваго взгляда, что въ этомъ „мастерѣ“ моя погибель, что его подковами и гвоздями проще всего перепортить лошадей,—но не менѣе ясно было также и то, что „безпокойство“ дѣйствительно безполезно: библейскій старецъ былъ непоколебимъ въ своихъ пріемахъ.

Въ „курганъ“ (т.-е. крѣпость) меня не пустили, хотя совсѣмъ не изъ политическихъ соображеній. Оффиціальная сила, Сереза, построеннаго на самой возвышенной площадкѣ гранитнаго лба, занимала менѣе сотни квадратныхъ саженей. Трехсаженныя глинобитныя стѣны, ворота съ полубашнями, остатки зубцовъ на гребнѣ, мелкія бойницы, наконецъ, двѣ квадратныя башни по обѣимъ сторонамъ (топханы) съ блиндированными амбразурами, производили впечатлѣніе какого-то древняго замка. Этому способствовали и ветхость зданія, и импонизирующее положеніе его

надъ мелкимъ городочкомъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, грандіозность этого замка была чисто игрушечная, а рядомъ съ командующими холмами она теряла всякое значеніе. Безъ сомнѣнія постройка была затѣяна, какъ прихоть бека, пожелавшаго имѣть „дворецъ“.

Теперь внутри ея жилъ аксакалъ, и такъ какъ, подойдя къ воротамъ, я засталъ въ курганѣ всю его семью, то старикъ постѣснился ввести меня туда, боясь бабьяго переполоху и конфузясь за безпорядокъ внутренности дворца. То, что мелькнуло передо мной въ первый моментъ черезъ отворенныя ворота, поразило меня крайней тѣснотой бековскаго помѣщенія. Самыя топханы, т.-е. башни, были саженъ четырехъ съ небольшимъ высотою и вблизи смотрѣли немудрыми караулками.

Жители, видимо, не придавали никакой цѣны этому разваливающемуся сооруженію и понимали хорошо, что настоящая сила ихъ Сереза заключается прежде всего въ тѣхъ мощныхъ укрѣпленіяхъ, которыми окружила его сама природа.

По моей просьбѣ мнѣ показали домъ одного изъ зажиточныхъ горцевъ. Въ общемъ онъ изображалъ изъ себя собраніе какихъ-то мудреныхъ шкафовъ, печурокъ и перегородокъ, отвѣчающихъ по своему назначенію различнымъ комнатамъ и кладовымъ. Два угловыхъ шкафа, полузабранные стѣнками, назначались для мелкой соломы (самана) и открывались въ комнату окошками. Между ними помѣщался чистенькій шкафчикъ съ нарами, назначенный для гостей, какъ почетное мѣсто. Трое въ немъ не могли бы помѣститься. Напротивъ возвышенно располагалась кухня съ обширнымъ очагомъ, къ которому съ пола вели двѣ ступени. Налѣво отъ кухни въ темномъ стойлѣ помѣщалась женская рукодѣльня и рядомъ какія-то миніатюрныя палати надъ маленькимъ шкафомъ. Вправо отъ очага нары отводились подъ спальню и дѣтскую съ люлькой. Все это было крайне тѣсно, нагорожено, налѣплено другъ возлѣ друга, точно всѣ эти печурки и полочки сбѣжались сюда погрѣться вокругъ очага и прижались бокъ къ боку послѣ мороза. Закопченныя стѣны, сплошь черный потолокъ, скудный свѣтъ чрезъ единственное окно сверху надъ срединой комнаты, дополняли впечатлѣніе чего-то страннаго и неладнаго.

Но когда я просидѣлъ съ полминуты, привыкъ къ темнотѣ и постепенно сталъ уяснять себѣ значеніе каждой подробности,— странное дѣло!—хата какъ будто становилась свѣтлѣе, изъ-за тѣсноты выглянула уютность и хозяйственность, высокій потолокъ съ срединой, построенной по индійскому типу, давалъ просторъ воздуху. Кругомъ меня на нарахъ и на ступенькахъ очага живо-

писно размѣстились горцы въ ихъ недѣланныхъ, свободныхъ позахъ. Русая голова мальчугана торчала съ палатей, другая выглядывала изъ-за столба, поддерживающаго крышу. Простыя лица, русыя головы, непринужденная болтовня, искреннее, но сдержанное любопытство къ моему живописанью, моему платью, моимъ распросамъ, почему-то вдругъ напомнили мнѣ нашу глухую деревню. Что-то было схожее, давно знакомое, родственное, хотя всѣ детали были другія. Чѣмъ долѣе я вглядывался во все окружающее, на меня все крѣпче вѣяло миромъ. Мнѣ казалось, что этотъ народъ возбуждаетъ во мнѣ не одно простое любопытство своей оригинальностью, какъ интересная новость, а что въ немъ есть что-то симпатичное, понятное моему чувству, хотя и неуловимое по новости впечатлѣнія. Было ли это дѣломъ субъективнымъ, —случайной волной нѣкоторой излишней сантиментальности, или впечатлѣніе меня не обманывало? Мое пребываніе среди этого народа было слишкомъ кратко, чтобы можно было твердо отвѣтить на поставленный мною вопросъ. Но встрѣтившись вскорѣ съ родственнымъ хозяину горцемъ Дарваза и стараясь провѣрить себя въ этомъ отношеніи, я долженъ былъ признать, что первыя впечатлѣнія меня не обманули. И теперь, оглядываясь назадъ, я думаю также, что припамирскіе горцы таджики, дѣйствительно, народъ, имѣющій въ своей натурѣ много глубоко симпатичныхъ свойствъ, способныхъ невольно расположить къ себѣ съ первыхъ же дней знакомства съ этимъ народомъ.

Обойти весь Серезъ не составило никакого труда, до того онъ былъ невеликъ вмѣстѣ съ его основой. Я поинтересовался и хлѣвами.

Устройство хлѣвовъ обусловливается не холодной зимой, а полевымъ хозяйствомъ. Качество здѣшней каменистой почвы требуетъ значительнаго ежегоднаго удобренія. Потребность въ запасахъ навоза и создала систему содержанія скота зимою въ хлѣвахъ, откуда онъ выпускается только на водопой. Лѣтомъ скотина угоняется на джайляу, осенью пасется на сжатыхъ пашняхъ. Тѣснота хлѣвовъ и неподвижность, на которую обрекается скотина въ теченіе долгой зимы, не позволяютъ горцамъ держать киргизскаго курдючнаго барана: послѣдній любитъ просторъ, движеніе и не выноситъ заточенія. Курдючника здѣсь замѣнилъ „гадикъ“ —мелкій длиннохвостый баранъ, общимъ складомъ напоминающій нашего русскаго; только рога у гадика растутъ болѣе широко въ стороны. Остальная скотина (козы, коровы и ослы) тоже отличаются своимъ малымъ ростомъ, въ особенности коровы и ослы. Лошадей туземцы почти не знаютъ, и всѣ пере-

возки совершаютъ на ослахъ и быкахъ, которые ходятъ и въ плугѣ. Ослы, несмотря на свой ничтожный ростъ, весьма выносливы и несутъ огромную службу, какъ и въ другихъ частяхъ Туркестана, съ той лишь разницей, что тамъ на бѣднаго ослика забирается пара взрослыхъ мужиковъ и разъѣзжаетъ какъ на праздникѣ, а здѣсь горецъ непремѣнно шагаетъ пѣшкомъ, перевозя на ишакѣ лишь вещи. Яки разводились здѣсь успѣшно, но въ нѣсколько пріемовъ чумы всѣ подохли, чему, конечно, какъ нельзя болѣе способствовала скученность ихъ по хлѣвамъ.

Собака здѣсь особенная—крупная, съ очень длинной лохматой шерстью, висящей клочьями, что придаетъ ей необыкновенно дико-свирѣпый и въ то же время какой-то отощалый видъ. Да и на самомъ дѣлѣ онѣ очень злы. Тѣ же самые псы не позволяютъ разводить куръ, истребляя ихъ до послѣдней. Это отсутствіе домашней птицы въ деревнѣ очень странно, но жители единогласно подтверждаютъ, что причиной „дурныя собаки". Такое вліяніе собаки на хозяйство очень интересно тѣмъ болѣе, что всюду у сартовъ птица (особенно куры) разводится безпрепятственно; здѣсь же одолѣла собака—этотъ символъ дружбы.

Полевое хозяйство Сереза можно считать образцовымъ и по количеству посѣва, и по обработкѣ пашни. Каждое поле обнесено такой аккуратной каменной межой, такими прочными откосами на ступенчатыхъ сторонахъ, что смотритъ игрушкой. Камни, оставленные въ почвѣ, какъ неизбѣжная примѣсь, отличались своимъ однообразіемъ, и потому вспахиваніе производилось однородно, посѣвъ и всходы равномѣрны на всей площади. Токъ обдѣлывается еще тщательнѣе: онъ обносится прочной и красивой каменной стѣнкой въ аршинъ высотою, чтобы можно было стлать снопы толстымъ слоемъ; для предохраненія отъ скота гребень стѣнки убирается колючимъ кустарникомъ. Воздѣлывались слѣдующія растенія: пшеница, ячмень пополамъ съ горохомъ (бурчанъ), просо (тарыкъ) и брюква (шалгамъ). Овесъ, довольно сильный, родится самъ среди ячменя, но поспѣваетъ скорѣе и потому къ жатвѣ осыпается. Это усиливаетъ солому, а осыпавшееся зерно обезпечиваетъ всходъ овса на будущій годъ. Брюквы сѣютъ значительное количество. Ее рѣжутъ кусками, сушатъ и складываютъ въ амбары; она употребляется какъ приправа къ кушанью (это единственный овощь, воздѣлываемый здѣсь) и какъ кормъ скоту.

Водяныхъ мельницъ штукъ до семи, но въ ходу было только двѣ. Устройство ихъ общеизвѣстное.

Земли въ Серезѣ вволю, и существуетъ еще порядочная пло-

щадь въ запасѣ. Хлѣба онъ производитъ столько, что добрую часть его сбываетъ памирскимъ киргизамъ.

— Вотъ, скоро уже должны пріѣхать за хлѣбомъ: соли намъ привезутъ съ Памира. Мы сами за солью не ѣздимъ. Теперь вотъ безъ соли сидимъ,—услышалъ я тѣ же жалобы, что и въ Сардымѣ.

Но здѣсь я узналъ еще, что тотъ же памирскій киргизъ является для Сереза посредникомъ въ торговлѣ. Трудный путь сюда отбиваетъ охоту у савдагаровъ ѣздить сюда съ товарами, тѣмъ болѣе, что главный здѣшній продуктъ—хлѣбъ, не представляетъ для торговцевъ особаго соблазна. Савдагару выгоднѣе промѣнять свои товары киргизу на барана, разъѣзжая при этомъ по удобнымъ памирскимъ дорогамъ. Вслѣдъ за этимъ киргизъ превращается въ торговца и везетъ товаръ въ Серезъ, вымѣнивая на него муку и крупу.

Единицей цѣнности при всякой мѣнѣ является здѣсь кусокъ бузи (бузь—хлопчатая, грубая, бѣлая ткань), изъ котораго выходитъ рубаха. Товаръ такъ и цѣнится: въ двѣ бузи, три бузи и т. д. Единицей мѣры зерна служитъ топы (ермолка). Изъ этой основной единицы образуются и другія, болѣе крупныя.

Здѣсь, какъ и Сардымѣ, я испыталъ обаяніе товаровъ на жителей и ихъ полное незнакомство съ деньгами. Памирскій киргизъ весьма хорошо знаетъ кашгарскія деньги и довольно сносно кокансвія. Бухарскія [1]) и русскія беретъ неохотно, понижая сильно ихъ стоимость. Горецъ же, особливо серезецъ—не признаетъ никакихъ, и покупка у нихъ на деньги прямо разорительна, ибо онъ совершенно произвольно оцѣниваетъ свой товаръ, иногда запрашивая вдесятеро. Напротивъ, операціи съ товарами—мануфактурными и галантерейными (но главное съ первыми)—необыкновенно выгодны. У меня оставалось товару очень немного, и я испыталъ и то, и другое, на себѣ лично: цѣлая мука была покупать что-нибудь на дорогое бухарское серебро, и чрезвычайно быстро—обмѣнивать на самый немудрый ситецъ или миткаль.

Какъ ни были скромны мои заказы въ Серезѣ (пуда четыре муки, пудъ лепешекъ и 20 подковъ), маленькое селеніе съ его микроскопическими средствами изнемогло подъ такимъ необычайнымъ для него требованіемъ. Печеніе лепешекъ заняло многіе очаги, а малютка-мельница съ ея тихимъ ходомъ подавала муку

[1]) Бухарское серебро значительно выше коканскаго: такъ, бухарская тенга цѣнится въ 30 к., а коканская нѣсколько ниже—20 к.

невообразимо медленно. Я не говорю уже о подковахъ—къ нимъ я никакъ не могъ получить полнаго комплекта гвоздей. Все это заставило меня пробыть въ Серезѣ до 10 ч. утра слѣдующаго дня, когда, наконецъ, ко мнѣ стащили изъ разныхъ концовъ селенія горячія лепешки разныхъ видовъ и величинъ.

Ночлегъ я устроилъ въ верстѣ отъ Сереза, внутри небольшой загородки, которою было обнесено единственное здѣсь крошечное поле люцерны, и единственное абрикосовое дерево. И то, и другое представляли забаву—не больше, прихоть любителя: люцерна съ этой площадки съ каменистой почвой получалась низкая, рѣдкая, и снималась только одинъ разъ въ лѣто, а урюкъ не давалъ плодовъ и шелъ очень туго. Ко мнѣ набралась, конечно, масса народу и облѣпила заборъ, какъ воробьи. Къ вечеру сдѣлалось довольно свѣжо, и рѣзкій вѣтеръ, отъ котораго насъ спасала стѣнка, донялъ даже и горцевъ, бывшихъ снаружи: они разбрелись по домамъ.

При мнѣ остался только одинъ молодой красавецъ Рахматулля Ляльбекъ, обладатель прекраснаго грудного тенора и замѣчательный знатокъ мѣстныхъ пѣсенъ. Какъ только взошла луна, онъ не вытерпѣлъ и предложилъ что-нибудь спѣть. Я, конечно, согласился. Онъ принесъ свой „ситоръ“ (трехструнная гитара) и оказался большимъ мастеромъ на этомъ несложномъ инструментѣ съ очень длиннымъ грифомъ.

Пѣлъ онъ прекрасно, выразительно, чему помогалъ его высокій нѣжный голосъ. Акомпаниментомъ на ситорѣ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Но что меня поразило въ его пѣніи—это мотивы пѣсенъ. Привыкши въ Туркестанѣ слышать горловые, натянутые голоса сартовъ и необыкновенно дикіе и однообразные мотивы, я ждалъ чего-нибудь подобнаго же и здѣсь. И вдругъ передо мной зазвучалъ какой-то хорошо мнѣ знакомый романсъ, точно отрывокъ изъ какой-то оперы... Понятно, что это не было ни то, ни другое, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то положительно знакомое, понятное, слышанное. Звучный оригинальный языкъ Шугнана еще болѣе вводилъ въ обманъ. Точно какая баркаролла, народный напѣвъ итальянца...

Алё мадыкъ,
Алё разинъ,
Кашикъ муфивъ,
Худжб навинъ,
. . . .
Читтыкъ чапáнъ,
Нухрá такинъ,

Тарту хиэикъ
Муна́ лякинъ!

. . . .

Молодой, полный голосъ пѣлъ безъ всякихъ усилій, модулировалъ свободно, пѣлъ съ чувствомъ и умѣньемъ. Пѣсня за пѣсней, мотивъ за мотивомъ проходили передо мной, показывая богатство и разнообразіе горской народной музыки. Мы всѣ невольно заслушались неутомимаго Рахматуллю, который чуть не до полуночи распѣвалъ свои любимые мотивы.

— Я ихъ тысячу знаю,—возразилъ онъ, когда я былъ удивленъ его музыкальными свѣденіями.

Получивши отъ меня ситцевый платокъ въ подарокъ, онъ ушелъ совершенно счастливый. Знакомство съ Рахматуллей было интересно для меня и въ другомъ отношеніи. Въ немъ я встрѣтилъ наиболѣе выразительный типъ молодого горца, полный хорошихъ задатковъ, безъ вычурности, съ искреннимъ юнымъ увлеченіемъ; сильный, веселый, разговорчивый, и въ тоже время крайне простой, чисто сельскій характеръ. Рахматулля былъ не простой музыкантъ: въ немъ таилась поэтическая нотка, онъ умѣлъ увлекаться не одной только пѣсней, но и вообще природой. Это слышалось въ его разговорѣ, въ его восхищеніи лунной ночью, даже въ его переводахъ шугнанскихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ любовь...

Въ Серезѣ я долго не могъ понять толкомъ обращенныхъ ко мнѣ вопросовъ жителей о какомъ-то туземномъ письмѣ, которое я долженъ былъ получить и которое шло черезъ Бартангъ изъ Шугнана и направилось на Памиръ. Понялъ я эту исторію только тогда, когда встрѣтился съ Путятой, ибо письмо передали ему. Въ этомъ письмѣ повторялось увѣреніе шугнанцевъ и рошанцевъ въ желаніи перейти въ подданство Россіи и просьба о присылкѣ войскъ для избавленія отъ афганцевъ.

Покидая Серезъ, я снова роптавъ на судьбу, что она и здѣсь мнѣ не дала возможности ближе и дольше вглядѣться въ жизнь этого интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ народа. Мнѣ нужно было торопиться на соединеніе съ отдѣломъ Путяты и поскорѣе доставить ему добытый провіантъ.

Потребовалось полтора дня безостановочнаго хода и захватить даже часть ночи, чтобы добраться до Карабулака. Подъемъ отсюда на перевалъ того же имени былъ необыкновенно тяжелъ и вьюки едва выбрались на него только ночью.

На четвертый день вечеромъ я, наконецъ, добрался до урочища Кокъ-джаръ—мѣста стоянки Путяты и Бендерскаго.

Посѣщеніе Кокъ-джара было для меня интересно не однимъ свиданіемъ съ другой половиной нашей экспедиціи, а еще и встрѣчей съ памирской и алайской знаменитостью — Саибъ-Назаромъ. Теперь уже золотое время его прошло: и самъ онъ, и одинъ изъ его сыновей — калѣки, да и старость самого атамана разбойничьей шайки значительно сбавила прежней энергіи. Но совсѣмъ недавно онъ былъ грозою всей округи. Его смѣлость и ловкость въ дѣлѣ баранты, его вліяніе, какъ независимой силы, вполнѣ отвѣчали высотѣ и недоступности Памира, гдѣ онъ свилъ себѣ гнѣздо, отхвативъ въ свое владѣніе божій кусокъ этой громадной выси, въ видѣ обширнаго бассейна р. Кокуй-бели.

И вотъ, этотъ памирскій заправила, этотъ атаманъ лихой шайки, этотъ „соловей-разбойникъ" Памира и Алая, этотъ кокуй-бельскій царекъ, передо мной во весь ростъ, въ его чертогахъ, среди его „есауловъ" и „добрыхъ удалыхъ разбойничковъ", окруженный не „непокорными сыновьями Адольфами", а „вѣрными слугами"...

На самомъ дѣлѣ, ко мнѣ въ палатку вошелъ маленькій, плюгавенькій старикашка, съ типичной рожей бывалаго въ передѣлахъ киргиза, съ подобострастными манерами и лисьимъ взглядомъ, тонко высматривающимъ, какой оборотъ долженъ принять дѣлаемый ему пріемъ. Сквозь узкія щелочки вѣкъ свѣтился еще огонекъ смѣтливости и огромной хитрости. Пойманный въ-расплохъ калѣка, съ раздробленной рукой, Назаръ видимо игралъ съ нами въ „дружбу", въ „вѣрнаго слугу" всѣхъ русскихъ. Онъ откровенно каялся въ своихъ длинныхъ прегрѣшеніяхъ, причемъ невозмутимо вралъ съ-три-короба; плакался на болѣзни, снова вралъ; ласково представлялъ мнѣ барашка закланія, котораго сыновья его, по киргизскому обычаю, всовывали задомъ въ палатку для оцѣнки; просилъ лекарства отъ руки; еще и еще вралъ, пока я не объяснилъ ему, что аудіенція кончилась и онъ можетъ удалиться.

Словомъ, передо мной былъ въ сущности довольно заурядный киргизъ, совсѣмъ непредставительный, грязный, въ обстановкѣ далеко небогатой, если судить не на памирскую мѣрку. Окружали его огромные долговязы, силачи, всѣ безъ исключенія съ разбойничьими, звѣрскими рожами, суровые, подозрительные, люди, очевидно много практикованные въ дѣлѣ грабежа и разбоя. Есаулы и вольные ребяты были подобраны не зря, съ разсчетомъ. Недаромъ на границѣ Памира и Алая до самаго послѣдняго времени шла, да, безъ сомнѣнія, и теперь еще не сгибла, горячая борьба, напоминающая древнія „баранты" вольныхъ степей,—тѣ баранты, безпорядки которыхъ на нашихъ прежнихъ границахъ Оренбурга и Западной Сибири заставили насъ вдвигаться мало-

по-малу въ сторону Туркестана и, послѣ долгой и дорого стоющей борьбы, закончить занятіемъ Ташкента, Самарканда, Хивы, Кокана, Мерва.

Роковое совпаденіе: въ самомъ, повидимому, конечномъ предѣлѣ нашего умиротворяющаго степи движенія, на самой крайней границѣ, мы снова встрѣтились съ гнѣздами стародавней баранты —на востокѣ у Памира, на югѣ у Парапамиза. И тамъ, и тутъ, въ бассейнахъ двухъ рѣкъ съ однимъ именемъ—Мургаба...

Знакомясь ближе съ вопросомъ алайско-памирской баранты, мы узнаемъ тотъ знаменательный фактъ, что нападенія Назара направлены на Верхній Алай, что борьба ведется преимущественно съ киргизами торкузъ-огулъ. Потомъ выясняется, что секретъ живучести порядковъ Саибъ-Назара кроется ближе къ намъ, чѣмъ мы могли предполагать. На Нижнемъ Алаѣ онъ имѣлъ крѣпкую поддержку въ родственныхъ ему киргизахъ, среди которыхъ огромнымъ вліяніемъ пользовался одинъ Манапъ (бѣлая кость), аристократъ, родовой князь, ближайшій кумъ Назара. Этотъ алайскій вельможа—видный, представительный, неглупый, пронырливый и властолюбивый — съумѣлъ очень ловко воспользоваться обстоятельствами занятія русскими Кокана и Алая, легко понялъ характеръ новыхъ властей, быстро втерся въ довѣріе, нахваталъ наградъ и получилъ важную должность киргизскаго волостного управителя на Нижнемъ Алаѣ. Заручившись съ помощью показной распорядительности и низкой лести довѣріемъ начальства, вельможа почувствовалъ себя на далекомъ Алаѣ еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Теперь онъ давилъ не однимъ богатствомъ и связями, а еще именемъ русскихъ, именемъ „Аиръ-сакала“ (пробритая борода, такъ звали туземцы Ферганы М. Д. Скобелева), страшнымъ именемъ вездѣсущаго генерала-разрушителя, усвоившаго себѣ всѣ пріемы суроваго хана, чинившаго быстро судъ и расправу и наводившаго великій трепетъ на всю Фергану. Времена перваго занятія ханства минули, Аиръ-сакалъ уже былъ далеко, а на дальнемъ Алаѣ, въ этой отгороженной громадными горами странѣ, прижатой къ дикому Памиру, съ одной стороны, и къ новому бухарскому бекству (Каратегину) съ другой, царилъ старый порядокъ. Вельможа правилъ какъ хотѣлъ: пугалъ народъ русскими и деспотствовалъ, натравливалъ Назара то на Верхній Алай, то на Каратегинъ, то на Шугнанъ, а самъ, находясь въ срединѣ—ловко крылъ концы своего кума-памирца.

До чего дошла дерзость этихъ людей, можно видѣть изъ того, что еще въ 1883 году вельможа, уже отставленный изъ волостныхъ, находилъ однако возможнымъ ставить свои „караулы“ на

путяхъ изъ Каратегина въ Коканъ и собирать въ свою пользу „пропускныя“ подати съ торговцевъ и скотопромышленниковъ, двигавшихся на базары Ферганы. И караулы ставились не заднимъ числомъ, ибо таможенные пункты лежатъ уже внѣ Алая, по ту сѣверную сторону горъ,—нѣтъ, а просто сей манапъ (т.-е. нашъ киргизъ) выставлялъ собственные пикеты по праву сильнаго, не пограничнаго, а промежуточнаго владѣтеля.

Изолированное самою природою положеніе нашего Алая и административное раздѣленіе его частями по нѣсколькимъ уѣздамъ естественно ослабляло непосредственное вліяніе тамъ русской власти; при маломъ же фактическомъ надзорѣ, при разбирательствѣ всѣхъ дѣлъ на Ниж. Алаѣ и въ пограничной каратегинской полосѣ не иначе какъ въ Маргеланѣ—все это дѣлало неуловимымъ дѣйствительное положеніе вещей на сѣверной окраинѣ Памира и невольно отдавало ихъ въ руки широкой прочной, старинной воровской шайки, которая прикрывалась знаменемъ неуязвимаго Саибъ-Назара.

А между тѣмъ—стóитъ только взять въ хорошія руки нашъ собственный Алай, и Назаръ сокращается до нуля; памирскій атаманъ остается одинокимъ на пустой „крышѣ міра“; гроза Алая самъ прійдетъ отдаться въ руки, потому безъ Алая ему не прожить. Только Алай теперь кормитъ его барантой, только онъ позволяетъ ему быть складочнымъ мѣстомъ награбленнаго. Закройте Алай для Саибъ-Назара, предоставивъ ему все памирское царство, и этотъ памирскій практикъ скажетъ вамъ, что на высокой крышѣ ладно жить только тогда, когда хорошо кормятъ снизу, онъ сразу объявитъ вамъ миръ на вѣки за тѣ два окна, которыя вы оставите ему для мирныхъ сношеній съ Алаемъ, тѣ единственныя двѣ продушины къ богатому, родному и сильному сѣверу, которыя зовутся Кизилъ-артъ и Тахта-горумъ.

Значеніе толковаго и прочнаго порядка на Алаѣ не ограничивается только отношеніемъ къ Памиру. Алай и въ особенности Нижній Алай, какъ земледѣльческій и лѣсной, врѣзывается широкимъ клиномъ въ отдаленныя горныя бекства Бухары и составляетъ для востока этой страны то же, что Самаркандъ для центра, Мервско-мургабскій оазисъ для запада...

Прочная организація управленія Алаемъ, непосредственное присутствіе на немъ (хотя бы только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ) русской власти прежде всего устраняло бы этотъ широкій промежутокъ между Ферганой и окраинными заалайскими владѣніями. Прочный миръ и порядокъ на Алаѣ сейчасъ же отзовется на прочности бухарской власти въ верхнеамударьинскихъ провин-

ціяхъ, точно такъ же, какъ нынѣ, самовольства Алая отзываются на сомнительномъ положеніи въ его сосѣдствѣ Бухары. При отсутствіи непосредственной гражданской границы съ нами, Бухарѣ не на что опереться, въ ней нѣтъ увѣренности въ недавно присоединенныхъ горцахъ, она изолирована, предоставлена самой себѣ, вынуждена держать въ Дарвазѣ бездѣятельный, но сильный гарнизонъ, и отказаться отъ всякаго вліянія на такія серьезныя событія на ея границѣ, какъ самовольное занятіе Шугнана и Рошана афганцами. Прежнее колеблющееся положеніе памирскаго населенія и припамирскихъ мелкихъ ханствъ обусловливалось исключительно тѣмъ, что у нихъ былъ просторъ подъ бокомъ, просторъ съ такими „соловьями" какъ памирскій Назаръ, съ „князьями", въ родѣ нашего алайскаго манапа, или каратегинскаго датхи (киргизскій генералъ восточнаго Каратегина), которымъ было выгодно смутное время... Разорвите этотъ союзъ барантачей, установите на Нижнемъ Алаѣ [1]) строгій наблюдательный постъ,—и Алай пріобрѣтетъ, наконецъ, свое важное значеніе, которое онъ по своему географическому положенію предназначенъ играть на нашей припамирской границѣ.

Д. Ивановъ.

---

[1]) Нижній Алай—земледѣльческій и лѣсной.

МИЛЫЙ ДРУГЪ

Повѣсть Гюи-де-Мопассана.

Окончаніе.

IV *)

Площадь св. Августина была совсѣмъ почти безлюдна и вся залита яркими лучами іюльскаго солнца. Удушливая жара угнетала Парижъ:—тяжелый, горячій воздухъ точно свинцомъ давилъ городъ и лёгкимъ было больно дышать.

Фонтанъ передъ церковью билъ вяло, тонкой струйкой, и вода въ бассейнѣ была мутная, зеленоватая, точно нагрѣтая.

Собака, перескочившая черезъ желѣзную рѣшетку, наслаждалась въ этой сомнительной водѣ. По временамъ прохожіе останавливались и съ завистью на нее глядѣли.

Трубы, изъ которыхъ поливали улицы, возбуждали желаніе окатиться холодной водой, а деревянная мостовая дымилась подъ теплымъ дождемъ, немедленно испарявшимся.

Дю-Руа вынулъ часы. Было три часа. Ему оставалась ждать цѣлыхъ тридцать минутъ.

Онъ смѣялся, думая о предстоящемъ свиданіи.

„Церкви служатъ ей для весьма разнообразнаго употребленія, говорилъ онъ самому себѣ. Въ нихъ она находитъ утѣшеніе, что вышла замужъ за еврея; онѣ придаютъ ея поведенію въ политическихъ кружкахъ характеръ протеста, а въ большомъ свѣтѣ—оттѣнокъ comme-il-faut, и служатъ убѣжищемъ для подоб-

---

*) См. выше: іюнь, 732.

ныхъ свиданій. Что значитъ, однако, привычка пользоваться религіей, какъ зонтикомъ en-tous-cas. Хорошая погода—онъ мнѣ служитъ тросточкой; солнце свѣтитъ—я защищаюсь имъ отъ его лучей; дождь пойдетъ—я употребляю его какъ дождевой зонтикъ, а если никуда не выхожу, то ставлю въ уголъ въ прихожей. И много ихъ такихъ! всѣ онѣ думаютъ провести Господа Бога, но не хотятъ, чтобы про нихъ дурно говорили, и берутъ религію по временамъ вмѣсто покрывала. Еслибы имъ предложили пойти въ меблированныя комнаты, онѣ нашли бы это позорнымъ; но имъ кажется вполнѣ естественнымъ заниматься интрижками у подножія алтарей"...

Онъ медленно расхаживалъ вокругъ бассейна, потомъ взглянулъ на часы на правой церковной башенкѣ. Они ушли впередъ противъ его часовъ на двѣ минуты и показывали пять минутъ четвертаго.

Протяжный голосъ выкрикивалъ слова воинской команды. Онъ звучалъ печально и монотонно среди безмолвія площади. Жоржъ пошелъ и сталъ передъ воротами казармы Пепиньеръ и глядѣлъ, какъ человѣкъ двадцать солдатъ, подъ командой двухъ сержантовъ-инструкторовъ, маршировали на дворѣ, двумя колоннами.

Солдаты проходили, останавливались, поворачивались на-лѣво кругомъ и шли обратно.

Оба сержанта, выступая болѣе медленнымъ шагомъ, слѣдили за всѣми маневрами

Дворъ казармы имѣлъ плачевный видъ, оживляемый только механическими движеніями злополучныхъ бѣдняковъ въ красныхъ штанахъ.

Дю-Руа вернулся къ церкви. Было всего семь минутъ четвертаго.

Онъ подумалъ, что въ церкви будетъ пріятнѣе ждать, и вошелъ.

Свѣжесть погреба охватила его, онъ съ удовольствіемъ дышалъ ею и обошелъ вокругъ всей церкви, чтобы съ ней ознакомиться.

Чьи-то другіе шаги, правильные, но порою затихавшіе, откликались изъ глубины обширной церкви на шумъ его собственныхъ шаговъ, гулко раздававшихся подъ высокимъ сводомъ. Ему захотѣлось поглядѣть кто это тамъ расхаживаетъ. И онъ сталъ искать. То былъ лысый и толстый господинъ; онъ прохаживался, поднявъ носъ кверху и заложивъ шляпу за спину.

Въ разныхъ мѣстахъ, старухи, стоя на колѣняхъ, молились, закрывъ лицо руками. Ощущеніе уединенія, одиночества, успоко-

енія, овладѣвало умомъ. Свѣтъ, смягчаемый пестрыми стеклами, былъ пріятенъ для глазъ.

Дю-Руа нашелъ, что тутъ просто „славно“.

Онъ вернулся къ двери и снова посмотрѣлъ на часы. Было всего только четверть четвертаго. Онъ сѣлъ у главнаго входа, жалѣя, что тутъ нельзя курить! На другомъ концѣ церкви, возлѣ хоръ, продолжали раздаваться медленные шаги толстяка.

Кто-то вошелъ, Жоржъ поспѣшно оглянулся. То была какая-то простолюдинка, бѣдно одѣтая; она упала на колѣни у перваго стула и осталась неподвижной, скрестивъ руки, устремивъ глаза вверхъ,—и вся ушла въ молитву.

Дю-Руа съ участіемъ глядѣлъ на нее, спрашивая себя:—какое горе, какая бѣда, какого рода отчаяніе терзало эту бѣдную душу? Ее угнетала нищета — это было очевидно. Быть можетъ, къ тому же у нея былъ мужъ, колотившій ее не на животъ, а на смерть, или можетъ быть у нея умиралъ ребенокъ.

Онъ мысленно прошепталъ:—Бѣдняжки. Ахъ! — сколько, однако, въ мірѣ страданія! И въ немъ шевельнулся гнѣвъ на безжалостную природу. Потомъ онъ подумалъ, что эти нищіе вѣрятъ, покрайней мѣрѣ, въ то, что ими занимаются на небесахъ, что тамъ записаны ихъ дѣла и сводится балансъ между добромъ и зломъ. На небесахъ? Гдѣ же это?

Ему припомнилась фраза Норбера де Варенна: „Насѣкомыя, которыя живутъ нѣсколько часовъ, мухи, которыя живутъ нѣсколько дней, животныя, живущія нѣсколько мѣсяцевъ, люди, живущіе нѣсколько лѣтъ, и міры, существованіе которыхъ длится нѣсколько столѣтій—все это ничтожныя песчинки жизни, теряющіяся въ безконечной пыли вселенной.

„Мушка, летающая въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, и земля, эта песчинка, которая вертится, затерянная въ пространствѣ, равно ничтожны въ безграничной вселенной. Смерть одной, конецъ другой, проходятъ равно незамѣченными въ вѣчномъ обновленіи вселенной.

И Дю-Руа, настроенный на торжественный ладъ безмолвіемъ, царствовавшимъ въ церкви, свысока отнесся къ творенію и проговорилъ презрительно:—Какое ничтожество человѣкъ!

Шелестъ платья заставилъ его вздрогнуть. То была она.

Онъ всталъ и поспѣшилъ ей на-встрѣчу. Она не протянула ему руки и прошептала усталымъ голосомъ:

— Я могу пробыть здѣсь только нѣсколько секундъ. Я должна вернуться домой; станьте возлѣ меня на колѣни, чтобы насъ не замѣтили.

И пошла по церкви, ища укромнаго и вѣрнаго мѣстечка, какъ женщина, хорошо знакомая съ зданіемъ! Лицо ея было скрыто густымъ вуалемъ, и она шла почти неслышными шагами.

Дойдя до хора, она оглянулась и произнесла таинственнымъ тономъ, который невольно сообщается въ церкви:

— Боковые придѣлы лучше. Здѣсь мы будемъ слишкомъ на виду.

Она поклонилась престолу почти до-земли и повернула на право, вернулась ко входу и, рѣшившись наконецъ, взяла стулъ и стала на колѣни.

Дю-Руа завладѣлъ сосѣднимъ стуломъ, и какъ скоро они очутились въ молитвенной позѣ, прошепталъ:

— Merci, merci, я васъ обожаю. Я бы желалъ всегда твердить вамъ это, разсказать вамъ, какъ я началъ васъ любить, какъ я былъ очарованъ въ первый же разъ какъ увидѣлъ васъ... Позвольте мнѣ все это высказать вамъ когда нибудь, излить передъ вами душу...

Она слушала его въ позѣ глубокаго раздумья, точно вовсе не слыхала того, что онъ говорилъ. И отвѣчала, не открывая лица, сквозь пальцы:

— Съ моей стороны безумно позволять вамъ говорить все это, безумно было сюда пріѣхать и вообще... позволять вамъ думать, что эта... эта... эта исторія можетъ продолжаться дольше. Забудьте все это, такъ надо, и никогда мнѣ больше объ этомъ не говорите.

Она подождала. Онъ искалъ отвѣта, рѣшительныхъ, страстныхъ словъ, но такъ какъ не могъ прибѣгнуть вмѣстѣ съ тѣмъ и къ жестамъ, то чувствовалъ себя парализированнымъ.

Онъ произнесъ наконецъ:

— Я ничего не жду... ни на что не надѣюсь... я просто васъ люблю. Что бы вы ни дѣлали, я такъ часто буду вамъ это повторять, что вы наконецъ поймете меня. Я хочу сообщить вамъ свою любовь, влить вамъ ее въ душу, слово за словомъ, часъ за часомъ, день за днемъ, такъ чтобы она наконецъ пропитала васъ подобно тому какъ вода, падающая по каплѣ долбитъ камень; такъ и моя любовь должна смягчить васъ, завладѣть вами, и принудить васъ въ свою очередь сказать мнѣ: — и я также васъ люблю.

Онъ чувствовалъ какъ плечо ея, касавшееся его плеча, дрожитъ, а грудь вздымается, и вдругъ она быстро, быстро пробормотала:

— И я также васъ люблю.

Онъ вздрогнулъ, точно его ударили по головѣ и вздохнулъ:

— О, Боже мой!..

Она продолжала задыхающимся голосомъ:

— Развѣ не безумно, что я вамъ это говорю? Я чувствую себя виноватой и такой презрѣнной... вѣдь и у меня дочери... но я не могу... не могу больше... я бы никогда не повѣрила... никогда бы не подумала... но я не въ силахъ съ собой справиться. Послушайте... послушайте... я никогда и никого не любила... кромѣ васъ... клянусь вамъ, я васъ люблю вотъ уже годъ, въ тайнѣ затаивъ мою любовь въ сердцѣ. О! — какъ я страдала и какъ боролась, еслибы вы знали! Я больше не могу... Я васъ люблю.

Она плакала, закрывъ лицо руками, и все ея тѣло содрогалось отъ рыданій.

Жоржъ прошепталъ

— Дайте мнѣ вашу руку; мнѣ хочется ее пожать, дотронуться до нея.

Она медленно отняла руку отъ лица. Онъ увидѣлъ, что щека ея вся мокрая, и слеза, готовая упасть, дрожитъ на рѣсницахъ.

Онъ взялъ ея руку и сжалъ.

— О!—сказалъ онъ,—какъ бы я желалъ осушить ваши слезы.

Она проговорила тихимъ и разбитымъ голосомъ, похожимъ на стонъ:

— Не злоупотребляйте своей властью надо мной... я себя погубила!

Ему хотѣлось улыбнуться. Какъ могъ онъ злоупотребить своей властью въ этомъ мѣстѣ! Онъ приложилъ ея руку къ своему сердцу и только спросилъ:

— Слышите, какъ оно бьется?—Очевидно, весь репертуаръ страстныхъ словъ у него истощился.

Но съ нѣкоторыхъ поръ шаги господина, гулявшаго по церкви, стали къ нимъ приближаться. Онъ обошелъ всѣ алтари и шелъ теперь по крайней мѣрѣ уже во второй разъ, въ правый придѣлъ. Когда m-me Вальтеръ услышала его шаги совсѣмъ позади колонны, которая ее скрывала, то вырвала свою руку у Жоржа и опять закрыла лицо.

Оба остались неподвижными, на колѣняхъ, точно съ жаромъ молились.

Толстый господинъ прошелъ возлѣ, бросилъ на нихъ равнодушный взглядъ и удалился на другой конецъ церкви, продолжая держать за спиной шляпу.

Но Дю-Руа, которому хотѣлось добиться свиданія не въ церкви, прошепталъ:

— Гдѣ я васъ завтра увижу?

Она не отвѣчала. Она казалось безжизненной, превращенной въ молящуюся статую.

Онъ продолжалъ:

— Хотите увидѣться завтра въ паркѣ Монсо?

Она повернулась къ нему, открывъ лицо, помертвѣвшее, искаженное страданіемъ и прерывистымъ голосомъ проговорила:

— Оставьте меня... оставьте меня теперь... уходите... уходите... только на нѣсколько минутъ... я слишкомъ страдаю около васъ... я хочу молиться... и не могу... уйдите... дайте мнѣ помолиться... одной... нѣсколько минутъ... я не могу... дайте мнѣ попросить Бога... чтобы онъ меня простилъ... чтобы онъ меня спасъ... оставьте меня... на нѣсколько минутъ...

У ней было до того измученное, страждущее лицо, что онъ всталъ, не говоря ни слова, но, послѣ минутнаго колебанія, спросилъ:

— Можно мнѣ вернуться черезъ нѣкоторое время?

Она кивнула головой, какъ будто говоря: — Да, сейчасъ, и онъ пошелъ къ хору.

Тогда она попыталась молиться. Она сдѣлала сверхчеловѣческое усиліе, и, призывая Бога и дрожа всѣмъ тѣломъ, содрогаясь всей душей, обратилась къ небу:—спаси!

Она закрывала глаза съ отчаяніемъ, чтобы не видѣть того, кто только-что ушелъ, она изгоняла его изъ помысловъ, боролась съ нимъ, но вмѣсто ожидаемой помощи которую она призывала въ своемъ безнадежномъ отчаяніи, она постоянно видѣла вьющіеся усы молодого человѣка.

Цѣлый годъ уже боролась она такимъ образомъ каждый день, каждый вечеръ съ этимъ дьявольскимъ навожденіемъ, съ этимъ образомъ, завладѣвшимъ ея воображеніемъ, ея плотью и не дававшимъ ей спать по ночамъ. Она чувствовала себя какъ звѣрь, запутавшійся въ тенетахъ, связанной по рукамъ и по ногамъ, порабощенной этимъ мужчиной, который покорилъ ее только своими усами и цвѣтомъ глазъ.

И теперь въ этой церкви, подъ сѣнью Бога, она чувствовала себя еще слабѣе, еще безпомощнѣе, еще потеряннѣе, нежели у себя дома. Она не могла больше молиться; она могла думать только о немъ; она уже страдала отъ того, что онъ отошелъ отъ нея. Совсѣмъ тѣмъ она боролась изъ послѣднихъ силъ, оборонялась, звала Бога на помощь отъ всего сердца. Ей хотѣлось лучше умереть, чѣмъ пасть, ей, никогда еще не сдававшейся. Она лепетала отчаянныя слова молитвы, но прислушивалась къ

затихавшимъ шагамъ Жоржа, уходившаго на другой конецъ церкви.

Она поняла, что все кончено, что борьба безполезна, однако, ей не хотѣлось сдаваться, и съ ней случился одинъ изъ тѣхъ нервныхъ припадковъ, отъ которыхъ женщины со стономъ катаются по полу. Она дрожала всѣми членами, чувствуя, что сейчасъ упадетъ съ громкимъ воплемъ.

Кто-то подходилъ торопливыми шагами. Она повернула голову, то былъ священникъ. Тогда она стала, подбѣжала къ нему и протягивая сложенныя руки, пролепетала:

— О!—спасите меня!—спасите меня!

Онъ остановился, удивленный, и спросилъ:

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Я хочу, чтобы вы меня спасли, сжальтесь надо мной: если вы мнѣ не поможете, я погибла.

Онъ глядѣлъ на нее, спрашивая себя:—не помѣшана ли она. И сказалъ:—Что я могу для васъ сдѣлать?

То былъ высокій, молодой человѣкъ, нѣсколько ожирѣвшій, съ толстыми и обвислыми щеками, чернѣвшимися отъ старательно выбритой бороды, красивый городской викарій, изъ богатаго квартала, привыкшій имѣть дѣло съ богатыми женщинами.

— Примите мое покаяніе во грѣхахъ, — сказала она,—и посовѣтуйте что мнѣ дѣлать, поддержите меня.

Онъ отвѣчалъ:

— Я исповѣдую по субботамъ съ трехъ до шести часовъ.

Схвативъ его руку, она сжимала ее, повторяя:

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... сейчасъ... сейчасъ... это необходимо... онъ здѣсь... въ этой церкви... онъ меня ждетъ.

Священникъ спросилъ:

— Кто васъ ждетъ?

— Мужчина... который меня погубитъ... который меня увезетъ съ собой... если вы меня не спасете... я больше не могу его избѣгать... я слишкомъ слаба... слишкомъ, слаба... такъ слаба... такъ слаба...

Она упала на колѣни передъ нимъ, рыдая:

— О! сжальтесь надо мной, отецъ мой, спасите меня, ради Бога, спасите меня!

Она держала его за черную сутану, чтобы онъ не убѣжалъ, а онъ со страхомъ оглядывался во всѣ стороны, не видитъ ли чей-нибудь недоброжелательный или набожный глазъ эту женщину, валяющуюся у него въ ногахъ.

Понявъ наконецъ, что отъ нея не отдѣлается, онъ сказалъ:

— Встаньте, у меня кстати въ карманѣ ключъ отъ исповѣдальни.

И порывшись въ карманѣ, онъ вытащилъ колечко съ нанизанными на немъ ключами; потомъ выбралъ изъ нихъ одинъ и направился торопливымъ шагомъ къ маленькимъ деревяннымъ кельямъ, въ родѣ ящиковъ, въ которые вѣрующіе какъ бы складываютъ свои грѣхи.

Онъ вошелъ въ центральный шкапъ и заперъ его за собой, а m-me Вальтеръ бросилась въ сосѣднее тѣсное отдѣленіе и ревностно проговорила, съ страстнымъ порывомъ надежды:

— Благословите меня, мой отецъ, потому что я великая грѣшница...

Пока длилась исповѣдь, Дю-Руа, обойдя хоры, шелъ по лѣвому придѣлу. Онъ дошелъ уже до средины, когда встрѣтилъ толстаго лысаго господина, продолжавшаго спокойно расхаживать по церкви, и спросилъ себя:

— Что же такое, однако, онъ тутъ дѣлаетъ?

Господинъ тоже замедлилъ шаги, и поглядѣлъ на Жоржа съ очевиднымъ желаніемъ заговорить. Поровнявшись съ нимъ, онъ поклонился и очень вѣжливо спросилъ:

— Извините, милостивый государь, что я васъ безпокою, но не можете ли вы мнѣ сказать, когда именно была построена эта церковь?

Дю-Руа отвѣчалъ:

— Ей-Богу, самъ хорошенько не знаю, кажется лѣтъ двадцать или двадцать-пять тому назадъ. Я впрочемъ въ первый разъ сегодня вошелъ въ нее.

Незнакомецъ отвѣчалъ:

— И я также. Я никогда ее не видѣлъ раньше.

Тогда журналистъ, любопытство котораго было задѣто, продолжалъ:

— Вы, кажется, очень внимательно ее осматривали. Вы изучаете ее во всѣхъ подробностяхъ.

Тотъ съ покорностью произнесъ:

— Нѣтъ, я не церковь осматриваю, — я жду свою жену, которая назначила мнѣ здѣсь свиданіе и очень запоздала.

Потомъ умолкъ и черезъ нѣсколько секундъ прибавилъ:

— На дворѣ страхъ какая жара.

Дю-Руа разглядывалъ его, находя, что у него забавное лицо, и вдругъ ему показалось, что онъ похожъ на Форестье.

— Вы пріѣзжій?—спросилъ онъ.

— Да, я изъ Ренна. А вы сами изъ любопытства вошли въ эту церковь?

— Нѣтъ; я жду одну даму.

И поспѣшно поклонившись, журналистъ ушелъ, съ улыбкой на губахъ.

Подходя къ главному входу, онъ увидѣлъ ту же нищенку на колѣняхъ и подумалъ:

— Чортъ побери! Какъ она пристаетъ къ Богу!

Онъ не былъ больше тронутъ и нисколько не жалѣлъ ее.

Онъ прошелъ мимо и медленно пошелъ по правому придѣлу, на встрѣчу m-me Вальтеръ. Онъ издали поглядѣлъ на то мѣсто, гдѣ ее оставилъ и удивился, не видя ее. Онъ подумалъ, что перепуталъ колонны и дошелъ до послѣдней, потомъ вернулся къ первой. Она значитъ ушла. Онъ былъ удивленъ и взбѣшенъ. Потомъ подумалъ, что она ищетъ его, и опять обошелъ кругомъ церкви. Не найдя ее, онъ вернулся и сѣлъ на стулъ, который она передъ тѣмъ занимала, надѣясь, что она сама къ нему придетъ.

И сталъ ждать.

Вскорѣ слабый шумъ голосовъ привлекъ его вниманіе. Онъ никого не видѣлъ въ этомъ углу церкви. Кто же это тутъ шепчется? Онъ всталъ поглядѣть, и увидѣлъ въ стѣнѣ двери исповѣдаленъ. Кончикъ платья торчалъ изъ одной изъ нихъ и лежалъ на полу. Онъ подошелъ, чтобы увидѣть женщину. И узналъ ее. Она исповѣдывалась!..

Онъ почувствовалъ сильное желаніе взять ее за плечи и вырвать изъ этого ящика. Затѣмъ подумалъ: — Ба! сегодня очередь патера, завтра будетъ моя.

И спокойно сѣлъ напротивъ окошка исповѣдальни, дожидаясь своей очереди и подсмѣиваясь надъ происшествіемъ.

Онъ долго ждалъ. Наконецъ она встала, обернулась, увидѣла его и подошла къ нему. У ней было холодное и строгое лицо.

— Милостивый государь,—сказала она,—я васъ прошу меня не сопровождать, не слѣдовать за мной и не пріѣзжать больше ко мнѣ тогда, когда у меня нѣтъ гостей. Васъ не примутъ. Прощайте.

И ушла съ достоинствомъ.

Онъ предоставилъ ей удалиться, такъ какъ у него въ правилахъ было никогда не насиловать событій, но затѣмъ, увидѣвъ патера, выходившаго въ свою очередь изъ исповѣдальни и немного смущеннаго, онъ пошелъ прямо къ нему, и поглядѣлъ ему яростно въ глаза.

Затѣмъ повернувшись на каблукахъ, вышелъ, насвистывая, изъ церкви.

Стоя на ступеняхъ подъѣзда, толстый господинъ со шляпой на головѣ, заложивъ за спину руки, озиралъ, наскучивъ ждать, обширную площадь и большой бульваръ, идущій къ Мадленъ.

Когда Дю-Руа проходилъ мимо, они раскланялись другъ съ другомъ.

Журналистъ, видя себя свободнымъ, пошелъ въ редакцію. Уже при входѣ, по озабоченнымъ лицамъ конторщиковъ, онъ увидѣлъ, что происходитъ нѣчто необыкновенное и торопливо прошелъ въ кабинетъ редактора.

Дядя Вальтеръ, стоя, въ нервномъ возбужденіи, диктовалъ статью отрывистыми фразами, и въ то же время, давая инструкціи репортерамъ, окружавшимъ его, распечатывалъ письма.

Когда Дю-Руа вошелъ, хозяинъ радостно воскликнулъ:

— Ахъ! какое счастіе, вотъ „милый другъ!"

И вдругъ умолкъ сконфуженно и извиняясь:

— Простите за это названіе, я такъ взволнованъ событіями, а тутъ еще жена и дочери съ утра до ночи называютъ васъ „милымъ другомъ", и я привыкъ. Вы не сердитесь?

Жоржъ смѣялся.

Нисколько. Въ этомъ названіи нѣтъ для меня ничего обиднаго.

Вальтеръ продолжалъ:

— Ну, когда такъ, то и я васъ буду звать такъ же, какъ и всѣ. Ну вотъ, у насъ крупныя событія. Министерство пало большинствомъ трех-сотъ-десяти голосовъ противъ двух-сотъ. Наши каникулы опять отложены Богъ знаетъ до какихъ поръ, а вѣдь уже двадцать-восьмое іюля. Испанія сердится за Марокко; это-то и свалило Дюрана де-Лекъ и его приспѣшниковъ. У насъ хлопотъ полонъ ротъ. Марро́ поручено составить новый кабинетъ. Онъ беретъ генерала Бутенъ д'Акръ въ военные министры, а нашего друга Лароша въ министры иностранныхъ дѣлъ. Себѣ онъ оставляетъ портфель внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ предсѣдательствомъ совѣта министровъ. Мы становимся оффиціозной газетой. Я пишу передовую статью, простое изложеніе принциповъ, указывая министрамъ путь, котораго имъ слѣдуетъ держаться...

Вальтеръ улыбнулся и продолжалъ:

— Путь, само собой разумѣется, такой, какого они и безъ того намѣрены придерживаться. Но мнѣ надо было бы интересную статью о Марокко, какія-нибудь сенсаціонныя подробности, не знаю что́, словомъ. Придумайте вы.

Дю-Руа подумалъ съ минуту, затѣмъ отвѣчалъ:

— Понимаю, что вамъ надо. Я вамъ дамъ этюдъ о политическомъ состояніи всѣхъ нашихъ африканскихъ колоній съ Тунисомъ налѣво, Алжиріей по срединѣ, и Марокко, по правую сторону. Исторію племенъ, населяющихъ эту обширную территорію, и разсказъ объ экскурсіи на марокскую границу до большого оазиса Фигунго, куда не проникалъ до сихъ поръ ни одинъ европеецъ, и который служитъ поводомъ настоящаго столкновенія. Хотите?

Вальтеръ вскричалъ:

— Превосходно! а заглавіе?

— Отъ Туниса до Танжера.

— Великолѣпно.

Дю-Руа пошелъ рыться въ старыхъ нумерахъ Vie-Française, чтобы найти свою первую статью: „Воспоминанія африканскаго егеря“, которую, передѣлавъ, измѣнивъ, можно отлично пустить въ ходъ подъ другимъ соусомъ.

Въ три четверти часа статья была готова, измѣнена какъ слѣдуетъ, приправлена современностью и похвалами новому министерству. Редакторъ, прочитавъ статью, объявилъ:

— Превосходно, превосходно, превосходно. Вы неоцѣненный человѣкъ; премного вамъ благодаренъ.

И Дю-Руа вернулся домой, въ восторгѣ отъ своего дня, не смотря на неудачу въ церкви св. Августина. Онъ чувствовалъ, что дѣло его все-таки выиграно.

Жена ждала его съ напряженнымъ волненіемъ. Она вскричала, увидя его.

— Ты знаешь, что Ларошъ министромъ иностранныхъ дѣлъ?

— Да; я даже написалъ статью объ Алжиріи по этому поводу.

— Что же именно?

— Тебѣ знакома эта статья, помнишь, та первая, которую мы съ тобой написали: „Воспоминанія африканскаго егеря“, и которую я передѣлалъ для настоящаго случая.

Она улыбнулась.

— Ахъ, да! она отлично подходитъ!

Потомъ подумавъ немного, замѣтила:

— Кстати:—помнишь, вѣдь ты хотѣлъ дать рядъ статей... и не далъ. Мы можемъ теперь за нихъ приняться. Это будетъ какъ разъ кстати.

Онъ отвѣчалъ, усаживаясь обѣдать:

— Прекрасно. Ничто этому больше не мѣшаетъ, такъ какъ несчастный Форестье отправился на тотъ свѣтъ.

Она поспѣшно замѣтила, сухимъ и обиженнымъ тономъ:

— Эта шутка болѣе чѣмъ неумѣстна, и я прошу ее прекратить.

Онъ собирался отвѣтить, но въ эту минуту ему подали телеграмму, гдѣ стояло безъ подписи: „Я потеряла голову, простите меня, и приходите завтра въ четыре часа въ паркъ Монсо“.

Онъ понялъ и съ радостнымъ сердцемъ сказалъ женѣ, кладя телеграмму въ карманъ:

— Не буду больше, милочка. Это глупо съ моей стороны, сознаюсь.

И принялся за обѣдъ.

И пока ѣлъ, мысленно повторялъ: „Я потеряла голову, простите меня и приходите завтра въ четыре часа въ паркъ Монсо“. Значитъ, она сдается. Это означаетъ: „Я сдаюсь, я ваша, когда и гдѣ хотите“.

Онъ засмѣялся. Мадлена спросила:

— Что съ тобой?

— Ничего особеннаго. Я вспомнилъ патера, котораго только-что встрѣтилъ; у него была презабавная физіономія.

На другой день Дю-Руа пришелъ ровно въ четыре часа на свиданіе. На всѣхъ скамьяхъ парка сидѣли люди, изнемогавшіе отъ жары, и сонныя няньки, которыя дремали въ то время, какъ дѣти рылись въ пескѣ дорожекъ.

Онъ нашелъ m-me Вальтеръ въ небольшихъ развалинахъ, на античный ладъ, гдѣ течетъ ручей. Она съ тревожнымъ и несчастнымъ видомъ ходила вокругъ маленькаго цирка съ колонками.

Когда онъ съ ней поздоровался, она сказала:

— Какъ здѣсь много народа.

Онъ ухватился за эту мысль.

— Да, правда; хотите отправиться въ другое мѣсто?

— Но куда?

— Куда хотите; сядемъ въ карету, напримѣръ; вы спустите стору съ вашей стороны, и васъ никто не увидитъ.

— Да, это лучше. Здѣсь я умираю отъ страха.

— Ну такъ вы меня найдете черезъ пять минутъ у входа на наружный бульваръ. Я приведу фіакръ.

И отправился бѣгомъ.

Какъ скоро она сошлась съ нимъ и спустила штору съ своей стороны, то спросила:

— Куда вы велѣли насъ везти?

Жоржъ отвѣчалъ:

— Не безпокойтесь; кучеръ ужъ знаетъ.

Онъ далъ ему адресъ своей холостой квартиры въ Константинопольской улицѣ.

Она продолжала:

— Вы не можете себѣ представить, какъ я страдаю изъ-за васъ, какъ я мучусь и терзаюсь. Вчера я была рѣзка въ церкви, но я хотѣла спастись отъ васъ, во что бы то ни стало. Я такъ боюсь оставаться съ вами наединѣ. Вы мнѣ простили?

Онъ сжималъ ей руки:

— Да, да, развѣ я могу на васъ сердиться, когда я васъ такъ люблю.

Она глядѣла на него съ умоляющимъ видомъ:

— Послушайте, обѣщайте, что будете уважать меня... что не будете... что не будете... иначе я васъ больше не увижу.

Онъ сначала ничего не отвѣчалъ и смѣялся подъ усами, той бѣдовой улыбкой, которая кружитъ головы женщинамъ. Наконецъ пробормоталъ:

— Я вашъ рабъ.

Тогда она принялась разсказывать ему, какъ она замѣтила, что любитъ его, узнавъ, что онъ женится на Мадленѣ Форестье. Она сообщала разныя подробности, припоминала мелочи, числа.

Вдругъ она замолчала. Карета остановилась. Дю-Руа открылъ дверцу.

— Гдѣ мы?—спросила она.

Онъ отвѣчалъ:

— Выходите и войдите въ этотъ домъ. Намъ будетъ тутъ спокойнѣе.

— Но гдѣ же мы?

— У меня... Это моя холостая квартира, которую я опять занялъ... на нѣсколько дней... чтобы имѣть уголокъ, гдѣ бы мы могли видѣться.

Она уцѣпилась за подушки фіакра, ужаснувшись при мысли объ этомъ свиданіи наединѣ, и умоляла:

— Нѣтъ, нѣтъ... я не хочу... я не хочу.

Онъ проговорилъ энергическимъ голосомъ.

— Клянусь, что буду васъ уважать. Пойдемте. Вы видите, что на насъ смотрятъ, сейчасъ соберется вокругъ насъ толпа. Поскорѣй... поскорѣй, выходите.

И повторилъ:

— Клянусь, что буду уважать васъ.

Виноторговецъ, стоя на порогѣ своей лавки, съ любопытствомъ глядѣлъ на нее. Она пришла въ ужасъ и бросилась въ домъ.

Она собиралась идти на лѣстницу.

Онъ схватилъ ее за руку:—Сюда, въ нижнемъ этажѣ.

И ввелъ ее въ свою квартиру...

V.

Пришла осень. Дю-Руа, мужъ и жена, провели въ Парижѣ все лѣто и вели энергическую кампанію въ „Vie-Française" въ защиту новаго кабинета, во время краткихъ парламентскихъ каникулъ.

Хотя было еще только начало октября, но палаты должны были возобновить засѣданія, потому что марокксія дѣла принимали угрожающій характеръ.

Никто въ сущности пе вѣрилъ въ тангерскую экспедицію, хотя въ день закрытія парламента, депутатъ правой стороны графъ Ламберъ-Сарразенъ, въ остроумной рѣчи, которой рукоплескали даже противники, предложилъ пари и ставкой свои усы, какъ это сдѣлалъ нѣкогда одинъ знаменитый вице-король Остъ-Индіи, а ставкой противника его бакенбарды, что новый кабинетъ вынужденъ будетъ послѣдовать примѣру прежняго и послать армію въ Тангеръ, въ pendant тунисской арміи, изъ любви къ симметріи, подобно тому, какъ ставятъ двѣ вазы на каминѣ.

Онъ прибавилъ: „Въ самомъ дѣлѣ, африканская земля представляетъ собой каминъ Франціи,—каминъ, который поглощаетъ наилучшее топливо, и который топятъ банковыми билетами.

„Вы позволили себѣ артистическую фантазію украсить лѣвый уголъ камина тунисской игрушкой, которая обошлась вамъ очень дорого, вы увидите, что г. Марро захочетъ послѣдовать примѣру своего предшественника и украсить правый уголъ марокской игрушкой".

Эта рѣчь, надѣлавшая шуму, послужила Дю-Руа тэмой для десяти статей объ алжирской колоніи, для той самой серіи статей, которая была прервана въ самомъ началѣ его журнальной дѣятельности. Онъ энергически поддерживалъ мысль о военной экспедиціи, хотя былъ убѣжденъ, что ея не будетъ. Онъ игралъ на патріотической струнѣ и бомбардировалъ Испанію арсеналомъ презрительныхъ аргументовъ, которыми обыкновенно стрѣляютъ въ чуждый народъ, когда его интересы противуположны нашимъ.

„Vie Française", благодаря своей связи съ властью, стала

довольно значительнымъ органомъ. Она, раньше самыхъ серьезныхъ газетъ, давала политическія новости, намекала о намѣреніяхъ своихъ пріятелей-министровъ, и всѣ парижскія и провинціальныя газеты черпали изъ нея свои извѣстія. Ее безпрестанно цитировали, ея опасались, ее начинали уважать. То не былъ уже больше сомнительный органъ группы политическихъ мазуриковъ, но признательный органъ кабинета. Ларошъ-Матье былъ душой журнала, а Дю-Руа его истолкователемъ. Дядя Вальтеръ, безмолвный депутатъ и хитрый редакторъ, умѣлъ стушеваться, и подъ шумокъ занимался, какъ говорили, крупнымъ предпріятіемъ разработки мѣдныхъ рудъ въ Марокко.

Салонъ Мадлены сталъ вліятельнымъ центромъ, гдѣ собиралось каждую недѣлю нѣсколько членовъ кабинета, самъ президентъ совѣта уже два раза обѣдалъ у нея, и жёны государственныхъ людей, не рѣшавшіяся во время оно переступать ея порогъ, теперь похвалялись ея дружбой и чаще бывали у нея, нежели она у нихъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ былъ почти хозяиномъ въ домѣ. Онъ пріѣзжалъ во всякое время, привозилъ депеши, свѣденія, извѣстія и диктовалъ ихъ женѣ или мужу, точно своимъ секретарямъ.

Когда Дю-Руа, послѣ отъѣзда министра, оставался наединѣ съ Мадленой, онъ разражался бранью, съ угрозой въ голосѣ и коварными намеками въ словахъ, противъ образа дѣйствія этого пошлаго выскочки.

Но она пожимала плечами съ презрѣніемъ, повторяя:

— Съумѣй дѣйствовать, какъ онъ. Сдѣлайся министромъ, и тогда тебѣ можно будетъ командовать, а пока молчи.

Онъ крутилъ усы, искоса поглядывая на нее:

— Еще неизвѣстно, на что я способенъ,—говаривалъ онъ.— Современемъ, быть можетъ, это и узнается.

Она философски возражала:

— Поживемъ—увидимъ.

Утромъ по возобновленіи засѣданій въ палатахъ, молодая женщина, лежа еще въ постелѣ, давала тысячу наставленій мужу, одѣвавшемуся, чтобы ѣхать завтракать къ Ларошу-Матье и получить отъ него инструкціи до засѣданія, на счетъ завтрашней политической статьи въ „Vie-Française“, долженствовавшей быть какъ бы оффиціальной декларацiей истинныхъ намѣреній кабинета.

Мадлена говорила:

— Главное, не забудь спросить у него, пошлютъ ли въ Оранъ генерала Белонкль, какъ носились слухи; это очень важно...

Жоржъ, нервно отвѣчалъ:

— Да ужъ я знаю, не хуже тебя, что мнѣ дѣлать; отстань, пожалуйста, съ своими пустяками.

Она спокойно отвѣчала:

— Mon cher, ты всегда позабудешь половину порученій, которыхъ я надаю тебѣ къ министру.

Жоржъ проворчалъ:

— Твой министръ меня бѣситъ, онъ дуракъ.

Она спокойно произнесла:

— Онъ столько же твой министръ, какъ и мой. Онъ для тебя полезнѣе, нежели для меня.

Онъ повернулся къ ней, подсмѣиваясь:

— Извини, онъ за мной не ухаживаетъ.

Она медленно проговорила:

— Да и за мной также; но онъ помогаетъ намъ сдѣлать карьеру и разбогатѣть.

Онъ умолкъ, потомъ прибавилъ:

— Еслибы мнѣ приходилось выбирать изъ твоихъ поклонниковъ, то я бы ужъ выбралъ лучше старую чучелу Водрека. Кстати: чего онъ пропалъ? я уже двѣ недѣли не видѣлъ его?

Она спокойно отвѣчала:

— Онъ боленъ и писалъ мнѣ, что лежитъ въ постели, потому что у него припадокъ подагры. Тебѣ слѣдовало бы заѣхать его провѣдать. Ты знаешь, что онъ къ тебѣ очень расположенъ, и ему это было бы пріятно.

Жоржъ отвѣчалъ:

— Ты права; я заѣду.

Онъ кончилъ одѣваться и, надѣвъ уже шляпу на голову, искалъ, не забылъ ли чего. Видя, что все въ порядкѣ, онъ подошелъ къ постели, поцѣловалъ жену въ лобъ и сказалъ:

— До свиданія, милочка. Я вернусь домой не раньше семи часовъ.

И вышелъ.

Ларошъ-Матьё дожидался его; онъ завтракалъ сегодня въ десять часовъ, потому что совѣтъ собирался въ двѣнадцать до открытія парламента.

Какъ только они сѣли за столъ, одни съ личнымъ секретаремъ министра, потому что г-жа Ларошъ-Матьё не пожелала завтракать раньше обыкновеннаго, Дю-Руа заговорилъ о своей статьѣ, разсказалъ ея содержаніе въ общихъ чертахъ, справляясь съ замѣтками, набросанными на визитныхъ карточкахъ и, когда кончилъ, то сказалъ:

— Желаете ли вы что-нибудь измѣнить въ ней, mon cher ministre?

— Пустое, mon cher ami. Вы, можетъ быть, слишкомъ ужъ напираете на то, что экспедиціи въ Марокко не будетъ. Говорите о ней такъ, какъ еслибы она должна была состояться, но дайте понять, что мы не намѣрены соваться въ нее, и что вы первый въ нее не вѣрите. Пусть публика читаетъ между строкъ, что мы ни за что не пустимся въ такое рискованное дѣло.

— Отлично. Понимаю и другимъ объясню. Жена поручила спросить у васъ, будетъ ли посланъ въ Оранъ генералъ Белонкль. Послѣ того, что̀ вы мнѣ сейчасъ сказали, я заключаю, что нѣтъ.

Министръ отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

Затѣмъ заговорили объ открывающейся сессіи, и Ларошъ-Матьё принялся разглагольствовать, подготовляя эффектныя фразы, которыми готовился забросать своихъ собратовъ нѣсколькими часами позже. Онъ махалъ правой рукой, поднимая въ воздухѣ то вилку, то ножъ, то кусокъ хлѣба и ни на кого не глядя, обращался къ невидимому собранію и извергалъ свое дряблое краснорѣчіе съ самоувѣренностью красиваго и хорошо причесаннаго малаго. Небольшіе закрученные усики завивались на его губахъ, точно хвостики скорпіона, а волосы, смазанные бриліантиномъ и раздѣленные по срединѣ головы проборомъ, образовали на вискахъ бандо̀, какъ у куафера. Онъ былъ слишкомъ жиренъ и слишкомъ обрюзгъ, несмотря на молодые годы, и брюшко уже обрисовывалось подъ жилетомъ.

Личный секретарь спокойно ѣлъ и пилъ, вѣроятно, уже привыкнувъ къ этимъ словоизверженіямъ; но Дю-Руа, котораго грызла зависть къ министру и его успѣху, думалъ:

— „Болтай, болтай, болванъ! Боже мой, какіе идіоты эти политики“!

И сравнивая свои способности съ чванной болтливостью этого министра, говорилъ себѣ: — „Чортъ побери! еслибы у меня было только сто тысячъ франковъ, чтобы выступить кандидатомъ въ депутаты, въ моемъ любезномъ Руанскомъ краѣ, провести за носъ моихъ достопочтенныхъ хитрецовъ-нормандцевъ, какой бы изъ меня вышелъ государственный человѣкъ, рядомъ съ этими близорукими дурачками“!

До самаго кофе Ларошъ-Матьё разглагольствовалъ, затѣмъ, увидя, что уже поздно, позвонилъ и велѣлъ подавать карету и, протянувъ руку журналисту, замѣтилъ:

— Итакъ, вы поняли въ чемъ дѣло, mon cher ami?

— Совершенно, mon cher ministre! положитесь на меня.

Дю-Руа пошелъ въ редакцію писать статью, такъ какъ ему нечего было дѣлать до четырехъ часовъ. Въ четыре часа онъ долженъ былъ сойтись въ Константинопольской улицѣ съ m-me де-Марель, съ которой аккуратно видался два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и по пятницамъ.

Но когда онъ вошелъ въ редакцію, ему подали телеграмму отъ m-me Вальтеръ:

„Мнѣ необходимо нужно съ тобой переговорить. Дѣло очень, очень важное. Жди меня въ два часа въ Константинопольской улицѣ. Я могу оказать тебѣ большую услугу. Твоя до послѣдняго вздоха. Виржини".

Онъ сталъ браниться:

— Чортъ бы ее побралъ! какъ надоѣла!

И разсерженный ушелъ изъ редакціи, потому что отъ досады не могъ работать.

Уже цѣлыхъ шесть недѣль, какъ онъ старался кончить съ m-me Вальтеръ но ему никакъ не удавалось оттолкнуть ее отъ себя.

Послѣ паденія, ею овладѣлъ страшный припадокъ расканія, и продолженіе трехъ свиданій сряду, она осыпала своего любезнаго упреками и проклятіями. Наскучивъ такими сценами и уже охладѣвъ къ этой пожилой и драматической женщинѣ, онъ просто удалился, надѣясь, что тѣмъ дѣло и кончится. Но тогда она уцѣпилась за него, съ отчаяніемъ бросившись въ эту любовь, какъ бросаются въ рѣку съ камнемъ на шеѣ. Онъ допустилъ возобновиться отношеніямъ по слабости, изъ снисходительности, изъ сожалѣнія, и она опутала его цѣпями бѣшеной и утомительной страсти, преслѣдовала его своею нѣжностью.

Она хотѣла каждый день его видѣть; безпрестанно вызывала его телеграммами, чтобы устраивать мимолетныя свиданія на улицѣ, въ магазинахъ, въ общественномъ саду.

При этомъ она повторяла ему въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что обожаетъ, боготворитъ его, потомъ уходила, клянясь „что очень счастлива тѣмъ, что видѣла его".

Она оказывалась совсѣмъ не такой, какъ онъ ее представлялъ себѣ, когда старался увлечь. Она манерничала и ребячилась, въ ея-то годы!

Бывши до сихъ поръ безусловно честной, съ дѣвственнымъ сердцемъ, недоступнымъ никакому чувству, не подозрѣвая даже о томъ, что́ такое чувственность, эта разсудительная женщина, спокойно вступившая въ пятый десятокъ лѣтъ, какъ въ мирную осень, послѣ холоднаго лѣта, вдругъ ощутила какъ бы наплывъ

запоздалой и увядшей весны, съ мелкими, плохо развитыми цвѣтками и вяло распускающимися почками. То былъ какой-то странный расцвѣтъ дѣвической любви, любви запоздалой, страстной и наивной, составленной изъ неожиданныхъ порывовъ, шестнадцатилѣтнихъ восторговъ, смѣшныхъ ласкъ, нѣжностей, увядшихъ, не успѣвъ расцвѣсть. Она писала ему по десяти писемъ въ день, писемъ ребячески глупыхъ, смѣшныхъ, поэтическимъ и дикимъ слогомъ, риторическимъ, какъ слогъ индійцевъ, изобилующій именами птицъ и животныхъ.

Когда они бывали одни, она цѣловала его съ неуклюжестью старой рѣзвушки, надувала губы, точно ребенокъ, ребячилась не по лѣтамъ.

Ему въ особенности противны были наименованія: „mon rat“, „mon chien“, „mon chat“, „mon bijou“, „mon oiseau bleu“, „mon trésor“, и притворная стыдливость развращенной пансіонерки.

Она должна была бы понимать, казалось ему, что въ любви требуется тактъ, ловкость, крайняя осторожность и деликатность, что разъ отдавшись ему,—ей, пожилой женщинѣ, матери семейства, свѣтской женщинѣ, слѣдовало сохранять степенность и чувство собственнаго достоинства, быть строгой и сдержанной, плакать, быть можетъ, но слезами Дидоны, а не Жюльеты.

Она безпрестанно повторяла ему:—Какъ я тебя люблю, mon petit? а ты, также ли меня любишь, mon chéri?

Онъ не могъ больше слышать словъ: mon petit, mon chéri, не испытывая желанія назвать ее: „ma vieille“.

Въ первое время они часто видѣлись въ Константинопольской улицѣ; но дю-Руа, боявшійся, какъ бы она не столкнулась съ m-me де-Марель, находилъ теперь тысячу предлоговъ, чтобы уклоняться отъ этихъ свиданій.

Поэтому ему приходилось почти ежедневно бывать у нея, то завтракать, то обѣдать. Она тайно пожимала ему руки, протягивала губы за дверью. Но онъ, главнымъ образомъ, занимался Сюзанной, которая забавляла его своими выходками. У этой куколки былъ живой, острый, шаловливый умъ, вѣчно кривлявшійся, какъ маріонетка на ярмаркѣ. Она надо всѣмъ и надо всѣми смѣялась съ удивительной находчивостью. Жоржъ подстрекалъ ее, дразнилъ, будилъ въ ней иронію, и они отлично ладили другъ съ другомъ. Она безпрестанно кричала ему:—Послушайте, „милый другъ“! подите сюда, милый другъ!

Онъ тотчасъ бросалъ мамашу и бѣжалъ къ дочкѣ, которая

шептала ему какое-нибудь злостное замѣчаніе, и оба отъ души смѣялись.

Но любовь матери наконецъ до того ему опротивѣла, что онъ не могъ больше безъ гнѣва ее видѣть, слышать, думать о ней. Онъ совсѣмъ перестал бывать у нея, не отвѣчая на ея письма и приглашенія.

Она поняла наконецъ, что онъ ее больше не любитъ, и жестоко страдала. Но не хотѣла уступить, шпіонила за нимъ, бѣгала, выслѣживала его, просиживала по цѣлымъ часамъ въ фіакрѣ съ опущенными шторами у дверей редакціи, у дверей его дома, въ улицахъ, гдѣ надѣялась его встрѣтить.

Ему хотѣлось бранить, бить ее, сказать ей откровенно: — Отстаньте, вы мнѣ надоѣли. — Но онъ все еще церемонился, изъ-за газеты, и старался холодностью, вѣжливой жестокостью и даже рѣзкими словами дать ей понять, что пора все это бросить.

Главнымъ образомъ она ухитрялась на всѣ лады завлечь его въ Константинопольскую улицу, и онъ постоянно боялся, чтобы обѣ женщины не встрѣтились носъ-къ-носу у дверей.

Напротивъ того, его привязанность къ m-me де-Марель только усилилась впродолженіе лѣта. Онъ называлъ ее своимъ „мальчикой“, и она была ему рѣшительно по нраву. Ихъ натуры были сходныя; оба они были изъ породы свѣтскихъ бродягъ, которые, сами того не подозрѣвая, очень походятъ на бродягъ заправскихъ.

Они провели веселое лѣто, точно пирующіе студенты. Ѣздили завтракать въ Аржантёль, въ Буживаль, въ Мезонъ, въ Пуасси, проводили цѣлые часы въ лодкѣ, срывая цвѣты по берегамъ. Она обожала уху изъ сенской рыбы и всякія простонародныя кушанья, посѣщенія кабачковъ и крики канотьеровъ. Онъ любилъ въ ясный день отправиться съ ней на имперіалѣ загородной конки и съ веселымъ смѣхомъ и шутками прокатиться по отвратительнымъ окрестностямъ Парижа, гдѣ торчатъ ужасныя, буржуазныя дачи.

И когда, послѣ такихъ веселыхъ экскурсій съ молодой дамой, ему приходилось идти опять въ гости къ старой, онъ ее ненавидѣлъ всей той любовью, какую питалъ къ молодой.

Онъ уже надѣялся, что почти совсѣмъ избавился отъ m-me Вальтеръ, которой ясно, почти грубо объявилъ, что намѣренъ порвать съ ней всѣ отношенія, — но вдругъ получилъ въ редакціи телеграмму, приглашавшую его въ два часа въ Константинопольскую улицу:

Онъ перечитывалъ ее на-ходу: „мнѣ необходимо нужно пе-

реговорить съ тобой сегодня по очень, очень важному дѣлу. Жди меня въ два часа въ Константинопольской улицѣ. Я хочу оказать тебѣ большую услугу. Твоя до послѣдняго вздоха. Виржини".

Онъ думалъ:—Чего ей отъ меня нужно, этой старой коргѣ? Пари держу, что ей нѣчего мнѣ сказать. Она хочетъ только повторить, что меня обожаетъ. Однако надо поглядѣть. Она говоритъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, о какой-то большой услугѣ; можетъ, и правда. А Клотильда-то должна пріѣхать въ четыре часа. Необходимо отдѣлаться отъ той никакъ не позже трехъ. Ахъ, дьяволъ, только бы онѣ не встрѣтились! Какая скука съ этими бабами!

И думалъ, что его собственная жена единственная женщина, которая его никогда не мучитъ. Она жила сама по себѣ, повидимому, очень его любила въ опредѣленные для того часы, такъ какъ не допускала, чтобы нарушался обычный ходъ ежедневныхъ занятій.

Онъ медленно шелъ въ Константинопольскую улицу, мысленно ругая m-me Вальтеръ.—Ну ужъ задамъ же я ей гонку, если ей нѣчего мнѣ сказать. Французскій языкъ Камбронна покажется академическимъ сравнительно съ моимъ. Во-первыхъ, я ей объявлю, что ноги моей больше у нея не будетъ. А если она спроситъ почему?.. то какую бы выставить непреодолимую причину? нуженъ безъапелляціонный аргументъ, но какой?

И вдругъ остановился, какъ вкопанный. Онъ придумалъ и смѣялся надъ своей выдумкой.—Я скажу ей, что по уши влюбился въ Сюзанну! Увидимъ, что-то она на это скажетъ?

Онъ вошелъ къ себѣ и сталъ ждать m-me Вальтеръ.

Она почти тотчасъ же явилась и, увидя его, сказала:

— Ахъ! ты получилъ мою телеграмму? Какое счастіе!

Онъ сдѣлалъ сердитое лицо.

— Да, какъ бы да не такъ! Я нашелъ ее въ редакціи, какъ разъ въ ту минуту, какъ собирался идти въ палату; чего тебѣ еще отъ меня нужно?

Она приподняла вуалетку, чтобы его поцѣловать, и подошла съ боязливымъ и покорнымъ видомъ собаченки, которую часто бьютъ.

— Какъ ты со мной жестокъ... Какъ ты грубо со мной обращаешься... Что я тебѣ сдѣлала. Ты не можешь себѣ представить, какъ я страдаю по твоей милости.

Онъ проворчалъ:

— Опять начинается.

Она стояла возлѣ него, ожидая взгляда, улыбки, чтобы броситься ему на шею.

И прошептала:

— Не слѣдовало знакомиться со мной, чтобы такъ обращаться. Слѣдовало оставить меня, какъ я была: разсудительная и счастливая. Развѣ ты забылъ, что ты мнѣ говорилъ въ церкви, какъ ты насильно привезъ меня въ этотъ домъ, и вотъ какъ ты теперь со мной говоришь! какъ ты меня встрѣчаешь! Боже мой, какъ ты меня обижаешь!

Онъ топнулъ ногой и закричалъ:

— Ахъ, довольно, довольно! Мнѣ это надоѣло. Мнѣ стоитъ съ тобой только встрѣтиться, чтобы услышать эту пѣсню. Подумаешь право, что я соблазнилъ тебя двѣнадцатилѣтней дѣвочкой и что ты была невиннымъ ангеломъ. Нѣтъ, моя милая, возстановимъ дѣло, какъ оно было. Я не соблазнилъ несовершеннолѣтнюю. Ты отдалась мнѣ въ такіе годы, когда могла понимать, что дѣлаешь. Я тебѣ очень за это благодаренъ, но не могу же я быть пришитымъ къ твоей юбкѣ до самой смерти. У тебя есть мужъ, у меня жена. Мы оба не свободные люди, побаловались и будетъ!

Она возразила:

— О! какъ ты грубъ! какъ ты рѣзокъ! какъ ты низокъ! Нѣтъ, конечно, я не была молодая дѣвушка, но я никогда не любила, не измѣняла мужу...

Онъ перебилъ ее:

— Ты мнѣ уже двадцать разъ это говорила, знаю, знаю. Но у тебя было двое дѣтей...

Она отступила назадъ:

— О, Жоржъ, какъ это неблагородно!

И, схватившись обѣими руками за грудь, начала задыхаться; рыданія душили ее.

Когда онъ увидѣлъ, что дѣло грозитъ слезами, то взялъ шляпу съ камина:

— Ахъ! ты собираешься плакать! ну, такъ прощай! Ты только для этого представленія и выписала меня?

Она загородила ему дорогу и, поспѣшно вынувъ изъ кармана платокъ, вытерла глаза торопливымъ жестомъ. Усиліемъ воли, она вернула твердость голосу и проговорила хотя и прерывисто, но безъ слезъ:

— Нѣтъ... я пришла, чтобы... сообщить тебѣ новость... политическую новость... и дать тебѣ средство заработать тысячъ пятьдесятъ... пожалуй, больше... если хочешь.

Онъ спросилъ, вдругъ смягчившись:

— Какимъ образомъ? что ты такое говоришь?

— Я нечаянно подслушала вчера вечеромъ нѣсколько словъ, сказанныхъ мужемъ Ларошу. Они, впрочемъ, не особенно отъ меня таились. Но Вальтеръ совѣтовалъ министру не брать тебя въ повѣренные, потому что ты все разболтаешь.

Дю-Руа положилъ шляпу на стулъ. Онъ ждалъ, насторожилъ уши.

— Ну? въ чемъ дѣло?

— Они хотятъ захватить Марокко.

— Полно. Я завтракалъ съ Ларошемъ, который почти продиктовалъ мнѣ намѣренія кабинета.

— Нѣтъ, мой голубчикъ. Они провели тебя, потому что боятся, какъ бы ихъ комбинація не обнаружилась.

— Садись,—сказалъ Жоржъ.

И самъ сѣлъ на кресло.

Тогда она придвинула низенькій табуретъ и сѣла у ногъ молодого человѣка. И продолжала, нѣжнымъ голосомъ.

— Такъ какъ я постоянно думаю о тебѣ, то обращаю теперь вниманіе на все, что говорятъ кругомъ меня.

И она стала, не спѣша, объяснять ему, какъ съ нѣкоторыхъ поръ она догадалась, что отъ него что-то скрываютъ, и что его содѣйствіемъ пользуются, страшась, однако, открыть ему, въ чемъ дѣло.

Она говорила:

— Ты знаешь, когда любишь, то становишься очень хитеръ.

Наконецъ, наканунѣ она поняла. Дѣло очень, очень важное, и держится въ большомъ секретѣ. Теперь она улыбалась, довольная своей ловкостью, восторгалась, толковала какъ жена финансиста, привыкшая къ биржевымъ спекуляціямъ, въ пониженію и повышенію бумагъ, разоряющимъ въ какихъ-нибудь два часа времени тысячи мелкихъ буржуа, мелкихъ рантье, помѣстившихъ свои сбереженія въ фонды, гарантированные именами лицъ почтенныхъ, уважаемыхъ, политическихъ дѣятелей или банковыхъ дѣльцовъ.

Она повторяла:

— О! они очень хитро придумали! очень хитро. Вальтеръ, конечно, все это устроилъ, а онъ мастеръ своего дѣла! Право, очень хитро!

Но ему надоѣдали эти вступленія.

— Да говори же скорѣй, въ чемъ дѣло?

— Ну вотъ. Экспедиція въ Танжеръ—дѣло рѣшенное между ними съ того самаго дня, какъ Ларошъ принялъ портфель ино-

странныхъ дѣлъ. Постепенно они скупили весь марокскій заемъ, бумаги котораго упали до шестидесяти четырехъ или пяти франковъ. Они скупили его очень ловко, посредствомъ подозрительныхъ, двусмысленныхъ агентовъ, не возбуждавшихъ никакого недовѣрія. Они провели даже Ротшильдовъ, которые удивлялись тому, что постоянно требуютъ марокскихъ акцій. Имъ назвали посредниковъ, все лица ничтожныя, замаранныя, и это успокоило великихъ банкировъ. А теперь, когда экспедиція будетъ сдѣлана, и когда мы будемъ уже тамъ, государство гарантируетъ марокскій долгъ. Наши пріятели заработаютъ такимъ образомъ отъ восьмидесяти до ста милліоновъ. Понимаешь, въ чемъ штука? Понимаешь, какъ они всѣхъ на свѣтѣ боятся, боятся малѣйшей нескромности.

Она прислонила голову къ жилету молодого человѣка и, охвативъ его руками, прижималась къ нему, чувствуя, что теперь она заинтересовала его, и была готова на все рѣшительно, лишь бы вымолить ласку, улыбку.

Онъ спросилъ:

— Ты увѣрена въ этомъ?

Она отвѣчала рѣшительно:

— О! еще бы!

Онъ пробормоталъ:

— Это въ самомъ дѣлѣ ловкая штука. Что касается мерзавца Лароша, то я еще съ нимъ раздѣлаюсь. О! негодяй! Пусть бережется! пусть бережется! Я спущу съ него министерскую шкуру.

Потомъ задумался и проговорилъ:

— Надо бы однако этимъ воспользоваться.

— Ты можешь купить акціи займа. Акціи стоятъ все еще на семидесяти франкахъ.

Онъ продолжалъ:

— Такъ; но у меня нѣтъ свободныхъ денегъ.

Она подняла на него умоляющій взглядъ.

— Я объ этомъ думала, mon chat, и если бы ты былъ очень, очень добръ, если бы ты хоть сколько-нибудь любилъ меня, ты бы взялъ у меня взаймы.

Онъ рѣзко, почти грубо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ужъ, извини.

Она умоляющимъ голосомъ убѣждала его:

— Послушай: можно такъ обернуться, что тебѣ не придется занимать денегъ. Я хотѣла купить на десять тысячъ франковъ этого займа, чтобы нажить маленькій капиталъ. Хочешь, я куплю

бумагъ на двадцать тысячъ. Ты будешь въ долѣ. Значитъ теперь не надо тебѣ затрачивать ни копѣйки. Если операція удастся, ты получишь семьдесятъ тысячъ франковъ, если не удастся, ты мнѣ будешь долженъ десять тысячъ франковъ и отдашь мнѣ ихъ, когда можно будетъ.

Онъ все-таки отказывался:

— Нѣтъ, мнѣ такая комбинація не нравится.

Тогда она стала убѣждать его согласиться, доказывать ему, что онъ дѣйствительно рискуетъ десятью тысячами франковъ на честное слово, что вѣдь можетъ же онъ и потерять ихъ, и что не она даетъ ихъ ему взаймы, а банкъ Вальтера.

Она доказывала ему, что вѣдь въ сущности онъ велъ политическую кампанію въ Vie-Française, сдѣлавшую возможной все это дѣло. Онъ будетъ очень наивенъ, если не воспользуется случаемъ.

Онъ все еще колебался. Она прибавила.

— Да подумай же, право, вѣдь это Вальтеръ даетъ тебѣ взаймы эти десять тысячъ франковъ, а ты ему оказалъ услуги, которыя стоятъ гораздо дороже.

— Ну, хорошо, — отвѣчалъ онъ. Я иду въ долю съ тобой. Если мы потеряемъ, я возвращу тебѣ десять тысячъ франковъ.

Она такъ обрадовалась, что вскочила, охватила руками его голову и принялась жадно цѣловать.

Сначала онъ не защищался, но затѣмъ, такъ какъ она все смѣлѣе и смѣлѣе обнимала его, онъ подумалъ, что другая должна прійти сію минуту, и что если онъ оплошаетъ, то потеряетъ время и растратитъ въ объятіяхъ старой тотъ жаръ, который лучше приберечь для молодой.

Тогда онъ тихонько оттолкнулъ ее.

— Ну, будь же благоразумна,—сказалъ онъ.

Она поглядѣла на него огорченными глазами.

— О! Жоржъ! я не могу даже больше тебя поцѣловать!

Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ не сегодня; у меня болитъ голова.

Тогда она снова усѣлась, покорная, у его ногъ, и просила:

— Пріѣзжай завтра къ намъ обѣдать, хочешь? Я была бы такъ рада.

Онъ колебался, но не рѣшался отказать.

— Хорошо, хорошо.

— Благодарю, голубчикъ.

Она прижалась щекой къ груди молодого человѣка, и одинъ изъ ея длинныхъ, черныхъ волосъ обмотался вокругъ его

жилета. Она замѣтила это, и ей пришла въ голову безумная мысль, одна изъ тѣхъ суевѣрныхъ мыслей, которыя часто руководятъ женщинами. Она стала потихоньку обматывать этотъ волосъ вокругъ пуговицы его жилета, затѣмъ другой, третій и такимъ образомъ обмотала волосами всѣ пуговицы.

Когда онъ встанетъ, то непремѣнно вырветъ эти волосы. Онъ причинитъ ей боль, какое счастіе! И унесетъ съ собой, не подозрѣвая того, частицу ея самой, небольшую прядь ея волосъ, которыхъ никогда не просилъ. То будетъ цѣпь, которой она его свяжетъ, тайная невидимая цѣпь! талисманъ, который заставитъ его о ней думать, мечтать, любить.

Онъ вдругъ сказалъ:

— Однако мнѣ пора идти; меня ждутъ въ палатѣ къ концу засѣданія. Я никакъ не могу не быть тамъ сегодня.

Она вздохнула·

— Ахъ! уже?

Но покорно прибавила:

— Ступай, голубчикъ, но пріѣзжай завтра обѣдать.

И рѣзко отодвинулась отъ него. По головѣ у ней пробѣжала краткая, но острая боль, точно ей воткнули нѣсколько иголокъ. Сердце у ней забилось; ей было пріятно, что она страдала изъ-за него.

— Прощай,—сказала она.

Онъ обнялъ ее съ сострадательной улыбкой и холодно поцѣловалъ въ глаза.

Но она, потерявъ голову отъ этой ласки, прошептала опять:— Уже!

Онъ отстранилъ ее отъ себя и торопливо проговорилъ:

— Мнѣ пора, пора; я опоздаю.

Тогда она протянула ему губы, но онъ едва дотронулся до нихъ усами и, подавая ей зонтикъ, который она было забыла, повторилъ:

— Ну, скорѣй, скорѣй; уже четвертый часъ.

Она пошла впередъ, сказавъ:

— Завтра, въ семь часовъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Завтра, въ семь часовъ.

Они разстались. Она повернула направо, а онъ налѣво.

Дю-Руа дошелъ до наружнаго бульвара. Потомъ повернулъ на бульваръ Малербъ и медленно пошелъ по немъ. Проходя мимо кондитерской, онъ увидѣлъ засахаренные каштаны въ хрустальной вазѣ и подумалъ:—Куплю-ка фунтъ для Клотильды.—И купилъ каштановъ, которые она любила до страсти.

Въ четыре часа онъ уже былъ дома и ждалъ молодую даму.

Она немного опоздала, потому что ея мужъ пріѣхалъ на недѣлю.

Она спросила:

— Не пріѣдешь ли завтра къ намъ обѣдать. Онъ былъ бы очень радъ тебя видѣть.

— Нѣтъ, я обѣдаю завтра у редактора. У насъ тьма всякихъ политическихъ и финансовыхъ дѣлъ на рукахъ.

Она сняла шляпу. И стала снимать пальто.

Онъ показалъ ей на свертокъ на каминѣ:

— Я принесъ тебѣ обсахаренныхъ каштановъ.

Она захлопала въ ладоши:

— Какое счастіе! какъ ты милъ!

Взяла каштаны и, съѣвъ одинъ, объявила:

— Необыкновенно вкусные. Я чувствую, что всѣ съѣмъ до единаго.

И прибавила, глядя на Жоржа съ веселостью:

— Ты, значитъ, поощряешь всѣ мои пороки?

Она медленно поѣдала каштаны и безпрестанно поглядывала въ мѣшокъ, чтобы видѣть, сколько тамъ еще осталось.

Она сказала:

— Садись въ это кресло, а я сяду у ногъ твоихъ и буду грызть свои конфекты. Мнѣ будетъ тамъ очень удобно.

Онъ улыбнулся, сѣлъ и посадилъ ее около себя, на то мѣсто, на которомъ сидѣла m-me Вальтеръ.

Она подняла на него глаза, и болтала съ набитымъ ртомъ:

— Знаешь, вѣдь я видѣла тебя во снѣ, мой милый. Я видѣла, что мы отправились оба въ большое путешествіе, на верблюдѣ. У него было два горба, и мы сидѣли каждый верхомъ на одномъ горбѣ и переѣзжали пустыню. Мы взяли съ собой сандвичей и бутылку вина и обѣдали, сидя на верблюдѣ. Но мнѣ это скоро надоѣло, потому что нельзя было свободно двигаться, и мы были слишкомъ далеко другъ отъ друга. И я хотѣла сойти съ верблюда.

Онъ отвѣчалъ:

— И я также хочу сойти съ него.

Онъ смѣялся, забавляясь ея болтовней, подзадоривая ее говорить глупости. Все, что ему нравилось въ устахъ m-me де-Марель, бѣсило его, когда говорилось m-me Вальтеръ.

Клотильда также называла его:

— Mon chat, mon petit, mon chéri!—Эти слова казались ему нѣжными и ласковыми. Но когда ихъ говорила та, они бѣсили и

раздражали его. Слова любви всегда бываютъ одни и тѣ же, но получаютъ иной смыслъ, смотря по тому, кто ихъ говоритъ.

Но, забавляясь всѣми этими пустяками, онъ въ тоже время думалъ о семидесяти тысячахъ франковъ, которые наживетъ, и вдругъ, прервавъ болтовню своей пріятельницы, хлопнулъ ее пальцемъ по головѣ:

— Послушай, милочка. Я дамъ тебѣ порученіе къ твоему мужу. Скажи ему отъ моего имени, чтобы онъ купилъ завтра на десять тысячъ франковъ марокскаго займа; акціи стоятъ по семидесяти франковъ, и я обѣщаю ему, что черезъ три мѣсяца онъ наживетъ на нихъ отъ шестидесяти до восьмидесяти тысячъ. Скажи ему также, чтобы онъ отнюдь никому объ этомъ не говорилъ. Скажи ему отъ меня, что тангерская экспедиція рѣшена, и что государство гарантируетъ марокскій долгъ. Но смотри, никому больше ни полслова. Я довѣрилъ тебѣ государственную тайну.

Она слушала его съ серьезнымъ лицомъ. И прошептала:

— Благодарю тебя. Я сегодня же вечеромъ предупрежду мужа. Ты можешь на него положиться. Онъ умѣетъ молчать. Это человѣкъ надежный. Ужъ онъ не выдастъ.

Она поѣла всѣ конфеты и, смявъ бумажный мѣшокъ въ рукахъ, бросила его въ каминъ.

Но вдругъ она остановилась и, вытащивъ длинный волосъ, запутавшійся за пуговицу жилета Дю-Руа, засмѣялась:

— Гляди, ты унесъ волосъ Мадлены. Какой примѣрный мужъ.

Но, внимательно разглядывая волосъ, пробормотала:

— Это волосъ не Мадлены, онъ черный.

Дю-Руа улыбнулся:

— Вѣроятно, это волосъ горничной.

Но Клотильда, тщательно осматривавшая жилетъ, точно полицейскій сыщикъ, нашла второй волосъ, закрученный вокругъ пуговицы, потомъ третій и, поблѣднѣвъ и задрожавъ, проговорила:

— Нѣтъ, это вовсе не то...

Онъ удивился и пробормоталъ:

— Да нѣтъ же, ты съ ума сошла...

Но вдругъ припомнилъ, сообразилъ, сначала смѣшался, потомъ сталъ отнѣкиваться, смѣясь, довольный въ сущности тѣмъ, что она подозрѣваетъ его въ невѣрности.

Она продолжала осматривать жилетъ и находила волосы, которые быстро разматывала и бросала на коверъ.

Она все угадала женскимъ инстинктомъ и злясь была готова расплакаться:

— Она тебя любитъ... она хотѣла, чтобы ты унесъ съ собой ея волосы... о! какой ты предатель!..

Но вдругъ закричала громко и пронзительно, съ нервной радостью:

— Ого... го! она старуха... вотъ сѣдой волосъ... ахъ! ты имѣешь дѣло со старухами... Она тебѣ платитъ деньги...' скажи, пожалуйста... Ахъ! ты ухаживаешь за старухами... Значитъ, я тебѣ больше не нужна... Оставайся съ той...

Она встала, подбѣжала къ стулу, на которомъ лежало ея пальто, и стала поспѣшно одѣваться. Онъ хотѣлъ удержать ее, пристыженный, и бормоталъ:

— Да нѣтъ же... нѣтъ, Кло... ты съ ума сошла... я не знаю, что это значитъ... послушай... останься... ну, пожалуйста, останься...

Она повторяла:

— Оставайся со своей старухой... оставайся съ ней... закажи себѣ кольцо изъ ея волосъ... изъ совершенно для этого достаточно... кольцо изъ сѣдыхъ волосъ... у тебя ихъ наберется сколько нужно...

Она быстро и ловко одѣлась, надѣла шляпку и опустила вуаль, и въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ удержать ее, изо всей мочи ударила его по щекѣ. Прежде нежели онъ успѣлъ опомниться, она отворила дверь и выбѣжала на улицу.

Когда онъ остался одинъ, то въ немъ проснулась дикая ярость противъ этой старой дуры Вальтеръ. Ахъ! и ужъ задастъ же онъ ей звону.

Онъ примочилъ холодной водой красную щеку. И ушелъ, замышляя мщеніе. На этотъ разъ онъ ей не проститъ! нѣтъ, ни за что не проститъ!

Онъ дошелъ до бульвара, фланируя, и остановился передъ лавкой золотыхъ дѣлъ мастера, чтобы посмотрѣть на хронометръ, который ему уже давно хотѣлось купить, и который стоитъ тысячу восемьсотъ франковъ.

Онъ вдругъ съ радостью вспомнилъ:

— А если я въ самомъ дѣлѣ пріобрѣту семьдесятъ тысячъ франковъ, то мнѣ можно будетъ купить его.

И онъ сталъ мечтать о всѣхъ тѣхъ вещахъ, которыя онъ сдѣлаетъ, когда получитъ семьдесятъ тысячъ франковъ.

Во-первыхъ, онъ будетъ выбранъ въ депутаты. Во-вторыхъ, онъ купитъ хронометръ; затѣмъ станетъ играть на биржѣ... а затѣмъ... затѣмъ...

Онъ не хотѣлъ идти въ редакцію, предпочитая переговорить

сначала съ Мадленой, прежде нежели увидѣться съ Вальтеромъ, и написать статью, а потому пошелъ домой.

И уже дошелъ до улицы Друо, какъ вдругъ остановился. Онъ позабылъ справиться о здоровьѣ графа де-Водрека, который жилъ въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ. Онъ вернулся назадъ, все тѣмъ же лѣнивымъ шагомъ, раздумывая о тысячи вещахъ, пріятныхъ, веселыхъ вещахъ, о предстоящемъ богатствѣ, а также и о скотинѣ Ларошѣ и о старой дурѣ редакторшѣ.

Его, впрочемъ, ни мало не безпокоилъ гнѣвъ Клотильды. Онъ зналъ, что она не злопамятна.

Когда онъ спросилъ у портье́ дома, гдѣ жилъ графъ де-Водрекъ:

— Какъ здоровье графа? мнѣ говорили, что онъ нездоровъ?

Человѣкъ отвѣчалъ:

— Графъ очень боленъ; думаютъ, что онъ не переживетъ ночь; подагра бросилась въ сердце.

Дю-Руа былъ до того пораженъ, что не зналъ, что дѣлать! Водрекъ умираетъ! Смутныя мысли шевелились въ немъ, мысли тревожныя, въ которыхъ онъ не смѣлъ признаться самому себѣ.

Онъ пробормоталъ:

— Хорошо... я приду послѣ...—не понимая, что говорить. Вскочилъ въ фіакръ и велѣлъ везти себя домой.

Жена его уже вернулась. Онъ прошелъ въ ея спальную, запыхавшись, и сразу объявилъ:

— Ты не знаешь... Водрекъ умираетъ.

Мадлена сидѣла и читала письмо. Она подняла на него глаза и, не переводя духъ, закидала вопросами:

— Что такое? что ты говоришь? что такое? что ты говоришь?

— Я говорю, что Водрекъ умираетъ отъ подагры, которая бросилась въ сердце.

И прибавилъ:

— Что ты думаешь дѣлать?

Она встала, блѣдная, съ трясущимися нервно щеками, потомъ вдругъ отчаянно заплакала, закрывъ лицо руками. Она стояла и рыдала, потрясенная горемъ.

Но вдругъ она овладѣла собой и, утирая глаза, пролепетала:

— Я... я иду туда... не безпокойся обо мнѣ... я сама не знаю, когда вернусь домой... не жди меня...

Онъ отвѣчалъ:

— Хорошо. Ступай.

Они пожали другъ другу руку, и она ушла такъ поспѣшно, что забыла взять перчатки.

Жоржъ, пообѣдавъ одинъ, принялся писать статью. Онъ написалъ ее совсѣмъ въ такомъ духѣ, какъ желалъ Ларошъ, давая понять читателямъ, что марокской экспедиціи не будетъ. Потомъ отнесъ статью въ редакцію, поговорилъ нѣсколько минутъ съ редакторомъ и ушелъ съ легкимъ сердцемъ, хотя самъ бы не могъ сказать почему.

Жена его еще не вернулась. Онъ могъ спать и заснулъ.

Мадлена возвратилась около полуночи.

Жоржъ, внезапно разбуженный, усѣлся на кровати.

Онъ спросилъ:

— Ну что?

Онъ никогда еще не видалъ ее такой блѣдной и разстроенной. Она прошептала:

— Онъ умеръ.

— Ахъ! И... ничего тебѣ не говорилъ?

— Ничего. Онъ былъ уже безъ памяти, когда я пришла.

Жоржъ задумался. Вопросы тѣснились у него на губахъ, которыхъ онъ не смѣлъ высказать.

— Ложись спать,—сказалъ онъ.

Она торопливо раздѣлась и улеглась.

Онъ продолжалъ:

— Что? былъ кто-нибудь изъ родныхъ у его смертнаго одра?

— Никого, кромѣ одного племянника.

— Ахъ! онъ часто видѣлся съ этимъ племянникомъ?

— Никогда. Они не видѣлись уже десять лѣтъ.

— Были у него другіе родственники?

— Нѣтъ... не думаю.

— Значитъ... племянникъ его наслѣдникъ?

— Не знаю.

Онъ больше ничего не сказалъ. Она задула свѣчу. И они лежали въ темнотѣ, молча, безъ сна и думали.

Ему больше не хотѣлось спать. Теперь ему казались совсѣмъ ничтожной суммой семьдесятъ тысячъ, обѣщанныхъ m-me Вальтеръ. Вдругъ ему показалось, что Мадлена плачетъ. Онъ спросилъ, чтобы убѣдиться въ этомъ:

— Ты спишь?

— Нѣтъ.

Голосъ у ней дрожалъ, и въ немъ слышались слезы.

Онъ продолжалъ:

— Я забылъ давеча тебѣ сказать, что твой министръ провелъ насъ за носъ.

— Какъ такъ?

И онъ обстоятельно разсказалъ ей, со всѣми подробностями, комбинацію, устроенную между Ларошемъ и Вальтеромъ.

Когда онъ кончилъ, она спросила:

— Откуда ты это узналъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Позволь мнѣ объ этомъ умолчать. У тебя есть свои собственные способы добывать свѣденія, на счетъ которыхъ я тебя не допрашиваю. У меня есть свои, которые я тоже желаю держать въ секретѣ. Во всякомъ случаѣ я ручаюсь за достовѣрность своихъ свѣденій.

Тогда она пробормотала:

— Да... это возможно... Я подозрѣвала, что они затѣваютъ что-то помимо насъ.

Но онъ уже отвернулся къ стѣнѣ и заснулъ.

VI.

Церковь была обтянута чернымъ сукномъ, а на фронтонѣ гербъ, увѣнчанный графской короной, показывалъ прохожимъ, что хоронятъ знатную особу.

Церемонія только-что кончилась. Присутствующіе медленно расходились, проходя мимо гроба и мимо племянника графа де-Водрека, пожимавшаго руки и отдававшаго поклоны.

Жоржъ Дю-Руа съ женой вышли изъ церкви и медленно пошли домой. Оба молчали, чѣмъ-то озабоченные.

Наконецъ, Жоржъ проговорилъ, какъ бы про себя:

— Право, это удивительно.

Мадлена спросила:

— Что ты находишь удивительнымъ, мой другъ?

— Что Водрекъ ничего намъ не оставилъ.

Она вдругъ покраснѣла, точно розовый вуаль покрылъ ея бѣлую кожу отъ шеи до лба, и сказала:

— Съ какой стати онъ бы намъ что-нибудь оставилъ? Нѣтъ никакого резона.

Потомъ послѣ минутнаго молчанія, прибавила:

— Можетъ быть, есть завѣщаніе у нотаріуса. Мы еще этого не можемъ знать.

Онъ подумалъ, и пробормоталъ.

— Да, это возможно. Наконецъ, онъ вѣдь былъ нашъ короткій пріятель, твой и мой. Онъ обѣдалъ у насъ каждую недѣлю и безпрестанно бывалъ въ домѣ. Онъ любилъ тебя, какъ отецъ;

и у него нѣтъ семьи, нѣтъ дѣтей, нѣтъ братьевъ и сестеръ, одинъ только дальній родственникъ, племянникъ. Да, навѣрное есть завѣщаніе. Я не гонюсь за большимъ; мнѣ бы хотѣлось только, чтобы онъ оставилъ намъ какую-нибудь бездѣлицу, на память, въ доказательство, что онъ помнилъ о насъ, любилъ насъ, былъ признателенъ за нашу дружбу.. Онъ обязанъ доказать намъ свою дружбу.

Она повторила съ задумчивымъ и равнодушнымъ видомъ:

— Очень возможно, что есть завѣщаніе.

Когда они вернулись домой, слуга подалъ Мадленѣ письмо. Она раскрыла его и протянула мужу:

„Контора нотаріуса Ламанёра.

„17, улица Вожъ.

„Милостивая Государыня

„Имѣю честь покорнѣйше просить васъ зайти въ мою контору, отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, во вторникъ, въ среду или въ четвергъ, по дѣлу, до васъ касающемуся.

„Примите и пр.

Ламанёръ.

Жоржъ въ свою очередь покраснѣлъ и сказалъ:

— Это должно быть по завѣщанію. Но какъ странно, что онъ приглашаетъ тебя, а не меня, когда я по закону глава семьи.

Она сначала ничего не отвѣчала, потомъ, подумавъ немного, сказала:

— Хочешь сейчасъ туда пойти?

— Да, хочу.

И они пошли къ нотаріусу, тотчасъ послѣ того какъ позавтракали.

Когда они вошли въ контору Ламанёра, главный клеркъ всталъ съ замѣтной поспѣшностью, и ввелъ ихъ къ своему хозяину.

Нотаріусъ, маленькій круглый человѣчекъ, съ круглой головой, точно шаръ, приклеенный къ другому шару, и поддерживаемый двумя такими коротенькими, такими маленькими ножками, что онѣ тоже походили на два шарика, наклонился, указалъ на два кресла и, обращаясь къ Мадленѣ, сказалъ:

— Сударыня, я васъ пригласилъ, чтобы познакомить съ содержаніемъ завѣщанія графа де-Водрека, которое васъ касается.

Жоржъ не удержался, чтобы не сказать:

— Я такъ и думалъ.

Нотаріусъ прибавилъ:

— Я сейчасъ сообщу вамъ содержаніе этого документа, весьма, впрочемъ, короткаго.

Онъ досталъ бумагу изъ картона, стоявшаго передъ нимъ и прочиталъ:

„Я, нижеподписавшійся, Поль-Эмиль-Сипріенъ-Гонтранъ, графъ де-Водрекъ, находясь въ трезвомъ умѣ и твердой памяти, симъ выражаю свою послѣднюю волю.

„Такъ какъ смерть можетъ каждую минуту похитить насъ, то я хочу, въ предвидѣніи этого, взять предосторожность и написать мое завѣщаніе, которое будетъ передано въ контору нотаріуса Ламанёра.

„Не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, я завѣщаю все свое состояніе, заключающееся въ биржевыхъ бумагахъ суммой на шестьсотъ тысячъ франковъ, и въ недвижимой собственности, цѣнностью на пятьсотъ тысячъ франковъ приблизительно, госпожѣ Клэръ-Мадленѣ — Дю-Руа, безъ всякихъ условій или обязательствъ. Я прошу ее принять этотъ даръ отъ умершаго друга какъ доказательство преданной, глубокой и почтительной привязанности“.

Нотаріусъ прибавилъ:

— Вотъ и все. Этотъ документъ составленъ въ прошломъ августѣ и замѣнилъ собой документъ такого же рода, составленный два года тому назадъ на имя госпожи Клэръ-Мадлены Форестье. У меня есть и этотъ первый документъ, который можетъ доказать, въ случаѣ какого-либо спора со стороны родственниковъ покойнаго, что воля графа де-Водрека не перемѣнилась.

Мадлена, совсѣмъ блѣдная, глядѣла на свои ноги. Жоржъ нервно крутилъ усы. Нотаріусъ продолжалъ, послѣ минутнаго молчанія:

— Само собой разумѣется, милостивый государь, что жена ваша можетъ принять этотъ даръ только съ вашего разрѣшенія.

Дю-Руа всталъ и сухо отвѣчалъ:

— Мнѣ надо подумать.

Нотаріусъ съ улыбкой поклонился и любезнымъ голосомъ произнесъ:

— Я понимаю щекотливость вашего положенія, милостивый государь, и вашу нерѣшительность. Я долженъ прибавить, что племянникъ графа де-Водрека, уже сегодня утромъ ознакомившійся съ послѣдними желаніями своего дяди, объявилъ, что готовъ уважать ихъ, если ему предоставятъ сумму въ сто тысячъ франковъ. По моему мнѣнію, завѣщаніе не можетъ быть уничтожено, но тяжба надѣлаетъ шуму, котораго, быть можетъ, вамъ пріятнѣе было бы избѣжать. Свѣтъ часто судитъ недоброжелательно. Во всякомъ случаѣ, не можете ли вы дать мнѣ обстоятельный и положительный отвѣтъ раньше субботы.

Жоржъ поклонился:

— Да, непремѣнно.

Потомъ церемонно раскланялся, пропустилъ жену, не проронившую все время ни слова, впередъ, и вышелъ съ такимъ суровымъ лицомъ, что нотаріусъ пересталъ улыбаться.

Какъ скоро они вернулись домой, Дю-Руа съ шумомъ захлопнулъ дверь и, бросивъ шляпу на кровать, проговорилъ:

— Ты была любовницей Водрека?

Мадлена, снимавшая вуаль, повернулась всѣмъ туловищемъ:

— Я? вотъ вздоръ какой!

— Да, ты... никто не оставитъ всего своего состоянія женщинѣ, если только... если...

Она дрожала и никакъ не могла вынуть шпильки, придерживавшія прозрачную ткань.

Подумавъ съ минуту, она произнесла взволнованнымъ голосомъ:

— Послушай... послушай... ты съ ума сошелъ... ты... ты... развѣ ты самъ... сейчасъ... не выражалъ надежду... что онъ тебѣ что-нибудь оставитъ?..

Жоржъ стоялъ около нея, слѣдя за всѣми ея движеніями, какъ судья, который караулитъ малѣйшее колебаніе въ подсудимомъ.

Онъ проговорилъ, напирая на каждое слово:

— Да, конечно... онъ могъ оставить что-нибудь мнѣ... твоему мужу... мнѣ... своему пріятелю... понимаешь... но не тебѣ... не тебѣ, своей пріятельницѣ... не тебѣ... моей женѣ. Разница капитальная, существенная съ точки зрѣнія приличій... и общественнаго мнѣнія.

Мадлена, въ свою очередь, глядѣла пристально въ глаза мужу, стараясь прочесть въ нихъ сокровенныя мысли, ту таинственную сущность натуры человѣка, которую никогда нельзя знать, которая прорывается лишь урывками, въ тѣ рѣдкія минуты невниманія и разсѣянности или потери самообладанія, которыя являются какъ бы мимолетными просвѣтами въ чужой душѣ. И медленно произнесла:

— Мнѣ кажется, однако, что еслибы... что свѣтъ нашелъ бы тоже же страннымъ такой крупный даръ отъ него... тебѣ.

Онъ рѣзко спросилъ:

— Почему же?

— Да потому, потому...

Она запнулась, потомъ договорила:

— Потому что ты мой мужъ... что ты недавно съ нимъ познакомился... потому что я дружна съ нимъ уже очень давно...

потому что его первое завѣщаніе, составленное при жизни Форестье, уже было въ мою пользу.

Жоржъ зашагалъ по комнатѣ. Онъ объявилъ:

— Ты не можешь принять этого дара.

Она равнодушно отвѣчала:

— Какъ хочешь. Но тогда не стоитъ ждать до субботы. Мы можемъ пойти сейчасъ предупредить объ этомъ Ламан"ра.

Онъ остановился напротивъ нея, и они опять нѣсколько секундъ смотрѣли одинъ другому въ глаза, стараясь прочитать сокровеннѣйшія помышленія другъ друга.

Они хотѣли обнаружить чужую душу нѣмымъ, но жгучимъ допросомъ. То была тайная борьба двухъ существъ, которыя, живя другъ подлѣ друга, остаются вѣчно незнакомыми, подозрѣваютъ, подстерегаютъ другъ друга, и все же никогда не добираются до грязныхъ подонковъ души человѣческой.

И вдругъ онъ сказалъ ей шопотомъ, прямо въ лицо:

— Ну, признавайся, ты была любовницей Водрека?

Она пожала плечами:

— Ты глупъ... Водрекъ очень былъ ко мнѣ привязанъ... и только... больше ничего... никогда.

Онъ топнулъ ногой:

— Ты лжешь. Этого не можетъ быть.

Она спокойно отвѣчала:

— И, однако, это такъ и есть.

Онъ опять зашагалъ по комнатѣ, затѣмъ остановился:

— Объясни мнѣ, въ такомъ случаѣ, почему онъ оставилъ все свое состояніе тебѣ, именно тебѣ?..

Она безпечно произнесла:

— Очень просто. Какъ ты самъ только-что говорилъ, у него не было друзей; только мы, или вѣрнѣе сказать, я, потому что онъ меня зналъ съ дѣтства. Моя мать была компаньонкой въ домѣ у его родственниковъ. Онъ безпрестанно бывалъ у насъ и такъ какъ у него не было прямыхъ наслѣдниковъ, то онъ и подумалъ обо мнѣ. Что онъ былъ немножко въ меня влюбленъ, это, конечно, возможно! Но какую же женщину такъ не любили! Что скрытая, затаенная нѣжность ко мнѣ водила его перомъ, когда онъ писалъ свое завѣщаніе — опять-таки это возможно! Вѣдь приносилъ же онъ мнѣ цвѣты каждый понедѣльникъ, и ты не удивлялся, что онъ приносилъ ихъ мнѣ, а не тебѣ! Теперь онъ мнѣ подарилъ свое состояніе по той же причинѣ и потому, что ему некому оставить его. Было бы, напротивъ того, крайне

удивительно, если бы онъ его оставилъ тебѣ. Зачѣмъ? — что ты для него сдѣлалъ?

Она говорила такъ естественно и спокойно, что Жоржъ колебался. Онъ продолжалъ:

— Все равно, мы не можемъ принять наслѣдства при этихъ условіяхъ. Это произвело бы очень скверное впечатлѣніе. Всѣ повѣрятъ въ то, что ты была его любовницей, и будутъ надо мной смѣяться. Товарищи уже и безъ того завидуютъ мнѣ и нападаютъ на меня. Я болѣе, чѣмъ кто другой, долженъ заботиться о своей чести и репутаціи. Мнѣ невозможно допустить или дозволить, чтобы моя жена приняла наслѣдство такого рода отъ человѣка, котораго общественное мнѣніе и безъ того уже называло ея любовникомъ. Форестье, можетъ быть, позволилъ бы это, но не я, нѣтъ, я не позволю!

Она кротко прошептала:

— Ну такъ, откажемся отъ наслѣдства, мой другъ. Мы будемъ на милліонъ бѣднѣе, и только.

Онъ все прохаживался и сталъ думать вслухъ, говоря для жены; но не обращаясь къ ней прямо.

— Ну, да, мы потеряемъ милліонъ, тѣмъ хуже... тѣмъ хуже... Онъ не понялъ, составляя свое завѣщаніе, какой недостатокъ такта, какое презрѣніе къ приличіямъ онъ выказываетъ. Онъ не понялъ, въ какое фальшивое, смѣшное положеніе онъ меня ставитъ. Въ жизни все дѣло въ оттѣнкахъ. Еслибы онъ оставилъ мнѣ половину своего состоянія, дѣло было бы въ шляпѣ.

Онъ сѣлъ, скрестилъ ноги и сталъ крутить кончики усовъ, какъ онъ это всегда дѣлалъ, когда ему бывало скучно или непріятно.

Мадлена взяла въ руки канвовую работу, которой время-отъ-времени занималась, и сказала, выбирая шерсть:

— Я не имѣю тутъ голоса. Твое дѣло рѣшить за насъ обоихъ.

Онъ долго не отвѣчалъ, наконецъ сказалъ неувѣреннымъ голосомъ:

— Свѣтъ никогда не пойметъ, какъ это Водрекъ сдѣлалъ тебя своей единственной наслѣдницей, а я это допустилъ. Принять это состояніе въ такомъ видѣ, значило бы сознаться... сознаться съ одной стороны, что ты была въ преступной связи съ нимъ, а съ другой стороны, что я покрывалъ тебя... понимаешь, какъ истолкуютъ наше поведеніе. Слѣдовало бы найти лазейку, ловкій исходъ изъ этого положенія. Надо было бы дать понять, что онъ раздѣлилъ между нами это состояніе поровну, оставилъ его и мужу, и женѣ.

Она спросила:

— Я не вижу, какъ это можно сдѣлать, когда завѣщаніе такъ просто и ясно.

Онъ отвѣчалъ:

— О! это очень легко. Ты можешь передать мнѣ половину наслѣдства по дарственной записи. У насъ нѣтъ дѣтей и это вполнѣ возможно. Такимъ образомъ мы заткнемъ ротъ злымъ языкамъ.

Она сказала нѣсколько нетерпѣливо:

— Я не вижу, какимъ образомъ, мы этимъ заткнемъ ротъ злымъ языкамъ, когда завѣщаніе подписано Водрекомъ.

Онъ съ гнѣвомъ произнесъ:

— А развѣ мы обязаны его показывать или расклеивать по стѣнамъ. Ты наконецъ глупа. Мы скажемъ, что графъ де-Водрекъ завѣщалъ намъ поровну свое состояніе. Вотъ и все. Вѣдь ты не можешь принять этого наслѣдства безъ моего согласія, ну а я даю его тебѣ только подъ условіемъ дѣлежа, чтобы помѣшать людямъ поднимать меня на смѣхъ.

Она опять пристально поглядѣла на него. Какъ хочешь. Я согласна.

Тогда онъ всталъ и опять зашагалъ по комнатѣ. Онъ какъ будто снова сомнѣвался, но на этотъ разъ старательно избѣгалъ глядѣть на жену. Онъ бормоталъ:

— Нѣтъ... рѣшительно нѣтъ... можетъ быть, лучше совсѣмъ отказаться отъ наслѣдства... это приличнѣе... достойнѣе... порядочнѣе... Однако, если мы такъ сдѣлаемъ, то никто ничего не скажетъ, рѣшительно ничего. Люди, самые щекотливые, должны будутъ преклониться.

Онъ остановился передъ Мадленой.

— Итакъ, если хочешь, милочка, то я пойду одинъ къ нотаріусу, чтобы посовѣтываться съ нимъ и объяснить ему въ чемъ дѣло. Я сообщу ему мои колебанія и прибавлю, что мы оба пришли къ мысли о раздѣлѣ, чтобы помѣшать злымъ языкамъ болтать вздоръ. Разъ я принялъ половину наслѣдства, ясно, что никто не имѣетъ больше правъ надо мной смѣяться. Я все равно, что громко заявляю:—моя жена приняла его потому, что и я принялъ, я, ея мужъ, судья ея поступковъ, лучше всѣхъ понимающій, что можетъ и что не можетъ ее скомпрометировать. Иначе это произведетъ скандалъ.

Мадлена сказала только:

— Какъ хочешь!

Онъ опять затарантилъ:

— Да; это ясно, какъ божій день, дѣлежъ поровну все устраиваетъ. Мы наслѣдуемъ отъ друга, который не захотѣлъ дѣлать между нами никакой разницы, не хотѣлъ сказать: — я оказываю предпочтеніе по смерти одному, какъ это дѣлалъ при жизни. Онъ, конечно, больше любилъ жену, но оставилъ свое состояніе и ей, и ея мужу, хотѣлъ этимъ ясно показать, что привязанность его была безусловно платоническая. И будь увѣрена, что если бы онъ только подумалъ объ этомъ, то такъ бы и сдѣлалъ. Онъ не подумалъ, не предвидѣлъ послѣдствій. Какъ ты очень вѣрно сейчасъ замѣтила, онъ тебѣ приносилъ цвѣты каждую недѣлю и тебѣ захотѣлъ оставить память, не подумавъ...

Она остановила его съ оттѣнкомъ нетерпѣнія:

— Понимаю. Не зачѣмъ такъ пространно объяснять. Ступай сейчасъ къ нотаріусу.

Онъ пробормоталъ, покраснѣвъ:

— Ты права. Иду.

И взялъ шляпу; но прежде чѣмъ выйти, прибавилъ:

— Я постараюсь уладить затрудненіе съ племянникомъ на пятидесяти тысячахъ.

Она надменно отвѣчала:

— Нѣтъ. Отдай ему сто тысячъ франковъ, какъ онъ проситъ. И если хочешь, возьми ихъ изъ моей половины.

Онъ пробормоталъ, внезапно пристыженный:

— О!—нѣтъ, нѣтъ, мы подѣлимся поровну. Пожертвовавъ по пятидесяти тысячъ, мы все же получимъ милліонъ чистоганомъ.

И прибавилъ:

— До свиданья, милая Мадъ.

И пошелъ объяснять нотаріусу комбинацію, изобрѣтенную, какъ онъ увѣрялъ, его женой.

На другой день они подписали дарственную запись, по которой Мадлена Дю-Руа предоставляла мужу пятьсотъ тысячъ франковъ.

Выйдя изъ конторы, Жоржъ предложилъ женѣ, такъ какъ погода была прекрасная, пройтись до бульваровъ. Онъ былъ милъ, любезенъ, предупредителенъ, нѣженъ. Онъ смѣялся и всему радовался, тогда какъ она оставалась задумчивой и нѣсколько строгой.

Былъ осенній, довольно холодный день. Толпа пѣшеходовъ какъ будто куда-то спѣшила и быстро шагала. Дю-Руа подвелъ жену къ магазину, гдѣ такъ часто глядѣлъ на желанный хронометръ.

— Хочешь, я подарю тебѣ какую нибудь золотую вещицу?— сказалъ онъ.

Она равнодушно проговорила:

— Какъ хочешь.

Они вошли. Онъ спросилъ:

— Что ты предпочитаешь:—ожерелье, браслетъ или серьги?

Видъ золотыхъ вещей и драгоцѣнныхъ каменьевъ побѣдилъ ея дѣланную холодность и она загорѣвшимся и любопытнымъ взглядомъ осматривала витрины, наполненныя драгоцѣнностями.

Вдругъ ей понравилась одна вещь:

— Какой хорошенькій браслетъ!—сказала она.

То была цѣпь странной формы и на каждомъ ея звенѣ висѣлъ какой нибудь драгоцѣнный камень.

Жоржъ спросилъ:

— Что стоитъ этотъ браслетъ?

Ювелиръ отвѣчалъ:

— Три тысячи франковъ.

— Если вы уступите мнѣ его за двѣ тысячи пятьсотъ, то я его возьму.

Ювелиръ колебался, потомъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, никакъ не могу.

Дю-Руа продолжалъ:

— Вотъ если хотите, я возьму также и этотъ хронометръ за тысячу пятьсотъ франковъ, это составитъ четыре тысячи, которыя я заплачу чистыми деньгами. Согласны? — если нѣтъ, я пойду въ другой магазинъ.

Ювелиръ кончилъ тѣмъ, что согласился.

— Хорошо, извольте.

И журналистъ, сообщивъ свой адресъ, прибавилъ:

— Прикажите вырѣзать на хронометрѣ мой шифръ: вязью и надъ нимъ баронскую корону.

Мадлена, удивленная, улыбнулась. И когда они вышли изъ лавки, съ нѣкоторой нѣжностью взяла его подъ руку. Рѣшительно онъ ловкій и энергическій малый. Конечно теперь, когда они были богаты, имъ нуженъ былъ титулъ.

Торговецъ кланялся имъ:

— Будьте спокойны; все будетъ готово къ четвергу, господинъ баронъ.

Они прошли мимо театра Водевиля. Давали новую піэсу.

— Хочешь пойти въ театръ, сегодня вечеромъ,—сказалъ онъ —попробуемъ достать ложу.

Они нашли ложу и взяли ее.

Онъ прибавилъ:

— Хочешь пообѣдать въ ресторанѣ?

— О, да, хочу.

Онъ былъ счастливъ какъ король и не зналъ, что еще придумать хорошее.

— Зайдемъ за Клотильдой де-Марель и пригласимъ ее провести съ нами вечеръ. Мнѣ говорили, что ея мужъ пріѣхалъ; я буду очень радъ повидаться съ нимъ.

Они пошли туда. Жоржъ, немного трусившій перваго свиданія съ дамой своего сердца былъ не прочь, чтобы жена своимъ присутствіемъ избавила его отъ всякихъ объясненій.

Но Клотильда повидимому ни о чемъ не помнила и заставила мужа принять приглашеніе.

Обѣдъ былъ веселый, и вечеръ тоже прошелъ очень пріятно.

Жоржъ и Мадлена вернулись поздно. Газъ былъ уже потушенъ; чтобы освѣтить ступеньки, журналистъ зажигалъ время отъ времени восковую спичку.

Когда они дошли до площадки перваго этажа, пламя спички внезапно вспыхнувъ озарило въ зеркалѣ ихъ двѣ фигуры, выдѣлившіяся изъ окружающаго мрака.

Они походили на привидѣнія, появившіяся среди ночи и готовыя исчезнуть.

Дю-Руа поднялъ руку, чтобы хорошенько освѣтить себя и жену и сказалъ съ торжествующимъ смѣхомъ:

— Вотъ идутъ милліонеры!

VII.

Уже два мѣсяца, какъ завоеваніе Марокко стало осуществившимся фактомъ. Франція, завладѣвъ Тангеромъ, имѣла въ своихъ рукахъ весь африканскій берегъ до регентства Триполи, и гарантировала долгъ новаго присоединеннаго края.

Говорили, что два министра заработали на этомъ десятка два милліоновъ и почти вслухъ называли Ларошe-Матьё.

Что касается Вальтера, то всѣ въ Парижѣ знали, что онъ убилъ разомъ двухъ зайцевъ и нажилъ отъ тридцати до сорока милліоновъ на займѣ и отъ восьми до десяти милліоновъ на мѣдныхъ и желѣзныхъ рудникахъ, а также и на громадныхъ участкахъ земли, купленныхъ за безцѣнокъ до завоеванія ея и проданныхъ на другой день послѣ французской оккупаціи колонизаціоннымъ компаніямъ.

Въ какихъ-нибудь нѣсколько дней, онъ сталъ однимъ изъ властелиновъ міра, однимъ изъ тѣхъ всемогущихъ финансистовъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ короли, передъ которыми склоняются головы, а языки заплетаются, и которые вытаскиваютъ со дна души человѣческой всю неизмѣримую низость, пошлость и зависть, которая въ ней таится.

Онъ не былъ больше жидъ Вальтеръ—хозяинъ сомнительнаго банка, издатель двусмысленнаго журнала и депутатъ, подозрѣваемый въ мошенническихъ операціяхъ.

Онъ сталъ господиномъ Вальтеромъ, богатымъ евреемъ.

И пожелалъ это показать. Зная о стѣсненномъ положеніи князя де Карлсбургъ, у котораго былъ одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ домовъ въ улицѣ Фобуръ-Сент-Оноре съ садомъ, выходившимъ на Елисейскія поля, онъ предложилъ купить его въ двадцать четыре часа со всей мебелью, и обстановкой. Онъ предлагалъ три милліона франковъ. Соблазненный такой крупной суммой, князь согласился.

На другой день Вальтеръ переселился въ свое новое жилище.

Тогда ему пришла въ голову еще другая мысль, достойная настоящаго завоевателя, вознамѣрившагося взять Парижъ,—мысль, въ духѣ Бонапарта.

Весь городъ сбѣгался въ эту минуту смотрѣть на большую картину венгерскаго живописца Карла Марковича, выставленную у эксперта Жака Ленобль и изображавшую Христа, идущаго по морю.

Критики въ восторгѣ объявляли, что это самая дивная картина нашего вѣка.

Вальтеръ купилъ ее за пятьсотъ тысячъ франковъ, увезъ къ себѣ, и прекратилъ такимъ образомъ сразу доступъ публикѣ къ картинѣ, заставивъ весь Парижъ говорить о себѣ. Одни его бранили, другіе хвалили, но всѣ завидовали.

И вдругъ онъ объявилъ въ газетахъ, что приглашаетъ всѣхъ извѣстныхъ лицъ парижскаго общества пріѣхать поглядѣть вечеромъ у него въ домѣ мастерское твореніе иноземнаго живописца, чтобы не говорили, что онъ секвестровалъ художественное произведеніе.

Домъ его открытъ для всѣхъ, кто желаетъ. Достаточно показать швейцару пригласительный билетъ.

Онъ былъ такъ составленъ:

„Г-нъ и Г-жа Вальтеръ просятъ васъ сдѣлать имъ честь пожаловать къ нимъ тридцатаго декабря отъ девяти часовъ до по-

луночи посмотрѣть на картину Карла Марковича: „Христосъ, идущій по морю“, при электрическомъ освѣщеніи.

Затѣмъ въ постскриптумѣ мелкими буквами стояло: „послѣ полуночи начнутся танцы“.

Итакъ кто захочетъ остаться, тотъ останется, и между ними Вальтеры наберутъ себѣ новыхъ знакомыхъ.

Другіе посмотрятъ на картину, на домъ, на владѣльцевъ съ звѣрскимъ, дерзкимъ или равнодушнымъ любопытствомъ, и затѣмъ уѣдутъ, какъ пріѣхали. И дядя Вальтеръ зналъ, что рано или поздно они къ нему пріѣдутъ, какъ ѣздятъ къ другимъ его собратамъ, разбогатѣвшимъ евреямъ.

Необходимо прежде всего, чтобы всѣ титулованныя особы, про которыхъ пишутъ въ газетахъ, пріѣхали къ нему въ домъ, а они пріѣдутъ, хотя бы только затѣмъ, чтобы поглядѣть на физіономію человѣка, нажившаго пятьдесятъ милліоновъ въ шесть недѣль времени; они пріѣдутъ также затѣмъ, чтобы видѣть, кто къ нему пріѣдетъ. Они пріѣдутъ еще и потому, что онъ имѣлъ тактъ и ловкость пригласить ихъ полюбоваться христіанской картиной въ его домѣ, домѣ богатаго сына Израиля.

Онъ какъ будто говорилъ имъ:

— Смотрите, я заплатилъ пятьсотъ тысячъ франковъ за мастерское религіозное произведеніе Марковича: „Христосъ, идущій по морю“, и это мастерское произведеніе останется у меня, будетъ всегда передъ моими глазами, въ домѣ еврея Вальтера.

Въ свѣтѣ герцогинь и жокеевъ очень много спорили объ этомъ приглашеніи, которое въ сущности ни къ чему не обязывало. Туда поѣдутъ, какъ ѣздятъ смотрѣть акварели у Пти. Вальтеры пріобрѣли мастерское произведеніе они для всѣхъ открываютъ свой домъ въ такой-то вечеръ. Ну и прекрасно.

Vie-Française уже цѣлыхъ двѣ недѣли ежедневно печатала въ числѣ слуховъ какое-нибудь извѣстіе о предполагавшемся вечерѣ, тридцатаго декабря, и старалась разжечь общественное любопытство.

Дю-Руа бѣсился на торжество своего патрона.

Онъ счелъ-было себя богатымъ, выманивъ у жены пятьсотъ тысячъ франковъ, но теперь находилъ, что онъ бѣденъ, просто нищій, сравнивалъ свое ничтожное богатство съ милліоннымъ дождемъ, пролившимся вокругъ него, и которымъ онъ не съумѣлъ воспользоваться.

Завистливая злоба росла въ немъ съ каждымъ днемъ. Онъ злился на всѣхъ, на Вальтеровъ, къ которымъ больше не ѣздилъ, на жену, которая, обманутая Ларошемъ, отсовѣтовала ему ку-

пить марокскихъ бумагъ, а всего болѣе онъ злился на министра, который провелъ его за носъ, воспользовался имъ какъ своимъ орудіемъ и два раза въ недѣлю обѣдалъ у него. Жоржъ служилъ ему секретаремъ, агентомъ, писцомъ, и когда писалъ подъ его диктовку, то ощущалъ по временамъ безумное желаніе задушить этого торжествующаго болвана. Въ роли министра, Ларошъ велъ себя скромно, и чтобы удержать портфель, не показывалъ, что карманы у него биткомъ набиты золотомъ.

Но Дю-Руа чувствовалъ присутствіе золота въ надменной манерѣ адвоката-выскочки, въ его дерзкихъ жестахъ, въ его нахальныхъ словахъ, а главное, въ его безусловной самоувѣренности.

Ларошъ теперь царилъ въ домѣ Дю-Руа и занялъ въ немъ мѣсто и дни графа де-Водрека, обращался со слугами, какъ второй хозяинъ дома.

Жоржъ выносилъ его, но содрагаясь отъ злости, какъ собака, которая хочетъ укусить и не смѣетъ.

Зато онъ часто бывалъ грубъ и дерзокъ съ Мадленой, которая пожимала плечами и обращалась съ нимъ какъ съ неловкимъ ребенкомъ. Впрочемъ она удивлялась его постоянно дурному расположенію духа и повторяла:

— Я тебя не понимаю. Ты все жалуешься. Однако твое положеніе блестящее.

Онъ поворачивался къ ней спиной и ничего не отвѣчалъ. Сначала онъ объявилъ, что не поѣдетъ на праздникъ своего патрона, что ноги его больше не будетъ у этого подлаго „жида“.

Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, m-me Вальтеръ писала ему ежедневно, умоляя его пріѣхать, или назначить ей rendez-vous, гдѣ ему угодно. Ей нужно было,—говорила она,—передать ему семьдесятъ тысячъ франковъ, которые она для него заработала.

Онъ не отвѣчалъ и бросалъ въ каминъ эти отчаянные посланія. Не то, чтобы онъ отказался отъ своей доли въ барышахъ, но онъ хотѣлъ довести ее до безумія, растоптать, раздавить презрѣніемъ. Она была слишкомъ богата, онъ будетъ съ нею гордъ.

Въ самый день выставки картины, когда Мадлена убѣждала его, что онъ очень неразумно сдѣлаетъ, если не поѣдетъ, онъ отвѣчалъ:

— Отстань; я не поѣду.

Затѣмъ послѣ обѣда вдругъ объявилъ:

— А все-таки лучше претерпѣть эту скуку. Одѣвайся скорѣй.

Она этого ожидала.

— Я буду готова черезъ четверть часа,—отвѣчала она.

Онъ одѣлся съ воркотней и даже въ фіакрѣ продолжалъ ворчать.

Главный дворъ отеля Карлсбургъ былъ освѣщенъ четырьмя электрическими лампами, походившими на четыре луны.

Великолѣпный коверъ спускался со ступенекъ высокаго крыльца, и на каждой ступенькѣ стоялъ человѣкъ въ ливреѣ, неподвижный, какъ статуя.

Дю-Руа пробормоталъ:

— Вишь-ты, шикъ какой.

И пожалъ плечами. Его коробило отъ зависти.

Жена сказала ему:

— Молчи и съумѣй достичь того-же.

Они вошли и отдали свои тяжелыя пальто лакеямъ, подошедшимъ къ нимъ.

Нѣсколько дамъ уже пріѣхали съ мужьями и раздѣвались. Слышались восклицанія:—Очень красиво! очень красиво!

Сѣни, громадныя, были обтянуты вышитыми обоями, на которыхъ изображено было приключеніе Марса и Венеры. По правую и по лѣвую сторону шла монументальная лѣстница, сходившаяся на площадкѣ перваго этажа. Перила были чудомъ искусства, бронзовой отливки, и старая, потертая позолота скромно свѣтилась вдоль ступень изъ краснаго мрамора.

При входѣ въ пріемные залы двѣ маленькихъ дѣвочки, предлагали дамамъ букеты. Всѣ нашли, что это очень мило.

Въ залахъ уже тѣснилась толпа народу. Большинство женщинъ были въ визитныхъ платьяхъ, чтобы показать, что онѣ пріѣхали сюда какъ на обыкновенную выставку. Тѣ же, которыя разсчитывали остаться танцовать, были и въ бальныхъ туалетахъ съ открытой шеей и руками.

M-me Вальтеръ, окруженная пріятельницами, стояла во второй залѣ и раскланивалась съ гостями. Многіе ее не знали и прохаживались какъ въ музеѣ, не обращая вниманія на хозяевъ.

Когда она увидѣла Дю-Руа, то вся помертвѣла и шагнула было на встрѣчу ему. Затѣмъ окаменѣвъ на мѣстѣ, ждала его приближенія.

Онъ церемонно поклонился ей, между тѣмъ какъ Мадлена осыпала ее комплиментами и ласками. Жоржъ оставилъ жену около хозяйки, а самъ скрылся въ толпѣ, чтобы прислушиваться къ недоброжелательнымъ замѣчаніямъ, которыя непремѣнно должны были раздаваться.

Пять салоновъ слѣдовали одинъ за другимъ, обтянутые драгоцѣнными тканями, итальянскими вышивками или восточными ков-

рами различныхъ цвѣтовъ и стилей. На стѣнахъ висѣли картины старинныхъ мастеровъ. Всѣ толпились главнымъ образомъ въ небольшомъ покоѣ въ стилѣ Людовика XVI и восхищались этимъ будуаромъ, обтянутымъ шелковой матеріей цвѣта crême, съ разбросанными по ней розовыми и голубыми букетиками. Низенькая мебель, изъ позолоченнаго дерева, обитая такой же матеріей, какъ и стѣны, отличалась необыкновенно изящной и тонкой рѣзьбой.

Жоржъ видѣлъ разныя знаменитости: герцогиню де-Террасинъ, графа и графиню де-Равенель, генерала-князя д'Андремонъ, красавицу маркизу де-Люнесъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ, кого видишь на первыхъ представленіяхъ.

Вдругъ кто-то взялъ его подъ руку, и молодой, довольный голосъ прошепталъ ему на ухо: — Ахъ! вотъ и вы наконецъ, злой „милый другъ". Почему васъ больше никогда не видно?

То была Сюзанна Вальтеръ, которая глядѣла на него своими эмалевыми глазами изъ-подъ облака завитыхъ бѣлокурыхъ волосъ.

Онъ былъ очень радъ ее увидѣть и съ искреннимъ радушіемъ пожалъ ей руку. Затѣмъ извинился:

— Я никакъ не могъ быть. У меня столько, столько дѣла, что я цѣлыхъ два мѣсяца никуда не ходилъ въ гости.

Она продолжала съ серьезнымъ видомъ:

— Это дурно, очень дурно, очень дурно. Вы насъ очень огорчаете, потому что мы васъ обожаемъ, мамаша и я. Что касается меня, то я не могу безъ васъ жить. Если васъ нѣтъ, то я умираю отъ скуки. Вы видите, что я прямо говорю вамъ это, чтобы вы не имѣли больше права пропадать такимъ образомъ. Пойдемте, я вамъ сама покажу Христа, идущаго по морю. Картину повѣсили совсѣмъ на концѣ дома, позади теплицы. Папаша помѣстилъ ее тамъ затѣмъ, чтобы заставить всѣхъ пройтись по дому. Удивительно какъ папаша чванится этимъ домомъ.

Они тихо двигались въ толпѣ. Всѣ оборачивались, чтобы поглядѣть на этого красавца, который велъ такую очаровательную куколку.

Одинъ извѣстный живописецъ сказалъ:

— Ай, ай, ай! какая хорошенькая парочка. На нихъ просто весело глядѣть!

Жоржъ думалъ:

— Еслибы я былъ дѣйствительно уменъ, я бы женился на ней, а не на той. И было возможно. Какъ это мнѣ не пришло въ голову? Какъ это я могъ жениться на той? Какая глупость!

Да! вотъ что значитъ дѣйствовать черезъ-чуръ опрометчиво и недостаточно обдумывать свои дѣйствія.

И зависть, горькая зависть точила его душу и отравляла существованіе.

Сюзанна говорила:

— Ахъ, пріѣзжайте почаще, милый другъ! мы будемъ теперь дурачиться, такъ какъ папаша сталъ такой богачъ. Мы будемъ веселиться какъ полоумные.

Онъ отвѣчалъ, преслѣдуя свои собственныя мысли:

— О! теперь вы скоро выйдете замужъ за какого-нибудь разорившагося князя, и мы больше не увидимся.

Она откровенно отвѣчала:

— О, нѣтъ еще; я хочу выдти замужъ за такого человѣка, который бы мнѣ нравился, который бы мнѣ очень нравился, безусловно нравился. Я достаточно богата для двоихъ.

Онъ улыбался иронически и надменно, и сталъ ей называть проходившихъ важныхъ господъ, продавшихъ свои ржавые титулы такимъ же дочерямъ финансистовъ, какъ и она, и которые теперь жили вмѣстѣ или порознь съ женами, свободные, нахальные, извѣстные и уважаемые.

Онъ заключилъ:

— Я вамъ даю шесть мѣсяцевъ, чтобы попасться на эту удочку. Вы станете маркизой, графиней или герцогиней и будете свысока глядѣть на вашего покорнѣйшаго слугу.

Она сердилась, хлопала его вѣеромъ по рукѣ и клялась, что выйдетъ замужъ только по любви.

Онъ смѣялся:

— Увидимъ, увидимъ, вы слишкомъ богаты.

Она сказала ему:

— Но вѣдь вы тоже получили наслѣдство?

Онъ предварительно фыркнулъ:

— О! стоитъ ли говорить объ этомъ. Всего какихъ-нибудь двадцать тысячъ франковъ годового дохода. Въ наше время это немного.

— Но ваша жена тоже получила наслѣдство?

— Да... намъ достался милліонъ на насъ двоихъ; сорокъ тысячъ франковъ дохода; мы не можемъ даже держать экипажъ и лошадей.

Они дошли до послѣдняго салона, и передъ ними открылась теплица, обширный зимній садъ, наполненный высокими тропическими деревьями, покрытыми сплошь рѣдкими цвѣтами. Входя подъ эти темные зеленые своды, куда свѣтъ проникалъ серебри-

стыми лучами, грудь дышала теплой свѣжестью влажной земли и одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ. Эта искусственная природа, одуряющая и изнѣживающая, производила странное, пріятное, но нездоровое впечатлѣніе.

Нога ступала по коврамъ, совершенно похожимъ на мшистый коверъ лѣсной чащи, и вдругъ Дю-Руа увидѣлъ на-лѣво подъ обширнымъ сводомъ пальмъ большой бассейнъ изъ бѣлаго мрамора, въ которомъ можно было бы купаться, если захотѣть, и по бокамъ котораго четыре большихъ лебедя изъ стариннаго фаянса извергали воду сквозь раскрытые клювы.

Дно бассейна было усыпано золотымъ пескомъ и въ немъ плавало нѣсколько громадныхъ красныхъ рыбъ, диковинныхъ китайскихъ чудищъ съ вытаращенными глазами, съ чешуей, окаймленной синимъ бордюромъ, какихъ-то водяныхъ мандариновъ, напоминавшихъ странные узоры китайскихъ тканей.

Журналистъ остановился съ бьющимся сердцемъ. Онъ говорилъ себѣ:—Вотъ это такъ роскошь! Вотъ какъ слѣдуетъ жить. Другимъ удалось. Почему же и мнѣ не добиться того же?

Онъ придумывалъ средства, не находилъ ихъ въ настоящую минуту и раздражался своимъ безсиліемъ.

Подруга его ничего не говорила и задумалась. Онъ искоса поглядѣлъ на нее и опять подумалъ:—„Стоило бы только жениться на этой живой маріонеткѣ, и дѣло было бы сдѣлано".

Но Сюзанна вдругъ какъ бы проснулась и сказала:

— Смотрите!—и протолкнувъ его сквозь группу людей, заграждавшихъ имъ дорогу, круто повернула его вправо.

Посреди боскета необыкновенныхъ растеній, протягивавшихъ въ воздухѣ свои трепещущіе листья, раскрытыя какъ руки съ тоненькими пальцами, виднѣлась фигура человѣка, неподвижно стоявшаго на морѣ.

Эффектъ былъ поразительный. Эта картина, бока которой были прикрыты колеблющейся листвой, казалась какимъ-то темнымъ окномъ, въ которое виднѣлась фантастическая и поразительная даль.

Надо было долго глядѣть, чтобы понять. Рама пересѣкала барку, гдѣ находились апостолы, чуть-чуть освѣщенные косыми лучами фонаря, а одинъ изъ нихъ, стоя на бортѣ, наводилъ свѣтъ прямо на Христа, приближавшагося къ нимъ.

Христосъ подходилъ, ступая по волнамъ, которыя покорно и ласково опускались подъ ногами Богочеловѣка. Все было темно вокругъ Него. Только звѣзды мерцали въ вышинѣ.

Лица апостоловъ, озаренныя слабымъ свѣтомъ фонаря, на-

правленнаго однимъ изъ нихъ на Спасителя, были искажены удивленіемъ.

То было въ самомъ дѣлѣ мощное и неожиданное произведеніе генія,—одно изъ тѣхъ, которыя производятъ переворотъ въ умахъ и на долгіе годы оставляютъ мечтательный слѣдъ въ душѣ.

Люди, смотрѣвшіе на картину, сначала молчали, потомъ уходили задумавшись, и только уже спустя нѣкоторое время разсуждали о достоинствахъ картины.

Дю-Руа, поглядѣвъ нѣкоторое время на картину, объявилъ:

— Да! большой шикъ, — позволить себѣ покупать такія игрушки!

Но такъ какъ его толкали со всѣхъ сторонъ люди, желавшіе посмотрѣть на картину, то онъ отошелъ отъ нея, не выпуская маленькой ручки Сюзанны, которую слегка сжималъ.

Она спросила у него:

— Хотите выпить стаканъ шампанскаго. Пойдемте въ буфетъ. Тамъ мы увидимъ папашу.

И они медленно прошли обратно по всѣмъ заламъ, гдѣ толпилась нарядная публика, которая все прибывала и вела себя очень развязно, какъ въ общественномъ мѣстѣ.

Ему показалось, что кто-то сказалъ:

— Это Ларошъ съ m-me Дю-Руа.

Слова эти прозвенѣли въ его ушахъ, какъ какой-то отдаленный шумъ, который доносится вѣтромъ. Откуда они?

Ему показалось, что люди перешептываются, поглядывая на нихъ, и онъ почувствовалъ грубое и глупое желаніе наброситься на эту толпу и исколотить ее кулаками.

Она дѣлала его смѣшнымъ. Онъ подумалъ о Форестье. Быть можетъ, люди говорили:—вотъ такой же и Дю-Руа!

Да и кто она такая? довольно ловкая выскочка, но право безъ особеннаго ума. Къ нему ѣздили потому, что его боялись, потому что чувствовали его силу, но, вѣроятно, всѣ безъ стѣсненія отзывались объ этой семьѣ журналиста. Никогда ему не сдѣлать блестящей карьеры съ этой женщиной, которая всегда будетъ придавать сомнительный характеръ его дому, всегда будетъ компрометироваться, и въ которой всѣ тотчасъ же узнаютъ интриганку. Она будетъ теперь ядромъ каторжника на его ногѣ. Ахъ! еслибы онъ былъ догадливъ, еслибы онъ только зналъ! какъ далеко могъ онъ пойти! какую чудную карьеру можно сдѣлать съ Сюзанной! Какъ могъ онъ быть такъ слѣпъ, чтобы не видѣть этого?

Они дошли до столовой, громадной комнаты съ мраморными колоннами, со стѣнами, обтянутыми гобеленами.

Вальтеръ увидѣлъ своего хроникера, и бросившись ему на встрѣчу, взялъ за обѣ руки. Онъ былъ безъ ума отъ радости.

— Все ли вы видѣли? Сюзанна, все ли ты ему показала? Сколько народу, неправда ли, милый другъ? Видѣли ли вы князя де-Герпъ? Онъ приходилъ сейчасъ выпить стаканъ пунша.

И Вальтеръ бросился на встрѣчу сенатору Риссолини, волочившему за собой жену, оглушенную шумомъ и разукрашенную какъ ярморочная лавка.

Какой-то господинъ подошелъ поздороваться съ Сюзанной, высокій, тонкій молодой человѣкъ съ бѣлокурыми бакенбардами, съ небольшой лысиной и тѣмъ свѣтскимъ видомъ, который придаетъ человѣку особый отпечатокъ. Жоржъ слышалъ, что его называли маркизомъ де-Казоль, и вдругъ почувствовалъ ревность къ этому человѣку. Съ какихъ поръ она съ ними познакомилась? Съ тѣхъ поръ, вѣроятно, какъ разбогатѣла! Онъ чуялъ въ немъ жениха.

Кто-то взялъ его подъ руку. То былъ Норберъ де-Вареннъ. Старый поэтъ прохаживался усталый и равнодушный съ своими жирными волосами и старымъ фракомъ.

— Вотъ что называется веселиться!—сказалъ онъ.—Сейчасъ будутъ танцовать, а потомъ лягутъ спать, и молоденькія дѣвочки будутъ очень довольны. Выпейте шампанскаго. Оно превосходно.

Онъ велѣлъ налить себѣ стаканъ, и поклонившись Дю-Руа, который взялъ другой, сказалъ:

— Пью за торжество ума надъ милліонами.

И прибавилъ мягкимъ голосомъ:

— Не потому, чтобы они мнѣ мѣшали въ чужихъ карманахъ, или возбуждали мою зависть, но протестую по принципу.

Жоржъ его не слушалъ. Онъ искалъ Сюзанну, которая исчезла съ маркизомъ де-Казоль, и оставивъ Норбера де-Вареннъ, побѣжалъ разыскивать молодую дѣвушку.

Густая толпа народа, хотѣвшая пить, задержала его. Когда онъ пробился сквозь нее, то очутился носъ къ носу съ мужемъ и женой де-Марель.

Онъ видался по прежнему съ женой, но давно уже не видѣлъ мужа, который схватилъ его за обѣ руки:

— Какъ я вамъ благодаренъ, mon cher, за совѣтъ, присланный съ Клотильдой. Я нажилъ около ста тысячъ франковъ на марокскомъ займѣ. Этимъ я вамъ обязанъ. Можно сказать, что вы вѣрный другъ.

Мужчины оборачивались, чтобы поглядѣть на нарядную и хорошенькую брюнетку. Дю-Руа отвѣчалъ:

— Въ награду за эту услугу, mon cher, я похищу вашу жену или, вѣрнѣе сказать, предложу ей руку. Слѣдуетъ всегда разлучать супруговъ.

Де-Марель поклонился:

— Вѣрно. Если я потеряю васъ изъ виду, то черезъ часъ мы сойдемся здѣсь.

Молодые люди смѣшались съ толпой, сопровождаемые мужемъ. Клотильда повторяла:

— Какіе счастливцы эти Вальтеры! Вотъ что значитъ, однако, дѣловой умъ!

Жоржъ отвѣчалъ:

— Ба! умные люди всегда пробьются тѣмъ или инымъ способомъ.

Она продолжала:

— Вотъ двѣ дѣвушки, за которыми дадутъ милліоновъ двадцать или тридцать приданаго за каждой. Не говоря уже о томъ, что Сюзанна хорошенькая.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Собственная мысль въ чужихъ устахъ его раздражала.

Она еще не видѣла Христа, идущаго по морю. Онъ предложилъ свести ее къ картинѣ. Они развлекались злословіемъ о знакомыхъ лицахъ и насмѣшками надъ незнакомыми. Сен-Потенъ прошелъ возлѣ нихъ, весь увѣшанный орденами, что ихъ очень насмѣшило. Бывшій посланникъ, шедшій сзади, не имѣлъ столько знаковъ отличія.

Дю-Руа объявилъ:

— Какое смѣшанное общество.

Буаренаръ, пожавшій ему при встрѣчѣ руку, тоже вдѣлъ въ петличку фрака зеленую ленточку, которую надѣвалъ въ день дуэли.

Виконтесса де-Персмюръ, колоссальная и разряженная, разговаривала съ герцогомъ въ маленькомъ будуарѣ стиля Людовика XVI.

Жоржъ пробормоталъ:

— Любовный tête-à-tête!

Но проходя по теплицѣ, онъ увидѣлъ свою жену, которая сидѣла возлѣ Лароша. Оба почти спрятались за группой растеній. Они, казалось, говорили: — „Мы назначили себѣ здѣсь публичное свиданіе, потому что намъ наплевать на общественное мнѣніе“.

M-me де-Марель объявила, что Христосъ Карла Марковича поразителенъ, и они пошли назадъ. Они потеряли мужа.

Сюзанна наткнулась на нихъ при переходѣ изъ одной залы въ другую и закричала:

— Ахъ! вотъ и вы. Ну, милый другъ, оставайтесь одни. Я похищу красотку Клотильду, чтобы показать ей мою комнату.

И обѣ женщины ушли торопливымъ шагомъ, ловко скользя сквозь толпу, точно змѣи, какъ это умѣютъ женщины.

Почти немедленно чей-то голосъ произнесъ: — Жоржъ! — То была m-me Вальтеръ. Она продолжала шопотомъ: — О, какъ вы свирѣпо жестоки! Зачѣмъ вы заставляете меня такъ безполезно страдать? Я поручила Сюзеттѣ увести вашу спутницу, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Послушайте, необходимо... необходимо мнѣ переговорить съ вами сегодня вечеромъ или... вы не знаете, что я сдѣлаю. Ступайте въ теплицу. Тамъ вы найдете на-лѣво дверь и выйдете черезъ нее въ садъ. Ступайте по аллеѣ, которая идетъ прямо. Совсѣмъ въ концѣ есть бесѣдка. Я приду туда черезъ десять минутъ! Если вы не согласитесь, то я сейчасъ сдѣлаю скандалъ, тутъ на этомъ мѣстѣ, сію минуту.

Онъ отвѣчалъ высокомѣрно:

— Хорошо. Я буду черезъ десять минутъ на указанномъ вами мѣстѣ.

И они разстались. Но Жакъ Риваль чуть было не задержалъ его. Онъ взялъ его подъ руку и сообщилъ ему кучу вещей съ очень оживленнымъ видомъ. Онъ пришелъ, очевидно, изъ буфета.

Наконецъ дю-Руа оставилъ его разговаривать съ де-Марелемъ, на котораго они наткнулись по дорогѣ, и убѣжалъ. Ему надо было проскользнуть такъ, чтобы не быть замѣченнымъ женой и Ларошемъ. Это ему удалось, потому что они, казалось, очень заняты своимъ разговоромъ, и онъ очутился въ саду.

Холодный воздухъ охватилъ его, точно ледяная струя. Онъ подумалъ:

— Чортъ побери! я навѣрное простужусь. И обвязалъ носовымъ платкомъ горло. Потомъ медленными шагами пошелъ по аллеѣ; послѣ сильнаго освѣщенія въ домѣ онъ почти ничего не видѣлъ.

Онъ различалъ по правую и по лѣвую руку кусты, съ опавшимъ листомъ, вѣтки которыхъ трепетали. Сѣрыя тѣни проносились въ этихъ вѣтвяхъ, — тѣни, падавшія отъ оконъ дома.

Онъ увидѣлъ что-то бѣлое посреди дороги передъ собой, и m-me Вальтеръ, съ обнаженными руками и шеей, проговорила дрожащимъ голосомъ: — Ахъ! вотъ и ты наконецъ! Ты вѣрно хочешь меня убить!

Онъ спокойно отвѣчалъ:

— Пожалуйста безъ драмъ, или я сейчасъ убѣгу.

Она схватила его за шею и, почти касаясь губами до его губъ, говорила:

— Но что же я тебѣ сдѣлала? ты ведешь себя относительно меня, какъ послѣдній! что я тебѣ сдѣлала?

Онъ пытался ее оттолкнуть:

— Ты обвернула своими волосами всѣ мои пуговицы въ послѣдній разъ какъ мы видѣлись, и я чуть было не разсорился изъ-за этого съ женой.

Она сначала какъ будто удивилась, но потомъ отрицательно покачала головой:

— О! пожалуйста не сочиняй, станетъ твоя жена обращать на это вниманіе. Вѣрно какая-нибудь изъ твоихъ любовницъ сдѣлала тебѣ сцену.

— У меня нѣтъ любовницъ.

— Молчи, пожалуйста. Но почему ты не пріѣзжаешь ко мнѣ просто въ гости? Почему ты не хочешь хоть разъ въ недѣлю пообѣдать со мной? Вѣдь это ужасъ что такое, какъ я страдаю! Я такъ люблю тебя, что ни о чемъ не могу думать, кромѣ тебя, ничего не вижу передъ глазами, кромѣ тебя, боюсь открыть ротъ, чтобы не произнести твоего имени. Ты, значитъ, этого не понимаешь! Мнѣ кажется, что я попалась въ какіе-то когти, что меня завязали въ какой-то мѣшокъ, просто сама не знаю, что такое. Воспоминаніе о тебѣ неотвязное, непрерывное сдавливаетъ мнѣ горло, раздираетъ мнѣ грудь, лишаетъ меня силы двигаться, дышать, жить. И я какъ звѣрь сижу цѣлый день на креслѣ, думая о тебѣ.

Онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на нее. То была уже не толстая рѣзвушка, какою она показалась ему сначала, но отчаянная, доведенная до крайности женщина, способная на все.

И смутный планъ возникалъ въ его умѣ. Онъ отвѣчалъ:

— Милая моя, любовь не вѣчна. Полюбишь, а потомъ разлюбишь. Но когда начнутся такія исторіи какъ у насъ съ тобой, то любовь становится чистой каторгой. Я больше не хочу этой каторги, вотъ и все. Но если ты обѣщаешь быть благоразумной, принимать меня и обращаться со мной какъ съ другомъ, то я буду бывать у тебя какъ прежде. Согласна ли ты на это?

Она положила свои обѣ обнаженныя руки на черный фракъ Жоржа и прошептала:

— Я на все согласна, чтобы только видѣться съ тобой.

— Значитъ рѣшено, мы будемъ друзьями—и только.

Она пролепетала:

— Рѣшено.

Затѣмъ протянувъ губы, сказала:

— Еще одинъ поцѣлуй... послѣдній.

Онъ жестко выговорилъ:

— Нѣтъ. Надо держать условіе.

Она отвернулась, отерла двѣ слезы, и вынувъ изъ корсажа пачку бумагъ, завязанную розовой лентой, подала ее дю-Руа:

— Вотъ возьми; это наша прибыль въ марокискомъ дѣлѣ. Твоя доля. Я такъ рада была нажить это для тебя. Такъ рада... Бери же...

Онъ хотѣлъ отказаться:

— Нѣтъ, я не возьму этихъ денегъ.

Тогда она вышла изъ себя:

— Ахъ! не обижай же меня, пожалуйста! Эти деньги твои, твои собственныя. Если ты ихъ не возьмешь, я ихъ брошу въ яму. Не обижай же меня, Жоржъ!

Онъ взялъ маленькій пакетикъ и сунулъ его въ карманъ.

— Пора уйти отсюда,—сказалъ онъ,—ты схватишь воспаленіе въ легкихъ.

Она прошептала:

— Тѣмъ лучше! еслибы я могла умереть!

И взявъ его руку, поцѣловала ее со страстью, съ яростью, съ отчаяніемъ и убѣжала въ домъ.

Онъ медленно вернулся, задумавшись. И вошелъ въ теплицу съ надменнымъ видомъ, съ улыбкой на губахъ.

Его жены и Лароша уже больше тамъ не было. Толпа порѣдѣла. Было очевидно, что немногіе останутся на балъ танцовать. Онъ увидѣлъ Сюзанну, подъ руку съ сестрой. Онѣ обѣ подошли къ нему и попросили его танцовать первую кадриль съ графомъ де-Латуръ-Ивеленъ.

Онъ удивился.

— Это что еще за фигура?

Сюзанна отвѣчала лукаво:

— Это новый пріятель моей сестры.

Роза покраснѣла и пробормотала:

— Какая ты злючка, Сюзетта, этотъ господинъ такой же мой пріятель, какъ и твой.

Та улыбалась:

— Толкуй.

Роза, разсердившись, повернулась спиной и ушла.

Дю-Руа фамиліарно взялъ молодую дѣвушку за локоть и спросилъ ласковымъ голосомъ:

— Послушайте, мое милое дитя, считаете вы меня своимъ другомъ?

— Разумѣется, милый другъ.

— Вы довѣряете мнѣ?

— Вполнѣ.

— Вы помните, что я вамъ передъ тѣмъ говорилъ.

— По поводу чего?

— По поводу вашего замужества или, вѣрнѣе сказать, по поводу человѣка, за котораго вы выйдете замужъ?

— Да.

— Ну такъ обѣщайте мнѣ одно.

— Что такое?

— Что вы посовѣтуетесь со мной всякій разъ, какъ вамъ сдѣлають предложеніе, и никому не дадите согласія, не спросивъ меня.

— Хорошо, согласна.

— И это секретъ между нами двумя. Ни слова объ этомъ ни папашѣ, ни мамашѣ.

— Ни слова.

— Побожитесь!

— Божусь!

Риваль подошелъ съ озабоченнымъ видомъ.

— M-lle Сюзанна, васъ папаша зоветъ танцовать.

Она сказала:

— Пойдемте, милый другъ.

Но онъ отказался, рѣшивъ тотчасъ же ѣхать домой. Ему хотѣлось быть одному, чтобы подумать. Слишкомъ много новыхъ соображеній родилось у него въ умѣ, и онъ сталъ разыскивать жену. Скоро онъ увидѣлъ ее въ буфетѣ. Она пила шеколадъ въ обществѣ двухъ незнакомыхъ господъ. Она представила имъ мужа, не называя ихъ.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ спросилъ:

— Ѣдемъ?

— Когда хочешь.

Она взяла его подъ руку, и они прошли черезъ всѣ залы, гдѣ публики значительно убыло.

Она спросила:

— Гдѣ хозяйка?—я бы хотѣла съ ней проститься.

— Не зачѣмъ. Она захочетъ удержать насъ на балѣ, а я усталъ.

— Правда твоя.

Всю дорогу они были молчаливы, но войдя въ спальную, Мадлена, улыбаясь, произнесла, не снимая еще шляпки.

— Знаешь, у меня есть сюрпризъ для тебя.

Онъ раздражительно проворчалъ:

— Что такое?

— Угадай.

— Не стоитъ трудиться.

— Ну такъ я скажу тебѣ, что послѣ-завтра первое января.

— Чтожъ изъ этого.

— Въ этотъ день дѣлаютъ другъ другу подарки.

— Да.

— Вотъ тебѣ подарокъ, который Ларошъ сейчасъ мнѣ передалъ

Она подала ему маленькій, черный ящичекъ, похожій на футляръ отъ золотыхъ вещей.

Онъ равнодушно раскрылъ его и увидѣлъ крестъ почетнаго Легіона.

Онъ слегка поблѣднѣлъ, потомъ улыбнулся и объявилъ:

— Я бы предпочелъ деньги. Ему не дорого стоилъ этотъ подарокъ.

Она ожидала радостныхъ восторговъ и была раздосадована этой холодностью.

— Ты, право, непостижимъ. Ничто тебя больше не удовлетворяетъ.

Онъ спокойно отвѣчалъ:

— Этотъ человѣкъ только уплачиваетъ свой долгъ. И все-таки еще много мнѣ долженъ.

Она была удивлена его интонаціей и отвѣчала:

— Однако, въ твои годы и это не дурно.

Онъ объявилъ:

— Все въ мірѣ относительно. Я могъ бы имѣть больше.

Оффиціальная газета объявила перваго января о томъ, что Прэсперъ-Жоржъ дю-Руа, публицистъ, возведенъ на степень кавалера почетнаго Легіона за исключительныя заслуги.

Фамилія была написана раздѣльно и это доставило Жоржу больше удовольствія, чѣмъ самъ крестъ.

Часъ спустя послѣ того какъ онъ прочиталъ это извѣстіе, онъ получилъ коротенькую записку отъ редакторши, умолявшую его пріѣхать къ ней обѣдать съ женой, сегодня же, чтобы отпраздновать это отличіе. Онъ нѣсколько минутъ колебался, затѣмъ бросивъ въ огонь записку, написанную въ двусмысленныхъ выраженіяхъ, сказалъ Мадленѣ:

— Мы обѣдаемъ сегодня у Вальтеровъ.

Она удивилась·

— Вотъ какъ! я думала, что ты не хочешь больше у нихъ бывать.

Онъ пробормоталъ:

— Я передумалъ.

Когда они пріѣхали, то застали хозяйку одну въ маленькомъ будуарѣ въ стилѣ Людовика XVI, гдѣ она принимала короткихъ знакомыхъ. Одѣтая въ черное съ головы до ногъ, она напудрила волосы и это къ ней очень шло. Издали она казалась старушкой, вблизи молодой женщиной.

— Вы въ траурѣ?—спросила Мадлена.

Она печально отвѣчала:

— И да, и нѣтъ. Никто изъ моихъ близкихъ не умеръ. Но я дожила до такихъ лѣтъ, когда приходится носить трауръ по самой себѣ. Я обновила его сегодня. И отнынѣ буду носить его въ сердцѣ.

Дю-Руа подумалъ:

— Удержится ли это намѣреніе!

Обѣдъ былъ унылый. Одна только Сюзанна безъ умолку болтала. Роза казалась озабоченной. Журналиста всѣ очень усердно поздравляли.

Вечеромъ всѣ стали обходить залы и теплицу. Дю-Руа шелъ позади всѣхъ съ хозяйкой, и она удержала его за руку:

— Послушайте,—сказала она, шопотомъ,—я больше никогда ни о чемъ не буду съ вами говорить. Но пріѣзжайте ко мнѣ въ гости, Жоржъ, пожалуйста. Вы видите, что я не говорю вамъ больше „ты“... Но не могу жить безъ васъ... не могу... Это невообразимая пытка... Я постоянно думаю о васъ, вижу васъ, полна вами день и ночь... Точно вы дали мнѣ выпить какую-то отраву. Не могу... нѣтъ, не могу. Я согласна быть для васъ отнынѣ старухой. Я нарочно напудрила волосы, чтобы показать вамъ это, но пріѣзжайте ко мнѣ, пріѣзжайте время отъ времени, какъ другъ.

Она взяла его руку и тискала, ломала ее, впуская ногти ему въ тѣло.

Онъ спокойно отвѣчалъ:

— Вѣдь это рѣшено и безполезно къ этому возвращаться. Вы видите, что я пріѣхалъ сегодня по первому вашему приглашенію.

Вальтеръ, который шелъ впереди съ двумя дочерьми и Мадленой, поджидалъ дю-Руа возлѣ „Христа, идущаго по морю“.

— Представьте,—сказалъ онъ, смѣясь,—я нашелъ вчера здѣсь жену на колѣняхъ передъ картиной. Она молилась точно въ церкви. Какъ я смѣялся, еслибы вы знали!

M-me Вальтеръ отвѣчала твердымъ голосомъ,—голосомъ, въ которомъ звучала скрытая экзальтація:

— Этотъ Христосъ спасаетъ мою душу. Онъ придаетъ мнѣ мужество и силу, всякій разъ какъ я на него взгляну.

И остановясь напротивъ Бога, идущаго по морю, проговорила:

— Какъ онъ прекрасенъ. И какъ его эти люди боятся и любятъ. Посмотрите на его лицо, глаза; какъ онъ простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновененъ.

Сюзанна вскрикала:

— Да онъ похожъ на милаго друга. Право же онъ на васъ похожъ. О! да вѣдь это поразительное сходство.

Она потребовала, чтобы онъ сталъ возлѣ картины, и всѣ признали дѣйствительно, что оба лица похожи.

Всѣ удивлялись. Вальтеръ находилъ это очень страннымъ. Мадлена, улыбаясь, объявила, что у Христа болѣе мужественный видъ.

M-me Вальтеръ не шевелилась и глядѣла неподвижнымъ взглядомъ на лицо дю-Руа рядомъ съ лицомъ Христа, и стала такъ же бѣла, какъ и ея волосы.

VIII.

Весь конецъ зимы дю-Руа часто ѣздили къ Вальтерамъ. Жоржъ даже поминутно обѣдалъ тамъ одинъ, такъ какъ Мадлена, ссылаясь на усталость, предпочитала оставаться дома.

Онъ выбралъ пятницу своимъ jour fixe, и въ этотъ день хозяйка никого не приглашала. Этотъ день принадлежалъ нераздѣльно милому другу. Послѣ обѣда играли въ карты, кормили китайскихъ рыбъ, проводили время и веселились по семейному. Нѣсколько разъ случалось, что m-me Вальтеръ приближалась къ нему внезапно, въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ, за дверью или за кустомъ, и шептала на ухо:—Я люблю тебя... я люблю тебя до смерти... Но онъ всегда холодно отталкивалъ ее и отвѣчалъ сухимъ тономъ:

— Если вы будете продолжать, я больше не приду къ вамъ.

Въ концѣ марта вдругъ заговорили о замужествѣ двухъ сестеръ. Роза, говорили, выходитъ за графа де-Латуръ-Ивелена, а Сюзанна за маркиза де-Казоль.

Эти два человѣка стали короткими знакомыми дома, изъ тѣхъ, которымъ оказываютъ особенное вниманіе, и они пользуются особыми прерогативами.

Жоржъ и Сюзанна жили въ братской дружбѣ, болтали по

цѣлымъ часамъ, насмѣхались надо всѣми и, повидимому, очень любили общество другъ друга.

Никогда они больше не заговаривали о возможномъ замужествѣ молодой дѣвушки, ни о женихахъ, появлявшихся на ея горизонтѣ.

Разъ, когда редакторъ привелъ съ собой дю-Руа завтракать, m-me Вальтеръ вызвали изъ-за стола, потому что пришелъ какой-то прикащикъ изъ магазина. И Жоржъ сказалъ Сюзаннѣ:

— Пойдемте кормить красныхъ рыбъ хлѣбомъ.

Они взяли каждый со стола по большому куску мякиша и ушли въ теплицу.

Вокругъ мраморнаго бассейна на полу клали подушки, чтобы можно было стать на колѣни и поближе разглядѣть животныхъ въ водѣ. Молодые люди стали рядомъ на колѣни, на подушки и, наклонясь надъ водой, бросали въ нее катышки изъ хлѣба. Красныя рыбы, завидя ихъ, тотчасъ же приплыли, шевеля хвостомъ, раскрывая пасть и ворочая своими вытаращенными глазами. Онѣ хватали катышки и тотчасъ же подплывали за новыми.

Жоржъ и Сюзанна видѣли въ водѣ отраженіе своихъ лицъ и улыбались другъ другу.

Вдругъ онъ шопотомъ сказалъ:

— Не хорошо, что вы со мной секретничаете, Сюзанна!

Она спросила:

— Въ чемъ дѣло, милый другъ?

— Вы развѣ не помните, что мнѣ обѣщали на этомъ самомъ мѣстѣ, когда былъ балъ?

— Нѣтъ...

— Посовѣтоваться со мной всякій разъ какъ будутъ просить вашей руки.

— Ну такъ чтожъ?

— А то, что ея просили?

— Кто же это?

— Вы сами знаете.

— Нѣтъ. Ей-богу, не знаю.

— Знаете, знаете. Кто-жъ какъ не долговязый фатъ маркизъ де-Казоль.

— Во-первыхъ, онъ не фатъ.

— Можетъ быть, но онъ глупъ, разоренъ картежной игрой и истощенъ кутежами. Хорошая партія, нечего сказать, для такой прелестной, свѣжей и умной дѣвушки, какъ вы.

— Она спросила, улыбаясь:

— Что вы противъ него имѣете?

— Я? Ничего.

— Вотъ еще. Васъ сердитъ въ немъ не одно то, что вы сказали.

— Полноте. Онъ дуракъ и интриганъ.

— Она повернулась къ нему:

— Ну, говорите, что вы противъ него имѣете?

Онъ произнесъ, точно у него вырвали изъ души тайну:

— Я... я... я ревную его къ вамъ.

Она не особенно удивилась:

— Вы?

— Да, я.

— Скажите пожалуйста. Почему это?

— Потому что я влюбленъ въ васъ, и вы это знаете, злая дѣвочка!

Тогда она произнесла строгимъ тономъ:

— Вы съ ума сошли, милый другъ!

Онъ продолжалъ:

— Я знаю, что я съ ума сошелъ. Развѣ я смѣю говорить вамъ объ этомъ, я, женатый человѣкъ, вамъ, молодой дѣвушкѣ? Это не только безумно, это преступно съ моей стороны, просто подло. У меня нѣтъ никакихъ надеждъ, и я съ ума схожу отъ этой мысли. И когда мнѣ говорятъ, что вы выходите замужъ, я прихожу въ такое бѣшенство, что готовъ кого-нибудь убить. Вы мнѣ должны простить это, Сюзанна.

Онъ умолкъ. Всѣ рыбы, которымъ больше не кидали хлѣба, оставались неподвижными, выстроившись въ одну линію, точно англійскіе солдаты, и глядѣли на лица, наклонившихся надъ водой двухъ людей, которые больше ими не занимались.

Молодая дѣвушка проговорила не то печально, не то весело:

— Какъ жаль, что вы женаты. Чтожъ дѣлать! Теперь ужъ не передѣлаешь.

Онъ вдругъ повернулся къ ней и спросилъ, близко наклонившись къ ея лицу:

— Еслибы я былъ свободенъ, вы бы вышли за меня замужъ?

Она отвѣчала съ искренностью въ голосѣ:

— Да, милый другъ, я бы за васъ вышла, потому что вы мнѣ нравитесь больше всѣхъ.

Онъ всталъ и пролепеталъ:

— Благодарю... благодарю... умоляю васъ не давайте никому слова... Подождите еще немножко. Умоляю васъ. Обѣщаете мнѣ это?

Она пробормотала, немного смущенная и не понимая чего онъ хочетъ:

— Обѣщаю.

— Дю-Руа бросилъ въ воду большой кусокъ хлѣба, который держалъ въ рукахъ, и убѣжалъ, точно потерялъ голову,—не простившись.

Всѣ рыбы жадно набросились на этотъ кусокъ мякиша, который не пошелъ ко дну, потому что его не смяли пальцами и стали расщипывать его жадной пастью. Онѣ утащили его на другой конецъ бассейна, возились надъ нимъ, представляя собой живую вѣтку, какой-то живой цвѣтокъ, упавшій въ воду головой внизъ.

Сюзанна, удивленная, встревоженная, встала съ колѣнъ и тихими шагами вышла изъ теплицы. Журналистъ уже ушелъ.

Онъ вернулся къ себѣ очень спокойный, и въ то время какъ Мадлена писала письмо, спросилъ ее:

— Поѣдешь въ пятницу обѣдать къ Вальтерамъ? я поѣду.

Она отвѣчала:

— Нѣтъ, мнѣ нездоровится. Я предпочитаю обѣдать дома.

Онъ сказалъ:

— Какъ хочешь. Никто тебя не принуждаетъ.

И взявъ шляпу, ушелъ изъ дому.

Онъ былъ съ нею ласковъ въ послѣдующіе дни. И даже казался веселъ, чего больше съ нимъ не бывало.

Она говорила ему:

— Ты опять становишься милъ.

Въ пятницу онъ рано одѣлся, говоря, что ему надо сдѣлать нѣсколько визитовъ прежде чѣмъ ѣхать къ редактору. Около шести часовъ, простился съ женой поцѣловавъ ее. Пошелъ и нанялъ фіакръ на площади Notre-Dame de Lorette.

Онъ сказалъ кучеру:

— Остановитесь напротивъ № 17 въ улицѣ Фонтенъ и стойте тамъ до тѣхъ поръ, пока я не велю вамъ ѣхать. Послѣ того вы отвезете меня въ ресторанъ „Фазанъ“ въ улицѣ Лафайетъ.

Карета медленно тронулась въ путь, а дю-Руа спустилъ шторы. Какъ скоро онъ очутился напротивъ своей двери, онъ уже болѣе не спускалъ съ нея глазъ. Послѣ десятиминутнаго ожиданія, онъ увидѣлъ, какъ Мадлена вышла и направилась къ наружнымъ бульварамъ.

Когда она отошла довольно далеко, онъ высунулъ голову изъ дверцы и закричалъ:

— Ступайте, куда я вамъ говорилъ.

Фіакръ опять тронулся въ путь и довезъ его до „Фазана“, буржуазнаго трактира, извѣстнаго въ околоткѣ. Жоржъ вошелъ

въ общую залу и не торопясь сталъ ѣсть, время отъ времени поглядывая на часы. Въ половинѣ восьмого, допивъ кофе и выпивъ двѣ рюмки коньяку, онъ медленно выкурилъ хорошую сигару и вышелъ, нанялъ другую карету, проѣзжавшую безъ сѣдока, и велѣлъ отвезти себя въ улицу Ларошфуко.

Онъ взошелъ, ни слова не говоря съ портьè, въ третій этажъ дома, указаннаго имъ кучеру, и когда служанка отперла дверь, спросилъ:

— Дома г. Гиберъ де-Лормъ?

— Точно такъ.

Его провели въ гостиную, гдѣ онъ ждалъ нѣсколько секундъ. Затѣмъ вошелъ высокій, господинъ съ орденомъ на груди, и съ военнымъ видомъ, сѣдыми волосами, хотя еще не старый.

Дю-Руа поклонился ему и сказалъ:

— Какъ я и предвидѣлъ, г. коммиссаръ, моя жена обѣдаетъ съ своимъ любовникомъ въ меблированной квартирѣ, которую они наняли въ улицѣ Мучениковъ.

Полицейскій поклонился:

— Я къ вашимъ услугамъ.

Жоржъ продолжалъ:

— Вѣдь вы имѣете въ своемъ распоряженіи время только до 9-ти часовъ. Послѣ этого вамъ уже нельзя проникнуть въ частную квартиру, чтобы накрыть виновныхъ въ измѣнѣ супружеской вѣрности?

— Да. Семь часовъ полагается крайнимъ срокомъ зимой, девять часовъ, начиная съ 31 марта. Теперь у насъ пятое апрѣля, значитъ у насъ есть время до девяти часовъ.

— Если такъ, г. коммиссаръ, то у меня есть карета внизу, и мы можемъ захватить агентовъ, которые будутъ васъ сопровождать, и затѣмъ не много подождемъ у дверей. Чѣмъ позднѣе мы пріѣдемъ, тѣмъ больше у насъ шансовъ захватить виновныхъ на мѣстѣ преступленія.

— Какъ вамъ угодно.

Коммиссаръ вышелъ, затѣмъ вернулся одѣтый въ пальто, скрывавшее его трехцвѣтный шарфъ. Онъ уступилъ дорогу дю-Руа, но журналистъ, озабоченный предстоящимъ, отказывался идти впередъ и твердилъ:

— Проходите, пожалуйста, проходите.

Полицейскій сказалъ:

— Нѣтъ, извольте идти, такъ какъ я у себя дома.

Журналистъ поклонился и вышелъ въ дверь.

Они сначала заѣхали въ полицію, чтобы захватить агентовъ,

переодѣтыхъ въ штатское платье, которые ихъ ждали, такъ какъ онъ предупредилъ утромъ, что сегодня вечеромъ предполагается накрыть виновныхъ.

Одинъ изъ агентовъ сѣлъ на козлы возлѣ кучера. Двое другихъ усѣлись въ фіакръ и направились въ улицу Мучениковъ.

Дю-Руа говорилъ:

— У меня есть планъ квартиры. Она расположена во второмъ этажѣ. Маленькая прихожая ведетъ въ столовую, изъ столовой ходъ въ спальную. Другого выхода нѣтъ. Бѣгство невозможно. По близости живетъ слесарь. Онъ будетъ ждать вашихъ приказаній, если понадобится.

Когда они доѣхали до указаннаго дома, было всего еще четверть девятаго и они подождали молча болѣе двадцати минутъ, Но когда Жоржъ увидѣлъ, что уже три четверти девятаго, онъ сказалъ:

— Пора.

И они взошли по лѣстницѣ, не заботясь о портье, который ихъ, впрочемъ, и не увидѣлъ. Одинъ изъ агентовъ остался на улицѣ, чтобы сторожить подъѣздъ.

Четверо мужчинъ остановились во второмъ этажѣ, и дю-Руа сначала приложилъ ухо къ замочной скважинѣ, затѣмъ поглядѣлъ въ нее. Онъ ничего не увидѣлъ и не услышалъ. И позвонилъ.

Коммиссаръ сказалъ агентамъ:

— Вы останетесь за дверью и явитесь по первому зову.

Они стали ждать. Черезъ двѣ или три минуты Жоржъ опять позвонилъ нѣсколько разъ сряду. Они услышали движеніе въ квартирѣ. Потомъ легкіе шаги. Кто-то подошелъ къ двери и прислушивался.

Тогда журналистъ сильно постучалъ кулакомъ въ дверь.

Женскій голосъ, который, очевидно, старались измѣнить, спросилъ:

— Кто тамъ?

Муниципальный чиновникъ отвѣчалъ:

— Отоприте во имя закона.

Голосъ снова произнесъ:

— Кто вы такой?

— Я полицейскій коммиссаръ. Отоприте или я сломаю замокъ.

Голосъ продолжалъ:

— Что вамъ нужно?

Тутъ Дю-Руа сказалъ:

— Это я; безполезно прятаться.

Легкіе шаги,—шаги босыхъ ногъ удалились, потомъ вернулись черезъ нѣсколько секундъ.

Жоржъ сказалъ:

— Если вы не отопрете, мы сломаемъ замокъ.

Онъ стиснулъ ручку двери и нажалъ плечомъ на самую дверь. Не получая отвѣта, онъ изо всей мочи толкнулъ дверь. Старый замокъ не выдержалъ, дверь соскочила съ петель, и молодой человѣкъ чуть не повалился на Мадлену, стоявшую въ передней съ распущенными волосами и со свѣчкой въ рукахъ.

Онъ вскричалъ:

— Это она, мы ихъ накрыли. И бросился въ квартиру. Коммиссаръ, снявъ шляпу, послѣдовалъ за нимъ. А молодая женщина, растерявшись, шла сзади и свѣтила.

Они прошли черезъ столовую, гдѣ на столѣ виднѣлись остатки пиршества: бутылки изъ подъ шампанскаго, пустыя, раскрытая коробка со страсбургскимъ пирогомъ, обглоданныя кости цыпленка и куски хлѣба. На двухъ тарелкахъ, стоявшихъ на буфетѣ, груды устричныхъ раковинъ.

Въ спальной царствовалъ безпорядокъ...

То была обычная меблированная комната, съ дрянной мебелью и тѣмъ отвратительнымъ запахомъ, присущимъ всѣмъ этимъ мѣстамъ,—запахомъ, который издаютъ матрацы, стѣны, кресла, накопившимся отъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя спали или жили день или полгода въ этой общественной квартирѣ. Они оставили по себѣ частицу своего собственнаго запаха, того человѣческаго запаха, который, присоединяясь къ оставленному ихъ предшественниками, образуетъ въ концѣ-концовъ неопредѣленный, слабый, но тѣмъ не менѣе нестерпимый воздухъ, одинаковый во всѣхъ такихъ мѣстахъ.

Тарелка съ пирожками, бутылка шартрёзъ и двѣ маленькихъ рюмки, еще недопитыя, стояли на каминѣ. Бронзовые часы увѣнчаны были мужской шляпой.

Коммиссаръ поспѣшно обернулся и, поглядѣвъ Мадленѣ прямо въ глаза, сказалъ:

— Вы дѣйствительно г-жа Клэръ-Мадлена Дю-Руа, законная жена г. Проспера-Жоржа Дю-Руа, публициста, здѣсь находящагося?

Она отвѣчала глухимъ голосомъ:

— Да.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

Она молчала.

Чиновникъ продолжалъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете? Я нахожу васъ на чужой квартирѣ въ меблированныхъ комнатахъ. Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

Онъ подождалъ нѣсколько секундъ. Потомъ, такъ какъ она не отвѣчала, то объявилъ:

— Такъ какъ вы не хотите сознаться, то я вынужденъ это засвидѣтельствовать.

Въ постели виднѣлись очертанія человѣка, спрятавшагося подъ одѣяломъ.

Коммиссаръ подошелъ и позвалъ:

— Милостивый государь!

Человѣкъ въ постели не шевелился. Онъ лежалъ спиной къ публикѣ, засунувъ голову подъ подушку.

Полицейскій тронулъ на-угадъ за плечо и повторилъ:

— Милостивый государь, не принуждайте меня, пожалуйста, къ насильственнымъ поступкамъ.

Завернутый человѣкъ былъ такъ неподвиженъ, какъ будто умеръ.

Дю-Руа, подойдя поспѣшно къ кровати, схватилъ одѣяло, отдернулъ его, и, стащивъ подушку, открылъ помертвѣлое лицо г. Лароша-Матье.

Онъ наклонился къ нему и, трепеща желаніемъ схватить его за горло и удушить, сказалъ, сквозь стиснутые зубы:

— Если вы негодяй, то не будьте, по крайней мѣрѣ, трусомъ.

Полицейскій еще разъ спросилъ:

— Кто вы такой?

Такъ какъ растерявшійся господинъ ничего не отвѣчалъ, то онъ прибавилъ:

— Я полицейскій коммиссаръ и требую, чтобы вы сказали мнѣ, какъ васъ зовутъ.

Жоржъ, дрожавшій отъ бѣшенства, закричалъ:

— Да отвѣчайте же, или я самъ скажу, кто вы такой.

Тогда лежавшій въ постели человѣкъ промолвилъ:

— Г. коммиссаръ, не позволяйте этому человѣку оскорблять меня. Кому я долженъ отвѣчать: вамъ или ему?

У него, казалось, совсѣмъ пересохло во рту.

Полицейскій отвѣчалъ:—Мнѣ, милостивый государь, мнѣ одному. Я васъ спрашиваю: какъ васъ зовутъ?

Тотъ опять замолчалъ. Онъ держалъ одѣяло у подбородка и вращалъ во всѣ стороны испуганными глазами. Маленькіе закрученные усики рѣзко выдѣлялись на помертвѣвшемъ лицѣ.

Коммиссаръ настаивалъ:

— Вы не хотите отвѣчать, въ такомъ случаѣ я вынужденъ

буду васъ арестовать. Во всякомъ случаѣ, вставайте. Я васъ допрошу.

Человѣкъ завозился по постели и наконецъ всталъ.

Между тѣмъ, къ Мадленѣ вернулось ея хладнокровіе, и, видя, что все погибло, она была на все готова. Глаза ея заблестѣли вызовомъ. Свернувъ бумажку, она зажгла, точно для пріема гостей, всѣ десять свѣчей въ бронзовыхъ канделябрахъ, стоявшихъ на каминѣ. Потомъ прислонилась къ мрамору и, протянувъ къ догоравшему огню ногу, вынула папиросу, зажгла ее и стала курить.

Коммиссаръ подошелъ къ ней.

Она дерзко спросила:

— Вы часто совершаете такіе набѣги?

Онъ серьезно отвѣчалъ:

— Стараюсь, какъ можно рѣже.

Она засмѣялась ему въ носъ:

— Тѣмъ лучше, потому что они не дѣлаютъ вамъ чести.

Она притворялась, что не видитъ, не замѣчаетъ своего мужа.

Полицейскій повернулся къ Ларошу:

— Теперь вы мнѣ скажете, кто вы такой?

Тотъ не отвѣчалъ.

Полицейскій объявилъ:

— Я вынужденъ васъ арестовать.

Тогда тотъ рѣзко замѣтилъ:

— Не трогайте меня. Я—лицо неприкосновенное.

Дю-Руа бросился къ нему, точно собирался схватить его за горло и прорычалъ ему въ лицо:

— Вы пойманы на мѣстѣ преступленія, я могу велѣть васъ арестовать. Да, могу, если захочу.

И проговорилъ звучнымъ голосомъ:

— Этого человѣка зовутъ Ларошъ-Матье.

Полицейскій коммиссаръ въ удивленіи отступилъ назадъ, пробормотавъ:

— Какъ такъ?! да скажете ли вы мнѣ, наконецъ, какъ васъ зовутъ?

Тотъ рѣшился и объявилъ:

— На этотъ разъ негодяй этотъ не солгалъ. Я дѣйствительно Ларошъ-Матье.

И, протянувъ руку къ груди Жоржа, на которой сверкала, какъ огонекъ, красная ленточка, прибавилъ:

— И этотъ мерзавецъ носитъ на груди орденъ, которымъ я его наградилъ.

Дю-Руа помертвѣлъ. Онъ сорвалъ съ себя орденскую ленточку и, бросивъ въ огонь, сказалъ:

— Вотъ что дѣлаютъ съ орденами, полученными отъ такихъ мерзавцевъ, какъ вы.

Они стояли другъ противъ друга, стиснувъ зубы, разъяренные, съ сжатыми кулаками, одинъ худой и съ висячими усами, другой жирный и съ усами, закрученными кверху.

Коммиссаръ поспѣшно сталъ между ними и, разводя ихъ, замѣтилъ:

— Господа, вы забываетесь. Вы ведете себя безъ достоинства.

Они замолчали и повернулись спиной другъ къ другу. Мадлена не шевелилась и курила, улыбаясь.

Полицейскій продолжалъ:

— Я засталъ васъ наединѣ съ г-жей Дю-Руа, здѣсь присутствующей. Вы лежали въ постели; все окружающее составляетъ прямую улику въ нарушеніи супружеской вѣрности. Вы не можете отрицать, что пойманы на мѣстѣ преступленія. Что вы на это скажете?

Ларошъ-Матье пробормоталъ:

— Мнѣ нечего сказать. Исполняйте свою обязанность.

Полицейскій обратился къ Мадленѣ:

— Сознаетесь ли вы въ томъ же?

Она съ удалью отвѣчала:

— Я ничего не отрицаю.

— Больше ничего не требуется.

Послѣ того полицейскій коммиссаръ набросалъ нѣсколько замѣтокъ о состояніи и положеніи квартиры. Пока онъ писалъ, Ларошъ, держа пальто и шляпу въ рукахъ, спросилъ:

— Я еще нуженъ вамъ? Могу я уйти?

Дю-Руа повернулся къ нему и, улыбаясь дерзко, замѣтилъ:

— Зачѣмъ? Вы можете опять лечь въ постель, если желаете. Мы оставимъ васъ въ покоѣ.

И, дотронувшись до руки полицейскаго, сказалъ:

— Пойдемте, г. коммиссаръ, намъ здѣсь больше нечего дѣлать.

Немного удивленный, полицейскій послѣдовалъ за нимъ, но, на порогѣ комнаты, Жоржъ остановился, чтобы пропустить его впередъ. Тотъ отказывался изъ вѣжливости.

Дю-Руа настаивалъ:

— Проходите.

Коммиссаръ говорилъ:

— Послѣ васъ.

Тогда журналистъ произнесъ тономъ иронической вѣжливости:

— Теперь вашъ чередъ, г. коммиссаръ. Я вѣдь здѣсь почти у себя дома.

И осторожно приперъ дверь съ видомъ скромной сдержанности.

Часомъ позже Жоржъ Дю-Руа входилъ въ редакцію „Vie-Française“.

Вальтеръ уже былъ тамъ, такъ какъ продолжалъ редактировать и заботливо наблюдать за газетой, принявшей громадные размѣры и сильно способствовавшей разростающимся операціямъ банка.

Редакторъ поднялъ голову и спросилъ:

— Какъ? вы еще здѣсь? Какой у васъ странный видъ! Почему вы сегодня у насъ не обѣдали? Откуда вы теперь?

Молодой человѣкъ, увѣренный въ томъ, что говоритъ,—произнесъ, напирая на каждое слово:

— Я провалилъ Лароша.

Тотъ подумалъ, что онъ шутитъ.

— Провалили? какимъ образомъ?

— Я собираюсь перемѣнить кабинетъ, вотъ и все. Пора, давно пора прогнать эту шушеру.

Старикъ, изумленный, подумалъ, что его хроникеръ пьянъ. И пробормоталъ:

— Ну, ну, вы шутите.

— Нисколько. Я засталъ г. Лароша-Матье на мѣстѣ преступленія съ моей женой. Полицейскій коммиссаръ уже засвидѣтельствовалъ нарушеніе супружеской вѣрности. Его министерской карьерѣ капутъ.

Вальтеръ, растерявшись, приподнялъ очки на лобъ и спросилъ:

— Вы надо мной не потѣшаетесь?

— Нисколько. Я даже самъ составлю объ этомъ статейку для слуховъ.

— Но, чего же вы хотите?

— Провалить этого мошенника.

— Вы, значитъ, на него сердиты?

— Еще бы...

Жоржъ положилъ шляпу на кресло и прибавилъ:

— Горе тѣмъ, кто переступитъ мнѣ дорогу. Я никогда не прощаю.

Редакторъ все еще не понималъ:

— Но... ваша жена...

— Просьба о разводѣ будетъ подана мною завтра утромъ. Я отсылаю ее къ покойнику Форестье.

— Вы хотите развестись?

— Еще бы. Я былъ сильнонъ. Но мнѣ нужно было прикинуться дурачкомъ, чтобы накрыть ихъ. Я такъ и сдѣлалъ. Теперь все дѣло въ моихъ рукахъ.

Вальтеръ не могъ прійти въ себя и глядѣлъ на журналиста растерянными глазами, думая про себя:

— Чортъ побери! вотъ молодецъ!

Жоржъ продолжалъ:

— Теперь я свободный человѣкъ. У меня есть состояніе. Я выступлю на дополнительныхъ выборахъ въ октябрѣ въ моемъ околоткѣ, гдѣ меня хорошо знаютъ. Я не могъ составить карьеры, ни заставить себя уважать съ этой женщиной; ея поведеніе всѣмъ казалось двусмысленнымъ. Она поймала меня, какъ дурака, провела за носъ, обвела вокругъ пальца. Но съ тѣхъ поръ какъ я ее понялъ, я за ней слѣдилъ, за негодяйкой.

И, засмѣявшись, прибавилъ:

— Вотъ бѣдный Форестье, такъ тотъ ничего не подозрѣвалъ. Я же вотъ избавился отъ проказы, которую онъ мнѣ оставилъ. Теперь у меня руки развязаны. Я далеко пойду.

Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ. И повторялъ, какъ бы про себя:

— Я далеко пойду.

А Вальтеръ все глядѣлъ на него широко раскрытыми глазами, приподнявъ очки на лобъ, и говорилъ себѣ:

— „Да, онъ далеко пойдетъ, мошенникъ“.

Жоржъ всталъ:

— Я напишу статью. Она будетъ сдержанна. Но, знаете, безпощадна для министра. Это погибшій человѣкъ. Его нельзя уже поднять на ноги. „Vie-Française“ нѣтъ больше интереса его щадить.

Старикъ колебался нѣсколько секундъ, потомъ рѣшился:

— Дѣлайте, какъ знаете. Тѣмъ хуже для него. Вольно ему было попасть въ такое дурацкое положеніе.

IX.

Прошло три мѣсяца. Разводъ Дю-Руа былъ совершенъ; жена приняла снова имя Форестье, а такъ какъ Вальтеры собирались уѣхать 15 іюля въ Трувиль, то рѣшено было провести день загородомъ прежде чѣмъ разъѣхаться.

Выбрали для этого четвергъ и отправились въ путь съ девяти часовъ утра въ большомъ дорожномъ шести-мѣстномъ ландо, запряженномъ четверкой почтовыхъ лошадей.

Завтракать собирались въ Сенъ-Жерменѣ, въ павильонѣ Генриха IV. „Милый другъ“ просилъ, чтобы другихъ мужчинъ, кромѣ него, не приглашали, такъ какъ онъ не могъ выносить присутствія и физіономіи маркиза де-Казоль. Но въ послѣднюю минуту было рѣшено, что графъ де-Латуръ-Ивленъ будетъ похищенъ съ постели. Его предупредили наканунѣ.

Карета крупной рысью проѣхала по Елисейскимъ полямъ и покатилась по Булонскому лѣсу.

Погода стояла чудесная, лѣтняя, но не слишкомъ жаркая. Ласточки описывали на лазури неба большіе круги и, казалось, что ихъ еще видишь, когда ихъ уже больше не было.

Три женщины сидѣли на задней скамейкѣ ландо; мать посрединѣ, между двумя дочерьми, а трое мужчинъ помѣщались на передней скамейкѣ; Вальтеръ посрединѣ между двумя гостями.

Переѣхали черезъ Сену, обогнули фортъ Валерьенъ, потомъ доѣхали до Буживаля и поѣхали вдоль рѣки до самаго Пэка.

Графъ де-Латуръ-Ивленъ, человѣкъ уже не первой молодости, съ длинными, мягкими бакенбардами, разлетавшимися во всѣ стороны при малѣйшемъ вѣтрѣ, отъ чего Дю-Руа замѣчалъ: — Его борода очень эффектна при вѣтрѣ! — нѣжно глядѣлъ на Розу. Они уже были съ мѣсяцъ помолвлены.

Жоржъ, очень блѣдный, часто взглядывалъ на Сюзанну, тоже очень блѣдную. Глаза ихъ встрѣчались, какъ будто совѣщались, тайно обмѣнивались какой-то мыслью, потомъ отворачивались другъ отъ друга. M-me Вальтеръ была спокойна и счастлива.

Завтракъ былъ вкусенъ и долго длился; потомъ, прежде чѣмъ вернуться въ Парижъ, Жоржъ предложилъ пройтись по террассѣ.

Сначала всѣ остановились, чтобы полюбоваться видомъ. Всѣ выстроились въ рядъ вдоль стѣны и стали восхищаться обширнымъ горизонтомъ.

Сена, у подножія длиннаго холма, текла по направленію къ Мезонъ-Лафитъ, какъ гигантская змѣя, улегшаяся въ зелени. Справа, на вершинѣ холма, водопроводъ Марли вырѣзывался на небѣ своимъ громаднымъ профилемъ, точно гусеница съ большими лапами, а самъ Марли скрывался внизу въ густой чащѣ деревъ.

На громадной равнинѣ, раскидывавшейся передъ глазами, виднѣлись тамъ и сямъ деревни. Пруды Везинé выдѣлялись отчетливыми и чистыми пятнами на жидкой зелени маленькаго лѣса. Слѣва, совсѣмъ вдали, высилась остроконечная колокольня Сартрувиля.

Вальтеръ объявилъ:

— Нигдѣ въ мірѣ не найти такой панорамы. Ничего подобнаго нѣтъ и въ Швейцаріи.

Послѣ того всѣ тронулись съ мѣста и пошли медленными шагами впередъ, любуясь и наслаждаясь видомъ.

Жоржъ и Сюзанна отстали отъ другихъ. Какъ только тѣ отошли на нѣсколько шаговъ, онъ сказалъ ей тихимъ и сдержаннымъ голосомъ:

— Сюзанна, я васъ обожаю. Я васъ люблю до умопомраченія.

Она прошептала:

— И я васъ также, милый другъ.

Онъ продолжалъ:

— Если вы не будете моей женой, я оставлю Парижъ и даже Францію.

Она проговорила:

— Попробуйте попросить моей руки у папаши. Можетъ быть, онъ согласится.

У него вырвался нетерпѣливый жестъ.

— Нѣтъ, повторяю вамъ въ сотый разъ, это безполезно. Мнѣ запретятъ бывать у васъ въ домѣ и откажутъ отъ мѣста въ редакціи. И намъ нельзя даже будетъ больше видѣться. Вотъ прекрасный результатъ, котораго я увѣренъ достичь, если пойду обычнымъ путемъ. Вашу руку обѣщали маркизу де-Казоль. И надѣятся, что вы кончите тѣмъ, что скажете: да. И ждутъ этого.

Она спросила:

— Что же намъ, однако, дѣлать?

Онъ колебался, искоса поглядывая на нее:

— Любите ли вы меня достаточно, чтобы рѣшиться на опасный шагъ?

Она съ рѣшимостью отвѣчала:

— Да.

— Очень опасный шагъ?

— Да.

— Самый опасный изъ всѣхъ?

— Да.

— Хватитъ ли у васъ храбрости пойти наперекоръ желаніямъ папаши съ мамашей?

— Да.

— Навѣрное?

— Да.

— Ну такъ есть средство, одно только. Надо, чтобы иниціатива шла отъ васъ, а не отъ меня. Вы балованное дитя и вамъ позволяютъ говорить, все что вздумается. Никого не удивитъ

никакая вольность съ вашей стороны. Послушайте: сегодня вечеромъ, вернувшись домой, вы пойдете къ мамашѣ, сначала къ мамашѣ, когда она будетъ совсѣмъ одна. И вы ей признаетесь, что хотите за меня замужъ. Она очень испугается и разсердится...

Сюзанна перебила его:

— О! нѣтъ, мамаша согласится.

Онъ торопливо перебилъ ее:

— Нѣтъ, вы ее не знаете. Она разозлится пуще вашего отца. Вы увидите, съ какимъ гнѣвомъ она откажетъ вамъ. Но вы не сдавайтесь, стойте на своемъ и повторяйте, что хотите выйти за меня, за меня одного и ни за кого больше. Сдѣлаете вы это?

— Сдѣлаю.

— И когда вамъ велятъ замолчать, то вы объявите, что на все готовы, лишь бы быть моей женой. Сдѣлаете это?

— Сдѣлаю.

— И, сказавъ это мамашѣ, скажете тоже самое папашѣ очень серьезно и рѣшительно.

— Хорошо, хорошо, а потомъ?

— А потомъ самое страшное. Если вы рѣшились, совсѣмъ рѣшились, безповоротно рѣшились быть моей женой, моя милая, милая Сузанночка, то я... я васъ похищу!

Она такъ обрадовалась, что чуть не захлопала въ ладоши.

— О! какое счастіе! вы меня похитите! когда вы меня похитите?

Вся старинная поэзія ночныхъ похищеній, почтовыхъ каретъ, постоялыхъ дворовъ, всѣ прекрасныя повѣсти, о которыхъ она читала въ книгахъ, вдругъ пронеслись у нея въ умѣ, какъ очаровательная мечта, готовая осуществиться.

Она повторяла:

— Когда вы меня похитите?

Онъ тихо, тихо проговорилъ:

— Сегодня вечеромъ... ночью...

Она спросила, трепещущая:

— А куда мы поѣдемъ?

— Это моя тайна. Подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Помните, что послѣ этого бѣгства, вы можете быть только моей женой и ничьей больше! Это единственное средство, но за то вѣрное... оно очень опасно... для васъ.

Она произнесла:

— Я рѣшилась... гдѣ я васъ встрѣчу?

— Вы можете выйти изъ дому потихоньку?

— Да. Я могу выйти по черному ходу.

— Ну, такъ когда привратникъ ляжетъ спать, около полуночи,

вы придете ко мнѣ на площадь Согласія. Вы найдете меня въ каретѣ, которая будетъ стоять напротивъ морского министерства.

— Приду.

— Вѣрно?

— Вѣрно.

Онъ взялъ ея руку и сжалъ.

— О! какъ я васъ люблю. Какая вы добрая и храбрая. Значитъ, вы не хотите замужъ за де-Казоля?

— О, нѣтъ!

— Вашъ отецъ очень сердился, когда вы ему отказали?

— Еще бы! онъ хотѣлъ опять отдать меня въ монастырь.

— Вы видите, что нужно быть энергичной.

— Буду.

Она глядѣла на обширный горизонтъ, поглощенная мыслью о похищеніи. Она уѣдетъ далеко, далеко, вмѣстѣ съ нимъ... Ее похитятъ... Она гордилась этимъ. Она не думала о своей репутаціи, о позорѣ, который могъ ее постичь. Да и врядъ ли она знала о немъ, врядъ ли даже подозрѣвала объ его существованіи.

M-me Вальтеръ, обернувшись, закричала:

— Да иди же скорѣй, дѣвочка, что ты тамъ копаешься съ милымъ другомъ!

Они догнали остальныхъ; тѣ толковали о морскихъ купаньяхъ, куда собирались ѣхать. Домой вернулись черезъ Шату, чтобы не возвращаться по той же дорогѣ.

Жоржъ ничего не говорилъ. Онъ думалъ. Итакъ, если эта дѣвочка будетъ смѣла, онъ наконецъ добьется своего. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, онъ опутывалъ ее неотразимой сѣтью любви. Онъ соблазнялъ ее, кружилъ ей голову, покорялъ ее. Онъ заставилъ ее полюбить себя, такъ какъ умѣлъ это дѣлать, когда хотѣлъ. Ему не трудно было овладѣть этой кисейной душой.

Сначала онъ достигъ, что она отказала де-Казолю. Теперь добился, что она съ нимъ убѣжитъ, потому что другого средства не было.

M-me Вальтеръ, онъ хорошо понималъ это, никогда не согласится выдать за него дочь. Она все еще любила его съ непреодолимой страстью. Онъ сдерживалъ ее разсчитанной холодностью, но понималъ, что ее гложетъ безсильная и необузданная страсть. Никогда не удастся ему уговорить ее. Никогда она не согласится, чтобы онъ женился на Сюзаннѣ.

Но разъ онъ увезетъ дѣвочку съ собой, то поговоритъ съ отцемъ, какъ власть имѣющій.

Размышляя обо всемъ этомъ, онъ отрывисто и безсвязно от-

вѣчалъ на то, что ему говорили, не слушая никого. Когда они вернулись въ Парижъ, онъ какъ будто пришелъ въ себя.

Сюзанна тоже думала, и бубенчики четверни лошадей звенѣли у нея въ ушахъ, и ей грезилась безконечная дорога при неизмѣнномъ лунномъ свѣтѣ, темные лѣса, черезъ которые они проѣзжаютъ, постоялые дворы на краю дороги и торопливость конюховъ, перемѣняющихъ лошадей, такъ какъ всѣ догадываются, что они спасаются бѣгствомъ.

Когда ландо въѣхало во дворъ дома Вальтеровъ, Жоржа уговаривали остаться обѣдать. Но онъ отказался и вернулся домой.

Пообѣдавъ на скорую руку, онъ привелъ въ порядокъ свои бумаги, какъ передъ большой дорогой. Онъ сжегъ нѣкоторыя письма, спряталъ другія и написалъ кое-кому изъ друзей.

Время-отъ-времени онъ глядѣлъ на часы и думалъ: — Тамъ, должно быть, уже заварилась каша.—И тревога глодала его сердце. Вдругъ ему не удастся. Но чего же ему бояться? Онъ всегда съумѣетъ вывернуться! Но все же онъ ведетъ крупную игру сегодня.

Около одиннадцати часовъ, онъ вышелъ изъ дому, побродилъ немного и, взявъ фіакръ, велѣлъ ему остановиться на площади Согласія, у арки морского министерства.

Время-отъ-времени онъ зажигалъ спичку, чтобы поглядѣть на часы. Съ приближеніемъ полночи, нетерпѣніе его становилось лихорадочнымъ. Онъ каждую минуту высовывалъ голову въ окно.

Гдѣ-то вдали часы пробили двѣнадцать разъ, потомъ другіе, по близости, потомъ еще третьи, потомъ, наконецъ, и четвертые, гдѣ-то очень далеко. Сильная дрожь охватила его съ головы до пятокъ, когда замеръ послѣдній ударъ. Онъ подумалъ:—кончено, сорвалось; она не придетъ.

Но рѣшилъ однако ждать до разсвѣта. Въ этихъ случаяхъ надо умѣть быть терпѣливымъ.

Онъ слышалъ, какъ пробило четверть перваго, потомъ половина, потомъ три-четверти и на всѣхъ часахъ пробилъ часъ, какъ раньше пробило двѣнадцать часовъ.

Онъ больше не ждалъ, онъ сидѣлъ и ломалъ голову, стараясь угадать, что могло случиться. Вдругъ женская голова показалась въ окнѣ и женскій голосъ спросилъ:—Вы здѣсь, милый другъ?

Онъ вздрогнулъ и съ трудомъ перевелъ духъ.

— Это вы, Сюзанна?

— Да, я.

Онъ никакъ не могъ отворить дверцы фіакра и повторялъ:

— Ахъ... это вы... это вы... садитесь.

Она вошла въ карету и сѣла около него. Онъ закричалъ кучеру:

— Ступай, — и фіакръ покатился.

Она задыхалась и не могла сказать ни слова.

Онъ спросилъ:

— Ну что, какъ было дѣло?

Тогда она пробормотала, черезъ силу:

— О! было ужасно! въ особенности съ мамашей.

Онъ боялся и трепеталъ.

— Съ мамашей? Ну, что она говорила? Разскажите мнѣ.

— О! это было ужасно. Я вошла къ ней и отрапортовала все, что заранѣе придумала. Тогда она поблѣднѣла, а потомъ закричала:—Никогда! никогда!—Я плакала, сердилась, объявила, что ни за кого кромѣ васъ не выйду. Я думала, что она меня поколотитъ. Она была точно полоумная и объявила, что завтра же отошлетъ меня въ монастырь. Я никогда ее такой не видала, никогда. Тутъ пришелъ папаша, потому что услышалъ глупости, которыя она мнѣ говорила. Онъ не разсердился, какъ она, а сказалъ только, что вы недостаточно выгодная для меня партія. Такъ какъ они меня разсердили, то я кричала громче ихъ. И папаша приказалъ мнѣ выйти вонъ съ драматическимъ видомъ, который совсѣмъ къ нему не шелъ. Тутъ я рѣшила убѣжать. Вотъ и убѣжала! Куда мы ѣдемъ?

Онъ потихоньку обнялъ ее за талію и слушалъ во всѣ уши, съ бьющимся сердцемъ, въ которомъ проснулось злобное и мстительное чувство къ этимъ людямъ. Но ихъ дочь въ его рукахъ. Посмотримъ теперь.

Онъ отвѣчалъ:

— Теперь уже мы опоздали на желѣзную дорогу и отправимся въ этой каретѣ въ Севръ, гдѣ проведемъ ночь. А завтра поѣдемъ въ Ларошъ-Гюпонъ. Это хорошенькая деревенька на берегу Сены, между Мантомъ и Боньеромъ.

Она пробормотала:

— Да вѣдь со мной нѣтъ никакихъ вещей, ровно ничего.

Онъ произнесъ безпечно:

— Ба! какъ-нибудь уладимъ это.

Фіакръ катился по улицамъ. Жоржъ взялъ руку молодой дѣвушки и цѣловалъ ее медленно, почтительно. Онъ не зналъ, что съ ней говорить, такъ какъ совсѣмъ не привыкъ къ платоническимъ нѣжностямъ.

Но вдругъ ему показалось, что она плачетъ.

Онъ съ ужасомъ спросилъ:

— Дорогая моя, что съ вами?

Она отвѣчала заплаканнымъ голосомъ:

— Что если мамаша замѣтила мое отсутствіе.

Мать ея дѣйствительно не спала.

Когда Сюзанна вышла изъ комнаты, m-me Вальтеръ поглядѣла на мужа и спросила растерянная, внѣ себя:

— Боже мой! что все это значитъ?

Вальтеръ, взбѣшенный, заоралъ:

— А это значитъ, что этотъ интриганъ ее обошелъ. Онъ заставилъ ее отказать де-Казолю. Ему приглянулось ея приданое, понятно.

Онъ съ яростью сталъ ходить по комнатѣ и прибавилъ:

— Ты вотъ тоже постоянно зазывала его, льстила ему, ухаживала за нимъ, носилась съ нимъ. „Милый другъ, подите сюда! Милый другъ, хотите того-сего, пятаго-десятаго!“ Вотъ тебѣ и награда.

Она пробормотала, помертвѣвъ:

— Я!.. зазывала его!

Онъ заревѣлъ ей прямо въ лицо:

— Ну да, ты. Вы всѣ безъ ума отъ него, Марель, Сюзанна и всѣ остальныя. Неужели ты думаешь, что я не видѣлъ, что ты не можешь двухъ дней прожить, не зазвавъ его къ намъ.

Она выпрямилась передъ нимъ въ трагической позѣ:

— Я не позволю вамъ такъ говорить со мной. Вы забываете, что я не такъ воспитана, какъ вы, не въ мелочной лавкѣ.

Онъ сначала стоялъ неподвижный и пораженный, затѣмъ закричалъ: — Чортъ побери! — и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Оставшись одна, она инстинктивно подошла къ зеркалу, чтобы поглядѣться въ него и видѣть, какое у ней теперь лицо. Дѣвочка, натурально, влюбилась въ этого красиваго молодого человѣка и понадѣялась, что ее за него выдадутъ. И разыграла всю эту комедію! Но онъ? онъ не можетъ быть соучастникомъ! она раздумывала объ этомъ съ тѣмъ смутнымъ чувствомъ страха, который нападаетъ на человѣка, въ виду крупной катастрофы. Нѣтъ, милый другъ, навѣрное ничего не знаетъ о выходкѣ Сюзанны.

И долго, долго раздумывала она о возможномъ коварствѣ и невинности этого человѣка? Какой негодяй, если онъ подготовилъ эту штуку. И что же дальше будетъ? она предвидѣла столько опасностей и страданій.

Но если онъ ничего не знаетъ, то все еще можно уладить. Сюзанну увезутъ путешествовать на полгода, и тѣмъ дѣло кончится. Но можно ли ей будетъ послѣ того съ нимъ видѣться. Она вѣдь все еще его любитъ. Эта страсть засѣла въ ней какъ

наконечникъ стрѣлы, который нельзя никакъ вытащить. Жить безъ него для нея невозможно. Лучше умереть.

Мысль ея путалась въ этихъ тревожныхъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ. Голова начинала болѣть. Она мучительно старалась понять, ее раздражала неизвѣстность. Она поглядѣла на часы; былъ уже второй часъ. Она сказала себѣ: — Я не могу такъ дольше оставаться, я съ ума сойду. Надо узнать, въ чемъ дѣло. Пойду разбужу Сюзанну и разспрошу ее.

Она пошла босикомъ, чтобы не дѣлать шума, со свѣчкой въ рукахъ, въ комнату дочери. Она тихонько ее растворила, вошла и взглянула на кровать. Она была не смята. Сначала она не поняла и подумала, что дѣвочка все еще толкуетъ съ отцемъ. Но тутъ же страшное подозрѣніе мелькнуло въ ея умѣ и она побѣжала къ мужу. Она вбѣжала въ его комнату, блѣдная, задыхающаяся. Онъ лежалъ и читалъ.

И спросилъ, въ волненіи:

— Ну, что еще? что съ тобой?

Она пролепетала:

— Ты видѣлъ Сюзанну?

— Я... нѣтъ... почему?

— Она... она... ушла. Ея нѣтъ въ спальной!...

Онъ соскочилъ съ постели, надѣлъ веревочныя туфли и бросился въ свою очередь въ комнату дочери.

Войдя туда, онъ болѣе не сомнѣвался. Она убѣжала.

Онъ упалъ въ кресло и поставилъ лампу на полъ передъ собой.

Жена пошла вслѣдъ за нимъ. И пролепетала:

— Ну, что?

У него не было силы отвѣтить; гнѣвъ его тоже разсѣялся. Онъ простоналъ:

— Все кончено. Она въ его рукахъ. Мы пропали.

Она не понимала:

— Какъ, пропали?

— Ну, да, пропали. Теперь надо, чтобы онъ на ней женился.

У нея вырвался крикъ, какъ у звѣря.

— Онъ... никогда... Ты съ ума сошелъ.

Онъ печально отвѣчалъ:

— Совершенно безполезно вопить. Онъ ее похитилъ. Всего лучше теперь выдать ее за него замужъ. Если искусно повести дѣло, то никто не будетъ знать объ ея бѣгствѣ.

Она повторяла съ страшнымъ волненіемъ:

— Никогда, никогда онъ не получитъ Сюзанны. Я никогда на это не соглашусь.

Вальтеръ пробормоталъ устало:

— Да она уже его... Конченъ балъ... И онъ будетъ скрываться съ ней до тѣхъ поръ, пока мы не дадимъ своего согласія. Поэтому, во избѣжаніе скандала, намъ слѣдуетъ тотчасъ уступить.

Но жена, терзаемая горемъ, въ которомъ не могла сознаться, повторяла:

— Нѣтъ... нѣтъ... я несогласна.

Онъ настаивалъ, теряя терпѣніе:

— Объ этомъ нечего больше спорить. Это необходимо. Ахъ, каналья! какъ онъ насъ обошелъ!.. Онъ ловкій малый, нечего сказать. Мы могли бы найти жениха съ болѣе блестящимъ положеніемъ, но не такого умнаго и много обѣщающаго.

Онъ будетъ депутатомъ и министромъ.

М-me Вальтеръ объявила съ суровой энергіей:

— Никогда я не позволю ему жениться на Сюзаннѣ... понимаешь... никогда.

Онъ наконецъ разсердился и сталъ, какъ практическій человѣкъ, защищать милаго друга.

— Да замолчи же... повторяю тебѣ, что это необходимо... неизбѣжно. И кто знаетъ! Можетъ быть, мы объ этомъ не будемъ жалѣть. Съ людьми его сорта никогда нельзя знать, что будетъ. Ты видѣла, какъ онъ тремя статьями провалилъ дурака Лароша-Матьё и съ какимъ достоинствомъ. А вѣдь это было чертовски трудно въ его положеніи, какъ мужа. Поживемъ—увидимъ; какъ бы то ни было—мы въ безвыходномъ положеніи. Намъ изъ него не выпутаться.

Ей хотѣлось кричать, кататься по полу, рвать на себѣ волосы. Она проговорила разъяренныымъ голосомъ:

— Онъ ее не получитъ. Я... не... хочу.

Вальтеръ всталъ, поднялъ лампу съ полу и произнесъ:

— Послушай, ты глупа, какъ и всѣ женщины. Вы всегда дѣйствуете только по страсти. Вы не умѣете подчиняться обстоятельствамъ. Вы дуры! Говорю тебѣ, что онъ на ней женится. Это необходимо.

И вышелъ, волоча туфли.

Онъ прошелъ по широкому корридору большого соннаго дома, и безъ шума вернулся въ свою спальную.

М-me Вальтеръ стояла, терзаемая нестерпимой болью. Она все еще хорошенько не понимала, въ чемъ дѣло. Она только страдала. Наконецъ ей представилось, что не можетъ же она стоять тутъ до разсвѣта. Ей хотѣлось бѣжать, искать помощи. Къ кому ей обратиться? Она не могла придумать! Къ священнику? Да, въ

священнику. Она бросится къ его ногамъ, сознается ему во всемъ, исповѣдается ему въ своемъ грѣхѣ и отчаяніи. Онъ пойметъ, что этотъ негодяй не можетъ жениться на Сюзаннѣ и не допуститъ до этого.

Надо священника, сейчасъ, сію минуту! Но гдѣ его достать! Куда идти? Однако нельзя же ей оставаться такъ. И вдругъ передъ ея глазами пронесся, точно видѣніе, ясный образъ Христа, идущаго по морю. Она видѣла его такъ, какъ бы смотрѣла на картину.

Значитъ онъ ее зоветъ. Онъ говоритъ ей:

— Приди ко мнѣ! припади къ моимъ ногамъ и я утѣшу тебя и научу тебя, что дѣлать.

Она взяла свѣчу, вышла и прошла въ теплицу. Христосъ помѣщался въ маленькомъ салонѣ съ стеклянной дверью, которую запирали, чтобы сырость не испортила картины.

Это образовало родъ часовни въ лѣсу изъ диковинныхъ деревьевъ.

Когда m-me Вальтеръ вошла въ зимній садъ, то ее, привыкшую видѣть картину только освѣщенною, поразила густая и темная чаща. Тяжелыя тропическія растенія сгущали атмосферу своимъ тяжелымъ дыханіемъ. И такъ какъ всѣ двери были закрыты, то въ этомъ диковинномъ лѣсу, запертомъ подъ стекляннымъ колпакомъ, съ трудомъ дышалось. Воздухъ въ немъ опьянялъ, производилъ головокруженіе, возбуждалъ и пріятное и болѣзненное ощущеніе, какъ бы давалъ предвкусить расслабляющее дѣйствіе смерти.

Бѣдная женщина тихонько шла, испуганная потемками, въ которыхъ выдѣлялись при колеблющемся пламени ея свѣчи, причудливыя растенія, походившія на какихъ-то чудищъ, какихъ-то странныхъ уродовъ.

Вдругъ она увидѣла Христа. Она отворила дверь, раздѣлявшую его съ ней, и упала на колѣни.

Она сначала отчаянно молилась, бормоча слова любви, страстныя и отчаянныя мольбы. Потомъ когда жаркая молитва успокоила ее немного, подняла на картину глаза и оцѣпенѣла...

Она только лепетала: — Іисусе! Іисусе! Іисусе! Но слово „Жоржъ“ вертѣлось у нея на губахъ. Вдругъ она подумала, что въ эту самую минуту, быть можетъ, Жоржъ цѣлуетъ ея дочь. Онъ съ ней гдѣ-то вдвоемъ. Онъ! Онъ! съ Сюзанной!

И повторяя:—Іисусе! Іисусе! думала о нихъ... о своей дочери и о своемъ возлюбленномъ. Они вдвоемъ, ночью. Она ихъ видѣла. Она ихъ видѣла такъ ясно, что они заслоняли собой картину. Они улыбались другъ другу, цѣловались. Она встала съ колѣнъ,

чтобы подойти къ нимъ, схватить дочь за волосы, оттащить ее отъ него. Ей хотѣлось взять ее за горло, задушить свою дочь, которую она ненавидѣла, которая отдавалась этому мужчинѣ... Она протягивала руки, и вдругъ онѣ прикоснулись къ картинѣ, къ Христу.

Она громко вскрикнула и упала навзничь. Опрокинутая свѣча потухла.

Что затѣмъ было? Ей долго грезились странныя, страшныя вещи. Жоржъ съ Сюзанной безпрестанно проносились у нея передъ глазами, вмѣстѣ съ Христомъ, благословлявшимъ ихъ ужасную любовь.

Она смутно сознавала, что находится не у себя въ спальной. Она хотѣла встать, убѣжать, но не могла. Ею овладѣло какое-то оцѣпенѣніе, оковывавшее ея члены, недававшее ей двигаться и заставлявшее ее грезить страннымъ и порою смертельнымъ бредомъ, возбуждаемымъ въ мозгу людей снотворными растеніями юга причудливыхъ формъ и съ одурманивающимъ запахомъ.

Когда насталъ день, m-me Вальтеръ подняли безъ чувствъ, почти мертвую, передъ Христомъ, идущимъ по морю.

Она была такъ больна, что опасались за ея жизнь. Только черезъ день она пришла въ себя. И тогда стала плакать.

Исчезновеніе Сюзанны было объяснено прислугѣ неожиданной отправкой въ монастырь, и Вальтеръ отвѣчалъ на длинное письмо Дю-Руа согласіемъ на его бракъ съ дочерью.

Милый другъ забросилъ на почту свое посланіе еще въ минуту отъѣзда изъ Парижа, потому что заранѣе приготовилъ его. Онъ высказывалъ въ немъ въ почтительныхъ выраженіяхъ, что давно уже любитъ молодую дѣвушку, но что никогда никакихъ уговоровъ между ними не было, и она сама пришла къ нему и сказала: — я буду вашей женой; онъ счелъ себя въ правѣ удержать ее и даже укрыть до той поры, пока не получитъ отвѣта отъ родителей, легальное согласіе которыхъ имѣло въ глазахъ его меньше значенія, чѣмъ воля его невѣсты.

Онъ просилъ Вальтера отвѣчать ему poste-restante, такъ какъ пріятель долженъ переслать ему письмо.

Когда онъ добился чего хотѣлъ, то привезъ Сюзанну въ Парижъ и отослалъ ее къ родителямъ, а самъ подождалъ нѣсколько дней, прежде нежели явиться къ нимъ.

Они провели шесть дней на берегахъ Сены въ Ларошъ-Гюйонъ.

Никогда еще молодая дѣвушка такъ не веселилась. Она играла въ пастушку. Такъ какъ онъ выдавалъ ее за сестру, то

они были въ короткихъ, но цѣломудренныхъ отношеніяхъ, точно влюбленные товарищи. На другой день по пріѣздѣ, она купила крестьянское платье и бѣлье и стала удить рыбу въ громадной соломенной шляпѣ, убранной полевыми цвѣтами. Она находила мѣстность очаровательной. Тамъ была старая башня и старый замокъ, где показывали великолѣпныя вышитыя обои.

Жоржъ, въ крестьянской блузѣ, купленной готовой у мѣстнаго торговца, водилъ Сюзанну гулять по берегамъ рѣки или катался съ ней на лодкѣ. Они поминутно цѣловались, она спокойная, онъ, готовый поддасть соблазну. Но онъ умѣлъ быть сдержаннымъ, когда надо, и когда онъ ей сказалъ: — Мы ѣдемъ завтра въ Парижъ; вашъ папа согласенъ выдать васъ за меня замужъ, она наивно отвѣчала:

— Ужè? Мнѣ было такъ весело быть вашей женой.

X.

Въ квартирѣ Константинопольской улицы было темно, потому что Жоржъ Дю-Руа и Клотильда де-Марель встрѣтились у дверей и вошли вмѣстѣ, и она, не давъ ему времени открыть ставни, сказала:

— Итакъ ты женишься на Сюзаннѣ Вальтеръ?

Онъ кратко произнесъ:

— Развѣ ты этого не знала?

Она продолжала, стоя передъ нимъ негодующая, разъяренная:

— Ты женишься на Сюзаннѣ Вальтеръ! Нѣтъ, это слишкомъ нагло! Ты цѣлыхъ три мѣсяца водишь меня за носъ, чтобы скрыть это отъ меня. Всѣ это знаютъ, кромѣ меня. Мнѣ мужъ сказалъ объ этомъ.

Дю-Руа засмѣялся, немного все-таки сконфуженный, и поставивъ шляпу на каминъ, сѣлъ въ кресло. Она глядѣла ему прямо въ лицо и проговорила гнѣвно и тихо:

— Съ той поры какъ ты развелся съ женой, ты уже готовилъ эту штуку... Какой ты негодяй!

Онъ спросилъ:

— Почему это? У меня была жена, которая меня обманывала. Я развелся съ нею и женюсь на другой. Что можетъ быть проще этого?

Она съ негодованіемъ сказала:

— О! какой ты опасный и хитрый человѣкъ.

Онъ улыбался:

— Еще бы! Дураки всегда остаются въ дуракахъ!

Но она продолжала развивать свою мысль:

— Какъ это я не угадала тебя сразу. Но нѣтъ; я не могла думать, что ты до такой степени низокъ.

Онъ принялъ видъ оскорбленнаго достоинства:

— Пожалуйста, будь осторожнѣе въ выраженіяхъ.

Она вознегодовала на его негодованіе.

— Что такое? Ты кажется хочешь, чтобы я съ тобой церемонилась. Этого еще недоставало. Ты ведешь себя со мною, какъ негодяй, съ самаго начала, какъ мы познакомились и хочешь, чтобы я тебѣ этого не высказывала. Ты всѣхъ обманываешь, ты всѣхъ эксплуатируешь, со всѣхъ сторонъ хватаешь деньги и удовольствіе, и хочешь, чтобы я обращалась съ тобой какъ съ честнымъ человѣкомъ.

Онъ всталъ и дрожащими губами проговорилъ:

— Молчи или я тебя выгоню.

— Выгонишь... выгонишь... ты меня выгонишь... ты... ты?..

Она не могла говорить отъ волненія и гнѣва, потомъ вдругъ прорвалась точно плотина:

— Выгонишь? Ты забываешь, что я здѣсь у себя дома, потому что платила за эту квартиру съ перваго дня какъ она была нанята! Да! и ты иногда платилъ за нее. Но кто ее нанялъ? Я. Кто ее удержалъ за собой? Я. И ты хочешь меня выгнать изъ нея. Молчи лучше, негодяй. Развѣ ты думаешь, что я не знаю, какъ ты укралъ у Мадлены половину наслѣдства, оставленнаго ей де-Водрекомъ? Развѣ ты думаешь, что я не знаю, какъ ты обольстилъ Сюзанну, чтобы принудить ее выйти за себя замужъ?

Онъ схватилъ ее за плечи и, тряся, сказалъ:

— Не говори о ней! я тебѣ это запрещаю.

Она закричала:

— Ты ее обольстилъ, я знаю.

Онъ все готовъ былъ выслушать, но эта ложь его вывела изъ себя. Истины, которыя она сейчасъ бросила ему въ лицо, будили гнѣвъ въ его душѣ, но отъ клеветы на дѣвочку, которая готовилась быть его женой, онъ потерялъ чувство мѣры.

Онъ повторилъ:

— Молчи... берегись... молчи.

И трясъ ее, какъ трясутъ вѣтку, когда хотятъ, чтобы съ нея осыпались плоды.

Она завизжала, растрепанная, раскрывъ ротъ до ушей, съ помутившимися глазами:

— Ты ее обольстилъ.

Онъ выпустилъ ее изъ рукъ и толкнулъ такъ, что она ударилась объ стѣну и упала.

Но повернувшись къ нему и приподнимаясь на рукахъ, завопила еще разъ:

— Ты ее обольстилъ.

Онъ бросился къ ней и, придавивъ колѣномъ, сталъ бить изо всей мочи.

Она вдругъ замолчала и начала стонать. Она не шевелилась. Спрятала лицо въ уголъ комнаты и жалобно вскрикивала.

Онъ пересталъ ее бить и приподнялся съ полу. Потомъ прошелся немного, чтобы придти въ себя, потомъ какая-то мысль осѣнила его. Онъ пошелъ въ спальную, налилъ тазъ холодной водой и опустилъ въ него голову. Потомъ вымылъ себѣ руки и пошелъ поглядѣть, что она дѣлаетъ, старательно вытирая себѣ пальцы.

Она не шевелилась, и лежа на полу, тихонько плакала.

Онъ спросилъ:

— Скоро ты кончишь хныкать?

Она не отвѣчала. Тогда онъ остановился посреди комнаты, немного сконфуженный этимъ распростертымъ передъ нимъ тѣломъ.

Но вдругъ, рѣшившись, взялъ шляпу съ камина и проговорилъ:

— Прощай. Отдай ключъ привратнику, когда будешь готова. Я не намѣренъ тебя дожидаться.

Онъ вышелъ, заперъ дверь, прошелъ къ привратнику и сказалъ ему:

— Госпожа осталась. Она сейчасъ уйдетъ тоже. Скажите хозяину, что съ 1-го октября отказываюсь отъ квартиры. Сегодня шестнадцатое августа, значитъ я во-время извѣщаю его.

И ушелъ, торопливо шагая, такъ какъ ему еще предстояло много бѣготни, чтобы сдѣлать послѣднія закупки для свадебной корзинки.

Свадьба была назначена на двадцатое октября, послѣ того какъ снова соберутся палаты. Она должна была происходить въ церкви Мадлены. О ней много толковали, хотя въ сущности никто ничего не зналъ. Разсказывались разныя вещи. Говорили, что было похищеніе, но навѣрное этого не могли сказать.

По словамъ слугъ, m-me Вальтеръ, не говорившая съ своимъ будущимъ зятемъ, отравилась отъ злости вечеромъ того дня, когда свадьба была рѣшена, послѣ того какъ отвезла дочь въ монастырь.

Ее подняли почти мертвой. Она навѣрное никогда вполнѣ не поправится. Она теперь была похожа совсѣмъ на старуху. Во-

лосы ея посѣдѣли, и она впала въ ханженство, причащалась каждое воскресенье.

Въ первыхъ числахъ сентября la Vie-Française объявила, что баронъ Дю-Руа де Котель будетъ главнымъ редакторомъ, а Вальтеръ остается только издателемъ.

Тогда набрали цѣлый полкъ извѣстныхъ хроникеровъ, репортеровъ, политическихъ редакторовъ, художественныхъ критиковъ, сманенныхъ посредствомъ денегъ изъ большихъ газетъ, изъ старинныхъ, властныхъ, уважаемыхъ журналовъ. Опытные и серьезные журналисты уже больше не пожимали плечами, быстрый и полный успѣхъ Vie-Française изгладилъ ихъ презрѣніе къ дебютамъ этого листка.

Бракосочетаніе главнаго редактора было тѣмъ, что называется un fait parisien, такъ какъ Жоржъ Дю-Руа и Вальтеры возбуждали очень большое любопытство въ послѣднее время. Всѣ люди, про которыхъ толкуютъ въ газетахъ, рѣшили присутствовать. Это событіе произошло въ одинъ ясный осенній день.

Уже съ восьми часовъ утра весь персоналъ церкви Мадлены, покрывавшій широкимъ краснымъ ковромъ высокое крыльцо, господствующее надъ улицей Рояль, заставлялъ прохожихъ останавливаться и возвѣщалъ парижскому населенію, что должна произойти какая-то важная церемонія.

Чиновники, отправлявшіеся на службу, работницы, приказщики, останавливались, глазѣли и смутно размышляли о богатыхъ людяхъ, которые тратятъ столько денегъ на то, чтобы окрутиться.

Къ десяти часамъ любопытные стали занимать мѣста. Пробывъ минутъ десять, въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ начнется, они уходили.

Въ одиннадцать часовъ, пришли бригады городскихъ сержантовъ и сейчасъ же начали приглашать народъ разойтись, потому что толпа собралась уже довольно значительная.

Вскорѣ затѣмъ прибыли первые гости, желавшіе получить мѣста по лучше, чтобы все видѣть. Они заняли стулья каймой по среди церкви.

Мало-по-малу появлялись другіе: женщины шуршали платьями, мужчины, суровые на видъ, почти всѣ плѣшивые, держали себя съ свѣтскимъ достоинствомъ, и съ приличною для настоящаго случая важностью.

Церковь медленно наполнялась нар.домъ. Цѣлый потокъ солнечнаго свѣта входилъ въ громадныя, раскрытыя настежъ двери, освѣщалъ первые ряды приглашенныхъ. На хорахъ, болѣе

темныхъ, алтарь, покрытый зажженными свѣчами, горѣлъ желтымъ пламенемъ, слабымъ и блѣднымъ, сравнительно съ солнечнымъ свѣтомъ, который входилъ въ открытыя двери.

Гости оглядывали другъ друга, узнавали знакомыхъ, кланялись, кивали другъ другу, собирались группами; литераторы, менѣе сдержанные, нежели свѣтскіе люди, вполголоса разговаривали. Всѣ смотрѣли на женщинъ.

Норберъ де Вареннъ, искавшій пріятеля, увидѣлъ Жака Риваля и подошелъ къ нему:

— Ну,—сказалъ онъ,—ловкимъ людямъ счастіе.

Жакъ Риваль, не завистливый отъ природы, отвѣчалъ:

— Тѣмъ лучше для него. Его карьера обезпечена.

И стали перебирать присутствующихъ.

Риваль спросилъ:

— Не знаете, что сталось съ его женой?

Поэтъ улыбнулся:

— И да, и нѣтъ. Она живетъ весьма уединенно, какъ мнѣ передавали въ Монмартрскомъ кварталѣ. Но... да, есть, но... я читаю съ нѣкоторыхъ поръ въ „Перѣ" политическія статьи ужасно похожія на статьи Форестье и Дю-Руа. Онѣ подписаны нѣкимъ Жаномъ де-Доль, молодымъ человѣкомъ, красивой наружности, способнымъ, изъ той же породы, какъ и нашъ пріятель Жоржъ, и который познакомился съ его бывшей женой. Изъ этого я заключилъ, что она любитъ дебютантовъ и всегда будетъ ихъ любить. При этомъ она богата. Водрекъ и Ларошъ-Матье были не даромъ своими людьми въ ея домѣ.

Риваль объявилъ:

— Она очень недурна собой и очень хитра, очень пронырлива. Она должно быть очень мила въ дезабилье. Но скажите мнѣ, какимъ образомъ Дю-Руа вѣнчается въ церкви послѣ развода.

Норберъ отвѣчалъ:

— Онъ потому вѣнчается въ церкви, что для церкви онъ вовсе не былъ женатъ въ первый разъ.

— Какъ такъ?

Очень просто. Нашъ пріятель, „милый другъ", изъ равнодушія или экономіи ограничился одной мэріей, когда женился на Мадленѣ Форестье. Поэтому онъ обошелся безъ церковнаго благословенія, а это по воззрѣніямъ нашей церкви составляетъ не что иное, какъ конкубинатъ.

Слѣдовательно, онъ является теперь въ ея глазахъ холостымъ, и она проливаетъ на него все свое великолѣпіе, которое дорого обойдется дядѣ Вальтеру.

Шумъ прибывавшей толпы усиливается подъ сводами церкви. Слышны были голоса, говорившіе почти громко. Указывали другъ другу на знаменитости, принимавшія позы и старательно сохранявшія ихъ передъ публикой на всѣхъ торжествахъ гдѣ они служили неизбѣжнымъ украшеніемъ.

Ривалъ продолжалъ:

— Скажите-ка, mon cher, вы часто бываете у хозяина? правда-ли, что m-me Вальтеръ и Дю-Руа совсѣмъ не говорятъ другъ съ другомъ.

— Правда. Она не хотѣла выдавать за него дочь, но онъ держалъ въ рукахъ отца, благодаря мертвымъ тѣламъ, отрытымъ въ Марокко. Поэтому онъ пригрозилъ старику страшными разоблаченіями. Вальтеръ вспомнилъ примѣръ Лароша-Матье и тотчасъ уступилъ. Но мать, упрямая, какъ и всѣ женщины, поклялась, что не скажетъ во всю жизнь ни одного слова съ зятемъ. Они очень забавны вмѣстѣ. Она похожа на статую Мщенія, а онъ смущенъ, хотя старается этого не показывать. Онъ вѣдь умѣетъ владѣть собой.

Собраты подходили здороваться съ ними. Слышались обрывки политическихъ толковъ. И смутный, какъ шумъ отдаленнаго моря, гулъ толпы, собравшейся передъ церковью, входилъ въ дверь вмѣстѣ съ солнцемъ и подымался подъ своды.

Вдругъ швейцаръ ударилъ три раза по деревянному полу своей алебардой. Всѣ присутствующіе обернулись, шурша юбками и стуча стульями. Показалась невѣста подъ руку съ отцомъ въ яркомъ солнечномъ сіяніи входныхъ дверей.

Она была по прежнему похожа на куколку, на хорошенькую куколку въ бѣломъ платьѣ и съ флердоранжевыми цвѣтами на головѣ.

Она нѣсколько секундъ простояла на порогѣ; затѣмъ, когда вступила въ церковь, органъ заигралъ и возвѣстилъ своими мощными металлическими голосами о прибытіи невѣсты.

Она шла съ опущенной головой, но вовсе не смущенная, смутно взволнованная, миловидная, прелестная, точно игрушечка-невѣста. Женщины улыбались и шептались при видѣ ея. Мужчины бормотали:—Прелестна! восхитительна!

Вальтеръ шелъ съ преувеличеннымъ достоинствомъ, немного блѣдный, съ очками на носу.

Позади четыре подружки невѣсты, всѣ въ розовомъ и всѣ очень хорошенькія, образовали дворъ этой прелестной королевы-игрушки. Шафера, всѣ тоже красивые, шли такъ плавно и мѣрно, точно подъ управленіемъ балетмейстера.

M-me Вальтеръ шла за ними, подъ руку съ отцомъ своего другого зятя, маркиза де Латуръ-Ивлена, съ семидесяти-двух-лѣтнимъ старикомъ. Она не шла, а тащилась, готовая на каждомъ шагу упасть въ обморокъ; чувствовалось, что ноги ея прирастали къ плитамъ, что колѣни подгибались, и сердце билось въ груди, какъ звѣрь, готовый выскочить изъ клѣтки.

Она стала худа. Бѣлые волосы еще рельефнѣе выдавали худобу и блѣдность ея лица.

Она уставилась глазами въ пространствѣ, чтобы никого не видѣть и чтобы думать, вѣроятно, о томъ, что ее терзало.

Потомъ показался Жоржъ Дю-Руа, ведя подъ руку старую, неизвѣстную даму.

Онъ высоко держалъ голову, и тоже ни на кого не глядѣлъ своими жесткими глазами, съ слегка наморщенными бровями. Усы сердито топорщились на его губахъ. Его находили настоящимъ красавцемъ. У него былъ гордый видъ, стройная фигура, прямая, и гибкая походка. На немъ отлично сидѣлъ фракъ, и на фракѣ точно капля крови выдѣлялась красная ленточка Почетнаго Легіона.

Затѣмъ шли родственники. Роза съ сенаторомъ Риссоленомъ. Она была уже шесть недѣль замужемъ, и графъ де Латуръ-Ивленъ велъ подъ руку виконтесу де Персмюръ.

Затѣмъ началась пестрая процессія родственниковъ или знакомыхъ Дю-Руа, которыхъ онъ представилъ своей новой семьѣ, людей извѣстнаго типа въ парижскомъ полу-свѣтѣ, и которые въ случаѣ необходимости принимаютъ на себя роль дальнихъ родственниковъ богатыхъ выскочекъ, разорившихся, замаранныхъ дворянъ. То были разные маркизы де Бажоленъ, де Бельвинь, графъ и графиня де Равенель, герцогъ де Раморанъ, князь Краваловъ, кавалеръ Вальреали; затѣмъ, шли приглашенные Вальтера, князь де Гершъ, герцогъ и герцогиня де Поррасинъ, и только нѣкоторые провинціальные родственники m-me Вальтеръ казались приличными людьми среди этой пестрой компаніи.

А органъ продолжалъ пѣть на всѣ лады, возвѣщая небу людскую радость и людское горе.

Входныя двери заперли, и въ церкви вдругъ стало темно, точно изъ нея выгнали солнце за дверь.

Теперь Жоржъ Дю-Руа сталъ на колѣни возлѣ своей жены передъ освѣщеннымъ алтаремъ. Новый епископъ Тангера, въ митрѣ, съ жезломъ въ рукахъ появился изъ ризницы, чтобы соединить ихъ во имя Всевышняго.

Онъ предложилъ обычные вопросы, заставилъ обмѣняться

кольцами, произнесъ слова, скрѣпляющія какъ цѣпями, и обратился къ новобрачнымъ съ христіанскимъ поученіемъ. Онъ долго говорилъ о вѣрности въ напыщенныхъ выраженіяхъ. То былъ толстый, высокій мужчина, одинъ изъ тѣхъ красавцевъ прелатовъ, которымъ брюшко придаетъ только болѣе величественный видъ.

Послышались рыданія и заставили нѣкоторыхъ оглянуться. M-me Вальтеръ плакала, закрывъ лицо руками.

Она должна была уступить. Что ей было дѣлать? Но съ того дня, какъ она выгнала изъ своей комнаты вернувшуюся подъ кровъ родительскій дочь, отказавшись съ ней поздороваться; съ того дня, какъ она шопотомъ сказала Дю-Руа, церемонно раскланявшемуся съ ней:—вы самый низкій человѣкъ, какого я знаю, не говорите со мной, потому что я не стану вамъ отвѣчать,—она выносила невыразимую и непрерывную пытку. Она ненавидѣла этого человѣка, острой ненавистью, составленной изъ раздраженной страсти и отчаянной ревности, причудливой ревности позорной, жестокой, жгучей, какъ свѣжая рана. И вотъ вдругъ епископъ вѣнчаетъ ея дочь и его въ церкви при двухъ тысячахъ зрителей, при ней! И она ничего не могла сказать! Не могла помѣшать! Не могла закричать: — Но вѣдь онъ принадлежитъ мнѣ! Союзъ, который вы благословляете, безчестенъ!

Нѣкоторыя женщины, растроганныя, шептали:

— Какъ бѣдная мать разстроена!

Епископъ говорилъ:

— Вы принадлежите къ счастливымъ міра сего, самымъ богатымъ и уважаемымъ. Вы, своимъ талантомъ вознесены надъ другими, вы пишете, учите, совѣтуете, руководите народомъ, у васъ прекрасная миссія, и вы должны достойно ее выполнить, подавать хорошій примѣръ...

Дю-Руа слушалъ его, опьянѣвъ отъ гордости. Прелатъ римской церкви говорилъ съ нимъ такимъ образомъ, съ нимъ! И онъ чувствовалъ за своей спиной толпу именитыхъ людей, пришедшихъ сюда, ради него. Ему казалось, что какая-то сила толкаетъ его, поднимаетъ на воздухъ. Онъ становится однимъ изъ властелиновъ земли, онъ, онъ, сынъ двухъ бѣдныхъ крестьянъ!

И вдругъ они представились ему въ своемъ убогомъ кабачкѣ, на холмѣ, господствующемъ надъ долиной Руана; онъ видѣлъ отца и мать, разносящими напитки мѣстнымъ деревенскимъ жителямъ. Онъ послалъ имъ пять тысячъ франковъ, когда получилъ наслѣдство графа де Водрека. Теперь онъ пошлетъ имъ пятьдесятъ. Они купятъ маленькое имѣньице и будутъ очень счастливы, очень довольны.

Епископъ кончилъ свое поученіе. Патеръ, облаченный въ золотую ризу, приступилъ къ алтарю. Оргáнъ снова зазвучалъ, прославляя новобрачныхъ. Затѣмъ раздались человѣческіе голоса. Вори и Ландекъ, оперные пѣвцы, пѣли. Ѳиміамъ разлился въ воздухѣ, и въ алтарѣ совершилась жертва безкровная.

Богочеловѣкъ, по призыву патера, нисходилъ на землю, чтобы освятить торжество барона Жоржа Дю-Руа.

„Милый другъ" на колѣняхъ рядомъ съ Сюзанной опустилъ голову. Онъ чувствовалъ себя почти вѣрующимъ въ эту минуту, почти религіознымъ человѣкомъ, исполненнымъ чувства благодарности къ Богу, который такъ превознесъ его, осыпалъ такими милостями. И не зная кого благодарить, онъ все же благодарилъ.

Когда служба была кончена, онъ всталъ съ колѣнъ и подавъ руку женѣ, пошелъ въ ризницу. Тутъ потянулась нескончаемая вереница приглашенныхъ. Жоржъ, опьянѣвъ отъ радости, казался самому себѣ королемъ, котораго привѣтствуетъ народъ. Онъ, пожимая руки, бормоталъ ничего незначущія слова, кланялся, отвѣчая на комплименты:—Вы очень любезны.

Вдругъ онъ увидѣлъ m-me де Марель. Она была очень хорошенькая, очень нарядная съ шаловливымъ видомъ и живыми глазками. Жоржъ подумалъ:—Какая она все-таки прелестная!

Она подошла, немного робко, немного застѣнчиво, и протянула ему руку. Онъ взялъ ее и удержалъ въ своихъ. И тутъ почувствовалъ скромное пожатіе женскихъ пальцевъ, говорившее о прощеніи и любви. И онъ тоже сжалъ маленькую ручку, какъ бы говорилъ:—я тебя все еще люблю. Я твой.

И глаза ихъ встрѣтились, улыбающіеся, блестящіе, полные любви.

Она пробормотала своимъ милымъ голоскомъ:—До свиданія.

Онъ весело отвѣчалъ:—До свиданія.

И она отошла.

Другія лица подходили. Толпа протекала передъ нимъ, какъ рѣка.

Наконецъ, толпа порѣдѣла. Послѣдніе гости разъѣзжались.

Жоржъ опять взялъ подъ руку Сюзанну, чтобы опять перейти черезъ всю церковь.

Церковь была снова полна народа, потому что всѣ опять вернулись на свои мѣста, чтобы видѣть, какъ они пройдутъ. Онъ шелъ медленно, спокойнымъ шагомъ, съ высоко поднятой головой, устремивъ глаза на залитыя солнцемъ двери церкви. Онъ чувствовалъ какъ по его кожѣ пробѣгала слабая дрожь,—та дрожь, ко-

торая происходитъ отъ большого счастія. Онъ никого не видѣлъ. Онъ думалъ только о себѣ.

Когда онъ дошелъ до порога, то увидѣлъ собравшуюся толпу, громадную, шумную, пришедшую взглянуть на него. Парижское населеніе глядѣло на него и завидовало ему.

Затѣмъ, поднявъ глаза, онъ увидѣлъ позади площади Согласія палату депутатовъ, и ему показалось, что онъ однимъ прыжкомъ перенесется изъ-подъ портика церкви Мадлены подъ портикъ Бурбонскаго дворца.

Онъ медленно сошелъ со ступенекъ высокаго крыльца между двухъ рядовъ зрителей. Но онъ ихъ не видѣлъ; его мысль забѣжала вдругъ назадъ, и передъ его глазами, ослѣпленными яркимъ солнцемъ, носился опять образъ m-me де-Марель, оправляющей передъ зеркаломъ букельки на лбу.

А. Э.

ВОЛГА и КІЕВЪ

Впечатлѣнія двухъ поѣздокъ.

Впечатлѣнія, которыми мы хотѣли бы подѣлиться съ читателемъ, не совсѣмъ тѣ, какія можетъ передавать читателю путешественникъ, попадающій въ край, интересный по красотамъ природы, по своеобразному типу и характеру населенія, историческимъ воспоминаніямъ, промышленной дѣятельности и т. д. По всѣмъ этимъ отношеніямъ, Волга и Кіевъ представляютъ, конечно, массу фактовъ любопытныхъ и поучительныхъ; но мы не думаемъ вдаваться ни въ описанія природы, ни въ экономическіе разсчеты, ни въ изображенія нравовъ и общественной жизни, и хотѣли бы остановиться лишь на нѣкоторыхъ художественно-литературныхъ и этнографическихъ соображеніяхъ, на которыя могутъ вызвать не одни Волга и Кіевъ...

Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ Тургенева въ Россію, когда онъ былъ въ Петербургѣ на возвратномъ пути, собрался небольшой кружокъ знакомыхъ за обѣдомъ, гдѣ былъ и онъ. Тургеневъ любилъ такія застольныя бесѣды въ близкомъ кругу, гдѣ непринужденный разговоръ идетъ свободно, переходя отъ новостей и анекдота къ предметамъ литературы и общественной заботы, гдѣ есть мѣсто для личнаго воспоминанія, для критики, для надеждъ и ожиданій и т. д. Зашла рѣчь о русской природѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ спросилъ Тургенева, случалось ли ему бывать на Волгѣ, и—когда оказалось, что настоящей Волги онъ никогда не видалъ,—высказалъ сожалѣніе, что писатель такой силы, писатель, котораго произведенія имѣютъ такое обширное національное значеніе, который пріобрѣтаетъ такую славу въ Европѣ какъ спеціальный знатокъ и живописецъ русской жизни,—въ запасѣ

своихъ впечатлѣній не имѣлъ такихъ грандіозныхъ и оригинальныхъ картинъ, какъ Волга и волжская жизнь, что въ изображенномъ имъ русскомъ пейзажѣ недоставало такой высоко интересной области... Распространившись довольно горячо на эту тэму, говорившій замѣтилъ, что теперь и путешествіе по Волгѣ можетъ быть сдѣлано съ такимъ удобствомъ, какого можетъ желать даже избалованный путешественникъ. Въ отвѣтъ на эти рѣчи объ интересѣ Волги, одинъ изъ собесѣдниковъ сдѣлалъ догадку, не состоитъ ли говорившій негласнымъ агентомъ какой-нибудь волжской пароходной компаніи, вербующимъ пассажировъ. Догадка была неосновательна, но говорившій былъ тѣмъ не менѣе правъ. Въ самомъ дѣлѣ, русская поэзія, которая по общепринятому понятію считается выраженіемъ или отраженіемъ національной жизни, до сихъ поръ далеко не овладѣла не только этнографическимъ и общественнымъ содержаніемъ русскаго народа, но даже и тѣмъ характеромъ природы, которымъ создается русскій пейзажъ. Наша литература, которая съ неоспоримымъ правомъ привлекаетъ теперь вниманіе европейскаго образованнаго міра, для насъ самихъ остается еще слишкомъ неполной, ни съ этнографической, ни съ бытовой стороны, ни со стороны пейзажа. У насъ есть уже замѣчательные мастера въ этомъ послѣднемъ отношенія: лучшіе изъ нашихъ писателей показали въ изображеніи русской природы много тонкой наблюдательности, поэтическаго чутья, но, опредѣляя ихъ какъ мастеровъ русскаго пейзажа, слѣдуетъ вспомнить и о томъ, что̀ ими изображено и тронуты ли ими хотя главныя стороны „русскаго пейзажа“. У Тургенева является на сцену собственно только пейзажъ средней Россіи, приблизительно Орловской губерніи, и этотъ пейзажъ считается спеціально русскимъ. Думаемъ, что Волга также относится къ русскому пейзажу, и однако ея картины мы не найдемъ ни у одного изъ нашихъ первостепенныхъ писателей, тѣхъ, въ комъ считается истинная сила литературы, въ комъ видятъ иностранцы нашихъ настоящихъ представителей. Волга является изрѣдка у писателей второго разряда, романистовъ и повѣствователей, и тѣмъ изъ нихъ, которые дѣйствительно ее знали, она доставляла въ самомъ дѣлѣ прекрасныя и характерныя картины и бытовыя подробности,—какъ, напр., Мельникову. Очень посчастливилось Кавказу и Крыму,—но, конечно, не въ смыслѣ русскаго пейзажа. Тотъ и другой поражали своими красотами, и пейзажъ рисовался среди исторій съ дикими „сынами Кавказа“ или „Гиреями“, съ пламенными черкешенками, съ бурными страстями, раздирательными событіями —въ стилѣ тогдашняго романтизма. Роскошныя картины природы,

оригинальный, дико-героическій бытъ кавказскихъ племенъ, природа и воспоминанія крымскія не могли не создавать сильнаго поэтическаго впечатлѣнія, — но это не была подлинная русская природа, и только частью затрогивалась здѣсь русская жизнь.

Такъ же какъ въ литературѣ, Волга почти отсутствуетъ въ нашей живописи. Надо удивляться, что этотъ богатый кладъ оригинальнаго, часто поразительнаго матеріала не въ состояніи былъ поинтересовать нашихъ художниковъ, которые предпочитали изображать „мельницы въ Эстляндіи" или кучу краснобурыхъ камней подъ именемъ „крымскихъ эскизовъ", или что-нибудь столь же занимательное,—когда здѣсь раскрывалась бы передъ ними вереница разнообразныхъ мѣстностей, то величавыхъ и дикихъ, то мягкихъ и идиллическихъ. Для жанра—такое же богатое разнообразіе мѣстныхъ типовъ, русскихъ и инородческихъ, бытовыхъ сценъ, обстановки, костюма и т. д. Нѣкогда, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, рисовали Волгу братья Чернецовы, правда, въ тогдашнемъ романтически прикрашенномъ стилѣ, но по крайней мѣрѣ они видѣли интересную художественную задачу. Въ новѣйшее время немногіе пейзажисты, какъ Боголюбовъ, какъ рано умершій Васильевъ, брались за эту задачу; но въ массѣ художниковъ она остается забытой или неподозрѣваемой. Грандіозная картина волжскаго разлива или главныхъ пунктовъ нагорнаго берега (кромѣ рисованнаго много разъ Нижняго) еще не нашла своего изображенія въ нашемъ художествѣ; между тѣмъ здѣсь для нашей пейзажной живописи представлялись задачи, мало ею рѣшавшіяся и надъ которыми, быть можетъ, именно ей обязательно поработать,—какъ изображенія рѣчной дали, горнаго вида на степь и т. п. Съ другой стороны, сколько любопытнаго бытоваго содержанія можно найти въ народной жизни края, показали знаменитые „Бурлаки" Рѣпина или даже тотъ замѣчательный волжскій судорабочій, который являлся на одной изъ послѣднихъ передвижныхъ выставокъ. Словомъ, тотъ художественный матеріалъ, какой представляетъ природа и люди волжскаго востока, едва затронуты, или совсѣмъ еще не тронуты нашимъ искусствомъ и литературой.

Цѣльной картины этого края не даетъ и этнографія. Волга давно знакома русскому племени; уже въ X-мъ вѣкѣ она была поприщемъ торгово-разбойническихъ дѣяній, записанныхъ исторіей, и безъ сомнѣнія остались незаписанными гораздо болѣе раннія похожденія русскихъ удальцовъ и промышленниковъ въ этомъ краѣ, такъ удаленномъ отъ тогдашнихъ центровъ русскаго племени. Въ теченіе княжескаго періода, русскіе не разъ

ходили на Донъ и Волгу, „испить шеломомъ“ ихъ воды. Затѣмъ, съ татарскаго нашествія наступаетъ перерывъ; русскіе должны были отступить предъ нахлынувшей татарской волной, и вновь двинулись въ эти края только съ упадкомъ татарскихъ царствъ; въ половинѣ XVI-го вѣка взята была Казань, затѣмъ Астрахань, а въ концѣ столѣтія свободное народное движеніе ушло уже далеко въ Сибирь. По самой Волгѣ мѣста еще не были обезпечены: мало-по-малу подвигалась дальше и дальше линія мелкихъ укрѣпленій для защиты отъ набѣговъ всякаго кочевого азіатскаго люда; потомъ острожки и городки становились городами, окрестъ селились выходцы и переселенцы изъ внутренней Россіи, частію посланные правительствомъ, частію гулящіе люди и бродяги, искавшіе привольнаго житья подальше отъ назойливаго присмотра. Основа нынѣшняго заселенія средней и нижней Волги положена въ концѣ XVI вѣка; въ него вошли потомъ различные оттѣнки великорусской народности—всего больше, безъ сомнѣнія, изъ сосѣдней средней Россіи, и съ конца XVII-го вѣка отдѣльныя слободы малорусскія. Населеніе при этомъ сильно смѣшивалось переводомъ въ этотъ край крестьянъ помѣщичьихъ, изъ разныхъ краевъ, и постояннымъ сосѣдствомъ особаго элемента, незнакомаго средней Россіи, именно инородцевъ, финскихъ и татарскихъ. Если само великорусское племя представляется „не чисто славянскимъ, а смѣшаннымъ“ [1]), то здѣсь славяно-финская основа была еще разъ видоизмѣнена новымъ притокомъ инородческой стихіи, не только финской (въ мордвѣ, чувашахъ, черемисѣ и т. д.), но и татарской. Что здѣсь происходило этнографическое смѣшеніе, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Средняя и нижняя Волга съ окрестными землями пересыпаны финскими и татарскими названіями урочищъ, селъ и деревень, которыхъ нынѣшнее населеніе—совершенно русское по языку, но гдѣ видимо прошелъ какой-то процессъ обрусѣнія, замѣтный въ физическомъ типѣ. Какъ совершался этотъ процессъ, до сихъ поръ остается невыясненo. Историки начали изслѣдованія о судьбѣ сѣверо-восточныхъ инородцевъ, о заселеніи приволжскаго края въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, но изслѣдованія еще не сведены къ общему выводу, къ цѣльному объясненію этнографическаго переворота, наложившаго свою печать на приволжскій типъ русской народности. По всѣмъ вѣроятіямъ, имѣлъ большое вліяніе и характеръ быта на окраинѣ, какою Волга оставалась долго. Это была жизнь не спокойная: здѣсь совершались извѣстныя бурныя событія, которыя были въ

[1]) Б.-Рюминъ, въ разборѣ соч. Кавелина, „Отеч. Зап.“, т. CXX, отд. III, стр. 44.

связи съ особенными условіями этой окраины—какъ бунтъ Стеньки Разина, какъ волненія пугачевщины или понизовой вольницы, послѣднія дѣянія которой достигаютъ до 30—40-хъ годовъ нашего столѣтія. Разныя волжскія мѣстности, отъ Жигулевскихъ горъ и Самары до Царицына, донынѣ соединяются съ именемъ Стеньки Разина, и преданья о немъ не вымерли по сію минуту. Въ одномъ старомъ путеводителѣ (Кучина, около 1870 г.) записаны преданья со средней Волги, которыя представляютъ чрезвычайно любопытный образчикъ богатырско-разбойничьяго эпоса, къ сожалѣнію, оставшійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ для присяжныхъ этнографовъ. Приволжскій край оказался послѣднимъ гнѣздомъ русскаго народнаго эпоса. Въ то время, какъ старая кіевская былина нашла себѣ послѣдній пріютъ въ далекихъ захолустьяхъ Олонецкаго края, гдѣ недоступныя дебри сберегли его въ кристаллизованномъ видѣ до нашихъ дней, живое развитіе эпическая старина нашла здѣсь, въ приволжскомъ краѣ, гдѣ традиціонное богатырство растолковано было народной фантазіей въ духѣ новаго быта и старые богатыри породнились съ новѣйшими народными любимцами—казацкими удальцами, Ермакомъ Тимоѳеевичемъ и Разинымъ, съ атаманами и господами „разбойничками". Героическая эпопея перешла въ разбойничью, и отсюда, съ Волги, разошлась по другимъ краямъ. Какъ мы сказали, этнографическая Волга еще ждетъ своего изслѣдователя, какъ (сравнительно, впрочемъ, гораздо менѣе обширный) Олонецкій край нашелъ своихъ изслѣдователей въ Рыбниковѣ, Гильфердингѣ и Барсовѣ. Немногіе сборники пѣсенъ и преданій,—какъ Варенцова, Можаровскаго, Садовникова и др., какъ разные мелкіе сборники, разсѣянные въ мѣстныхъ изданіяхъ,—составляютъ, безъ сомнѣнія, только небольшую долю обширнаго матеріала, какой можетъ быть еще собранъ при болѣе систематическомъ изслѣдованіи; но, къ сожалѣнію, многое цѣнное и любопытное должно уже считаться потеряннымъ для этнографіи: пѣсни, преданья, которыя были еще цѣлы лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ, теперь, вѣроятно, исчезли окончательно,—какъ, напр., та бурлацкая поэзія и пѣсенная музыка, какія жили на Волгѣ, когда многія тысячи бурлаковъ стекались на волжскую лѣтнюю работу, и когда эта движущая сила еще не была замѣнена въ волжскомъ плаваніи пароходами. Слѣдомъ этого особаго и характернаго отдѣла нашей народной поэзіи едвали не останутся только тѣ немногія пѣсни, какія были записаны на Волгѣ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ.

Намъ случилось говорить при другомъ случаѣ, какъ быстро

исчезаетъ старина въ настоящее время, при желѣзныхъ дорогахъ, при усиливающемся народномъ передвиженіи, при возрастающемъ вліяніи городскихъ обычаевъ и—городской испорченности, при водвореніи новыхъ учрежденій, такъ или иначе нарушающихъ старый патріархальный бытъ или—старую патріархальную неподвижность. Пропадаетъ и старая поэзія—потому интересная, что въ ней отражался бытъ, который въ старыя времена успѣлъ установиться въ прочный обычай, и выработалъ себѣ общепризнанное поэтическое выраженіе, гдѣ съ большимъ изяществомъ формы сказалось много прекраснаго искренняго чувства. Разъ выбитая изъ этой колеи, народная поэзія теряетъ свою творческую силу; изящная поэтическая старина сберегается лишь по инерціи, какъ воспоминаніе, слабѣющее со дня на день, а новое, что является на ея смѣну, выростаетъ уже въ другихъ условіяхъ, всего чаще мало благопріятныхъ, среди нарушеннаго быта, не установившагося новаго обычая, и—соединяющейся обыкновенно съ этимъ порчи нравовъ. Много разъ было говорено о распространеніи въ народѣ новой пѣсни—трактирнаго, фабричнаго и солдатскаго издѣлія; на Волгѣ эта новая формація выразилась, напр., въ очень популярной—и мало приличной „Мотанѣ", которая поддается разнообразной варьировкѣ, по мѣстнымъ вкусамъ и обстоятельствамъ.

Словомъ, ни интересъ художественный, ни научный далеко не удовлетворенъ относительно Волжскаго края; и между тѣмъ изученія его было бы такъ естественно ожидать въ томъ настроеніи, о которомъ такъ настойчиво заявляетъ наша печать. Если дѣйствительно мы такъ преданы задачѣ „самобытности", народно-государственной оригинальности, такъ стремимся дать вѣсъ своему родному наперекоръ чужеземному и т. д., то одной изъ первыхъ заботъ было бы знать это родное, по крайней мѣрѣ, въ его основныхъ, наиболѣе характерныхъ пунктахъ. Волга, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу такихъ пунктовъ. Издстари она была первой границей между Европой и Азіей, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остается этой границей и теперь. Уже съ Казани путешественникъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ востокомъ; на нижней Волгѣ, въ Астрахани, восточный элементъ опять рѣзко бросается въ глаза; калмыцкія красавицы въ европейскихъ костюмахъ, но съ шитыми богатыми восточными шапочками появляются въ числѣ путешественниковъ на пароходѣ; подъ вечеръ благочестивые татары совершаютъ тутъ же свои урочныя моленія; сама Астрахань переполнена восточными людьми всякихъ племенъ—татарами, армянами, персами, калмыками; это все наши

соотечественники—по ихъ государственной принадлежности. Здѣсь одинъ изъ исходныхъ пунктовъ нашего „стремленія на востокъ", одинъ изъ главныхъ пунктовъ и путей нашей восточной торговли. При религіозномъ различіи, медленно идетъ здѣсь процессъ обрусѣнія, но тѣмъ не менѣе идетъ. Какъ ни слабо вообще наше миссіонерство, но есть крещеные восточные люди татары, калмыки, которые, вступая и въ кровныя связи съ русскими, наконецъ, становятся совсѣмъ нашими соотечественниками, причемъ, антропологически неизбѣжно, передаютъ въ русскую народность извѣстные элементы своей восточной природы... Эти прямыя встрѣчи двухъ этнологическихъ типовъ, сожительство ихъ въ одномъ общественномъ строѣ, чрезвычайно любопытны не только для этнографа, но и для художника. Если этнографія еще мало сдѣлала на этомъ поприщѣ,—и въ послѣднее время появляются, напр., французскія ученыя изслѣдованія о калмыкахъ, изслѣдованія, какихъ не имѣется на русскомъ языкѣ,—то еще менѣе сдѣлали искусство и литература; жанровая живопись и пейзажъ почти не коснулись этого края; литература давно не даетъ сколько-нибудь сносныхъ путешествій,—когда уже сто лѣтъ назадъ появлялись замѣчательные труды этого рода въ путешествіяхъ Палласа, Гмелина, Георги, Лепехина и пр. Изрѣдка, правда, являются подобія путешествій,—но въ томъ новѣйшемъ фельетонномъ родѣ, гдѣ читатель изучаетъ не столько край и населеніе, сколько мѣстныя провинціальныя сплетни и гдѣ авторъ съ тономъ пренебреженія опишетъ губернскій кафешантанъ, не идущій ни въ какое сравненіе съ петербургской Аркадіей.

Литература мѣстная, какъ извѣстно, еще въ зачаткѣ; лучшія силы, нарождающіяся въ провинціи, стремятся естественно въ умственные центры или, оставаясь въ провинціи, берутся за тѣ же общія беллетристическія и публицистическія тэмы, такъ что лишь немногіе, и только въ послѣднее время, начинаютъ посвящать свою работу мѣстному содержанію—исторіи, этнографіи, беллетристическому нравоописанію. Честь имъ и слава, потому что они исполняютъ дѣло слишкомъ забываемое и пренебрегаемое. Многіе еще, вѣроятно, помнятъ замѣчательную книжку: „Первый шагъ" (Казань, 1876), которая была дѣйствительно первымъ шагомъ въ талантливомъ указаніи и защитѣ бытового и литературнаго интереса своего края; и помнятъ также ту полемику, какая велась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашихъ журналахъ и газетахъ по поводу провинціальной печати. Памятны многимъ, вѣроятно, и нѣкоторыя прекрасныя попытки провинціальной печати (какъ, напр., одна казанская газета), по-

гибшія въ борьбѣ—не съ равнодушіемъ публики, а съ невозможными внѣшними, независящими обстоятельствами. Кто нѣсколько присматривался къ провинціальной печати, тотъ убѣдится, что при всѣхъ ея недостаткахъ въ настоящую минуту она имѣетъ здоровые задатки, которые разовьются, если настанутъ болѣе благополучныя внѣшнія условія общественной и литературной жизни. Въ трудахъ своихъ лучшихъ представителей, эта печать успѣла высказать здравыя мысли о значеніи провинціи, о необходимости вниманія къ ея мѣстнымъ условіямъ, нуждамъ и потребностямъ, о необходимости ея изученія, безъ котораго немыслимо само національное сознаніе.

Эти мысли лучшихъ людей провинціи еще туго прививаются въ массѣ; эта послѣдняя поглощена обыденными заботами, службой, дѣлами, интригами, картежной игрой и т. п.; мало развитая сама по себѣ и, кромѣ того, отпугнутая мало поощрительнымъ примѣромъ нѣкоторыхъ искателей правды, она мало задаетъ себѣ вопросовъ о вещахъ, выходящихъ за предѣлы практической выгоды и аферы. Эта слабость умственныхъ интересовъ (не только провинціальныхъ, но и всероссійскихъ) обнаруживается разнообразными фактами. Начать съ того, что самая Волга, повидимому, возбуждаетъ очень мало того любопытства, которое влечетъ туристовъ (въ томъ числѣ тысячи нашихъ соотечественниковъ) проѣхать по Рейну, странствовать не только по настоящей, но и по саксонской Швейцаріи—любопытства къ интересной природѣ; на длинномъ пути отъ Астрахани до Нижняго въ маѣ прошлаго года,—въ ту пору, когда Волга является во всей красотѣ своего необычайнаго разлива, — я былъ, на нѣсколькихъ смѣнявшихся пароходахъ, кажется, естественнымъ путешественникомъ, у котораго имѣлось это любопытство, хотя иной разъ картины Волги, разливавшейся какъ море на десятки верстъ ширины, при фантастическомъ освѣщеніи заката, были такъ поразительны, что сами дѣловые коммерсанты, которыхъ не легко пробрать чѣмъ-нибудь подобнымъ, покидали свои торговыя бесѣды и застаивались толпами на галлереѣ парохода, любуясь рѣдкими по красотѣ видами... Во всѣхъ большихъ городахъ на этомъ пути я искалъ въ книжныхъ лавкахъ путеводителей по Волгѣ (мнѣ хотѣлось собрать ихъ коллекцію) и — не находилъ ничего; всѣ ссылались на имѣвшую выйти книгу г. Монастырскаго, которая оказалась очень плохой книгой. На большихъ пристаняхъ имѣлись лавочки букинистовъ—разумѣется, съ обычнымъ товаромъ плохихъ книжонокъ, издѣлій московскаго книгопечатанія; въ одной такой лавочкѣ, рядомъ съ страш-

ными или скабрезными романами, бросалась въ глаза толстая книга, въ аляповато „роскошномъ“ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, самое „великолѣпное“ изданіе все выставки: книга оказалась „Новѣйшимъ Снотолкователемъ“, а книгопродавецъ былъ чистокровный татаринъ. Онъ распространялъ также новый завѣтъ (въ дешевыхъ изданіяхъ); въ нынѣшнемъ сезонѣ будетъ, вѣроятно, распространять книжки о св. Кириллѣ и Меѳодіи,—дѣло прекрасное, хотя бы ему служилъ поклонникъ Магомета; но удивительно, что русскаго человѣка для этого не нашлось... Дѣловая публика одного крупнаго приволжскаго города долго, кажется, не могла понять, на что нужно городу пожертвованіе, изъ котораго долженъ былъ образоваться богатый художественный музей (съ рисовальной технической школой), въ своемъ родѣ первый и единственный въ нашей провинціи. Въ единственномъ университетскомъ городѣ Волжскаго края,—въ другихъ условіяхъ и отъ другихъ причинъ,—настоящее прискорбіе внушалъ видъ любопытнѣйшей археологической коллекціи, для должнаго расположенія которой университетъ не имѣетъ ни денегъ, ни помѣщенія.

Понятно, что слабость умственной жизни въ провинціи, тугое развитіе мѣстной литературы идутъ рука объ руку,—и взаимно дѣйствуя одно на другое,—съ общимъ состояніемъ литературы, школы и общественности. Пора бы обѣимъ сторонамъ литературы подумать объ ихъ общемъ интересѣ. Въ тѣхъ вопросахъ народно-бытоваго изученія, какіе мы имѣемъ здѣсь въ виду, это взаимодѣйствіе могло бы быть особенно важно. Мѣстные любители исторіи и этнографіи (исключая спеціалистовъ въ немногихъ нашихъ университетскихъ городахъ) рѣдко бываютъ настолько вооружены научно, чтобы въ пріемахъ и направленіи своихъ работъ не зависѣть отъ указаній общей литературы, или въ ближайшемъ руководствѣ ученыхъ учрежденій, отдѣльныхъ спеціалистовъ и т. п. Это, конечно, естественная зависимость, которая соединяетъ всякаго отдѣльнаго работника съ общимъ состояніемъ науки; но для работника провинціальнаго она усиливается тѣмъ, что у насъ онъ обыкновенно лишенъ множества пособій библіотечныхъ, музейныхъ, личныхъ, какія доступны въ центрахъ научной дѣятельности. Въ этихъ центрахъ идетъ теоретическое развитіе науки, отсюда необходимо исходятъ программы и критическія требованія. Но съ другой стороны, именно провинціальныя силы могли бы дѣлать большую и чрезвычайно важную долю научной работы—собираніе мѣстнаго матеріала, освѣщеніе его данными мѣстной природы и быта; онѣ могли бы доставить такую долю научнаго

матеріала, безъ которой немыслима правильная работа научнаго анализа. Необходимость научно-литературнаго взаимодѣйствія очевидна, какъ необходимость взаимодѣйствія общественнаго. До сихъ поръ, однако, это взаимодѣйствіе и взаимная помощь очень слабы.

Вопросъ о провинціи остается у насъ еще открытымъ: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ и совсѣмъ почти не тронутъ. Что касается предпріятій научныхъ, дѣло давно ясно: безъ участія провинціальныхъ силъ немыслима этнографія и статистика; изученіе мѣстной исторіи, подъ вліяніемъ общаго расширенія нашей исторіографіи, понемногу движется впередъ, уже не только въ смыслѣ лишней анекдотической подробности для исторіи центра, какъ бывало прежде, но и съ пониманіемъ необходимости изслѣдованія мѣстныхъ элементовъ народной жизни. Но въ смыслѣ общественномъ и литературно-художественномъ дѣло все еще впереди. Упомянутые выше толки о провинціальной печати прошли безъ слѣда и забылись. Провинція высказывала тогда недовольство недостаткомъ вниманія общей литературы къ ея особенностямъ и ея интересамъ, и высказывала иногда съ долей самонадѣянности, которая не оправдывалась ни литературными, ни общественными фактами ея собственной дѣятельности; но партизаны провинціи были правы въ томъ смыслѣ, что наша литература, общественное сознаніе, художество не могутъ достигнуть выраженія русской жизни, пока не дадутъ больше вниманія провинціальнымъ элементамъ, ихъ изученію, поддержкѣ мѣстныхъ образовательныхъ и общественныхъ стремленій. Какъ этнографическая наука должна изучать всѣ разновидности племени для общаго вывода о русской народности, такъ художество должно усвоить все разнообразіе типа, быта и природы, такъ литература должна ознакомиться съ проявленіями мѣстной соціальной жизни,— и образовательныя силы нашихъ центровъ должны поддержать умственную жизнь провинціи, которой такъ трудно установиться собственными средствами. Наше народничество, вооружаясь противъ общества и литературы за ихъ отдаленіе отъ народа, мечтало, что само находится въ тѣснѣйшей связи съ „деревней“ и народомъ; но и оно видѣло только одну сторону своего народа, экономическую, сельско-хозяйственную, и совсѣмъ забыло о народѣ этнографическомъ, областномъ.

Практическія потребности и обязанности литературы зависятъ отъ самыхъ свойствъ народа и его государственности. Какъ государство, какъ политическая нація, Россія представляетъ не су-

ществующее въ остальной Европѣ пестрое соединеніе племенъ европейскихъ и азіатскихъ, болѣе или менѣе культурныхъ и полудикихъ или дикихъ совсѣмъ; громадныя пространства Россіи дѣлаютъ то, что лишь очень немногимъ людямъ случается видать разные концы своего отечества и составить о нихъ живое, не только отвлеченное книжное понятіе. Въ западной Европѣ, не говоря о другихъ условіяхъ его исторіи, при территоріальной близости и сплоченности населеній, при большей легкости взаимодѣйствія, совсѣмъ иначе, нежели у насъ, складывалось развитіе образованности, политическихъ отношеній, общественнаго сознанія; они двигались тамъ несравненно быстрѣе и укрѣплялись прочнѣе, чѣмъ у насъ. Упомянемъ одну черту. У людей западнаго общества всегда гораздо легче пріобрѣталось знаніе своей страны и народа, а теперь общеніе населеній развилось до послѣдней желаемой степени: мало того, что при сравнительной невеликости разстояній желѣзно-дорожныя путешествія доступны для людей съ самыми скромными средствами, въ Германіи, напр., поѣздки и пѣшеходныя странствія издавна были обычаемъ учащейся молодежи, которая такимъ образомъ могла „сближаться съ народомъ" и узнавала свою родину еще въ школьные годы, не дѣлая изъ этого мудреныхъ вопросовъ и не подвергаясь никакой опасности... Если прибавить, что западно-европейскія страны, съ ихъ древней и средневѣковой каменной архитектурой, усѣяны памятниками прошлой жизни, имѣющими не только мѣстное, но часто всемірно-историческое значеніе, что иногда цѣлые города сохраняютъ до нынѣшняго дня свой средневѣковой обликъ, то можно судить, какое живое представленіе пріобрѣтается здѣсь о родной старинѣ,— когда для насъ наша старина доступна обыкновенно только въ книгѣ, и то лишь съ недавней поры нашей литературы. Иностранцы и мы сами винимъ себя въ подражательности, въ недостаткѣ устойчивости, въ податливости чужимъ вліяніямъ: эти свойства развились весьма естественно и психологически неизбѣжно, когда со временъ Петра намъ пришлось въ торопяхъ усвоивать то, что за многіе вѣка раньше было выработано европейскимъ просвѣщеніемъ; но въ этихъ свойствахъ виновато было также и отсутствіе подлинной старины, погибель которой ускоряла еще съ московскихъ временъ грубая централизація. У насъ не осталось не только областныхъ преданій, старой политической традиціи, но за немногими исключеніями не осталось даже старыхъ строеній, живописи и т. п.: и правительство прежнихъ временъ, и само „общество" съ одинаковымъ усердіемъ торопилось „поправлять" и „подновлять", а чаще просто истреблять всякую

старину и въ вещественныхъ памятникахъ, и въ обычаѣ. Такъ велось издавна, и не мудрено, что образовалась историческая tabula rasa... Что подражательность не была, однако, фатумомъ, для русской умственной жизни, это показали новѣйшія созданія русской литературы и искусства, которыя дѣлаются теперь для западной Европы предметомъ глубокаго вниманія, неожиданнымъ предметомъ удивленія: самостоятельность сказалась, когда развившееся теоретически сознаніе съумѣло схватить національное содержаніе, и національная талантливость съумѣла выработать для этого художественную форму. Но чтобы русская литература и искусство двинулись дальше, чтобы и впредь они представили столько же поучительнаго и достойнаго удивленія, сколько дали теперь Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій, Верещагинъ, Айвазовскій, Антокольскій,—нужно, чтобы просвѣщеніе не шло назадъ, чтобы національное содержаніе было воспринимаемо обществомъ. все въ болѣе широкомъ размѣрѣ и все съ большею глубиной—такъ какъ то, что̀ сдѣлано теперь, конечно, еще слишкомъ далеко отъ полнаго изображенія русской жизни. Къ этому могутъ привести только новая работа мысли и внимательныя изученія страны и народа,—а для успѣховъ послѣдняго необходимо больше вниманія къ мѣстной жизни и больше прямого знакомства съ ней, больше путешествій.

Если Волга напоминаетъ объ этой обязанности, лежащей на нашей наукѣ, литературѣ, искусствѣ, общественномъ мнѣніи,—то столько же, и въ еще болѣе разнообразныхъ отношеніяхъ, напомнитъ о ней Кіевъ. Историкъ, публицистъ, этнографъ, художникъ должны видѣть Кіевъ, если хотятъ составить себѣ живое представленіе о русской природѣ и народности, потому что здѣсь опять однѣ изъ лучшихъ картинъ русской природы и одна изъ интереснѣйшихъ сторонъ русской народности. Личныя впечатлѣнія несомнѣнно освѣтятъ имъ полнѣе и точнѣе ихъ теоретическое и книжное знаніе, дадутъ имъ живую картину, будутъ говорить ихъ чувству.

Кіевъ есть одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ Россіи и, какъ говорятъ иностранные путешественники, даже и въ Европѣ. Горное положеніе на берегу большой рѣки, какихъ немного въ западной Европѣ, даетъ цѣлый рядъ чрезвычайно красивыхъ видовъ —внутри города, разлегшагося по горамъ, затѣмъ на Днѣпръ и съ рѣки на городъ. Днѣпръ у Кіева не можетъ сравниться съ Волгой у Нижняго; невозможно сравнивать и оживленную рѣчную дѣятельность на Волгѣ съ слабымъ движеніемъ на Днѣпрѣ; Нижній

также расположенъ замѣчательно живописно, но картина Кіева все-таки гораздо привлекательнѣе и интереснѣе и сама по себѣ, и по тѣмъ историческимъ впечатлѣніямъ, которыя она невольно вызываетъ.—Мы слишкомъ небогаты памятниками нашей исторіи, особливо древней; лишь въ немногихъ старыхъ историческихъ мѣстностяхъ, какъ Кіевъ, Новгородъ, Ростовъ, Владиміръ, они уцѣлѣли слабыми остатками, лишь приблизительно напоминающими древность. Всякія историческія бури и непогоды, татарское нашествіе, московское объединеніе, приказное подавленіе мѣстной жизни, отчасти истребили эти памятники, отчасти сдѣлали мѣстный народъ совершенно къ нимъ равнодушнымъ, такъ что они исчезали и разрушались сами собой; въ эпоху оффиціальной народности вспомнили и объ исторической старинѣ и началось возобновленіе ея, равнявшееся иногда истребленію,—какъ, напр., замѣна древнихъ фресковъ новѣйшей рыночной живописью... Это отсутствіе историческаго преданія, параллельное съ поглощеніемъ мѣстныхъ особенностей суровою государственной централизаціей, отозвалось—въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ—безличностью самого общества и долгимъ застоемъ; но съ успѣхами образованія историческое чувство возвращается: общество стремится найти въ исторіи объясненіе своего прошлаго, возстановить преданіе, такъ долго забытое, пренебреженное или подавленное, чтобы найти себѣ историческую опору. Особенное развитіе археологическихъ вкусовъ и изслѣдованій въ послѣднія десятилѣтія имѣло, между прочимъ, и этотъ живой источникъ, кромѣ общихъ требованій самой науки. Образованный человѣкъ нашего времени уже иначе отнесется къ памятникамъ старины, чѣмъ было въ прошломъ столѣтіи, когда о ней совсѣмъ не думали, или въ началѣ нынѣшняго вѣка...

Кіевъ—единственный городъ, гдѣ чувствуется давняя старина русскаго народа. Названія нѣкоторыхъ кіевскихъ мѣстностей до сихъ поръ напоминаютъ разсказъ Нестора о древнемъ Кіевѣ; Лавра, Софійскій соборъ, Кирилловскій монастырь (гдѣ разысканы г. Праховымъ фрески изъ XI-го столѣтія), Трехъ-святительская церковь и пр. хранятъ воспоминанія о первомъ русскомъ христіанствѣ и первыхъ вѣкахъ княжескаго правленія; новыя церкви, какъ Десятинная, отмѣчаютъ, по крайней мѣрѣ, мѣсто, гдѣ былъ знаменитый древній храмъ; изящная церковь Андрея Первозваннаго построена въ прошломъ столѣтіи итальянцемъ Растрелли, безъ всякой мысли подражать старинѣ, въ извѣстномъ манерномъ стилѣ этого архитектора, но она такъ красива и съ такимъ вкусомъ поставлена на краю горы надъ Днѣпромъ, что чрезвычайно

изящно напоминаетъ лѣтописную легенду о первомъ проповѣдникѣ христіанства на горахъ кіевскихъ,—отъ которой, впрочемъ, и не осталось много осязательнаго слѣда... Правда, подлинная древность стараго Кіева испытала столько разрушеній—древнихъ княжескихъ, татарскихъ, польскихъ,—что ее съ трудомъ можно отличать кое-гдѣ среди позднѣйшихъ перестроекъ и поправокъ; только новѣйшіе археологи доискиваются, гдѣ были дѣйствительно древнія части Софійскаго собора и что было пристроено послѣ, какая доля Лаврской церкви принадлежитъ первоначальному зданію; только археологи разъясняютъ въ послѣднее время, какъ были въ свое древнее время расположены „Золотыя ворота", отъ которыхъ остались только поддерживаемые контрфорсами остатки двухъ стѣнъ съ началомъ свода, довольно циклопической постройки; гдѣ были границы настоящаго „стараго Кіева" (именемъ котораго обозначается одна небольшая часть нынѣшняго города), гдѣ находился княжескій дворъ, гдѣ протекала старая Почайна (по ученымъ объясненіямъ, ея старое устье смыто надвинувшимся къ городу Днѣпромъ), гдѣ стоялъ Перунъ и было вѣроятное мѣсто совершенія языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній, и т. д. Предположенія мѣстныхъ археологовъ оказываются столь вѣроятными, что на указанныхъ ими мѣстахъ, при постройкѣ новыхъ зданій и при раскопкахъ, дѣйствительно находимы бываютъ (какъ, напр., еще недавно) замѣчательные остатки старины, въ родѣ золотыхъ вещей въ мѣстности предполагаемаго княжескаго двора и т. п. Въ послѣдніе годы археологическія изысканія пошли еще дальше въ глубь древности; таковы были находки пещеръ по Днѣпровскому берегу около Кіева, которыя, по изслѣдованіямъ проф. Антоновича, принадлежатъ еще временамъ до-историческимъ, или находки монетъ антіохійскихъ и римско-византійскихъ III и IV вѣка по Р. Х. въ ближайшей окрестности стараго Кіева, и т. п. Эти послѣднія до-историческія находки, конечно, мало извѣстны, мало любопытны и вразумительны для большинства, но для людей, ближе заинтересованныхъ исторіей, эта глубокая древность, находимая въ Кіевѣ, древность каменная и бронзовая, классическая и собственно русская, дѣлаетъ тѣмъ болѣе интереснымъ этотъ край, какъ одно изъ исконныхъ гнѣздъ, гдѣ выростала русская народность въ какихъ-то связяхъ съ отдаленными вѣками классической цивилизаціи.

Какъ мы сказали, историческая старина Кіева, изъ временъ княжескихъ, довольно скудна, потому что слишкомъ затерта или совсѣмъ уничтожена послѣдующими вѣками; но для большинства не существуютъ археологическія оговорки, а для спеціалистовъ

немногое уцѣлѣвшее дополняется и реставрируется съ помощью археологическихъ соображеній или фантазій,—какъ реставрируются разбитые остатки древняго римскаго форума,—и фикція оставляетъ свое сильное впечатлѣніе, поддерживаемое видомъ той же природы, той же мѣстной обстановки, а также тѣмъ всенароднымъ почетомъ, который окружаетъ кіевскую святыню.

Но Кіевъ имѣетъ и другія историческія воспоминанія, уже малорусскія по преимуществу, — воспоминанія второй эпохи его исторической судьбы, когда послѣ распаденія древней Руси, онъ вмѣстѣ съ своей областью и, наконецъ, со всѣмъ русскимъ юго-западомъ вошелъ въ составъ великаго княжества литовскаго, потомъ литовско-польскаго государства; когда онъ, среди тяжкихъ испытаній политическихъ, религіозныхъ, культурныхъ, стойко защищалъ права своей церкви и народности, создалъ въ ихъ защиту чисто народное движеніе—въ козачествѣ, и послѣднее соединило въ себѣ энергію народныхъ силъ и съумѣло исполнить историческую задачу защиты исповѣданія и народности, хотя само несло на себѣ печать одичалаго, жившаго въ насиліяхъ вѣка. Кіевъ сталъ именно средоточіемъ движенія, которое, въ стилѣ XV—XVI вѣка, точно гуситство и таборитство (въ которому относятъ, между прочимъ, нѣкоторые пріемы козацкой войны), — соединяло въ себѣ, нерѣдко въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, чрезвычайную воинственную энергію рядомъ съ богословскою ученостью и ревностью къ (тогдашнимъ) наукамъ. Исторія Кіева XVI—XVII в. изображала собой исторію цѣлой южной Руси: здѣсь нашлась опора для борьбы съ католичествомъ и уніей, здѣсь созрѣвалъ политическій исходъ этой борьбы — въ соединеніи съ Москвой. Исторія не можетъ забыть, что это дѣло защиты національнаго начала—въ главныхъ основахъ общаго съ Москвой—южная Русь вела своими силами и на свой страхъ, и только послѣ получила московскую помощь, а дѣло просвѣщенія было уже вполнѣ ея исключительнымъ дѣломъ,—на которое въ Москвѣ смотрѣли недовѣрчиво, но которое все-таки должны были послѣ принять и усвоить. Какъ извѣстно, эта эпоха напряженной дѣятельности народа наложила свою рѣзкую печать на самый народный бытъ, характеръ, на поэтическое творчество: козачество стало олицетвореніемъ народа; оно составило новый богатырскій періодъ народной исторіи и вновь создало подобающій такимъ періодамъ героическій эпосъ, не только отличный отъ великорусскаго, но по слiянію эпической основы съ тономъ лирики и драматизма единственный во всей славянской народной поэзіи и блистающій истинными поэтическими красотами.

Эти вѣка, XVI—XVII и частію XVIII-й, когда Малороссія еще довольно долго жила своими старыми преданіями и порядками, отразились и на памятникахъ Кіева. Обновленіе кіевской древности, поправки и новыя украшенія Софійской церкви, Лаврскаго храма, Братскаго монастыря, основаніе академіи при этомъ монастырѣ, постройки Никольскаго монастыря, и т. д., относятся къ этому періоду полу-свободной, но еще спеціально южно-русской жизни, завершаясь многочисленными постройками фатальнаго гетмана Мазепы: провинившись передъ государствомъ, этотъ гетманъ успѣлъ не мало сдѣлать для церкви,—какъ призналъ это, говорятъ, императоръ Николай Павловичъ. Это время, XVI—XVIII вѣкъ, есть особый періодъ южно-русской исторіи, еще не очень далекій и оставившій любопытные памятники быта; нѣкогда историкъ отнесется къ нимъ съ большимъ интересомъ, котораго покамѣстъ еще мало видно. Осматривая эти памятники XVI—XVIII вѣка, церковныя постройки, церковную живопись, бытовые предметы, — которые едва только теперь находятъ къ себѣ вниманіе и получаютъ вполнѣ заслуженное мѣсто въ музеяхъ,—нельзя не обратиться съ живѣйшимъ интересомъ къ этой эпохѣ, составляющей такую любопытную страницу въ исторіи русской народности,—потому что южно-русская народность есть все-таки самая русская... И опять приходится высказывать глубокое прискорбіе о безпомощности русскаго научнаго дѣла. Мы говорили сейчасъ о „музеяхъ“. Собственно говоря, надо было сказать объ одномъ единственномъ — церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, который, при всемъ интересѣ находящихся въ немъ предметовъ, едва имѣетъ средства существованія. Частное собраніе, какъ говорятъ, весьма богатое, принадлежащее г. Т—му и находящееся въ его имѣніи, какъ и другія частныя коллекціи, не могутъ, конечно, считаться обезпеченнымъ и общедоступнымъ научнымъ матеріаломъ. Въ частныхъ рукахъ мы видѣли также любопытные археологическіе предметы, и думаемъ, что еслибы открылась возможность основанія въ Кіевѣ такого музея, какой теперь есть даже въ Ростовѣ (ярославскомъ), еслибы цѣльность музея была обезпечена отъ возможнаго риска, отъ котораго у насъ все еще не гарантированы подобныя учрежденія, въ Кіевѣ еще могъ бы собраться богатый запасъ археологическаго и историческаго матеріала, драгоцѣннаго для науки вообще и въ частности для исторіи южнаго края.

Въ настоящее время матеріалъ для бытовой исторіи, который только частію собранъ и можетъ быть еще собранъ въ большомъ изобиліи, остается разбросаннымъ и не описаннымъ. Онъ именно

могъ бы дать любопытнѣйшія черты для изображенія жизни южно-русской, какъ она сложилась къ XVI—XVII-му вѣку и доживала свое время въ XVIII-мъ. Это была жизнь совершенно своеобразная, по своему развившая начала стараго русскаго быта, а также воспринявшая отъ сосѣдства различные образовательные и бытовые элементы, которые на русской основѣ отразились оригинальными чертами общественности, нравовъ и обычаевъ. Пришлыя вліянія были особливо польскія, но вмѣстѣ западно-европейскія, проходившія черезъ Польшу, Галицію, Молдавію (какъ, напр., въ самомъ языкѣ утвердилось не мало словъ нѣмецкихъ, перешедшихъ черезъ польское посредство); частію были и восточные, отъ турецкаго и татарскаго сосѣдства. Въ сложности являлась жизнь, очень непохожая на тогдашнюю московскую; москвичи и смотрѣли нѣсколько подозрительно на этихъ „черкасскихъ (!) людей", которые были, правда, православные, но какого-то особеннаго рода. Была иная архитектура церквей, церковная живопись, обычаи; во львовской и кіевской школѣ образовались школьные нравы и обычаи, первое выдѣленіе образованнаго класса, что опять было неизвѣстно Москвѣ. Нѣкоторые образчики церковной живописи изъ тѣхъ временъ привели бы въ восторгъ историка стараго народнаго искусства,—гдѣ, подъ видимымъ западнымъ вліяніемъ, въ иконопись проникаетъ жанровая живопись и съ нею мѣстные бытовые мотивы. На традиціонныхъ изображеніяхъ страшнаго суда въ пасть адову идутъ на первомъ планѣ польскіе паны и ксендзы, а также туземная вѣдьма, крамарь и т. п., званія которыхъ тутъ же приписаны. Въ академическомъ музеѣ находится любопытная фотографія съ старинной иконы, гдѣ подъ сѣнію Покрова пр. Богородицы изображенъ Петръ Великій, Екатерина и малороссійская козацкая старшина; на старинныхъ кафляхъ (въ томъ же музеѣ) можно видѣть характерное изображеніе чубатаго запорожца. Далѣе—старыя церковныя вещи, особливо XVI—XVII вѣка и иконы южно-русскаго письма; козацкое оружіе разнаго рода; далѣе, южно-русскія гравюры, портреты историческихъ лицъ, и т. д. Между прочимъ, въ музеѣ сохранена (отъ готовившагося ей истребленія) профессорская каѳедра старой кіевской академіи; каѳедра служила до 1817 года, но происходитъ, вѣроятно, изъ XVIII вѣка и наглядно представляетъ старинную торжественность академическаго преподаванія; это—цѣлое сооруженіе, высокимъ полукругомъ, съ украшеніями на верху и съ церковными изображеніями на самой каѳедрѣ...

Нѣкогда этотъ старый малорусскій бытъ интересовалъ русскую литературу: Рылѣевъ посвящалъ той эпохѣ свои думы, Пуш-

кинъ — „Полтаву", Гоголь — великолѣпнаго „Тараса Бульбу"; въ извѣстныхъ повѣстяхъ Гоголя остаются прекрасныя картинки старосвѣтскаго провинціальнаго быта, гдѣ еще доживали свой вѣкъ черты стараго житья, которыя теперь уже отходятъ въ забываемую старину... Намъ кажется, что было бы благовременной и вмѣстѣ чрезвычайно интересной задачей для современныхъ историковъ южно-русскихъ, собрать историческую картину „домашняго быта и нравовъ" южно-русскаго народа за XVI—XVIII вѣкъ...

Наконецъ, Кіевъ этнографическій. Собственно говоря, кіевское общество очень смѣшанное, и великорусское, и малорусское, и польское, еврейское; господствующая народность несомнѣнно господствуетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Кіевъ есть и центръ малорусскій—по его исторіи, памятникамъ, народности края. Его давняя старина есть общерусская, но она потеряла историческую реальность и заключается только въ церковномъ преданіи; старина ближайшая чужда для великоруссовъ, но близка для его малорусскихъ аборигеновъ, какъ близка имъ и живущая окрестъ народность... Мнѣ случилось быть въ Кіевѣ въ концѣ апрѣля и началѣ мая, въ пору весенняго притока богомольцевъ, когда въ Кіевъ стекаются многія тысячи окрестнаго населенія. Я встрѣтился съ ними прежде всего около Софійскаго собора: отдѣльныя группы чинно шли черезъ дворъ къ собору, складывали ношу у дверей; вошедши въ церковь, усердно клали земные поклоны передъ святынями, и затѣмъ толпами, подъ руководствомъ натерѣлаго пономаря или сторожа, умѣвшаго „популярно" разсказать о древней святынѣ, осматривали весь храмъ, и между прочимъ, заглядывались на курьезные фрески лѣстницы, ведущей на верхнія галлереи, съ простодушнѣйшимъ благочестивымъ любопытствомъ—вѣроятно такимъ же, какъ ихъ предки дивились на Софійскую церковь въ XI-мъ столѣтіи. Здѣсь, какъ и у другихъ церквей, богомольцы находятъ пріютъ въ церковныхъ притворахъ, въ самихъ церквахъ, раскладывая свои дорожные мѣшки, располагаясь на отдыхъ, отъ древнихъ стариковъ до маленькихъ дѣтей. Все это — исключительно деревенскіе люди, и почти исключительно малоруссы (русскіе богомольцы приходятъ къ осени, въ августѣ); мои кіевскіе друзья, которые были моими чичероне, указывали мнѣ отдѣльныя группы: это—кіевскіе, то полтавскіе, черниговскіе; были также бѣлоруссы, даже молдаване. Лавра была наводнена благочестивыми странниками; углы церковныхъ сѣней были завалены холщевыми котомками, въ церкви едва можно было пробраться сквозь тѣсную толпу; пещеры были просто недоступны въ тѣ часы, когда направлялись туда богомольцы.

Въ этой толпѣ слышалась только малорусская рѣчь. Внѣшность толпы совсѣмъ не походила на русскую и типомъ, и одеждой и у женщинъ—особенно головными уборами: эти уборы, хотя очень простые, иногда чрезвычайно изящны и, чего не увидишь у русскихъ, украшены нерѣдко цвѣтами—если нѣтъ еще живыхъ цвѣтовъ, то и бумажными... Различіе двухъ народныхъ типовъ, великорусскаго и малорусскаго, наглядное.

Сказавши это, мы встрѣчаемся съ вопросомъ объ украинофильствѣ. Намъ всегда казалась, въ разныхъ отношеніяхъ, странной, непонятной ожесточенная вражда, съ какой различныя литературныя партіи относились и относятся къ тому направленію, которому даютъ названіе украинофильства. Эта вражда—явленіе не только странное, но, по нашему убѣжденію, глубоко зловредное по различнымъ интересамъ нашей литературы, науки и жизни общественной. Наша новѣйшая литература, задаваясь „высокой политикой",—для которой въ сущности имѣетъ очень мало данныхъ, —и при этомъ обходя молчаніемъ вопросы, гораздо болѣе близкіе и существенные, изощряетъ свое политическое глубокомысліе надъ „національными" предметами и, нападая на не имѣющее никакой юридической защиты украинофильство, теряетъ, наконецъ, всякое чувство простой дѣйствительности, а иногда своими инсинуаціями, быть можетъ, вводитъ въ заблужденіе и самую власть.

Что такое украинофильство? Это прежде всего простое чувство привязанности къ родинѣ. „Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія"; „съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ" объяснялъ нѣкогда Карамзинъ, указывая первые источники любви къ отечеству, и именно это естественное человѣческое чувство составляетъ простую основу украинофильства, изъ котораго у насъ хотятъ сдѣлать зловредное направленіе. Хотятъ доказать, что любовь къ „мѣсту рожденія и воспитанія" подрываетъ любовь къ отечеству, мѣшаетъ ей; но любовь къ мѣстной родинѣ не только не вредитъ любви къ отечеству, не противорѣчитъ ей, но естественно съ ней соединяется и составляетъ ея первое, самое крѣпкое основаніе. Наше отечество такъ обширно, такъ разнообразно, что любовь къ этому цѣлому, которое рѣдко кто видалъ во всемъ его необозримомъ объемѣ, возможна только черезъ ближайшее представленіе о мѣстной родинѣ, о непосредственной обстановкѣ жизни, ближайшихъ людяхъ. Принадлежность къ цѣлому у людей простыхъ сознается черезъ представленіе о „русской" землѣ и людяхъ и черезъ понятіе объ одной вѣрѣ и власти: какъ велика и гдѣ простирается эта земля и каковы эти люди, остается весьма неясно

и туманно; у людей болѣе или менѣе образованныхъ эти представленія, конечно, гораздо точнѣе, но и у нихъ ближайшей психологической подкладкой любви къ отечеству является та же самая любовь къ „мѣсту рожденія и воспитанія“ или къ мѣсту, гдѣ проходитъ вся жизнь съ ея общественными, трудовыми, личными, семейными связями. Въ большихъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, „земляки“ любятъ собираться въ свой кружокъ, гдѣ при всемъ различіи понятій и самыхъ общественныхъ положеній ихъ соединяетъ одно „мѣсто рожденія и воспитанія“: здѣсь они находятъ общую и инстинктивную связь—въ общности тѣхъ впечатлѣній, какія нѣкогда оставила въ нихъ родина, все еще дорогая, хотя иногда давно покинутая и даже существующая уже не въ томъ видѣ, какъ они ее когда-то знали. Самый зачерствѣвшій въ житейской практикѣ человѣкъ не остается чуждъ этимъ впечатлѣніямъ родины; насколько воспріимчивѣе къ нимъ человѣкъ съ живымъ чувствомъ и развитымъ умомъ?

Не-малоруссамъ украинофильство можетъ представляться чѣмъ-то исключительнымъ, потому что здѣсь является иной оттѣнокъ народности, иная природа страны, иная исторія. Но чтобы быть безпристрастнымъ къ этой мнимой исключительности—надо провѣрить ее собственнымъ чувствомъ; человѣкъ правдивый убѣдится, что въ ней нѣтъ ничего, требующаго нашей вражды.

Должна ли естественная, законная любовь къ „мѣсту рожденія и воспитанія“ остаться только однимъ личнымъ чувствомъ, безплоднымъ и недѣятельнымъ? Очевидно, нѣтъ. Если наше время съ особеннымъ настойчивымъ вниманіемъ изучаетъ народную жизнь во всѣхъ ея оттѣнкахъ и направленіяхъ, находитъ въ этомъ глубочайшій интересъ соціологіи, этнографіи, литературы, искусства, ищетъ здѣсь разрѣшенія вопросовъ не только индифферентно-научныхъ, но нравственныхъ и соціальныхъ, то тѣмъ ближе это изученіе для мѣстнаго патріота. Предметъ ему ближе, чѣмъ кому иному; онъ можетъ гораздо глубже, чѣмъ посторонній наблюдадатель, подмѣчать и указывать характерные мотивы, тонкія подробности и особенности быта и народа, выдвинуть то, что̀ наиболѣе любопытно для исторіи и этнографіи, что̀ интересно какъ мотивъ для поэзіи и искусства.

Изученіе мѣстной исторіи само собой выпадаетъ въ особенности на долю мѣстныхъ дѣятелей: у нихъ подъ руками старые казенные и семейные архивы, памятники, преданія, воспоминанія старожиловъ; событія могутъ быть изображены ярче и правдивѣе, когда рядомъ ихъ былая обстановка и еще слышатся иной разъ ихъ отголоски въ народномъ преданьѣ и разсказѣ. Изслѣдованіе

этнографическое можетъ быть и правильно ведено лишь тогда, когда собиратель и критикъ работаютъ на мѣстѣ, когда предметъ, народная жизнь, является передъ ними цѣликомъ, во всемъ своемъ составѣ, когда пѣсня, сказка, легенда, повѣрье наблюдается рядомъ съ практическимъ бытомъ, нравами, обычаемъ, праздникомъ, обрядомъ. Чтобы записать произведеніе народной поэзіи, необходимо вполнѣ владѣть языкомъ,—особливо, когда этотъ языкъ, какъ малорусскій, требуетъ спеціально знанія, когда онъ существуетъ въ разныхъ, еще не вполнѣ изученныхъ оттѣнкахъ нарѣчій и говоровъ, когда еще не собранъ его полный словарь. Только на мѣстѣ можно изучить внѣшнія подробности быта—постройку хаты, костюмъ, пріемы хозяйства, деревенскіе промыслы и т. д.

Наконецъ, весьма естественно литературное употребленіе мѣстнаго языка, если онъ довольно отличенъ отъ обычнаго книжнаго, довольно распространенъ, самъ имѣетъ уже литературное преданіе—какъ малорусскій. Въ настоящее время меньше, чѣмъ когда-нибудь надо было бы дѣлать изъ этого вопросъ. Въ средѣ самыхъ богатыхъ литературъ, какъ нѣмецкая и французская, мы видимъ все возрастающій интересъ не только вообще къ изученію народности, но и въ частности къ литературной обработкѣ мѣстныхъ нарѣчій. Никому не приходитъ въ голову, чтобы книжное употребленіе провансальскаго или нижне-нѣмецкаго нарѣчія чѣмъ-нибудь помѣшало господствующему литературному языку. Напротивъ, начинаетъ пробиваться мысль, что, быть можетъ, разработка мѣстнаго матеріала нарѣчій послужитъ съ пользою для самой господствующей книжной рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, эта послѣдняя, въ своемъ историческомъ образованіи, была плодомъ весьма сложнаго процесса; это не есть подлинный языкъ какой-либо доли племени, напр. даже господствующей народности, а есть наслоеніе множества составныхъ элементовъ, собиравшихся подъ историческими условіями и практической жизни общества и хода его просвѣщенія. Языкъ малорусскій уже внесъ одну свою долю въ русскій литературный языкъ со временъ кіевской школы и до новѣйшихъ отголосковъ малорусской рѣчи въ литературѣ. Господствующій литературный языкъ есть сводъ, составившійся изъ матеріала данной эпохи и подъ вліяніемъ извѣстныхъ литературныхъ понятій и условій; но онъ не есть что-либо разъ навсегда установленное и неподвижное; онъ растетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ литература расширяетъ объемъ своего содержанія и раздвигаетъ свой горизонтъ съ успѣхами научнаго знанія и бóльшимъ изученіемъ народной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни совершенъ

языкъ Пушкина и Лермонтова, наша литературная рѣчь стала несомнѣнно богаче теперь, въ новомъ періодѣ нашей литературы, когда съ одной стороны увеличился въ ней запасъ научнаго знанія, съ другой—запасъ изображеній народнаго быта. Расширеніе мѣстныхъ изученій, и въ ряду ихъ развитіе литературы малорусской, должны со временемъ только обогатить нашу литературную рѣчь, какъ и литературное содержаніе. Если, какъ говорятъ, русскому языку предстоитъ или слѣдуетъ сдѣлаться общимъ литературнымъ языкомъ славянскаго міра (что не кажется намъ невѣроятнымъ, и кажется желательнымъ), то эта будущая роль его будетъ возможна лишь при условіи такого новаго широкаго развитія, о какомъ мы говоримъ: должно опять совершаться воспріятіе новыхъ элементовъ, и русская литературная рѣчь должна не чуждаться, а искать новаго матеріала, въ томъ числѣ этнографическаго.—И въ то же время, чѣмъ меньше сама литература будетъ страдать узкой исключительностью, чѣмъ дружелюбнѣе будетъ относиться въ мѣстнымъ интересамъ, тѣмъ она будетъ привлекательнѣй для остального славянства. Къ сожалѣнію, наши мнимо-національные ревнители дѣйствуютъ какъ-разъ наоборотъ: литературу огромнаго народа они стремятся изъ всѣхъ силъ сдѣлать литературой одного прихода,—въ результатѣ они больше отталкиваютъ отъ нея братьевъ-славянъ, чѣмъ привлекаютъ въ ней. Это начинаютъ замѣчать теперь съ разныхъ сторонъ.

Но независимо отъ этихъ соображеній, малорусская литература сама по себѣ имѣетъ полное право на бытіе. Во-первыхъ, она началась уже давнымъ-давно, не съ Котляревскаго или Гулака, а еще съ XVI—XVII вѣка, а отдѣльными памятниками и раньше; это становится все болѣе очевиднымъ по мѣрѣ того, какъ разслѣдуются памятники старой южно-русской письменности, —такъ что новѣйшій ея періодъ имѣлъ уже свои историческіе антецеденты—въ старыхъ лѣтописяхъ, опытахъ перевода св. писанія, драматическихъ пьесахъ, нравоучительныхъ стихотвореніяхъ, переводныхъ повѣстяхъ и т. д. Къ этимъ старымъ начаткамъ литературы присоединились въ нынѣшнемъ столѣтіи новыя возбужденія: въ періодъ народнаго романтизма началось собираніе малорусской народной поэзіи, явились русскія литературныя изображенія народной жизни, и рядомъ—разсказы и стихотворенія на малорусскомъ языкѣ. Малорусскія думы и пѣсни были по истинѣ привлекательны; интересъ къ нимъ былъ такъ естественъ, что онъ не меньше овладѣлъ русскими, чѣмъ малорусскими этнографами и любителями. Такъ начиналась новая малорусская ли-

тература. Въ тѣ времена не было мысли о томъ, имѣетъ ли право заявлять о себѣ этнографическими сборниками и литературными произведеніями эта отрасль русской народности: ея особность была наглядна, оригинальность несомнѣнна, и тогдашніе ревнители народнаго начала даже съ радостью встрѣчали эти факты пробуждающагося народнаго чувства. Возраженія шли только съ одной стороны. Критика Бѣлинскаго полагала, что увлеченіе непосредственной народностью слишкомъ узко и мѣшаетъ болѣе широкому пониманію общихъ художественныхъ, а также и общественныхъ вопросовъ: въ ту минуту, относительно тогдашнихъ народныхъ романтиковъ, она и не совсѣмъ въ этомъ ошибалась, потому что тогдашніе романтики народности въ жару этнографическаго увлеченія плохо понимали нѣкоторые общіе вопросы литературы и общественной жизни, слишкомъ часто вторили Погодину, Шевыреву, „Маяку" и т. д., какъ, наоборотъ, прогрессисты подъ преувеличеніями этнографическаго романтизма не оцѣнили зерна глубокой научной и соціальной правды. Но, все-таки, въ тѣ годы не было рѣчи о той враждѣ, какая впослѣдствіи накинулась на украинофильство съ злостными политическими обвиненіями и подозрѣніями.

Новые успѣхи этнографіи конечно расширили и объемъ изученій, и энтузіазмъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, это совпало съ тревожнымъ временемъ въ нашей внутренней жизни, и расплодившіеся самозванные патріоты поспѣшили разыскивать „сепаратизмъ", „интригу", „руку" и т. п. При этомъ сдѣлано было извѣстное открытіе, что то самое украинофильство, которое по своему существу было противоположностью полонизму, было яко бы созданіемъ и орудіемъ „польской интриги".

Въ чемъ же дѣло, и какъ могло произойти это невѣроятное открытіе? Вся исторія Украйны за послѣднія столѣтія была или открытой, съ оружіемъ въ рукахъ, или глухой борьбой двухъ племенъ, различныхъ и по языку, и по исповѣданію, и по соціальнымъ отношеніямъ; герои украинской исторіи и поэзіи— враги Польши; въ новѣйшее время (какъ и въ старое) украинскій народъ все еще былъ „хлопъ" польскаго „пана"; въ послѣднее возстаніе деревенскій народъ показалъ недвусмысленно, что старая вражда жива по сію минуту. Малорусская новая литература на первыхъ же порахъ коснулась этого стараго преданія, и русской критикѣ пришлось воздерживать кровожадность украинскаго народолюбія относительно Польши (разборъ „Гайдамаковъ" у Бѣлинскаго). Новѣйшая историческая и этнографиче-

ская разработка малорусской старины и народности встрѣчается, конечно, все съ тѣми же фактами прошлаго и настоящаго, и кто сколько-нибудь знакомъ съ этой разработкой, тотъ видитъ пошлую безсмыслицу упомянутаго обвиненія.—Прибавимъ, что людямъ, которые заинтересованы нашимъ украинскимъ народомъ, не можетъ быть чуждъ интересъ къ тому же южно-русскому народу въ Галиціи, а тамошнія русско-польскія отношенія не изъ самыхъ дружелюбныхъ.

Да, скажутъ подозрительные люди, это такъ по внѣшности, но интрига въ томъ и заключалась, чтобы скрывать свою хитрую игру, и ваша довѣрчивость будетъ обманута. Но вѣдь указанные „внѣшніе" факты имѣютъ свой смыслъ и свое дѣйствіе, которыхъ нельзя передѣлать ни во что иное.

Далѣе, украинофильство имѣетъ свои оттѣнки, свои отдѣльныя мнѣнія, и если что-нибудь изъ нихъ можетъ вызывать недовольство строгихъ наблюдателей, то есть ли какая-нибудь логика и справедливость распространять обвиненіе на цѣлый кругъ людей, которымъ просто дорога своя родина?

Нелегко сказать, какой теоретическій взглядъ лежитъ въ основаніи обвиненій противъ украинофильства. Едва ли не главное основаніе состоитъ въ мѣстной сплетнѣ, которая этимъ путемъ достигаетъ собственныхъ цѣлей, запугивая инсинуаціями (какъ извѣстно, рѣчь доходила до миѳическаго „сепаратизма") и строя на этомъ свою карьеру блюстителей цѣлости россійской имперіи. Еслибы въ самомъ дѣлѣ были факты, грозящіе единству нашего отечества или заключающіе иное нарушеніе закона, они просто могли бы быть обнаруживаемы и пресѣкаемы путемъ обыкновеннаго суда; но такихъ фактовъ мы не знаемъ. Литературная полемика, насколько она выставляетъ вразумительные аргументы, исходитъ изъ представленія о вредѣ развитія мѣстныхъ особенностей и стремленій, будто бы мѣшающихъ, болѣе въ нравственномъ смыслѣ, національному единству. Но если въ интересѣ этого единства слѣдуетъ стирать всѣ мѣстныя отличія самого русскаго племени, то, конечно, слѣдуетъ тѣмъ паче стереть всѣ не-русскія національности: это была бы задача для мономана, достойная извѣстнаго щедринскаго героя, вопрошавшаго: „зачѣмъ рѣка"? Въ самомъ дѣлѣ, желать, чтобы сразу, или въ нѣсколько лѣтъ, стерлись явленія племенной природы, создавшіяся вѣками и тысячелѣтіями, есть чистая мономанія или же круглое невѣжество; а если останется существовать племя, то оно несомнѣнно будетъ поставлять своихъ представителей, которые будутъ выражать его

особность въ литературѣ, наукѣ, искусствѣ, общественной жизни. Наше государство не ставило себѣ задачей истребленія иноплеменныхъ народностей, предоставляло нѣмцамъ и татарамъ быть нѣмцами и татарами, напр., держало особый нѣмецкій университетъ и татарскія школы,—требуя отъ инородцевъ лишь исполненія гражданскихъ обязанностей и оставляя будущему ихъ естественное смѣшеніе съ племенемъ господствующимъ. Такая богатая образованность и бытовая культура, какъ французская, въ соединеніи съ такой всепоглощающей централизаціей, какъ французская, не въ состояніи были одолѣть мѣстной провансальской или бретонской стихіи, которыя теперь заявляютъ о своемъ существованіи. Наши мономаны хотятъ, чтобы не былъ мыслимъ даже особый оттѣнокъ самой русской народности. Они забываютъ, что разнообразіе племенного типа являлось результатомъ долго дѣйствовавшихъ природныхъ и бытовыхъ условій, и еслибы какимъ-нибудь образомъ было достигнуто объединеніе, то все-таки возможно, что потомъ подъ дѣйствіемъ тѣхъ же и новыхъ условій снова явились бы особые мѣстные типы, какъ, напр., до сихъ поръ сѣверный французъ, нѣмецъ, итальянецъ не похожи на южныхъ. Замѣтимъ, наконецъ, что стремясь подравнивать всѣхъ къ одному шаблону и насилуя природу, ревнители одноформенности создаютъ развращающее вліяніе, которое не минуетъ отозваться порчей на самомъ обществѣ: человѣкъ, который изъ-за той или другой приманки или угрозы легко откажется отъ преданій родины, есть плохое пріобрѣтеніе для общества; это—человѣкъ, равнодушный къ нравственному требованію, который будетъ равнодушенъ къ нему и въ своемъ новомъ кругу. Но только боязливый, ограниченный взглядъ можетъ считать такое отрицаніе и гоненіе всякой мѣстной индивидуальности необходимымъ для интересовъ общества и государства: на дѣлѣ, государственный интересъ такъ охраненъ всѣмъ ходомъ вещей, всѣмъ теченіемъ политической и экономической жизни, что вовсе не нуждается въ подавленіи мѣстныхъ особенностей, которыя ему вовсе не мѣшаютъ. Напротивъ, сила государства создается именно сознаніемъ его членовъ, что подъ его эгидой защищены первоначальные нравственные интересы народной массы и общества. Разумная политика предоставитъ силѣ вещей, естественному процессу жизни практическое и нравственное объединеніе, не нанося ущерба или гибели живому развитію мѣстныхъ силъ, которое составитъ и собственную силу государства. На самомъ дѣлѣ, этотъ процессъ не подлежитъ сомнѣнію; объединеніе совершается множествомъ различныхъ путей—и учреж-

деніями, и промышленными связями, и продолженіемъ желѣзныхъ дорогъ, и высшей школой, и литературой, и надо, напротивъ, желать, чтобы мѣстныя силы естественно и спокойно входили въ это общее теченіе государственной жизни, безъ принужденія и насилія, совершенно ненужнаго, но способнаго оскорблять мѣстное чувство, а кромѣ того, способнаго подавлять живые ростки мѣстной оригинальности и талантливости: слѣдствіемъ гоненія и насилія будетъ только обѣдненіе цѣлаго умственнаго запаса націи. —Опасенія, что украинофильство можетъ быть ущербомъ для русской литературы, свидѣтельствуютъ только о слишкомъ низкой оцѣнкѣ самой этой литературы: она имѣетъ достаточно богатое прошедшее и достаточно данныхъ дальнѣйшаго роста, чтобы нуждаться въ полицейской защитѣ отъ начатковъ мѣстной литературы. Желательно напротивъ, чтобы та мѣстная стихія, которая уже въ прошломъ имѣла свои великія заслуги для русскаго просвѣщенія въ трудахъ южно-русскихъ ученыхъ людей XVII—XVIII вѣка, которая создала прелестную народную поэзію, а въ новѣйшее время выростила для русской литературы Гоголя и для малорусской Шевченка и т. д., не оскудѣла въ своемъ творчествѣ и дала обще-русской жизни то лучшее, что можетъ создать даровитая природа своеобразной народности...

Намъ всегда казалась странной та враждебность, съ какою въ извѣстной части нашей литературы начали въ послѣднее время относиться къ стремленіямъ южно-русской литературы и къ „украинофильству"—нелѣпый книжническій терминъ, прилагаемый къ здоровому чувству людей къ своей родинѣ. Но впечатлѣніе становится гнетущимъ, когда видишь, хотя не надолго, Кіевъ съ его старыми святынями, историческими памятниками, его живописной красотой, его окрестностью, съ толпами чистѣйшаго южно-русскаго народа на богомольѣ—и немногія, стѣсненныя попытки изучить это историческое содержаніе, сохранить память старины, собрать, на общую пользу, лучшія проявленія этой жизни въ народной поэзіи, обычаѣ и т. д. Если гдѣ-нибудь въ нашей провинціи, то именно здѣсь должно бы быть историческому музею, и это, мы думаемъ, былъ бы богатый, въ высокой степени любопытный и поучительный музей, еслибы только внѣшнія условія не дѣлали, какъ теперь, подобной мысли почти неисполнимою... Тѣ, чья подозрительность вездѣ отыскиваетъ вражду, не могли бы лучше и вѣрнѣе противодѣйствовать ей, какъ, напр., участіемъ къ подобному дѣлу, которое было бы и дѣломъ обще-русскимъ, потому что Кіевъ не только съ его древнимъ, но и позднимъ южно-

русскимъ прошедшимъ, привязанъ къ цѣлому русскому народу тѣснѣйшими и вѣковыми связями. Кіевъ, безъ своего историческаго учрежденія, хранящаго одинаково и древнѣйшую старину всей русской земли, и его украинскія воспоминанія, безъ какой-нибудь правильной организаціи изученія края, есть уродливость и укоръ близорукости и нетерпимости нашего времени...

Мы говорили выше о необходимости для историка и этнографа, для писателя и художника—хотя общаго знакомства съ главными мѣстностями русской земли и съ основными типами народа, необходимости живыхъ, личныхъ впечатлѣній, для того, чтобы представленіе о своей землѣ и народѣ не оставалось сухимъ, отвлеченнымъ, какъ оно дается одною книгой. Странно сказать, но историкъ „Россіи съ древнѣйшихъ временъ",—единственнаго обширнаго историческаго труда, который доведенъ почти до нашего вѣка,—никогда, если не ошибаемся, не поинтересовался видѣть Кіевъ и южную Россію; но едва ли сомнительно, что это обстоятельство, или та складка характера, изъ которой исходило это отсутствіе интереса видѣть Кіевъ, повліяли на самое изложеніе. Могло быть, что у историка даже заранѣе существовало извѣстнаго рода предубѣжденіе, мѣшавшее этому интересу; но надобно думать, что личное знакомство со страной, народнымъ характеромъ, памятниками, побудили бы историка къ болѣе безпристрастному взгляду на прошедшее. Съ другой стороны, писатель, близко знакомый съ страной и народомъ, умѣлъ не только живѣе изобразить событія ихъ исторіи, но, подъ впечатлѣніями этой мѣстной жизни, въ самомъ ходѣ цѣлаго историческаго развитія открывалъ явленія и законы, не замѣченные другими.

Незнакомство нашихъ крупныхъ писателей съ Кіевомъ и вообще южно-русской жизнью, которая въ ихъ глазахъ очевидно была особой этнографической средой, какъ незнакомство ихъ съ другими своеобразными краями Россіи и типами мѣстнаго народа и общества, — закрывало для нихъ и для русской литературы цѣлую интересную сторону творчества—областную бытовую новеллистику, образчики которой далъ Мельниковъ (благодаря тому, что былъ полу-этнографъ) и которой, вѣроятно, предстоитъ со временемъ развиться въ нашей литературѣ, когда литература, и вообще наша образованность получатъ возможность достойнымъ образомъ стать на уровнѣ національно-государственнаго значенія Россіи... Это областная новеллистика уже начинается теперь: кромѣ романовъ Мельникова, есть уже рядъ разсказовъ изъ быта уральскаго, сибирскаго и т. д.; но какимъ оригинальнымъ созда-

ніемъ могъ бы явиться подобный матеріалъ въ рукахъ художника первостепеннаго!

Пока народится такой художникъ, можно желать, по крайней мѣрѣ, чтобы развилась литература путешествій, не тѣхъ, какія являются теперь иногда въ видѣ сборниковъ изъ газетныхъ фельетоновъ, но такихъ, по крайней мѣрѣ, какими бывали въ свое время книги г. Максимова (только бы не съ ихъ ухищреннымъ тяжелымъ языкомъ),—гдѣ съ описаніемъ края рисовались бы и картины мѣстнаго народа и быта. Безъ такой литературы, безъ другихъ трудовъ для изученія русской природы и народной жизни, наше такъ-называемое „самосознаніе“ будетъ оставаться скучной фразой.

А. Пыпинъ.

ЭДУАРДЪ БУЛЬВЕРЪ

Біографическій очеркъ.

The life, letters and literary remains of Ed. Bulver, lord Lytton, by his son.

Автобіографія англійскаго романиста Эд. Бульвера, изданная его сыномъ лордомъ Литтономъ, составляетъ пока только два тома; но и въ нихъ уже собрано много матеріала, который знакомитъ подробно съ жизнью и дѣятельностью писателя, въ свое время занимавшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нравоописателей-романистовъ. Кромѣ этой самой автобіографіи, тутъ помѣщены письма покойнаго, эскизы, поэмы, планы задуманныхъ имъ романовъ, начатые романы, а также дополнительныя главы, писанныя уже сыномъ Бульвера.

Несмотря на весь чисто-національный характеръ произведеній Бульвера, они имѣли массу читателей и немалое вліяніе даже и внѣ Англіи; на русскомъ языкѣ въ свое время появлялись также всѣ главнѣйшія его произведенія. Въ пору еще недалекую отъ романтизма Бульверъ выступилъ съ произведеніями, гдѣ идеализмъ соединялся съ реальнымъ изображеніемъ жизни; онъ отвѣчалъ выроставшей потребности въ изученіи современныхъ условій общества. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ предшественникомъ Диккенса, Дж. Эліотъ и другихъ писателей реально-идеалистической школы.

Современные критики ставятъ Бульвера на ряду съ корифеями англійской литературы, но онъ не представлялъ собою такого рѣзкаго отпечатка сильной личности, какой бросается въ глаза въ произведеніяхъ Байрона и Шелли, Диккенса или Теккерея. Бульверъ не поддается такой ясной характеристикѣ какъ вышеназванные авторы. Мы замѣчаемъ даже нѣкоторую двойственность

его натуры, которая проявляется также и въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ, и въ его политической дѣятельности. Въ жизнеописаніи Бульвера есть длинная глава, писанная лордомъ Литтономъ и трактующая о религіозныхъ убѣжденіяхъ его отца, которыя, въ сущности, можно охарактеризовать словами самого Бульвера. Онъ утверждалъ, что его религіозныя убѣжденія „таковы, какихъ придерживаются всѣ разумные люди“; будучи же спрошенъ о томъ, каковы же эти убѣжденія? онъ обыкновенно отвѣчалъ: „разумные люди никогда о нихъ не говорятъ“.

Любознательному уму Бульвера было необходимо познакомиться съ философскими воззрѣніями Гельвеція, Дидро и Вольтера, но, восторгаясь ихъ геніальными твореніями, Бульверъ не могъ усвоить ихъ ученія, чуждаго его уму и симпатіямъ. Лордъ Литтонъ утверждаетъ, что вообще философія восемнадцатаго столѣтія казалась ему бездоказательною и неспособною содѣйствовать излеченію соціальнаго недуга. Онъ былъ, однако, большимъ почитателемъ Гельвеція, но еще болѣе Юма, котораго онъ серьозно изучилъ, еще будучи въ университетѣ. „Но, замѣчаетъ лордъ Литтонъ, насколько мнѣ извѣстно, мой отецъ не былъ послѣдователемъ ни одного изъ извѣстныхъ философовъ, подобно тому, какъ, напр., Гёте былъ послѣдователемъ Спинозы, Шиллеръ—Канта, а Дж. Эліотъ—Ог. Конта“... „Индивидуальныя качества моего отца, замѣчаетъ далѣе лордъ Литтонъ, вообще не легко поддаются оцѣнкѣ: посвятивъ всю свою долгую и плодотворную жизнь замѣчательно сложной дѣятельности какъ литературной, такъ и политической, мой отецъ обладалъ совершенно своеобразнымъ взглядомъ на вещи, который весьма трудно опредѣлить съ точностью“.

Многосторонность таланта Бульвера, въ самомъ дѣлѣ, поразительна. Этотъ плодовитый писатель пробовалъ свои силы въ романахъ „фешэнебельныхъ“, историческихъ, реалистическихъ, сенсаціонныхъ, фантастическихъ и друг. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бульверъ заявилъ себя какъ лирикъ, драматургъ, сатирикъ, историкъ, ораторъ и критикъ.

Извѣстный англійскій романистъ Антони Троллопъ, въ недавно вышедшей его автобіографіи, весьма мѣтко характеризуетъ Бульвера: „Несомнѣнно, говоритъ онъ, что Бульверъ былъ человѣкъ съ огромнымъ дарованіемъ. Болѣе серьезно образованный нежели кто либо изъ названныхъ мною романистовъ (Диккенсъ, Теккерей и друг.), онъ всегда располагалъ готовымъ запасомъ познаній, которыя примѣнялъ въ своихъ романахъ, требовавшихъ вслѣдствіе этого отъ читателя не только вниманія, но и научной под-

готовки. Онъ понималъ хорошо и политику, и законодательство своей родины—предметы, въ которыхъ Диккенсъ былъ замѣчательный невѣжда, и которые также были весьма смутно извѣстны Теккерею. Начитанность у Бульвера была огромная, и результатами ея онъ всегда дѣлился съ читателями. Изъ романовъ его можно всегда было вынести не только одно эстетическое наслажденіе, но и пользу. Во всемъ, что онъ писалъ, видѣнъ былъ широкій кругозоръ, имѣвшій основаніемъ не одинъ умъ и воображеніе, но науку и серьезное изученіе своего предмета... Въ своихъ романахъ Бульверъ постоянно бьетъ на эффектъ и дѣйствительно его производитъ; только лучше было бы, еслибы не проявлялось вовсе этого постояннаго стремленія къ эффекту... Въ замыслѣ Бульверъ всегда простъ и удобопонятенъ; читатель не чувствуетъ въ его разсказахъ, какъ, напр., у Уильки Коллинза, что все только придумано, или какъ у Дж. Эліота, что сюжетъ отсутствуетъ, а есть только характеры и идеи. Событія логично слѣдуютъ одни за другими, доказывая этимъ выработанность и зрѣлость таланта автора. Языкъ у него ясный, правильный, но порою нѣсколько вычурный. У него одинъ недостатокъ—аффектація".

Собственно „автобіографія" Бульвера, къ сожалѣнію, занимаетъ слишкомъ мало мѣста въ вышедшихъ двухъ томахъ; она заканчивается періодомъ его женитьбы, и вообще пространна только въ описаніи его дѣтскихъ лѣтъ; но она отчасти дополняется многими письмами и выдержками изъ неизданныхъ его рукописей. Рѣдко человѣкъ, предпринимающій свою автобіографію, остается вполнѣ искреннимъ. Достаточно вспомнить автобіографію Жоржъ Зандъ (L'histoire de ma vie) и автобіографію Гёте, гдѣ онъ передаетъ только то, что казалось ему болѣе поэтическаго въ его жизни, а обо всемъ остальномъ хранитъ строгое молчаніе. „Исповѣдь" Руссо остается исключеніемъ. Искренности недостаетъ и въ автобіографіи Бульвера, но факты ранней жизни, на которыхъ онъ останавливается подробно, тѣмъ не менѣе очень любопытны для объясненія его литературнаго характера.

Отецъ романиста, генералъ Бульверъ, владѣлецъ замка Гейдонъ-Голлъ (въ графствѣ Норфолькъ), подобно многимъ людямъ, недовольнымъ своею судьбой и испытавшимъ сердечное горе, надѣялся излечить свои душевныя раны женитьбой на молоденькой, неопытной дѣвушкѣ — миссъ Литтонъ. Съ матерьяльной точки зрѣнія, его выборъ былъ очень удачный: — миссъ Литтонъ была единственной наслѣдницей историческаго замка Кнебвортъ, пере-

шедшаго теперь во владѣніе сыну Бульвера—лорду Литтону; прекрасныя душевныя качества молодой дѣвушки, казалось, служили порукою въ томъ, что этотъ бракъ будетъ счастливымъ; на дѣлѣ, однако, вышло иначе, и не по ея винѣ! Согласившись на бракъ, миссъ Литтонъ подчинилась только волѣ своего отца. Она слишкомъ поздно убѣдилась въ своей ошибкѣ. Ген. Бульверъ былъ деспотъ въ полномъ смыслѣ этого слова и требовалъ безпрекословнаго повиновенія отъ жены, которая была совершенно иного воспитанія и взгляда на вещи. Миссъ Литтонъ, по природѣ одаренная поэтическимъ талантомъ, докончила свое воспитаніе подъ наблюденіемъ своего отца—ученаго и букводѣда, послужившаго впослѣдствіи Бульверу для изображенія изъ главныхъ типовъ въ романѣ „Семейство Кавстоновъ". Позднѣе увидимъ, какое благотворное вліяніе имѣла эта симпатичная женщина на своего сына Эдуарда, который съ любовью описываетъ тѣ сцены изъ дѣтской его жизни, когда его молодая мать съ увлеченіемъ цитировала ему, часто наизусть, и съ необыкновеннымъ паѳосомъ, цѣлыя тирады изъ Иліады Гомера въ переводѣ Попе, или другіе образцы англійской классической поэзіи. Но прежде нежели эта мечтательная женщина пріобрѣла возможность предаться по своему усмотрѣнію воспитанію сына, ей пришлось испытать много душевныхъ страданій. Ген. Бульверъ съ годами становился все болѣе и болѣе деспотичнымъ, чему не мало способствовала его болѣзненность.

Отъ этого брака родилось трое сыновей, которые служили скорѣе яблокомъ раздора между супругами, нежели умиротворяющимъ элементомъ. Старшіе сыновья [1]) воспитывались у родственниковъ, а Эдуардъ—младшій изъ нихъ (впослѣдствіи извѣстный романистъ), родившійся въ 1803 г., былъ любимцемъ матери и воспитывался подъ ея личнымъ наблюденіемъ.

Генералъ Бульверъ въ своей домашней жизни былъ слишкомъ крутого нрава, но благодаря образцовому порядку въ ввѣренномъ ему отрядѣ, его гостепріимству и благотворительности, онъ заслужилъ себѣ популярность между бѣднымъ населеніемъ Ланкашира. Среди мечтаній о новомъ повышеніи по службѣ, смерть настигла этого честолюбиваго человѣка, не съумѣвшаго

---

[1]) Изъ нихъ второй сынъ ген. Бульвера — Генри, извѣстный дипломатъ. Въ 1843—48 г. онъ былъ посланникомъ въ Мадритѣ; въ 1849 г. уполномоченнымъ въ Вашингтонѣ, гдѣ заключилъ трактатъ Бульверъ-Клейтона; въ 1852-55 г., — посланникомъ въ Тосканѣ; послѣ членомъ коммиссіи въ Придунайскихъ княжествахъ, а съ 1858-65 г.—посланникомъ въ Константинополѣ. Онъ написалъ замѣчательное сочиненіе: „France social, literary, political", и The Monarchyof the Middle classes".

оцѣнить свое семейное счастье и отравившаго жизнь своей молодой впечатлительной и болѣзненной женѣ, вполнѣ достойной уваженія и любви.

По смерти отца, Эдуардъ Бульверъ попеременно жилъ то у матери, то у дѣда. Ему не было еще семи лѣтъ, когда скончался этотъ дѣдъ, оставивъ ему въ наслѣдство всю свою богатую библіотеку. Книги, привезенныя въ Лондонъ, въ домъ его матери, привели въ несказанный восторгъ будущаго романиста. Очень вѣроятно, что это первое сильное впечатлѣніе ранней молодости помогло опредѣлить его литературную карьеру; во всякомъ случаѣ, эти книги возбудили въ немъ, еще мальчикѣ, ненасытную жажду къ знанію. Вотъ какъ самъ Бульверъ описываетъ эту знаменательную эпоху его ранней молодости.

„Это было моей троянскою войной, моимъ персидскимъ нашествіемъ, моей французской революціей:—книги наводнили весь нашъ домъ подобно великому потопу:—онѣ измѣнили характеръ нашихъ уютныхъ комнатъ, произведя вездѣ безпорядокъ, загромоздивъ всѣ закоулки до самаго чердака; но главнымъ пристанищемъ для нихъ служила большая столовая, гдѣ я, подобно Ною, помѣстилъ свой ковчегъ. У меня недостаетъ словъ описать, какими ощущеніями страха, любопытства, удивленія и восторга было обуреваемо мое юное сердце, когда я пристроивался въ этомъ тихомъ пріютѣ среди великихъ памятниковъ ума. Даже теперь вспоминая объ этомъ событіи въ моемъ дѣтствѣ, я чувствую, что мое сердце сильнѣе бьется; я вновь переживаю то радостное ощущеніе, съ которымъ я тогда смутно, ощупью старался отгадать смыслъ длинныхъ, непонятныхъ словъ, философскихъ изреченій и метафоръ". Наконецъ, утомившись отъ такого напряженія ума и странствованія среди книгъ, писанныхъ на незнакомыхъ ему и мертвыхъ языкахъ, любознательный мальчикъ отъискалъ книги, болѣе доступныя для его пониманія; это были: вѣчно-юный „Донъ-Кихотъ Ламанчскій", „Амадисъ" и „Королева-волшебница", стараго писателя Спенсера. „Я многаго не понималъ въ этихъ фантастическихъ произведеніяхъ,—говоритъ Бульверъ,—тѣмъ болѣе, что мое воспитаніе въ это время было такъ мало подвинуто, что я даже не умѣлъ писать безъ ошибокъ; но я тогда, въ этомъ смутномъ пониманіи поэтическихъ красотъ, находилъ несравненно болѣе наслажденія, нежели теперь, при сознательномъ чтеніи этихъ же самыхъ писателей. Мой мозгъ наполнялся тогда всевозможными отрывочными познаніями, совершенно недоступными моему возрасту и пониманію, но я не сомнѣваюсь, что многіе изъ этихъ атомовъ познаній, безсозна-

тельно сохранившіеся въ моей памяти, облеклись гораздо позднѣе въ мысли и не разъ оказывали мнѣ хорошую услугу". „Навѣрное можно сказать одно, — замѣчаетъ далѣе Бульверъ, — что я очень углубился въ бездну метафизики, потому что я однажды озадачилъ свою мать вопросомъ: — „Мама, не тяготитъ ли тебя иногда чувство собственнаго тождества"?—Собственное тождество" —довольно замысловатое выраженіе, но мнѣ кажется, я положительно понималъ тогда то, что хотѣлъ сказать". Мать съ нѣкоторымъ ужасомъ посмотрѣла на мальчика и отвѣчала: „Эдуардъ, тебя пора отдать въ школу".

Такъ кончились для Бульвера его счастливые дѣтскіе годы, проведенные у домашняго очага подлѣ страстно-любившей его матери. Эта жизнь среди книгъ его дѣда пронеслась быстро какъ сонъ; но это наслѣдство старика дѣда, какъ даръ волшебницы или добраго генія, принесло свои плоды, возбудивъ въ мальчикѣ сильную любознательность и указавъ ему на нѣчто высшее и лучшее, нежели окружающая суета и пустота жизни.

„Впрочемъ, я долженъ сознаться,—говоритъ Бульверъ, — что не въ однихъ книгахъ находилъ я, въ теченіе всей своей долгой жизни, поучительныя истины и отраду для души; я почерпалъ свои знанія изъ книгъ, но еще несравненно больше пріобрѣлъ, изучая людей, ихъ слабости и страсти, глубоко внѣдренныя въ тайникахъ человѣческихъ душъ. Хотя я удалялся иногда въ сторону отъ своего предмета изученія, преслѣдуя отвлеченныя истины, но въ сущности я всегда стремился къ пониманію благороднѣйшаго въ мірѣ созданія—обыкновеннаго смертнаго человѣка съ его безсмертною душой".

Въ одинъ ненастный день явился въ домъ матери Бульвера „какой-то таинственный, молчаливый посѣтитель". Онъ взглянулъ на каталогъ книгъ и молча удалился. „Я инстинктивно понялъ,— разсказываетъ Бульверъ,—что это былъ мой врагъ". Предчувствія оправдались:—однажды мать увезла сына изъ дому на два, на три дня, и, по возвращеніи ихъ, не оказалось почти и слѣда отъ наслѣдства дѣда. Получивши послѣ смерти своего отца старинный замокъ Кнебвортъ, г-жа Бульверъ должна была принять на себя и долги старика, и вотъ почему она рѣшилась продать за безцѣнокъ это наслѣдство маленькаго Эдуарда; уцѣлѣли только нѣкоторыя любимыя книги Бульвера, которыя сохраняются и теперь въ библіотекѣ замка Кнебвортъ.

Послѣ переѣзда въ замокъ г-жа Бульверъ занялась перестройкой его, такъ какъ, по своимъ громаднымъ размѣрамъ, онъ былъ неудобенъ для ея довольно скромнаго хозяйства. Почти три чет-

верти зáмка были сломаны, и только одно крыло громаднаго средневѣковаго зданія было приспособлено для житья. Бульверъ описываетъ рядъ длинныхъ мрачныхъ галерей, стѣны которыхъ были увѣшаны портретами его предковъ, комнаты, обитыя разрушенными безпощадною рукой времени, нѣкогда изящными тканями —остатками прежней роскоши. По всей вѣроятности, пребываніе въ этомъ живописномъ старинномъ замкѣ не мало способствовало развитію въ мечтательномъ юношѣ любви къ таинственнымъ преданіямъ и романтическимъ приключеніямъ, безъ которыхъ не обходился почти ни одинъ изъ его романовъ.

Въ своей автобіографіи Бульверъ яркими красками описываетъ первые годы своей школьной жизни и прощаніе съ матерью; въ школѣ произошла съ нимъ обычная исторія тираніи сильныхъ физически развитыхъ мальчиковъ надъ слабымъ избалованнымъ матерью ребенкомъ. „Въ это время, — говоритъ Бульверъ,—я впервые научился притворяться и позналъ великую истину, что для людей безчувственныхъ чувство есть уже преступленіе; вся моя вина заключалась въ томъ, что я скучалъ о домѣ, о матери, но именно этого и не могли мнѣ простить мои маленькіе тираны“. Мать Бульвера поспѣшила удалить его изъ этой школы, гдѣ онъ пробылъ не болѣе мѣсяца, но кратковременное пребываніе въ которой оставило неизгладимые слѣды въ сердцѣ мальчика; оно отучило его искать дружбу съ мальчиками его лѣтъ, развило въ немъ еще большую сосредоточенность и ненависть къ угнетенію и притѣсненію слабыхъ.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, Бульверъ, наконецъ былъ опредѣленъ въ превосходное учебное заведеніе д-ра Гукера, гдѣ и оставался до 15-ти лѣтъ. Въ этомъ учебномъ заведеніи Бульверъ получилъ довольно основательное элементарное образованіе и пріобрѣлъ вкусъ къ изученію классиковъ. Когда ему минуло 15 лѣтъ, директоръ школы писалъ къ его матери: „Умственная энергія вашего сына замѣчательна; его способности должны окончательно развиться на болѣе широкомъ поприщѣ, нежели мое скромное училище. Вообще вашъ сынъ обладаетъ задатками, которые, по моему безпристрастному мнѣнію, сдѣлаютъ изъ него замѣчательнаго человѣка“. Однако, оставалось еще три-четыре года до поступленія въ университетъ, и эти годы необходимо было употребить на довершеніе элементарнаго образованія. Рѣшено было въ семейномъ совѣтѣ матери и 15-ти-лѣтняго юноши, что ему надо было заняться подъ руководствомъ частнаго воспитателя. Бульверъ подробно описываетъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ своей матерью, рѣшалъ этотъ вопросъ, какъ строго они отно-

сились къ искателямъ этой должности. Между тѣмъ, время проходило, и Бульверъ исключительно занялся легкимъ чтеніемъ, пользуясь книгами изъ трехъ библіотекъ разомъ. Мать рѣшила, что необходимо прекратить эту, по ея мнѣнію, безполезную трату времени, и до пріисканія подходящаго воспитателя, Бульверъ поступилъ въ учебное заведеніе для молодыхъ людей вблизи Лондона. Здѣсь Бульверъ вскорѣ отличился своими классическими познаніями, въ особенности же удивительными способностями къ изученію древнихъ языковъ. Вскорѣ, однако, онъ поссорился съ однимъ изъ воспитателей училища, который позволилъ себѣ ударить его. „Я былъ оскорбленъ до глубины души,—восклицаетъ Бульверъ —и написалъ негодующее письмо своей матери. Чрезъ два дня подъѣхала къ нашему училищу хорошо знакомая мнѣ наша старинная карета. Моя мать начала переговоры о примиреніи; я требовалъ, чтобы учитель извинился первый; онъ, понятно, ни за что не соглашался. Сцена была восхитительная. Она окончилась такъ, какъ оканчивались многія бурныя сцены въ моей жизни, когда мнѣ приходилось принять быстрое рѣшеніе для выхода изъ затруднительнаго положенія: я открылъ выходную дверь, скорыми шагами прошелъ черезъ дворъ и водворился въ нашей семейной каретѣ. Этимъ окончились пренія, а также и мои школьные дни. Я самъ добровольно перешелъ свой Рубиконъ и вступилъ въ борьбу съ жизнью и обстоятельствами“. Послѣ долгихъ колебаній, Бульверъ поселился въ домѣ частнаго преподавателя — пастора Валлингтона, у котораго готовились къ поступленію въ университетъ еще нѣсколько молодыхъ людей — сверстниковъ Бульвера. Въ очень короткое время этотъ достойный наставникъ пришелъ въ восторгъ отъ своего талантливаго ученика, который къ нему сильно привязался. М-ръ Валлингтонъ былъ горячій приверженецъ Роберта Пиля и вообще съ увлеченіемъ занимался политикой. Онъ любилъ читать громко парламентскія пренія, дѣлая при этомъ свои замѣчанія, и такимъ образомъ рано заинтересовалъ Бульвера политикой. Бульверъ былъ обязанъ ему также развитіемъ своего ораторскаго таланта, который ему удалось проявить впослѣдствіи. Валлингтонъ ввелъ въ обыкновеніе, чтобы его ученики упражнялись въ преніяхъ и ученыхъ диспутахъ, а также декламировали цѣлыя тирады изъ Демосѳена или изъ сочиненій англійскихъ классическихъ писателей.

Однако, въ то время симпатіи Бульвера склонялись болѣе къ поэзіи, нежели къ политикѣ. Г-жа Бульверъ съ гордостью показала воспитателю своего сына нѣкоторыя его юношескія стихо-

творенія; онъ нашелъ ихъ превосходными и поощрилъ Бульвера къ дальнѣйшему развитію поэтическаго таланта.

„Впрочемъ, замѣчаетъ Бульверъ, я и самъ, безъ этой лестной поддержки, въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себя поэтомъ и немилосердно кралъ изъ Горація и любимаго мною Эврипида, передѣлывая ихъ на современный ладъ". Въ это время Бульверъ написалъ „Ватерлооскую битву" и поэму „Измаилъ", которая начиналась à la Байронъ, словами; „Ужъ вечеръ наступалъ"... и т. д. Воспитатель и мать были въ восхищеніи отъ таланта юноши; они рѣшили напечатать маленькій томикъ, съ этими юношескими виршами. Число покупателей было, разумѣется, ограниченно до-нельзя, но г-жа Бульверъ и ея друзья отнеслись къ юношѣ-поэту, какъ къ феномену, предвѣщая ему блестящую будущность. Эти стихотворенія, съ „Измаиломъ" во главѣ, были написаны Бульверомъ въ возрастѣ между 13—15 годами; они имѣютъ мало литературной цѣнности, но указываютъ на то, что умъ молодого автора рано началъ развиваться. Въ числѣ другихъ поэмъ, въ этомъ томикѣ была одна, посвященная Вальтеръ-Скотту, который благодарилъ анонимнаго автора за вниманіе и отнесся съ похвалой къ этимъ поэтическимъ начинаніямъ.

Въ это же время Бульверъ началъ появляться въ обществѣ. Онъ былъ принятъ вездѣ въ качествѣ свѣтскаго молодого человѣка, несмотря на то, что годами былъ еще юношей. Приглашенія на обѣды, вечера и балы отвлекали его отъ серьезныхъ занятій и отчасти вскружили голову ему и его матери, очарованной своимъ даровитымъ сыномъ. Женщины улыбались юному поэту. „Однимъ словомъ,—замѣчаетъ Бульверъ,—я началъ жить слишкомъ рано и былъ разочарованъ свѣтскою жизнью и удовольствіями почти въ тѣ годы, когда по настоящему только что слѣдовало обнаружиться вкусу къ нимъ".

Когда Бульверу минуло еще только 17 лѣтъ, онъ встрѣтился съ дѣвушкой, въ которую страстно влюбился. Эта встрѣча, по его словамъ, повліяла на его характеръ и на всю его послѣдующую жизнь болѣе, нежели какія-либо другія обстоятельства. Свиданія съ этою дѣвушкой въ громадномъ паркѣ ея отца были окружены таинственностью, что поддерживало въ мечтательномъ юношѣ его рано развившуюся страсть. Разсказъ объ этой грустной исторіи не былъ включенъ въ автобіографію Бульвера, но былъ найденъ между бумагами покойнаго романиста его сыномъ. Эта была старая и вѣчно-юная исторія: молодые люди полюбили другъ-друга, но жестокая судьба разлучила ихъ навсегда; она вышла замужъ по чувству долга и въ угоду отцу. Въ теченіе

трехъ лѣтъ она тщетно старалась заглушить свою первую любовь, но ея слабое здоровье не выдержало этой борьбы—она умерла, и только смерть освободила ее отъ ея обязательствъ передъ нелюбимымъ мужемъ. Умирающею рукой она написала письмо Бульверу; разсказала свои душевныя муки и непоколебимую любовь къ нему, и выразила желаніе, чтобы онъ посѣтилъ ея могилу.

„Сравнивая это увлеченіе юноши съ тѣмъ, что я впослѣдствіи испыталъ въ жизни,—говоритъ Бульверъ въ найденной посмертной рукописи,—едва ли я могу назвать это чувство любовью: это было нѣчто несравненно высшее и даже почти неземное; никогда я впослѣдствіи не испытывалъ подобнаго увлекательно-страстнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безгранично-нѣжнаго чувства, какъ то, которое меня приковывало къ этой милой, кроткой дѣвушкѣ. Въ эту раннюю пору моей жизни я былъ по природѣ веселаго, почти буйнаго нрава, но часто, глядя на ея доброе меланхолическое лицо, я чувствовалъ, что слезы, безъ всякой причины, выступали на глазахъ; то же случалось со мною, когда я вспоминалъ объ ней въ ея отсутствіи, и когда я еще не имѣлъ никакого представленія о той горестной разлукѣ, которая насъ ожидала“. Любопытно, что эпитафію своей возлюбленной Бульверъ написалъ незадолго до своей смерти, будучи уже почти 70-лѣтнимъ старикомъ, въ своемъ, хотя послѣднемъ, но едва ли не самомъ свѣжемъ, проникнутомъ глубокимъ чувствомъ романѣ: „Кенельмъ-Чиллингли“. Лордъ Литтонъ приводитъ фактъ, что отецъ его читалъ вслухъ ему и его женѣ рукопись „Кенельмъ-Чиллингли“ и былъ при этомъ такъ глубоко взволнованъ, что слезы застилали его глаза при чтеніи нѣкоторыхъ страницъ. Когда онъ окончилъ главу, въ которой описываетъ скорбь Кенельма при посѣщеніи могилы Лили, онъ казался нравственно разбитымъ. Лордъ Литтонъ и его жена были поражены видомъ Бульвера и не могли понять, почему онъ былъ такъ взволнованъ событіями сочиненнаго имъ романа. Только впослѣдствіи они узнали, что въ душѣ старика воскресли образы его юности—онъ вновь переживалъ тѣ душевныя муки, которыя оставили слѣды на всю жизнь.

Въ то время, какъ Бульверъ предавался молчаливой грусти по поводу внезапнаго таинственнаго исчезновенія своей возлюбленной (онъ еще не зналъ о ея предстоящемъ замужествѣ), настало время рѣшить важный вопросъ о томъ, въ какой университетъ ему поступить. Самъ Бульверъ оставался равнодушнымъ къ этому важному вопросу его жизни, и мать, не зная причины

его равнодушія и тяготясь имъ, наскоро рѣшила въ пользу Кэмбриджскаго университета. Поселившись на собственной квартирѣ близъ университета въ Кэмбриджѣ, онъ проводилъ цѣлые часы за чтеніемъ религіозныхъ книгъ, ища въ нихъ утѣшеніе своему горю. Въ это время онъ набросалъ много стиховъ, которые, кажется, не сохранились. Описывая свое пребываніе въ университетѣ, гдѣ онъ мало сходился съ своими сверстниками, Бульверъ упоминаетъ объ извѣстномъ „клубѣ дебатовъ", учрежденномъ при университетѣ, и членами котораго были студенты; изъ нихъ нѣкоторые отличались краснорѣчіемъ и впослѣдствіи стяжали себѣ громкую извѣстность, какъ писатели и ораторы. Рѣчи, произносившіяся въ этомъ клубѣ, были настолько замѣчательны, что привлекали массу слушателей; публика пріѣзжала ради нихъ изъ Лондона, и студенты готовились заранѣе къ дебатамъ. Бульверъ въ теченіе своей студенческой жизни былъ избранъ сперва секретаремъ этого клуба, а впослѣдствіи и президентомъ его. Изрѣдка клубъ былъ посѣщаемъ бывшими студентами, оставшимися и послѣ выхода изъ университета членами клуба; они также время отъ времени принимали участіе въ дебатахъ. Изъ нихъ Бульверъ упоминаетъ о знаменитомъ впослѣдствіи историкѣ Маколеѣ. „Первый изъ его спичей, касающійся французской революціи,—говоритъ Бульверъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—очень свѣжо сохранился въ моей памяти. Маколей говорилъ съ увлеченіемъ и обладалъ краснорѣчіемъ, которое приковывало слушателей и заставляло совершенно забыть свои личныя ощущенія, для того, чтобы слиться душою съ ораторомъ; только однажды впослѣдствіи я слышалъ оратора, который обладалъ не меньшимъ краснорѣчіемъ, нежели Маколей—то былъ О'Коннелъ, сказавшій рѣчь въ моемъ присутствіи громадной толпѣ народа, собравшейся на площади. Что же касается рѣчи Маколея, произнесенной въ нашемъ студенческомъ клубѣ дебатовъ, то по силѣ краснорѣчія и страсти онъ, по моему мнѣнію, никогда не сказалъ ничего лучшаго даже въ блестящую эпоху его ораторской дѣятельности въ нижней палатѣ парламента. Его вторая рѣчь, произнесенная въ клубѣ о свободѣ печати, была, сколько мнѣ помнится, неудачною.

„Въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Кэмбриджъ,—говоритъ далѣе Бульверъ,—я познакомился съ Маколеемъ, и хорошо помню, какъ я однажды прогуливался съ нимъ въ нашемъ университетскомъ саду, съ удивленіемъ и жадностью прислушиваясь къ его разговору; его обширныя и разнообразныя познанія и необычайная память поразили меня. Послѣ этой знаменательной для меня прогулки, я впалъ въ какой-то лихорадочный экстазъ; я на нѣ-

сколько дней заперся въ своей комнатѣ и предавался чрезмѣрной умственной работѣ, желая, хотя бы сколько-нибудь, приблизиться къ моему идеалу—Маколею. Трофеи Мильтіада тревожили мой сонъ"!

Между письмами, собранными лордомъ Литтономъ, находятся и письма Маколея, писанныя къ Бульверу, когда этотъ послѣдній уже пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ романистъ; въ нихъ Маколей, въ свою очередь, восторгается романами Бульвера.

Въ 1824 г., Бульверъ, во время университетскихъ вакацій посѣтилъ могилу своей возлюбленной и ознаменовалъ это поклоненіе ея праху прекрасною поэмою, носящею заглавіе: „Разсказъ мечтателя (The Tale of a Dreamer). Эта поэма, по мнѣнію лорда Литтона, есть лучшее произведеніе Бульвера въ стихотворной формѣ; она была впослѣдствіи напечатана въ собраніи его стихотвореній, изданныхъ подъ заглавіемъ „Плевелы и полевые цвѣты" (Weeds and wild Flowers).

Предавшись въ теченіе бессонной ночи грустнымъ размышленіямъ надъ могилою своей возлюбленной, Бульверъ далъ себѣ слово побороть свою грусть о несбыточномъ счастьи и посвятить свою жизнь общечеловѣческимъ интересамъ; онъ поклялся вести полезную жизнь — жизнь, достойную той, которую онъ такъ страстно любилъ. Должно по справедливости сказать, что онъ остался вѣренъ принятому рѣшенію въ теченіе всей своей долгой жизни.

Во время длинныхъ университетскихъ вакацій, Бульверъ охотно предпринималъ экскурсіи пѣшкомъ и верхомъ, подвергаясь всевозможнымъ приключеніямъ. Изъ любознательности и желанія уяснить себѣ волнующіе его вопросы о человѣческихъ заблужденіяхъ, онъ искалъ случая познакомиться съ людьми, слывшими за фальшивыхъ монетчиковъ и подозрѣваемыхъ въ убійствахъ и воровствахъ, и съ этою цѣлью посѣщалъ извѣстные мошенническіе притоны въ Лондонѣ. Встрѣчи съ цыганами, въ таборѣ которыхъ онъ провелъ нѣкоторое время, со странствующими авантюристами и проч., послужили ему впослѣдствіи обильнымъ матеріаломъ для его романовъ.

Двадцати-одного года Бульверъ выдержалъ выпускной экзаменъ въ университетѣ и получилъ высшую премію—золотую медаль за „поэму о Скульптурѣ". Въ своей автобіографіи онъ говоритъ, что его самолюбіе было болѣе удовлетворено этимъ первымъ успѣхомъ, нежели всѣми другими лаврами, какіе онъ пожиналъ впослѣдствіи. „Но высшимъ для меня счастіемъ въ то

время было то,—говоритъ онъ,—что мнѣ, наконецъ, удалось доставить моей милой матери случай гордиться своимъ сыномъ".

Вообще при выходѣ изъ университета Бульверъ уже успѣлъ пріобрѣсти славу талантливаго и очень начитаннаго молодого человѣка. Его трудолюбіе казалось изумительнымъ и не покидало его во всю жизнь, несмотря на слабое его здоровье. Еще бывъ студентомъ, онъ изучилъ до мельчайшихъ подробностей англійскую и французскую исторію, помимо доступныхъ капитальныхъ историческихъ сочиненій, черпая свои свѣденія изъ мало извѣстныхъ источниковъ, хроникъ и, во время своего пребыванія во Франціи, изъ рукописныхъ монастырскихъ преданій, точно также онъ подробно изучилъ скандинавскую старинную поэзію. До сихъ поръ въ Кнебортѣ сохраняются цѣлыя кипы тетрадокъ, писанныя Бульверомъ еще въ его студенческіе годы; хотя въ нихъ собраны только выписки изъ прочитаннаго, комментаріи къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ и проч., но въ нихъ, по свидѣтельству лорда Литтона, уже замѣтны методичность изложенія, умѣніе группировать матеріалъ, критическій взглядъ и тонкій юморъ—качествами, которыми впослѣдствіи всегда отличался романистъ. Несмотря, однако, на свою любовь къ умственнымъ занятіямъ, Бульверъ не чуждался общества; онъ велъ пространную и очень интересную для характеристики его личности переписку съ нѣкоторыми замѣчательными женщинами его времени. По выходѣ изъ университета, Бульверъ провелъ нѣкоторое время въ Парижѣ, гдѣ былъ постояннымъ посѣтителемъ избраннаго общества Сентъ-Жерменскаго предмѣстья; тамъ онъ очень близко сошелся съ однимъ ученымъ аббатомъ ордена іезуитовъ, который одно время имѣлъ не малое вліяніе на впечатлительную натуру Бульвера. Будучи принятъ въ аристократическихъ домахъ „de l'ancien régime", Бульверъ нашелъ случай для наблюденій надъ людьми совершенно новаго для него круга общества. Иногда на него нападалъ припадокъ меланхоліи, которой онъ часто былъ подверженъ въ это время его жизни; тогда онъ чуждался общества, удалялся изъ Парижа въ Версаль, гдѣ совершалъ безконечныя прогулки верхомъ на своей любимой лошади, въ то же время предаваясь глубокому размышленію и разработкѣ плана задуманныхъ имъ сочиненій. Въ бытность свою въ Парижѣ онъ приготовилъ для печати въ 1825 г. свои стихотворенія, напечатанныя тамъ же въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, подъ общимъ вышеупомянутымъ заглавіемъ: „Плевелы и полевые цвѣты", и окончилъ начатый еще въ университетѣ мрачный романъ „Фалькландъ".

Любопытно, что появленіе въ свѣтъ того перваго томика

стихотвореній Бульвера, въ сущности не представляющихъ особенныхъ достоинствъ, за исключеніемъ „Разсказа мечтателя", послужило, по словамъ лорда Литтона, поводомъ къ сближенію Бульвера съ его будущей женой. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что еслибы Бульверъ не напечаталъ этихъ грустныхъ воспоминаній о своей возлюбленной, то онъ никогда не женился бы на Розинѣ Уиллеръ; но, къ несчастью для него, онъ напечаталъ ихъ, она ихъ прочитала и выразила молодому автору свою опасную симпатію. Бульверъ вообразилъ себя влюбленнымъ въ эту замѣчательную красавицу-ирландку и рѣшился наконецъ жениться на ней. Мать Бульвера сильно возставала противъ этого брака ея даровитаго сына съ ирландскою авантюристкой; ея гордость и материнское предчувствіе возмущались при мысли о необдуманномъ бракѣ съ особою, едва ли не старше ея сына, которому въ то время минуло только 22 года. Въ матеріальномъ отношеніи бракъ былъ болѣе нежели неблагоразумнымъ. Все, что Бульверъ получилъ отъ отца, составляло 200 ф. стерлинговъ годового дохода; его считали прямымъ наслѣдникомъ своей матери, но у нея были другіе сыновья, и еслибы Эдуардъ Бульверъ женился противъ ея желанія, она могла бы лишить его наслѣдства въ пользу другихъ ея сыновей. Когда Бульверъ настаивалъ на этомъ ненавистномъ ей бракѣ, она прибѣгла къ угрозѣ лишить его наслѣдства, но она еще слишкомъ мало понимала твердый и самостоятельный характеръ сына, если надѣялась этою угрозой внушить ему подчиненіе ея волѣ. Эд. Бульверъ съ гордостью рѣшился доказать, насколько онъ былъ безкорыстенъ въ своей привязанности къ матери, какъ только она ему выставила это матеріальное препятствіе къ его браку; помимо того, онъ считалъ себя уже не въ правѣ отступать отъ брака съ особою, которая, казалось, была сильно привязана къ нему; самое беззащитное ея положеніе заставило Бульвера предложить ей свое имя и покровительство мужа. Однако, по приведенной лордомъ Литтономъ перепискѣ между Бульверомъ и его матерью до его брака и въ первые годы послѣ него, видно, какъ сильно онъ страдалъ отъ возникшихъ между ними недоразумѣній и отчужденія; для него любовь къ матери была нѣчто въ родѣ религіи. Вотъ что онъ писалъ много лѣтъ спустя послѣ его брака, въ отвѣтъ на письмо одной знакомой, соболѣзновавшей о смерти г-жи Бульверъ. „Если я въ жизни позналъ, что значитъ симпатія душъ, то этимъ я обязанъ своей матери; потерявъ ее—я потерялъ все и очутился въ положеніи ребенка, боящагося темноты, у котораго внезапно потухла свѣча. Пока она была жива, я чувствовалъ себя въ безо-

пасности—я былъ бодръ и силенъ; когда же она умерла, я понялъ, что я въ самомъ дѣлѣ одинокъ; теперь мнѣ остается одно —желать, чтобы поскорѣе наступила заря и разсѣяла эту тьму, въ которую я погруженъ". Во всю свою жизнь Бульверъ относился съ любовью ко всему, что было ей дорого, и глубоко чтилъ ея память; не только время его дѣтства, но и въ зрѣломъ возрастѣ, она никогда не переставала имѣть на него самое благотворное вліяніе. Женившись по чувству долга и чести противъ ея воли, онъ все-таки надѣялся на то, что мать помирится съ нимъ и полюбитъ его жену; но пока онъ рѣшился жить своимъ трудомъ и горячо принялся за работу. Его 200 ф. стерл. въ годъ, конечно, далеко не хватало на покрытіе его жизненныхъ потребностей; его привычки и положеніе въ свѣтѣ были таковы, что требовалось по меньшей мѣрѣ 3,000 ф. стерл. на расходы; недоставало, слѣдовательно, къ его годовому доходу значительной суммы въ 2,800 фунт. стерл., которую Бульверъ рѣшился пополнить своимъ перомъ. Дѣйствительно, пришло время, когда ему необходимо было воспользоваться пріобрѣтеннымъ имъ запасомъ знанія и быть уже не диллетантомъ-писателемъ, а писателемъ по профессіи. Еще до женитьбы, во время своего пребыванія въ Парижѣ и Версалѣ, Бульверъ, между прочимъ, написалъ поэму „О'Ниль" (O'Niel the Rebel) и романъ „Фальклэндъ"; онъ рѣшился издать и то, и другое анонимно. Поэма „О'Ниль", изданная въ 1827 г. (годъ его женитьбы), сильно напоминаетъ Байроновскаго Корсара; строго говоря, эта поэма служитъ подтвержденіемъ того, что не въ поэзіи лежало настоящее призваніе Бульвера. Неоднократно онъ съ любовью возвращался къ поэзіи, но все-таки никогда не могъ достичь совершенства, какъ поэтъ. На эту поэму, какъ и на неоконченный романъ его „Гленналенъ", должно смотрѣть, какъ на литературную дань Бульвера своей невѣстѣ; сюжетъ этихъ произведеній заимствованъ изъ ирландской жизни. Много лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ, забытая поэма „О'Ниль" была передѣлана для сцены и съ успѣхомъ играна въ Нью-Іоркѣ.

Одновременно съ вышеназванной поэмой, Бульверъ выпустилъ въ свѣтъ романъ „Фальклэндъ, который представляетъ мало литературнаго интереса и обличаетъ неопытную руку начинающаго писателя, хотя въ немъ есть несомнѣнные проблески таланта и поэтическаго чувства. „Фальклэндъ" прошелъ почти незамѣченнымъ публикой, точно такъ же, какъ и многія журнальныя статьи Бульвера, помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ же статей, несомнѣнно вышедшія изъ-подъ пера Бульвера, никогда не были признаны

имъ за его собственныя; большинство изъ нихъ носятъ отпечатокъ поспѣшной работы и страдаютъ недостаткомъ художественной отдѣлки.

Но въ то время, пока Бульверъ истощалъ свои силы на страшный трудъ, ради пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ для удовлетворенія, можетъ быть, слишкомъ роскошныхъ потребностей, какъ собственныхъ, такъ въ особенности своей жены, въ портфелѣ у него лежалъ начатый трудъ, который долженъ былъ составить ему имя: то былъ романъ „Пельгамъ".

Еще будучи студентомъ въ Кэмбриджѣ, Бульверъ началъ романъ, героемъ котораго былъ дэнди; во время пребыванія своего въ Парижѣ, совершая свои одинокія прогулки, пѣшкомъ и верхомъ, по ближайшимъ окрестностямъ, онъ обдумывалъ свой сюжетъ и работалъ надъ этимъ романомъ, дѣйствующія лица котораго взяты имъ изъ дѣйствительной жизни. Вотъ, что говоритъ онъ самъ, по этому поводу, въ своей автобіографіи: „Послѣ того, какъ характеръ „Пельгама" обрисовался въ моемъ умѣ, я весьма тщательно со всѣхъ сторонъ изучалъ всѣ малѣйшія подробности нравственныхъ качествъ моего героя, прежде нежели рѣшился приняться за романъ. Точно также тщательно я изучалъ сочиненія моихъ предшественниковъ—беллетристовъ, желая по возможности заимствовать у нихъ извѣстныя правила, долженствовавшія служить мнѣ руководствомъ въ самомъ началѣ моей писательской дѣятельности. Я полагаю, что еслибы молодые современные писатели взяли бы на себя подобный же трудъ, какой былъ положенъ мною на изученіе предпринимаемаго мною сочиненія, то они, быть можетъ, достигали бы болѣе блестящихъ результатовъ, нежели я самъ. Часто ко мнѣ обращаются лица, желающія писать романы, за совѣтомъ, но я всегда былъ пораженъ ихъ самоувѣренностью—они какъ-будто бы полагали, что имъ достаточно взяться за перо, чтобы написать нѣчто изъ ряду выходящее. Они забываютъ, что искусство не дается путемъ вдохновенія, и что романистъ, которому по преимуществу приходится бить на эффектъ и на интересъ, возникающій изъ контрастовъ изображаемыхъ типовъ и событій, долженъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, быть художникомъ; эти люди берутся рисовать картины для назиданія потомства, не будучи въ состояніи просто рисовать по контурамъ".

Послѣ своей женитьбы, Бульверъ взялся за дальнѣйшую обработку начатаго романа, и къ концу 1827 г. выпустилъ въ свѣтъ въ трехъ томахъ романъ „Пельгамъ, или похожденія джентльмена". Это произведеніе вскорѣ послѣ его выхода доставило извѣстность

до сихъ поръ почти неизвѣстному ея 23-хъ-лѣтнему автору; вскорѣ оно сдѣлалось настольною книгой во всѣхъ салонахъ англійскаго и французскаго общества. Лордъ Литтонъ, вообще замѣчательно безпристрастно относящійся къ произведеніямъ своего отца, говоритъ слѣдующее объ этомъ первенцѣ писательской дѣятельности Бульвера: „Пельгамъ" поражаетъ своею оригинальностью. Въ настоящее время люди и обычаи, описанные въ немъ, давно успѣли смѣниться другими; весь общественный строй подвергся радикальному видоизмѣненію; преобладающій духъ времени, противъ котораго Пельгамъ служилъ протестомъ, сталъ совершенно инымъ; аудиторія, къ которой былъ обращенъ этотъ протестъ, перешла въ вѣчность; время отняло у книги интересъ новизны; въ ней не затрогивается ни одинъ изъ вопросовъ дня— вопросовъ текущей жизни, но до сихъ поръ въ любой библіотекѣ спросъ на этотъ романъ не уменьшается; онъ читается одинаково молодежью, какъ и людьми зрѣлаго возраста. По всей вѣроятности, своею живучестью романъ обязанъ неувядаемому юмору, которымъ испещрена каждая страница романа. Вообще несомнѣнно, что юмористическія сочиненія переживаютъ сентиментальныя; общество, которое уже не въ состояніи плакать и печалиться о Вертерѣ, до сихъ поръ охотно смѣется надъ приключеніями Жиль-Блаза".

Помимо другихъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, романъ „Пельгамъ" обладалъ еще однимъ важнымъ свойствомъ, которому въ большой степени должно приписать необыкновенный его успѣхъ: отъ него повѣяло тогда новымъ духомъ, необыкновенно благотворно повліявшимъ на тогдашнее молодое общество; онъ служилъ протестомъ противъ отживавшаго свой вѣкъ мрачнаго типа героевъ, одержимыхъ, по выраженію Бульвера, „сатаническою маніею" (Satanie Mania). Въ самомъ дѣлѣ молодые люди тогдашняго общества, изъ желанія подражать Байроновскому типу Корсара, считали за геройство казаться пресыщенными жизненными удовольствіями и обуреваемыми преступными страстями. „Пельгамъ", въ противоположность этимъ жалкимъ героямъ, былъ самый обыкновенный изъ смертныхъ; онъ даже былъ немного фатоватъ, но не предавался хандрѣ и отчаянію изъ желанія подражать титаническому образу Байрона; онъ былъ искрененъ въ своихъ поступкахъ, могъ служить идеаломъ утонченнаго свѣтскаго человѣка, умѣющаго вращаться между людьми и мириться съ ихъ недостатками; его людскость и простота пришлась, какъ нельзя больше, по вкусу той части общества, которой наскучили мрачные, тяготящіеся жизнью герои Байроновскаго и Гётевскаго образ-

цовъ. Бульверъ задался цѣлью доказать, что человѣкъ можетъ жить въ обществѣ, даже вести далеко не безукоризненную жизнь, но все-таки не быть непремѣнно пустымъ фатомъ и безполезнымъ членомъ общества. „Пельгамъ" былъ сатирой на высшій кругъ общества въ Англіи, но сатирой не злобной, и чрезвычайно вѣрно подмѣченной, поэтому, этотъ романъ останется навсегда яркою и вѣрною картиной этого круга общества Англіи въ началѣ 30-хъ годовъ. Въ теченіе 1829 г. появилось два новыхъ романа Бульвера: „Отверженный" (The Disowned) и „Деверё" (Devereux). Оба эти романа далеко не пользовались такою популярностью, какую имѣлъ романъ Пельгамъ, можетъ быть отчасти вслѣдствіе того, что въ нихъ менѣе ясна тенденція автора. Сюжетъ романа „Disowned" былъ взятъ изъ временъ прошлаго столѣтія—временъ Гораса Вальполя и лорда Честерфильда. Проблемма жизни, которую Бульверъ силится разрѣшить въ этомъ романѣ, имѣетъ глубокій драматическій смыслъ; эта проблемма такъ же нова и въ наши дни, какъ она была сотни лѣтъ тому назадъ; скорѣе даже, какъ выражается лордъ Литтонъ, можно сказать, что она въ наше время еще болѣе запутанна и труднѣе поддается разрѣшенію: это—борьба человѣка съ гнетущими обстоятельствами, олицетворенная въ романѣ Бульвера въ образѣ лица, внезапно потерявшаго богатство, положеніе въ обществѣ и доброе имя. Въ своемъ романѣ „Le roman d'un jeune homme pauvre" Октавъ Фелье затрогиваетъ тотъ же вопросъ, но и онъ, какъ Бульверъ, обходитъ прямое разрѣшеніе вопроса: кто восторжествуетъ—человѣкъ или обстоятельства? Герои обоихъ романистовъ достигаютъ прежняго положенія въ обществѣ, вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ, независящихъ отъ ихъ воли. Герой романа „Отверженный", Мордаунтъ, по мнѣнію лорда Литтона, служитъ отголоскомъ самыхъ сокровенныхъ ощущеній самого Бульвера въ эту эпоху его жизни, когда онъ страдалъ отъ отчужденія съ матерью и начиналъ тяготиться жестокою борьбою, которую онъ велъ съ обстоятельствами, разстроивая свое довольно слабое здоровье чрезмѣрнымъ умственнымъ трудомъ. Замѣчательны, напр., слѣдующія слова Мордаунта, какъ нельзя болѣе подходящія къ тому, что́ перечувствовалъ самъ Бульверъ: „Преобладающее стремленіе моей ранней молодости,—говоритъ Мордаунтъ, —въ романѣ „Отверженный", было честолюбіе; но потомъ явились другія чувства: любовь и жажда знанія, а потомъ и желаніе быть полезнымъ моимъ собратьямъ—осчастливить ихъ, по мѣрѣ моихъ силъ; это желаніе—быть полезнымъ моимъ братьямъ, для которыхъ я былъ чужой, которые о моемъ внутреннемъ мірѣ судили

по моей наружности, принимая меня за холоднаго, непокорнаго даже жестоваго человѣка;—это желаніе, эта страстная надежда—оказать имъ услугу, облегчить ихъ горе, обратилась у меня въ цѣль всей моей жизни, завладѣла всѣмъ моимъ существомъ и превратила въ прахъ всѣ мои прежніе честолюбивые помыслы".

Романъ „Деверё" навѣянъ чтеніемъ отечественной исторіи, и въ самомъ дѣлѣ замѣчателенъ какъ трудъ 24-хъ-лѣтняго автора. Краснорѣчивыя страницы этого романа посвящены идеальному понятію о любви, чести, религіи и вѣрованію во все возвышенное и прекрасное. Бульверъ въ этомъ романѣ пошелъ по новому пути: это былъ его первый историческій романъ, написанный по образцу романовъ В.-Скотта, хотя не равный имъ по достоинству. Въ немъ, однако, мастерски изображено фешенебельное общество Лондона и Парижа въ эпоху, когда играли роль въ Англіи виконтъ Болингброкъ, и во Франціи—регентъ Филиппъ Орлеанскій.

Можно было думать, что послѣ появленія трехъ такихъ капитальныхъ трудовъ въ теченіе двухъ только лѣтъ, молодой авторъ сдѣлаетъ паузу въ своей дѣятельности; однако, Бульверъ выпустилъ въ свѣтъ новое произведеніе, свидѣтельствующее о его неутомимой дѣятельности; это произведеніе произвело на публику почти такое же впечатлѣніе, какое произвелъ два года передъ этимъ романъ „Пельгамъ". Мы говоримъ о „Поль Клиффордѣ" — романѣ, который, между прочимъ, послужилъ первообразомъ уголовныхъ романовъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ большую моду. Критики горячо упрекали Бульвера за то, что онъ, ради мелодраматическихъ эффектовъ, будто бы, въ своемъ романѣ, порокъ и преступленіе описалъ слишкомъ привлекательными красками; что психологическими тонкостями своихъ выводовъ, своими софизмами онъ недостаточно для читателя проводитъ границы, отдѣляющія порокъ отъ добродѣтели, правое отъ неправаго; что онъ силится симпатіи общества возбудить къ такому классу людей, которые вовсе недостойны этого. Какъ великъ былъ успѣхъ этого романа, можно судить потому, что „Поль Клиффордъ" вышелъ весною 1830 г., а осенью того же года появилось уже второе изданіе этого романа. Въ „Поль Клиффордѣ" Бульверъ задался цѣлью обратить вниманіе правительства и общества на неудовлетворительное содержаніе арестантовъ въ тюрьмахъ и на уголовное законодательство въ Англіи. Луи-Бланъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей (Temps, 1864) говоритъ, между прочимъ, слѣдующее объ этомъ романѣ: „Противъ смертной казни въ Англіи возстаютъ очень многіе писатели въ своихъ прекрасныхъ

сочиненіяхъ; достаточно назвать превосходный, проникнутый философскимъ духомъ романъ Эд. Бульвера — „Поль Клиффордъ“.

Однако, лордъ Литтонъ замѣчаетъ, что Луи-Бланъ и другіе извѣстные филантропы ошибались, считая Бульвера противникомъ смертной казни; онъ въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, былъ прежде всего консервативный реформаторъ и требовалъ только болѣе раціональнаго примѣненія смертной казни и реформы системы тюремнаго заключенія. По статистическимъ даннымъ того времени, число казненныхъ въ Англіи въ теченіе семи лѣтъ (1819 — 25 гг.) достигло ужасающихъ размѣровъ; смертная казнь была примѣняема въ эти года даже за воровство скота и почтовыхъ пакетовъ.

Собственно сюжетъ романа „Поль Клиффордъ“ заимствованъ изъ многочисленныхъ англійскихъ балладъ, въ которыхъ описываются похожденія героевъ въ родѣ Фра-Діавола или Карла Моора; самъ Поль Клиффордъ есть не болѣе, какъ опоэтизированный въ народныхъ балладахъ любитель чужой собственности, умѣющій соединять необыкновенное искусство воровства съ великодушіемъ и щедростью, въ обхожденіи же съ дамами проявляющій рыцарскую вѣжливость и утонченность манеръ. Если упреки критиковъ были отчасти справедливы въ томъ, что Бульверъ, увлекшись своею фантазіей, изобразилъ своего героя слишкомъ симпатичными красками, то во всякомъ случаѣ автора нельзя обвинять въ томъ, что онъ будто бы сдѣлалъ привлекательнымъ и самое преступленіе, или что онъ желалъ угодить вкусу людей, ищущихъ въ романахъ сенсаціи. Напротивъ, въ основѣ романа лежала глубоко нравственная идея объ обязанностяхъ общества и о стремленіи къ идеалу, и Бульверу должно именно приписать честь, что этотъ нравственный взглядъ на людей и общество онъ провелъ съ большимъ умомъ и тактомъ, съ тонкимъ психологическимъ анализомъ и чувствомъ; между тѣмъ, всему роману былъ чрезвычайно искусно приданъ колоритъ комическій. Въ публикѣ „Поль Клиффордъ“ имѣлъ такой же успѣхъ, какъ и „Пельгамъ“. Какъ сомнительно ни относились нѣкоторые строгіе критики къ морали романа, но его находили чрезвычайно интереснымъ и читали съ увлеченіемъ.

Стремленіе къ сатирѣ, которое проглядывало во всѣхъ произведеніяхъ Бульвера, послужило поводомъ къ выходу въ свѣтъ поэмы „Сіамскіе близнецы“ и другихъ стихотвореній, изданныхъ анонимно въ 1831 году. Бульверъ посвятилъ это собраніе стихотвореній своей матери. Въ предисловіи онъ говоритъ, что хотя не считаетъ себя поэтомъ, но не можетъ отказаться отъ своей

любви и склонности къ поэзіи, которая „облагораживаетъ нашъ характеръ и увеличиваетъ кругъ нашихъ наслажденій“. Позднѣе Бульверъ самъ относился къ „Сіамскимъ близнецамъ“ какъ къ „мальчишеской выходкѣ“, хотя въ этой сатирической поэмѣ, въ которой онъ ѣдко нападаетъ на лондонское высшее общество, касается политики и другихъ вопросовъ дня, кроются глубокія истины и проглядываетъ знаніе жизни. Послѣ этой сатиры вышло въ свѣтъ другое сочиненіе Бульвера въ стихотворной формѣ — грандіозная поэма въ честь Мильтона. Позднѣе эта поэма была значительно расширена и передѣлана и можетъ считаться лучшимъ поэтическимъ произведеніемъ Бульвера, хотя онъ самъ ставилъ выше другихъ своихъ поэтическихъ попытокъ „Короля Артура“, о которомъ скажемъ ниже. Вообще Бульверъ могъ только еще разъ убѣдиться въ томъ, что его слава, какъ поэта, не могла сравняться съ его славой романиста. Въ то время, когда „Сіамскіе близнецы“ распространились успѣшно среди читающей публики, голова молодого автора была занята уже новымъ произведеніемъ, которое многими критиками считается лучшимъ его беллетристическимъ произведеніемъ — то былъ романъ „Евгеній Арамъ“.

Покойный Дружининъ называетъ этотъ романъ „краеугольнымъ камнемъ славы романиста“. Сюжетъ романа, весьма благодарный самъ по себѣ, былъ взятъ изъ дѣйствительной жизни лица, прикосновеннаго къ семейству Бульвера. Его тетка брала уроки у молодого ученаго „Евгенія Арама“, впослѣдствіи уличеннаго въ убійствѣ самаго загадочнаго и позорнаго свойства. Можетъ быть, правы были нѣкоторые критики, и во главѣ ихъ Юл. Шмитъ, назвавшіе героя этого романа „Евг. Арама“ „полубезумнымъ учителемъ, подверженнымъ мономаніи собиранія книгъ и вслѣдствіе такого состоянія своего духа увлеченнаго къ разбою и убійству“, тѣмъ не менѣе, однако, всѣ они сходятся въ томъ, что это едва ли не лучшее произведеніе Эд. Бульвера. Вотъ вкратцѣ содержаніе романа.

Между горами, подъ камнями, въ отдаленномъ уголкѣ Англіи, найдено полусгнившее тѣло убитаго человѣка. Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ, напали на слѣдъ убійцы: названо было имя всѣми уважаемаго молодого учителя Евгенія Арама. Его арестовали; но общественное мнѣніе было на его сторонѣ; къ тому же убійство, по явнымъ признакамъ, было совершено съ корыстною цѣлью, тогда какъ Евг. Арамъ былъ человѣкъ со средствами и безукоризненною репутаціей. Передъ арестомъ онъ готовился вступить въ бракъ съ прелестною молодою дѣвушкою Маделеной

(едва ли не лучшій женскій образъ въ романахъ Бульвера); она и ея родные, пораженные горемъ, были вполнѣ увѣрены въ невинности молодого ученаго, который долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, поразить своихъ враговъ и выйти изъ суда побѣдителемъ съ незапятнаннымъ именемъ. Каково же было удивленіе и отчаяніе этихъ любящихъ его существъ, когда Ев. Арамъ самъ торжественно сознался на судѣ въ своемъ преступленіи: онъ дѣйствительно совершилъ это гнусное преступленіе, онъ разбогатѣлъ деньгами ограбленной имъ жертвы, онъ запряталъ его трупъ отъ человѣческихъ глазъ [1]), но перстъ Божій указалъ на него и привелъ его къ суду. Пораженный этимъ возмездіемъ Божіимъ, Евгеній Арамъ самъ требуетъ приговора суда по всей строгости закона, и передъ казнью онъ разсказываетъ всѣ факты: онъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ стремился къ наукѣ и жаждалъ знанія, какъ онъ боролся съ нуждой и попалъ въ общество опасныхъ друзей; какъ одинъ изъ этихъ друзей пагубно дѣйствовалъ на него, неопытнаго юношу; какъ этотъ человѣкъ нанесъ ему страшное оскорбленіе, за которое онъ поклялся отмстить ему; какъ этотъ человѣкъ разбогатѣлъ и какъ онъ, Арамъ, рѣшился ограбить его, чтобы на его деньги пробить себѣ путь къ знанію, котораго онъ жаждалъ; какъ онъ убилъ своего врага, заглушилъ черезъ нѣсколько лѣтъ голосъ совѣсти, и сталъ уважаемымъ ученымъ, надѣясь своею безупречною семейною жизнью искупить свой тяжкій грѣхъ. Собравшаяся на судѣ многочисленная толпа слушателей была глубоко тронута этими признаніями и со слезами провожала Арама на казнь.

Мы распространились нѣсколько подробнѣе объ этомъ романѣ потому, что по немъ можно судить о талантѣ Бульвера яснѣе, нежели по какому-либо иному его произведенію. Въ немъ заключается глубоко-драматическій сюжетъ, столь излюбленный Бульверомъ, благодарная почва для психологическихъ изслѣдованій самыхъ сокровенныхъ душевныхъ движеній и для эффектныхъ афоризмовъ, къ которымъ Бульверъ питалъ нѣкоторую слабость. Романъ изобилуетъ глубокими нравственными истинами и поэтическими картинами. Онъ читался на расхватъ и еще болѣе упрочилъ славу автора.

Дѣйствительно, съ этого времени Бульверъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ литературѣ, обезпечилъ себя въ матеріальномъ отношеніи; семью его составляли прелестная дочь и многообѣ-

---

[1]) Кстати упомянуть здѣсь о прекрасномъ стихотвореніи Томаса Гуда подъ заглавіемъ: „Сонъ Евгенія Арама".

щающій сынъ [1]); онъ помирился съ своей матерью, съ которой онъ былъ въ ссорѣ по поводу женитьбы; казалось, что онъ долженъ былъ бы спокойно пожинать заслуженные усидчивымъ трудомъ лавры и стремиться къ новой славѣ, но надъ семейнымъ очагомъ его висѣла черная туча. Предчувствія его матери оправдались вполнѣ: Бульверу пришлось испытать всю горечь семейныхъ раздоровъ и даже перенести публичное преслѣдованіе въ печати его жены, которая, разставшись со своимъ мужемъ, выпустила въ свѣтъ романъ: „Клевелэ, или честный человѣкъ"; въ немъ она осыпала Бульвера ѣдкими насмѣшками и клеветой. Романъ не имѣлъ успѣха и считался читающей публикой пасквилемъ на всѣми уважаемаго романиста. Очень вѣроятно, что Бульверъ, какъ это бываетъ и съ людьми, преданными наукѣ и ведущими кабинетную жизнь, былъ не совсѣмъ идеальнымъ семьяниномъ и внимательнымъ супругомъ, но тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе стало на сторонѣ супруга, который въ этомъ случаѣ хранилъ упорное молчаніе, несмотря на всѣ преслѣдованія жены въ печати. Послѣ вышеназваннаго романа она возобновила свои прежніи нападки изданіемъ романа „The World and his Wife". Спустя еще нѣсколько лѣтъ, когда Бульверъ занималъ мѣсто министра британскихъ колоній, его жена снова выступила съ памфлетомъ подъ названіемъ: „Lady Bulwer Lytton's appeal to the justice and charity of the British public" (London, 1857) [2]). Несмотря, однако, на эти тяжелыя для Бульвера обстоятельства, онъ продолжалъ работать по прежнему. Его творческая сила не пострадала отъ этихъ домашнихъ треволненій;

[1]) Впослѣдствіи лордъ Литтонъ, издатель автобіографіи Эд. Бульвера; онъ извѣстенъ въ литературѣ уже въ теченіе болѣе 20 лѣтъ какъ поэтъ и писатель, издавшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ „Orven Meredith". Съ 1849 г., онъ извѣстенъ какъ дипломатъ.

[2]) Въ послѣднее время въ Лондонѣ возникъ любопытный процессъ по поводу выхода въ свѣтъ біографіи Бульвера. Несмотря на то, что лордъ Литтонъ выражался крайне сдержанно о своей матери, все-таки по нѣкоторымъ его намекамъ о частной жизни Бульвера можно придти къ заключенію, что въ размолвкѣ супруговъ самъ Бульверъ былъ менѣе виноватъ, нежели его жена лэди Розина. По этому поводу и вмѣшалась въ дѣло миссъ Девей, подруга и душеприказчица покойной лэди, желая защитить память подруги. Она силилась доказать, что Бульверъ своею грубостью и даже жестокостью сдѣлалъ невозможнымъ совмѣстную жизнь съ нимъ. Миссъ Девей напечатала письма романиста къ своей женѣ подъ заглавіемъ: „Любовныя письма Бульвера-Литтона. Оправданіе". Тогда сынъ романиста, лордъ Литтонъ, обратился къ суду, прося запретить опубликованіе подобной переписки; онъ оспаривалъ принадлежность постороннему лицу упомянутыхъ писемъ, ибо они не были означены въ завѣщаніи его матери. Судъ сталъ на сторону истца и воспретилъ печатаніе писемъ на томъ основаніи, что владѣлецъ какого-либо письма есть собственникъ только самой бумаги, а не содержанія ея.

имъ не овладѣло, какъ можно было ожидать, мизантропическое настроеніе духа, и въ общемъ онъ сохранилъ оптимистическій взглядъ на жизнь.

Не довольствуясь славой на литературномъ поприщѣ, пытливый умъ Бульвера увлекъ его на арену политической дѣятельности.

1831-й годъ должно считать началомъ политической дѣятельности Бульвера; именно въ мартѣ этого года онъ былъ избранъ представителемъ мѣстечка Сентъ-Ивсъ и имѣлъ блестящій успѣхъ какъ борецъ за предложенный крайней либеральной партіей билль о реформѣ. Онъ оказалъ также большую услугу своей партіи изданіемъ брошюры подъ заглавіемъ: „Кризисъ" (The Crisis), которая въ короткое время выдержала 20 изданій и имѣла громадное вліяніе на избраніе новаго министерства и пораженіе торійскаго кабинета съ Робертомъ Пилемъ во главѣ. Новый министръ, лордъ Мельборнъ, желая вознаградить Бульвера за оказанныя услуги, предложилъ ему важный постъ въ министерствѣ, отъ котораго онъ, однако, отказался, не желая, вѣроятно, пожертвовать своею независимостью писателя. Два года спустя, при вступленіи на тронъ королевы Викторіи (1837 г.) Бульверу былъ пожалованъ титулъ баронета; позднѣе онъ получилъ титулъ лорда Литтона (фамилія его матери—историческое имя, которымъ она очень гордилась), перешедшій впослѣдствіи къ его единственному сыну.

Въ 1841 г., Бульверъ примкнулъ къ партіи торіевъ и лишился своего мѣста въ парламентѣ; только спустя десять лѣтъ онъ былъ вновь избранъ въ члены парламента въ качествѣ представителя графства Гертфордшира, гдѣ находится его помѣстье Кнебвортъ, унаслѣдованное имъ около этого же времени отъ его матери.

Въ 1851 г., Бульверъ издалъ свое „Письмо къ Джону Буллю" (Letter to John Bull on affairs connected with his landed property etc.), въ которомъ высказываетъ свои новыя политическія воззрѣнія. Любопытно, что подобному же превращенію изъ крайняго либерала въ консерватора подвергся и знаменитый современникъ Бульвера — Беньяминъ Дизраели, впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ [1]).

Относительно Бульвера должно замѣтить, что какъ его либерализмъ въ не малой степени былъ плодомъ его классически-

[1]) Изъ приведенной лордомъ Литтономъ переписки мы видимъ, что эти замѣчательные люди подружились въ раннюю пору ихъ литературной и политической дѣятельности и остались друзьями на всю жизнь.

литературнаго образованія и при всей крайности своей сохранялъ отпечатокъ аристократизма, такъ и консерватизмъ его никогда не отличался односторонностью и пристрастіемъ, а всегда сохранялъ либеральный оттѣнокъ. Неоднократно онъ выступалъ какъ горячій защитникъ интересовъ литературы, журналистики и театра—роль, которую онъ сохранилъ до конца своей жизни. Въ особенности достоенъ вниманія его поступокъ при обсужденіи вопроса объ уничтоженіи налога на бумагу въ 1837 г., когда Бульверъ, оставаясь вѣренъ своей прежней оппозиціи относительно налоговъ (Taxes on Knowledge), отказался отъ мнѣнія большинства членовъ своей партіи и примкнулъ къ мнѣнію либеральной партіи.

Самою выдающеюся порой въ жизни Бульвера, какъ политическаго дѣятеля, должно считать 1858 г., когда графъ Дерби назначилъ его министромъ британскихъ колоній. Занимая этотъ постъ, Бульверу удалось произвести нѣкоторыя дѣйствительно важныя перемѣны въ британской колоніальной политикѣ. Въ теченіе всей своей политической дятельности Бульверъ оставался вѣренъ своему призванію романиста: въ самую важную для него пору его политической карьеры онъ не покидалъ своихъ литературныхъ занятій, и въ противоположность Дизраели, который жертвовалъ всѣмъ ради достиженія выдающейся роли въ политикѣ, Бульверъ на первомъ планѣ ставилъ свою независимость какъ писателя и юмориста.

Занятія въ парламентѣ, несмотря на всю важность ихъ для молодаго кандидата, едва освоившагося съ сложными интересами политическихъ партій, не могли оторвать Бульвера отъ его любимаго занятія литературой. Онъ принялъ на себя въ 1832 г. редактированіе журнала „New Monthly Review“, въ которомъ онъ помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей, впослѣдствіи изданныхъ отдѣльно подъ заглавіемъ „The Student“.

Романъ „Годольфинъ“, который вышелъ анонимно около того же времени, былъ въ сущности отголоскомъ „Пельгама“—умный, блестящій юморомъ, какъ и другія произведенія Бульвера.

Въ 1833 г., появился новый капитальный трудъ Бульвера, въ которомъ онъ выступилъ въ качествѣ политическаго мыслителя. Это произведеніе — „Англія и Англичане“ — состоитъ изъ пяти книгъ. Въ немъ Бульверъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ яркими красками изображаетъ картину характера англійскаго народа, общества, обычаевъ и другихъ характеристическихъ особенностей націи. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ романиста остроумны до-нельзя, но въ другихъ замѣтна натяжка и желаніе высказать что-нибудь оригинальное. Въ особенности удачны выдержанные имъ въ формѣ

романа очерки нѣкоторыхъ чѣмъ либо замѣчательныхъ лицъ и общественныхъ дѣятелей того времени, очерки, которые по своему юмору не уступаютъ очеркамъ Диккенса и Тэккерея.

Какъ вполнѣ своеобразное и въ то же время поэтическое произведеніе должно считать романъ „Рейнскіе Пилигримы". Въ этомъ романѣ, неизмѣнномъ спутникѣ на Рейнѣ англичанъ-путешественниковъ, въ высшей степени искусно переплетены сцены, взятыя изъ дѣйствительной жизни, съ поэтическими преданіями старинныхъ рейнскихъ замковъ, превратившихся въ развалины. Впрочемъ, Бѣлинскій безпощадно отнесся къ этому роману, хотя въ то же время и признавалъ несомнѣнныя достоинства этого излюбленнаго англичанами фантастическаго произведенія. Приведемъ слова самого Бѣлинскаго: „Вотъ въ чемъ состоитъ содержаніе романа. Тревеліанъ, молодой человѣкъ съ душою сильной и характеромъ возвышеннымъ, любитъ Гертруду Ванъ, дѣвушку, которая имѣетъ все, что дѣлаетъ женщину на землѣ представительницею неба. Эта прелестная дѣвушка страждетъ неизлечимою болѣзнью—чахоткой, и, по совѣту докторовъ, пускается въ путешествіе по Рейну въ сопровожденіи отца и любовника. Тревеліанъ, имѣя пылкое воображеніе, зная наизусть почти всѣ древненѣмецкія преданія и хроники, разсказываетъ Гертрудѣ отрывки изъ этихъ преданій, чтобы отклонить ея вниманіе отъ собственнаго ея положенія. Эта Гертруда, стоящая на краю могилы и сильно желающая жить, этотъ Тревеліанъ, гордый, крѣпкій дубъ, оперштійся на розу и долженствующій пасть, когда она увянетъ, наконецъ старикъ Ванъ—всѣ эти лица имѣютъ собственную физіономію и живо занимаютъ читателя своею судьбой, своею личностью; но не здѣсь Бульверъ, онъ весь въ эпизодахъ, онъ въ разсказахъ Тревельяна; въ нихъ онъ силится оживить старину съ ея волшебными воспоминаніями, съ ея романической жизнью, такъ противоположной разсчетливой жизни... словомъ, Бульверъ силится возвратить міръ къ его первобытному состоянію, когда иное человѣчество населяло природу небывалыми существами и отъ души вѣрило ихъ дѣйствительности. Но развѣ нѣтъ поэзіи въ нашей жизни, развѣ сама истина и дѣятельность не есть высочайшая поэзія?.. Бульверъ писатель не геніальный, но съ талантомъ; онъ хорошъ тамъ, гдѣ естественъ, гдѣ пишетъ въ духѣ времени; но ему надо безсознательно слѣдовать внушенію своего таланта, а не корчить изъ себя трубадура съ вѣнкомъ на остриженной головѣ и букетомъ розъ на модномъ фракѣ"...

Въ то время, когда появились „Рейнскіе Пилигримы", Бульверъ находился въ Италіи. Въ концѣ парламентской сессіи 1833

года онъ почувствовалъ необходимость въ отдыхѣ и, сложивъ съ себя редактированіе „New Monthly Magazine“, предпринялъ путешествіе въ Италію, гдѣ онъ оставался цѣлый годъ. Послѣ того какъ онъ посѣтилъ Венецію, Миланъ и Флоренцію, онъ во время пребыванія въ Римѣ, съ возстановленною энергіей, принялся за новый трудъ, а нѣсколько позднѣе, въ Неаполѣ, онъ началъ свое второе историческое произведеніе, заимствуя сюжеты изъ итальянской жизни. Оба эти произведенія считаются лучшими историческими романами Бульвера. Въ особенности выдается по своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ романъ „Послѣдніе дни Помпеи“. Въ немъ авторъ, какъ новеллистъ, поэтъ и ученый, яркими красками возстановилъ передъ читателями старину. Съ полнымъ правомъ объ этомъ произведеніи можно сказать, что оно одинаково удовлетворяло и изслѣдователя старины, и представляло интересъ для юношества. Романъ былъ написанъ Бульверомъ вблизи самаго Везувія и среди развалинъ Помпея, что не мало содѣйствовало его исторической вѣрности; онъ появился въ свѣтъ только послѣ возвращенія Бульвера въ 1834 году въ Англію. Второй изъ вышеназванныхъ романовъ, „Ріенци“, какъ мрачная и величественная картина римской и итальянской средне-вѣковой жизни, мало уступаетъ своему предшественнику. „Ріенци“—это драма, которая въ своемъ простомъ историческомъ видѣ заключаетъ въ себѣ именно ту средину между поэзіей и исторіей, которую такъ трудно совмѣстить. Уступая по силѣ интереса роману „Послѣдніе дни Помпеи“, „Ріенци“ все-таки пользовался продолжительнымъ успѣхомъ въ публикѣ.

Послѣ появленія въ свѣтъ романа „Ріенци“ наступилъ несвойственный Бульверу промежутокъ молчанія, прежде нежели появился слѣдующій его романъ. Въ этотъ промежутокъ времени Бульверъ пробовалъ свои силы на драматической почвѣ. Казалось, ни одна область умственной дѣятельности не была чужда Бульверу. Еще раньше онъ переработалъ свой романъ „Евгеній Арамъ“ въ драму; первая же самостоятельная его драма: The Duchesse of La Valière“, была дана въ Лондонѣ въ 1836, но успѣха не имѣла и была снята со сцены; появившаяся въ 1838 г. драма „The Lady of Lyons“ имѣла блестящій успѣхъ. Въ 1839 г. была поставлена на сценѣ историческая драма „Ришелье“ и комедія „The Sea-Captein or the birth-right“; первая имѣла успѣхъ, а вторая потерпѣла фіаско. Въ слѣдующемъ году появилась его комедія „Money“, которая была удачнѣе всѣхъ его драмъ и считается до сихъ поръ одною изъ лучшихъ комедій англійскаго репертуара. Если Бульверъ въ качествѣ драматурга и не достигъ

совершенства, то все-таки тѣмъ не менѣе его комедіи и драмы занимаютъ почетное мѣсто среди подобнаго рода произведеній.

Къ періоду драматической дѣятельности Бульвера принадлежатъ его два романа: „Ernest Maltravers" и „Alice". По его собственному признанію, эти романы были написаны имъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Вильгельма Мейстера" Гёте, что побудило его посвятить этотъ двойной романъ „великому германскому народу, народу мыслителей и критиковъ". Въ лицѣ героя „Maltravers" изображенъ высокорожденный сынъ одного англійскаго баронета, который былъ воспитанъ больше практической жизнью, нежели теоретически. Этотъ романъ не понравился англичанамъ, но Бульверъ былъ совершенно правъ, когда онъ, спустя много лѣтъ, причислялъ его къ лучшимъ своимъ произведеніямъ.

Въ романахъ „Ernest Maltravers" и „Алиса" (продолженіе перваго романа) Бульверъ задался цѣлью изобразить, по его словамъ, то частое явленіе въ жизни, которое избѣгается романистами, когда „порокъ торжествуетъ, а добродѣтель несетъ незаслуженную кару".

Въ 1838 г.—годъ драматической дѣятельности Бульвера—онъ издалъ два тома историческаго и философскаго сочиненія: „Аѳины, эпоха процвѣтанія и паденія"—многолѣтній трудъ, посвященный аѳинскому народу и замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ.

Романъ „Ночь и Утро" (Night and Morning) (1841 г.) считается однимъ изъ популярныхъ романовъ Бульвера; въ немъ авторъ искусною рукой представляетъ передъ читателемъ то свѣтлыя, радостныя картины домашней счастливой жизни—утро, то мрачныя картины, взятыя изъ вертепа мошенниковъ и фальшивыхъ монетчиковъ, ежечасно дрожащихъ за свое существованіе и не имѣющихъ недежнаго пристанища—ночь. Вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ два брата находятся въ этихъ противоположныхъ слояхъ общества: одинъ пользуется всѣми земными благами, другой—преступникъ, гонимый злою судьбой, но симпатіи читателя все-таки на сторонѣ отверженнаго обществомъ Филиппа, сильнаго своимъ нравственнымъ превосходствомъ среди самыхъ ужасающихъ обстоятельствъ. Въ общемъ этотъ романъ можно причислить къ разряду такъ-назыв. „сенсаціонныхъ" романовъ, хотя онъ обладаетъ несомнѣнными достоинствами, которыя ставятъ его несравненно выше фабрикуемыхъ на скорую руку модныхъ романовъ этого рода.

Въ 1842 г., появился романъ „Zanoni", сюжетомъ котораго Бульверъ избралъ время процвѣтанія ученія Месмера, Каліостро,

свободныхъ каменьщиковъ, иллюминатовъ и алхимиковъ. Картины дѣйствительной жизни въ этомъ романѣ полны таинственности и изобилуютъ сверхъестественными обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ необычайнымъ образомъ дѣйствительность переплетается съ магіей, вѣроятное—съ чудеснымъ. Въ сущности въ этомъ романѣ Бульверъ въ лицахъ своихъ героевъ проводитъ извѣстныя философскія идеи. Въ особенности производитъ сильное впечатлѣніе историческая заключительная картина ужасовъ французской революціи.

По окончаніи „Zanoni" Бульверъ выступилъ съ новымъ романомъ изъ англійской исторіи. Въ этомъ романѣ, вышедшемъ въ 1843 г. въ трехъ томахъ, Бульверъ мастерски изобразилъ характеръ англійскаго короля Эдуарда IV и „Послѣдняго изъ Бароновъ" (The last of the barons)—историческаго графа Варвика. Романъ былъ принятъ публикой холодно; находили, что какъ романъ, онъ былъ слишкомъ ученъ, а для историческаго сочиненія—недостаточно серьезенъ. Въ предисловіи къ роману Бульверъ заявлялъ, что этимъ произведеніемъ онъ заканчиваетъ свою дѣятельность, какъ романистъ. Повидимому, онъ хотѣлъ предаться разработкѣ и изданію историческихъ сочиненій.

Однако, прошло не болѣе трехъ лѣтъ, какъ Бульверъ, вопреки своему намѣренію, выступилъ передъ публикой съ новою сатирой въ стихахъ, подъ заглавіемъ: „Новый Тимонъ"—(„The New Timon, a romance of London Life"). Эта блестящая сатира, изданная анонимно, имѣла громадный успѣхъ; неизвѣстнаго автора сравнивали то съ Драйденомъ, то съ Пóпэ. Въ этой сатирѣ фигурировали преимущественно выдающіеся современные поэты и политическіе дѣятели и въ особенности ѣдко былъ осмѣянъ поэтъ Альфредъ Теннисонъ.

Однажды нарушивъ свое кратковременное молчаніе, Бульверъ, снова принялся за литературную дѣятельность и издалъ неудачный романъ „Лукреція" (Lucretia or the children of Night). Критика единогласно осудила этотъ романъ, въ которомъ былъ изображенъ только-что казненный фальшивый монетчикъ и отравитель. Дѣйствительно въ этомъ романѣ преобладаетъ болѣзненный мелодраматическій тонъ, и ради эффекта описаны возмущающія душу ужасы. Голосъ критики, осуждавшій автора за выборъ такого отталкивающаго сюжета для романа, былъ настолько силенъ, что Бульверъ счелъ необходимымъ издать брошюру подъ заглавіемъ: „Слово къ публикѣ" (A Word to the Public), въ которой онъ силится оправдать нравственную тенденцію своихъ романовъ вообще; несмотря на свои оправданія, Бульверъ все-

таки счелъ за лучшее въ послѣдующихъ изданіяхъ романа „Лукреція“ видоизмѣнить нѣкоторыя подробности и событія.

Не лучшій успѣхъ выпалъ на долю историческаго романа „Гарольдъ“ (Harold, the last of the Saxon Kings), появившагося въ 1848 г. Несмотря на выдающіяся достоинства этого романа, свидѣтельствующія вновь о громадной начитанности артора и его знакомствѣ съ древне-готической и кельтійской стариной, онъ не имѣлъ успѣха.

Казалось, что звѣзда Бульвера начинала меркнуть; поколѣніе, которое восторгалось „Пэльгамомъ“, „Клиффордомъ“ и „Ріенци“, смѣнилось новымъ; героями дня сдѣлались Диккенсъ и Тэккерей. Но ошибались тѣ, которые думали, что талантъ Бульвера изсякъ, или что онъ состарился и отжилъ свой вѣкъ. Онъ блистательнымъ образомъ опровергъ это господствовавшее мнѣніе своими тремя капитальными романами, вышедшими въ періодъ времени отъ 1848—1858 года. Этими романами Бульверъ вступаетъ въ новый фазисъ своего творческаго таланта; онъ уже чуждъ прежней аффектаціи, и по простотѣ своего слога, по широкому, лишенному предразсудковъ взгляду на жизнь, по неистощимому юмору, является въ нихъ достойнымъ соперникомъ Стерна Фильдинга. По единогласному мнѣнію англійскихъ критиковъ, слава Бульвера какъ бытописателя чисто-національной англійской семейной жизни, какъ жанриста,—такимъ онъ является въ трехъ упомянутыхъ романахъ: „Семейство Какстоновъ“ (The Caxtons), „Мой романъ“ (My Novel) и „Что онъ будетъ дѣлать?“ (What will he do with it?),—переживаетъ его славу, пріобрѣтенную имъ въ первой половинѣ его творческой дѣятельности его историческими, извѣстными „криминальными“ романами и проч.

Первый изъ этихъ трехъ романовъ (The Caxtons) появился выпусками въ „Blakwoods Magazine“ и печатался въ теченіе двухъ лѣтъ безъ имени автора. Уже начало этого романа привлекло общее вниманіе къ нему; не подозрѣвая о томъ, что авторомъ романа былъ Бульверъ, всѣ привѣтствовали появленіе новаго большого таланта; по мѣрѣ выхода романа интересъ все болѣе и болѣе возрасталъ, и окончаніе его было настоящимъ торжествомъ для автора.

Два года спустя Бульверъ напечаталъ въ журналѣ „All the Year Round“, редактированномъ Диккенсомъ, романъ „A strange Story“, въ которомъ онъ въ сущности повторялъ уже высказанное имъ въ романѣ „Zanoni“ стремленіе къ мистицизму и сверхъестественному.

Бульверъ въ теченіе всей своей жизни имѣлъ обыкновеніе трудиться одновременно надъ нѣсколькими сочиненіями, иногда совершенно противоположными по замыслу и характеру; такъ, одновременно съ романомъ „Какстоны" появился „Король Артуръ"—легендарная поэма, надъ которой авторъ потратилъ много времени и умственнаго труда, хотя мечта поэта создать народную эпопею, на манеръ Спенсера или Аріосто, далеко не осуществилась.

Доказательствомъ популярности, которою пользовался Бульверъ въ это время, можетъ служить то, что по окончаніи романа „My Novel" одна лондонская издательская фирма пріобрѣла у него право изданія его произведеній въ теченіе 19-ти лѣтъ за 30,000 фунт. стерлинговъ — спекуляція, которая принесла блестящіе результаты! Въ то время, когда Бульверъ былъ занятъ изданіемъ романа „My Novel", онъ проявилъ себя и въ качествѣ защитника интересовъ литературы и искусства. Въ его помѣстьи Кнебвортъ, подъ его руководствомъ и при участіи Диккенса, Форстера, Джералда и др. литераторовъ и извѣстныхъ драматурговъ, возникло осенью 1850 г. „Общество литераторовъ и художниковъ" съ цѣлью вспомоществованія нуждающимся литературнымъ дѣятелямъ и художникамъ. Въ пользу этого общества Бульверъ написалъ комедію „Not as bad as we seem", которая весною 1851 г. давалась съ значительнымъ успѣхомъ на сценахъ лондонскихъ и провинціальныхъ театровъ.

Позднѣе Бульверъ подарилъ обществу участокъ земли, вблизи своего помѣстья, съ цѣлью учрежденія домовъ для призрѣнія рекомендованныхъ членами общества художниковъ и литераторовъ.

Въ 1863 г., Бульверъ издалъ собраніе своихъ статей, напечатанныхъ въ разное время въ „Blakwoods Magazine„, подъ псевдонимомъ „Пизистрата Какстона". Это собраніе его мѣткихъ, блестящихъ юморомъ статей, служило какъ бы продолженіемъ изданныхъ тридцать лѣтъ тому назадъ статей подъ заглавіемъ „The Student".

Кромѣ названныхъ трудовъ, неутомимый писатель издалъ множество другихъ, о которыхъ мы не упоминаемъ здѣсь, не желая утомить читателя длиннымъ перечнемъ трудовъ плодовитаго писателя.

Нельзя, однако не упомянуть о появившемся въ 1871 г. романѣ „Грядущая Раса" (The comming Race), которымъ Бульверъ поразилъ своихъ почитателей. Романъ былъ посвященъ Максу Мюллеру. Въ этомъ романѣ Бульвера было столько свое-

образной прелести и свѣжести, что, казалось, онъ былъ написанъ рукою молодого талантливаго романиста въ подражаніе „Путешествію Гулливера", Свифта, и другимъ подобнаго рода утопіямъ.

Послѣ успѣха этого сатирическаго романа, творческій даръ автора получилъ какъ бы новый толчекъ. Одновременно съ появленіемъ этого романа онъ трудился надъ двумя новыми произведеніями: „Парижане" (The Parisians) и „Кенельмъ Чиллингли" (Kenelm Chillingly). Первый романъ, не представляя собой ничего новаго, могъ служить только подтвержденіемъ замѣчательной наблюдательности автора, второй же романъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ хотя нѣсколько словъ. Раньше мы уже упоминали объ этомъ „послѣднемъ, но,—по словамъ его сына, —едва ли не самомъ свѣжемъ" произведеніи неутомимаго автора. Въ романѣ „Кенельмъ Чиллингли" Бульверъ изобразилъ себя, какимъ онъ былъ въ юношескіе годы, изобразилъ свою незабвенную возлюбленную, въ трогательномъ образѣ прелестной Лили. Весь романъ проникнутъ неподдѣльнымъ чувствомъ, и нѣкоторыя страницы поражаютъ своимъ мѣткимъ юморомъ и свѣжестью изложенія. Можно безъ преувеличенія сказать, что этотъ романъ доставляетъ читателю рѣдкое эстетическое и умственное наслажденіе, и что послѣ прочтенія его еще долго не изглаживается впечатлѣніе, произведенное этимъ прекраснымъ произведеніемъ.

Бульверъ былъ счастливѣе Диккенса и Тэккерея, которыхъ онъ пережилъ, хотя былъ значительно старше ихъ годами: онъ не былъ, подобно имъ, оторванъ смертью на половинѣ предпринятыхъ имъ трудовъ: онъ окончилъ свое существованіе въ то время, когда онъ просматривалъ готовые къ печати корректурные листы романа „Кенельмъ Чиллингли".

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни Бульверъ, вслѣдствіе усилившейся глухоты, которою онъ страдалъ всю свою жизнь, все болѣе и болѣе удалялся отъ общества, проводя свое время въ работѣ или въ бесѣдѣ въ маленькомъ кругу избранныхъ друзей. Осенью 1872 г. онъ отправился въ Торке (на островѣ Уайтѣ) для пользованія морскими купаньями, но тамъ давнишнее ушное страданіе приняло форму остраго воспаленія, и послѣ четырехъ дней болѣзни, на 70 году своей жизни, Бульверъ скончался 18 января 1873 г.

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Бульверъ, изъ опасенія быть похороненнымъ заживо, выражалъ оригинальное желаніе, чтобы его оставили нетронутымъ на его смертномъ одрѣ въ теченіе

трехъ дней, послѣ которыхъ врачи должны были констатировать его смерть, а затѣмъ его должны были похоронить безъ всякой торжественности въ семейномъ склепѣ въ Кнебвортѣ.

Но общественное мнѣніе единогласно требовало, чтобы Бульвера похоронили въ національномъ мавзолеѣ—въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ уже раньше были похоронены многіе литературные дѣятели, которымъ онъ въ свое время служилъ путеводною звѣздой, хотя эти его послѣдователи пошли дальше своего учителя и, можетъ быть, своими произведеніями стяжали себѣ больше правъ на безсмертіе, нежели этотъ, во всякомъ случаѣ, высоко-талантливый писатель, оставившій послѣ себя богатое литературное наслѣдіе.

М. Л.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПОЭТУ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Молчи, поэтъ, молчи: толпѣ не до тебя.
До скорбныхъ думъ твоихъ кому какое дѣло?
Твердить былой напѣвъ ты можешь про себя, —
Его намъ слушать надоѣло...

Не каждый ли твой стихъ сокровища души
За славу мнимую безумно расточаетъ?..
Такъ за глотокъ вина послѣдніе гроши
Порою пьяница бросаетъ.

Ты опоздалъ, поэтъ: нѣтъ въ мірѣ уголка,
Въ груди такого нѣтъ блаженства и печали,
Чтобъ тысячи пѣвцовъ объ нихъ во всѣ вѣка,
Во всѣхъ краяхъ не повторяли.

Ты опоздалъ, поэтъ: твой міръ опустошенъ, —
Ни колоса въ поляхъ, на деревѣ ни вѣтки;
Отъ сказочныхъ пировъ счастливѣйшихъ временъ
Тебѣ остались лишь объѣдки...

Попробуй слить всю мощь страданій и любви
Въ одинъ безумный вопль; въ негодованьи гордомъ
На лирѣ и въ душѣ всѣ струны оборви
Однимъ рыдающимъ аккордомъ, —

Ничто не шевельнетъ потухшія сердца,
Въ священномъ ужасѣ толпа не содрогнется;
И на послѣдній крикъ послѣдняго пѣвца
Никто, никто не отзовется!

II.

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

О, ночь полуденнаго края,
Полна ты мощной красотой,
По небу тихо пролетая
Надъ очарованной землей.
Горя, какъ жемчугомъ, звѣздами,
Ты ароматомъ облита,
Прозрачно-синими тѣнями
Ты, словно дымкой, обвита;
И какъ надъ зеркаломъ, склоняясь
Надъ гладью моря голубой,
Залюбовалась ты собой,
Нарядомъ пышнымъ облекаясь...
Скажи, богиня, для кого
Ты въ ризы брачныя одѣта?
Ты ждешь ли друга своего
Порфироноснаго разсвѣта,
Чтобъ, полонъ дерзостныхъ надеждъ,
Онъ, какъ дрожащими устами,
Твоихъ лазуревыхъ одеждъ
Коснулся алыми лучами;
Чтобъ лучезарный, юный богъ
Съ тебя покровъ сорвалъ ликуя
И тѣло смуглое зажегъ
Могучимъ зноемъ поцѣлуя;
Чтобъ вся блѣднѣя, вся дрожа,
Ты отдалась ему мятежно,
Какъ вешній цвѣтъ фіалки нѣжной,
Благоуханна и свѣжа;

Чтобъ ты съ улыбкой тихо тая
Подъ лаской утра и тепла,
О, ночь, вакханка молодая,
Въ объятьяхъ солнца умерла.

III.

* * *

Всѣ грезы юности и всѣ мои желанья
Предъ Богомъ и людьми я смѣло признаю;
И мнѣ ни отъ кого не нужно оправданья,
И я ни передъ кѣмъ въ груди ихъ не таю.
Я правъ, когда живу и требую отъ жизни
Не только подвиговъ въ борьбѣ за идеалъ,
Не только мукъ и жертвъ страдалицѣ-отчизнѣ,
Но и всего, о чемъ такъ страстно я мечталъ:
Хочу я творчествомъ и знаніемъ упиться,
Хочу весеннихъ дней, лазури и цвѣтовъ,
Хочу у милыхъ ногъ я плакать и молиться,
Хочу безумнаго веселія пировъ;
Хочу изъ нѣжныхъ устъ дыханья аромата
И смѣха, и вина, и пѣсенъ молодыхъ,
И блѣдныхъ ландышей, и пурпура заката, —
Всей дивной музыки аккордовъ міровыхъ;
Хочу и не стыжусь той жажды упоеній:
Она рукой Творца заброшена мнѣ въ грудь,
И красотой иныхъ божественныхъ стремленій
Я алчущей души не въ силахъ обмануть.
„Живи для радости!" какой-то тайный голосъ
Повсюду, день и ночь, мнѣ ласково твердитъ;
Волна, и темный лѣсъ, и золотистый колосъ, —
„Живи для радости!" мнѣ тихо говоритъ.
О, если на землѣ наступитъ вѣкъ счастливый
Цѣною нашихъ слезъ, надъ грудой нашихъ тѣлъ,
И если человѣкъ съ улыбкой горделивой
Захочетъ, все забывъ, вступить въ его предѣлъ, —
Какъ призракъ роковой вѣковъ окровавленныхъ,
Изъ праха и могилъ мы встанемъ передъ нимъ,

Чтобъ язвы указать на членахъ изможденныхъ,
И тѣнью грозною мы солнце заслонимъ!
Захочется и намъ уснувшимъ на погостѣ
Взглянуть на свѣтлый пиръ, и мы придемъ туда,
Они узнают нась, испуганные гости,
И чаши выронять, и скажемъ мы тогда:
„Мы виноваты тѣмъ, что раньше васъ родились?
Но что мы сдѣлали, но чѣмъ мы хуже васъ,
Чтобъ вы всѣхъ нашихъ мукъ плодами насладились
На этомъ торжествѣ въ обѣтованный часъ?“ —
О, нѣтъ, такой удѣлъ чудовищно-неравенъ!
И если мнѣ мой вѣкъ не хочетъ счастья дать, —
Пускай грядущій вѣкъ—блаженъ, великъ и славенъ;
Его я не могу, не долженъ оправдать!

Д. Мережковскій.

ПЕЧЕНГСКІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ РУССКОЙ ЛАПЛАНДІИ.

Klostrte i Petschenga Skildringer fra Russisk Lapland, af J. A. Friis.

Я. А. Фриссъ, авторъ вышедшаго въ минувшемъ году историческаго повѣствованія,—профессоръ лопарскаго языка въ королевскомъ университетѣ въ Христіаніи, извѣстный знатокъ Лапландіи и лопарей. Составленіемъ грамматики лопарскаго языка и переводомъ на этотъ языкъ книгъ духовнаго содержанія онъ много способствовалъ просвѣщенію бѣдной лопи, а его труды по изслѣдованію быта этого племени, какъ, напр., Lappisk Mythologi, Der Sampo Finnlands und des Lappen Zauberfrömmel, и въ особенности знакомое каждому, занимающемуся Сѣверомъ, описаніе его путешествія въ Лапландію подъ заглавіемъ: „En sommari Finmarken, russisk Lapland og Nordkarelen", доставило ему вполнѣ почетную извѣстность.

Какъ человѣкъ, душою преданный сѣверу, Фриссъ не могъ пройти молчаніемъ не такъ давно исполнившагося, 15 декабря 1883 г., трехсотлѣтія со дня смерти основателя Печенгскаго монастыря, преп. Трифона, просвѣтителя лопарей.

Живущія до нашихъ дней въ памяти народа преданія о существованіи этой обители доставили Фриссу матеріалъ для цѣлаго повѣствованія, въ которое онъ, по своему обыкновенію, внесъ много интересныхъ чертъ изъ близко знакомой ему жизни лопарей. Помимо этого живого источника, изъ котораго онъ черпалъ содержаніе повѣсти, Фриссъ въ началѣ своего разсказа указываетъ также историческіе источники, которыми онъ пользовался. Это — труды Молчанова, Пошмана, Чубинскаго, Огородникова,

статьи Сидорова, Büsching's Magazin. Кромѣ того, въ рукахъ автора былъ неизвѣстный у насъ, хранящійся въ норвежскомъ государственномъ архивѣ, документъ, содержащій въ себѣ интересныя подробности о погромѣ монастыря шведами. Документъ этотъ, который авторъ называетъ письмомъ (brev), помѣченъ: Вардэ, 7 августа 1590 годъ.

Недостаточное знакомство съ русской стариною XVI ст. дѣйствительно составляетъ слабую часть повѣсти Фрисса, но ея главный интересъ заключается для насъ, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разсказъ ведется авторомъ на основаніи преданій и легендъ, и гдѣ авторъ знакомитъ читателя съ характеромъ лопарей и съ ихъ религіозными воззрѣніями.

Повѣсть о Печенгскомъ монастырѣ представляетъ уже не первое проявленіе творческаго таланта этого почтеннаго ученаго. Незадолго предъ тѣмъ появилась въ свѣтъ его повѣсть: „Лаила, или очерки Финмаркена". Этотъ романъ изъ лопарской жизни представляетъ собою въ высшей степени художественный сводъ всѣхъ предшествовавшихъ изученій авторомъ быта лопарей.

I.

Лапландія.

Отправимтесь съ вами, добрый читатель, на дальній Сѣверъ, на берега Ледовитаго Океана, въ страну полуночнаго солнца, въ невѣдомыя тундры русской Лапландіи.

Много, очень много еще неизвѣстнаго, неописаннаго, неизслѣдованнаго заключаетъ въ себѣ Лопарская земля.

Ни одинъ рыболовъ не заглядывалъ сюда. Прекрасныя глубокія рѣки со своими величественными „падунами" (водопадами) хранятъ свою дѣвственную чистоту отъ алчныхъ взоровъ любителей лова семги. Обширныя озера еще никогда не отражали въ себѣ сколько нибудь правильно оснащеннаго судна.

Никакой охотникъ не проникалъ сюда. Зайцы прыгаютъ здѣсь кругомъ человѣка, какъ въ первозданномъ раю. Холмы и долины еще ни разу не вторили голосамъ охотниковъ, не разносили перекатами ихъ мѣткихъ выстрѣловъ.

Въ послѣдній разъ, когда мнѣ привелось быть тамъ, стоялъ я однажды, часу въ 11-мъ вечера, передъ шалашомъ лопаря, жившаго на берегу рѣки, съ которой мы очень скоро познакомимся. Вдругъ вижу я на другомъ берегу, на пригоркѣ, гдѣ

отъ солнечнаго припека пуще зеленѣетъ трава, весело прыгаютъ 5—6 сѣренькихъ звѣрьковъ. Я думалъ сначала, что это поросята и спросилъ лопаря, не его ли они.—„Поросята! отвѣчалъ лопарь:—нѣтъ, это не поросята, это jenesiä—зайцы!"—Вотъ была бы потѣха, подумалъ я, еслибы привести сюда изъ Христіаніи пару, другую, гончихъ!.

Въ тотъ годъ здѣсь было особенно много зайцевъ, и часовъ въ 11-ть вечера, когда бывало все смолкнетъ, затихнетъ, а солнце стоитъ еще высоко и грѣетъ, они выходили кучками на лугъ и поднимали возню.

Куропатокъ, бекасовъ несчетное множество, и ни одинъ изъ этихъ пернатыхъ никогда еще на своемъ вѣку не сводилъ знакомства ни съ сетеромъ, ни съ поинтеромъ, не зная, какъ замираютъ они „на стойкѣ", не испытывалъ на себѣ дѣйствія пристально устремленной на нихъ пары карихъ глазъ.

Но не только пороху, а даже и чернилъ потрачено очень мало для этой страны, для описанія обычаевъ и жизни населяющаго ея народа, имѣющаго во многихъ отношеніяхъ свою замѣчательную исторію, изъ которой я намѣренъ развернуть здѣсь хоть одну страничку.

Итакъ, мы ѣдемъ въ Финмаркенъ. Добравшись до Гаммерфеста, визируемъ у русскаго консула паспортъ на въѣздъ въ обширное русское царство и, если хотя сколько-нибудь владѣемъ русскимъ языкомъ, то безбоязненно можемъ пуститься въ путь, ибо всѣ русскіе лопари хоть не много да знаютъ по-русски. Садимся въ Вадвэ на маленькій, ходящій по фьордамъ, пароходъ и спускаемся въ Сюдварангеръ (на южный берегъ Варангерскаго залива) въ Эльвенесъ. На пути намъ попадается китобойный пароходъ, и мы любуемся охотой за морскимъ чудовищемъ.

Изъ Эльвенеса намъ надо пройти 3—4 мили пѣшкомъ, и мы достигли цѣли нашего путешествія, а то пожалуй можно отправиться и моремъ. Я бы предпочиталъ послѣдній способъ передвиженія. Въ хорошо оснащенную елу (лодку) мы, если насъ, напримѣръ, трое: охотникъ, рыболовъ и ботаникъ, можемъ забрать съ собой всѣ необходимыя для насъ въ пути вещи: палатку, одѣяла, съѣстное, напитки, уды, крючки, ружье, патронташи и проч. Усѣвшись по удобнѣе, мы ставимъ паруса или идемъ на веслахъ, смотря по погодѣ; по дорогѣ удимъ, вытаскиваемъ большую треску, а то такъ и чудовищнаго палтуса. Удочку и лесу надо только имѣть посолиднѣе. При хорошемъ и попутномъ вѣтрѣ, если не останавливаться для охоты или для уженья, нашъ переходъ можно сдѣлать въ одинъ день. Вотъ мы огибаемъ далеко

выдающійся въ море мысъ Мало-Нѣмецкій, проходимъ мимо расположеннаго на немъ „становища" (прежде тутъ была норвежская колонія) и входимъ въ губу Печенгу, или какъ ее называютъ по-норвежски „Фьордъ монаховъ" (Munkefjord). Послѣднее названіе возбуждаетъ невольно наше любопытство, но мы напрасно ищемъ слѣдовъ или остатковъ какого-либо монастыря. Берега Печенгской губы очень красивы, съ куполообразными „пахтами" (утесами), поросшими лѣсомъ, но пустынными и безмолвными. Никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилья, ни откуда не подымается струйки дыма, указывающаго на присутствіе человѣка. Нѣсколько въ глубь губы на восточной сторонѣ ея видѣнъ небольшой сравнительно съ самою губою заливъ, но длинный, глубокій, и болѣе обширный, чѣмъ кажется при входѣ въ него. Это хорошая незамерзающая стоянка для судовъ. Называется она по-норвежски Пакгаузная бухта (Pakhusbugden). Опять названіе, указывающее на то, что когда-то здѣсь было жилое мѣсто, но опять-таки напрасно стали бы мы искать здѣсь слѣдовъ пакгаузовъ, какъ искали мы раньше слѣдовъ монастыря.

Миновавъ небольшую рѣчку, носящую названіе Трифонова ручья, и снова напоминающую своимъ названіемъ былое присутствіе здѣсь человѣка, мы достигаемъ того мѣста, гдѣ въ губу впадаетъ рѣка Печенга. Здѣсь, на довольно высокой, плоской отмели, стоитъ поселокъ [1]). У живущихъ близъ рѣки лопарей намъ нужно взять взамѣнъ нашей елы одну изъ лодокъ, которыя употребляются на этой рѣкѣ. Онѣ узки и длинны, точь въ точь такія, въ какихъ ѣздятъ на рѣкѣ Hallendal, въ Норвегіи. Тѣ же условія создали ту же форму постройки [2]). Мы переносимъ наши вещи и раскладываемъ ихъ такъ, чтобы намъ можно было сидѣть и лежать въ лодкѣ. Съ нами въ лодку становятся двое людей, одинъ на корму, другой на носъ и, упираясь длинными шестами въ берегъ, начинаютъ двигать лодку вверхъ по рѣкѣ. Дѣлаютъ они это очень ловко, и лодка быстро подвигается впередъ. Къ намъ на встрѣчу бѣгутъ поросшіе березнякомъ берега; кое-гдѣ начинаетъ попадаться ель.

Вдали къ югу, откуда течетъ рѣка, виднѣется уже частый хвойный лѣсъ.

---

[1]) Домъ норвежскаго колониста Антона Дала, а нѣсколько далѣе расположены двѣ небольшія русскія колоніи: Княжуха и Монастырь, въ которыхъ нынѣ живутъ поселенцы изъ кемскаго уѣзда, корелы и осѣдлые лопари.

[2]) Любопытно замѣтить, что лодки описываемаго вида встрѣчаются и въ восточной части архангельской губерніи. Въ такой лодкѣ при помощи шестовъ вмѣсто веселъ мы поднимались по рѣкѣ Кулою въ мезенскомъ и пинежскомъ уѣздахъ.

Наконецъ, передъ нами такой очаровательный видъ, берега рѣки такъ красивы, что мы единогласно рѣшаемъ остановиться здѣсь на ночлегъ и раскинуть нашу палатку. Берегъ высокій ровный, заросшій столѣтними деревьями, березами, елями, а мѣстами на лужайкахъ высокою сочной травою. Лѣсъ растетъ такъ, какъ будто бы кто нибудь искусственно насадилъ его.

Съ занимаемой нами возвышенности открывается видъ на рѣку, текущую мимо насъ на сѣверъ въ губу; вверхъ по рѣкѣ по направленію къ юго-востоку глазѣ далеко уходитъ въ тундру съ бѣлѣющими на ней пятнами снѣга. Болѣе красиваго и подходящаго для жилья мѣста трудно найти даже въ норвежскомъ Финмаркенѣ.

Съ часъ времени надо употребить, чтобы разбить палатку, накидать въ ней на землю тонкихъ, мягкихъ прутьевъ, разослать на нихъ оленьи шкуры, вообще каждому устроиться по своему вкусу и привычкамъ.

Когда все готово, мы справляемся другъ у друга о томъ, что приготовить на ужинъ, вѣрнѣе сказать, на обѣдъ. Въ этихъ широтахъ нашъ обѣдъ, полдникъ, зачастую приходится въ полночь.

— Мнѣ хотѣлось бы свѣжей рыбы,—говоритъ охотникъ.

— А мнѣ куропатокъ,—говоритъ ботаникъ.

— А мнѣ бы морошки на десертъ,—дополняетъ рыболовъ.

— Что, ловится семга здѣсь? — спрашиваю я у одного изъ нашихъ гребцовъ, лопарей.

— Семга,—отвѣчалъ онъ,—да, должна ловиться. Она поднимается много выше вверхъ по рѣкѣ до самаго Заячьяго „падуна“, чрезъ который ей ужъ не перескочить, и тамъ стоитъ она сбитая въ кучу, какъ сельдь въ боченкѣ.

Въ такомъ случаѣ скорѣе уду, крючки и опять въ лодку! Всего 8 часовъ,—еще не поздно! рыба еще не ушла на покой. Охотникъ беретъ ружье и отправляется въ лѣсъ. Я насаживаю на уду мушку и прошу лопаря загрести нѣсколько вверхъ по рѣкѣ. Шнуръ сильно натягивается.

— Lohi on, Lohi on! семга, семга,—кричитъ лопарь.

Семга сильно бьется, выскакиваетъ изъ воды фута на три и сверкнувъ своею серебристою чешуею, тяжело шлепается въ воду.

— Iso on! больщая!—замѣчаетъ финнъ.

— Да, фунтовъ 20;—отвѣчаю я, у меня ихъ столько перебывало на крючкѣ, что я почти безъ ошибки на глазъ съ перваго же разу опредѣляю ихъ вѣсъ.

Еще прыжокъ на воздухъ. Рыба начинаетъ такъ сильно биться, что мы принуждены грести поскорѣе къ нашей стоянкѣ. Я тот-

часъ же выскакиваю изъ лодки и начинаю подтаскивать ее къ берегу. Съ послѣднимъ усиліемъ уйти она бросается въ самую глубину и затѣмъ совершенно утомленная идетъ за лесой, съ шумомъ наматывающейся на колесо, и рыба наша! Вѣсу въ ней 18½ фунтовъ. Будетъ, значитъ, и намъ, и гребцамъ.

Какъ нарочно, въ то же самое время, сразу раздаются два выстрѣла. Вѣрно попались куропатки. Сейчасъ видно бывалаго охотника, такъ и сыплетъ выстрѣлъ за выстрѣломъ! Ну—еще два! Значитъ уже по крайней мѣрѣ у насъ три „куропти", по одному на каждаго.

— Ну, а морошка?—спрашиваю я ботаника, который стоитъ и восхищается рыбою.

— Я послалъ лопаря набрать ее,—отвѣчалъ тотъ,—онъ лучше меня знаетъ, гдѣ искать.

Пока мы чистимъ рыбу, подходитъ охотникъ съ собакой. Та видимо также проголодалась, хотя и не Богъ вѣсть, какъ много обѣгала мѣста.

— Сколько выстрѣловъ вы слышали?—спрашиваетъ охотникъ.

— Четыре,—отвѣчаемъ мы.

— Совершенно справедливо. Каждый разъ по два и вотъ 4 куропатки. На сегодня кажется довольно.

Щипать куропатокъ единогласно присуждаемъ ботаника за его нерадѣніе о морошкѣ. Онъ отходитъ въ сторону и, варваръ, вмѣсто того, чтобъ ощипать перья, содралъ съ куропатокъ кожу. Разводимъ огонь и ставимъ на него два котелка. Дровъ изобиліе, мѣсто прекрасное. Скоро завился дымокъ, отгоняя отъ насъ комаровъ, такъ, что мы можемъ снять теперь съ лица вуали, которыя носятъ на Сѣверѣ отъ укушенія этихъ насѣкомыхъ.

Воздавши должную честь обѣду, большая часть спутниковъ отправляется на покой. Лопари ложатся просто подъ березами. Имъ палатокъ не нужно. Они забираются съ головой, руками и ногами подъ свои кофты (пески), служащія имъ постелью, одѣяломъ и пологомъ отъ комаровъ.

Но старый лопарь, Нилъ, и я остаемся у костра, покуривая трубки и прихлебывая грогъ. Жизненный нектаръ оказываетъ свое дѣйствіе. Суровый лопарь смягчается, и я начинаю заводить съ нимъ разговоръ о старинѣ, о томъ, не знаетъ ли онъ, что было здѣсь въ прошлыя, давнія времена. Вѣдь здѣсь, повидимому, долженъ былъ жить народъ. Мѣста эти такъ красивы, лѣсъ и трава такъ правильно распредѣлены, какъ будто бы надъ ними работала рука человѣка.

— Ну, а видѣлъ ли ты большой, тяжелый камень, что лежитъ тамъ у рѣки Княжухи,—спросилъ меня, между прочимъ, старикъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я никогда здѣсь прежде не былъ и ничего не слыхалъ ни о какомъ камнѣ, пойдемъ, покажи мнѣ, какой онъ такой.

Съ полверсты отъ нашей палатки впадаетъ въ рѣку маленькій ручеекъ, чистый и свѣтлый какъ кристаллъ. Онъ, вѣроятно, беретъ свое начало изъ ключа, иначе онъ не былъ бы такъ удивительно прозраченъ и холоденъ.

Какъ разъ пониже небольшого водопада, образуемаго скалами, лежитъ большой, круглый камень. Я сначала думалъ, что это одинъ изъ тѣхъ камней, которымъ поклонялись въ прежнее время лопари, но жестоко ошибся. Подойдя поближе и снявъ съ него слой мху и прутьевъ, я къ моему величайшему удивленію увидѣлъ, что это—жерновъ. Сомнѣваться не было возможности. Настоящій мельничный жерновъ—настолько большой, что не скоро найти ему равнаго на нашихъ нынѣшнихъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницахъ! Въ отверстіе въ его срединѣ я легко могъ бы просунуть свою голову, и видно, что онъ уже былъ въ употребленіи. Но какъ онъ могъ попасть сюда? Зачѣмъ онъ тутъ подъ 70° с. ш., гдѣ никогда не росло никакого хлѣба? Не могъ же остаться онъ здѣсь со времени всемірнаго потопа? Не могъ онъ быть занесенъ сюда и льдами, какъ валунъ, ибо льды движутся съ сѣвера на югъ, а подъ сѣвернымъ полюсомъ, вѣроятно, хлѣбъ не мололи никогда, если даже и предположить, какъ утверждаютъ новѣйшія теоріи, что люди въ Европу пришли съ сѣвера. Я сталъ совершенно въ тупикъ предъ этой загадкой. Кораблекрушеніе? Не можетъ быть, жерновъ лежитъ отъ моря за двѣ слишкомъ версты. Очевидно, кто-нибудь принесъ его сюда и устроилъ здѣсь мельницу. Но кто же, кто?

— Можешь ли ты разсказать мнѣ что-нибудь объ этомъ камнѣ, — спросилъ я Нила,—не знаешь ли, на что онъ здѣсь употреблялся?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Нилъ, не знаю.

— А что онъ давно лежитъ тутъ?

— Давно,—отвѣчалъ Нилъ.—Лежитъ онъ тутъ не одну сотню лѣтъ, я это слышалъ еще отъ старика, моего дѣда.

— Пошли Господи, царство небесное твоему дѣду, — отвѣчалъ я,—но кто же занесъ его сюда?

— Это, вѣроятно, монахи занесли,—произнесъ Нилъ.

— Монахи, какіе монахи?

— Монахи, которые жили здѣсь, и о которыхъ также говаривалъ мнѣ мой дѣдъ.

— Голубчикъ Нилъ,—взмолился я ему, заранѣе потирая отъ удовольствія руки,—пойдемъ сядемъ опять къ огоньку, разскажи мнѣ все, что ты слышалъ отъ своего дѣда объ этихъ монахахъ. Не пропускай ничего, я не буду перебивать тебя, разсказывай все подрядъ.

„Такъ вотъ откуда эти названія: Заливъ Монаховъ, Пакгаузная бухта, Трифоновъ ручей",—подумалъ я самъ про себя.

Мы возвратились къ костру и просидѣли здѣсь всю свѣтлую, солнечную ночь до утра. Старый Нилъ въ своей красной шапочкѣ, на корточкахъ, весь въ дыму отъ костра и отъ своей трубки,—я передъ нимъ съ вуалью на лицѣ и съ бумагою. Онъ разсказывалъ, а я, ничего не пропуская, спѣшилъ записать его сказаніе о большомъ, богатомъ монастырѣ, стоявшемъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раскинута теперь наша палатка, о церкви, о монахахъ, стройно пѣвшихъ въ этихъ мѣстахъ псалмы и молитвы.

Не попадись мнѣ этотъ жерновъ, я можетъ быть и не зналъ бы ничего объ этомъ монастырѣ; но разъ попавши на слѣдъ, я началъ усердно искать о немъ ближайшихъ свѣденій въ народныхъ сказаніяхъ, старыхъ рукописяхъ и книгахъ, въ норвежскомъ государственномъ архивѣ и въ библіотекахъ, въ Финляндіи и въ Россіи. Я собралъ всѣ наиболѣе достовѣрныя историческія и этнографическія данныя объ этомъ монастырѣ и связалъ ихъ съ тою легендою, которую слышалъ отъ лопаря Нила въ ту ночь на рѣкѣ Печенгѣ.

Передъ тѣмъ какъ мы пустились снова въ путь съ мѣста нашего ночлега, я вторично отправился къ камню, чтобы поближе разсмотрѣть его и запечатлѣть въ своей памяти. Это нижній жерновъ, лежитъ онъ вверхъ зазубринами, въ которыя напало много желтаго, зеленаго и краснаго березоваго листу. Въ то время, какъ я сидѣлъ здѣсь совершенно одинъ и думалъ о давно минувшемъ времени, вдругъ налетѣлъ вихорь, закружилъ листья на камнѣ, забилъ ихъ въ отверстіе, вновь вырвалъ оттуда и разметалъ по воздуху. Листья завертѣлись, задрожали, полетѣли другъ за другомъ, какъ будто бы въ нихъ вселилась жизнь, и они преобразились въ такихъ же желтенькихъ, зелененькихъ и красненькихъ птичекъ, щебечущихъ вокругъ насъ лѣтомъ.

„Не души ли это монаховъ,—думалось мнѣ,—примчались сюда къ единственному остатку ихъ прежняго здѣсь пребыванія и радуются теперь, что наконецъ послѣ 300-лѣтняго забвенія ихъ снова вызываютъ къ жизни?"

На этомъ мы покинемъ и охотника, и ботаника, и наше нынѣшнее время, и перейдемъ къ срединѣ XVI-го столѣтія.

II.

Преподобный Трифонъ, основатель Печенгскаго монастыря.

Немногимъ извѣстно, что въ старые годы, далеко на сѣверѣ, у границъ Финмаркена, на дикихъ берегахъ Ледовитаго моря стояла обширная обитель, славившаяся по всей Руси своей святынею, своимъ богатствомъ, своею промысловою дѣятельностью.

Изъ всѣхъ монастырей русскихъ эта обитель ушла всѣхъ дальше на сѣверъ и стояла почти на 70° с. ш. недалеко отъ устья р. Печенги, къ востоку отъ теперешней русско-норвежской государственной границы. Въ то время этой границы еще не было, и лежавшія около монастыря урочища Нейденъ, Пазрѣкъ или Пасвигъ, Печенга или Пайвенъ, составляли общую собственность Россіи и Норвегіи и назывались Faelles distrikt. Жители ихъ были двоеданщики, платили подати и московскому царю, и королю датскому.

Теперь самою сѣверною во всемъ свѣтѣ считается Соловецкая обитель, на Бѣломъ морѣ, ибо Печенгскаго монастыря уже не существуетъ, отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ, все заросло, засыпалось, исчезло. На его мѣстѣ стоятъ теперь вѣковыя деревья. Только въ народной памяти живутъ еще смутныя, таинственныя преданія о подвижникахъ этой обители, объ ея богатствѣ, судостроеніи, китобойномъ промыслѣ и торговлѣ съ дальними странами, да строитель монастыря, преподобный Трифонъ, чествуется до сего времени по всему православному міру, какъ великій угодникъ Божій и строгій подвижникъ.

Но не вся жизнь преп. Трифона протекла въ служеніи Богу. По преданію, въ юности своей онъ былъ страшнымъ разбойникомъ и съ шайкою своихъ товарищей опустошалъ предѣлы Финляндіи и Кареліи, убивалъ народъ, жегъ селенія и проливалъ много человѣческой крови.

Но какъ же могъ этотъ человѣкъ сдѣлаться святымъ угодникомъ, что обратило его на путь спасенія?

Преданіе разсказываетъ объ этомъ слѣдующее. Этого страшнаго атамана въ его опустошительныхъ набѣгахъ сопровождала всегда молодая, красивая подруга. Одѣтая въ мужское платье, она слѣдовала за нимъ всюду. Была ли она его женою или лю-

бовницею—неизвѣстно. Звали ее Еленою и происходила она изъ знатнаго рода; Трифонъ же, напротивъ, былъ сынъ бѣднаго священника изъ города Торжка, тверской губерніи. Онъ жилъ учителемъ въ домѣ ея отца и, какъ это иногда случается, молодая дѣвушка такъ влюбилась въ домашняго учителя, что рѣшилась покинуть для него родительскій домъ и быть его неразлучною спутницею въ его буйной, полной опасностей и приключеній жизни.

Часто своею кротостью и вліяніемъ, которое она имѣла на Трифона, ей удавалось спасать много невинныхъ жертвъ и укрощать его дикій нравъ. Но вотъ однажды ей случилось заступиться за одного изъ молодыхъ слугъ Трифона, обвиненнаго своими товарищами въ измѣнѣ. Несчастному не избѣжать бы смерти, еслибы въ то время, какъ Трифонъ хотѣлъ поразить его на мѣстѣ ударомъ топора, къ нему не бросилась Елена и не закрыла собою жертву. Ревность вспыхнула въ сердцѣ Трифона. Подъ вліяніемъ шумной попойки, не помня себя отъ злобы, Трифонъ взмахнулъ топоромъ, и Елена съ раскроеннымъ черепомъ повалилась къ его ногамъ. Это убійство совершенно измѣнило послѣдующую жизнь Трифона. Оставя свою шайку, ища уединенія, блуждалъ онъ по дремучимъ лѣсамъ, заходилъ въ глухія, безмолвныя пустыни. Долго не видалъ онъ ни одного лица человѣческаго. Мучимый тоскою и угрызеніями совѣсти, онъ далъ обѣтъ никогда не употреблять питья, въ которомъ есть хмѣль, не ѣсть мяса, а питаться одною рыбою и дикими кореньями. Съ тѣхъ поръ онъ не носилъ никогда бѣлья и подпоясывался простою веревкою вмѣсто драгоцѣннаго пояса, на которомъ носилъ прежде ножъ свой.

Въ такомъ видѣ отправился онъ въ далекій путь, въ невѣдомую страну у Ледовитаго моря. Онъ шелъ все дальше да дальше, забираясь все ближе да ближе къ сѣверу, пока не открылось предъ нимъ безпредѣльное море и дальше идти уже было нельзя. Жилъ тутъ народъ „дикая лопь“, поклонявшійся идоламъ, змѣямъ и другимъ гадамъ.

Здѣсь построилъ онъ себѣ въ 1524 году келью на берегу рѣки Печенги въ десяти верстахъ отъ морского залива. Много лѣтъ прожилъ не видя людей, питаясь рыбою, которую самъ ловилъ въ рѣкѣ, кореньями и ягодами, которые попадались ему въ лѣсу.

Молва объ этомъ затворникѣ, жившемъ на краѣ моря въ убогой хижинѣ, и объ его подвижнической жизни распространялась все далѣе и далѣе. Мало-по-малу къ нему начали стекаться бо-

гомольцы и странники, побуждаемые желаніемъ взглянуть на эту жизнь, исполненную трудовъ и служенія Богу.

Тогда задумалъ онъ построить небольшую часовню. Самъ рубилъ для нея бревна въ печенгскомъ лѣсу и носилъ ихъ на своихъ плечахъ. Въ этой часовнѣ поставилъ онъ нарисованные имъ самимъ образа.

Народъ все болѣе и болѣе стекался къ нему. Что-то тянуло набожныя сердца богомольцевъ къ этому простому храму, одиноко стоявшему въ глуши, въ пустынѣ, гдѣ полгода царитъ мракъ и въ полдень все та же безрасвѣтная ночь, и гдѣ зато въ другую половину года солнце никогда не заходитъ и даже въ полночь свѣтитъ тепло и ярко.

Наиболѣе усердные странники, посѣщавшіе Соловецкую обитель, доходили и до Печенги и приносили сюда свои посильныя жертвы и вклады за упокой души своихъ усопшихъ родственниковъ или во искупленіе грѣховъ своихъ. Возвращаясь въ обратный путь, они сбирали вокругъ часовни на тундрѣ пучечки травъ и цвѣтовъ, приносили ихъ съ собой домой и хранили какъ дорогую святыню, какъ воспоминаніе о трудномъ пути и о далекомъ храмѣ.

Мѣстное населеніе также сходилось къ часовнѣ, и скоро полюбилась Трифону эта бѣдная, погруженная въ идолопоклонство, дикая лопь, и предпринялъ онъ великое дѣло просвѣщенія этихъ людей свѣтомъ Христова ученія. Но не сразу открылись сердца язычниковъ для святой проповѣди. Въ особенности пользовавшійся въ ихъ средѣ уваженіемъ колдунъ подстрекалъ ихъ къ сопротивленію.

Лопари таскали пр. Трифона за волосы, бросали на землю, грозили убить, если онъ не уйдетъ отъ нихъ. Часто они готовы были привести свои угрозы въ исполненіе, но Богъ охранялъ его. Когда онъ приходилъ къ нимъ, они отводили его на ночлегъ къ берлогѣ, подмѣшивали сору и всякаго зелья въ яство и питіе, которое онъ употреблялъ, и всячески мучили его. Но онъ какъ истинный подвижникъ Христовъ неустанно относился къ нимъ со смиреніемъ, терпѣливо, съ надеждою на помощь Божію переносилъ обиды и, наконецъ, кротость его восторжествовала.—Ненависть лопарей смѣнилась любовью и уваженіемъ. Слова его проповѣди привлекали къ себѣ все болѣе и болѣе слушателей, но проповѣдникъ не могъ крестить новообращенныхъ, ибо самъ не былъ еще посвященъ въ священническій санъ.

Русскіе рыбопромышленники, каждое лѣто приходившіе на Мурманскій берегъ, также охотно посѣщали часовню Трифона,

удѣляя десятую часть своего улова на дѣло Божіе. Такимъ образомъ, въ рукахъ Трифона начали появляться матеріальныя средства для продолженія взятаго имъ на себя подвига, и у него начало являться сознаніе необходимости расширить начатое дѣло, пріискать себѣ помощника, возобновить давно порванную имъ связь съ остальнымъ міромъ.

И вотъ предпринялъ онъ около 1530 года путешествіе въ Новгородъ къ митрополиту Макарію. Получивъ отъ него благословеніе на устройство церкви на рѣкѣ Печенгѣ, онъ вернулся обратно, но на этотъ разъ не одинъ. Онъ привелъ съ собою строителей и съ ихъ помощію воздвигъ красивую деревянную церковь ниже по рѣкѣ Печенгѣ, ближе къ впаденію ея въ морской заливъ.

Церковь эта оставалась неосвященною около двухъ лѣтъ, пока въ 1532 году Трифонъ не посѣтилъ мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Кола, основанный позднѣе въ 1582 году. Здѣсь при устьѣ рѣки Колы въ 1529 году (а по нѣкоторымъ источникамъ даже еще въ 1475 году) построена была церковь и основана обитель Соловецкимъ монахомъ Ѳеодоритомъ.

Встрѣтивъ здѣсь іеромонаха Илію, Трифонъ уговорилъ его идти съ нимъ въ Печенгу и освятить церковь во имя Живоначальныя и Нераздѣльныя Троицы. Затѣмъ Илія постригъ его въ санъ монашескій [1]) и крестилъ всѣхъ обращенныхъ имъ въ христіанство лопарей.

Такимъ образомъ положено было основаніе монастырю, который возникъ впослѣдствіи около церкви. Слава о святости преподобнаго Трифона привлекала на Печенгу много лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, желавшихъ поселиться на семъ мѣстѣ. Впослѣдствіи собравшіеся выбрали изъ среды себя игумномъ старца Гурія, также пѣшкомъ пришедшаго сюда.

Такъ какъ вновь собравшаяся братія были народъ бѣдный, то обитель съ трудомъ могла прокормить ихъ и поддерживала свое существованіе тѣми скудными подаяніями, которыя дѣлались въ ея пользу окрестнымъ населеніемъ или тѣмъ или другимъ странствующимъ богомольцемъ.

Радѣя объ устройствѣ обители, преп. Трифонъ рѣшился вновь предпринять путешествіе, но на этотъ разъ не только уже въ Новгородъ, но и въ царствующій градъ Москву, просить о милости

---

[1]) Есть извѣстіе о томъ, что мірское имя преподобнаго Трифона было Митрофанъ.

и заступничествѣ за бѣдствующую обитель предъ лицомъ грознаго царя Ивана Васильевича.

По заведенному въ то время порядку прошенія царю подавались „на переходахъ“ изъ дворца въ церковь. Видъ суроваго монаха съ длинной сѣдою бородой, одѣтаго въ поношенную рясу, невольно остановилъ на себѣ вниманіе царя и сопровождавшей его свиты. Слухъ о подвигахъ Трифона на сѣверѣ и объ основаніи имъ церкви на далекой окраинѣ государства достигъ до московскаго двора и заранѣе обезпечивалъ Трифону благосклонный пріемъ у государя и въ особенности у набожнаго царевича Ѳедора Иваныча. Принявъ отъ монаха просьбу, царь со свитою вошелъ въ церковь, гдѣ царевичъ Ѳедоръ тотчасъ снялъ съ себя богато украшенную одежду и велѣлъ пожаловать ее бѣдному монаху въ знакъ особаго къ нему благоволенія.

Примѣръ царевича не замедлилъ найти себѣ подражателей въ средѣ знатнаго боярства и придворныхъ. Каждый что-либо несъ въ даръ монаху, кто серебро, кто золото, кто какую-нибудь другую драгоцѣнную вещь, и Трифонъ въ самое короткое время изъ убогаго, нищенствующаго странника обратился въ богача.

На слѣдующій день Трифона позвали во дворецъ предъ царскія очи. Царь самъ пожелалъ слышать разсказъ подвижника о крайнихъ предѣлахъ своего обширнаго царства. Просто, безъискусственно излагалъ Трифонъ предъ царемъ свой разсказъ о жизни въ той сторонѣ, гдѣ лѣтомъ свѣтитъ солнышко въ полночь, а мракъ зимней ночи нарушается сверкающими на небѣ огненными столпами, о живущихъ въ той землѣ идолопоклонникахъ, дикой лопи, объ изобиліи рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ, о чудовищѣ китъ-рыбѣ и о ловѣ ея на Студеномъ морѣ, о дремучихъ, непочатыхъ лѣсахъ, объ оленьихъ стадахъ, и наконецъ о важности имѣть тамъ православную церковь, какъ видимый знакъ русскаго государства на этой окраинѣ, которая нерѣдко захватывается людьми датскаго короля.

Разсказъ Трифона сильно подѣйствовалъ на царя, приказавшаго тотчасъ же изготовить на имя святой обители жалованную грамоту, помѣченную 7065 годомъ (22 ноября 1556 г.).

Эта грамота положила основаніе дальнѣйшему могуществу и процвѣтанію монастыря, надѣленнаго ею такими привилегіями, которыми не пользовались даже Бергенскіе купцы, въ самую лучшую пору ихъ монополіи въ Финмаркенѣ около того же времени (1562). Все мѣстное населеніе было закрѣпощено этою грамотою за монастыремъ, облеченнымъ неограниченнымъ правомъ управленія и собиранія податей по своему усмотрѣнію.

Съ каждымъ годомъ въ Печенгскій монастырь собиралось все болѣе и болѣе монаховъ и свѣтскихъ людей и на собираемыя подаянія все болѣе и болѣе ширились и росли строенія обители. Ужъ 30—40 лѣтъ спустя послѣ того, какъ преподобный Трифонъ поселился въ этихъ мѣстахъ, т.-е. въ 1565 г., обитель насчитывала у себя 20 монаховъ и 30 монастырскихъ служекъ. Съ того же времени начали приходить къ монастырю моремъ различныя суда, приходило много народу съ товарами изъ Холмогоръ и Сердоболя, часть которыхъ предоставлялась монастырю въ видахъ полученія отъ него права на сдѣлки съ лопарями. Къ этому же времени относится основаніе Трифономъ новой церкви при устьѣ рѣки Печенги или, по другимъ извѣстіямъ, на островѣ, въ Печенгскомъ заливѣ. Эта церковь была построена во имя Пресвятой Дѣвы Маріи. Сюда по временамъ удалялся Трифонъ, жилъ здѣсь затворникомъ и совершалъ богослуженіе. У самой церкви или у того мѣста, гдѣ она стояла, впадаетъ въ заливъ рѣчка, носящая названіе Трифонова ручья. Названіе это она получила отъ того, что Трифонъ обыкновенно удилъ въ ней рыбу во дни своего затворничества.

Вскорѣ Трифонъ задумалъ также построить часовню на рѣкѣ Пазѣ въ честь благовѣрныхъ и святыхъ князей Бориса и Глѣба. Эта часовня, существующая, какъ извѣстно, до сихъ поръ, освящена, какъ свидѣтельствуетъ о томъ надпись на крестѣ, 24 іюня 1565 г. священникомъ Иларіономъ.

Трифономъ же построена небольшая часовня и въ Нейденскомъ погостѣ въ знакъ того, что и это урочище было предоставлено царемъ въ собственность монастырю и составляло, слѣдовательно, часть русскаго государства тѣмъ болѣе, что со стороны датскаго правительства правà на этотъ участокъ не заявлялись.

Преподобный Трифонъ умеръ 15-го декабря 1583 г. По преданію онъ родился въ 1500 г. или нѣсколько позднѣе. Во всякомъ случаѣ онъ достигъ преклоннаго возраста. День рожденія его, по всей вѣроятности, относится къ 1-му февраля, ибо въ оба эти дня, 1-го февраля и 15-го декабря чествуется память этого угодника. Согласно его завѣщанію, тѣло его было погребено въ церкви Святой Дѣвы Маріи, но впослѣдствіи перенесено оттуда въ церковь, стоящую вверхъ по рѣкѣ верстъ на десять и до сихъ поръ извѣстной подъ именемъ церкви преп. Трифона. Тамъ, предъ самою церковью, указывается до сихъ поръ его могила и крестъ.

III.

Монастырь, его торговля и промышленность.

И послѣ смерти Трифона значеніе и благосостояніе монастыря продолжало возрастать, число братій быстро увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивался и обстраивался самый монастырь. Ежегодно посѣщавшіе обитель странники и богомольцы помѣщались теперь въ особой просторной „гостинницѣ". Рядомъ съ монастырскими кельями стояли монастырскія службы, въ которыхъ помѣщались рабочіе, и всѣ эти строенія, кельи и церковь, обнесены были высокимъ частоколомъ. Времена были неспокойныя. Легко могло случиться, что какая-нибудь вражья шайка могла забрести сюда и разграбить монастырское добро. По крайней мѣрѣ Соловецкой обители не разъ приводилось отражать набѣги лихихъ людей.

Въ монастырь стекались люди самыхъ различныхъ состояній, занятій, и все это разнообразіе опыта и занятій обращалось умѣлою рукою настоятеля къ одной цѣли, на одно общее дѣло. Одни радѣли о благолѣпіи храма, другіе украшали стѣны его тою своеобразною византійскою живописью, которая въ то время полновластно царила въ русскихъ церквахъ. Другіе работали на монастырской верфи въ Пазѣ-губѣ или Печенгской губѣ, никогда не замерзающей. Тамъ были устроены лѣсные склады. Иноки строили тамъ лодки и суда, частію для вывоза на нихъ промысловыхъ продуктовъ обители, частію продавали выстроенныя суда русскимъ и норвежскимъ рыбопромышленникамъ.

Кромѣ судостроенія обитель занималась вываркою соли въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что снабжала ею не только окрестное населеніе, но и отправляла даже ее во внутрь Россіи на своихъ судахъ, привозившихъ съ обратнымъ грузомъ для нужды обители муку, воскъ, холстъ, веревки, снасти. Соленыя варницы, по всей вѣроятности, были устроены на Рыбачьемъ полуостровѣ, гдѣ морской разсолъ гораздо менѣе содержитъ въ себѣ примѣси прѣсной воды изъ впадающихъ въ море рѣкъ.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся образцовъ монастырской предпріимчивости можетъ служить постройка мельницы въ Княжухѣ тотчасъ за монастырскими стѣнами.

Эта постройка и осталась, между прочимъ, какъ мы видѣли, единственнымъ памятникомъ о быломъ процвѣтаніи монастыря. Хозяйственныя соображенія убѣждали монаховъ, что гораздо вы-

годнѣе привозить хлѣбъ въ зернѣ и самимъ перемалывать его, нежели покупать муку, какъ это дѣлается теперь на сѣверѣ.

На монастырскомъ скотномъ дворѣ стояло не малое число скота, для котораго косилось сѣно на Рыбачьемъ полуостровѣ, по рѣкѣ Печенгѣ и по другимъ многочисленнымъ угодьямъ, заросшимъ нынѣ вѣковыми березами. Скотъ держался не только для нуждъ обители, но для продажи и въ особенности для выдѣлки кожъ, ибо доподлинно извѣстно, что монастырь имѣлъ дубильню и занимался выдѣлкою шкуръ какъ для себя, такъ и для продажи.

Надо полагать, что монахи не оставляли и горнаго дѣла, и можетъ быть имъ принадлежитъ начало промывки золота внутри Лапландіи.

Но самою обширною и значительною отраслью въ монастырскомъ хозяйствѣ были, безъ сомнѣнія, морскіе и рѣчные, рыбные промыслы, и вывозъ рыбныхъ продуктовъ. Монахи отлично съумѣли воспользоваться всѣми выгодами, предоставленными въ ихъ пользу жалованною грамотою царя Ивана Васильевича. Все, что заключала въ себѣ вода и суша, все принадлежало монастырю, и такъ какъ мѣстное населеніе не имѣло возможности за удовлетвореніемъ своихъ потребностей поставлять или продавать излишекъ своихъ трудовъ никому другому, кромѣ монастыря, то установленіе цѣнъ вполнѣ зависѣло, конечно, отъ усмотрѣнія сего послѣдняго.

Монастырь имѣлъ свои собственные рыбные промыслы, на которыхъ ловъ производился руками многочисленныхъ монастырскихъ служекъ и послушниковъ, жившихъ частію въ самомъ монастырѣ, частію у лѣсныхъ складовъ, у мельницы и въ Воловой губѣ. Въ рукахъ монастыря скоплялось такимъ образомъ столько рыбы, что онъ не только отправлялъ ее въ Вардэ и въ Архангельскъ, но вошелъ въ торговыя сношенія съ иностранными городами, съ Антверпеномъ и Амстердамомъ. Такъ, голландецъ Симонъ фонъ-Салингенъ въ теченіе многихъ лѣтъ посѣщалъ съ торговыми цѣлями Финмаркенъ и русскую Лапландію. Въ своемъ торговомъ отчетѣ онъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ то время (1562—64), когда въ Вардэ былъ фогтомъ Эрикъ Мункъ, приходили сюда монахи съ рыбою, тресковымъ жиромъ и другимъ сырьемъ, запасы котораго дѣлались ими въ теченіе года для продажи. У Эрика Мунка служилъ молодой человѣкъ голландецъ Филиппъ Винтерконигъ изъ Оальтгенцплатъ въ Зеландіи. По своей ли волѣ или по какой другой этотъ молодой человѣкъ оставилъ службу и вошелъ въ компанію съ Іоганномъ Рейде, Корнеліусомъ Мейеромъ Симонсеномъ изъ Мехельна и въ 1564 году при-

шелъ на большомъ кораблѣ изъ Антверпена въ Вардэ въ увѣренности, что Эрикъ Мункъ все еще былъ тамъ фогтомъ. Прошелъ онъ должно быть прямо на Вардэ, не заходя въ Бергенъ, и не зналъ поэтому, что этотъ городъ пользовался уже исключительнымъ правомъ торговать съ Финмаркеномъ. Придя на Вардэ, узналъ онъ, что Эрика Мунка тамъ больше не было, что его мѣсто занималъ тамъ Яковъ Ганзенъ, который конфисковалъ судно и грузъ, а самого Винтеркенига съ его экипажемъ заключилъ въ тюрьму и требовалъ даже казни его за нарушеніе имъ правъ города Бергена.

Въ этомъ году, однако, былъ такой обильный уловъ рыбы и ея было такъ много и въ Финмаркенѣ, и у Печенгскихъ монаховъ, что недоставало судовъ для перевоза ее въ Бергенъ. Тогда Яковъ Ганзенъ предложилъ Винтеркенигу условіе, по которому онъ могъ избѣжать угрожающаго ему наказанія, если нагрузитъ свой корабль рыбою и отвезетъ ее въ Бергенъ подъ клятвою никогда болѣе не соперничать въ торговлѣ съ этимъ городомъ. Винтеркенигъ, конечно, согласился и былъ освобожденъ. Между тѣмъ, бывшіе въ это время на Вардэ монахи не упустили случая также войти съ Винтеркенигомъ въ соглашеніе о томъ, чтобы онъ на слѣдующій годъ приходилъ къ нимъ и забралъ у нихъ товары, которые они для него приготовятъ. Согласно этому условію Винтеркенигъ пришелъ въ 1565 году въ Печенгскую губу еще съ большимъ кораблемъ, нагрузилъ его рыбою и отправилъ въ Антверпенъ на имя своей компаніи, а самъ зафрахтовалъ за свой собственный счетъ русскую ладью съ 13-ю человѣками экипажа и, нагрузивъ ее остатками привезеннаго имъ съ собою изъ Антверпена товара, отправился на ней въ губу св. Николая [1]), но на пути у мыса Териберскаго его застигла такая страшная буря, что онъ принужденъ былъ искать убѣжища въ бухтѣ. Сюда же вскорѣ пришла другая русская ладья съ товарами, хозяинъ которой тутъ же продалъ свой грузъ Винтеркенигу, но увидя драгоцѣнные товары на его ладьѣ, русскіе такъ прельстились ими, что напали ночью на Винтеркенига и во время сна перерѣзали весь его экипажъ. Тяжело раненый Винтеркенигъ успѣлъ укрыться на берегъ, но былъ настигнутъ, привязанъ къ дереву и пронизанъ стрѣлами. Поспѣшно разграбивъ ладью, русскіе, видя приближающееся къ бухтѣ какое-то другое судно, скрылись, оставивъ непогребенными тѣла убитыхъ ими людей.

---

[1]) На Бѣломъ морѣ, гдѣ при устьѣ р. Двины Мареою Посадницею былъ построенъ монастырь св. Николая въ память утонувшихъ здѣсь 2-хъ сыновей ея.

Между тѣмъ, антверпенская компанія, не зная объ убійствѣ Винтерконига, отправила къ нему по приходѣ посланнаго имъ корабля еще два большихъ судна, нагруженныя указанными имъ товарами, которыя вполнѣ благополучно вошли осенью въ Печенгскую губу. Монахи, получивъ извѣстіе о смерти Винтерконига, тотчасъ отправили одинъ корабль въ Антверпенъ для извѣщенія о семъ компаніи, а другой съ Корнеліусомъ Мейеромъ Симонсеномъ въ Малмысъ (Колу), откуда тотъ отправился въ Москву просить о разслѣдованіи дѣла объ убійствѣ и ограбленіи корабля, но получилъ отказъ въ аудіенціи у царя подъ тѣмъ предлогомъ, что царскій титулъ написанъ былъ имъ въ просьбѣ не съ достаточной полнотою. Не добившись никакого результата, Симонсенъ уѣхалъ назадъ въ Колу.

На слѣдующій 1566 годъ антверпенская компанія отправила въ Печенгскую губу Симона фонъ-Салингена съ двумя кораблями. Пришелъ Салингенъ весною и привелъ сюда также и судно, оставшееся въ Кольскомъ заливѣ въ ожиданіи К. Мейера Симонсена. Нагрузивъ эти три корабля частію въ Печенгѣ, частію на Рыбачьемъ полуостровѣ въ Волоковой губѣ трескою, жиромъ, семгой и другими товарами, требовавшимися въ Антверпенѣ, самъ онъ зафрахтовалъ у монаховъ двѣ ладьи, нагрузилъ на нихъ товары и отправился въ Малмысъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ К. Мейера Симонсена, возвращавшагося изъ Москвы, и съ нимъ вновь обратно направился въ Россію, распродавая на пути свои товары.

Впослѣдствіи монастырь вошелъ въ особенно тѣсныя сношенія съ Амстердамомъ какъ это видно изъ особаго договора, заключеннаго однимъ амстердамскимъ торговымъ домомъ съ монахами Печенгскаго монастыря. Коммиссіонеромъ этого дома былъ нѣкто Андрей Нейхъ (Neich), который каждый годъ приходилъ въ Печенгу съ судномъ, нагруженнымъ бочками съ солью для вывоза въ Амстердамъ ловившейся въ губѣ рыбы. Означеннымъ договоромъ монастырь обязывался въ теченіе 6-ти лѣтъ продавать А. Нейху всю красную рыбу и не продавать никому другому улова въ рѣкахъ или въ морѣ семги, трески, тресковаго и китоваго жиру, но напротивъ обязывался доставлять къ нимъ (къ купцамъ) всю рыбу изъ рѣкъ Колы и Туломы. Если же настоятель монастыря или кто-либо изъ братіи нарушитъ условіе и продастъ рыбу другому, то монастырь уплачивалъ 100 рублей.

Далѣе подробно опредѣлялось, какого качества должна быть поставляемая купцамъ рыба. Такъ, настоятель и братія не должны были поставлять порченной или квашеной семги, порченой, квашеной, сырой или непросушеной трески или семги вѣсомъ мѣнѣе

7 ℔ (ф.), а если попадется какая-либо рыба меньше этого вѣса, то давать за таковую двѣ. Рыба изъ Териберки, малая и большая, принималась по двѣ за одну, и никакъ не меньше 4-хъ фунтовъ вѣсу. Затѣмъ установлялись цѣны на рыбу. За 100 штукъ семги платилось 10 рублей и 20 добрыхъ ефимковъ. Время пріема рыбы опредѣлялось съ 10-го мая по 20-е іюля. Бочки и соль для посола рыбы доставлялись въ Колу голландскими купцами черезъ своихъ прикащиковъ, и потому, если рыба, вслѣдствіе недостатка соли или плохой укупорки, оказывалась попорченною, амстердамскіе купцы тѣмъ не менѣе обязаны были принять ее и уплатить за нее деньги, какъ за хорошую. Деньги за рыбу выплачивались въ два срока: на Петровъ день и на 20-е іюля, причемъ половина всей цѣны уплачивалась рублями, половина ефимками, цѣною по полтинѣ ефимокъ. Съ голландскими кораблями монастырь получалъ всѣ предметы, необходимые какъ для своего обихода, такъ и для продажи мѣстному населенію или для отправки въ монастырь св. Николая, Холмогоры, Вологду и Ярославль. По всей вѣроятности, монастыремъ выписывалось изъ Голландіи также значительное количество хлѣба въ особенности послѣ устройства собственной мукомольни. Помимо товаровъ, которые амстердамскій торговый домъ обязывался доставлять по заказу монастыря, было условлено, чтобъ А. Нейхъ каждый разъ привозилъ въ даръ монастырю 1 пудъ ладону, 2 пуда воску, 1 бочку краснаго вина и для личныхъ нуждъ братіи 2 бочки водки и 1 анкеръ рейнвейну.

Въ то же время монастырь самъ производилъ значительный китобойный промыселъ и пользовался правомъ безпошлиннаго вывоза китоваго жира въ Голландію, въ Амстердамъ. Голландцы также въ свою очередь занимались боемъ китовъ какъ у береговъ Финмаркена, гдѣ у нихъ былъ устроенъ заводъ на Сэрѳ, такъ и у береговъ русской Лапландіи. Били они здѣсь, по всей вѣроятности, гренландскихъ китовъ или вообще тотъ видъ этого животнаго, котораго можно легко промышлять гарпуномъ. Бой производился обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Увидѣвъ кита, промышленники бросали въ него одинъ или нѣсколько гарпуновъ, на которыхъ было обозначено имя владѣльца, и отпускали кита на произволъ судьбы. Случалось, что онъ уходилъ и болѣе не показывался, случалось, что издыхалъ и его выбрасывало прибоемъ волнъ на берегъ, всего чаще въ Мотовскомъ заливѣ, гдѣ и до сихъ поръ часто случается находить выброшенныхъ на мель китовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ добыча дѣлалась всегда соб-

ственностью монастыря, ибо никому, кромѣ него, не было предоставлено такъ-называемаго берегового права.

Такимъ образомъ, въ короткій сравнительно промежутокъ времени, длившійся не болѣе 50 лѣтъ, благосостояніе монастырской колоніи достигло высокой степени развитія и, безъ сомнѣнія, имѣло бы благотворное вліяніе какъ на расширеніе промысловъ, такъ и на заселеніе этого отдаленнаго края, еслибъ совершенно нежданно, негаданно не разразился ударъ, положившій конецъ его существованію.

Просвѣщеніе бѣднаго мѣстнаго населенія не составляло, надо полагать, предмета особыхъ заботъ монастырской братіи. Дѣло просвѣщенія оканчивалось тѣмъ, что монахи крестили дикую лопь, которая, такимъ образомъ, не носила уже названія язычниковъ, но затѣмъ никто уже не заботился объ ихъ дальнѣйшемъ образованіи. Впрочемъ, и до сихъ поръ русскіе лопари не умѣютъ ни читать, ни писать, что между лопарями норвежскими, шведскими и финляндскими составляетъ весьма рѣдкое исключеніе.

IV.

Чернецъ Амвросій и Аника-воинъ.

Для своего дальнѣйшаго разсказа Фриссъ избираетъ дѣйствующимъ лицомъ послушника Печенгскаго монастыря Амвросія. Сынъ богатыхъ родителей, имѣвшихъ помѣстье на берегахъ Ладожскаго озера, Амвросій, мірское имя котораго было Ѳедоръ, пришелъ въ Печенгскій монастырь, ища успокоенія отъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, испытанныхъ имъ отъ своенравнаго отца, преслѣдовавшаго его любовь къ бѣдной дѣвушкѣ, жившей у нихъ въ домѣ.

Въ молодости своей Ѳедоръ служилъ въ военной службѣ и защищалъ Соловецкую обитель и Заонежье отъ набѣговъ финновъ. Однажды, преслѣдуя шайку финляндцевъ, онъ съ своимъ отрядомъ зашелъ далеко въ предѣлы Каянской земли, и здѣсь въ то время, какъ его товарищи грабили и жгли селеніе Куоланьеми, въ приходѣ Соткалю, ему удалось вырвать изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго казака маленькую дѣвочку лѣтъ 6—7, родители которой лежали мертвыми предъ своимъ домомъ. Дитя довѣрчиво прижалось къ его груди и просило защитить его. Когда окончились ужасы, грабежи, Ѳедоръ не зналъ, что дѣлать со своей военной добычей и рѣшился отвести бѣдную малютку въ усадьбу

къ своимъ родителямъ. Тамъ она выросла, получила возможное по тому времени воспитаніе, и благодаря своему общительному характеру сдѣлалась всеобщей любимицей. Сначала нѣжныя, родственныя отношенія между ею и Өедоромъ, изрѣдка навѣщавшимъ отчій домъ, незамѣтно со временемъ перешли въ страстную любовь. Өедоръ рѣшился жениться на Анютѣ, какъ звали его воспитанницу, но встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе тому въ своемъ отцѣ, прочившемъ ему невѣсту изъ богатой боярской семьи и въ свою очередь неравнодушнаго къ Анютѣ. Завязалась долгая борьба между отцомъ и сыномъ. Въ одну изъ отлучекъ Өедора изъ имѣнія отцу его удалось тайкомъ увезти Анюту въ одинъ изъ отдаленныхъ женскихъ монастырей, гдѣ за щедрое вознагражденіе ее держали въ совершенномъ уединеніи отъ остального міра. Возвратясь домой и не найдя болѣе Анюты, Өедоръ пришелъ въ страшное волненіе. Ни просьбы, ни угрозы не могли раскрыть предъ нимъ тайны исчезновенія дѣвушки. Ему отвѣчали или незнаніемъ или такими догадками и предположеніями, которыя заставляли его предпринимать долгіе, утомительные розыски, и въ концѣ концевъ приводили къ полному разочарованію. Измученный нравственно и физически, утративъ всякую надежду увидѣть снова Анюту, Өедоръ рѣшился искать покоя своей потрясенной души въ стѣнахъ монастыря. Какъ знакомый съ молодости съ сѣверомъ, онъ отправился въ Соловецкій монастырь и отсюда прошелъ на Печенгу.

Здѣсь среди братіи только-что основанной обители Амвросій, благодаря своему твердому характеру и тѣлесной силѣ, скоро пріобрѣлъ выдающееся значеніе. Своею энергіею онъ одушевлялъ другихъ къ подвижничеству на пользу обители.

На немъ лежала значительная часть мускульнаго труда, ему поручалось также не рѣдко присмотрѣть за постройкой судовъ, за солеварницами, на Рыбачьемъ полуостровѣ, и за морскими промыслами, въ которыхъ особенно высказывались его мужество и безстрашіе.

Часто отправлялся онъ внутрь Лапландіи и, говорятъ, однажды принесъ въ обитель золотой песокъ. Въ этихъ странствіяхъ его всегда сопровождалъ финнъ, по имени Уннасъ, маленькое, щедушное существо.

Однажды въ одну изъ своихъ прогулокъ по тундрѣ Амвросій замѣтилъ что-то свернувшееся въ комъ и издали походившее на груду платья. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что комъ шевелится и лежитъ тутъ человѣкъ съ головой завернувшійся въ свою одежду. Это-то и былъ финнъ Уннасъ. Онъ сломалъ себѣ ногу и

пропозавъ цѣлый день, не встрѣтивъ ни одного человѣческаго существа и потерявъ всякую надежду на спасеніе, рѣшился умереть на тундрѣ. Амвросій безъ труда поднялъ его на плечи и отнесъ въ монастырь. Здѣсь онъ устроилъ ему постель въ своей кельи, перевязалъ ногу и ходилъ за нимъ 6 недѣль, пока тотъ не выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ Уннасъ не покидалъ Амвросія и ходилъ за нимъ, какъ собака. Амвросій, еслибъ даже и желалъ, не могъ отдѣлаться отъ него. Уннасъ открывалъ его слѣдъ и шелъ за нимъ издали, пока тотъ не подавалъ знака подойти къ нему.

Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ Амвросій поступилъ въ монастырь, въ этихъ мѣстахъ на Рыбачьемъ полуостровѣ поселился морской разбойникъ, наводившій страхъ на всю окрестность. Преданіе говоритъ, что разбойникъ этотъ назывался Аника, и каждый годъ лѣтомъ онъ приходилъ на Мурманъ съ большимъ кораблемъ и останавливался у небольшого острова до сихъ поръ сохранившаго названіе Аникіева острова.

Откуда приходилъ онъ и куда уходилъ со своимъ кораблемъ, нагруженнымъ рыбою, никто не зналъ. Зимой вѣроятно жилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ здѣсь никто не видалъ его въ это время, но весною лишь только появлялась здѣсь первая рыболовная шняка изъ Колы или изъ Поморья, Аникіевъ корабль уже покачивался на своей стоянкѣ, и стоило только рыбопромышленникамъ выйти съ уловомъ на берегъ, какъ Аника уже шелъ къ нимъ, и волей не волей, а приходилось отсчитать ему десятину изъ пойманной рыбы.

Соберутся бывало иногда всѣ шняки, которыя обыкновенно останавливались за Аникіевымъ островомъ, и собиралось ихъ штукъ до 100, а то и болѣе, и велитъ Аника своимъ людямъ кличъ кликнуть, нѣтъ ли между промышленниками охочаго помѣряться съ нимъ своею силою. Онъ соглашался на всякій бой, какимъ бы ни было оружіемъ и съ кѣмъ бы то ни было. Условіе было такое, что если побѣжденъ будетъ Аника, то промышленники освобождаются отъ платежа десятины, побѣдитъ онъ—промышленники конечно будутъ платить дань. Но такъ какъ Аника былъ выше и крѣпче всѣхъ обыкновенныхъ людей, то никто не отваживался принять его вызовъ.

Преданіе объ Аникѣ разсказывается до сихъ поръ на Мурманѣ и до сихъ поръ близъ становища Цыпъ-Наволокъ, на материкѣ, противъ Аникіева острова, указывается его могила.

По преданію, Аника былъ убитъ „наживодчикомъ“ т.-е. однимъ изъ рыбопромышленниковъ, занимавшимся наживленіемъ крючковъ при тресковомъ ловѣ.

Фриссъ же въ своемъ разсказѣ освобожденіе Мурмана отъ этого разбойника приписываетъ своему герою Амвросію. Испросивъ предварительно благословеніе отъ своего игумена, старца Гурія, Амвросій переодѣлся изъ монашеской рясы въ платье рыбака и рано утромъ, въ сопровожденіи своего друга Уннаса, отправился изъ Печенги пѣшкомъ черезъ тундру къ Аникіевой гавани. Приставши здѣсь въ качествѣ простого рыбопромышленника къ одной изъ рыболовныхъ шнякъ, онъ уговорилъ своихъ новыхъ товарищей не отдавать Аникѣ обычной доли улова и вступилъ съ нимъ въ бой. Долго исходъ поединка казался сомнительнымъ, какъ вдругъ среди боя съ головы Амвросія слетѣла шапка, и его длинные волосы разсыпались по плечамъ. Видъ сражающагося съ нимъ монаха навелъ невольный ужасъ на Анику. Онъ упалъ духомъ и былъ убитъ Амвросіемъ.

Аникины люди въ ужасѣ бросились въ бѣгство; добѣжавъ до корабля, они поспѣшно подняли якорь и уплыли. Съ тѣхъ поръ ихъ больше не видали. Русскіе вырыли по среди круга могилу, зарыли въ нее тѣло Аники и набросали сверху каменьевъ.

Года два тому назадъ, замѣчаетъ Фриссъ, одинъ путешественникъ посѣтилъ эту мѣстность, и по его словамъ, 300 лѣтъ, протекшіе со времени пораженія Аники, не изгладили еще слѣдовъ его могилы. На этомъ мѣстѣ были найдены человѣческія кости, двѣ голени необыкновенной величины [1]).

По пустынной тундрѣ шелъ Амвросій въ обратный путь, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него слѣдовалъ Уннасъ. Мало по малу настигалъ онъ Амвросія. Тотъ услышавъ за собою шаги, обернулся и увидалъ его.

— А, это ты, мой неизмѣнный другъ, произнесъ онъ, подойди же поближе.

Уннасъ подбѣжалъ къ нему, упалъ предъ нимъ на колѣни и цѣловалъ его руки. Затѣмъ вынулъ изъ-за пазухи хлѣбъ и сушеную треску и подалъ ему.

— Ты еще не ѣлъ сегодня, не хочешь ли, отче, ты долженъ быть голоденъ.

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что маленькій островокъ, носящій названіе Аникіева, невольно привлекаетъ вниманіе каждаго путешественника, посѣщающаго Мурманъ. Помимо связаннаго съ нимъ преданія, посѣщеніе острова представляется интереснымъ въ томъ отношеніи, что одна изъ гранитныхъ плитъ его покрыта надписями останавливавшихся у острова шкиперовъ. Многіе изъ этихъ надписей восходятъ до XVI столѣтія и описаны у Миддендорфа, Bulletin de l'Academie Imp. des sciences à St. Pétersbourg. T. II. 1860, у Фрисса, En Sommar i Finmarken, и у Рейнеке, имя котораго я видѣлъ также высѣченнымъ на плитѣ.

— Спасибо, Уннасъ, я дѣйствительно голоденъ. Ну, видѣлъ ты нашъ поединокъ?

— Да, но я не смѣлъ подойти близко.

— Правда, ты не изъ храбрыхъ, Уннасъ, но во всякомъ случаѣ другъ ты вѣрный.

— Для тебя, да.

— — А для другихъ, напримѣръ, для моего друга Юсси?

— Нѣтъ, онъ бьетъ меня.

— Но вѣдь и ты худо обходишься съ нимъ. Помнишь, какъ ты разъ заставилъ его просидѣть два дня на рѣкѣ, на островѣ.

— Да, за то, что онъ дрался; но можетъ быть и мнѣ когда нибудь удастся подшутить надъ нимъ такъ, какъ я подшутилъ однажды надъ Сталло.

— Какимъ Сталло?

— Да, вотъ видишь ли, какъ я ни малъ, а погубилъ одинъ разъ сильнаго Сталло, колдуна, чудовище, которое иногда попадается здѣсь въ тундрѣ, и оно такъ опасно, что если его не убить, то оно непремѣнно погубитъ тебя.

— Гдѣ же это было?

— Здѣсь у этого самаго озера, у котораго мы сидимъ теперь.

— Какъ же это случилось?

— Видишь ты, озеро очень длинно, и ты обходилъ его кругомъ, когда шелъ на Аникіевъ островъ, а этого вовсе не надо дѣлать. Мы можемъ перейти его, какъ я тебя это потомъ покажу, только ты никому не разсказывай. Никто кромѣ меня не знаетъ этого. Позволишь тебѣ дальше разсказывать?

— Да, да, разсказывай.

— Ты видишь тотъ маленькій проливъ, шириною не болѣе 50 аршинъ, но онъ глубокъ. Если же ты будешь внимательно слѣдить за теченіемъ въ этомъ проливѣ, то ты замѣтишь въ немъ нѣкоторыя неправильности. Происходитъ это отъ большихъ камней, лежащихъ ниже поверхности воды на пол-аршина. Лежатъ они достаточно близко другъ отъ друга, чтобы можно было знающему человѣку перепрыгивать по нимъ съ одного на другой и такимъ образомъ перебраться на противоположный берегъ скорѣй и легче всякаго, хоть плавай онъ, какъ олень. Я самъ положилъ эти камни и укрѣпилъ ихъ, когда озеро почти высохло.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проходилъ я совершенно одинъ мимо этого мѣста, какъ вдругъ вижу сидитъ противъ меня на камнѣ Сталло. Когда я остановился въ испугѣ, онъ знаками на-

чалъ манить меня къ себѣ, но не такъ я глупъ, чтобы поддаться ему. Я повернулся и изо всей силы побѣжалъ назадъ. Обернулся, смотрю, онъ бѣжитъ за мною. Я давай дѣлать зигзаги, какъ лиса, прятаться за деревья, и пропускать его мимо себя, потомъ вдругъ круто повернулъ, вскочилъ въ лощину между скалъ и побѣжалъ сюда. Онъ не видалъ, какъ я по камнямъ перебрался черезъ проливъ, и затѣмъ пробѣжалъ по берегу съ того мѣста, гдѣ озеро становится шире. Здѣсь я остановился и началъ свистать и кричать, чтобы привлечь на себя вниманіе Сталло. Наконецъ, онъ замѣтилъ и остановился противъ меня на другомъ берегу. Тутъ началъ я его дразнить, звать старой бабой, которая не смѣетъ ступить въ воду тамъ, гдѣ переплылъ малорослый лопарь. Онъ такъ разозлился, что схватилъ въ зубы ножъ, спрыгнулъ въ воду и поплылъ ко мнѣ, но мой лукъ уже былъ на готовѣ. Я далъ ему подплыть поближе и пустилъ въ него стрѣлу съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ взмахнулъ руками и утонулъ.

— Но, можетъ быть, это былъ обыкновенный человѣкъ, какой нибудь странникъ, котораго ты убилъ Уннасъ; я не вѣрю въ колдуновъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это былъ чародѣй Сталло.

— Почему же ты такъ увѣренъ въ этомъ.

— А видишь-ли, съ нимъ была собака, большая, черная, съ блестящею шерстью. Она всегда была съ нимъ и тоже плыла за нимъ, но когда она вылѣзала на берегъ, я пустилъ ей въ глазъ стрѣлу, она завертѣлась и тоже утонула. Но если собака полижетъ крови Сталло, то онъ снова оживаетъ, вотъ почему онъ и водилъ ее всегда съ собою.

Велика была радость монастырской братіи, когда возвратился Амвросій съ вѣстью о побѣдѣ. Отслужили благодарственный молебенъ, и Амвросій снова впалъ въ свою обычную отчужденность отъ міра.

Одинъ Уннасъ не переставалъ разсказывать всѣмъ и каждому подробности совершеннаго инокомъ подвига. И такъ переходя изъ устъ въ уста, молва объ немъ сохранялась въ теченіе 300 лѣтъ и была передана мнѣ—говоритъ Фриссъ—въ настоящемъ видѣ лопаремъ Ниломъ въ ночь на рѣкѣ Печенгѣ.

Д. О.

ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ

Замѣтки и наблюденія.

I.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1881 года я оставлялъ Петербургъ, направляясь въ одинъ изъ уѣздовъ воронежской губерніи искать мѣста волостного писаря. Нѣкоторыя обстоятельства сложились относительно меня такимъ образомъ, что жизнь въ городѣ, въ „культурной" средѣ, стала мнѣ просто ненавистна: необезпеченный матеріально, я не могъ вполнѣ покинуть житейскаго омута, чтобы съ большей или меньшей для себя пользой и пріятностью пережидать непогоду, — и долженъ былъ непрестанно работать изъ-за куска хлѣба. Конторскія занятія,—единственныя для меня доступныя,—опротивѣли мнѣ въ конецъ, благодаря своей сухости и безжизненности; хотѣлось живого дѣла, хотѣлось общенія съ живыми людьми, хотѣлось доказать самому себѣ свою пригодность на служеніе истиннымъ общественнымъ нуждамъ, а не на одно только служеніе интересамъ различныхъ „компаній и товариществъ"; думалось, что такое служеніе можетъ имѣть мѣсто единственно въ деревнѣ. Къ сожалѣнію, выборъ обусловленныхъ этимъ обстоятельствомъ поприщъ дѣятельности былъ невеликъ: учительство и писарство; но въ то время, чтобы стать сельскимъ учителемъ, необходимо было лицу, хотя бы и съ высшимъ образованіемъ, сдать сперва спеціальный экзаменъ на учителя, и этого одного было уже для меня достаточно, чтобы отказаться отъ несовсѣмъ завидной перспективы всю жизнь возиться съ ребятишками, обучая ихъ такой грамотѣ, въ цѣлесообразность которой я и самъ плохо вѣрилъ. Взвѣсивъ всѣ эти

обстоятельства, я рѣшился искать мѣста волостного писаря, какъ представлявшее большій просторъ для дѣятельности. Долгое время исканія мои оставались безуспѣшны; я обращался и къ вліятельнымъ землевладѣльцамъ, и къ чиновникамъ, и къ лицамъ, въ деревнѣ власть имѣющимъ, — но всѣ они или прямо отказывали въ своемъ содѣйствіи, находя желаніе мое въ данное время по меньшей мѣрѣ—страннымъ, или же ограничивались одними обѣщаніями. Наконецъ, одинъ изъ товарищей моихъ, тогда еще студентъ, землевладѣлецъ воронежской губерніи, предложилъ мнѣ свою помощь,—не ручаясь, однако, за успѣхъ. Я такъ обрадовался появившейся надеждѣ на какой бы то ни было исходъ изъ моего томительнаго положенія, что обѣими руками ухватился за его предложеніе,—и вотъ я на пути къ обѣтованному краю, гдѣ я долженъ былъ поселиться у этого товарища впредь до рѣшенія моей участи.

Въ — скомъ уѣздѣ, какъ и въ прочихъ уѣздахъ нашего отечества, самое видное и вліятельное мѣсто занимаетъ уѣздный предводитель дворянства, который, какъ таковой, состоитъ членомъ или предсѣдателемъ множества учрежденій, въ числѣ коихъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Всѣ должностныя лица крестьянскаго самоуправленія, какъ выборныя, такъ и наемныя—старшины, староста, писаря— всѣ они состоятъ подъ непосредственнымъ началомъ предводителя, какъ предсѣдателя присутствія, и въ его власти ихъ карать и миловать, а, слѣдовательно,—увольнять отъ должностей и назначать на оныя. О всѣхъ этихъ порядкахъ и о лицахъ, соблюдающихъ эти порядки, я буду впослѣдствіи говорить обстоятельно; теперь же я упомянулъ о власти предводителя лишь для того, чтобы не вполнѣ знакомымъ съ крестьянскимъ „самоуправленіемъ" читателямъ стало понятно, почему мой товарищъ,—назовемъ его хоть Ковалевымъ,—всю надежду на благопріятный исходъ нашего предпріятія возлагалъ на предводителя, котораго также къ примѣру—назовемъ Столбиковымъ. Нужно сказать, что Столбиковъ, когда не состоялъ еще въ предводителяхъ, былъ или, по крайней мѣрѣ, слылъ за человѣка „радикальнаго" образа мыслей, такъ что мѣстные консерваторы даже всполошились по случаю его избранія; имъ, однако, не долго пришлось безпокоиться, такъ какъ оказалось, что, по избраніи его, у Столбикова осталось краснаго только сафьяновые отвороты его лакированныхъ сапогъ. Но, чтобы не отстать отъ вѣка, онъ не отказывался при случаѣ чуть-чуть полиберальничать, щегольнуть, напримѣръ, своими „симпатіями" къ „безотвѣтному труженику-народу", къ „трезвой"

части молодого поколѣнія, къ народнической литературѣ и т. п., благо все это не вредило его карьерѣ, и всѣ эти симпатіи ограничивались на дѣлѣ—изданными имъ картинками къ одному Некрасовскому стихотворенію изъ народнаго быта. Но обо всемъ этомъ какъ-нибудь послѣ; теперь же буду вести рѣчь по порядку.

Ковалеву удалось увидѣть предводителя на имянинномъ обѣдѣ, данномъ однимъ изъ ихъ общихъ сосѣдей-землевладѣльцевъ. Разными дипломатическими ухищреніями пріятель мой достигъ того, что заинтересовалъ моей личностью и моимъ намѣреніемъ поступить въ писаря „для изученія народнаго быта" какъ все собравшееся общество, такъ и самого Столбикова; подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и изъ желанія показать себя покровителемъ всякихъ благихъ начинаній, Столбиковъ обѣщалъ Ковалеву дать мнѣ мѣсто писаря, но не иначе, какъ по личномъ со мною знакомствѣ, для чего и просилъ Ковалева передать мнѣ, чтобы я явился къ нему въ непродолжительномъ времени. Возвратившись домой, пріятель мой сообщилъ мнѣ, что́ ему удалось сдѣлать по моему дѣлу.

— Ты постарайся попасть ему въ тонъ,—это главное. Если не попадешь, пропало твое дѣло!.. Онъ съумѣетъ подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ отказаться отъ своего обѣщанія. Полиберальничай, но крайне умѣренно, восхищайся народными порядками, общиной — но осторожно. А, главное, — напирай на литературу и на свои, хотя бы и небольшія, „литературныя" знакомства.

Такъ обучалъ меня Ковалевъ, засыпая; я же долго ворочался съ боку на бокъ, обдумывая, что̀ и какъ я буду говорить завтра моему будущему начальнику.

II.

Отъ имѣнія Ковалева до Борокъ было верстъ 15; я выѣхалъ часовъ въ 10 утра на бѣговыхъ дрожкахъ по незнакомой мнѣ совсѣмъ дорогѣ; меня, однако, увѣрили, что заблудиться я не могу, такъ какъ дорога одна, и всякій встрѣчный укажетъ мнѣ Борки.

— А какъ подъѣдешь версты за двѣ къ нимъ, то и самъ не ошибешься. Столбиковъ, братъ, выстроилъ себѣ такую дивную штуку, въ такомъ невиданномъ стилѣ, что изъ всѣхъ россійскихъ построекъ это, вѣроятно, единственная въ своемъ родѣ. Впрочемъ, самъ увидишь.

Я ѣхалъ, держась все на сѣверъ, и, наконецъ, увидѣлъ большое село съ двумя, какъ мнѣ издали показалось, церквами. Одна, повидимому, каменная, бѣлѣлась посреди села; другая, темная и мрачная, напоминала скорѣе нѣмецкую кирку и стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ села, саженяхъ въ двухъ стахъ. Мнѣ показалось страннымъ, что церковь стоитъ въ такомъ отдаленіи отъ села (въ воронежской губ. почти нѣтъ погостовъ), и я принялся разглядывать постройки, группирующіяся около нея. То не могли быть, однако, дома причта: они были черезъ-чуръ велики, а въ особенности меня смущалъ громадный квадратъ скотнаго двора, расположеннаго на лѣво отъ церкви, и тѣнистый, старинный паркъ—на право отъ нея; сама же она стояла на юру, и около нея виднѣлись лишь какіе-то кустики. Но тутъ я замѣтилъ десятка два рабочихъ, ѣхавшихъ съ сохами по направленію къ постройкамъ около церкви; подъѣхавъ, они остановились и стали отпрягать коней... Я догадался, что это помѣщичья усадьба, а не церковь,—и кого же могла быть эта усадьба, если не Столбикова? Меня вѣдь предупреждалъ уже Ковалевъ, что архитектура главнаго зданія нѣсколько странна, но я никакъ не ожидалъ, что она будетъ въ такомъ родѣ. Деревянный двухъэтажный домъ, одинъ конецъ котораго замыкается полукруглой башней въ три этажа съ большимъ шпилемъ на верху; окна въ родѣ готическихъ, съ откосами по бокамъ и съ низу; вдоль гребня высокой и крутой кровли фестончатая рѣшетка; уродливо выпяченный балконъ во-второмъ этажѣ и стеклянный разноцвѣтный подъѣздъ внизу; отъ башни шло нѣчто въ родѣ оранжереи, покрытой некрупными стеклами въ рамахъ; кругомъ дома дорожки, усыпанныя бѣлымъ пескомъ, клумбы съ цвѣтами и чахлыя, плохо принявшіяся, молодыя деревца. Шпиль, крыша и странной формы окна дѣлали зданіе очень похожимъ на церковь, и, какъ передавали мнѣ, богомолки, мимо ходящія каждой весной въ Кіевъ, набожно останавливались и крестились на обѣ церкви въ с. Боркахъ. Въ паркѣ, о которомъ я уже упоминалъ, имѣется отличный двухъэтажный каменный домъ, весь окруженный живописными куртинами деревьевъ; въ немъ жили дѣдъ и отецъ Столбикова, но когда, за смертію ихъ, имѣніе перешло въ его руки, то онъ не захотѣлъ жить „въ трущобѣ“, и изъ хозяйственныхъ, какъ онъ объяснилъ, цѣлей, поселился на юру, чтобы имѣть возможность безпрепятственно окидывать взоромъ свои три тысячи десятинъ земли, изъ которыхъ, впрочемъ, половина, сдана была въ аренду. Башня служила остроумному хозяину обсерваторіей, и онъ съ подзорной трубой въ рукахъ высматривалъ, пашетъ ли какой-нибудь Кузька

или курить трубку, лежа на брюхѣ въ тѣни телѣги, и если Кузька оказывалъ наклонность къ лежанію на брюхѣ въ неурочное время, то по возвращеніи съ поля къ ужасу своему узнавалъ, что уже оштрафованъ конторой имѣнія на полтинникъ. Все это я узналъ уже впослѣдствіи, но никогда не узналъ, во сколько лѣтъ Столбиковъ расчелъ вернуть штрафными полтинниками съ разныхъ Кузекъ тѣ тридцать тысячъ рублей, которые онъ убилъ на устройство своего фантастическаго жилья,—совершенно излишняго при наличности дѣдовскаго, расположеннаго въ прекрасномъ мѣстѣ?..

Я подъѣхалъ къ хлопотавшимъ около сохъ рабочихъ, попросилъ одного изъ нихъ привязать куда-нибудь лошадь, а самъ направился къ барскому дому и, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилъ пойти черезъ разноцвѣтный подъѣздъ. Только что я взялся за стеклянную, изящную ручку, какъ гдѣ-то надъ моей головой поднялся рѣзкій звонъ; я посмотрѣлъ на верхъ, переставъ нажимать на ручку—и звонъ прекратился. „Несомнѣнные признаки цивилизаціи", подумалъ я, и при новой трели электрическаго звонка вошелъ въ переднюю; но тутъ ожидалъ меня не малый сюрпризъ: вмѣсто лакея или горничной, я увидѣлъ датскаго дога огромной величины. Это чудовище степенно подошло ко мнѣ и своими страшными глазами уставилось на меня... Такъ простояли мы нѣсколько минутъ, и никто не являлся ко мнѣ на выручку; наконецъ, я сталъ взывать: „послушайте, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь?" На зовъ выпорхнула откуда-то дѣвочка лѣтъ девяти, вся въ кисеѣ, и увидавъ меня, спросила: „вамъ папу?"

— Да,—отвѣтилъ я;—но потрудитесь, милая барышня, отзовите сначала эту собачку, иначе я не въ состояніи буду идти къ вашему папѣ.

— Милордъ, içi,—позвала она моего пріятеля, и тотъ величественно удалился въ боковую дверь.

— Вы идите на верхъ по лѣстницѣ, папа тамъ,—говорила дѣвочка.—А горничной у насъ нѣтъ, вчера ушла, а новая еще не пріѣзжала.

Вся лѣстница, по которой я поднялся, была завѣшена различными гравюрами и олеографіями, крайне разнобразными и по содержанію, и по качеству: рядомъ съ старинной, хорошей вещью, висѣла чуть не лубочная картинка; верхняя площадка была также увѣшена картинами, но писанными масляными красками; такимъ образомъ лѣстница была превращена въ домашнюю картинную галерею.

Первая комната, куда я вошелъ, была престранно убрана: противъ дверей стоялъ билліардъ подъ чехломъ; налѣво отъ него,

у окна, фисгармонія съ кучей нотъ, покрытыхъ пылью; въ другомъ концѣ комнаты нѣсколько дивановъ, столовъ и креселъ, разбросанныхъ группами тамъ и сямъ и, наконецъ, въ углу — громадный каминъ. По стѣнамъ висѣли картины, гравюры, оленьи рога, ружья, удочки; на столахъ разбросаны были альбомы и иллюстрированные журналы. Въ комнатѣ никого не было, но большая, массивная дверь указывала, что рядомъ есть и еще помѣщеніе. Я сталъ кашлять; послышался голосъ, спрашивавшій: „кто тамъ?" — и когда я отвѣтилъ: „Старковъ отъ Ковалева",— въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, невысокаго роста, съ золотыми очками на носу. Онъ былъ одѣтъ въ легкую тиковую поддевку, голубую шелковую рубаху, широкіе полосатые шаровары изъ какой-то восточной матеріи и въ высокіе лакированные сапоги съ сафьяновыми красными отворотами. Онъ окинулъ меня взглядомъ, подалъ мнѣ руку и жестомъ пригласилъ въ сосѣднюю комнату; эта оказалась такой же величины, какъ и первая, но гораздо свѣтлѣе, а помѣщавшіеся въ ней предметы дѣлали изъ нея какую-то кунсткамеру. По стѣнамъ шли шкафы съ книгами; на шкафахъ бюсты различныхъ знаменитостей; у окна —столъ съ химическими и физическими аппаратами: колбы, стклянки съ веществами были перемѣшаны съ лейденскими банками, химическіе вѣсы стояли рядомъ съ электрической машиной, и все это, казалось, успѣло уже заплѣснѣть отъ мертвеннаго многолѣтняго покоя. Рядомъ другой столъ: на немъ географическія карты, чертежи, краски—и опять все въ полномъ хаосѣ. Еще столъ: на немъ дюжины полторы тарелокъ съ различными сѣмянами—я не успѣлъ разглядѣть какими. Наконецъ, письменный столъ, весь заваленный газетами, журналами и разными изящными письменными принадлежностями; около него, на полу, куча книгъ; въ углу комнаты чучела медвѣдя и двухъ волковъ, подъ потолкомъ парило чучело орла. На одномъ изъ дивановъ лежалъ какой-то большой альбомъ въ великолѣпномъ переплетѣ, а на немъ, пуская слюни, отдыхала старая лягавая собака; еще въ одномъ углу, дальнемъ отъ входа, стояла какая-то штука съ колесами подъ чехломъ... Безпорядокъ въ комнатѣ царилъ ужасный: ни системы, ни изящества. Видно было, что хозяинъ хватался за все рукой дилеттанта и затѣмъ быстро бросалъ, а разъ бросивши, не скоро ужъ возвращался къ брошенному. Я съ любопытствомъ осматривался кругомъ, пока хозяинъ освобождалъ для меня стулъ изъ-подъ груды книгъ.

— Прошу садиться. Мнѣ Ковалевъ говорилъ о васъ. Вы хотите поступить въ волостные писаря?

— Да, желалъ бы.

— Что васъ побуждаетъ на этотъ эксцентричный шагъ?

Я постарался, какъ можно убѣдительнѣе, доказать, что теперь въ виду назрѣвшихъ крестьянскихъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія, и правительству, и обществу необходимы точныя свѣденія о крестьянскомъ бытѣ, а добыть таковыя возможно лишь при наитѣснѣйшемъ общеніи съ крестьянскою средою; затѣмъ, я сказалъ про себя, что я лично чувствую потребность въ осмысленной работѣ на пользу своего ближняго и т. д. и т. п. Все это, молъ, заставило меня оставить городъ и перейти въ деревню, но такъ какъ я человѣкъ безъ средствъ, то мнѣ необходимо какое-нибудь занятіе въ деревнѣ—преимущественно по письменной, мнѣ извѣстной, части. А такое мѣсто имѣется лишь одно: мѣсто волостного писаря.

— Это очень хорошо,—и ваше стремленіе служить на пользу младшаго брата и... и проч. Но знаете ли вы, что вамъ предстоитъ.

— Т.-е., въ какомъ смыслѣ?

— Въ смыслѣ жизненной обстановки. Вы будете получать рублей 30 жалованья,—не больше; вы должны будете якшаться со всякой дрянью—старшинами, писарями и кабатчиками; я, да и всѣ прочіе... начальники при встрѣчѣ съ вами руки вамъ не будемъ подавать, и вы должны будете стоять въ моемъ присутствіи... Правда, въ нашихъ засѣданіяхъ я велѣлъ ставить старшинамъ и писарямъ стулья, прежде они стояли, но когда васъ будутъ спрашивать, вы должны будете вставать... Словомъ, вы совершенно выйдете изъ... изъ интеллигентной сферы...

Я отвѣтилъ на это, что надѣюсь безъ особаго труда приноровиться къ новой обстановкѣ.

— Да, это, конечно,—говорилъ онъ въ раздумьѣ и потомъ внезапно оживился.—Но не пожелаете ли вы лучше занять мѣсто приказчика или конторщика въ чьей-нибудь экономіи? Я бы могъ похлопотать...

— Нѣтъ, благодарю васъ: сельское хозяйство мнѣ незнакомо, а занятія въ конторѣ не представляютъ ничего привлекательнаго.

— Но вамъ незнакомо и писарство. Вы не знаете, какъ много въ волости самыхъ разнообразныхъ дѣлъ; это очень сложная и отвѣтственная работа.

— Надѣюсь справиться. А чтобы познакомиться съ дѣломъ, я покорнѣйше просилъ бы васъ назначить меня въ помощники писаря въ какую либо волость.

— Да, это будетъ необходимо,—отвѣтилъ онъ, закуривая

сигару, но мнѣ не предлагая.—Скажите-жъ мнѣ, пожалуйста,—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—что вы, однако, думаете: учить народъ или учиться у народа?

Мнѣ ужъ начиналъ надоѣдать допросъ его, и потому я коротко отвѣтилъ:

— Изъ моихъ отвѣтовъ вы могли понять, что ни того, ни другого; я желаю лишь наблюдать и изучать, но не учиться, и не учить.

Онъ смаковалъ сигару и водилъ глазами по стѣнѣ; потомъ взялъ клочекъ бумаги и написалъ въ Демьяновское волостное правленіе приказъ—принять меня въ помощники писаря.

— Вотъ съ этой запиской поѣзжайте въ с. Демьяновское; это недалеко отсюда; васъ тамъ примутъ... Да постойте, я вамъ дамъ экземпляръ „Общаго Положенія" съ примѣчаніями; вамъ его надо изучить.

Онъ сталъ рыться въ хаосѣ книгъ, лежавшихъ на столахъ, стульяхъ, въ шкафахъ и просто на полу,—но все безуспѣшно.

— Не трудитесь, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ... Я гдѣ-нибудь достану,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте!.. Вѣдь вотъ тутъ она лежала, куда-жъ она могла дѣться? Ну, видно до другого раза, я прикажу поискать. Прощайте...

— Ну, что?—спросилъ меня Ковалевъ, когда я вернулся домой,—благополучно?

Не знаю, право,—это покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, завтра ѣду въ Демьяновское.

И я передалъ ему свой разговоръ съ Столбиковымъ.

III.

Демьяновскій волостной писарь, худой, высокій человѣкъ лѣтъ 50, кривой на одинъ глазъ, гладко выбритый и остриженный, взялъ у меня записку Столбикова и долго держалъ ее передъ своимъ единственнымъ окомъ, перечитывая нѣсколько разъ: онъ видимо соображалъ что-то. Я, между тѣмъ, осматривалъ канцелярію волостного правленія и находившихся въ ней лицъ, которые, съ своей стороны, тоже пристально разглядывали меня. Комната была о четырехъ окнахъ, высокая, но мрачная отъ большого количества стоявшихъ въ ней черныхъ шкаповъ. У оконъ расположены были три стола: одинъ большой, два поменьше; въ углу, у печки, большой сундукъ, обитый желѣзомъ. У большого

стола въ креслѣ сидѣлъ мужикъ лѣтъ сорока, въ синей поддевкѣ, въ сапогахъ съ бураками и съ густо намазанными масломъ рыжими волосами; онъ лѣниво позѣвывалъ, крестя ротъ, и въ антрактахъ между двумя зѣвками барабанилъ толстыми, неуклюжими пальцами по столу. Я догадался, что это не кто иной, какъ демьяновскій старшина. У одного изъ столовъ сидѣлъ старичокъ, росту небольшого, но, что называется,—поперекъ себя шире,—такъ онъ былъ толстъ; волосъ на немъ было очень мало: отъ лба до затылка красовалась большая плѣшь, а бороду и усы онъ брилъ,—такъ что голова его при толстыхъ, отвислыхъ щекахъ, производила впечатлѣніе гладко выточеннаго шара. Старый, черный, порванный и до глянцевитости засаленный сюртукъ и синяго цвѣта обтрепанныя брюки составляли его костюмъ. Старичокъ съ любопытствомъ и умильно поглядывалъ на меня, болтая коротенькими ножками, и поминутно нюхалъ табакъ изъ оловянной табакерки, приговаривая: „вотъ такъ ловко“,—и затѣмъ, не торопясь, утиралъ себѣ губы рванымъ, кофейнаго цвѣта платкомъ. Позади меня въ дверяхъ стоялъ, по виду, отставной солдатъ съ шиломъ въ одной и рванымъ сапогомъ въ другой рукѣ, и съ неменьшимъ, чѣмъ прочіе, любопытствомъ оглядывалъ меня; видимо, всѣхъ смущали мое хорошее лѣтнее пальто и касторовая шляпа.

— Павелъ Ивановичъ приказываютъ принять ихъ къ намъ въ помощники,—обратился кривой писарь къ рыжему мужику. Тотъ усиленно забарабанилъ пальцами, потомъ наскоро зѣвнулъ и, наконецъ, промолвилъ:

— Ну что-жъ, въ добрый часъ!..

— Вы прежде служили гдѣ-нибудь?—обратился ко мнѣ съ допросомъ кривой.

— По писарской части—нигдѣ. Поэтому-то и поступаю къ вамъ въ помощники, чтобъ подучиться.

— Потомъ въ волостные писаря думаете поступить?

— Навѣрное не знаю, тамъ дѣло покажетъ...

Писарь нагнулся къ старшинѣ и пошепталъ ему что-то на ухо. Тотъ кивнулъ головой.

— У насъ жалованье второму помощнику положено не большое, только десять рублей въ мѣсяцъ. Согласны будете.

— Мнѣ все равно, — отвѣтилъ я, по возможности равнодушно.

— Вы изъ чьихъ будете? Откедова? Изъ губерніи?..—спросилъ старшина.

— Это какъ—изъ губерніи? Я не понимаю.

— Ну, изъ города, изъ Воронежа, что ли?

— Нѣтъ, я не здѣшній.

Всѣ замолчали; видно было, что мои краткіе отвѣты отбили у нихъ охоту производить дальнѣйшій допросъ.

— Когда же мнѣ начать службу?—спросилъ я.

— Когда хотите, хоть сейчасъ,—отвѣтилъ кривой, садясь за столъ и перебирая бумаги.

— Сейчасъ мнѣ нельзя; я пріѣду завтра съ вещами, которыя у меня оставлены въ имѣніи Ковалева. А скажите, пожалуйста, у кого мнѣ здѣсь можно остановиться?

— Казенныхъ квартиръ у насъ никакихъ не имѣется, кромѣ арестантской, но вы, вѣроятно, такой квартиры не пожелаете, ха, ха!.. Кривой постарался хохотомъ смягчить дерзость своего отвѣта, но я заранѣе рѣшился на такія выходки не обращать вниманія, и потому спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, арестантской мнѣ не нужно; а нѣтъ ли тутъ какого-нибудь постоялаго двора, гдѣ бы я могъ оставить вещи, покуда не найду квартиры?

— Да хоть у меня на постояломъ, — лѣниво сказалъ старшина.

— Благодарю; до скораго свиданія, — сказалъ я и вышелъ на крыльцо, къ которому была привязана моя лошадь. Я уже собирался садиться на дрожки, какъ услыхалъ позади себя старческій сладенькій голосокъ.

— Не знаю, какъ васъ назвать, молодой господинъ.

Я обернулся. Это былъ кубическій старичокъ изъ канцеляріи.

— Меня зовутъ Александръ Николаевичъ. Что прикажете?

— Видите ли, таперичи мы съ вами въ одной берлогѣ, хе, хе... сидѣть будемъ:—я здѣсь тоже помощникомъ—вотъ уже пятнадцатый годъ, а передъ тѣмъ въ 1845 году поступилъ сюда волостнымъ писаремъ и служилъ девять лѣтъ...

— Извините, пожалуйста, мы какъ-нибудь на досугѣ поговоримъ,—перебилъ я его.—Успѣемъ еще, а теперь мнѣ ѣхать надо; видите,—лошадь не стоитъ.

— Правду, правду изволили сказать,—успѣемъ, хе, хе!.. А хотѣлъ я вамъ предложить, если угодно будетъ, остановиться покуда у меня, — что вамъ на постояломъ дворѣ тамъ дѣлать? Мужичьё, скверность одна... А домокъ мой вотъ напротивъ.

Онъ указалъ на маленькій, выбѣленный, въ три оконца домикъ, стоявшій какъ разъ напротивъ волости. Я пожалъ старичку руку, поблагодаривъ за любезное приглашеніе, и тронулъ лошадь.

На другой день, уложивъ въ чемоданъ свои немногочислен-

ные пожитки, я окончательно распростился съ „культурной“ обстановкой и пустился въ невѣдомые края.

Когда я вошелъ въ сѣнцы маленькаго домика моего будущаго товарища по службѣ,—меня встрѣтила высокая, лѣтъ подъ пятьдесятъ, женщина. Она удивленно смотрѣла на меня, на бывшій у меня въ рукѣ чемоданъ и на пару лошадей, стоявшихъ у дверей. Не дождавшись съ ея стороны вопроса, я самъ объяснилъ, что я новый помощникъ, что хозяинъ этого дома предложилъ мнѣ остановиться у него, и кончилъ вопросомъ: дома ли теперь хозяинъ? Но не успѣла высокая женщина отвѣтить на мой вопросъ, какъ въ сѣнцы, пыхтя, отдуваясь и размахивая кофейнымъ платкомъ, вкатился самъ хозяинъ.

— Хе, хе, — изволили уже пріѣхать, Александръ Николаевичъ?.. Отлично, отлично-съ. Петровнушка, это вотъ молодой господинъ, хорошій господинъ; они къ намъ поступаютъ, я ихъ и просилъ къ себѣ покуда что... Ну, квартирку покуда себѣ поіищутъ...

— Да гдѣ они у насъ остановятся? Тѣсно у насъ, негдѣ,— отвѣтила сердито женщина.

— Ну, много ли имъ мѣста надо?.. Они и весь тутъ; какъ-нибудь ужъ переночуемъ одну ночку, потѣснимся.

Старичокъ все это говорилъ мягкимъ, виноватымъ тономъ: видно было, что онъ въ своемъ домѣ плохой хозяинъ и теперь почти что раскаявается въ своемъ необузданномъ проступкѣ— позвать меня къ себѣ безъ разрѣшенія своей—я не зналъ еще, что—родственницы или жены.

Кое-какъ, однако, устроились, т.-е. поставили въ уголъ чемоданъ, на кровать положили подушку и плэдъ, а на гвоздикъ повѣсили пальто. Сѣли; я закурилъ папиросу, старичекъ ожесточенно нюхалъ табакъ и поглядывалъ въ окно, не зная, какъ начать разговоръ. Я вывелъ его изъ затрудненія, спросивъ— нельзя ли самоварчикъ поставить? съ дороги, молъ, полезно чайку напиться.

— Какъ же, какъ же-съ... Въ минуточку будетъ готовъ. А я, старый, изъ ума выживать сталъ, — самъ-то не догадаюсь никакъ... Да это сейчасъ: у меня самоваръ, я вамъ доложу, въ пять минутъ закипаетъ. Вотъ такъ, вотъ, вотъ, — приговаривалъ онъ, наливая воду и кладя уголья.

— Палъ Палычъ, ужъ вы бы не совались, дайте я!..—говорила женщина, стоя въ дверяхъ.

— Ну ужъ мàта,—нѣтъ,—куда тебѣ: ни въ жисть онъ у тебя такъ скоро не закипитъ, какъ у меня.

Женщина вышла, съ сердцемъ стукнувъ дверью. Мнѣ представлялся очень удобный случай изъ разговора съ словоохотливымъ старичкомъ разузнать подноготную Демьяновской волости, а это было необходимо, чтобы знать, съ кѣмъ будешь имѣть дѣло.

— Вы, Павелъ Павлычъ, передъ чаемъ водочки не выпьете-ли со мной для знакомства?—спросилъ я, увѣренный, что за водочкой разговоръ пойдетъ оживленнѣе, чѣмъ за пустымъ чаемъ.

— Ахъ, батюшка вы мой,—да спасибо вамъ... Это отчего-же, можно. Только вотъ... да погодите, я это мигомъ сооружу.

Я далъ ему тридцать копѣекъ. Онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ вертѣлъ монеты въ рукахъ и видимо рѣшался на важный шагъ. Наконецъ, озабоченное чело его прояснилось, и онъ, пріотворивъ дверь, звонко крикнулъ.

— Петровнушка, а Петровнушка,—выдь-ка сюда! Вотъ молодому господину Александру Николаевичу хочется передъ чаемъ водочки откушать, такъ ты кликни Егоровыхъ Ванюшку—пусть сбѣгаетъ въ кабакъ, да живо: вотъ и деньги. А самъ я не пойду туда,—что тамъ хорошаго...

Сунувъ деньги въ руку Петровнушкѣ, онъ сталъ хлопотливо заниматься около чайной посуды, какъ бы не замѣчая грозныхъ взоровъ, на него бросаемыхъ.

— Водки, опять водки!.. Затѣйщики! Знаемъ мы васъ, небось сами выпросили денегъ на водку, — говорила она, выходя изъ комнаты.

— Строгая она у меня, хе, хе...—оправдывался Палъ Палычъ. Не любитъ, когда я съ хорошимъ человѣкомъ рюмку, другую выпью; а по старости, знаете, иногда и случается.

Черезъ нѣсколько минутъ оборванный мальчуганъ подалъ въ окно неполную бутылку водки. Палъ Палычъ поднялъ ее на свѣтъ и скорбно покачалъ головой, приговаривая:—на двадцать копѣекъ, не больше, чѣмъ на двадцать... Гривенникъ не додала, ох-ох-хо!..

Усѣлись мы за чай; выпили по одной,—я безъ всякаго удовольствія,—Палъ Палычъ съ блаженной улыбкой на лицѣ. Я не торопилъ его разговоромъ, будучи увѣренъ, что онъ самъ что-нибудь начнетъ разсказывать.

— Чудно̀ мнѣ, добрый мой баринокъ, что это вы выдумали къ намъ поступать... Сейчасъ вѣдь видать, что вы съ высокими людьми знакомы: у господина Ковалева проживать изволили, отъ самого Павла Иваныча—именитая особа — рекомендацію доставили. Вѣдь въ столичномъ городѣ проживали?

— Да надоѣло, Палъ Палычъ, въ столицахъ-то жить, захотѣлось и въ деревнѣ побывать, а рукомесла никакого не знаю, кромѣ какъ перомъ по бумагѣ водить; ну, и посовѣтовали мнѣ въ писаря пойти. Можетъ быть, и до волостного изъ помощниковъ дослужусь.

— Какъ не дослужиться, какъ не дослужиться, — вамъ это какъ рукой подать. А только у насъ вамъ трудно будетъ, — не въ такое мѣсто вы попали... У насъ Григорій Өедоровичъ, писарь, охъ, и лютъ же, охъ, и золъ же! Я уже старикъ, мнѣ семьдесятъ третій годъ идетъ, много я на своемъ вѣку послужилъ, самъ въ волостныхъ двадцать-шесть-лѣтъ пробылъ, ну а лютовства такого не видалъ. Ненавистникъ онъ, вотъ что!.. Другой человѣкъ ненавидитъ по дѣлу, а этотъ изъ одной ненависти... А что по рюмочкѣ еще прикажете налить?

— Сдѣлайте одолженіе,—а я и забылъ.

Выпили по другой.

— Теперь онъ большую противъ васъ злобу имѣть будетъ: все ему мниться будетъ, что вы на его мѣсто поступите—дай-то Богъ!.. Тогда и мнѣ, старику, можетъ полегче станетъ. И все изъ ненависти... Получалъ я въ прошломъ году 17 рублей жалованья, а онъ въ нынѣшнемъ году на сходѣ и сбавилъ: довольно, говоритъ, съ него и пятнадцати! А самому тридцати-двухъ рублей мало, выпросилъ себѣ пять цѣлковыхъ прибавки,—это мои-то кровные рубли къ нему и перешли! На пятнадцать-то какъ проживешь? Все дорого... Всѣ какъ есть, и пятидворные, и староста, говорятъ: „Палъ Палычу за долгую службу семнадцать",—а онъ имъ: „не ваше это дѣло,—пятнадцать". И что я ему сдѣлаю? Ничего; единственно, какъ я здѣсь третій десятокъ служу,—всѣ меня знаютъ, и уважаютъ многіе именитые люди,—вонъ Степановскій приказчикъ всегда три копны старновки на топку присылаетъ; купецъ тутъ, Махонинъ,—пшенца мѣрочку отсыпаетъ къ масляной на блины,—ну, ему это и ненавистно... Такъ то-съ!.. А что, Александръ Николаевичъ, по одной еще можно?

— Сдѣлайте одолженіе, кушайте; а я больше не буду.

— Не будете—и отлично. Потому къ этому снадобью привыкать—одинъ только грѣхъ,—говорилъ онъ, наливая себѣ рюмку снадобья и не замѣчая, что позади его, въ дверяхъ, стоитъ Петровнушка.

— Такъ, такъ,—старый грѣховодникъ, — дорвался, и радъ! Ужо опять никуда годиться не будешь; чѣмъ бы въ волости сидѣть, онъ тутъ водочку попиваетъ. Вотъ Григорій Өедоровичъ

опять разгнѣвается, откажетъ отъ мѣста,—такъ чѣмъ тогда промышлять будешь?

— Ну, ну, Петровнушка, я только одну, больше ни-ни! Да присядь съ нами чайку выпить, они не побрезгаютъ. Это моя хозяйка, Александръ Николаевичъ; лучше матери родной за мной, старикомъ, наблюдаетъ. Я вѣдь двадцать-пять лѣтъ уже вдовѣю, дѣтей у меня нѣтъ,—чтобы я сталъ дѣлать? Умирать скорѣй, да и только!.. А вотъ съ ней двадцать лѣтъ маемся душа въ душу,— и горя, и радости наприняли довольно. Ну, побранить когда,— да за дѣло, за дѣло, а не то что этотъ ненавистникъ... А ты теперь, Петровнушка, не горюнься, — у насъ защита будетъ, Александръ Николаевичъ меня въ обиду не дастъ, и мы кривого этого лиходѣя теперь бояться—шабашъ!.. А когда они писаремъ станутъ, тогда меня, старика, и вовсе не обидятъ: я ужъ сейчасъ вижу доброту ихъ душевную...

— Ну, а скажите, Павелъ Павлычъ, каковъ у васъ здѣсь старшина? Хорошій человѣкъ?

— Старшина? Это не настоящій старшина: кандидатомъ срокъ за стараго дохаживаетъ. Вотъ тотъ былъ форменный старшина: строгъ, потачки не любилъ давать, свою линію велъ твердо, такъ что даже кривой съ нимъ сладить не могъ — за то и сгубилъ. Приговоръ тутъ онъ на счетъ кабаковъ сочинилъ... А, впрочемъ, чего я разболтался? Поживете, сами все узнаете. Надо въ правленіе еще сбѣгать: Григорій Ѳедорычъ, должно, сердится... Вы не зайдете сейчасъ, а?

И онъ съ внезапно измѣнившеюся на дѣловой манеръ физіономіей сталъ искать свой платокъ и табакерку, и потомъ, размахивая этими аттрибутами, съ перевалкой побѣжалъ къ волости, не глядя,—слѣдую я за нимъ, или нѣтъ.

Войдя въ переднюю при волости, я услышалъ недовольный голосъ писаря; онъ говорилъ Палъ Палычу: „вотъ пустилъ къ себѣ постояльца и будетъ теперь цѣлыми днями пропадать... Чтобъ у меня не было тамъ этихъ штукъ,—шуры-муры! Не очень-то его испугались: всякихъ видали, и не этакихъ“...

При входѣ моемъ въ канцелярію онъ мелькомъ взглянулъ на меня и потомъ сталъ усиленно щелкать на счетахъ. Я подошелъ къ столу, онъ все какъ бы не замѣчалъ меня. „Здравствуйте, Григорій Ѳедоровичъ“,—говорю. Онъ быстро поднялъ голову и на лицѣ его, жолчномъ и зломъ, старалась показаться какая-то привѣтливая улыбка, но очень неудачно.

— А, это вы? Не знаю, какъ васъ звать... т.-е. забылъ,

извините. Аккуратно, аккуратно пріѣхали, это хорошо. Гдѣ изволили остановиться?

— Да вотъ у Павла Павлыча.

Стариканка заёрзалъ на стулѣ и еще усерднѣе сталъ водить перомъ по бумагѣ; мнѣ стало жаль его, и чтобы выручить его, я добавилъ.

— Впрочемъ, онъ мнѣ и не предлагалъ остаться, говоритъ, что тѣсно будетъ. Надо поискать себѣ неподалеку отсюда какое-нибудь помѣщеніе.

— Вы у Хатунцевыхъ спросите, можетъ быть и пустятъ,— посовѣтовалъ писарь. — Семья хорошая, а домъ — рукой подать, черезъ улицу перейти только. Сегодня ужъ заниматься не будемъ, устраивайтесь, а завтра пожалуйте.

Я послѣдовалъ его совѣту и пошелъ разыскивать Хатунцевыхъ. Пройдя мимо двухъ, трехъ неприглядныхъ избъ, я остановился передъ большой, новой, крытой подъ глину, рѣшивъ, что „хорошая" семья должна жить и въ хорошемъ домѣ. Разсчетъ мой оказался на этотъ разъ вѣрнымъ. На дворѣ поилъ лошадей высокій, совершенно сѣдой старикъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка,—вы не Хотунцевы-ли будете?

Старикъ посмотрѣлъ на меня слезившимися отъ старости глазами и отвѣтилъ:

— Не слышу, родной, оглохъ. Кричи дюжѣй.

— Я повторилъ вопросъ надъ самымъ его ухомъ.

— Хатунцевы будемъ, Хатунцевы. Что надоть?

— Да вотъ сказали мнѣ, что вы пустите къ себѣ на квартиру.

— На фатеру? Ужъ не знаю, родной, сходи вонъ въ ригу, съ Васяткой погутарь: онъ у меня хозяйствуетъ, сынъ-то... Въ ригѣ лошадямъ сѣчку рѣжетъ. Сходи, може пуститъ.

Я пошелъ къ ригѣ, стоявшей на гумнѣ. „Васятка", мужикъ лѣтъ пятидесяти, рѣзалъ на особомъ станкѣ солому въ снопахъ, которую подавалъ ему мальчонка лѣтъ девяти. При входѣ моемъ, „Васятка" взглянулъ на меня искоса и потомъ сталъ опять крошить солому.

— Здравствуйте,—Богъ въ помощь!

— Благодаримъ,—отвѣтилъ онъ, не отрываясь отъ работы.

— Меня батюшка вашъ—вонъ, на дворѣ лошадей поитъ— прислалъ къ вамъ спросить на счетъ квартиры. Пустите меня къ себѣ на квартиру?

Онъ перестaлъ работать и, внимательно осмотрѣвъ меня, спросилъ:

— А вы изъ какихъ будете?

— Въ волость въ помощники къ писарю опредѣлиться хочу.

— Такъ-съ. Въ писаря, значитъ?

— Да, да. Такъ какъ же на счетъ квартиры-то?

Онъ опять началъ крошить солому; искрошивъ снопъ, отвѣтилъ:

— Тѣсно у насъ, потому—семья; четырнадцать, тоже, душъ... Да ты одинъ, али съ женой?

— Одинъ какъ есть.

— Коли такъ, то и въ клѣтушкѣ лѣтомъ до осени поживешь, что тебѣ дѣлать-то? А у меня клѣтушка почитай залишняя есть, опорожню—и живи себѣ съ Богомъ. Сѣна тебѣ дамъ, полость послать, зима подойдетъ, тогда подъищешь себѣ фатеру настоящую.

— А что возьмешь съ меня, Василій... какъ по батюшкѣ звать?

— Иванычемъ звали... Да что съ тебя взять-то? Сколько тебѣ Григорій-то Федорычъ жалованья положилъ?

— Десять рублей.

— Ну вотъ видишь! Что съ тебя взять? И не знаю, право. Кормиться съ нами будешь?

— Извѣстно съ вами,—гдѣ-жъ больше?

— Ну, ну,—переходи, живи,—опосля сосчитаемся. Ты гдѣ теперь стоишь-то?

— У Павла Павлыча,—знаете?

— У Палъ Палыча? Какъ не знать, знаемъ.

Онъ ссыпалъ въ плетушку нарѣзанную солому, взвалилъ ее къ себѣ на плечи и пошелъ къ дому. Я ему крикнулъ въ слѣдъ.

— Такъ я, Василій Иванычъ, завтра перейду!

— Ну что-жъ, съ Богомъ,—отвѣтилъ онъ на ходу.

IV.

Переночевавъ кое-какъ у Палъ Палыча, я рано утромъ сталъ „переходить“ къ Хатунцевымъ. Мужиковъ никого дома не было, кромѣ старика, прилаживавшаго крюки къ косамъ; въ сѣнцахъ меня встрѣтила молодуха баба, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, очень бойкая и говорливая.

— Куда мнѣ тутъ идти?—спросилъ я.—Хозяинъ вчера обѣщалъ мнѣ клѣтушку отвести подъ квартиру...

— Такъ это вы писаремъ будете? Сказывалъ, сказывалъ вчерась бачка за ужиномъ, слыхали. Идите за мной, я укажу.

Она повела меня на дворъ. Съ правой стороны его тянулись навѣсы, подъ которыми стояли телѣги, сохи и проч.; въ глубинѣ устроены были загородки для лошадей, коровъ и свиней, а слѣва былъ рядъ клѣтокъ — иныя бревенчатыя, иныя плетневыя. Къ одной изъ нихъ и привела меня молодуха; отворивъ дверь, я оглядѣлъ внутренность моего жилья. Съ боку стояли кóзлы, на нихъ были положены доски, на доскахъ сѣно, покрытое полостью, т.-е. бѣлымъ войлокомъ въ $1^1/_2$ арш. ширины и $2^1/_2$ длины. По стѣнамъ, на вбитыхъ кольяхъ, висѣли рѣшета, недоуздки, грабли и всякій хозяйственный хламъ. Въ углу стояли пустыя кадушки.

— Тебѣ тутъ очень даже спокойно будетъ. Ни тебѣ мухъ, ни ребята сюда не зайдутъ: живи на здоровье.

— Спасибо, спасибо; только вотъ темно,—окошка нѣтъ.

Она засмѣялась.

— Да нешто въ пунькахъ или клѣтяхъ бываютъ оконца? Это вотъ въ клѣтяхъ, что при избахъ стоятъ, ну тамъ дѣлаютъ. Да тебѣ на что и окно-то? Кабы семья,—а то выспался и пошелъ. Ты платье-то вонъ на колышекъ повѣсь, дай-ко-сь мнѣ... Ишь платье-то у тебя хо-рошее, барское. Ты самъ откуда будешь?

— Я, умница, дальній, нездѣшній.

— Дальній?.. Что-жъ, здѣсь сродственники есть, или нѣтъ? Ты гдѣ же жилъ-то до мѣста?

— У Ковалева, Сергѣя Николаевича.

— Сергѣя Николаевича!.. Какъ не знать, батюшка ты мой! Онъ какъ ѣдетъ на машину, — всегда у насъ лошадей беретъ, потому своихъ жалѣетъ,—тутъ вѣдь пески пойдутъ. Такъ у него жили? Въ приказчикахъ, что ли?

— Нѣтъ, не въ приказчикахъ, а такъ, до мѣста.

— До мѣста; понимаемъ. Онъ баринъ хорошій; какъ не знать, знаемъ: бѣдному человѣку завсегда уваженіе сдѣлаетъ. Когда проѣзжаетъ, нашимъ ребяткамъ всегда двугривенничекъ на крендели даетъ и насъ, бабъ, иной разъ даритъ, коль молочка спроситъ напиться.

Словоохотливая баба не переставала разсказывать и разспрашивать, покуда я окончательно не прибралъ свои вещи. Когда же я сталъ собираться уходить, то собесѣдница моя заволновалась.

— Ахъ, батюшки, я то съ тобой тутъ закалякалась, а варево еще и въ печь не становила. А я нонѣ вѣдь деньщица... Ты у насъ кормиться-то будешь?

— У васъ.

— Ну, ну, — такъ приходи ужотка-сь завтракать. Съ нами снѣдать будешь, аль одинъ?

— Когда съ вами, когда нѣтъ,—какъ дѣла въ волости.

— Извѣстно, извѣстно,—тамъ дѣла.

Я ушелъ въ волость. Палъ Палычъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ и что-то строчилъ; писаря еще не было. Я подсѣлъ къ старику; онъ на мгновеніе оторвался отъ работы, какъ-то разсѣянно взглянулъ на меня, быстро проговорилъ: „а, а, А. Н., пришли?“ и опять углубился въ писаніе, бормоча: „а посему... вышеизложенному... честь имѣю донести“... и передвигалъ со строчки на строчку бумаги, которую переписывалъ, футляръ отъ своихъ очковъ,—чтобы не перескочить черезъ строку. Тутъ же на столѣ лежало еще нѣсколько бумагъ; верхняя была написана на бланкѣ земской управы. Я хотѣлъ ее взять, чтобы прочесть отъ нечего дѣлать, но Палъ Палычъ, замѣтивъ мое движеніе, быстро схватилъ бумаги и спряталъ въ столъ.

— Нельзя, перепутаете; не люблю я этого. Да и Григорій Федоровичъ увидитъ—сердиться будетъ.

Я на него посмотрѣлъ съ удивленіемъ,—такъ этотъ сухой, дѣловой тонъ поразилъ меня. Позднѣе ужъ я понялъ, что Палъ Палычъ дома за стаканомъ чаю и Палъ Палычъ въ волости—два лица совершенно разныя. Сорока-лѣтняя служба въ волостяхъ сдѣлала изъ него пишущую машину, и только въ домашней обстановкѣ онъ становился похожимъ на самого себя; дома онъ рѣшался и покритиковать начальство, и обругать писаря, и пороптать на судьбу; въ волости же онъ былъ подчиненнымъ, маленькимъ человѣчкомъ—и только передъ всякимъ начальствомъ, начиная съ писаря, онъ благоговѣлъ и никогда ему не перечилъ, къ „бумагамъ“ относился съ благоговѣніемъ, къ мужикамъ—по начальнически. Но стоило кому-нибудь изъ этихъ мужиковъ сказать: „Палъ Палычъ, брось сердиться, пойдемъ по стаканчику выпьемъ“,—какъ на лицѣ Палъ Палыча показывалась широкая, радостная улыбка, и онъ говорилъ: „ахъ, другъ ты мой, спасибо, старика вспомнилъ! Что-жъ, пойдемъ,—стаканчикъ отчего не выпить“. Они шли, и дорогой Палъ Палычъ ругалъ и волость, и службу свою „анаѳемскую“, и писаря. Но, возвратившись изъ заведенія, Палъ Палычъ мгновенно облекался въ суровую оболочку дѣльца и на своего же пріятеля обрушивался примѣрно такой тирадой: „дуракъ, такъ дуракъ и есть! Сказано, нельзя этого сдѣлать. Ступай къ становому—одна дорога, дубина ты этакая, пойми ты! До вечеру мнѣ съ тобой говорить, что ли“ и т. д.

Таковъ былъ Палъ Палычъ. Впослѣдствіи я привыкъ къ этимъ переходамъ отъ дружескаго къ дѣловому тону, и никогда не

заговаривалъ съ нимъ въ волости, но въ данную минуту я никакъ не могъ понять, чѣмъ это я разобидѣлъ моего добродушнаго старикашку. Въ это время въ канцелярію вошелъ „самъ писарь". Я привсталъ немного и подалъ ему руку. Онъ сказалъ: „а, вы уже здѣсь?", и сунувъ мнѣ свои холодные пальцы, прошелъ къ своему мѣсту. Минутъ пять длилось молчаніе.

— Вотъ вамъ бумага, снимите вотъ съ этого предписанія копію, — сказалъ, наконецъ, писарь, протягивая ко мнѣ бумаги, но не глядя на меня.

Я взялъ бумагу — полъ-листа и циркулярное предписаніе исправника о починкѣ гатей и мостовъ, и сталъ переписывать съ дословною точностью. Окончивъ, я отступилъ на палецъ и сдѣлалъ подпись исправника, а затѣмъ понесъ свою работу показать писарю. Въ это время въ канцелярію вошелъ мужчина въ бѣломъ кителѣ; онъ держалъ въ одной рукѣ клеенчатую кепи, а въ другой классическую нагайку. Я сейчасъ же догадался, что это мѣстное начальство,—урядникъ. Онъ развалисто подошелъ къ писарю и, пожавъ ему руку, небрежно протянулъ потомъ къ Палъ Палычу, который, привставъ, взялъ ее, потрясъ и спросилъ: „а, а, Харитонъ Никитычъ, здоровы ли себѣ?" Но Харитонъ Никитычъ не разслыхалъ, должно быть, этого вопроса, потому что занятъ былъ разглядываніемъ моей особы; и вертѣлъ папиросу.

— А это кто такой-съ?—обратился „онъ" къ писарю.

— Новый помощникъ мой! Развѣ не слыхали? Да-съ, видите, господинъ хоть куда, а къ намъ на десять рублей пошелъ. Должно быть, охота—пуще неволи.

Какъ ни старался я сохранять хладнокровіе, но не сдержался.

— Что вамъ за дѣло, господинъ Ястребовъ, по охотѣ я или по неволѣ пришелъ къ вамъ? Если я пришелъ сюда, то единственно по указанію Павла Иваныча, а вовсе не изъ желанія познакомиться съ вами, въ этомъ вы можете быть увѣрены.

— Ох-хо-хо, какъ строго!.. Испугались очень, — отвѣтилъ Ястребовъ, хотя и вполголоса.—Конечно, еслибъ не рекомендація Павла Ивановича, то никогда вамъ и не бывать тутъ: кто васъ знаетъ, кто вы такой?

— Для этого, — говорю, — существуетъ полиція, обязанная удостовѣриться въ моей личности, — если удостовѣренія Павла Иваныча мало...

И я, вынувъ изъ бокового кармана бывшій всегда при мнѣ видъ мой, подалъ его уряднику; тотъ поклонился, улыбаясь, и подалъ мнѣ руку.

— Ахъ, зачѣмъ же-съ?.. Позвольте познакомиться,—мѣстный урядникъ-съ... Такъ въ наши края на жительство-съ?

— Да, на жительство.

— Вы ужъ позвольте бумагу вашу въ г. приставу свезть. Я сейчасъ къ нимъ ѣду, — у крыльца и лошадь стоитъ, — такъ кстати ужъ и свезу... Нельзя-съ, сами изволите знать — времена нынче какія строгія пошли.

— Сдѣлайте одолженіе, только не потеряйте.

— Ка-акъ это можно-съ! Вѣдь документъ!.. Мы сами хоть люди и не очень образованные, а все-таки понимать можемъ-съ...

Я ему ничего не отвѣчалъ, а обратившись къ писарю, подалъ ему свою работу съ словами: „я кончилъ".

— Хорошо, подождите,—былъ отвѣтъ.

Онъ неторопливо сталъ дописывать страницу. Понявъ, что это съ его стороны „фортель", — чтобы заставить меня стоять передъ нимъ въ ожиданіи его резолюціи, я отошелъ къ своему мѣсту и сѣлъ; онъ съ сердцемъ взялъ мое писаніе и сталъ читать. Дойдя до конца и посмотрѣвъ на подпись, онъ насмѣшливо скривилъ губы и ѣдко захохоталъ.

— Ха, ха! Разнымъ наукамъ обучаться изволили, а не знаете, какъ копію снять! Пожалуйте сюда, полюбуйтесь, Харитонъ Никитычъ,—новый исправникъ у насъ появился, ха, ха... Подпись то не въ строку сдѣлана. Развѣ такъ пишутъ?

Его нахальство вывело меня изъ терпѣнія. Я рѣзко ему замѣтилъ, что не терплю такого обращенія, что совѣтую ему попридержать свой языкъ и говорить лишь то, что требуется по службѣ. Этотъ отпоръ послужилъ мнѣ въ пользу: Ястребовъ уже не позволялъ себѣ впослѣдствіи такихъ начальническихъ выходокъ и сдѣлался вообще сухо-вѣжливъ.

Возвращаюсь, однако, къ первому моему знакомству съ урядникомъ. Въ тотъ же день, когда я сидѣлъ вмѣстѣ съ семьей Хатунцевыхъ за обѣдомъ и разсказывалъ имъ кое-что о себѣ, въ избу вошелъ урядникъ.

— Хлѣбъ соль... А я опять къ вамъ съ докукой, Александръ Николаевичъ.

Мужики привстали изъ-за стола и начали кланяться.

— Харитонъ Никитычъ, милости просимъ, пожалуйте съ нами обѣдать.

— Некогда, благодарю покорно. Къ вамъ дѣльцо есть, — обратился онъ ко мнѣ.—Пожалуйте сюда на пару словъ.

Я вышелъ за нимъ въ сѣнцы.

— Господинъ становой приставъ приказали вамъ сейчасъ къ нимъ пожаловать. Очень нужно-съ.

— Хорошо, — я пойду, какъ пообѣдаю. Но для чего было изъ-за стола меня звать?.. А гдѣ онъ живетъ,—приставъ?

— А вотъ какъ перейдете мостикъ, на правой рукѣ и будетъ ихъ домъ; сразу узнаете. Такъ вы ужъ поскорѣе, — я буду въ надеждѣ, потому строго приказали-съ.

— Хорошо, хорошо. Пообѣдаю и пойду.

Я опять сѣлъ за столъ; онъ еще помялся въ сѣнцахъ и, опять пріотворивъ дверь, повторилъ убѣдительнымъ шопотомъ: „такъ вы ужъ пожалуйста!“...

Встревоженные нежданнымъ визитомъ урядника, мужики молча хлебали квасъ и посматривали на меня; наконецъ, Василій вскользь замѣтилъ:

— Должно, дѣла?..

— Да, становой что-то зоветъ къ себѣ.

— Такъ. Ухъ, и становой же!..

— А что?

— Строгъ. Харитонъ Никитычъ или другой тамъ урядникъ какой не угодитъ—онъ прямо по щекамъ, а десятскихъ — такъ плетью лущитъ... Нѣтъ, у этого не забалуешься! Который къ нему ежели десятскій назначенъ, такъ чуть не молебны служитъ, идя въ очередь.

— Что-жъ у него десятскіе дѣлаютъ?

— Разное; что прикажутъ, то и дѣлаютъ: по домашней части или по хозяйству,—что потребуется. Посѣвами они занимаются тоже...

Хозяинъ замолчалъ, боясь сказать лишнее. Впослѣдствіи я самъ былъ свидѣтелемъ такого эпизода. Сижу въ волости; тутъ же и старшина отъ скуки позѣвываетъ; входитъ волостной сторожъ и говоритъ:

— Матвѣй Иванычъ! Костюха отъ становаго пришелъ,—говоритъ—прогнали, не годится,—потому малъ...

— Чѣмъ тамъ малъ? Для-ча не годится? Какихъ ему еще десятниковъ надо?..

— Не могу знать. Только, говоритъ, у него молотьба нынче, такъ мужика ему заправскаго пришлите, а энтому всего 15 лѣтъ, онъ и цѣпа не подыметъ... А какое не подыметъ: онъ завсегда дома молотитъ.

Послали другого десятскаго,—мужика; хоть и не въ очередь, а пошелъ, потому что шутки съ становымъ плохи.

Въ другихъ станахъ, гдѣ пристава сельскимъ хозяйствомъ не

занимаются, они получають оть каждой волости, входящей въ составъ стана — 25—35 рублей въ годъ на наемъ постояннаго десятскаго; понятно, что всѣ обязанности такового—позвать кого-нибудь, отнести бумагу—исполняеть мальчуганъ лѣтъ 14-ти.

Послѣ обѣда я пошелъ представляться по начальству. Про домъ станового незачѣмъ было и спрашивать, — такъ онъ выдѣлялся изъ общей массы крестьянскихъ избъ. На крыльцѣ съ навѣсомъ, въ родѣ террасы, обставленномъ цвѣтами, сидѣлъ пожилой мужчина въ бѣломъ кителѣ на распашку и курилъ большую самокрученную папиросу. У крыльца стоялъ съ шапкой въ рукахъ мужикъ и о чемъ-то просилъ, низко кланяясь. При моемъ приближеніи, мужчина въ кителѣ крикнулъ мужику: „отойди прочь, постой тамъ, — тогда повову". Мужикъ продолжалъ стоять у крыльца, приговаривая: „ужъ вы, батюшка, ваше благородіе"... но замѣтивъ энергичный жесть руки его благородія, поспѣшно отретировался. Я поклонился; становой смотрѣлъ на меня, попыхивая папироской.

— Я новый помощникъ писаря; урядникъ сказалъ мнѣ, что я вамъ нуженъ.

— Да, я хотѣлъ спросить—кто вы такой?

— Странный вопросъ... Изъ моего вида вы могли въ подробности узнать, кто я такой.

Онъ помолчалъ, соображая что-то, потомъ усмѣхнулся.

— Да, паспортъ... Нынче паспорта, гм... Какъ вы сюда попали!

— Очень просто: по назначенію или, правильнѣе сказать, по рекомендаціи уѣзднаго предводителя Павла Ивановича Столбикова.

Сцена нѣсколько измѣняется. Меня приглашають сѣсть, и, хотя настойчиво, но ужъ вѣжливо разспрашивають,—кто я, чѣмъ занимался прежде и проч. Я немногосложно отвѣчаю. Наконецъ, меня просять написать на бумажкѣ свое званіе, имя и фамилію, а документъ возвращають обратно. Я съ улыбкой замѣчаю:

— Справки будуть наводиться?.. Напрасный трудъ...

— Нѣтъ-съ, это такъ, одна формальность,—замѣчаетъ онъ, успокоительно улыбаясь.

Аудіенція кончается, и я ухожу, удостоенный на этотъ разъ пожатія начальнической руки.

V.

Такимъ образомъ завелъ я знакомство съ начальственными особами; теперь, по моему мнѣнію, оставалось заняться дѣломъ, т.-е. знакомиться съ сельскимъ людомъ, наблюдать и изучать его жизнь и быть ему полезнымъ, по мѣрѣ силъ своихъ, словомъ и дѣломъ. Но,—странная вещь,—хотя я и жилъ въ клѣтушкѣ у заправскаго мужика, обѣдалъ и ужиналъ вмѣстѣ съ его семьей, за что, платилъ ему три рубля въ мѣсяцъ, хотя я служилъ въ мужицкомъ присутствіи, занимаясь исключительно мужицкими дѣлами,—но самъ мужикъ былъ во мнѣ не ближе, чѣмъ былъ въ Петербургѣ, и волна народной жизни не касалась меня въ своемъ бѣгѣ. Мужикъ кормилъ меня, но постоянно давалъ чувствовать, что общеніе наше съ нимъ случайно и безрезультатно; я былъ для него чиновникомъ чужого вѣдомства, до него никакого касанія неимѣющаго. На мои вопросы онъ отвѣчалъ лѣниво, неохотно, считая ихъ къ своему дѣлу не идущими, и поддерживалъ со мной разговоръ все больше на благородныя, по его мнѣнію, тэмы: разсказывалъ о сосѣднемъ приказчикѣ, о бывшемъ старшинѣ, о свадьбѣ, недавно состоявшейся у мѣстнаго попа, о писаряхъ и проч.; онъ дѣлалъ это совершенно естественно, изъ любезности, желая мнѣ доставить удовольствіе и рѣшительно не допуская мысли, чтобы я, писарь, горожанинъ, вообще не мужикъ, — могъ безкорыстно и безхитростно интересоваться мужицкими дѣлами; и это обстоятельство, что онъ—мужикъ, а я — не мужикъ, давало себя постоянно чувствовать и воздвигало между нами непроницаемую стѣну, раздѣлявшую весь міръ, все человѣчество, всѣ интересы, всѣ вопросы и злобы дня на двѣ стороны,—мужичью и не-мужичью. Такое міровоззрѣніе заслуживаетъ подробнаго изученія, и я вернусь когда-нибудь къ этой оригинальной страницѣ изъ исторіи стремленія интеллигенціи къ общенію съ народомъ; теперь же упомяну, что я чувствовалъ себя очень скверно нѣкоторое время, покуда не постарался утѣшить себя мыслью, что въ положеніи младшаго помощника писаря нельзя свободно дѣйствовать, и что я необходимо обреченъ на глупую канцелярскую работу безъ всякаго живого дѣла впредь до полученія мѣста волостного писаря; тогда,—думалось мнѣ, — дѣло другого рода: тогда у меня развяжутся руки, выростутъ крылья, и мнѣ представится полный просторъ для моей честной и плодотворной дѣятельности... Наивныя мечты!

Такъ или иначе, а послѣдняя мысль утѣшила меня и вдохнула

мнѣ бодрость переносить мое глупое положеніе. А глупаго въ моемъ положеніи было предостаточно: я прибылъ дѣлать живое дѣло, а мнѣ давалась переписка донесеній о пропавшей у крестьянина Митина кобылѣ; поручалось нарѣзать конвертовъ, задѣлать почту, подшить бумаги къ дѣламъ, составить описи къ нимъ,— словомъ, на меня возложена была самая неинтересная канцелярская черная работа, которой, кстати сказать, была цѣлая бездна. Связи и смысла въ моихъ работахъ не было никакихъ, и почему одно дѣлается такъ, а другое — иначе, я совершенно понять не могъ; механизмъ крестьянскаго самоуправленія оставался для меня такъ же скрытымъ, какъ и въ Петербургѣ, а денежныхъ приходо-расходныхъ книгъ Ястребовъ мнѣ и въ глаза не показывалъ. Я очень хорошо понималъ, что все это онъ дѣлаетъ мнѣ на зло, что нарочно меня держитъ на черной работѣ въ надеждѣ, что я не вытерплю и удалюсь по добру-по-здорову; но я рѣшился все претерпѣть и добиться таки своего, т.-е. познакомиться съ дѣлопроизводствомъ въ правленіи; поэтому, во время отлучекъ самого Ястребова, я бралъ изъ шкапа дѣла и разсматривалъ бумаги, слѣдя, какое исполненіе производилось по тѣмъ или другимъ требованіямъ или предписаніямъ различнѣйшихъ вѣдомствъ и лицъ. И какая же масса разношерстнѣйшихъ вѣдомствъ и начальствующихъ лицъ обращается въ волостное правленіе съ требованіями немедленнѣйшаго исполненія своихъ приказаній! Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, уѣздная и губернская земскія управы, воинское присутствіе, училищный совѣтъ, дворянская опека, полицейское управленіе, казенная палата, губернское правленіе, палата государственныхъ имуществъ, казначейство, мировой съѣздъ и мировые судьи, исправникъ, непремѣнный членъ, становой, судебный слѣдователь, судебный приставъ, губернскій статистическій комитетъ, агентъ земскаго страхованія и проч. и проч. Все это и всѣ эти пишутъ: „немедленно доставить“, „безотлагательно распорядиться“, „съ нарочнымъ донесть“, „лично явиться“, розыскать, составить, оцѣнить, выслать, описать, изслѣдовать, „имѣть наблюденіе“ и т. д. до безконечности... У меня, въ началѣ, въ глазахъ зарябило, и я отчаялся когда-либо понять всю эту премудрость; съ укоромъ глядѣлъ я на 90 и 91 ст. Общаго Положенія, въ которыхъ говорится о четырехъ книгахъ, имѣющихъ быть въ волостномъ правленіи, и сравнивалъ эту ничтожную цифру съ тѣми 38 книгами, которыя велись въ нашемъ правленіи, и въ числѣ коихъ однихъ денежныхъ было шесть! Меня, однако, утѣшалъ Палъ Палычъ, говорившій, что не такъ страшенъ чортъ какъ его малюютъ, и что единственныя вещи,

которыя надо хорошо знать—это веденіе денежныхъ книгъ, земское страхованіе отъ огня и составленіе призывныхъ списковъ на военную службу. Но я продолжалъ унывать, какъ вдругъ мой патронъ Ястребовъ противъ своей воли улучшилъ мое положеніе.

Однажды, вернувшись скорѣе, чѣмъ предполагалось, съ одной изъ своихъ поѣздокъ по волости, онъ засталъ меня на мѣстѣ преступленія, т.-е. разбирающимъ бумаги, подлежавшія исполненію. Съ сердцемъ взялъ онъ ихъ у меня и, бормоча какія-то ругательства, заперъ въ шкапъ, а потомъ напустился на бѣднаго Палъ Палыча, грозя, что онъ прогонитъ его, если онъ дозволитъ мнѣ еще разъ рыться въ бумагахъ. „Тутъ можетъ пропасть что-нибудь, а я отвѣчай за всякаго“.—Я рѣшилъ написать Столбикову, что не имѣю никакой возможности научиться чему-нибудь у Ястребова, что онъ мнѣ ничего не показываетъ, заставляя только дѣлать конверты. Послѣдствіемъ моего письма было приказаніе Ястребову—познакомить меня со всѣми дѣлами и съ веденіемъ денежныхъ книгъ; послѣ этого распоряженія, Ястребовъ сильно упалъ духомъ, пересталъ ломаться надо мной и хотя ничего не разъяснялъ, но позволялъ, сколько угодно, рыться въ книгахъ и дѣлахъ...

— Нажаловались на меня,—говорилъ онъ,—что я заставляю васъ одни конверты дѣлать...

— И конверты умѣть дѣлать не мѣшаетъ,—отвѣчалъ я ему въ тонъ;—но странно было бы, еслибъ я забрался къ вамъ за тысячу верстъ съ одною цѣлью—научиться дѣлать конверты!..

Такъ шли мои канцелярскія занятія; ну, а знакомство съ народомъ, изслѣдованіе его быта и проч.? Это, какъ я уже говорилъ, вполнѣ отсутствовало. Я, дѣйствительно, сблизился съ моими хозяевами настолько, что они перестали стѣсняться въ моемъ присутствіи, но въ послѣднее время моего пребыванія въ Демьяновскомъ я ихъ вовсе мало видѣлъ, потому что наступила уборка хлѣба, и они по цѣлымъ недѣлямъ, отъ воскресенья до воскресенья, проживали на полѣ, или, если и пріѣзжали домой, то только чтобы поужинать, лечь спать и на завтра встать часа въ два ночи и опять ѣхать на поле; съ другими же крестьянами я вовсе не могъ сходиться, потому что этому не представлялось никакихъ удобныхъ случаевъ. Въ волость всякій приходилъ за своимъ дѣломъ, крестился на образа, кланялся всѣмъ присутствующимъ и начиналъ говорить объ интересующемъ его предметѣ: чаще всего это была жалоба на кого-нибудь. Въ такомъ случаѣ слѣдовало подробное изложеніе обиды съ безчисленными отступленіями, прерываемыми нетерпѣливыми окриками писаря: „короче,

говори толкомъ,—въ чемъ же дѣло?“ Изъ словъ жалобщика всегда оказывалось, что обидчикъ его кругомъ виноватъ, что онъ воръ, мошенникъ и разбойникъ. Конечно, легко было замѣтить, что нѣкоторыя обвиненія черезъ-чуръ преувеличены и даже противорѣчать одно другому, такъ что весь разсказъ иногда казался сомнительнымъ, и приходилось съ горечью сознавать, что эти „разсказы изъ народнаго быта“ правильнаго понятія о самомъ бытѣ не дадутъ. Еще приходили брать паспорта, получать и вносить деньги, свидѣтельствовать росписки и проч.; словомъ, въ волости мы, служащіе, были заняты совершенно сухо-оффиціальнымъ дѣломъ, дававшимъ очень мало пищи для наблюденій. Когда же случалось, очень впрочемъ рѣдко, разговориться съ кѣмъ-нибудь, то лишь рѣчь заходила о народномъ бытѣ, разсказчикъ начиналъ обыкновенно говорить такъ: „извѣстно, — какъ лучше! Еще бы, какъ можно... А и такъ сказать, гдѣ-жъ намъ: мы народъ темный, а вы ученые... По маленьку, слава Богу“, — и проч. въ такомъ же отрывочно-непонятномъ родѣ. Сначала я думалъ, что именно моя личность и именно мое неумѣніе разговоры разговаривать производятъ такое отталкивающее впечатлѣніе на мужиковъ; но впослѣдствіи я убѣдился, что сюртучникъ и лапотникъ— два взаимноотталкивающихся элемента, и никакихъ общихъ интересовъ, по мнѣнію лапотника, въ данное время не имѣютъ; если же сюртучникъ представляетъ изъ себя хотя бы самое микроскопическое начальство, въ родѣ волостного писаря или письмоводителя станового, то всякій трезвый крестьянинъ старается по возможности укрыть все свое нутро, свои помыслы, желанія и надежды отъ взоровъ ненавистнаго племени, не умѣя въ представленіи своемъ отдѣлять личность отъ занимаемой ею должности, и думая обо мнѣ, напр., не какъ о человѣкѣ, Александрѣ Николаевичѣ, его кумѣ и проч., а непремѣнно какъ о писарѣ; пьяный же мужикъ нерѣдко ругается и придирается, вымещая на попавшемся ему поперекъ дороги сюртучникѣ старинныя обиды, когда-нибудь нанесенныя ему другими сюртучниками и „стрюцкими“. Эта любопытная особенность народной жизни, это многовѣковое убѣжденіе народное, что сословіе стрюцкихъ — особь статья, а „хрестьянскій народъ“—тоже особь статья,—этотъ камень преткновенія для интеллигенціи въ ея стремленіи къ сближенію съ лапотнымъ міромъ—будетъ еще долго служить тэмой для изслѣдованія и изученія, и я ограничиваюсь здѣсь только этимъ бѣглымъ указаніемъ на существующую испоконъ вѣка странную, на первый взглядъ, но совершенно понятную, съ народной точки зрѣнія, вѣковую сословную рознь.

Итакъ, приходилось довольствоваться тѣмъ матеріаломъ для наблюденія, какой представляли изъ себя волостные заправители и близко стоящій къ нимъ людъ. Писарь Ястребовъ былъ пришлый, хотя уже обжившійся въ Демьяновскомъ человѣкъ; происходилъ онъ изъ кантонистовъ и въ молодости былъ спеціально подготовляемъ къ писарской карьерѣ; затѣмъ служилъ двѣнадцать лѣтъ военнымъ писаремъ въ полковой канцеляріи и, наконецъ, получивъ, по случаю бѣльма на глазу, чистую отставку, — при помощи какого-то покровительствовавшаго ему начальства водворился въ Демьяновскомъ, гдѣ къ началу моего разсказа благополучно доживалъ девятый годъ. Характеристиченъ анекдотъ, который мнѣ о немъ разсказывали.

Когда онъ служилъ старшимъ писаремъ въ полковой канцеляріи, то на его, конечно, обязанности лежало писаніе отпусковъ, отставокъ и проч. Ни одинъ увольняемый не могъ миновать острыхъ когтей Ястребова, всегда умѣвшаго подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ—въ случаѣ непокорности солдатика — затянуть выдачу билета на недѣлю и больше; понятно, что всякій, желая поскорѣе вырваться изъ душныхъ казармъ на милую родину, отдавалъ послѣднее, лишь бы развязаться съ „старшимъ“.—„Прихожу это я,—повѣствуетъ одинъ солдатикъ, — въ канцелярію за билетомъ. Не готовъ,—говоритъ,—приходи завтра. Прихожу назавтра—не подписанъ, говоритъ. Что ты будешь тутъ дѣлать?.. Ажъ затосковался я; ну, товарищъ мой одинъ, — дай Богъ ему добраго здоровья, — и научилъ: „ты, говоритъ, поклонись старшому писарю, да и отблагодари его, а то недѣлю цѣлую npoмаешься“. А чѣмъ я его буду благодарить, когда у меня два двугривенныхъ всего и капиталу?.. Ну, всежъ-таки я не сробѣлъ, подхожу къ нему и говорю; такъ и такъ, Григорій Ѳедорычъ, ужъ вы меня не задержите!.. А онъ-то и спрашиваетъ: что дашь? Ничего у меня нѣтъ, говорю,—вотъ два двугривенныхъ на дорогу есть, да и всѣ тутъ. Покачалъ это онъ головой, посмотрѣлъ мнѣ на ноги,—и говоритъ: иди за мной. Пошелъ я. Приводитъ онъ меня къ себѣ на фатеру и говоритъ: скидай сапоги. Взяло меня тутъ сумлѣніе—Господи ты Боже мой, чтожъ это будетъ?—одначе снялъ.— Выбирай, говоритъ, изъ этихъ, какіе тебѣ по ногѣ... И показываетъ мнѣ — вдоль стѣнки паръ двадцать сапогъ стоятъ, и все худые, должно на рынкѣ самые что ни на есть дешевые выбиралъ.—Батюшка,—говорю,—да мнѣ триста верстъ идти, не выдержать эти-то!—Какъ хочешь,—говоритъ,—я не принуждаю. А самъ смѣется... Подумалъ я, подумалъ,—была не была—отдалъ ему свои сапоги — четыре съ полтиной по тогдашнимъ цѣнамъ

стоили,—новые какъ есть, и взялъ себѣ пару изъ его магазея: красная цѣна сапогамъ три четвертака!.. Ну, врать не хочу, благородно опосля этого онъ обшелся, въ тотъ же день и билетъ выдалъ, значитъ—ступай на всѣ на четыре стороны"...

Хищническіе инстинкты Ястребова, конечно, не замерли въ Демьяновкѣ, а только видоизмѣнились. Ни одно хлѣбное дѣло не проходило черезъ его руки безнаказанно: кабатчики и не являлись за засвидѣтельствованіемъ общественнаго приговора безъ большей, или меньшей—смотря по доходности кабака—мзды для Григорія Ѳедоровича; торговцы, при предъявленіи документовъ въ началѣ новаго года, также не забывали отблагодарить „нужнаго человѣчка"; всякіе приговоры, взысканія по исполнительнымъ листамъ, мало-мальски цѣнные иски въ волостномъ судѣ—все это оплачивалось извѣстнымъ % въ пользу Ястребова, — и благосостояніе его замѣтно росло. При тридцати-восьми рублевомъ жалованьи онъ ухитрялся хорошо одѣвать свое семейство изъ шести душъ, воспитывать старшаго сына въ прогимназіи и жить, вообще, въ достаткѣ. Я его засталъ строющимъ себѣ домъ о четырехъ комнатахъ среди села Демьяновскаго на общественной усадьбѣ, отведенной ему обществомъ въ награду за полезную службу—въ вѣчное пользованіе; нынѣ онъ преблагополучно уже жительствуетъ въ своемъ новомъ домѣ. Но какъ ясное солнце закрывается иногда тучами, такъ и въ безмятежномъ житьѣ Ястребова былъ ненастный періодъ: предшественникъ настоящаго старшины оказался человѣкомъ алчнымъ, властолюбивымъ и самостоятельнымъ. Съ самаго же начала его служенія у него пошли „контры" съ писаремъ: онъ пожелалъ перехватить тѣ куши, которые, по привычкѣ, плыли въ руки къ Ястребову; дѣло въ томъ, что прежніе старшины, смирные и безграмотные, были совершенно въ рукахъ у писаря и довольствовались тѣми лишь крупицами, которыя онъ находилъ нужнымъ отпускать имъ. Этотъ же старшина, Живоглотовъ, понадѣясь на свою грамоту и не умѣя соразмѣрять своего аппетита съ умѣніемъ жить, сталъ вырывать у Ястребова куски прямо изъ-подъ носу; тотъ тщетно старался его урезонить, бранился, ссорился, но все напрасно; наконецъ, послѣ года мученій, онъ рѣшился поддѣть самого старшину на удочку, что не было трудно,—въ виду разыгравшагося у Живоглотова аппетита. Благодаря стараніямъ Ястребова выплыло наружу дѣло о подложно составленномъ приговорѣ касательно сдачи кабаковъ въ селѣ Демьяновскомъ племяннику старшины; при другихъ обстоятельствахъ дѣло могло бы остаться шитымъ-крытымъ, — пришлось бы только раскошелиться, ведеръ

десять поднести обществу, да раздать главнѣйшимъ міроѣдамъ по синенькой. Но вступился Ястребовъ, донесъ, куда слѣдуетъ, дѣло выплыло наружу, и Живоглотовъ угодилъ на полтора года въ арестантскія роты. Ястребовъ торжествовалъ, будучи увѣренъ, что участь Живоглотова послужитъ урокомъ для будущихъ старшинъ,—однако ошибся нѣсколько въ разсчетѣ.

Дѣльцовъ новѣйшей формаціи можно сравнить съ полчищами не окрылившейся саранчи: раскладываютъ огни, копаютъ канавы, чтобы задержать ея ходъ—все напрасно; передовые гибнутъ ужасной смертью, но трупы ихъ тушатъ огонь и засыпаютъ канавы, и вторые ряды, не ужасаясь сценами видѣнной ими агоніи, бодро шествуютъ по ихъ тѣламъ къ намѣченной цѣли. Ссылки Митрофаніи, Овсянникова, Юханцева не испугали Рыкова, Мельницкаго и Свиридова; участь Живоглотова не устрашила преемника его, Матвѣя Иваныча, который хотя и не обладалъ безмѣрной алчностью Живоглотова, но тоже не любилъ упускать своего, и поэтому самому тоже сталъ въ несовсѣмъ пріязненныя къ Ястребову отношенія. Я скоро замѣтилъ ихъ антагонизмъ, тѣмъ болѣе, что старшина какъ будто заискивалъ немножко у меня, какъ у своего естественнаго союзника, и даже успѣлъ меня затянуть совершенно для меня не замѣтно въ интригу противъ писаря; интересы ихъ сталкивались, конечно, и ранѣе, но слѣдующій случай совершенно обострилъ ихъ взаимныя отношенія.

Въ одинъ прекрасный августовскій вечеръ обыкновенно безлюдная площадка передъ Волостнымъ Правленіемъ кипѣла народомъ: это собирался обычный въ это время года волостной сходъ для производства полугодового учета денежныхъ суммъ, обращавшихся въ правленіи (для несовсѣмъ знакомыхъ съ порядками крестьянскаго самоуправленія поясню, что волостной сходъ составляется изъ всѣхъ сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей и изъ выборныхъ крестьянъ по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ). Это былъ первый сходъ, на которомъ я присутствовалъ, и меня сильно интересовало имѣющее происходить. Группы выборныхъ по три и по пяти человѣкъ расположились въ тѣни растущихъ возлѣ зданія правленія акацій и лѣниво перекидывались отрывочными словами; у пожарнаго сарая стояли телѣги и лошади пріѣхавшихъ изъ сосѣднихъ деревень; хозяева задавали лошадямъ корму, не разсчитывая, очевидно, скоро возвратиться во-свояси; день былъ праздничный, не рабочій, и никто не роптал на невольный прогулъ. Лѣниво отдыхали измученные на лѣтней работѣ члены мужицкихъ тѣлъ, съ удовольствіемъ лежали владѣльцы

ихъ на спинѣ и поглядывали на чистое, голубое небо, сулившее славную уборку проса... Картина была бы идиллической, если бы не группа въ нѣсколько человѣкъ, очевидно побывавшихъ въ бѣлой харчевнѣ, и теперь задорно о чемъ-то переругивавшихся между собой; старосты, съ значками на груди, толпились въ канцеляріи и нетерпѣливо переминались съ ноги на ногу. Ястребовъ уже нѣсколько разъ спрашивалъ: „ну, всѣ?“ на что слышались отвѣты: „Подтыкинскаго старосты еще нѣтъ... Пѣтуховскій не пріѣзжалъ, кажись“... „Что врешь-то, Пѣтуховскій здѣсь!“ И то? Ку-быть [1]) нѣтъ“... „Анъ здѣсь, въ трахтирѣ“. Противникъ умолкалъ, не находя ничего страннымъ въ томъ обстоятельствѣ, что Пѣтуховскій староста одновременно можетъ присутствовать и здѣсь, и въ трактирѣ. Наконецъ старшина, нѣсколько разъ уже вспотѣвшій въ душной комнатѣ, измученный долгимъ ожиданіемъ Подтыкинскаго старосты, возгласилъ: „ну, выходите, да собирайтесь живѣе!“ и всѣ стали выходить наружу. Послѣднимъ вышелъ Ястребовъ съ кучей книгъ подъ мышкой: это были денежныя книги, которыя слѣдовало повѣрить. На крыльцѣ поставлены были столъ и два стула—для писаря и старшины. Ястребовъ сталъ громко выкликивать имена и фамиліи выборныхъ, отмѣчая по списку отсутствующихъ; по окончаніи переклички, сосчитавъ количество явившихся, онъ объявилъ, что сходъ полонъ, иначе сказать, что на немъ присутствуетъ болѣе половины всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса на волостномъ сходѣ.

— Теперь, господа старички,—продолжалъ онъ,—намъ надо повѣрить, т.-е. учесть суммы за полгода съ 1 января по 1-ое іюля. Такъ слушайте-же!

— Эй вы! Слушайте всѣ!—эхомъ повторилъ за нимъ старшина.

Ястребовъ сталъ читать заранѣе приготовленный приговоръ, въ которомъ, послѣ обычнаго вступленія, говорилось: ...„производили учетъ денежныхъ суммъ, обращавшихся въ нашемъ Волостномъ Правленіи, при чемъ оказалось: къ 1-му январю 1881-го года на лицо состояло волостныхъ суммъ 643 р. 23½ к., съ 1-го января по 1-ое іюля поступило на приходъ 1024 р. 89 к.; за это время израсходовано 1430 р. 65 к., такъ что къ 1-му іюля и т. д.;“ въ томъ же родѣ—относительно переходящихъ, мірскаго капитала, штрафныхъ суммъ и проч. Въ концѣ приговора значилось: „нашли произведенный расходъ правильнымъ, а потому поставили: утвердить его, въ чемъ и подписуемся“... По

[1]) „Ку-быть“—испорченное „какъ будто“.

прочтеніи этого документа, Ястребовъ громко спросилъ: „согласны? такъ, что ли?“ И старшина поддержалъ: „согласны?“—Десятка два голосовъ крикнуло: „согласны!“

— Може [1]), кто хочетъ книги, али суммы повѣрить?—спросилъ опять старшина, и на этотъ разъ Ястребовъ его поддержалъ:

— Подходите, господа, кто желаетъ!

— Ну, гдѣ тамъ!.. Стоитъ возжаться... Са-агласны!..

— Такъ подымайте руки:—крикнулъ старшина, и сотня рукъ, какъ бы принося какую-то клятву, поднялась къ голубому, безоблачному небу.

Такъ происходилъ учетъ, и, какъ послѣ я на личномъ опытѣ узналъ, онъ почти всегда и всюду такъ происходитъ; да это и понятно: гдѣ же выискаться изъ числа совершенно безграмотныхъ крестьянъ охотнику повѣрить шесть денежныхъ книгъ съ тысячными приходами и расходами? Это совершенно невозможно, и это отлично извѣстно, какъ самому сходу, такъ и волостнымъ, предлагающимъ сходу—„для формы“—учесть ихъ. Дѣйствительные-же учеты хотя и бываютъ, но, въ большинствѣ случаевъ, лишь при смѣнѣ одного старшины другимъ; тогда затрогиваются интересы вновь поступающаго старшины, и онъ, а не сходъ, съ помощью писаря, а иногда и посторонняго счетчика, которому довѣряетъ, старается точно опредѣлить ту сумму, которую ему слѣдуетъ получить съ рукъ-на-руки; вотъ при этихъ то не фиктивныхъ учетахъ и раскрываются растраты, влекущія за собой скамью подсудимыхъ и арестантскія роты. Обыкновенные же полугодовые учеты одна формальность, и никогда далѣе чтенія заранѣе написаннаго приговора и „дачи на него рукъ“ нейдутъ. Конечно явленіе это довольно печально, такъ какъ указываетъ на отсутствіе сознанія общественной солидарности и на господство нача́ла—„моя хата съ краю“ и „лишь бы мое при мнѣ“; но чтобы не слишкомъ сурово относиться къ Демьяновцамъ, я просилъ бы читателя сгруппировать на мгновеніе въ своей памяти все то, что было имъ читано или слышано объ „учетахъ“ нашихъ земствъ, думъ, акціонерныхъ компаній и благотворительныхъ учрежденій... Читатель непремѣнно долженъ припомнить и согласиться, что часто и очень часто учеты производятся въ указанныхъ учрежденіяхъ такъ же, какъ и на крестьянскихъ сходахъ: демьяновцы, не желая (и, замѣтьте,—почти не умѣя) контролировать свое начальство,—поднимаютъ руки, изъявляя этимъ

[1]) „Може“—испорченное „можетъ быть“.

согласіе на все, написанное въ приговорѣ, а мы—пайщики, гласные или члены благотворители, то же не находимъ возможнымъ нанести стоящему во главѣ дѣла Петру Иванычу или Ивану Петровичу личное оскорбленіе—провѣркой его счетовъ и отчетовъ. Подписано—и съ плечъ долой!.. „Пожалуйте хлѣба-соли откушать!..“ А демьяновцамъ говорятъ: „ставлю ведро!..“ Вотъ существеннѣйшая разница между нашими и ихъ сходками...

Послѣ учета произошелъ нѣкоторый перерывъ; стали шутки шутить и о своихъ дѣлахъ толковать; Ястребовъ любезничалъ съ десяткомъ выборныхъ, столпившихся около его стола.

— Вотъ сколько ихъ, книгъ,—все денежныя.

— Поди-жъ ты! Извѣстно, а мы что знаемъ...

— Да, большія тысячи берегу; потому что старшина вѣдь мною только и держится. Хоть сумма и у него на рукахъ, а онъ ее и счести порядкомъ не можетъ.

— Куда ужъ!.. Извѣстно, тутъ вѣдь тоже надо съ умомъ, а такъ пойди—сунься-ка!..

— Пріѣзжалъ намедни самъ губернаторъ, спрашиваетъ— „книги“! Я ему и выволокъ вотъ эту кучу, говорю „денежныя“, потомъ еще и еще кучу,—онъ и смотритъ, а я все таскаю...

— Хо-ох-хо-хо!.. Такъ-то!.. И смотритъ, говоришь?.. Должно, думалъ, то-ись про себя, а у насъ вѣдь не какъ нибудь: въ аккуратѣ значитъ... Ну, ловко!

— То-то въ аккуратѣ. Я стараюсь, ну и вамъ хорошо.

— Это конечно... Что и говорить!

— Я всегда ваше добро соблюдаю. Вотъ теперь скоро зима подойдетъ, опять училище топить надо будетъ,—а сколько вы соломы въ него пожжете? И напрасно совсѣмъ: въ немъ двѣ комнаты совсѣмъ лишнія, и печка въ нихъ особая, — ее тоже зиму-то протопить чего нибудь стоитъ. А вотъ пустили бы меня въ эти комнаты жить, я бы и печь эту топилъ; и вамъ бы барышъ, и меня бы уважили!..

— Это что! Это пустое!.. Намъ что,—убытка нѣтъ. Извѣстно, коли лишнія, отчего-же не жить?.. Только ты намъ, Григорь Федорычъ, поднеси могарычикъ, хоть полъ-ведра...

— Много, старички, не изъ чего: топка такъ большая будетъ, убытокъ одинъ. Четверочку могу...

— Ну, что изъ нея дѣлать,—бороды не обмочишь... Ты ужъ не жмись, поднеси старикамъ! Уважь, и мы тебя не забудемъ...

— Ну что-жъ, такъ и такъ. Только какъ общество?..

Одинъ изъ выборныхъ уже на веселѣ, шепнулъ что-то на ухо Ястребову, а потомъ что есть силы заоралъ:

— Старички, господа пятидворные! Послухайте сюда!

Шумный говоръ нѣсколько затихъ. Старшина, все время тоже бесѣдовавшій съ другой группой, съ неудовольствіемъ спросилъ кричавшаго:

— Ты чего глотку дерешь, идолъ? Чего надыть?..

— Я сейчасъ, Матвѣй Иванычъ. Я одно словечко... Такъ вотъ, старички, что я думаю: училища наша намъ одинъ убытокъ,—соломы кажинную зиму травимъ копенъ триста; шутъ ее знаетъ, куда идетъ такая прорва!.. А все потому, что хороминъ въ ней много залишнихъ, а на кой ихъ лядъ зря топить? Учительша, извѣстно, рада, что ей простору много,—ну, а намъ это не антиресъ. Теперь Григорій Федорычъ, писарь отъ себя желаетъ всю зиму двѣ хоромины отапливать,—ну чтобы ему и жить тамъ,—такъ какъ,—старички, согласны будете! Полведра жертвуетъ!.. особенно громко выкрикнулъ въ заключеніе ораторъ.

— Жалаимъ, жалаимъ!..—крикнуло съ полсотни человѣкъ и громче прочихъ тѣ избранные, которые передъ этимъ торговались съ Ястребовымъ.

Но тутъ внезапно вмѣшался въ дѣло старшина; онъ мгновенно стряхнулъ съ себя свою апатію и азартно сталъ выкрикивать, жестикулируя руками:

— Старики! это не въ порядкѣ, такъ нельзя!.. Какъ же теперь общественское зданіе, учоба тамъ, начальство разное наѣзжаетъ, и, къ примѣру, писарь поросятъ заведетъ, либо куръ?.. Не хорошо будетъ. Учительшѣ опять стѣсненіе—хоромину у ней отнять надо... Это не дѣло, я такъ печать прикладывать не буду! А въ мысляхъ у меня—надо сдѣлать вотъ какъ: у насъ таперь два магазея: новый ежели пустить подъ хлѣбъ, а старый перечинить и училище изъ него сдѣлать, онъ какъ разъ выйдетъ въ четыре покоя. А энто училище продать съ укціона, да на деньги, что выручимъ, и починить магазею. Такъ ли я говорю?..

— Такъ; это что-жъ!.. И такъ можно,—поддержало его съ десятокъ голосовъ.

— Не надо, не надо,—кричали въ другой сторонѣ. Опять деньги гноишь на чинку!.. Знаемъ ужъ, наслышались объ этимъ штукахъ довольно!..

— Дубина ты неотесанная! Ты пойми, чинить энто училище тоже вѣдь надо? А гдѣ денегъ возьмешь?..

— А ну те и съ училищемъ! Такъ вовсе его къ ляду!..

— Дубина, такъ дубина и есть!..

— Самъ съѣшь!..

— Брось его, что съ нимъ толковать...

— Старики,—Григорь Федорыча пустить.

— Пустить!.. Продать!.. Ну ихъ въ болото, пусть по старому остается!.. Пустить!.. Не надо.... Прода-ать!..

Писарь отошелъ въ это время въ сторону съ недавнимъ ораторомъ; они меня не замѣчали и жарко шептались.

— Ты не сумлѣвайся, Федорычъ,—али въ первое? Ставь, говорю, полведра, и вся недолга...

— Поставить не долго, да что выйдетъ-то?

— То и выйдетъ, что всѣ къ ней потянутся, а ты всѣхъ и пиши къ приговору.

— Ну, ладно; а вамъ потомъ, кто по-нужнѣй, особливый могарычъ.

— На этомъ спасибо...

Шепчущіеся уходятъ. Черезъ минуту я начинаю замѣчать, что крики постепенно стихаютъ, но не потому, что мужичьи глотки охрипли, а потому, что толпа стала быстро рѣдѣть, устремляясь по направленію къ „заведенію“, гдѣ поставлена была выговорная водка. Старшина гнѣвно махнулъ рукой и пошелъ въ волость; сходъ, такимъ образомъ, кончился.

Подвохъ въ этомъ дѣлѣ со стороны писаря былъ совершенно ясенъ: онъ пріобрѣталъ за полведра (ц. 2 р. 60 к.) удобную квартиру съ отопленіемъ,—потому что и маленькому даже понятно было, что писарь будетъ пользоваться безцеремонно училищнымъ топливомъ, и, самое большое, что истратитъ своихъ копны двѣ соломы—для отвода глазъ. Такое хищеніе общественнаго скуднаго пирога производилось на моихъ глазахъ еще въ первое, и я съ живѣйшей энергіей, достойной лучшей участи, принялся дѣйствовать противъ писаря, естественнымъ образомъ найдя въ старшинѣ горячаго союзника. Не зная оборотной стороны медали, я думалъ, что старшина такъ же, какъ и я, безкорыстно хочетъ рѣшить училищный вопросъ выгоднѣйшимъ для общества способомъ. Правда, я съ нимъ пытался спорить и доказывать, что невѣроятно, чтобы приспособленіе хлѣбнаго амбара подъ училище стало дешевле хотя бы и обстоятельнаго ремонта крытаго желѣзомъ училищнаго зданія, но слыша энергичныя возраженія старшины и не имѣя ни малѣйшаго понятія о стоимости ремонта, я долженъ былъ въ концѣ концовъ уступить.

Между тѣмъ Ястребовъ не дремалъ и уже написалъ приговоръ волостного схода относительно разрѣшенія ему занять двѣ училищныхъ комнаты, и двое изъ шестерыхъ грамотныхъ, бывшихъ на сходѣ, уже приложили руки къ этому приговору. Старшина, узнавъ объ этомъ, раскипятился и потребовалъ, чтобы при-

говоръ былъ уничтоженъ; онъ обѣщалъ во всякомъ случаѣ къ нему своей печати не прикладывать, что дѣлало de facto приговоръ недѣйствительнымъ. У него съ Ястребовымъ произошла по этому поводу крупная ссора.

— Еще погоди,—дай срокъ, увидимъ, чья возьметъ!—кричалъ старшина.

— Ладно,—не такихъ объѣзживали!

— Не объѣздишь... Подавишься!

— Не подавлюсь,—подтрунивалъ Ястребовъ.

Вскорѣ послѣ этого, какъ-то въ отсутствіи писаря, — старшина спросилъ у Палъ Палыча, гдѣ лежитъ приговоръ объ училищѣ?

Палъ Палычъ усердно щелкалъ на счетахъ.

— Эй, Палычъ,—оглохъ что-ли? Дай приговоръ говорю тебѣ.

— Эхъ, Матвѣй Иванычъ, — собьете, — некогда. Спросите вонъ у Александра Николаевича.

— Да я не знаю, гдѣ онъ,—замѣтилъ я.

— У Григорія Федорыча въ столѣ,—быстро отвѣтилъ Палъ Палычъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, стучать на счетахъ.

Я нашелъ между прочими бумагами приговоръ и, показывая его старшинѣ, спросилъ:

— На что онъ вамъ?

— А вотъ на что!.. и приговоръ, выхваченный у меня изъ рукъ оказался въ мгновеніе ока изорваннымъ въ клочки.

— Пусть теперь собираетъ руки, пусть теперь въ училище переходитъ: я его оттуда метлой...

Палъ Палычъ какъ бы и не слыхалъ шума отъ разрываемой бумаги и продолжалъ невиннѣйшимъ образомъ подводить итоги.

— Ахъ, зачѣмъ вы это!.. — вырвалось у меня. — Вы и такъ могли бы сдѣлать его недѣйствительнымъ: стоило бы только не прикладывать печати, созвать новый сходъ...

— Ну, эта музыка-то долга! Вотъ такъ-то лучше... Хо, хо!..

— Да вѣдь онъ можетъ новый написать.

— Нѣ-ѣтъ, не посмѣетъ! А то опять тоже... Жалься на меня, сколько влѣзетъ, а я не попущу!..

Старшина ушелъ; ушелъ и я чай пить, а Палъ Палычъ, къ удивленію моему, отъ чая отказался и продолжалъ неистово щелкать костяшками счетовъ. Я пилъ второй стаканъ, когда волостная пара подкатила Григорія Федорыча къ волости; вскорѣ затѣмъ изъ волости вышелъ Палъ Палычъ и присоединился къ моему самовару.

— Что это васъ нынѣ не дозовешься чай пить, Палъ Палычъ? Что вы тамъ экстренное считали?

— Мнъ... вѣдомость о хлѣбныхъ магазинахъ.

— Да вѣдь это къ 1-му числу, а нынче только 24-ое?..

— Такъ Григорій Федорычъ приказали.

Къ окну подходитъ десятскій и говоритъ:

— А. Н! въ волость идите, писарь требуетъ..

— Меня?...

— Васъ. Пожалуйте скорѣе.

— Ладно, вотъ допью стаканъ. Что это онъ меня зоветъ, Палъ Палычъ? Ни разу еще не бывало...

— Не знаю-съ, не знаю-съ, ангелочекъ мой! Да воскреснетъ Богъ, и расточатся... — мурлыкалъ Палъ Палычъ, равнодушно барабаня по столу своими короткими пальцами.

Только-что я перешагнулъ порогъ канцеляріи, какъ Ястребовъ, задыхаясь отъ злости, говорилъ:

— Отлично-съ, почтеннѣйшій, отлично-съ! Вѣрно въ Петербургѣ научились казенныя бумаги рвать?.. Шуры-муры съ старшиною разводить...

— Я и въ мысляхъ не имѣлъ рвать вашего приговора, а только досталъ его изъ стола по требованію старшины.

— Только достали, ха, ха!.. Не имѣли никакого права-съ доставать! Вы младшій, еще не утвержденный помощникъ, и не смѣете въ моихъ бумагахъ рыться! Вы такъ всѣ бумаги у меня съ старшиной порвете, а я отвѣчай за васъ!..

— Однако, Григорій Федорычъ...

— Что тамъ—Григорій Федорычъ! Знать я ничего не хочу-съ. Завтра же все Павлу Иванычу будетъ извѣстно,—пусть полюбуется...

— На кого изъ насъ любоваться-то будетъ,—сказалъ я и вышелъ изъ канцеляріи, чтобы не слушать расходившагося ненавистника.

Палъ Палыча ужъ не было дома: онъ куда-то успѣлъ уйти. Несомнѣнно было, что онъ счелъ своимъ долгомъ, въ видахъ самосохраненія, сообщить Ястребову, кто далъ старшинѣ приговоръ; понялъ я теперь, почему онъ такъ усердно щелкалъ на счетахъ, покуда я доставалъ приговоръ, а старшина рвалъ его. Поздно вечеромъ, когда я, уже отужинавъ, ложился спать, въ клѣтушку ко мнѣ ввалилась грузная фигура Палъ Палыча; онъ скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ на кучу сложенныхъ хомутовъ. Глаза его были мутны, лицо въ поту: онъ былъ жестоко пьянъ.

— Проклятый, проклятый, ястребъ кривой!.. Держитъ меня

въ когтяхъ, не вырвешься. И что ему отъ меня надо? Нѣтъ, погоди, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ... Я вѣдь свинья, ангелъ мой; ты не сердись на старика, на пьянаго дурака... Вѣдь боюсь я его,—безъ куска хлѣба оставитъ, на улицу выгонитъ! Боюсь, охъ боюсь, потому и свинья!..

Я старался заснуть, но не могъ, и потому поневолѣ слушалъ изліянія бѣднаго старика.

— Теперь Палъ Палычъ изъ чести вонъ, теперь онъ никому не нуженъ... А, бывало, возьмешь волостного голову за бороду,—мотаешь, мотаешь его, пока рука устанетъ, ну бросишь... Ястребовъ теперь помыкаетъ тобой, какъ старой шваброй. Терпи, дуракъ,—за то, что глупъ былъ! Сколько денегъ въ рукахъ бывало; ничего не сберегъ, все прахомъ пошло!.. Ну и терпи. А тоже вѣдь отъ короны служилъ, отъ ко-ороны,—въ четырнадцатомъ классѣ считался... Да, Ястребовъ, шалишь... Такъ-то!..

Бормотанія становились все тише и тише, и наконецъ, гость мой незванный громогласно захрапѣлъ. Утромъ, когда я проснулся, его уже не было: ушелъ, должно быть, чуть свѣтъ въ кабакъ,—на него нашелъ запой...

Быстро стали чередоваться „событія“ въ нашемъ Демьяновскомъ мірѣ. На другой день послѣ объясненія моего съ писаремъ, онъ привелъ свою угрозу въ исполненіе—отправился жаловаться къ Столбикову; я былъ совершенно увѣренъ, что Столбиковъ не обратитъ никакого вниманія на доносъ Ястребова,—но ошибся. Ястребовъ, вернувшись, сообщилъ мнѣ съ ехидной улыбкой, что „Павелъ Ивановичъ требуетъ меня къ себѣ для объясненія“. Я не ожидалъ такого пассажа, но дѣлать было нечего, и я отправился на допросъ; обидно было, что доносу Ястребова придано значеніе.

Славянофильствующій начальникъ мой принялъ меня на этотъ разъ гораздо холоднѣе, чѣмъ въ предъидущій, и хотя предложилъ мнѣ сѣсть, но самымъ начальнически-небрежнымъ тономъ. Я передалъ ему исторію объ училищѣ, пассажъ съ приговоромъ, и неожиданно получилъ замѣчаніе:

— Видите ли, Старковъ, я предупреждалъ васъ, что вы входите въ новый міръ, гдѣ существуютъ свои обычаи и нравы...

— Да помилуйте, Павелъ Ивановичъ,—какіе это обычаи! Это просто явное хищеніе...

— Мм... Хищенія я тутъ не вижу; Ястребовъ у меня на отличномъ счету, и то̀, что онъ дѣлаетъ, пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ... Вы же сразу стали

въ такія рѣзкія съ нимъ отношенія, что ужиться вамъ будетъ уже трудно.

— Не трудно, а невозможно, и я покорнѣйше прошу васъ, Павелъ Ивановичъ, перевести меня куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Хорошо, я подумаю.

Если я ошибся въ разсчетахъ относительно доноса Ястребова, то и онъ ошибся относительно результатовъ моего объясненія съ Столбиковымъ. Впослѣдствіи, посвященный въ тайны нашего уѣзда, я узналъ, что Ястребовъ первый фаворитъ Столбикова, и что не было примѣра, чтобы какая-нибудь кляуза, пущенная Ястребовымъ, оставалась безъ всякихъ послѣдствій. На этотъ же разъ все дѣло кончилось тѣмъ, что я черезъ недѣлю получилъ увѣдомленіе отъ Столбикова объ открывшейся въ Кочетовской волости ваканціи на мѣсто волостного писаря, и что я могу ѣхать туда принимать должность. Но Ястребовъ все-таки торжествовалъ: я, какъ неудобный сожитель, былъ отъ него убранъ. Въ виду моего сомнительнаго пораженія, онъ сильно помягчѣлъ передъ моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что я становился теперь ему товарищемъ; онъ мнѣ обязательно давалъ указанія, какъ принимать должность, расхваливалъ мѣсто въ Кочетовѣ и въ заключеніе ехидно добавилъ:

— И знаете, что я вамъ скажу, Александръ Николаевичъ: не суйтесь никогдà въ воду, не спросясь броду, особенно въ незнакомыхъ мѣстахъ. Вы у насъ человѣкъ новый, нашихъ порядковъ и дѣловъ не знаете, и хотите съ налету разсудить, кто правъ, кто виноватъ. Вотъ вамъ не-посердцу пришлось, что я хотѣлъ двумя училищными комнатами воспользоваться, и на этомъ основаніи стали тянуть руку старшины. А этого, небось, не знали, что онъ шелъ противъ меня только потому, что мѣтилъ не на двѣ комнаты, а на все училище?..

— Это какимъ родомъ?..

— Очень просто-съ. Училище стоитъ на базарѣ, на самомъ бойкомъ мѣстѣ; вотъ ему и хотѣлось передѣлать старый амбаръ подъ новое училище, старое же училищное зданіе вмѣстѣ съ мѣстомъ—купить съ торговъ,—а онъ, покуда старшиной, купилъ бы его за-дарма,—да и перевесть туда харчевню, которую содержитъ на имя свояченицы... Поняли-съ?

Да, я понялъ—и устыдился своей „непрактичности"...

VI.

Съ очень понятнымъ чувствомъ тревоги подъѣзжалъ я къ селу Кочетову. Вотъ мѣсто, гдѣ я долженъ былъ стать лицомъ къ лицу съ „народомъ", вотъ арена, на которой я впервые могу употребить свои силы и знанія на помощь трудящимся и обремененнымъ, вотъ близка разгадка мучившихъ меня сомнѣній и недоумѣній... Теперь все зависитъ отъ меня и только отъ меня; съумѣю я воспользоваться обстоятельствами, съумѣю я понять и быть понятымъ,—и мое внутреннее „я" освѣтится ровнымъ, спокойно-сознательнымъ свѣтомъ; не съумѣю—и опять хаосъ представленій, смѣшеніе понятій...

Село Кочетово раскинулось двумя длинными рядами дворовъ версты на три; подъ селомъ протекаетъ небольшая, лѣтомъ почти пересыхающая рѣчка; въ низинахъ, близъ рѣчки, ростетъ мѣстами тощая ольха, а кругомъ, въ другія три стороны, тянутся, покуда глазъ хватитъ,—поля, поля и поля. Не на чемъ остановиться глазу поотдохнуть; нѣтъ уютныхъ, прелестныхъ лѣсныхъ ландшафтовъ, такъ изобильно разбросанныхъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи; природы здѣсь какъ-будто нѣтъ,—есть только матеріалъ для земледѣльческаго труда—черноземъ. Мнѣ, коренному жителю сѣвера, привыкшему къ нашимъ дремучимъ лѣсамъ, освѣщеннымъ кое-гдѣ ясно смѣющимися полянами, прорѣзанными прихотливыми изгибами, неумолчно журчащаго ручейка,—мнѣ очень скучны казались и мѣстность, и люди, и даже само солнце того края, куда забросилъ меня порывъ своенравной судьбы. Уже три года живу я здѣсь среди голыхъ полей, но не могу забыть поэтическихъ картинъ моей родины; знакомство же съ людьми, живущими на этихъ безбрежныхъ поляхъ, еще болѣе укрѣпило во мнѣ антипатію къ этимъ равнодушнымъ, тупо-самодовольнымъ, жирнымъ полямъ. Люди здѣсь гораздо жестче и безсердечнѣе, чѣмъ у насъ на сѣверѣ; въ нихъ нѣтъ поэтической жилки,—мать-природа не научила ихъ пониманію прекраснаго и изящнаго; не слышно здѣсь пѣсенъ, кромѣ безсмысленнаго визжанія дѣвокъ и бабъ, одѣтыхъ безвкусно-пестро, съ громадными золочеными треугольными головными уборами; нѣтъ здѣсь ни сказокъ, ни былинъ нашего сѣвера; нѣтъ игръ и забавъ нашей удалой молодежи. Жеваніе сѣмячекъ подсолнуха, да кулачные бои—единственное развлеченіе въ праздничные дни; самая обыкновенная изъ забавъ—горѣлки, не говоря уже о хороводахъ—здѣсь не-

извѣстны. Соберутся дѣвки у кабака въ кучу и начнутъ визжать что-то непонятное съ припѣвомъ: ай-ле-ли, ле-ли,—а парни либо сидятъ въ кабакѣ и учатся у старшихъ глотать водку, либо забавляются угощеніемъ другъ друга пинками и подзатыльниками... Старшіе, т.-е. домохозяева-мужики — народъ сухой, узко-положительный; за все это время мнѣ не случилось ни разу натолкнуться на человѣка, живущаго не исключительно мыслью о рублѣ, а интересующагося хоть чѣмъ-либо умственнымъ. Сѣверный мужикъ имѣетъ свое міросозерцаніе, свое толкованіе, подчасъ поэтическое, для разнообразнѣйшихъ явленій жизни; его занимаютъ и тайны природы, и чудеса мірозданія, и вопросы вѣры; встрѣчаются поэтическія натуры, обезсмертившіяся въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ нашей литературы; есть аскеты, фанатики, люди мысли, люди убѣжденія—есть народная интеллигенція;—въ Кочетовѣ и на тридцать верстъ кругомъ, т.-е. насколько я знаю эту мѣстность,—нѣтъ ея: все здѣсь живетъ рублемъ и изъ-за рубля. А, между тѣмъ, народъ здѣсь вдвое и втрое богаче тверитянина или новгородца; казалось бы, что ему представляется больше досуга для работы мысли, потому что онъ не такъ забитъ нуждой, какъ сѣверянинъ, и можно было бы ожидать, что онъ разовьетъ въ себѣ разумъ настолько, насколько никогда не развить его новгородцу съ вѣчно болѣзненно-раздутымъ брюхомъ отъ мякины пополамъ съ осиновой корой... Но это ошибка: воронежецъ гораздо тупоумнѣе, гораздо ограниченнѣе потомковъ тѣхъ неспокойныхъ людей, которые ватагами ходили извѣдывать новые края, потѣшить раззудѣвшуюся молодецкую руку,—а дома у себя изгоняли нелюбаго князя, приглашая другого, и долѣе другихъ племенъ отстаивали отъ алчности и властолюбія татарскихъ данниковъ свое могучее, вольное вѣче!.. Скучный край, скучные люди! Будто большая фабрика для добыванія хлѣба раскинулась на сотни верстъ, и снуютъ по этой фабрикѣ суетящіеся люди, всѣ помыслы которыхъ устремлены на созданіе возможно большаго количества хлѣба... Мнѣ впослѣдствіи еще придется касаться печальнаго факта почти полнаго отсутствія внутренней, душевной жизни въ населеніи этой мѣстности, и я не стану здѣсь подробно разсказывать, какъ и почему я во все время пребыванія моего въ Кочетовѣ не могъ сродниться съ окружающимъ, и какъ я оставался чужимъ, временнымъ гостемъ между чуждыми мнѣ, несимпатичными людьми, въ чуждой, несимпатичной обстановкѣ.

Кочетовская аристократія приняла меня, хотя нѣсколько недовѣрчиво, но несравненно любезнѣе, чѣмъ Демьяновская; оно и

понятно, потому что разница между волостнымъ писаремъ, человѣкомъ всегда сравнительно достаточнымъ, и помощникомъ его, едва зарабатывающимъ на хлѣбъ—огромная; кромѣ того, должность писаря такова, что и не мужики имѣютъ до него часто дѣло: торговцы и кабатчики—дѣла съ документами, попы—страхованіе домовъ своихъ, получка писемъ и газетъ; частные землевладѣльцы, кромѣ этого,—еще заключеніе условій съ рабочими, взысканія за потравы и проч. Понятно, что пріѣздъ мой всѣхъ заинтересовалъ; стоустая молва, далеко забѣжавъ впередъ, уже разгласила, что новый писарь — столичный житель, бывалый, человѣкъ, знакомый со всѣми мѣстными тузами, словомъ,—писарь, какихъ еще не видали. Предшественникъ мой не пользовался ни авторитетомъ, ни властью: онъ очень недолго прослужилъ на этомъ мѣстѣ, что-то около полугода, и имѣлъ громадное пристрастіе къ пиву, почему и благодушествовалъ постоянно съ разными просителями и жалобщиками въ „Центральной бѣлой харчевнѣ", помѣщавшейся какъ-разъ противъ волости. Только-что выслушаетъ онъ одного жалобщика и выпьетъ при этомъ, конечно, на его счетъ—смотря по важности жалобы—бутылку или двѣ пива,—только-что придетъ въ канцелярію, чтобы, для очистки совѣсти, поводить перомъ по бумагѣ, какъ вдругъ какой-нибудь мѣстный тузикъ зоветъ его: „на два слова—дѣльце есть". Непремѣнными аттрибутами „дѣльца"—новыя двѣ бутылки пива—и прощай всѣ дѣла! Однажды передъ волостнымъ сходомъ, бесѣдуя въ „Центральной" то съ однимъ, то съ другимъ, онъ такъ набесѣдовался, что растянулся, и никакія совокупныя усилія старшины и сторожа не могли его привести въ чувство... Сходъ собрался, а дѣло не дѣлается; какъ тутъ быть? Порѣшили, что помощникъ его будетъ читать бумаги; но вдругъ другая бѣда: любитель пива задѣвалъ куда-то ключи отъ шкафа; пришлось ломать замокъ. Между тѣмъ, собравшимся надоѣло ждать безъ дѣла, и они стали допытываться о причинахъ задержки; узнавъ таковыя и воочію убѣдившись, что „первый министръ" лежитъ мертвымъ тѣломъ въ аптекѣ на кровати—сходъ воспользовался этимъ случаемъ,—скинулъ изъ писарского жалованья 10 руб., а помощнику набавилъ два руб., за что получилъ отъ него полведра водки; такимъ образомъ, писарское жалованье, въ моментъ моего поступленія, равнялось 25 рубл. въ мѣсяцъ. Наконецъ, одинъ „злосчастный случай", — какъ выражался мой предмѣстникъ— окончательно доканалъ его: 5-го числа каждаго мѣсяца всѣ старшины и писаря этого уѣзда собираются въ крестьянское присутствіе для полученія приказаній, выговоровъ и проч. Поѣхали

4-го сентября и кочетовскіе заправители; однако, къ засѣданію присутствія явился одинъ старшина, а писаря, какъ на грѣхъ и потребовали. „Гдѣ писарь?“ —Не могу знать-съ; пріѣхалъ со мной, да и сгибъ куда-то, — отвѣчалъ старшина. Писаремъ были уже давно недовольны, этотъ же случай переполнилъ чашу: его во мгновеніе ока отрѣшили. А съ милымъ человѣкомъ случилась непріятная оказія, помѣшавшая ему явиться въ присутствіе: возвращаясь поздно вечеромъ отъ пріятеля, обильно угощавшаго его пивомъ, онъ прилегъ въ одномъ изъ городскихъ скверовъ отдохнуть—и проснулся безъ пальто, шапки и сюртука, вслѣдствіе чего попалъ въ часть...

Конечно, ко мнѣ, какъ невольному, но осязательному виновнику его несчастія, онъ не могъ не относиться безъ нѣкотораго раздраженія, но я скоро смягчилъ его полдюжиной пива и за это имѣлъ удовольствіе быстро и безпрепятственно принять всѣ дѣла. Думалъ я было провѣрять ихъ по описи, но порѣшилъ принять ихъ такъ, какъ они есть,—все равно—упущеній, если таковыя имѣются, по неопытности, сразу не замѣтишь, а если ихъ нѣтъ, то тѣмъ лучше для меня; такимъ образомъ, вся передача дѣлъ заключалась, собственно говоря, въ передачѣ мнѣ связки ключей отъ шкаповъ, гдѣ хранились текущія и архивныя дѣла.

Старшины не было въ Кочетовѣ, когда я пріѣхалъ. Онъ уѣхалъ производить раскладку податей, какъ мнѣ сказали; впрочемъ, я изъ этого немного понялъ, такъ какъ ни о какихъ раскладкахъ отъ Ястребова не слыхалъ. Первый день я проискалъ квартиру; во второй день сталъ знакомиться съ бумагами, требующими исполненія: оказалась ихъ масса, мѣсяца по два и по три лежали неисполненными. Вечеромъ, часовъ въ семь, слышу подъѣзжаютъ къ крыльцу съ колокольчиками. Старшина,—думаю. Дѣйствительно, входитъ мужчина въ полушубкѣ, лѣтъ 35, рыжій и юркій, съ начальническими замашками (кричитъ: „сторожъ, достань тамъ изъ тарантаса мой халатъ“).

— Здравствуйте,—говорю.—Новый писарь.

— Слыхалъ, слыхалъ. Что-жъ, въ добрый часъ!

Помолчали; онъ пытливо смотритъ на меня, я шуршу бумагами. Молчаніе становится тягостнымъ.

— Куда ѣздили?—спрашиваю, чтобы не безмолствовать.

— Раскладку ѣздили-съ дѣлать съ Ѳедотычемъ — сельскій писарь у насъ такъ прозывается. Запустилъ нашъ соколъ ясный: у добрыхъ людей весной все кончается, а мы только осенью, Господи благослови, зачинаемъ.

— Да, это нехорошо.

— Нехорошо, что и говорить. А вы раскладку умѣете дѣлать?

— Какъ вамъ сказать,—конечно, съумѣю, хоть и не приходилось еще дѣлать; надо присмотрѣться; но теперь вотъ бумаги все исполняю запущенныя, такъ вы ужъ съ Θедотычемъ продолжайте ѣздить, а я ему за труды заплачу.

Посмотрѣлъ онъ на меня и говоритъ:

— А чай пили уже—не знаю, какъ васъ назвать?..

— Зовутъ Александромъ Николаевичемъ. А васъ?

— Яковъ Иванычемъ.

— Такъ нѣтъ, Яковъ Иванычъ,—не пилъ еще.

— Что-жъ, пойдемте?

— Пожалуй, пойдемте для перваго знакомства.

Долженъ сказать нѣсколько словъ о любопытной, въ своемъ родѣ, личности Якова Иваныча. Онъ далеко не походилъ на господствующій типъ старшинъ-міроѣдовъ, добивающихся этой должности лишь для лучшаго обдѣлыванія своихъ торгово-промышленныхъ предпріятій; онъ былъ совершенная противоположность и Живоглотову, и Матвѣю Иванычу. Причина такого уклоненія отъ общаго типа коренилась отчасти въ его личномъ характерѣ, преимущественно же въ его семейномъ положеніи: въ то время, какъ большинство старшинъ вмѣстѣ съ тѣмъ старшіе въ своей семьѣ, домохозяева и, слѣдовательно, безконтрольно завѣдующіе всѣмъ своимъ хозяйствомъ, Яковъ Иванычъ былъ вторымъ сыномъ у старика-отца, чистокровнаго земледѣльца, державшаго еще въ своихъ рукахъ бразды домашняго правленія. Отсюда вытекало то обстоятельство, что Яковъ Иванычъ былъ человѣкъ какъ бы подначальный, и голосъ его въ семейскихъ дѣлахъ не имѣлъ большого значенія, такъ какъ первенство въ семьѣ принадлежало отцу и, отчасти, старшему брату; такимъ образомъ, кулаческіе инстинкты, если бы они и были въ Яковѣ Иванычѣ, не могли бы развиться и быть примѣнены къ дѣлу безъ согласія этихъ двухъ старшихъ членовъ семьи.

Въ самомъ дѣлѣ, — представимъ себѣ, что старшинѣ, благодаря его вліянію на какое-нибудь сельское общество, представляется возможность почти задаромъ снять участокъ общественной земли; будь онъ домохозяиномъ, не будь онъ подъ началомъ, — онъ навѣрно не устоялъ бы отъ искушенія и воспользовался бы представлявшимся случаемъ ухватить жирный кусокъ пирога; но, какъ младшій членъ семьи, — онъ можетъ снять эту землю лишь съ согласія старшихъ въ семьѣ, которые, очень можетъ быть, отъ этого лакомаго куска и откажутся, потому что имъ,

не начальникамъ, заурядным мірянамъ, черезъ-чуръ ужъ зазорно было бы отъ общества пахать и бороновать на его глазахъ украденный у него участокъ земли. Торговаго или какого-нибудь промышленнаго дѣла Яковъ Иванычъ также не можетъ вести безъ согласія своихъ старшихъ на ихъ капиталы, а своихъ у него не было по той причинѣ, что изъ 240 рублеваго годового жалованья, получаемаго имъ въ должности старшины,—онъ обязанъ былъ вносить „въ семью“ 200 руб.; принципъ родового начала такъ еще могучъ, что Яковъ Иванычъ не смѣетъ и протестовать противъ такого деспотизма родителя, а остающихся 40 рублей, даже плюсъ, примѣрно, 60 руб., получаемыхъ въ годъ „безгрѣшныхъ благодарностей“, черезъ-чуръ было мало для начатія собственнаго дѣла, и едва-едва хватало ему на поддевки, сапоги, гостинцы женѣ и тому подобныя мелочи. Я безошибочно могу сказать, что за пять лѣтъ своего старшинства (я засталъ его служащимъ второе трехъ-лѣтіе) онъ скопилъ себѣ не болѣе 150 рублей, которые, благодаря его добродушію, рѣдко лежали у него въ карманѣ, а чаще всего ходили малыми партіями по рукамъ его хорошихъ пріятелей,—богатыхъ, умственныхъ мужиковъ, сельскихъ торговцевъ и проч., которымъ требовалось иногда до зарѣзу 25—50 р., чтобы временно обернуться, сдѣлать какой-нибудь оборотъ; процентовъ за эти пріятельскія ссуды Яковъ Иванычъ не бралъ, а довольствовался угощеніями въ „Центральной харчевнѣ“. Характеръ у него былъ веселый, общежительный; говорить онъ любилъ до страсти, и, за неимѣніемъ лучшей компаніи, готовъ былъ по часу разговаривать съ какой-нибудь бабой или мужикомъ, пришедшимъ въ волость жалобиться о своихъ кровныхъ обидахъ. Говоритъ онъ, говоритъ съ этой бабой, разспроситъ и о родныхъ ея, и о сосѣдяхъ, подробно обсудитъ ея обиду и вдругъ, въ то самое время, когда баба, подкупленная ласковымъ обращеніемъ, уже начинаетъ вѣрить, что все немедленно будетъ сдѣлано, какъ по щучьему велѣнію, т.-е. обидчикъ ея посаженъ въ холодную, а осминникъ земли отобранъ у него и возвращенъ ей,—въ это самое время вдругъ входитъ въ волость какой-нибудь богачъ-мужикъ или сосѣдній приказчикъ.

— Якову Иванычу добраго здоровьица! Какъ живете-можете?

— Благодаримъ, благодаримъ, Афанасій Козьмичъ,—какъ вы себѣ поживаете? Что давненько не видать?..

— Слава Богу... (понижая голосъ) тутъ дѣльце есть одно, — пойдемъ чайку попить?..

— Что-жъ, пойдемъ.

Беретъ шапку и направляется къ двери; баба за нимъ.

— Батюшка, Яковъ Иванычъ!.. Что-жъ о моемъ дѣлѣ-то ничего не приказалъ? Что-жъ ты суда-то мнѣ никакого не далъ?..

— Ахъ ты разумница, разумница! Какой же я судъ тебѣ могу дать? Я не судья, а старшина. Ступай вонъ къ писарю, проси записать жалобу на Егорку, онъ те законы покажетъ и въ воскресенье на судъ его вызоветъ,—ну, тамъ и разберутъ ваши дѣла. А то нешто я судья,—ну сама ты посуди?..

Афанасій Козьмичъ теряетъ терпѣніе и вопрошаетъ.

— Яковъ Иванычъ, скоро ли ты?

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Такъ ты ступай, запиши у писаря жалобу; поняла?

— Да какъ же, батюшка, Яковъ Иванычъ...

Но Яковъ Иванычъ уже шествуетъ съ Козьмичемъ въ „Централку", горячо о чемъ-то разсуждая и размахивая руками.

Нужно правду сказать, что Яковъ Иванычъ очень часто посѣщалъ „Центральную харчевню", и навѣрно добрую четверть своего старшинства проводилъ въ ея гостепріимныхъ стѣнахъ; но и этого нельзя ставить ему въ серьезный укоръ. Дома онъ не любилъ бывать, потому что его не считали тамъ за старшину: „ты у меня потолкуй еще", — кричалъ на него отецъ, — „я те виски такъ оттреплю, даромъ что ты старшина,—до новыхъ вѣниковъ не забудешь". И только-что онъ пріѣдетъ домой, его то на мельницу пошлютъ, то цѣпъ въ руки сунутъ, то топоръ (до старшинства онъ былъ плотникомъ и даже хаживалъ въ артеляхъ); поэтому домой въ свое село, отстоявшее верстъ на пять отъ волости, онъ ѣзжалъ или только на праздники,—чтобы хорошенько пообѣдать, или ночевать къ женѣ, и въ послѣднемъ случаѣ приказывалъ прислать за собой лошадей пораньше на другое утро и возвращался опять въ Кочетово. Но въ волости, если тамъ не случалось собесѣдниковъ, ему рѣшительно нечего было дѣлать: онъ былъ безграмотенъ, и вся волостная канцелярщина проходила мимо него, не задѣвая; печать, замѣнявшая его подпись, всегда хранилась въ шкапу у писаря, и почти всѣ бумаги получались, исполнялись и отправлялись безъ его вѣдома. Бывало, въ почтовый развѣ день спроситъ: „ну что, не пришелъ штрахъ отъ исправника за подати?". И когда „штраха" не оказывалось, то онъ или заваливался спать на диванъ, или „балакалъ" [1]) съ жалобщиками, а, за неимѣніемъ таковыхъ, и съ десятскими, или же, соскучившись этимъ безцѣльнымъ балаканьемъ, шелъ коротать время въ „Централку". Иной разъ чуть не нарочно придумаешь

---

[1]) „Балакать"—синонимъ—болтать, балагурить.

какое-нибудь дѣло, чтобы онъ только не болтался и не мозолилъ глазъ.

— Яковъ Иванычъ, — въ Подбережномъ Архипъ Ѳедулычъ просилъ застраховать новую ригу, такъ ты бы съѣздилъ. — Или: Яковъ Иванычъ, что это у насъ въ Ольховкѣ подати совсѣмъ стали,—ты бы понавѣдался...

И Яковъ Иванычъ радъ-радешенекъ предлогу взять лошадей и поѣхать къ Ѳедулычу, у котораго рига могла бы быть застрахована и сельскимъ старостой, или въ Ольховку, гдѣ его пріѣздъ не страшенъ, потому что вся забота о податяхъ кончится двухчасовымъ „балаканьемъ" съ старостой у какого-нибудь кума за самоваромъ и полуштофомъ водки. Впрочемъ, когда отъ исправника приходила угроза наложить штрафъ за медленное поступленіе податей, то Яковъ Иванычъ въ теченіе нѣсколькихъ дней выказывалъ кипучую дѣятельность: леталъ изъ села въ село, ругался съ старостами, сажалъ двухъ, трехъ недоимщиковъ, для острастки, въ холодную, уставалъ къ вечеру, какъ гончая собака, и, наконецъ, опять мало-по-малу успокаивался до новаго циркуляра исправника.

Одно было нехорошо въ Яковѣ Иванычѣ: очень онъ ужъ робѣлъ передъ всякимъ „начальствомъ", будь это хоть акцизный надзиратель или судебный приставъ. Когда, бывало, кто-нибудь изъ похожихъ на начальство останавливался въ волости для чаепитія во время смѣны лошадей, то Яковъ Иванычъ чуть не самъ ставилъ самоваръ и бѣгалъ со стаканами и блюдцами. Я старался, по возможности, убѣдить его въ неприличности его поведенія, упрашивалъ его держаться съ бо̀льшимъ достоинствомъ, но онъ односложно отвѣчалъ:

— Вѣдь стрескаетъ!..

— Да зачѣмъ же онъ тебя стрескаетъ, если не ты будешь стаканы подавать? Вѣдь на это сторожъ есть?.. А если и вздумаетъ стрескать, то ты, во-первыхъ, этимъ подслуживаньемъ его не умаслишь, а во-вторыхъ, онъ даже смѣлѣе будетъ трескать, потому что увидитъ, какая ты баба... Другого еще побоится, — пожалуй, отпоръ получитъ, а тебя ужъ церемониться не будетъ...

— Такъ-то оно такъ, а все-таки—членъ...

Однако, благодаря моимъ насмѣшкамъ и убѣжденьямъ, Яковъ Иванычъ началъ по-немногу переставать лично подавать стаканы, и только покрикивалъ на сторожа:—Эй, Петровичъ, живѣй тамъ поворачивайся!.. И то былъ прогрессъ.

Такъ вотъ каковъ былъ, въ общемъ, мой ближайшій начальникъ, Яковъ Иванычъ.

VII.

Въ нашей волости, какъ и въ большинствѣ другихъ,—издавна существуетъ правило для сельскихъ старостъ собираться каждое воскресенье для составленія такъ-называемаго въ „Общ. Положеніи“ волостного правленія. Но уже самимъ „Положеніемъ“ обязанности этого правленія ограничены одними пустыми формальностями: каждое 1-ое число приложить печати къ денежнымъ книгамъ въ доказательство произведеннаго будто бы учета, который, за неграмотностью членовъ правленія, никогда не производится; назначить день для продажи съ торговъ имущества какого-либо неплательщика, дать старшинѣ довѣренность на полученіе съ почты денежнаго пакета—и только. Единовременный же созывъ старостъ тѣмъ удобенъ, что при этомъ гораздо легче исполнять присылаемые въ волость разнаго рода порученія и запросы отъ начальствующихъ мѣстъ и лицъ. Старостамъ въ этотъ день читаются начальническія предписанія, относящіяся до всѣхъ, или до одного изъ нихъ, выдаются повѣстки отъ мирового судьи и на волостной судъ, дѣлается распоряженіе о высылкѣ въ волость лицъ, до которыхъ есть дѣло, назначаются дни для созыва сельскихъ сходовъ, если есть надобность въ нихъ, и проч., и проч. Въ это же время и старосты спрашиваютъ указаній по разнымъ возникшимъ въ ихъ обществахъ недоразумѣніямъ и вопросамъ: какъ поступить съ такимъ-то недоимщикомъ, что дѣлать по случаю несогласія, возникшаго при дѣлежѣ имущества двумя братьями, надо ли выбрать опекуна къ оставшимся послѣ смерти мужика сиротамъ, и можно ли посадить въ холодную подравшихся на сходкѣ двухъ сватовъ... Вопросовъ масса, и самыхъ разнообразныхъ; въ старину, громадное большинство ихъ безапелляціонно рѣшалось міромъ, и дѣла, въ родѣ дракъ, раздѣловъ и опеки никогда не доходили даже до волости, не говоря уже до высшихъ административныхъ мѣстъ и лицъ; но теперь, въ періодъ всеобщей централизаціи, когда власть и авторитетъ „стариковъ“ и міра почти совсѣмъ пали, когда послѣдній пьяница-прощалыга узналъ отъ „вѣрнаго человѣка“, что „по закону“ можно идти и противъ міра, и что міръ часто остается „по закону“ виноватымъ, что на „стариковъ“ есть управа въ волости, а на волость можно найти расправу въ городѣ, — теперь почти всѣ, даже самыя ничтожныя мірскія дѣла доходятъ до волости, и порядочный процентъ изъ нихъ передается выше—въ города. Въ виду этого, въ виду опасенія, какъ бы „въ отвѣтъ не попасть“, старосты отка-

зываются отъ имѣющейся у нихъ даже „по закону" власти, и о всякомъ дѣлѣ совѣтуются съ волостью, чтобы этимъ санкціонировать свои распоряженія; волость же, т.-е. старшина и писарь, тоже изъ опасенія взысканій со стороны „города", стараются о возможно меньшемъ личномъ участіи своемъ въ разнаго рода дѣлахъ, и потому—взгляните, какъ завалены прошеніями и жалобами канцеляріи крестьянскаго присутствія, непремѣннаго члена, исправника и мировыхъ судей! Посмотрите, какая масса дѣлъ разбирается въ волостныхъ судахъ,—дѣлъ самыхъ ничтожныхъ и кляузныхъ!.. Старшина и писарь — лица подначальныя и отвѣтственныя, а волостные судьи—безотвѣтственны, и какъ они посудятъ, такъ тому и быть; поэтому осторожные волостные самостоятельно никакихъ жалобъ не разбираютъ, а, умывая руки, направляютъ ихъ въ волостной судъ; выгодность отъ соблюденія такого нейтралитета хорошо понята и сельскими старостами, и потому волостные суды буквально завалены жалобами объ оскорбленіи „на словахъ" или „дѣйствіемъ", о „самоуправномъ отнятіи конопляная недоуздка", о „переломѣ ноги забѣжавшему на огородъ къ сосѣду поросенку", о „придушеніи семи-лѣтнимъ ребенкомъ двухъ сосѣдскихъ писклятъ" [1]) и проч. въ томъ же родѣ. Все стало, такимъ образомъ, дѣлаться „по закону", и первымъ послѣдствіемъ новаго порядка вещей явилось огромное развитіе кляузничества и ябеды...

Итакъ, въ первое воскресенье послѣ моего прибытія въ Кочетово, собрались, по обыкновенію, старосты. Для оформленія надо было сдѣлать постановленіе отъ волостного правленія о принятіи меня на должность волостного писаря; я было хотѣлъ при сей удобной оказіи просить о прибавкѣ мнѣ жалованья до прежняго размѣра, но, по нѣкоторомъ размышленіи, рѣшилъ подождать нѣкоторое время, чтобы тѣмъ вѣрнѣе можно было разсчитывать на успѣхъ. Любопытную коллекцію крестьянскихъ физіономій представляли изъ себя собравшіеся старосты: тутъ были самыя разнохарактерныя личности, но опытный глазъ сейчасъ могъ бы отличить представителя богатаго и сильнаго общества отъ захудалаго, бывшаго помѣщичьяго. Вотъ, напр., опершись обѣими руками о столъ, разговариваетъ вполголоса съ моимъ помощникомъ мужикъ въ новомъ полушубкѣ и крѣпкихъ, густо смазанныхъ дегтемъ сапогахъ, съ хитрыми, бѣгающими во всѣ стороны глазами; онъ искоса посматриваетъ въ мою сторону и видимо разспрашиваетъ обо мнѣ: это староста села Добраго, самаго бога-

---

[1]) Пisклята—мѣстное названіе циплятъ.

таго и зажиточнаго села Кочетовской волости. Вотъ сидитъ на денежномъ сундукѣ съ ничего не выражающей, кромѣ скуки, физіономіей, другой хорошо одѣтый староста: это начальникъ села Кочетова, присмотрѣвшійся уже къ волости и ничего въ ней страшнаго или интереснаго не находящій; онъ ждетъ не дождется, какъ бы улизнуть скорѣй въ „Центральную". А вотъ у дверей стоитъ въ рваномъ полушубкѣ и лаптяхъ мужикъ съ рѣдкой, бѣлобрысой бородкой: это, безъ сомнѣнія, глава общества съ полутора-десятиннымъ на ревизскую душу надѣломъ... Всѣхъ сельскихъ обществъ въ Кочетовской волости восемнадцать, старостъ же собралось только двѣнадцать человѣкъ; очевидно, за дурной погодой и скверной дорогой, дальніе не пріѣдутъ. Старшина, оглянувъ собраніе, начинаетъ такую рѣчь:

— Старосты! Какъ теперь прежній нашъ писарь неугоденъ сталъ и его смѣнили, а намъ новаго прислали, вотъ Алекса́ндра Николаича, такъ вы какъ—согласны?

— Что-жъ, пускай послужитъ.

— Глядите вы, Яковъ Иванычъ,—вамъ виднѣе!..

— Извѣстно, коли ежели прислали, надо быть господинъ хорошій...

— Я, окромя хорошаго, отъ него еще ничего не видалъ,— вступается старшина. Не знаю, что далѣе будетъ...

— Ну, и въ добрый часъ, — слышатся общія пожеланія.

— Такъ надо будетъ, господа, сдѣлать постановленіе, что вы утверждаете меня въ должности съ прежнимъ двадцати-пяти рублевымъ жалованьемъ... Такъ?—спрашиваю я.

— Такъ, такъ!..

— Прикладывайте же печати, а кто грамотный—расписывайтесь,— сказалъ я, прочтя текстъ постановленія.

— Никого нѣтъ грамотныхъ,—замѣчаетъ мой помощникъ и начинаетъ отбирать печати.

Ко мнѣ подходитъ и таинственно нагибается одинъ изъ старостъ.

— А что,—не знаю какъ назвать—на четверочку съ вашей милости намъ не будетъ?

— Т.-е.—какъ это—четверочка!

— Хе, хе,—извѣстно, водочки старостамъ для ради перваго знакомства... Ужъ это какъ водится, спрыснуть значитъ. Потому честь честью, мы ужъ для васъ, а вы для насъ...

— За что же я водку буду вамъ подносить? Не понимаю.

— А какъ же, — все-таки, значитъ, начальникомъ нашимъ васъ поставили. Ужъ вы не пожалѣйте!

Старшина перегибается ко мнѣ черезъ столъ и тоже шепчетъ:

— Ужъ вы сдѣлайте имъ уваженіе, Александра Миколаичъ, киньте имъ рублевку! Все-жъ они старались..

— Да кому и надъ чемъ они старались?.

— Какъ хотите; а то дайте, оно съ испоконъ вѣку ведется.

Я притворяюсь углубившимся въ чтеніе бумагъ, а между тѣмъ, обсуждаю вопросъ: дать или не дать? Съ одной стороны—дать, передъ собой какъ будто совѣстно, а съ другой—не дать,—сочтутъ за жадность, и только... Рѣшилъ дать, но по окончаніи всѣхъ дѣлъ.

Когда розданы были повѣстки и письма, сдѣланы нѣкоторыя необходимыя распоряженія, и старосты уже стали собираться уходить, я подозвалъ къ себѣ просившаго четверочку.

— На-те, получайте,—говорю я, давая ему рубль;—пейте на здоровье, хоть и не за что. Только ужъ такъ даю, чтобъ жаднымъ не назвали.

Онъ взялъ бумажку и съ сожалѣніемъ разглядывалъ ее.

— Что еще?—спрашиваю.

— Маловато бы; четверочка вѣдь рупь-тридцать.

Я съ понятной досадой вынулъ изъ своего тощаго кошелька еще тридцать копѣекъ, и сунувъ ихъ ему въ руку, сказалъ:—на-те, отвяжитесь, пожалуйста.

Однако, онъ не скоро отвязался, разсыпаясь въ благодарностяхъ и пожеланіяхъ—сто лѣтъ мнѣ прослужить у нихъ въ волости и проч. Нѣсколько минутъ спустя я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ сельское начальство гурьбой отправилось въ „Центральную харчевню" пропивать мои „рупь тридцать".

Не знаю, какъ было прежде, но теперь рѣдкій изъ старостъ умѣетъ держать себя съ достоинствомъ: они или безличны, или черезъ-чуръ нахальны. Вообще преобладаютъ два типа: если выбираютъ тихаго, смирнаго мужика, ничего не знавшаго, кромѣ своей сохи, то выборъ на должность нисколько его не измѣняетъ, —онъ остается вполнѣ мужикомъ, и на званіе свое смотритъ какъ на обузу, наложенную на него за какую-то провинность. На сходкахъ онъ не играетъ никакой роли, „преніями" не руководитъ, и заинтересованъ въ томъ или другомъ рѣшеніи дѣла не болѣе и не менѣе, чѣмъ и всѣ прочіе его однообщественники; въ волости онъ чувствуетъ себя какъ на скамьѣ подсудимыхъ, старается по возможности менѣе попадаться на глаза старшинѣ и писарю, а если встрѣчается до него надобность и начнутъ ему что-нибудь приказывать или о чемъ-нибудь спрашивать, то онъ отвѣчаетъ не впопадъ, усердно поддакиваетъ, киваетъ голо-

вой, стараясь выразить на своемъ лицѣ пониманіе, и въ концѣ концовъ все-таки ничего не пойметъ, все переврετъ, повѣстки перепутаетъ, вышлетъ въ волость Ивана Дмитріева вмѣсто Дмитрія Иванова, и всѣ три года своей службы положительно страдаетъ. Такіе старосты—плохіе слуги обществу, и мірскими дѣлами во время ихъ служенія заправляютъ глоты и міроѣды; общественныхъ суммъ они на себя никогда сознательно не растрачиваютъ, но въ концѣ-концовъ, при учетѣ ихъ, они всегда оказываются виновными въ растратѣ 20, 50 и даже сотенъ рублей,—смотря по величинѣ общества. Растраты эти дѣло рукъ тѣхъ же міроѣдовъ; дѣлается же это, примѣрно, такъ. При сдачѣ общественнаго лужка условятся на восьми рубляхъ „въ міръ“ и на ведро водки, водку тутъ же разопьютъ, деньги получаетъ староста на руки, и три четверти сходки расходятся по домамъ. Остаются одни заправилы и глотки.

— Кондратичъ! Эй, староста!—кричатъ:—ставь на общественный счетъ еще четверть.

А Кондратичъ, предчувствуя такое требованіе, собрался ужъ домой улизнуть незамѣченнымъ, да не успѣлъ; онъ начинаетъ отговариваться, но къ нему пристаютъ, ругаютъ, обѣщаются доѣхать чѣмъ-нибудь и въ концѣ-концовъ уломаютъ-таки поставить еще четверть. За три года такихъ четвертей и осьмухъ набирается достаточное количество, а глотки ревутъ на сходкѣ:

— Когда „Матренкинъ логъ“ сдавали—ведро вѣдь выговорено было,—какъ старики? А у него, анафемы, показано ведро съ четвертью!.. Опять быка мірского нанимали — ведро выпили, а онъ семь рублевъ пропитыхъ поставилъ!..

— Побойся Бога, Миронъ Евдакимычъ,—да ты самъ опосля съ Егоркой Дубовымъ, да Митькой Косолаповымъ меня „за пельки“ [1]) бралъ и четверть еще стребовалъ! Вспомни-ка-сь!..

Моментально подымается общій гамъ.

— Какъ такъ? Общество ведро пьетъ, а вы потомъ еще четверть!.. Нѣтъ, шалишь,—это вы дюже умны будете! Такъ-то-съ!.. Мы ведро, а они само собой еще четверть...

— Да вѣдь это Миронъ...

— Какой тамъ къ чорту Миронъ! Не у Мирона деньги, а у тебя, ворòна щипаная! Четверть! Этакихъ-то четвертей вы съ Мирономъ за три года потрескали може вòсколько, а намъ за васъ отвѣчай...

И въ концѣ-концовъ, чтобы смирнаго малаго не обижать,

---

[1]) „За пельки“—за петелки, т.-е. взять за грудь зипуна или полушубка.

— покровительственно предложать тѣ же Мироны и Егорки, съ отходящаго изъ старость Кондратича выпить ведро или два, —смотря по размѣру начета, остальное простять и, насмѣявшись, обозвавъ его вороной и рохлей, отпустять опять къ столь милымъ ему сохѣ и боронѣ; а онъ, идя за старымъ саврасымъ мериномъ по бороздѣ, долго съ горечью вспоминаетъ, какъ съ него ни-за-что, ни-про-что, за праведную его трехлѣтнюю службу, сорвали два ведра...

Но есть старосты и другого типа: эти и въ кабакѣ, и въ церкви, и, тѣмъ болѣе, на сходкѣ помнять, что они не простые мужики, а начальственныя лица. У нихъ и замашки, и аппетиты начальственные; они покрикиваютъ на десятскаго:—эй, ты, чучело,—поворачивайся!.. Они съ угровой спрашиваютъ провинившагося передъ ними: „ты знаешь, кто я такой есть? Не видишь мидали?“ Такой староста смотритъ на общественныя суммы какъ на свои; поглупѣе который — въ концѣ-концовъ попадается, поумнѣе—выходитъ сухъ изъ воды. Мнѣ разсказывали про одинъ любопытный экземпляръ этого типа. Онъ давно уже желалъ быть старостой, но, за молодостью, его долго не выбирали; когда же его, наконецъ, выбрали, онъ немедленно отправился въ городъ къ непремѣнному члену. Этотъ господинъ еще часто будетъ намъ встрѣчаться, и здѣсь я кратко скажу, что онъ былъ капитанъ въ отставкѣ, чистокровный бурбонъ, глупъ, золъ, драчливъ и высокомѣренъ. Къ такому-то господину является Ѳедотъ и отвѣшиваетъ ему низкій поклонъ. Происходитъ разговоръ.

— Ты что!

— Да вотъ, ваше выскродіе, меня въ старосты выбрало общество.

— Ну, такъ чтожъ?

— Явите божескую милость, ослобоните!

— По какой причинѣ? Семья большая, или боленъ?

— Никакъ нѣтъ, это все слава Богу, да только...

— Что „только?“... Разѣвай ротъ, говори толкомъ!

— Драчливъ я, ваше выскродіе. У меня не такъ, какъ у прочихъ будетъ:—строгъ я, и какъ ежели что, сейчасъ у меня, значитъ, рука зудитъ. И въ семьѣ меня боятся, а въ обществѣ и вовсе страху нагоню...

— Хо, хо, хо!.. Такъ драчливъ, говоришь, — рука зудитъ, ха, ха!.. Страху задать? Это, братъ, хорошо, такъ и слѣдуетъ. Я и самъ воли не люблю давать, не гляжу, что теперь все благородныя манеры пошли. А кулакъ и у меня не плохъ, слыхалъ?..

— Какъ не слыхать-съ, слыхалъ. Такъ ужъ ослобоните, ваше выскродіе! Боюсь,—жалобы пойдутъ, погубятъ ни за что: вы же меня штраховать будете... А у меня такой ужъ карактеръ,—не стерплю. Ослобоните!

— Ха, ха, ха! Ну, братецъ, ловко! Ну, удружилъ!.. Ослобонить!.. Да мнѣ такихъ и нужно, чтобъ подтягивали, а то воли много дали, дворянами всѣхъ сдѣлали. А о жалобахъ ты не думай—ни одной не приму, и разбирать не стану. Ступай себѣ, служи, и не бойся, хо, хо!..

И началъ Ѳедотъ служить: десятскіе его больше боятся, чѣмъ станового; мужики, когда ихъ позовутъ на сборню, бросаютъ ложки, если обѣдали, и бѣгутъ къ начальнику, передъ которымъ во все время разговора стоятъ безъ шапки; недоимщики и прочіе виноватые выходятъ со сборни съ встрепанными волосами и распухшими щеками; бабы — и тѣ узнали кулакъ Ѳедота и неоднократно сиживали въ амбарахъ, замѣнявшихъ на эти случаи классическую „холодную". Исполнителенъ Ѳедотъ до совершенства: все, что въ волости прикажутъ, — у него на другой день уже исполнено въ точности; мосты и гати — въ отличномъ состояніи; въ рѣкѣ конопля не мокнетъ; пожарный инструментъ— въ исправности; даже ночные караульщики всю ночь стучатъ въ колотушки. Ѳедоту оказывали почетъ не меньшій, чѣмъ старшинѣ: если онъ войдетъ „съ хорошимъ человѣкомъ" въ дальнюю комнату харчевни чаю напиться,—все мужичье оттуда мигомъ ретируется, чтобы не мѣшать разговору пріятелей; становой,—и тотъ относится къ Ѳедоту съ невольнымъ уваженіемъ: языкъ какъ-то не поворачивается упомянуть родительницу этого степеннаго, солидно держащаго себя, красиваго мужика. И растратъ у Ѳедота къ концу трехлѣтія его службы не оказалось: онъ копѣйки мірской не пропилъ, а Мироны и Егорки за всѣ три года шкаликомъ на общественный счетъ не попользовались; сколько назначитъ Ѳедотъ выпить—ведро или полведра,—столько и поставитъ, а больше ни капельки, хоть все общество взбунтуйся. Правда, что при немъ кабакъ, который прежде ходилъ за 400 р., сталъ сдаваться только за 250 р.,—никто изъ кабатчиковъ не давалъ больше, намекая, что много ужъ очень стало „темныхъ" расходовъ; да участки земель и сѣнокосовъ, которые сдавались за 10—15 рублей, стали ходить по 8 — 12 руб... Всѣ понимали, въ чемъ тутъ причина, но никто не перечилъ, да и перечить нельзя было: къ чему-жъ тутъ придраться, если меньше даютъ,— цѣна, значитъ, упала,—и только. Тѣ же деньги, которыя Ѳедотъ на міру принималъ къ себѣ на руки, т.-е. оффиціальный доходъ

за мірскія угодья и оброчныя статьи,—были правильно израсходованы до копѣечки, такъ что и Миронамъ не подъ-что было подконаться... Вотъ каковъ былъ, по разсказамъ, Ѳедотъ; я уже не засталъ его въ должности старосты—его не выбрали на второе трехлѣтіе,—и опять гати стали расплываться, мосты проваливаться, а вода въ рѣкѣ вонять коноплей... за то доходъ съ кабака сразу поднялся до прежняго размѣра—400 рублей...

Между типами Ѳедота и безотвѣтнаго пахаря-старосты, Кондратича, существуютъ, конечно, переходныя ступени, т.-е. личности старостъ, болѣе или менѣе приближающіяся къ тому или другому типу. Но, вообще,—чѣмъ лучше староста для волости, для начальства,—тѣмъ хуже для общества; исключеніе составляютъ развѣ совершенные олухи, но жадные до денегъ: эти и общество обкрадутъ, и какъ должностныя лица—невозможны.

VIII.

Постараюсь теперь обстоятельно разсказать о томъ, какъ въ Кочетовѣ добились передѣла земли на наличныя души мужского пола, или, говоря книжнымъ языкомъ — до коренного передѣла. Исторія эта будетъ долга, какъ долга она была и въ дѣйствительности: окончательное рѣшеніе вопроса послѣдовало лишь черезъ полтора года послѣ первой постановки его; но подробно изложить весь этотъ процессъ заставляетъ меня то обстоятельство, что здѣсь ярко обрисуются и отношенія партіи кулаковъ-міроѣдовъ къ общей массѣ сѣраго крестьянства, и отношеніе начальствующихъ лицъ къ возбужденному вопросу, и личное мое участіе, какъ волостного писаря, въ этомъ дѣлѣ.

Сообщу, для ясности, нѣсколько данныхъ о Кочетовскомъ обществѣ. Въ немъ около 1.300 ревизскихъ душъ, съ надѣломъ въ 8 тысячъ десятинъ земли, изъ которой до 6 тысячъ—пахотной, а остальная подъ усадьбой, лѣсомъ и прочими угодьями; такимъ образомъ, общество это, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, богатое, многоземельное: на ревизскую душу приходится до $4^1/_2$ дес. пахаты, т.-е. по $1^1/_2$ десят. въ каждомъ полѣ. Послѣдній передѣлъ происходилъ, какъ и у всѣхъ государственныхъ крестьянъ этой мѣстности, — въ 1858 г., т.-е. при X-й ревизіи; съ тѣхъ поръ не было не только коренного передѣла, но не въ обычаѣ была такъ-называемая скидка и накидка тяглъ, потому что земля здѣсь хороша, арендная ея стоимость съ конца 60-хъ годовъ уже превышаетъ лежащіе на ней платежи, и надѣлъ, съ бары-

шомъ окупаясь, никому не былъ въ тягость: пашущій свой надѣлъ крестьянинъ дорожилъ имъ, потому что его надѣльная земля обходилась ему дешевле, чѣмъ арендуемая на сторонѣ; не пашущій, бездомовый или безлошадный, сдавалъ ее охотнику, который вносилъ всѣ лежащіе на ней платежи и давалъ ему еще нѣсколько рублей „верховъ“, т.-е. уплачивалъ разницу между арендной ея стоимостью и количествомъ взнесенныхъ за нее платежей. Такимъ образомъ, вымершія души ни крестьянину, ни сиротамъ, ни вдовамъ, не были тягостью: всѣ они пользовались или дешевой землей, или „верхами“.

Не такъ стояло дѣло въ моментъ X-й ревизіи для крестьянъ, по той или другой причинѣ отставшихъ отъ земледѣлія, напр.,— промѣнявшихъ его на какое-нибудь ремесло или промыселъ, или же опустившихся до безлошадности и батрачества: этимъ приходилось бы сдавать свой надѣлъ съ доплатой отъ себя, потому что по тогдашней чрезвычайно низкой арендной стоимости земли (75 к.— 1 р. десятина) въ этой мѣстности,—платежи за душу превосходили арендную стоимость надѣла; эти, какъ милость, просили общество „ослобонить ихъ отъ земли“, т.-е. взять землю на міръ, а ихъ пустить на всѣ четыре стороны. Общество, взявъ съ нихъ отступное (мнѣ не удалось выяснить — сколько), составило въ 1858 г. приговоръ, по которому просители, всего до 70 ревизскихъ душъ, отпускались на прожитіе въ пригородныя слободы, а надѣлы ихъ поступали въ общество навсегда.

Въ то время земля была дешева, ея было вволю на сторонѣ, и въ обществѣ ею не очень дорожили: многіе клины и отрѣзы, затруднявшіе разверстку, остались въ міру, т.-е. неподѣленными на души; самыя же мелкія полоски, въ четвертокъ [1]) и осминникъ, тутъ же пропивались „на вѣчно“, т.-е. до новаго передѣла, который, какъ оказалось, заставилъ себя ждать двадцать-пять лѣтъ. Я лично знаю нѣкоторыхъ владѣльцевъ такихъ участковъ, „на вѣчно“ купленныхъ еще отцами и дѣдами нынѣшнихъ хозяевъ: такъ, Иванъ Дронинъ, съ которымъ мы еще будемъ встрѣчаться въ этихъ разсказахъ, владѣлъ въ теченіе 25 лѣтъ полъ-десятиной земли, доставшейся его отцу за четверть ведра водки, поднесенной мірскимъ мѣрщикамъ; Степанъ Бородкинъ владѣлъ въ двухъ мѣстахъ отрѣзами, всего около $^3/_4$ десятинъ, за поднесенныя во-время полъ-ведра и друг... Такой гулящей земли набиралось около 50 десят., да мірской, сотенной, не подѣленной на души, было около 300 десятинъ; эта послѣдняя

[1]) Четвертокъ—$^1/_4$ десятины, осьминникъ—$^1/_8$ десятины казенной въ 240 кв. с.

состояла частью изъ надѣловъ вышеупомянутыхъ добровольныхъ „бобылей“, т.-е. крестьянъ, отказавшихся отъ пользованія своими надѣлами, частью изъ отрѣзовъ, спеціально оставленныхъ сотнями [1]) для сдачи въ аренду на мірскія нужды. Все это громадное количество земли эксплуатировалось обществомъ самымъ безобразнымъ образомъ: оно сдавалось въ аренду разнымъ міроѣдамъ почти за полъ-цѣны, и половина, если не больше, этой полъцѣны тутъ же пропивалась, и только жалкіе остатки шли на удовлетвореніе мірскихъ нуждъ: на уплату десятскимъ и разнаго рода караульщикамъ жалованья, на починку мостовъ, пожарнаго инструмента и пр. Понятно, что міроѣды, ежегодно снимавшіе эти земли и бравшіе на нихъ чуть ли не рубль на рубль барыша, должны были явиться самыми ожесточенными противниками передѣла, такъ какъ при нынѣшнихъ цѣнахъ на землю, клины эти и отрѣзы неминуемо пошли бы въ разверстку, ускользнувъ изъ рукъ постоянныхъ съемщиковъ. Противниками передѣла должны были явиться и тѣ домохозяева, у которыхъ предвидѣлась „убыль въ душахъ“, т.-е. потеря одного или нѣсколькихъ надѣловъ ихъ умершихъ родственниковъ, которыми до ревизіи они думаютъ пользоваться безпрепятственно. Иные изъ домохозяевъ этой категоріи могли существовать почти одними верхами: получая, напр., за каждую изъ пяти владѣемыхъ имъ душъ по 15 руб. „верховъ“, онъ имѣлъ такимъ образомъ 75 руб. чистаго дохода отъ своего надѣла безъ всякой затраты мускульнаго труда. Рядомъ съ такими много-земельными домохозяевами, владѣвшими надѣлами умершихъ братьевъ и дѣтей, были такіе, которые владѣли, по числу ревизскихъ душъ, однимъ или двумя надѣлами, а въ семьѣ имѣли наличныхъ пять и болѣе душъ мужскаго пола; словомъ—равномѣрность въ распредѣленіи земли за двадцати-пяти лѣтній періодъ времени сильно нарушилась, и во многихъ крестьянскихъ головахъ уже бродила мысль о коренномъ передѣлѣ; толчокъ для осуществленія этой мысли пришлось дать мнѣ.

Прошло мѣсяца полтора, какъ я занялъ мѣсто писаря въ Кочетовѣ. Однажды утромъ, когда еще никого изъ постороннихъ въ правленіи не было, входитъ ко мнѣ въ канцелярію Кочетовскій староста Дормидонъ Афанасьевичъ. Два слова о немъ: мужикъ онъ былъ хитрый, лицемѣрный, добившійся должности старосты при помощи подкупа и подпаиванья, и норовившій за три года своего царствованія вернуть съ лихвой затраченный имъ на выборахъ капиталъ; при всемъ этомъ онъ былъ ограни-

[1]) Мелкое дѣленіе сельскаго общества въ Кочетовѣ восемь сотенъ.

ченнаго ума и лѣнивъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Современемъ я его въ совершенствѣ распозналъ и имѣлъ съ нимъ жестокія стычки, но въ началѣ своей службы я не зналъ сельскаго люда и, подъ вліяніемъ воспитанныхъ городомъ традицій о мужикѣ въ частности и о народѣ вообще, — видѣлъ въ каждомъ, носящемъ полушубокъ, предметъ для умиленія... Только долговременная практика и развившаяся опытность научили меня быть недовѣрчивымъ и искать у всѣхъ просителей, жалобщиковъ и совѣтчиковъ изнанку ихъ просьбъ, жалобъ и пріятельскихъ совѣтовъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ: по всей видимости, Афанасьичъ явился ко мнѣ по мірскому дѣлу, изъ желанія порадѣть міру, между тѣмъ какъ онъ дѣйствовалъ изъ совершенно личныхъ разсчетовъ, совпадавшихъ, къ счастью, съ желаніемъ значительной части міра.

— Съ добрымъ утромъ, А. Н.; какъ почивали себѣ?

— Благодарю. Что скажете?

— Признаться, дѣльце тутъ есть одно; погутарить [1]) хотѣлось бы.

— Такъ что-жъ, говорите.

— Дѣло-то вотъ какое, А. Н., — большое. Наслышамшись мы, что въ прочихъ мѣстахъ кой-гдѣ землю дѣлятъ на новыя души; а у насъ въ обществѣ равненье тоже давно потеряно: у кого пять должно быть душъ, а у него одна, а то, есть что одинъ, какъ перстъ, а владѣетъ четырьмя душьми. Ну, и мірской земли зря много пропадаетъ... Такъ что̀ вы намъ скажете, какъ по законамъ-то? Признаться, мы тутъ кой съ кѣмъ подговорились, да пришли на счетъ этого посовѣтоваться...

— А скажу я вамъ, что задумали вы дѣло хорошее... Да вы не одни вѣдь пришли, — такъ зовите и остальныхъ, я поразскажу, что вамъ знать хочется.

Афанасьичъ пріотворилъ дверь въ „сельскую", — какъ называлась комната въ правленіи, служившая сборней, — и, махнувъ рукой, громкимъ шопотомъ сказалъ:

— Идите, — что-жъ вы?..

Трое мужиковъ, очевидно, ждавшихъ этого оклика, вошли въ канцелярію и, истово покрестившись на иконы, поочередно пожали мнѣ руку.

— Ну, что скажете, почтенные? — началъ я разговоръ.

— Къ вашей милости. Афанасьичъ говорилъ вамъ, что на счетъ земли задумали?

---

[1]) Погутарить — поговорить.

— Что-жъ, дѣло хорошее.

— Это точно. Да сумлѣніе насъ беретъ.

— Какое сумлѣніе?

— Говорятъ тутъ кой-какіе изъ нашихъ мужиковъ, да и солдатъ одинъ дюже твердо стоитъ на томъ, что безпремѣнно царскій указъ должѐнъ быть, царь письмо должѐнъ прислать,— тогда и дѣлить можно. А теперь, будто и не моги,—въ Сибирь будто за самовольство сошлютъ... Такъ вотъ мы и сумлѣваемся.

Я не могъ не разсмѣяться этому „сумлѣнію". Очень ужъ выходило смѣшно.

— Охъ вы, чудаки, чудаки!.. Какихъ это царскихъ писемъ вы ждать будете? Бываютъ, дѣйствительно, указы передъ ревизіей,—такъ вы не ревизію вѣдь производить будете, а передѣлъ своей, надѣльной земли; а въ своемъ добрѣ всякъ воленъ, и, по закону, можете хоть каждый годъ дѣлить,—никто вамъ препятствовать не смѣетъ, лишь бы приговоръ былъ законный. — И я, доставъ „Общее Положеніе", прочиталъ статью, въ которой упоминается, между прочими правами схода, и право производить передѣлы земли. Крестьяне слушали меня съ напряженнымъ вниманіемъ: видно, слова мои были для нихъ совершенною новостью. Когда я, прочитавъ статью и разъяснивъ имъ, что на постановку приговора требуется согласіе двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, спросилъ: поняли? то они съ просвѣтлѣвшими лицами разомъ отвѣтили:

— Какъ же, поняли, поняли!.. Покорнѣйше благодаримъ, что потрудились. Такъ, значитъ, никакой опаски нѣтъ, и въ отвѣтѣ за это не будемъ?

— Не будете, говорю я вамъ. Да вотъ что: вы, староста, объ этомъ сходъ хотите собирать?

— Да надо будетъ,—все еще нерѣшительно отвѣчалъ онъ.

— Такъ чтобы показать, что тутъ никакой опаски нѣтъ, я самъ начну говорить объ этомъ дѣлѣ на сходѣ: вѣдь не буду же я на свою голову бѣду накликать, еслибъ закона не было говорить про это!

— Вотъ покорнѣйше благодаримъ, вотъ уважите! Ужъ потрудитесь, этакъ вѣрнѣе будетъ, они скорѣе поймутъ, да и солдату этому укажите, какой такой законъ есть!

Все, что я выше говорилъ о мірскихъ клиньяхъ, о значеніи, которые они имѣютъ для мѣстныхъ богачей міроѣдовъ,—все это я узналъ уже впослѣдствіи, а въ моментъ начатія кампаніи я ничего въ мірскихъ дѣлахъ не смыслилъ и никакихъ закулисныхъ пружинъ не подозрѣвалъ, принимая все за чистую монету. На-

стойчиво разспрашивать первыхъ попавшихся подъ руку крестьянъ я стѣснялся, чувствуя надъ собой постоянное тяготѣніе названія „писарь“,—должности, столь подозрительной для крестьянской массы; знакомства же я не успѣлъ еще завесть, и говорить по душѣ было не съ кѣмъ,—да я, въ своемъ незнаніи деревни, и не подозрѣвалъ, что было такъ много, о чемъ говорить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, когда староста уже оповѣстилъ черезъ десятскихъ по селу, что въ ближайшее воскресенье будетъ сходка „на счетъ земли“,—подходитъ ко мнѣ старикъ-крестьянинъ, истый патріархъ съ виду, съ правильными, строгими чертами лица и по поясъ длинной, совершенно сѣдой бородой,—просто,—бери кисть и рисуй: лучшаго натурщика для крестьянскаго патріарха-общинника не найти.

— Что скажете?

— Да вотъ,—поговорить съ вашей милостью надо бы.

— Говорите, пожалуйста. (Въ такой формѣ начинаются въ волости девять разговоровъ изъ десяти).

— Наслышамшись мы, будто общество хотятъ кой-кто смутить,—землю чтобъ дѣлить на новыя души.

— Да. Только какая же здѣсь смута?

— Не всяко лыко въ строку, просимъ извинить, коли обмолвились. Смуты тутъ, извѣстно, нѣтъ, а все-жъ... Значитъ, правда, что дѣлить-то хотятъ?

— Кой-кто поговариваетъ.

— Такъ-съ. А хотѣлъ я вашу милость побезпокоить,—въ правахъ они сейчасъ будутъ?

— Это если подѣлять-то? Въ правахъ, закономъ дозволено. А до васъ это развѣ касается?

— Да изволите видѣть: землю тутъ мірскую съимаемъ, за годъ деньги впередъ отданы; такъ если по веснѣ дѣлить будутъ—разорятъ; ужъ надо правду говорить.

— Зачѣмъ разорять? Они деньги вернутъ.

— Изъ какихъ это вшей, прости Господи, вернутъ они?—разгорячился патріархъ.—Почитай, половину пропили, а половину такъ, кой-куда, поразсовали; и выйдетъ—ни земли, ни денегъ. Ужъ вы—забылъ какъ звать васъ—не оставьте, дайте помощь,—внезапно перемѣнилъ онъ рѣчь.

— Т.-е. какъ и въ чемъ помочь?

— Ужъ будто не знаете? У васъ это дѣло всегда въ рукахъ... Извѣстно, чтобъ хошá до будущаго года погодили съ дѣлежомъ; какъ землю отдержимъ, ну—тогда съ Богомъ! А мы ужъ васъ ублаготворимъ, въ обидѣ не будете, не сумлѣвайтесь...

— Да чего же вы отъ меня хотите? Что я могу сдѣлать?— спрашиваю я, все еще недоумѣвая, о чемъ проситъ патріархъ.

— Приговоръ не пишите, вотъ что. Растолкуйте имъ, что сейчасъ дѣлить нельзя, законы, что-ли, покажите. А вы не сумлѣвайтесь: ни старшина, ни староста въ это дѣло соваться не будутъ.

— Нѣтъ, ужъ это извините: никакихъ подлостей я дѣлать не буду и небывалыхъ законовъ показывать не стану. Прощайте, не мѣшайте мнѣ,—я занятъ.

Патріархъ нѣхотя поднялся со стула и въ нерѣшительности простоялъ съ минуту, думая, не „фортель“ ли это только съ моей стороны, чтобы набить цѣну за прочтеніе небывалаго закона. Но видя, что я пишу, не обращая на него вниманія, онъ еще разъ окликнулъ меня, уже тономъ ниже:

— Такъ какъ же быть-то? Не уважите?

— Я вамъ сказалъ, что нѣтъ,—и довольно съ васъ,—рѣзко отвѣтилъ я.

— Такъ прощенья просимъ-съ,—сказалъ онъ, уходя.—Только напрасно это вы круто дюже!..

Я съ облегченіемъ вздохнулъ, когда сѣдая, какъ лунь, борода скрылась за дверью... Это было еще первое предложеніе крупной взятки, и мнѣ, совершенно неопытному въ житейскихъ дѣлахъ идеалисту, большого труда стоило хладнокровно держать себя и не поступить съ патріархомъ по его заслугамъ. Мелкія „благодарности“, впрочемъ, предлагались мнѣ уже неоднократно: то паспортъ, подписавши, отдаешь, а тебѣ въ руку гривенникъ суютъ; то удостовѣреніе напишешь, а тебѣ на столъ пятачекъ кладутъ и проч.; но въ такихъ случаяхъ достаточно бывало строго сказать: „возьми назадъ, не надо“,—какъ сконфуженный доброхотъ спѣшилъ, бормоча что-то въ видѣ извиненія, обратно спрятать свое приношеніе въ карманъ закорузлаго полушубка; торгъ же о прочтеніи несуществующаго закона предлагался мнѣ еще въ первый разъ, и не могу сказать, чтобы я спокойно чувствовалъ себя этотъ день въ званіи волостного писаря...

Глухого слуха, что на сходкѣ будетъ толкъ „на счетъ земли“, было достаточно, чтобы въ воскресенье народъ толпами повалилъ къ волости: изъ 510 домохозяевъ, составляющихъ Кочетовское общество, явилось на сходъ 420 человѣкъ—количество необычайное, почти небывалое. Толпа глухо волновалась и, разбившись на кучки, обсуждала вопросъ дня; это была первая большая сходка, на которой мнѣ приходилось играть роль, — и я чувствовалъ себя не совсѣмъ покойнымъ. Сельскій писарь кончилъ

перекличку; старшина взлѣзъ на перила крыльца „Правленія" и сталъ предлагать сходу на разрѣшеніе мелкіе вопросы, подлежавшіе обсужденію: выдать ли одному крестьянину увольнительный приговоръ для путешествія къ святымъ мѣстамъ; кого выбрать въ опекуны къ сиротамъ умершаго однообщественника, и еще что-то въ этомъ родѣ. Всѣ эти вопросы рѣшены были почти моментально простымъ поднятіемъ рукъ; видимо, всѣ какъ бы торопились перейти къ сути; и вотъ воцарилось мертвое молчаніе. Старшина сдѣлалъ витіеватое вступленіе примѣрно въ такой формѣ:

— Таперича, почтенные господа старички, прошу послушать нашего новаго господина волостного писаря. Онъ хочетъ вамъ разъяснить оченно антересное для васъ дѣло, отъ котораго у многихъ въ глазахъ зарябитъ...

Послышалось два, три одобрительныхъ смѣшка, мгновенно, однако, затерявшихся среди общаго торжественнаго молчанія. Старшина слѣзъ съ перилъ; очередь говорить была за мной. Я всталъ на порогъ крыльца и былъ, такимъ образомъ, на голову выше стоявшей на землѣ публики. Приподнявъ шапку—на что половина народа отвѣтила мнѣ такимъ же привѣтствіемъ,—я поклонился и началъ свою рѣчь такъ:

— Господа! Для перваго нашего съ вами знакомства я хотѣлъ бы поговорить объ одномъ дѣлѣ, которое, какъ я слыхалъ, задумано нѣкоторыми изъ васъ уже давненько...—Рѣчи моей, какъ совершенно неинтересной для читателей, я приводить не буду; упомяну только, что я старался по возможности ярко обрисовать то неравномѣрное пользованіе землей, которое происходило отъ долговременнаго измѣненія состава семей; потомъ я объяснилъ, что передѣлы дозволены закономъ, и что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ иныя жизненныя условія,—они практикуются очень часто, иногда ежегодно; въ заключеніе я сказалъ, что для составленія приговора о передѣлѣ необходимо согласіе $^2/_3$ общаго количества домохозяевъ въ селѣ. Сказавъ все это, я отошелъ къ сторонкѣ; толпа колыхнулась, но опять замерла: никакого взрыва не произошло,—никто не рѣшался первымъ прервать молчаніе. Не выдержалъ только староста Афанасьичъ и, влѣзши на мѣсто старшины,—на перило, завопилъ:

— Такъ что-жъ, старички,—дѣлить согласны? Желаете?

Изъ толпы раздался голосъ, какъ я впослѣдствіи узналъ,—кривого Парфена, отчаяннаго обиралы и міроѣда.

— Какой тамъ чортъ желаетъ!.. Это, може, писарю нужно, да ты смутьянишь... Лестно, небось, на шесть душъ получить!..

Эти слова кривого Парфена были искрой, упавшей на давно

заложенную пороховую мину: моментально поднялся ревъ и гамъ невообразимый. Грудь четырехсотъ здоровыхъ, на деревенскомъ воздухѣ взросшихъ человѣкъ приводила воздухъ въ сотрясеніе; отдѣльныхъ звуковъ не было слышно,—стоялъ сплошной гвалтъ. Непривычный къ такого рода вѣчу, я въ испугѣ прокричалъ на ухо, стоявшему рядомъ со мной старшинѣ:

— Что это они? Бить хотятъ того, кто кричалъ?

— Ничего,—отвѣтилъ онъ,—это они всегда такъ. Вотъ поугомонятся, тогда и разберутся, кто куда тянетъ.

Дѣйствительно, минуту спустя, гулъ сталъ понемногу затихать, и изъ общаго хора начали выдѣляться наиболѣе энергическія восклицанія: „Дѣлить!.. Не надо! Грабить вздумали!.. У васъ научились!.. Въ кабакахъ наснимали!.. Молодъ дюже... Дѣлить, дѣлить!.. Не надо! и т. д.

— Пойдемъ отсюда, А. Н.,—сказалъ мнѣ старшина,—ихъ вѣдь не переслушаешь: покуда глотокъ не обдерутъ себѣ, никакого толку не будетъ.

У меня, съ непривычки, уже стоялъ звонъ въ ушахъ, и я съ удовольствіемъ воспользовался предложеніемъ старшины и ушелъ съ нимъ въ волость; но и тутъ стоялъ гвалтъ, хотя и не такой могучій, какъ снаружи.

Въ канцеляріи собралось до десятка мужиковъ „поумственнѣе“, принадлежавшихъ, однако, къ разнымъ партіямъ; были тутъ двое, трое богачей міроѣдовъ и въ томъ числѣ знакомый уже мнѣ патріархъ; было человѣка три мужиковъ, въ споръ не вступавшихъ и только съ любопытствомъ слушавшихъ резоны противниковъ, и было, наконецъ, нѣсколько человѣкъ-сторонниковъ дѣлежа. Слушавшіе безмолвно мужики принадлежали къ индифферентной партіи, которой отъ дѣлежа не было ни тепло, ни холодно, такъ какъ у нихъ, благодаря неизмѣнившемуся составу семьи, не произошло бы ни убавки, ни прибавки въ душевыхъ надѣлахъ.

— Вотъ, еслибъ царскій указъ,—говорилъ патріархъ;—тогда, извѣстно, исполнять надо.

— Будетъ тебѣ, Федоръ Степанычъ, туману на насъ наводить,—азартно выкрикивалъ худощавый, въ старомъ полушубкѣ мужикъ. Я узналъ его впослѣдствіи: это былъ довольно разумный, работящій, но какой-то безталанный человѣкъ; въ теченіе пяти лѣтъ онъ два раза на-чисто погорѣлъ, а за годъ до описываемаго времени у него увели разомъ обѣихъ бывшихъ у него лошадей; кромѣ того, у него была большая семья съ пятью душами мужского пола, а землей владѣлъ только на двѣ ревизскихъ души.

Прибавка къ надѣлу была для него единственнымъ лучемъ надежды выбиться изъ того тяжкаго положенія, въ которое вогнали его постигшія его несчастья.

— Туману ты не наводи,—продолжалъ онъ;—мы вѣдь тоже кое-что смекаемъ! Полянскіе нешто получили указъ, а вся волость землю передѣлила; Панскіе тоже писемъ не дождались, а по веснѣ дѣлежку задумали... Опять писарь законы читаетъ, что во всякое время безъ указовъ дѣлить можно...

— Это что говорить, знамо на свою голову врать не будетъ,— одобрительно поддакнули сторонники худощаваго мужика.

— Теперь скажемъ о землѣ,—продолжалъ онъ, наступая на патріарха и приходя въ азартъ.—Бу-удетъ вамъ общество-то ломать: вѣдь у васъ цѣлая прорва земли мірской за пазухой сидитъ вотъ уже двадцать годовъ,—а намъ по нуждѣ по нашей земли нѣтути? Нешто это порядки, нешто это по-божьи? Да что толковать: Бога-то у васъ давно нѣтути!..

— Богъ-то, молодецъ, у всѣхъ есть,—поглаживая бороду, отвѣчалъ патріархъ.—Ты разсуди – вѣдь всяка тварь подъ Богомъ ходитъ,—такъ какъ же безъ Бога-то? А вотъ ограбить насъ это вы, точно, что желаете...

— Грабить?.. Кого грабить? Это васъ-то?—кричали противники.

— А то что-жъ, извѣстно грабить!—въ свою очередь воодушевляясь, наступалъ патріархъ.—Аренду отнять хотите, деньги взяли, а земли не будетъ? Это-то по-божьи, а? По-божьи, спрашиваю?..

— А зачѣмъ вы по кабакамъ землю-то снимаете? Напоите народъ, да задаромъ и возьмете?.. Сами грабили, такъ скусно было, а теперь, такъ назадъ, на Бога спираться?..

Конца разговора, еслибы таковой и могъ быть, мнѣ не пришлось, однако, дослушать, потому что крики на дворѣ сильно ослабли, и являлась возможность придти къ какому-нибудь соглашенію. Старшина опять влѣзъ на перила и старался унять самыхъ рьяныхъ противниковъ, все еще перебранивавшихся; наконецъ, водворилась относительная тишина.

— Ну что-жъ, господа старички,—началъ старшина:—какъ у васъ рѣчь о новыхъ душахъ зашла, и переговорили вы теперь, – такъ чѣмъ дѣло кончить задумали?

Нѣсколько голосовъ крикнуло: „дѣлить!“ Имъ отвѣчали: „не надо!“ —но поднимавшаяся опять-было буря затихла при возгласѣ старшины:

— Помолчите, эй вы, оглашенные! Ругаться, да орать будете,—толку мало выйдетъ. А кто желаетъ дѣлить—пусть руку

подниметъ, вотъ и видно будетъ. Ну, поднимайте, кто ежели желаетъ!

Къ неописанному удивленію моему поднялось не болѣе полусотни рукъ,—остальныя оставались опущенными. Старшина тоже обозлился.

— Что-жъ вы, оглашенные, кричать—всѣ кричите, а рукъ не поднимаете? Поднимайте, говорю вамъ, кто желаетъ.

Та же исторія: на этотъ разъ поднялось, кажется, еще менѣе рукъ, чѣмъ въ первый.

Старшина въ-сердцахъ соскочилъ съ перилъ и хотѣлъ идти въ волость, но я удержалъ его и сказалъ, чтобы онъ такимъ же путемъ опросилъ нежелающихъ дѣлить. Тутъ произошло нѣчто, могущее поставить въ тупикъ посторонняго, незнакомаго съ деревней, наблюдателя: и нежелающихъ оказалось десятка три, четыре не болѣе. Такимъ образомъ, болѣе 300 человѣкъ „воздержались отъ подачи голоса“.

— Что-жъ мнѣ съ вами, до полночи, что ли, стоять?—вопилъ старшина.—Коли ни такъ, ни этакъ рѣшать не желаете, то ступайте по домамъ... Что-жъ безъ толку стоять.

— Скажите-ка, Яковъ Иванычъ,—спросилъ я старшину, когда мы взошли съ нимъ въ волость,—отчего они ни такъ, ни этакъ рукъ не поднимаютъ?

— Не обдумали всего,—должно быть есть какая-нибудь загвоздка. Гаять—всѣ гаютъ, потому знаютъ, что изъ ихъ гаянья ничего не выйдетъ; а какъ подошло время дѣло кончать, ну, и сомнительно для большинства стало, боятся дѣло второпяхъ кончить. Вотъ они ни въ ту, ни въ другую сторону и нейдутъ.

— Что-жъ, какъ же теперь съ этимъ дѣломъ быть?

— А пройдутъ недѣльки двѣ, раскинутъ умомъ, столкуются, тогда и рѣшеніе выйдетъ.

Я выглянулъ на улицу: передъ крыльцомъ оставалась кучка человѣкъ въ двадцать,—остальные уже разошлись по домамъ. Я вышелъ къ этой кучкѣ и, оставаясь въ тѣни незамѣченнымъ, разслушалъ, о чемъ они толкуютъ, какая загвоздка смутила большинство: ходило мнѣніе, что если будетъ передѣлъ земли до объявки ревизіи, то при ревизіи прирѣзки земли на „новыя души“ ужъ не будетъ; поэтому многіе сторонники передѣла боялись высказаться рѣшительнымъ образомъ, чтобы не лишить себя въ будущемъ желанной даже для этого многоземельнаго, сравнительно, общества прирѣзки...

IX.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о передѣлкѣ земли, позвольте познакомить васъ съ Иваномъ Моисѣевичемъ Герикомъ, крестьяниномъ села Кочетова, отецъ котораго, выкрестъ изъ евреевъ, лѣтъ двадцать съ лишнимъ тому назадъ приписался къ кочетовскому крестьянскому обществу. Личность эта настолько любопытна, какъ по своимъ индивидуальнымъ качествамъ, такъ и по той роли, которую она играетъ въ Кочетовѣ, что мнѣ очень часто придется говорить о ней; поэтому я, не откладывая, хочу здѣсь же, хотя и бѣгло, очертить ее.

Отецъ Герика, выкрестъ изъ евреевъ, солдатъ, завѣдывалъ когда-то этапнымъ пунктомъ въ с. Кочетовѣ; на этой должности онъ съумѣлъ нажить кой-какія деньжонки и, благодаря этому обстоятельству, имѣлъ возможность сдѣлать нѣкоторое приношеніе кочетовскому обществу, за что и принятъ былъ „на землю" въ число крестьянъ. Деньжонки у Моисѣя Герика, однако, не удержались, и когда подвыросли двое его сыновей, Иванъ и Федоръ, то имъ пришлось жить тяжелымъ мужицкимъ трудомъ. Федоръ больше оставался дома, пахалъ землю и завѣдывалъ скуднымъ хозяйствомъ, а Иванъ долженъ былъ посторонними заработками доставлять какую-нибудь поддержку обнищавшей семьѣ; съ 15-тилѣтняго возраста сталъ онъ заниматься самыми разнообразными работами: гонялъ гурты, ходилъ въ извозъ, копалъ землю и, наконецъ, попалъ на винокуренный заводъ рабочимъ. Теперь, ставъ почти первымъ человѣкомъ въ Кочетовѣ, онъ не загордился, и даже любилъ порою вспоминать о пройденныхъ имъ мытарствахъ. Помню, сидѣли какъ-то мы въ волости и посматривали въ окно, лѣниво перекидываясь незначущими фразами. Зима была въ этотъ годъ снѣжная, и весною, когда происходило дѣйствіе, образовались громадныя зажоры по всѣмъ дорогамъ; такая-то глубокая зажора была какъ разъ противъ волости. Видимъ мы, ѣдетъ мужикъ съ возомъ соломы: лошаденка тощая, сбруя мочальная, лаптишки у мужика старые, полушубокъ весь въ дырахъ,—словомъ, отчаянная бѣдность такъ и бросается въ глаза; и попалъ несчастный возъ этотъ въ самую зажору; лошадь выбилась изъ силъ, вытаскивая его, спотыкнулась и упала. Горемычный мужикъ, по колѣна въ водѣ, надрывался, помогая своей кормилицѣ встать, но безуспѣшно. Моисѣичъ, бывшій съ нами, участливо глядѣлъ на эту сцену и, вздохнувъ сказалъ: „вотъ точь въ точь, бывало, и я такъ-то надрывался. Везу возъ и самъ не разберу, кто дюжѣй

везетъ—я ли, лошадь ли?.. Надо ослобонить его, вспомнить старину". Онъ скинулъ съ себя поддевку и, выйдя на улицу, по колѣно побрелъ въ водѣ къ возу; поднять лошадь, налегнуть на возъ было для него минутнымъ дѣломъ, такъ какъ силы онъ былъ замѣчательной, — и несчастныя созданія, мужикъ и его кляча, стали кое-какъ продолжать свой горькій путь. Когда Моисѣичъ вернулся, я посовѣтовалъ ему пообсушиться, говоря, что онъ можетъ простудиться, но онъ только разсмѣялся: „Не такіе виды видалъ я виды: но поясъ въ водѣ и по часу приходилось возиться, да потомъ верстъ десять по морозу идти — заскорузишь даже весь,—и то ничего, Богъ миловалъ!"

На винномъ заводѣ Моисѣича скоро замѣтили: онъ постепенно повысился съ пяти на девяти-рублевое жалованье; мало-по-малу ему, какъ смѣтливому, исполнительному и вѣрному служащему стали давать значительныя порученія и, наконецъ, владѣлецъ завода сдѣлалъ его сидѣльцемъ на отчетѣ въ одномъ изъ своихъ кабаковъ. Четыре года орудовалъ Моисѣичъ въ кабакѣ: грабить народъ—не грабилъ, а только „по совѣсти" подливалъ воду въ бочку въ небольшой убытокъ своему патрону; дѣлалъ-же онъ это такъ совѣстливо, что водка его все-таки считалась лучшей въ околоткѣ, и торговля у него шла шибко въ ущербъ конкуррентамъ. За эти четыре года онъ нѣсколько поправился и заручился репутаціей дѣльнаго и умственнаго человѣка. Случилось, что кочетовскіе кабаки снялъ одинъ мѣщанинъ, незнакомый съ мѣстными условіями и жителями; онъ просилъ управляющаго винокуреннымъ заводомъ указать ему надежнаго человѣка, которому онъ могъ бы довѣрить веденіе дѣла въ Кочетовѣ; ему указали на Моисѣича,—и вотъ Моисѣичъ уже компаньонъ въ торговомъ предпріятіи. Съ тѣхъ поръ Моисѣичъ сталъ выходить въ люди, построилъ себѣ каменную связь изъ двухъ избъ, сталъ заниматься поставами картофеля, который отправлялъ вагонами въ Ростовъ; мелкимъ кулачествомъ не занимался, но плывшаго въ руки, конечно, не упускалъ: такъ, напр., онъ былъ однимъ изъ значительныхъ арендаторовъ мірской земли, которую засѣвалъ картофелемъ. При случаѣ, когда интересы его не затрогивались, —онъ горой стоялъ за обиженнаго, за правду; для всего же общества, для міра,—онъ былъ преданнѣйшимъ и вѣрнымъ слугою: его выбрали повѣреннымъ по общественнымъ дѣламъ, и онъ оказался какъ разъ къ мѣсту: онъ выхлопоталъ въ земствѣ въ пользу общества не выплаченныя за шесть лѣтъ деньги за починку гатей—всего 600 руб., оттягивалъ два года нарѣзку бобылямъ земли и, наконецъ, выигралъ возбужденную имъ противъ

нихъ тяжбу въ сенатѣ. Въ послѣднее время онъ попалъ въ гласные, и въ первую-же сессію удивилъ всѣхъ „господъ" своими здравыми сужденіями и смѣлыми спорами даже съ предсѣдателемъ собранія: онъ горой стоялъ за мужицкіе интересы и имѣлъ за собой 21 голосъ гласныхъ-мужиковъ.

Таковъ былъ Моисѣичъ по внѣшности; внутреннее же содержаніе этого замѣчательнаго человѣка я не могъ себѣ вполнѣ уяснить; несомнѣнно, что онъ былъ уменъ, и поэтому въ немъ часто замѣчалось презрѣніе къ людской пошлости и глупости. Но и самъ онъ, не получившій никакого образованія, едва умѣющій подписывать свою фамилію и отродясь не читавшій ни одной книги, не имѣлъ, кажется, никакихъ твердыхъ нравственныхъ правилъ: иногда онъ являлся образчикомъ честности и безкорыстія, иногда просто мошенничалъ; часто прощалъ сдѣланное ему зло или обиду, а случалось,—былъ мстителенъ и низко злопамятенъ. Онъ отлично понималъ людей и ладилъ съ людьми самаго тяжелаго характера. Виннозаводчикъ Борщевъ, внукъ двороваго человѣка, съумѣвшаго воспользоваться милостями барыни, былъ, какъ и всѣ богачи выскочки, заносчивъ и грубъ до крайности; достаточно было отъ него зависѣть хотя бы самымъ косвеннымъ образомъ, положимъ относительно покупки или продажи чего нибудь, чтобы онъ забывалъ всякую вѣжливость и начиналъ ругаться по кабацки; служащіе стояли предъ нимъ по три и болѣе часа, ожидая отъ него приказаній; рабочихъ онъ билъ прямо палкой по головѣ; крестьянъ, пріѣзжавшихъ продавать рожь или картофель, бранилъ всячески,—за что, неизвѣстно. И вотъ съ такимъ ошалѣлымъ милліонщикомъ Моисѣичъ умѣлъ отлично ладить, сохраняя свое достоинство. Вотъ нѣсколько случаевъ, которые пришли мнѣ на память.

Вздумалъ Борщевъ для распространенія водки своего издѣлія понаснять кабаковъ побольше, захвативъ, на сколько окажется возможнымъ, всѣ значительныя села въ округѣ. Снимать кабаки онъ довѣрилъ тремъ лицамъ, въ числѣ которыхъ былъ и Герикъ. Эти лица въ два мѣсяца сняли до 80-ти кабаковъ въ нѣсколькихъ смежныхъ уѣздахъ; Моисѣичъ отличился, быстро и хорошо устраивая самыя невозможныя сдѣлки. Но Борщевъ все брюзжалъ: „всѣ меня обкрадываютъ,—жаловался онъ Моисѣичу; небось и ты только думаешь, какъ бы меня надуть".

— Да около кого-же намъ, маленькимъ людямъ, и поджиться-то, какъ не около васъ? Вѣдь и вы поживаетесь около тѣхъ, кто покрупнѣе, и ничего, не жалуетесь!

— Это какъ такъ?..

— А когда вбухиваете въ заторъ лишнихъ пятьдесятъ пудовъ муки,—нешто не подживаетесь? Такъ что-жъ намъ глаза-то колоть?..

— Да вѣдь я, каналья ты этакій, не граблю никого...

— Да и я не граблю: вотъ привезъ вамъ 900 рублей; остались отъ снятія въ кабака въ Нагорномъ. Что мнѣ стоило ихъ въ расходъ поставить? Ничего; у васъ я не служу, документовъ на меня нѣтъ, ну и гладки взятки. А грабить тоже не хочу— на-те, получайте...

Сталъ Борщевъ подъискивать контролеровъ—учитывать сидѣльцевъ въ кабакахъ. Разговаривалъ онъ съ однимъ изъ такихъ господъ, въ то время, какъ взошелъ Моисѣичъ.

— Вотъ смотри, чучело, какого я золотого человѣка нашелъ...

— Ну-ка, разскажи, какъ ты будешь сидѣльцевъ учитывать?

— Какъ пріѣду въ село, оставлю лошадь у крайняго двора, а самъ пѣшкомъ въ заведеніе; прійду, да прямо къ денежному ящику—цопъ! Показывай, много-ли выручки?..

— Хо, хо, хо!..—заливался Борщевъ.—Молодчина!..

— А какъ сидѣлецъ, не говоря дурного слова, да прямо вамъ въ ухо?—замѣтилъ Моисѣичъ.

— Это за что?—удивился „контролеръ".

— А за тó,—не лѣзьте къ денежному ящику. Развѣ васъ сидѣлецъ знаетъ, кто вы такой есть? Вы должны тихимъ манеромъ взойти, Богу на образа помолиться, сидѣльцу открытой листъ изъ конторы подать, да и учесть, а потомъ деньги потребовать, онъ вамъ и самъ ихъ отдастъ, изъ денежнаго ли ящика, изъ женинаго-ли сундука—до этого вамъ дѣла нѣтъ: гдѣ хочетъ, тамъ и бережетъ, лишь бы цѣлы были.

— Да, братецъ,—сказалъ Борщевъ „контролеру",—ступай-ка вонъ: не годишься ты...

— Почему это у меня все колеса воруютъ, на худыя обмѣниваютъ?—удивлялся Борщевъ. Нéдавно еще шестьдесятъ новыхъ становъ купилъ и говорятъ—половина уже развалилась?

— Да развѣ у васъ по-людски дѣлается?—отвѣчалъ Моисѣичъ.—Есть у васъ плотникъ при телѣгахъ; обязанность его— смотрѣть за ними, чтобъ цѣлы были. Отпуститъ онъ, скажемъ, Тимохѣ телѣгу съ новыми колесами, онъ и правъ, покуда Тимоха не вернется; а вернулся, онъ обязанъ телѣгу принять отъ него, колеса осмотрѣть, все ли ладно. А у васъ нешто-такъ?

— А то какъ-же?!.

— Да вотъ у васъ какъ. Отпустилъ плотникъ пятьдесятъ

телѣгъ, сидитъ трубочку покуриваетъ, ждетъ, когда вернутся. А вы тутъ и идете. „Ты что, такой-сякой, безъ дѣла сидишь? Вотъ я тебя, мошенникъ!“ —Да я телѣги!“ ... — „Знаю я телѣги!.. И безъ тебя поставятъ. Ступай въ подвалъ!“ Плотникъ пойдетъ, а Тимоха ужъ давно этого случая ждалъ: вмѣсто новыхъ колесъ одѣнетъ старыя, телѣгу—подъ сарай, а новыя къ себѣ на дворъ; да такъ въ день-то телѣгъ пять и обрядятъ... Вотъ вы и выгадали на плотникѣ двугривенный, а на каждой телѣгѣ потеряли по два рубля...

— Ну, ладно, ступай!—Только и сказалъ Борщевъ, между тѣмъ какъ всякаго другого на мѣстѣ Моисѣича онъ изругалъ бы самыми площадными словами.

Моисѣичъ очень тяготился нѣкоторыми вещами, чего въ трезвомъ состояніи никогда не выдавалъ; но мнѣ пришлось раза два видѣть его выпившимъ и въ нервно-растроенномъ состояніи. Со слезами, правда—пьяными, на глазахъ жаловался онъ, что онъ неучъ, невѣжда; что онъ хотѣлъ бы жить по-людски, жить „по чистой совѣсти“, что у него нѣтъ поддержки (подразумѣвая подъ этимъ, вѣроятно—нравственныя правила); онъ плакался, что его компаньонъ по кабакамъ держитъ его въ рукахъ, не отпуская отъ себя благодаря двухъ-тысячному векселю, который онъ имѣлъ глупость выдать въ видѣ обезпеченія, и который онъ ему теперь не отдаетъ, хотя онъ, Моисѣичъ, уже давно желаетъ покинуть кабацкое дѣло; онъ неподдѣльно возмущался слабостью народа къ вину, нарушеніемъ общинныхъ традицій, развитіемъ кляузничества и сутяжничества, и прочими обрисовывающимися темными сторонами народной жизни... Еще нѣсколько чертъ: онъ былъ весельчакъ, юмористъ и остроумный разсказчикъ, любилъ бывать въ обществѣ деревенской аристократіи, не жалѣлъ денегъ на угощеніе „хорошихъ людей“, былъ падокъ до женскаго пола и не прочь былъ въ компаніи прокутить цѣлую ночь, никогда не вредя этимъ своему дѣлу, потому что послѣ безсонной, пьяной ночи могъ цѣлый день заниматься, чѣмъ ему надо было, безъ всякихъ признаковъ усталости.

Такъ вотъ однажды вечеромъ, нѣсколько дней спустя вышеописаннаго схода, приходитъ этотъ Иванъ Моисѣичъ прямо ко мнѣ на домъ. Я пилъ чай.

— Какими это судьбами, Иванъ Моисѣичъ?—говорю я, такъ какъ уже успѣлъ съ нимъ познакомиться.

— Съ добрымъ вечеромъ, А. Н.; вотъ пришелъ къ вамъ чайку напиться,—какъ будто сердце чуяло, что у васъ самоваръ на столѣ.

— Милости просимъ, подсаживайтесь.

Выпили стакана по два, поговорили кой-о-чемъ. Я все жду, что-то будетъ? потому что не чай-же пить, въ самомъ дѣлѣ, пришелъ Моисѣичъ; и онъ видно понялъ, что я жду отъ него объясненія; онъ отставилъ допитый стаканъ.

— За чай-сахаръ покорнѣйше благодаримъ, А. Н.—Признаться, пришелъ-то я къ вамъ собственно не чай пить,—вѣдь это ужъ дюже чудно было бы называться на чай, ни разу самъ не угостивши... Пришелъ же я къ вамъ насчетъ людской глупости поговорить, а вы меня, мужика, не перебивайте, дайте все высказать по порядку. Это опять все насчетъ дѣлежа земли. Небось слыхали, что дѣло это кой-кому изъ насъ не по скусу, потому что мірскихъ клиньевъ да душъ нанимали порядкомъ, признаться, и моихъ деньжоновъ тамъ сотни три сидитъ... Вотъ между нами, какъ межъ тараканами передъ пожаромъ и пошла возня: эти-то здѣсь суетятся, а я — признаваться ужъ, такъ во всемъ—въ городъ успѣлъ смахать, чтобъ объ этомъ дѣлѣ разузнать. Ну и узналъ: дѣло правильное, дѣлить можно во всякое время, только дѣлежку эту плевокъ стоитъ затянуть, хоть бы и приговоръ поставленъ былъ правильно: подать жалобу въ присутствіе,—пока разслѣдуютъ, не меньше трехъ мѣсяцевъ пройдетъ; не выйдетъ по нашему, взять копію, да въ губернское... Этакъ ужъ вѣрно на годъ затянется, а намъ только это и нужно, чтобы годъ землю отдержать. Понятно-съ?.. Ну, а здѣшніе то умники къ вамъ, да къ старостѣ на поклонъ задумали, думаютъ одними поклонами прожить на свѣтѣ: собрали съ восемнадцати дворовъ арендателей по десяткѣ и мнѣ принесли, велѣли свою десятку добавить, чтобы вамъ полтораста дать, да старостѣ сорокъ, лишь бы приговоръ этотъ затянуть. Вотъ и деньги: ей-Богу, не лгу, посмотрите сами.

Онъ вынулъ изъ бумажника объемистую пачку мелкихъ кредитныхъ билетовъ, повертѣлъ ее въ рукахъ и опять спряталъ. Я молчалъ, ожидая, что будетъ дальше.

— Такъ вотъ дѣло-то какое,—продолжалъ Моисѣичъ послѣ нѣкоторой паузы. — Къ незнакомому человѣку не пойдешь съ чѣмъ-нибудь опаснымъ, а тутъ бѣды никакой, по-моему, нѣтъ: дураки сами деньги суютъ, только бери, а ихъ жалѣть, по моему, нечего,—у нихъ денегъ этихъ много, не горбомъ достаютъ. Старостѣ я ничего не дамъ,—его и впутывать въ это дѣло не для чего, а вамъ я сотеньку предлагаю, другую же у себя оставлю, за коммиссію, значитъ. Ей-Богу, тутъ ничего дурного нѣтъ: я не прошу васъ, какъ тѣ олухи, читать какіе-то законы и указы;

говорю вамъ только, что вы ни дѣлайте, а ваша не возметъ, — такъ съ какой же стати отъ добра отказываться? А коли на честность дѣло пошло, такъ вы дѣлайте, какъ допрежь загадывали: собирайте сходку, говорите тамъ, что хотите, и ведите дѣло по своей линіи,—а я поведу по своей. Черезъ годъ же,—я перекрещусь, коли хотите, — тоже вѣдь крещеный, хотя и „изъ насихъ", — черезъ годъ это дѣло оборудуемъ въ разъ; я самъ за это дѣло возьмусь,—только дайте срокъ аренду додержать. Нешто я не вижу, что обществу большое утѣсненіе, а многосемейнымъ и прямо петля? Нешто у меня глазъ нѣтъ?.. Вижу, — и дѣлать мы будемъ, вѣрно вамъ говорю, — только на будущій годъ. Ну какъ?.. А если не согласны, я всѣ у себя оставлю, скажу что вамъ отдалъ, а дѣло все-таки по моему выйдетъ...

Что могъ я, неискушенный и неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, подѣлать съ такимъ могучимъ противникомъ, напередъ отрѣзавшимъ мнѣ всѣ выходы изъ моего сквернаго положенія? Прежде чѣмъ я узналъ что-либо о деньгахъ, все село уже знало, что деньги эти собираются для меня; не прими я ихъ, — никто бы не повѣрилъ бы этому, а повѣрили бы Моисѣичу, что онъ отдалъ мнѣ мою долю. Кромѣ того, мнѣ начинало выясняться обстоятельство, на которое я въ началѣ не обратилъ никакого вниманія: это фактъ аренды и затраты большихъ денегъ какъ со стороны нѣсколькихъ кулаковъ, такъ и со стороны многихъ исправныхъ домохозяевъ-хлѣбопашцевъ, не упускающихъ, по силѣ вещей, случая снять за-дешево мірскую землю. И по закону, и отчасти, по совѣсти, арендаторы эти были вполнѣ въ правѣ требовать отсрочки передѣла до окончанія срока ихъ аренды, или же исключенія арендуемыхъ ими участковъ изъ оборота передѣла; но, въ послѣднемъ случаѣ, и значеніе самого передѣла на половину умалилось бы. Между чѣмъ было выбирать: произвести ли весной пародію на передѣлъ земли, оставляя участки арендаторовъ нетронутыми, или же, отложивъ дѣло на годъ, произвести тогда безпрепятственно передѣлъ всей мірской земли? Я начиналъ склоняться къ отсрочкѣ передѣла, но меня ужасала мысль, что подумаетъ общество, узнавъ происшедшую перемѣну въ моихъ намѣреніяхъ, и не будетъ ли оно въ правѣ поставить эту перемѣну въ непосредственную связь съ фактомъ сбора для меня денегъ? Теперь я вижу, что единственный выходъ изъ глупаго положенія, въ которое поставилъ меня Макіавель въ смазныхъ сапогахъ, это было бы взять у него всю предназначенную мнѣ сумму денегъ, т.-е. сто рублей и представить ихъ на благоусмотрѣніе сельскаго общества, разсказавъ ему, въ чемъ дѣло. Но на такой смѣлый

шагъ у меня не хватило опытности, и я рѣшился на компромиссъ, оказавшійся, впослѣдствіи, довольно неудачнымъ. Я отказался взять отъ Моисѣича всѣ деньги, объясняя, что возьму ихъ, когда дѣло окончится, потому что я не люблю брать впередъ; но въ видѣ задатка попросилъ у него двадцать-пять рублей, которые онъ мнѣ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на лицѣ, тотчасъ и подалъ.

Слѣдующая сходка была малочисленнѣе первой: не собралось и четырехсотъ человѣкъ; но собравшіеся, видимо, составили уже себѣ извѣстное мнѣніе о предстоявшемъ имъ рѣшить вопросѣ. Хотя шумъ и крики не умолкали во все время сходки, но это уже не былъ стихійный гулъ, какъ въ первый разъ, а осмысленный споръ и перебранка между двумя сформировавшимися партіями... По предложенію старшины сходъ раздѣлился на двѣ стороны: на-право стали желающіе произвести передѣлъ въ слѣдующую же весну, на-лѣво — вовсе нежелающіе его, или желающіе отстрочки его на годъ; въ этой группѣ стояли всѣ арендаторы, въ томъ числѣ и Моисѣичъ. На-право оказалось 291 человѣкъ, на-лѣво около 80. Выше гдѣ-то я упомянулъ, что въ Кочетовѣ считалось 510 домохозяевъ; поэтому, согласно 54 ст. Общ. Положенія, передѣлъ земли могъ состояться только въ томъ случаѣ, если за него выскажется не менѣе 340 голосовъ, т.-е. $^2/_3$ общаго количества; такимъ образомъ, 49 голосовъ до законнаго количества не хватало. Я понималъ, что при данныхъ обстоятельствахъ приговоръ будетъ недѣйствителенъ, но, въ видахъ личнаго интереса, рѣшилъ написать его. Я влѣзъ на перила и сказалъ сходу:

— Господа! За раздѣлъ получилось 291 голосъ; этого количества, по закону, недостаточно. Законъ требуетъ, чтобы двѣ трети голосовъ были бы за передѣлъ, тогда только его можно произвести. Васъ теперь не хватаетъ 50 человѣкъ желающихъ (слышатся разные возгласы: „хо, хо,—что взяли? Съѣли?"... И съ другой стороны: „ну, такъ, — теперь ужъ не хватаетъ! То все ладно было, а какъ что, такъ и не хватаетъ!")—Вы думаете,—господа желающіе дѣлить,—продолжалъ я,—что тутъ стакнулись съ арендаторами продать васъ, сдѣлать мошенничество? Вы, можетъ быть, уже слыхали, что и деньги для меня сбирали (рѣзкій возгласъ: „а то не слыхали?.."), и что я взялъ ихъ, поэтому ихъ руку и тяну? Честью васъ завѣряю, что денегъ ихъ я для себя не бралъ, и руки ихъ не тяну. Слушайте же: чтобы васъ увѣрить, что тутъ никакого мошенничества нѣтъ, я напишу вамъ приговоръ съ 290 голосами; изберите кого-нибудь, пускай въ

городъ пойдутъ и представятъ этотъ приговоръ въ присутствіе: вамъ скажутъ тамъ, что приговоръ не годится (возгласъ: „извѣстно, вѣдь самъ писать будешь?..“). Да поймите же, что не самый приговоръ будетъ плохъ, а плохо будетъ то, что васъ подпишется 290 человѣкъ, а надо 340! (Возгласъ: „а ты добавь еще“)... Ну, ужъ отъ этого увольте: я добавлять никого не стану, — это вѣдь подлогомъ называется, а за подлогъ въ острогѣ сидятъ.. А на счетъ денегъ, — это точно, — приносили мнѣ кучу цѣлую, сто рублей; да не взялъ я ихъ себѣ, потому что отродясь никогда не мошенничалъ, а пришло мнѣ на мысль, что не мѣшаетъ вамъ еще разъ отъ богачей-арендателей за мірскую землю угощеніе принять, благо у нихъ денегъ много, и они съ ними дуромъ навязываются... Такъ вотъ я и взялъ изъ этихъ денегъ только четвертную, будто въ задатокъ, чтобъ глаза имъ отвесть, да и кланяюсь вамъ теперь этими 25 рублями, — выпейте на нихъ за здоровье вашихъ благодѣтелей, да посогрѣйтесь, а то на морозѣ вѣдь перемерзли, пожалуй.

Толпа безмолвствовала; сказанное мною было такъ ново, такъ непонятно для нея. И точно: мужикъ привыкъ видѣть, что всѣ всегда стараются съ него что-нибудь содрать: попъ, писарь, старшина, староста, урядникъ и проч. и проч.; а тутъ вдругъ выискивается человѣкъ, принадлежащій къ сословію дерущихъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, ничего не прося, вынимаетъ двадцать-пять цѣлковыхъ и даетъ: на, пей. Многіе приняли это за шутку, но когда я подозвалъ знакомаго мнѣ мужика, содержавшаго ямщицкихъ лошадей, и почти насильно всунулъ ему въ руку пачку кредитокъ, то вокругъ меня раздались самыя различныя восклицанія.

— Вотъ такъ штука, братцы,—видали?.. Мы думали съ насъ еще будутъ тягать, а тутъ намъ даютъ!.. Хо-о-охъ, ловко!.. Эй, братцы, брать ли?!. Глядите, какъ вы!.. Чего глядѣть, бери коли даютъ, потомъ разглядимъ и т. п.

Мужикъ, которому я сунулъ деньги, въ недоумѣніи сжималъ ихъ въ рукѣ.

— А. Н., помилуйте, да что же мнѣ съ ними дѣлать?

— Раздѣли по сотнямъ, пусть дѣлаютъ, что хотятъ.—Я постарался скорѣй ускользнуть домой, надѣясь, что въ темнотѣ меня не узнаютъ. Но не тутъ-то было: черезъ пять минутъ по-моемъ приходѣ, въ комнату мою вваливаются человѣкъ восемь мужиковъ.

— Ну, что вамъ еще?

— Боязно принимать, Александра Миколаичъ! Нѣтъ ли тутъ подвоха какого? Ты ужъ намъ по совѣсти скажи, какъ это дѣло будетъ?..

— Да какой же тутъ подвохъ можетъ быть?

— А вдругъ мы за эти самыя деньги отвѣчать будемъ?

— Поймите же, — это мои деньги, мнѣ ихъ давали, себѣ я не взялъ, а арендаторовъ захотѣлъ все-таки хоть на малость наказать, чтобъ они зря съ такими штуками ко мнѣ не совались; ну и взялъ у нихъ только двадцать-пять рублей, собственно для васъ, на пропой, значитъ... Поняли?

— Теперь поняли, покорнѣйше благодаримъ, какъ не понять; а намъ было сумнительно, — заговорилъ одинъ, но другой его перебилъ:

— Ну, чего таперь сумнительно! Видишь, господинъ писарь уважденіе намъ дѣлаютъ, отъ своего куска и намъ ломоть даютъ... Покорнѣйше благодаримъ на этомъ! Пойдемъ, ребята, за ихнее здоровье выпьемъ!

И всѣ стремительно двинулись къ выходу. Я только спустя нѣкоторое время узналъ, что значило — „отъ своего куска и намъ ломоть даетъ". Дѣло въ томъ, что люди, всѣмъ складомъ своей жизни убѣжденные, что въ каждомъ экспериментѣ, надъ ними совершаемомъ, въ каждой попыткѣ принять участіе въ ихъ личныхъ или общественныхъ дѣлахъ кроется какой-нибудь подвохъ, какое-нибудь посягательство на ихъ тощій карманъ, — люди эти никакъ не могутъ повѣрить заявленіямъ, что „писарь" не взялъ ста рублей и такъ, отъ добраго сердца, даетъ имъ на водку 25 руб. Это все логично и объяснимо, но на практикѣ было для меня очень огорчительно, когда мнѣ передали, что поступокъ мой получилъ такое толкованіе: взялъ-молъ двѣсти (варіантъ — сто) рублей, но посовѣстился (варіантъ — отъ добраго сердца) и отъ своего куска кинулъ, чтобы заткнуть глотки, кусокъ въ 25 рублей. И въ концѣ-концовъ я выигралъ только то, что многіе признали за мной „совѣсть", а нѣкоторые „добрую душу", и лишь поумнѣе, въ родѣ старшины и Моисѣича, признали, что я не заурядный писарь, и что со мной надо держать ухо востро... Моисѣичъ, — такъ тотъ никогда и не заговаривалъ со мной объ этомъ казусѣ, стыдясь, вѣроятно, выпавшей на его долю роли, — около года меня дичился, но потомъ мы почувствовали надобность другъ въ другѣ и вели много общихъ дѣлъ, не поминая прошлаго.

Кстати: въ пропитіи тѣхъ двадцати-пяти рублей приняли

участіе не только желавшіе передѣла, которымъ собственно я и предназначалъ презентъ, но и стоявшіе противъ передѣла. И никто ихъ не попрекнулъ, при поднесеніи стакана съ водкой, признавая совершенно въ порядкѣ вещей то, что всякій беретъ свою долю изъ свалившагося съ неба куска...

Приговоръ былъ мною написанъ и представленъ черезъ нѣсколько дней старостой и тремя выборными въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ; имъ сказали тамъ тоже, что и я говорилъ, т.-е. что недостаточно голосовъ и что приговоръ, поэтому, недѣйствителенъ. Тѣмъ дѣло это на время и кончилось.

Н. А—ревъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1885.

Статистико-экономическіе труды земства.

Новые пріемы собиранія матеріаловъ, и подворная перепись.—Два типа статистическихъ бюро: московскій и черниговскій, и ихъ отличительныя черты.—Частные особенности нѣкоторыхъ бюро.—По поводу мысли объ общемъ планѣ для всѣхъ бюро.—Важность и необходимость отдѣла дополненій.—Возраженія противъ статистическихъ работъ по сельскому хозяйству.

Земская статистико-экономическая литература въ полной мѣрѣ заслуживаетъ у насъ названія новѣйшей, и это не только потому, что матеріалы для нея начали являться въ свѣтъ только въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ [1]): главныя права земской статистики на ея новость основаны на новыхъ пріемахъ всесторонняго изслѣдованія экономическихъ явленій и характерѣ собираемаго матеріала. Наша земская статистика пытается теперь примѣнить точные методы статистическаго

[1]) Вотъ главнѣйшіе изъ такихъ сборниковъ, которые мы и будемъ имѣть въ виду при настоящемъ обозрѣніи.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по московской губ. Т. I—III и т. I, в. 2.
" " " " тамбовской губ. Т. I—V.
" " " " рязанской губ. Т. I и VI.
" " " " курской губ., в. I—V.
" " " " обоянскому уѣзду.
" по хозяйственной статистикѣ полтавской губ. Т. I—III.
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по саратовской губ. Т. I.
" " " " самарской губ. Т. I и приложеніе.
Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ петербургской губ., в. I.
" для оцѣнки земельныхъ угодій, собранныя черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Т. V, IX, X.
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по екатеринославской губ. Т. I.
" " " " воронежской губ. Т. I.

наблюденія къ изученію каждой хозяйственной единицы, совокупность которыхъ образуетъ промышленную жизнь страны; при этомъ она изслѣдуетъ ее во всевозможныхъ отношеніяхъ, не стѣсняясь трудностью вопроса и руководствуясь исключительно задачей не упустить изъ виду ни одной стороны дѣла, способной такъ или иначе освѣтить предметъ. Съ этою цѣлью она прибѣгаетъ къ подворной переписи—личному опросу каждаго хозяина, какъ представителя самостоятельной промышленной единицы. Правда, перепись, это—такой пріемъ статистическаго наблюденія, къ которому постоянно обращается общество и правительство какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Но обыкновенно имъ пользуются, (или по крайней мѣрѣ, пользовались до послѣдняго времени) для какихъ-нибудь частныхъ цѣлей, а не для всесторонняго изслѣдованія экономическаго положенія страны. Такъ, всего чаще она примѣняется для регистраціи населенія, причемъ экономическія отношенія или вовсе устраняются или регистрируются по очень узкой программѣ, охватывающей далеко не всѣ стороны вопроса (однодневныя переписи городовъ). Къ ней прибѣгаютъ для изученія отдѣльныхъ единичныхъ сторонъ народной жизни, почему либо въ данный моментъ заинтересовавшихъ правительство (военно-конская перепись 1882 года; однодневная перепись учащихся 1870 г.; опросъ всѣхъ землевладѣльцевъ о распредѣленіи пахотныхъ земель по посѣвамъ въ 1881 году). Земская же статистика даетъ намъ нѣчто, гораздо большее: она также включаетъ въ свое изслѣдованіе и тѣ стороны вопроса, на которыя по тому или другому поводу обращало вниманіе правительство; но въ тоже время она интересуется и массою другихъ отношеній, большая часть которыхъ еще ни разу не подвергалась точной регистраціи. Не только составъ населенія по поламъ, возрастамъ и грамотности, или распредѣленіе его по владѣнію землей, лошадьми; но и величина посѣва на душу, количество арендуемой земли, способъ эксплуатаціи каждаго надѣла, величина и распредѣленіе между семьями избъ, развитіе садоводства, пчеловодства, разныхъ промысловъ и т. д.—все это интересуетъ земскаго статистика, все это тщательно записывается, систематизируется, разрабатывается и даетъ, съ одной стороны, основаніе для широкой и цѣлесообразной дѣятельности земства и правительства на почвѣ улучшенія быта крестьянъ и исправленія различныхъ неустройствъ постояннаго или временного характера; съ другой—матеріалъ для экономиста, изслѣдующаго настоящее положеніе страны и пытающагося угадать ея ближайшее будущее. Такого всесторонняго изслѣдованія народнаго быта еще ни разу насъ не предпринималось (да и новѣйшія заграничныя переписи производятся врядъ ли по такой широкой программѣ). Сходной съ

нимъ является развѣ только Румянцевская опись Малороссіи конца прошлаго вѣка. Но данныя свѣдѣнія, ею собранныя, не были опубликованы, и лишь въ настоящее время черниговскіе статистики обѣщають издать Румянцевскую опись двухъ уѣздовъ параллельно съ современной.

Подворная перепись въ полной мѣрѣ прилагается пока къ изслѣдованію лишь крестьянскаго хозяйства; примѣненіе того же метода къ помѣщичьему затрудняется сложностью послѣдняго, необходимостью собирать свѣдѣнія по каждому изъ нихъ отдѣльно отъ другихъ и, наконецъ, можетъ быть самое главное—предубѣжденіемъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ, отказывающихся давать какія либо свѣдѣнія о своемъ хозяйствѣ. Еще хуже стоитъ дѣло изученія крупныхъ промышленныхъ предпріятій: въ большинствѣ земствъ оно и не входитъ въ програму изслѣдованія, и только въ московской губерніи послѣднее ведется систематически, да и то не съ научно-экономическими, а санитарными цѣлями.

Земскіе статистическіе комитеты существуютъ въ 20 губерніяхъ [1]) изъ 34, гдѣ введены земскія учрежденія; но не всѣ они организованы по такъ-называемому московскому типу, гдѣ цѣлью изслѣдованія является подробное изученіе крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства, а основою—подворная перепись. Другая группа статистическихъ комитетовъ (черниговскій, херсонскій, казанскій) главной цѣлью имѣетъ оцѣнку земельныхъ угодій для болѣе правильнаго распредѣленія земскихъ налоговъ. Сообразно такому различію въ задачахъ, дѣятельность комитетовъ того и другого типа различается какъ по предмету изслѣдованія, такъ отчасти и по пріемамъ. Черниговское и т. п. статистическія бюро интересуются преимущественно землей, какъ главнымъ предметомъ обложенія; они изслѣдуютъ ея естественныя свойства, урожайность, доходы, приносимые владѣльцу въ формѣ арендной платы и т. д., стараясь этими и подобными признаками охарактеризовать всякую земельную единицу, представляющую какія либо особенности. Статистическія бюро московскаго типа такое же вниманіе обращаютъ на хозяйство и пытаются подмѣтить всѣ признаки, способные оттѣнить тѣ или другія особенности экономическаго положенія населенія данной области. Что касается пріемовъ наблюденія, то хотя оба типа статистическихъ комитетовъ (въ отличіе отъ пермскаго и отчасти тверского) примѣняютъ такъ-назы-

[1]) Кромѣ перечисленныхъ выше, въ таврической, смоленской, херсонской, тверской, вятской, пермской, новгородской, казанской; сверхъ того, въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губ., хотинскомъ—бессарабской, и въ нѣкоторыхъ другихъ.

ваемый экспедиціонный методъ, но въ московской группѣ основой работы является поголовный опросъ населенія, ибо ею собираются данныя въ каждомъ хозяйствѣ (крестьянскомъ), которыя получить съ требуемой полнотой можно только отъ самого хозяина. Черниговское же бюро интересуется особенностями района, околотка, и наиболѣе драгоцѣнныя свѣденія ему доставляетъ не масса, а отдѣльныя лица-старожилы, люди опытные. Не нужно, однако, понимать это такимъ образомъ, что между обоими типами статистическихъ комитетовъ нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Напротивъ, правильно отнестись къ нѣкоторымъ даннымъ оцѣночнаго характера (напримѣръ, заработной платѣ) вліяющей на доходъ отъ сельскаго хозяйства или арендной платѣ, можно, только имѣя ясное представленіе объ экономическомъ положеніи нанимающагося и о потребности въ землѣ крестьянъ-арендаторовъ. Поэтому, общее экономическое изслѣдованіе должно бы лечь въ основу и собственно оцѣночныхъ работъ; но земства предпринимающія эти послѣднія, отказываются отъ перваго, и уже сами статистики, преслѣдуя свою спеціальную задачу, обращаютъ вниманіе на многіе экономическіе вопросы, повидимому, для нихъ посторонніе, пользуясь случаемъ, чтобы собрать данныя, интересныя не въ одномъ только фискальномъ отношеніи. Впрочемъ, важность подворной переписи признается и тѣми земствами, которыя вводятъ у себя оцѣночную статистику, такъ что и черниговское, и херсонское бюро, дадутъ намъ также подворныя переписи нѣскольких уѣздовъ.

Если статистическіе комитеты черниговскаго типа не нуждаются свѣденій общаго экономическаго характера, то въ свою очередь и московская группа необходимо должна собирать данныя, спеціально касающіяся почвы, хотя бы по одному тому, что земля составляетъ главный источникъ благосостоянія населенія. Эти данныя, а также и другія, общія для всей деревни, статистики собираютъ уже не поголовнымъ опросомъ, а бесѣдой съ нѣкоторыми крестьянами. Опросомъ каждаго домохозяина опредѣляется его семейный составъ, количество скота, число и величина строеній, количество арендуемой земли, способъ обработки надѣла (своимъ скотомъ, наймомъ), свѣденія о промыслахъ, грамотности и т. д. Бесѣдой съ нѣкоторыми лицами, параллельно съ осмотрами плановъ на землю и другихъ документовъ, выясняется положеніе надѣла, качество его почвы, форма землевладѣнія, заработка, условія кредита, сбыта продуктовъ и т. п. Наконецъ, часть своей работы статистики производятъ въ архивахъ волостныхъ правленій и т. д. Этимъ путемъ они получаютъ данныя о величинѣ надѣла, о числѣ взятыхъ крестьянами паспортовъ, объ условіяхъ, на какихъ крестьяне подряжаются на работы (изъ книги

сдѣлокъ и договоровъ) и т. д. Большая часть собранныхъ такимъ образомъ свѣдeній систематизируется по извѣстному плану и заносится въ пообщинныя или подеревенскія (въ Малороссіи) таблицы, такъ что читатель имѣетъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ цифръ, характеризующихъ экономическое положеніе каждой общины или деревни для каждаго разряда крестьянъ отдѣльно. Эти пообщинныя данныя соединяются затѣмъ въ поволостныя и поуѣздныя, причемъ намъ даются итоги по цѣлому уѣзду и по каждому разряду крестьянъ (государственныхъ, помѣщичьихъ и т. д.) отдѣльно.

Изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства по типу московскаго земскаго статистическаго бюро есть явленіе новое, постоянно развивающееся; поэтому, программа и способъ изслѣдованія, а также группировка и разработка собраннаго матеріала въ различныхъ земскихъ комитетахъ не представляются совершенно однородными, о чемъ до извѣстной степени можно судить, сравнивая экономическія таблицы сборниковъ статистическихъ свѣдeній по различнымъ губерніямъ. Такъ, прототипъ изданій этого рода,—московскій сборникъ,—заключаетъ въ себѣ только 46 цифровыхъ графъ, между тѣмъ какъ въ трудѣ полтавскаго земства находится ихъ до 160. Естественно, что такое же рѣзкое различіе мы встрѣтимъ и въ содержаніи цифровыхъ свѣдeній московскаго и полтавскаго сборниковъ. Трудъ московскаго статистическаго комитета, какъ первый опытъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства путемъ подворной описи, даетъ лишь самыя общія свѣдeнія объ экономическомъ положеніи деревни, и, что главное, свѣдeнія эти пріурочены къ общинѣ, не какъ къ внѣшней условной формѣ группировки матеріала, а какъ къ цѣлому организму, живущему единой жизнью, такъ что въ сборникѣ весьма нерѣшительно проведено расчлененіе домохозяевъ общины на группы, различающіяся по тѣмъ или другимъ экономическимъ отношеніямъ. Изъ сборника вы узнаете, въ какомъ разстояніи находится деревня отъ Москвы, уѣзднаго города, станціи желѣзной дороги, шоссе; сколько въ ней было дворовъ, душъ мужского и женскаго пола, съ выдѣленіемъ лицъ рабочаго возраста по X ревизіи и въ моментъ переписи; величину надѣла и распредѣленіе его по угодьямъ, посѣвъ на душу различныхъ хлѣбовъ и ихъ урожай; общее число лошадей, коровъ и мелкаго скота; число паспортовъ, выдаваемыхъ ежегодно и размѣры платежей разнаго наименованія. Всѣ эти свѣдeнія пріурочены къ цѣлой деревнѣ или къ средней единицѣ (двору, душѣ, работнику); что же касается детальнаго расчлененія дворовъ деревни по ихъ экономическимъ особенностямъ и состоятельности, то въ Московскомъ сборникѣ мы встрѣчаемъ выдѣленными въ особую группу лишь безземельныхъ крестьянъ и надѣльныхъ, но не занимающихся хлѣ-

бопашествомъ. Такимъ образомъ, таблицы московскихъ статистиковъ даютъ намъ рядъ цифръ, характеризующихъ экономическое состояніе одной деревни въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, и очень мало говорятъ о томъ, что дѣлается внутри общины, какія пертурбаціи испытываютъ ея члены, на какія экономическія группы распадаются крестьянскія дворы, а не цѣлыя деревни. Дальнѣйшій ходъ статистическаго изслѣдованія Россіи не замедлилъ однако пополнить этотъ пробѣлъ въ программѣ московскаго комитета, и часть такого пополненія принадлежитъ тому же лицу, которое основало московскую земскую статистику, В. И. Орлову; еще въ 1880 году онъ приглашенъ былъ для организаціи статистико-экономическаго изслѣдованія тамбовской губерніи. Въ своей новой программѣ г. Орловъ ввелъ рубрики, относящіяся къ образованію народа (число грамотныхъ и учащихся), землѣ, пріобрѣтенной крестьянами въ собственность и арендованной (число арендующихъ дворовъ, количество нанимаемой всѣми ими пахотной и сѣнокосной земли) и къ крестьянскимъ постройкамъ; затѣмъ онъ произвелъ расчлененіе домохозяевъ по количеству владѣемыхъ ими лошадей и избъ, и раздѣлилъ мелкій скотъ по его родамъ. Вслѣдствіе подобныхъ нововведеній, число рубрикъ въ Тамбовскомъ сборникѣ увеличилось вдвое сравнительно съ московскимъ. Слѣдующій шагъ въ дѣлѣ собиранія и группированія матеріала сдѣланъ рязанскимъ статистическимъ комитетомъ, завѣдываемымъ г. Григорьевымъ, который ввелъ новыя рубрики (о промыслахъ крестьянъ, о выселившихся семьяхъ, качествѣ почвы надѣла и др.) и провелъ детальное расчлененіе домохозяевъ по экономическимъ признакамъ дальше тамбовскаго комитета. Именно, онъ впервые раздѣлилъ ихъ по рабочему составу [1]), изъ всего числа мужчинъ рабочаго возраста выдѣлилъ неспособныхъ къ труду и произвелъ болѣе дробное расчлененіе надѣльныхъ домохозяевъ по ихъ отношенію къ полученнымъ участкамъ земли: московскій земскій комитетъ знаетъ только дворы, вовсе бросившіе надѣлъ; тамбовскій, кромѣ того, выдѣлилъ группу семьи, лично обрабатывающую свои участки, а это даетъ намъ возможность опредѣлить количество дворовъ, обрабатывающихъ надѣлы помощью найма; рязанскій въ той и другой группѣ отличаетъ еще семьи, вынужденныя часть своего надѣла сдавать въ аренду. Кромѣ того, рязанскій комитетъ раздѣляетъ строенія крестьянъ по роду топки (по бѣлому и черному) и по матеріалу, изъ какого они выстроены или какимъ

[1]) Кстати, замѣтимъ, что графы № 20 и 21, Рязанскаго сборника, и № 23, 24 саратовскаго, изъ которыхъ первая заключаетъ семьи, имѣющія отъ 1—2 раб. вкл., а вторая — отъ 2—3-хъ, неопредѣленностью своего оглавленія могутъ спутать человѣка, пользующагося таблицами, у котораго, пожалуй, возникнетъ сомнѣніе, въ какую же графу вомия двурабочія семьи: въ первую или вторую?

покрыты. Благодаря этимъ нововведеніямъ, экономическія таблицы послѣднихъ выпусковъ рязанскаго статистическаго комитета состоятъ уже изъ 116 графъ, вмѣсто 83 графъ тамбовскихъ изданій. Курскій статистическій комитетъ (завѣдываемый И. А. Вернеромъ) ввелъ еще новыя рубрики (наибольшій и наименьшій участокъ земли каждой въ общинѣ; число домохозяевъ, арендующихъ надѣленную землю; посторонніе лица, проживающія въ чертѣ крестьянской осѣдлости; разстояніе отъ усадьбы ближайшаго и отдаленнѣйшаго полей, особенности расположенія надѣла), увеличивъ число графъ до 122. Петербургскій земскій комитетъ собиралъ свѣдѣнія по очень краткой программѣ, тѣмъ не менѣе онъ ввелъ подраздѣленіе домохозяевъ по количеству имѣющихся у нихъ коровъ; тоже самое сдѣлано г. Тимофеевымъ по отношенію къ обоянскому уѣзду курской губерніи, изслѣдованіе котораго произведено на средства уѣзднаго земства, и К. А. Вернеромъ для московскаго уѣзда, о которомъ опять собирались свѣдѣнія въ 1881 году. Въ новомъ изданіи экономическихъ таблицъ по московскому уѣзду г. Вернеръ даетъ еще указаніе на количество запущенной крестьянами пашни и на число дворовъ, выкупившихъ надѣлы отдѣльно отъ общества; выдѣляетъ общественныя аренды земли и указываетъ на различіе въ количествѣ лошадей у крестьянъ зимою и лѣтомъ. Тамъ же приведены и данныя переписи 1869 года. Въ таблицахъ по воронежской г. (статистическое бюро здѣсь находится въ завѣдываніи Ѳ. А. Щербины) введены новыя графы, заключающія распредѣленіе семей по числу ѣдоковъ, приходящихся на 1 надѣлъ. Весьма подробныя таблицы даетъ намъ полтавскій земскій статистическій комитетъ (завѣдываемый г. Терешкевичемъ). Онъ производитъ болѣе дробное дѣленіе населенія по возрасту и рабочему составу, выдѣляетъ въ особыя группы стариковъ и калѣкъ, вводитъ новую весьма важную рубрику крестьянъ, нанимающихъ батраковъ [1]). Такъ какъ крестьяне въ Малороссіи владѣютъ землей на частномъ правѣ, то величина участковъ здѣсь очень разнообразна, и полтавскій сборникъ даетъ намъ на этотъ счетъ больше десяти рубрикъ. Особенностями быта малороссовъ объясняется и болѣе дробное дѣленіе хозяйствъ по количеству рабочаго скота, а также введеніе новой рубрики хозяйствъ, обрабатывающихъ землю супрягой. Впрочемъ, послѣдній способъ обработки, съ уменьшеніемъ крестьянскаго скотоводства и развитіемъ плужной пахоты, началъ распространяться также въ Великороссіи, почему желательно, чтобы земскіе статистики обра-

[1]) Эта рубрика явится и въ слѣдующихъ выпускахъ описанія петербургской губерніи.

тили на этотъ предметъ свое вниманіе и внесли въ програму соотвѣтствующіе вопросы.

Полтавскій статистическій комитетъ ввелъ въ свои таблицы еще одно весьма важное нововведеніе. Не довольствуясь представленіемъ цифръ, относящихся къ отдѣльнымъ сторонамъ крестьянской жизни, онъ сдѣлалъ попытку сочетанія нѣсколькихъ экономическихъ факторовъ. Первый опытъ этого рода сдѣланъ черниговскимъ статистическимъ бюро относительно козелецкаго уѣзда. Такой способъ группировки цифрового матеріала въ глазахъ изслѣдователя имѣетъ гораздо бòльшую цѣну, чѣмъ общепринятый по деревнямъ. Послѣдній правильно основанъ на предположеніи, что община есть первичная единица экономической организаціи страны; дворъ еще не играетъ самостоятельной роли и имѣетъ значеніе лишь какъ составная часть общины. Поэтому, если таблицы земскихъ статистическихъ изданій и обращаются къ отдѣльнымъ дворамъ, то это они дѣлаютъ съ цѣлью полнѣе охарактеризовать общину; самый же дворъ, какъ самостоятельная хозяйственная единица, характеризующаяся извѣстными, разнообразными признаками, въ типическомъ земско-статистическомъ изданіи отсутствуетъ. Изъ него вы узнаете, сколько въ извѣстной деревнѣ дворовъ одно-рабочихъ и многорабочихъ, безлошадныхъ и однолошадныхъ, земледѣльческихъ и промысловыхъ; совокупность всѣхъ соотвѣтствующихъ цифръ рисуетъ физіономію этой деревни въ отличіе отъ остальныхъ. Но представьте на минуту, что деревня не есть организмъ, образованный изъ дворовъ, а составляетъ для нихъ внѣшнюю связь,—и всѣ ваши цифры теряютъ единство, являются разрозненными знаками чего-то неизвѣстнаго. Ибо, много ли поучительнаго въ томъ, что группа дворовъ, расположенныхъ въ одномъ мѣстѣ и носящихъ общее названіе какой-нибудь Карповки, можетъ быть разбита на много- и малорабочую часть, на промысловую и земледѣльческую, на безлошадную и многолошадную, мало- и многоземельную и т. д. Послѣ одного такого дѣленія, вы смѣшиваете дворы опять въ кучу и производите новое ихъ расчлененіе, затѣмъ опять смѣшиваете, дѣлите и т. д. И эти операціи вы совершаете надъ дворами, соединенными болѣе или менѣе случайно (по крайней мѣрѣ, это относится къ Малороссіи, гдѣ нѣтъ общиннаго землевладѣнія), связанными лишь территоріально; вы этимъ дѣйствительно характеризуете, но не то, чего требуетъ характеристика—не дворъ, не хозяйство разныхъ типовъ крестьянъ,—а безличную деревню, являющуюся въ большинствѣ случаевъ внѣшнимъ связывающимъ звеномъ для отдѣльныхъ хозяйствъ, а не цѣльнымъ организмомъ. Всѣ эти признаки — рабочій составъ, количество земли, скота, промыселъ, — дѣйствительно очень важны,

но главнымъ образомъ въ томъ случаѣ, если ихъ совокупность опредѣляетъ физіономію естественной промышленной единицы—хозяйства крестьянина, ибо послѣдній, а не деревня, или община, является самостоятельнымъ предпринимателемъ. Скажите намъ, сколько въ хозяйствѣ находится земли, работниковъ, лошадей, промышленниковъ, и мы получимъ ясное понятіе о физіономіи этого хозяйства и съумѣемъ отнести его къ тому или другому типу. Мало того, что такимъ образомъ рисуется выхваченная изъ жизни картина—мы получаемъ еще возможность понять экономическія отношенія: мы можемъ подмѣтить связь между различными факторами крестьянскаго хозяйства, объяснить, почему здѣсь оно приняло такой характеръ, а тамъ—другой. Подобная группировка статистическаго матеріала даетъ намъ возможность разрѣшить вопросы, которые нынче мы рубимъ съ плеча, руководясь тѣми или другими предвзятыми мнѣніями: о значеніи семейныхъ раздѣловъ въ жизни народа, объ отношеніи промысла къ земледѣлію и т. п.

Руководствуясь подобными соображеніями, черниговское статистическое бюро сдѣлало опытъ сгруппировать цифровый матеріалъ такимъ образомъ, чтобы онъ представлялъ сочетаніе нѣсколькихъ экономическихъ факторовъ, а именно: величины землевладѣнія каждаго двора, его скотоводства, аренды или сдачи земли и рабочаго состава, что даетъ возможность изслѣдовать вліяніе каждаго изъ этихъ факторовъ на остальные, оперируя не надъ дѣйствительными хозяйственными единицами, а надъ искусственными соединеніями, въ родѣ деревни или даже общины. Если вы пожелаете, напр., узнать связь, существующую между рабочимъ составомъ семьи и количествомъ арендуемой ею земли,—таблицы обыкновеннаго земско-статистическаго сборника не дадутъ вамъ свѣденій, нужныхъ для рѣшенія этого вопроса. Правда, изъ нихъ вы узнаете, сколько дворовъ въ данной деревнѣ, волости или уѣздѣ, имѣютъ по одному, по два, по три работника, и сколько дворовъ арендуютъ землю; но связать оба эти ряда цифръ вы не съумѣете, такъ какъ каждый изъ нихъ составлялся совершенно независимо отъ другого: въ группу съ однимъ или тремя рабочими вошли всѣ дворы, обладающіе этимъ признакомъ—арендуютъ ли они землю или нѣтъ; точно такъ же группа снимающихъ чужія угодья составилась изъ всѣхъ домохозяевъ, не обращая вниманія на то—принадлежатъ ли они къ многорабочимъ или малорабочимъ семьямъ.

Совершенно иное дѣло—такая группировка матеріала, гдѣ вы можете выдѣлить группу хозяйства, съ извѣстнымъ рабочимъ составомъ, и слѣдить за нею по рубрикамъ землевладѣнія, аренды земли, способа ея обработки, и т. д.; можете взять сочетаніе двухъ факторовъ, напримѣръ, рабочаго состава семьи, совокупности съ

размѣромъ землевладѣнія, и посмотрѣть, какъ это отражается на богатствѣ двора скотомъ, аренды имъ земли и т. п. Словомъ, принципъ внутренней характеристики прилагается здѣсь къ дѣйствительной хозяйственной единицѣ—семьѣ, двору, а не къ искуственному цѣлому, каковымъ должна быть признана деревня.

Гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе, тамъ обычной группировкой матеріала (по общинамъ) выдѣляется, по крайней мѣрѣ, одинъ экономическій факторъ—размѣръ надѣла, и является возможность изучать его вліяніе на крестьянское хозяйство; но понять это вліяніе можно только въ самыхъ общихъ чертахъ, ибо община, каковъ бы ни былъ ея надѣлъ—заключаетъ въ себѣ мало- и многоземельные дворы, которые, при дальнѣйшей группировкѣ матеріала, не отдѣляются одни отъ другихъ.

Недостатки общепринятой системы разработки данныхъ подворной переписи и преимущества системы черниговскаго комитета чувствуются и сознаются самими статистиками: коль скоро они приступаютъ къ подробному изученію крестьянскаго быта—оказывается, что огромнаго матеріала, сгруппированнаго въ таблицахъ сборниковъ, для этого недостаточно, и имъ приходится обращаться опять къ подворной переписи и перерабатывать ее уже на иной ладъ, именно такъ, чтобы выдѣлить какой-нибудь одинъ экономическій факторъ или получить сочетаніе нѣсколькихъ изъ нихъ. Для примѣра укажемъ на тамбовскаго статистика г. Романова: изучая аренду крестьянами помѣщичьихъ земель, онъ естественно пришелъ къ мысли сопоставить число арендаторовъ и размѣры арендуемыхъ ими участковъ съ различными другими экономическими факторами, какъ-то, величиной землевладѣнія, рабочимъ составомъ семьи, богатствомъ ея скотомъ и пр. Если бы цифровой матеріалъ, собранный статистическимъ бюро, былъ сгруппированъ по образцу, предложенному черниговскими статистиками,—сдѣлать такое сопоставленіе было бы нетрудно. Въ настоящее же время, пользуясь таблицами сборника, г. Романовъ могъ выполнить, да и то не совершенно, только часть своей задачи, именно показать зависимость крестьянскихъ арендъ отъ размѣровъ собственнаго ихъ землевладѣнія. Но и эту задачу, повторяемъ, онъ выполнилъ далеко несовершенно, такъ какъ оперировалъ не надъ дворами, а надъ цѣлыми общинами, т.-е. сравнивалъ между собою не реальныя хозяйства разныхъ надѣловъ, а средніе дворы мало- и многоземельныхъ общинъ. Но и для такого косвеннаго разрѣшенія своей задачи, г. Романову пришлось вновь переработать цифровой матеріалъ таблицъ; тамъ общины расположены по волостямъ, разрядамъ, крестьянамъ, сельскимъ обществамъ; а ему нужно ихъ распредѣлить по величинѣ

надѣловъ. Вотъ и пришлось нѣсколько сотъ общинъ уѣзда раздѣлить на новыя группы и произвести надъ ними рядъ новыхъ вычисленій. Но и послѣ всей этой, излишней при другой системѣ группировки матеріала, работы, все-таки оказалось, что окончательныя заключенія относятся не къ дѣйствительному хозяйству, а къ среднему двору общины, съ тѣмъ или другимъ надѣломъ. И такъ какъ въ общинѣ самой малоземельной есть хозяева, обладающіе большими участками, и, наоборотъ, богато надѣленныя общины имѣютъ немалое число малоземельныхъ крестьянъ, то для окончательнаго рѣшенія вопроса о зависимости крестьянскихъ арендъ отъ величины надѣла, а тѣмъ паче для изученія вліянія на аренду другихъ факторовъ народнаго благосостоянія, г. Романовъ нашелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ сырому матеріалу подворной переписи; но, не имѣя времени разработать ее всю въ указанномъ направленіи, онъ ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ нужную ему группировку дворовъ лишь по нѣсколькимъ большимъ селеніямъ одного уѣзда, т.-е. далъ намъ не доказательство своего положенія о зависимости крестьянскихъ арендъ отъ благосостояній семей, а только иллюстрацію къ нему.

Не одинъ только г. Романовъ прибѣгаетъ къ пріему новой группировки матеріала подворной переписи. Курскіе статистики, напримѣръ, не удовольствуясь своими пообщинными таблицами, вновь перебрали всю подворную перепись, чтобы составить небольшую табличку, гдѣ всѣ дворы волости расположены по размѣрамъ ихъ участковъ. Затѣмъ, они нашли нужнымъ выдѣлить безземельныхъ крестьянъ, (присоединивъ къ нимъ и неприписныхъ по мѣсту осѣдлости), составивъ для нихъ особую пообщинную таблицу, хотя гораздо болѣе краткую. Воронежское статистическое бюро дало поволостныя таблицы для дворовыхъ, сторонних крестьянъ и для мѣщанъ; екатеринославское—для пришлаго населенія и т. д. Всего больше вниманія на сочетаніе нѣсколькихъ экономическихъ факторовъ обратилъ однако г. Василенко. Въ своемъ очеркѣ быта населенія полтавскаго и миргородскаго уѣздовъ онъ даетъ намъ сочетаніе того ли иного размѣра землевладѣнія съ рабочимъ составомъ семей и количествомъ рабочаго скота. Такая таблица позволяетъ изъ всего уѣзда выдѣлить группу дворовъ съ опредѣленнымъ размѣромъ землевладѣнія, разбить ее на части съ однимъ, двумя и многими рабочими, и посмотрѣть—сколько каждая такая часть заключаетъ въ себѣ семей безъ рабочаго скота, съ 1—3 штуками и т. д.; т.-е., вы можете такимъ образомъ изучать зависимость богатства крестьянской семьи скотомъ отъ ея землевладѣнія и рабочаго состава. Въ текстѣ полтавское бюро даетъ эти сложныя сочетанія кругомъ для цѣлаго уѣзда; но оно кромѣ того внесло этотъ принципъ и въ таблицы; именно, крестьянъ-арендато-

ровъ помѣщичьихъ угодій и отпускающихъ своихъ членовъ на ближніе и дальніе заработки оно показываетъ не въ одной круглой цифрѣ для цѣлой деревни, а разбиваетъ на нѣсколько группъ, различающихся по величинѣ собственнаго землевладѣнія. Итакъ, обыкновенный земскій сборникъ статистическихъ свѣденій содержитъ слѣдующія цифровыя данныя, заключенныя въ таблицы по общинамъ, деревнямъ, разрядамъ крестьянъ и волостямъ: о населеніи ревизскомъ и въ моментъ переписи съ раздѣленіемъ его по поламъ и возрастамъ; о грамотныхъ и учащихся; о величинѣ надѣла и количествѣ купленной крестьянами земли; о размѣрѣ посѣва (на единицу надѣла) разныхъ хлѣбовъ и урожаѣ; о способѣ обработки домохозяевами своихъ участковъ и о сдачѣ ихъ въ аренду; о съемкѣ помѣщичьихъ земель; о скотоводствѣ съ распредѣленіемъ дворовъ по количеству владѣемаго ими рабочаго, а иногда и молочнаго скота; о строеніяхъ. промыслахъ, платежахъ и недоимкахъ крестьянъ. Нѣкоторые сборники прибавляютъ сюда еще свѣденія о выселившихся крестьянахъ, о калѣкахъ, о расположеніи надѣла и т. п. Во всѣхъ сборникахъ, кромѣ того, имѣется большее или меньшее число графъ, дающихъ среднія цифры или процентныя отношенія.

Послѣ такого общаго обзора содержанія экономическихъ таблицъ земельныхъ сборниковъ, остановимся нѣсколько на вопросѣ о единствѣ идеи, лежащей въ основѣ работъ различныхъ статистическихъ бюро. Вопросъ этотъ сводится къ тому, насколько данныя разныхъ изданій относятся къ наиболѣе важнымъ экономическимъ явленіямъ, и насколько они допускаютъ сравненіе различныхъ мѣстностей между собою. Тамъ-и-сямъ раздаются голоса о необходимости объединенія работъ земскихъ статистиковъ и даже о пользѣ одной общей программы. Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ не было доли истины: совершенно вѣрно, что цифра теряетъ почти все свое значеніе, если она касается третьестепенной стороны народной жизни и относится лишь къ одной мѣстности, и статистическія изслѣдованія земскихъ бюро не имѣютъ общаго смысла, если одно изъ нихъ собираетъ лишь такой матеріалъ, который игнорируется другимъ. Но отсюда и до составленія одной общей програмы еще очень далеко. Ибо, если вы предложите образецъ, охватывающій всю жизнь крестьянина,—вы рискуете до того расширить рамки изданій, что лишь немногія земства будутъ въ состояніи выполнить ее цѣликомъ. Если же при составленіи програмы вы будете имѣть въ виду возможность легкаго ея выполненія, для чего ограничитесь лишь самыми существенными вопросами, то съ этимъ еще можно

примириться подъ условіемъ, чтобы такая программа была лишь минимумомъ требованій, предъявляемыхъ земской статистикѣ, и чтобы во власти послѣдней заключалось расширеніе экономическихъ таблицъ. Что же касается до нормальной, такъ сказать, програмы, обязательной для земства и ограничивающей его статистическія изслѣдованія рамками вопросовъ, то, неговоря уже о безцѣльности подобнаго стѣсненія, мы сомнѣваемся, чтобы въ настоящее время можно было составить программу, охватывающую всѣ существенныя отношенія крестьянской жизни. Кто хотя нѣсколько углублялся въ тѣ ряды цифръ, какими почти ежемѣсячно дарятъ насъ большія статистическія бюро, тотъ ясно видитъ, какъ мало мы еще знаемъ народную жизнь, какою она складывается въ пореформенную эпоху; какіе сюрпризы одинъ за другимъ придется намъ еще открывать въ этой области. И пытаться въ виду этого утверждать, что вотъ здѣсь кроется корень дѣла, а то—совсѣмъ не важно и, можетъ быть, игнорировано—было бы самымъ непростительнымъ доктринерствомъ. Пусть сначала явятся изслѣдователи народной жизни, которые бы перерабатывали матеріалъ, собираемый земскими статистиками; пусть они укажутъ на подмѣченныя ими явленія, совершающіяся въ крестьянской средѣ и на недостатки таблицъ, препятствующихъ всестороннему изученію этихъ весьма важныхъ отношеній, тогда можетъ быть рѣчь и о цѣлесообразной програмиѣ вопросовъ для статистическихъ учрежденій. До тѣхъ же поръ, мнѣ кажется, полезнѣе всякихъ програмиъ, навязанныхъ со стороны, будетъ указаніе на недостатки работъ статистическихъ комитетовъ, а крайняя рѣдкость такихъ указаній въ литературѣ доказываетъ, что и простое общество, и представители науки весьма мало интересуются этими трудами и почти вовсе ихъ не изучаютъ. Кто же въ такомъ случаѣ будетъ руководить дѣйствіями статистиковъ? на основаніи чьего опыта и какого авторитета имъ предпишется та или другая программа? Не лучше ли въ такомъ случаѣ положиться на опытность и инстинктъ самихъ земскихъ статистиковъ, которые, постоянно обращаясь въ сферѣ крестьянства и оперируя надъ собраннымъ матеріаломъ, оперируя не по извѣстному шаблону, а стараясь проникнуть въ сокровенный смыслъ голой цифры, сами видятъ недостатки своихъ таблицъ и пытаются ихъ исправить. Не слѣдуетъ забывать, что наши земскіе статистики не только собираютъ разнообразныя свѣденія и группируютъ ихъ по извѣстному образцу, но и изучаютъ народную жизнь по собранному матеріалу; они не только собиратели, но и изслѣдователи. Поэтому недостатки собственныхъ статистическихъ изданій видны имъ не хуже, чѣмъ кому-либо другому; поэтому же мы замѣчаемъ въ этихъ изданіяхъ постоянный прогрессъ, выражающійся расширеніемъ таблицъ и измѣненіемъ

группировки матеріала. Это замѣтно не только по сравненію таблицъ сборниковъ земства, позже приступившихъ къ статистическому изслѣдованію, съ тѣми, которые начали это дѣло раньше, но и въ изданіяхъ одного и того же земства. Не говоря уже о новой переписи московской губерніи, отдѣленной отъ предъидущей 6—7 годами, сравните два выпуска курскаго статистическаго бюро, рязанскаго, и вы увидите, какъ мало шаблоннаго въ отношеніяхъ земскихъ статистиковъ къ своему дѣлу. Въ первомъ выпускѣ, напримѣръ, курскаго сборника около 75 графъ, а въ слѣдующихъ уже 122. Послѣдніе выпуски рязанскаго сборника отличаются отъ перваго болѣе дробнымъ дѣленіемъ крестьянъ, по способу обработки надѣловъ, и болѣе детальнымъ распредѣленіемъ мѣстныхъ промысловъ, новыми графами—о выселившихся семьяхъ и почвѣ надѣла. Число рубрикъ второго тома полтавской губерніи одиннадцатью больше перваго. И мы ничего не имѣемъ возразить противъ такихъ расширеній таблицъ, лишь бы они не нарушали дѣйствительнаго единства плана, т.-е. не уничтожали бы возможности сравненія данныхъ предъидущихъ и послѣдующихъ выпусковъ.

Благодаря такому живому отношенію статистиковъ къ своему дѣлу, а также вслѣдствіе того обстоятельства, что большинство мѣстныхъ комитетовъ получаютъ дѣятелей изъ одного источника — всѣ сборники построены по одному общему плану. Чтобы убѣдиться въ этомъ—стоитъ только сравнить подворную перепись черниговскихъ уѣздовъ (гдѣ таковая имѣется), произведенную лицами, стоящими особнякомъ отъ другихъ статистиковъ, съ какимъ либо изданіемъ московской группы, напримѣръ со сборникомъ курской губерніи. Главнѣйшія данныя, какъ-то: группировка домохозяевъ по ихъ рабочему составу, по содержанію скота, по способу обработки земли— на сколько это допускается мѣстными условіями—одинакова у тѣхъ и другихъ; различіе, существующее въ графахъ объ арендѣ, нисколько не мѣшаетъ однако сравненію. Впрочемъ, не всѣ статистическія бюро одинаково въ этомъ отношеніи безупречны. Тамбовскіе статистики почему-то очень ревниво охраняютъ однообразіе своихъ таблицъ, не допуская въ нихъ никакихъ дополненій, и потому, несмотря на 7 выпусковъ своего изданія, они не даютъ цифровыхъ свѣдѣній о такомъ важномъ факторѣ крестьянскаго благосостоянія, какъ рабочій составъ семей. Большинство же комитетовъ, какъ мы это сказали раньше, пользуясь примѣромъ своихъ собратій, охотно расширяетъ таблицы изданій, хотя и здѣсь иногда, кажется, можно бы пожелать лучшей оцѣнки важнаго и неважнаго. Уже менѣе строго они относятся къ способу группировки данныхъ, такъ что тѣ-же цифры въ различныхъ сборникахъ иногда оказываются несравнимыми. Происходитъ это, безъ сомнѣнія, оттого, что статистическое бюро

каждой губерніи, разрабатывая только собственный матеріалъ, а чужія изданія лишь просматривая, легко замѣтать разницу въ полнотѣ своихъ и чужихъ таблицъ и поймутъ необходимость внесенія въ свое изданіе новаго полезнаго свѣденія, которымъ, можетъ быть, воспользуются и въ своей описательной работѣ. Другое дѣло—особенности въ группировкѣ матеріала. Единство плана въ этомъ отношеніи важно не для мѣстнаго статистика, который можетъ и не сравнивать свою область съ другими, а для экономиста вообще. Поэтому, первый можетъ и не замѣтить разницы своихъ и чужихъ изданій, а замѣтивъ ее—не пытаться достигнуть единства измѣненіемъ или дополненіемъ своихъ таблицъ, ожидая, чтобы это сдѣлали другіе. Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о томъ единообразіи плана изданій различныхъ статистическихъ бюро, котораго мы вправѣ отъ нихъ требовать на основаніи элементарныхъ статистическихъ аксіомъ. Эти послѣднія не всегда ими соблюдаются, что служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, какъ мало ихъ труды обратили на себя вниманіе нашего ученаго міра. Первымъ послѣдствіемъ такого вниманія была бы критика ихъ работъ съ научной точки зрѣнія и слѣдовательно указанія на спеціально-статистическіе промахи, которые въ послѣдующихъ выпускахъ были бы исправлены.

Мы здѣсь имѣемъ въ виду не одинаковую группировку разными комитетами матеріала, относящагося къ тѣмъ же явленіямъ народной жизни, вслѣдствіе чего цифры ихъ теряютъ характеръ полной однородности и дѣлаются неудобосравнимыми. Такъ, въ таблицахъ всѣхъ статистическихъ изданій находятся графы, заключающія въ себѣ домохозяевъ съ одной, двумя и т. д. штуками рабочаго скота; но при этомъ одни комитеты распредѣляютъ такимъ образомъ всѣхъ домохозяевъ общества (рязанскій, саратовскій, черниговскій, полтавскій воронежскій, екатеринославскій), другіе производятъ эту операцію только надъ надѣльными крестьянами, выключая безземельныхъ (тамбовскій, московскій, курскій, самарскій). Обоянскій статистикъ, г. Тимофеевъ, въ противность другимъ статистическимъ комитетамъ, держится того же основанія (обладанія надѣломъ), и при группированіи домохозяевъ по ихъ рабочему составу, не смущается даже тѣмъ обстоятельствомъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ становится въ противорѣчіе съ губернскимъ бюро до нѣкоторой степени и лишаетъ собранный имъ матеріалъ удобосравнимости съ другими уѣздами своей же губерніи.

Такъ какъ число безземельныхъ крестьянъ повсюду очень невелико, то и указанное нами отсутствіе единообразія въ группировкѣ дворовъ по владѣнію рабочимъ скотомъ еще не составляетъ очень большой ошибки статистическихъ комитетовъ. Гораздо важнѣе ихъ

разногласіе въ дѣлѣ расчлененія семей по рабочему составу. Первый изъ комитетовъ, давшій такое расчлененіе, рязанскій, образовалъ слѣдующія группы: 1) семьи безъ работниковъ, 2) семьи съ полуработниками, 3) съ 1 работникомъ безъ полурабочихъ, 4) 1 работникъ съ полурабочими до 2-хъ работниковъ, 5) два работника съ полурабочими до 3-хъ, 6) больше 3-хъ рабочихъ. Курскій комитетъ упростилъ классификацію рязанскаго, основавъ ее на учетѣ только взрослыхъ рабочихъ, чѣмъ лишилъ возможности сравнивать свои данныя съ рязанскими. Его примѣру послѣдовалъ и черниговскій комитетъ, между тѣмъ какъ полтавскій принялъ группировку, допускающую сравненіе какъ съ рязанскими, такъ и съ курскими данными. Именно, онъ произвелъ двойное дѣленіе хозяевъ по ихъ семейному составу; сначала на крупныя группы семей безъ полныхъ рабочихъ мужчинъ, съ 1 рабочимъ, двумя, и т. д., а потомъ на подгруппы: съ полуработниками и безъ нихъ. Теперь каждое новое статистическое предпріятіе имѣетъ передъ собой три образца, и преимущество, разумѣется, должно бы отдать полтавскому способу, не только какъ болѣе полно выражающему рабочій составъ дворовъ, но и потому, что онъ допускаетъ сравненіе съ другими мѣстностями. И однако, саратовское бюро въ своемъ изданіи слѣдуетъ примѣру рязанскаго комитета, а воронежское,—курскому. Теперь, если вы пожелаете сравнить разныя мѣстности Россіи по рабочему составу ихъ семей, вы не можете послѣдовать примѣру курскихъ статистиковъ, и игнорируя полурабочихъ, взять только группы съ 1 взрослымъ работникомъ, двумя и т. д., ибо рязанскій и саратовскій комитеты не знаютъ такихъ дѣленій: въ группу съ двумя работниками у нихъ входятъ и тѣ семьи, которыя имѣютъ по 1 взрослому рабочему плюсъ полурабочіе, а въ графу съ тремя—и тѣ, которыя состоятъ изъ 2 рабочихъ съ полурабочими. Не можете вы слѣдовать и классификаціи рязанскаго комитета, ибо въ такомъ случаѣ вамъ придется отказаться отъ сравненія курской, черниговской губерніи и другихъ. Вамъ остается одно: вмѣсто детальнаго расчлененія домохозяевъ, разбить ихъ на 3 большія группы: семей безъ работниковъ съ 1—тремя работниками и выше 3-хъ. Этимъ вы достигнете возможности сравненія, но главнаго изъ интересующихъ васъ вопросовъ не рѣшите: вамъ всего важнѣе выдѣлить группу семей съ однимъ рабочимъ, а здѣсь она является въ соединеніи съ дву-и даже трехъ-рабочими: семья экономически слабая, потому что она бѣдна рабочими силами, для васъ является въ одной группѣ съ сильными. Такое сравненіе врядъ ли приведетъ къ какимъ-нибудь имѣющимъ значеніе выводамъ. Какъ ни печально указанное разнообразіе въ группировкѣ матеріала по рабочему составу семей, но гораздо страннѣе полное отсутствіе на этотъ счетъ всякихъ данныхъ въ нѣкоторыхъ статисти-

ческихъ изданіяхъ. Тотъ или иной рабочій составъ семьи настолько очевидно-важный факторъ ея благосостоянія, что положительно удивляешься, какъ это тамбовскій, петербургскій, московскій и самарскій комитеты не даютъ на этотъ счетъ сколько-нибудь разработанныхъ свѣденій.

Приблизительно то же самое нужно сказать и о распредѣленіи домохозяевъ по владѣнію молочнымъ скотомъ. Есть, напримѣръ, мѣстности, гдѣ даже многіе изъ двулошадныхъ, т.-е. повидимому средне-зажиточныхъ крестьянъ, не имѣютъ вовсе коровъ. Поэтому, если о благосостояніи населенія судить по распредѣленію рабочаго скота, то придемъ къ одному заключенію; коль скоро же вы примете во вниманіе богатство семьи коровами (если бы соотвѣтствующія данныя находились въ сборникахъ), вашъ первый выводъ потерпитъ значительныя исправленія, если даже не будетъ совершенно измѣненъ. Впрочемъ, и безъ всякаго примѣра ясно, что количество молочнаго скота находится въ тѣсной зависимости отъ зажиточности семьи, и потому свѣденія о распредѣленіи коровъ между домохозяевами должны бы составлять постоянную часть экономическихъ таблицъ, а между тѣмъ данныя этого рода мы встрѣчаемъ только въ петербургскомъ, московскомъ и обоянскомъ изданіяхъ, да и здѣсь данныя сгруппированы по разнымъ планамъ: первый сборникъ распредѣляетъ на группы, владѣющія тѣмъ или другимъ числомъ коровъ, всѣхъ хозяевъ, а послѣдніе два—только надѣльныхъ. Правда, таблицы сборниковъ и такъ разрастаются иногда до 100 графъ и больше, почему отведеніе новыхъ рубрикъ значительно затрудняетъ и безъ того сложную и дорогую работу составленія таблицъ и ихъ изданія; но дѣло въ томъ, что почти всѣ сборники содержатъ не малое число такихъ графъ, которыя легко могли бы быть выпущены безъ всякаго ущерба дѣлу познанія крестьянскаго хозяйства. Укажемъ для примѣра на отдѣлъ платежей, которому обыкновенно посвящается 5 рубрикъ основныхъ, да нѣсколько производныхъ. (Впрочемъ, полтавскій сборникъ даетъ на этотъ счетъ только по-волостныя, но зато гораздо болѣе подробныя таблицы, а черниговскіе статистики впали въ противуположную крайность, не указывая даже общей цифры платежей). Между тѣмъ какъ выкупные, напримѣръ, платежи и государственные, даже, пожалуй, земскіе, легко могли бы быть соединены въ одну рубрику, ибо, будучи основаны на распоряженіи высшей власти или постановленіи земскаго собранія, они, кому это нужно, могутъ быть узнаны инымъ путемъ. Тогда сохранилось бы мѣсто для другихъ данныхъ, о которыхъ мы можемъ получить какія либо свѣденія только отъ земскихъ статистиковъ, какъ-то, для разъ упомянутаго уже распредѣленія домо-

хозяевъ по владѣнію молочнымъ скотомъ, участія въ крестьянскомъ хозяйствѣ наемнаго труда.

Все вышеизложенное заставляетъ насъ высказать пожеланіе, чтобы земскіе статистики выработали однообразный планъ разработки подворной переписи, котораго бы и держались въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ. Этотъ планъ долженъ служить minimum'омъ требованій, подлежащихъ исполненію, но никоимъ образомъ не стѣснять отдѣльные комитеты во всемъ, что касается расширенія таблицъ. Нелишне было бы, если бы группировка матеріяла по нѣкоторымъ вопросамъ (напр. о населеніи) совпадала съ той, какая принята въ статистикѣ вообще, дабы существовала возможность сравнивать наши цифры съ данными западно-европейской статистики. Впрочемъ, этому, пожалуй, будутъ препятствовать цѣли, преслѣдуемыя земскими статистическими комитетами въ отличіе отъ обыкновенныхъ статистическихъ учрежденій—цѣли преимущественно экономическаго изслѣдованія. Для того же, чтобы хотя нѣсколько исправить предъидущіе промахи въ земскихъ изданіяхъ, желательно, чтобы въ послѣдующихъ выпускахъ своихъ трудовъ статистики для каждаго уѣзда напечатали хоть поразрядныя таблицы важнѣйшихъ свѣденій, опущенныхъ въ первыхъ изданіяхъ, и дали намъ такія же таблицы распредѣленія безземельныхъ крестьянъ по ихъ владѣнію рабочимъ скотомъ. Имѣя эти данныя, читатель уже самъ приведетъ нужныя ему свѣденія къ одному знаменателю.

Сборникъ статистическихъ свѣденій по обоянскому уѣзду отступаетъ (и крайне неудачно) отъ другихъ изданій еще въ группировкѣ цифръ крестьянскихъ арендъ. Статистическія изданія обыкновенно держатся въ этомъ отношеніи такого пріема: они отдѣляютъ съемку внѣнадѣльныхъ земель отъ аренды надѣловъ и показываютъ въ особой графѣ количество арендуемой помѣщичьей пашни. Оба эти пріема мы должны признать вполнѣ раціональными; что касается перваго, то при общинной группировкѣ матеріала иначе поступить и невозможно: свѣденія о крестьянскихъ арендахъ имѣютъ своимъ назначеніемъ показать, насколько увеличивается площадь, эксплуатируемая крестьянами (общиной, волостью и пр.), благодаря съемкѣ помѣщичьихъ, и вообще не-крестьянскихъ земель; отсюда ясно, что мы должны имѣть цифру такой съемки. Если же аренда надѣльной и внѣнадѣльной земли показаны вмѣстѣ, то это лишаетъ насъ возможности узнать, какую площадь нужно прибавить къ крестьянскому владѣнію, чтобы получить все количество земли, обрабатываемой той или другой общиной; и подобныя свѣденія объ арендахъ теряютъ для насъ почти все свое значеніе. А такія именно данныя заключаются въ пообщинныхъ таблицахъ обоянскаго сборника, и расчле-

неніе цифръ сдѣлано здѣсь (въ спеціальной таблицѣ) только по волостямъ и разрядамъ крестьянъ. Тотъ же сборникъ отличается отъ остальныхъ и въ другомъ отношеніи: вмѣсто того, чтобы выдѣлить арендуемую крестьянами пашню отъ совокупности другихъ угодій, онъ показываетъ ее въ одной цифрѣ съ сѣнокосами, а отсюда проистекаетъ слѣдующее неудобство. Если вы пожелаете разбить всю обрабатываемую площадь уѣзда между крестьянской и помѣщичьей культурой и, за неимѣніемъ полныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ въ главѣ сборника о помѣщичьемъ хозяйствѣ, обратитесь къ экономическимъ таблицамъ, дабы на основаніи свѣденій объ арендѣ крестьянами помѣщичьихъ угодій судить объ эксплуатаціи послѣднихъ за счетъ самихъ владѣльцевъ, то вы придете къ довольно утѣшительному выводу относительно состоянія владѣльческаго хозяйства въ уѣздѣ. Именно, увидавъ изъ спеціальной таблицы сборника, что крестьяне арендуютъ 15.662 десят. помѣщичьихъ угодій, и зная, что частное землевладѣніе простирается здѣсь до 67600 десят., вы заключите, что владѣльцы уѣзда сдаютъ крестьянамъ 23%, а сами эксплуатируютъ до 77% своей земли, что, слѣдовательно, помѣщичье хозяйство стоитъ здѣсь довольно прочно. Но если вы примете во вниманіе, что въ разсматриваемой мѣстности господствуетъ зерновое трехпольное хозяйство, размѣры котораго опредѣляются количествомъ запашки, и на основаніи нѣкоторыхъ указаній сборника примете, что почти вся арендуемая крестьянами земля составляетъ пахотное поле, въ такомъ случаѣ окажется, что крестьяне снимаютъ отъ 40 до 50% помѣщичьей пашни (подлежащей засѣву), отчего размѣръ владѣльческаго хозяйства сокращается на 30 слишкомъ процентовъ сравнительно съ раньше вычисленной цифрой. Отсюда ясно, какое важное значеніе имѣетъ расчлененіе арендуемой земли на угодья, чего, однако, нѣтъ въ пообщинныхъ экономическихъ таблицахъ обоянскаго сборника.

Екатеринославскіе статистики тоже отступили отъ общепринятаго плана группировки матеріала: вмѣсто того, чтобы давать рубрики хозяевъ, обрабатывающихъ землю исключительно своимъ скоромъ и супрягой, они ограничиваются учетомъ дворовъ, имѣющихъ 1, 2 и т. д. штукъ рабочаго скота, предполагая, что хозяева, не имѣющіе полнаго плуга, тѣмъ самымъ обречены обрабатывать землю супрягой. Такой пріемъ кажется намъ неправильнымъ: данныя по козелецкому уѣзду показываютъ, что часть хозяевъ, не имѣющихъ полнаго плуга, тѣмъ не менѣе обходится безъ супряги, и что они этого достигаютъ, употребляя, вмѣсто недостающаго скота, коровъ.

Кромѣ пообщинныхъ экономическихъ таблицъ нѣкоторые сборники статистическихъ свѣденій даютъ намъ еще таблицы, составленныя гораздо короче и касающіяся такихъ сторонъ крестьянской

жизни, которыя въ подеревенскихъ таблицахъ затронуты лишь въ общихъ чертахъ или вовсе пройдены молчаніемъ. Такъ, въ пообщинныхъ таблицахъ рязанскаго, самарскаго, саратовскаго и курскаго сборниковъ промыслы крестьянъ раздѣлены лишь на мѣстные и отхожіе, земледѣльческіе и неземледѣльческіе; въ полтавскомъ выдѣлена еще графа для извоза, въ черниговскомъ—для заработковъ на водѣ и сахарныхъ заводахъ. Недовольствуясь этимъ, самарскіе и курскіе статистики составили еще таблицы, въ которыхъ промыслы по роду ихъ раздѣлены больше чѣмъ на 80—100 разрядовъ, но гдѣ крестьянскія семьи, занимающіяся промыслами, сгруппированы уже не по общинамъ, а по волостямъ. Такія же вѣдомости даютъ намъ и сборники, въ общихъ таблицахъ о промыслахъ вовсе не упоминающіе, каковы: тамбовскій, петербургскій, обоянскій (только напрасно они именуютъ ихъ таблицами внѣземледѣльческихъ промысловъ, въ то время, какъ туда входятъ и косари, и пастухи, и т. п.), а также воронежское и екатеринославское статистическое бюро, причемъ послѣднее дѣлитъ промышленниковъ на мѣстныхъ и пришлыхъ, постоянно занимающихся промысломъ или отдающихъ ему часть времени, живущихъ въ имѣніяхъ или селеніяхъ. Московскій (для московскаго уѣзда) и курскій сборники представили пообщинныя таблицы распространенія грамотности. Первый для каждой деревни показываетъ разстояніе отъ Москвы и школы, число дворовъ съ грамотными и учащимися и безъ нихъ, общее число грамотныхъ и учащихся съ распредѣленіемъ тѣхъ и другихъ по поламъ; кромѣ того, онъ даетъ нѣсколько процентныхъ отношеній и процентъ грамотныхъ по переписи 1869 года; данныя курскаго сборника менѣе подробны. Слѣдуетъ еще упомянуть о пообщинной таблицѣ курскаго сборника, касающейся безземельныхъ крестьянъ и неприписанныхъ по мѣсту своей осѣдлости, и о 3-хъ поволостныхъ таблицахъ воронежскаго сборника (о дворовыхъ крестьянахъ, мѣщанахъ и стороннихъ крестьянахъ, проживающихъ въ общинахъ изслѣдуемаго уѣзда). Въ этихъ таблицахъ даются свѣденія о купленной ими землѣ, способѣ ея обработки, скотоводствѣ крестьянъ этого рода и ихъ занятіяхъ. Подобная же, наиболѣе краткая, таблица есть и въ екатеринославскомъ сборникѣ.

Въ полтавскомъ, курскомъ, воронежскомъ и екатеринославскомъ земскихъ статистическихъ сборникахъ существуютъ еще таблицы хозяйственныхъ свѣденій по отдѣльнымъ частнымъ имѣніямъ. Таблицы заключаютъ въ себѣ свѣденія о количествѣ земли, принадлежащей владѣльцу съ распредѣленіемъ ея по угодьямъ, числѣ рабочаго и нерабочаго скота, количествѣ нанимаемыхъ батраковъ (въ екатеринославскомъ сборникѣ этой рубрики нѣтъ), количествѣ земли, отда-

ваемой въ аренду и запахиваемой самимъ владѣльцемъ, площади посѣва разныхъ хлѣбовъ, урожаѣ, земледѣльческихъ орудіяхъ (двухъ послѣднихъ рубрикъ нѣтъ въ полтавскомъ сборникѣ, свѣденія объ орудіяхъ отсутствуютъ и въ екатеринославскомъ), о техническихъ заведеніяхъ и т. д. Курскій и воронежскій сборники указываютъ еще на способъ обработки владѣльческихъ земель (сдачей крестьянамъ, батраками и т. п.) [1], причемъ первый даетъ даже цифры десятинъ, обрабатываемыхъ владѣльческимъ и крестьянскимъ инвентаремъ, такъ что мы имѣемъ точныя свѣденія о томъ, насколько распространена въ губерніи крупная культура.

Таблицы обнимаютъ не всѣ имѣнія уѣзда, хотя и значительное большинство ихъ. Свѣденія, заключенныя въ нихъ, получались опросомъ завѣдывающихъ хозяйствомъ, а нѣкоторыя изъ этихъ лицъ отказывались отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы.

Кромѣ таблицъ, земскіе сборники статистическихъ свѣденій заключаютъ въ себѣ текстъ, содержащій разработку данныхъ какъ цифровыхъ, такъ и неукладывающихся въ табличныя рамки. Прототипомъ этого отдѣла сборниковъ были также первыя изданія московскаго статистическаго бюро. Вскорѣ, впрочемъ, это послѣднее, въ ряду другихъ земскихъ статистическихъ комитетовъ, заняло особое положеніе, такъ какъ оно сдѣлалось постояннымъ учрежденіемъ при губернской управѣ, между тѣмъ какъ его сотоварищи созданы со спеціальною цѣлью произвести единовременное изслѣдованіе края, послѣ чего многіе изъ нихъ можетъ быть прекратятъ свое существованіе. Такое выгодное положеніе московскаго бюро развязало ему руки въ дѣлѣ изслѣдованія и описанія своей губерніи, позволивъ не спѣшить разработкою собраннаго матерьяла, дополнять недостаточныя свѣденія новыми переизслѣдованіями, даже предпринимать спеціальныя работы, косвенно связанныя съ общимъ экономическимъ изученіемъ крестьянскаго хозяйства (изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ, фабрикъ и т. п.). Поэтому съ III-го тома своего изданія оно отступило отъ плана, принятаго въ первыхъ двухъ,— прекратило очерки крестьянскаго хозяйства, намѣреваясь посвятить ему особыя монографіи. Оно отчасти это выполнило, давъ описаніе формъ крестьянскаго землевладѣнія; но затѣмъ увлеклось задачей изслѣдованія кустарныхъ промысловъ и санитарнаго положенія фабрикъ, такъ какъ тѣ и другіе въ жизни московскаго крестьянина играютъ болѣе важную роль, чѣмъ хлѣбопашество. Въ послѣднее время оно, впрочемъ, опять возвратилось къ земледѣлію, представивъ

---

[1] Въ екатеринославской и полтавской губерніяхъ господствуетъ обработка помѣщичьихъ полей собственнымъ инвентаремъ.

описаніе подмосковскаго крестьянскаго хозяйства, и большой томъ, посвященный помѣщичьему земледѣлію.

Другіе статистическіе комитеты, повторяемъ, не находятся въ такомъ удобномъ положеніи. Не только дѣятельность ихъ ограничена выполненіемъ извѣстной задачи, но и самое существованіе въ назначенный періодъ недостаточно обезпечено, примѣромъ чему можетъ служить рязанское статистическое бюро. Имъ поэтому приходится выбирать между быстротой изслѣдованія и изданія экономическихъ таблицъ и бѣдностью описаній съ одной стороны, и тщательной разработкой немногаго собраннаго, но зато съ рискомъ, что изслѣдованіе края будетъ прекращено въ самомъ разгарѣ съ перемѣной вѣтра, который въ земскихъ сферахъ постоянно мѣняетъ свое направленіе (доказательствомъ чему служитъ примѣръ того же рязанскаго бюро, нынѣ возобновляемаго, а также черниговскаго и херсонскаго, дважды возрождавшихся). И вотъ, различные комитеты выбрали разные удѣлы; одни изъ нихъ, какъ-то: тамбовскій, полтавскій, петербургскій и др. къ каждому тому экономическихъ таблицъ прилагаютъ болѣе или менѣе подробныя описанія. Другіе, въ особенности курскій и рязанскій, ограничиваются лишь краткимъ пояснительнымъ текстомъ, а то даже издаютъ однѣ таблицы безъ всякой ихъ разработки (3 уѣзда рязанской губерніи). Наибольшей выдержанностью плана отличается тамбовское бюро, которое, начиная со 2-го тома, въ каждомъ изъ послѣдующихъ неизмѣнно даетъ очеркъ крестьянскаго хозяйства (распадающійся на слѣдующія главы: о формахъ землевладѣнія, о земледѣліи и скотоводствѣ, о крестьянскихъ арендахъ и подрядахъ на работу у частныхъ владѣльцевъ, о внѣземледѣльческихъ промыслахъ крестьянъ) и матерьялы для оцѣнки земель, заключающіе въ себѣ распредѣленіе крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель по угодьямъ, продажныя и арендныя цѣны на земли уѣзда. Планъ этотъ данъ г. Орловымъ, который вмѣстѣ съ К. А. Вернеромъ и г. Невѣжинымъ составили текстъ къ 1-му тому сборника; здѣсь же былъ приложенъ еще очеркъ частно-владѣльческаго хозяйства. Преемникъ г. Орлова, г. Романовъ, значительно измѣнилъ планъ описанія крестьянскаго хозяйства и вовсе исключилъ изъ своего очерка помѣщичье. Опредѣленной программы при изданіи сборника по хозяйственной статистикѣ думаетъ держаться и полтавское статистическое бюро, если только земскій вихрь не прекратитъ преждевременно его существованія. По этому плану составленъ II-й томъ сборника, заключающій въ себѣ общія свѣденія объ уѣздѣ, очеркъ крестьянскаго хозяйства, въ свою очередь распадающійся на описанія формъ землевладѣнія, разработку данныхъ о населеніи по его возрастному и семейному составу, землевладѣніе различныхъ разрядовъ

крестьянъ съ таблицами, представляющими сочетаніе различныхъ земельныхъ участковъ съ рабочимъ составомъ семей, причемъ отдѣльно описана группа наиболѣе зажиточныхъ селянъ („богатырі") и бездомовыхъ скитальцевъ („подсусѣдкі"). Затѣмъ идетъ глава о скотоводствѣ съ таблицей тройного сочетанія величины участковъ съ семейнымъ составомъ и количествомъ рабочаго скота; описаніе земледѣлія и крестьянскихъ арендъ, занятій крестьянъ внѣ своего надѣла; обзоръ частновладѣльческаго хозяйства и отдѣлъ матерьяловъ для оцѣнки земель. Изданіе петербургскаго земства заключаетъ въ себѣ разработку данныхъ о населеніи и о кругѣ крестьянскаго хозяйства, отличаясь отъ другихъ сборниковъ тѣмъ, что приводитъ свѣденія объ отрѣзныхъ земляхъ. Воронежскій сборникъ даетъ очеркъ крестьянскаго хозяйства и матеріялъ для опредѣленія цѣнности земель, а екатеринославскій—еще и очеркъ помѣщичьяго хозяйства. Нѣкоторые сборники заключаютъ въ себѣ свѣденія о крестьянскомъ кредитѣ и другія статьи.

Другія статистическія бюро находятъ, что, давая однообразныя описанія по каждому уѣзду губерніи, невольно приходится повторяться, причемъ такія описанія не устраняютъ необходимости по окончаніи изслѣдованія произвести вновь обзоръ тѣхъ же отношеній для цѣлой губерніи, и это послѣднее описаніе, будучи основано на гораздо большемъ числѣ данныхъ, представитъ и большую степень основательности. Въ виду этого послѣ первой попытки слѣдовать примѣру московскаго сборника, такіе комитеты (напримѣръ, курскій) почти вовсе отказались отъ текста; другіе (саратовскій, черниговскій) придали этому послѣднему особый характеръ. И дѣйствительно, обыкновенный читатель, обращающійся къ земскимъ изданіямъ съ исключительной цѣлью ознакомиться съ тѣми явленіями, какія открыты статистиками въ изслѣдуемой мѣстности, смѣло можетъ удовольствоваться однимъ томомъ такихъ, напримѣръ, изданій, какъ сборникъ тамбовскаго или полтавскаго статистическаго бюро. Ибо во всѣхъ слѣдующихъ онъ встрѣтитъ то же самое, за исключеніемъ абсолютныхъ, а иногда относительныхъ цифръ и названій мѣстностей. Но то главное, чего онъ ищетъ,—отношеніе, правило, законъ—въ большинствѣ случаевъ въ одномъ уѣздѣ такіе же, какъ и въ другомъ.

Нельзя поэтому не согласиться съ тѣми статистиками, которые утверждаютъ, что разработка данныхъ съ большей основательностью и затратой меньшаго количества времени можетъ быть сдѣлана послѣ того, какъ будутъ собраны матеріялы по цѣлой или значительной части губерній. Но мы вовсе несогласны съ тѣмъ, что разработка должна быть отложена до того времени; несогласны по

двумъ причинамъ. Во-первыхъ, ищущимъ познанія своего отечества слишкомъ тяжело ждать того момента, когда статистики закончатъ собраніе матеріала; всѣ будутъ готовы до времени удовлетвориться и тѣми отрывочными, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрными, обобщеніями. какія они сдѣлаютъ по одному уѣзду, лишь бы они были даны сейчасъ же. Во-вторыхъ, примѣръ херсонскаго, черниговскаго и рязанскаго комитетовъ показываетъ, что надежда на благополучное окончаніе дѣла собиранія матеріаловъ не всегда основательны, и есть даже признаки. заставляющіе опасаться, какъ бы и вся земская статистика въ одно прекрасное утро не исчезла. Въ виду этого, откладывать на неизвѣстное завтра то, что можетъ быть сдѣлано сегодня—значитъ рисковать не сдѣлать ничего. Поэтому, весьма желательно, чтобы по возможности каждый томъ земскихъ сборниковъ сопровождался описаніемъ. Но, высказываясь за текстъ, мы этимъ не хотимъ сказать, что планъ тамбовскихъ или полтавскихъ статистиковъ заслуживаетъ подражанія. Напротивъ, мы думаемъ, что однообразныя картины. повторяемыя изъ тома въ томъ, могутъ быть допущены лишь въ томъ случаѣ, если широкая одновременная дѣятельность многихъ земскихъ комитетовъ повела уже къ выясненію всѣхъ разнообразныхъ отношеній, существующихъ въ нашей странѣ, если поэтому то или другое бюро съ своей стороны не находитъ ничего новаго, о чемъ бы оно могло повѣдать обществу. Въ настоящее же время дѣло стоитъ въ иномъ положеніи. Всякій томъ сборника приноситъ намъ нѣчто новое, даже не заботясь объ этомъ, а систематическое преслѣдованіе цѣли ознакомленія общества съ различными отношеніями и явленіями жизни Россіи дало бы намъ массу новаго и интереснаго. Поэтому. настаивая на необходимости описаній въ сборникахъ, мы понимаемъ послѣднія въ этомъ смыслѣ, какъ къ нимъ относятся, напримѣръ, саратовскіе статистики (съ г. Личиковымъ во главѣ). Каждый томъ ихъ сборника, кромѣ экономическихъ таблицъ по извѣстному уѣзду, будетъ содержать обстоятельное и подробное изслѣдованіе новыхъ вопросовъ изъ числа намѣченныхъ программою; по вопросамъ же уже разсмотрѣннымъ въ предъидущихъ сборникахъ, будутъ указываться лишь тѣ уклоненія и особенности, которыя замѣчены при изслѣдованіи новыхъ уѣздовъ". Сообразно такому плану, I томъ саратовскаго бюро даетъ намъ описаніе лишь крестьянскаго землевладѣнія и его формъ и крестьянскихъ арендъ пашни, оставляя изслѣдованіе другихъ сторонъ быта населенія до слѣдующихъ выпусковъ сборника. Мы считаемъ этотъ планъ наиболѣе раціональнымъ и желаемъ только, чтобы статистическіе комитеты нѣсколько поразнообразили методъ разработки подворной переписи. Именно, чтобы они

оперировали не столько надъ пообщинными таблицами (что можетъ сдѣлать любой изслѣдователь, имѣющій въ рукахъ сборники, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ земскимъ статистикамъ), сколько надъ первоначальными данными подворной переписи, иначе говоря, чтобы элементарными единицами ихъ вычисленій были не общины, а дворы; затѣмъ, чтобы они побольше утилизировали данныя, не вошедшія въ таблицы, и разнообразили свои описанія бытовыми подробностями (всего больше это дѣлаетъ полтавское бюро). Важность оперированія надъ дворами, а не общинами, объясняется тѣмъ, что въ пореформенное время община потеряла свой первоначальный характеръ однородности; она распалась на группы дворовъ, обладающихъ весьма различной степенью экономической состоятельности. И главный интересъ явленій народной жизни заключается именно въ исторіи и судьбѣ этого расчлененія общины, о чемъ однако жизнь послѣдней въ ея цѣломъ не даетъ яснаго понятія. Уже и теперь, когда разсматриваемый методъ разработки статистическаго матеріала прилагается въ очень ограниченныхъ размѣрахъ—тѣмъ не менѣе успѣли обнаружиться нѣкоторыя весьма интересныя явленія, которыя иначе остались бы для насъ неизвѣстными. Для примѣра укажемъ на мотивы передѣловъ крестьянской земли. Легко предположить, что этотъ актъ общинной жизни всецѣло покоится на узкихъ эгоистическихъ соображеніяхъ личной выгоды: передѣлъ, молъ, является тогда, если въ общинѣ найдется ²/з домохозяевъ, которымъ онъ выгоденъ; если же теряетъ отъ этого акта больше чѣмъ треть крестьянъ, то передѣлъ совершенъ не будетъ. Такое соображеніе однако опровергается разсчетами тамбовскаго, саратовскаго и воронежскаго земскихъ статистическихъ бюро, которыя, расчленяя всѣхъ домохозяевъ общинъ, совершившихъ недавно передѣлъ земли, на три группы—выигравшихъ, потерявшихъ отъ передѣла и оставшихся при прежнихъ участкахъ—нашли, что первые составляютъ не ²/з домохозяевъ (такое большинство голосовъ требуется по закону для совершенія передѣла), а съ небольшимъ половину, очень часто меньше ея, и что даже въ соединеніи съ тѣми семьями, для которыхъ передѣлъ безразличенъ, они все-таки далеко не составятъ требуемаго большинства, такъ что для возможности уравненія земли необходимо, чтобы нѣкоторая часть семей поступилась своими матерьяльными интересами въ пользу принципа и подала голоса за актъ, очевидно для нея невыгодный. Желательно, чтобы тотъ же примѣръ изслѣдованія былъ приложенъ и къ общинамъ, гдѣ противники передѣловъ особенно сильны, а также—гдѣ не возбуждается и мысль о передѣлахъ Не менѣе интересны выводы г. Василенко о вліяніи рабочаго состава семьи на ея благосостояніе; оказывается, что существованіе

полурабочаго даже въ семьяхъ, гдѣ уже есть 2 работника-мужчины замѣтно повышаетъ ея хозяйственную состоятельность, такъ что двурабочія семьи, имѣющія мальчиковъ, даютъ меньшее число хозяйствъ безъ рабочаго скота и большій процентъ богатыхъ скотомъ, сравнительно съ такими дворами, гдѣ также имѣется два работника, но гдѣ нѣтъ подростковъ. И къ такому заключенію можно было прійти, лишь оперируя надъ дворами, а не деревнями.

Въ послѣднее время печать довольно охотно останавливается на той роли, какую играетъ аренда помѣщичьихъ угодій въ дѣлѣ сохраненія личнаго хозяйства; врядъ ли однако можно рѣшить этотъ вопросъ, не имѣя точныхъ свѣденій о томъ, какіе дворы общины много-или малоземельные всего больше прибѣгаютъ къ арендѣ; а для полученія этихъ свѣденій необходимо послѣдовать примѣру, данному черниговскими статистиками и поддержанному полтавскими—группировать дворы извѣстнаго района по экономическимъ признакамъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ той или другой деревнѣ. Возьмемъ еще примѣръ. Въ экономическихъ таблицахъ нѣкоторыхъ сборниковъ указаны дворы, имѣющіе земледѣльческіе заработки. Въ эту группу включаются обыкновенно четыре рода заработковъ: батрачество, поденщина, подесятинныя работы у частныхъ владѣльцевъ и обработка надѣловъ безлошадныхъ крестьянъ. Уже простого перечисленія родовъ земледѣльческихъ заработковъ достаточно, чтобы видѣть, какъ разнообразно ихъ экономическое значеніе, несмотря на техническую однородность. Батрачество, напримѣръ, указываетъ на полную почти потерю крестьяниномъ своей хозяйственной самостоятельности, между тѣмъ, какъ отрядная работа, давая занятіе крестьянскому инвентарю, можетъ, напротивъ того, способствовать ея сохраненію; но за то она имѣетъ свою невыгодную сторону, особенно если ее сравнить съ обработкою надѣловъ безлошадныхъ хозяевъ. Крестьянинъ, пашущій десятину бѣдняка-сосѣда, берется за это, когда у него есть время, свободное отъ работъ на собственномъ участкѣ. Поэтому, такой заработокъ — чистый для него выигрышъ. У частнаго же владѣльца онъ подряжается въ минуты сильной нужды, ради полученія впередъ денегъ. Онъ поэтому беретъ за работу дешево, что, въ свою очередь, приводитъ къ необходимости искать работы еще и еще, т.-е. забираться подесятинными заработками сверхъ возможности, допускаемой собственнымъ хозяйствомъ. Отсюда—разстройство послѣдняго, уменьшеніе доходовъ отъ не во-время вспаханнаго, не во-время сжатаго поля, словомъ, упадокъ благосостоянія, тогда какъ съ внѣшней стороны можетъ казаться совершенно иное, потому что обиліе подесятинныхъ заработковъ заставляетъ крестьянина держать больше

рабочихъ лошадей, безъ которыхъ невозможенъ и существующій скудный доходъ. Читатель видитъ, сколь важно подраздѣлить рубрику крестьянъ, имѣющихъ земледѣльческіе заработки, и изслѣдовать вліяніе подесятинныхъ на хозяйственную самостоятельность и благосостояніе крестьянъ. Сдѣлать же это болѣе или менѣе точно возможно не иначе, какъ раздѣливъ дворы (а не общины) на группы, въ той или иной степени практикующія этотъ способъ полученія дохода, и приведя для каждой изъ группъ данныя, характеризующія ея хозяйственный бытъ; но это недостижимо при общепринятой группировкѣ матеріала по деревнямъ, и потому весьма желательно, чтобы земскіе статистики разработали въ этомъ направленіи данныя подворной переписи, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ мѣстностей, гдѣ подесятинные заработки особенно распространены.

Затѣмъ, нельзя не пожелать, чтобы по каждой губерніи хоть одинъ уѣздъ былъ разработанъ по плану г. Шликевича (см. козелецкій уѣздъ), т.-е. такъ, чтобы мы имѣли сочетаніе различныхъ хозяйственныхъ элементовъ. Какъ на возраженіе противъ примѣнимости этого метода группировки цифроваго матеріала къ Великороссіи, могутъ указать на то, что, благодаря общинѣ, крестьянское землевладѣніе не представляетъ здѣсь неподвижныхъ группъ, такъ что дворъ, сегодня богатый землею, послѣ передѣла можетъ спуститься на нѣсколько ступеней ниже. На это мы отвѣтимъ, что, во-первыхъ, кромѣ землевладѣнія есть и другіе весьма важные факторы народнаго благосостоянія, которые уже не зависятъ отъ формы владѣнія землей, такъ что если въ отношеніи размѣра участковъ, преслѣдуя планъ г. Шликевича, придется группировать общины, то по отношенію къ другимъ хозяйственнымъ элементамъ можно уже оперировать надъ дворами. Во-вторыхъ, группировка дворовъ по величинѣ ихъ участковъ, благодаря именно непостоянству послѣднихъ, можетъ разрѣшить очень важные вопросы, касательно вліянія передѣловъ на благосостояніе населенія. До сихъ поръ мы приводили въ пользу этого вліянія лишь болѣе или менѣе вѣроятные теоретическіе доводы; но и при всей истинности послѣднихъ, этимъ опредѣляется только самое явленіе, но не его размѣры и характеристическія особенности. Если же взять общины, давно не передѣлявшія угодій, гдѣ неравенство успѣло оказать свое вредное вліяніе, и другія, въ которыхъ передѣлъ совершенъ нѣсколько лѣтъ назадъ и далъ свои естественныя благотворныя послѣдствія, и затѣмъ, отдѣльно для той и другой группы привести таблицу сочетанія различныхъ хозяйственныхъ элементовъ (начиная съ размѣровъ дѣйствительныхъ дворовыхъ участковъ),—то мы будемъ имѣть точное представленіе о формахъ и размѣрахъ вреднаго вліянія отсутствія передѣловъ и о тѣхъ измѣненіяхъ, какія вноситъ въ бытъ сельской массы этотъ важный фактъ общинной жизни.

Почти неизмѣнную принадлежность сборника составляетъ глава: матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Назначеніе ея—послужить земству для болѣе правильной раскладки налога, но мы сильно сомнѣваемся, чтобы она могла имѣть подобное значеніе. Матеріалами для оцѣнки здѣсь служатъ данныя о стоимости земли и арендной платѣ. Самыя данныя почерпаются, во-первыхъ, въ нотаріальныхъ архивахъ (о передачѣ земель изъ рукъ въ руки) и во-вторыхъ—при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ (случаяхъ продажи и аренды); иногда сюда присоединяются еще оцѣнки земельныхъ банковъ. Но нотаріальныя цѣны на землю обыкновенно ниже дѣйствительной, такъ какъ, во избѣжаніе высокихъ пошлинъ въ купчихъ, общепринято выставлять уменьшенныя цѣны, не говоря уже о томъ, что статистиковъ не всегда и допускаютъ къ нотаріальному архиву (это было, напримѣръ, въ Самарѣ). Путемъ мѣстныхъ изслѣдованій опредѣляются далеко не всѣ случаи продажъ, и аренда не составляетъ единственнаго и во многихъ мѣстахъ даже главнаго источника дохода землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, значительная часть земель, нерѣдко цѣлые районы уѣзда ускользаютъ отъ оцѣнки,—почему и сгруппированный въ названной главѣ матеріалъ составляетъ развѣ только частицу того. что нужно знать для правильной раскладки подати. Интересъ этой главы въ общеэкономическомъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что здѣсь сгруппированы свѣденія о цѣнахъ на землю, арендной платѣ, иногда объ урожаѣ и цѣнѣ труда.

Еще одинъ непостоянный отдѣлъ „Статистическихъ Сборниковъ" составляютъ дополненія къ экономическимъ таблицамъ. Эти дополненія введены были въ Сборникъ рязанскимъ бюро, но уничтожены земскимъ собраніемъ и послужили поводомъ къ закрытію самаго бюро. Въ дополненіяхъ, для каждой общины приводятся свѣденія, неукладывающіяся въ табличныя рамки, какъ-то: о расположеніи надѣла. отрѣзкахъ и прирѣзкахъ къ нему, о родѣ заработковъ и ихъ выгодности, объ условіяхъ аренды земель, о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общины, такъ или иначе отразившихся на ея благосостояніи, объ отношеніи крестьянъ къ передѣлу и т. п. Чтобы показать читателю—насколько интересны эти дополненія, приведемъ здѣсь одно-два изъ нихъ для примѣра: „Деревня Малый Снѣжетокъ. 52 десятины песчаной земли—за 15 верстъ, остальная при селеніи. Къ усадьбамъ подходитъ земля помѣщика. Выгону нѣтъ; за выгонъ скота платятъ по 3 р. съ коровы. Частно-владѣльческой земли сдается мало и только за работу: за 1 день аренды—обработать и убрать 3 десятины владѣльцу и доставить ему на 2 дня подводу въ рабочую пору. Мѣстные заработки—земледѣльческіе; болѣе 30 человѣкъ въ батракахъ. Уходятъ на уборку хлѣбовъ на югъ, зарабатывая

руб. 50 въ лѣто. Въ 1878 г. сгорѣло 54 избы и столько же ригъ съ хлѣбомъ тотчасъ послѣ его уборки. Послѣ пожара хозяйство пришло въ упадокъ".—„С. Снѣжетокъ вр.-об. Рахмановой. Въ продолженіе 15 лѣтъ арендуютъ у помѣщицы всѣмъ обществомъ 109 десятинъ (считая и паръ) по 6 рублей дес. Участвующіе въ арендѣ дѣлятъ эту землю по ревизскимъ душамъ, почти не отличая ее отъ своей надѣльной. Отдѣльные крестьяне снимаютъ еще надѣльную землю у сосѣднихъ крестьянъ. Занимаются почти исключительно хлѣбопашествомъ на себя. Изъ промысловъ важенъ извозъ; подесятинныхъ заработковъ не берутъ. Живутъ исправно, благодаря выгодной и постоянной арендѣ. Хорошо удобряютъ землю". Примѣру рязанскихъ статистиковъ послѣдовало саратовское бюро въ пробномъ выпускѣ своего Сборника (1882 г.). О его дополненіяхъ къ таблицамъ, мы должны сказать, что они слишкомъ растянуты, такъ какъ свѣденія, общія для всей волости, не выдѣлены особо, и составитель слишкомъ подробно останавливается на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни крестьянства, напр., общинныхъ порядкахъ, родѣ высѣваемыхъ хлѣбовъ и т. п., между тѣмъ какъ тѣ же свѣденія въ свое время войдутъ въ общій очеркъ земледѣлія и общиннаго землевладѣнія.

Въ виду интереса данныхъ, входящихъ въ дополненія, можно, кажется, высказать пожеланіе, чтобы всѣ статистическія бюро открыли у себя этотъ отдѣлъ. За образецъ можно взять дополненія рязанскаго бюро, которыя, однако, нужно еще нѣсколько распространить. Именно, мы думаемъ, что въ дополненія должны войти свѣденія о формѣ и расположеніи надѣла, объ отрѣзкахъ и прирѣзкахъ къ надѣлу во время его отведенія, величинѣ таковыхъ, и какихъ угодій они коснулись; о богатствѣ выгономъ и о возможности нанять корма; есть ли въ окрестности достаточное количество сдающейся земли, и если нѣтъ, то почему: за отсутствіемъ ли помѣщичьихъ имѣній или потому, что владѣльцы сами ведутъ хозяйство. Если имѣетъ мѣсто послѣднее, то не было ли въ жизни деревни событій, разорившихъ крестьянъ до того, что они потеряли силу арендовать землю и тѣмъ заставили владѣльца самого взяться за хозяйство. Арендуютъ ли крестьяне надѣльную землю и какихъ именно деревень. Остановиться на общинныхъ или артельныхъ арендахъ и указать способъ распредѣленія такой земли между участниками. При указаніи заработковъ населенія опредѣлить цифрами главнѣйшіе изъ нихъ, какъ-то: батрачество, подесятинные заработки, указавъ число дворовъ, участвующихъ въ тѣхъ и другихъ, и общее число десятинъ, взятое ими на обработку. Здѣсь же слѣдуетъ указать и цѣны труда, условія аренды земель и т. п., а также всѣ другія, заслуживающія вниманія обстоятельства крестьянскаго быта. Можетъ быть, возможно

перечислить и лѣтніе праздники крестьянъ (свѣденія о которыхъ. впрочемъ, кажется, не собираются), въ виду хотя бы тѣхъ обвиненій, какія высказываются относительно прогуловъ въ самую рабочую пору. Попытка департамента земледѣлія собрать подобныя свѣденія показала, какъ много заключаютъ они въ себѣ поучительнаго интереса.

Выше мы упоминали о шаткости положенія земскихъ статистическихъ бюро. Мы этимъ хотѣли сказать, что они имѣютъ не малое число противниковъ, какъ въ самомъ земствѣ, такъ и въ сферахъ, стоящихъ внѣ и выше послѣдняго. Въ основѣ такого враждебнаго отношенія нѣкоторыхъ противниковъ статистическихъ указаній лежитъ, между прочимъ, боязнь истины и опасеніе, что близкое изслѣдованіе экономическаго положенія края откроетъ факты, компрометирующіе дѣйствія кружковъ, лицъ и т. п. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что земская статистика имѣетъ противниковъ и другого рода, и что есть лица, отрицающія цѣлесообразность задачъ и пріемовъ, положенныхъ въ ея основаніе; въ силу этого тамъ и сямъ—въ земствѣ, въ обычной жизни, иногда въ печати раздаются голоса, сомнѣвающіеся или прямо отрицающіе достовѣрность данныхъ, собираемыхъ статистиками. Такъ, напримѣръ, въ предпослѣднюю сессію саратовскаго губернскаго земскаго собранія, одинъ изъ гласныхъ представлялъ „документальныя“ опроверженія нѣкоторыхъ цифръ, заключающихся въ первомъ томѣ саратовскаго сборника. Управа предвидѣла это нападеніе и командировала новое лицо для переизслѣдованія спорнаго явленія, причемъ оказалось, что данныя, собранныя бюро, вѣрны, а ихъ противорѣчія документамъ гласнаго (почерпнутыя имъ изъ оффиціальнаго источника), должны быть приписаны сомнительному достоинству этихъ послѣднихъ. Оппонентъ, однако, не удовольствовался объясненіемъ и заявилъ, что онъ изобличитъ статистиковъ, хотя бы для этого ему пришлось самому произвести подворную перепись. Въ добрый часъ, напутствуемъ мы отъ себя почтеннаго гласнаго. Разумные приверженцы земскихъ статистическихъ изслѣдованій ничего такъ не желаютъ, какъ получить указанія на степень приближенія къ истинѣ матеріала, который они съ удовольствіемъ читаютъ и изучаютъ. А получить эти указанія врядъ ли возможно инымъ путемъ, кромѣ переизслѣдованія, произведеннаго посторонними лицами и, по возможности, болѣе точными пріемами.

Въ 1883 году, господствующій у насъ типъ земско-статистическихъ предпріятій подвергся сильному нападенію въ печати. „Въ Волжскомъ Вѣстникѣ“, былъ напечатанъ рядъ статей г. Лаврскаго, противъ

экспедиціоннаго метода, какъ онъ примѣняется у насъ, и въ защиту пермской статистики, основанной на собираніи свѣденій путемъ разсылки вопросныхъ листковъ разнымъ лицамъ уѣзда. Возраженія г. Лаврскаго двоякаго рода: онъ считаетъ московскій типъ статистики, во-первыхъ, очень дорогимъ и, во-вторыхъ, не соотвѣтствующимъ представленію, связанному со словомъ „земская“ статистика. Для того, чтобы получить отвѣтъ на ту сотню вопросовъ, касающихся каждаго крестьянскаго двора, какую ставятъ себѣ статистики, и быть увѣрену въ истинности отвѣтовъ, по мнѣнію г. Лаврскаго, нужно затратить, по крайней мѣрѣ, часъ времени на каждый дворъ. Слѣдовательно, при 200 тысячахъ дворовъ, напримѣръ, московской губерніи, одно только собираніе матеріала потребуетъ около 20,000 рабочихъ, 10 часовыхъ дней, и до 100 тысячъ рублей денегъ. Современныя же статистики тратятъ на это въ 10—15 разъ меньше и времени, и денегъ, — очевидно, какого достоинства будутъ ихъ труды. Кромѣ того, „земская“ статистика должна быть земскимъ самопознаніемъ, а это послѣднее г. Лаврскій понимаетъ, такимъ образомъ, чтобы земство познало себя само, а не при помощи постороннихъ лицъ („наѣзжихъ“ статистиковъ); пусть сами земцы, т.-е. мѣстные жители, собираютъ матеріалы; вѣроятно, сами они должны ихъ и обработывать и т. д. Остается, правда, не рѣшеннымъ одинъ вопросъ:—есть ли въ провинціи достаточный запасъ образованныхъ силъ, способныхъ на добросовѣстное и точное наблюденіе окружающихъ ихъ явленій; но и этотъ вопросъ г. Лаврскій разрѣшаетъ, вѣроятно, въ положительную сторону; читателю, если онъ не иностранецъ, по всей вѣроятности, извѣстно совершенно противное; наши земства сплошь и рядомъ затрудняются пріисканіемъ 3—4 человѣкъ въ уздѣ, способныхъ занять мѣсто мировыхъ судей или предсѣдателей земскихъ управъ, и гдѣ уже тутъ думать о цѣлыхъ десяткахъ лицъ, потребныхъ для правильной регистраціи спорныхъ явленій современной жизни. Въ ожиданіи, пока годный для этого персоналъ выработается общимъ ходомъ событій, земству нужно или отказаться отъ познаній самого себя, или поручить дѣло собиранія основного, такъ сказать, матеріала немногимъ лицамъ—будутъ ли то наѣзжіе, или мѣстные жители—все равно — представляющимъ достаточное ручательство въ пользу своей способности выполнить возлагаемое на нихъ дѣло. Такимъ образомъ, остается первое возраженіе г. Лаврскаго, обвиняющее статистиковъ въ шарлатанствѣ, въ томъ, что они берутся за дѣло, которое невозможно сколько-нибудь сносно выполнить при обыкновенной затратѣ на него силъ и денегъ, а требуемыя для этого издержки не по средствамъ земства. Правда, кто берется высказать такое обвиненіе, долженъ хорошо ознакомиться съ пріемами, практи-

куемыми статистиками вообще и нашими земскими въ частности, и, во всякомъ случаѣ, перечесть всѣ работы обвиняемыхъ. Но г. Лаврскій этого, повидимому, не сдѣлалъ, и потому не знаетъ, что подворная опись производится вовсе не хожденіемъ регистраторовъ по дворамъ (хотя нѣкоторыми комитетами практикуется и это); что возрастный составъ семьи, напримѣръ, опредѣляется не личнымъ осмотромъ всякаго ея члена, и количество скота—не пересчитываніемъ его самимъ статистикомъ, путешествующимъ для этого изъ хлѣва въ хлѣвъ. Регистрація всѣхъ подобныхъ фактовъ совершается на сходѣ путемъ опроса домохозяевъ одного за другимъ, причемъ затрудненія являются только при началѣ переписи; когда же таковая сдѣлана относительно нѣсколькихъ дворовъ—крестьяне настолько осваиваются съ этой, въ сущности простой, операціей, что безъ затрудненія отвѣчають на предлагаемые вопросы, такъ что самый подворный опросъ (путемъ котораго, прибавимъ, собираются далеко не всѣ данныя) требуетъ не больше 2—3 минутъ на дворъ. Несознательная ошибка въ отвѣтѣ крестьянина врядъ ли будетъ составлять частое явленіе, во-1-хъ, вслѣдствіе простоты вопросовъ, и во-2-хъ, оттого, что его никто не торопитъ; что же касается умышленнаго искаженія истины, то статистика увѣрена, что оно предупреждается гласностью опроса и общеизвѣстностью фактовъ, подлежащихъ регистраціи. Всякій крестьянинъ знаетъ экономическую обстановку своего односельчанина, и если только съумѣть заставить первыхъ опрашиваемыхъ дать вѣрные отвѣты—они уже не позволятъ остальнымъ исказить истину, опасаясь, чтобы, если свѣденія собираются для новаго налога—онъ не упалъ на нихъ тяжелѣе, чѣмъ на другихъ.

Теперь, когда статистико-экономическое изслѣдованіе по московскому типу охватило уже столько губерній, всякія апріористическія соображенія о степени вѣрности собираемыхъ этимъ способомъ данныхъ теряютъ свое значеніе въ виду легкой возможности провѣрить ихъ прямымъ путемъ. Правда, столичному жителю, напримѣръ, это сдѣлать крайне затруднительно, но земскіе противники статистическихъ начинаній легко могутъ провѣрить вѣрность своихъ возраженій и достоинство изысканій статистиковъ, если потрудятся произвести такую же подворную перепись по селу, гдѣ они живутъ сами и затѣмъ сравнить результаты своей переписи съ земской. Это не трудно сдѣлать постепенно, въ теченіе, напримѣръ, года, вовсе не затрачивая много времени. Будемъ надѣяться, что и г. Лаврскій не замедлитъ подѣлиться съ читателемъ результатами своего опыта собиранія статистическихъ данныхъ: онъ участвуетъ въ экспедиціи казанскаго земства, организованной по московскому типу (въ трудахъ этой экспедиціи есть уже очень интересный экономическій очеркъ

г. Лаврскаго), и потому своими собственными глазами убѣдится въ томъ, сколько времени требуется для описанія двора: часъ ли, какъ говорятъ его апріористическія соображенія, или двѣ-три минуты, какъ утверждаютъ статистики.

Но и не дожидаясь такой критической провѣрки матеріала, заключеннаго въ земскихъ статистическихъ сборникахъ, со стороны гласныхъ, г. Лаврскаго и т. п., мы имѣемъ возможность теперь же провѣрить нѣкоторыя изъ ихъ данныхъ. Г. Лаврскій утверждаетъ, что статистикъ лишь въ томъ случаѣ будетъ увѣренъ въ истинности цифры крестьянскихъ лошадей, если онъ самъ пересмотритъ и пересчитаетъ ихъ; земскіе же статистики говорятъ, что дѣлать этого нѣтъ никакой надобности, что достаточной гарантіей вѣрности свѣденій, сообщаемыхъ самими владѣльцами лошадей, служитъ гласность производства переписи. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ г. Лаврскому военное министерство и государственное коннозаводство производятъ конскую перепись въ духѣ г. Лаврскаго, хотя и не по его плану или иниціативѣ. Такъ какъ перепись имѣетъ своей непосредственной цѣлью опредѣлить достоинство лошадей, то она и была основана на ихъ осмотрѣ и измѣреніи; общее число головъ получалось прямымъ сосчитываніемъ. Благодаря этому, мы можемъ провѣрить степень достовѣрности свѣденій, собранныхъ земскими статистиками; принимая данныя конской переписи за абсолютно вѣрныя, посмотримъ, какую степень приближенія къ истинѣ представляютъ цифры сборниковъ:

	Раненбургск.	Данковск.	Скопинск.	Рязанск.
Данныя конской пер. .	34855	27582	34210	29340
„ земской „ .	31475	24783	33767	29243
Разница . . .	3380—10%	2799—10%	443—1,3%	97—0,4%

	Самарск.	Саратовск.	Полтавск.	Зеньковск.
Данныя конской пер. .	114997	47819	9938	9881
„ земской „ . .	111590	47849	9596	9577
Разница. . . .	3867—3,3%	30—0,07%	332—3,3%	14—3,1%

	Обоянск.	Суджан.	Курскій
Данныя конской переписи . .	58019	44054	52858
„ земской „ . . .	56591	44181	51060
Разница	1418—2,4%	27—0,06%	1798—3,4%

	Дмитров.	Льговск.	Петергофск.
Данныя конской переписи . .	32917	34698	8368
„ земской „ . . .	30981	32510	9267
Разница	1938—5,9%	2288—6,3%	899—10,6%

	Шацкій	Темниковск.	Спасскій
Данныя конской переписи . . .	31334	26484	24684
„ земской „ . . .	33535	25841	24903
Разница	2201—7%	643—2,4%	219—0,9%
	Козловск.	Моршанск.	Борисоглѣбск.
Данныя конской переписи . . .	77525	63412	80895
„ земской „ . . .	75964	64959	79166
Разница	1562—2,1%	1547—2,4%	1729—2%

Мы видимъ, что довольно значительную разницу представляютъ два рязанскихъ уѣзда, цифры которыхъ меньше дѣйствительныхъ на 10%. Допустимъ, что это—результатъ ошибки со стороны земскаго статистическаго бюро, хотя и въ этомъ случаѣ не всѣ 10% должны быть отнесены на долю ошибки, ибо „конская перепись“ подъ рубрикою лошадей сельскихъ обществъ отмѣчала не только крестьянскій скотъ, но и лошадей, принадлежащихъ всякому лицу, проживающему на землѣ сельскаго общества—это значитъ, что дѣйствительное число крестьянскихъ лошадей меньше той цифры, какая приведена въ „конской переписи“, и что слѣдовательно ошибка рязанскаго бюро не такъ велика, какъ это можно подумать съ перваго взгляда. Большую разницу (7%) представляетъ еще шацкій уѣздъ тамбовской губерніи и петергофскій уѣздъ петербургской; но эта разница, какъ намъ кажется, говоритъ въ пользу, а не противъ земскаго статистическаго бюро. Дѣло въ томъ, что, отвѣчая на вопросы статистиковъ, крестьянинъ, повидимому, скорѣе склоненъ преуменьшать всѣ показанія, относящіяся къ положительнымъ факторамъ его благосостоянія, и преувеличивать отрицательныя явленія; поэтому и въ отношеніи скотоводства земско-статистическія данныя будутъ грѣшить въ отрицательную, а не въ положительную сторону; между тѣмъ, въ примѣрѣ шацкаго и петергофскаго уѣздовъ мы имѣемъ обратное явленіе: свѣденія земскаго бюро превышаютъ таковыя же „конской переписи“. Такъ какъ и тѣ, и другія данныя собирались, по крайней мѣрѣ въ шацкомъ у., одновременно (лѣтомъ 1882 года), то слѣдуетъ допустить, что хотя земскіе статистики и не пересчитывали скота въ натурѣ, опредѣлили, однако, его количество вѣрнѣе регистратовъ правительственной переписи. Въ остальныхъ уѣздахъ разница въ данныхъ обѣихъ переписей такъ незначительна (0,06—3,3%), мѣстами доходя почти до полнаго совпаденія, что легко можетъ быть объяснена съ одной стороны разновременностью изслѣдованія, съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что правительственная перепись учитывала лошадей всѣхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ сельскаго общества, а земская—только крестьянскихъ.

Конская перепись была произведена отчасти тѣмъ способомъ, ка-

кой рекомендуется г. Лаврскимъ; по крайней мѣрѣ главными дѣятелями здѣсь были мѣстные жители (завѣдывающіе конскими участками). Пріемы переписи очень просты: всѣ лошади извѣстнаго участка пригонялись въ назначенный день въ условленное мѣсто и здѣсь ихъ сосчитывали, измѣряли ихъ ростъ, и результаты вносились въ переписные бланки. При такой простотѣ не трудно было добыть довольно вѣрные результаты, и обыкновенно таковые именно и получались. Этотъ способъ учета скота совершеннѣе того, какой практикуется земскими статистиками, и тѣмъ не менѣе результаты обѣихъ работъ, за немногими исключеніями, совпадаютъ настолько близко, что основываясь на этомъ, мы имѣемъ полное право считать пріемы переписи по московскому типу совершенно удовлетворяющими своей цѣли. Если читателя смутятъ тѣ 10% (вѣрнѣе 7, такъ какъ около 3% уйдетъ на постороннихъ лицъ, живущихъ на крестьянскихъ земляхъ), которыми рязанская земская перепись отличается отъ правительственной, и если такое отклоненіе нельзя объяснить предположеніемъ, что въ рязанской губерніи на крестьянскихъ земляхъ живетъ очень много постороннихъ лицъ, владѣющихъ лошадьми, то и въ этомъ случаѣ ошибка рязанскаго бюро говоритъ не противъ общаго плана, который въ другихъ губерніяхъ далъ же болѣе вѣрные результаты, а падаетъ всецѣло на исполнителей.

Опубликованіе результатовъ правительственной конской переписи даетъ возможность совершить еще одну провѣрку работъ земскихъ статистиковъ. Лошади, регистрированные правительственной переписью, записывались на имя того домохозяина, которому они принадлежатъ; поэтому, прежде, чѣмъ приступили къ переписи лошадей, были составлены по каждому селу списки домохозяевъ. Повидимому, вѣрно составить такіе списки не представляло никакихъ затрудненій, такъ какъ весь матеріалъ для нихъ существуетъ готовымъ въ волостныхъ правленіяхъ и у сельскихъ старостъ. Въ списокъ вносились домохозяева, а семьи, неимѣющія дворовъ, записывались подъ однимъ номеромъ съ тѣмъ хозяиномъ, у кого они жили на квартирѣ. Такимъ образомъ, число дворовъ „конской переписи" означаетъ число лицъ, живущихъ на крестьянской землѣ и имѣющихъ здѣсь домъ, независимо отъ того, принадлежатъ ли они къ составу сельскихъ обществъ, или нѣтъ. „Дворъ", по опредѣленію земскихъ статистиковъ, есть понятіе болѣе широкое: подъ этимъ словомъ они разумѣютъ всякую семью, принадлежащую къ составу сельскаго общества, имѣющую отдѣльное хозяйство, независимо отъ того, занимается ли она земледѣліемъ или нищенствуетъ, имѣетъ ли собственный домъ или живетъ гдѣ-нибудь изъ милости. Поэтому число дворовъ въ уѣздѣ по даннымъ земскихъ сборниковъ всегда превышаетъ на нѣсколько тысячъ

соотвѣтственную цифру въ „конской переписи“, несмотря на то, что послѣдняя показываетъ и дворы не крестьянскіе. Но въ таблицахъ земскихъ изданій помѣщено распредѣленіе всѣхъ домохозяевъ по владѣнію избами, благодаря чему и мы можемъ опредѣлить число крестьянскихъ семей въ уѣздѣ, имѣющихъ избы, и полученную цифру сравнить съ данными „конской переписи“; слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что послѣдняя должна быть выше первой, такъ какъ она относится ко всѣмъ хозяевамъ уѣзда, имѣющимъ дома, построенные на землѣ сельскихъ обществъ, а первыя — только къ мѣстнымъ крестьянамъ. Припомнимъ, что цифра земскихъ статистиковъ получена „наѣзжими“ спеціалистами, опросомъ каждаго домохозяина, опросомъ, продолжающимся всего 2—3 минуты, причемъ въ это время получается отвѣтъ на множество вопросовъ, а цифра „конской переписи“ дана мѣстными дѣятелями, работавшими не спѣша, имѣвшими поэтому время представить самыя вѣрныя данныя. Насколько же и въ какую именно сторону расходятся свѣденія обоихъ источниковъ?

По курской губерніи суджанскій уѣздъ въ обоихъ изданіяхъ имѣетъ ту же цифру домохозяевъ, обоянскій по земскимъ свѣденіямъ имѣетъ таковыхъ 540, или на 2,5 меньше. Въ данковскомъ уѣздѣ рязанской губерніи по земскимъ даннымъ число домовладѣльцевъ на 240, или на 1,7% меньше, сравнительно съ „конской переписью“, а въ раненбургскомъ на 874, или 4,3% меньше. Два, четыре процента домовъ уѣзда легко могутъ принадлежать лицамъ, ведущимъ здѣсь дѣла, но приписаннымъ къ другимъ обществамъ; поэтому указанная разница въ показаніяхъ обоихъ источниковъ не доказываетъ еще невѣрности земскихъ данныхъ. Но еслибы было и такъ, то ошибка столь ничтожна, что не трудно съ нею примириться. Зато сравненіе по нѣкоторымъ другимъ уѣздамъ, показываетъ, что свѣденія земскихъ комитетовъ вѣрнѣе правительственныхъ. Такъ, по шацкому, саратовскому, самарскому и полтавскому уѣздамъ, земскія цифры превышаютъ правительственныя на 2,7, 3 — 4%, и такъ какъ мало вѣроятно, чтобы при переписи, когда каждый показывалъ самъ за себя, получались бы невѣрности подобнаго характера, т.-е., чтобы крестьяне представляли свое экономическое положеніе лучшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ,—то вышеуказанное противорѣчіе данныхъ обоихъ источниковъ мы не можемъ приписать ошибкѣ со стороны земскихъ статистиковъ, а склонны думать, что ошибка сдѣлана скорѣе правительственными регистраторами.

Итакъ, оказывается, что статистико-экономическое изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства путемъ опроса крестьянъ „наѣзжими“ статистиками, имѣющее преимущество въ быстротѣ и малой затратѣ силъ, и по вѣрности собираемыхъ данныхъ не уступаетъ способу полученія

тѣхъ же свѣденій черезъ мѣстныхъ дѣятелей, требующему такой затраты времени, что правительство прибѣгаетъ къ нему лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Съ другой стороны, совпаденіе результатовъ двухъ совершенно различныхъ изслѣдованій доказываетъ, что методъ, которымъ производилось и то, и другое, совершенно пригоденъ для полученія болѣе или менѣе вѣрныхъ данныхъ, а это значитъ, что и статистико-экономическое изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства по московскому способу дастъ именно то, чего мы отъ него ожидаемъ, т.-е. свѣденія настолько вѣрныя, что по нимъ мы можемъ составить болѣе или менѣе правильное понятіе объ экономическомъ положеніи народа. Поэтому лица, интересующіяся вопросомъ, могутъ смѣло приступать къ разработкѣ драгоцѣннаго матеріала, заключеннаго въ скромныхъ по внѣшности сборникахъ статистическихъ свѣденій по той или другой губерніи, не опасаясь, что они будутъ имѣть дѣло съ фантастическими цифрами и приходить поэтому къ фантастическимъ выводамъ. Пожелаемъ только, чтобы лицъ этихъ было не такъ мало, и чтобы томы земскихъ статистическихъ изданій служили не для одного пополненія ученыхъ библіотекъ.

В. В.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ТОРЖЕСТВО ВЪ СМОЛЕНСКѢ.

Письмо въ редакцію.

Два дня, 20 и 21 мая, будутъ долго жить въ памяти смольнянъ. Не забудутъ этихъ дней и пріѣзжіе гости, которымъ пришлось провести ихъ въ Смоленскѣ. Дѣйствительно, въ этомъ торжествѣ было нѣчто такое, что заслуживало быть отмѣченнымъ.

По-правдѣ сказать, сначала какъ-то не вѣрилось, чтобы изъ затѣяннаго торжества вышло что-нибудь достаточно цѣльное и грандіозное. Интеллигентная жизнь нашей провинціи не отличается ни самостоятельностью, ни силою; подмосковная провинція особенно вяла и бѣдна въ этомъ отношеніи. Близость большого центра даетъ себя знать, и въ окружающихъ Москву губернскихъ городахъ, въ средѣ немногочисленной и разрозненной мѣстной интеллигенціи, найдете вы мало своихъ собственныхъ интересовъ. Все стремится къ столицѣ и живетъ ея умственною жизнью,—въ той мѣрѣ, въ какой чувствуетъ потребность жить. Эта черта подмосковной провинціи не зависитъ отъ степени многолюдства того или другого города. Тула, напримѣръ, выдается и своею относительною величиною, и цифрою своего населенія, и развитіемъ своей промышленности, а, между тѣмъ, умственная жизнь Тулы не только не богаче, но, несомнѣнно, скуднѣе умственной жизни другихъ небольшихъ губернскихъ городовъ. Гораздо большее значеніе принадлежитъ въ этомъ случаѣ степени отдаленности отъ Москвы. Тула, Рязань, Владиміръ, Тверь, отстоятъ отъ столицы не далѣе ста восьмидесяти верстъ; Смоленскъ, будучи первымъ городомъ по западному пути, удаленъ отъ Москвы, напротивъ, почти на четыреста верстъ,—болѣе чѣмъ Орелъ, почти столько же сколько Нижній. Удаленность — залогъ нѣкоторой самостоятельности; и вотъ небольшой и немноголюдный городъ, славный своими военными преданіями, пожелалъ прославить себя также мирнымъ торжествомъ. Задача была не изъ легкихъ. Праздновалась память великаго композитора; музыкальное торжество стояло на первомъ планѣ, но не слѣдовало придавать ему исключительнаго характера.

Природныя условія Смоленска даютъ хорошую обстановку для торжественныхъ событій. Чудное мѣстоположеніе на высокой горѣ, на берегу историческаго Днѣпра, открываетъ обитателямъ прелестные виды вдаль и обезпечиваетъ имъ здоровый, чистый воздухъ, дозво-

ляющій забыть о городѣ въ самомъ его центрѣ. Группы густой зелени разбросаны по всему городу и мѣстами окаймляютъ красивые пруды, которые легко держатся на верху горы. Внѣшній видъ Смоленска дышетъ здоровьемъ, радостью; взоръ, брошенный съ смоленскихъ высотъ на живописныя окрестности, настраиваетъ мысль на широкія думы, на поэтическія мечтанія. Житель грязной, душной, пропахшей всякимъ смрадомъ столицы, перенесенный на нѣсколько дней въ этотъ маленькій городокъ, съ жадностью втягиваетъ въ грудь его совершенно сельскій воздухъ, живо обѣгаетъ его зеленые уголки и закоулки, на цѣлые часы забывается въ выдающихся надъ пропастью бесѣдкахъ, устремляя свой восхищенный взоръ въ раскрытую предъ нимъ живописную даль, и уже заранѣе, не видавъ еще никакихъ приготовленій къ торжеству, не вкусивъ ничего отъ его первыхъ впечатлѣній, настроенъ по праздничному. Провинціальный характеръ города служитъ прямо на пользу задуманнаго дѣла. На пользу его служитъ и провинціальный характеръ самихъ городскихъ обывателей. Только въ провинціи можно встрѣтить такое неподдѣльное вниманіе со стороны хозяевъ по отношенію къ ихъ гостямъ. Значительной части пріѣзжихъ отводится помѣщеніе въ частныхъ квартирахъ, и здѣсь гостей ожидаетъ пріемъ, рѣдкій по своему радушію. Лучшія комнаты отдаются въ ихъ распоряженіе; экипажи, лошади, прислуга предоставляются къ ихъ исключительнымъ услугамъ, почти на недѣлю нарушается обычное теченіе домашней жизни; большой кругъ семей живетъ эту недѣлю чужою жизнью; слышатся претензіи со стороны хозяевъ, обойденныхъ распорядительнымъ комитетомъ и не получившихъ къ торжественному дню постояльцевъ. Вѣроятно, въ этомъ же родѣ встрѣчаютъ горожане въ военное время какую-либо дружественную армію, избавившую городъ отъ грозившей опасности.

Недостатокъ въ благоустроенныхъ гостинницахъ вынудилъ распорядительный комитетъ обратиться къ безвозмездному и радушному гостепріимству частныхъ обывателей, и это обстоятельство, какъ кажется, повліяло въ томъ смыслѣ, что приглашенія разсылались нѣсколько скупо, изъ опасенія оставить приглашенныхъ безъ достаточно комфортабельнаго пріюта. Нельзя однако не пожалѣть объ этомъ. Гости, въ виду особенностей случая, могли бы быть не особенно взыскательными, ихъ же многочисленность служила бы только къ вящшей торжественности праздника. Если не ошибаемся, разсылая свои приглашенія отдѣльнымъ лицамъ, намѣченнымъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, комитетъ не посылалъ отъ себя оффиціальныхъ извѣщеній о предстоящемъ торжествѣ въ различныя учрежденія, участіе которыхъ въ немъ было желательно, или, по

крайней мѣрѣ, не разослалъ такихъ извѣщеній въ достаточномъ количествѣ. Мы знаемъ многія ученыя учрежденія и общества, которыя не получили подобныхъ извѣщеній, а будь таковыя присланы,— увеличилось бы и число депутатовъ, и во всякомъ случаѣ — число привѣтствій, обиліе которыхъ могло лишь способствовать успѣху торжества. По нашему времени, празднованіе въ память Глинки представляло то выгодное свойство, что оно не встрѣчало возраженій со стороны той части печати откуда идетъ вѣчное и неизбѣжное противодѣйствіе, способное разстроить любое торжество, если только оно связывается съ воспоминаніями объ успѣхахъ, одержанныхъ человѣчествомъ въ борьбѣ генія съ окружающимъ его невѣжествомъ. Праздникъ въ честь генія музыкальнаго творчества казался обскурантамъ болѣе законнымъ. чѣмъ могло бы показаться имъ чествованіе памяти, напр., геніальнаго писателя,—и комитету, который распоряжался смоленскимъ торжествомъ, былъ открытъ свободный путь для наибольшаго его огланенія. Думается намъ, что въ этомъ отношеніи было исполнено не все возможное. Напрасно было разсчитывать особенно на самопроизвольныя проявленія интереса и сочувствія, какія могло оказать комитету русское общество, а потому не зачѣмъ было и скромничать; надо всегда помнить, что успѣхъ любого общественнаго дѣла зависитъ много отъ его организаціи. Въ Россіи же, при нашей тяжеловатости на подъемъ, искусная организація должна бы составлять предметъ особой заботливости со стороны устроителей того или другого дѣла, не исключая и торжественныхъ празднествъ.

Помимо „безобидности", — если правильно такъ выразиться, — Глинкинскаго праздника, существовала, повидимому, и другая причина, которая расположила къ нему сферы, обыкновенно съ недовѣріемъ встрѣчающія всякую мысль о какомъ-либо умственномъ возбужденіи общества. Извѣстная группа поклонниковъ великаго композитора, цѣня въ немъ своего, родного, генія, черезчуръ усиленно подчеркивала національную сторону смоленскаго торжества, и тѣмъ самымъ, съ умысломъ или безъ умысла, льстила одностороннему и близорукому патріотизму, который такъ легко и такъ невѣрно народную самобытность отождествляетъ съ народною отчужденностью. Такая тенденція чувствовалась уже раньше, во время приготовленія къ празднику, и съ нею явились на праздникъ весьма многіе, во власти которыхъ было сообщить ему тотъ или другой характеръ. Усиленное выраженіе ея стало причиной неловкихъ шаговъ, породило личныя столкновенія, раздѣлило ближайшихъ участниковъ празднества на два, несогласные между собою, лагеря. Къ чести распорядительнаго комитета надо сказать, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ этой борьбы, хотя, повидимому, не вполнѣ воспользовался своею распорядительною

властью для ея подавленія. Для большой публики многое оставалось нераскрытымъ или непонятнымъ—къ счастью для внѣшней гармоніи праздника. Но кое-что замѣчено было и профанами. Такимъ образомъ, прелестный городокъ, столѣтія бывшій ареною кровавой борьбы западныхъ элементовъ съ восточными, сталъ въ наши дни очевидцемъ совсѣмъ иной борьбы, гдѣ западъ столкнулся съ востокомъ въ области музыкальнаго творчества! И надъ этимъ споромъ, съ высоты своего величія, невозмутимо вѣялъ безсмертный духъ Глинки, чуждый, какъ и каждый геній, какой-либо односторонности. Изъ-за чествованія памяти генія порою выступало стремленіе присвоить себѣ этого генія, какъ исключительное достояніе, и его именемъ освятить только свое исключительное право на первенство.... Но въ любой борьбѣ отвлеченнаго характера всегда можно найти какую-либо болѣе реальную, конкретную подкладку. Стороннему человѣку было крайне интересно констатировать тотъ фактъ, что въ соперничествѣ двухъ партій музыкальнаго міра отчасти выразилось, уже позабытое въ другихъ областяхъ интелектуальной жизни, старинное препирательство Петербурга съ Москвою. Взаимное недовѣріе, взаимное недовольство, взаимная придирчивость скрывались подъ оболочкою борьбы за идеи. И что, можетъ быть, наиболѣе интересно, такъ это то, что представителями народной „самобытности“ явились на этотъ разъ по преимуществу петербуржцы, тогда какъ противоположная тенденція представлялась Москвою и вообще провинціей.

Внѣшняя сторона приготовленій къ празднику и самаго праздника прошли удачно. Дня за три до открытія памятника, начался пріемъ иногороднихъ гостей на вокзалѣ желѣзной дороги. Распорядители дежурили тамъ денно и нощно, предупредительно встрѣчали пріѣзжающихъ и развозили ихъ по квартирамъ, сдавая съ рукъ на руки гостепріимнымъ хозяевамъ. То-и-дѣло съ горы и на гору, отъ города къ вокзалу и отъ вокзала къ городу сновали экипажи, то спѣша на встрѣчу къ поѣзду, то увозя съ него прибывшихъ пассажировъ. Публика собиралась изъ обѣихъ столицъ, изъ городовъ западнаго края, изъ ближайшихъ губернскихъ центровъ, каковы Калуга, Орелъ или Тула. Когда-то слава и гордость петербургской оперной сцены, Е. А. Лавровская, пріѣхала изъ Кіева. Къ воскресенью, 19 мая, всѣ были уже въ сборѣ; оставалось полить улицы, и небо, какъ бы отвѣчая общему желанію, оросило ихъ за ночь обильнымъ дождемъ. Понедѣльникъ, 20 мая, былъ первымъ днемъ торжества. Его многочисленные участники столпились подъ высокими сводами собора, слушая заупокойную литургію по чествуемомъ композиторѣ. Въ церковной части праздника отдана должная дань генію стройнымъ исполненіемъ его херувимской. Предоставляя чудному

сочетанію звуковъ самому говорить за своего творца, первенствующій въ церковномъ служеніи опускаетъ всякое собственное „слово" и безъ проповѣди переходитъ къ панихидѣ. Группа женщинъ подъ правымъ клиросомъ, по-преимуществу, представительницъ артистическаго міра, выдѣляется, какъ всегда, своимъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ совершаемому обряду; но и торжественно-грустное „со святыми упокой" не подавляетъ торжественно-радостнаго настроенія: гдѣ чествуется память генія, тамъ мѣсто не печали, а радости, не отчаянія, но смѣлыхъ упованій и надежды. — За церковнымъ богослуженіемъ слѣдуетъ торжественное засѣданіе комитета и открытіе самаго памятника. Толпа отправляется на верхъ горы; тамъ противъ зданія дворянскаго собранія разстилается широкимъ четыреугольникомъ центральный садъ города, именуемый „блонь", и въ этомъ саду, на площадкѣ противъ сказаннаго зданія, воздвигнутъ памятникъ, еще окутанный полотномъ. Въ достаточно обширномъ и свѣтломъ залѣ дворянскаго собранія, предъ лицомъ собравшейся публики комитетъ открываетъ свое засѣданіе. Одна за другой подходятъ къ столу депутаціи, возлагаютъ на столъ свои вѣнки, произносятъ свои привѣтствія, выслушиваютъ слово благодарности отъ предсѣдателя. Хозяинъ музыкальной части празднества, М. А. Балакиревъ, получаетъ чрезъ посредство комитета отъ здравствующей сестры Глинки, г-жи Шестаковой, роскошную дирижерскую палочку, которою онъ и дирижируетъ въ моментъ открытія памятника. Публика, очевидно, ждетъ краснорѣчивой рѣчи, но, какъ нарочно, большинство депутатовъ говорятъ не смѣло и неслышно. Бойко и громко сказанное привѣтствіе депутата петербургской оперной труппы г. Стравинскаго вызываетъ громкіе аплодисменты. Прочитанные адресы написаны какъ-то на одинъ ладъ и не поражаютъ оригинальностью своего содержанія. Въ адресѣ с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества Глинка называется „величайшимъ изъ славянскихъ композиторовъ"; кое-кто невольно, слыша эти слова, вспоминаетъ о Шопенѣ и вопросительно глядитъ на депутата. Съ другой стороны, по мнѣнію благотворительнаго общества, все значеніе Глинки исчерпывается его вліяніемъ на славянскій міръ. „Онъ открылъ славянству иные пути, онъ опредѣлилъ исторію славянской музыки". Для остальнаго міра Глинка интересенъ лишь тѣмъ, что „далъ ему великіе образцы славянскаго генія". Это примѣненіе къ музыкальной области шаблонной славянофильской мѣрки, повидимому, одобряется невзыскательною публикою. Провинція не избалована краснорѣчіемъ; ясное и громкое чтеніе по писанному само по себѣ заслуживаетъ одобренія. Необычайный восторгъ одушевилъ залу, когда одинъ изъ депутатовъ, въ видѣ при-

вѣтствія, прочелъ свое собственное стихотвореніе и съ колѣнопреклоненіемъ поднесъ его присутствовавшей тутъ-же г-жѣ Шестаковой. Все оказалось въ должномъ порядкѣ: и рѣчи, и адресы, и телеграммы, и даже стихотвореніе. Въ продолженіе всей этой пестрой смѣны лицъ и голосовъ, глазъ съ трудомъ отрывался отъ благородной и стройной фигуры главнаго хозяина праздника, предсѣдателя комитета, князя Г. В. Оболенскаго. Въ рѣдкомъ лицѣ можно встрѣтить такое привлекательное сочетаніе выраженія ума, сердечной доброты и благородства. Преисполненный достоинства, нѣсколько тихій и меланхоличный тонъ его внятной рѣчи сглаживалъ шероховатости другихъ и поддерживалъ въ залѣ то сосредоточенно-торжественное настроеніе, безъ котораго праздникъ потерялъ бы половину своей обаятельной прелести.

Обширная наружная терасса примыкаетъ къ залѣ со стороны, обращенной къ саду. Нарочно устроенная, деревянная, широкая лѣстница, обитая краснымъ сукномъ, спущена съ террассы въ садъ, къ подножію памятника; пространство вокругъ памятника окружено канатомъ, за которымъ толпится густая масса народа. Многочисленное собраніе спускается изъ залы внизъ, депутаціи съ вѣнками размѣщаются вокругъ памятника, на террассѣ помѣщается оркестръ. За общимъ гуломъ не слышно, какія рѣчи, стоя на вершинѣ лѣстницы, произносятъ другъ предъ другомъ предсѣдатель комитета и городской голова; всѣ понимаютъ, что происходитъ передача памятника отъ комитета въ достояніе города. Наконецъ, раздаются звуки „Славься", и нѣсколько медленно сползаетъ съ памятника покрывающее его полотно. Предъ нами Глинка, „какъ живой", около пюпитра съ нотами, съ дирижерской палочкой въ рукахъ. Для композитора избрана поза дирижера, и некрасивая сторона его малаго роста какъ будто недостаточно скрадена художникомъ. Громкое ура привѣтствуетъ открытіе памятника; потомъ слѣдуетъ народный гимнъ, а далѣе одинъ за другимъ выступаютъ еще два поэта, произнося свои стихотворенія съ непокрытыми головами у самаго подножія памятника. Въ одномъ изъ стихотвореній авторъ его патетически спрашиваетъ у присутствующихъ: „гдѣ-жь русскій селянинъ, зачѣмъ не между нами?" и два раза цитируетъ Байрона въ переводѣ русскихъ писателей. Первый актъ праздника оконченъ. Медленно расходятся участники его и публика по домамъ.

Главный интересъ сосредоточивался, конечно, на музыкальной части празднества. Если бы Смоленскъ обладалъ сколько-нибудь обширнымъ театромъ, приспособленнымъ для оперы, то ничего лучшаго нельзя было бы придумать для достодолжнаго чествованія памяти великаго композитора, какъ два спектакля, изъ которыхъ на одномъ

послѣдовало бы полное исполненіе „Жизнь за царя", на другомъ — „Руслана и Людмилы". При желаніи къ этому можно было бы присоединить еще концертъ, составленный изъ прочихъ произведеній Глинки въ области оркестровъ и вокальной музыки. Но о такой роскоши нечего было и думать. Вмѣсто спектаклей вообще приходилось ограничиться одними концертами. Залъ дворянскаго собранія представлялъ удобное концертное помѣщеніе, но вниманіе распорядителей остановилось не на немъ. Залъ понадобился для торжественной трапезы, а концерты были перенесены въ садъ Лавриновича, въ находящійся тамъ деревянный театръ. Кромѣ того, здѣсь вліялъ и матеріальный разсчетъ: сборъ въ театрѣ обѣщалъ быть выше, чѣмъ въ залѣ. Конечно, соображеніе такого рода имѣло законное основаніе; надо вспомнить, какими крохами у насъ приходится собирать пожертвованія на памятники нашимъ великимъ людямъ, какими затрудненіями было обставлено это дѣло и въ данномъ случаѣ, чтобы не осудить распорядителей за ихъ разсчетливость. Однако, все-таки нельзя не пожалѣть о происшедшемъ выборѣ концертнаго помѣщенія. Театръ Лавриновича—не болѣе какъ большой деревянный ящикъ, сбитый изъ тонкихъ досокъ, не удовлетворяющій элементарнымъ требованіямъ акустики. Температура внутри театра быстро понижается до уровня внѣшней температуры, и свѣжая погода, бывшая во время концертовъ, заставила публику оставаться въ театрѣ въ верхнемъ платьѣ и съ покрытыми головами, что не мало вредило торжественности собранія. Въ дворянскомъ залѣ, при полной возможности соблюсти должный этикетъ относительно одѣяній и при хорошихъ акустическихъ условіяхъ помѣщенія, концерты вышли бы много параднѣе по виду и блестящѣе по исполненію. Впрочемъ, неизбалованная въ музыкальномъ отношеніи, смоленская публика осталась довольна и настоящею обстановкою музыкальнаго торжества: не только не взирая на крайне высокія цѣны, она переполнила собою ложи и партеръ театра, но толпою окружала его извнѣ, съ жадностью ловя въ воздухѣ долетавшіе съ эстрады звуки. Памятникъ Глинкѣ принадлежитъ Смоленску не по одному своему мѣстонахожденію. Онъ—смоленскій и потому, что именно смольняне внесли на его сооруженіе немалую лепту. Концертъ, данный при закладкѣ памятника, да два концерта при его открытіи, оплаченные, по-преимуществу, кошельками смольнянъ, послужили солидными источниками, изъ которыхъ составлялся капиталъ памятника. Смоленскъ показалъ хорошій примѣръ общественной иниціативы въ достойномъ дѣлѣ. Въ то время какъ вся Россія собирается чуть не десятилѣтія соорудить иные памятники, смольняне съумѣли уже воздать должное памяти своего великаго сородича. Но возвратимся къ концертамъ.

Неудовлетворительныя условія помѣщенія и необходимость замѣнить оперные спектакли простымъ концертнымъ исполненіемъ не измѣняли, конечно, существа дѣла. Богатый репертуаръ Глинкинскихъ произведеній съ успѣхомъ могъ бы исполнить программу обоихъ предположенныхъ концертовъ, и два дня, избранные для чествованія памяти великаго композитора, могли бы сосредоточить вниманіе присутствующихъ исключительно на его звукахъ и на его имени. Средства для того были на-лицо. Подъ рукою былъ хорошій оркестръ, составленный въ числѣ 60 человѣкъ, изъ лучшихъ силъ оркестра московской оперы; былъ хоръ, образованный на-половину изъ лучшихъ же хористовъ московской оперы и изъ мѣстныхъ любителей, достаточно дисциплинированныхъ; были солисты, каковы г-жи Платонова, Лавровская и Климентова, гг. Варцалъ, Карякинъ, Стравинскій и Хохловъ. Тѣмъ не менѣе, Глинкѣ былъ отданъ только первый концертъ. Въ двѣнадцати номерахъ программы было представлено все его творчество: и „Жизнь за царя", и „Русланъ" и другія меньшія произведенія. Во второмъ концертѣ вниманіе публики уже отвлекалось отъ Глинки, и вмѣсто него предъ нею выступали его „послѣдователи".

Спеціалисты остались довольны исполненіемъ обоихъ концертовъ, а восторгамъ публики содѣйствовала, помимо того, ихъ эффектная обстановка. Если сама публика, одѣтая въ пальто разныхъ цвѣтовъ и покроевъ, укутанная въ шарфы, обутая въ калоши, съ разнообразными покрышками на головахъ, являла изъ себя зрѣлище мало торжественное, то видъ изъ зрительной залы на сцену соотвѣтствовалъ особенностямъ случая. При первыхъ звукахъ увертюры вспыхнуло электрическое освѣщеніе и въ глубинѣ сцены, позади размѣщеннаго на ней оркестра, раздвинулся занавѣсъ и глазамъ присутствующихъ предсталъ бюстъ Глинки, окруженный цѣлою декораціей изъ живой зелени и изъ вѣнковъ, привезенныхъ депутаціями. Первое впечатлѣніе этой простой по замыслу, но художественно исполненной картины, было такъ сильно, что вся зрительная зала буквально въ одинъ голосъ выразила поразившее ее неожиданное изумленіе. Новый красивый эффектъ ожидалъ ее послѣ окончанія первой увертюры (изъ „Жизни за Царя"). Предсѣдатель комитета, занимавшій мѣсто въ первомъ ряду креселъ, поднявшись съ мѣста, заявилъ дирижеру, что знаменитость русской оперной сцены, Анна Яковлевна Петрова, супруга перваго Сусанина, Ѳ. А. Петрова, сама бывшая первою исполнительницею Вани, прислала собственноручно вышитую ею шелкомъ лиру, для возложенія на бюстъ Глинки. Этотъ трогательный знакъ памяти, выказанный со стороны маститой артистки, былъ привѣтствуемъ шумными аплодисментами, и присланный даръ тутъ же

былъ положенъ на назначенное ему мѣсто. Аплодисментами же публика награждала исполнителей; однако, чтя торжественный характеръ праздника, она ни разу не нарушила назначеннаго порядка исполненія какими-либо требованіями касательно повторенія выслушанныхъ номеровъ. Не въ обиду кому-либо будь сказано, но въ этомъ отношеніи смоленская публика проявила большую дисциплину и большій тактъ. чѣмъ иногда можно встрѣтить въ публикѣ столичной.

Въ промежуткѣ между двумя концертами, занявшими подрядъ два вечера, 21 мая состоялся въ залѣ дворянскаго собранія обѣдъ, который радушные хозяева по подпискѣ давали пріѣхавшимъ гостямъ. Сервировка и кулинарная сторона этой торжественной трапезы стяжали новые лавры и гг. распорядителямъ, и извѣстному московскому ресторану „Эрмитажъ". Но что касается до краснорѣчія, то, какъ извѣстно, оно далеко не культивируется у насъ съ такою заботливостью, какъ кулинарное искусство. За полчаса до начала обѣда никто не зналъ еще, будутъ ли произноситься какія нибудь рѣчи, и если будутъ, то о чемъ именно. На этотъ счетъ не было приготовлено никакого плана. Все сложилось случайно и сложилось довольно оригинально. Послѣ тоста за здоровье Государя Императора, тостовъ въ память Глинки и за здоровье сестры его, г-жи Шестаковой, послѣ отвѣтнаго слова этой послѣдней, прочтеннаго гр. Шереметьевымъ, послѣдовала первая рѣчь, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ораторъ предложилъ „поднести къ устамъ сію заздравную чашу", за многолѣтіе М. А. Балакирева, на обѣдѣ не присутствовавшаго. Онъ предложилъ почтить его какъ хозяина музыкальной части праздника, какъ непосредственнаго ученика Глинки, какъ талантливѣйшаго изъ современныхъ русскихъ композиторовъ. Ораторъ выражалъ сожалѣніе по поводу того, что не всѣ русскіе одинаково цѣнятъ высокое значеніе почтеннаго дирижера, приписывалъ это обстоятельство обычному и непростительному пренебреженію русскихъ людей къ роднымъ дарованіямъ, сравнивалъ судьбу ученика Глинки съ судьбою самого Глинки, геній котораго тоже такъ долго оставался непризнаннымъ. Произнесенное съ внѣшней стороны безукоризненно, притомъ нѣсколько въ церковно-славянскомъ стилѣ, это „слово" Т. И. Филиппова произвело однако въ части публики нѣкоторое смущеніе. Большинство ожидало, что первая большая рѣчь будетъ посвящена памяти самого Глинки, а взамѣнъ того пришлось выслушать апологію какъ бы въ защиту его ученика. Неизвѣстно для чего, кому-то былъ брошенъ вызовъ, и онъ былъ принятъ. Въ неровной, но оживленной импровизаціи, кн. Н. П. Трубецкой, одинъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ появленія въ Москвѣ русскаго музыкальнаго общества, задумалъ снять съ русскаго общества и съ

русскихъ музыкальныхъ дѣятелей упрекъ въ рутинерствѣ. Онъ указалъ на успѣхъ совершившагося смоленскаго торжества, на готовность, съ которою общество откликнулось на призывъ комитета по возведенію памятника Глинки, и усматривалъ въ этомъ признакъ того значительнаго прогресса, который совершился въ дѣлѣ русскаго музыкальнаго образованія за послѣднія 20—30 лѣтъ. Съ именами двухъ братьевъ Рубинштейновъ, съ учрежденіемъ императорскаго музыкальнаго общества и консерваторій связано воспоминаніе о первыхъ, наиболѣе трудныхъ шагахъ въ этой области. Ораторъ закончилъ тостомъ въ память покойнаго Н. Г. Рубинштейна, за многолѣтіе здравствующаго А. Г. Рубинштейна, за процвѣтаніе всѣхъ русскихъ музыкальныхъ обществъ и школъ. Только послѣ того присутствущіе услышали рѣчь, посвященную самому Глинки; но въ виду произнесеннаго раньше, нельзя было уже говорить, не коснувшись хотя косвенно проявленной распри. Г-нъ Нечаевъ изъ Вильны припомнилъ слова Достоевскаго о всечеловѣчности русскаго генія, провелъ параллель между Пушкинымъ и Глинкою, указалъ на присущую обоимъ отзывчивость ко всякой національности, на всеобъемлемость ихъ творчества и, такимъ образомъ, напомнилъ присутствующимъ, что геній, по природѣ своей, стоитъ выше всякой односторонности и составляетъ равное достояніе всѣхъ направленій. Не отличавшаяся легкостью и выработанностью формы, рѣчь г. Нечаева произвела сильное впечатлѣніе, благодаря высказаннымъ въ ней мыслямъ. Многіе однако чувствовали себя утомленными и ощущали какую-то неловкость. Только этимъ обстоятельствомъ объясняется вполнѣ тотъ фактъ что живое слово благодарности, обращенное однимъ изъ гостей по адресу радушныхъ хозяевъ-смольнянъ, было встрѣчено съ особеннымъ удовольствіемъ. У всѣхъ отлегло отъ сердца, какъ скоро представился приличный поводъ оставить область общихъ тэмъ. Обѣдъ пришелъ къ концу. Въ концѣ обѣда узнали, что въ память торжества присутствующіе на немъ имѣютъ получить особую медаль. На медали этой вычеканена, между прочимъ, слѣдующая надпись, отнесенная, конечно, къ Глинкѣ: „И долго будетъ онъ народу тѣмъ любезенъ, что чувства добрыя онъ лирой возбуждалъ“. Мы не знаемъ въ точности, кого именно слѣдуетъ благодарить за такое, соединенное съ искаженіемъ, незаконное и безвкусное злоупотребленіе стихами Пушкина, сказанными имъ о себѣ.

Нашъ отчетъ оконченъ. Кто многое можетъ, съ того много и спрашивается. Если мы позволили себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по адресу почтенныхъ устроителей смоленскаго празднества, то потому лишь, что въ организаціи его они обнаружили достаточное искусство и энергію. Повторяемъ: Смоленскъ далъ поучительный при-

мѣръ всему русскому обществу. Онъ еще разъ удостовѣрилъ, что при желаніи и настойчивости можно достигнуть многаго въ хорошемъ дѣлѣ. Нужно только не утомляться въ борьбѣ съ инертностью другихъ и самому не поддаваться ея тлетворному вліянію. Повторяя слова одного изъ ораторовъ смоленскаго торжества, его описаніе мы заключимъ слѣдующими строками: „Чествованіе памяти генія есть праздникъ идеи, торжество же идеи есть торжество свѣта надъ тьмою. Устроители смоленскаго праздника стяжали себѣ великую честь, что въ наше скудное идейною жизнью время дали русскому обществу возможность испытать вновь нѣсколько прекрасныхъ мгновеній высокаго умственнаго и нравственнаго возбужденія". Честь имъ, и слава, и спасибо!

Wz.

Москва, 30 мая 1885 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1885.

Перемѣна министерства въ Англіи.—Причины и послѣдствія кризиса.—Разсужденія и предположенія печати.—Политическая карьера маркиза Сольсбюри.—Молодые и старые государственные люди.—Лордъ Рандольфъ Черчилль и консервативная демократія.—Значеніе новаго кабинета для международной политики.—Возвѣщенный упадокъ англійскаго парламентаризма.—

Паденіе министерства Гладстона, почти наканунѣ общихъ парламентскихъ выборовъ, поразило всѣхъ своею неожиданностью,—и наиболѣе смущены были, вѣроятно, сами побѣдители, совершенно не разсчитывавшіе на скорое вступленіе во власть. Правда, популярность кабинета была сильно подорвана цѣлымъ рядомъ неудачъ и ошибокъ во внѣшней политикѣ; дорого стоившія предпріятія кончались ничѣмъ, или приводили къ печальному отступленію: безцѣльныя жертвы въ Египтѣ, гибель генерала Гордона, напрасные споры съ Германіею, охлажденіе съ Франціею, возможность разрыва съ Россіею,—всѣ эти неопредѣленные скачки отъ одной крайности въ другую, отъ безусловнаго миролюбія къ воинственнымъ поступкамъ и обратно, давали благодарный матеріалъ для рѣзкой критики и распространяли неудовольствіе даже въ собственномъ лагерѣ либеральной партіи.

Правительственная партія стала все яснѣе распадаться на свои естественные составные элементы; единство, державшееся только личнымъ авторитетомъ Гладстона, утрачивало почву среди запутанныхъ политическихъ обстоятельствъ, которыми ловко воспользовалась оппозиція въ парламентѣ и въ странѣ. Въ министерствѣ, рядомъ съ радикальными дѣятелями, Чамберлэномъ и сэромъ Дилькомъ, засѣдали чистокровные аристократы, члены старыхъ вигскихъ фамилій, лордъ Гренвиль и маркизъ Гартингтонъ; неизбѣжныя разногласія и столкновенія съ трудомъ устранялись премьеромъ, около котораго сосредоточивались разбросанныя силы англійскаго либерализма. Что общаго съ Чамберлэномъ, противникомъ „незаслуженной ренты“ ландлордовъ, могъ имѣть будущій герцогъ Девонширскій, лордъ Гартингтонъ? Только политическая необходимость побуждала ихъ скрывать свои взаимныя антипатіи подъ объединяющею фирмою Гладстона. Такая искусственная комбинація могла имѣть лишь временный характеръ; она казалась прочною при успѣшномъ ходѣ дѣлъ и при твердомъ положеніи кабинета, но тотчасъ же обнаруживала свою

несостоятельность при всякомъ серьезномъ колебаніи въ группировкѣ парламентскаго большинства, подъ вліяніемъ возникавшихъ политическихъ уложеній. Съ удаленіемъ престарѣлаго премьера, умѣренные либералы немедленно отдѣлились бы отъ прогрессистовъ, и прежнее единство рухнуло бы само собою. Разнородность состава министерства отражалась весьма невыгодно на общей его политикѣ; одни изъ министровъ склонны были высказываться за пассивное бездѣйствіе въ иностранныхъ дѣлахъ, придавая исключительное значеніе вопросамъ внутренняго законодательства; другіе раздѣляли традиціонныя воззрѣнія на важную роль энергической международной дипломатіи, а самъ Гладстонъ склонялся то въ ту, то въ другую сторону, смотря по потребностямъ минуты и по настроенію общественнаго мнѣнія. Точная и опредѣленная программа проводилась только въ области внутреннихъ реформъ; въ этой сферѣ проявлялось все могущество Гладстона, все неотразимое обаяніе его краснорѣчія, все творческое искусство его въ обработкѣ самыхъ смѣлыхъ и сложныхъ проектовъ, вмѣстѣ съ удивительнымъ умѣньемъ тянуть за собою консервативные высшіе классы на путь „необходимыхъ" уступокъ и преобразованій.

Блестящій періодъ дѣятельности министерства закончился принятіемъ билля объ избирательной реформѣ, послѣ упорнаго сопротивленія палаты лордовъ, руководимой маркизомъ Сольсбюри; эта борьба не ограничивалась уже стѣнами парламента и политическихъ клубовъ,—она выдвинула на сцену народныя массы, которыя своими внушительными мирными демонстраціями въ разныхъ концахъ Англіи наглядно доказали консерваторамъ, что народъ теперь далеко не то безразличное стадо, какимъ онъ былъ когда-то; что онъ способенъ вступаться за свои права и охранять свои интересы; что не безопасно противодѣйствовать его законнымъ стремленіямъ, и что политическая власть должна по-неволѣ считаться съ этими новыми элементами англійской политической жизни. Это была какъ-будто выставка тѣхъ закулисныхъ общественныхъ силъ, которыми располагаетъ въ странѣ передовая либеральная партія. Проведеніе избирательной реформы было послѣдней великой побѣдой Гладстона; въ печати все чаще повторялись слухи о намѣреніи его доставить себѣ заслуженный отдыхъ послѣ 52 лѣтъ парламентской карьеры. На эту рѣшимость свою намекалъ онъ неоднократно въ палатѣ общинъ; его останавливала только мысль о неминуемомъ распаденіи либеральнаго союза и о возможныхъ послѣдствіяхъ этого факта въ виду предстоящихъ выборовъ. Между тѣмъ, опять началась непріятная эра внѣшнихъ замѣшательствъ и ударовъ; вслѣдъ за запоздалою экспедиціею генерала Уольслея и за трагическою смертью Гордона появились сим-

итоны среднеазіатскаго кризиса, разрѣшившіеся столкновеніемъ 18 марта и энергическими приготовленіями къ англо-русской войнѣ. Кабинетъ Гладстона попалъ въ опасный водоворотъ событій, изъ котораго слѣдовало выйти такъ или иначе съ сохраненіемъ національнаго достоинства; первые воинственные порывы скоро прошли, и практическій здравый смыслъ вступилъ въ свои права. Палата общинъ поддерживала правительство и въ его миролюбіи, и въ его воинственности, въ силу стараго испытаннаго довѣрія къ Гладстону; но нападки на политику кабинета усиливались и становились все болѣе вѣскими.

Партіи готовились къ выборамъ, и никто не сомнѣвался, что 76-тилѣтній премьеръ ждетъ только удобнаго момента для выхода въ отставку. „Какъ ни трудно вѣрить, что Гладстонъ при его необычайной энергіи и бодрости находится наканунѣ отреченія,—говорилось въ іюньской книгѣ „Fortnightly Review", — тѣмъ не менѣе, его товарищи по министерству, повидимому, убѣждены, что, покончивъ съ дѣлами настоящей парламентской сессіи, подготовивъ общіе выборы на болѣе демократическихъ началахъ, чѣмъ когда-либо прежде, и разрѣшивъ наиболѣе настоятельныя внѣшнія затрудненія, Гладстонъ спокойно и категорически скажетъ: „nunc dimittis".—По этому поводу либеральный журналъ старается заглянуть въ ближайшее будущее: „лордъ Гартингтонъ сдѣлается естественно самымъ выдающимся лицомъ въ англійской политической жизни. Если премьеръ осуществитъ свою мысль объ отставкѣ, то лордъ Гартингтонъ окажется его преемникомъ, при предположеніи торжества либераловъ на выборахъ. Но удаленіе Гладстона заставитъ радикаловъ повысить свои требованія. Невозможно для Чамберлэна, сэра Чарльса Дилька и ихъ сторонниковъ довольствоваться тою же сдержанною ролью при кабинетѣ Гартингтона, какъ и подъ режимомъ Гладстона. Немыслимо, чтобы руководители народнаго либерализма вновь согласились участвовать въ кабинетѣ, составленномъ на-половину изъ членовъ верхней палаты. Лорду Гартингтону придется сдѣлать рѣшительный выборъ между передовымъ и умѣреннымъ либерализмомъ, между радикализмомъ и вигизмомъ". По мнѣнію журнала, побѣда останется неизбѣжно за радикалами, къ которымъ и вынужденъ будетъ примкнуть номинальный преемникъ Гладстона, если только онъ не захочетъ отказаться отъ вліянія и власти. Какъ далеки теперь эти предположенія отъ дѣйствительности! Гладстонъ удалился раньше чѣмъ можно было думать,—удалился послѣ неожиданной неудачи въ палатѣ общинъ, гдѣ противъ него оказалось большинство 12 голосовъ по вопросу о бюджетѣ. Большинство было, правда, случайное, и предметъ обсужденія былъ второстепенный: многіе либералы отсутствовали въ засѣда-

ніи, и ихъ не предупредили о важности предстоящаго рѣшенія, какъ это дѣлается обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Гладстонъ, безъ видимой надобности, связалъ существованіе кабинета съ судьбою проекта повышенія налога на пиво и спиртные напитки. Впослѣдствіи явилось даже подозрѣніе, что все это было устроено съ умысломъ, и что премьеръ нарочно далъ себя побѣдить въ парламентѣ, чтобы бросить власть консерваторамъ при самыхъ неудобныхъ для нихъ обстоятельствахъ. Но эти и подобныя имъ догадки нисколько не оправдываются содержаніемъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи палаты общинъ 8-го іюня (н. ст.). Министерство не ожидало пораженія, а легкость, съ какою Гладстонъ ставитъ кабинетный вопросъ по столь ничтожному поводу, указывала лишь на искреннее желаніе его сойти со сцены подъ первымъ подходящимъ предлогомъ.

Засѣданіе палаты общинъ 8 іюня ничѣмъ не напоминало тѣхъ парламентскихъ битвъ, которыми свергаются министерства. Пренія велись въ дѣловомъ тонѣ; наиболѣе энергическіе дѣятели оппозиціи, въ родѣ лорда Черчилля, упорно молчали и замѣтно оживились только во время заключительной рѣчи Гладстона. Министръ финансовъ или, по англійской терминологіи, „канцлеръ казначейства", Чайльдерсъ, предложилъ второе чтеніе билля о бюджетѣ и кратко мотивировалъ требуемое правительствомъ временное повышеніе акциза на спиртные напитки. Со стороны консерваторовъ выступилъ сэръ Гиксъ-Бичъ, одинъ изъ самыхъ благоразумныхъ и свѣдущихъ членовъ партіи. Онъ произнесъ длинную и весьма убѣдительную рѣчь, въ которой обстоятельно разобралъ финансовые грѣхи министерства. Онъ указалъ на странность того факта, что либеральная администрація, которая прежде всего должна отличаться бережливостью, довела расходы до небывалой цифры—до ста милліоновъ фунтовъ (т.-е. около милліарда рублей). Онъ выставилъ на видъ, что новые налоги обратятся всею своею тяжестью на низшіе классы народа, къ которымъ либералы на словахъ питаютъ особенное сочувствіе. Сэръ Гиксъ-Бичъ оговорился, однако, что онъ вовсе не думаетъ предлагать выраженіе порицанія или недовѣрія по отношенію къ министерству; „я намѣренъ только—объяснялъ онъ,—обратить вниманіе палаты на нѣкоторые пункты проекта и пригласить канцлера казначейства передѣлать свой бюджетъ. если мои указанія будутъ признаны основательными". Очевидно, съ самаго начала не было и рѣчи о серьезномъ нападеніи на правительство. Ораторъ приводилъ обычныя цитаты изъ парламентскихъ рѣчей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, уличалъ Гладстона въ отступленіи отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ тридцать лѣтъ тому назадъ, и закончилъ требованіемъ, чтобы палата отклонила предложенное повышеніе налоговъ, какъ

несправедливое, при отсутствіи соотвѣтственнаго увеличенія акциза на вино, употребляемое зажиточными классами. Послѣ отвѣтныхъ замѣчаній министра, поднялся сэръ Стаффордъ Норскотъ и также долго разсуждалъ о финансахъ, не касаясь вовсе политическихъ вопросовъ дня. Дѣло получило иной оборотъ, когда заговорилъ Гладстонъ. Онъ сразу перенесъ пренія на болѣе жгучую почву партійной борьбы и сталъ рѣзко обвинять консерваторовъ въ систематическомъ противодѣйствіи задачамъ государства. „Едва ли оппозиція—заявилъ премьеръ—отдала себѣ ясный отчетъ, насколько рискованно и необычайно ея предложеніе. Великая необходимость предстала предъ страною; понадобились сильныя военныя приготовленія для охраны нашей имперіи отъ значительной опасности, угрожавшей ея интересамъ. Мы надѣемся теперь, что опасность пройдетъ, но мы не можемъ еще сказать, что она прошла. Было бы преждевременно объявлять это въ настоящее время, и мы обращаемся къ вамъ съ просьбою назначить денежныя средства для покрытія издержекъ на означенныя приготовленія, мотивы которыхъ не потеряли еще своей силы. Въ первый день, когда явится возможность сообщить о полномъ устраненіи опасности, мы сдѣлаемъ это съ величайшимъ удовольствіемъ. Приготовленія были одобрены, и чрезвычайные расходы были единодушно утверждены палатою. Мы предлагаемъ опредѣлить способы для полученія нужныхъ суммъ и указываемъ источникъ въ налогахъ,—а законная оппозиція, національная, патріотическая, конституціонная оппозиція, отказываетъ намъ въ деньгахъ. Это поступокъ небывалый; я не знаю ни одного такого примѣра въ нашей парламентской исторіи, насколько простираются мои воспоминанія. Что дѣлаютъ представители оппозиціи? Они принимаютъ и поддерживаютъ требованіе кредита въ 11 милліоновъ на военныя надобности, а потомъ являются съ отказомъ въ требуемыхъ средствахъ, не предлагая ничего въ замѣнъ. Можно ли такой образъ дѣйствій признать достойнымъ со стороны людей, претендующихъ на исполненіе функцій, которыя нѣкогда выполнялись сэромъ Робертомъ Пилемъ, лордомъ Дерби и сэромъ Джемсомъ Грагамомъ? Неужели всѣ обязанности и принятые способы оппозиціи должны быть оставлены именно той партіею, которая называетъ себя иногда консервативною, а иногда торійскою демократіею?.. Оппонентъ (сэръ Гиксъ-Бичъ) совершенно правъ, утверждая, что онъ не имѣетъ въ виду выраженіе порицанія министерству; дѣйствительно, тутъ для правительства дѣло идетъ просто о вопросѣ жизни или смерти... Таковъ предстоящій намъ исходъ; такова альтернатива, поставленная странѣ. На этой почвѣ нападаетъ на насъ оппозиція, и мы съ радостью принимаемъ вызовъ. Мы не завидуемъ тѣмъ, которые въ случаѣ одержанія побѣды должны

будутъ нести на себѣ ея послѣдствія". Результатъ произведеннаго затѣмъ голосованія вызвалъ понятное волненіе въ палатѣ; оппозиція восторженно рукоплескала, а ирландскіе члены обращались къ Гладстону съ возгласами: „въ отставку". Ирландская группа присоединилась на этотъ разъ къ консерваторамъ, какъ дѣлала она неоднократно и раньше; представители ея хотѣли дать понять министерству, что оно свергнуто именно ихъ голосами въ возмездіе за дальнѣйшее сохраненіе исключительныхъ законовъ въ Ирландіи.

Министерскій кризисъ оффиціально открылся и засталъ оппозицію въ-расплохъ. Публика не хотѣла даже вѣрить серьезно въ перемѣну кабинета. На первыхъ порахъ въ печати высказывалось предположеніе, что королева не приметъ отставки, мотивированной слишкомъ слабо, и что лордъ Сольсбюри откажется принять власть, выпавшую случайно изъ рукъ Гладстона. Газета „Times", не отличавшаяся сочувствіемъ къ министерству и строго осуждавшая его иностранную политику, полагала однако, что либералы останутся во главѣ управленія до ноябрьскихъ выборовъ. „Times" ссылался на примѣры прошлаго: въ 1866 году, когда кабинетъ лорда Росселя потерпѣлъ неудачу въ парламентѣ по одному изъ второстепенныхъ вопросовъ, королева сначала отклонила предложеніе объ отставкѣ на томъ основаніи, что разногласіе съ большинствомъ касается подробностей, неимѣющихъ существеннаго значенія, и что перемѣна правительства должна быть признана нежелательною при существующихъ международныхъ обстоятельствахъ. „Эти-же доводы,—продолжаетъ газета,—могутъ быть съ гораздо большею силою примѣнены къ настоящему случаю, съ прибавленіемъ другихъ, одинаково и даже болѣе вѣскихъ. При лордѣ Росселѣ бюджеты не разъ передѣлывались послѣ неблагопріятныхъ голосованій въ парламентѣ, и никто не скажетъ, что неодобреніе части проекта Чайльдерса дѣлаетъ невозможнымъ для правительства вести попрежнему дѣла государства. Мы не сомнѣваемся, что королева обратитъ вниманіе министровъ на крайнее практическое неудобство ихъ отставки, такъ какъ оппозиція не можетъ располагать большинствомъ въ настоящей палатѣ общинъ, а конституціонное средство распущенія непримѣнимо при данныхъ условіяхъ; поэтому министры должны временно сохранить свои должности, пока страна не призвана будетъ высказаться черезъ своихъ избирателей,—подобно тому какъ это было съ Дизраэли послѣ неудачи его въ вопросѣ объ ирландской церкви въ 1868 году". Обращаясь къ оппозиціи, „Times" замѣчаетъ далѣе: „Теперешнее положеніе близко напоминаетъ кризисъ 1873 года, когда послѣ побѣды надъ правительствомъ по поводу университетскаго билля для Ирландіи, Дизраэли съ большимъ благоразуміемъ и предусмотрительностью отказался при-

нять на себя составленіе новаго министерства. Пытаться управлять съ меньшинствомъ значило-бы, по его словамъ, ослаблять авторитетъ власти и обходиться безъ публичнаго общепризнаннаго довѣрія. Дизраэли не хотѣлъ повторить опытъ 1866 года; а между тѣмъ, онъ могъ еще прибѣгнуть къ распущенію палатъ,—способъ, которымъ не располагаютъ его преемники; тогда не стояли также на очереди столь жгучіе вопросы, какъ нынѣ,—о возобновленіи ирландскаго охранительнаго закона и о приведеніи къ концу англо-русскихъ переговоровъ. Лордъ Сольсбюри, вѣроятно, столь-же мало склоненъ предоставить правительству возможность освѣжить свою популярность передъ общими выборами, какъ и Дизраэли въ 1873 году".

Въ первые дни послѣ заявленія Гладстона о выходѣ его въ отставку, англійскія газеты всѣхъ оттѣнковъ были, повидимому, убѣждены, что премьеръ будетъ вызванъ для личныхъ объясненій съ королевою, которая для этой цѣли должна была поспѣшно покинуть свой шотландскій уголокъ въ Бальморалѣ и возвратиться въ Виндзоръ, ближе къ центру событій. Полагали, что Гладстонъ согласится съ возраженіями королевы и не будетъ настаивать на своемъ удаленіи; говорили уже объ ожидаемомъ на этотъ случай преобразованіи кабинета, изъ котораго должны были выйти два министра, Чамберлэнъ и Дилькъ. Общія ожиданія либеральной и отчасти консервативной печати были очень скоро опровергнуты Королева Викторія сообщила по телеграфу о своемъ согласіи на отставку министерства и обратилась затѣмъ къ лорду Сольсбюри. Предводитель консервативной партіи принялъ данное ему порученіе образовать новый кабинетъ, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы вожди либераловъ въ палатѣ общинъ обѣщали поддержку правительству въ текущихъ его дѣйствіяхъ до конца парламентской сессіи. Королева Викторія взяла на себя трудъ добиться этого обѣщанія отъ Гладстона и его товарищей. Нѣтъ сомнѣнія, что условіе, поставленное лордомъ Сольсбюри, было равносильно замаскированному отказу, ибо при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ нельзя было-бы предполагать, что либералы помогутъ консерваторамъ спокойно управлять страною въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Безъ непосредственнаго вмѣшательства королевы кризисъ окончился-бы ничѣмъ, и власть не могла-бы перейти въ руки Сольсбюри; теперь-же партія Гладстона вынуждена была подтвердить серьезность своего рѣшенія и обязалась не оказывать систематическаго противодѣйствія кабинету, который возникъ по почину самого Гладстона. Черезъ двѣ недѣли консервативное министерство было окончательно сформировано, и уходящіе министры были приглашены въ Виндзоръ только для того, чтобы сдать государственныя печати королевѣ, которая тотчасъ-же вручила ихъ но-

вымъ правителямъ. Такая развязка безспорно лучше и полезнѣе для страны, чѣмъ неопредѣленное положеніе хроническаго кризиса, вызываемаго не только общими причинами, но и личными,— престарѣлымъ возрастомъ премьера и существеннымъ разладомъ въ средѣ министровъ. Общество, недовольное колеблющеюся иностранною политикою Гладстона и Гренвилля, имѣетъ возможность надѣяться и ждать энергическихъ шаговъ въ этой области. Право и обязанность критики переходятъ отъ консерваторовъ къ либераламъ, и послѣдніе, помѣнявшись мѣстами съ своими противниками въ палатѣ общинъ, пріобрѣтаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу, бодрость и энергію. Лордъ Сольсбюри имѣетъ достаточно времени для совершенія ошибокъ и промаховъ, могущихъ испортить шансы консервативной партіи на предстоящихъ выборахъ; а бывшимъ министрамъ и ихъ сторонникамъ открывается возможность заставить публику забыть ихъ прегрѣшенія и возродить пошатнувшееся довѣріе къ вождямъ англійскаго либерализма. А что касается интересовъ страны, то они пока обезпечены отъ какихъ-либо рискованныхъ предпріятій со стороны Сольсбюри и Черчилля, въ ожиданіи обновленія палаты общинъ.

Новое англійское министерство составлено на-половину изъ бывшихъ членовъ кабинета Биконсфильда, съ примѣсью элементовъ торійской демократіи, въ лицѣ смѣлаго лорда Рандольфа Черчилля и его единомышленниковъ. Постъ перваго министра занимаетъ по праву таланта и рожденія, маркизъ Сольсбюри, завоевавшій свои первые политическіе лавры въ палатѣ общинъ подъ именемъ Роберта Сесиля и упрочившій за собою репутацію чистѣйшаго рыцаря подъ болѣе аристократическимъ именемъ лорда Крэнборна. Робертъ Сесиль удивлялъ даже консерваторовъ своими ѣдкими категорическими протестами противъ реформаторскихъ тенденцій въ либеральномъ духѣ. Прежде чѣмъ сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ, онъ обратилъ на себя вниманіе, какъ талантливый и остроумный публицистъ; его статьи въ консервативныхъ толстыхъ журналахъ (Quarterly Review и др.) читались съ интересомъ и прогрессистами, которые отдавали справедливость изяществу его языка и оригинальности его мыслей. Превратившись въ лорда Крэнборна послѣ смерти своего старшаго брата, онъ участвовалъ въ консервативномъ кабинетѣ 1866 года, изъ котораго вышелъ черезъ годъ вслѣдствіе коренныхъ разногласій съ Дизраэли, замѣнившимъ больного графа Дерби въ оффиціальномъ руководительствѣ партіею торіевъ. Лордъ Крэнборнъ не скрывалъ своего негодованія противъ „безцеремоннаго авантюриста", игравшаго принципами, какъ пѣшками, и отрекавшагося сегодня отъ того, что торжественно возвѣщалось вчера. По мнѣнію благороднаго лорда, консервативная партія совершила бы самоубійство, еслибы послѣдо-

вала коварнымъ совѣтамъ Дизраэли въ вопросѣ объ избирательной реформѣ. Когда ненавистный билль все-таки былъ принятъ, лордъ Крэнборнъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что съ именемъ Дизраэли будетъ отнынѣ связана „величайшая политическая измѣна, какую представляютъ наши парламентскія лѣтописи“. Въ какихъ выраженіяхъ—спрашивалъ онъ въ октябрьской книгѣ „Quarterly Review“ за 1867 годъ,—оцѣнены будутъ мѣры этихъ ловкихъ политиковъ спокойнымъ приговоромъ потомства? Чтобы найти имъ какую-либо параллель въ нашей исторіи, нужно будетъ обратиться далеко назадъ къ прошедшему. Историкъ не найдетъ ничего подобнаго за весь періодъ существованія парламентскаго правительства. Ни безпринципность Чарльса Фокса, ни продажность Генри Фокса, ни цинизмъ Вальполя, не представятъ подходящаго примѣра. Нужно будетъ обратиться къ тѣмъ временамъ, когда подготовлялся послѣдній переворотъ, къ тѣмъ днямъ, когда Сондерлэндъ руководилъ дѣлами и принималъ милости Іакова въ то время, какъ велъ переговоры о высадкѣ Вильгельма.—Но этотъ суровый врагъ всякихъ сдѣлокъ съ совѣстью и съ обстоятельствами, этотъ безпощадный критикъ сомнительныхъ пріемовъ въ политикѣ, не преминулъ самъ подпасть подъ разлагающее и чарующее вліяніе Дизраэли: въ 1874 году, послѣ торжества консерваторовъ на выборахъ, онъ фигурируетъ уже въ министерствѣ „авантюриста“, подъ его главенствомъ, въ качествѣ министра по дѣламъ Индіи. Подъ своимъ теперешнимъ, унаслѣдованнымъ отъ отца, титуломъ, маркиза Сольсбюри, бывшій Робертъ Сесиль-Крэнборнъ связался окончательно съ талантливымъ „проходимцемъ“, которому впервые удалось влить новое вино демократическихъ идей въ старые мѣха пассивнаго консерватизма. Блестящій ораторъ и публицистъ, глава историческаго дома, Сесиль былъ необходимъ для Дизраэли, и послѣднему нетрудно было привлечь его на свою сторону при общепризнанномъ авторитетѣ, которымъ пользовался тогда предводитель консервативной партіи. Изъ непокорнаго и независимаго аристократа лордъ Сольсбюри превращается въ преданнаго сотрудника премьера: то, что не нравилось ему въ Дизраэли, привлекало его въ графѣ Биконсфильдѣ. Съ тѣхъ поръ политическая карьера лорда Сольсбюри опредѣлилась,—онъ сталъ однимъ изъ государственныхъ людей новой консервативной школы, совмѣщающей въ себѣ радикальные пріемы и реформаторскіе инстинкты съ традиціонными охранительными стремленіями. Девизъ этой школы—успѣхъ и могущество, а способы дѣйствія—удовлетвореніе потребностей и желаній общества безъ крупныхъ реформъ, забота о широкой популярности въ народѣ, смѣлая и энергическая иностранная политика. Лордъ Сольсбюри не былъ счастливъ, какъ министръ по дѣламъ

Индіи; его чрезмѣрная рѣшительность привела къ кровопролитной и безплодной войнѣ съ афганцами. Какъ чрезвычайный уполномоченный Англіи въ Константинополѣ, во время извѣстной конференціи 1876 года, онъ проявилъ гораздо больше остроумія и блеска, чѣмъ дипломатическаго такта. Съ выходомъ лорда Дерби изъ министерства, вслѣдствіе принятаго Биконсфильдомъ рѣшенія послать флотъ въ Дарданеллы, маркизъ Сольсбюри сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Его воинственныя рѣчи и ноты, его угрозы Россіи „всѣми ужасами войны", его участіе въ берлинскомъ конгрессѣ,— все это еще памятно европейской и особенно русской публикѣ. Тогдашняя роль его характеризуется тѣмъ обстоятельствомъ, что истиннымъ руководителемъ англійской дипломатіи оставался лордъ Биконсфильдъ, который держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити международныхъ отношеній. Героемъ берлинскаго конгресса былъ Биконсфильдъ, а далеко не Сольсбюри; при возращеніи ихъ въ Англію, вся заслуга „почетнаго мира" приписана была премьеру, а не министру иностранныхъ дѣлъ, занимавшему какъ бы подчиненное положеніе исполнителя и помощника. Премьеръ неоднократно указывалъ на Сольсбюри, какъ на виновника достигнутыхъ успѣховъ; но публика не придавала значенія этому скромному великодушію, имѣвшему оттѣнокъ простой вѣжливости. Долго еще англійское общественное мнѣніе не могло относится къ лорду Сольсбюри, какъ къ солидному государственному человѣку. Послѣ смерти Биконсфильда въ 1881 г., консерваторы опасались ввѣрить свои интересы впечатлительному маркизу и, въ видѣ противовѣса, выдвинули на первый планъ осторожнаго сэра Стаффорда Норскота; такимъ образомъ, установилась система двоевластія, разрушившая отчасти прежнюю сплоченность и единство торійской партіи. Сольсбюри и Норскотъ дѣйствовали во многихъ случаяхъ вразбродъ; первому повиновалось большинство въ палатѣ лордовъ, а второй съ трудомъ поддерживалъ свой авторитетъ надъ нѣкоторою частью оппозиціонныхъ силъ въ палатѣ общинъ. Между двумя вождями и независимо отъ нихъ появился скоро третій, который, кажется, превзойдетъ ихъ обоихъ по смѣлости и по искусству,— лордъ Рандольфъ Черчилль. Сэръ Норскотъ постепенно стушевывался въ парламентѣ подъ напоромъ молодого консерватора-радикала, примѣръ котораго находилъ подражаніе и сочувствіе. Общее руководство дѣлами оппозиціи сосредоточилось въ рукахъ лорда Сольсбюри, съ которымъ легко сошелся честолюбивый Черчилль.

Нельзя отрицать, что англійскій консерватизмъ имѣетъ хорошихъ защитниковъ. Безстрашное упорство, съ какимъ маркизъ Сольсбюри выдерживалъ борьбу въ вопросѣ о расширеніи избирательныхъ правъ, произвело впечатлѣніе даже на самыхъ непримиримыхъ его антаго-

нистовъ. Картина этой борьбы, веденной мирными средствами публичныхъ рѣчей и парламентскихъ голосованій, имѣла въ себѣ нѣчто въ высокой степени поучительное: сотни тысячъ народа собирались на митинги, множество рѣчей произносилось повсюду, и газеты были переполнены отчетами объ этомъ національномъ движеніи, которое имѣло цѣлью сломить сопротивленіе одного человѣка, побудившаго палату лордовъ дважды отвергнуть билль о реформѣ. Никакой министръ или полководецъ не былъ еще такъ популяренъ въ Англіи, какъ тогда лордъ Сольсбюри; имя его повторялось неустанно, съ нимъ полемизировало какъ будто все населеніе, вся печать занималась имъ, и отъ его рѣшенія зависѣлъ, повидимому, весь ходъ внутренней политической жизни въ Англіи. Сохранить полное хладнокровіе и мужество въ подобный моментъ — большая личная заслуга; этимъ лордъ Сольсбюри доказалъ свое право на дѣйствительную роль вождя, какъ ни смотрѣть на послѣдствія и цѣли его политики. Правительство первое испугалось разраставшагося движенія, направленнаго противъ лордовъ, и должно было согласиться на уступки, которыхъ требовалъ маркизъ Сольсбюри.

Чего слѣдуетъ ожидать отъ такого характера, гордаго и пылкаго, непреклоннаго и въ то же время перемѣнчиваго? Прошедшее лорда Сольсбюри не позволяетъ разсчитывать на его умѣренность и благоразуміе въ настоящемъ; для миролюбивой части англійскаго общества онъ кажется еще опаснымъ сфинксомъ, разгадка котораго нежелательна. Еще въ прошломъ году доказывалось подробно въ „Fortnightly Review" (отъ 1 августа), что лордъ Сольсбюри, при всѣхъ его достоинствахъ и талантахъ, не можетъ быть настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, и что лучше всего было бы съ его стороны покинуть карьеру, способную только испортить его личную репутацію безъ доставленія ему политической славы. А теперь судьбы Англіи находятся въ рукахъ этого дѣятеля, и сама редакція названнаго журнала перемѣнила мнѣніе о шансахъ лорда Сольсбюри. Англичане привыкли видѣть во главѣ страны людей испытанныхъ многолѣтнимъ парламентскимъ искусомъ; лордъ Биконсфильдъ и Гладстонъ заняли свое положеніе премьеровъ въ такомъ возрастѣ, который въ другихъ странахъ достаточенъ уже для полученія полнаго пансіона съ правомъ носить мундиръ въ отставкѣ. Сравнительно съ ветеранами парламентаризма, лордъ Сольсбюри считается еще какъ-будто молодымъ человѣкомъ; ему все только около 50 лѣтъ, и онъ не праздновалъ еще двадцатипятилѣтняго юбилея своей политической дѣятельности. Онъ отстаетъ отъ Гладстона на цѣлую четверть вѣка и, слѣдовательно, имѣетъ предъ собою долгую карьеру. По мнѣнію англичанъ, онъ не настолько еще опытенъ, чтобы быть

свободнымъ отъ увлеченій и порывовъ, могущихъ имѣть опасныя послѣдствія для страны. Нѣкоторыя газеты, въ томъ числѣ „Times“, выражаютъ безпокойство по поводу совмѣщенія должности министра иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ премьера,—ибо министръ, который самъ рѣшаетъ и самъ приводитъ свои рѣшенія въ исполненіе, представляетъ гораздо меньше гарантій основательности и сдержанности, нежели членъ кабинета, подчиненный контролю его главы. Такого рода опасеніе опять-таки проистекаетъ изъ взгляда на старость, какъ на одно изъ существенныхъ условій благоразумія: никто не возражалъ противъ того, что Биконсфильдъ или Гладстонъ заправляли политикою по своему усмотрѣнію, иногда помимо согласія прочихъ министровъ. Газеты боятся, впрочемъ, не столько увлеченій лорда Сольсбюри, сколько горячности его союзника, въ глазахъ англичанъ, настоящаго „юноши“, лорда Черчилля. А лорду Черчиллю около 36 лѣтъ, и если его называть юношею, то французскихъ генераловъ временъ революціи, съ Бонапартомъ во главѣ. слѣдовало-бы называть просто мальчиками.

Лордъ Черчилль есть, безъ сомнѣнія, самая оригинальная и выдающаяся фигура въ новомъ консервативномъ министерствѣ. Онъ быстро и даже дерзко выступилъ на политическое поприще, насмѣхаясь публично надъ сантиментальными „стариками“, въ родѣ сэра Стаффорда Норскота, и пытаясь сразу образовать свою собственную самостоятельную партію. Будучи сыномъ герцога Марльборо, онъ безнаказанно позволялъ себѣ много такого, что казалось бы немыслимымъ со стороны новичка въ палатѣ общинъ; онъ не стѣснялся парламентскими обычаями и порядками, вносилъ небывалую горячность въ пренія, удачно острилъ надъ противниками, систематически мѣшалъ проведенію министерскихъ проектовъ и въ концѣ-концовъ оказался центромъ, около котораго группировалась особая, четвертая партія, малочисленная въ парламентѣ, но весьма популярная въ странѣ. Въ первое время, послѣ вступленія его въ палату въ 1880 году, выходки лорда Черчилля коробили старыхъ парламентаристовъ и возбуждали смѣхъ въ публикѣ; но мало-по-малу замѣчено было, что молодой консерваторъ съ радикальными замашками заставляетъ себя слушать, что онъ умѣетъ говорить увлекательно и дѣльно о весьма запутанныхъ вопросахъ, что рѣзкость его тона только усиливаетъ производимое имъ впечатлѣніе, и что вообще съ нимъ надо считаться, какъ съ сильнымъ парламентскимъ бойцомъ. Лордъ Черчилль постепенно усвоилъ себѣ роль передового застрѣльщика и отчасти руководителя оппозиціи въ палатѣ; онъ фактически оттѣснилъ сэра Норскота на заднiй планъ и своими талантливыми рѣчами оживлялъ не только консерваторовъ, но и либераловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гово-

рилъ очень много и часто на митингахъ въ разныхъ мѣстахъ Англіи; онъ сдѣлался необходимымъ ораторомъ въ собраніяхъ консервативнаго союза, которому далъ всеобщее распространеніе и прочную національную организацію. Въ сравнительно короткое время лордъ Черчилль завладѣлъ всѣмъ политическимъ механизмомъ консервативной партіи въ средѣ избирательныхъ массъ; онъ признается теперь безспорно самымъ популярнымъ и вліятельнымъ трибуномъ торійской демократіи. Лучшія изъ рѣчей, произнесенныхъ въ палатѣ общинъ по иностранной политикѣ за послѣднюю сессію, принадлежатъ лорду Черчиллю: въ нихъ замѣчается обиліе фактическихъ знаній, остроумныхъ сопоставленій и эффектныхъ оборотовъ. Наиболѣе сильные удары политическому обаянію Гладстона нанесены были лордомъ Черчиллемъ: онъ безпощадно отыскивалъ слабые пункты въ дѣйствіяхъ кабинета, нападалъ на каждый неудачный шагъ его и неутомимо подрывалъ въ странѣ довѣріе къ мудрости престарѣлаго премьера въ сферѣ международныхъ дѣлъ. Теперь лордъ Черчилль бросилъ свои первоначальные рѣзкіе пріемы и приблизился къ типу парламентскаго государственнаго человѣка. Онъ пользуется широкою извѣстностью, выпадающею на долю немногихъ политическихъ дѣятелей; англійская печать всѣхъ оттѣнковъ интересуется имъ гораздо больше, чѣмъ сэромъ Норскотомъ и другими членами новаго министерства. Лорду Рандольфу Черчиллю несомнѣнно предстоитъ рано или поздно занять постъ премьера. Онъ отчасти намекнулъ на эту перспективу въ статьѣ, напечатанной года два тому назадъ въ журналѣ „Nineteenth Century", по поводу открытія памятника лорду Биконсфильду. Онъ задается вопросомъ, на чьи плечи должна быть возложена мантія, упавшая съ покойнаго вождя, и изъ ряда отвѣтныхъ аллегорій можно понять, что обладателемъ этой мантіи будетъ не кто иной, какъ авторъ статьи, лордъ Черчилль. Замѣчательно, что такую же гордую самоувѣренность обнаруживалъ въ молодости и Дизраэли, котораго Черчилль какъ-будто копируетъ. Если нравственная репутація лорда Сольсбюри пострадала въ школѣ Биконсфильда, то новѣйшій подражатель послѣдняго могъ воспользоваться опытомъ ихъ обоихъ безъ ущерба для своего личнаго характера. Лордъ Черчилль имѣетъ то преимущество передъ Сольсбюри, что ему не пришлось непосредственно подчиняться вліянію Дизраэли: онъ сохранилъ самобытную свѣжесть своей натуры и избѣгнулъ непріятныхъ компромиссовъ, оправдываемыхъ политическою пользою или необходимостью. Лордъ Черчилль обладаетъ также важнымъ преимуществомъ сравнительно съ Дизраэли: онъ по рожденію принадлежитъ къ аристократіи и можетъ свободно соединять въ себѣ торійскія традиціи съ демократическимъ духомъ, тогда какъ Дизраэли долженъ былъ доказывать самое право свое на довѣріе то-

ріевъ и еще долго оставался „выскочкою", подозрительнымъ для однихъ и враждебнымъ для другихъ. Историкъ Фриманъ, называющій Биконсфильда не иначе какъ „евреемъ", не найдетъ никакой обидной клички ни для потомка герцоговъ Марльборо, ни для главы дома Сесиль, хотя бы оба эти дѣятеля поступали гораздо хуже Дизраэли.

Политика портитъ людей, и человѣкъ, безукоризненный въ частной жизни, считаетъ себя въ правѣ не разбирать средствъ въ политической борьбѣ. Честный и правдивый лордъ Сольсбюри, рыцарь безъ страха и упрека, не разъ оффиціально отрицалъ совершившіеся факты; будучи чрезвычайно вѣжливымъ джентльменомъ, онъ въ публичной рѣчи въ палатѣ лордовъ обозвалъ своего родственника и бывшаго товарища, графа Дерби, лжецомъ и трусомъ, послѣ того какъ замѣнилъ его въ должности министра иностранныхъ дѣлъ. О лордѣ Черчиллѣ и говорить нечего; еще недавно онъ въ печатномъ объясненіи выразился о графѣ Гренвиллѣ, какъ о „несчастной личности", какъ о человѣкѣ, неспособномъ понять идею чести и т. п.

Политическіе нравы понижаются въ Англіи, — по крайней мѣрѣ, въ средѣ новыхъ поколѣній консерваторовъ. Быть можетъ, для многихъ весь демократическій духъ усовершенствованнаго консерватизма заключается въ усвоеніи крѣпкихъ словъ, употребляемыхъ въ низшихъ классахъ населенія. Народу пріятно слышать свои обычныя выраженія изъ устъ аристократовъ, и это обстоятельство заставляетъ ораторовъ торійской партіи снисходить по-временамъ до грубой ругани. Подобныя увлеченія предупреждаются во Франціи практикою дуэлей, которыхъ не признаютъ англичане, и оскорбительныя выходки встрѣчаются только молчаливымъ порицаніемъ со стороны общественнаго мнѣнія. Нельзя сказать, что Дизраэли первый ввелъ въ моду этотъ способъ личной полемики въ Англіи; честолюбцы всегда поддавались соблазну легкаго торжества надъ противниками посредствомъ насмѣшливыхъ и враждебныхъ фразъ. Такой способъ нападенія примѣняется нерѣдко даже къ цѣлымъ народамъ и государствамъ, что́ уже совсѣмъ нелѣпо. Народы и государства не обижаются, какъ отдѣльныя лица, и словесные удары пропадаютъ безслѣдно. Лордъ Сольсбюри, говоря объ англо-русскомъ конфликтѣ, сравнивалъ Россію съ банкротомъ или съ мошенникомъ: „или Россія не можетъ выполнить своихъ обязательствъ,—тогда она должна быть объявлена банкротомъ; или она не хочетъ ихъ выполнить,—тогда она поступаетъ, какъ мошенникъ". А теперь маркизъ Сольсбюри долженъ заботиться о поддержаніи хорошихъ отношеній съ русскою дипломатіею. Лордъ Черчилль обвинялъ Россію въ небывалыхъ вѣроломствахъ и обманахъ, — теперь онъ министръ по дѣламъ Индіи и обязанъ относиться съ уваженіемъ къ великой державѣ, господствующей нынѣ въ средней

Азіи. Оба эти министра поставлены въ щекотливое положеніе, благодаря неумѣстнымъ выходкамъ ихъ въ рядахъ оппозиціи; очевидно, они упустили изъ виду случайность, къ которой вожди великой партіи должны быть всегда готовы,—возможность перехода власти въ ихъ руки.

Само собою разумѣется, что изъ прежнихъ заявленій, сдѣланныхъ лордами Сольсбюри и Черчиллемъ, нельзя извлечь никакихъ выводовъ о предстоящей ихъ политикѣ. Между словами ихъ, какъ частныхъ лицъ, и дѣйствіями ихъ, какъ отвѣтственныхъ министровъ, нѣтъ никакой необходимой связи; то, что говорится свободно въ оппозиціонныхъ рѣчахъ, можетъ оказаться невыполнимымъ и нежелательнымъ на практикѣ; теоретическія сужденія и гипотезы, смѣло выдвигаемыя, при отсутствіи фактовъ, устраняются реальною обстановкою и сложными условіями дѣйствительной международной дипломатіи. Нѣкоторыя газеты полагаютъ, что русское правительство имѣетъ основаніе обратиться къ лорду Сольсбюри съ запросомъ по поводу его недавнихъ обидныхъ рѣчей противъ Россіи, подобно тому, какъ это сдѣлано было вѣнскимъ кабинетомъ послѣ образованія министерства Гладстона въ 1880 году. Но какъ безполезно было требовать отъ либеральнаго премьера объясненій, несогласныхъ съ его искренними взглядами, такъ же точно безцѣльно было бы заставлять теперь консервативныхъ министровъ отрекаться отъ неосторожныхъ словъ, лишенныхъ всякаго практическаго значенія. Требовать отъ иностранныхъ министровъ отчета въ ихъ рѣчахъ, произнесенныхъ до принятія ими должностей, значило бы въ сущности вмѣшиваться безъ всякой надобности во внутреннія дѣла чужого государства. Не только ораторъ оппозиціи, но и министръ можетъ въ предѣлахъ своей страны говорить что угодно о чужой державѣ; послѣдняя въ правѣ только поступать соотвѣтственнымъ образомъ относительно враждебнаго ей правительства. Россія имѣетъ лишь поводъ слѣдить внимательно за политическими предпріятіями и заявленіями новаго англійскаго министерства; но опасаться какого-либо внезапнаго кризиса или взрыва въ англо-русскомъ конфликтѣ было бы, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. До ноябрьскихъ парламентскихъ выборовъ кабинетъ Сольсбюри обреченъ на пассивное выжиданіе; при малѣйшемъ выступленіи изъ мирной колеи текущихъ задачъ онъ былъ бы немедленно свергнутъ либеральнымъ большинствомъ палаты общинъ. Кабинету поневолѣ придется или подписать соглашеніе съ Россіею, подготовленное Гладстономъ, или отложить развязку до зимы; а результатъ осенней избирательной кампаніи можетъ еще освободить лордовъ Сольсбюри и Черчилля отъ министерскихъ заботъ.

Въ числѣ девяти лордовъ, засѣдающихъ въ консервативномъ ка-

бинетѣ, замѣчается одинъ вновь возведенный въ званіе пэра,—графъ Иддеслей. Подъ этимъ титуломъ скрывается сэръ Стаффордъ-Норскотъ, удалившійся съ поля парламентскихъ битвъ и передавшій свое мѣсто въ палатѣ общинъ оффиціально сэру Гиксъ-Бичу, побѣдителю 8 іюня, а фактически — лорду Рандольфу Черчиллю. Одновременно съ пожалованіемъ графскаго достоинства сэру Норскоту, королева Викторія предложила такую же честь побѣжденному Гладстону но послѣдній не нашелъ возможнымъ воспользоваться этой милостью, такъ какъ переходъ въ палату лордовъ отнялъ бы у него право непосредственно вліять на ходъ предстоящаго избирательнаго движенія.

Если спросить, что достигнуто англійскимъ министерскимъ кризисомъ, то на это можно отвѣтить: власть перешла отъ одного таланта къ другому, отъ безукоризненно-честнаго человѣка къ рыцарю безъ страха и упрека, отъ величайшаго изъ живущихъ англичанъ къ самому смѣлому и блестящему политическому дѣятелю современной Англіи. Одна изъ нашихъ газетъ нашла въ этомъ фактѣ матеріалъ для возвѣщенія давно ожидаемой гибели западно-европейскаго парламентаризма; но почему указанное перемѣщеніе власти знаменуетъ собою упадокъ англійскаго политическаго строя, — это осталось неизвѣстнымъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюля 1885.

— Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Сочиненіе Н. И. Зибера. Спб. 1885.

Книга г. Зибера даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе: это цѣлый обширный трактатъ по политической экономіи, заключающій въ себѣ изложеніе и оцѣнку трудовъ не только Рикардо и Маркса, но и ихъ предшественниковъ, послѣдователей и противниковъ. Г-нъ Зиберъ давно уже извѣстенъ, какъ неутомимый истолкователь и защитникъ ученій классической англійской школы экономистовъ; онъ много содѣйствовалъ распространенію у насъ популярности одного изъ новѣйшихъ теоретиковъ этой школы, Карла Маркса. Въ этомъ отношеніи авторъ представляетъ замѣчательный примѣръ постоянства и энергіи; онъ не переставалъ комментировать своихъ любимыхъ писателей въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и въ журнальныхъ статьяхъ, въ переводныхъ и оригинальныхъ работахъ, въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ. Начиная съ перваго большого труда, вышедшаго въ 1871 году, и кончая критическими этюдами, разбросанными въ разныхъ изданіяхъ, г. Зиберъ всегда держался неизмѣнно одного направленія и проводилъ одни и тѣ же взгляды въ области основныхъ вопросовъ экономической науки. Существенная заслуга его состоитъ прежде всего въ настойчивой защитѣ правильныхъ научныхъ понятій о методѣ политической экономіи, объ ея задачахъ и пріемахъ изслѣдованія.

Авторъ скромно выдаетъ свою книгу за второе изданіе магистерской диссертаціи о „Теоріи цѣнности и капитала Рикардо", хотя уже значительная разница въ объемѣ указываетъ на неточность этого признанія: мы имѣемъ предъ собою объемистый томъ въ 600 страницъ, тогда какъ диссертація была вдвое меньше и не касалась многихъ вопросовъ, разобранныхъ обстоятельно въ настоящемъ трудѣ.

Г-нъ Зиберъ собралъ въ своей книгѣ массу литературнаго и фактическаго матеріала для выясненія существенныхъ экономическихъ теорій—о цѣнности и ея элементахъ, объ издержкахъ производства, о спросѣ и предложеніи, о деньгахъ, о капиталѣ, о чистомъ доходѣ и рабочей платѣ, объ общественной коопераціи, о машинахъ и крупной промышленности, о накопленіи капитала и о законѣ народонаселенія. Все это разработано съ замѣчательною полнотою и знаніемъ дѣла; строгая логичность разсужденій требуетъ большого вниманія отъ читателя, въ виду отвлеченнаго, теоретическаго характера излагаемыхъ и критикуемыхъ ученій. Книга г. Зибера является весьма полезнымъ руководствомъ для всякаго, кто желаетъ усвоить себѣ начала и выводы современной политической экономіи въ ихъ научномъ послѣдовательномъ развитіи.

Можно замѣтить только нѣкоторые пробѣлы въ изложеніи автора; такъ, онъ не останавливается особо на теоріяхъ двухъ весьма важныхъ продолжателей Рикардо—фонъ-Тюнена и Родбертуса, ограничиваясь лишь нѣсколькими ссылками на нихъ въ примѣчаніяхъ. Оставлены также безъ надлежащаго вниманія представители новѣйшей нѣмецкой школы — Адольфъ Вагнеръ, Шмоллеръ, Шенбергъ, Брентано и отчасти также Шеффле; послѣдняго авторъ цитируетъ по старымъ его сочиненіямъ, не упоминая о капитальномъ трехтомномъ трудѣ его: „Bau und Leben des socialen Körpers". Пристрастіе къ Марксу переходитъ иногда въ чрезмѣрную односторонность; желаніе оправдать всѣ его положенія и найти въ нихъ окончательную разгадку экономическихъ проблеммъ могло имѣть смыслъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ періодъ увлеченій всякою новизною, но теперь слѣдовало бы ожидать уже болѣе самостоятельнаго критическаго отношенія къ теоріямъ покойнаго автора „капитала". Склонность восхвалять авторитетнаго учителя не есть достоинство для ученаго; привычка jurare in verba magistri нерѣдко портитъ впечатлѣніе доводовъ, которые безъ того могли бы считаться убѣдительными. По мнѣнію г. Зибера, Марксъ возвѣщаетъ великія истины по всѣмъ отдѣламъ науки; его замѣчанія о происхожденіи кредитныхъ актовъ „проливаютъ на сущность дѣла безконечно болѣе свѣта, нежели цѣлые десятки томовъ сочиненій о банкахъ" (стр. 254): по вопросу о коопераціи, Марксъ „даетъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другіе экономисты настоящаго столѣтія, взятые вмѣстѣ", и у него „читатель не найдетъ ни одного изъ указанныхъ промаховъ и упущеній" (стр. 408); ученіе его о машинахъ и о крупной индустріи „представляетъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ мыслей и оригинальныхъ изслѣдованій, что еслибы кто вздумалъ взвѣсить относительныя достоинства этого ученія вполнѣ, ему

пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не цѣлую книгу" (стр. 473). Рядомъ съ этими восторженными отзывами о заслугахъ Маркса, бросается въ глаза пренебреженіе къ дѣятелямъ другихъ лагерей; глава французской школы экономистовъ, талантливый современникъ и противникъ Рикардо, оказывается „какимъ-нибудь Ж.-Б. Сэемъ", о „тривіальностяхъ" котораго не стоитъ и говорить (стр. 199, примѣч.).

Нельзя не замѣтить также нѣкотораго недостатка системы въ разборѣ различныхъ доктринъ; авторъ обращается отъ одного писателя къ другому, безъ соблюденія хронологическаго или иного порядка, причемъ Мальтусъ приводится послѣ Кэри и т. п. Изложивъ Рикардо, авторъ говоритъ: „взглянемъ" теперь, какъ относится это ученіе къ теоріи Кэри (стр. 95); затѣмъ, черезъ нѣсколько страницъ: „перейдемъ къ изложенію ученія Бастіа", и т. д. (стр. 99); еще далѣе: „взглянемъ теперь на теорію Сеніоръ-Вальраса" (стр. 102). Такъ же точно въ другой главѣ, послѣ оцѣнки взглядовъ Маклеода, авторъ замѣчаетъ: „перейдемъ къ разсмотрѣнію теорій Steuart'a и Мальтуса" (стр. 137). Этотъ однообразный способъ связывать ученіе разныхъ авторовъ становится не совсѣмъ понятнымъ, когда отъ новыхъ писателей, напр. Маклеода, дѣлается скачокъ къ старымъ—къ Мальтусу и Steuart'у, безъ другой оговорки, кромѣ слова „перейдемъ". Встрѣчаются въ книгѣ и нѣкоторые недосмотры и неточныя выраженія; между прочимъ, на стр. 548, въ примѣчаніи, повторяется содержаніе статьи Поттера, изложенное уже подробно на стр. 519; въ текстѣ о приводимыхъ въ выноскѣ словахъ Маркса говорится, что они „отличаются значительною важностью" (стр. 74) и т. п. Г-нъ Зиберъ цитируетъ извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей на французскомъ языкѣ,—напримѣръ Рошера, Рау, фонъ-Тюнена (въ переводѣ г. Волкова); это объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что автору, по мѣсту его пребыванія за границею, были доступны болѣе французскія и англійскія изданія, чѣмъ нѣмецкія.

При всѣхъ этихъ сравнительно неважныхъ недостаткахъ, сочиненіе г. Зибера должно быть признано весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей политико-экономической литературы.

— Н. Карышевъ, Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ западной Европы. Экономическое изслѣдованіе. Спб. 1885.

Намъ рѣдко случалось читать диссертацію начинающаго русскаго ученаго, которая была бы написана такъ живо и давала бы такъ много новыхъ интересныхъ данныхъ, какъ книга г. Карышева о

вѣчной арендѣ. Авторъ работалъ въ заграничныхъ библіотекахъ и архивахъ, изслѣдовалъ на мѣстѣ любопытныя формы поземельныхъ отношеній, обращался за содѣйствіемъ къ иностраннымъ ученымъ и успѣлъ собрать въ высшей степени поучительные факты, которые и изложилъ весьма искусно въ настоящей книгѣ. Насколько г. Карышеву удалось возбудить интересъ къ своему труду въ мѣстныхъ спеціалистахъ, можно видѣть отчасти изъ длиннаго списка лицъ, которымъ авторъ заявляетъ въ предисловіи благодарность за оказанную помощь въ работѣ. Эдуардъ де-Лавеле снабжалъ его совѣтами и рекомендаціями; профессоръ политической экономіи Кортъ-ванъ-деръ-Линденъ и его супруга, вмѣстѣ съ однимъ членомъ верхней палаты въ Голландіи, сдѣлали для автора переводъ на французскій языкъ избранныхъ мѣстъ голландскихъ источниковъ; членъ парламента въ Португаліи написалъ для него цѣлый мемуаръ, а профессоръ адвокатъ въ Лиссабонѣ доставилъ обстоятельные отвѣты на вопросные пункты. Вопросъ о вѣчной и долгосрочной арендѣ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ и запутанныхъ въ области поземельныхъ отношеній; неудивительно поэтому, что интересующіеся предметомъ иностранцы отнеслись съ такимъ рѣдкимъ, даже за-границей, вниманіемъ къ любознательности молодого русскаго ученаго.

Вѣчная аренда сдѣлалась въ Европѣ жертвою ошибочной законодательной политики; она запрещалась по разнымъ отвлеченнымъ соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ интересами народныхъ массъ. Но институтъ этотъ сохранился въ обычаяхъ нѣкоторыхъ странъ и отчасти проложилъ себѣ дорогу въ гражданскіе кодексы: онъ развивался самостоятельно въ извѣстныхъ провинціяхъ Франціи, Португаліи, Голландіи, сѣверной Италіи и въ Мекленбургъ-Шверинѣ, принимая повсюду своеобразныя формы, подъ вліяніемъ потребностей земледѣлія и воззрѣній поселянъ. Вѣчная аренда замѣняетъ для крестьянства поземельную собственность, отнятую у него вѣками феодальныхъ и иныхъ хищеній; она открываетъ ему доступъ къ этой собственности, при допущеніи выкупа. Авторъ съ исчерпывающею полнотою описываетъ существующія въ Европѣ (кромѣ Ирландіи) формы вѣчной и долгосрочной аренды, разбирая ихъ съ исторической, хозяйственной и законодательной точекъ зрѣнія. Бойкая критика спеціальной литературы предмета и обиліе фактическихъ указаній придаютъ книгѣ значительный общій интересъ, который увеличивается еще легкостью и ясностью изложенія.

Книга г. Карышева можетъ имѣть и практическое значеніе, въ виду предстоящаго у насъ регулированія арепднаго права въ новомъ гражданскомъ кодексѣ. Въ концѣ книги приложены документы и образцы контрактовъ, извлеченные изъ архивныхъ сборниковъ обыч-

наго права. Авторъ обѣщаетъ въ дальнѣйшей работѣ заняться изслѣдованіемъ вѣчной аренды въ примѣненіи къ Россіи; это намѣреніе заслуживаетъ полнаго сочувствія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ виду шаткости и безжизненности господствующихъ у насъ юридическихъ понятій въ сферѣ поземельныхъ правъ.

—Что такое догма права? Сергѣя Муромцева. Москва, 1885.

Небольшая брошюра извѣстнаго московскаго профессора написана по поводу полемики съ однимъ петербургскимъ юристомъ, противникомъ новаго научнаго направленія, представителемъ котораго является у насъ г. Муромцевъ. Противники бываютъ различные: они или старовѣры, неуклонно держащіеся унаслѣдованныхъ взглядовъ и идей, или враги даннаго рода реформъ, ничего не имѣющіе противъ нововведеній въ другую сторону. Юристъ, съ которымъ полемизируетъ г. Муромцевъ, принадлежитъ къ разряду лицъ, пытающихся сѣсть между двумя стульями,—онъ хочетъ прикрыть старую схоластику новыми терминами, какъ-будто сущность дѣла заключается въ словахъ и названіяхъ. Система окаменѣлыхъ юридическихъ формулъ, часто противорѣчащихъ потребностямъ жизни, не измѣняетъ своего характера отъ того, что къ ней примѣнены новомодныя рубрики, заимствованныя изъ сочиненій философовъ-позитивистовъ. Современная „догматика" юристовъ нисколько не выигрываетъ въ своемъ научномъ достоинствѣ отъ переименованія ея въ „статику" права,—ибо каждый понимаетъ, что сѣть искусственныхъ логическихъ комбинацій не можетъ быть принята за вѣрное выраженіе дѣйствительныхъ явленій въ ихъ типическихъ формахъ и въ ихъ взаимной связи. Профессору Муромцеву приходится объяснять своему оппоненту элементарныя научныя истины, опираясь на Милля, Бэна и другихъ; но и эти истины, давно признанныя обязательными для всѣхъ отраслей положительнаго знанія, упорно отрицаются или, въ лучшемъ случаѣ, игнорируются юристами-теоретиками старой школы. Объясненія г. Муромцева, излагаемыя точно и убѣдительно въ изданной нынѣ брошюрѣ, могутъ принести свою долю пользы при настоящемъ состояніи русской юриспруденціи.

— **Шарль Рише.** Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Переводъ съ французскаго Спб. 1885.

Область таинственнаго, загадочнаго, всегда привлекала умы и давала обильную пищу всякимъ суевѣріямъ; но только въ новѣйшее время она начинаетъ входить въ кругъ научныхъ наблюденій и гипотезъ. Опытная психологія сдѣлала громадные успѣхи съ тѣхъ поръ, какъ ею занялись физіологи и психіатры; они внесли въ нее свой методъ, свои точные пріемы и свою осторожность въ выводахъ. Ученые изслѣдователи перестали пренебрегать фактами, несогласными съ установленною доктриною; они изучаютъ и анализируютъ то, что прежде считалось продуктомъ больного воображенія или грубаго незнанія. Даже спиритизмъ находитъ своихъ добросовѣстныхъ истолкователей и адептовъ въ ученомъ мірѣ; способность „магнетизировать" людей, усыплять ихъ и превращать въ автоматовъ, слѣпо исполняющихъ даваемыя имъ приказанія, становится предметомъ любопытныхъ опытовъ, обставленныхъ вполнѣ научнымъ образомъ. Объ этихъ опытахъ и наблюденіяхъ подробно разсказываетъ Шарль-Рише въ поучительной книгѣ, вышедшей теперь въ русскомъ переводѣ. Нѣкоторые отдѣлы книги, по интересу содержанія, напоминаютъ скорѣе сборникъ анекдотовъ, чѣмъ популярно-научный трудъ; до того оригинальны сообщаемые факты и примѣры. Иногда читателю кажется, что анекдотическая сторона занимаетъ уже слишкомъ много мѣста въ сочиненіи Рише; авторъ, очевидно, хотѣлъ сдѣлать свою книгу привлекательною для большинства публики, и этой цѣли онъ вполнѣ достигъ. Въ отдѣлѣ о „демонизмѣ" приводятся подробные разсказы о процессахъ колдуній въ средніе вѣка, вмѣстѣ съ выписками изъ старинныхъ „изслѣдованій" объ этомъ предметѣ и въ томъ числѣ изъ извѣстнаго руководства, напечатаннаго въ XVI вѣкѣ подъ названіемъ „Malleus maleficarum". Эти разсказы, которымъ отведено около 120 страницъ, читаются конечно какъ романъ. Заключительная часть книги содержитъ въ себѣ замѣчанія о наиболѣе распространенныхъ „ядахъ интеллекта"—о дѣйствіи алкоголя, хлороформа. гашиша и опіума. Попытки научныхъ объясненій нашли себѣ наиболѣе мѣста въ главахъ о сомнамбулизмѣ и въ дополнительныхъ къ нимъ свѣденіяхъ.

— Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи. Сочиненіе **Я. Г. Гуревича.** Спб. 1884.

Какъ видно изъ предисловія, г. Гуревичъ пожелалъ восполнить замѣченный имъ пробѣлъ въ существующей литературѣ относительно войны за испанское наслѣдство. Этотъ пробѣлъ касается именно

вопроса о вліяніи коммерческихъ интересовъ Англіи на возникновеніе войны, „охватившей въ началѣ прошлаго столѣтія всю юго-западную Европу“. Разумѣется, въ русской литературѣ по всеобщей исторіи нашлись бы другіе пробѣлы, болѣе обширные и болѣе важные: но каждый авторъ воленъ выбирать тэмы для своихъ работъ, руководствуясь личными симпатіями и соображеніями, не всегда понятными публикѣ. Нужно благодарить автора за то, что дается имъ,— ибо научное и писательское трудолюбіе всегда достойно сочувствія.

Г-нъ Гуревичъ весьма добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ; онъ обстоятельно пользовался богатою литературою предмета и обращался даже къ рукописнымъ матеріаламъ, хранящимся въ парижской національной библіотекѣ. Книга имѣетъ всѣ внѣшніе признаки и нѣкоторыя внутреннія достоинства научности; въ частности, мысль о преобладающемъ значеніи экономическихъ интересовъ въ международной политикѣ имѣетъ въ своей основѣ вполнѣ раціональный взглядъ на исторію. Мы опасаемся однако, что почтенный авторъ не могъ провести свою идею съ достаточною убѣдительностью, вслѣдствіе неясности своихъ политико-экономическихъ воззрѣній. Г. Гуревичъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о „незрѣлыхъ“ меркантильныхъ понятіяхъ, придававшихъ исключительное значеніе деньгамъ и драгоцѣннымъ металламъ, а вслѣдъ затѣмъ самъ же прилагаетъ эту меркантильную точку зрѣнія къ объясненію промышленнаго состоянія Франціи послѣ отмѣны нантскаго эдикта. По словамъ автора, съ выселеніемъ богатыхъ гугенотовъ „капиталы ихъ сразу увеличили приливъ звонкой монеты на амстердамской и лондонской биржахъ и денежные обороты, а во Франціи деньги стали очень рѣдки, и правительство въ случаѣ надобности могло доставать деньги только за очень высокіе проценты“ (стр. 68). Авторъ также не вездѣ остается вѣренъ своему основному положенію, что война за испанское наслѣдство вызвана торговымъ соперничествомъ между Англіею и Франціею; онъ склоненъ объяснять эту войну личными увлеченіями и ошибками Людовика XIV, забывая о болѣе общихъ мотивахъ, выдвигаемыхъ въ теоріи на первый планъ. „Цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ, безвыходныхъ ошибокъ дѣлаетъ онъ (Людовикъ XIV) въ короткое время и какъ бы противъ воли, какъ бы влекомый враждебнымъ ему рокомъ, втягиваетъ Францію въ ужасную войну, которой повидимому желалъ избѣжать.. Людовикъ XIV не только не рѣшается на какую либо малѣйшую уступку въ пользу морскихъ державъ, которыхъ главнымъ образомъ онъ и опасался, но своими дѣйствіями, захватомъ „барьеры“ (пограничныхъ крѣпостей) у Голландіи и признаніемъ принца Уэльскаго королемъ Англіи послѣ смерти Іакова II, постоянно задѣваетъ самыя чувствительныя и больныя мѣста Англіи и Голландіи и самые

близкіе ихъ интересы, вызывая ихъ такимъ образомъ на войну и дѣлая ее почти неизбѣжною" (стр. 138—9). По мнѣнію автора, даже послѣ всѣхъ грубыхъ нарушеній и ошибокъ французскаго правительства, „дѣло, можетъ быть, было еще поправимо, еслибы только Людовикъ XIV рѣшился на тѣ уступки, которыхъ требовалъ отъ него Вильгельмъ III, во время переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, или рѣшился, по крайней мѣрѣ, удовлетворить требованіямъ, высказаннымъ уполномоченными генеральныхъ штатовъ и англійскимъ уполномоченнымъ Стэнгопомъ на гагскихъ конференціяхъ". Значитъ, вся сила была вовсе не въ коммерческихъ интересахъ Англіи, а въ личныхъ наклонностяхъ и недостаткахъ Людовика XIV, въ его предпріимчивомъ властолюбіи, доходившемъ до мечты объ универсальной европейской монархіи. Съ другой стороны, какъ излагаетъ самъ авторъ, господствующіе классы въ Англіи не желали войны, которая вызывалась будто-бы ихъ коммерческими интересами, а единственный человѣкъ, стремившійся къ борьбѣ съ Франціею,— король Вильгельмъ III—не былъ англичаниномъ и не могъ проникнуться чуждыми ему торговыми соображеніями, хотя и выставлялъ ихъ нерѣдко въ оффиціальныхъ актахъ для оправданія своей политики въ глазахъ англійской націи и парламента. Относительно роли Вильгельма III авторъ высказывается не вполнѣ опредѣленно; въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Вильгельмъ, будучи королемъ Англіи, былъ въ то-же время штаттальтеромъ Голландіи, интересы которой были для него, по крайней мѣрѣ, настолько же дороги, какъ и интересы самой Англіи, если еще не дороже. По крайней мѣрѣ, Портландъ въ переговорахъ объ испанскомъ наслѣдствѣ высказалъ напрямикъ, что для Вильгельма III, хотя онъ король Англіи, интересы голландцевъ на первомъ планѣ, а интересы англичанъ на второмъ. А кому же, какъ не лорду Портланду, какъ не самому довѣренному лицу и другу Вильгельма, было знать его убѣжденія?" (стр. 50). Другими словами, причины событій опять-таки находились гдѣ-то въ сторонѣ отъ спеціальныхъ коммерческихъ интересовъ Англіи. Правда, авторъ утверждаетъ далѣе, что „Вильгельмъ III обязанъ былъ заботиться объ интересахъ того и другого государства", что „своею личностью онъ дѣйствительно объединилъ ихъ интересы, и этому способствовала болѣе всего извѣстная связь между религіозными и политическими интересами обоихъ государствъ" (стр. 54); но это утвержденіе или ничего не доказываетъ, или опровергается приведеннымъ выше указаніемъ. Что завоевательная политика Людовика XIV по отношенію къ Испаніи и ея колоніямъ могла повредить торговымъ выгодамъ Англіи — это совершенно иной вопросъ, разрѣшеніе котораго не представляетъ никакихъ сомнѣній; но от-

сюда далеко еще не вытекаетъ тотъ выводъ, что предполагаемыя послѣдствія были причиною войны со стороны Англіи. Г. Гуревичъ полагаетъ, что „для Англіи, какъ для страны, жизненный нервъ которой заключался, да и теперь заключается, въ возможно широкомъ развитіи ея мануфактурной промышленности, торговли и морского могущества, лишиться всего того, чего опасалась она, лишиться вслѣдствіе перехода испанскаго наслѣдства къ принцу изъ дома Бурбоновъ, значило отказаться не только отъ всякой политической роли, но, такъ сказать, отъ самаго существованія своего“ (стр. 183). Это мнѣніе кажется намъ мало правдоподобнымъ и совершенно бездоказательнымъ.

Изложеніе г. Гуревича страдаетъ значительною шероховатостью и сбивчивостью; въ краткомъ предисловіи одно и тоже выраженіе—„война за испанское наслѣдство“—повторяется цѣлыхъ пятнадцать разъ, иногда безъ всякой надобности, по нѣскольку разъ въ одномъ періодѣ. Попадаются фразы въ такомъ родѣ: „историки, служащіе выраженіемъ (выразителями?) мнѣній“ (стр. XXI); „французскій посланникъ презиралъ папу (выказывалъ презрѣніе?) въ самой столицѣ его“ (стр. 34): „обольщая ее (королеву) перспективою брачнаго ложа (!) овдовѣвшаго дофина“ (стр. 115); „пошлина съ каждаго тонна“ (тонны?) и т. п. Не всякій пойметъ такое разсужденіе: „случилось даже, что одинъ еврей пріобрѣлъ себѣ въ царствованіе Карла II за 50,000 талеровъ (?) титулъ маркиза, несмотря на то, что при Карлѣ II, именно въ 1680 году, по случаю празднованія бракосочетанія его съ принцессою Луизою Орлеанскою, устроено было въ самой столицѣ ауто-да-фе, на которомъ преданы были сожженію 18 португальскихъ евреевъ, мужчинъ и женщинъ“ (стр. 85—6). Какая связь существуетъ между обоими фактами—неизвѣстно; вѣдь возведеніе еврея въ маркизы за деньги нисколько не гарантировало его отъ сожженія въ случаѣ надобности.

— Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное. Профессора И. Я. Фойницкаго. Спб. 1885.

Нападки на адвокатуру вообще, по поводу грѣховъ и увлеченій отдѣльныхъ представителей ея, сдѣлались въ послѣдніе годы любимымъ занятіемъ публицистовъ извѣстнаго направленія. Нѣтъ ничего легче какъ нападать на публичныя дѣйствія частныхъ лицъ; но критика становится одностороннею и несправедливою, когда она обращается противъ извѣстнаго разряда дѣятелей, минуя остальныхъ, тѣсно съ ними связанныхъ, и не принимая въ разсчетъ окружающихъ условій.

Профессоръ Фойницкій ставитъ вопросъ объ адвокатурѣ на надлежащую почву „общественнаго служенія“ и объясняетъ дѣйствительную роль защиты, какъ необходимой принадлежности уголовнаго процесса. Почтенный авторъ признаетъ печальный фактъ упадка нашей адвокатуры въ общественномъ мнѣніи, въ связи съ замѣтнымъ пониженіемъ нравственнаго ея уровня; но причины этого факта онъ находитъ отчасти въ двусмысленной постановкѣ защитительной функціи и въ недовѣрчивомъ отношеніи къ ней со стороны закона. „Защита стѣснена у насъ въ самой существенной части своей дѣятельности, именно въ той, которая направлена на собираніе доказательствъ и предъявленіе ихъ суду, и можетъ проявлять свои силы почти исключительно въ судоговореніи“ (стр. 35); адвокату приходится имѣть дѣло съ готовымъ матеріаломъ, собраннымъ безъ его участія, и онъ вынужденъ поневолѣ прибѣгать къ искусственнымъ пріемамъ краснорѣчія, чтобы поколебать обвиненіе, построенное неосновательно или ошибочно въ долгій періодъ предварительнаго слѣдствія.

Г. Фойницкій справедливо придаетъ большое значеніе безвозмездной защитѣ подсудимыхъ по назначенію суда; авторъ хотѣлъ бы, по возможности, расширить и упрочить отбываніе этой важной повинности присяжными повѣренными. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ систематическаго уклоненія отъ этой повинности, которое онъ видитъ даже въ томъ общепринятомъ и вполнѣ естественномъ правилѣ, что присяжные адвокаты привлекаются къ обязательной защитѣ только по дѣламъ, разбираемымъ въ мѣстѣ пребыванія суда. Понятно, что судъ не можетъ посылать присяжныхъ повѣренныхъ въ другіе города для даровой защиты подсудимыхъ, если законъ не устанавливаетъ подобныхъ командировокъ и не указываетъ источника для возмѣщенія издержекъ на адвокатскіе разъѣзды. Разбирательство дѣлъ на выѣздныхъ сессіяхъ окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, обходится такимъ образомъ безъ назначенія защитниковъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, и этотъ порядокъ вещей, по мнѣнію г. Фойницкаго, лежитъ всецѣло на отвѣтственности адвокатской корпораціи. „Стимулъ личнаго удобства и личнаго интереса,—по словамъ почтеннаго автора,—оказался могущественнѣе стимула общественной пользы, побудивъ присяжныхъ повѣренныхъ бросить на произволъ судьбы огромную массу подсудимыхъ, отчего существеннѣйшимъ образомъ исказилось отправленіе уголовнаго правосудія... Еслибы Совѣты тверже сознавали общественное назначеніе защиты, то едва ли они такъ легко рѣшились бы на такое постановленіе и, нужно думать, съ успѣхомъ пріискали бы способы устранять тѣ маловажныя неудобства для присяжныхъ повѣренныхъ,

которыя побудили ихъ, вопреки закону (?), установить полную беззащитность подсудимыхъ по дѣламъ наибольшей важности" (стр. 50, 56).

Намъ кажется, что здѣсь авторъ впадаетъ въ фактическую ошибку: отсутствіе присяжныхъ повѣренныхъ вовсе не означаетъ „полной беззащитности" подсудимыхъ, ибо существуютъ двѣ категоріи лицъ, которыя спеціально имѣются въ виду для исполненія обязанностей защитниковъ на выѣздныхъ уголовныхъ сессіяхъ,—а именно кандидаты на судебныя должности, находящіеся въ полномъ распоряженіи суда и получающіе вознагражденіе изъ канцелярскихъ суммъ, и помощники присяжныхъ повѣренныхъ, ищущіе даровыхъ защитъ для пріобрѣтенія необходимаго опыта въ дѣлахъ своей профессіи. Едва ли справедливо также неудобства командировокъ въ уѣздные города называть „маловажными" для адвокатовъ; въ этомъ отношеніи авторъ разсуждаетъ уже слишкомъ теоретично. „Нельзя сколько-нибудь серьезно утверждать,—говоритъ г. Фойницкій,—будто бы обязанность отлучки изъ мѣста жительства на время не свыше двухъ сутокъ въ теченіе мѣсяца представляетъ опасность для гражданскихъ интересовъ вѣрителей присяжнаго повѣреннаго; каждому изъ повѣренныхъ нѣтъ ничего легче, какъ ходатайствовать объ отсрочкѣ разбирательства гражданскихъ дѣлъ, засѣданія по которымъ предполагались въ эти дни, и не думаемъ, чтобы самые смѣлые антагонисты нашихъ судей рѣшились заподозрить ихъ въ желаніи противодѣйствовать подобнымъ ходатайствамъ.., Вмѣстѣ съ тѣмъ и сама корпорація присяжныхъ повѣренныхъ могла бы принять на себя нѣкоторыя заботы по гражданскимъ дѣламъ тѣхъ изъ ея сочленовъ, которые временно будутъ отсутствовать по командировкамъ для уголовныхъ защитъ"... (стр. 57). Авторъ предполагаетъ главнѣйшія неудобства тамъ, гдѣ ихъ всего меньше, и забываетъ о существенныхъ условіяхъ адвокатскихъ занятій, при которыхъ пропускъ одного или двухъ дней можетъ имѣть громадное значеніе для судьбы ввѣренныхъ дѣлъ. Часто серьезныя дѣла поступаютъ къ адвокату за нѣсколько дней до истеченія срока для подачи необходимыхъ жалобъ или прошеній; нерѣдко приходится неожиданно выступить по какому-либо дѣлу въ сенатѣ или въ другомъ учрежденіи, гдѣ не могутъ имѣть мѣста просьбы объ отсрочкѣ; наконецъ, каждый адвокатъ имѣетъ ежедневно опредѣленные часы для объясненій съ кліентами, для юридическихъ консультацій и для принятія новыхъ дѣлъ,—и потеря одного такого дня можетъ повлечь за собою значительные матеріальные убытки. Время занятаго адвоката цѣнится очень дорого, и не безъ основанія; требовать же особенной готовности приносить жертвы на пользу правосудія можно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы присяжная адвокатура дѣй-

ствительно признавалась равноправнымъ и существеннымъ элементомъ судебной организаціи, еслибы всѣ относились къ этому сословію соотвѣтственнымъ образомъ, и если бы за спиною его не существовалъ институтъ частныхъ повѣренныхъ, свободныхъ отъ повинностей и ограниченій, связанныхъ съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго.

Профессоръ Фойницкій упоминаетъ также о неблагопріятныхъ условіяхъ, среди которыхъ адвокаты призваны исполнять трудныя и щекотливыя обязанности, возлагаемыя на нихъ закономъ; указаніе на эти условія сильно ослабляетъ упреки автора по поводу малаго усердія присяжныхъ повѣренныхъ въ дѣлѣ безкорыстной „общественной службы" по назначенію суда. „По мѣрѣ того,—объясняетъ авторъ,—какъ нападенія на адвокатовъ становились болѣе и болѣе модными въ обществѣ, измѣнялось и положеніе ихъ въ судѣ уголовномъ. Едва-ли слѣдуетъ скрывать отъ себя, что если не всѣ, то многіе предсѣдательствующіе видятъ въ нихъ не помощниковъ правосудія, а его противниковъ. По винѣ-ли самихъ адвокатовъ появился этотъ взглядъ или по инымъ причинамъ, для насъ не представляетъ интереса; безспорно однако, что онъ пускаетъ прочные ростки, и что предсѣдательствующіе одною изъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей считаютъ удерживать защитниковъ въ тѣсныхъ границахъ, воспрещать имъ касаться тѣхъ или иныхъ предметовъ и останавливатъ ихъ строгимъ замѣчаніемъ при первой попыткѣ изслѣдовать или высказать что-либо, по мнѣнію ихъ, не относящееся къ дѣлу или уже достаточно разъясненное.... Необходимо помнить, что защитникъ—одинъ изъ необходимыхъ органовъ процесса, преслѣдующій тѣ-же цѣли правосудія, какъ и весь судъ, и прибѣгать къ мѣрамъ принужденія только въ крайнихъ случаяхъ, когда несомнѣнно, что онъ вышелъ изъ своей сферы. Особенная осторожность должна быть рекомендована при примѣненіи ихъ для устраненія со стороны защитника не относящагося къ дѣлу, такъ какъ прежде чѣмъ защита выскажется по данному предмету окончательно, нельзя судить, остается-ли защитникъ въ предѣлахъ дѣла или вышелъ изъ нихъ; поэтому укореняющаяся практика обрывать защитника и не давать ему высказаться, подъ предлогомъ, что данное обстоятельство не относится къ дѣлу или уже достаточно разъяснено, должна быть встрѣчена съ величайшимъ порицаніемъ. „Прибавимъ, что практика остановокъ и перерывовъ защитника предсѣдательствующимъ вредитъ хладнокровному отправленію защиты и нарушаетъ принципъ равноправности ея съ государственнымъ обвиненіемъ" (стр. 45—6).

Возможно-ли послѣ этого винить присяжныхъ повѣренныхъ за то, что они уклоняются отъ безкорыстнаго „общественнаго служе-

нія", которое самъ судъ считаетъ какъ-бы тормазомъ правосудія? И не насмѣшка-ли—назначать оффиціальныхъ защитниковъ и отнимать у нихъ время только для того, чтобы ставить ихъ въ непріятное и фальшивое положеніе школьниковъ, вынужденныхъ хладнокровно выслушивать рѣзкія и оскорбительныя замѣчанія лицъ, стоящихъ иногда ниже ихъ по образованію и развитію? Въ большинствѣ случаевъ замѣчанія предсѣдательствующихъ вызываются исключительно предвзятымъ ошибочнымъ взглядомъ на защиту, какъ на элементъ будто-бы посторонній, мѣшающій правильному ходу дѣла. Конечно, адвокаты опытные и авторитетные не смущаются враждебнымъ отношеніемъ предсѣдателей; да и послѣдніе избѣгаютъ вызывать свою силу по отношенію къ свѣтиламъ адвокатуры. Тѣмъ хуже положеніе средней массы защитниковъ, людей скромныхъ и добросовѣстныхъ, которыхъ ничего не стоитъ „оборвать" и смутить для удовольствія публики и прокурора. Ненормальность этой практики, возведенной въ систему, очевидна для каждаго, кто серьезно относится къ задачамъ уголовнаго правосудія.

Нельзя не согласиться съ заключительными пожеланіями г. Фойницкаго относительно нашей адвокатской корпораціи. „Кому много дано,—говоритъ онъ,—съ того много и взыщется. Огромность задачи возлагаетъ на защитниковъ обязанность тщательно оберегать общественную функцію ихъ дѣятельности, избѣгая всего, что уклоняетъ ихъ на путь частнаго промысла и ведетъ къ забвенію лежащей на нихъ общественной миссіи громадной важности. Для молодежи университетской адвокатура остается почти единственною сферою юридическаго труда. Печаловаться объ этомъ нѣтъ причины, въ виду привлекательности и симпатичности этого вида труда въ его чистомъ видѣ. Но тѣмъ настоятельнѣе позаботиться, чтобы чистое русло его не было загрязнено въ самыхъ истокахъ, и чтобы наша молодежь, мечтая нести общественную службу, не попадала за прилавокъ недоброкачественной лавочки" (стр. 63—4). Объ этомъ, повидимому, и заботятся въ извѣстной мѣрѣ Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, гдѣ они существуютъ.—Л. З.

— **На Алтаѣ.** Л. П. **Блюммера.** Спб., безъ года (вѣроятно, 1885).

Въ предисловіи неизвѣстный издатель объясняетъ, что настоящая книга есть первая часть романа „Около золота", который нѣсколько лѣтъ назадъ печатался въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, но остался тогда неконченнымъ. Всѣхъ частей предстоитъ четыре: изъ нихъ первая, вышедшая теперь въ свѣтъ, изображаетъ сибир-

скую жизнь тридцатыхъ годовъ; во второй будутъ изображены сороковые годы за Енисеемъ; въ третьей — мѣсто дѣйствія въ Томскѣ шестидесятыхъ годовъ; въ четвертой — въ Иркутскѣ семидесятыхъ. „Такимъ образомъ,—сказано въ предисловіи,—романъ долженъ широко обнять и значительный періодъ времени, и громадный районъ до сихъ поръ малоописанной страны".

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ „областнымъ" романомъ. Этотъ родъ литературы, безъ сомнѣнія, можетъ быть чрезвычайно интересенъ, особенно въ нашихъ условіяхъ, когда самыя области страшно раскинуты и на крайнихъ предѣлахъ ведутъ совсѣмъ разную жизнь и остаются другъ другу почти неизвѣстны. И въ самомъ дѣлѣ, романы, повѣсти, разсказы этого рода являются издавна въ нашей литературѣ, начиная даже съ нѣкоторыхъ разсказовъ Пушкина, потомъ Даля; въ послѣднее время большой успѣхъ имѣли такіе областные, волжскіе, романы Мельникова; подобный характеръ имѣли разсказы изъ раскольничьяго быта. Не была забыта и Сибирь, начиная съ очень извѣстной нѣкогда „Дочери купца Жолобова" и кончая разсказами г. Наумова и уральско-сибирскими повѣстями г. Мамина...

Этотъ родъ романа принадлежитъ къ числу тѣхъ „смѣшанныхъ" родовъ литературы, гдѣ, какъ напр. въ историческомъ романѣ или драмѣ, обыкновенно встрѣчаются разныя цѣли и разные пріемы творчества: историческій, какъ и „областной" романистъ, имѣетъ передъ собой двѣ, въ сущности, разныя задачи — собственно психологическую, изображеніе характеровъ, нравственныхъ положеній и коллизій, и заботу о передачѣ историческаго или мѣстнаго колорита, о вѣрномъ изображеніи историческихъ фактовъ, или особенностей обычая, нравовъ, самой рѣчи. Ровная выдержанность обѣихъ сторонъ задачи бываетъ очень рѣдкимъ качествомъ подобныхъ произведеній, и изъ этой трудности всего легче выходятъ тѣ разсказчики, которые, не задаваясь широкими планами, довольствуются изображеніемъ отдѣльныхъ типовъ, окружаемыхъ мѣстной обстановкой, какъ напр. у названныхъ выше гг. Наумова и Мамина. Историческій романъ есть, разумѣется, гораздо болѣе широкая затѣя, чѣмъ небольшая повѣсть и разсказъ, и требованія отъ него очень повышаются.—Какъ отвѣчаетъ имъ произведеніе г. Блюммера?

Замыселъ романа, — если онъ будетъ доведенъ до конца, — безъ сомнѣнія, любопытенъ: провести картину областной жизни малоизвѣстнаго края черезъ нѣсколько періодовъ времени, эта задача можетъ поинтересовать и не однихъ неразборчивыхъ любителей „легкаго чтенія". Но не скроемъ, что исполненіе ея не совсѣмъ удовлетворитъ тѣхъ, кто вздумалъ бы прилагать къ этому роману мѣрку „художественности": объ ней здѣсь нѣтъ и помину. Авторъ

видимо присмотрѣлся къ сибирской жизни, къ ея нравамъ, къ сибирской природѣ; онъ умѣетъ разсказывать; но романъ остается все-таки разсказомъ бывалаго человѣка, не лишеннымъ извѣстнаго интереса, но никакъ не художественнымъ произведеніемъ. Дѣйствіе вертится по обыкновенію на золотопромышленныхъ дѣлахъ; въ разсказѣ являются и крупные горные дѣльцы, и заводская жизнь, и мѣстный чиновничій людъ, — но у читателя все-таки не остается цѣльнаго впечатлѣнія, хотя предметъ картины самъ по себѣ могъ бы заинтересовать читателя своей оригинальностью и новостью. Не найдется здѣсь и такъ называемой разработки характеровъ: только два лица, на которыхъ авторъ останавливается съ бо̀льшимъ вниманіемъ,—начальникъ горнаго завода Ястребовъ и казначей Переченко,—нарисованы грубовато; напр. остается психологически неясно, какимъ образомъ Ястребовъ, желавшій быть честнымъ исполнителемъ своего дѣла, внезапно превращается въ зауряднаго грабителя казны; непонятно даже и то, какъ онъ могъ желать быть честнымъ, когда уже раньше благодушествовалъ въ средѣ, нимало не помышлявшей о честности. Вся изображаемая жизнь состоитъ изъ пьянства, взяточничества, разврата, грабежа, и т. д., съ полнѣйшимъ отсутствіемъ какихъ-нибудь иныхъ интересовъ; могло быть, что сибирская жизнь пятьдесятъ лѣтъ назадъ и дѣйствительно была такова, и даже старинные разсказчики рисовали ее самыми мрачными красками,—но если за изображеніе такихъ эпохъ и такихъ безобразныхъ и безотрадныхъ формъ жизни берется историческій романъ, онъ долженъ освѣтить эту эпоху, объяснить читателю, какъ, откуда брался этотъ складъ жизни, показать тотъ общій фонъ, на которомъ выростали подобныя явленія. Безъ этого, романъ превращается въ рядъ фельетонныхъ картинокъ, наскоро набросанныхъ и въ концѣ-концовъ не оставляющихъ никакого впечатлѣнія о томъ, что же такое Алтай и почему такъ жилось тамъ.

Правда, однажды автора осѣнила и общая мысль, — но она высказалась только слѣдующимъ историко-философскимъ размышленіемъ:

„Центры человѣческой культуры (такъ начинается глава XVIII: „Сибирская Швейцарія“), нервные узлы исторической жизни народовъ, съ каждымъ новымъ вѣкомъ бросаютъ свои прежнія пепелища и, оставивъ имъ (прежнимъ пепелищамъ?) въ наслѣдство гражданственность и благосостояніе, роковою силою переносятся на новую почву, гдѣ горсти брошенныхъ старыхъ сѣмянъ даютъ плодъ сторицею, и гдѣ подъ вліяніемъ другого климата, другихъ этнографическихъ и географическихъ условій, видоизмѣняетъ (видоизмѣняется?) самое растеніе, пріобрѣтаетъ особую силу, ароматъ и цвѣтъ. Римъ

смѣнилъ Аѳины, Кордова — Римъ, Парижъ — Кордову, тевтонское племя смѣняетъ теперь романцовъ (?); придетъ время, когда на историческіе подмостки взойдутъ славяне въ первенствующей роли въ божественной комедіи, неустанно разыгрываемой человѣчествомъ. Тогда тѣ уголки великаго русскаго міра, которые теперь безмолвно дышатъ дикою дѣвственною прелестью, первобытною чистою красотою, тѣ уголки, гдѣ пока только дикій звѣрь изрѣдка топчетъ мягкую мураву, пьетъ изъ кристальныхъ ключей и находитъ тѣнь подъ могучимъ кедромъ, — зашумятъ кипучею людскою дѣятельностью, привлекутъ тысячи переселенцевъ и энергическихъ работниковъ, тысячи гражданъ съ ихъ духовными и умственными потребностями . . . . А сколько такихъ невѣдомыхъ, глухихъ уголковъ разсѣяно всюду, на прибрежьи Ледовитаго океана (?), омывающаго Архангельскую губернію, или у подножья Алтая, раскинувшагося на китайской границѣ!“ . . . .

Эти звонкія фразы служатъ интродукціей къ описанію алтайскаго пейзажа. Намъ кажется, что слѣдовало бы лучше оставить въ покоѣ Аѳины и Кордову и умѣрить предсказанія о кипучей дѣятельности на Ледовитомъ океанѣ, и ограничиться просто яснымъ описаніемъ алтайскаго пейзажа, а то и оно вышло обрывочно и смутно, хотя авторъ видимо желалъ сдѣлать его яркимъ.

Наконецъ, авторъ не могъ обойтись безъ мѣстнаго колорита въ языкѣ. Дѣйствующія лица, особенно изъ народа, говорятъ языкомъ, часто совершенно невразумительнымъ; въ погонѣ за мѣстнымъ колоритомъ, авторъ забылъ всякую мѣру. Вотъ образчикъ этого „сибирскаго“ языка:

„ . . . Такъ надъ ними и кочевряжиться? Ну нѣтъ! галиться не для ча. Глаздырю какому въ хайло попасть, на брылахъ его анафемскихъ торчать—такъ это всякій закупоросится . . .

— И впрямь, рòдная,—туда-же завопила Бехтенева,—тамъ когда что подѣлалось, а тутъ на ростань ступай, на дубу затесь робь, чтобъ всякая стынь заталантила . . . этакъ извередить всякому можно!

— Да кто смотрѣть будетъ: кашеверка что-ль?

— Кто ихъ разберетъ, пятнай ихъ! Чать знаешь: нашъ-то ухоресь какой . , .

— Небось, съ чиновниками схлюздитъ.

— Отъ нихъ, дѣло извѣстное, отшарахнется“ и т. д. (стр. 143—144). Ужасно! — В. Н.

—Александръ Цвѣтковъ. Сборникъ произведеній русской народной словесности (для среднихъ учебныхъ заведеній вообще). Съ примѣчаніями и словаремъ. Спб. 1885.

—Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Чтеніе для народа и народныхъ школъ, съ объяснительнымъ словомъ и съ примѣчаніями. Составлено Н. Бунаковымъ. Изданіе редакціи журнала „Русскій начальный учитель". Спб. 1884.

Въ послѣднее время очень многими замѣчено, что преподаваніе русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ заставляетъ, что называется, многаго желать,—а именно желать, чтобы ученики лучше знали русскую грамоту и больше интересовались отечественной литературой и понимали ее. Кто виноватъ въ этомъ? Едва ли сами ученики: это обыкновенно пассивныя существа, которыя воспримутъ то, что̀ имъ даютъ, и не воспримутъ того, что̀ имъ дается дурно или фальшиво; самыя занятія ихъ контролируются теперь съ такими суровостями, какихъ не видано прежде. Г. Цвѣтковъ, въ послѣсловіи къ своей книгѣ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Если мы въ школѣ не прочитаемъ съ учащимися, напр. произведеній древней русской словесности и начала новой,—произведеній, часто неинтересныхъ, по приговору учащихся,—то смѣло можемъ предсказать, что все это такъ и останется пробѣломъ въ ихъ знаніяхъ, который, мало у кого изъ нихъ, будетъ восполненъ за предѣлами школы". Такимъ образомъ, въ средѣ учащихся уже готово мнѣніе о произведеніяхъ древней словесности (а также вѣроятно и народной) какъ о вещи „неинтересной", и школа сама признается (въ лицѣ преподавателя, г. Цвѣткова), что не внушаетъ ученикамъ этого интереса, и что, кончивъ школьное ученье, ученики ихъ навѣрное не заглянутъ больше въ эти произведенія древней словесности. Выводъ, по мнѣнію г. Цвѣткова, одинъ: заставить ученика прочесть неинтересныя вещи, пока онъ находится въ школьномъ плѣну.

И заставляютъ, но, кажется, въ результатѣ получается все тоже: интересъ не возбуждается, и упомянутый недостатокъ грамотности, кажется, свидѣтельствуетъ, что ученики мало читаютъ произведенія не только древней, но и новѣйшей русской литературы.—Надо думать, что преподаваніе русской словесности, какъ оно поставлено теперь, не умѣетъ внушить ученикамъ любопытства къ литературѣ, т.-е. указать ея живой смыслъ, ея идеальное содержаніе,—которое, затѣмъ, само уже привлекло бы учениковъ къ чтенію и изученію; преподаваніе языка слишкомъ гонится за формальной грамматикой и не даетъ знанія практическаго.

Въ книжкѣ самого г. Цвѣткова мы находимъ одну изъ причинъ, почему древняя и народная словесность такъ неинтересны учащимся.

Книга состоитъ изъ выбора образцовъ и изъ объяснительныхъ примѣчаній автора; выборъ—обыкновенный, а изъ примѣчаній видно отношеніе къ предмету самого преподавателя. Это отношеніе—такъ сказать книжническое, не живое; авторъ примѣчаній (какъ и авторы учебниковъ) не умѣетъ представить дѣло просто, указать въ народной поэзіи простодушный отголосокъ старины, старое вѣрованье, теплое поэтическое чувство; дать понятіе о томъ, какъ нѣкогда эта поэзія создавалась у насъ параллельно съ поэзіей другихъ народовъ, какъ измѣнялась впослѣдствіи и частію забывалась; какъ и гдѣ сберегаются теперь остатки этой старины въ народной памяти и т. д., словомъ, указать молодымъ учащимся живыя и вразумительныя черты содержанія и исторіи этой народной поэзіи. Вмѣсто того, авторъ прямо берется за несчастную миѳологію и толкуетъ напр. слѣдующее:

„Илья-Муромецъ отразилъ на себѣ черты бога-громовника (Перуна). Состояніе разслабленія, въ какомъ находится Илья, это—замираніе солнца зимой, состояніе бога-громовника, когда онъ, окованный зимней стужей, дѣйствительно находится въ состояніи безсилія, не заявляетъ себя въ грозѣ; а вотъ весенняя теплота разобьетъ ледяныя оковы, претворитъ снѣжныя тучи въ дождевыя, тогда только богъ-громовникъ, напившись этой живой воды (дождь), снова почувствуетъ въ себѣ силы, о чемъ извѣститъ громомъ—молніей. Питье, дарующее силы Ильѣ—сказочная живая вода... Подобнымъ же образомъ объясняютъ исцѣленіе шелудиваго коня Ильи черезъ купанье въ росѣ, послѣ чего конь является вполнѣ годнымъ для богатыря. Богатырскій конь громовника—образъ тучи въ періодъ безсилія своего богатыря... Въ Соловьѣ-разбойникѣ олицетворены темныя, гибельно дѣйствующія на человѣка силы природы; это—бурная туча, нерѣдко грозно разрѣшающаяся... Соловей—одного корня съ: слава, слово... Если взять Соловья-разбойника вмѣстѣ съ дубами, на которыхъ онъ сидитъ (!), то это будетъ олицетворенная буря съ ея вѣтвистымъ деревомъ тучъ и грознымъ свистаньемъ" (!) и т. п. (стр. 6—7).

Надо по совѣсти признаться, что подобныя объясненія дѣйствительно способны нагнать скуку на учащихся и отбить у нихъ охоту къ произведеніямъ народной словесности. А еще хуже то, что миѳологическія объясненія, старательно собираемыя г. Цвѣтковымъ, вовсе не составляютъ чего-нибудь признаннаго наукой: онѣ были излагаемы учеными миѳологической школы, какъ вѣроятное, по ихъ мнѣнію, истолкованіе древней поэзіи, но никакъ нельзя сказать, чтобы онѣ получили мѣсто въ наукѣ. Г. Цвѣтковъ видимо не знаетъ положенія этого вопроса въ наукѣ. Цитируя въ „примѣчаніяхъ" и въ „библіо-

графическихъ указаніяхъ", между прочимъ, много устарѣвшихъ и совсѣмъ ничтожныхъ вещей, онъ какъ нарочно не указываетъ вовсе многочисленныхъ изслѣдованій А. Веселовскаго, которыя, въ настоящемъ положеніи вопроса составляютъ именно наиболѣе компетентное истолкованіе древней русской поэзіи и которыхъ составителю подобныхъ книгъ непростительно не знать. Г. Цвѣтковъ назвалъ только одну статью г. Веселовскаго по этой части („отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ"), но видимо случайно, потому что въ этой статьѣ какъ разъ опровергаются толкованія, какія г. Цвѣтковъ даетъ такъ называемымъ „старшимъ богатырямъ" и Святогору.

Къ христоматіи приложенъ словарь, гдѣ, во-первыхъ, объясняется значеніе словъ, которыя г. Цвѣтковъ считаетъ непонятными для учащихся; во-вторыхъ, толкуются разныя подробности изъ народной поэзіи. Въ первомъ разрядѣ помѣщено множество такихъ словъ, что если дѣйствительно для учащихся требуется ихъ объясненіе, то можно придти въ совершенное недоумѣніе—надо предположить, что учащіеся совсѣмъ плохи въ русскомъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, словарь считаетъ нужнымъ объяснить имъ такія слова, какъ: авось, амбаръ, анекдотъ, бедро, бездорожье, безталанный, больно (въ смыслѣ: очень), бродъ, брусъ, вареники, вволю, вереница, величавый, ветошка, воевода (и даже воеводиха), ворохъ, горемыка, дровни, загодя, замѣшкать, заочно и т. д. по всѣмъ буквамъ алфавита, и даже слово: фельдмаршалъ!

Г. Бунаковъ возъимѣлъ мысль ввести былины въ чтеніе въ сельскихъ школахъ. Онъ сдѣлалъ для этого небольшую выборку изъ извѣстныхъ сборниковъ, и въ предисловіи объясняетъ историческое значеніе былинъ, а къ тексту прибавляетъ кое-гдѣ толкованіе словъ вышедшихъ уже изъ обычнаго употребленія. Въ историческихъ объясненіяхъ онъ придерживается отчасти символическаго способа толкованія, гдѣ напр. Святогоръ является представителемъ „бродячей, кочевой, до-исторической Руси" (что̀ сомнительно), но вообще остается на исторической почвѣ, а главное, какимъ-то счастливымъ случаемъ избѣгъ той миѳологіи, которою преподаватели русской словесности (какъ напр. и г. Цвѣтковъ) считаютъ до сихъ поръ необходимымъ уснащать изложеніе народной поэзіи.—А. Н.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.—Томъ сорокъ-третій. Спб. 1885.

Новый томъ „Сборника",—доставившаго въ послѣдніе годы такой драгоцѣнный матеріалъ для исторіи нашего XVIII вѣка,—посвященъ опять документамъ, относящимся къ Екатерининской коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія, которой было уже посвящено много прежнихъ томовъ этого изданія. На этотъ разъ собраны наказы депутатамъ, назначеннымъ отъ присутственныхъ мѣстъ: наказы сената, синода, коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военной коллегіи, юстицъ-коллегіи, вотчинной; коммерцъ,-бергъ,-мануфактуръ-коллегій, малороссійской коллегіи и т. д., наконецъ, главной полиціи, академіи наукъ и проч. Въ своихъ наказахъ каждое вѣдомство излагало тѣ неустройства и пробѣлы его спеціальнаго круга управленія, которые для своего устраненія требовали измѣненія старыхъ законовъ или изданія новыхъ; при этомъ многія вѣдомства входили въ большія подробности о существующемъ положеніи вещей, дѣлали общія соображенія и т. д., такъ что здѣсь открывается любопытнѣйшій матеріалъ для исторіи управленія прошлаго вѣка, и вообще для исторіи общественнаго быта и нравовъ, любопытный какъ по содержанію, такъ и иногда и по свойству самаго изложенія.

Одинъ изъ особенно интересныхъ есть наказъ сената: по обширности дѣлъ, доходившихъ до сената, по важности самаго учрежденія, онъ могъ касаться весьма разнообразныхъ предметовъ и говорить съ большимъ авторитетомъ. Наказъ начинается введеніемъ, гдѣ изображается весьма неотрадная картина „колеблющагося государственнаго состоянія", которое существовало „до всерадостнаго восшествія Богомъ увѣнчанныя нашея всемилостивѣйшія и великія государыни на всероссійскій императорскій престолъ", картина, правда, изложенная заднимъ числомъ. Это колеблющееся состояніе, по словамъ наказа, было извѣстно „не токмо всему государству, но и всей Европѣ, а болѣе сему первенствующему правительству", т.-е. самому сенату. „Видѣли мы всѣ,—продолжаетъ наказъ,—и съ сокрушенными сердцами взирали на опасности, которымъ подвержена была православная наша вѣра: правительствующій синодъ болѣе всѣхъ то чувствовалъ и засвидѣтельствовать можетъ. Видѣли законы, на которыхъ спокой-

ство и благоденствіе общества утверждаются, замѣшанными и одинъ другому противурѣчащими; сохраняющее цѣлость сообщественныя жизни правосудіе едва не совсѣмъ изнемогшее... Видѣли безнадежность и опасеніе согражданъ въ ихъ собственномъ имуществѣ, владѣніи и достояніи;... государственные доходы въ великомъ безпорядкѣ и истощеніи;... торговлю со всѣхъ сторонъ угнетаемую;... и, наконецъ, видѣли почти всѣ части государственныя до основанія разрушающимися и народъ весь приходящій время отъ времяни въ вящшее уныніе, огорченіе и развращеніе". Въ такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, отечество не имѣло уже никакой иной надежды и полагалось только на милость Божію. Богъ услышалъ моленіе народа и—„ниспослалъ намъ Ему только единому подобящуюся Самодержицу". Съ воцареніемъ Екатерины все измѣнилось. „Узнали мы въ ней въ краткое время государыню благочестивую: свидѣтельствуетъ о семъ горящая ея вѣра къ Богу, сооружаемые и украшаемые храмы, пощенія, молебства и трудныя путешествія ко святымъ; государыню премудрую: доказательствомъ всякому могутъ быть прозорливыя ея учрежденія, въ государствѣ спокойство и тишину, а внѣ онаго миролюбіе утверждающія... свидѣтельствуютъ безъ строгости, безъ кровопролитія, одною умѣренностію почти изгнанные пороки: корыстолюбіе, праздность, жестокосердіе и прочія симъ подобныя чудовища; свидѣтели сему возстановляющееся правосудіе, приращеніе государственныхъ доходовъ, возстановленіе торговли, а наче всего священнѣйшею ея величества рукою написанныя къ сочиненію Новаго Уложенія мудрыя и благополучіе наше содержащія правила... Узнали мы государыню великодушную чрезъ прощеніе преступниковъ и кроткое наказаніе злодѣевъ; человѣколюбивую чрезъ матернее снисхожденіе къ вѣрноподданнымъ... Узнали государыню щедрую... милосердую... трудолюбивую" и проч. Сенатъ прежде всего поручалъ своему депутату, князю М. Н. Волконскому исходатайствовать, именемъ сената и всего народа, высочайшее дозволеніе о сооруженіи храма въ память своего „избавленія" въ день восшествія на престолъ императрицы, далѣе, о постановленіи добродѣтелямъ и великимъ дарованіямъ императрицы монумента и, наконецъ, о принятіи подносимаго императрицѣ наименованія матери отечества. (Замѣтимъ здѣсь неудобную опечатку—стр. 5, строка 27: послѣ слова „молитвы" должна быть запятая, иначе смыслъ искажается).

Затѣмъ слѣдовалъ самый наказъ, съ указаніемъ предметовъ, на которые депутатъ долженъ былъ обратить вниманіе, и ихъ желаемаго разрѣшенія въ коммиссіи. Это были нужды государственныя, общія и особыя. Первыя касались разнообразныхъ предметовъ государственнаго и общественно-бытового характера. Въ первомъ пунктѣ сенатъ

указывалъ: „подъ державою нашей всемилостивѣйшей государыни находятся разнаго званія народы, и нѣкоторые изъ оныхъ управляются своими законами и имѣютъ особыя преимущества, отъ чего дѣлается у нихъ другъ противъ друга зависть, а отъ оной происходитъ неминуемое между ими несогласіе, и разные другіе вреды государственные заставляютъ желать, чтобъ установить такой законъ, посредствомъ бы котораго они приведены были въ лучшее содружество, согласіе и любовь". Самъ сенатъ не опредѣлялъ ближе, какъ бы онъ думалъ установить такой законъ. Къ сожалѣнію, невидно, что собственно разумѣлъ сенатъ въ этомъ случаѣ, какіе несогласія и государственные вреды, — но несогласіе существуетъ и по сію минуту. Далѣе сенатъ желалъ, чтобы приняты были мѣры противъ усилившейся роскоши и мотовства; далѣе, чтобы правительство озаботилось о покровительствѣ земледѣлію и скотоводству; объ устраненіи народной нужды отъ встрѣчающагося малоземелья; о защитѣ для „бѣдныхъ и безгласныхъ людей", не имѣющихъ почему-либо возможности „ходить за своими дѣлами"; о размноженія докторовъ, лекарей и аптекъ, отъ неимѣнія которыхъ „страждутъ въ государствѣ многія провинціи и слободы", хотя, впрочемъ, „большею частію они сами причиною бываютъ, что не хотятъ имѣть оныхъ (докторовъ) по развращеннымъ своимъ мыслямъ" — какъ это опять случается и донынѣ. „Неоспоримо,—писалъ далѣе сенатъ,—что бо̀льшая половина людей въ отдаленныхъ отъ столицъ провинціяхъ и до нынѣ пребываютъ еще во тьмѣ невѣжества. Сколь сіе вредно, о томъ никто не усумнится; но если разобрать, отчего оное происходитъ, ясно оному увидимъ причину ту, что нигдѣ почти по городамъ или губерніямъ порядочныхъ школъ нѣтъ, въ которыхъ бы юношество могло обучаться благопристойнымъ для каждаго званія наукамъ или художествамъ; и для того нужно о семъ быть учрежденію". Опять, черезъ сто слишкомъ лѣтъ, о собственно народномъ просвѣщеніи приходится сказать тоже самое. Далѣе—объ исправленіи дорогъ, лучшемъ устройствѣ почты, о сбереженіи лѣсовъ, о принятіи мѣръ противъ совращеній въ расколъ; сенатъ заботится о томъ, чтобы воспрепятствовать заѣзжимъ иностранцамъ наживаться торговлей потаенными товарами, и стараться напротивъ привлекать иностранныхъ купцовъ съ капиталами въ русское подданство. Между прочимъ, сенатъ указываетъ на необходимость лучшаго сбора податей и доходовъ: „государственные доходы такъ спутаны и замѣшаны, что едва по сіе время возможно узнать о всѣхъ прямыхъ ихъ названіяхъ; къ сему доказательствомъ служитъ то, что въ сенатѣ, какъ первѣйшемъ правительствѣ, о названіи доходовъ никакого свѣденія не было... и такъ оставались они вѣдомы только

въ тѣхъ мѣстахъ, куда изъ плательщиковыхъ рукъ вступали, отъ чего и происходило, какъ нынѣ открывается, что нѣкоторые доходы, опредѣленные еще отъ времянъ государя царя Іоанна Васильевича, никогда разсматриваемы не были, а по разнымъ государственнымъ перемѣнамъ и учрежденіямъ болѣе вреда обществу, нежели государственной казнѣ прибыли приносятъ"... Сенатъ находилъ необходимымъ разобрать эти доходы и установить потомъ правильную отчетность и ревизію; онъ не договаривалъ, что, безъ сомнѣнія, немалая доля этихъ „доходовъ" и совсѣмъ не доходила до казны. Относительно судопроизводства и управленія сенатъ дѣлаетъ такое признаніе извѣстнаго факта, составлявшаго издавна предметъ жалобъ литературы: „Множество есть и такихъ случаевъ, что подъ видомъ настоящаго дѣла производятъ присутственныя мѣста однѣ только прицѣпки жителямъ; для чего нужно сдѣлать и въ томъ установленіе, чтобы жители были предохранены отъ всякихъ прицѣпокъ" —такъ давно признано было то зло, которому могла помочь только судебная реформа.

Въ исчисленіи нуждъ „общихъ" и „особыхъ" также найдется множество подробностей, которыя будутъ важны для будущаго историка русской жизни прошлаго вѣка, и кромѣ общественнаго быта рисуютъ и взгляды самой власти или высшихъ правительственныхъ сферъ. Напримѣръ, вопіющіе недостатки администраціи и суда были ясны для самого сената; но онъ не находитъ обыкновенно иныхъ средствъ помочь горю, какъ прежнія предписанія подтвердить еще строжайшими предписаніями, — которыя на дѣлѣ должны были имѣть не бо́льшую силу. Послѣдствія это подтвердили: произволъ „присутственныхъ мѣстъ" продолжался и послѣ почти въ той же мѣрѣ, и единственнымъ средствомъ противъ него была реформа самыхъ учрежденій, если не уничтоженіе, то ограниченіе канцелярской тайны и гласный судъ.

Со взглядами правительственныхъ сферъ и существовавшимъ обычаемъ знакомитъ и наказъ синода. Въ первыхъ строкахъ наказа, синодъ проситъ, чтобы онъ былъ „утвержденъ" на томъ же основаніи, какъ было сдѣлано при Петрѣ Великомъ, когда синодъ былъ уравненъ съ правительствующимъ сенатомъ; синодъ просилъ также, чтобы правила св. апостоловъ, и вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, относящіяся до церковнаго управленія и принятыя нашею церковью, получили высочайшее подтвержденіе. Относительно соблюденія православной вѣры, исполненія церковныхъ обрядовъ, исповѣди и причастія, синодъ просилъ, чтобы за благочестіемъ православныхъ присматривала и свѣтская власть: „не разсудится-ль всего того, въ по-

мощь духовнымъ, надсматривать и свѣтскимъ, положа при томъ, кто въ какой небрежности усмотритъ, по состоянію персоны пристойные штрафы, дабы и другіе, то видя, благопристойность въ томъ наблюдали, а напротивъ того, священниковъ, если они надлежащаго въ томъ смотрѣнія имѣть не будутъ и фальшиво неисповѣдавшихся исповѣдавшимися и причастившимися писать станутъ, штрафовать епархіальнымъ архіереямъ безъ упущенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первыхъ же статьяхъ наказа, любопытны предостереженія относительно разговоровъ о религіи: „за пристойно разсуждается сдѣлать распоряженіе и о томъ, чтобъ всѣмъ свѣтскимъ людямъ, какого-бъ оные званія ни были, въ большихъ компаніяхъ, кромѣ благопристойныхъ и въ подлежащемъ мѣстѣ (?) разсужденій, запретить между собою въ шуткахъ или азартно имѣть диспуты и распри о Богѣ и Его всемогуществѣ... и о всемъ, что до богопочитанія касается; ибо чрезъ такіе нескромные въ томъ поступки, а особливо отъ азартныхъ распрей много происходитъ неистовыхъ толкованій, повреждающихъ совѣсть и благочестіе, а малоразсуднымъ подаютъ соблазнъ и развращеніе, отчего нѣкоторые подвергаютъ себя и многимъ несчастіямъ, по причинѣ о томъ на нихъ доносовъ и слѣдствіевъ" (стр. 43). Въ другомъ пунктѣ, „о исправленіи мірскихъ людей", предписывается православнымъ ходить въ воскресные и праздничные дни въ церковь, съ дѣтьми, для поученія отъ духовныхъ пастырей; „а ежели того не послушаютъ, то, по сообщенію отъ духовныхъ, исправлять таковыхъ и свѣтскимъ командирамъ", которые должны были дѣлать это, „смотря по состоянію персоны, безъ всякаго послабленія, дабы, на то смотря, и другіе страхъ имѣли" (стр. 51). Въ наказахъ отъ малороссійскихъ духовныхъ властей, напротивъ, встрѣчается жалоба, что свѣтскіе командиры слишкомъ свободно распоряжались заключеніемъ разныхъ виновныхъ въ монастыри въ наказаніе и на покаяніе безъ всякаго спроса духовныхъ властей (стр. 97).

Малороссія въ то время была еще на особомъ положеніи, жила по „малороссійскимъ правамъ", и потому синодъ послалъ указы малороссійскимъ епископамъ и въ ставропигіальные монастыри, кіевопечерскій и кіевомежигорскій, чтобы они составили и прислали въ синодъ „обстоятельные пункты" относительно разныхъ дѣлъ и желаній тамошняго духовенства. Впослѣдствіи синодъ рѣшилъ одни изъ этихъ пунктовъ прямо присоединить къ наказу самаго синода, другіе—передать синодскому депутату на его усмотрѣніе, а третьи—„отставить". Въ настоящемъ изданіи эти пункты размѣщены въ текстѣ синодальнаго наказа и въ приложеніяхъ, и для историка Малороссіи XVIII вѣка представятъ не мало характеристическихъ бы-

товыхъ подробностей. По отношенію къ исторіи образованія укажемъ напр., въ 54-мъ пунктѣ, въ ходатайствахъ объ опредѣленіи содержанія для кіевской академіи, изложеніе ея заслугъ для русской церкви, просвѣщенія и государственной службы, гдѣ многоразличнымъ образомъ трудились ея воспитанники. „Многіе изъ обучившихся въ академіи Кіевской,—говорится здѣсь,—по указамъ взяты и къ разнымъ должностямъ дѣйствительно опредѣлены, а именно: отъ самаго перваго учрежденія московской славено-греко-латинской академіи и послѣ того къ преподаянію въ оной академіи разныхъ школьныхъ наукъ и къ проповѣданію слова божія, къ заведенію во всѣхъ россійскихъ епархіяхъ семинарій, и въ оныхъ по заведеніи къ дальнѣйшему распространенію ученія въ званіе учительское; послѣ зачатія царствующаго града Санктъ-Петербурга въ священническую въ этомъ градѣ должность, во время разныхъ арміи Ея импер. величества походовъ въ полковые священники, къ находящимся при иностранныхъ дворахъ россійскимъ министрамъ въ капеляны, къ наставленію кадетовъ догматамъ вѣры въ шляхетные корпусы, а особливо въ Малороссіи толикое число учительныхъ священниковъ изъ оной академіи произошло, что вся полковые городы епархіи кіевской безнужно оными снабденны, да и прочіе малые городы и мѣстечки едва не вси, также и нѣкоторыя лучшія села таковыми же людми, съ успѣхомъ въ наставленіи и просвѣщеніи простого народа трудящимися, довольствуются и впредь еще и наче удовольствованы быть могутъ; въ государственныхъ дѣлахъ тѣмъ больше пользы отъ онаго ученія чувствовать можно, чѣмъ вящшую ревность и усердіе обучающееся въ академіи кіевской юношество къ онымъ дѣламъ оказываетъ. По указамъ святѣйшаго правительствующаго синода съ 1754 года, марта 14 дня, по письменнымъ приглашеніямъ медицинской коллегіи и по самопроизвольному желанію болѣе трехъ сотъ студентовъ отпущено въ медико-хирургическую науку... Не проходитъ ни одинъ почти годъ, котораго бы здѣшней академіи студенты самопроизвольно не отпускаемы были въ медицинскую науку. Изъ тѣхъ же студентовъ не малое число находится въ переводческихъ при разныхъ мѣстахъ и въ учительскихъ званіяхъ при классахъ шляхетнаго сухопутнаго корпуса и при московскомъ университетѣ, а нѣкоторые на собственномъ своемъ коштѣ, хотя съ неописанною бѣдностью соединенномъ, для продолженія и полученія вышшихъ наукъ ради пользы отечества отправились въ Германію, о чемъ извѣстно кіевской губернской канцеляріи, по причинѣ данныхъ изъ оной канцеляріи пашепортовъ. Въ той же академіи находящееся юношество какъ языкамъ еврейскому, греческому, нѣмецкому, французскому, латинскому и польскому съ прилежностію

обучается, такъ для онаго же юношества пользы и первыя основанія исторіи, географіи и ариѳметики по нѣкоторой части изъясняются“ и т. д. (стр. 90—91).

Записки, поданныя отъ малороссійскаго духовенства, какъ мы сказали, очень любопытны въ историческомъ отношеніи, такъ какъ рисуютъ бытъ, еще очень отличный отъ великорусскаго. Въ XVIII столѣтіи, какъ извѣстно, шла глухая борьба между духовенствомъ великорусскимъ и малорусскимъ: такъ какъ послѣднее было дѣйствительно образованнѣе, то многіе изъ его среды получали важныя мѣста въ іерархіи, и духовенство великорусское досадовало, что эти „черкасишки“ перебивали ему дорогу. Эти-то „черкасишки“ и излагали теперь свои желанія по вызову синода. Объединеніе малорусской жизни подъ русскіе порядки уже совершалось: Малороссія имѣла еще своего гетмана, но это была уже одна старая декорація несуществовавшей на дѣлѣ автономіи; въ формахъ управленія и общественности сохранялось почти только то, что̀ для самой власти было безразлично; оставалась еще Запорожская Сѣчь, но дни ея были сочтены. Много старины сохранялось еще въ быту, но и онъ былъ уже сильно затронутъ тѣми мѣрами, которыя разсчитывались на великорусскіе порядки, и распространяемые на Малороссію встрѣчали здѣсь иной обычай и нарушали его; съ нимъ, конечно, нарушались и матеріальные интересы, къ нему примыкавшіе. Малороссійское духовенство представило весьма обширныя объясненія того, какъ именно нарушались его интересы, жаловалось и просило объ отмѣнѣ вводимыхъ мѣръ. Оно указывало, какими правами пользовалось оно съ древнихъ временъ, въ великомъ княженіи литовскомъ, въ королевствѣ польскомъ, какъ эти права были признаны и подтверждены при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и какъ они нарушаются новыми мѣрами правительства: права духовенства равнялись съ правами шляхетскими; это было благородное сословіе, имѣвшее свои „свободы, вольности, обычаи и привилегіи“ — напр., по свободному владѣнію землями, отказанными на церкви, по свободѣ отъ военныхъ постоевъ и другихъ повинностей, по свободѣ винокуренія (между прочимъ, особенно настойчиво малорусское духовенство защищало свое прежнее право держать шинки) и т. п.

Очень обширный наказъ своему депутату составленъ былъ въ „главной полиціи“. Это весьма характеристическій документъ, которымъ можно измѣрять ту степень опеки, въ какой держалось русское общество тѣхъ и послѣдующихъ временъ. Главная полиція желаетъ взять на себя всѣ заботы о благополучіи общества, и это было естественно при такомъ порядкѣ вещей, гдѣ у общества отнята была

всякая самодѣятельность и инициатива. Полиція ставитъ себя въ роль начальника, опекуна и „друга“; она поощряетъ добродѣтель и „истребляетъ“ порочныхъ людей; она смотритъ за всѣмъ, имѣетъ надзоръ не только надъ всѣми частными людьми, которыхъ—въ случаѣ ихъ добродѣтельности—„публично“ рекомендуетъ начальству, но и за правительственными вѣдомствами и вмѣшивается въ ихъ дѣйствія. Само собою разумѣется, что полиція сама будетъ совершенно добродѣтельна, строга къ пороку, снисходительна къ слабостямъ, безкорыстна (для этого испрашивается хорошее жалованье,—совершенно основательно); она наблюдаетъ за религіозностью гражданъ, за ихъ общественными дѣйствіями и самой частной жизнью; если въ ея собственной средѣ случатся какія-нибудь проругхи, онѣ должны быть „сокрыты“ отъ общества, чтобы не ослаблять ея авторитета, и т. д. Словомъ, „публика“ должна была находиться подъ постояннымъ надзоромъ полиціи, которая, наконецъ, брала на себя опредѣлять, кто можетъ держать сколько экипажей и лошадей, сколько лакеевъ и скороходовъ, какого покроя должна быть, и у какого класса, ливрея, сколько можно было положить на эту ливрею позумента и тесьмы и т. д. Полиція особенно заботилась о томъ, чтобы строго поддерживать различіе между классами чиновъ, между большимъ барствомъ и среднимъ дворянствомъ и купечествомъ: это, между прочимъ, должно было опредѣлиться числомъ лакеевъ, покроемъ ливрей, числомъ лошадей и т. д. Одно позволялось первому и второму классамъ, другое—третьему и четвертому, третье—пятому и шестому, четвертое—седьмому, восьмому и девятому классамъ и всѣмъ дворянамъ, пятое—купцамъ первой гильдіи, священникамъ и дьяконамъ, шестое—купцамъ второй и третьей гильдіи, безчиновнымъ приказнымъ служителямъ и т. д. Притомъ опредѣлялась разница между Петербургомъ и Москвой, напр., если кому разрѣшалось въ Петербургѣ держать двѣнадцать лошадей, то въ Москвѣ онъ могъ ихъ имѣть шестнадцать и т. д. Кое-что изъ этого и было въ самой жизни; но притязанія „главной полиціи“ шли дальше, хотѣли подчинить надзору всевозможныя подробности частной жизни, и это очень любопытно, какъ свидѣтельство того, до какой степени чиновничество въѣлось въ нравы и готово было все забрать подъ полицейскую опеку. Но были, конечно, въ ея заявленіяхъ и дѣйствительно нужныя и полезныя указанія—по санитарной, торговой части, по требованіямъ городской опрятности и т. п.

Въ наказахъ другихъ вѣдомствъ также находятся, среди подробностей техническихъ, не мало и такого, что̀ опять характеризуетъ способы управленія и самые нравы. Повторяемъ, для будущаго исто-

рика нашего XVIII вѣка накопляется въ изданіяхъ Имп. Р. Историческаго Общества масса любопытнѣйшаго матеріала, какъ по внѣшне-политической, такъ и по внутренней жизни Россіи того времени. Этотъ матеріалъ—исключительно архивный, почти всегда совершенно новый и нетронутый, тотъ, въ какомъ особенно нуждается наша исторіографія. Особенно много собрано здѣсь матеріала для временъ имп. Екатерины II, и очень счастливой была мысль—съ особенной подробностью остановиться на дѣлахъ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Многоразличные наказы, которые составлены были для депутатовъ, долженствовавшихъ работать въ коммиссіи, были особаго рода всеобщей подачей голосовъ, и дѣйствительно въ нихъ отразились самыя разнообразныя стороны тогдашней жизни, оффиціально-правительственной и частной, умственной и практической, и будущій историкъ вѣка найдетъ здѣсь любопытнѣйшія выраженія „просвѣщеннаго деспотизма“, господства бюрократіи и помѣщичьяго склада общественной жизни и нравовъ.

А. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е іюля, 1885.

Десятый годъ существованія начальныхъ городскихъ училищъ.—Вопросъ о повышеніи въ нихъ платы за ученіе.—Ненормальность отношенія числа начальныхъ городскихъ школъ къ числу городскихъ училищъ двухъ- и трехклассныхъ. — Пятнадцать лѣтъ „Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ“, и современное положеніе Спб. колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. — „Московскія Вѣдомости“ по поводу городскихъ выборовъ въ Петербургѣ.

Съ каждымъ годомъ, день 30-го мая пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе для исторіи начальнаго образованія въ Петербургѣ: въ этотъ день основанія самого города и вмѣстѣ съ тѣмъ — въ день рожденія его Великаго основателя, ежегодно совершается въ стѣнахъ Городской Думы актъ начальныхъ городскихъ училищъ, содержимыхъ и руководимыхъ самостоятельно городскимъ общественнымъ управленіемъ столицы. Городскія училища закончили нынѣ восьмой годъ своего существованія въ числѣ 183, а въ августѣ къ нимъ присоединятся 24 новыхъ школы, и такимъ образомъ, къ началу девятаго года городъ будетъ имѣть всего 207 начальныхъ училищъ; число же учащихся приблизится къ 10.000 мальчиковъ и

дѣвочекъ, отъ 7 до 12-лѣтняго возраста. Можно сказать, что городъ наконецъ достигъ теперь половины того числа, при которомъ его населеніе будетъ окончательно удовлетворено въ своей естественной потребности начальнаго образованія, и не далеко уже то время, когда городское общественное управленіе сочтетъ себя въ правѣ постановить объ обязательности начальнаго обученія. Впрочемъ, едва ли окажется на дѣлѣ необходимымъ открывать до 400 начальныхъ училищъ, чтобы достигнуть требуемаго комплекта школъ для петербургскаго населенія. Если допустить, что въ Петербургѣ всего дѣтей школьнаго возраста имѣется до 15 тысячъ, то и въ такомъ случаѣ изъ этого числа въ настоящемъ году находятъ себѣ помѣщеніе уже до 8.600 (около 5.000 мальчиковъ и до 3.600 дѣвочекъ); что же касается до другой половины дѣтей школьнаго возраста, не помѣщающихся въ городскихъ школахъ, то въ ея числѣ состоитъ не мало дѣтей, обучающихся и теперь въ частныхъ школахъ, пріютахъ, богадельняхъ, въ церковныхъ школахъ, и наконецъ обучающихся дома. Кромѣ того, въ первыя 8 лѣтъ существованія городскихъ школъ, число которыхъ до 1877 г. не превышало шестнадцати, весьма естественно, что чрезвычайный приливъ ищущихъ начальнаго образованія обусловливался предшествовавшею эпохою застоя школьнаго дѣла, а потому надобно теперь ожидать, что съ каждымъ годомъ требованіе на школы будетъ все болѣе и болѣе входить въ норму. Очень возможно, что не 400, а 300 школъ будутъ въ состояніи удовлетворить наличное населеніе школьнаго возраста.

Въ средѣ самого городского общественнаго управленія и въ печати, въ теченіе истекшаго учебнаго года, поднимался не разъ весьма важный и существенный вопросъ для будущности школъ, а именно: не слѣдуетъ ли возвысить плату за ученіе въ городскихъ начальныхъ училищахъ? До сихъ поръ такая плата взималась въ количествѣ 2 рублей въ годъ, и притомъ не только съ освобожденіемъ отъ нея 10% бѣднѣйшихъ, но и съ даровымъ снабженіемъ ихъ книгами и учебными пособіями, на что городъ ассигнуетъ особо, не болѣе, впрочемъ, 1500 рублей въ годъ, да имѣетъ недобору отъ платы за ученіе около 2.000 рублей. Какъ извѣстно, городу обойдется въ 18⁸⁵/₈₆ г. содержаніе 207 училищъ около 450 тысячъ, т.-е. среднимъ числомъ каждая школа — свыше 2.100 р., включая и расходы по центральной администраціи училищъ, врачебной помощи и т. п. Сверхъ того, расходуется съ небольшимъ 4.000 рублей на содержаніе 12 воскресныхъ школъ. Изъ такого годового расхода на начальныя училища въ 450 тысячъ р., городъ ожидаетъ получить обратно, въ видѣ платы за ученіе, всего 16 тысячъ рублей; слѣдовательно, и при удвоенной платѣ городу пришлось

бы получить около 30 тысячъ руб.—не болѣе, такъ какъ, при платѣ въ 4 рубля, вѣроятно пришлось бы освободить отъ платы еще большее число учащихся.

Практически вопросъ о платѣ за начальное обученіе во многихъ мѣстахъ рѣшается отрицательно, т.-е. въ смыслѣ дарового обученія. Такъ, сосѣднія столицѣ уѣздныя земства петербургской губерніи, при всей ничтожности, сравнительно съ Петербургомъ, своихъ матеріальныхъ средствъ, не пользуются никакимъ доходомъ съ начальныхъ школъ и допускаютъ у себя даровое обученіе. Положимъ, что самое населеніе уѣздовъ представляетъ также почти сплошную бѣдность; но едва ли въ такихъ дѣйствіяхъ земства можно усматривать одно благотворительное побужденіе; болѣе справедливо было бы объяснять даровое ученіе въ общественныхъ школахъ тѣмъ же, чѣмъ должно объясняться какъ бы даровое пользованіе всѣмъ населеніемъ мостами, шоссейными дорогами, больницами и т. д. Собственно говоря, на содержаніе всѣхъ поименованныхъ предметовъ кажущагося дарового пользованія идутъ собираемые съ населенія налоги, а потому особый сборъ за пользованіе всѣми этими предметами могъ бы справедливо быть разсматриваемъ, какъ вторичный налогъ, собираемый на дѣло, въ пользу котораго были уже собраны деньги съ населенія. Первоначальное обученіе можетъ совершенно основательно быть также разсматриваемо, какъ всеобщая потребность, которая, наравнѣ съ дорогами и мостами, должно быть относима на счетъ общей суммы налоговъ, идущихъ на удовлетвореніе всѣхъ первыхъ потребностей населенія, и собственно говоря, особая плата за начальное ученіе является какъ бы вторичнымъ сборомъ за предметъ, на содержаніе котораго уже были взяты деньги при взиманіи налоговъ въ общей ихъ суммѣ.

Такую точку зрѣнія не отвергала и столичная Городская Дума до самаго послѣдняго времени. Еще Общая Дума, въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, постановивъ плату за ученіе въ размѣрѣ 2 рублей въ годъ, мотивировала это тѣмъ, что „безплатное обученіе заставляетъ многихъ родителей быть совершенно равнодушными къ успѣхамъ дѣтей“, а потому, по мнѣнію Думы, слѣдовало установить хотя какую-нибудь, съ тѣмъ, чтобы заставить родителей наблюдать за правильнымъ посѣщеніемъ школъ дѣтьми. Итакъ, вовсе не желаніе возвратить расходы по обученію побуждало городъ взимать плату за ученіе, а совершенно постороннія соображенія, не имѣющія вовсе фискальнаго характера. Лѣтъ десять спустя, въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, а именно, по случаю совершившагося въ 1881 г. столѣтія со дня основанія въ Петербургѣ перваго начальнаго училища, въ Думѣ разсматривалось предложеніе: установить

въ память такого юбилея освобожденіе отъ платы всѣхъ учащихся въ начальныхъ городскихъ училищахъ. Это предложеніе не было принято, но опять не съ фискальной точки зрѣнія: противники дарового обученія ссылались на то, что городская училищная Коммиссія пользуется широкимъ правомъ освобожденія бѣдныхъ отъ платы, а потому такая плата не можетъ стѣснять никого; кромѣ того, утверждалось, будто наше населеніе „не дорожитъ безплатными школами“, какъ вообще люди не дорожатъ тѣмъ, что имъ достается даромъ.

Не далѣе, какъ въ концѣ прошедшаго года въ Думѣ былъ впервые возбужденъ вопросъ объ увеличеніи платы за ученіе въ начальныхъ городскихъ училищахъ, и выставлены новые мотивы къ тому. Противники не только уже дарового обученія, но даже и общедоступнаго по цѣнѣ, указывали, во-первыхъ, на то, что дешевизна городскихъ школъ убиваетъ частную предпріимчивость на поприщѣ школьнаго обученія; ни одно частное лицо не рѣшится пожертвовать свой капиталъ и трудъ, при необходимости довольствоваться двухрублевою платою, а при высшей платѣ останется безъ учащихся, и самое предпріятіе лопнетъ; во-вторыхъ, несправедливо брать и съ бѣдныхъ, и съ богатыхъ, одну и ту же плату. Дума поручила разсмотрѣть весь этотъ вопросъ городской училищной коммиссіи, которая и изготовила докладъ по этому дѣлу, но этотъ докладъ еще не былъ разсмотрѣнъ Думою, а потому и самый вопросъ остается пока безъ разрѣшенія.

Изъ весьма любопытныхъ статистическихъ свѣденій, собранныхъ коммиссіею, можно заключить прямо обратное: процентъ достаточныхъ и зажиточныхъ людей, посылающихъ въ школы своихъ дѣтей, такъ ничтоженъ, что было бы дѣйствительно величайшею несправедливостью, ради такихъ, обременить высшею платою всѣхъ. Ввести же повышенную плату съ однихъ достаточныхъ значило бы ввести нѣчто въ родѣ подоходнаго налога, и въ основаніе такого налога положить личное усмотрѣніе коммиссіи или самихъ учащихъ. Не говоря уже о томъ, что ни въ какомъ дѣлѣ, за одну и ту же услугу, или за одну и ту же вещь, не берется плата различная, смотря по состоянію пользующагося этой услугой или пріобрѣтающаго ту или другую вещь, — вездѣ, и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, плата за курсъ остается одна и таже, какъ для лицъ болѣе, такъ и менѣе состоятельныхъ.

Изъ училищной статистики видно, что въ числѣ 8.000 учащихся можно предполагать нѣкоторую достаточность только въ 209, принадлежащихъ къ купеческому сословію, и въ 370 дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Но первые 209 достаточно обложены городскими

сборами и имѣютъ потому право пользоваться безплатно, какъ городскимъ освѣщеніемъ, мостовыми, такъ и начальнымъ обученіемъ; что же касается до „дворянъ и чиновниковъ", то довольно указать мѣсто ихъ жительства, чтобы дать понятіе о степени ихъ достаточности: изъ упомянутыхъ 370 дворянъ и чиновниковъ, 82 живутъ на Петербургской сторонѣ, 15 въ Галерной гавани, и большинство остальныхъ 273—на окраинахъ рождественской и александроневской частей. Въ докладѣ коммиссіи приведены для иллюстраціи и отдѣльные примѣры: такъ, на Петербургской сторонѣ, въ одномъ изъ городскихъ училищъ, обучаются К—іе, дочери дворянина; семья этихъ дѣвочекъ состоитъ изъ отца, матери и шестерыхъ дѣтей; отецъ служитъ официантомъ въ клубѣ, но не штатнымъ, а получаетъ плату поденно и часто хвораетъ; вся семья живетъ въ одной комнатѣ, гдѣ мракъ и духота, трудно переносимые; завѣдующая училищемъ часто встрѣчала своихъ ученицъ со щепками, которые онѣ собирали на улицѣ для топки.

Нисколько не удивительно, что коммиссія, при ея близкомъ знакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, не нашла возможнымъ увеличить плату за ученіе, а повышенную плату съ лицъ болѣе состоятельныхъ она не считала возможнымъ рекомендовать, за отсутствіемъ всякаго раціональнаго къ тому основанія. Надобно думать, что такое заключеніе коммиссіи найдетъ себѣ поддержку какъ въ Управѣ, такъ и въ самой Думѣ.

Намъ уже случалось, по поводу начальныхъ училищъ, говорить вообще о томъ, что при всемъ быстромъ ихъ развитіи въ теченіе какихъ-нибудь восьми лѣтъ городское общественное образованіе, разсматриваемое въ его цѣлости, можно сказать, до сихъ поръ не сдѣлало ни одного шага впередъ, и вслѣдствіе того находится далеко не въ нормальномъ положеніи. Начальныя городскія училища, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, служатъ только началомъ городского общественнаго образованія, концомъ же его должны были бы служить трехклассныя городскія училища. Въ 1877 г. всего начальныхъ училищъ было 16, и 6 или 7 трехклассныхъ училищъ оказывались тогда вполнѣ достаточными для упомянутаго числа начальныхъ. Когда 8 лѣтъ тому назадъ, министерство народнаго просвѣщенія сдало городу дѣло начальнаго образованія, оно при этомъ ограничилось передачею однихъ начальныхъ училищъ, сохранивъ за собою училища двухклассныя и трехклассныя. Въ рукахъ города, тѣ 16 училищъ въ теченіе 8 лѣтъ доросли до цифры 207, а то, что служитъ ихъ довершеніемъ, сохранило прежніе размѣры, которые,

очевидно, сдѣлались теперь весьма неудовлетворительными. Чѣмъ болѣе развиваются нынѣ начальныя городскія училища, тѣмъ настоятельнѣе дѣлается вопросъ: что же дѣлать съ 12-лѣтнимъ ребенкомъ, получившимъ аттестатъ начальнаго училища, но находящимся еще въ такомъ возрастѣ, когда онъ еще слишкомъ молодъ для практическаго приложенія своихъ силъ, и когда его способности, формально получившія первое развитіе, требуютъ себѣ какого-нибудь содержанія? При отсутствіи окончательной городской школы, кто можетъ, тѣснится въ нисшіе классы гимназіи, полный курсъ которой онъ кончить не можетъ, а не полный не принесетъ ему никакой пользы—скорѣе, окажется вреднымъ. Таковы дѣйствительно послѣдствія ненормальнаго положенія „городского" общественнаго образованія: нисшія гимназіи переполняются дѣтьми, которыя вовсе не имѣютъ возможности воспользоваться въ цѣлости среднимъ образованіемъ, а обрывки и начатки гимназическаго курса никакъ не могутъ замѣнить собою законченный циклъ наукъ, который могъ бы составить програму двухкласснаго или трехкласснаго городского училища. Такимъ училищемъ завершалось бы вполнѣ городское общественное образованіе, какъ самостоятельное цѣлое, а гимназіи освободились бы въ нисшихъ классахъ отъ того искусственнаго переполненія, которымъ онѣ страдаютъ въ настоящее время. Съ другой стороны, способнѣйшіе ученики начальныхъ училищъ не были бы поставлены въ необходимость останавливаться въ ученіи при 12-лѣтнемъ возрастѣ, и нашли бы для себя исходъ въ такой школѣ, которая болѣе соотвѣтствовала бы тѣмъ требованіямъ, которыя предъявитъ имъ дѣйствительная жизнь ихъ среды. Но для этого необходимо, чтобы реформа, произведенная министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1877 г., была доведена до конца, и чтобы конецъ дѣла сосредоточился въ тѣхъ же рукахъ, которымъ давно уже ввѣрено его начало—и теперь можно съ увѣренностью сказать — къ выгодѣ самаго дѣла.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось пятнадцать лѣтъ со времени основанія „Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ", устроившаго вблизи столицы, за Пороховыми заводами, такую колонію, съ цѣлью исправленія малолѣтнихъ, осужденныхъ судомъ, преступниковъ, а также отчасти и бродягъ, лишенныхъ всякаго призрѣнія. Такія учрежденія могутъ быть разсматриваемы, помимо ихъ высокогуманнаго значенія, какъ предохранительная мѣра, спасающая общество въ близкомъ будущемъ—за сравнительно ничтожную затрату на содержаніе подобнаго учрежденія,—отъ всяческихъ бѣдствій и гораздо болѣе крупныхъ убытковъ. Малолѣтній преступникъ, по-

павшій въ общую тюрьму, выходитъ оттуда еще болѣе способнымъ на преступленія и изучившимъ въ тюремномъ обществѣ всѣ пріемы мошенничества до тонкостей: это — готовый мастеръ своего дѣла, а въ тюрьму онъ поступилъ, такъ сказать, только еще ученикомъ. Сравните, во что могутъ обойтись обществу, съ одной стороны, подвиги этого „мастера“ — питомца тюрьмы — ловко совершенныя имъ кражи, поджоги, убійства; а съ другой стороны—стоимость содержанія того же самаго мальчика-преступника въ исправительной колоніи, съ цѣлью его исправленія,—и вы, не прибѣгая къ помощи статистики, согласитесь, что послѣднее должно составить гроши для общества, сравнительно съ тѣмъ, во что обходится преступникъ, вскормленный тюрьмою. Расходы по устройству колоній для малолѣтнихъ преступниковъ и бродягъ можно потому назвать страховою преміею, которая во многихъ случаяхъ гарантируетъ намъ не только безопасность имущества, но и безопасность жизни. Впрочемъ, и частныя наблюденія приводятъ къ тому же убѣжденію: въ послѣднемъ отчетѣ здѣшней колоніи, приводится цифра рецидивистовъ изъ ея питомцевъ, и оказывается, что въ послѣдніе три года колонія выпустила 71 воспитанника, а вновь попали подъ судъ всего 6 человѣкъ; допустивъ, что половина извѣстій не дошла до колоніи, то и въ такомъ случаѣ 12 человѣкъ рецидивистовъ изъ 71, это такая цифра, которая, безъ всякихъ комментарій, свидѣтельствуетъ о несомнѣнной пользѣ учрежденія. Къ поддержанію его общество должно быть побуждаемо не однимъ чувствомъ гуманности и справедливости, но также и простымъ матеріальнымъ разсчетомъ: каждый грошъ, издержанный на колонію, можетъ возвращаться обществу въ видѣ рублей, а иногда этотъ грошъ спасаетъ и цѣлую человѣческую жизнь, если, наприм., въ данномъ случаѣ, представить себѣ, что контингентъ злѣйшихъ враговъ общественнаго порядка, благодаря колоніи, уменьшился на 59 человѣкъ. Во что ежегодно обходится содержаніе здѣшней колоніи малолѣтнихъ преступниковъ? Изъ отчета видно, что обыкновенные расходы на содержаніе около 100 такихъ малолѣтнихъ вращаются около 35,000 р. въ годъ. Но во что могутъ обойтись обществу эти же самыя 100 лицъ, по „окончаніи ими курса“ въ тюрьмѣ, гдѣ они, подъ руководствомъ искуснѣйшихъ „наставниковъ“, изобрѣли бы и новый аппетитъ, и соотвѣтствующую тому ловкость и опытность—все это, конечно, не поддается точному вычисленію, но тѣмъ не менѣе всякій согласится, что сравнительно съ возможными и весьма вѣроятными убытками, вышеупомянутая сумма ежегоднаго расхода въ 35 т. руб. можетъ быть разсматриваема не болѣе, какъ ничтожная страховая премія.

При всей такой очевидной пользѣ подобнаго учрежденія, не

только нравственной, но и матеріальной, здѣшняя Колонія и до сихъ поръ, не смотря на 15 лѣтъ существованія, не успѣла настолько обратить на себя общественное вниманіе, чтобы ея будущность могла считаться вполнѣ обезпеченною. При обязательномъ расходѣ, въ 1884 г., въ 35 т. р., Общество имѣло % съ капитала всего около 2 т. р., а членскіе взносы, которыми именно и выражается степень общественнаго сочувствія къ этому великому дѣлу, не достигали 3000 руб.; если къ этому присоединить пожертвованія отъ членовъ Царской фамиліи около 1,500 рублей, и субсидію приблизительно въ 5,000 р. отъ Тюремнаго Комитета и Воспитательнаго Дома, то мы получимъ всего 12 т. руб., болѣе или менѣе обезпечивающихъ $^1/_3$ всѣхъ расходовъ Колоніи. Другія $^2/_3$ не вполнѣ покрываются пособіями отъ Государственнаго Казначейства (15 т. р.), Спб. Городской Думы (5,000 р.) и отъ военнаго и морского вѣдомствъ (около 1,500 р.), всего на 21 т. рублей. Такимъ образомъ, Колонія только при помощи различныхъ мелкихъ случайныхъ доходовъ могла въ 1884 г. свести концы съ концами; при такомъ необезпеченномъ положеніи завтрашняго дня, трудно, конечно, и думать о какомъ-нибудь дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла, — другими словами, о дальнѣйшемъ огражденіи общества, какъ мы выше старались разъяснить, отъ имущественныхъ и даже жизненныхъ затратъ въ другой формѣ. За свое невниманіе къ подобнымъ учрежденіямъ, за тѣ 10 рублей ежегоднаго членскаго вноса въ кассу Колоніи, которые останутся въ карманѣ отказавшагося отъ такой ничтожной жертвы, многіе, а можетъ быть и то самое лицо, которое сдѣлало 10 рублевую экономію, могутъ поплатиться несравненно дороже, какъ можетъ поплатиться сотнями и тысячами тотъ, кто сэкономитъ нѣсколько десятковъ рублей, не внеся ихъ въ кассу страхового Общества отъ огня.

Къ управленію Колоніей обращаются съ упреками, между прочимъ за то, что, въ виду своей денежной необезпеченности, она мало извлекаетъ дохода, при помощи труда питомцевъ, изъ того участка земли, которымъ пользуется Колонія, состоя вблизи такого громаднаго рынка, какъ Петербургъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что во-первыхъ, весь участокъ земли, принадлежащій Колоніи, равняется всего 460 десятинамъ, изъ которыхъ подъ лѣсомъ 250, а удобной для пашни, луговъ и другихъ угодій около 55 десятинъ; земля если воздѣлывается питомцами, т.-е. не оплачивается деньгами, то только отчасти, а отчасти наемными рабочими. Но главное средство къ увеличенію доходности всякаго хозяйства состоитъ въ возможности приложенія къ нему капитала, а именно, какъ мы видѣли, этого-то могущественнаго фактора и недостаетъ

Колоніи, которая пока должна заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы сводить концы съ концами.

Въ заключеніе, приведемъ изъ послѣдняго отчета Колоніи за 1884 г., общую характеристику ея малолѣтнихъ обитателей, чтобы тѣмъ дать наглядное понятіе о томъ матеріалѣ, разработка котораго составляетъ задачу этого учрежденія.

„Порочныя организаціи—говоритъ Отчетъ — попадаясь въ Колонію, приносятъ съ собою недостатки какъ психическіе, такъ и физическіе. Задача Колоніи состоитъ въ устраненіи не только первыхъ, но и послѣднихъ; поэтому, въ ней тѣсно связаны между собою психическое и физическое воспитаніе. Чтобы составить себѣ понятіе, въ какомъ печальномъ состояніи попадаетъ къ намъ большинство мальчиковъ, нужно видѣть ихъ тотчасъ по доставленіи въ Колонію. Умственно плохо развитые, оборванные, полуголодные, анемичные, нерѣдко съ явными слѣдами наслѣдственныхъ болѣзней, мальчики прежде всего требуютъ хорошаго питанія. Бывали примѣры, что въ Колонію доставляли субъектовъ съ такими болѣзнями, съ которыми правила Колоніи воспрещаютъ принимать. Въ видахъ устраненія подобныхъ случаевъ, Предсѣдатель Общества входилъ въ сношеніе съ С.-Петербургскимъ Градоначальникомъ, сдѣлавшимъ распоряженіе по полиціи, чтобы мальчики доставлялись въ Колонію не иначе, какъ по предварительномъ освидѣтельствованіи ихъ чрезъ полицейскаго врача и не посылались, до выздоровленія, страждущіе заразительными болѣзнями. Первая забота относительно только-что принятаго мальчика заключается въ приведеніи его въ приличный видъ; его стригутъ, моютъ и т. п., затѣмъ помѣщаютъ въ „пятую" семью, въ которой имѣютъ пребываніе всѣ вновь поступившіе. Здѣсь его занимаютъ работами на воздухѣ, по хозяйству, не гоняясь за количествомъ работы, такъ какъ нужно, чтобы питомецъ мало-помалу пріучался работать, и лишь не предавался бы праздности. Занятіе на чистомъ воздухѣ и затѣмъ здоровая обильная пища быстро поправляютъ физическое состояніе вновь поступившаго: въ лазаретъ изъ пятой семьи поступаетъ немного. Поправленіе физическаго состоянія отражается благопріятно и на психическомъ состояніи. Питомецъ сживается съ семьей, отвыкаетъ отъ сквернословія и сравнительно рѣдко попадается въ болѣе важныхъ проступкахъ, требующихъ болѣе серьезныхъ взысканій. Большая часть работъ, выполняемыхъ пятою семьей, относится до хозяйства и для нихъ земледѣльческій трудъ имѣетъ ту выгоду, что выполняется при лучшей гигіенической обстановкѣ, чѣмъ занятіе въ мастерскихъ. Затѣмъ даже неблагопріятныя атмосферическія вліянія менѣе вредно дѣйствуютъ на здоровье, чѣмъ работы въ тѣсныхъ мастерскихъ боль-

шого города съ скученнымъ населеніемъ. Этимъ объясняется скорое поправленіе у насъ мальчиковъ, бывшихъ предъ тѣмъ у мастеровъ въ ученьи въ городѣ. Не взирая на выгоду, представляемую земледѣльческимъ трудомъ, мы не можетъ, однакоже, ставить главною задачею обученіе въ Колоніи земледѣлію, и должны, волей неволей, не оставлять безъ вниманія обученіе ремесламъ. Къ этому побуждаетъ насъ много причинъ. Главнѣйшія изъ нихъ — это лучшее обезпеченіе, доставляемое ремесленнымъ трудомъ предъ земледѣльческимъ, и невозможность довести обученіе по части сельскаго хозяйства до уровня, хоть немного превышающаго уровень знаній простого рабочаго. Было испробовано въ лѣтнее время прекращать занятія въ мастерскихъ, всѣхъ питомцевъ Колоніи занимать сельско-хозяйственными работами и только зимой посылать ихъ въ мастерскія, но такое распредѣленіе занятій оказалось крайне неудобнымъ, скажемъ болѣе—невозможнымъ: для ста мальчиковъ рѣшительно не хватаетъ работы въ нашемъ хозяйствѣ, да и надзоръ за ними дѣлается крайне затруднительнымъ. Насъ упрекаютъ, что обученіе ремесламъ стоитъ въ Колоніи на низкой степени; но нужно принять въ разсчетъ, что питомцы, сравнительно, мало посвящаютъ времени на изученіе ремесла. Большинство питомцевъ остается въ Колоніи лѣтъ пять, а многіе всего года три; изъ этого времени слѣдуетъ исключить около года на занятія по хозяйству, затѣмъ остается четыре, а часто и два года на изученіе ремесла. Въ такой короткій срокъ трудно достигнуть совершенства въ какомъ-либо ремеслѣ, въ особенности совершенно незнакомомъ мальчику до поступленія въ Колонію. На занятія ремеслами мы смотримъ какъ на средство, содѣйствующее школѣ въ умственномъ развитіи питомца; занятіе же по хозяйству составляетъ средство для пріученія къ труду, а отчасти и къ укрѣпленію здоровья. Хорошій же воздухъ, хорошая пища и гигіеническая обстановка служатъ главными средствами къ физическому поправленію поступающихъ въ Колонію питомцевъ. Вся задача Колоніи сводится къ тому, чтобы только-что упомянутыми средствами порочныя организаціи сдѣлать, по возможности, нормальными, такъ сказать, привести въ равновѣсіе ихъ физическое и психическое развитіе...

„Существуетъ мнѣніе, что мальчики, къ намъ присылаемые, окончательно испорчены; но такое мнѣніе относительно большинства питомцевъ ошибочно. Попадающіе въ Колонію питомцы отличаются нравственною неразвитостью; самые проступки, совершонные ими, имѣютъ, по большей части, характеръ импульсивныхъ дѣйствій; нерѣдко многіе изъ нихъ къ совершенію проступка вынуждены были безвыходною гнетущею нуждою. Вращаясь до Колоніи въ обществѣ

людей, не превосходящихъ ихъ по своему развитію, они пріобрѣтаютъ дурныя привычки, отъ которыхъ не такъ-то легко отвыкаютъ въ Колоніи. Самый порядокъ, существующій въ Колоніи, имъ кажется тяжелымъ и вызываетъ съ ихъ стороны протесты, выражающіеся частью грубостью, непослушаніемъ, а подчасъ и побѣгами. Привычка къ праздности, сдѣланная до поступленія въ Колонію, выражается у насъ лѣнью и неумѣніемъ найти себѣ занятіе въ свободное время. Вотъ главнѣйшіе недостатки нашихъ питомцемъ, съ которыми приходится бороться воспитателямъ. На обязанности воспитателя лежитъ слѣдить за каждымъ шагомъ питомца; при этомъ желательно, чтобы питомецъ не чувствовалъ надъ собою постояннаго надзора, т.-е. надзоръ слѣдуетъ имѣть, но организовать его такъ, чтобы онъ не былъ замѣтенъ для надзираемаго. Далѣе, воспитателю необходимо изучить характеръ своего питомца, что также представляетъ не легкую задачу, въ особенности вслѣдствіе недовѣрія питомца къ воспитателю. Налагать наказанія тоже приходится съ крайнею осмотрительностью. Множество наказаній, практикуемыхъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, у насъ не имѣютъ никакого значенія. Затѣмъ, довольно опасно безпрерывно прибѣгать даже ко взысканіямъ, оказывающимъ несомнѣнное вліяніе на наказываемаго. Частыя наказанія ослабляютъ ихъ силу, такъ что приходится руководствоваться и въ этомъ случаѣ поговоркой: „рѣдко, да мѣтко". Производство слѣдствій и особыхъ дознаній о проступкахъ питомцевъ слѣдуетъ, по возможности избѣгать, чтобы не пріучать ихъ ко лжи, къ чему они имѣютъ большую склонность".

Любопытно также въ отчетѣ указаніе, сдѣланное имъ на мѣсто происхожденія питомцевъ Колоніи: на долю с.-петербургской губерніи приходится 40, ярославской—12; тверской 5; костромской, новгородской и псковской по 4; смоленской—3; московской и вологодской по 2; архангельской, витебской, воронежской, олонецкой, тамбовской, тульской и великаго княжества Финляндскаго по 1. Мѣсто рожденія 16 питомцевъ остается неизвѣстнымъ.

Изъ такого указанія можно было бы вывести слѣдующее вполнѣ справедливое заключеніе, а именно, что земства упомянутыхъ губерній не должны были бы оставаться вполнѣ равнодушными къ судьбамъ Колоніи, и еслибы не нашли возможнымъ опредѣлить постоянное свое участіе въ расходахъ по Колоніи, то можетъ быть, вознагражденіе за содержаніе уроженцевъ губерніи не превышало бы земскихъ средствъ. Городъ Петербургъ вовсе не показанъ въ вышеупомянутомъ спискѣ, но тѣмъ не менѣе жертвуетъ на Колонію ежегодно 5,000 р., т.-е. $^1/_7$ часть всѣхъ ея доходовъ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ наша печать, за исключеніемъ „Москов. Вѣдомостей", весьма усердно занималась городскими выборами; но когда въ послѣднее время, всѣ эти толки и разсужденія вдругъ прекратились, „Московскія Вѣдомости" какъ разъ въ это время открыли походъ противъ городского общественнаго управленія, и именно, по поводу совершившихся уже городскихъ выборовъ въ Москвѣ и Петербургѣ и выхода въ свѣтъ сочиненія проф. Дитятина, изданнаго петербургскою Думою ко дню столѣтняго юбилея Екатерининской Грамоты городамъ [1]). Московская газета не сдѣлала при этомъ собственно ничего другого, какъ сопоставила выводы упомянутаго труда, добытые авторомъ изъ сравнительнаго историческаго хода развитія городского общественнаго управленія въ теченіе ста лѣтъ его существованія,—съ извѣстіями, почерпнутыми ею изъ газетъ о нынѣшнихъ выборахъ въ здѣшнюю Городскую Думу. „Московскія Вѣдомости" не оспариваютъ, да и не могли бы оспаривать, вѣрности тѣхъ выводовъ, такъ какъ въ самомъ трудѣ они вытекаютъ изъ фактовъ, изложенныхъ въ самой книгѣ, и подкрѣпляются неопровержимымъ свидѣтельствомъ документовъ. Вмѣсто того, чтобы доказать фактами изъ практики прежней общей Думы преимущество ея подначальнаго положенія и вредъ самостоятельности нынѣшняго городского общественнаго управленія,—московская газета усиливается привести читателя къ слѣдующему заключенію: на нынѣшнихъ выборахъ допущены были небывалыя злоупотребленія, а отсюда слѣдуетъ, что прежнее подначальное положеніе Общей Думы было несравненно лучше самостоятельности нынѣшняго городского общественнаго управленія. Еслибы „Московскія Вѣдомости" усмотрѣли въ этихъ злоупотребленіяхъ признакъ недостаточности избирательнаго закона, введеннаго городскою реформою 1870 года, то съ ними, конечно, никто не сталъ бы спорить; но онѣ прибѣгли къ такому софизму, очевидность котораго несомнѣнна для каждаго непредубѣжденнаго человѣка. Такимъ путемъ можно доказать все, что угодно: сравнивая, напр., нашу эпоху съ эпохою, когда вовсе не существовало печати, и усмотрѣвъ, что въ наше время печать является иногда продажною, можно также придти къ заключенію о преимуществахъ тѣхъ отдаленныхъ эпохъ передъ нашею. А между тѣмъ, „Московск. Вѣдом." дѣлаютъ совершенно подобное заключеніе въ виду полученныхъ ими свѣденій о подкупности избирателей при городскихъ выборахъ.

Отвѣчая на вопросъ пр. Дитятина: откуда при прежнемъ Городовомъ Положеніи (1846 г.) могла бы появиться мысль, сознаніе о необходимости, высотѣ, святости службы обществу, когда сама Дума

---

[1]) „Столѣтіе Спб. Городского Общества. 1785—1885 г."

состояла подъ строгою опекою начальства, а слѣдовательно и служила не городу, а лицамъ?—московская газета говоритъ такъ:

..."Одинъ изъ учителей Церкви замѣтилъ, что сытое чрево охотно любомудрствуетъ о воздержаніи. Почему же и думцамъ не любомудрствовать о необходимости, высотѣ и святости службы обществу? Почему имъ и не пригласить и г. Дитятина изобразить благотворныя послѣдствія ихъ самоуправленія? Это легко можетъ пріобрѣсти имъ нѣкоторыхъ новыхъ сторонниковъ и тѣмъ обезпечить за ними обладаніе общественнымъ пирогомъ и на будущее время. Для болѣе же вѣрнаго достиженія той же цѣли необходимо дежурить у нѣкоторыхъ баллотировальныхъ ящиковъ и нашептывать избирателямъ: „кладите налѣво" или еще лучше: произвести всѣ выборы чрезъ „подставныхъ избирателей". По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей", при недавнихъ городскихъ выборахъ въ Петербургѣ, редакторъ „Русской Старины" (т.-е. товарищъ Городского головы), М. И. Семевскій, публично, въ самой Петербургской Думѣ, заявилъ, что въ отдѣленіи г. Яблонскаго (въ Городской Управѣ) имѣетъ мѣсто формальная поддѣлка выборовъ и дутое расписываніе довѣренностей. Такъ, по второму разряду Дума должна была разослать 700 повѣстокъ избирателямъ; но изъ этого числа дошли по адресамъ только лишь 500, остальныя же 200 повѣстокъ были удержаны и распредѣлены между подставными избирателями, согласно указаніямъ, даннымъ ему водопроводною партіей... Третій разрядъ избирателей, заранѣе отдавъ свои голоса водопроводнымъ вербовщикамъ, честно и добросовѣстно исполнилъ свой заказъ. Онъ жалуется только лишь на чрезмѣрную дешевизну довѣренностей... При сдѣлкахъ съ довѣренностями не платили больше трехъ цѣлковыхъ за штуку!.. Вотъ вамъ и „сознаніе необходимости, высоты и святости службы обществу!!!" Даже „Русскія Вѣдомости" возмутились подобною святостію и заявляютъ, „что дальше идти по пути муниципальныхъ шулерствъ и злоупотребленій уже некуда".

Такъ говорили „Московскія Вѣдомости" 15 іюня, а на слѣдующій день, 16 іюня, сдѣлали слѣдующій общій выводъ изъ констатированныхъ ими злоупотребленій. Забывъ совершенно, или только игнорируя, что нашъ избирательный законъ есть сколокъ съ прусскаго закона, газета, съ своей стороны, утверждаетъ, конечно, не безъ „заднихъ" мыслей: „Развѣ еще можно серьезно сомнѣваться въ томъ, что выборы, организованные по извѣстнымъ шаблонамъ, всегда и всюду являются издѣвающеюся надъ здравымъ смысломъ комедіей, и что побѣда на подобныхъ выборахъ остается въ концѣ-концовъ за партіями, наиболѣе сильными наглостью и интригами, то-есть именно партіями всякаго рода „проходимцевъ", которые затѣмъ „распредѣляютъ всѣ мѣста

между своими голодными членами, назначая имъ добавочные оклады и создавая для нихъ выгодныя положенія, тогда какъ серьезные, т.-е. скромные люди, люди дѣла, отъ управленія отстраняются. Такъ бываетъ во Франціи, въ Италіи, въ Сѣверной Америкѣ, такъ, благодаря „основнымъ законамъ нашего самоуправленія“, теперь бываетъ и у насъ (отчего же такъ не бываетъ въ Пруссіи, откуда собственно и позаимствованъ нашъ избирательный законъ?—объ этомъ умалчиваетъ газета).

„Итакъ,—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости“—наше самоуправленіе сдѣлалось добычей проходимцевъ, а лучшіе люди ушли сами въ себя. Но какъ же могло это случиться? Вѣдь не силой же ворвались эти проходимцы въ думы, управы и земскія собранія, и вѣдь не „правительственная же опека“ ихъ туда посадила. Они явились хозяйничать въ общественныя учрежденія въ силу „гласныхъ, свободныхъ выборовъ“, происходившихъ подъ зоркимъ контролемъ „лучшихъ людей“ и „прессы“; оргіи свои творятъ они подъ покровомъ тѣхъ же „основныхъ законовъ самоуправленія“.

„Вся бѣда слѣдовательно въ проходимцахъ. Какъ же теперь быть съ ними? Изгнать ихъ? По какимъ признакамъ изгоняющіе будутъ отличать „проходимцевъ“ отъ „непроходимцевъ“? И кто наконецъ будетъ изгонять ихъ? Гласные? но какіе? Правительство? но причемъ же тогда „самоуправленіе“?

„Итакъ, для очищенія думъ и земствъ ничего иного придумать нельзя какъ измѣненіе не какихъ-либо второстепенныхъ, а именно основныхъ законовъ ихъ организаціи“.

Мы готовы были бы обѣими руками подписаться подъ мнѣніемъ „Московскихъ Вѣдомостей“ о вредѣ подкупности не только при городскихъ выборахъ, но и вездѣ, не исключая и самой печати; но какимъ образомъ отъ злоупотребленій въ общественной печати придти къ заключенію о необходимости отмѣны ея, съ замѣною, напримѣръ, полицейскими вѣдомостями, или отъ злоупотребленій при выборахъ къ отмѣнѣ „основныхъ законовъ“ городского общественнаго управленія, которое, правда, газета на своемъ языкѣ называетъ только „измѣненіемъ“; но каждый читатель „Москов. Вѣд.“ хорошо понимаетъ, что̀ именно нужно подъ этимъ словомъ разумѣть: „Московскія Вѣдомости“, очевидно, разумѣютъ возстановленіе Городового Положенія 1846 г., дѣйствовавшаго почти 35 лѣтъ и приведшаго своихъ современниковъ къ одному убѣжденію — къ убѣжденію о необходимости его реформы, какою и былъ законъ 1870 года. Болѣе правильно было бы вывести теперь заключеніе только о недостаточности этого закона, о необходимости пересмотра его; но если уже говорить о возвращеніи къ старинѣ, то въ такомъ случаѣ было бы уже еще

правильнѣе, по крайней мѣрѣ относительно избирательнаго закона, возвратиться не къ 1846 г., а къ самой отдаленной старинѣ—къ началамъ, положеннымъ въ основаніе Городового Положенія 1785 г.

Но возвратимся къ филиппикѣ „Москов. Вѣд.", еще разъ повторивъ, что мы не отрицаемъ неудовлетворительности, во многихъ отношеніяхъ, городского общественнаго управленія,—только мы никакъ не можемъ изъ того вывести заключенія, къ которому приходитъ московская газета, а именно: что отсутствіе „начальственной опеки" надъ нимъ, какая была установлена Городовымъ Положеніемъ 1846 г., составляетъ причину грустныхъ явленій настоящаго времени. Во-первыхъ, это „старое, доброе время" не лишено было такихъ же самыхъ злоупотребленій, и любовь къ „общественному пирогу" вызывала и тогда не меньшій аппетитъ; но тогда Дума, состоя подъ опекою, была гарантирована отъ нападокъ на нее и обличеній, которыя могутъ теперь свободно сыпаться со всѣхъ сторонъ: обличителю тогда пришлось бы имѣть дѣло съ опекунами Думы, и мы никакъ не полагаемъ, чтобы даже настоящая статья „Москов. Вѣдомостей" противъ городского общественнаго управленія могла появиться въ свѣтъ въ ту эпоху, о которой газета мечтаетъ, такъ какъ тогда всѣ дѣйствія Думы утверждались высшимъ начальствомъ, а потому нападеніе на Думу было бы и для него личнымъ оскорбленіемъ. Вотъ, быть можетъ, отчего намъ кажется, что прежде дѣла шли лучше, а теперь какъ будто они идутъ хуже: мы не знаемъ, что̀ скрывалось прежде подъ обязательнымъ молчаніемъ о злѣ, и что теперь, благодаря новымъ условіямъ жизни, свободно открывается и комментируется,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ городскому общественному управленію. Во-вторыхъ, сами „Москов. Вѣд." представляютъ доказательство того, что едва ли было бы лучше, еслибы осуществилось ихъ же желаніе, и была бы возстановлена „начальственная опека",—а именно, это-то онѣ и разумѣютъ подъ „измѣненіемъ основныхъ началъ" настоящаго городского общественнаго управленія.

Не далѣе какъ за недѣлю до появленія вышеупомянутой статьи 15 іюня, а именно, въ № 8-го іюня, „Москов. Вѣдомости" подводятъ итоги дѣятельности другого міра, который они всегда противополагаютъ общественному міру, и опеку со стороны котораго надъ послѣднимъ они считаютъ панацеею отъ всѣхъ золъ. Московской газетѣ пишутъ изъ Петербурга, въ томъ же іюнѣ мѣсяцѣ, что „настоящее настроеніе (въ оффиціальномъ мірѣ) всего лучше опредѣляется ожиданіемъ перемѣнъ, какимъ-то недомоганіемъ, сознаніемъ нестерпимости экономическаго положенія и отсутствіемъ рѣшимости и умѣнія покончить съ гнетущимъ неустройствомъ и неурядицей". Нарисовавъ за

тѣмъ соотвѣтственную вышесказанному картину современнаго „порядка вещей", газета присоединяетъ слѣдующее размышленіе:

„Вредъ подобнаго порядка значительно усиливается отношеніемъ исполнителей къ дѣлу, которое выработалось подъ вліяніемъ личной зависимости каждаго служащаго отъ усмотрѣнія начальства; всякій чиновникъ вполнѣ увѣренъ что онъ и самъ можетъ не исполнять законъ и допускать его нарушеніе ввѣренной ему части, если только подобное дѣйствіе соотвѣтствуетъ видамъ и намѣреніямъ непосредственно поставленной надъ нимъ власти; съ другой стороны, онъ не имѣетъ никакой возможности сколько-нибудь разсчитывать на прочность своего служебнаго положенія, если въ своихъ дѣйствіяхъ онъ держится строгихъ предѣловъ закона и не заботится о томъ, чтобъ угодливостью, а не рѣдко и прямымъ нарушеніемъ своихъ обязанностей обезпечить за собою репутацію покладистаго, удобнаго человѣка.

„Эти условія нашей государственной службы вмѣстѣ съ какимъ-то роковымъ выдвиганіемъ неспособныхъ, но удобныхъ людей, создаютъ, конечно, весьма неблагодарную почву для всякаго рода реформъ; въ настоящее время слѣдуетъ сказать, что въ нашей внутренней жизни рѣшительно не видно поворота къ лучшему; назначеніе и выборы въ одинаковой мѣрѣ содѣйствуютъ тому, чтобы вручать власть на мѣстахъ недостойнымъ рукамъ, не сдерживаемымъ притомъ никакимъ нравственнымъ контролемъ сословныхъ или иныхъ группъ населенія. Достаточное доказательство сказанному усматривается въ томъ, что именно самыя непригодныя по существу должностныя лица всего долѣе удерживаются на своихъ мѣстахъ или получаютъ еще лучшія должности".

Сравните эту оцѣнку со стороны „Московскихъ Вѣдом." съ вышеприведенною оцѣнкою, съ ихъ же стороны, городского общественнаго управленія, и вы, конечно, будете повергнуты въ изумленіе. 15-го іюня, вамъ объясняютъ, что одно средство исправить городское общественное управленіе, отдать его въ „начальственную опеку"; а за недѣлю предъ тѣмъ, та же газета отозвалась еще менѣе благосклонно о тѣхъ, отъ чьей опеки она ожидаетъ исправленія городскихъ дѣлъ. 15-го іюня, газета увѣряетъ насъ, что „выборы"—это—величайшее зло вездѣ, а не у однихъ насъ, и что, слѣдов., надобно возложить всѣ надежды на „назначенія"; а за недѣлю предъ тѣмъ, та же газета объявила, что и на „назначенія" надѣяться нельзя: „назначенія и выборы въ одинаковой мѣрѣ содѣйствуютъ тому, чтобы вручать власть на мѣстахъ недостойнымъ рукамъ". Чего же хотятъ „Московскія Вѣдомости"?—и выборы—зло; и назна-

ченіе—зло! Приведя своего читателя къ такому, по-истинѣ, печальному результату, газета оставляетъ его какъ бы въ пустомъ пространствѣ. Но, можетъ быть, „Московскія Вѣдомости“ хотѣли высказать не болѣе, какъ прописную истину, а именно, что зло возможно вездѣ; въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало бы предлагать не замѣну одного зла другимъ, въ видахъ улучшенія дѣла, а анализировать причину, гдѣ коренится зло, и предлагать мѣры къ ея устраненію. Еслибы московская газета при этомъ указала на необходимость измѣнить выборное начало, съ одной стороны, а съ другой—въ отношеніи назначенія подняла бы вопросъ о такъ-называемомъ „третьемъ пунктѣ“ и о необходимости служебной отвѣтственности каждаго чиновника, то, конечно, „вліяніе личной зависимости каждаго служащаго отъ усмотрѣнія начальства“, на что̀ такъ справедливо жалуется газета, — значительно бы ослабло, если не вовсе уничтожилось бы.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Томъ V. Исполненіе рѣшеній. Спб. 1885. 712 стр.

Обширный трудъ г. Анненкова близится къ концу, и по всѣмъ томамъ, какъ выходившимъ, замѣчается стремленіе не только существенныхъ частей, но и мелкихъ подробностей общаго вопроса производства гражданскихъ дѣлъ. Составляя практическое руководство въ отличіе отъ теоретическихъ изслѣдованій, въ родѣ учебника г. Малышева, авторъ, однако, не упускаетъ изъ виду общія руководящія научныя начала и даетъ читателю выработанную догматическую и практическую картину каждаго процессуальнаго института въ той области права, которой посвященъ его солидный трудъ. О значеніи для юристовъ-практиковъ подобнаго комментарія едва ли нужно говорить. Особенное значеніе имѣетъ нынѣшній V томъ потому, что правилъ о порядкѣ исполненія рѣшеній гражданскихъ судовъ мало не касалась кассаціонная дѣятельность, а между тѣмъ жизненная важность правильнаго исполненія этихъ постановленій сказывается на каждомъ шагу. „Мудро законы писать — если ихъ не исполнять" — старая истина. Ее, со всею справедливостью, можно перефразировать такъ: „мудро рѣшенія постановлять, если ихъ правильно не исполнять". Пріемы и принципы правильнаго исполненія и нашли себѣ въ г. Анненковѣ тщательнаго и многосторонняго истолкователя.

Амуръ и Уссурійскій край. Изданіе, исполненное И. Д. Сытинымъ и К°. Съ портретомъ гр. Муравьева-Амурскаго и 10 рисунками. М. 1885. Стр. 142. Ц. 30 коп.

Въ ноябрѣ текущаго года исполнится 25 лѣтъ со времени присоединенія къ Россіи упомянутаго края, по пекинскому договору, и именно къ предстоящему юбилею изданы эти популярные и общедоступные по цѣнѣ очерки, съ цѣлью ознакомить всѣхъ съ мѣстными условіями быта и распространить о немъ необходимыя общія свѣдѣнія. До сихъ поръ, оказывается, переселилось на Амуръ всего 3 т. человѣкъ, считая тутъ и женщинъ, и дѣтей, а потому неудивительно, что и послѣ четверти столѣтія нашего господства въ краѣ, туземцы, по замѣчанію автора очерковъ, считаютъ настоящими хозяевами китайцевъ и выучиваются говорить по-китайски, а не по-русски. При всей общедоступности цѣны этого изданія, оно могло бы сообщить свѣдѣнія, болѣе обстоятельныя и интересныя; наша собственная и иностранная уже богатая литература объ этомъ краѣ могла бы послужить къ составленію болѣе содержательныхъ очерковъ.

Переселенія крестьянъ рязанской губерніи. Изслѣдованіе В. Н. Григорьева. М. 1885. Стр. 194.

Настоящій трудъ по одному изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ народной жизни и хозяйства удостоенъ московскимъ университетомъ большой преміи Ю. Ѳ. Самарина, и во главѣ его помѣщены весьма авторитетные отзывы объ этомъ трудѣ проф. А. И. Чупрова и покойнаго А. И. Кошелева. По словамъ проф. Чупрова, исполненный г. Григорьевымъ анализъ переселенческаго движенія въ Россіи составляетъ пока единственный примѣръ въ нашей литературѣ, хотя этотъ трудъ пріуроченъ къ небольшой мѣстности, именно къ тремъ уѣздамъ рязанской губерніи, но именно въ этой-то мѣстности переселенческое движеніе достигло едва ли не самаго большого во всей странѣ развитія и силы, а потому, благодаря чрезвычайной обстоятельности наблюденій надъ множествомъ однородныхъ случаевъ, трудъ г. Григорьева представляетъ массу общихъ выводовъ, имѣющихъ значеніе для переселенческаго вопроса вообще.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Т. III. Крестьянское дѣло съ 1857 по 1859 г. М. 1885. Стр. 492. Ц. 2 р.

Настоящій выпускъ представляетъ особый интересъ, благодаря тому, что въ немъ собрано все, что было написано Ю. Ѳ. Самаринымъ по крестьянскому дѣлу до вступленія его въ самарскій губернскій комитетъ членомъ отъ правительства, и во время занятій комитета. Изъ статей, написанныхъ въ первую эпоху, къ самымъ капитальнымъ можно отнести статьи по вопросу о поземельномъ общинномъ владѣніи и о поземельной собственности, а также „О теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ отношеніяхъ юридическомъ и хозяйственномъ". Ко второй эпохѣ относятся всѣ письменныя мнѣнія и предложенія Самарина въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ, вмѣстѣ съ проектомъ меньшинства, въ которомъ онъ оставался, борясь съ большинствомъ, мало сочувствовавшимъ дѣлу освобожденія и обезпеченія матеріальнаго благосостоянія крѣпостныхъ; а это-то послѣднее и составляло главный предметъ заботъ Самарина. Мы надѣемся еще возвратиться къ болѣе подробному разсмотрѣнію этого интереснаго во многихъ отношеніяхъ тома.

Беспозвоночныя Бѣлаго моря. Проф. Н. П. Вагнера. Спб. 1885. Стр. 218 in-folio, съ XXI табл.

Этотъ почтенный трудъ составляетъ, безъ сомнѣнія, весьма драгоцѣнный вкладъ въ науку зоологіи, заключая въ себѣ новыя, самыя подробныя и обстоятельныя изслѣдованія, произведенныя профессоромъ здѣшняго университета Н. П. Вагнеромъ на берегахъ Соловецкаго залива надъ его морскою растительностью. Въ вышедшей нынѣ томъ, кромѣ путевыхъ свѣдѣній и описанія біологической соловецкой станціи, вошло описаніе гидроидъ, медузъ, сѣвернаго кліона и асцидій Бѣлаго моря. Приложенные рисунки, благодаря ихъ замѣчательному выполненію, даютъ наглядное понятіе о всей роскоши этого подводнаго цвѣтника, который, по замѣчанію автора, оставляетъ далеко позади себя фауну Чернаго моря, уступая, конечно, въ свою очередь Средиземному морю.

Иллюстрированный охотничій календарь. Сост. Л. П. Сабанѣевымъ. Спб. 1885. Ц. 5 р.

Календарь состоитъ изъ двухъ частей: собственно охотничьей и рыболовной. Въ первой части издатель слѣдуетъ въ изложеніи сезонному порядку, а подъ каждымъ мѣсяцемъ даетъ описаніе условій охоты того мѣсяца; въ приложеніяхъ къ этой части помѣщенъ, между прочимъ, собачій лечебникъ и справочный отдѣлъ съ указаніями и адресами оружейныхъ фабрикъ, дрессировщиковъ, лучшихъ лечебницъ и т. д. Въ томъ же порядкѣ излагается и рыболовный календарь.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
на 1885 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . .	16 „ — „	9 „	5 „	За-границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

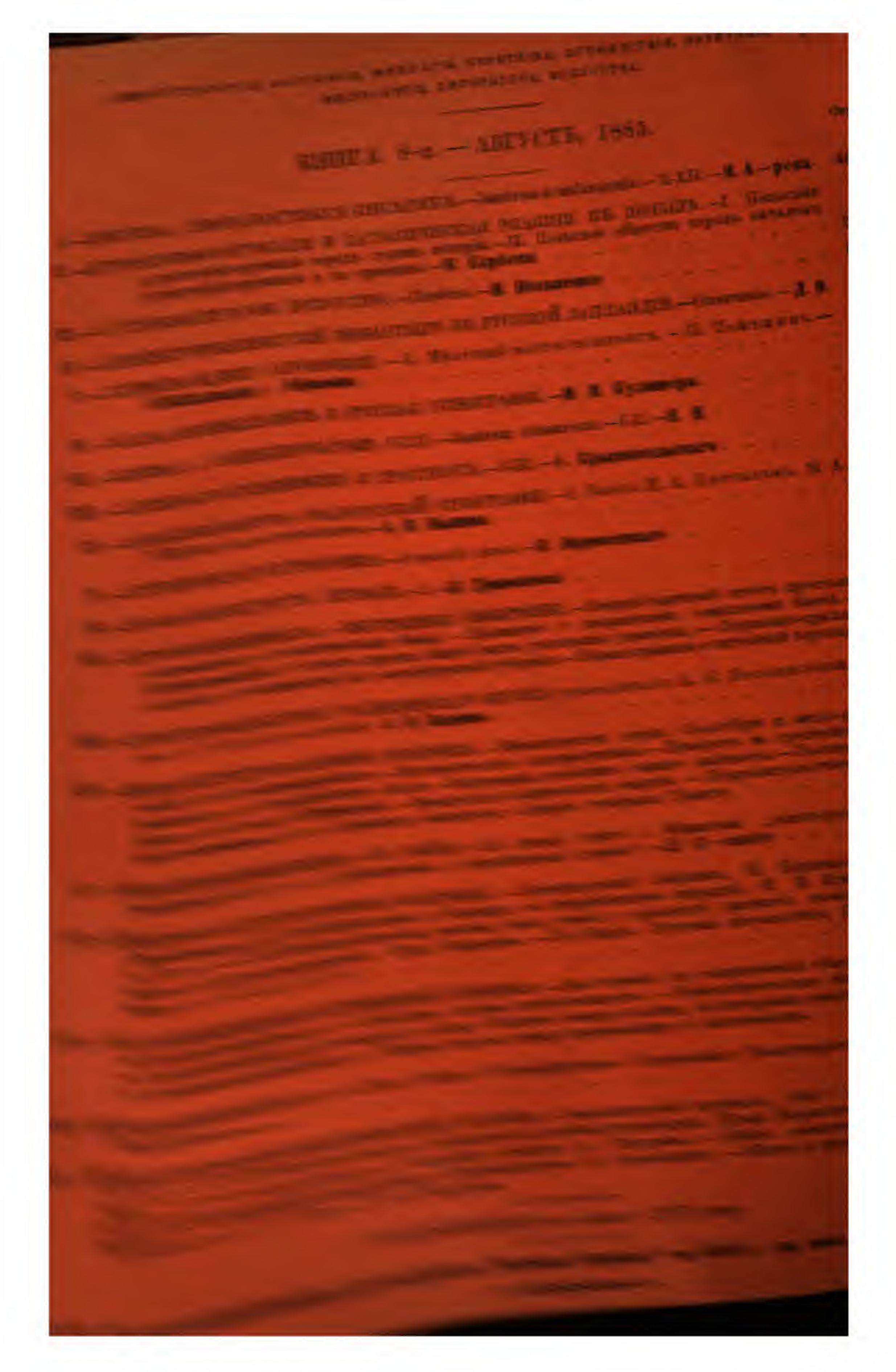
Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

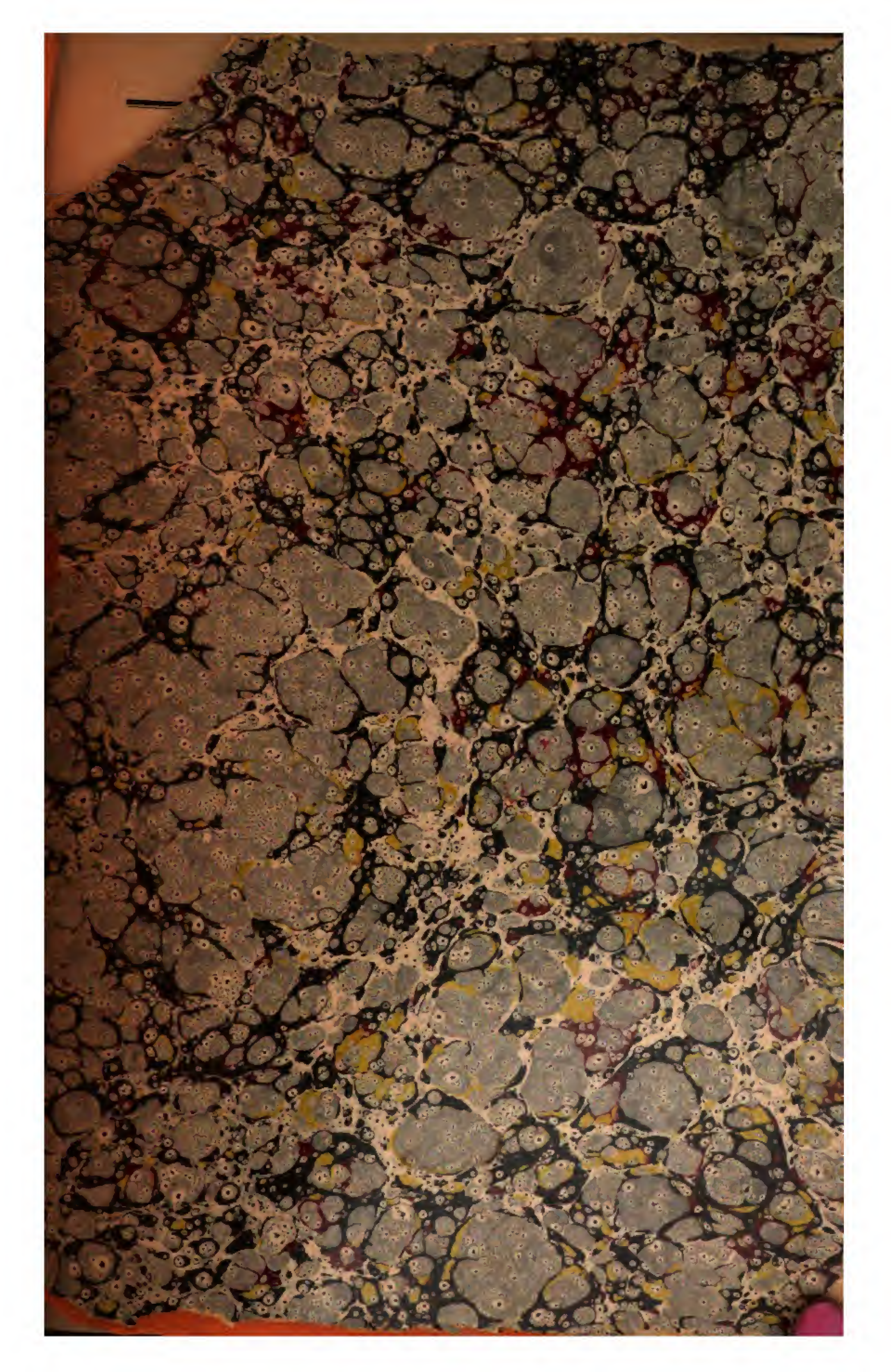
ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.
АВГУСТЪ, 1885.
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я — АВГУСТЪ, 1885.

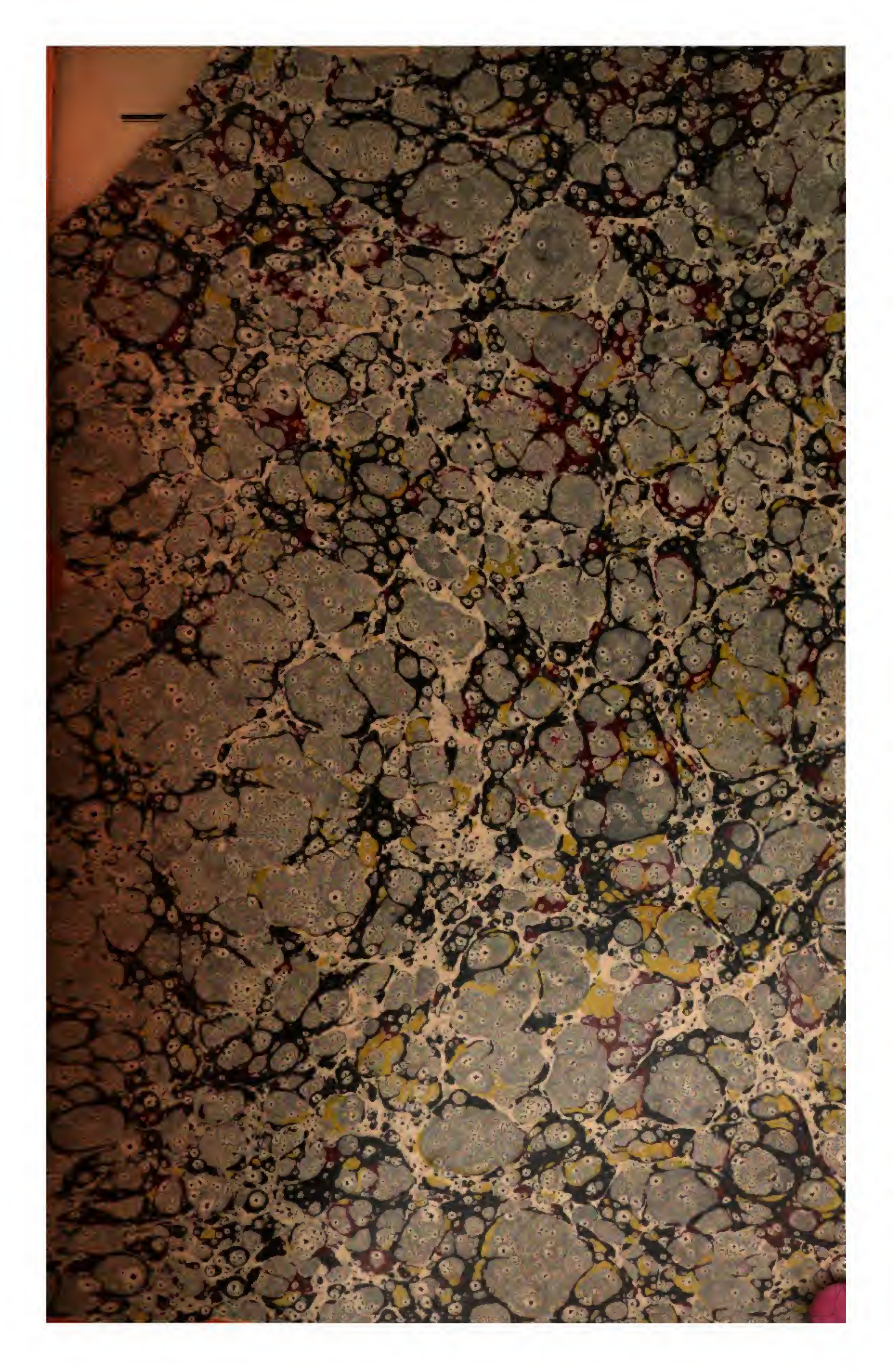
ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

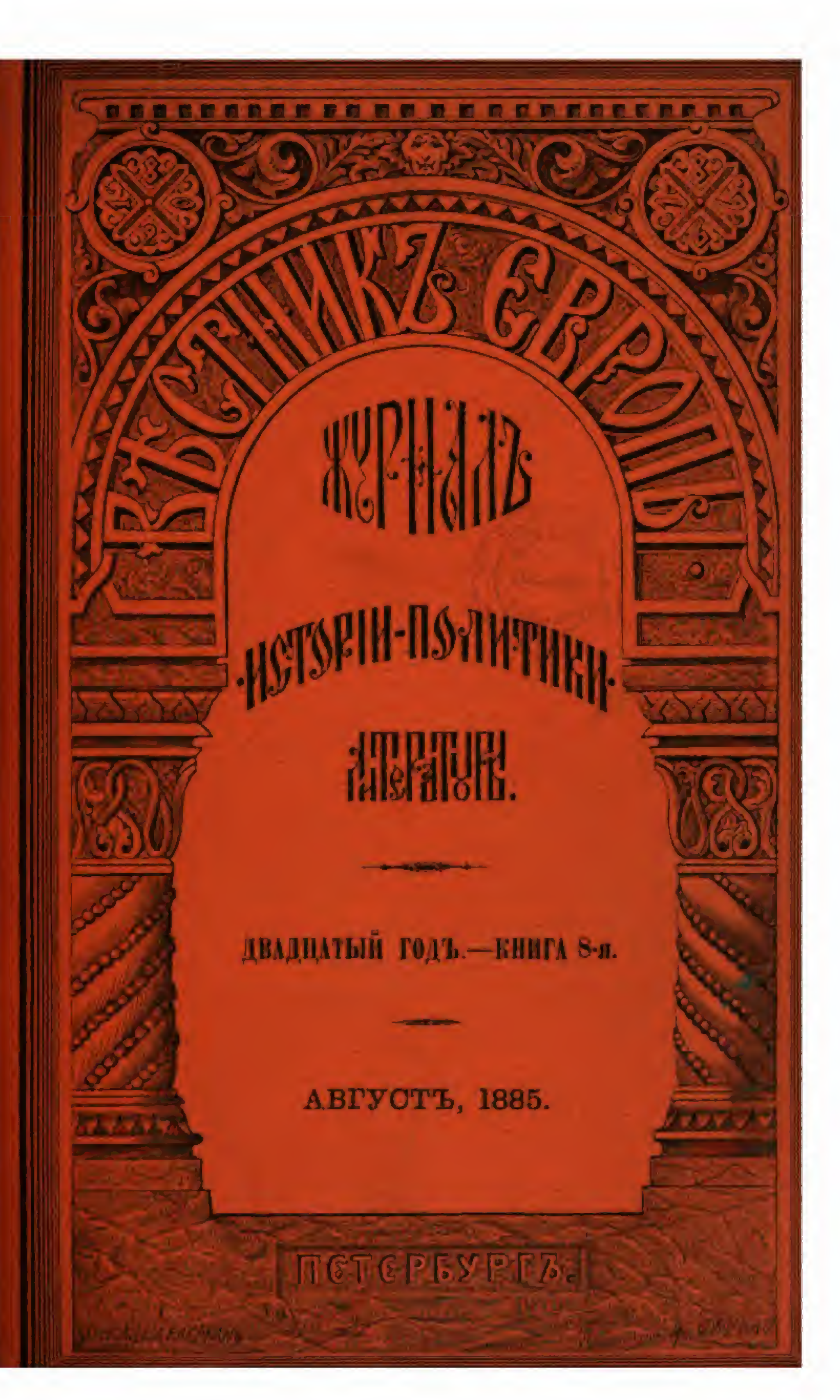
КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1885.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстника Европы" въ 1885 г., см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.
АВГУСТЪ, 1885.
ПЕТЕРБУРГЪ.

БИБЛ[illegible]ГРАФИЧЕС[illegible]Ъ.

Экономическiй журналъ. 1885 г. книжки I и II.

Потребность въ особомъ повременномъ изда-
нiя для изученiя экономическихъ вопросовъ и
задачъ, выдвигаемыхъ жизнью, чувствовалась у
насъ уже давно, а дѣлавшiяся до сихъ поръ по-
пытки пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей журна-
листикѣ имѣли большею частью характеръ слиш-
комъ односторонiй, практическiй, причемъ глав-
вое вниманiе обращалось на текущiе интересы
промышленности и финансовъ. Болѣе общая и
широкая точка зрѣнiя усвоена новымъ „Экономи-
ческимъ журналомъ“, какъ это видно изъ по-
явившихся первыхъ двухъ книжекъ и изъ по-
дробнаго profession de foi редакцiи. Журналъ,
предпринятый А. П. Субботинымъ, поставилъ
себѣ цѣлью „сводить въ одно цѣлое всѣ много-
образныя экономическiя данныя, разсѣянныя въ
массѣ изданiй, часто недоступныхъ для боль-
шинства читателей, и своевременно констати-
ровать всѣ выдающiяся явленiя въ области фи-
нансовой политики и народнаго хозяйства“; за-
тѣмъ на первомъ планѣ будетъ стоять „изуче-
нiе крестьянскаго хозяйства и обложенiя, изслѣ-
дованiе общинной и другихъ формъ землевла-
дѣнiя, описанiе различныхъ видовъ промышлен-
ности, ознакомленiе съ послѣдними результатами
мѣстныхъ изслѣдованiй, съ новыми проектами и
предположенiями, какъ исходящими изъ прави-
тельственныхъ сферъ, такъ и отъ разныхъ
обществъ и отъ частныхъ лицъ“. Вышедшiя
книжки отъ 1 и 15 iюня отличаются обилiемъ
статей, замѣтокъ и отчетовъ по разнымъ отдѣ-
ламъ народнаго и государственнаго хозяйства;
между прочимъ помѣщены статьи г. Скалона по
земскимъ вопросамъ, проф. Тарасова — о „мѣ-
рахъ противъ пьянства“, затѣмъ о „Россiи и
Англiи на азiатскихъ рынкахъ“, о „фабричныхъ
порядкахъ въ сельскомъ быту“, г. Я. Абрамова
и др. Безъ сомнѣнiя „Экономическiй журналъ“
заслуживаетъ полнаго сочувствiя всѣхъ, ин-
тересующихся экономическими вопросами въ
Россiи.

Вѣстникъ клинической и судебной психiатрiи
и невропатологiи. Повременное изданiе подъ
редакцiею проф. И. П. Мержеевскаго.
Годъ третiй. Выпускъ I. Спб. 1885.

Судя по количеству появляющихся у насъ ра-
ботъ по психiатрiи, можно полагать, что эта
наука процвѣтаетъ въ Россiи: у насъ суще-
ствуетъ два психiатрическихъ журнала—одинъ
издается въ Петербургѣ, подъ редакцiею про-
фессора Мержеевскаго, а другой—въ Харьковѣ,
подъ редакцiею проф. Ковалевскаго. Въ вышед-
шемъ нынѣ объемистомъ томѣ „Вѣстника“, на-
ряду съ спецiальными изслѣдованiями и рефе-
ратами, помѣщена также статья, представляющая
общiй интересъ, — о „преступленiи и помѣ-
шательствѣ“, д-ра П. А. Дюкова.

[illegible]чреки мелкаго народнаго кредита. Выпускъ III.
Ссудо-сберегательныя кассы. А. Мудрова.
Москва, 1885. Цѣна 80 к.

Трудъ г. Мудрова заключаетъ въ себѣ обстоя-
[illegible]ную и добросовѣстную разработку важ-
[illegible] практическаго вопроса, о которомъ много
[illegible]лось уже въ нашей печати. Со-
[illegible] съ[illegible] о народномъ кре-
дитѣ, изложенныя ясно и убѣдительно,
содѣйствовать правильной постановкѣ
практикѣ и облегчить осуществленiе зада[illegible]
стоятельность которой не можетъ подл[illegible]
спору.

Опытъ комментарiя къ уставу гражданскаго су-
допроизводства. К. Анненкова. Томъ V.
Исполненiе рѣшенiя. Спб. 1885. Цѣна 4 руб.

Почтенный трудъ г. Анненкова, приближаю-
щiйся нынѣ къ концу, представляетъ весьма по-
лезное пособiе для юристовъ-практиковъ, какъ
самый полный сводъ существующихъ судебныхъ
и литературныхъ разъясненiй къ статьямъ устава
гражданскаго судопроизводства.

Жизнь и труды В. Г. Барскаго. Сочиненiе
Н. Барсукова. Спб. 1885. 8°. 72 стр. Ц.?

Въ „Вѣстникѣ Европы“ было упомянуто объ
изданiи извѣстнаго путешествiя Барскаго по
святымъ мѣстамъ, изданiи, которое предпринято
Палестинскимъ Обществомъ и исполненiе кото-
раго поручено имъ г. Барсукову. Настоящая
книжка связана съ этимъ изданiемъ и пред-
ставляетъ бiографiю Барскаго, извлеченную глав-
нымъ образомъ изъ его книги, составляющей
для этого почти единственный матерiалъ. Бiо-
графiя составлена очень обстоятельно, насколько
служилъ матерiалъ; авторъ указалъ также и то,
что было у насъ писано о Барскомъ. Относи-
тельно его историческаго значенiя, авторъ дѣ-
лаетъ слѣдующее замѣчанiе: „Нѣкоторые наши
историки и публицисты мрачными красками
изображаютъ XVIII вѣкъ нашей исторiи. Не
считая нужнымъ входить въ полемику по этому
предмету, мы позволимъ себѣ поставить только
одинъ вопросъ: не послужитъ ли смягчающимъ
обстоятельствомъ ихъ строгихъ приговоровъ
тотъ фактъ, что въ XVIII столѣтiи являлись
люди, подобные Барскому, которые, по свидѣ-
тельству Судiи вселенной, Александрiйскаго
патрiарха Матѳея, „божественною ревностiю
побуждаемые“, стремились на Святый Востокъ;
и что въ теченiе цѣлаго, нашими строгими
судiями осуждаемаго, столѣтiя всѣми сословiями
русскаго народа читалась и перечитывалась,
сначала въ рукописяхъ, а потомъ по изданiю
Рубана, благочестивая книга, ученика Стефана
Прокоповича, Василiя Барскаго“? (стр. 68). Намъ
кажется, что—не послужитъ, и что авторъ со-
всѣмъ напрасно ставилъ такой вопросъ. Во-
можно ли, во-первыхъ, дѣлать какую-то огуль-
ную ссылку на строгiя сужденiя о XVIII вѣкѣ—
какiя сужденiя, и о чемъ именно? Въ самомъ
дѣлѣ осужденiя XVIII вѣка бывали разныя—по
совершенно различнымъ поводамъ. Одни осуждали
XVIII вѣкъ съ славянофильской точки зрѣнiя,
какъ отступленiе отъ нацiональнаго принципа;
другiе осуждали какъ время императорскаго дес-
потизма и народнаго угнетенiя — былъ мотивъ
славянофильской мысли. Кого изъ двухъ раз-
умѣетъ г. Барсуковъ? И кого бы ни разумѣлъ,
обѣ стороны, „строго осуждающiя XVIII вѣкъ“,
могутъ сказать—и совершенно справедливо—
что, какъ бы ни были замѣчательны благоче-
стивый подвигъ Барскаго и его книга, они со-
ставляютъ единичный фактъ, который ничего из-
мѣнить не можетъ.

ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ

Замѣтки и наблюденія.

X *).

Какъ-то весною слѣдующаго года пріѣхалъ къ намъ въ Кочетово тотъ непремѣнный членъ, о которомъ я уже говорилъ вскользь. Кочетовское общество не пожелало принять обратно въ свою среду конокрада, сидѣвшаго въ арестантскихъ ротахъ и подлежавшаго, вслѣдствіе отказа общества, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; непремѣнному члену и надо было провѣрить приговоръ о непринятіи въ свою среду арестанта.

Пріѣхалъ къ намъ Щукинъ вечеромъ, когда мы, писаря, занимались. У меня на столѣ стояли двѣ свѣчи, а на томъ, за которымъ работали мои два помощника—три. Проходя черезъ нашу комнату, Щукинъ остановился у ихъ стола и уставился на свѣчи; помощники, конечно, поднялись.

— Это что?—спрашиваетъ Щукинъ.

Помощники молчатъ, не понимая вопроса.

— Отчего у васъ три свѣчи?—поясняетъ капитанъ.

Помощники молча переглядываются. Наконецъ одинъ изъ нихъ, побойчѣе, да къ тому же ужъ получившій назначеніе въ урядники въ другой уѣздъ и занимавшійся у меня послѣдніе дни, собрался съ духомъ подшутить надъ начальствомъ.

— Это во имя св. Троицы, ваше высокоблагородіе.

Его в-діе подумало и изрекло:

---

*) См. выше: іюль, стр. 278.

— Это хорошо; но лучше, если двѣ или четыре, а три свѣчи дурная примѣта. Потуши одну!

Чуть - чуть не прыснувъ со смѣху, помощникъ исполнилъ приказъ...

На другой день, когда сходка уже собиралась, къ Щукину, пившему чай, подошло двое кочетовскихъ мужиковъ и, объяснивъ ему, что общество уже полгода не можетъ придти ни къ какому соглашенію относительно передѣла земли, просили его „разбить" сходъ и повѣрить голоса, — „чтобы на чемъ ни на есть, а рѣшить дѣло".

Щукинъ бросилъ грозный взглядъ:

— А кто вамъ позволилъ дѣлить землю? Разрѣшеніе имѣете, а?..

Мужики въ недоумѣніи молчали. Видя ихъ затруднительное положеніе, я, стоя въ дверяхъ комнаты, объяснилъ, что по „Общему Положенію" разрѣшенія отъ начальства на передѣлъ земли крестьянамъ не требуется, а нужно лишь согласіе извѣстнаго количества домохозяевъ. Противъ моего ожиданія, Щукинъ промолчалъ и только угрюмо посматривалъ на меня; потомъ вдругъ накинулся на мужиковъ:

— Пьянствовать захотѣли, а?.. Мало трескаете, больше понадобилось? „Землицы нѣтути", а водка есть, а подати стоятъ?.. Канальи!..

— Помилуйте, в. в-діе, — пьянство уменьшится, потому земли ровнѣе будетъ; теперь у кого лишняя — сдаетъ, у кого не хватаетъ — принаймаетъ, ну извѣстно, магарычика и выпьютъ; а подѣлимъ — сдачи и съемки меньше будетъ. На счетъ же податей будьте покойны: у насъ уже годовъ двадцать ни одной копѣечки въ недоимкѣ не было, — такъ еще отцами нашими заправлено.

Щукинъ сопѣлъ и сердито вращалъ глазами; наконецъ буркнулъ: „пошли вонъ!" Мужики мигомъ исчезли.

Повѣрка приговора о конокрадѣ была быстро покончена. Щукинъ спросилъ сходъ: не принимаете такого-то? Десятка три мужиковъ, ближе стоявшихъ и разслышавшихъ вопросъ, отвѣтили: не примаемъ! Тѣмъ дѣло и кончилось. Потомъ Щукинъ произнесъ рѣчь примѣрно такого содержанія:

— Тутъ мнѣ заявили, что вы землю дѣлить хотите? Все общество этого желаетъ, или только горланы смуту заводятъ?.. А?

Общество, конечно, отмалчивается.

— Старшина! Ты долженъ знать, какъ тутъ дѣло? Желаетъ общество или не желаетъ раздѣла?

— Одни, в. в-діе, желаютъ, другіе нѣтъ. Желающихъ, однако, большинство.

— Такъ чего-жъ ко мнѣ лѣзутъ, отчего приговора нѣтъ?

— Голосовъ быдто не хватаетъ, в. в-діе.

— Ну, а не хватаетъ—я-то что-жъ подѣлаю? А?.. Я тутъ ни при чемъ... Эй, какой тамъ чортъ въ шапкѣ стоитъ? Забываться стали, канальи?.. Бариномъ захотѣлось быть? Старшина, разыскать его и посадить въ арестантскую на сутки, мерзавца!.. Ну, такъ дѣлайте, какъ хотите, дѣлите, или не дѣлите,—мнѣ наплевать, не мое дѣло... Слышали?..

Строгое начальство уѣхало; сходъ разошелся въ какой-то апатіи, даже не побранившись по поводу передѣла. Провинившагося мужика не разыскивали и въ арестантскую не сажали: Яковъ Иванычъ, хотя и подавалъ стаканы начальству, но за глаза чувствовалъ себя самостоятельнымъ и позволялъ себѣ критически относиться къ наиболѣе нелѣпымъ распоряженіямъ „членовъ".

— Какой это членъ?—говорилъ онъ. — Ни слова сказать толкомъ не умѣетъ, только и слышно: я, да я... Мужику надо дать понятіе, что и какъ... Вотъ у насъ членомъ, допрежь этого, г. Русаковъ былъ; не скажу, чтобы и онъ во всѣхъ статьяхъ хорошъ былъ, но, по крайности, онъ мужика не гнушался и умѣлъ такое слово сказать, что его всякій понималъ. Хоть бы объ этихъ конокрадахъ; выйдетъ на крыльцо,—„здравствуйте, старички",—скажетъ. И потомъ начнетъ: „таперь, старички, задумали вы изъ среди себя человѣка исторгнуть, какъ есть—взять и въ Сибирь его вогнать... Вы подумайте, старички, дѣло это не легкое, какъ есть человѣка отъ родного своего мѣста и ввергнуть за большія тысячи верстъ"... Ну, скажетъ это—„подумайте", да и уйдетъ въ волость, а черезъ десять тамъ, али пятнадцать минутъ опять выйдетъ, спроситъ: „надумались?" и всѣхъ къ сторонкѣ къ одной сгонитъ, да и скажетъ: „переходите, на другую сторонку, кто согнать его желаетъ!" Такъ вотъ какъ образованные господа съ мужикомъ обращеніе имѣютъ, а это что, срамъ одинъ...

Прошелъ годъ. Вмѣсто стараго исправника появился въ нашемъ уѣздѣ новый, человѣкъ еще молодой. Онъ сразу проявилъ себя: нѣсколько урядниковъ, считавшихъ единственною своей обязанностью обревизовывать питейныя заведенія въ своихъ участкахъ, лишились возможности продолжать свою плодотворную дѣятельность; одинъ становой былъ переведенъ въ другой уѣздъ, а еще одинъ—причисленъ къ губернскому правленію, за штатъ; старшины и староста стали платить штрафы за дурное содержаніе мостовъ и пожарнаго инструмента; хлѣбные магазины стали повѣряться не на бумагѣ, а на мѣстѣ, въ натурѣ; въ полицейскомъ

управленіи закипѣла дѣятельность, и даже постоянно дремавшее присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ оживилось, благодаря многочисленнымъ заявленіямъ исправника о цѣломъ рядѣ неисправностей, найденныхъ имъ въ уѣздѣ. Къ Бѣльскому,—такъ его фамилія, — былъ для всѣхъ самый свободный доступъ: дома ли, въ присутствіи, въ управленіи, на перекладныхъ въ дорогѣ, — онъ всѣхъ выслушивалъ, кто къ нему ни обращался, дѣлалъ, что могъ, и если не было повода и возможности принять прямого участія въ дѣлѣ, то помогалъ, по крайней мѣрѣ, совѣтомъ... Не задаваясь широкими задачами, оставаясь тѣмъ, что есть, онъ съ полной добросовѣстностью, безъ пустозвонства и шума, исполнялъ свои—и служебныя, и человѣческія обязанности.—Помню, я, имѣя до него какое-то дѣло, вошелъ въ комнату, гдѣ онъ разговаривалъ съ какой-то бабой; изъ словъ ея я понялъ, что она вдова и что мужъ оставилъ ей домъ; дѣтей у ней не было; правъ на наслѣдство законнымъ путемъ она не предъявила, не подозрѣвая совсѣмъ существованія пятнадцати томовъ законовъ и думая дожить вѣкъ свой подъ сѣнью дѣдовскихъ обычаевъ. Такимъ легковѣріемъ ея воспользовался племянникъ по покойному мужу, какой-то городской прохвостъ, и заявилъ права на наслѣдство. Когда судебный приставъ описывалъ домъ, то племянникъ объяснилъ бабѣ, что это ее вводятъ во владѣніе, а приставу — что эта женщина живетъ у него на квартирѣ. Вызовъ наслѣдниковъ состоялся, сроки всѣ прошли, и дѣлецъ новѣйшей формаціи выгналъ тетку изъ дому при помощи полицейской власти, выкинувшей сундуки бѣдной женщины на улицу. Вотъ она и мыкается по добрымъ людямъ,—не научатъ ли ее, что дѣлать ей, горькой. Исправникъ молча ее слушалъ, постукивая ногой о полъ.

— Батюшка мой, желанный, на тебя одна надёжа! Сказывалъ мнѣ человѣкъ одинъ, коли ты ужъ не поможешь, такъ никого больше не искать... Не оставь меня, сироту, родимый! — и баба, зарыдавъ, упала на колѣни.

— Встаньте, встаньте, — сказалъ исправникъ надтреснутымъ голосомъ.—Я по совѣсти долженъ сказать, что ничего тутъ сдѣлать не могу, потому что все дѣло, кажется, сдѣлано по закону (онъ усмѣхнулся)... Но я вотъ-что попытаю: на будущей недѣлѣ пріѣду къ вамъ въ село и поговорю съ вашимъ племянникомъ. Усовѣстить-то его врядъ ли удастся, а можетъ быть, случится... Такъ идите съ Богомъ и ждите меня, все, что смогу сдѣлать— сдѣлаю. Идите пожалуйста, а то у меня дѣла много.

Я потомъ стороной услышалъ, что племянникъ отъ дома не

отказался, но выдалъ отъ себя росписку уплачивать теткѣ ежемѣсячно по три рубля. Немного сдѣлало заступничество исправника, да и это случилось только благодаря какимъ-то воскреснимъ счетамъ племянника съ полиціей...

Одна изъ пригородныхъ слободъ, Воробьевка, почти не занимается хлѣбопашествомъ, такъ какъ всѣ жители ея промышляютъ въ городѣ каменьщиками, штукатурами, малярами и проч. Большая часть надѣльной земли, что-то около двухъ тысячъ десятинъ, была сдана лѣтъ восемь тому назадъ одному изъ Воробьевскихъ міроѣдовъ по четыре рубля за десятину на двѣнадцать лѣтъ, причемъ на обязанности съемщика лежали,—какъ ремонтъ сельскаго запаснаго магазина, такъ и пополненіе хлѣбныхъ запасовъ до законнаго количества; кромѣ того, онъ же долженъ былъ на свой счетъ содержать трехъ полицейскихъ десятскихъ; за всѣмъ этимъ, ловкій міроѣдъ получалъ ежегодно отъ арендуемой имъ земли чуть ли не рубль на рубль барыша, такъ какъ сдавалъ подъ озимое по 16—18 руб., а подъ яровое по 14—15 рублей за десятину. Но этимъ онъ не довольствовался и выгадывалъ еще на томъ, что имѣлъ въ „общественномъ" магазинѣ только микроскопическую долю законнаго количества хлѣба, да и то затхлаго, никуда негоднаго; въ десятскіе же онъ набиралъ увѣчныхъ, глухихъ стариковъ, которымъ и платилъ рубля полтора въ мѣсяцъ жалованья... Бѣльскій узналъ, что арендаторъ этотъ, не дожидаясь окончанія аренднаго срока, хочетъ заблаговременно вновь снять на нѣсколько лѣтъ мірскую землю и хищничать, такимъ образомъ, по прежнему; онъ самъ разсказывалъ про свою попытку разстроить планы арендатора.

— Пріѣзжаю я въ Воробьевку въ тотъ самый день, когда сходъ долженъ былъ собираться: народу ужъ было порядочно. Беру съ собой старосту и приглашаю всѣхъ, кто желаетъ, идти за мной: пошло человѣкъ болѣе полусотни. Ведите меня, говорю, къ вашему хлѣбному магазину. Привели. Крыльцо развалилось, навѣсъ надъ нимъ вотъ-вотъ упадетъ. Кто у васъ долженъ чинить магазинъ? спрашиваю.

— Арендатель Грачевъ,—отвѣчаютъ.

— Смотритель магазина тутъ? спрашиваю.

— Смотритель померши съ полъ-года, а новаго еще не выбирали,—отвѣчаетъ староста.—Ежели угодно-съ, ключъ отъ гамазеи у меня.

— Отворяй.

Отперъ; вошелъ я. Полъ прогниваетъ, закрома пусты, только въ одномъ какъ бы для виду лежитъ четвертей, примѣрно, трид-

цать какой-то трухи. Это что такое? говорю. Рожь, — докладываетъ староста. Ну-ка, возьми горсть. Взялъ онъ и въ смущеніи пересыпаетъ ее съ ладони на ладонь.—Много-ли ревизскихъ душъ въ вашей Воробьевкѣ?

— Подъ тысячу будетъ...

— Ну, ладно,—говорю,—а много-ли тутъ этой трухи? Вѣдь и тридцати четвертей не наберется? Гдѣ же „подъ тысячу" четвертей хорошаго хлѣба и пятьсотъ чистаго овса?.. Отчего ты, староста, не собираешь хлѣбъ? Вѣдь ты виноватъ будешь,—я тебя подъ арестъ возьму.

— Я не виноватъ,—отвѣчаетъ онъ,—это арендателя дѣло полностью содержать магазины; у насъ и контрахтъ на это есть.

— А для чего у тебя сходка собирается?—спрашиваю я, будто ничего не знаю.

Онъ замялся, но при повтореніи вопроса объяснилъ, что все тотъ-же „арендатель" хочетъ новый „контрахтъ" на 12 лѣтъ дѣлать, хотя и старому еще два года до срока остается; на новый срокъ онъ прибавляетъ рубль на десятину. Я вернулся въ волость и думалъ объясниться съ самимъ арендаторомъ, но онъ не являлся, узнавъ, вѣроятно, о моей ревизіи магазина. Мнѣ нельзя было долго оставаться, такъ какъ у меня были неотложныя дѣла въ городѣ, и я рѣшилъ потолковать съ обществомъ, чтобы раскрыть ему глаза на денной грабежъ, практикуемый Грачевымъ. Касаться размѣра арендной платы, т.-е. нарушать „свободу договора", я не имѣлъ права, и поэтому ограничился указаніемъ въ предѣлахъ своей компетенціи на неисполненіе Грачевымъ контракта, т.-е. на разрушающійся, пустой хлѣбный магазинъ. Я совѣтовалъ сходу передъ заключеніемъ новаго контракта обязать Грячева исполнить всѣ пункты стараго. Меня слушали со вниманіемъ, соглашались со всѣми моими доводами, поддакивали и, наконецъ, объявили, что Грачеву земли на новый срокъ совсѣмъ не сдадутъ. Я предложилъ старостѣ составить объ этомъ рѣшеніи общества приговоръ и уѣхалъ въ полной надеждѣ, что все сдѣлается къ лучшему... Черезъ два мѣсяца нечаянно узнаю, что Грачевъ вновь снялъ всю землю на девять лѣтъ, прибавивъ лишь по четвертаку къ пяти рублямъ за десятину, т.-е. къ цѣнѣ, которую онъ давалъ прежде, и выставивъ нѣсколько лишнихъ ведеръ водки для схода и приличное угощеніе въ трактирѣ для избранныхъ... Такъ труды мои и пропали почти даромъ. Но я все-таки помаленьку допекаю этого господина: всѣхъ десятскихъ инвалидовъ его я забраковалъ, велѣвъ нанять новыхъ, помоложе;

магазинъ заставилъ починить, а о недостачѣ хлѣба сообщилъ въ земскую управу... Да врядъ-ли что изъ этого выйдетъ.

Отдержавъ годъ арендуемую землю, наши Кочетовскіе міроѣды не стали снимать ее на новый срокъ, боясь передѣла. Съ своей стороны, Моисѣичъ сдержалъ данное мнѣ слово: онъ сталъ ревностно пропагандировать необходимость передѣла и изъ противника сталъ моимъ сторонникомъ.

— Теперь все на чеку; никто супротивничать не станетъ, побоятся,—какъ бы не вышло чего худого. А все-таки лучше было бы, если-бъ кто изъ начальства пріѣхалъ на сходъ; тогда дѣло рѣшилось бы въ разъ, безъ всякихъ споровъ,—говорилъ мнѣ Моисѣичъ.

Пообсудивъ съ нимъ этотъ вопросъ, я рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ исправнику, который, какъ я надѣялся, съ полной охотой возьмется за такое дѣло, а, взявшись, съумѣетъ выполнить его. Внутренно скорбя о печальной необходимости обращаться къ полиціи за содѣйствіемъ возстановленію подавленныхъ общинныхъ традицій, я изложилъ исправнику обстоятельства этого дѣла, и онъ съ перваго же слова согласился пріѣхать въ Кочетово къ назначенному дню и, при аттрибутахъ своей власти, разсѣять заблужденіе относительно царскихъ писемъ.

Онъ пріѣхалъ довольно рано, когда не весь еще народъ былъ въ сборѣ. Сидя въ „присутственной“ комнатѣ волостного правленія, онъ пилъ чай и разспрашивалъ о волостныхъ порядкахъ, о жизненныхъ условіяхъ въ деревнѣ, о моей прежней жизни, о причинахъ, заставившихъ меня промѣнять комфортабельную городскую жизнь на презрѣнную должность писаря. Въ его разспросахъ не было никакой задней мысли, и я ему совершенно свободно разсказывалъ, что̀ и какъ я дѣлаю и думаю дѣлать. Онъ со вниманіемъ слушалъ.

— Да,—сказалъ онъ, — вы дѣлаете хорошее дѣло: примите мое увѣреніе въ полномъ къ вамъ уваженіи. Я самъ родился въ деревнѣ и въ деревнѣ выросъ; я обученъ на мѣдныя деньги, но съ чистымъ сердцемъ могу сказать, что никогда отъ деревни не отшатывался, и что интересы деревни мнѣ также близки и понятны теперь, какъ и въ молодые годы. Я служу, какъ видите, въ исправникахъ, но все, что̀ могу сдѣлать полезнаго, или какъ человѣкъ, или какъ исправникъ, дѣлаю по мѣрѣ своего умѣнія.

— Степанъ Васильевичъ,—замѣтилъ я,—васъ ловлю на словѣ. Я приготовилъ тутъ нѣсколько человѣкъ, которые желали бы съ вами поговорить о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. .

— Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, впускайте ихъ! Я все радъ сдѣлать, что могу,—и онъ наскоро сталъ доѣдать кусокъ булки, запивая ее чаемъ.

Первымъ вошелъ Угольскій староста, которому я нарочно далъ знать, чтобы онъ пріѣхалъ къ этому дню въ волость. Нѣсколько словъ о немъ. Ему всего 30 лѣтъ; онъ женатъ, дѣтей не имѣетъ и, такимъ образомъ, вся семья его состоитъ изъ него и жены, бабы смирной и работящей. Хозяйство у него небольшое, лошади нѣтъ, изба крошечная, но, благодаря тому, что онъ искусный столяръ и что кормить ему приходится только жену, онъ живетъ вполнѣ безбѣдно, допуская даже такую роскошь въ крестьянскомъ быту для этой мѣстности,—какъ ежедневное чаепитіе. Обезпеченный своимъ мастерствомъ въ матеріальномъ отношеніи, и обладая отъ природы недюжиннымъ умомъ и стойкимъ характеромъ, онъ держалъ себя въ обществѣ самостоятельно, не подлизываясь и не угождая богатымъ кулакамъ-міроѣдамъ, которыхъ въ Угольскомъ, какъ и въ каждомъ большомъ селѣ, былъ непочатой уголъ, и часто даже прямо вредилъ ихъ интересамъ. Это ихъ обозлило, и они подбили общество выбрать его въ старостà,—противно деревенскимъ обычаямъ,—въ старостà одиночекъ не становить; сдѣлано же это было въ надеждѣ, что онъ испугается тяжелой должности и связанной съ нею отвѣтственности, побоится перспективы забросить свой домъ, перестать столярничать и, такимъ ооразомъ, обнищать; думали, что онъ смирится и запроситъ пощады, а можетъ быть, предполагалось подвести его подъ какую-нибудь уголовщину, чтобы окончательно угомонить... Но ожиданія міроѣдовъ не сбылись. Селивановъ отъ должности не отказался, пощады не запросилъ, обязанности старосты отправлялъ отлично, самостоятельно расправлялся съ виновными, поколачивая ихъ „для острастки“ своимъ бадигомъ, работалъ на верстакѣ по вечерамъ при огнѣ и продолжалъ попивать чаи съ своей супругой; мірскія дѣла всѣ сразу забралъ въ свои руки, и міроѣды попали, такимъ образомъ, изъ огня да въ полымя... Впрочемъ, пусть онъ самъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ столкновеній съ деревенскими хищниками.

— Какое у васъ дѣло? — спросилъ его исправникъ.

— Да вотъ, ваше б-діе, съ богачами нашими немножко не поладилъ, да и сумлѣніе беретъ, не дюже ли круто завернулъ? —нисколько не робѣя передъ начальствомъ отвѣчалъ Селивановъ. —Они мнѣ все Сибирью грозятся, а Ал. Н. и послали меня къ вашей милости...

— Разсказывайте, разсказывайте, въ чемъ у васъ было дѣло?

— Изволите видѣть,—олёхъ у насъ есть почитай-что завѣтный, тридцатилѣтній, крупный, на избы годится. Дали мы приговоръ срубить изъ него четыре десятины,—для себя, значить. Ладно; а думают у насъ землю подѣлить осенью, если Кочетовскіе подѣлятъ. Такъ одинъ изъ богачевъ и сталъ вдругъ на сходѣ говорить: на какія, молъ, души лѣсъ-отъ дѣлить будемъ — на старыя, аль на новыя? Сказалъ онъ это слово и бунтъ у насъ поднялся страшенный... Иные, кто понимаетъ, что это пустой разговоръ, молчатъ, а бѣднота и надрывается: кто свое, а кто свое тянетъ. Ну, я ихъ маленько сообразилъ, говорю, что не дозволю на новыя души дѣлить, потому и землю еще не подѣлили и приговора еще нѣтъ на это дѣло; да и то сказать: не гоже лѣсъ, тридцать лѣтъ нами и отцами нашими береженный, за который уйма денегъ въ казну переплачено, вчера народившимся сопликамъ въ надѣлъ давать. Самъ это я говорю, а самъ про себя мекаю: къ чему это Гаврило Иванычъ эту смуту затѣялъ, —вѣдь не спуста же, а къ чему нибудь да гнетъ... Только выходитъ тутъ нашъ же общественникъ,—кабакомъ занимается,— Никита Петровичъ, и говоритъ этто обществу: „старички! такъ и такъ,—для чего смуту имѣть и другъ на друга обижаться; не лучше ли богоудное дѣло сдѣлать и лѣсокъ этотъ самый на церковь пожертвовать? Церковь, молъ, у насъ безъ ограды стоитъ, мы ограду и соорудимъ во славу Божію“... Ну-съ, таперь-то ужъ я понялъ, что̀ и ка̀къ,—потому Гаврило Иванычъ съ Никитой Петровичемъ всегда одно дѣло орудуютъ сообща; наши же мужики и рты поразинули: и лѣсу-то жалко и, къ примѣру сказать, церковь Божія... А Никита Петровичъ сейчасъ ведро водки отъ себя, отъ усердія, значитъ: кушайте, молъ, старички, на здоровье, да ограду и вспрыснемте. Пить-то, почитай, всѣ пили,—у насъ хоть отъ самаго чорта и то не побрезгуютъ, лишь бы поднесъ,—а вижу, что многіе и въ мысляхъ не имѣютъ лѣсъ отдавать. Я и говорю: старички! А если мы такое дѣло задумали, вѣдь намъ старателя надо, чтобы онъ могъ все это произвесть, —и лѣсъ продать, и ограду соорудить? „Извѣстно, надо!“ кричитъ Гаврило Иванычъ. Такъ кого же выбрать? — спрашиваю. Давайте, Игната выберемъ?—„Куда ему, онъ ужъ старъ дюже“, —говоритъ опять Гаврило Иванычъ.—Ну, Дениса!.. кричатъ изъ толпы. „У Дениса семья большая, отяготительно ему будетъ“,— бракуетъ опять Гаврило Иванычъ.—Что-жъ,—говорю,—старички, видно у насъ въ обществѣ лучше Гаврилы Иваныча и Никиты Петровича народу нѣтъ, такъ давайте ихъ и выберемъ! А они это сейчасъ и размякли: „мы, говорятъ, не прочь на храмъ Бо-

жій порадѣть, и еще обществу отъ себя ведро жертвуемъ". — Ладно, говорю, это ваше дѣло, а вотъ я только объявляю, кто-жъ у насъ лѣсъ купитъ? „У насъ ужъ покупщикъ есть, — говорятъ новые старатели:—батюшка отецъ Никита согласіе свое даетъ"... А батюшка-то нашъ лѣсомъ занимается и большую торговлю ведетъ. Этакъ я несогласенъ,—говорю я,—поторопились вы маленько покупщика-то искать; а по моему надо торги назначить, окрестныхъ покупщиковъ оповѣстить, и кто дороже дастъ, тому и продать; а продавши, деньги въ банкъ положить. „Уменъ ты,—говоритъ Никита Петровичъ,—а какъ же строить-то будемъ, коли деньги въ банкѣ лежать будутъ?"—Да вотъ какъ: нужно вамъ, скажемъ, сто рублей, мнѣ скажите, я вамъ достовѣреніе дамъ,— вы деньги изъ банка получите, что нужно купите, да счетъ мнѣ и представите!.. „Какъ, ты насъ на роспискахъ держать хочешь? Довѣрія намъ нѣтъ?" кричатъ они.—А вы что-жъ меня за мальчика, говорю, считаете? И лѣсъ взять хотите, и деньги у себя держать?.. Умны вы дюже, посмотрю!.. Нѣтъ вамъ никакого лѣса, нѣтъ и приговора! Кто свою долю хочетъ жертвовать, жертвуй —хоть лѣсъ, хоть корову, хоть жену съ дѣтьми, а я заказываю общественной ни вѣтки не давать,—жалуйся на меня, кто хочетъ. На томъ я и ушелъ. Они тамъ, батюшки мои, чуть съ рычагами за мной не погнались: какъ же, два ведра поднесли и задарма!..

— Такъ вы объ этомъ-то дѣлѣ сомнѣваетесь? — спросилъ, улыбаясь, исправникъ.

— Нѣтъ-съ еще, не объ этомъ. Вотъ дня черезъ два я оповѣстилъ лѣсъ рубить. Вышло насъ на работу человѣкъ восемьдесятъ. Вдругъ, слышимъ, у насъ въ селѣ набатъ... Что такое?.. Побросали мы топоры, — думаемъ ужъ не пожаръ ли?.. Дыму, однако, не видать. А тутъ прибѣгаетъ церковный сторожъ и говоритъ, что батюшка о. Никита требуетъ меня въ караулку; я ему на это говорю, что теперь я дѣломъ занятъ и что въ караулку мнѣ нечего ходить, а что есть у насъ сельская сборня, туда батюшка можетъ вечеромъ придти, коли у него дѣло до меня есть. Гляжу, черезъ полчаса и самъ батюшка въ лѣсъ пожаловали... „Ты что это, антихристъ,—говоритъ — дѣлаешь?" Батюшка,—говорю, —я не антихристъ, а староста, и прошу васъ не оскорблять меня, потому я этого не попущу; а дѣлаю я — сами изволите видѣть что: лѣсъ общественный дѣлимъ и рубимъ. „Да какъ же ты смѣешь! вѣдь онъ на церковь пожертствованъ?" Нѣтъ, говорю, никто его не жертствовалъ, а вотъ какъ срубимъ, да подѣлимъ по душамъ, тогда всякъ свою часть воленъ хоть

куда хошь дѣвать. А зачѣмъ изволили вы въ набатъ бить, народъ пужать?.. „Анаѳема,—говоритъ,—ты церковь грабишь“.. Ну, я тутъ топоръ бросилъ, да медаль на себя и одѣлъ.—Повторите, говорю, батюшка, что сказали?.. Онъ замолчалъ, только погрозился: помни же, говоритъ,—и ушелъ. А потомъ слышу, похваляется, что непремѣнно въ Сибирь меня загонитъ... Извѣстно, онъ человѣкъ ученый, всѣ законы знаетъ, а я что знаю? И взяло меня сумлѣніе, ваше б-діе,—не буду я за это въ отвѣтѣ?..

— Вы мнѣ все разсказали, какъ было?

— Все, какъ было.

— По сущей совѣсти, ничего не утаили?

— Вотъ же ей-Богу, все какъ есть!..

— Такъ васъ не въ Сибирь, а благодарить васъ за полезную вашу дѣятельность надо; вы поступали и по совѣсти, и по закону. А батюшка самъ неправъ, въ набатъ не слѣдовало бить; да для чего же онъ билъ?..

— Кто его знаетъ! Видно, „своихъ“ сзывать, на помощь, значитъ,—лѣсъ намъ не давать рубить. Да они никто не пошли, потому мало ихъ, — человѣкъ пятнадцать, а насъ безъ малаго сотня.

— Какъ звать вашего батюшку? Котораго числа и въ какомъ часу били въ набатъ?.. сталъ задавать исправникъ вопросы. — Хорошо, идите. Я поручу приставу произвести объ этомъ дознаніе, и если заявленіе ваше подтвердится, то я буду просить преосвященнаго разъяснить вашему черезъ-чуръ рьяному къ церковнымъ интересамъ батюшкѣ, въ какихъ именно случаяхъ полагается бить въ набатъ.

Послѣ старосты вошли два мужика: одинъ—высокій, худощавый, угрюмый старикъ; другой—молодой еще, юркій, съ плутовскимъ лицомъ. Это были „ходоки“, повѣренные одного бывшаго господскаго сельскаго общества; они уже неоднократно приставали ко мнѣ, заставляли рыться въ архивѣ, давать имъ разныя „скопіи“, справки, писать приговоры и проч., и вотъ по какому поводу. Семь человѣкъ изъ ихъ господскихъ дворовыхъ людей пошли за нихъ на военную службу, причемъ послуги были обществу зачтены; когда же отставные солдатики вернулись со службы послѣ 1861 г., то надѣла у нихъ въ родномъ селѣ не оказалось, дворни уже не было, и приходилось измышлять себѣ средства къ существованію; за нихъ заступился тогдашній посредникъ и, въ силу своей диктаторской власти, приказалъ обществу нарѣзать имъ земли. Общество пожалось и выдѣлило солдатамъ по полоскѣ. Прошло около двадцати лѣтъ; земля вздорожала въ десять разъ

и крестьяне стали съ алчностью смотрѣть на душевые надѣлы солдатъ изъ дворовыхъ людей, т.-е. изъ лицъ, не имѣющихъ права на полученіе отъ общества надѣла. Теперь общество это отъ кого-то прослышало, что солдаты ихъ неправильно владѣютъ землею, потому-де на нихъ отъ господъ земли не нарѣзано; глаза у мужиковъ и разгорѣлись: пять душевыхъ надѣловъ (двое солдатъ къ этому времени ужъ умерли и надѣлы ихъ вернулись въ общество), это по крайней мѣрѣ—сто двадцать рублей въ годъ одной аренды!.. Кусокъ черезъ-чуръ лакомый, чтобы не попытаться его ухватить. Немедленно выбрали двухъ повѣренныхъ — старшаго, Дубинина, испытаннаго кряжа, вынесшаго не одну тысячу лозановъ, и младшаго, Капустина, не битаго, но умственнаго пролазу. Сначала общество хотѣло просто отобрать у солдатъ ихъ надѣлы и потомъ уже, по ихъ выраженію, судиться съ ними, но я ихъ напугалъ, что они за своевольство въ отвѣтѣ будутъ, и что имъ слѣдуетъ сначала допытаться, — въ правѣ ли они это сдѣлать,—у уѣзднаго присутствія; въ увѣренности же, что лучше исправника никто не столкуется съ ними, я и направилъ ихъ къ нему.

Съ этими ходоками исправникъ долго протолковалъ: сначала выслушалъ ихъ, потомъ сталъ усовѣщивать. Онъ указывалъ имъ, что отъ крестьянъ отошло къ солдатамъ не болѣе чѣмъ по сажени земли съ души, что это такая малость, о которой и говорить не стоитъ, что солдаты эти старики и скоро перемрутъ, и тогда надѣлы ихъ безъ всякихъ хлопотъ вернутся въ общество; что обижать служившихъ за нихъ людей, все несчастіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они принадлежали по волѣ барина къ дворнѣ—грѣхъ, и что обидя стариковъ, они будутъ виноваты и передъ закономъ, и передъ своей совѣстью... До сихъ поръ съ исправникомъ говорилъ только младшій ходокъ, Капустинъ; старшій же угрюмо молчалъ, но тутъ заговорилъ.

— Душевно изволите говорить, ваше б-діе, хорошо васъ и послухать; да что съ обществомъ подѣлаешь, коли оно какъ одинъ человѣкъ порѣшило... Опять, ваше б-діе, солдаты эти не нищіе: только двое у насъ въ селѣ живутъ и землю пашутъ, да табакомъ занимаются; а прочіе кто гдѣ... Одинъ въ кабакѣ сидитъ, прочіе на чугункѣ въ сторожахъ, али въ лѣсу въ караульщикахъ,—доподлинно не знаю; они и землю-то нашу кровную въ глаза не видятъ, а намъ же ее сдаютъ кажегодно, да верхи берутъ. Ну, и стало намъ обидно за свою же землю имъ деньги платить, а они возьми, да чужому дядѣ изъ другого села и сдай; это ужъ вовсе не въ порядкѣ...

Прошло нѣсколько минутъ въ тяжеломъ молчаніи; ходоки глубоко вздыхали.

— Ну, старики, я не вѣрю и не хочу вѣрить, чтобы правда на небо ушла; я убѣжденъ, что въ міру есть еще совѣсть. Если ужъ все общество ваше находитъ, что солдаты эти неправильно пользуются землей, то дѣлать нечего—хлопочите, чтобы законнымъ порядкомъ признали эту неправильность. А мое вамъ последнее слово, напрасно вы изъ такой малости людей собираетесь обижать; съ міру пониткѣ, голому рубаха; вы же только водки больше попьете... Ступайте!

Стали являться новые просители: одинъ жаловался, что его неправильно въ сотскіе выбрали, другой просилъ оставить у него на порукахъ приставшую къ нему лошадь, какая-то старуха пришла жаловаться на своего зятя, что онъ ей хлѣба не даетъ, со свѣту сживаетъ... Со всѣми исправникъ радушно говорилъ, всѣхъ удовлетворилъ, насколько могъ. Я слушалъ его и думалъ: сколько горя на Руси, сколько мелкихъ бѣдъ и недоразумѣній было бы устранено, еслибы имѣлось побольше такихъ честныхъ, преданныхъ своему дѣлу служакъ, каковъ исправникъ Бѣльскій...

Какъ я ужъ упоминалъ, со вступленіемъ его на должность измѣнился къ лучшему составъ становыхъ приставовъ и, насколько вообще возможно, составъ урядниковъ. До Бѣльскаго завѣдывали станомъ, въ составъ котораго входила наша волость, двое другъ друга замѣстившихъ становыхъ, оба преинтересныя, въ своемъ родѣ, личности. Первый, Коневъ, имѣлъ страсть разъѣзжать по питейнымъ заведеніямъ и „бѣлымъ харчевнямъ"; пріѣхавъ же, начиналъ придираться съ какими-нибудь пустяками къ хозяину. Происходила сцена въ родѣ слѣдующей.

— Отчего у тебя, другъ мой, паутина на полкѣ?.. Развѣ ты не знаешь, что въ законѣ сказано?.. „Содержатель заведенія имѣетъ наблюденіе; дабы посуда была чиста"... Такъ-то, братецъ. А какъ же она можетъ быть чиста, когда вокругъ пыль, паутина, грязь, — ужасъ, ужасъ!.. Нѣтъ, другъ мой, сердись не сердись, а актецъ я на тебя напишу: нельзя, не я, а законъ того требуетъ!.. Понимаешь, законъ!

Содержатель ни мало не смущается перспективой составленія „актеца", ибо по опыту зналъ, къ чему это ведетъ. Онъ шопотомъ приказывалъ женѣ или служащему приготовить закусочку и поставить самоваръ, а затѣмъ звалъ начальство за перегородку: „Вамъ тамъ удобнѣе писать будетъ, ваше б-діе, пожалуйте". Слѣдовала выпивка, затѣмъ назначалась цѣна несоставленному „актецу": иногда, при большомъ финансовомъ разстройствѣ въ

дѣлахъ станового, брался четвертной билетъ, иногда же дѣло ограничивалось пятишницей и даже трюшницей. Собираясь уѣзжать, Коневъ цѣловался съ радушнымъ хозяиномъ и приговаривалъ: „да смотри, чтобъ намъ друзьями оставаться, чтобъ обиды на меня никакой,—ни-ни!..“

Такъ держалъ Коневъ бразды правленія лѣтъ пять, но наконецъ сорвалось, — и какъ еще сорвалось! Пріѣхалъ онъ въ одно село для сбора податей, заставилъ гнать народъ въ сборню и при себѣ приказалъ сборщику принимать деньги. Принимали и набрали цѣлую пачку; Коневъ протянулъ къ ней свою лапу со словами: „дай-ка, я пересчитаю,—ты вѣдь, мужиковина, и считать не умѣешь!“ Сталъ считать,—и вдругъ пятишницы не оказывается. „Ты, видно, обчелся, — говоритъ онъ сборщику,— тутъ не 187, а только 182 рубля“. Сборщикъ сталъ шарить по лавкѣ и подъ столомъ, разыскивая исчезнувшую ассигнацію, какъ вдругъ одинъ изъ стоявшихъ у стола мужиковъ протягиваетъ—о, дерзость!—свою грязную лапу къ форменному обшлагу станового и говоритъ сборщику: „да ты, дядя Митряй, вотъ гдѣ поищи пятишницу-то, а то чтó зря подъ столомъ смотрѣть“... Всеобщій хохотъ!.. Сборщикъ торжественно вытаскиваетъ изъ обшлага пятишницу, одинъ уголъ которой предательски торчалъ наружу. Коневъ въ смущеніи за неудавшійся фокусъ и старается оправдаться, говоря, что онъ захотѣлъ испытать сборщика, что нарочно спряталъ „на время“ бумажку; но ему не вѣрятъ: подымается хохотъ, насмѣшки градомъ сыплются на сконфуженнаго начальника, слышатся даже возгласы: куроцапъ, разбойникъ... Ему ничего не оставалось, какъ сѣвши въ сани удариться въ бѣгство. Дѣло дошло до начальства, и неловкій фокусникъ, во избѣжаніе скандала, былъ уволенъ въ отставку.

Его мѣсто занялъ нѣкто Псаревскій. Этотъ къ кабатчикамъ не ѣздилъ, пятишницъ не таскалъ, водки не пилъ, но былъ жестокъ и на руку, и на слова. Ругался онъ художественно, а встрепки, волосянки тожъ, задавалъ настолько мастерски, что знатоки въ этомъ дѣлѣ, всю жизнь получавшіе начальническіе зуботычины и побои съ окровавленіемъ и безъ онаго, только руками разводили: „ну, и мастакъ же драться, ловокъ, шутъ-те возьми! Дня два въ головѣ звонъ стоялъ,—такъ по щекамъ отдулъ лихо и по всѣмъ угламъ избы за виски таскалъ, а ни одного синяка нѣтъ тебѣ на всемъ тѣлѣ,—никто и не повѣритъ, что билъ!“ Этотъ Псаревскій былъ большой любитель до „скромнаго“ и не упускалъ ни одного случая, чтобы не позубоскалить съ пришедшей къ нему по дѣлу бабой или дѣвкой. Циникъ

онъ былъ ужасный, и одинъ изъ его безнравственныхъ поступковъ и былъ причиной его перевода въ другой уѣздъ.

Во время лѣтнихъ работъ, когда всѣ мужики были на полѣ, въ одну изъ небольшихъ деревушекъ верстъ за двадцать отъ Кочетова, въ богатый домъ зашли три цыганки съ предложеніемъ бабамъ поворожить. Предложеніе, конечно, принято, потому что нѣтъ на свѣтѣ болѣе любопытнаго и падкаго на всякія шарлатанства существа, какъ деревенская баба,—и покуда двѣ старыя цыганки ворожили, третья, молодая дѣвушка, вышла будто на дворъ, да изъ незапертой клѣтки утащила сундучекъ съ деньгами—около тысячи рублей. По всей вѣроятности, существованіе этого сундучка было заранѣе извѣстно ворамъ, потому что на задворкахъ стояли повозки съ ожидавшими ихъ прочими цыганами; молодая цыганка передала сундучекъ одному изъ сообщниковъ, а сама успѣла вернуться въ избу, гдѣ товарки ея продолжали разсказывать разныя небылицы глупымъ бабамъ. Наконецъ, попрощались, получили за ворожбу пятокъ яицъ и ушли, какъ-будто къ сосѣдямъ, а на самомъ дѣлѣ бросились къ ожидавшимъ повозкамъ и маршъ проселками на Кочетово. На этотъ разъ, однако, разсчетъ цыганокъ не удался: они надѣялись, что сундучка хватятся только развѣ мужики по возвращеніи съ поля, вышло же иначе: одна изъ бабъ вошла въ клѣть за какимъ-то дѣломъ тотчасъ послѣ ухода цыганокъ и нечаянно замѣтила отсутствіе сундучка. Съ воемъ и плачемъ кинулась она въ избу, а потомъ всѣ вмѣстѣ въ поле, гдѣ работали мужики; на счастье поле было недалеко. Мужики, узнавъ, въ чемъ дѣло, вскочили на коней и пустились разными дорогами въ погоню. Подъ Кочетовымъ одному изъ нихъ удалось почти-что нагнать уѣзжавшія отъ него вскачь повозки, но лошадь его стала приставать; тогда онъ принялся кричать „караулъ". Народъ, бывшій на полѣ, сообразилъ, въ чемъ дѣло, образовалась новая погоня, и цыгане были пойманы въ верстѣ отъ Кочетова. Произошелъ ужасный народный самосудъ: цыганъ били и кулаками, и палками, и кнутомъ; обѣ повозки были перерыты, но дорогого сундучка въ нихъ не нашлось; опять били, опять искали, и такъ до трехъ разъ: цыгане стоически переносили мученія; наконецъ, ихъ повезли въ волость. Народу собралось человѣкъ пятьсотъ; можно было ежеминутно ожидать, что толпа доканаетъ своихъ исконныхъ враговъ-конокрадовъ, разорвавъ ихъ въ клочки... Пошли допросы, обыски; цыганъ, въ числѣ девяти человѣкъ, заперли для ихъ безопасности въ арестантскую; за становымъ послали нарочнаго. Пріѣхавъ, онъ вновь перерылъ всѣ вещи, но сундучка или сколько-

нибудь значительной суммы денегъ не нашелъ. Вотъ тутъ Псаревскій и отличился: молоденькую, хорошенькую цыганку, главную виновницу кражи, онъ приказалъ подробнѣйшимъ образомъ обыскать, а для лучшаго успѣха—раздѣть ее до-нага, что̀ и было исполнено десятскими тутъ же на глазахъ у собравшейся толпы не менѣе ста человѣкъ. Во время „обыска“ Псаревскій плотоядно облизывался, да и толпа чувствовала себя неспокойно,—животные инстинкты разыгрывались, не смотря на жалобные стоны и слезы цыганочки... (Считаю необходимымъ объяснить, что я пишу со словъ очевидцевъ; самого же меня при всей этой исторіи не было: я былъ въ отъѣздѣ „по дѣламъ службы“). Денегъ, конечно, при ней найдено не было, да и врядъ ли ихъ искалъ Псаревскій: вѣрнѣе всего онъ не хотѣлъ упустить удобнаго случая доставить себѣ безнаказанно рѣдкое удовольствіе... Что же касается пропавшихъ денегъ, то дѣло было такъ: цыгане по дорогѣ взломали сундукъ и бросили его въ логъ, а, при видѣ погони, одинъ изъ нихъ ускакалъ верхомъ на пристяжной другой дорогой, увозя съ собой деньги, такъ что погоня гналась по ложному слѣду. Ускакавшій цыганъ такъ и остался не разысканнымъ и ужъ, конечно, не выданнымъ своими сообщниками, упорно отрицавшими даже самый фактъ таинственнаго исчезновенія одного члена изъ табора и одной пристяжной лошади... Дѣло же о черезъ-чуръ строгомъ и публичномъ обыскѣ молодой цыганки получило нѣкоторую огласку, и Псаревскій проживаетъ теперь въ другомъ уѣздѣ, завѣдывая, въ наказаніе, огромнымъ, разбросаннымъ на полсотни верстъ станомъ.

А то, по сосѣдству, былъ и такой становой, котораго раза два поджигали, и которому пришлось какъ-то прыгать изъ окошка волостного правленія вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, писаремъ, утекая отъ бушевавшихъ крестьянъ; „бунтъ“ же этотъ произошелъ по тому обстоятельству, что становой вмѣстѣ съ писаремъ сняли у пяти-шести міроѣдовъ мірской лужокъ подъ сѣнокосъ рублей за пятнадцать (точныхъ цифръ не помню), въ то время какъ онъ стоилъ втрое дороже; собравшаяся сходка объ этомъ узнала, вознегодовала и пошла шумѣть, требуя къ себѣ на отвѣтъ черезъ-чуръ невыгодныхъ съемщиковъ, а тѣ предпочли улепетнуть черезъ окно... Этотъ становой также переведенъ въ другой уѣздъ, правда, съ повышеніемъ за долголѣтнюю полезную службу.

Теперь у насъ становымъ добродушнѣйшій старичекъ, никому зла не дѣлающій... виноватъ, — страшный злодѣй для своихъ собесѣдниковъ. Дѣло въ томъ, что старичекъ считаетъ себя ком-

петентнымъ лицомъ рѣшительно по всѣмъ отраслямъ знанія и вопросамъ жизни. Онъ одинаково легко и усыпительно разсуждаетъ о политикѣ Гладстона и о приготовленіи малороссійскихъ вареников, о финансовомъ кризисѣ въ Россіи и о воздушныхъ шарахъ, о соціалистахъ и—и о чемъ угодно. Ни разу не случалось за двухъ-лѣтнее наше знакомство, чтобы старичекъ сказалъ „не знаю", или замолчалъ бы по собственному побужденію, когда въ одной комнатѣ съ нимъ былъ хоть кто-нибудь, достойный быть его собесѣдникомъ. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ волость и, расположившись на отдыхъ, приглашалъ меня принять участіе въ чаепитіи, я усердно курилъ папиросы, думалъ свои думы, и изрѣдка—такъ минутъ черезъ пять,—говорилъ „да" или „вотъ какъ!", не заботясь, впопадъ ли говорю, и не зная, къ чему относится мое восклицаніе—къ разсужденіямъ ли о воздушныхъ шарахъ, или къ критикѣ мѣропріятій противъ соціалистовъ; а добродушный хозяинъ безконечно разглагольствуетъ, очень довольный моимъ молчаливымъ вниманіемъ. Поэтому мы съ нимъ были большіе друзья, и лично для меня другого станового не надо было.

Однако, пора возвратиться къ давно прерванному разсказу. За полутора-годовой промежутокъ времени, прошедшій со времени первыхъ сходокъ по поводу передѣла земли и до описываемаго момента, мнѣніе мірянъ объ этомъ предметѣ нѣсколько поизмѣнилось. Многіе, остававшіеся нейтральными относительно рѣшенія этого вопроса, подчинились духу времени и хоть слабо, но стали признавать, что „дѣлать нечего, — видно, супротивъ міра не пойдешь, хоша и убыточно маленько будетъ". Это тѣ домохозяева, у которыхъ количество наличныхъ душъ мужского пола совпадаетъ съ количествомъ ревизскихъ и число надѣловъ не должно было поэтому подвергнуться измѣненію, но самая величина надѣловъ необходимо должна была нѣсколько уменьшиться сравнительно съ размѣромъ прежнихъ надѣловъ на ревизскія души, потому что по ревизіи пахотная земля, принадлежащая обществу, была подѣлена на 1300 душъ, а наличныхъ душъ мужского пола, на которыхъ приходилось нарѣзать ее теперь, оказывалось никакъ не менѣе 1800. Но домохозяева эти помнили, что часть земли, неподѣленной на души и бывшей до сихъ поръ въ общемъ владѣніи сотенъ, сдававшуюся изъ году въ годъ на покрытіе общественныхъ нуждъ и на пропой,—предполагалось нынѣ тоже разверстать на души, такъ что уменьшеніе новаго душевого надѣла должно было произойти не въ пропор-

ціи $\frac{1}{1300} : \frac{1}{1800}$, а нѣсколько меньшей. Съ другой стороны, самые ярые противники передѣла, арендаторы общественныхъ участковъ, отдержавъ свою аренду, отказались отъ новой съемки, и имъ, такимъ образомъ, уже не грозила опасность потерять свою оплаченную впередъ аренду. Словомъ, предсказаніе Ивана Моисѣича, что препятствій къ раздѣлу больше не будетъ, оправдалось; если и было человѣкъ сорокъ домохозяевъ, которымъ, вслѣдствіе значительнаго сокращенія числа ихъ надѣльныхъ душъ, передѣлъ былъ прямо невыгоденъ, то они, по малочисленности своей, открыто противорѣчить составившемуся подавляющему большинству не осмѣливались, и многіе изъ нихъ даже не пришли на сходку, созванную по случаю пріѣзда исправника.

Онъ сталъ говорить со сходомъ не съ крыльца, какъ это обыкновенно практиковалось, а войдя въ самую толпу и составивъ изъ нея широкій, такъ называемый казацкій кругъ. Пригласивъ сходъ надѣть шапки, чтó было послѣ нѣкотораго колебанія исполнено, Бѣльскій въ ясныхъ, „хорошихъ“ словахъ разъяснилъ необходимость отъ времени до времени дѣлить землю—во избѣжаніе крайней неравномѣрности въ распредѣленіи ея; между прочимъ онъ указалъ на то обстоятельство, что есть уже молодые солдаты, вернувшіеся съ царской службы домой и не имѣющіе дома ни борозды земли, какъ рожденные послѣ X-ой ревизіи... Толпа слушала съ глубокимъ вниманіемъ; рѣчь исправника была для нея какъ бы выводомъ изъ всѣхъ ея мыслей, споровъ и брани по поводу передѣла; кой-гдѣ слышались вздохи и сочувственныя восклицанія; когда же Бѣльскій, кончивъ говорить, предложилъ всѣмъ желающимъ передѣла земли стать по лѣвую отъ него руку, а не желающимъ—по правую, то ни одного желающаго стоять по правой сторонѣ не оказалось: приговоръ былъ постановленъ единогласно 387 домохозяевами.

У всѣхъ какъ бы тяжелая обуза спала съ плечъ; раздались восклицанія: „Слава Богу, наконецъ-то покончили! Пора ужъ!.. Ну, Господи благослови, въ часъ добрый!.. Покорнѣйше благодаримъ, ваше б-діе, что потрудились изъ-за насъ“... и проч. Бѣльскій ушелъ въ волость, а сходъ занялся выработкой деталей будущаго дѣлежа. Было, между прочимъ, опредѣлено произвести передѣлъ срокомъ на шесть лѣтъ; 1-го сентября этого года опредѣлить количество душъ мужского пола, кои окажутся на лицо, и нарѣзать имъ равные душевые надѣлы, причемъ два поля передѣлить осенью того-же года, въ сентябрѣ или октябрѣ, а третье, которое будетъ засѣяно озимымъ, подѣлить на будущій

годъ, тоже осенью, по снятіи урожая; количество „сотенъ“ оставить то-же, т.-е. восемь, а „десятковъ“ сдѣлать, сколько выйдетъ; вдовамъ, имѣющимъ однихъ дочерей или хотя бы и бездѣтнымъ, но живущимъ самостоятельно, дать по половинѣ душевого надѣла безъ платежа податей и отбыванія повинностей, и проч. Я не буду вдаваться въ подробности производства передѣла, такъ какъ здѣсь меня не интересуетъ самая техника передѣла; но нахожу необходимымъ упомянуть о нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ.

Бобылямъ, о которыхъ я упоминалъ выше, надѣлы были нарѣзаны наравнѣ съ прочими, т.-е. черезполосно, и оставлены въ мірскомъ владѣніи сотенъ до тѣхъ поръ, пока споръ о землѣ не будетъ разрѣшенъ сенатомъ, куда Кочетовское общество апеллировало на рѣшеніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, рѣшившаго, что бобыли, сами отказавшіеся отъ земли, имѣютъ впослѣдствіи право въ каждую данную минуту требовать ее себѣ обратно; на случай же, если и сенатъ рѣшитъ это дѣло въ пользу бобылей [1]), и была устроена черезполосица ихъ надѣловъ съ тою цѣлью, чтобы они не могли свой участокъ сдать цѣликомъ въ постороннія руки, а принуждены были или сами обрабатывать землю, или сдавать ее подесятинно своимъ же однообщественникамъ. Далѣе, не всѣ вдовы получили даровые полунадѣлы: четверымъ изъ нихъ (двумъ „черничкамъ“, одной, имѣющей богатаго зятя, и одной, имѣющей 300 руб. денегъ, положенныхъ въ банкѣ покойнымъ свекромъ на имя ея двухъ дочерей дѣвочекъ) общество отказало въ этихъ полунадѣлахъ, въ виду ихъ относительной обезпеченности въ матеріальномъ отношеніи; прочимъ же восьми вдовамъ, не имѣющимъ никакихъ средствъ къ жизни, даровые полунадѣлы были даны. Всѣ безземельные крестьяне, т.-е. лица, приписавшіяся къ обществу послѣ ревизіи, и владѣвшія земельными надѣлами только на бумагѣ, большею частью по собственному желанію, благодаря малодоходности земли и связаннымъ съ нею повинностямъ,—нынѣ себѣ надѣлъ потребовали, такъ какъ „верхи“ получаются теперь безъ всякаго труда; этимъ господамъ,—аристократіи изъ бывшихъ дворовыхъ людей, всего на одиннадцать душъ,—земля была нарѣзана, но при всеобщемъ неудовольствіи, такъ какъ при припискѣ своей они словесно обѣщали никогда земельнаго надѣла себѣ не брать, и приписывались какъ-бы для одного счета.

---

[1]) Лѣтомъ 1884 г. меня увѣдомили, что сенатъ кассировалъ рѣшеніе губернскаго присутствія, поручивъ разсмотрѣть это дѣло вновь.

Самый дѣлежъ тянулся недѣли три, что неудивительно, если принять во вниманіе, что пахотной земли у Кочетовскаго общества имѣется болѣе 6,000 десятинъ. Каждое утро толпы пѣшихъ и конныхъ крестьянъ человѣкъ въ 20—30,—представители своихъ десятковъ, — отправлялись на поле, вооруженные заступами и саженью въ видѣ циркуля; всѣ имѣли съ собой запасы хлѣба на день. Пахотныя поля Кочетовскія изстари разбиты на столбы, которые при передѣлахъ не измѣнялись, а о владѣніи тѣмъ или другимъ столбомъ бросался между сотнями жеребій. Столбы однако были такъ неравны между собой, что разница между душевыми надѣлами въ той или другой сотнѣ доходила до $^1/_{20}$ десятины и болѣе; дѣло въ томъ, что всѣ столбы предполагались шириной въ 80 саженъ, такъ что при 30 саж., отложенныхъ по длинѣ, и должна бы была получиться казенная десятина въ 2,400 кв. саж.; но столбы имѣли форму неправильную: въ одной сотнѣ на всемъ протяженіи его оказывалось всего 76 с. въ ширину, въ другой, въ началѣ столба — 82 с., а въ концѣ 79 с. и т. п.; но на эти небольшія неточности вниманія не обращалось, и площадь длины въ 30 с., отложенныхъ по ребру столба, какова бы ни была его ширина, считалась за десятину. Крестьяне, конечно, замѣчали неточность въ измѣреніи, но перемѣрку самихъ столбовъ съ нарушеніемъ столбовыхъ межъ произвести не рѣшались, вслѣдствіе громадности работы; перемѣрка же каждой десятины при огромномъ количествѣ ихъ была бы также затруднительна. Измѣренія производились молчаливо и сосредоточенно, и только по поводу какого-либо спорнаго обстоятельства подымался шумъ и крикъ; трудно было понять постороннему наблюдателю что-нибудь въ этой массѣ отдѣльныхъ, безсвязныхъ восклицаній, выкрикиваній и ругательствъ, и новичокъ могъ бы подумать, что поднялась такая неурядица, которая въ годъ не распутается. Однако, голоса спорящихъ мало-по-малу стихали, наконецъ, замолкали вовсе, и мѣрщикъ опять продолжалъ свою работу, выкликая: разъ, два, три и т. д. до тридцати, а счетчикъ съ биркой и ножемъ въ рукахъ заканчивалъ: „первая“ или „вторая“, — подразумѣвая: десятина. Всѣ сомнѣнія разрѣшались тутъ же, на мѣстѣ, и ни одной жалобы на неправильность дѣлежа не было предъявлено волостному суду; точно и довольно быстро вычислялась площадь очень сложныхъ фигуръ, въ родѣ неправильнаго многоугольника съ нѣсколькими округленными (логомъ или рѣчкой) сторонами. Сажень въ видѣ циркуля, развернутаго подъ прямымъ угломъ, служила и для измѣренія, и за астролябію для возставленія и опущенія перпендикуляра; все дѣлалось такъ просто

и отчетливо, что рѣшительно всѣмъ участникамъ въ дѣлежѣ было понятно, что̀ дѣлаетъ или хочетъ дѣлать мѣрщикъ, измѣряя эту сторону клина, или разбивая острый уголъ треугольника — клина тожъ — пополамъ; если же въ комъ-нибудь рождалось сомнѣніе, то тутъ-то и поднимался крикъ и шумъ и продолжался до тѣхъ поръ, пока оставался хоть одинъ сомнѣвающійся. На полѣ оставались до поздняго вечера, особенно когда приступили къ дѣлежу дальнихъ столбовъ, отстоящихъ отъ села верстахъ въ 12—15; поздними вечерами приходилось мнѣ видѣть изъ окна, какъ кавалькада сѣрыхъ воиновъ подъѣзжала съ поля прямо къ кабаку и распивала четверть или двѣ—въ счетъ арендной платы за какой-нибудь маленькій клинъ, который не стоило дѣлить на души, и который сданъ, поэтому, въ аренду въ однѣ руки; охотники снимать такіе клинушки находились всегда тутъ же, между мѣрщиками. При сдачѣ за водку десятина шла не дороже 7—10 р., между тѣмъ какъ нормальная ея стоимость была не менѣе 10—15 рубл.; впрочемъ, цифры эти выведены мною по разсчету, потому что десятины въ отрѣзѣ никогда не остаются, а бываютъ только клочки въ четверть десятины и менѣе. Эта разница въ цѣнѣ не можетъ, однако, служить значительнымъ упрекомъ мѣрщикамъ въ пропиваніи мірского добра; прежде чѣмъ осуждать, нужно войти въ положеніе людей, цѣлые дни проводящихъ на полѣ на мірской службѣ въ то время, какъ прочіе однообщественники ихъ живутъ дома и работаютъ на себя; вознагражденія за эту исполняемую мірскую работу мѣрщики не получаютъ, и она имъ въ прямой убытокъ, такъ какъ домъ и хозяйство ихъ лишаются на все это время работника. Понятно, что мѣрщики считаютъ себя вправѣ послѣ двухъ-трехъ рабочихъ дней выпить шкаликъ-другой на мірской счетъ. Изъ разспросовъ моихъ по поводу этого обстоятельства оказалось, что всего пропито было разныхъ клинушковъ величиной отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ десятины на сумму около 120 рублей, что́ составляетъ расходъ по измѣренію земли на одного домохозяина около двадцати копѣекъ. Этотъ расходъ, конечно, долженъ считаться очень скромнымъ, въ виду того, что двадцать коп., разложенныя на шесть лѣтъ, опредѣлятъ ежегодный расходъ на предметъ правильнаго распредѣленія земли всего около трехъ коп. на домохозяина,—величина окончательно ничтожная; въ силу этого ли, или просто въ силу обычая, мнѣ никогда, даже въ частномъ разговорѣ, не приходилось слышать выраженія неудовольствія по поводу пропитаго мѣрщиками клинушка. Кромѣ того, не надо упускать изъ виду, что составъ мѣрщиковъ не постояненъ, а совершенно случаенъ, и что каждый

изъ сидѣвшихъ нынче дома можетъ завтра отправиться на поле мѣрить и затѣмъ вечеромъ принять участіе въ общей выпивкѣ. Бобыльскіе надѣлы и нѣкоторые другіе, болѣе крупные участки, по тѣмъ или другимъ причинамъ не попавшіе въ разверстку, становились общественной собственностью всей сотни, которая впослѣдствіи и распоряжалась ими по своему усмотрѣнію безъ всякаго контроля со стороны всего сельскаго общества или старосты. Такимъ образомъ, сотня есть не что иное, какъ мелкая, но самостоятельная поземельная община; то же самое до нѣкоторой степени относится даже къ десяткамъ, т.-е. по-любу соединившимся домохозяевамъ, у которыхъ въ общей сложности десять надѣльныхъ душъ; эти десятки также владѣли иногда микроскопическими клинушками, не подѣленными между ними на души, и эти клинушки были уже собственностью только этого десятка. Такимъ образомъ, крестьянинъ могъ быть: первое—неограниченнымъ (въ извѣстномъ отношеніи) собственникомъ своего надѣла, и второе—участникомъ а) въ мірскихъ земляхъ своего десятка, б) своей сотни и в) своего сельскаго общества. Эти-то мірскіе, не подѣленные на души клинушки, обыкновенно сдаются „десятками“ или „сотнями“, — смотря по тому, въ чьемъ владѣніи состоятъ, — въ аренду, и при этихъ сдачахъ происходитъ злоупотребленій гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, при раздѣлѣ земли. Дѣло въ томъ, что въ процедурѣ сдачи въ аренду мірскихъ клиньевъ и десятинъ участвуютъ только немногіе наиболѣе состоятельные или многосемейные домохозяева, у которыхъ есть кому остаться дома, нарѣзать сѣчки, напоить скотину, — и которымъ ничего не стоитъ потолочься часъ-другой около кабака въ виду даровой выпивки въ томъ же кабакѣ; большинство или, во всякомъ случаѣ, порядочная часть такихъ сдатчиковъ—всегда міроѣды, между собой не конкуррирующіе. Дѣло происходитъ обыкновенно такъ. Иванъ, мужикъ изъ среднесостоятельныхъ, не упускающій случая схватить „счастье“, если оно дается въ руки, облюбовалъ себѣ сотенную мірскую десятину. Первымъ долгомъ онъ направляется къ Парфену, самому завзятому горлодралу, кулаку и выжигѣ на первый взглядъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому нужному человѣку въ сотнѣ, — если къ нему присмотрѣться поближе, — знающему всѣ мірскіе распорядки и нужды, всѣ мірскіе клоки, будь они не болѣе $^1/_{15}$ десятины, характеры и наклонности всѣхъ своихъ односотенныхъ домохозяевъ, ихъ семьи, ихъ коровъ и лошадей, количество свезеннаго ими съ поля хлѣба, количество проданнаго въ городѣ овса, количество заготовленной ими къ празднику водки—словомъ, рѣшительно весь домашній ихъ оби-

ходъ... Вотъ къ такому-то всевѣдущему Парфену и приходитъ Иванъ.

— Добро ли поживаешь себѣ, Парфенъ Семенычъ? — начинаетъ Иванъ.

— Богъ грѣхамъ терпитъ!.. Помаленьку! Садись, Иванъ Иванычъ, гостемъ будешь.

— И тò сяду. Чтой-ты никакъ строиться задумалъ, кирпичу навезъ?

— Какая моя стройка,—такъ, случай подошелъ. За землю, значитъ, кирпичемъ одинъ человѣчекъ заплатилъ. Я себѣ думаю, — взять хоть кирпичемъ, на что-нибудь да пригодится; больше съ него вѣдь нечѣмъ взять, а про деньги и не поминай... Ты ужъ не купить ли хочешь?

— Нѣтъ, на что мнѣ!.. А я къ тебѣ по дѣлу, Парфенъ Семенычъ. Въ „Поповомъ Отрогѣ" десятину мірскую снять бы хотѣлъ. Колесовъ Митюха ужъ отдержалъ ее, — нонѣ ее сѣять надо рожью. Она хоша мнѣ и не дюже нужна, а такъ, къ мѣсту пришлась, у меня тамъ еще пахота есть.

Иванъ отворачивается, какъ будто разглядывая лежащіе на полатяхъ полушубки.

— Знаемъ эту десятину, кàкъ не знать... Только, какая-жъ у тебя тамъ еще пахота? Не слыхалъ я, чтобъ ты у кого снялъ.

Иванъ жмется; онъ хотѣлъ бы соврать, но чувствуетъ себя въ положеніи ученика передъ строгимъ и всезнающимъ экзаменаторомъ; соврать же ему показалось необходимымъ, чтобы не обнаружить сразу своей нужды въ землѣ.

— Да признаться, снять еще не снялъ, а почти поладилъ; набивается тутъ одинъ человѣчекъ.

— Кто такой?

— А этотъ... какъ его?.. Да, Ѳедька Волохинъ. Намеднись приходилъ...

— Такъ; ну, это онъ вретъ. У Ѳедьки еще до масляной вся земля раздата, только одинъ осьминникъ на кашу себѣ оставилъ.

— Ска-ажи на милость? Ахъ, онъ, мошенникъ!—негодуетъ Иванъ, сворачивая съ своей больной головы на здоровую Ѳедькину, потому что Ѳедька въ мошенничествѣ невиноватъ и къ Ивану съ землей не набивался.

— Такъ какъ же десятину-то?—приступаетъ опять къ дѣлу Иванъ.—Ты ужъ подсоби, Семенычъ, я те вотъ могарычекъ принесъ, — говоритъ онъ, вытаскивая изъ-за пазухи кошель, а изъ кошеля засаленную рублевую бумажку.

Парфенъ хладнокровно наблюдаетъ за дѣйствіями Ивана;

„чижикъ“ лежитъ на столѣ передъ Парфеномъ, но онъ его не трогаетъ до окончательнаго рѣшенія дѣла.

— А много-ль давать хочешь?—спрашиваетъ онъ Ивана.

— Это за десятину-то? Да что положишь, — тебѣ виднѣе... Самъ знаешь, земля тамъ не больно, чтобъ хороша; опять — ложбина есть...

— Какая тамъ ложбина, —вниманья не стоитъ! А земля — зачѣмъ хаять—хорошая, отличная земля... Ставь полъ-ведра, да деньгами семь рублей.

— Семь рублей!—дѣланно ужасается Иванъ.—А я такъ думалъ, пятишницы за-глаза?

— Пя-ятишницы!.. Уменъ ты дюже, я погляжу!.. Пятишницы... Пойди-ка, поищи за пятишницу,—и ледащаго осьминника нонѣ не найдешь, а ты—десятину!..

— Ну чтожъ,—сдается Иванъ, самъ сознавая несообразность своей цѣны,—семь, такъ семь. Когда же сходку собирать будешь?

— Это соберемъ, не твоя забота. Ты только не прозѣвай, приходи, а то кто-нибудь еще ввяжется.

— Ладно, не впервое; неужто-жъ маленькій?.. Счастливо себѣ оставаться.

— Благодаримъ! Съ Богомъ,—заключаетъ Парфенъ, беря со стола ассигнацію, такъ какъ торгъ пришелъ къ благопріятному концу. Эта бумажка—подарокъ или, если хотите, взятка лично Парфену за его труды.

Въ чемъ же состоятъ его труды?..

XI.

Я хочу въ отдѣльной главѣ познакомить читателя съ Парфеновой дѣятельностью и съ Парфеновыми трудами. Они такъ многосторонни, такъ необходимы обществу, что Парфены никакъ не могутъ считаться наноснымъ или случайнымъ явленіемъ: они—экономическая категорія, они—продуктъ, неизбѣжно вырабатываемый каждой достаточно большой по численности общины, въ которой дифференціація и индивидуализмъ находятъ достаточно почвы для своего развитія. Парфенъ—сила умственная: совсѣмъ не требуется, чтобы онъ былъ богатъ, но необходимо нужно, чтобы представлялась возможность „кормиться“ около міра, имѣть нѣкоторыя матеріальныя выгоды отъ занятій мірскими дѣлами,—иначе Парфену не будетъ никакого интереса, никакого разсчета тратить свое рабочее время на сходкахъ, дѣлежахъ,

наемкахъ, разсчетахъ и проч. Повторяю, Парфенъ такъ необходимъ нынѣшнему крестьянскому міру, что при случайномъ отсутствіи его, сходки нерѣдко расходятся ни съ чѣмъ, ибо толпѣ недостаетъ коновода, заправилы и знатока мірскихъ дѣлъ и нуждъ, и умри сегодня Парфенъ, міръ необходимо долженъ выдѣлить изъ своей среды другого Парфена. Нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности Парфена наилучшимъ образомъ объяснять его значеніе для міра, его силу, пользу и вредъ, приносимые имъ обществу и проч.

Возьмемъ хоть случай съ Иваномъ. Прежде всего, какъ я сказалъ уже, Парфену нужно помнить, что мірская десятина въ „Поповомъ Острогѣ“ (а такихъ не одинъ десятокъ) отошла уже отъ Колесова и никому еще вновь не сдана, чего навѣрное 4/5 прочихъ односотенныхъ его совсѣмъ не помнятъ; затѣмъ ему нужно было знать положеніе и качество этой десятины; послѣднее само собой понятно, для чего,—первое же на тотъ случай, еслибы десятину снялъ кто-нибудь заочно, не видавъ ее; тогда тотъ же Парфенъ—больше некому—долженъ указать съемщику, гдѣ его десятина находится. Потомъ, послѣ посѣщенія Ивана, Парфену необходимо затратить нѣкоторое время на созывъ схода; онъ долженъ знать, въ какое время большинству изъ нужныхъ ему людей будетъ посвободнѣе, и когда они безъ всякаго ущерба для своего хозяйства могутъ прійти на сходку. Парфенъ не начальство, не старшина и даже не староста; онъ не можетъ сзывать схода, когда ему вздумается, не имѣетъ „законнаго“ права отрывать людей отъ работы по пустякамъ, и долженъ сообразить, въ какой день и въ какое время дня народъ будетъ имѣть свободный часъ-другой. Сообразивъ все это, Парфенъ долженъ сходить къ десятскому, который, кстати упомянуть, бываетъ у него всегда въ послушаніи — мы увидимъ ниже почему,—и приказать ему созвать нужныхъ ему людей: Савелія Панкрашина, Сидора Колесова, Михайлу Серегина и другихъ. Званыхъ бываетъ не болѣе 12—15 изъ общаго числа 60—75 домохозяевъ, входящихъ въ составъ сотни; прочіе не зовутся, какъ люди, значенія не имѣющіе; званые же — Савелій, Сидоръ и проч. принадлежатъ къ самымъ сильнымъ, вліяніе имѣющимъ, дворамъ. Но на совѣщаніе являются обыкновенно человѣкъ 5—10 лишнихъ, незваныхъ посѣтителей, такъ или иначе узнавшихъ, что будетъ сдаваться мірская земля и что, слѣдовательно, предстоитъ выпивка на мірской счетъ. Если вѣсть о семъ пріятномъ для мужицкихъ сердецъ событіи разнесется быстро, то бѣгутъ на сходку всѣ мужики, которые въ данную минуту дома и не имѣютъ

спѣшной работы; если ихъ набѣгаетъ много, человѣкъ 40—50 (иногда по-двое и по-трое съ одного двора), то Иваново дѣло не выгораетъ: онъ бываетъ принужденъ накинуть еще полведра водки да рубль-другой деньгами, такъ что десятина вгоняется въ ея нормальную цѣну 14—15 рублей. Въ такихъ случаяхъ Иванъ иногда отказывается отъ аренды, разсчитывая гдѣ-нибудь снять подешевле, и сотня или понижаетъ свои требованія (относительно денегъ, но никогда водки), или сдаетъ землю другому охотнику, если таковой выискивается. Парфенъ въ этомъ случаѣ, однако, почти никогда не измѣняетъ Ивану, а держится нейтралитета, если новый претендентъ мужикъ вліятельный, и возвращаетъ Ивану взятый у него рубль, или же, если новый арендаторъ не страшенъ, т.-е. принадлежитъ къ простымъ лапотникамъ, то наскакиваетъ на него, оретъ, шумитъ, припоминаетъ какія-то потравы, какія-то неотъѣзжанныя подводы, приплетаетъ сюда сноху, подравшуюся съ сосѣдкой, словомъ, старается сбить смирнаго противника съ позиціи, что ему иногда и удается. Такъ или иначе, Парфенъ въ убыткѣ не будетъ: съ Ивана-ли, съ новаго ли арендатора Петра,—свое онъ получитъ, не считая законной доли въ мірской выпивкѣ; только съ Петра, котораго онъ честилъ на сходкѣ, онъ получитъ нѣсколько менѣе противъ того, что давалъ Иванъ,—совершенно же отказать Парфену въ могарычѣ никакой Петръ не рѣшится, потому что Парфенъ человѣкъ нужный и не сегодня-завтра пригодится тому же Петру, ругательски ругаясь изъ-за него съ какимъ-нибудь Панкрашкой. Выставленную съемщикомъ водку пьютъ огульно,—всѣ, кто пришелъ, конечно, изъ этой сотни, безъ различія того, сколько душевыхъ надѣловъ у пришедшаго, и даже двое и трое съ одного двора, такъ что выпивки въ этомъ отношеніи чисто братскія, дружескія, безъ всякой экономической подкладки. Непьющіе же водки (ихъ вообще 5—10%, но на такихъ сходкахъ ихъ бываетъ и того меньше) или уходятъ по домамъ, если количество водки, падающее на ихъ долю, невелико и о ней хлопотать не стоитъ, или же отливаютъ свою часть, если она больше шкалика, въ нарочно принесенныя посудины и несутъ ее домой, гдѣ и берегутъ до случая, т.-е. до праздника, когда придется угощать гостей, или же до какого-нибудь дѣлового посѣщенія „нужнаго“ человѣка,—хотя это случилось бы и въ будни. Такимъ образомъ, то, что дѣлаютъ непьющіе водки, противорѣчитъ поступкамъ пьющихъ: братства, дружества тутъ нѣтъ, и всякій тащитъ свою долю, если не непосредственно въ себя, то въ свой домъ, и хорошо дѣлаютъ,

потому что въ годъ набирается до $^1/_2$ ведра водки на непьющій дворъ, а это ужъ составляетъ разсчетъ для мужика.

Если „простонародіе" про сходку не прослышало, и на ней присутствуетъ только аристократія мужицкая, созванная Парфеномъ, то дѣло Ивана идетъ, какъ по маслу. Начинается съ того, что Парфенъ объявляетъ: нужны, молъ, деньги,—жалованье уплатить десятскому, сторожу, бочку пожарную починить и т. п.

— Думайте, старички, откуда денегъ добыть?...

— Господа старички,—вступается Иванъ,—мнѣ бы вотъ десятинку отдали, что въ „Поповомъ Отрогѣ"; я бы уважилъ, полведерочки поставилъ, и деньги сейчасъ—вотъ они, безъ хлопотъ получайте, значитъ.

— О?.. Вотъ и чудесно! — кричитъ Парфенъ. — А я ужъ давешь, какъ сюда еще шелъ, думаю, съ кого бы это намъ по стаканчику выпить, — а выпить смерть хочется... А много ли деньгами даешь?

— Деньгами? Да что деньгами... Земля тамъ не то, чтобъ очень хороша, опять—ложбина... Пятишницу дамъ.

— Маловато! А, впрочемъ, какъ старички,—не мое дѣло. —Михайло Понкратычъ, Василій Антонычъ, сватъ Митрій! Да что-жъ вы молчите? До́ ночи намъ тутъ стоять, что-ли?..

— Да!.. Какъ сказать,—пятишницы маловато-бы!

— И я говорю вѣдь, что мало!—поддерживаетъ Парфенъ.

— Двѣнадцать рублевъ, во сколько!—кричитъ одинъ изъ незваныхъ.—Да полъ-ведра чтобы окромя...

— Ну, что зря болтать,—дѣловымъ тономъ обрываетъ Парфенъ незванаго совѣтчика. — А по моему, старички, положить девять рублевъ: ни ему не обидно, ни намъ... Опять, тамъ—ложбина.

— Какая тамъ ложбина, откуда ей взяться?—сомнѣвается кто-то.

— Ка-ка-я ла-ажбина!.. передразниваетъ Парфенъ. — Извѣстно, какая — обнаковенная! — Да ты разинь глаза-то, поди сперва посмотри, коли память на старости лѣтъ плоха стала, а потомъ ужъ толкуй!..

— Есть, есть ложбина, старички!—распинается Иванъ.

— Двѣнадцать рублевъ!—твердитъ незваный.

— Эхъ ты, пустомеля; твоя, видно, недѣля! — огрызается Парфенъ, и въ такихъ препирательствахъ проходитъ полчаса; всѣмъ становится невтерпежъ, хочется до смерти водочки испить; и дѣло кончается, какъ и можно было ожидать, тѣмъ, что Иванъ накидываетъ два рубля къ пяти, а только изъ приличія гомившіе

себя передъ выпивкой „старики“ скидываютъ два рубля отъ девяти,—собственно говоря, это дѣлаетъ Парфенъ, при молчаливомъ согласіи прочихъ; такимъ образомъ, десятина идетъ за семь рублей и полъ-ведра, т.-е. за цѣну, еще нѣсколько дней до этого назначенную Парфеномъ. Полъ-ведра немедленно распивается присутствующими; стоимость его 2 р. 50 к.,—поступаетъ, слѣдовательно, не въ пользу всей сотни, а только пятой или четвертой части ея, которая захватываетъ доли прочихъ, не пришедшихъ на сходку,—имъ не объявленную. Вотъ такіе-то, ставшіе обиходными случаи, во-первыхъ—дѣйствуютъ крайне развращающе на деревенскіе нравы и, во-вторыхъ,—явно убыточны для мірского хозяйства, такъ какъ вмѣсто пятнадцати рублей чистыми деньгами за десятину сотня получаетъ на удовлетвореніе своихъ общественныхъ нуждъ только семь рублей, а остальные застрѣваютъ въ карманахъ Ивана и Парфена и въ глоткахъ тѣхъ „стариковъ“, которые распивали „мірское“ вино. И противъ такого наглаго хозяйничанія мірскимъ имуществомъ мнѣ никогда не приходилось слышать протеста, кромѣ вышеразсказаннаго случая съ становымъ: мужики находятъ такія „сдачи“ въ порядкѣ вещей и сами сознаютъ, что если бы на сходкѣ, вмѣсто 12 человѣкъ, присутствовало пятьдесятъ, то „только водки побольше полопали бы, и отъ семи рублей наврядъ-ли и трюшница бы уцѣлѣла“... Случай же съ становымъ я объясняю уже бывшей до этого ненавистью къ нему, и этотъ случай былъ только поводомъ къ ея проявленію: сходъ обидѣлся не на то, что лужокъ пошелъ дешево, а что онъ пошелъ ненавистному становому...

Исторія съ семью рублями, однако, этимъ не кончается: Парфенъ ихъ еще разъ фильтруетъ и выжимаетъ себѣ нѣкоторый барышокъ... Когда Иванъ предъявляетъ свои бумажки старикамъ, Парфенъ выхватываетъ ихъ у него изъ рукъ и провозглашаетъ: „глядите, почтенные,—я деньги получилъ сполна и съ десятникомъ ужо разсчитаюсь“.

— Ладно,—говорятъ занятые черпаніемъ водки „почтенные“, —разсчитывайся.—Большинство, а пожалуй, и всѣ они не помнятъ и не знаютъ, сколько забралъ десятскій Архипъ и сколько ему слѣдуетъ дополучать. Архипу выдаютъ деньги по мелочамъ, сколько случится: ныньче-рубль, завтра—три, черезъ мѣсяцъ-пять; ныньче были на сходкѣ Михайло и Василій, завтра не будетъ Михайлы, а черезъ мѣсяцъ не случится Василія; записей никакихъ не ведется, и еслибы не Парфенъ, который обязательно на всѣхъ сходкахъ бываетъ, то учесть Архипа стоило бы не малаго труда. Поэтому расплата съ десятскимъ Архипомъ, сто-

рожемъ Ѳомой, плотникомъ Никитой, чинившимъ бочку—поручается всегда Парфену, который становится, такимъ образомъ, фактическимъ хозяиномъ этого люда, и поэтому при расплатѣ съ ними всегда съумѣетъ вознаградить себя за свой добровольный трудъ.

Десятскій Архипъ видѣлъ, что деньги отъ Ивана взялъ Парфенъ; онъ знаетъ, когда надо ковать желѣзо, и тутъ-же, на сходкѣ, подходитъ къ Парфену.

— Нельзя-ли, Парфенъ Семенычъ, деньжонки получить? Сдѣлай такую милость!

— Обожди; намъ съ тобой еще счесться надо. Ужо, теперь некогда.

— Да что считаться-то? Забралъ я самую малость; рупь, да три, да пять,—вотъ и вся недолга... Выручи, сдѣлай божеску милость,—пшенца купить надо.

— Завтра успѣешь купить; авось не пропадетъ пшенцо-то! Теперь не до тебя, отстань,—вишь, вино пить собираемся. Приходи завтра.

Архипъ знаетъ достаточно это „завтра": онъ уже не первый годъ служитъ въ десятскихъ; поэтому онъ усиленно пристаетъ къ Парфену—отдать ему деньги, обѣщая за это могарычъ. Если Парфенъ дюже разгулялся, а мірская водка вышла вся, то онъ даетъ рубля три Архипу и получаетъ за это въ видѣ благодарности шкаликъ или косушку водки; если же Парфенъ затвердилъ свое „завтра", то дѣло Архипа усложняется. На утро раннимъ-ранёнько приходитъ онъ къ Парфену, но къ неудовольствію своему застаетъ уже конкуррентовъ—Ѳому и Никиту: они то же прослышали, что есть мірскія деньги, и пришли за своей получкой. Архипъ изъявляетъ претензію получить всю сумму; Ѳома и Никита ожесточенно набрасываются на него и другъ на друга; они высчитываютъ свои заслуги, а Парфенъ держитъ себя бариномъ, иронизируя на счетъ голодныхъ претендентовъ. Наконецъ, наскучивъ слушать просьбы и брань, онъ рѣшаетъ сложный вопросъ такимъ образомъ: Архипу онъ даетъ 2 р. 80 к., Ѳомѣ (этотъ посмирнѣе)—2 р. 75 к., а Никитѣ рубль, остальные же 45 к. поступаютъ ему за коммиссію; затѣмъ всѣ четверо отправляются въ „заведеніе", при чемъ каждый изъ нихъ, получившихъ жалованье, выставляетъ не менѣе, чѣмъ по полуштофу; Парфенъ пьетъ съ каждымъ, поздравляя съ „получкой". Кстати замѣчу, что Парфены, живущіе всегда на міру, переходящіе отъ одного могарыча къ другому, до того впиваются въ водку, что могутъ потреблять ее въ громадномъ количествѣ: съ разстановкой

и маленькими перерывами выпиваютъ въ день до четверти ведра, если только представляется случай пить на даровщину.

Теперь понятно, почему Архипъ, мужикъ бѣдный, слабосильный, къ полевымъ работамъ не гожій, слѣпо исполняетъ приказъ Парфена—звать на сходку только лицъ, угодныхъ ему: въ Кочетовѣ десятскіе служатъ на жалованьѣ, и, боясь лишиться куска хлѣба, Архипъ не смѣетъ перечить всесильному Парфену. Зависимость всякаго рода наемныхъ должностныхъ лицъ—отъ десятскаго и до волостного писаря включительно—прекрасно обрисуется изъ слѣдующаго разсказа одного изъ Парфеновъ, который однажды разоткровенничался со мной подъ пьяную руку и сообщилъ кое-что изъ своей многосторонней дѣятельности. Я постараюсь разсказъ его привести дословно.

„Какъ-то собрались мы десятскаго нанимать; мнѣ было хотѣлось стараго оставить, Архипа, потому малый онъ проворный, покладистый, послушливый, да и просилъ онъ меня, признаться, подсобить ему. Ну, на сходкѣ Архипъ и говоритъ; „желаю, молъ, служить за старую цѣну и ставлю полъ-ведра"; а шло ему въ годъ сорокъ рублевъ деньгами и по пяти фунтовъ печенаго хлѣба съ души. Откуда тутъ ни возьмись Лукьянъ,—такъ, ледащій мужиченка; я, говоритъ, согласенъ на тридцать пять рублей и ставлю ведро. Ну, старики, извѣстно, и стали тянуть за Лукьяна... Архипъ ко мнѣ: „что дѣлать? Научи, а то Лукьянъ цѣну сбиваетъ". Я ему и говорю: отзови его къ сторонкѣ и покажи ему свою пятерню, да пальцы дюжѣе растопырь. „Это что-же,—спрашиваетъ Архипъ-то, — пятишницу, значитъ, ему обѣщать отступного?"—Ну, я ему велѣлъ дѣлать, какъ сказалъ, и обѣщался потомъ научить, какъ отъ Лукьяна отвязаться. Онъ такъ и сдѣлалъ: отозвалъ Лукьяна къ сторонкѣ и говоритъ ему: „ты, Лукьянъ, отстань, я те-во"... и показалъ это свою пятерню. Лукьянъ-то и размякъ, подумалъ, что онъ ему пятишницу сулитъ отступного, да и объявилъ старикамъ, что такъ и такъ, раздумалъ наниматься. Ну, Архипа и наняли за прежнюю цѣну. На утро раннимъ-ранешько прибѣгаетъ ко мнѣ Архипъ и спрашиваетъ: „что-жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь Лукьянъ, должно, сейчасъ за деньгами придетъ?" А ты спроси его, говорю: какія тебѣ деньги? и коли онъ тебѣ скажетъ—отступныя-молъ, которыя ты вчера обѣщалъ, пятерню показывалъ,—то ты ему такую рѣчь держи: это ты, братъ, ошибку понесъ! не пятишницу я тебѣ сулилъ, показывая пятерню, а сулилъ тебѣ этой самой пятерней хорошую встрясу задать, коли будешь не въ свое дѣло соваться, да цѣну сбивать... Что-жъ вы думаете? Архипка такъ и

сдѣлалъ: мужикъ-то онъ посильнѣе Лукьяна будетъ,—тотъ и испугался, выругался только, плюнулъ и пошелъ не-солоно хлѣбавши... Что смѣху-то потомъ было, какъ про эту Архипову штуку узнали!..

„Съ писарями, да съ старшинами я все больше въ ладу живалъ, потому—я въ ихъ дѣла не суюсь, а они въ наши не лѣзутъ, ну, другъ дружкѣ, значитъ, и не мѣшаемъ. Только однова пришлось мнѣ съ писаремъ, съ волостнымъ, потягаться,—и вотъ по какому случаю. Чѣмъ-то я не угоденъ ему оказался; сталъ онъ меня тѣснить и передъ самымъ новымъ годомъ, когда у насъ выборныхъ на волостной сходъ назначали,—онъ и забуянилъ: взялъ меня—да изъ списка и вычеркнулъ: „не годится, говоритъ, Парфенъ въ пятидворные, потому что завсегда пьянъ; я его помаралъ, выбирайте другого"... Ахъ, въ ротъ-те малина! Ты такъ-то, думаю,—ладно-жъ! Стали другого выбирать, а я и говорю обществу: старички! чѣмъ намъ по-пусту выбирать, отпишемъ лучше по начальству, что сами выбирать не согласны, а пусть господинъ писарь сами назначаютъ, кто имъ угоденъ выборнымъ быть, и кто нѣтъ... Тутъ старики и смекнули, къ чему я дѣло клоню, и какъ закричатъ всѣ разомъ: „какъ! мы выбирать, а онъ отставлять! Мы по домамъ разойдемся и никого выбирать не будемъ, если Парфена отставлять! Пущай вышнему начальству доносятъ, что и какъ!.." Ну, старшина первый тутъ смуты этой испугался и спалъ упрашивать писаря не марать меня изъ списка. Оставили. Только я эту штуку не забылъ ему. Недѣли двѣ спустя созвали волостной сходъ смѣту производить, кому какое жалованье назначить и почемъ съ душъ собирать. Тутъ я кой-кому изъ своихъ рубля три собственныхъ пропоилъ,—все училъ, что на сходѣ говорить. Ну, положили старшинѣ жалованье — честь честью по старому: двадцать рублевъ въ мѣсяцъ; теперь писарю? „Писарю сбавить", — закричали мои. „Это почему?"—спрашиваетъ старшина. „А потому, что дорого,—отвѣчаютъ,—много тридцати пяти рублей". Тутъ и я говорю: намеднись я въ городѣ на базарѣ былъ,—такъ человѣка съ три ко мнѣ навязывалось, тамъ ихъ много безъ штановъ-то бѣгаетъ: по пятнадцати рублевъ согласны служить. Я вамъ обязуюсь въ два дня предоставить хучь троихъ,—выбирайте любого... Шумъ тутъ поднялся и Боже ты мой! „Много, — кричатъ, — сбавить! Четвертной!.. Пятнадцать!" А писарь кричитъ свое: „меньше чѣмъ за тридцать за пять не буду"... Ну, наконецъ порѣшили: взяли съ него два ведра и жалованье оставили прежнее тридцать пять; мнѣ онъ пятишницу отдалъ,—я и не въ убыткѣ остался... Потомъ мы ничего себѣ

жили, мирно, меня онъ не затрогивалъ больше; да не долго ему послужить-то пришлось: съ полъ-года, или и того менѣе. Начальство смѣнило, потому зашибаться сталъ здорово,—по недѣлѣ безъ просыпу пивалъ, а въ вашей должности это не рука, потому дѣла стоятъ; ну, и смѣнили.

„Любопытно вамъ узнать про наши мірскіе распорядки. Извѣстно, чудного въ нихъ бываетъ много, потому что міръ ослабъ, некому имъ заниматься, а всякъ свое только дѣло правитъ, свое только и видитъ, а съ міра, что съ паршивой овцы, хоть шерсти клокъ и то радъ сорвать... Кому какая охота съ мірскими нуждишками возжаться, коли у него дома своя кровная нужда осталась, свое дѣло стоитъ, копѣйку выработать надо, дѣться окромя этого некуда? Ну, извѣстно, придетъ такой-то на сходку,—ему бы только стакана два мірского вина выпить, своего онъ мѣсяца по два и въ глаза не видитъ, а тутъ случай упускать жалко: ну, сойдетъ съ него, скажемъ, за какое-нибудь дѣло двумя копѣйками больше, да онъ за то вина выпьетъ на гривенникъ, да и отъ мірского дѣла ослобонится,—сарай чинить, или гать подправлять. Въ старину бывали семьи большія: по-трое, по-четверо женатыхъ сыновей или братовъ было; ну, старшому-то и вольготно: сыновья, али меньшіе браты на работѣ, а старички соберутся и какъ слѣдуетъ быть, не торопясь и не кривя душой, потому что изъ чего-же имъ кривить?—всѣ мірскія дѣла порѣшать. А теперь пораздѣлились всѣ; рѣдко-рѣдко, гдѣ два работника въ семьѣ, а коли три, такъ это ужъ на диво: все больше одиночки стали жить. Вотъ такимъ-то одинокимъ, или самъ-другъ, въ мірскія дѣла и нѣтъ никакого разсчета соваться: онъ на мірскомъ дѣлѣ копѣйку себѣ выгадаетъ, а дома на рубль упуститъ, такъ какъ-же тутъ отъ міра не отслониться? Ну, и занимаются мірскими дѣлами либо старики отъ большихъ семей, либо побогаче кто, рукомесло который имѣетъ какое, землю-ли снимаетъ, картофелемъ-ли занимается, али подряды какіе беретъ; эти, извѣстно,—мірскіе люди и всегда на міру живутъ...

„Да вотъ, — разскажу вамъ, — дѣло-то это ужъ прошлое, а може и занятно вамъ покажется. Вышелъ отъ начальства приказъ, чтобы бочки, на случай пожара которыя,—подъ навѣсами стояли, а не такъ, какъ прежде на вольномъ вѣтру. Намъ хоша и чудно показалось, на что ее подъ навѣсъ ставить, коли ей и такъ ничего не подѣлается, лишь бы всегда водой налита была, да и не хотѣлось бы для одной-то бочки навѣсъ дѣлать—у насъ, окромя тѣхъ, что при волости, въ каждой сотнѣ еще по бочкѣ,—а нельзя, потому—приказъ строгій, чтобы безпремѣнно, значитъ.

Вотъ и собралось насъ человѣкъ пятнадцать отъ сотни; какъ ни какъ, а строить надо. Думали было съ душъ собрать соломки, да жердей, да хворосту, и поставить міромъ сарайчикъ, да раздумали: кому охота въ кляузы входить,—солому собирать, жерди учитать?.. Пропади оно пропадомъ, говорятъ, лучше наймемъ кого! А пора-то рабочая, не скоро охотника сыщешь; я и говорю:—отдайте мнѣ, старички, я вамъ сарайчикъ поставлю въ лучшемъ видѣ.—„А что возьмешь?"—Да что, говорю, чтобъ не обидно было — по гривенничку съ души... Душъ-то у насъ въ сотнѣ 160; это, значитъ, шестнадцать рублей выходитъ. Подумали: „ладно, — говорятъ, — бери; а много ли могарыча дашь?"—Полъ-ведра, говорю, ставлю. Согласились. Сейчасъ это я живымъ манеромъ Архипку-десятскаго въ кабакъ за полу-ведеркой; выпили; захмѣлѣли маленько. „Дорого, — кричатъ, — дали мы: давай другого охотника искать!" А я ужъ знаю, къ чему это рѣчь они ведутъ: еще напиться хочется. Что вы, что вы, почтенные, — говорю,—какое дорого! вовсе дарма взялся — уваженіе вамъ сдѣлать хотѣлъ, а если ужъ на то пошло, — ставлю еще четверть!—Ну, угостились мы въ лучшемъ видѣ, — потому по бутылкѣ на брата пришлось; а пьемъ мы, извѣстно, дуромъ: на-тощакъ, да безъ всякой закуски — живо раскиснетъ человѣкъ... Вотъ, господа да попы пьютъ,—они больше нашего полопаютъ, а все ничего,—потому, выпьетъ онъ вотъ эстакую рюмочку и сейчасъ въ ротъ закуску—селедочку тамъ, или еще что; а малость погодя—опять рюмочку, да опять съ закусочкой. Вотъ она ему и въ пользу идетъ: рюмокъ двадцать въ себя вгонитъ, или поболѣе—и ничего; самъ видалъ—въ училищѣ послѣ экзамена господа пили, а то и на ярмаркѣ случалось... А натощакъ, да безъ закуски, — и съ десяти на карачкахъ поползешь, это вѣрно!.. Ну, ладно; ублаготворились мои други милые: кто тутъ же уснулъ, кто домой поволокся, а за кѣмъ и бабы пришли, — потому ихней сестрѣ ужъ доподлинно извѣстно, что коли сходка, такъ мужьевъ идти выручать надо. — Сталъ я ставить сарайчикъ,—смѣхъ одинъ и говорить-то!.. Къ плетню, что въ переулкѣ, приставилъ я на-искосокъ два колышка, да, отступя на сажень, еще два кола въ землю стоймя вбилъ; сверху перекладины подѣлалъ, хворосту охапку раскидалъ, соломы съ полъвоза натрусилъ—готовъ мой сарай. Сталъ онъ мнѣ, если и работу считать—безъ малаго день я съ нимъ провозился, — рубля въ полтора, или отъ силы ужъ въ два рубля... Подъ вечеръ бочку подъ него подкатилъ и любуюсь: хорошо дюже вышло. Ѣдутъ тутъ съ поля двое изъ нашихъ. — „Ты что, Семенычъ,

строишь?“ спрашиваютъ. Нешто, — говорю — не видите? Сарай вамъ пожарный дѣлаю. — Поглядѣли они, поглядѣли, схватились за бока и покатились со смѣху... „Ахъ, волкъ те ѣшь!“ кричатъ. „Ну, уморушка! Да какой же это сарай: его ногой пхнуть, онъ и развалится!“ А на что, говорю, пхать: нешто онъ на то поставленъ? Онъ для начальства поставленъ, а не для васъ... „Хо-хо-хо!—гогочутъ:—ну, ловко; ну, братъ, молодецъ!“

„Недолгое житье моему сараю было,—недѣли три, неболѣе. Налетѣла какъ-то буря огромная, крышъ много разворотила, крылья у мельницъ, что похуже, поломала, — ну, моему сараю гдѣ ужъ устоять? Такъ и рухнулъ; да случись еще грѣхъ къ тому—днище у бочки перекладиной выломало,—вотъ те и спрятали бочку!.. Днище вставить отдали два рубля — осьмуху съ плотника выпили, да я для кабатчика нашего, для Ивана Ермилыча, матеріалъ отъ сарая купилъ ему на топку — еще осьмуху поставилъ, а онъ мнѣ деньги отдалъ, да косушку могарыча поднесъ. Съ тѣхъ поръ бочка наша опять у Степана Колесова крыльца стоитъ: и на виду она у всѣхъ, да и днище цѣлѣе будетъ, чѣмъ подъ сараемъ, начальство-жъ болѣе не принуждало строить сараевъ, а иныя сотни и вовсе ничего не строили: начальство — приказъ, а они — „сдѣлаемъ сейчасъ“, да по сію пору и собираются дѣлать...

„Иной разъ приходится и для общества постараться. Жилъ у насъ въ селѣ позапрошлымъ годомъ жидяга одинъ, изъ солдатъ, сапожникъ, — да больше бабьими черевиками занимался, и надувалъ, признаться, здорово: извѣстно—жидяга; и моей старухѣ онъ подсунулъ такіе черевики, что полъ-года не проносились. Ладно; была у сапожника у этого корова, и надумался онъ мірскихъ покосцевъ снять, — сѣна заготовить на зиму; думалъ, дешевле обойдется. Повелъ я его показывать поляны, что въ ольховыхъ кустахъ; вотъ, — говорю, — поляна, а вотъ другая, а вотъ еще, — и показалъ ему такимъ манеромъ всѣ восемь. „А эта, — спрашиваетъ онъ и указываетъ на поляну, которую ужъ осмотрѣли, — тоже моя будетъ?“ — Извѣстно, коли снимешь, то будетъ твоя. „А эта?“ — И эта твоя. И насчиталъ онъ вмѣсто восьми полянъ тринадцать, все по тѣмъ же ходилъ; я вижу, что дуракъ набитый—не можетъ осмотрѣнную уже поляну признать, а на себя надѣется, жидяга, ни разу меня не спросилъ — смотрѣли, молъ, эту поляну, али нѣтъ, и напрямки не договорился, сколько, молъ, всѣхъ полянъ? Видно, думалъ дураковъ поднадуть, да не на таковскаго напалъ; а мнѣ чего учить? Не маленькій, у самого глаза есть, — да и черевики бабьи припомни-

лись... Надавалъ онъ въ общество десять рублей деньгами, да ведро водки, а какъ вышелъ на покосъ, хвать-похвать, — пяти полянъ и нѣтъ. „Куда-жъ мои поляны дѣвались?“ кричитъ. Ему говорятъ, что всѣ, молъ, тутъ. Ажъ осатанѣлъ онъ, какъ увидалъ, что промахнулся: ругается, плюется... Дешевое-то сѣнцо на дорогое вышло, накосилъ онъ, отъ силы, на десять рублевъ, да уборка, да возка... Засмѣяли его совсѣмъ, проходу не давали,— все о сѣнѣ спрашивали; и жить у насъ не сталъ, по зимнему первопутью собрался и въ другую волость уѣхалъ“...

И еще многое слышалъ я о дѣятельности разныхъ Парфеновъ; при случаѣ буду приводить примѣры. Здѣсь же хочу упомянуть, что Парфены въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ просто незамѣнимы для общества,—именно, когда приходится хлопотать у начальства о какомъ-нибудь мірскомъ дѣлѣ,—и чѣмъ выше инстанція, въ которой приходится хлопотать, тѣмъ больше шансовъ на то, что мірскимъ ходокамъ, мірскимъ „повѣреннымъ“, какъ ихъ здѣсь называютъ, будетъ избранъ кто либо изъ Парфеновъ. Они и „умственнѣе“ прочихъ мужиковъ, и лучше всякіе „ходы“ знаютъ, и съ „волостными“ въ пріятеляхъ состоятъ, подчасъ даже становому извѣстны, не разъ „въ губерніи“ бывали, и въ земствѣ, и въ крестьянскомъ присутствіи, словомъ—имъ и книги въ руки. Кромѣ того, они и навязчивѣе, и нахальнѣе, и смѣлѣе рядовыхъ мужиковъ, не видавшихъ видовъ; они почти перестали робѣть передъ начальствомъ, съ становымъ скалятъ зубы и споры ведутъ, а передъ болѣе высокими „членами“ [1]) хотя и стоятъ безъ шапокъ, но не жмурятся и безъ стѣсненія спрашиваютъ „скопію“ съ рѣшенія, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Прогрессъ въ смыслѣ сознанія собственнаго достоинства — несомнѣнный, и впечатлѣніе производитъ преотрадное; для контраста стоитъ только взглянуть на мужиченку, вынесшаго на своихъ плечахъ крѣпостное иго и нынѣ обдѣленнаго землей: онъ сельскаго писаря считаетъ за начальство, а при старшинѣ ни за что не рѣшится сѣсть или одѣть шапку... Жалкое зрѣлище!..

На расходы по мірскимъ дѣламъ Парфенъ затрачиваетъ или свои деньги — если искъ вѣрный и представляется возможность вычесть впослѣдствіи расходы изъ выигрыша,—или, что гораздо чаще, мірскія суммы. Въ послѣднемъ случаѣ, когда деньги нужны, Парфенъ сзываетъ сходы и проситъ стариковъ достать ему денегъ

[1]) Общее названіе для всякаго рода начальства, кромѣ урядника и станового; терминъ „чиновникъ“ менѣе употребителенъ.

на расходы:—„всѣ вышли, нужно еще; раздобывайтесь, а то придется дѣло бросать!“

— Да куда-жъ ты цѣлую уйму дѣвалъ? Вѣдь на заговѣнье мы те сорокъ рублевъ отвалили?..

— Со-орокъ рублевъ!.. Ишь, какую невидаль сказалъ—сорокъ рублевъ! Поди-ка ты сдѣлай что на сорокъ рублевъ, а я посмотрю, какъ ты дѣлать будешь!.. Молчалъ бы ужъ, чѣмъ зря болтать.

— Нѣтъ, стой! Зачѣмъ зря болтать, никто не болтаетъ... А ты учтись, куда что дѣвалъ?

— И учтусь!.. А ты думалъ—не учтусь? Себѣ что-ль я ихъ попряталъ? Еще своихъ полтора рубля зашло, какъ анадысь въ губернію ѣздилъ. Клади сейчасъ: впервое ѣздилъ за скопіей—два съ полтиной прохарчилъ...

— Много дюже, жирно будетъ!

— Мно-ого... Лѣшій ты, вотъ что! За одну машину рубль двадцать заплатилъ, да тамъ полтора сутокъ прожилъ, опять писарьку, чтобъ скорѣе отпустилъ, полтину отдалъ... Ты самъ-то попытай перво-на-перво съѣздить, да охлопочи, а потомъ ори, что много!..

— Ну, ладно, — два съ полтиной — такъ два съ полтиной! Живетъ! Клади дальше!

— Въ волости надо было старыя дѣла, архиву, подымать, справку искать отъ палаты, опять — туды-сюды, съ старшиной чайку выпилъ, писаря поблагодарилъ,—три рубля вышло.

— Ишь ты!.. И какъ ихъ не прорветъ!..

— Въ губернію ѣздилъ къ аблакату, — за прошеніе отдалъ пятишницу, да за марки...

Въ концѣ-концовъ всегда оказывается, что Парфенъ деньги израсходовалъ правильно и даже своихъ полтора рубля затратилъ. Учесть его нѣтъ никакой возможности, такъ какъ данныхъ для учета, кромѣ собственныхъ его показаній — нѣтъ, а показанія его, заранѣе заготовленныя и затверженныя, всегда сходятся, и сбить его нѣтъ никакой возможности, хоть десять разъ учитай съ начала до конца. Само собой разумѣется, что изъ сорока рублей десять,—не менѣе,—прилипаетъ къ рукамъ Парфена, но дѣйствуетъ-то онъ очень осторожно, опасаясь, чтобы міръ, осердившись, не выбралъ въ повѣренные другого Парфена, и не отобралъ бы у него, такимъ образомъ, доходной статьи. Если искъ денежный, то Парфену, сверхъ покрытія его затратъ, накидываютъ иногда нѣсколько рублей, а то, случается, и этого не бываетъ: „буде, и такъ поживился не мало, пора и честь знать“, — говорятъ въ такомъ случаѣ неблагодарные кліенты. Если же

дѣло не денежное, а о землѣ, напримѣръ, то Парфену ужъ ни въ коемъ случаѣ денежной награды не ждать, не съ душъ же собирать! Много-много, если клинъ мірской землицы или покосецъ какой-нибудь дадутъ безденежно, но и то попросятъ могарычика... Парфены это знаютъ и потому не дремлютъ, покуда есть возможность распоряжаться мірскими деньгами: чѣмъ дѣло успѣшнѣе идетъ, чѣмъ больше шансовъ на выигрышъ, тѣмъ прогрессивнѣе возрастаютъ расходы, потому что Парфенъ въ успѣхѣ увѣренъ, а въ случаѣ успѣха—общество не такъ придирчиво будетъ учитывать его... Очень рѣдко приходилось мнѣ наблюдать, чтобы „въ повѣренныхъ" ходили простые лапотники; эти, правда, дѣйствуютъ по-божески, но все-таки и себя не забываютъ: или мірскихъ подводъ требуютъ, или же ѣздятъ на своей лошади и кладутъ цѣну за проѣздку процентовъ на двадцать выше настоящей, или идутъ пѣшкомъ въ городъ, а за подводу все-таки берутъ — это ужъ хозяйственный разсчетъ повѣреннаго, и міръ никогда такому заработку не препятствуетъ; за харчи въ городѣ тоже вычитаютъ, хотя хлѣбъ, а подчасъ и баранину, берутъ изъ дому. Но за то съ этими повѣренными вести дѣло просто мука: ничего-то они не понимаютъ, ничего въ толкъ не возьмутъ и все твердятъ свое, предполагая со всѣхъ сторонъ обманъ и подвохъ, и поэтому недовѣрчивы ужасно. Является, напримѣръ, въ канцелярію волостную мужикъ съ мѣшкомъ и посохомъ въ рукахъ.

— Къ вашей милости съ просьбицей, ужъ потрудитесь!

— Что такое?

— Намеднись обществу объявляли, что насчетъ луговъ отказъ намъ вышелъ. Пожалуйте скопію.

— Да ты кто такой?

— Знамо кто, — повѣренный отъ обчества... Руки на меня задали.

— Гдѣ же руки-то?

— А вотъ...

Изъ котомки достается грязная бумажка, на которой какимъ-нибудь самоучкой огрызкомъ карандаша нацарапано: Хвидоть Костявъ, Пітра ѣнинъ, и т. д. въ томъ же родѣ — одни имена и фамиліи, а внизу накопченная печать старосты; это называется у крестьянъ, не знающихъ формальностей,—а такихъ и по сію пору не менѣе 99%,—задать руки, или то же что дать общественный приговоръ.

— Не годятся твои „руки", — нигдѣ ихъ въ разсчетъ не примутъ. Надо новый, настоящій приговоръ написать. Ныньче что, пятница? такъ ужо на будущей недѣлѣ, какъ посвободнѣе

будетъ, мы съ старшиною пріѣдемъ, сходъ соберемъ, общество опросимъ, согласны ли,—и тогда я тебѣ напишу приговоръ. Понимаешь?

— Какъ не понять, понимаемъ... Только вы ужъ сдѣлайте божескую милость, не задерживайте, напишите приговоръ-то, коли онъ нуженъ, сейчасъ; а то я вовсе было собрался въ губернію идтить,—надо-жъ правду съискать!..

— Да какъ же я могу написать, когда не знаю, вѣрно ли, что общество хочетъ дальше вести дѣло, вѣрно ли, что тебя, а не кого-либо другого выбрали въ повѣренные? Ну, если я напишу, а общество-то откажется,—вѣдь это подлогъ будетъ, а за подлогъ большое наказаніе полагается по закону...

— Вотъ-вотъ!—радуется повѣренный знакомому и излюбленному словечку,—по закону и напишите, вамъ лучше знать, какъ написать, вы народъ ученый. А я вашу милость ужъ поблагодарю чѣмъ ни на есть, пшенца, али еще чѣмъ...

— Провались ты къ чорту съ твоимъ пшеномъ!.. Сказано—ждите, дня черезъ три пріѣду, а теперь не могу—некогда.

— Нѣтъ, намъ ждать не рука... Ужъ вы отдайте мнѣ общественныя руки-то, я и съ ними до правды дойду; какой тамъ еще приговоръ понадобился — неизвѣстно... И печать старостина приложона... Скопію-то мнѣ дадите?

— И копіи никакой не могу дать; бумага была изъ присутствія—оно и дастъ тебѣ копію, когда настоящій приговоръ будешь имѣть. А такъ, съ этими „руками" хоть не ѣзди, — не дадутъ.

Мужикъ мнется и что-то соображаетъ.

— Такъ мнѣ ничего отъ васъ и не будетъ? Ни приговора, ни скопіи?

— Покуда ничего; сказано—на той недѣлѣ пріѣду.

— Такъ-съ; предупрежоно, значитъ... Не стало нигдѣ правды, нѣтути закона... Понимаемъ-съ, какъ не понять!.. А мы все-таки до вышняго начальства дойдемъ, все какъ на духу—разскажемъ, чтобы по закону, значитъ...

Мужикъ — упорный и недовѣрчивый, хоть колъ на головѣ теши — ѣдетъ въ губернію, живетъ тамъ сутокъ трое, обойдетъ всѣ „палаты" и „присутствія" и, конечно, вездѣ получаетъ съ первыхъ же словъ отказъ; вездѣ говорятъ: „приговоръ надо", и когда онъ подаетъ свои „руки", то ихъ даже не берутъ, а требуютъ настоящаго приговора. Наконецъ, обезкураженный, онъ возвращается назадъ и опять заходитъ въ волость.

— Ужъ видно вы лучше знаете, какъ по закону. Когда-жъ

къ намъ объщаетесь пожаловать?—А потомъ, въ разговорахъ съ столь же много смыслящими въ „законахъ" односельчанами, сокрушается:—„нигдѣ суду не дали, вездѣ отказъ; видно, у нихъ повсюду рука, и въ губерніи вездѣ предупрежоно... Нѣтути нигдѣ правды, всѣ на ихъ сторону тянутъ: знамо, люди богатые, не то, что мы!.. Я было—пшено, а онъ какъ закричитъ! Извѣстно, на что ему наше пшено"...

Парфены, въ качествѣ мірскихъ повѣренныхъ, гораздо пріятнѣе для начальства и полезнѣе въ нѣкоторомъ отношеніи—для общества. Парфенъ умѣетъ говорить довольно толково и связно, можетъ въ немногихъ словахъ объяснить, въ чемъ дѣло, слушаетъ со вниманіемъ, соображаетъ, — словомъ, во сто разъ развитѣе простого лапотника просителя. Если Парфеново дѣло не выгораетъ и ему „выходитъ отказъ", то онъ старается вникнуть, какъ и почему отказано, смекаетъ и совѣтуется съ „хорошими людьми", нельзя ли дѣло поправить; обществу же своему подробно разъяснитъ мотивы отказа, не прибѣгая къ туманной формулѣ, въ родѣ „не стало правды на свѣтѣ"... „Сроки пропустили", „планта нѣтъ", — говоритъ Парфенъ и самъ понимаетъ, и прочимъ старается разъяснить, что „безъ планта, какъ безъ рукъ, ничего не подѣлаешь"... Умственный кругозоръ деревенскаго міра расширяется отъ Парфеновъ въ несравненно значительнѣйшей степени, чѣмъ отъ земскихъ школъ...

Но что меня всегда удивляло, это крайне добродушное отношеніе міра къ своимъ паразитамъ. Явной злобы или вражды къ Парфенамъ мнѣ никогда не приходилось подмѣчать; бывали случаи, когда Парфены принуждены были уступать передъ дружнымъ натискомъ міра, но лишь только спорный вопросъ сойдетъ со сцены, какъ Парфены опять входятъ въ свою роль диктаторовъ, ничуть не смущаясь своимъ временнымъ пораженіемъ, а стригомыя овцы, частью одобрительно, частью съ завистью смотрятъ на Парфеновы эксперименты съ мірскимъ имуществомъ. „Ну, ловко,—ну и собака же!.. Скажи, братецъ ты мой, то ись какъ пить далъ, вотъ какъ очистилъ!"... И въ тонѣ говорившаго большею частью слышалось лишь сожалѣніе, что „очистилъ" Парфенъ, а не онъ; злобы же на Парфена за „очистку" никто не чувствовалъ...

Я неоднократно еще принужденъ буду касаться той или другой сферы дѣятельности кулаковъ-міроѣдовъ; изъ массы фактовъ, которую я представлю, читатель самъ себѣ можетъ составить понятіе объ этомъ жгучемъ вопросѣ нынѣшней народной жизни; мое же мнѣніе таково, что деревенскіе Парфены-міроѣды—

явленіе, логически проистекающее изъ даннаго экономическаго и общественнаго деревенскаго строя, и существованіе ихъ такъ же строго необходимо, какъ необходимо появленіе лишаевъ и мховъ на гніющемъ стволѣ дерева... И никакіе палліативы не остановятъ роста этихъ лишаевъ: деревня будетъ все далѣе и далѣе дифференцироваться, и въ одну сторону будутъ стекаться представители умственности, которые все безграничнѣе будутъ господствовать надъ отлагающимися по другую сторону рабами физическаго труда, глубже и глубже уходящими въ мелкія, развращающія заботы о кускѣ насущнаго хлѣба. Это, по моему, логически неизбѣжный конецъ исторіи нашей крестьянской общины въ существующей ея формѣ; избѣжать этого печальнаго конца можно, только перейдя отъ общиннаго владѣнія объектомъ труда—землею—къ общественной формѣ самого труда...

...И часто думалось мнѣ, глядя на полныя драматизма картины деревенской жизни: встань же, встань, народъ русскій, проснись, стряхни съ себя этотъ тяжелый сонъ, который навѣяли на тебя татарское иго, московская неволя и барское рабство!.. Ты спишь, заколдованный богатырь, а могучія твои руки и ноги заткали цѣпкой паутиной отвратительные пауки, кровь твою сосутъ паразиты, и на груди твоей усѣлись кучи жабъ и лягушекъ, громкимъ кваканьемъ торжествующія свою побѣду надъ соннымъ... Въ жилахъ твоихъ еще течетъ здоровая кровь, сердце твое еще бьется, но когда-то сильныя руки, грозныя для враговъ, безпомощно лежатъ плетьми вдоль полумертваго тѣла, и только изрѣдка пробѣгающая, мимолетная и безрезультатная судорога напоминаетъ паразитамъ, что ты еще живъ, а они еще быстрѣе начинаютъ ткать свои тенета, еще безжалостнѣе сосать твою кровь... Встань, богатырь,—разорви эти путы, пока тебѣ еще подъ-силу ихъ разорвать, раздави паразитовъ, скорпіоновъ и жабъ, покуда они не отравили еще твоего организма!.. Но онъ спитъ; свинцово тяжелый, похожій на смерть, сонъ не покидаетъ его, и не намъ, слабымъ, исторгнуть его изъ вражеской власти, когда такое количество великихъ людей кровью и жизнью своей не съумѣли разбить колдовскихъ чаръ... И онъ спитъ; и съ ужасомъ смотрятъ мимоидущіе на этотъ могучій, но заживо пожираемый паразитами организмъ, и бѣгутъ одни, жалѣя и плача по безвременно погибшемъ, и смѣются другіе, желая его скорѣйшей погибели, въ увѣренности, что на мѣстѣ разложившагося организма произрастетъ новый, для нихъ болѣе пріятный и удобный...

XII.

Что такое волостной писарь? Въ глазахъ начальства всякаго сорта—это парія, это рабъ, безъ мысли и воли, безпрекословно обязанный выполнять всякія требованія, быть на всѣ руки и не останавливаться по начальническому приказу даже передъ не совсѣмъ благовидными вещами; въ глазахъ мужиковъ—это тонкая бестія, законникъ, крючкотворъ, которымъ, въ случаѣ своей нужды, и можно попользоваться, но вообще же лучше быть отъ него подальше, какъ отъ души продажной, за рубль-цѣлковый на все готовой. Такъ вотъ этотъ человѣкъ, съ очень подозрительною нравственностью и безъ всякаго образовательнаго ценза, ведетъ денежныя и прочія книги волости, которыхъ болѣе 30 штукъ, пишетъ разные приговоры, составляетъ всякаго рода акты, состоитъ секретаремъ (и, скажу въ скобкахъ, главнымъ заправилой) въ волостномъ судѣ, производитъ статистическія описанія и изслѣдованія, принимаетъ двѣ-три тысячи дворовъ на страхъ на сумму 200—300 т. руб., составляетъ ежегодно призывные списки для отбытія воинской повинности 100—150 чел., производитъ повѣрку торговыхъ документовъ и преслѣдуетъ разныя нарушенія закона въ области торговли и промышленности, опекаетъ сиротъ, слѣдитъ за дѣломъ обученія въ земскихъ школахъ (sic), за оспопрививаніемъ въ земской аптечкѣ, слѣдитъ за санитарнымъ состояніемъ 10-ти тысячнаго населенія, дѣлаетъ распоряженія въ области гигіены, завѣдуетъ военно-конскимъ участкомъ, прекращаетъ падежи скота, составляетъ списки лицамъ, могущимъ быть присяжными засѣдателями, производитъ описи, аукціоны и судебныя взысканія, преслѣдуетъ нарушителей строительнаго устава, получаетъ въ годъ до тысячи входящихъ и выпускаетъ до двухъ тысячъ исходящихъ бумагъ и проч., и проч. Какъ видите, дѣятельность этого паріи самая многосторонняя, захватывающая нѣсколько областей знанія и науки. Понятно, что de jure, на писарѣ лежитъ только канцелярская обязанность, т.-е. писать бумаги и вести книги; но такъ какъ, съ одной стороны, масса существующаго надъ нимъ начальства старается по возможности свалить всякое „дѣло“ на эту всевыносящую выю, требуя лишь немедленнаго увѣдомленія о точномъ исполненіи предписанія, а съ другой—главный хозяинъ волости, старшина, на которомъ и лежитъ, въ сущности, обязанность всѣхъ этихъ изслѣдованій, завѣдываній, наблюденій и проч., умѣетъ только пить могарычи съ пріятелями и сажать недоимщиковъ и прочихъ проштрафившихся

въ „холодную“,—то писарь и является единственной пружиной, приводящей въ дѣйствіе весь многосложный механизмъ волостного благоустройства. Въ большинствѣ случаевъ старшина бываетъ виноватымъ и терпитъ взысканія только за плохой сборъ податей, что и составляетъ его главную обязанность; все же остальное дѣлаетъ писарь, и начальственныя особы, хорошо знающія механизмъ волостного правленія, съ приказаніями, личными разъясненіями и проч. обращаются всегда къ писарю, а тотъ ужъ отъ себя дѣлаетъ распоряженія старшинѣ. „Поѣзжай туда-то, узнай о томъ-то, вызови ко мнѣ того-то“,—говоритъ писарь, и старшина безпрекословно исполняетъ его приказанія, зная, что устами его глаголетъ высшее начальство. Большая часть старшинъ и писарей живутъ довольно ладно другъ съ другомъ, потому что интересы у нихъ совершенно общіе: ублажать начальство, по возможности выполняя, хотя бы для виду, на бумагѣ, его предначертанія и тѣмъ обезпечивать свое существованіе. Если же поселится рознь между этими главами волости, то обѣ они проигрываютъ: писарю нѣтъ ничего легче, какъ подвести старшину, прочесть ему мудреное предписаніе, порядкомъ не растолковавъ, въ чемъ дѣло, или даже вовсе не читать, и ждать противозаконныхъ дѣйствій безграмотнаго мужика, а потомъ раскрыть его ошибки передъ начальствомъ, обвинить его въ небрежности, нерадѣніи и проч. Старшина же можетъ или непосредственно пожаловаться на лукавое мудрствованіе писаря, если у него есть между начальствомъ „рука“, или же дѣйствовать закулисными интригами черезъ волостной сходъ, жалуясь ему на писаря, предлагая сбавить жалованье и проч. Тогда происходитъ въ волости полнѣйшій кавардакъ, самымъ грустнымъ образомъ отзывающійся, конечно, на ни въ чемъ неповинномъ крестьянствѣ. Приходитъ, напр., мужикъ по какому-нибудь дѣлу въ волость и обращается къ старшинѣ; этотъ и радъ бы, можетъ быть, ему помочь, но не знаетъ, какъ, или знаетъ, но боится попасть какимъ-нибудь образомъ въ просакъ, чувствуя за собой зоркій глазъ недруга-писаря. „Не знаю, — говоритъ онъ изъ осторожности, — ступай къ писарю“. Мужикъ идетъ къ писарю и слышитъ отвѣтъ: „не моя это забота, мое дѣло—перо. Ступай къ старшинѣ“. Ну и приходится хоть волкомъ выть изъ-за полученія какого-нибудь приговора о раздѣлѣ или удостовѣренія о личности. Но такія натянутыя отношенія между старшиной и писаремъ бываютъ, какъ я сказалъ, очень рѣдко, потому что долго продлиться не могутъ: одна изъ сторонъ непремѣнно проштрафится, спасуетъ и принуждена будетъ уступить другой, старшина—выйдя въ от-

ставку, а писарь—переходомъ въ другую волость, смотря по тому, чья сторона возьметъ верхъ.

Волостной писарь—это связующее звено крестьянства со всѣми и со всѣмъ, что̀ похоже на начальство; все, что̀ имѣетъ что-нибудь приказать, предписать, объяснить, объявить, всѣ, кто нуждается въ какой-нибудь справкѣ или цифрѣ, всѣ эти и все это обращается въ волость, т.-е. къ волостному писарю, какъ единственному источнику, могущему доставить все необходимое. Земская управа спрашиваетъ, сколько уродилось хлѣба, сколько будетъ поѣдено и сколько останется его; казенная палата—каковъ оборотъ на ярмаркѣ; крестьянское присутствіе — каковы мотивы, вызывающіе переселеніе; исправникъ—каковы причины обѣднѣнія населенія, сопряженнаго съ возрастаніемъ недоимокъ; кто-нибудь изъ нихъ или всѣ вмѣстѣ—каковы могутъ быть заработки населенія въ виду постигшаго край неурожая, и проч., и проч... Въ волостномъ правленіи ведутся дѣла изъ областей вѣденія шести министерствъ,—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военнаго, юстиціи, народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ; и только благодаря отдаленности иностранныхъ державъ и океановъ-морей отъ волостныхъ правленій центральной Россіи (объ окраинахъ судить не смѣю), ихъ не касаются министерства иностранныхъ дѣлъ и морское... И всѣ эти сорокъ шесть—я на досугѣ какъ-то сосчиталъ—начальственныхъ мѣстъ и лицъ требуютъ вѣрныхъ, точныхъ и, главное, немедленныхъ исполненій и донесеній о предметахъ самыхъ разнообразныхъ; понятно, что одному человѣку, къ тому же никогда не слыхавшему о статистикѣ, экономикѣ, гигіенѣ и проч., не разорваться, и поэтому къ дѣлу онъ относится самымъ формальнымъ образомъ. Если приходитъ предписаніе, на которое отвѣта не требуется, то оно спокойно подшивается „къ дѣлу"; если предписаніе требуетъ отвѣта объ исполненіи, то до подшитія его къ дѣлу берется бланкъ и пишется донесеніе: „во исполненіе предписанія в. в-дія, имѣю честь донести" и проч., словомъ, что все исполнено; если наконецъ требуется обстоятельное донесеніе съ цифрами и проч., то половина ихъ нахватывается изъ прошлогоднихъ дѣлъ, а половина присочиняется сообразно обстоятельствамъ. Требуются, напр., свѣденія объ урожаѣ; писарь, какъ мѣстный житель, видѣлъ при разъѣздахъ и слышалъ изъ разговоровъ въ „Центральной харчевнѣ", что „рожь нонѣ ни лучше, ни хуже прошлогодней, овсы погорѣли, а проса слава Богу". Недолго думая, онъ беретъ донесеніе объ урожаѣ прошлаго года и смотритъ, какъ велики тамъ цифры; ржи значилось собранной 29.351 четверть,—онъ напи-

шетъ 29.845 четв., овса было 41.200 ч., появится 27.630 ч., проса было 3.823 ч., въ новомъ донесеніи окажется 4.655 ч. и т. п. Затѣмъ будетъ также „примѣрно“ исчислено, сколько требуется на прокормленіе людей ржи, картофеля и пшена, а для скота и лошадей—овса и сѣна, а вычтя вторыя количества изъ первыхъ, не трудно ужъ получить математически точныя „данныя о хлѣбныхъ запасахъ по такой-то волости, такого-то уѣзда, воронежской губерніи“... Идите, пожалуй, по дворамъ, повѣряйте сами, коли не вѣрите!.. Долженъ, однако, оговориться: конечно, цифрѣ 29.351 ч. нельзя довѣрять; гораздо болѣе вѣроятности имѣли бы цифры съ четырьмя нулями; но писаря „не смѣютъ“ ставить такихъ огульныхъ величинъ, потому что—какая же это выйдетъ статистика, наука, какъ извѣстно, требующая точность? Но какъ ни смѣшно писарское остроуміе, а совершенно безполезнымъ его считать нельзя; надо только крайне осторожно относиться къ цифрамъ и брать не столько абсолютныя, какъ относительныя ихъ величины, которыя въ большинствѣ случаевъ изумительно вѣрны. Дѣло въ томъ, что, благодаря многолѣтнимъ комбинаціямъ, основныя цифры, изъ которыхъ черпаютъ писаря свои отчеты, сложились довольно счастливымъ образомъ и очень недалеки отъ истины; умышленно же искажать правду писарямъ, въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ никакого разсчета, и стараются они обыкновенно производить измѣненія въ прошлогоднихъ данныхъ ужъ не вовсе съ бухта-барахты, а болѣе или менѣе согласно съ дѣйствительностью. Былъ, напримѣръ, урожай ржи въ прошломъ году самъ-8, какъ значится въ вѣдомости волостного правленія; въ дѣйствительности-то, Богъ его знаетъ, можетъ быть, онъ былъ самъ-7, а, можетъ быть, самъ-9, но дѣло въ томъ, что центральному учрежденію уже извѣстно, каково при данномъ урожаѣ было экономическое благосостояніе населенія. Вдругъ писарь, потолковавъ съ Козьмой и узнавъ, что у него копна даетъ нонѣ только 2½ мѣры, когда въ прошломъ году давала 5 мѣръ, и съ Трофимомъ, у котораго рожь вышла еще хуже, давъ только 2 мѣры съ копны,—вдругъ писарь уменьшаетъ цифру урожая до самъ-3½. Кто его знаетъ, какъ оно выйдетъ въ общей сложности, можетъ быть, самъ-3½, а можетъ быть, самъ-2½, а можетъ быть, самъ-4, но дѣло въ томъ, что урожай нынѣшняго года несомнѣнно ниже прошлогодняго и можно даже съ увѣренностью сказать, что онъ около двухъ разъ менѣе прошлогодняго. Соображаясь съ другими данными, которыя у собирателя свѣденій имѣются, конечно, подъ руками, можно-таки, по моему, прійти къ какому-либо заключенію, очень недалекому отъ истины,

о затрудненіяхъ, которыя придется переносить населенію при нынѣшнемъ неурожаѣ. Этотъ примѣръ былъ апріорный; позволю себѣ разсказать о бывшемъ въ дѣйствительности фактѣ, приведшемъ меня въ немалое смущеніе. Когда я поступилъ въ 1881 г. въ должность писаря, то со времени военно-конской переписи, произведенной до турецкой войны, прошло уже около пяти лѣтъ; за это время въ Кочетовской волости былъ небольшой падежъ лошадей. Далѣе; въ 1870 г., если не ошибаюсь (пишу на-память, такъ какъ въ настоящее время я уже далекъ отъ Кочетова), была по требованію губернской земской управы произведена перепись всей крестьянской скотины—конечно, волостными писарями же, и съ тѣхъ поръ переписи новой не было; за одиннадцатилѣтній промежутокъ было нѣсколько падежей скота. Наконецъ, при дѣлѣ волостного правленія за 1880 г. имѣлись свѣденія „о движеніи“ народонаселенія по волости, съ точными цифрами о количествѣ лицъ мужск. и женск. пола; когда и откуда взялись эти послѣднія цифры, не припомню,—во всякомъ случаѣ недавней переписи не было, а вѣрнѣе всего, что взяты онѣ, цифры, изъ посемейныхъ списковъ, составленныхъ при введеніи новаго устава о воинской повинности въ 1874 г. Какъ видите, промежутки времени между основными цифрами и тѣми, которыя я засталъ въ 1881 г., были довольно значительны, и можно бы ожидать, что при ежегодномъ измѣненіи ихъ „на глазокъ“ волостными писарями, послѣднія цифровыя данныя уже сильно разнятся отъ дѣйствительныхъ, натуральныхъ величинъ. И что же,—не смотря на падежи, войну, эпидеміи и проч., цифры, полученныя при дѣйствительно произведенной въ 1884 г. переписи, очень не много разнились отъ выведенныхъ мною „на глазокъ“ въ вѣдомостяхъ; такъ напр., при общемъ, болѣе четырехъ тысячъ штукъ, количествѣ лошадей, разница была только въ нѣсколько десятковъ, для коровъ—около двухъ сотъ пятидесяти при 3500 шт., а для лицъ мужского пола—около трехсотъ при общемъ количествѣ въ 6 тысячъ! Иначе сказать, разница между волостными и дѣйствительными цифрами колебалась между 2% и 7%!.. Разница, собственно говоря, не особенно значительная. Я спрашивалъ писарей, какъ они это дѣлаютъ, и получалъ въ отвѣтъ, что они сообразуются съ падежами и эпидеміями: „если не было падежа, ну, прикинешь штукъ 200, а то если былъ, да небольшой, ничего не прибавишь, а еще скинешь полусотку; такъ и ведемъ изъ года въ годъ“. Такъ велъ и я три года, рѣшительно не имѣя возможности производить ежегодно статистическую подробную перепись двухъ тысячъ дворовъ, и удовлетворяя своему нравствен-

ному чувству тѣмъ, что въ концахъ вѣдомостей добавлялъ „приблизительно“ или ставилъ при цифрахъ вопросительные знаки; но въ 1884 г. имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что большого грѣха на душѣ моей относительно статистическихъ данныхъ не лежитъ.

Возвращаюсь къ прерванному изложенію. Итакъ, волостные писаря, даже при всей своей доброй волѣ, должны ограничиваться формальнымъ, канцелярскимъ образомъ ко многимъ благимъ начинаніямъ; человѣкъ всегда остается человѣкомъ и склоненъ преимущественно стараться о своемъ благополучіи; писаря же, при своемъ невысокомъ образовательномъ и, пожалуй, нравственномъ цензѣ, никакъ не могутъ быть одушевлены идеей служенія человѣчеству. Они ограничиваются болѣе легкимъ служеніемъ—служеніемъ начальству изъ за средствъ къ существованію, и поэтому вся ихъ задача — не прогнѣвить начальство, дѣлая какъ можно менѣе и какъ можно болѣе выгадывая свободнаго времени „для себя“. Отсюда и происходитъ формальное, небрежное отношеніе къ обязанности и входитъ въ обиходъ пословица: „настрочилъ—и съ плечъ долой“. Да и какъ не строчить, когда кромѣ указанной уже мною переписки, такъ сказать, текущей, на обязанности писаря лежитъ еще веденіе тридцати съ лишнимъ книгъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ денежныхъ и удовлетвореніе всѣхъ нуждъ населенія, что сопряжено съ безпрерывными разъѣздами для составленія приговоровъ, описей, актовъ и проч? Трудъ, воистину, громадный, безъ передышки, потому что воскресенье и праздники—самые тяжелые дни для писаря; народъ, свободный отъ полевыхъ работъ, спѣшитъ, чтобы не потерять день въ будни, обдѣлать въ эти дни всѣ свои дѣла въ волости; трудъ, повторяю, громадный, и не будь въ писарствѣ мрачныхъ сторонъ—кляузничества и взяточничества,—лица, несущія этотъ трудъ на своихъ плечахъ, заслуживали бы полнаго уваженія всѣхъ честныхъ людей.

Какое же вознагражденіе получаетъ этотъ статистикъ, этотъ изслѣдователь народной жизни, этотъ агентъ земскаго страхованія и проч? Въ —скомъ уѣздѣ только одинъ счастливецъ получалъ 50 р. въ мѣсяцъ, а всѣ остальные—40, 30 и даже 25 руб.; но все это бы еще ничего, потому что въ деревнѣ на такія средства кое-какъ прожить можно; отвратительно то, что эти рубли приходится ежегодно выпрашивать у волостного схода, ублаготворяя его полуведромъ или ведромъ водки, претерпѣвая униженіе отъ разныхъ Парфеновъ, держащихъ весь сходъ въ рукахъ. Въ предъидущей главѣ я передавалъ разсказъ одного изъ этихъ Парфеновъ, какъ онъ смирилъ заартачившагося писаря. Положимъ, что этотъ писарь никакими особенными доблестями не от-

личался и самъ вызвалъ Парфена на бой, превысивъ свою власть; но не всегда же случается, что Парфены дѣйствуютъ только изъ оскорбленнаго самолюбія: обыкновенно они ратуютъ или за прибавку къ жалованью писаря, или за убавку—смотря по тому, дана ли имъ трюшница, или нѣтъ. Лично я за три года своей дѣятельности въ Кочетовѣ настолько съумѣлъ расположить къ себѣ населеніе, что при послѣднемъ назначеніи мнѣ жалованья въ 1884 г. и рѣчи не было о водкѣ, никто не заикнулся потребовать съ меня могарычъ, а нѣкоторые предлагали мнѣ даже прибавить жалованья, но я самъ пожелалъ остаться при прежнемъ окладѣ въ 35 р. въ мѣсяцъ; но прошу не забыть, что это произошло на третій годъ моего служенія, — а чего мнѣ эти годы стоили!..

Несомнѣнно, что частью благодаря ничтожности вознагражденія за громадный трудъ и, главное, благодаря денежной зависимости отъ Парфеновъ,—черезъ-чуръ мало находится охотниковъ изъ порядочныхъ людей занимать должность волостныхъ писарей, предпочитая сидѣть въ городахъ, въ душныхъ конторахъ и правленіяхъ и получать какими-нибудь двумя десятками рублей болѣе жалованья, чѣмъ они могли бы получить въ деревнѣ. Съ другой стороны, благодаря хуже, чѣмъ неудовлетворительному составу писарей, разныя начальственныя лица привыкли къ нимъ относиться не какъ къ самостоятельному и заслуживающему хотя бы нѣкотораго уваженія люду, а какъ съ низшимъ сортомъ наемниковъ, безъ воли и достоинства, обязанныхъ безпрекословно исполнять всѣ разумныя, неразумныя и даже беззаконныя требованія власть имѣющихъ. Поэтому, положеніе порядочнаго человѣка, попавшаго въ писарскую шкуру, почти невыносимо: начальство помыкаетъ, Парфены доѣзжаютъ, крестьянство сторонится и относится съ недовѣріемъ ко всякому доброму порыву... И рѣдкій-рѣдкій не совсѣмъ опустившійся человѣкъ удержится на этомъ проклятомъ мѣстѣ: всѣ они, при первой возможности, бѣгутъ на частныя должности—въ прикащики, конторщики, управляющіе и проч., лишь бы только имѣть не двусмысленное положеніе и знать одного опредѣленнаго хозяина, а не цѣлую коллекцію разныхъ властей.

Лично я стоялъ въ совершенно особомъ положеніи, чѣмъ другіе волостные писаря, потому что нѣкоторые изъ начальниковъ познакомились со мной черезъ моего товарища Ковалева, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этихъ очерковъ, другіе же, незнакомые съ моимъ исключительнымъ положеніемъ, все-таки чувствовали во мнѣ что-то такое, что̀ заставляло ихъ относиться ко

мнѣ совершенно иначе, чѣмъ къ прочимъ писарямъ. Однако, несмотря на всю выгодность моего положенія, я часто былъ въ прескверныхъ обстоятельствахъ, и самолюбіе мое, или вѣрнѣе сказать, чувство собственнаго достоинства, — нерѣдко страдало. Вотъ, напр., одиннадцать часовъ вечера; осень, слякоть; я дома, и собираюсь уже ложиться спать, такъ какъ встаю рано, въ седьмомъ часу утра. Вдругъ сильный стукъ въ окно.

— Кто тамъ? Что нужно?

— Пожалуйте въ волость,—узнаю голосъ десятскаго; слѣдственникъ пріѣхалъ, требуютъ васъ къ себѣ.

Недоумѣваю, что за экстренная надобность; однако, одѣваюсь, натягиваю закорузлые болотные сапоги и иду за полъ-версты въ волость, шлепая по лужамъ и насквозь пронизываемый мелкимъ осеннимъ дождемъ.

— А, здравствуйте,—говоритъ слѣдователь, сидя за привѣтливо шумящимъ самоваромъ и кушая чай съ свѣжими сливками и съ сдобными сухарями, привезенными изъ города.—Вотъ мнѣ нужны эти люди, которыхъ я выписалъ на эту бумажку; распорядитесь, чтобъ завтра къ 9-ти часамъ утра были здѣсь.

— Но, г. слѣдователь, я вижу, что нѣкоторые вызываются изъ селеній за 12 и 15 верстъ; въ такую погоду они не успѣютъ пріѣхать къ 9-ти часамъ.

— Надо сейчасъ послать ямщика, тогда успѣютъ.

— Теперь такъ темно и такая скверная дорога, что ни одинъ ямщикъ не рѣшится ѣхать проселками, придется ждать разсвѣта.

— Глупости!.. Я вѣдь только-что пріѣхалъ же...

— Вы ѣхали большой почтовой дорогой, съ которой нельзя сбиться...

— Ну-съ, довольно. Я вамъ приказалъ, а вы можете дѣлать, какъ знаете; я съ васъ буду взыскивать.

— Не за что взыскивать. Всѣми принято, что при большомъ количествѣ вызываемыхъ дается знать волости за день или за два впередъ,—говорю я раздражительно, и вдругъ, совершенно неожиданно для самого себя, прибавляю:—да кромѣ того я покорнѣйше просилъ бы васъ по ночамъ меня въ волость не вызывать; я цѣлый день работаю и ночью нуждаюсь, какъ и вы, въ отдыхѣ...

Поворачиваюсь и опять совершаю прогулку по лужамъ, приказавъ десятнику въ 5 ч. утра прислать ко мнѣ на квартиру двухъ верховыхъ ямщиковъ для вызова нужныхъ слѣдователю людей...

Слѣдователь этотъ боленъ печенью, и потому желченъ и раздражителенъ до крайности; для своей должности онъ совсѣмъ не годится, потому что у него на допросѣ и обвиняемый, и обвинитель, и свидѣтели, по свойственной мужикамъ въ отношеніи начальства трусости, трепещутъ, и думаютъ только о томъ, какъ бы допустилъ Господь унести ноги.

— Ты не замѣчалъ какихъ-нибудь натянутыхъ отношеній между Париновымъ и обвиняемымъ до пожара у потерпѣвшаго Паринова?

Свидѣтель пыхтитъ, съ тоской посматривая на предметы, разложенные на столѣ.

— Че-го-же ты сто-ишь и не от-вѣ-ча-ешь?.. — отчеканиваетъ инквизиторъ, повышая голосъ.

— Н-не могу знать-съ...

— Т.-е., чего ты не можешь знать?—уже гремитъ слѣдователь. — Что ты дуракъ набитый, это ты давно долженъ былъ знать!.. Я спрашиваю тебя, — не ругались ли или не ссорились ли когда-нибудь Б. и П. до пожара у П?

Съ мужика потъ градомъ льется, и онъ съ страшнымъ усиліемъ рѣшается наконецъ отвѣтить:

— Извѣстно, брань у нихъ допрежь была про огородъ...

И такія-то сцены разыгрывались съ утра до вечера въ присутственной комнатѣ волостного правленія, когда шло слѣдовательское дѣлопроизводство.

По моемъ уходѣ, ему стало жарко, а такъ какъ двойныя рамы были уже вставлены, форточки-же на грѣхъ не было сдѣлано, то строгое начальство палкой вышибло два стекла — „для вольнаго воздуха“; предварительно нашумѣвъ на нашего волостного сторожа такъ, что тотъ долго руками разводилъ, не будучи въ состояніи очувствоваться отъ начальническихъ криковъ и топанія ногъ. „Ну, и строгій же баринъ, — говаривалъ впослѣдствіи сторожъ Петровичъ, улыбаясь:—и гдѣ только такой зародился?..“ Однако строгій баринъ не вызывалъ меня уже больше никогда въ волость по ночамъ.

Вѣроятно, благодаря своей нѣмецкой натурѣ, онъ былъ щепетиленъ, брезгливъ и самолюбивъ до смѣшного. Съ собой онъ возилъ цѣлое хозяйство: въ тарантасѣ его, истинномъ мученіи для ямщиковъ, вслѣдствіе его громоздкости и тяжести, помѣщались: желѣзная складная кровать со всѣми постельными принадлежностями, керосиновая кухня съ жестяной посудой, бутылки съ бульономъ, холодные пирожки и котлеты, цѣлая аптека медикаментовъ и проч. Пріѣздъ его былъ рѣшительно карой небесной для

всѣхъ волостныхъ, начиная отъ старшины, который мыкался взадъ и впередъ, до сторожа включительно; этому послѣднему доставалось больше всѣхъ: крикъ „строгаго барина“ не умолкалъ во все время, покуда Петровичъ исполнялъ даваемыя ему приказанія, никогда не умѣя „потрафить въ такцію“. И кровать онъ не такъ разставлялъ, и умываться не умѣлъ подавать, и дверей за собой плотно не притворялъ.—„Куда ты стаканъ ставишь мнѣ подъ руку? Вѣдь я уроню его?.. Вотъ, вотъ куда его надо ставить“, — кричалъ „строгій баринъ“, съ трескомъ ставя на нравившееся мѣсто стаканъ,—и стаканъ, отъ черезъ-чуръ энергичнаго обращенія, разлетался въ дребезги... Въ одной волости не понравился ему столъ, показался высокъ: онъ приказалъ при себѣ на вершокъ отпилить у него ножки... Впрочемъ, къ чести его нужно сказать, что онъ за всѣ причиненные убытки, разбитыя оконныя стекла и стаканы, исправно платилъ, и въ каждый пріѣздъ награждалъ Петровича двумя, тремя серебряными монетами. Но это никакъ не искупало его неделикатнаго обращенія со всѣми, кто былъ на низшей, чѣмъ онъ, общественной ступени.

Пріѣзжаетъ онъ какъ-то въ полночь въ одинъ изъ нашихъ поселковъ и, не вылѣзая изъ саней, требуетъ къ себѣ старосту.

— Отводи мнѣ квартиру!

— Извольте, ваше б-діе, въ сборню пожалуйте, — опричь некуда. Въ сборнѣ оказалась окотившаяся овца съ ягненкомъ.

— Это что такое?.. Ты меня въ овчарню завелъ! Мнѣ надо квартиру земскую, чистую, а не хлѣвъ!

— Куда-же, ваше б-діе, я не знаю... Земскихъ фатеръ у насъ никакихъ нѣту, все мужичье живетъ. Вотъ развѣ къ отцу батюшкѣ толкнуться, не пуститъ ли онъ?..

— Веди хоть къ самому чорту!..

И батюшка, и матушка уже спали, но по усиленному стуку, а потомъ по настойчивымъ просьбамъ старосты, они, наконецъ, рѣшились пустить слѣдователя ночевать въ единственную свободную комнатку ихъ маленькаго дома.

— Ужъ вы извините,—говорилъ батюшка,—мы по деревенски ложимся спать рано, потому долго и не отпирали. А вы извольте располагаться здѣсь, почивайте на здоровье.

— А какъ же самоваръ мнѣ?

— Самоваръ?!.. Что-жъ, и это, пожалуй, можно, только вотъ работницу разбужу. Она, признаться, весь день стирала бѣлье, ну, и спитъ; а, впрочемъ, я сейчасъ...

Черезъ полчаса сонная Акулина-работница вноситъ самоваръ.

— Что это за самоваръ?.. Вѣдь это отрава, а не самоваръ, позеленѣлъ весь; должно быть, годъ не чищенъ! Убирай назадъ, я не хочу отравляться!

И это—человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Что же ждать, напр., отъ Щукина, штабсъ-капитана изъ мелкотравчатыхъ дворянъ, убоявшихся бездны премудрости, всю жизнь поровшаго, бившаго, ругавшагося кабацкими словами и этимъ поддерживавшаго свой офицерскій авторитетъ?.. Однажды, при случаѣ, о которомъ я буду говорить ниже, на мое замѣчаніе, что онъ дѣйствуетъ незаконно и ограничиваетъ права нашей волости въ ущербъ прочимъ, онъ раскричался въ отвѣтъ мнѣ такъ: „что вы ко мнѣ съ законами лѣзете?.. Что я скажу, — то и законъ для васъ! А то—„незаконно, незаконно"... Умны ужъ очень! Дѣлайте какъ я сказалъ". Я былъ въ данномъ случаѣ въ безправномъ и безгласномъ положеніи, возражать не имѣло смысла, и беззаконіе благополучно совершилось...

Самый главный изъ начальниковъ, Столбиковъ, поступалъ съ старшинами и писарями такъ. Пишетъ, напримѣръ, записку: „явиться ко мнѣ завтра старшинѣ и писарю въ девять часовъ утра". Вызываемые скачутъ за десятки верстъ, побросавъ всѣ текущія дѣла и поспѣваютъ къ 9-ти часамъ; заявляются въ контору имѣнія—сборный пунктъ всѣхъ, имѣющихъ личное дѣло до „самого". Имъ говорятъ: рано пріѣхали,—„самъ" никогда раньше 11-ти часовъ не встаетъ. Ждутъ до 11-ти; по телефону (чтобъ не отставать отъ вѣка, Столбиковъ завелъ у себя въ имѣніи эту штуку) даютъ въ контору знать, что „всталъ". Старшина проситъ доложить; отвѣтъ — „подождите, когда позовутъ". Ждутъ; въ третьемъ часу пополудни раздается приказъ: „идите къ барину". Только-что подходятъ къ крыльцу — глядь, подъѣзжаетъ тарантасъ съ гостями сосѣдями; конечно, — опять ждать. Восемь часовъ вечера; уѣхали гости; „доложите!".. „Сейчасъ приметъ, только управляющаго отпуститъ,—съ докладомъ пришелъ". Наконецъ въ десять часовъ вечера: „идите, зовутъ". Голодные, измученные и одурѣлые отъ тринадцати-часового ожиданія являются они къ начальству, — и что же оказывается? Какъ-то темною ночью проѣзжалъ Столбиковъ черезъ одну изъ деревень, находящихся въ вѣденіи злополучнаго старшины и потребовалъ у мѣстнаго десятскаго дать ему провожатаго, но десятскій, вѣроятно, о Столбиковѣ никогда не слыхавшій, провожатаго не далъ, да и самъ долго не сталъ растабарывать съ требовательнымъ проѣзжающимъ и, воспользовавшись темнотой, куда-то скрылся. Изъ боязни свалиться въ оврагъ, злополучному начальнику при-

шлось всю дорогу ѣхать шагомъ. Такъ вотъ требовалось наказать дерзновеннаго десятскаго, и для этого-то важнаго предмета волостные, бросивъ всѣ дѣла, дежурили цѣлый день въ конторѣ съ телефономъ... Вѣрнѣе всего, это былъ новый остроумный способъ выдерживанія подъ арестомъ нерадивыхъ подчиненныхъ, допускающихъ въ своей волости подобные страшные безпорядки.

Вообще, если я скажу, что всѣмъ старшинамъ, кромѣ двухъ, и большинству изъ писарей почти всѣ начальствующіе говорили „ты", а нѣкоторые въ экстренныхъ случаяхъ употребляли и довольно крупную брань, то некрасивое положеніе представителей десятитысячныхъ группъ населенія будетъ вполнѣ ясно. Чувство собственнаго достоинства и нравственная порядочность никакъ не могутъ развиться у лицъ, сознающихъ себя, съ одной стороны, полновластными хозяевами надъ цѣлой территоріей, а съ другой— безотвѣтными рабами разныхъ „благородій"; такіе люди неизбѣжно должны придти къ высокомѣрію съ низшими и къ раболѣпству передъ высшими. Благодаря низкому уровню нравственности большинства „членовъ", волостные обязаны и въ служебныхъ, и въ неслужебныхъ дѣлахъ оказывать всяческое угожденіе этимъ „членамъ"; но въ то же время сознавая и себя начальниками, они, для равновѣсія, требуютъ уже отъ своихъ подчиненныхъ изъявленій почитанія и угодливости. Чѣмъ же у простыхъ людей, не знакомыхъ съ изысканными манерами и цвѣтистою рѣчью, можетъ быть выражена угодливость къ своему волостному начальству? Конечно, чѣмъ либо вещественнымъ, обиходнымъ и для всѣхъ понятнымъ,—угощеніемъ или деньгами. Тутъ дѣло не въ шкаликѣ водки и не въ гривенникѣ деньгами, потому что такіе дары сами по себѣ не могутъ прельстить волостныхъ, людей сравнительно обезпеченныхъ; важно то, чтобы получающій паспортъ или удостовѣреніе выразилъ чѣмъ-нибудь, что онъ чувствуетъ доброту начальника и много этимъ доволенъ,—это служитъ нравственнымъ удовлетвореніемъ для нихъ, извѣрившихся въ себѣ, вслѣдствіе постояннаго трепета; и опять повторяю, чѣмъ же облагодѣтельствованный паспортомъ подчиненный можетъ выразить, чтó онъ чувствуетъ? Ничѣмъ, какъ приглашеніемъ на чай въ „Центральную" или предложеніемъ гривенника. Первое время, какъ я поступилъ, мнѣ — особенно по воскресеньямъ — отбою не было отъ приглашеній на чай; пятачки совались, но рѣже; въ иной день получишь до десяти приглашеній „откушать чайку", и когда я всѣмъ отказывалъ, то приглашающіе глубоко оскорблялись, слышались замѣчанія: „брезгуетъ нами" и проч.; я не могу этого объяснить чѣмъ-либо другимъ, какъ уже вкоре-

явившейся въ мужикѣ потребностью изъявить чѣмъ-нибудь свою благодарность за труды по его дѣлу, доказать, что онъ не безчувственная скотина, а тоже „понимаетъ". Въ этихъ случаяхъ происходитъ какъ бы не высказанный громко діалогъ:

Начальникъ.—Видишь, какъ о васъ трудимся, по праздникамъ отдыху нѣтъ, отъ высшаго начальства васъ ограждаемъ, за всякую вину вашу на себя отвѣтъ беремъ...

Мужикъ.—Какъ, батюшка, не понимать; очень даже чувствуемъ и много довольны вами. Благодарствуемъ, что потрудились; пожалуйте отдохнуть—чайку покушать?..

Но бываютъ случаи, когда то же или почти то же высказывается и вслухъ. У высидѣвшаго нѣсколько дней подъ арестомъ за чужія недоимки старшины или старосты невольно является желаніе поднять свое падающее и въ своихъ, и въ чужихъ глазахъ достоинство. Отъ него, конечно, нельзя требовать гражданской доблести, сознательныхъ „страданій" за міръ, да и сами міряне далеки отъ предъявленія такого рода требованій: они вполнѣ сознаютъ, что старшина пострадалъ за ихъ вину и считаютъ справедливымъ вознаградить его — чѣмъ же? не пустыми благодарностями — изъ нихъ, извѣстно, шубы не сошьешь, — а чѣмъ - нибудь вещественнымъ, осязательнымъ. А оскорбленное самолюбіе тѣмъ временемъ вымещаетъ на нихъ свой позоръ: вы, анаеемы, податей не платите, а я въ холодной за васъ, какъ прощалыга, сиди? Свои-то у меня давно заплачены, за что же я одинъ въ отвѣтѣ буду?.. Нѣтъ, шалишь, пойдите-ка таперича вы туда, узнайте, какъ тамъ скусно"... „Батюшка, Парамонъ Ѳедулычъ, ужъ ослобони, сдѣлай божескую милость!... А мы не то-что... мы оченно даже понимать можемъ... Пожалуй-ка яишенки закусить, не побрезгуй!.." Я былъ однажды глубоко возмущенъ юмористическимъ разсказомъ двухъ старостъ, посаженныхъ становымъ за недоимки въ арестантскую при чужой волости: „посадили насъ,—говорили они,—ну и сидимъ; тоска одолѣла; хоть бы, думаемъ, еще кого привели. Глядь, тутъ и есть—двухъ лошадниковъ привели, съ темной лошадью попались. Извѣстно, растабарывать стали; они и спрашиваютъ: кто, молъ, мы такіе и за какія провинности сидимъ? А мы, чтобы подшутить, взяли да и соврали—тоже, дескать, съ лошадью попались. Такъ мы, говорятъ, значитъ, товарищи; и давай это намъ про свои дѣла разсказывать. На четвертые сутки пришелъ сторожъ выпускать насъ и говоритъ: ну, старостà, собирайтесь! А лошадники намъ: нешто вы старостà? Нѣтъ, говоримъ, это насъ за то тутъ прозвали, что давно ужъ сидимъ, до старостовъ дослу-

жились"... Да гдѣ же тутъ мѣсто чувству собственнаго достоинства, когда человѣка за то только, что онъ гуманно относится къ своимъ односельцамъ, равняютъ съ отъявленнѣйшими негодяями, бичомъ крестьянства — конокрадами? И можно ли винить ихъ, если они, вернувшись къ себѣ въ село, начнутъ ломаться передъ недоимщиками и выпивать съ нихъ, „за уважденіе" въ отсрочкѣ недоимокъ, косушки и шкалики, чтобы заглушить неясное, но все-таки ощутительное чувство стыда?.. Не хорошо, впрочемъ, было и мое положеніе, когда я слушалъ приправленный легкимъ юморомъ разсказъ старостъ и зналъ, что кара, ихъ постигшая, была слѣдствіемъ донесенія, писаннаго моей рукой... А не указывать виновныхъ „въ нерадѣніи къ казеннымъ интересамъ" нельзя было, такъ какъ при неуказаніи таковыхъ козломъ отпущенія оказался бы старшина, которому и предстояла бы перспектива знакомиться съ конокрадами: „своя рубашка ближе къ тѣлу," — рѣшили мы съ старшиной, и старостá были преданы въ руки начальства. Кстати замѣчу, что денежные штрафы, налагаемые начальствомъ на старшинъ и старостъ, никогда не падаютъ на нихъ, а на общество, и штрафъ, напр., за недоимки, очень быстро вносится старостами изъ имѣющихся у нихъ на рукахъ мірскихъ суммъ, и общество всегда санкціонируетъ впослѣдствіи при учетѣ такую растрату. Въ данномъ случаѣ староста даже не благодарятъ за избавленіе ихъ отъ штрафа: они принимаютъ, какъ должное, чтобы отвѣчалъ тотъ, кто виноватъ, а относительно существованія недоимокъ виноватѣе, конечно, все общество, чѣмъ одинъ изъ его членовъ, наименованный, по приказанію начальства же, старостою. Случалось даже, что общество принимало на себя наложенный на старосту штрафъ за пьянство; въ этомъ случаѣ, вѣроятно, дѣйствовало то соображеніе, что староста—мірской слуга, и что міръ за него и отвѣчаетъ, коли онъ плохъ; впрочемъ, былъ одинъ случай, когда общество заставляло старосту заплатить штрафъ за пьянство и нерадѣніе къ службѣ „изъ своихъ,"—не принявъ его на мірской коштъ. Начальство и само отлично знаетъ, что штрафы рѣдко падаютъ на виновнаго въ ихъ глазахъ, т.-е. на старосту (эти послѣдніе очень рѣдко поплачиваются своими деньгами), и поэтому господствующимъ наказаніемъ является арестъ: но и арестованные сельскіе начальники не могутъ пожаловаться на безсердечіе міряиъ: имъ идутъ щедрые харчевые, полтинникъ и даже рубль въ сутки, и мірскія подводы обязательно доставляютъ ихъ къ мѣсту назначенія, т.-е. въ кутузку, задаромъ...

Читая, напр., въ „Отеч. Зап." за 1882 г. въ статьѣ „Изъ

фабрично-заводскаго міра“ о порядкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы,—о порядкахъ, при которыхъ сотни мужиковъ недоимщиковъ закабаляются старшинами, безъ вѣдома и согласія этихъ „свободно договаривающихся“ разнымъ прикащикамъ и подрядчикамъ для работъ на болотахъ, и въ особенности для сплава по Камѣ и Чусовой—работъ истинно каторжныхъ; читая, напр., Гл. Успенскаго о произволѣ, царствующемъ въ новгородской губерніи, гдѣ цѣлыя селенія за недоимки подвергаются поркѣ по приказанію становаго или даже только старшины,—я неоднократно благодарилъ судьбу, забросившую меня въ сравнительно зажиточный уголокъ Россійской Имперіи, въ которомъ недоимки являются только какъ результатъ выходящаго изъ ряда вонъ бѣдствія—полнаго неурожая (какъ напр., въ 1882 г.), опустошительнаго пожара, градобитія и т. п. Въ Кочетовской волости въ 1881 г. не было ни одного селенія съ недоимками; съ 1882 г., когда случился большой неурожай (рожь давала отъ самъ-1 до самъ-3), нѣкоторыя селенія позапустили подати, и недоимки и въ настоящее время (1884 г.) еще не покрыты; но я увѣренъ, что одинъ-два хорошихъ года дадутъ населенію возможность вполнѣ оправиться. Я не говорю, чтобы экономическое положеніе всѣхъ селеній Кочетовской волости было блестяще,—далеко нѣтъ, и я въ одной изъ послѣдующихъ главъ намѣреваюсь подробнѣе обрисовать экономическое состояніе этого края; но фактъ, во всякомъ случаѣ, остается фактомъ: здѣшнему крестьянству живется гораздо легче сравнительно съ населеніемъ сѣверныхъ, нечерноземныхъ губерній, и вслѣдствіе этого оно не находится въ такой ужасной кабалѣ у кулаковъ и въ такомъ угнетенномъ положеніи относительно власть имѣющихъ. Круговая порука съ ея нравственно развращающимъ (въ существующемъ видѣ) вліяніемъ здѣсь неизвѣстна; продажи имущества у недоимщиковъ за невзнось податей также не бываетъ, потому что обезпеченіемъ недоимки всегда служитъ земля, арендная стоимость которой сильно превышаетъ лежащіе на ней платежи. Такимъ образомъ экзекуціи, т.-е. продажи имущества, случаются только за частные долги по опредѣленію судебныхъ мѣстъ,—но и эти случаи крайне рѣдки, потому что добросовѣстные должники имѣютъ полную возможность покрыть долгъ, если онъ не великъ,—примѣрно 10—15 р.,—арендной стоимостью одной десятины земли изъ своего надѣла или лѣтними заработками, которые, кстати сказать, здѣсь очень не дурны. Убрать десятину, т.-е. скосить и связать, въ обыкновенное время стоитъ 3 р. 50 к.—5 р. (при наймѣ зимой—1 р. 50—2 р.), а въ 1881 г. уборка доходила, по случаю урожая,

до 10 и даже 15 рублей за десятину; въ большихъ экономіяхъ, преимущественно у купцовъ, производящихъ огромные посѣвы въ нѣсколько тысячъ десятинъ, заработки, напр., во время возки хлѣба съ поля даютъ 2—3 руб. въ день на человѣка съ лошадью; я знаю двухъ братьевъ мужиковъ изъ Кочетова, которые, проработавъ въ такой экономіи шесть дней—съ понедѣльника до вечера субботы на трехъ лошадяхъ—привезли домой 35 руб.; жаловаться на такіе заработки, во всякомъ случаѣ, нельзя... Впрочемъ,—все это къ слову. Какъ-ни-какъ, а приходилось все-таки и мнѣ производить нѣсколько разъ продажу имущества за неплатежъ по исполнительнымъ листамъ; изъ десяти случаевъ—девять назначенные торги кончались ничѣмъ, такъ какъ стороны кончали дѣло миромъ, заключая новое условіе между собою, причемъ истецъ не оставался, конечно, невознагражденнымъ за данную отсрочку; но два или три раза пришлось-таки продать, въ одномъ случаѣ—десятокъ куръ, въ другомъ—боровка и т. п. Состоялась ли продажа или не состоялась, сцены, бывающія на этихъ „укціонахъ", такъ тяжелы, что я почти всегда посылалъ для производства торговъ своего помощника, не желая принимать активнаго участія въ узаконенномъ насиліи... Представьте себѣ морозъ въ 20°; сильный вѣтеръ пронизываетъ до костей, не смотря на валенки, теплое пальто и тулупъ, подпоясанный кушакомъ; слезы невольно выступаютъ изъ глазъ, тутъ же примерзая къ рѣсницамъ. Семи-аршинная ольховая избенка, съ двухъ-вершковыми въ діаметрѣ бревнами, вся окутана снаружи соломой, и не смотря на эту мѣру, въ избѣ такъ продуваетъ, что вся семья сидитъ на печкѣ, отогрѣвая зазябшее тѣло; и вдругъ мы, архаровцы, т.-е. старшина, староста, я и понятые, являемся продавать съ „укціона" сѣнцы—единственную защиту отъ вѣтра входныхъ въ избу дверей. Спрашиваемъ хозяина,—припасъ ли онъ деньги 8 р. 45 к., которыя долженъ крестьянину изъ сосѣдней деревни Захару Филипычу за снятый въ прошломъ году осьминникъ, на которомъ, по случаю неурожая, родилось ржи четыре копны, давшихъ по двѣ мѣры, такъ что урожай едва окупилъ сѣмена и работу; но Захаръ Филипычъ въ неурожаѣ не виноватъ и требуетъ „свое", т.-е. арендную плату за землю, и волостные судьи, разбиравшіе это дѣло, единогласно признали право на полученіе Захаромъ Филипычемъ 8 р. 45 к. съ Тихона Скворцова, этотъ же послѣдній, ссылаясь на „божеское наказаніе", просилъ обождать уплатой до слѣдующаго года. Но истецъ остался неумолимъ—и мы принуждены были произвести опись имущества и назначить день торговъ; назначены къ продажѣ сѣнцы—за неимѣніемъ чего-либо

другого, годнаго къ продажѣ, такъ какъ все недвижимое имущество Скворцова заключается въ избѣ съ сѣнцами, да въ дворѣ плетневомъ съ провалившимися навѣсами, а движимое—въ кобылѣ „безъ годовъ“, нешинованной телѣгѣ и развалившихся саняхъ съ мочальной упряжью; нѣтъ даже куръ, сбытыхъ, по случаю опять-таки неурожая, курятнику, еще съ осени. Итакъ, спрашиваемъ Скворцова: „приготовилъ деньги?“

— Отцы родные, да откуда жъ я возьму? Продать нечего, работишки въ округу нѣтъ никакой, скоро и хлѣбушка весь выйдеть... Гдѣ ужъ тутъ деньги заготовлять! Захаръ Филипычъ, сдѣлай ты божеску милость, ослобони до осени; може, хлѣбушко уродится—отдамъ, не то отработаю.

— Отработаю... Знаемъ мы васъ, какъ отрабатываете-то! Теперь ты кланяешься: Захаръ Филипычъ, такой-сякой, а тогда мнѣ за тобой бѣгать придется: Тихонъ Иванычъ, родненькій, выходи на работу... Нѣтъ, братъ, очень даже хорошо обучены этому производству, на мякинѣ не обойдешь... Ты мнѣ мое подай, я лишняго ничего не прошу, ни пятачка не набавилъ за подожданье, не хочу грѣха на душу примать; что договорено было, то и ищу...

— Очень это мы понимаемъ, Захаръ Филипычъ, и даже то есть во-какъ чувствуемъ... Да откуда-жъ мнѣ-то взять таперь, посуди самъ?

— А откуда хошь; мнѣ что, я свое прошу, лишняго не беру. У меня такихъ-то, какъ ты, може тридцать человѣкъ наберется,—это, сосчитай, много-ль денегъ-то выйдетъ? Этакъ самъ по-міру съ вами пойдешь, коли очень распускать-то будешь...

Не втерпежъ становится мерзнуть на-вѣтру; старшина въ послѣдній разъ спрашиваетъ должника, отдастъ ли онъ деньги, потомъ проситъ Захара Филипыча отложить взысканіе до осени, но послѣ полученныхъ отъ обоихъ отрицательныхъ отвѣтовъ объявляетъ торги открытыми, въ такой, примѣрно, формѣ:

— Ну, намъ съ вами не замерзать же тутъ... А. Н., читай такъ, что продается-то?

— Сѣнцы ольховые, рубленые, оцѣнены въ 4 р. 50 к.

— Эй, желающихъ никого нѣтъ покупать?

Въ нашей кучкѣ все оффиціальныя лица—начальство и понятые; желающихъ торговаться на такую дрянь никого не является и у меня начинаетъ зарождаться надежда, что сѣнцы останутся во владѣніи злосчастнаго Тихона, какъ вдругъ раздается голосъ Захара Филипыча: „гривенникъ накидываю, за себя беру... О веснѣ строиться буду,—такъ на что-нибудь пригодятся; а то

все равно деньгамъ пропадать",—объясняетъ онъ понятымъ, которые уныло поддерживаютъ его восклицаніями: „это такъ, что и говорить!.. Извѣстно, для хозяйства ежели"...

— Такъ вотъ, Иванычъ,—говоритъ Захаръ Филипычъ,—вотъ дѣло-то какое, за себя беру. Выбирай изъ нихъ пожитки-то, что у тебя тамъ есть... Завтра и ломать пріѣду.

Но тутъ ужъ я, а потомъ и старшина начинаемъ упрашивать деревенскаго капиталиста подождать до тепла и не морозить несчастную семью... Баба съ воплемъ бросается на колѣни... Тихонъ задумчиво скребетъ бороду... На душѣ очень скверно, и свободнѣе дышется, когда подъ вліяніемъ нашихъ просьбъ и уговариваній, Захаръ Филипычъ отсрочиваетъ уплату до весеннихъ работъ. „Заработаешь—ладно, надуешь—сѣнцы сломаю",—говоритъ онъ Тихону. Понятно, что работа Тихона будетъ на 20—30% дешевле цѣниться противъ существующихъ цѣнъ... Мы бѣгомъ отправляемся грѣться въ кабакъ, гдѣ Захаръ Филипычъ подноситъ и начальству, и понятымъ по стаканчику „за труды"; понятно, никто не отказывается отъ заслуженной на морозѣ порціи.

А то разъ пріѣхали въ деревушку амбаръ продавать съ торговъ же у одного должника. „Погодите, Христа ради, — молитъ малый лѣтъ 22-хъ, единственный мужикъ въ семьѣ изъ 5 душъ:— дайте сроку на три дня, я къ дяденькѣ въ Соколки (селеніе за 40 верстъ) сбѣгаю; може, онъ выручитъ".

— Никакъ нельзя, торги на нынѣшнее число назначены; мы тоже въ отвѣтѣ будемъ за самовольную отсрочку... Да ты чтожъ раньше-то думалъ, отчего загодя не готовилъ денегъ? Вѣдь тебѣ было объ укціонѣ объявлено, было, а?..—допрашиваетъ парня старшина.

— Было-то было, да мы, извѣстно, народъ темный, думаемъ—авось Господь и пронесетъ...

— Пронесетъ!.. Ахъ-ты розиня этакая,—а?.. Да какъ же это пронести-то можетъ? Ты думаешь, мы шутки съ тобой шутить за пятнадцать верстъ пріѣхали? Нѣтъ, братъ, шалишь, раздобывайся тутъ, ежели кто повѣритъ, а то въ „секундую" продадимъ —вотъ и покупщикъ называется.

Парень упрашиваетъ мѣстнаго капиталиста, унтеръ-офицера, тайно поторговывающаго водкой—ссудить его на три дня двадцатью рублями; тотъ беретъ въ залогъ амбаръ, стоющій на худой конецъ 30 рублей, и даетъ на три дня 20 р., но съ тѣмъ, чтобы ему возвращено было 21 рубль, — „а то и возжаться съ тобой не стоитъ". Вся сдѣлка происходитъ при насъ, старшина получаетъ деньги, я отмѣчаю на исполнительномъ листѣ время

уплаты, и мы уѣзжаемъ домой, причемъ я не совсѣмъ хорошо себя чувствую, сознавая, что какъ бы санкціонировалъ своимъ присутствіемъ ссуду изъ 600%.

Резюмируя все сказанное здѣсь, находимъ, что волостному писарю приходится, во-первыхъ, исполнять скучныя и тяжелыя, по своему обилію, канцелярскія работы; во-вторыхъ, производить такія служебныя дѣйствія, которыя могутъ совершенно несогласоваться съ его взглядомъ на вещи; въ третьихъ, вполнѣ зависѣть отъ всякаго рода начальства и быть обязаннымъ исполнять всякія его требованія, даже беззаконныя; и въ четвертыхъ,— въ довершеніе всѣхъ этихъ бѣдъ, — зависѣть въ матеріальномъ отношеніи отъ кучки міроѣдовъ, въ каждую данную минуту могущихъ уменьшить писарское жалованье до невозможности существовать на него. Припоминается мнѣ случай, какъ въ одной изъ волостей нашего же уѣзда выжили черезъ-чуръ уже загребистаго писаря, не съумѣвшаго, къ тому же, жить въ ладу съ Парфенами. Онъ получалъ жалованья 500 руб. въ годъ, да на наемъ помощника отпускалось ему же 180 р., какъ вдругъ сходъ положилъ ему вмѣстѣ съ помощникомъ 300 руб. въ годъ, такъ что за уплатой помощнику, ему самому оставалось бы только по 10 р. въ мѣсяцъ; понятно, что на такихъ условіяхъ онъ оставаться не могъ и очистилъ мѣсто. Дѣйствительно, при той власти, которую забрало себѣ въ руки уѣздное присутствіе относительно назначенія и удаленія писарей,—хотя ни одна статья Общаго Полож. не оправдываетъ такихъ вмѣшательствъ,—единственнымъ оружіемъ въ рукахъ міра для самообороны или для нападенія на неугодное чернильное начальство осталось назначеніе ему денежнаго вознагражденія; въ принципѣ худого тутъ ничего нѣтъ, но на практикѣ рождается изъ этого масса злоупотребленій, и магарычи играютъ самую видную роль при ежегодномъ составленіи смѣты волостныхъ расходовъ. При всемъ моемъ отвращеніи къ системѣ магарыча, я былъ-таки въ необходимости два раза ставить таковой: въ первый разъ — при прибавкѣ мнѣ мѣсяцъ спустя послѣ вступленія на должность къ двадцати-пяти рублевому жалованью еще десяти рублей, а во второй разъ — при составленіи первой годовой смѣты для удержанія прежняго 35-ти рублеваго оклада. Меня не успѣли еще узнать и по привычкѣ такъ настойчиво требовали угощенія, что я, чтобы избавиться отъ навязчивыхъ приставаній, въ оба раза „выставилъ" по полведра... Потомъ міръ оцѣнилъ меня, да и Парфены буквально не осмѣливались тягаться со мной, такъ что о магарычахъ не бывало и помину;

въ началѣ же, попавъ въ чужой монастырь и не успѣвъ еще ввести своего устава, приходилось покоряться существовавшему.

Что касается до нравственной разладицы, происходящей отъ необходимости поступать, какъ должностное лицо, противъ своихъ убѣжденій, какъ человѣка,—я упомяну еще о слѣдующихъ случаяхъ: какъ секретарю волостного суда, приходится подчасъ записывать явно-пристрастныя рѣшенія или же постановленія о тѣлесномъ наказаніи провинившагося субъекта; при выдачѣ дворовымъ людямъ паспортовъ, приходится ихъ притѣснять, вымогая изъ нихъ подушную подать, такъ какъ по закону можно давать паспорта только уплатившимъ подати (теперь, по уничтоженіи подушной подати, сцены этого „законнаго" вымогательства почти прекратились, такъ какъ остались одни волостные сборы); составленіе, по требованію общества, явно несправедливыхъ приговоровъ, напр., о ссылкѣ на поселеніе (былъ даже такой случай,—о немъ впослѣдствіи) и проч. Все это такіе случаи, когда совѣсть моя, какъ человѣка, возмущается, но я все-таки обязанъ, какъ должностное лицо, поступать „по закону", находящемуся въ этихъ случаяхъ въ прямомъ противорѣчіи съ совѣстью... Помучившись, позлившись, испортивъ себѣ нѣсколько золотниковъ крови, рѣшаешься на какое-нибудь такое средство, которое можетъ быть оправдано только развѣ цѣлью: случалось, напр., искать поводовъ къ кассаціи въ собственноручно записанномъ постановленіи волостного суда; или писать безсмысленную жалобу въ высшую инстанцію съ одной лишь цѣлью — затянуть время и дать должнику возможность обернуться и проч. Повторяю, что служа въ волостныхъ писаряхъ, надо забыть брезгливость въ отношеніи выбора средствъ для достиженія благой цѣли; если вы—человѣкъ робкій и черезъ-чуръ нравственно-чистый, то вамъ не совладать съ той массой зла, подлости и насилія, которая со всѣхъ сторонъ нависла надъ безпомощнымъ населеніемъ селъ и деревень; вы будете только безполезно мучиться и терзаться и въ концѣ концовъ сами сочтете себя ни къ чему не годной тряпкой.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, неудивительно, что многія лица съ среднимъ и даже съ высшимъ образованіемъ довольствуются 300—600 рублевымъ жалованьемъ въ городѣ, и не идутъ въ деревню на должность писаря, гдѣ жалованье въ 500 руб. можетъ быть смѣло приравнено къ девятисотъ-рублевому городскому—благодаря дешевизнѣ квартиръ и жизненныхъ продуктовъ въ деревнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какая кому охота претерпѣвать оскорбленія и обиды отъ начальствъ и Парфеновъ, ежеминутно трепетать за свое существованіе (нѣтъ ничего легче, какъ

погубить интеллигентнаго человѣка, живущаго въ деревнѣ и имѣющаго, хотя бы по долгу службы, постоянныя сношенія съ народомъ), ворочать подчасъ безсмысленными, подчасъ невыполнимыми бумагами — и все это изъ безкорыстнаго желанія имѣть рѣдкую возможность словомъ или дѣломъ помочь темному человѣку, указать ему дорогу, написать прошеніе, похлопотать въ присутственныхъ мѣстахъ и проч. Такихъ охотниковъ, такихъ людей, готовыхъ—не смотря на неблагопріятныя обстоятельства—дѣлать въ тиши не громкія дѣла, еще очень мало (впрочемъ, тутъ большое значеніе имѣютъ такъ-называемыя „независящія обстоятельства"), и поэтому составъ писарей до невозможности плохъ: это большею частью или отставные военные писаря или недоучившіеся въ приходскихъ и духовныхъ училищахъ дѣти пономарей и дьячковъ... Для занятія этой крайне важной — въ общественномъ значеніи — должности не требуется никакого аттестата; обыкновенно достаточно бываетъ самой микроскопической протекціи — хотя бы секретаря уѣздной управы или становогопристава. И вотъ эти-то кантонисты и пономарскіе недоучки непосредственно вліяютъ, управляютъ, даютъ судъ и защиту 75 милліонному сельскому населенію!.. Откуда же проникнетъ свѣтъ въ сферу мужицкаго самоуправленія, откуда же научиться мужик понимать свои права и обязанности, откуда ему узнать, что онъ полноправный гражданинъ земли русской, а не объектъ для всякихъ приказаній и распоряженій, подчасъ безсмысленныхъ?.. Гдѣ ему узнать, что онъ кандидатъ въ присяжные засѣдатели, въ гласные; кто ему растолкуетъ различіе между этими обязанностями, такъ часто смѣшиваемыя и понынѣ — послѣ двадцатилѣтняго существованія ихъ—въ народномъ понятіи? Кто ему разъяснитъ, какія права и обязанности лежатъ на сходѣ, на старостѣ, старшинѣ? Нынѣшняя школа, конечно, далека отъ этой просвѣтительной роли, да далека будетъ и всякая школа, потому что она имѣетъ дѣло съ теоріей и съ малолѣтними дѣтьми; волость, этотъ центръ всего административнаго устройства крестьянства, и волостной писарь, представитель волости, умственный человѣкъ и законникъ, толкователь всякихъ распоряженій и ближайшій исполнитель ихъ—могли бы приносить громадную пользу въ дѣлѣ умственнаго развитія сельскаго населенія. Писарь бываетъ на всѣхъ сходахъ, составляетъ приговоры, относящіеся до самыхъ разнообразныхъ сторонъ крестьянской жизни, и будь онъ человѣкъ развитой, интеллигентный, вліяніе его на народную жизнь могло бы быть громадно,—такъ громадно, что роли школьнаго учителя и священника, какъ теоретиковъ, не принимающихъ не-

посредственнаго участія въ дѣлѣ народнаго самоуправленія, совсѣмъ стушевались бы. Если бы были установлены какія-либо мѣропріятія для привлеченія въ деревню интеллигентныхъ лицъ на должность писарей, переворотъ въ крестьянской жизни вышелъ бы огромный; для этого нѣтъ надобности заводить всесословныя волости и церковно-приходскія школы,—нужно только дать возможность интеллигенціи стать въ непосредственное общеніе съ сельскими массами...

Я самъ сознаю, что договорился до несбыточныхъ вещей,—и поэтому умолкаю, не предлагая никакихъ мѣропріятій для достиженія недостижимаго... „Никто не обниметъ необъятнаго", сказалъ Кузьма Прутковъ,—и онъ былъ правъ.

Н. А—ревъ.

РЕФОРМАЦІЯ

и

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ

I.

Польская реформація передъ судомъ исторіи.

Двѣ эпохи польской исторіи: реформаціонная и реакціонная.—Связь реформаціоннаго движенія съ политической исторіей Рѣчи Посполитой.—Двоякій интересъ, представляемый польской реформаціей.—Краткій обзоръ литературы предмета.—Болѣе широкая постановка вопроса. — Общій анализъ реформаціоннаго движенія XVI вѣка.—Неравномѣрное распредѣленіе причинъ реформаціи по разнымъ странамъ.—Необходимость ихъ сравнительнаго изученія.—Заключеніе.

Въ послѣднія времена своей политической самостоятельности польская нація была одною изъ самыхъ католическихъ во всей Европѣ. Религіозная нетерпимость господствовала въ законахъ государства и въ нравахъ общества, и такъ называемый „диссидентскій вопросъ“ былъ даже однимъ изъ поводовъ для вмѣшательства сосѣднихъ государствъ во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой,—для вмѣшательства, приведшаго Польшу къ тремъ „разборамъ“ ея территоріи между Россіей, Австріей и Пруссіей. Не таково было отношеніе польской націи къ римской церкви двумя вѣками ранѣе. Реформаціонное движеніе, охватившее въ XVI вѣкѣ западную Европу, коснулось и Польши, и соединенной съ нею Литвы, вызвало въ обѣихъ частяхъ государства анти-католическое „разновѣрство“ и даже установило здѣсь такую религіозную сво-

боду, какой не знали другія европейскія страны въ тотъ же періодъ времени: достаточно вспомнить, что въ Рѣчи Посполитой нашли пріютъ и какъ бы вторую родину представители крайняго религіознаго вольномыслія реформаціонной эпохи, извѣстные подъ общимъ именемъ антитринитаріевъ, въ то самое время, какъ ихъ вездѣ преслѣдовали и отовсюду гнали. Несомнѣнно, что своимъ перевоспитаніемъ въ строго-католическомъ духѣ, польское общество было обязано отцамъ „Общества Іисуса": іезуиты не только способствовали возвращенію „еретиковъ" въ лоно „единой спасающей церкви" и укрѣпили въ ревности къ ней остальныхъ поляковъ, но даже уничтожили въ странѣ самую память о происходившей въ ней реформаціи, заставили общество стыдиться временнаго отпаденія нѣкоторой его части отъ вѣры отцовъ. Въ эту реакціонную эпоху польской исторіи совершенно были забыты многіе замѣчательные дѣятели XVI вѣка на поприщѣ публицистики и политики, если ихъ дѣятельность имѣла характеръ не строго католическій или прямо протестантскій. Такая судьба постигла, наприм., сочиненія польскаго политическаго писателя реформаціонной эпохи Андрея Фрича Модржевскаго, одно изъ сочиненій котораго „De republica emendanda" въ свое время пользовалось большою извѣстностью даже за границей, гдѣ издавались его переводы на языкахъ: испанскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, и былъ предпринятъ переводъ по-итальянски. Модржевскій, говоритъ его новѣйшій біографъ, „принадлежа къ числу людей, сочувствовавшихъ новому движенію реформаціи, сталъ въ разрѣзъ съ католическою церковью и ея главными представителями въ Польшѣ, вслѣдствіе чего, когда католическая реакція взяла верхъ и въ Польшѣ водворились іезуиты, сочиненія Модржевскаго были признаны еретическими и помѣщены въ списокъ книгъ, запрещенныхъ духовною цензурою. Неудивительно поэтому, что литературные труды его были преданы забвенію: когда имя его сдѣлалось равнозначущимъ съ именемъ еретика, писатели и исторіографы или хранятъ о немъ глубокое молчаніе, или упоминаютъ только вскользь, да притомъ лишь тамъ, гдѣ не удостоить Модржевскаго вниманія значило бы исказить истину" [1]. „Совершеннымъ забвеніемъ,—говоритъ польскій историкъ Іосифъ Шуйскій,—покрыты имена сеймовыхъ корифеевъ изъ временъ Сигизмунда-Августа. Всеобщее возвращеніе къ католицизму осудило ихъ, какъ иновѣрцевъ, и загладило самые слѣды ихъ политиче-

[1]) Э. Дылевскій, „Андрей Фричъ Модржевскій, польскій политическій писатель эпохи реформаціи". Варшава, 1884. Стр. 7.

свой дѣятельности. И Папроцкій въ „Гербахъ рыцарства" едва упоминаетъ о Іеронимѣ Оссолинскомъ, а о Николаѣ Сѣницкомъ даже не вспоминаетъ... Имя,—замѣчаетъ еще Шуйскій о послѣднемъ,—имя въ свое время громкое, игравшее первую роль въ исторіи польскаго парламентаризма и покрытое густымъ мракомъ забвенія! Нужно искать о немъ въ писаніяхъ разновѣрцевъ" [1]). Оссолинскій и Сѣницкій были протестанты: ихъ имена были, такъ сказать, вычеркнуты изъ польской исторіи католическою реакціею, предводимою отцами-іезуитами, и только за самое последнее время чисто ученая любознательность открыла, какую выдающуюся роль играли эти и подобные имъ люди на сеймахъ середины XVI вѣка, когда сдѣлана была попытка пересоздать весь политическій строй Рѣчи Посполитой. У польскихъ историковъ мы могли бы найти и другія подобныя указанія на то, какъ самая традиція реформаціоннаго движенія исчезла изъ памяти общества: католицизмъ царилъ крѣпко и избѣгалъ всего, что̀ могло бы ему напомнить о иныхъ временахъ, когда многимъ казалось, что Польша будетъ увлечена на дорогу, на которую выводила западную Европу дѣятельность Лютеровъ, Цвингли, Кальвиновъ, Ноксовъ или такихъ государей, какъ Густавъ Ваза въ Швеціи и Генрихъ VIII въ Англіи. Съ этой стороны Польша XVI-го и Польша XVIII-го столѣтія — двѣ противоположности, столь же, пожалуй, рѣзкія, какъ индепендентская Англія и клерикальная Испанія XVII вѣка: нація идетъ сначала по дорогѣ реформаціи и религіозной свободы, и потомъ оставляетъ эту дорогу, чтобы идти туда, куда вели іезуиты и Тридентскій соборъ, —къ строгому правовѣрію незапятнаннаго католицизма и къ нетерпимости единой спасающей церкви. Недолговѣчна была польская реформація: весь ея героическій періодъ едва вкладывается въ хронологическія рамки одной четверти вѣка, обнимающей собою царствованіе Сигизмунда II Августа (1548—1572), современника успѣховъ кальвинизма во Франціи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ, когда, съ другой стороны, іезуитизмъ только-что организовался для борьбы съ протестантизмомъ, и Тридентскій соборъ совершалъ свою починку одряхлѣвшей католической церкви. Въ самомъ дѣлѣ, при отцѣ названнаго короля, Сигизмундѣ I старомъ, современникѣ лютеранской и цвингліанской реформаціи, отторгшей отъ Рима значительныя части Германіи и Швейцаріи и государства скандинавскія, и отпаденія Англіи отъ церковнаго единства по волѣ ея короля-богослова, протестантизмъ въ Польшѣ

[1]) Scriptores rerum polonicarum. Krakow, 1872. I, 34 и 77.

дѣлалъ только первыя свои завоеванія, еще незначительныя, часто едва замѣтныя, по крайней мѣрѣ, въ чисто польскомъ населеніи государства; а по смерти его сына, бывшаго послѣднимъ Ягеллономъ на престолѣ Рѣчи Посполитой, избраніе ему въ преемники французскаго принца Генриха Валуа, одного изъ героевъ Варѳоломеевской ночи, было уже побѣдой католической реакціи надъ нововѣріемъ, а въ концѣ XVI вѣка эта реакція могла разсчитывать на полное торжество, когда у нея былъ свой король въ лицѣ воспитаннаго іезуитами Сигизмунда III: при послѣднемъ новая столица Польши, Варшава, главный городъ Мазовіи, во все время реформаціоннаго движенія остававшейся страною столь же католической, какъ и Испанія,—дѣлается на сѣверо-востокѣ католической Европы такимъ же оплотомъ іезуитской политики, какимъ на юго-западѣ былъ правовѣрный Мадридъ. Собственно говоря, уже въ послѣдніе годы Сигизмунда-Августа началось перевоспитаніе польскаго общества въ новомъ духѣ, отличномъ отъ того, который дозволилъ проявиться въ странѣ и „разновѣрству", и вольномыслію, и религіозной свободѣ въ царствованіе этого короля.

Мы имѣемъ полное право говорить о двухъ эпохахъ польской исторіи въ новое время, объ эпохѣ реформаціонной и реакціонной: между ними былъ періодъ полнаго религіознаго перевоспитанія польскаго общества,—періодъ возвращенія отпавшихъ въ лоно церкви и фанатизированія тѣхъ, которые, оставаясь въ ней, обнаруживали мало „ревности къ вѣрѣ". Это былъ, такъ сказать, переворотъ, кризисъ въ религіозной исторіи Польши. Политическая исторія Рѣчи Посполитой за все это время представляетъ изъ себя, если можно такъ выразиться, довольно прямую линію развитія шляхетскаго принципа. Еще задолго до начала реформаціи въ Польшѣ въ политической жизни націи начало играть выдающуюся роль дворянское сословіе, шляхта: въ XVI вѣкѣ она уже господствуетъ на сеймахъ, подчиняетъ себѣ другіе элементы общества, формулируетъ принципы своего политическаго и соціальнаго быта, идею о своей „вольности", о государствѣ, какъ о своей Рѣчи Посполитой, т.-е. республикѣ, о „вольной элекціи" королей. Какъ-разъ въ эту эпоху развитія шляхты, какъ новой политической силы въ государствѣ, начинавшей сознавать свое значеніе и стремиться къ расширенію своихъ правъ, проникло въ Польшу реформаціонное движеніе, происходившее на Западѣ, а за нимъ пришла по пятамъ и католическая реакція, объявившая войну не на животъ, а на смерть всякой свободѣ въ дѣлахъ вѣры. Въ общемъ, однако, ни реформація, ни реакція

существеннымъ образомъ не повліяли на то направленіе, по которому шла соціально-политическая эволюція Рѣчи Посполитой: до извѣстной степени игнорируя даже временное вѣроотступничество значительной части польскаго общества и перевоспитаніе послѣдняго въ духѣ іезуитской реакціи, мы могли бы изобразить процессъ постепеннаго перерожденія общественныхъ и государственныхъ учрежденій средневѣковой Польши въ тотъ соціально-политическій строй Рѣчи Посполитой, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ эпоху ея „разборовъ": ни протестантизмъ, ни іезуитизмъ въ этомъ отношеніи не произвели ничего, что не могло бы произойти и безъ нихъ, и не задержали сами по себѣ процесса, начавшагося задолго до возникновенія реформаціоннаго движенія и приведшаго къ извѣстной катастрофѣ много времени спустя послѣ того, какъ судьба польскаго „разновѣрства" была рѣшена, и на развалинахъ „ереси" уже красовалось зданіе съ архитектурными линіями католической реакціи. Реформація для Польши прошла безслѣдно, словно вся ея задача заключалась въ томъ, чтобы вызвать въ страну отцовъ-іезуитовъ и укрѣпить ее въ католическомъ правовѣріи. Это правовѣріе, соединенное съ крайнею нетерпимостью, конечно, не отказалось приложить и свои старанія для довершенія дѣла шляхетской анархіи, продиктовавшей finem Poloniae, но факты самой польской реформаціи указываютъ на то, что и протестантская шляхта XVI вѣка въ общемъ уже носилась съ тѣми политическими идеями, которыя такъ ревностно защищало ея католическое потомство въ XVIII столѣтіи. Но было одно обстоятельство иного рода: если въ Польшѣ до конституціи 3 мая 1791 г. сдѣлана была какая-либо попытка вывести государство на дорогу болѣе правильнаго политическаго развитія, то попытка эта принадлежала сеймамъ реформаціонной эпохи, когда „посольская изба", эта шляхетская палата депутатовъ польскаго „парламента", состояла главнымъ образомъ изъ протестантовъ, имѣвшихъ цѣлую программу „направы Рѣчи Посполитой". Впрочемъ, и здѣсь связь религіознаго вопроса съ политической реформой представляется намъ скорѣе внѣшней и случайной, чѣмъ принципіальной: польскіе протестанты, корифеи тогдашняго парламентаризма, имѣли свою политическую программу, но ея не было у самого протестантизма польскаго. Польша XVI вѣка въ этомъ отношеніи не идетъ въ сравненіе съ Англіей XVII-го, гдѣ ученіе о „божественномъ правѣ" королей, питавшее абсолютистическія аспираціи Стюартовъ, находило поддержку въ епископальной церкви, а идея „народовластія", приведшая государство къ установленію республики, лежала въ основѣ политическаго ученія отщепенцевъ

отъ господствующаго вѣроисповѣданія. Равнымъ образомъ и польскій іезуитизмъ въ общемъ не имѣлъ своей особой политической программы, которую могъ бы противопоставить идеямъ протестантовъ: какъ среди послѣднихъ, при общемъ стремленіи шляхты къ „золотой вольности", были люди, не имѣвшіе ничего противъ усиленія королевской власти, такъ и іезуиты не только защищали иногда монархическій принципъ, но и сладко шептали шляхтѣ, что католицизмъ такая хорошая опора „вольности", лучше какой и быть не можетъ. Однимъ словомъ, двумъ исповѣданіямъ въ Польшѣ не соотвѣтствовало двухъ рѣзко опредѣленныхъ политическихъ доктринъ, и борьба протестантизма и католицизма не была борьбою между принципами свободы и власти, между сеймомъ и королемъ. Не смотря, однако, на все это, существовала и здѣсь связь между религіозной реформаціей и „направой Рѣчи Посполитой", связь въ высшей степени интересная: только изучая ее, мы въ состояніи объяснить себѣ неуспѣхъ польской реформаціи и неудачу этой „направы", а вмѣстѣ съ тѣмъ понять характеръ польскаго протестантизма, носившаго въ самомъ себѣ зародыши своей гибели, и познакомиться съ истинными стремленіями тогдашней шляхты, какъ они проявлялись не на однихъ сеймахъ, пытавшихся переустроить государство законодательнымъ порядкомъ, и по отношенію не къ одной этой „направѣ".

Польша пала шляхетской и клерикальной Рѣчью Посполитой, и въ этомъ паденіи были повинны и ея соціально-политическія учрежденія, и ея католическая нетерпимость. Было, однако, время, когда польская нація стояла, такъ сказать, на распутьѣ, колебалась въ выборѣ дороги: съ одной стороны, политическая роль шляхты только-что начиналась; ея характеръ еще не былъ совершенно выяснившимся, и отъ историческихъ дѣятелей эпохи зависѣло опредѣленіе дальнѣйшей роли этого сословія въ политической жизни; съ другой, захваченное великими культурными движеніями возрожденія и реформаціи, находясь подъ вліяніемъ гуманизма и протестантизма, польское общество тогда менѣе всего могло назваться настроеннымъ въ клерикальномъ духѣ. Было это именно, какъ мы видѣли, въ XVI вѣкѣ. Конечно, польская исторія приняла бы совсѣмъ другое направленіе, еслибы осуществилась программа „направы Рѣчи Посполитой" и удержалась въ странѣ de facto и de jure религіозная свобода: уже одно то, что въ программу входило усиленіе королевской власти, хотя и на почвѣ парламентаризма, и что только католическая реакція осуществила церковную унію со всѣми ея послѣдствіями для значительной части населенія Рѣчи Посполитой и для самого государ-

ства, позволяетъ намъ сказать, что XVI вѣкъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Польши, когда послѣ нѣкотораго колебанія между двумя дорогами, польская нація опредѣлила свой историческій путь, приведшій общество къ культурному застою, а государство—къ „разборамъ". Задача исторической науки понять, почему было такъ и не могло быть иначе, хотя и могло бы, еслибы то-то и то-то дѣйствовало не такъ, какъ дѣйствовало, не было того-то и того-то и находились на лицо такія-то и такія-то условія. Съ этой точки зрѣнія эпоха реформаціи и католической реакціи въ Польшѣ, когда поляки, такъ сказать, намѣтили свою историческую дорогу, приведшую къ liberum veto въ политикѣ и къ своего рода „непозвалямъ" въ религіи, представляетъ большой интересъ для всякаго, размышляющаго надъ судьбами Рѣчи Посполитой, надъ этимъ блескомъ „золотого вѣка" Сигизмундовъ и надъ этимъ крушеніемъ государства двумя вѣками позднѣе. Для русскаго историка есть еще особая приманка въ изученіи этой эпохи: въ составъ Рѣчи Посполитой входили области съ населеніемъ, по языку и по вѣрѣ близкимъ къ его національности, и въ этихъ областяхъ протестантизмъ и іезуитизмъ столкнулись лицомъ къ лицу съ иной религіей, нежели та, среди которой зародился первый, и поддерживать которую поставилъ себѣ второй, какъ свою жизненную задачу. Аггрессивная политика католицизма по отношенію къ восточному исповѣданію создала польскому государству не мало затрудненій и записала не мало въ счетъ грѣховъ старой Польши.

Независимо отъ того интереса, который представляетъ исторія польской реформаціи и католической реакціи съ точки зрѣнія освѣщенія судебъ Рѣчи Посполитой, какъ государства, и народностей, входившихъ въ составъ этого государства, предметъ нашего очерка имѣетъ и другую интересную сторону. Религіозное движеніе XVI вѣка и вызванное имъ противодѣйствіе со стороны сначала потрясеннаго, но потомъ укрѣпившагося католицизма, представляютъ собою одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ новой европейской исторіи вообще. Полная исторія реформаціонной эпохи на западѣ Европы немыслима безъ того, чтобы въ обзоръ этой эпохи не входили всѣ стороны, особенно такія, въ которыхъ движеніе принимало сколько-нибудь своеобразный характеръ и имѣло сколько-нибудь замѣчательную судьбу. Между тѣмъ большинство знакомится съ исторіей реформаціи по такимъ общимъ обзорамъ, въ коихъ Польша либо совсѣмъ не нашла себѣ мѣста, какъ въ извѣстномъ сочиненіи Гейссера [1]), либо затрогивается

[1]) Гейссеръ, Исторія реформаціи. Рус. пер. М. 1882.

черезъ-чуръ поверхностно, какъ въ изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійской книгѣ Фишера [1]), и наше знаніе этого культурно-религіознаго явленія новой исторіи остается неполнымъ. Съ точки зрѣнія „всеобщей исторіи" польская реформація имѣетъ интересъ не меньшій, нежели, напр., французская, и во всякомъ случаѣ большій, чѣмъ, положимъ, шведская: достаточно указать хотя бы на развитіе въ Польшѣ антитринитарскихъ ученій, этой „крайней лѣвой" протестантизма XVI вѣка. Но точка зрѣнія „всеобщей исторіи"—не только объединяющая въ одно цѣлое разрозненныя части, но и обобщающая, ищущая общаго въ частностяхъ. Было бы непростительно судить о реформаціи XVI в. вообще на основаніи фактовъ, доставляемыхъ одной, напр., исторіей тогдашней Германіи, но точно также ошибочно, основывая свои заключенія на исторіи реформаціи во всѣхъ странахъ католической Европы, не принимать въ разсчетъ одной какой-либо изъ нихъ: весьма часто случается, что дѣйствіе одной какой-нибудь изъ причинъ этого движенія, одной какой-нибудь силы, въ немъ участвовавшей, одного какого-нибудь условія, ему благопріятствовавшаго или мѣшавшаго, или та или другая сторона всего явленія вообще особенно рельефно выступаетъ и выдвигается на первый планъ только у того или у другого народа. Для общаго историческаго приговора о реформаціи XVI вѣка, взятой съ ея причинами и условіями, съ ея слѣдствіями и результатами, недостаточно одной исторической дедукціи, исходными пунктами которой бываютъ обыкновенно неудовлетворительное состояніе католической церкви, съ одной стороны, и, такъ сказать, заявленные принципы протестантизма съ другой: какъ ни законна и ни необходима такая дедукція, къ какимъ плодотворнымъ выводамъ она насъ ни приводила бы относительно знанія самаго „духа" и „внутренней сущности" реформаціоннаго движенія XVI в., это не освобождаетъ историка отъ детальнаго сначала, а потомъ и сравнительнаго изученія фактовъ изъ культурной и соціальной жизни всѣхъ націй, у которыхъ происходило названное движеніе. Такимъ образомъ и тотъ, кто хочетъ имѣть полный обзоръ явленій, носящихъ общее имя реформаціи XVI вѣка, но въ сущности нерѣдко весьма непохожихъ одно на другое, и выяснить себѣ происхожденіе, историческое значеніе, слѣдствія реформаціи вообще,—долженъ заинтересоваться возникновеніемъ, развитіемъ и судьбами реформаціи въ Польшѣ. Цѣль нашего очерка—дать читателю общій взглядъ на исторію рефор-

[1]) Fisher. The Reformation.

маціи и католической реакціи въ Рѣчи Посполитой, къ которому авторъ пришелъ на основаніи изученія источниковъ, уже давно бывшихъ доступными для науки или недавно обнародованныхъ, и на основаніи современнаго состоянія исторической литературы по этому предмету, имѣя въ виду именно этотъ двоякій интересъ, представляемый характеромъ и судьбами польскаго протестантизма.

Историческая разработка этой страницы изъ далекаго прошлаго Польши уже пережила нѣсколько фазисовъ. Первыми историками польской реформаціи были два протестанта второй половины XVII вѣка, Андрей Венгерскій, издавшій въ 1652 г. подъ псевдонимомъ Адріана Регенвольсція: „Историко-хронологическую систему славянскихъ церквей", и Станиславъ Любенецкій, авторъ напечатанной въ 1685 г. „Исторіи польской реформаціи". Ни тотъ, ни другой не могли обнародовать своихъ сочиненій, имѣющихъ для насъ значеніе источниковъ, на родинѣ, и должны были прибѣгнуть къ заграничнымъ типографіямъ. Другой Венгерскій, Войцѣхъ, бывшій пасторомъ въ Краковѣ, въ серединѣ XVII в. составилъ маленькую „Хронику краковскаго евангелическаго сбора", но, не имѣя возможности ее напечатать, положилъ ее на храненіе въ церковный ящикъ, такъ что она увидѣла свѣтъ въ печати только въ началѣ текущаго столѣтія. Къ той же эпохѣ относится исторія унитарскихъ церквей въ Польшѣ, Пржипковскаго, но до нашего времени она не дошла, такъ какъ авторъ потерялъ рукопись при своемъ бѣгствѣ изъ родной страны. Всѣ эти книжки, составленныя и изданныя въ эпоху полнаго разгара католической реакціи, не могли быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ апологіями или мартирологами польскаго „разновѣрства". Это — первая стадія въ исторіи литературы по польской реформаціи. Въ прошломъ столѣтіи притѣсненія, коимъ подвергались въ Рѣчи Посполитой диссиденты, заставили ихъ единовѣрцевъ въ Германіи заинтересоваться ихъ несчастнымъ положеніемъ и судьбою ихъ исповѣданія въ Польшѣ. Таковы были мотивы, вслѣдствіе которыхъ появились въ свѣтъ такія сочиненія, какъ „Посланіе о состояніи и притѣсненіяхъ диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ" Христіана Арнольда, въ 1777 г. и „Церковная исторія королевства польскаго" Фризе, въ 1786 г. Авторъ послѣдняго труда, какъ и позднѣйшіе нѣмецкіе писатели въ родѣ Фишера, издавшаго въ 1855—1856 г. „Опытъ исторіи реформаціи въ Польшѣ", стоятъ на вѣроисповѣдной точкѣ зрѣнія и главное вниманіе свое обращаютъ на вопросы чисто церковные. Что касается до поляковъ, то въ XVIII вѣкѣ, среди нихъ не нашлось продолжателей Регенвольсція

и Любенецкаго. Только въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія явилось два польскихъ историка, сдѣлавшихъ предметомъ своихъ изысканій реформаціонное движеніе въ Польшѣ. Первымъ былъ Лукашевичъ, который въ цѣломъ рядѣ книгъ, выходившихъ между 1832 и 1853 гг. (Историческія извѣстія о диссидентахъ въ городѣ Познани; О церквахъ братьевъ чешскихъ въ старой Польшѣ; Исторія гельветическаго исповѣданія въ Литвѣ и Исторія церквей гельветическаго исповѣданія въ Малой Польшѣ), накопилъ массу матеріала, часто представленнаго въ сырьѣ, и выразилъ общее сужденіе о польской реформаціи: она, по его мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ паденія Польши, такъ какъ раздѣлила народъ на два враждебные лагеря и отдала его пронырливому и себялюбивому ордену іезуитовъ. Католической антипатіи къ „разновѣрству“ такъ мало въ трудахъ Лукашевича, что ему даже пришлось оправдываться отъ обвиненія въ сочувствіи къ реформаціи и защищаться отъ сомнѣнія относительно его правовѣрности. Другимъ историкомъ былъ гр. Красинскій, протестантъ, издавшій въ Лондонѣ и на англійскомъ языкѣ въ 1838—40 гг. „Историческій очеркъ возникновенія, успѣховъ и паденія реформаціи въ Польшѣ“, а потомъ повторившій свои взгляды въ написанныхъ по-англійски же „Чтеніяхъ о религіозной исторіи славянскихъ націй“ (1850). Въ первомъ своемъ сочиненіи авторъ „торжественно объявляетъ, что не питаетъ никакого враждебнаго или непріязненнаго чувства къ послѣдователямъ римской церкви“, но основной его взглядъ тотъ, что „быть можетъ, ни одна страна въ свѣтѣ не даетъ столь блестящихъ доказательствъ, какія даетъ Польша, относительно того, что государство получаетъ великія благодѣянія отъ введенія въ немъ вѣроученія, основаннаго на св. писаніи, и что подавленіе его влечетъ за собою великія бѣдствія для народа, ибо Польша во время успѣховъ реформаціи пользовалась благосостояніемъ и славою и въ обоихъ отношеніяхъ стала падать, когда библейское христіанство должно было склониться передъ римско-католической реакціей“. Такимъ образомъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія поляки снова обращаются къ изученію своей реформаціи XVI вѣка, начинаютъ разыскивать историческіе матеріалы объ этомъ движеніи и, не сходя еще съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, ставятъ вопросъ о значеніи реформаціи въ политическихъ судьбахъ Рѣчи Посполитой. Изданіе архивныхъ документовъ по исторіи XVI вѣка въ Польшѣ, ведущее свое начало главнымъ образомъ съ шестидесятыхъ годовъ, и подчиненіе польской исторіографіи чисто научнымъ пріемамъ произвело цѣлый переворотъ въ изученіи предмета: вѣроисповѣд-

ная точка зрѣнія стала исчезать или уходить на задній планъ и, вмѣсто того, чтобы высказывать разныя соображенія относительно того, какую роль играла реформація XVI вѣка въ паденіи Рѣчи Посполитой двумя столѣтіями позднѣе, историки занялись изученіемъ этого движенія въ связи съ другими явленіями современной ему эпохи. Конечно, католическое правовѣріе не уступало своего права относиться къ вопросу по своему: это мы видимъ и въ книгѣ страшнаго врага „ереси“ и панегириста іезуитской реакціи, гр. Дзѣдушицкаго: „Петръ Скарга и его вѣкъ“, напечатанной въ 1850 г. подъ псевдонимомъ Рыхцицкаго, и въ новѣйшей (1883 г.) „Исторіи реформаціи въ Польшѣ отъ ея вступленія въ Польшу до ея упадка“, написанной ксендзомъ Буковскимъ „по ревностному желанію служить дѣлу церкви и отчизны“ и посвященной краковскому епископу Дунаевскому,—но и клерикальный авторъ послѣдней книги оказываетъ наукѣ услугу, роясь въ архивахъ и извлекая изъ нихъ новыя данныя для нашего предмета. Католическая тенденція, но болѣе умѣреннаго тона, даетъ себя чувствовать и въ очень интересной книжкѣ Шуйскаго: „Возрожденіе и реформація въ Польшѣ“, составившейся изъ его пяти публичныхъ лекцій и примѣчаній къ нимъ; однако, авторъ, самъ потрудившійся надъ изданіемъ историческихъ матеріаловъ для реформаціонной эпохи, разсматриваетъ польскій протестантизмъ главнымъ образомъ по его отношенію къ тогдашнему гуманизму, понимая послѣдній вообще, въ смыслѣ секуляризаціи образованія и политики, происходившей въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени. Вопросъ, поднятый здѣсь польскимъ историкомъ, имѣетъ общеисторическое значеніе, и до сихъ поръ въ рѣшеніи этого вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ Возрожденія и реформаціи на западѣ вообще, историки несовсѣмъ согласны между собою, но едва ли найдетъ многихъ сторонниковъ взглядъ Шуйскаго, по которому реформація не что иное, какъ результатъ внутренняго, интеллектуальнаго и моральнаго разложенія общества, вызваннаго гуманизмомъ.

Во всякомъ случаѣ мы замѣчаемъ, что исторія реформаціи въ Польшѣ все болѣе и болѣе освобождается отъ узкоцерковной точки зрѣнія и вѣроисповѣдной окраски, съ какими мы еще встрѣчаемся въ нѣмецкой книжкѣ Конецкаго: „Исторія реформаціи въ Польшѣ“ (1872), обращающей особое вниманіе на теологическую и полемическую литературу эпохи; но впервые вопросъ былъ поставленъ совершенно научно едва ли не польскимъ историкомъ Закржевскимъ въ его сочиненіи: „Возникновеніе и ростъ реформаціи въ Польшѣ“, вышедшемъ въ свѣтъ пятнадцать лѣтъ

тому назадъ. Хотя работы Шуйскаго и кс. Буковскаго вышли позднѣе этого сочиненія, но будущія научныя изслѣдованія предмета будутъ, конечно, совершаться не въ ихъ духѣ, а въ духѣ книжки проф. Закржевскаго. Хотя авторъ беретъ только эпоху двухъ первыхъ Сигизмундовъ, ограничивается одной Польшей безъ Литвы, не касается умственнаго движенія въ разсматриваемое имъ время, строго безпристрастный характеръ его труда и стремленіе изучить отношеніе реформаціи къ жизни самого общества въ XVI вѣкѣ дѣлаетъ „Возникновеніе и ростъ реформаціи въ Польшѣ" очень важнымъ вкладомъ въ польскую исторіографію. Закржевскій прямо говоритъ, что онъ поставилъ себѣ за правило полное безпристрастіе, стараясь, по собственнымъ его словамъ, „чтобы факты сами за себя говорили", хотя, сваливая на факты то, что́ долженъ былъ бы дѣлать самъ историкъ, авторъ иногда совершенно отказывается отъ собственныхъ выводовъ и приговоровъ, которые легко могъ бы сдѣлать на основаніи найденнаго имъ матеріала, оставаясь добросовѣстнымъ въ передачѣ фактовъ и безпристрастнымъ въ ихъ оцѣнкѣ. Но въ то время у автора было и оправданіе: онъ жалуется на недостаточность матеріала и не сомнѣвается въ томъ, что съ появленіемъ новаго многое придется измѣнить въ его работѣ [1]). Важный результатъ труда проф. Закржевскаго—установленіе связи между реформаціоннымъ движеніемъ и борьбою шляхты съ духовенствомъ. „Религіозная реформація въ первой половинѣ XVI вѣка,—говоритъ авторъ,—случилась какъ-разъ въ то время, когда среди шляхты рождалось сознаніе силы и значенія: эту одновременность,—поясняетъ онъ,—слѣдуетъ считать за главную причину быстраго распространенія у насъ реформаціи". Проф. Закржевскій перевелъ такимъ образомъ вопросъ на почву соціальной исторіи эпохи. Послѣ него оба выдающіеся польскіе историки, разсказавшіе намъ за послѣднее время судьбы своей родины, Шуйскій и Бобржинскій, старались выяснить политическое значеніе реформаціи, одинъ въ своихъ „Двѣнадцати книгахъ польской исторіи" (1880), другой въ своей однотомной въ первомъ изданіи и двухтомной во второмъ (1881) „Исторіи Польши": оба указываютъ на то, что реформація совпала по времени съ эпохой, когда Польшѣ приходилось перерождаться въ политическомъ отношеніи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Шуйскій видитъ въ реформаціи помѣху пере-

[1]) Закржевскому были, напр., неизвѣстны дневники сеймовъ 1548, 1553 и 1570 г., изданные въ первомъ томѣ Scriptorum rerum polonicarum въ 1872 г. См. нашу статью „Борьба шляхты съ духовенствомъ на польскихъ сеймахъ середины XVI в." (Юрид. Вѣстникъ, 1881 г.).

устройству Рѣчи Посполитой, а Бобржинскій, напротивъ,—факторъ, который могъ ему благопріятствовать. Намъ еще предстоитъ высказаться по этому поводу, такъ какъ тезисы, защищаемые двумя представителями польской національной исторіографіи имѣютъ въ высшей степени важное значеніе въ вопросѣ объ историческомъ значеніи польскаго протестантизма.

Не касаясь разныхъ біографій дѣятелей реформаціонной эпохи въ Рѣчи Посполитой [1]) и монографическихъ обработокъ отдѣльныхъ эпизодовъ польскій исторіи XVI вѣка, имѣющихъ отношеніе къ предмету, особенно повѣствованій о первыхъ двухъ безкоролевьяхъ по прекращеніи династіи Ягеллоновъ, когда происходила борьба между протестантизмомъ и католицизмомъ на политической почвѣ [2]), мы привели все главное и существенное въ исторической литературѣ, посвященной польской реформаціи, кромѣ того, что писалось по-русски. Въ нашей литературѣ польскій протестантизмъ и іезуитская реакція въ Рѣчи Посполитой затрогивались, по ихъ отношенію къ русской народности и православной церкви въ предѣлахъ польско-литовскаго государства, въ такихъ сочиненіяхъ, какъ „Литовская церковная унія“ проф. Кояловича, „Исторія русской церкви“ митр. Макарія и „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“, Соколова [3]). Цѣликомъ самой польской реформаціи посвящена вышедшая также изъ духовной академіи книга г. Жуковича: „Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени“ (1882), заключающая въ себѣ умѣлый и толковый сводъ всего, сдѣланнаго въ наукѣ по данному предмету, съ обращеніемъ особаго вниманія на разложеніе польскаго католицизма въ началѣ XVI вѣка и на его возрожденіе къ концу этого столѣтія. Съ болѣе самостоятельнымъ характеромъ является написанное „по неизданнымъ источникамъ“ сочиненіе проф. Любовича: „Исторія реформаціи въ Польшѣ—Кальвинисты и антитринитаріи“ (1883), проливающее свѣтъ на основаніи совершенно новаго матеріала на внутреннюю жизнь малопольскаго кальвинизма и на зарожденіе въ немъ антитринитаризма. Своему солидному труду авторъ предпослалъ отдѣльную

[1]) Таковы соч. Валевскаго (о Янѣ Ласкомъ), Завадскаго (о Николаѣ Реѣ изъ Нагловицъ), Кубали (объ Оржеховскомъ), Дылевскаго (о Модржевскомъ), Вержбовскаго (о Варшевицкомъ) и мн. др.

[2]) По первому безкоролевью по смерти Сигизмунда Августа соч. Пилинскаго (1861), Реймана (въ Historische Zeitschrift Зибеля за 1864 г.); маркиза де-Ноайля (1867), Трачевскаго (1869), Уманца (1870), а по второму послѣ бѣгства Генриха Валуа—Гюппе и Закржевскаго.

[3]) Г. Соколовъ очень слабъ и въ польскомъ языкѣ, и въ польской исторіи (см. нашу рецензію въ Русской Мысли, 1881 г.)

брошюру: „Общественная роль религіозныхъ движеній“ (1880); въ ней вопросъ о реформаціонномъ движеніи XVI вѣка поставленъ самымъ широкимъ образомъ, и книга проф. Любовича является какъ бы провѣркой на частномъ примѣрѣ Польши того, что утверждается въ брошюрѣ о всякихъ религіозныхъ движеніяхъ. До проф. Любовича никто не пользовался польской реформаціей, какъ иллюстраціей для какихъ-либо положеній относительно не только вообще массовыхъ религіозныхъ движеній, но даже только одной западно-европейской реформаціи XVI вѣка, съ которою польская находится въ ближайшей связи. Съ этой точки зрѣнія авторъ сдѣлалъ немало вѣскихъ замѣчаній о польскомъ протестантизмѣ, выяснивъ, между прочимъ, причины его паденія, лежавшія въ немъ самомъ; но основная точка зрѣнія автора одностороння. Онъ именно недоволенъ тѣмъ, что источникъ происхожденія религіозныхъ движеній ищутъ обыкновенно въ религіозномъ настроеніи общества: хотя,—замѣчаетъ онъ,—невозможно не согласиться, что религіозное чувство играетъ, дѣйствительно, важную роль въ движеніяхъ этого рода, но обыкновенно съ ними идетъ рядъ попытокъ реформировать и политическія, и общественныя, и экономическія отношенія, причемъ стремленія къ такимъ реформамъ не навѣяны религіозными идеалами реформаціоннаго времени, а появляются еще задолго до него. Между тѣмъ иногда кажется, что реформаціонное движеніе вызвано исключительно причинами религіознаго характера, въ сущности же подъ его покровомъ совершается часто революція совсѣмъ иного рода, и религія служитъ ей только знаменемъ. Въ этихъ словахъ проф. Любовича много вѣрнаго, но полемизируя съ историками, которые видятъ въ общественныхъ измѣненіяхъ, всегда сопровождающихъ религіозныя движенія, лишь слѣдствія послѣднихъ и ищутъ въ изученіи религіознаго движенія самого по себѣ разрѣшенія вопроса о его значеніи и смыслѣ, онъ впадаетъ въ другую односторонность, не допуская, чтобы религіозные идеалы могли сами коечто навѣвать или вызывать новыя стремленія въ обществѣ путемъ его перевоспитанія, и совѣтуя въ реформаціонномъ движеніи видѣть только знамя, съ которымъ могло бы выступить и которымъ могло бы прикрыться и оправдать себя движеніе политическое и соціальное. Такъ, указывая на характерныя стороны нѣмецкой реформаціи, проф. Любовичъ въ своей брошюрѣ прямо заявляетъ, что „религія въ данномъ случаѣ была лишь знаменемъ, съ которымъ выступали религіозныя партіи“. Понятно, что историкъ, почти игнорирующій источникъ религіозныхъ движеній, независимый отъ соціальной и политической жизни, и не обра-

щающій большого вниманія на ихъ слѣдствія внѣ общественныхъ отношеній и въ области мысли и настроенія духа, долженъ былъ взглянуть на польскую реформацію, какъ на непосредственное продолженіе сословной борьбы шляхты съ духовенствомъ на подкладкѣ причинъ политическаго и экономическаго характера. Но какъ съ этой точки зрѣнія объяснить отмѣченные въ концѣ книги проф. Любовича успѣхи антитринитаризма противъ кальвинизма? [1]). Въ смыслѣ общей идеи трудъ русскаго историка продолжаетъ собою работу, начатую Закржевскимъ, а по своему богатому матеріалу, по точности критически провѣренныхъ фактовъ, по своимъ частнымъ выводамъ долженъ занять почетное мѣсто въ литературѣ предмета. Къ сожалѣнію, другая сторона польской реформаціи, такъ сказать, психологическаго, а не соціологическаго характера, доселѣ мало разработана, хотя именно антитринитаризмъ, первые успѣхи котораго до 1563 года отмѣчаетъ проф. Любовичъ, представляетъ собою громадный интересъ для психологической исторіи польскаго общества въ XVI вѣкѣ и для исторіи внутренней эволюціи протестантизма вообще: это—область, которая еще ждетъ спеціальнаго изслѣдователя.

Проф. Любовичъ поставилъ вопросъ очень широко, задумавъ примѣромъ Польши XVI вѣка иллюстрировать общее положеніе объ историческомъ значеніи религіозныхъ движеній; но, давъ хорошую книгу по исторіи польской реформаціи (въ этомъ согласны всѣ польскіе критики, въ числѣ коихъ былъ и Закржевскій), рѣшилъ общій вопросъ довольно односторонне. Повидимому, до извѣстной степени это рѣшеніе было ему подсказано обобщеніемъ одной изъ очень рельефныхъ сторонъ польской реформаціи, хотя сторона эта существовала въ реформаціонномъ движеніи, происходившемъ и въ другихъ государствахъ. Съ этой точки зрѣнія изученіе нашего предмета получаетъ особый интересъ вообще для пониманія исторіи западной Европы въ XVI вѣкѣ, и между тѣмъ до сихъ поръ никто не взялъ на себя труда разсмотрѣть польскую реформацію въ связи съ общеевропейской и въ сравненіи съ реформаціей въ отдѣльныхъ странахъ: такой способъ только помогъ бы лучше понять характерныя особенности польскаго протестантизма въ его причинахъ, въ его роли, въ его судьбѣ и выяснить кое-что вообще по отношенію къ культурно-историческому движенію, начинающему собою „новое время“ въ жизни западной Европы. И это понятно: изъ нашего краткаго

---

[1]) Подробный отчетъ нашъ о книгѣ проф. Любовича см. въ Русской Мысли за 1884 г., кн. VIII.

обзора литературы предмета читатель могъ видѣть, что имъ интересовались главнымъ образомъ либо по мотивамъ вѣроисповѣднаго свойства, либо съ точки зрѣнія чисто-церковной исторіи, либо по его отношенію къ историческимъ судьбамъ и прошлому Рѣчи Посполитой, и вдобавокъ при этомъ сама реформація вообще бралась нерѣдко безъ всякой научной постановки вопроса о томъ, чѣмъ она была вообще: для однихъ—это только разрушеніе „папскихъ суевѣрій", для другихъ—пагубная для души и для цѣлыхъ обществъ ересь; для однихъ тутъ все касается только церковной жизни, для другихъ весь вопросъ въ политическомъ дѣйствіи. Для пониманія частнаго случая, какимъ была польская реформація, необходимо установленіе извѣстнаго общаго взгляда на реформаціонное движеніе sine ira et studio и на основаніи всѣхъ его сторонъ во всѣхъ странахъ, гдѣ оно происходило, а такой предварительной расчистки почвы для рѣшенія вопроса о польской реформаціи мы и не обнаруживаемъ у національныхъ ея историковъ, которымъ ближе всего вѣдать, чѣмъ она была въ ихъ отечествѣ.

Здѣсь не мѣсто, конечно, разсуждать вообще о реформаціонномъ движеніи XVI вѣка во всей Европѣ, но нисколько не будетъ излишнимъ дать нѣсколько руководящихъ идей для изслѣдованія происхожденія, значенія и судьбы протестантизма въ любой католической странѣ. Названное движеніе было явленіемъ очень сложнымъ, но всѣ его элементы легко распредѣляются по тремъ главнымъ категоріямъ: у каждой были свои причины, свои движущія силы, своя сфера дѣйствія, свои результаты. Прежде всего реформація была движеніемъ чисто религіознымъ, крупнымъ событіемъ въ исторіи западнаго христіанства, какъ вѣроученія и церковной организаціи. Съ этой стороны въ ея основѣ лежали вѣрующая совѣсть, оскорблявшаяся язычествомъ „вавилонской блудницы" и направленная на вопросы вѣры мысль, не сносившая ига непомѣрной власти „антихриста", говоря языкомъ реформаторовъ и сектаторовъ о римской церкви и папѣ; заявленными цѣлями реформаціи были „возвращеніе христіанства къ апостольскимъ временамъ" посредствомъ „очищенія вѣры отъ людскихъ выдумокъ" и „освобожденіе духа отъ мертвящей буквы преданія". Результаты реформаціи въ этомъ отношеніи—разрушеніе религіознаго единства западной Европы, образованіе новыхъ исповѣданій и основаніе новыхъ церквей, появленіе мистическаго и раціоналистическаго сектантства, перерѣшеніе догматическихъ, моральныхъ и церковно-практическихъ вопросовъ, новое направленіе теологическаго мышленія, развитіе новыхъ

религіозныхъ принциповъ, вольномысліе антитринитаріевъ и деистовъ, ученія коихъ представляли собой выходъ изъ историческаго христіанства въ философію „естественной религіи", и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленіе умиравшаго католицизма, пересмотръ его догматовъ, починка всей его внутренней организаціи. Протестъ, который мы здѣсь видимъ, истекалъ изъ глубины религіознаго чувства и изъ нѣдръ пытливой мысли, не удовлетворявшейся традиціоннымъ рѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ. Но средневѣковой католицизмъ не былъ вѣроисповѣданіемъ только: какъ царство отъ міра сего, онъ вызывалъ противъ себя протесты иного рода изъ-за чисто свѣтскихъ побужденій, изъ-за отношеній чисто земной жизни человѣка и общества. Онъ былъ цѣлой системой, налагавшей свои рамки на всю культуру и соціальную организацію средневѣковыхъ католическихъ народовъ: его универсализмъ отрицалъ національность; его теократическая идея давила государство; его клерикализмъ, создававшій духовенству привилегированное положеніе въ обществѣ, возбуждалъ противъ себя свѣтскія сословія; его спиритуалистическій догматизмъ предоставлялъ мысли слишкомъ узкую сферу, да и въ той не давалъ ей свободно двигаться, и противъ него давно боролись и національное самосознаніе, и государственная власть, и свѣтское общество, и усиливавшееся въ немъ образованіе, боролись не во имя чистоты христіанскаго вѣроученія, не во имя возстановленія Библіи, какъ главнаго авторитета въ дѣлахъ религіи, не во имя требованій внутренняго голоса совѣсти, встревоженной „порчей церкви", и пытливой религіозной мысли, обратившейся къ критикѣ того, что̀ передъ ея судомъ оказалось „людскими выдумками", а просто потому, что система на все налагала руку и втискивала жизнь въ свои рамки, мѣшая ея свободному развитію. Борьба противъ Рима, не касавшаяся вопросовъ царства не отъ міра сего,—явленіе довольно раннее въ европейской исторіи: нападеніе на католицизмъ, какъ на вѣроученіе и церковь, не согласныя съ духомъ христіанства, съ священнымъ писаніемъ, съ требованіями вѣрующей совѣсти и мысли, возбужденной религіозными вопросами,—нападеніе, къ которому подавало и поводъ противорѣчіе между системой въ идеѣ съ системой на дѣлѣ, подрывавшее ея былую власть надъ душами, объединяло, усиливало, направляло къ одной цѣли элементы свѣтской борьбы съ католицизмомъ во имя правъ національности, правъ государства, правъ свѣтскихъ сословій, правъ образованія, правъ, въ основѣ коихъ лежали чисто мірскіе интересы,—и само находило помощь въ этой оппозиціи Риму національной и поли-

тической, въ этой враждѣ къ духовенству сословной и интеллектуальной. Гуманизмъ также заключалъ въ себѣ идеи, чрезъ которыя чисто культурно-соціальная оппозиція могла бы объединиться, формулировать свои требованія, направиться къ одной цѣли, и до извѣстной степени онъ такъ дѣйствовалъ, секуляризируя мысль и жизнь западно-европейскихъ обществъ, но значеніе реформаціи именно въ томъ и заключается, что оппозиція католической культурно-соціальной системѣ во имя чисто человѣческихъ началъ интереса и права пошла подъ знаменемъ реформированной религіи. Но развитіе жизни выдвигало у отдѣльныхъ націй разные другіе вопросы политическаго, соціальнаго, экономическаго свойства, не имѣвшіе сами по себѣ отношенія ни къ „порчѣ церкви", ни къ гнету куріи и клира: въ разныхъ мѣстахъ западной Европы велась своя борьба и подготовлялись свои домашнія столкновенія, которыя могли, какъ это случилось въ Испаніи при Карлѣ I (по имперіи V-омъ), разыграться внѣ всякой связи съ реформаціей церкви и съ оппозиціей куріи и клиру, или же соединиться съ движеніемъ чисто религіознымъ и съ національнымъ, политическимъ, сословнымъ и интеллектуально-моральнымъ протестомъ противъ папы и католическаго духовенства, что̀ мы и видимъ въ Германіи, гдѣ за реформацію схватились и гуманисты, незадолго передъ тѣмъ окончившіе побѣдоносную кампанію противъ „обскурантовъ", и имперскіе рыцари, недовольные новыми порядками, и крестьяне, начавшіе волноваться еще раньше, и низшій слой городского населенія, среди котораго происходило соціальное броженіе противъ богатыхъ, и князья, стремившіеся уничтожить послѣдніе признаки власти императора.

Религіозный протестъ противъ „порчи церкви", оппозиція куріи и клиру по побужденіямъ чисто свѣтскаго характера, мѣстныя общественныя дѣла—вотъ три категоріи элементовъ, участвовавшихъ въ реформаціонномъ движеніи XVI вѣка. Гдѣ происходилъ религіозный протестъ, тамъ проявлялась оппозиція противъ Рима и католическаго духовенства, и дѣло соціально-политической реформы или революціи велось подъ знаменемъ религіи; но мѣстная политическая борьба не вызывала сама по себѣ религіозной реформаціи (примѣръ—Испанія), какъ борьба противъ притязаній куріи и привилегій клира могла идти подъ знаменемъ секуляризирующихъ мысль и жизнь идей гуманизма въ широкомъ смыслѣ этого слова, подъ вліяніемъ идей античной философіи и науки, античной политики и римскаго права, въ родѣ того какъ въ Италіи подкапывали католицизмъ сочиненія Лоренцо Валлы,

объявившаго подложность грамоты, на которой средневѣковые папы основывали свои притязанія на свѣтскую власть, или Никколо Макіавелли, видѣвшаго въ папствѣ главную помѣху для объединенія Италіи.

Основныя причины реформаціоннаго движенія XVI вѣка были далеко не равномѣрно распредѣлены по разнымъ странамъ. Не говоря уже о томъ, что у каждаго народа въ его внутренней жизни была своя „злоба дня", у одного одна, у другого другая, у одного способная уладиться путемъ мирной реформы, у другого необходимо вызывавшая революціонное столкновеніе, отдѣльные народы были въ своихъ массахъ и въ своихъ правящихъ классахъ не совсѣмъ одинаково религіозны въ количественномъ и качественномъ отношеніи и различнымъ образомъ должны были относиться къ далекой куріи и своему собственному клиру, такъ какъ и курія въ сущности вызывала къ себѣ разныя чувства, и клиръ одной страны не былъ похожъ на клиръ другой, и сами націи не вполнѣ походили другъ на друга. Однѣ и остались вѣрны и старой религіи, и „святому отцу", и своимъ духовнымъ пастырямъ, тогда какъ другія завели у себя новыя вѣры, отреклись отъ папы, какъ отъ „антихриста", возмутились противъ „волковъ въ овечьей шкурѣ". Мало того: въ одной и той же націи реформація имѣла иногда совершенно разный успѣхъ у отдѣльныхъ сословій и начиналась то снизу, отъ общества, то сверху отъ власти, да и тутъ вопросъ о томъ, пойдетъ ли правительство за народомъ или народъ за правительствомъ, рѣшался въ общемъ и въ подробностяхъ не вездѣ одинаково. Изслѣдовать съ этой точки зрѣнія происхожденіе реформаціи въ каждой отдѣльной странѣ, анализируя факты, представляемые ея исторіей, и сравнить результаты изслѣдованія, сопоставляя однородные и разнородные факты,—вотъ, по нашему мнѣнію, единственный вѣрный путь, чтобы не сдѣлать скороспѣлыхъ, одностороннихъ или прямо невѣрныхъ заключеній о причинахъ возникновенія реформаціоннаго движенія вообще или въ той или другой странѣ въ частности. Это болѣе или менѣе чувствовалось большинствомъ историковъ польской реформаціи, но никто не систематизировалъ такого естественнаго стремленія: сопоставленія, сравненія, ссылки на реформацію въ другихъ странахъ дѣлались всегда, но отрывочно, по какому-нибудь частному случаю и только.

Польская реформація передъ судомъ исторіи не можетъ иначе разсматриваться, какъ въ связи со всею ей современною жизнью и всѣми судьбами Рѣчи Посполитой и въ сравненіи съ движеніями того же характера въ другихъ странахъ Европы. Конечно,

задача эта можетъ быть раздѣлена на двѣ, чего требуетъ, пожалуй, и самый интересъ дѣла, но раздѣленіе не должно быть полнымъ, ибо разрѣшеніе одной части вопроса помогаетъ разрѣшенію другой. Національные историки польской реформаціи естественно склонны читать на ея страницахъ только то, что прямо относится къ судьбамъ ихъ родины, но у автора, принадлежащаго къ другому народу, необходимо выдвинется и вопросъ болѣе общій, если только имъ руководить интересъ чистаго знанія безъ примѣси интереса вѣроисповѣднаго или спеціально-богословскаго.

II.

Польское общество передъ началомъ реформаціи и ея причины.

Сфера распространенія реформаціи въ Польшѣ.—Религіозное состояніе польскаго общества.—Характеръ польской образованности и вліяніе гуманизма.—Паденіе средневѣковыхъ католическихъ идей.—Польское духовенство той эпохи.—Вліяніе гуситства на польское общество XV вѣка.—Monumentum pro reipublicae ordinatione Яна Остророга.—Подготовка польской реформаціи.—Національная политическая и интеллектуальная оппозиція католицизма въ Польшѣ.—Шляхетскій характеръ польской реформаціи.—Возвышеніе шляхты въ Польшѣ и общественное значеніе клира.

Религіозное состояніе отдѣльныхъ народовъ католической Европы передъ началомъ реформаціи было очень неодинаково какъ въ массахъ, такъ и въ высшихъ слояхъ общества. Въ самой Польшѣ мы видимъ въ этомъ отношеніи различіе не только между культурнымъ классомъ и простонародьемъ, но и между отдѣльными частями государства. Въ самый разгаръ реформаціоннаго движенія, во второй половинѣ XVI вѣка папскій нунцій Юлій Руджіери писалъ слѣдующее о Мазовіи, включенной въ составъ Рѣчи Посполитой только при Сигизмундѣ старомъ: „одна Мазовія по милости Божіей сохранила чистоту вѣры, и теперь она, можно сказать, не менѣе католическая, чѣмъ Испанія". Другой итальянецъ, въ то же время посѣтившій Польшу, Фульвіо Руджіери прямо свидѣтельствуетъ, что въ этой странѣ, „простой народъ, а именно крестьяне почти всѣ католики", и намъ понятно будетъ, почему именно Мазовія осталась страной незапятнаннаго католицизма, если мы обратимъ вниманіе на то, что мазовецкая шляхта мало чѣмъ отличалась отъ крестьянской массы: среди этой шляхты едва насчитывалось десятка два болѣе зажиточныхъ семействъ, а остальныя сами пахали землю и по своему образованію не возвышались надъ темной массой. Такимъ обра-

зомъ первое, что̀ бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ польской реформаціей, это—ея распространеніе среди однихъ культурныхъ слоевъ общества. Здѣсь мы опять должны различать горожанъ и шляхту. По свидѣтельству того же Фульвіо Руджіери, лютеранство въ городахъ имѣло успѣхъ главнымъ образомъ среди мѣщанъ нѣмецкаго происхожденія, „которыхъ, говоритъ онъ, такъ много нахлынуло въ Польшу, что во многихъ городахъ не услышишь иного языка, кромѣ нѣмецкаго, и всѣ орудія носятъ нѣмецкія названія". Эти нѣмцы находились подъ исключительнымъ вліяніемъ своей германской родины, и протестантизмъ у нихъ былъ только перенесеніемъ на чужую почву того, что̀ выработала жизнь метрополіи, изъ которой происходили эти колонисты. Слѣдовательно, говоря о польской реформаціи, ея причины нужно искать главнымъ образомъ въ настроеніи и стремленіяхъ тогдашней шляхты.

Реформація XVI вѣка была вообще прежде всего явленіемъ религіознымъ, и сила и характеръ религіозности въ обществѣ играли важную роль въ томъ, какое направленіе принимала культурная жизнь въ той или другой странѣ. Сравнимъ для примѣра Италію и Германію передъ началомъ реформаціонной эпохи. Народныя массы и здѣсь, и тамъ были религіозны, но далеко не одинаково. Католицизмъ, выросшій на итальянской почвѣ, ближе подходилъ къ итальянскому характеру, чѣмъ къ нѣмецкому. Народными массами въ Италіи овладѣвали время отъ времени эпидеміи покаянія,—вспомните хотя одного Савонаролу,—но покаяніе здѣсь имѣло цѣлью умилостивленіе Бога для отвращенія разныхъ бѣдствій въ этой жизни: жизнь по ту сторону гроба не входила въ разсчетъ при этихъ эпидеміяхъ, и внѣшнія религіозныя дѣйствія стояли на первомъ планѣ. Иное дѣло—нѣмецкая религіозность: она проявлялась въ соединеніи съ мистицизмомъ, въ тайномъ сектантствѣ, и мысль объ „оправданіи посредствомъ одной вѣры", способная экзальтировать религіозное чувство, мысль, легшая въ основу реформы Лютера, уже раньше высказывалась въ Германіи, нежели виттенбергскій реформаторъ во имя этой доктрины выступилъ съ своею проповѣдью и съ своими „тезисами" противъ индульгенцій. Итальянскій гуманистъ довольно индифферентно относился къ христіанству и, обращаясь къ религіознымъ вопросамъ, ставилъ и рѣшалъ вопросъ о безсмертіи души, не связывая его съ мыслью о вѣчномъ спасеніи въ загробной жизни, т.-е. съ тою мыслью, которая вызывала въ Лютерѣ „трепетъ, доходившій до мозга костей". Наоборотъ, гуманистъ нѣмецкій—на половину теологъ, изучающій Библію и от-

цовъ церкви, и Эразмъ Роттердамскій является въ этомъ отношеніи вѣрнѣйшимъ выразителемъ стремленій нѣмецкаго гуманизма. Что же мы видимъ въ Польшѣ? Польша,—говоритъ проф. Любовичъ,—„гораздо болѣе симпатизировала гуманизму итальянскаго характера", хотя ее нерѣдко посѣщали и нѣмецкіе гуманисты. „Она,—продолжаетъ онъ,—интересуется произведеніями классическихъ авторовъ, пріобрѣтеніемъ умѣнія писать блестящимъ латинскимъ стилемъ; но нигдѣ не встрѣчаемъ мы, чтобы гуманистическія занятія въ Польшѣ были обращены на религіозныя цѣли, подобно тому, какъ это замѣчается въ Германіи. Польша этой эпохи не отличалась большою религіозностью. Она представляетъ въ этомъ отношеніи нѣчто среднее между Германіей и Италіей", хотя о такомъ индифферентизмѣ къ религіи, какой былъ въ Италіи, относительно Польши не можетъ быть и рѣчи [1]). Таково было религіозное настроеніе культурнаго слоя въ Рѣчи Посполитой. Въ народѣ мы не видимъ ни сектантскихъ идей, ни католическаго фанатизма: онъ не имѣлъ внутреннихъ побужденій перемѣнять вѣру и старой религіи держался болѣе по вѣковой привычкѣ, не возставая противъ „еретическаго" оскверненія святыни. Только позднѣе, да и то преимущественно въ городахъ, удалось іезуитамъ фанатизировать народныя массы, а ранѣе, какъ разсказываетъ Фульвіо Руджіери, весь протестъ противъ нововѣрія пановъ выражался у крестьянъ въ томъ, что, отдавъ помѣщикамъ присвоенныя имъ церковныя десятины, хлопы давали ихъ и плебанамъ, да тайкомъ бѣгали въ село, гдѣ сохранялась католическая служба. Польскій католицизмъ въ народныхъ массахъ не былъ тѣмъ пламеннымъ, восторженнымъ и фанатическимъ католицизмомъ, который мы встрѣчаемъ въ Испаніи. Но Испанія, пожалуй, и единственный примѣръ въ своемъ родѣ, такъ какъ здѣсь поддерживался постоянно религіозный энтузіазмъ вѣчною борьбою съ мусульманствомъ, и „воинствующая церковь" не складывала оружія, не впадая въ то же время въ безплодный формализмъ и не зная внутри себя ни ересей, ни расколовъ. Католицизмъ въ Польшѣ былъ настроенъ болѣе мирнымъ образомъ и не отличался нетерпимостью: его аггресивный и фанатическій характеръ ведетъ начало только со времени іезуитской реакціи. Это между прочимъ проявляется въ отношеніяхъ католицизма къ православію въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. Шуйскій въ своей книжкѣ о Возрожденіи и реформаціи въ Польшѣ, говоря о развившемся среди поляковъ религіоз-

[1]) Любовичъ, Исторія реформаціи въ Польшѣ, 43.

номъ синкретизмѣ, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ концѣ XV вѣка была мысль объ уніи съ восточнымъ исповѣданіемъ и притомъ—на началахъ, благопріятныхъ для „схизмы", съ прискорбіемъ замѣчаетъ католическій историкъ. Къ серединѣ XVI в. въ польскомъ обществѣ явились даже люди съ самымъ примирительнымъ отношеніемъ къ „русской вѣрѣ", а на одномъ изъ сеймовъ той эпохи земскіе послы ставили католическому духовенству въ примѣръ русскихъ „владыкъ" и „поповъ", которые не таскаютъ въ судъ и не проклинаютъ своихъ духовныхъ чадъ за неплатежъ денегъ.

Если въ общемъ польскій католицизмъ не отличался пламенностью испанскаго, и мы не замѣчаемъ ни на верхахъ, ни въ низахъ польскаго общества той склонной къ мистицизму и сектантству религіозности, которая отличаетъ Германію той же эпохи, то въ этомъ должны видѣть, съ одной стороны, причину довольно равнодушнаго отношенія народныхъ массъ къ проникшему въ Польшу реформаціонному движенію, а съ другой—одно изъ условій того, что польская реформація довольно слабо отразила на себѣ характерныя черты, свойственныя всякому сильному религіозному броженію,—энтузіазмъ, фанатизмъ, экзальтацію. Просто-на-просто католическое правовѣріе культурнаго слоя польской націи было значительно поколеблено для того, чтобы новыя ученія могли найти туда свободный доступъ, но въ то же время этотъ слой не обладалъ въ достаточной степени развитыми религіозными инстинктами для того, чтобы поставить вопросы вѣры на первый планъ. Все воспитаніе, получавшееся польской шляхтой, было таково, что католицизмъ терялъ въ ней господство надъ умами, но на его мѣсто не воздвигалось никакой идеи, которая способна была бы овладѣть мыслью и чувствомъ и настроить ихъ, такъ сказать, въ тонѣ внутренней религіозности, какъ интимнѣйшаго дѣла души.

Мы увидимъ еще, какія обстоятельства благопріятствовали распространенію образованія въ польской шляхтѣ передъ началомъ реформаціоннаго движенія, а теперь разсмотримъ самый характеръ этого просвѣщенія. Въ эпоху, предшествовавшую появленію и развитію протестантизма въ Польшѣ, между этой страной и Италіей существовали постоянныя культурныя сношенія: шляхта, начинавшая обогащаться и играть роль въ политической жизни, не довольствуясь наукой, которая преподавалась въ краковскомъ университетѣ, посылала очень часто своихъ сыновей учиться за границу, особенно въ Италію, а съ другой стороны, и въ Краковъ пріѣзжали ученые и образованные иностранцы, среди коихъ

были и итальянскіе уроженцы. Бракъ Сигизмунда Стараго съ миланской принцессой Боной Сфорца (1518) еще болѣе способствовалъ наплыву въ страну итальянцевъ въ качествѣ ученыхъ, артистовъ, купцовъ, ремесленниковъ и т. п., пріѣзжавшихъ зарабатывать деньги. Все это вмѣстѣ взятое распространило въ польскомъ обществѣ итальянскія идеи и моды, въ двойномъ смыслѣ „свѣтскіе" нравы культурнаго класса Италіи, свѣтскіе въ смыслѣ внѣшнаго лоска, удивившаго впослѣдствіи французовъ въ польскихъ послахъ, которые пріѣхали въ 1573 г. въ Парижъ звать Генриха Валуа на свой вакантный тронъ, и свѣтскіе въ смыслѣ противоположности всему, имѣвшему отношеніе къ церкви. Прежде въ Польшѣ учились только духовенство да дѣти богатыхъ пановъ, но со второй половины XV в. и сыновья простыхъ шляхтичей стали получать хорошее образованіе, выступать на поприще умственной жизни, а потомъ и на арену научной и литературной дѣятельности, и между людьми, занимавшими видные общественные посты, начало развиваться меценатство. Введеніе въ Польшу въ концѣ XV в. книгопечатанія, конечно въ свою очередь способствовало оживленію умственной дѣятельности, и въ самой Рѣчи Посполитой стали печататься книжки, въ числѣ коихъ обращаютъ на себя наше вниманіе сочиненія такихъ гуманистовъ, какъ Филельфо, Лаврентія Валлы и Эразма Роттердамскаго. Сословіе, среди котораго мы обнаруживаемъ это стремленіе къ просвѣщенію, и страна, наиболѣе вліявшая въ этомъ отношеніи на Польшу, опредѣлили свѣтскій, гуманистическій характеръ польской образованности при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Уже въ эпоху Базельскаго собора были завезены въ страну классическія рукописи, о чемъ свидѣтельствуетъ каталогъ Ягеллонской библіотеки. Потомъ стали пріѣзжать и люди новаго образованія: они любили странствовать по разнымъ мѣстамъ и забредали въ Краковъ еще во второй половинѣ XV в., попадали въ тамошній университетъ и находили поддержку при королевскомъ дворѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ этого столѣтія въ особую милость къ королю попалъ, напр., итальянскій гуманистъ Каллимахъ, находившійся въ связяхъ съ Марсиліо Фичино, Пико Мирандола и Лаврентіемъ Великолѣпнымъ. Благодаря вліянію своему на короля и своему вѣсу при дворѣ, онъ добился того, что университетъ долженъ былъ открыть двери передъ стучавшимся въ него гуманизмомъ, хотя вообще это учрежденіе оставалось вѣрнымъ схоластической традиціи. Другой извѣстный гуманистъ, Конрадъ Цельтесъ, пріѣзжалъ въ Краковъ прямо въ качествѣ реформатора университета, но неудача его попытки нисколько не помѣшала рас-

пространенію новаго образованія внѣ негостепріимныхъ стѣнъ старой академіи, за которыми схоластическіе магистры отбивались отъ новшества, казавшагося вреднымъ ихъ доходной и почетной монополіи насажденія въ странѣ науки, хотя за наукой уже ѣздили прямо въ Италію и враждебное схоластикѣ направленіе свило себѣ гнѣздо при самомъ королевскомъ дворцѣ. Достаточно того, что сами королевичи воспитывались подъ вліяніемъ названнаго выше итальянскаго гуманиста, а какой-то его собратъ изложилъ свои педагогическіе взгляды въ трактатѣ о воспитаніи королевскаго сына, и трактатъ этотъ былъ приписанъ вдовѣ Казиміра Ягеллончика, Елизаветѣ. Сигизмундъ I былъ одинъ изъ сыновей этой царственной четы, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, получивъ гуманистическое воспитаніе, онъ задумалъ поддержать въ университетѣ значительно ослабѣвшее въ немъ передъ 1500 г. новое направленіе и сталъ искать содѣйствія у иноземныхъ гуманистовъ, навѣщавшихъ его столицу. Хотя на этотъ разъ схоластическая реакція съ Николаемъ изъ Быстржикова во главѣ подымаетъ цѣлую бурю, апеллируетъ къ папѣ и въ концѣ концовъ выходитъ побѣдительницей изъ борьбы, гуманизмъ по прежнему, и помимо привилегированнаго разсадника образованности, находитъ средства распространяться въ обществѣ, хотя и принимаетъ вслѣдствіе этого чисто дилеттантскій характеръ, нисколько не напоминающій серьёзности, основательности и религіозности нѣмецкаго гуманизма. Впрочемъ, и люди, у которыхъ былъ сильный спросъ на новое образованіе, были не такого пошиба, чтобы интересоваться вопросами чистой эрудиціи и теологическими занятіями: прежде нежели на Польшу могло бы оказать вліяніе нѣмецкое пред-реформаціонное просвѣщеніе, ея культурный слой уже научился у итальянцевъ прежде всего дорожить чтеніемъ изящной классической литературы и умѣніемъ обращаться съ цицероновской латынью, а въ новой общественной и политической роли шляхты, этой послѣдней особенно должно было пригодиться знаніе римскаго права. Мало того: въ политическихъ и юридическихъ идеяхъ, вычитанныхъ у древнихъ, шляхта находила многое такое, что особенно приходилось ей по вкусу: фразы о пагубности тиранній, о свободѣ и равенствѣ гражданъ льстили ея стремленіямъ къ „вольности“ и ея ненависти къ „можновладству“, а ученіе римскихъ юристовъ о рабствѣ санкціонировало въ ея глазахъ гнетъ, наложенный ею на хлоповъ. Это—очень любопытная черта въ исторіи политическихъ идей новаго времени: нигдѣ, кажется, въ Европѣ демократическая республика, понятая въ античномъ смыслѣ, не была такъ популярна, какъ въ польской шляхтѣ, смотрѣвшей

на себя, какъ на настоящій „народъ“, который долженъ оберегать свое право на равенство отъ аристократическихъ притязаній „можновладства“, живя въ то же время трудами рабовъ-хлоповъ. И на самомъ дѣлѣ польская „шляхетская Рѣчь Посполитая“ новаго времени является со всѣми существенными признаками античной „демократической республики“ съ „народомъ“ граждавъ и внѣ государства стоящей массой рабовъ. Въ той же классической политикѣ, въ томъ же римскомъ правѣ можно было найти аргументы въ пользу подчиненія церкви государству, а это подчиненіе впослѣдствіи, дѣйствительно, входило въ разсчеты шляхты.

Какъ бы то ни было, образованіе съ такимъ характеромъ шло въ разрѣзъ съ теократическими, клерикальными и спиритуалистическими идеями католическаго средневѣковья, со всѣмъ догматизмомъ католической традиціи и менѣе всего заключало въ себѣ элементовъ, благопріятныхъ для развитія религіознаго настроенія. Проповѣди противъ самаго духа католической системы ex cathedra не было, но была другая проповѣдь, менѣе замѣтная для глаза, потому что она не выражалась въ ясныхъ фактахъ въ родѣ какой-либо опредѣленной доктрины: это была заразительность примѣра, часто подававшагося сверху, когда тамъ господствовали идеи Каллимаховъ; это была проповѣдь новаго направленія жизни, возникшаго изъ перемѣны въ общественныхъ отношеніяхъ и изъ заграничныхъ культурныхъ вліяній; это было своего рода „вѣяніе“. Со второй половины XV вѣка въ Польшѣ замѣчается ослабленіе религіозности, и уже подъ 1466 г. у тогдашняго историка Длугоша записана жалоба на то, что молодое поколѣніе измѣняетъ старымъ обычаямъ, неуважительно относится къ церкви, настроеніе далеко не религіозно, словно, прибавляетъ онъ съ горечью, забывая будущую жизнь и не заботясь о вѣчномъ спасеніи, мы воображаемъ, что будемъ всегда жить на землѣ; а когда черезъ полвѣка папа Левъ X прислалъ и въ Польшу свои грамоты, открывавшія ворота рая за извѣстное количество презрѣннаго металла, его товаръ не нашелъ хорошаго сбыта на польскомъ рынкѣ, потому что, по объясненію современниковъ, люди въ то время стали уже мало обращать вниманія на папу и все менѣе и менѣе заботиться о дѣлахъ спасенія. А потомъ, въ разгаръ реформаціоннаго движенія, въ польскомъ „разновѣрствѣ“ гораздо большую роль играло итальянское религіозное вольномысліе, чѣмъ тотъ подъемъ религіознаго чувства, который выразился у нѣмцевъ съ особенною силою въ мистическомъ сектантствѣ съ его психопатической экзальтаціей.

Это общее настроеніе польскаго культурнаго слоя отразилось

и на его части, одѣтой въ рясу и призванной служить религіи: духовенство въ Польшѣ, особенно высшее, задававшее тонъ и служившее примѣромъ для подчиненныхъ и для паствы, было плотью отъ плоти и костью отъ костей свѣтскаго общества, тѣмъ болѣе, что его члены были сами шляхетскаго происхожденія и получали свои мѣста по милости короля; а съ Казиміра Ягеллончика новый духъ, какъ мы видѣли, завелся и во дворцѣ. Мы не станемъ распространяться о томъ, что польскій клиръ въ началѣ XVI вѣка совсѣмъ не могъ похвастаться безупречностью въ нравственномъ отношеніи: гдѣ въ тогдашней католической Европѣ духовныя лица, особенно на высшихъ ступеняхъ церковной іерархіи, представляли собою образцы истинно христіанской жизни, и гдѣ противъ нихъ не было нареканій и не раздавалось насмѣшекъ? Весь вопросъ въ томъ, насколько свѣтскіе люди скандализировались поведеніемъ своихъ духовныхъ пастырей или смотрѣли сквозь пальцы на ихъ уклоненія отъ требованій строгой морали, считая все это въ порядкѣ вещей и не чувствуя оскорбленія вѣрующей совѣсти при видѣ слишкомъ уже грѣшныхъ людей у служенія святѣйшему дѣлу. Польское духовенство не составляло исключенія изъ общаго правила, подъ которое можно подвести жизнь и поведеніе большой части католическаго клира въ большей части западно-европейскихъ странъ. Епископы въ Польшѣ жили въ полное свое удовольствіе, и одинъ современникъ, характеризуя епископовъ, понасаженныхъ королевой Боной, одного называетъ пустельгой и пьяницей, другого—прелюбодѣемъ, третьяго—жаднымъ барышникомъ, четвертаго—убійцей, пятаго, шестого и т. д.—крючкотворцами, глупцами, напрасно обременяющими землю, угодливыми холуями, лицемѣрами, эпикурейцами, сребролюбцами, симоніаками и тому подобными нелестными эпитетами. А въ низшемъ духовенствѣ случались такіе факты, документально засвидѣтельствованные: такіе-то и такіе-то ксендзы-плебаны ручаются за такого-то плебана, занявшаго деньги подъ закладъ взятой изъ церкви чаши, что онъ возвратитъ ее назадъ къ празднику Пасхи, а такой-то ксендзъ пороздалъ въ займы церковныя деньги и продалъ изъ костела три священныхъ сосуда. Замѣчательно, что не это главнымъ образомъ возбуждало противъ духовенства польскихъ протестантовъ: ихъ жалобы исходили изъ совсѣмъ иного источника, и если ужъ на то пошло, они еще менѣе уважали церковную собственность; но во всякомъ случаѣ такой клиръ не могъ пользоваться въ обществѣ почетомъ, вытекающимъ изъ уваженія къ священному сану, а не къ видному общественному посту, и оказывать на общество моральнаго влія-

нія. Впрочемъ, о послѣднемъ польскій епископатъ менѣе всего заботился. Онъ самъ былъ слишкомъ мало настроенъ религіозно и, колеблясь даже въ своемъ правовѣріи, подумывалъ отчасти и самъ о реформѣ, но не столько изъ религіозныхъ побужденій, сколько потому, что въ немъ самомъ завелось вольномысліе, при которомъ можно было легко отстать отъ старой церкви, еслибы это сулило несомнѣнныя выгоды. Въ польскомъ епископатѣ до начала іезуитской реакціи не было настоящей ревности къ вѣрѣ ни въ смыслѣ энергической борьбы съ „ересью", ни въ смыслѣ твердаго намѣренія уничтожить „порчу церкви". Въ послѣдніе годы Сигизмунда стараго, во время исключительнаго вліянія королевы Боны попадали на епископскія мѣста преимущественно люди, бывшіе въ состояніи хорошо заплатить или умѣвшіе особенно угодить, а тамъ до ихъ правовѣрія никому, повидимому, не было никакого дѣла, да и для нихъ самихъ весь вопросъ былъ въ томъ, чтобъ наживаться да заниматься политикой и интригами: иной епископъ только-что назначенъ, но еще не посвященъ въ санъ, а уже спѣшитъ въ сенатъ, на сеймъ, къ отправленію своихъ свѣтскихъ обязанностей, а иной и всю жизнь проводитъ въ сенатѣ, на сеймахъ, въ разъѣздахъ съ дипломатическими порученіями, въ хлопотахъ объ увеличеніи своихъ доходовъ. Отъ такихъ епископовъ не требовали качествъ, необходимыхъ для пастыря церкви, да и сами они не думали, чтобы качества имѣли какую-либо важность: по крайней мѣрѣ, одинъ „бискупъ" самъ заявилъ что „по нынѣшнему времени" отъ лица, имѣющаго этотъ санъ, нужно требовать главнымъ образомъ хорошаго происхожденія, авторитетности и любви къ государству, т.-е. качествъ, необходимыхъ по существу и съ точки зрѣнія эпохи и въ каждомъ свѣтскомъ сановникѣ Рѣчи Посполитой. Та же Бона, которая понадѣлала такихъ епископовъ, и другія церковныя должности въ каѳедральныхъ костелахъ и капитулахъ раздавала подобнымъ же людямъ, причемъ поживились и нѣкоторые ея соотечественники, итальянцы.

На подрывъ католическаго правовѣрія въ до-реформаціонной Польшѣ не безъ вліянія осталось и гуситство. Хотя мнѣніе нѣкоторыхъ польскихъ историковъ о томъ, что между гуситскимъ движеніемъ XV вѣка и польской реформаціей XVI вѣка существуетъ непосредственная связь, и невѣрно, но нельзя въ этомъ отношеніи идти за проф. Любовичемъ, который, оспаривая это мнѣніе, совсѣмъ не считаетъ нужнымъ распространяться о вліяніи, оказанномъ гуситствомъ на отношеніе польскаго общества къ

католицизм[1]): изъ того, что польская шляхта не была воспитана въ религіозныхъ традиціяхъ чешскаго ученія и что между нимъ и польскимъ протестантизмомъ XVI в. не было прямой генетической связи, нельзя дѣлать вывода о незначительности гуситскаго вліянія на Польшу. Пусть поляки XV вѣка примыкали къ движенію, вызванному чешскимъ реформаторомъ изъ-за чисто политическихъ разсчетовъ, пусть демократическій характеръ ученія приходился и не по вкусу шляхетской Польшѣ, пусть нѣтъ данныхъ утверждать, что среди поляковъ поддерживались его религіозныя традиціи во второй половинѣ XV и началѣ XVI столѣтія, пусть даже въ первыя времена польской реформаціи появленіе въ странѣ „братьевъ чешскихъ" было встрѣчено даже недовѣріемъ и предубѣжденіемъ со стороны шляхты, какъ утверждаетъ проф. Любовичъ, пусть вообще послѣ 1500 г. отъ гуситства въ Польшѣ не оставалось никакихъ слѣдовъ, такъ что прошло по меньшей мѣрѣ два десятка лѣтъ отъ окончательнаго исчезновенія его въ Польшѣ до первыхъ вліяній на поляковъ со стороны нѣмецкой реформаціи, на что указываетъ ксендзъ Буковскій[2]),—все-таки мы имѣемъ право говорить о нѣкоторой роли гуситства если не въ смыслѣ зародыша позднѣйшаго реформаціоннаго движенія, то въ смыслѣ силы, которая также поколебала католицизмъ въ Рѣчи Посполитой. Дѣло въ томъ, что участіе поляковъ въ чешскомъ движеніи познакомило ихъ съ нѣкоторыми такими сторонами ученія Гуса и его послѣдователей, которыя, не затронувъ въ общемъ догматическаго и обрядоваго правовѣрія шляхты, вызывали въ ней или только подкрѣпляли ея анти-церковныя стремленія, вытекавшія изъ чисто свѣтскихъ побужденій. Вотъ нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль[3]).

Проникновенію въ Польшу гуситскаго ученія содѣйствовали старинныя связи между этой страной и Чехіей, близость между языками обоихъ народовъ, образованіе, которое получали поляки въ пражскомъ университетѣ, гдѣ королева Ядвига учредила даже

[1]) Любовичъ, стр. 43—44.

[2]) Bukowski, I, 49, 52 sq.

[3]) См. между прочимъ, Sokołowski, Ostatni obrońca husytyzmu w Polsce (Przegląd Polski. 1870); Spytek z Melsztyna i Dziersław z Rytwian u Andrzej Gałka z Dobczyna (Przewodnik naukowy i literacki 1873 и 1874 гг.); A. Prohaska, Polska i Czechy w czasach husyckich (Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności. 1877); Husyta polski (въ Szkice historyczne. Warszawa. 1884); Perwolf, Čechove a polaci v XV a XVI stoleti (Osveta за 1883 г., см. особенно главу: Husitstwi v Polsku) и др.

особую коллегію для своихъ подданныхъ. Во время гуситскихъ войнъ Чехія обращала свои взоры на Польшу, какъ на естественную свою союзницу въ борьбѣ съ германизаціей, и поляки принимали участіе въ этой борьбѣ славянства съ нѣмцами. Ягеллу и Витовта приглашали на чешскій престолъ, Витовтъ посылалъ въ Чехію войско подъ начальствомъ своего племянника Сигизмунда Корибута, туда же отправлялось польское войско при избраніи чехами на престолъ Казиміра, брата польскаго короля Владислава, а съ 1471 по 1526 гг. въ Чехіи царствовали Ягеллоны. За то въ крестовомъ походѣ, который папство объявило противъ „ереси", поляки не принимали участія: еще при жизни Гусъ пользовался среди нихъ большимъ уваженіемъ, нѣкоторые явились даже на Констанцкій соборъ съ цѣлью спасенія чешскаго патріота; рукописныя книги Гуса находили въ Польшѣ порядочный сбытъ, а по смерти реформатора у него было въ странѣ и небольшое число послѣдователей. Не это, однако, воздерживало поляковъ отъ крестоваго похода и заставляло ихъ защищать чешское дѣло: религіозныя новшества не настолько имъ претили, чтобы забывать изъ-за нихъ національно-политическіе интересы, но и не настолько ихъ увлекали, чтобы вмѣшаться въ войну по чисто религіознымъ мотивамъ,—все дѣло заключалось именно въ національно-политическомъ интересѣ. Какъ бы то ни было, папа Мартинъ V пригласилъ и польское духовенство противодѣйствовать „ереси", и оно должно было принять на своихъ синодахъ строгія мѣры противъ еретиковъ, а король Ягелло, указомъ 1408 г. уже предписавшій органамъ свѣтской власти содѣйствовать инквизиторамъ [1]), въ 1424 г. издалъ суровый велюнскій эдиктъ, приравнивавшій ересь къ государственной измѣнѣ. Тѣмъ не менѣе гуситство вербовало себѣ приверженцевъ среди шляхты: тутъ, по словамъ Шуйскаго, дѣйствовалъ „духъ рыцарскаго своеволія, который эманципировался посредствомъ ереси отъ традиціонной моральной грозы" [2]). Такимъ образомъ эта эмансипація началась гораздо ранѣе гуманистическихъ вліяній, и даже только необходимость борьбы съ ересью впервые заставила тогдашнее духовенство обратиться къ пособію новаго гуманистическаго образованія: въ такомъ именно смыслѣ оказывалъ покровительство гуманизму краковскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій, главный врагъ гуситства въ Польшѣ. Замѣчательно и то, что „духъ рыцарскаго своеволія", о которомъ гово-

[1]) Впервые о немъ Bukowski, I, 26.
[2]) Szujski, Historya Polski. II, 71.

рить Шуйскій, и позднѣе въ XVI-мъ вѣкѣ игралъ такую же роль въ реформаціонномъ движеніи. Въ первой половинѣ XV в. шляхта уже выступала на свою историческую дорогу, и въ малолѣтство Владислава III, въ 1438 г. образовалась шляхетская конфедерація подъ предводительствомъ гусита Спытка изъ Мельштына, хотя въ актахъ этой конфедераціи ни однимъ словомъ не упоминается о дѣлахъ вѣры. Дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія съ партіей Збигнѣва Олесницкаго, и польскій гуситъ былъ побѣжденъ. Польскіе историки называютъ Спытка первымъ „рокошаниномъ“: уже въ первой половинѣ XV в. политическая оппозиція уже кое-кого увлекаетъ въ движеніе подъ знаменемъ ереси. Другой гуситъ польскій, Андрей Галка изъ Добчина, спасавшійся отъ Збигнѣва Олесницкаго въ Силезіи, отдавалъ себя подъ охрану польскихъ пановъ и короля, который, какъ ему было-де извѣстно, хотѣлъ поставить духовенство въ зависимость отъ себя. Или вотъ еще характерный случай: Авраамъ изъ Збоншина, или Збонскій, держитъ у себя пятерыхъ гуситскихъ проповѣдниковъ, нападаетъ съ своими приверженцами на познанскаго епископа Станислава Цёлка, метавшаго противъ него церковные громы, и только преемникъ послѣдняго Андрей изъ Бнина собираетъ около себя цѣлую партію, осаждаетъ Збоншинъ и заставляетъ его владѣльца выдать проповѣдниковъ для обычной казни „безъ пролитія крови“, т.-е. на кострѣ. Таковы факты: они очень любопытны, такъ какъ то же самое повторяется столѣтіемъ позднѣе. „Ересь“, однако, не пустила глубокихъ корней въ обществѣ: изъ второй половины XV вѣка мы имѣемъ лишь извѣстія о рѣдкихъ индивидуальныхъ совращеніяхъ. Но, съ другой стороны, и побѣда католицизма не была полной, не потому, чтобы мы принимали на вѣру слова польскихъ протестантовъ объ искрахъ гуситства, какъ бы засыпанныхъ золой и разгорѣвшихся въ эпоху реформаціи [1]), или слѣдовали за историками, увлеченными идеей о непосредственной связи между гуситствомъ XV в. и протестантизмомъ XVI-го въ Польшѣ [2]), — не была эта побѣда полной потому, что во время этого движенія часть польской націи начала выставлять на первый планъ интересы національно-политическіе и, не придерживаясь гуситства какъ вѣроученія, во второй половинѣ XV вѣка, пользовалась многими его идеями въ своей свѣтской оппозиціи католицизму.

Уже въ серединѣ XV в. эта свѣтская оппозиція, имѣвшая

¹) Węgierski, Kronika zboru, 3.
²) Łukaszewicz, Wiadomość historyczna, 7. O kościołach braci czeskich, 16.

свои особыя причины, выразилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ идей итальянскаго гуманизма и чешскаго гуситства въ Monumentum pro reipublicae ordinatione, т.-е. „о правѣ Рѣчи Посполитой“ Яна Остророга, перваго виднаго политическаго писателя въ Польшѣ [1]). Въ этомъ сочиненіи съ чисто государственной и прямо свѣтско-раціоналистической точки зрѣнія, заимствованной изъ римскаго права, выражается нерасположеніе къ „папскимъ бреднямъ“ и къ духовенству, бывшему въ великой „ненависти“ (odium) у шляхты: для автора ксендзы — „тунеядцы, жирѣющіе отъ чужой работы“, церковныя имущества — „достояніе бѣдныхъ“, добытое ихъ пóтомъ и расхищаемое духовенствомъ, индульгенціи—только „средство для выманиванія денегъ“ и т. п., и, не касаясь вопросовъ вѣроученія и обряда, Янъ Остророгъ требуетъ подчиненія ксендзовъ и монаховъ государственной власти, обращенія церковныхъ имуществъ на нужды государства, уничтоженія всѣхъ римскихъ поборовъ, полной независимости короля отъ папы и т. п. На всемъ складѣ ума и образѣ мыслей Яна Остророга сказалось сильное вліяніе его заграничныхъ гуманистическихъ и юридическихъ занятій, но въ его идеяхъ о церковной политикѣ особенно выдается поразительное ихъ сходство со взглядами Гуса. Польскій публицистъ не идетъ за нимъ въ чисто религіозной сторонѣ его ученія, и только въ одномъ мѣстѣ слышится намекъ на сомнѣніе въ правѣ папы смотрѣть на себя, какъ на Христова намѣстника на землѣ, но въ остальномъ Янъ Остророгъ повторяетъ мысли Гуса о богатствѣ духовенства, какъ о главной причинѣ его порчи, о необязательности церковныхъ десятинъ, о правѣ государства пользоваться церковными имуществами для своихъ нуждъ, о томъ, что имущества эти достояніе бѣдныхъ, добытое ихъ пóтомъ: иногда самыя выраженія, въ которыхъ высказываются мысли Гуса и Яна Остророга, почти дословно тождественны. Польскій публицистъ очень часто только формулировалъ то, что̀ подъ вліяніемъ гуситства бродило въ умахъ польской шляхты. Она сражалась въ однихъ рядахъ съ чехами, и не у нихъ ли заимствовала она тотъ очень распространенный въ Польшѣ XV вѣка взглядъ, что во время похода рыцарство можетъ безнаказанно опустошать церковныя имѣнія? Сколько разъ ни собиралась шляхта въ походъ съ начала XV в., первымъ ея дѣломъ было пограбить имѣнія духовенства. Янъ Остророгъ даже

---

[1]) A. Pawiński, Jana Ostroroga żywot i pisma o naprawie rzeczy pospolitej. Warszawa. 1884. Тутъ же перепечатанъ и самый „Monumentum“. О вліяніи на него спеціально гуситства см. стр. 106 и слѣд.

вооружается противъ взгляда „глупыхъ людей", воображавшихъ, что есть такое „право", но какъ вооружается: „разъ,—говоритъ онъ,—господа духовные будутъ вести себя такъ, какъ предписано, совсѣмъ не годится (nefas omnino sit) касаться ихъ имѣній". Около того же времени начались споры шляхты съ духовенствомъ изъ-за десятинъ, и Остророгъ только привелъ библейскія доказательства о добровольномъ характерѣ десятины, какъ милостыни, совершенно согласно съ Гусомъ, учившимъ, что decimae sunt purae eleemosynae. Гуситскія идеи пали въ Польшѣ на благопріятную почву: шляхта уже начинала „ненавидѣть" духовенство изъ-за чисто свѣтскихъ побужденій. Замѣчательная вещь: шляхта мало интересуется чисто религіозной стороной чешскаго движенія, какъ впослѣдствіи остается довольно равнодушной къ лютеранству, хотя и въ XV, и въ первой половинѣ XVI в. ведетъ борьбу противъ политической мощи клира; только въ серединѣ XVI столѣтія начинается въ ней реформаціонное движеніе подъ вліяніемъ кальвинизма, но и тутъ мы не видимъ строгой и суровой стороны религіознаго ученія „женевскаго папы", и долговременное вліяніе на Польшу итальянскаго гуманизма и вольномыслія выражается въ томъ, что черезъ десять лѣтъ въ кальвинской церкви происходитъ серьезный расколъ, проявляется и усиливается та самая ересь, за которую Кальвинъ изжарилъ на кострѣ Сервета. Въ общемъ, такимъ образомъ, польская реформація подготовлялась не столько на почвѣ усиленной религіозности, сколько на подкладкѣ извѣстнаго вольномыслія, довольно иногда индифферентнаго къ вопросамъ вѣры, какъ таковой,—и ненависти шляхты къ духовенству изъ-за чисто мірскихъ побужденій. И Польша со времени великихъ соборовъ XV вѣка, какъ и другія страны, слѣдила за церковными дѣлами, и краковскій университетъ принималъ участіе въ томъ, что̀ происходило въ Констанцѣ, а потомъ въ Базелѣ, и въ спорѣ между папами Феликсомъ V и Николаемъ V; и въ ней были отдѣльные люди, высказавшіеся противъ нѣкоторыхъ установленій церкви, какъ, напр., авторы двухъ изданныхъ въ Краковѣ въ 1504 г. книжекъ Объ истинной вѣрѣ и О бракѣ священниковъ, или нѣкій Бернардъ изъ Люблина, написавшій на имя Симона изъ Кракова, за годъ до „тезисовъ" Лютера, т.-е. въ 1516 г., посланіе съ чисто протестантской идеей о необходимости слѣдовать одному евангелію безъ всякихъ человѣческихъ выдумокъ и т. п. Все это подготовляло реформаціонное движеніе, но такая подготовка была вездѣ: это—явленіе общеевропейское, но не вездѣ отдѣльныя личности, которыя могли бы сдѣлаться церковными реформаторами, имѣли за

собою массы, склонныя поддаться ихъ новшествамъ и увлечься какой-либо новой религіозной идеей. Польская шляхта даже тогда, когда проповѣдь Лютера зажгла цѣлый пожаръ въ Германіи и скоро нашла послѣдователей въ нѣмецкомъ населеніи Рѣчи Посполитой, относилась къ движенію больше съ любопытствомъ, возбуждаемымъ всякою новизною, и читала „еретическія" книжки только „ohne Verdruss", какъ говорилъ о себѣ одинъ нѣмецкій епископъ, заглядывавшій въ сочиненія Лютера. Это еще не доказываетъ, что она живо и глубоко интересовалась вопросами вѣры, какъ таковыми; а то, что лютеранская проповѣдь не была принята шляхтой, не доказываетъ ея строгой католической правовѣрности: религіозный вопросъ былъ предметомъ скорѣе внѣшняго любопытства, чѣмъ внутренней потребности духа, и болѣе соотвѣтствовалъ склонности къ нѣкоторому вольномыслію, чѣмъ вызывался глубоко религіознымъ настроеніемъ. Польская реформація показываетъ, какую роль и въ другихъ мѣстахъ Европы играла въ реформаціонномъ движеніи нѣкоторая эманципація отъ средневѣковой церковности и чисто мірская оппозиція католицизму: Лютеръ, отчаянный папистъ, спиритуалистъ и аскетъ сначала, только съ внутреннимъ бореніемъ духа постепенно порвавшій связи съ римскою церковью и въ великихъ сомнѣніяхъ своей совѣсти выносившій принципъ „оправданія посредствомъ вѣры", и польскій шляхтичъ, начавшій съ ненависти къ духовенству и довольно равнодушнаго отношенія къ чистой религіозной истинѣ, —двѣ противоположности. Но развѣ всѣ, принимавшіе въ XVI в. реформу, проходили вообще тяжелую дорогу Лютера, и не играли ли здѣсь роль тѣ побужденія покончить съ „вавилонскимъ плѣненіемъ церкви", которыя, можетъ быть, нигдѣ съ такой силой не проявлялись въ своемъ чистомъ видѣ, какъ именно у польской шляхты XVI вѣка?

Причины чисто мірской оппозиціи католицизму, игравшей роль въ реформаціонномъ движеніи, можно раздѣлить на національныя, политическія, соціальныя и интеллектуальныя, не считая нравственнаго неудовольствія на порочную жизнь духовенства. Въ Испаніи не было реформаціи: тамъ католицизмъ сдѣлался какъ бы знаменемъ самой національности. Реформація нѣмецкая, наоборотъ, имѣла характеръ и національнаго протеста „нѣмецкаго народа" противъ Рима, черезъ-чуръ безцеремонно хозяйничавшаго въ Германіи. Въ Польшѣ только позднѣе католицизмъ сдѣлался одной изъ основъ „народовости", но не было и особенныхъ причинъ для національной оппозиціи Риму. Этому элементу не пришлось играть особенно замѣтной роли въ польской рефор-

націи. Мѣстный клиръ и безъ того былъ болѣе польскимъ, чѣмъ римскимъ: онъ не особенно ревностно защищалъ папскіе интересы въ Польшѣ уже въ первой половинѣ XV в., а спустя сто лѣтъ совсѣмъ враждебно смотрѣлъ на людей, ѣздившихъ въ Римъ добывать себѣ теплыя мѣстечки въ Польшѣ; въ реформаціонную эпоху, нѣкоторые его члены подумывали о національномъ соборѣ и „народовомъ костелѣ", и только іезуиты убѣдили польскихъ епископовъ, что лишь въ строгомъ единеніи съ Римомъ они спасутъ свои политическія и соціальныя привилегіи. Національная оппозиція польскаго духовенства была слишкомъ слаба, чтобы вызвать его отпаденіе отъ церковнаго единства, потому что формулировала скорѣе уже осуществленные принципы, которые папство молчаливо признавало въ основѣ своихъ отношеній къ польской церкви, чѣмъ вызывалась чрезмѣрнымъ гнетомъ куріи: отношенія Рима къ польскому клиру сложились довольно благопріятно для послѣдняго, и въ его національной оппозиціи не было достаточной энергіи. Въ свѣтскомъ обществѣ также было развито національное чувство, но у него не было особыхъ поводовъ быть враждебнымъ Риму: его питала борьба съ нѣмецкимъ орденомъ крестоносцевъ въ Пруссіи, и отчасти примѣръ чеховъ дѣйствовалъ тутъ на Польшу. Напр., первыя литературныя произведенія на польскомъ языкѣ, начавшемъ мало-по-малу вытѣснять исключительное употребленіе латыни, были простыми переложеніями съ чешскаго, а въ 1431 г. диспутъ между гуситами и краковскими профессорами велся по-польски. Конечно, чѣмъ ближе мы подходимъ къ реформаціонной эпохѣ, тѣмъ болѣе и болѣе отмѣчаемъ побѣдъ національнаго языка надъ космополитической латынью,—его вводятъ при дворѣ и въ оффиціальное употребленіе, а также и въ литературу,—но особой борьбы за польскій языкъ въ богослуженіи мы не замѣчаемъ. Если протестантская шляхта и защищала что-либо національное противъ Рима съ особенной энергіей, то это было „земское право", нарушаемое „чужимъ правомъ", каноническимъ, но въ основѣ этой защиты лежала ненависть шляхты, какъ сословія, къ духовенству, стѣснявшему этимъ „чужимъ правомъ" шляхетскую вольность, да и духовенство, мечтавшее о „народовомъ костелѣ", увлекалось болѣе интересами своего сословія, чѣмъ національной идеей. Національная идея была, такимъ образомъ, мало развита въ культурномъ слоѣ польскаго общества, а въ массахъ совсѣмъ отсутствовала.

Равнымъ образомъ и для политической оппозиціи Риму въ Польшѣ не было поводовъ. Замѣщеніе высшихъ духовныхъ должностей было въ рукахъ короля, и если иногда по этому поводу

у него случались столкновенія съ папой, то курія въ большинствѣ случаевъ была очень уступчивой: обыкновенно епископъ, „номинированный“ королемъ, получалъ изъ Рима „аппробацію“, а въ первой половинѣ XVI вѣка вообще было установлено наказывать изгнаніемъ и конфискаціей всякаго, кто съѣздить въ Римъ и получить тамъ назначеніе вопреки установившемуся въ Польшѣ порядку. Немногіе спорные пункты въ этомъ дѣлѣ, не имѣвшіе особой важности, были улажены конкордатомъ между Сигизмундомъ I и Климентомъ VII въ 1525 г. Словомъ, польскій король давнымъ-давно имѣлъ то, что французскимъ пріобрѣтено только по болонскому конкордату 1516 г.,—и получилъ все это гораздо дешевле, чѣмъ Францискъ I, уступившій куріи много доходовъ. Дѣло въ томъ, что и по отношенію къ денежнымъ поборамъ курія была довольно милостива къ Польшѣ, и поляки своими постоянными просьбами и приставаніями къ „святому отцу“ умѣли удерживать въ странѣ значительную часть денегъ, собиравшихся римской куріей. Для сильной политической оппозиціи Риму, такимъ образомъ, не было предлога, и если мы все-таки видимъ оппозицію, то въ основѣ ея лежало не недовольство поляковъ вмѣшательствомъ куріи въ ихъ внутреннія дѣла, нежеланіе шляхты, чтобы кто-либо изъ ея среды былъ „поповскимъ невольникомъ“ (niewolnik popowski), какъ выразился одинъ изъ ея представителей на одномъ изъ сеймовъ XVI вѣка. Политическая оппозиція Риму въ Польшѣ имѣла характеръ сословнаго антагонизма между шляхтой и духовенствомъ: государственная власть въ ней была очень мало замѣшана. Точно также и въ отстаиваніи шляхтой свободы мысли не столько дѣйствовали сознанныя потребности умственнаго прогресса и образованія, сколько протестъ „шляхетской вольности“ противъ опеки духовенства: борьба свѣтскаго гуманизма противъ церковной схоластики не играла выдающейся роли въ стремленіи польскаго общества къ интеллектуальной свободѣ.

Вотъ почему польская реформація получила чисто-шляхетскій характеръ. Королевская власть сторонилась отъ движенія, духовенство съ „ересью“ боролось вяло, но вело энергическую борьбу съ шляхтой на почвѣ чисто соціальныхъ вопросовъ; всякая оппозиція шляхты принимала чисто сословный характеръ, а народъ тоже оставался въ сторонѣ. Польскимъ народнымъ массамъ приходилось круто, какъ и нѣмецкимъ, отъ стремленія помѣщиковъ поработить ихъ, находившаго свое выраженіе въ законодательствѣ сеймовъ и въ политическихъ идеяхъ шляхты; но въ Германіи крестьяне, отдаваемые въ жертву дворянству услужливостью док-

торовъ римскаго права, взволновались, когда въ народѣ пошли проповѣдники мистическаго сектантства, а въ Польшѣ народъ безмолвствовалъ. Въ концѣ XVI в. польскимъ протестантамъ приходилось уже задумываться надъ судьбою своего дѣла и отыскивать причины своей неудачи, и тогда одинъ изъ нихъ на торнскомъ синодѣ 1595 г., говоря о неуспѣхѣ протестантизма въ народныхъ массахъ, вложилъ приблизительно такую рѣчь въ уста крестьянъ: „мы—люди бѣдные, и намъ не до того, чтобы думать о о Богѣ, потому что паны и по воскресеньямъ находятъ для насъ работу, и отъ этой тяжкой неволи не спасутъ насъ ни Богъ, ни дьяволъ“. Въ Польшѣ не было реформаціи ни сверху, отъ короля, ни съ низу, отъ народныхъ массъ: государственная власть и низшіе классы общества начинали исчезать передъ шляхтой и духовенствомъ, борьба между которыми, какъ соціальная причина польской реформаціи, и является однимъ изъ самыхъ выдающихся моментовъ всего движенія.

Въ самомъ дѣлѣ, XV и XVI столѣтія были временемъ историческаго роста шляхты. Не выясняя здѣсь общихъ культурныхъ и соціальныхъ причинъ и условій этого явленія, мы просто беремъ этотъ основной фактъ польской исторіи съ исхода среднихъ вѣковъ. Уже въ первой половинѣ XV вѣка польское „рыцарство“ получаетъ двѣ важныя политическія привилегіи: Червинская 1422 г. обезпечивала его отъ конфискаціи имѣній не по суду, Едлинская 1433—отъ произвольнаго лишенія личной свободы. Во второй половинѣ того же столѣтія завершается сеймовая организація государства, получаетъ силу шляхетскій „парламентъ“. Во время прусскаго похода 1454 г. польское рыцарство пригрозило Казиміру Ягеллончику, что разойдется по домамъ, если такіе-то и такіе-то законы будутъ нарушаться и происходить такія-то и такія-то злоупотребленія. Король уступаетъ, даетъ привилегіи отдѣльнымъ „воеводствамъ“ и обѣщаетъ не измѣнять законовъ и не предпринимать походовъ, не испросивъ мнѣнія всей шляхты, собранной на областныхъ сеймикахъ, на которыхъ и король, и „паны“ надѣялись найти поддержку другъ противъ друга. При Казимірѣ Ягеллончикѣ уже началъ формироваться общій для всей Польши или „вальный“ сеймъ, состоявшій изъ „пословъ“ съ отдѣльныхъ сеймиковъ, а при слѣдующихъ короляхъ, Альбрехтѣ и Александрѣ, т.-е. въ самомъ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, дѣлается обычнымъ. „Посольская изба“ начинаетъ соперничать съ королевской „радой“ или „сенатомъ“, прежнимъ съѣздомъ королевскихъ чиновниковъ и епископовъ, который теперь собирается и во время сейма, и внѣ сейма: „посольская изба“ постановляетъ

какое-либо рѣшеніе, король выслушиваетъ мнѣніе „пановъ“ своего совѣта и даетъ постановленію сейма своимъ согласіемъ значеніе законной „конституціи“. Получивъ политическія привилегіи и права, шляхта на своихъ сеймахъ издаетъ законы исключительно въ свою пользу и принижаетъ значеніе въ обществѣ другихъ сословій: не-шляхтичъ не можетъ занимать высшихъ духовныхъ должностей, не имѣетъ представительства въ сеймѣ, лишается права владѣть „земскими имуществами“; городскому самоуправленію, привилегіямъ купечества и цеховъ наносится ударъ за ударомъ; интересы торговаго сословія приносятся въ жертву желанію шляхты имѣть подешевле заграничные товары, вслѣдствіе чего иностранные купцы пріобрѣтаютъ всякія льготы; шляхта освобождается отъ пошлинъ при продажѣ за границу продуктовъ своего сельскаго хозяйства и пр. и пр. L'appetit vient en mangeant, а аппетиты шляхты все болѣе и болѣе усиливались и особенно по отношенію къ сельскому населенію, съ котораго она получала свои главные доходы. Съ прекращеніемъ прежнихъ многолѣтнихъ войнъ и внутреннихъ усобицъ польское „рыцарство“ утратило свой военный характеръ: оно начинаетъ хлопотать объ увеличеніи своихъ доходовъ, тѣмъ болѣе, что прежнихъ оказывалось уже мало для удовлетворенія новыхъ потребностей шляхты, развивавшихся при болѣе близкомъ знакомствѣ съ жизнью Запада, гдѣ все, имѣвшее средства, окружало себя роскошью. Весь доходъ прежняго шляхтича состоялъ изъ хлопскаго „чинша“ за снятую землю, да того, что̀ давало стадо, мельница, корчма. Нужно было поприжать крестьянина: „онъ“ заплатитъ. Средствами увеличенія доходовъ явились въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, увеличеніе барщины и другихъ повинностей крестьянъ. Поселянинъ, лишенный права владѣть „земской собственностью“, лишался всякаго покровительства законовъ. „Смѣло можно сказать,—писалъ во второй половинѣ XVI в. Ф. Руджіери,—что въ цѣломъ свѣтѣ не найдется болѣе презрѣннаго раба, чѣмъ польскій кметъ“, — и какъ бы буквально повторяя эти слова, венеціанскій посланникъ писалъ въ 1575 г., что „во всемъ свѣтѣ не найдется болѣе несчастнаго и бѣднаго существа, чѣмъ литовскій крестьянинъ“, ибо, поясняетъ онъ, „у него нѣтъ ничего своего, развѣ то, что̀ дастъ ему изъ милости господинъ и чего едва-едва станетъ на самое жалкое удовлетвореніе его нуждъ“. Подъ вліяніемъ этого переворота самый образъ жизни шляхты измѣнился: начавъ играть политическую роль и обогатившись, она начинаетъ предаваться роскоши и дѣлается безъ мѣры расточительной. Польская сатира и дидактика XVI

вѣка полны извѣстій въ этомъ смыслѣ, и хотя въ нихъ часто замѣтны сильныя преувеличенія, но въ общемъ извѣстія эти подтверждаются источниками чисто описательнаго характера [1]). И любопытно въ самомъ дѣлѣ взглянуть, каково было то сословіе, среди котораго происходило „религіозное“ движеніе. На роскошь шляхты нападаетъ Янъ Кохановскій въ своей „Сатирѣ“ (1563 г.); по Кленовичу, поляки превзошли въ этомъ отношеніи Клеопатру и сибаритовъ, и такой порокъ—источникъ всѣхъ золъ польской жизни; по изображенію жизни шляхтича въ деревнѣ, вышедшему изъ подъ-пера Андрея Збылитовскаго, шляхта расточаетъ свои доходы и влѣзаетъ въ долги на дорогіе наряды и экипажи, на цѣнную упряжь, на многочисленную дворню, на лошадей, на пиры; а другой Збылитовскій (Петръ) сожалѣетъ о томъ, сколько тратится денегъ на тонкія кушанья, на дорогія пряности, на венгерское вино, на мальвазію. „Бумаги не хватило бы,—восклицаетъ Мартинъ Бѣльскій въ „Разговорѣ двухъ барановъ объ одной головѣ“, - еслибы описывать роскошь и одежды шляхтянокъ и молодежи, за которыя вытягиваетъ деньги хитрый народъ—евреи да итальянцы, еслибы говорить о дорогихъ напиткахъ и кушаньяхъ, доводящихъ потомъ до нужды“! Стоитъ только сказать поляку,—говоритъ онъ еще,—что вотъ это платье—итальянское, и онъ ничего не пожалѣетъ, чтобы его пріобрѣсти. Вотъ еще два свидѣтельства изъ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка. На манеръ извѣстнаго Cortegiano Кастильоне, Лука Гурницкій пишетъ своего „Польскаго придворнаго“, діалогъ на тэму, какія качества долженъ имѣть такой „dworzanin“, съ массой наблюденій надъ современнымъ польскимъ обществомъ: тутъ опять указанія на погоню за иностранными модами, на страсть къ дорогимъ нарядамъ, на многочисленность прислуги (четверо подаютъ пану полотенце при умываніи), на изнѣженность, проистекающую изъ роскоши. Около того же времени знаменитый поэтъ Николай Рей изъ Нагловицъ издаетъ дидактическую поэму о шляхетской жизни отъ начальнаго воспитанія до старости („Wizerunek żywota człowieka poczciwego“), и тамъ вы снова найдете описанія роскоши,—часто, впрочемъ, преувеличенныя,—домовъ, обстановки, одежды, пировъ той эпохи. Это—сатира, дидактика, поэзія; а вотъ чисто описательныя сочиненія. Возьмите „Полонію“, изданную въ Болонѣ въ 1574 г. Яномъ Красинскимъ

[1]) Извѣстія эти, на основаніи болѣе раннихъ обработокъ предмета въ польской литературѣ, собраны въ статьѣ Макушева, Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в. („Славянскій Сборникъ“, т. III). Ср. предисловіе кн. Любомірскаго, Najdawniejsze księgi sądowe. Warszawa. 1879, стр. XXXIX—LI.

для Генриха Валуа [1]), или „Полонію" вармійскаго епископа Мартина Кромера, изданную въ Кёльнѣ въ 1577 г.: и здѣсь отмѣчены и дорогое платье, и цѣнное оружіе, и многочисленная прислуга, и пиры съ возліяніями Вахусу. Кажется, итальянцевъ трудно было удивить по этой части, а между тѣмъ и папскіе нунціи, и итальянскіе послы, побывавшіе въ Польшѣ, не считаютъ лишнимъ говорить о шляхетскомъ платьѣ изъ шелковыхъ тканей и парчи съ дорогими мѣхами, о большой дворнѣ, ничего не дѣлающей или сопровождающей пана при его выходѣ изъ дома, о большомъ количествѣ лошадей въ конюшняхъ и т. п. Итальянецъ Гваньини, въ своемъ „Описаніи европейской Сарматіи" (1578) подтверждаетъ эти извѣстія о страсти поляковъ къ иностраннымъ нарядамъ, о громадныхъ дворняхъ, о бездѣльѣ слугъ, о роскоши стола, о чрезмѣрныхъ тратахъ на пиры и угощенія, въ которыхъ главную роль играетъ вино, а по свидѣтельству де-Ту, польскіе послы, пріѣхавшіе въ Парижъ къ Генриху Валуа, удивили и очаровали французовъ своими костюмами. Правда, все это относится ко второй половинѣ XVI в., но въ первой половинѣ этого вѣка подготовлялось уже то, что съ такой силой проявилось какъ разъ въ эпоху реформаціи. Конечно, въ этомъ нельзя видѣть признака какой-то особой, небывалой развращенности [2]): это явленіе—общее въ исторіи всѣхъ возвышающихся и обогащающихся соціальныхъ классовъ. Случалось, что поляки должали евреямъ, закладывали и даже продавали свои земли, чтобы тянуться въ роскоши за богачами, но обыкновенно не такимъ образомъ пріобрѣтались деньги: тѣ же писатели говорятъ, что за все расплачивалось гумно со скирдами хлѣба, стадо, хлопскій „чиншъ", а только когда этого не хватало, прибѣгали къ шкатулкѣ сосѣда. Какъ ни бражничала шляхта, она и хозяйничала, и самыя заботы ея на сеймахъ о порядкѣ въ администраціи и финансахъ указываютъ на то, что она понимала ихъ значеніе для ея матеріальнаго благосостоянія. Тѣ же писатели и ораторы XVI в. нападаютъ на шляхту за то, что она утратила свой воинственный характеръ и стала заниматься наживой посредствомъ сельскаго хозяйства и сутяжничества изъ-за клочковъ земли. Въ число новыхъ потребностей вошло и свѣтское образованіе, начавшее въ эту эпоху развиваться въ Польшѣ. Политическое возвышеніе шляхты, ея обогащеніе, развитіе въ ней образованія съ аристо-

---

[1]) Есть въ польскомъ переводѣ проф. Будзинскаго (Варшава. 1852).

[2]) См. статью Ремборскаго по поводу вышеуказаннаго очерка Макушева въ польскомъ журналѣ „Niwa" (1877, 1 іюля, стр. 50 и д.).

кратическимъ оттѣнкомъ классической культуры отразились въ сознаніи польскаго „рыцарства“ идеей о его превосходствѣ надъ остальнымъ населеніемъ страны: теорія объ особомъ, высшемъ происхожденіи шляхты, о благородствѣ ея крови, съ которой соединена истинная „шляхетность“ мыслей, чувствъ и поступковъ, не замедлила явиться, и польская литература XVI в., рисующая намъ польскаго шляхтича и отражающая на себѣ его симпатіи и идеалы, популяризируетъ и пропагандируетъ мысли подобнаго рода, содѣйствуя еще большему обособленію этого сословія, какъ заключающаго въ себѣ людей высшей породы [1]): уже въ 1505 г. мысль объ особой чести сословія выразилась въ постановленіи, которое лишало шляхетства всякаго шляхтича, предающагося „мѣщанскимъ“ занятіямъ. Отодвинувъ на задній планъ городъ и положивъ путы на его развитіе, закабаливъ крестьянъ, шляхта и паны имѣли въ обществѣ только одного соперника—духовенство: между ними должна была возникнуть борьба, и чисто соціальная оппозиція клиру главнымъ образомъ питала польскую реформацію XVI вѣка.

По своему сословному происхожденію члены высшаго духовенства въ Польшѣ были той же шляхтой: послѣдняя, какъ мы видѣли, приберегла выгодныя мѣста въ іерархіи для своихъ сыновей. Способъ назначенія на эти мѣста открывалъ доступъ въ клиръ людямъ, стремившимся къ власти и наживѣ, и при королевѣ Бонѣ, торговавшей назначеніями, многіе платили деньги за епископіи, приносившія часто по нѣскольку десятковъ тысячъ „злотыхъ“ годового дохода. Это опредѣляло характеръ дѣятельности высшаго духовенства въ Рѣчи Посполитой: оно занималось сельскимъ хозяйствомъ, вело хлѣбную торговлю, покупало и перепродавало деревни и т. п. И въ другихъ отношеніяхъ положеніе клира было завидное: архіепископъ гнѣзненскій, примасъ государства и legatus natus апостольскаго престола въ Польшѣ, былъ первымъ лицомъ послѣ короля; епископы имѣли мѣсто въ сенатѣ, занимали нерѣдко высшія государственныя должности канцлера и подканцлера коронныхъ, получали вмѣстѣ съ канониками разныя дипломатическія порученія. Съ другой стороны, польскій клиръ представлялъ изъ себя какъ бы особую „церковную республику (rzeczpospolitę) гнѣзненской провинціи“: въ ней были синоды, собиравшіеся собственной властью и дѣлавшіе свои постановленія относительно духовенства вообще; на этихъ синодахъ клиръ рѣшалъ, въ какое отношеніе стать ему къ тому или дру-

[1]) Smoleński, Szlachta w swietle własnych opiniji (Ateneum. 1880).

гому государственному дѣлу, давать ли въ казну субсидію на веденіе войны и въ какихъ размѣрахъ и т. п.; у духовенства былъ свой судъ для членовъ своего сословія по всякимъ дѣламъ, а по дѣламъ религіознымъ и нерѣдко дѣламъ чисто свѣтскаго характера къ церковному суду можно было притянуть и всякаго; духовенство, кромѣ того, пользовалось привилегіей освобождать отъ военной службы всѣхъ, жившихъ на его земляхъ, получало десятины и т. д., и т. д. Не безъ зависти смотрѣло, „свѣтское сословіе" на это богатство, не безъ опасенія за свою вольность на могущество церковной іерархіи. На почвѣ экономическихъ и политическихъ интересовъ давно уже велась борьба между рыцарствомъ и клиромъ, и она-то главнымъ образомъ толкнула въ реформацію значительную часть шляхты, уже и безъ того утратившую безусловную преданность римской церкви подъ вліяніемъ гуманистическаго образованія и отчасти гуситскаго движенія. Здѣсь, въ этомъ антагонизмѣ двухъ сословій мы имѣемъ ключъ для пониманія весьма и весьма многихъ явленій польской реформаціи XVI в.

Таково было состояніе польскаго общества, когда въ Рѣчь Посполитую стали проникать съ Запада протестантскія ученія, и таковы были главныя причины реформаціоннаго движенія въ Польшѣ.

Н. Карѣевъ.

СВЯТОЕ ИСКУССТВО

ПОВѢСТЬ.

I.

Тускло горѣли фонари на платформахъ Николаевскаго вокзала. Съ правой стороны разсѣянно бродили жиденькія кучки встрѣчающейся публики. Артельщики сонно сидѣли на чугунныхъ скамейкахъ, отъ времени до времени презрительно посматривая на публику. Въ публикѣ преобладалъ приказчикъ, чиновникъ, не достигшій чина титулярнаго совѣтника, купчика не выше третьей гильдіи, студентъ въ жиденькомъ пальто рыжаго цвѣта и въ порярковой шляпѣ и всякаго рода пролетарій. Было около десяти часовъ вечера; ожидался пассажирскій поѣздъ, въ коемъ особенно чистой публики, какъ извѣстно, не полагается. Поэтому и артельщики смотрѣли свысока и фонари горѣли какъ-то не хотя, какъ бы снисходя къ слабостямъ человѣческимъ.

Изъ публики выдѣлялся господинъ небольшого роста въ сѣромъ пальто съ воротникомъ изъ какого-то желтоватаго мѣха— весьма подозрительнаго качества, въ фуражкѣ съ кокардой министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, выдѣлялся онъ только тѣмъ, что ходилъ въ одиночку мелкими шажками, и еще тѣмъ, что, не смотря на обильно падавшій влажный снѣгъ, предпочиталъ прогулку въ томъ мѣстѣ платформы, гдѣ нѣтъ навѣса. Снѣгъ хлопьями ложился на желтый воротникъ его пальто и на форменную фуражку и тутъ же таялъ немедленно. Господинъ этотъ имѣлъ рябоватое смуглое лицо, маленькіе темные и быстрые глазки и жиденькую бородку смолистаго цвѣта. Онъ часто посматривалъ на свои часы—мѣдные никелированные часы боль-

шихъ размѣровъ съ открытымъ циферблатомъ,—и на лицѣ его выражалось недоумѣніе. Недоумѣвалъ онъ не потому, чтобъ поѣздъ обманулъ его надежды—опозданія не ожидалось вовсе, а потому что самый фактъ пребыванія его здѣсь, на платформѣ Николаевскаго вокзала, казался ему недостаточно мотивированнымъ. „Какого чорта не видалъ онъ здѣсь"?—мысленно спрашивалъ себя господинъ въ министерской фуражкѣ и, остановившись у фонаря, вынулъ изъ кармана пальто телеграмму и прочиталъ въ шестой разъ: „Ѣду всѣмъ семействомъ. Встрѣчай. Приготовь помѣщеніе. Сергѣй Степовицкій". Прочитавъ, онъ пожалъ плечами и бросилъ вопросительный взглядъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться поѣздъ. Въ отвѣтъ на этотъ взглядъ вдали блеснула красная точка и послышался гулъ. Публика стала подходить къ краю платформы и заглядывать вдаль. Поѣздъ яснѣе и яснѣе обозначался на темномъ фонѣ петербургской ночи, свисталъ и шипѣлъ и наконецъ почти беззвучно вплылъ подъ навѣсъ.

Господинъ въ министерской фуражкѣ внимательно глядѣлъ разомъ на всѣ площадки вагоновъ третьяго класса, но безуспѣшно. На платформу вываливалась публика полусонная,—очевидно, только-что проснувшаяся, — безъ шуму и почти безъ суеты. Артельщики небрежно вытаскивали большею частью истертые и испачканные чемоданы. Онъ уже готовъ былъ съ досадой повернуть домой, въ полной увѣренности, что надъ нимъ пошутилъ нѣкогда веселый школьный товарищъ. Въ это время изъ вагона на платформу съ шумомъ вылетѣлъ узелъ, потомъ чемоданъ, за тѣмъ появилась дамская фигура въ какомъ-то странномъ пальто яркаго цвѣта; она вела за руки двухъ ребятъ,—повидимому, дѣвочекъ лѣтъ шести-семи; лицо ея было почти совершенно закутано въ платокъ. Она тотчасъ обернулась и промолвила звучнымъ груднымъ голосомъ: „Осторожнѣй, Сережа! Не разбуди его!" Потомъ крикнула артельщика. „Ну, это они и есть!"—подумалъ господинъ въ министерской фуражкѣ, и ему сдѣлалось ужасно досадно. „Пріѣхалъ таки! Значитъ, это не шутка!"—размышлялъ онъ и подошелъ къ дамѣ.

— Г-жа Степовицкая?—прямо спросилъ онъ ее.

— Ахъ! Вы, должно быть, Рябининъ, Ѳедотъ Семенычъ?—спросила въ свою очередь дама и, не дожидаясь отвѣта, крикнула по направленію къ вагону:—Сережа! здѣсь господинъ Рябининъ!

Рябининъ вскочилъ на платформу и хотѣлъ войти въ вагонъ, но въ это время оттуда медленно высунулся мущина съ ребенкомъ на рукахъ, тщательно закутаннымъ въ теплое одѣяло.

— Тсс!.. Не разбуди инфанта!—съ улыбкой промолвилъ мужчина и комически протянулъ къ нему лицо съ вытянутыми губами. Они поцѣловались.—Ну спасибо, что пришелъ. Иначе мы погибли бы въ семъ новомъ Вавилонѣ! И помѣщеніе есть?

— Будь покоенъ! Неважное, но есть! Здѣсь не далеко на Гончарной!

— На Гончарной, такъ на Гончарной! Это для меня пустой звукъ! Знаю, что есть Невскій проспектъ и Казанскій соборъ, больше ничего не знаю! Жена моя и дщери!.. - отрекомендовалъ онъ, но здороваться было некогда. Рябининъ тащилъ уже чемоданъ, сдавъ артельщику огромный узелъ. Размѣстились въ двухъ саняхъ. Госпожа Степовицкая помѣстилась съ дѣвочками, Рябининъ занялъ мѣсто съ пріѣзжимъ пріятелемъ, который продолжалъ бережно держать на рукахъ ребенка.

— Не ожидалъ? А?—спрашивалъ онъ по дорогѣ. Онъ былъ очень торжественно настроенъ и его красивое смуглое лицо постоянно озарялось чуть-чуть лукавой улыбкой, какъ будто онъ зналъ очень пикантную тайну. Рябининъ, сидя рядомъ съ нимъ, казался жалкимъ пигмеемъ. Пріятель его былъ почти высокаго роста и плечи имѣлъ широкія, и грудь здоровую, выпуклую. Лицо его—цвѣтущее, хорошо вскормленное—дышало величайшимъ довольствомъ. „Съ чего это онъ?“ размышлялъ Рябининъ, кутаясь въ желтый воротникъ своего поношеннаго пальто:—„даже противно!“ добавлялъ онъ съ гадливой улыбкой. Онъ никакъ не могъ понять, какъ это человѣкъ въ положеніи его пріятеля можетъ сіять, да и не любилъ онъ вообще выраженія самодовольства.

— Не ожидалъ?—повторилъ свой вопросъ Степовицкій.

— Разумѣется, не ожидалъ!—почти сердито отвѣтилъ петербуржецъ.

— Я, братъ, самъ не ожидалъ!—пояснилъ Степовицкій, — сидѣлъ себѣ смирно въ богоспасаемомъ градѣ Нелѣповкѣ и мало-по-малу закисалъ въ званіи надзирательскомъ. Мнилъ, что лѣтъ черезъ пятокъ окончательно закисну, и вдругъ...

— Что же такое случилось?—сердился Рябининъ.

— Ха! Случилась, братъ, штука!—продолжалъ Степовицкій, очевидно намѣренно интригуя пріятеля.—Гордись, чиновникъ министерскій, рядомъ съ тобой сидитъ восходящее свѣтило!.. ха, ха, ха!..

Рябининъ пожалъ плечами. „Какимъ, однако, шутомъ сдѣлала его жизнь!“—мрачно подумалъ онъ. Однако, въ глазахъ пріятеля онъ нашелъ нѣчто тревожное. Зная еще со школьной

скамьи Степовицкаго, какъ человѣка легко увлекающагося, онъ предположилъ и здѣсь крупное и, можетъ быть, роковое увлеченіе.

— На какомъ же поприщѣ, смѣю спросить? — предложилъ онъ вопросъ.

— На поприщѣ литературномъ, Ѳедотъ Семенычъ! Да-съ! Чего вытаращилъ глаза! Не вѣришь? Я самъ, братъ, не вѣрилъ! —Рябининъ дѣйствительно не вѣрилъ. Онъ былъ изумленъ до послѣдней степени. Теперь онъ вспомнилъ, что еще въ школѣ Степовицкій обнаруживалъ влеченье къ писанію стиховъ. Тогда изъ этого ничего не выходило. Стихи были плоховаты. Потомъ эта „дурь" вышла у него изъ головы; онъ лѣтъ уже десять какъ женился и сталъ скромно надзирательствовать въ нелѣповецкой прогимназіи, въ той самой, которая была ихъ общею alma mater. И вдругъ такія рѣчи!.. Нѣтъ, тутъ что-то роковое, непремѣнно роковое!

— Вотъ оно что!?. Откуда же это у тебя такой талантъ вдругъ проявился?..

— Не вдругъ! Я вѣдь всегда имѣлъ склонность... Самъ знаешь!.. Бумаги на своемъ вѣку страсть сколько измаралъ!.. Прежде стихи писалъ — неудачно; не мой жанръ. Понимаешь? Тургеневъ вѣдь тоже началъ стихами, а потомъ бросилъ...

— Такъ тожъ Тургеневъ!..—Рябининъ уже совсѣмъ разозлился.

— Ну, да! Тургеневъ!.. А я—Степовицкій Сергѣй. И меня, и его родила женщина и совершенно одинаковымъ способомъ!.. Такъ вотъ, говорю, стихи писалъ, бросилъ; наваляль повѣсть, послалъ въ редакцію и... Нѣтъ, я лучше тебѣ письмо покажу!..

— Какое письмо?

— Письмо отъ господина редактора! Тамъ, братъ, все найдешь по адресу Степовицкаго: новизна сюжета, сила выраженія, искренность, теплота... всякая штука...

— Любезный человѣкъ, должно быть, этотъ редакторъ!

— Фу, ты, скептикъ какой! У васъ тутъ всѣ такъ? Деньги, братецъ, впередъ прислалъ. Давайте, говоритъ, намъ побольше такого добра!.. Я взялъ да и бросилъ надзирательство! Чортъ съ нимъ! Скука смертная!.. Стану я... Ну а ты какъ поживаешь? Все тянешь лямку?..

Вопросъ былъ предложенъ нѣсколько свысока, но Рябининъ не имѣлъ времени отвѣчать.

Они пріѣхали.

Рябининъ стащилъ вещи въ меблированныя комнаты, помѣщавшіяся во дворѣ въ четвертомъ этажѣ.

— Фу, ты, высь какая!—задыхался Степовицкій, подымаясь по лѣстницѣ, а его супруга едва переводила духъ.—Это съ непривычки.—Въ это время инфантъ проснулся и поднялъ здоровенный крикъ. Семья, наконецъ, достигла меблированныхъ комнатъ и стала размѣщаться. Двухъ довольно просторныхъ комнатъ оказалось достаточно. Скоро появился самоваръ и началось чаепитіе.

Рябининъ былъ вновь представленъ женѣ пріятеля. Она оказалась довольно миленькой, изящной брюнеткой съ круглымъ лицомъ и ровными бѣлыми зубками. Слегка вздернутый небольшой носъ и не сходившая съ губъ лукавая улыбка говорили о бойкомъ характерѣ. Самъ Степовицкій глядѣлъ на нее съ умиленіемъ и даже съ какой-то благодарностью, постоянно справлялся о ея мнѣніи по поводу всевозможныхъ мелочей. Вообще ясно было, что въ семьѣ царили миръ и любовь. Дѣвочки скоро были уложены спать, инфантъ послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ также заснулъ. Пріятели сидѣли за столомъ и вели оживленную бесѣду. То-есть бесѣдовалъ собственно Степовицкій, а Рябининъ только вопрошалъ и пожималъ плечами. Хозяйка сидѣла поодаль и съ нѣсколько мечтательнымъ видомъ, казалось, внимательно слушала.

— Такія-то дѣла, Ѳедотъ Семенычъ!—говорилъ Степовицкій и при этомъ глаза его смотрѣли радостно:—fortes fortuna juvat—говаривалъ нашъ старый латинистъ въ гимназіи. Я это и припомнилъ. Чего въ самомъ дѣлѣ киснуть, коли отыскалась искра Божія?! Ты только сравни: жизнь надзирателя, зависящая отъ всякаго начальства чуть не до сторожа включительно... и жизнь литератора, у котораго нѣтъ иного начальства кромѣ собственнаго вдохновенія!.. Понимаешь ты эту разницу?...

Степовицкій взглянулъ на жену, а она отвѣтила ему сіяющей улыбкой. Рябининъ проклиналъ себя въ душѣ за то, что не могъ отыскать въ себѣ ни одного восторженнаго порыва. Улыбка, которую онъ старался сдѣлать на своемъ лицѣ, была какая-то кислая и онъ это чувствовалъ.

— Вдохновеніе—прекрасная вещь!—сказалъ онъ: — ну, а матерія?

— Матерія?—торжественно подхватилъ Степовицкій.—Найди мнѣ другой трудъ такъ хорошо оплачиваемый, какъ писательскій? Мнѣ за мою повѣсть въ три печатныхъ листа заплатили двѣсти сорокъ рубликовъ... Понимаешь? Это значитъ, если я буду писать

по два листа въ мѣсяцъ... Сто шестьдесятъ рублей... А я намѣренъ писать больше...

— Больше двухъ листовъ въ мѣсяцъ?—изумился Рябининъ.

— Ха, ха, ха! Что-жъ тутъ удивительнаго. Ты знаешь, эту повѣсть я навалялъ въ двѣ недѣли...

— Такъ, значитъ, ты не писать, а валять будешь?—не выдержалъ и ядовито разсмѣялся Рябининъ и за это былъ наказанъ ужаснымъ, почти презрительнымъ взглядомъ со стороны милой хозяйки.

— Ты, я вижу, заматерѣлый скептикъ!—возразилъ ему Степовицкій. — Ты забываешь, что я начинающій... Не могутъ же мнѣ сразу дать двѣсти рублей за листъ... А вѣдь Тургеневъ, говорятъ, получалъ четыреста...

— Опять Тургеневъ!—возмутился Рябининъ, покраснѣлъ и всталъ.—Знаешь, изъ-за этого я готовъ поссориться съ тобой!..

Хозяева переглянулись между собой, потомъ разомъ снисходительно посмотрѣли на гостя. Они, кажется, подозрѣвали, что онъ немного сумасшедшій или просто глуповатъ. А гость, между тѣмъ сталъ проситься домой. Ему нужно было идти на Васильевскій Островъ и его отпустили „до завтра". Онъ ушелъ совершенно разстроенный и даже испуганный за судьбу своего стараго товарища. „Совсѣмъ съ ума спятилъ человѣкъ!"—съ горечью думалъ онъ, мчась по панели Невскаго проспекта.

II.

Въ одиннадцать часовъ утра въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ поселились Степовицкіе, было еще не очень свѣтло. День былъ пасмурный; въ воздухѣ носился мелкій снѣжокъ, а солнце совсѣмъ не показывалось.

Степовицкій стоялъ передъ круглымъ висячимъ зеркаломъ. На немъ была свѣжая, туго накрахмаленная манишка и черный жилетъ, сюртукъ въ это время подвергался чисткѣ, которую старательно производили въ сосѣдней комнатѣ обѣ дѣвочки,—Люба и Соня. Госпожа Степовицкая стояла тутъ же у зеркала, держа въ одной рукѣ подсвѣчникъ съ горящей стеариновой свѣчкой. Супругъ ея тщательно повязывалъ галстухъ.

На этотъ разъ вся семья принимала участіе въ одѣваньи главы, потому что главѣ предстоялъ очень важный визитъ. Степовицкій повертывался во всѣ стороны, приглаживалъ волосы, расче-

сывалъ бороду. Супруга его указывала на пробѣлы въ туалетѣ, не одобряла, поправляла и, наконецъ, санкціонировала.

Все это дѣлалось съ веселымъ смѣхомъ и совершенно довольнымъ выраженіемъ лицъ.

— Надо произвести впечатлѣніе!..—говорилъ Степовицкій:—вѣдь если явишься замарашкой, сейчасъ гонораръ сбавятъ!.. Эти редакторы, говорятъ, пауки порядочные!.. Главное—надо держать себя свободно, непринужденно!.. Правда, Наденька?

— Разумѣется, разумѣется! Надо показать, что ты себѣ цѣну знаешь!..—поощряла его Наденька. Дѣвочки торжественно принесли сюртукъ, который при общихъ усиліяхъ былъ надѣтъ съ необычайной осторожностью. Наденька нашла, что у ея супруга видъ довольно внушительный. Было рѣшено, что они поѣдутъ вмѣстѣ, а дѣвочки останутся забавлять инфанта. Наденька облачилась въ свое пестрое пальто, Степовицкій надѣлъ новую котиковую шапку, купленную передъ отъѣздомъ изъ Нелѣповца, и супруги вышли на улицу. Взяли извощика къ Вознесенскому проспекту, причемъ Наденька поставила въ условіе, чтобы везъ непремѣнно по Невскому. Скоро путешественники оказались на Невскомъ и съ беззаботнымъ волненіемъ таращили глаза на необычные для нихъ суету, движеніе, шумъ и блескъ.

— Это, должно быть, Казанскій соборъ!—сказалъ Степовицкій, проѣзжая казанской площадью.

— Онъ самый и есть!—подтвердилъ извощикъ.

Супруги преискренно обрадовались по поводу того, что угадали.

Однако, имъ ужасно надоѣло ѣхать, пока они достигли Вознесенскаго проспекта. Возница былъ такъ же флегматиченъ, какъ и его лошадь, и не обращалъ никакого вниманія на мольбы сѣдоковъ—ѣхать скорѣе. Наконецъ, достигли. Наденька еще разъ осмотрѣла туалетъ супруга, сняла ниточку съ сюртука его, и они разстались. Степовицкій поднялся по лѣстницѣ, а его супруга осталась ждать на улицѣ.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ чрезвычайно развязно и на вопросъ швейцара, что ему нужно, съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ, что нужно ему въ редакцію, и спросилъ, дома ли редакторъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ подниматься. Съ каждой ступенькой лѣстницы развязность его уменьшалась, сердце стучало сильнѣе; напрасно онъ ободрялъ себя разными соображеніями въ родѣ того, что вѣдь онъ является не въ качествѣ просителя, а скорѣе какъ тріумфаторъ, что, судя по письму редактора, здѣсь въ немъ нуждаются и т. д. Ничего не помо-

гало. Когда онъ остановился на третьей ступенькѣ и прочиталъ на дощечкѣ крупную надпись:—Редакція журнала „Всероссійскій Обозрѣватель“,—сердце его вдругъ перестало биться, голова закружилась, онъ чуть не повалился. „Глупо! Надо взять себя въ руки!“—подумалъ онъ и, собравъ всю свою храбрость, придавилъ пуговицу звонка. Ему отперли.

— Господинъ редакторъ дома?—спросилъ онъ едва внятнымъ голосомъ, потому что у него пересохло въ горлѣ, но тутъ же разсердился, съ усиліемъ откашлялся, проглотилъ слюну и повторилъ очень громко, почти грубо:—дома господинъ редакторъ?

Его провели черезъ узкій корридоръ и ввели въ большую комнату, въ которой какіе-то люди возились съ массой свѣженькихъ, только-что появившихся на свѣтъ книжекъ журнала, наклеивая на нихъ адресы подписчиковъ. Въ комнатѣ пахло сыростью, клеемъ и бумагой. Его попросили пройти въ слѣдующую комнату.

Это была очень небольшая комната съ тяжелымъ письменнымъ столомъ, на которомъ валялись новыя книжки разныхъ форматовъ и величинъ съ надписями „для отзыва“. На окнѣ въ кучѣ лежали огромные листы корректуры. Полъ былъ устланъ ковромъ, вокругъ стола нѣсколько мягкихъ развалистыхъ креселъ; на стѣнѣ огромная карта Россійской имперіи. Онъ остановился на порогѣ и почувствовалъ, что не въ состояніи вести себя иначе, какъ глупо, и сказать что-нибудь, кромѣ глупостей.

На-встрѣчу ему поднялся высокій сухощавый господинъ съ короткими почти совершенно сѣдыми волосами и съ остренькой клинообразной бородкой. Онъ слегка нагнулся впередъ и промолвилъ сдержанно и чрезвычайно вѣжливо:

— Чѣмъ могу служить?

— Сергѣй Ивановичъ Степовицкій!—отрекомендовался нашъ герой, кланяясь почти такъ, какъ кланяются передъ иконой. На тонкихъ губахъ редактора появилась чуть-чуть насмѣшливая улыбка и слегка зашевелился лѣвый усъ. Онъ какъ-то неохотно протянулъ руку и сказалъ прежнимъ тономъ:

— Очень пріятно! Чѣмъ могу служить?

Послѣ этого ужаснаго повторенія Степовицкій чуть было не почувствовалъ себя совсѣмъ дурно. Онъ вѣдь именно былъ увѣренъ, что стóитъ ему произнести свою фамилію, какъ редакторъ просіяетъ, засуетится, станетъ извиняться и т. д. И вдругъ—никакого сіянія, только насмѣшливая улыбка и формальная вѣжливость.

— Авторъ повѣсти: „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“!—тре-

петнымъ голосомъ пояснилъ Степовицкій, ясно сознавая, что пускаетъ въ ходъ свой послѣдній ресурсъ.

— Ахъ, „Улита ѣдетъ!“—произнесъ редакторъ и сейчасъ же поспѣшилъ оправдать надежды нашего героя.

Онъ не то, чтобъ просіялъ, но на лицѣ его выразилось нескрываемое удовольствіе.

Онъ опять протянулъ руку и сказалъ: „очень пріятно! очень пріятно“! Но сказалъ это совсѣмъ уже не тѣмъ тономъ, да и руку пожалъ какъ-то сердечнѣй, искреннѣй. Степовицкій началъ приходить въ себя. Редакторъ оказался старичкомъ суетливымъ и простымъ: онъ предложилъ гостю разомъ два кресла; гость опустился въ одно изъ нихъ.

— Извините, пожалуйста! такая масса фамилій проходитъ черезъ голову... На нихъ ужъ какъ-то не обращаешь вниманія... „Улита ѣдетъ“—это другое дѣло! Прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ. Свѣженькая вещица! Простота, искренность... Все это такъ рѣдко въ современной беллетристикѣ... языкъ нѣсколько... мм... не точенъ. Мы поисправили тамъ... Ну, поработаете, усовершенствуетесь... Да! молодая вещица, именно молодая! Знаете, какъ-то юностью пахнетъ... Извините за вопросъ: сколько вамъ лѣтъ?..

Говоря все это, редакторъ дѣлалъ мелкіе жесты обѣими руками, наклонялъ и подымалъ голову, постоянно двигался въ креслѣ и вообще очень волновался, а когда произносилъ слова: „простота, искренность“, то даже захлебывался отъ волненія. Впрочемъ, повидимому, это была не больше, какъ привычка. Вопросъ редактора былъ нѣсколько неожиданъ и Степовицкій не могъ сообразить, зачѣмъ это ему понадобилось.

— Тридцать одинъ годъ!—отвѣтилъ онъ безъ утайки.

— О-о! Ваша повѣсть гораздо моложе васъ! На десять лѣтъ!—сказалъ редакторъ. Степовицкій подумалъ, что это похвала повѣсти, но не ему.

— Скажите, пожалуйста, вы что-же, по дѣламъ въ Петербургѣ?—продолжалъ редакторъ.—Вѣдь вы, кажется, служите при гимназіи, въ провинціи?..

— Да, я служилъ, но теперь оставилъ службу и переселился сюда.

— Вотъ какъ?!. Что-же? У васъ тутъ мѣсто порядочное?—допрашивалъ редакторъ.

— Никакого мѣста нѣтъ! Я службу бросилъ совсѣмъ...

Редакторъ сдѣлалъ кислую гримасу и сталъ разсматривать свои ногти.

— Такъ-съ!—протянулъ онъ:—вамъ придется трудненько! литературный трудъ, говоря откровенно, каторжный трудъ!..

— Мнѣ это очень легко дается!..

— Да?.. Ахъ, что-же это я?—засуетился редакторъ:—Григорій!—Изъ сосѣдней комнаты появился Григорій, повидимому отставной солдатъ, съ бакенбардами и въ ливреѣ.—Книжечку господину Степовицкому!.. Вѣдь книжка какъ разъ сегодня вышла и ваша „Улита“ напечатана...—Григорій подалъ книжку.—Вотъ-съ! Да тамъ еще вамъ слѣдуетъ, кажется, за полъ-листа дополучить!.. Это у казначея!..

Редакторъ всталъ, явно показывая этимъ, что не удерживаетъ гостя. Степовицкій также поднялся и началъ откашливаться.

— Готовенькаго у васъ ничего нѣтъ въ такомъ-же родѣ?—спросилъ редакторъ, подавая ему руку.

— Теперь нѣтъ, но я сейчасъ-же принимаюсь за работу!.. Планъ у меня готовъ!..—отвѣтилъ Степовицкій.

— Прекрасно, прекрасно!.. Вотъ здѣсь нужно расписаться!.. Семенъ Иванычъ! Потрудитесь выдать господину Степовицкому, автору „Улиты“!...

Авторъ „Улиты“ вышелъ въ первую комнату, а редакторъ остался. Семенъ Иванычъ—толстенькій человѣкъ небольшого роста, рябоватый, съ бѣлой жиденькой бородкой и лукавыми глазками—очень пріятно улыбался, развернувъ книгу журнала и считая полосы. Авторъ „Улиты“ впился глазами въ книгу, сердце его затрепетало отъ восторга, когда на послѣдней страницѣ повѣсти внизу онъ увидѣлъ напечатанное полностью: „С. Степовицкій“. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ этой подписи. Семенъ Иванычъ взглянулъ на него и, повидимому, угадалъ его чувства.

— Вы перворожденица? Ха, ха, ха!..—весело и очень добродушно пошутилъ онъ.—По глазамъ вижу!

— Что это значитъ?—не понялъ авторъ „Улиты“.

— Въ первый разъ, значитъ! Дебютантъ?..

— Да, дебютантъ!..—отвѣтилъ онъ, съ удовольствіемъ кладя въ карманъ четыре красненькихъ и сжимая въ рукѣ еще какую-то мелочь. Потомъ онъ расписался, съ чувствомъ пожалъ руку Семену Иванычу и вышелъ на лѣстницу. Дверь довольно торжественно открылъ ему Григорій, которому онъ и отдалъ всю мелочь, оставшуюся у него въ рукѣ.

Его волновали странныя чувства, когда онъ спускался по лѣстницѣ. Съ одной стороны у него было много причинъ быть до-

вольнымъ. Искреннее рукопожатіе редактора и теплыя слова его, просьба еще чего-нибудь въ такомъ родѣ, неожиданная приплата гонорара, наконецъ фактъ напечатанія „Улиты“ и ощущеніе этой самой „Улиты“ въ рукахъ, изображенной печатными буквами въ солидномъ уважаемомъ журналѣ, съ его полной подписью... Все это было въ высшей степени пріятно и онъ самъ себѣ удивлялся, почему не ликуетъ. Чего-то не хватало, чего—этого онъ и самъ разобрать не могъ; въ чемъ-то онъ былъ немножко разочарованъ. Правда, онъ не представлялъ себѣ раньше встрѣчу съ редакторомъ въ какихъ-либо опредѣленныхъ образахъ. Но въ его воображеніи смутно носились картинки въ родѣ такой, напр., что редакторъ, услышавъ его фамилію, кидается ему на шею, лобызаетъ его, не знаетъ куда посадить, говоритъ съ умиленіемъ:—„наконецъ-то! какъ я жаждалъ увидѣть васъ, автора „Улиты“! Побольше намъ такихъ созданій и мы обновимъ міръ“!—Повторяю, такія картины полностью не занимали его воображеніе, но было нѣчто въ родѣ ощущенія такой картины. Поэтому его совершенно не удовлетворилъ пріемъ редактора. Сознавалъ онъ, что пріемъ былъ и любезный и искренній и похвалили его и все такое, а все же нѣтъ, не удовлетворилъ. При томъ-же онъ собирался показать, что знаетъ себѣ цѣну, а вышелъ дуракъ-дуракомъ: смѣшался, покраснѣлъ, ничего не сказалъ, кромѣ самыхъ простыхъ обыденныхъ вещей... И это замѣчаніе на счетъ языка... А онъ именно восторгался языкомъ своей „Улиты“ и вдругъ... Не точенъ!.. Впрочемъ, языкъ — это вѣдь не существенная статья. Главное—талантъ. Вѣдь Гоголь писалъ пренеточнымъ языкомъ... Въ душѣ у него происходила борьба противоположныхъ ощущеній: то радость за удачу, то стыдъ за то, что ударилъ лицомъ въ грязь, то самолюбіе, уязвленное отсутствіемъ несказаннаго восторга въ пріемѣ редактора. Спускаясь съ послѣдней ступеньки, онъ, однако, принялъ видъ полнаго побѣдителя.

— Ну? —нетерпѣливо спросила Наденька, глядя въ его раскраснѣвшееся лицо.

— Ликуй, супруга автора „Улиты“!—отвѣчалъ Сергѣй Иванычъ, прибавивъ къ естественному восторгу вдвое больше напускного. Впрочемъ, надо сказать, что это онъ сдѣлалъ почти безсознательно. Такъ вышло. Онъ продолжалъ:—Во-первыхъ вотъ (онъ раскрылъ передъ ея носомъ книжку и показалъ заглавіе повѣсти). А во-вторыхъ вотъ! (онъ вынулъ изъ кармана четыре красненькихъ и поигралъ ими въ воздухѣ).—Отъ того и другого Наденька пришла въ восторгъ. Для нея это были самые явные признаки полнаго успѣха.

— Хорошо принялъ?—спросила она.

— О, о! превосходно! Не зналъ, гдѣ посадить!..

— Неужели?

— Еще-бы!—„лгу“! подумалъ Сергѣй Иванычъ, но не солгать не могъ, „чтобъ не огорчить Наденьку“... Впрочемъ въ сущности его превосходно приняли.

— Просилъ еще принести?—продолжала Наденька.

— Какъ можно больше! Будемъ, говоритъ, печатать съ удовольствіемъ!—„Ну, положимъ, онъ сказалъ не печатать, а „прочитаю“,—не большая разница“!..

— Только вотъ языкъ, говоритъ, у васъ... оригинальный... своеобразный!..—прибавилъ онъ.

— Но это хорошо!..—воскликнула Наденька.

— Конечно, конечно!.. Языкъ... это очень хорошо!

Наденька просила его разсказать подробнѣе, какъ все было.

— Ну, какъ обыкновенно бываетъ... однимъ словомъ великолѣпно!.. — Подробностей онъ такъ-таки и не разсказалъ, а только прибавилъ:

— Должно быть, подъ счастливой звѣздой я родился!—а на душѣ у него въ это время копошилось что-то гадкое.

Наденька была въ восторгѣ. Она предложила даже вспрыснуть счастливое начало, тѣмъ болѣе, что они совершенно неожиданно получили сорокъ рублей. Рѣшено было привлечь Ѳедота. Было еще рано. Они поѣхали домой; Сергѣй Иванычъ долженъ былъ съѣздить за Рябининымъ, а затѣмъ было рѣшено, что втроемъ они отправятся обѣдать въ ресторанъ.

III.

Придя домой и едва успѣвъ снять пальто и калоши, Сергѣй Иванычъ потребовалъ ножъ и принялся разрѣзывать листы журнала. Нечего пояснять, что онъ пропустилъ все, напечатанное раньше „Улиты“; да „Улитой и закончилъ. Руки его дрожали, на лицѣ выражалась дѣтская радость, а въ груди подымался какой-то неистовый восторгъ. Дойдя до послѣдней страницы, онъ опять впился въ свою фамилію и долго не могъ отвести отъ нея глазъ.

— Хочешь, въ слухъ прочитаю?—спросилъ онъ Наденьку, какъ будто между прочимъ, а между тѣмъ, еслибъ ему сказали „нѣтъ“, — не могли бы нанести ему горшей обиды. Наденька, разумѣется, хотѣла. Оба они знали „Улиту“ чуть не наизусть, и

оба тѣмъ не менѣе страстно желали прочитать ее. Вѣдь то была простая, писанная „Улита“. Теперь другое дѣло. Въ печати она должна выйти величественной, поразительной. Были привлечены Соня и Люба, лица которыхъ выражали крайнее вниманіе, хотя онѣ никакъ не могли понять, въ чемъ дѣло. Сергѣй Иванычъ принялся читать. Голосъ его трогательно дрожалъ; онъ часто откашливался и пилъ воду, потому что въ горлѣ у него пересыхало отъ крайняго волненія. Кровь стучала въ вискахъ, въ головѣ поднялся шумъ; онъ почти ничего не понималъ изъ прочитаннаго; нѣкоторыя мѣста повторялись по два раза. Въ другихъ онъ негодовалъ по поводу того, что испортили его мѣткое выраженіе; въ одномъ мѣстѣ онъ выразилъ ужасъ при видѣ опечатки, которая извратила смыслъ цѣлой фразы. Когда, послѣ двухъ-часового чтенія, онъ дошелъ до конца, произнеся очень отчетливо, но уже тихимъ, упавшимъ голосомъ: „С. Степовицкій“, ему сдѣлалось дурно. Наденька испугалась и стала вспрыскивать его водой; слабость, впрочемъ, прошла очень скоро. Онъ улыбнулся и, вспомнивъ Семена Иваныча, разсказалъ Наденькѣ про „первороженицу“. Оба много смѣялись по этому поводу. Потомъ онъ одѣлся и поѣхалъ къ Рябинину. Рябининъ жилъ при гимназіи, пользуясь казенной квартирой въ качествѣ надзирателя. Квартира эта состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ кухней. Одну изъ нихъ занималъ самъ Рябининъ, въ другой помѣщались его старая почти глухая и слѣпая мать и сестра. Дарья Семеновна Рябинина вела все небольшое хозяйство. Это была смуглая низенькая и очень плотная дѣвица лѣтъ тридцати-пяти, очень похожая на брата и такая же некрасивая, какъ онъ. Она исполняла обязанности хозяйки, ключницы, кухарки, горничной и поломойки, а иногда, когда чувствовался очень замѣтный недостатокъ въ деньгахъ и не на что было нанять прачку,—и прачки. Все семейство жило на скудное надзирательское жалованье Ѳедота Семеныча и коекакъ, благодаря ухищреніямъ Дарьи Семеновны, сводило концы съ концами.

Сергѣй Иванычъ пріѣхалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Рябининъ усталый вернулся изъ классовъ, и семья собиралась обѣдать. Въ комнатѣ Ѳедота Семеныча былъ накрытъ столъ о трехъ приборахъ.

— А я пришелъ похитить тебя, Ѳедотъ!—объявилъ Степовицкій. Рябининъ не отвѣтилъ и представилъ его сестрѣ.

— Не пообѣдаете ли вы съ нами, господинъ Степовицкій?—просто спросила его Дарья Семеновна. Сергѣй Иванычъ поблаго-

дарилъ, сказалъ, что у него дома семья ждетъ, и повторилъ, что онъ хочетъ похитить Ѳедота.

— Видишь ли, Сергѣй! У меня тоже семья, и я привыкъ обѣдать съ ними. За семь лѣтъ я ни разу не обѣдалъ врозь!— сказалъ Рябининъ. Но Сергѣй Иванычъ слушать не хотѣлъ возраженій и выражалъ надежду, что на этотъ разъ Дарья Семеновна отпуститъ брата, по случаю такого торжественнаго событія.

— Какого событія?—спросила Дарья Семеновна.

Степовицкій разсказалъ о своемъ торжествѣ. Редакторъ обрадовался ему, чрезвычайно; не зналъ, гдѣ посадить его, и убѣдительно просилъ писать какъ можно побольше... Дарья Семеновна умилилась и была совершенно увѣрена, что передъ нею — надежда отечества.

— Иди, Ѳедотъ, если господину Степовицкому это пріятно! — сказала она. Но Ѳедотъ упорствовалъ. Прежде всего онъ не раздѣлялъ восторговъ пріятеля и боялся, какъ бы не вспрыснуть начало его погибели. „Любезный человѣкъ этотъ господинъ редакторъ!“ мысленно повторялъ онъ. А потомъ—ему было какъ-то странно обѣдать не дома. Но Степовицкій не отставалъ, а Ѳедотъ въ сущности былъ человѣкъ мягкій и въ концѣ концовъ согласился.

Всю дорогу Степовицкій разсказывалъ ему о своихъ ощущеніяхъ и надеждахъ. Рябининъ только мычалъ, не имѣя возможности вставить хоть одно возраженіе. Наденька встрѣтила его чрезвычайно привѣтливо.

— Ну, вотъ видите, скептикъ! Видите?.. — было ея первое восклицаніе.

— Я, Надежда Петровна, ничего не предсказывалъ!.. — съ невозмутимой угрюмостью отвѣтилъ Рябининъ: — да и теперь не возьмусь предсказать что-нибудь!..

— Какъ? и теперь? Вы все-таки не вѣрите въ будущность Сергѣя?

— Я отъ души *желаю* ему блестящей будущности!—уклонился отъ отвѣта Рябининъ.

— Оставь его, Наденька! Онъ неисправимъ!..—промолвилъ Сергѣй Иванычъ и взялъ въ руки книжку журнала: — Вотъ она, братъ, виновница торжества! „Улита“!.. Взгляни!—Онъ подсунулъ книжку пріятелю. Рябининъ взялъ, прочиталъ заглавіе, перелисталъ до конца и затѣмъ сталъ спокойно читать оглавленіе книжки на первой страницѣ.

— Если хочешь прочитать, еще есть время!—сказалъ Сергѣй Иванычъ.—А то, пожалуй, я тебѣ прочитаю!..

— Нѣтъ, это неудобно! Ты, пожалуй, дай мнѣ на домъ...

Авторъ „Улиты" даже испугался.

— На домъ? Нѣтъ, братъ, на домъ я дать тебѣ не могу...

— Да вѣдь ты прочиталъ уже?

— Нѣтъ, нѣтъ! на домъ не могу!—повторилъ Степовицкій.

— Очень жаль! здѣсь вотъ есть статья по педагогическому вопросу... Должно быть, интересная...

Это кольнуло автора „Улиты" въ самое сердце, тѣмъ не менѣе онъ сказалъ довольно спокойно:

— Ты какъ-нибудь у меня прочитаешь!..—онъ въ это время подумалъ: „завидуетъ, должно быть!"

Дѣвочкамъ принесли обѣдъ отъ хозяевъ, и Наденька накормила ихъ. Взрослые собрались въ ресторанъ.

— Куда же?—спросилъ Сергѣй Иванычъ у Рябинина: — я тутъ ничего не знаю.

— А я, братъ, въ этомъ дѣлѣ не больше твоего знаю! — отвѣтилъ Рябининъ.—Ей-Богу, за семь лѣтъ ни разу не былъ въ ресторанѣ. А впрочемъ нѣтъ, вру... Одинъ разъ былъ въ „Македоніи", на Невскомъ, тутъ недалеко!.. Да только это въ сущности кабакъ!..

— Вотъ такъ столичный житель! ха, ха, ха! — разсмѣялся Сергѣй Иванычъ, а потомъ вдругъ вспомнилъ:

— А Палкинъ? я про него читалъ гдѣ-то. Вѣдь есть такой?

— Какъ же, какъ же! тутъ не далеко, только...—и Өедотъ Семенычъ посмотрѣлъ на желтый воротникъ своего пальто.

— Э, что за пустяки! Деньги заплатимъ, какъ и другіе! — успокоилъ его Степовицкій, и они пошли къ Палкину.

Тамъ они держали себя очень скромно, постоянно осматриваясь по сторонамъ. Всякій разъ прежде чѣмъ заказать что-нибудь лакею, они въ полголоса держали совѣтъ и приготовляли цѣлую фразу.

— Ну, скажи:—послушайте! нельзя ли французской горчицы! —говорила, напримѣръ, Наденька, и авторъ „Улиты" осторожно звонилъ и говорилъ: „Послушайте! нельзя ли французской горчицы!" Когда понадобилась вода, Наденька выразила сомнѣніе, что здѣсь можно пить простую воду и, не смотря на то, что терпѣть не могла сельтерской, потребовала именно сельтерской, а авторъ „Улиты" и его пріятель противъ всякаго желанія пили пиво „эль". Но положеніе сдѣлалось очень затруднительнымъ, когда явился вопросъ о шампанскомъ (вспрыснуть было необходимо). Вопросъ состоялъ въ томъ, можно ли пить его прямо послѣ обѣда. Кажется, такъ не дѣлается. Сначала слѣдуетъ вообще

выпить, ну, тамъ вина какого-нибудь, что ли, а потомъ уже... А то вѣдь это какъ-то странно: поѣли люди борща, рыбы, телятины, пили какой-то „эль“ да сельтерскую воду, сидѣли скромно, разговаривали въ полголоса и вдругъ потребовали шампанскаго!

Рѣшили сначала попросить бутылку лафита и выпили по полъ-стакана. Потомъ появилось и шампанское. Авторъ „Улиты“ хотѣлъ сказать нѣчто въ родѣ тоста, но это какъ-то не вышло, потому что какіе же тосты говорятся въ полголоса! Поэтому выпили почти молча. Сергѣй Иванычъ только сказалъ: „за Улиту“! и чокнулся со всѣми. Но послѣ этого онъ уже сталъ говорить громче, да и всѣ заговорили смѣлѣй. Голова кружилась у Наденьки и у Рябинина, который особенно замѣтно началъ возвышать голосъ. Послѣ второго бокала онъ уже самъ налилъ по третьему и довольно громко и даже ядовито объявилъ:

— Ну, братъ, за „Улиту“ выпили! Не знаю, стóитъ ли,—не знакомъ... А вотъ выпьемъ-ка за трудовую жизнь надзирателя, за лямку!..—Степовицкіе снисходительно чокнулись и выпили.

— Къ чорту лямку!—вдругъ провозгласилъ авторъ „Улиты“: н-надоѣло!.. Впрочемъ... кому, чтó дано!.. Кто къ чему призванъ!..

Рябининъ вспыхнулъ.

— Признаюсь, Сергѣй, меня возмущаетъ въ тебѣ этотъ птичій полетъ, это само... самохвальство!..—рѣзко сказалъ онъ.

Степовицкіе переглянулись. Они не ожидали такой рѣзкости отъ Ѳедота.

— Вотъ какъ! — съ снисходительной усмѣшкой промолвилъ Сергѣй Иванычъ, а Наденька пожала плечами.

— Талантишко у тебя, можетъ, и есть... только обыкновенный... А ты въ Тургеневы лѣзешь...—продолжалъ Ѳедотъ Семенычъ. Онъ уже не могъ остановиться. Разъ начавъ, долженъ былъ, по его мнѣнію, досказать до конца:—мнѣ тебя жаль, Сергѣй! Отъ работы отбился ты, излѣнишься... Пропадешь, ей Богу пропадешь!..

— Откуда сей пророческій даръ? — спросилъ Степовицкій, стараясь казаться спокойнымъ, тогда какъ руки у него дрожали отъ злости и лицо было очень блѣдно.

— Такъ!—все тѣмъ же тономъ продолжалъ съ непривычки сильно охмѣлѣвшій Рябининъ:—Не можетъ быть, чтобъ тридцать лѣтъ сидѣлъ въ тебѣ Тургеневъ и не проявился бы до сихъ поръ!.. Проявился бы!.. закричалъ бы!.. выпрыгнулъ бы!.. Не вѣрю! Ей Богу не вѣ-рю!..—и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Это какъ угодно! Никто не заставляетъ вѣрить!—почти презрительно заявилъ авторъ „Улиты“.

— Обидѣлся!? Да вѣдь я же говорю, чтó думаю!.. Жаль... вотъ и говорю!.. Ну, извини, если обидѣлъ! Извини!.. —Онъ протянулъ руку.

Сергѣй Иванычъ хотѣлъ-было протянуть ему руку, но не могъ. Рука его судорожно сжалась и осталась неподвижной.

— Н-не могу!.. Не могу извинить!.. —задыхаясь пробормоталъ онъ и повернулъ лицо въ сторону.

— Не можешь? Ну...—Рябининъ порывисто всталъ. — Такъ прощай!.. Прощайте, извините пожалуйста!—поклонился онъ Наденькѣ и вышелъ изъ залы неровными шагами.

Степовицкіе минуты двѣ молчали, не глядя другъ на друга. Имъ было неловко. Особенно неловко было Сергѣю Иванычу. Все-жъ таки это—старый пріятель, знаетъ его чуть не изъ дѣтства и—не признаетъ его. Да еслибы все это говорилось наединѣ; а то вѣдь при Наденькѣ говоритъ онъ такія обидныя вещи. „Талантишко"... обыкновенный „талантишко"! Нѣтъ, этого онъ не можетъ простить, хотя бы и старому пріятелю. Вѣдь напечатали же, похвалили, деньги впередъ дали!.. Что-нибудь же это значитъ... А все-таки послѣ этой сцены ему было неловко смотрѣть въ глаза Наденькѣ. Хмѣль прошелъ, а на мѣсто его осталась какая-то тяжелая одурь въ головѣ. Они расплатились и вышли отъ Палкина. На счетъ Ѳедота Наденька выразила мнѣніе, что онъ „ужасно странный, въ родѣ сумасшедшаго", а Сергѣй Иванычъ съ подозрительнымъ равнодушіемъ объяснилъ, что „молодецъ не въ мѣру нализался, вотъ и все!"

— Это за нимъ всегда водилось!—прибавилъ онъ, хотя отлично зналъ, что ничего подобнаго никогда за Ѳедотомъ Семенычемъ не водилось.

Больше о немъ не было сказано ни слова во всю дорогу, а говорили преимущественно о томъ, какъ высоки зданія на Невскомъ и какъ широки панели.

Было уже часовъ около девяти. Степовицкій, придя домой, скоро завалился спать. Передъ сномъ, лежа въ постели, онъ развернулъ книжку журнала.

— Что ты читаешь? — спросила его Наденька изъ другой комнаты.

— Да тутъ статья... Вотъ эта самая педагогическая статья, — отвѣтилъ онъ.

— Интересно?

— Да ничего... такъ себѣ... я пробѣгаю!.. — неопредѣленно отвѣтилъ Сергѣй Иванычъ. Но въ сущности никакой педагогической статьи не пробѣгалъ онъ, а прочитывалъ „лучшія сцены" все изъ той же „Улиты" и сердце его опять трепетало отъ восторга.

IV.

На другой день Сергѣй Иванычъ вышелъ изъ дому часовъ въ двѣнадцать дня и взялъ путь по Невскому. Онъ шелъ медленно и очень внимательно прочитывалъ вывѣски, попадавшіяся на пути. Повидимому онъ чего-то искалъ. Дойдя до Литейной, онъ безсознательно повернулъ направо и тутъ неожиданно остановился и съ удовольствіемъ прочиталъ: „кабинетъ для чтенія". Онъ завернулъ въ подъѣздъ и поднялся въ третій этажъ. Кабинетъ состоялъ изъ двухъ довольно обширныхъ комнатъ съ большимъ столомъ по срединѣ, покрытымъ синимъ сукномъ; масса газетъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, различныхъ иллюстрацій русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ — все это было смѣшано въ безпорядочной кучѣ. Толстые журналы помѣщались особо на приспособленной для нихъ полочкѣ. Публики было человѣкъ пятнадцать, среди нихъ одна дама, молоденькая брюнетка, въ черномъ простенькомъ платьѣ; она съ чрезвычайно серьезнымъ видомъ уткнулась въ газету и изрѣдка кидала суровые взгляды на случайно приближавшихся къ ней мужчинъ, какъ будто всякій изъ подходившихъ собирался приставать къ ней. „Должно быть, курсистка!" —подумалъ Степовицкій и сталъ перебирать газеты.

Впрочемъ, надо сказать, что на этотъ разъ его очень мало интересовали новости дня, а еще меньше того политика. Да онъ почти и не читалъ газету, а только окидывалъ ее взоромъ отъ начала до конца и убѣдившись, что въ ней нѣтъ того, чего онъ искалъ, сейчасъ же мѣнялъ на другую, съ которой поступалъ точно также. А искалъ онъ... Правда, это было предпріятіе неразумное и по меньшей мѣрѣ преждевременное; но онъ не былъ знакомъ съ газетными обычаями. Искалъ онъ критической статьи по поводу той книжки „Всероссійскаго Обозрѣвателя", въ которой была напечатана „Улита". Нечего и говорить, что ни въ одной газетѣ не нашелъ онъ такой статьи, да и не могъ найти, потому что книжка вышла только вчера и еще потому, что это было въ субботу; а не въ пятницу,—день, въ который, какъ извѣстно, мечутъ громы газетные критики, и робкіе беллетристы, дрожа отъ страха, прячутся по своимъ норамъ. Когда желательной статьи нигдѣ не оказалось, Степовицкій занялся политикой. Однако, лѣвый глазъ его отъ времени до времени безпокойно отрывался отъ газеты, тогда авторъ „Улиты" приподымалъ голову и бросалъ бѣглый взглядъ въ сторону сидѣвшаго у конца стола слѣва солиднаго господина въ пенснэ и въ шубѣ, съ окладистой русой бо-

родой и съ значительной лысиной на головѣ. Сергѣй Иванычъ очень заинтересовался передовой статьей, въ которой на трехъ столбцахъ весьма краснорѣчиво разъяснялось значеніе для европейскаго міра послѣдней побѣды англичанъ надъ однимъ изъ египетскихъ пророковъ. Но лѣвый глазъ его просто прыгалъ по газетнымъ столбцамъ, вслѣдствіе чего авторъ „Улиты“ не могъ продолжать чтеніе и отложилъ газету. Тогда онъ обратилъ взоры на солиднаго человѣка въ шубѣ, и странное дѣло! Сердце у него слегка забилось и онъ уже не могъ оторвать глазъ отъ этого совершенно незнакомаго ему человѣка. Дѣло въ томъ, что солидный человѣкъ въ шубѣ читалъ послѣднюю книжку „Всероссійскаго Обозрѣвателя“ и вотъ автору „Улиты“ ужасно захотѣлось узнать, какая именно статья интересуетъ солиднаго человѣка въ шубѣ. Онъ поднялся и прошелся къ маленькому столику, на которомъ стоялъ графинъ съ водой, и пилъ воду очень медленно, а въ то же время,—такъ какъ это было за спиной солиднаго человѣка,—старался прочитать заглавіе статьи. „Тьфу, чортъ! Опять эта педагогическая статья“! – подумалъ онъ и даже плюнулъ. Потомъ онъ сѣлъ рядомъ съ солиднымъ человѣкомъ въ шубѣ и взялъ для виду газету. Интересно было узнать, что́ станетъ читать солидный человѣкъ, когда кончитъ педагогическую статью. Наконецъ онъ дождался. Сосѣдъ его кончилъ статью и началъ перелистывать книжку. Онъ пробѣжалъ двѣ страницы изъ „Внутренняго обозрѣнія“, потомъ остановился на чемъ-то въ отдѣлѣ „Новыя книги“, потомъ сталъ перелистывать въ обратномъ порядкѣ, прочиталъ заглавіе „Улиты“, поглядѣлъ подпись и, спокойно закрывъ книжку, отнесъ ее на мѣсто. Степовицкій чуть-чуть покраснѣлъ отъ досады, а солидный человѣкъ взялъ шапку и вышелъ изъ читальни, нисколько не подозрѣвая, что нажилъ себѣ врага. Дама въ черномъ платьѣ поднялась и поспѣшила взять освободившуюся книжку журнала. Авторъ „Улиты“ тотчасъ же сдѣлался ея сосѣдомъ. Дама прочитала оглавленіе и выбрала „Улиту“. У Сергѣя Иваныча глаза загорѣлись отъ удовольствія. Онъ сѣлъ прямо напротивъ дамы и почти не спускалъ съ нея глазъ, изрѣдка для приличія заглядывая въ газету. Онъ слѣдилъ за мельчайшими подробностями въ выраженіи ея лица. Три раза она улыбнулась и онъ, конечно, зналъ въ какихъ мѣстахъ, а одинъ разъ лицо ея выразило сильное волненіе,—это было въ одной трогательной сценѣ. Степовицкій рѣшительно не замѣчалъ, какъ летѣло время. „Еслибы она знала, что противъ нея сидитъ авторъ!“—одинъ разъ мелькнуло у него въ головѣ. Дама кончила „Улиту“, и взглядъ ея случайно упалъ на Сергѣя Иваныча. „Мо-

жетъ быть, догадывается"!—подумалъ онъ и сердце его исполнилось благодарностью къ дамѣ и ко всѣмъ вообще курсисткамъ, такъ-какъ онъ теперь почему-то былъ глубоко убѣжденъ, что его читательница — непремѣнно курсистка. На этотъ разъ больше никто не взялъ книжки. Степовицкій подошелъ къ ней и не безъ удовольствія повертѣлъ ее въ рукахъ, прочиталъ оглавленіе, т.-е. собственно нашелъ въ немъ свою повѣсть и затѣмъ вышелъ. На улицѣ онъ почувствовалъ сильную усталость; онъ только теперь замѣтилъ свое волненіе и отдалъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. На минуту ему какъ-будто сдѣлалось немножко противно; но потомъ это прошло. Холодный воздухъ освѣжилъ его, и онъ, очень довольный собой, направился въ Гончарную улицу.

Онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ кабинета для чтенія. Первымъ дѣломъ его было осмотрѣть всѣ газеты, не исключая даже маленькихъ провинціальныхъ (въ кабинетѣ получались почти всѣ провинціальныя газеты). Особенно интересовалъ его „Нелѣповецкій Вѣстникъ". Тамъ-то, конечно, его узнаютъ (надо сказать правду, что мысль о монументѣ въ родномъ городѣ Нелѣповцѣ черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти—не приходила ему въ голову). Онъ не оставлялъ и юмористическихъ изданій. Можетъ быть, тамъ какое-нибудь четырехстишіе тиснули по поводу его „Улиты". Но нигдѣ ничего не оказывалось. Въ пятницу появились „журнальныя обозрѣнія". Онъ пробѣжалъ одну газету—Богъ знаетъ о чемъ,—о какихъ-то историческихъ древностяхъ;—другую—разбирается послѣдняя книжка „Всероссійскаго Обозрѣвателя" и опять... опять объ этой проклятой педагогической статьѣ, да еще о другой статьѣ по поводу какихъ-то народныхъ преданій вологодской губерніи, объ „Улитѣ" ни слова; третью... А! наконецъ-то!

Однако, цѣлый столбецъ посвященъ „Улитѣ"! Онъ какъ-то сразу проглотилъ весь этотъ столбецъ и отъ волненія ничего, ну, ровно ничего не понялъ. Онъ сталъ перечитывать, но уже съ разстановкой. „Трудно судить по одной вещи, но нельзя не замѣтить, что молодой авторъ обладаетъ живымъ дарованіемъ... Нѣкоторыя сцены такъ и дышатъ жизнью, правдой... Вы видите передъ собой живыхъ людей... По манерѣ писать авторъ принадлежитъ, повидимому, къ школѣ реалистовъ, къ послѣдователямъ Зола... Однако, это скорѣе простое совпаденіе, чѣмъ подражаніе... Дай Богъ, чтобъ начинающій авторъ не остался въ густыхъ рядахъ тѣхъ многочисленныхъ писателей, которые, создавъ по одной хорошей вещицѣ, остались навсегда „подающими надежды"... Подъ фельетономъ было подписано: Кульчинъ.

— О-охъ!—почти громко простоналъ отъ жгучаго удовольствія Сергѣй Иванычъ и еще пять разъ прочиталъ замѣтку. „Послѣдователь Зола̀! школа реалистовъ! но безъ подражанія!“...—вертѣлось въ его головѣ и это было для него открытіе. Онъ никогда не думалъ о Зола́, да и читалъ изъ его произведеній одну только „Нану“, которую купилъ гдѣ-то на желѣзно-дорожной станціи. Онъ тутъ же посмотрѣлъ адресъ редакціи газеты, въ которой нашелъ замѣтку, и вышелъ на улицу. Онъ поѣхалъ прямо въ редакцію, купилъ три экземпляра пятничнаго номера и совершенно неожиданно для себя спросилъ адресъ господина Кульчина. Ему сказали.

Дома восторгъ раздѣлила съ нимъ Наденька, которой онъ прочиталъ замѣтку два раза.

— Какъ ты думаешь, не пойти ли мнѣ къ нему?—спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Къ кому?

— Да вотъ къ этому критику...

— Зачѣмъ?

— Да такъ... человѣкъ онъ, должно быть, умный... можетъ дать совѣтъ!.. Видно, что интересуется... Всѣ лучшіе писатели совѣтовались съ Бѣлинскимъ...

— А пожалуй, пойди!..—посовѣтовала Наденька, и было рѣшено, что онъ пойдетъ къ господину Кульчину. На другой день въ субботу, часовъ около семи вечера сюртукъ Сергѣя Иваныча опять подвергался генеральной чисткѣ при помощи маленькихъ рученокъ Сони и Любы. Самъ авторъ „Улиты“, стоя передъ зеркаломъ, приводилъ въ порядокъ свой туалетъ; Наденька оказывала ему содѣйствіе.

— Этотъ Кульчинъ, должно быть, важная птица! Въ большой газетѣ фельетоны пишетъ; не шутка!—говорилъ Сергѣй Иванычъ.

Кульчинъ жилъ въ 7-ой ротѣ Измайловскаго полка. Сергѣй Иванычъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда оказалось, что квартира его критика помѣщается не по парадной лѣстницѣ, а во дворѣ и притомъ въ пятомъ этажѣ. Онъ взобрался по довольно узкой и не совсѣмъ чистой лѣстницѣ, слабо освѣщенной двумя газовыми рожками, и позвонилъ. Ему открыла кухарка и тотчасъ же изъ квартиры послышался пискъ ребенка: „семейный!“—подумалъ Сергѣй Иванычъ. Его провели черезъ просторную, почти пустую комнату, и онъ вошелъ въ кабинетъ Кульчина. Прежде всего ему бросился въ глаза огромный шкафъ съ книгами и рядомъ съ нимъ этажерка, тоже заваленная книгами; на тяжеломъ

письменномъ столѣ тоже валялись книги; нѣсколько книжекъ лежало даже на широкомъ диванѣ съ значительно обтертой шерстяной обивкой: „настоящій литераторъ!“—подумалъ Сергѣй Иванычъ,—„а у меня ни одной книжки нѣтъ!“ При тускломъ свѣтѣ лампы съ зеленымъ колпакомъ Сергѣй Иванычъ разглядѣлъ небольшого плечистаго и довольно плотнаго господина въ синихъ очкахъ съ длинными волосами. Лицо у этого господина было широкое, но оно казалось еще шире отъ довольно густыхъ русыхъ бакенбардъ, разросшихся въ ширь; усы у него почти не росли, а носъ былъ плоскій, точно приплюснутый ударомъ утюга или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Это и былъ господинъ Кульчинъ. На немъ была страннаго фасона тужурка, довольно измятая и засаленная; изъ подъ нея выглядывали воротникъ и обшлага ночной рубашки. При появленіи гостя господинъ Кульчинъ не всталъ, а только вопросительно поднялъ голову.

— Чѣмъ могу служить?—произнесъ онъ, а авторъ „Улиты“ подумалъ: „должно быть, всѣ литераторы такъ начинаютъ!“ Голосъ у него оказался чрезвычайно нѣжный и тоненькій, почти дѣтскій.

— Вы изволили благосклонно отозваться о повѣсти „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“,—почтительно промолвилъ Сергѣй Иванычъ,—я авторъ этой повѣсти Сергѣй Иванычъ Степовицкій! Хотѣлъ бы воспользоваться нѣкоторыми указаніями человѣка понимающаго...

Кульчинъ поднялся.

— Мнѣ чрезвычайно пріятно!.. Очень радъ быть полезнымъ!.. Прошу садиться!..—очень любезно и просто сказалъ Кульчинъ. Степовицкій сѣлъ.

— Да!—продолжалъ хозяинъ,—я писалъ о вашей повѣсти...

И онъ въ болѣе распространенныхъ выраженіяхъ повторилъ то, что было напечатано въ газетѣ.

Онъ говорилъ долго и очень не глупо—о современномъ положеніи русской литературы, объ упадкѣ творчества, объ исчезновеніи крупныхъ талантовъ.

— Нѣтъ крупныхъ талантовъ... Канули въ воду! Поэтому бываешь радъ-радешенекъ всякой мало-мальски даровитой новинкѣ и подчеркиваешь, обозначаешь... Нельзя! Надо поощрять! Авось, благодаря этому, онъ примется работать и произведетъ болѣе значительныя вещи!.. Вѣдь у насъ таланты-то, собственно говоря, есть! и не мало ихъ! Да вся бѣда въ томъ, что мы не умѣемъ работать!.. Системы у насъ нѣтъ, нѣтъ выработки, дисциплины, такъ сказать... Да-съ, да-съ! А у васъ есть искра Божія!

Замѣтна!.. Выйдетъ ли изъ нея пламя или она погаснетъ—неизвѣстно... надо дуть на нее, ха, ха!.. Вѣдь искра-то Божія есть у всякой живой души, батенька! Такъ это еще не талантъ!.. Талантъ вырабатывается терпѣніемъ...

И много въ такомъ родѣ говорилъ Кульчинъ, а авторъ „Улиты" слушалъ его съ безмолвнымъ благоговѣніемъ, какъ Бога.

Затѣмъ ораторъ перешелъ къ „Улитѣ" и сталъ разбирать ее по косточкамъ.

— Предупреждаю васъ,—я буду придираться! лучше указать на недостатки, которыхъ нѣтъ, чѣмъ пропустить хоть одинъ дѣйствительный недостатокъ.—И „Улита" послѣ такого подробнаго разбора оказалась произведеніемъ далеко не совершеннымъ, преисполненнымъ массы недостатковъ. Степовицкій даже испугался. „А какъ же отзывъ-то?"—подумалъ онъ, но Кульчинъ, замѣтивъ и понявъ эффектъ своего разбора, сейчасъ же успокоилъ его, повторивъ опять свой газетный отзывъ. Изъ всѣхъ этихъ объясненій Сергѣй Иванычъ вынесъ впечатлѣніе довольно неопредѣленное, „и хорошо, и дурно! чортъ его разберетъ!" думалъ онъ. Наконецъ, заговорили насчетъ реализма. Нѣкоторыя сцены „Улиты" очень напоминаютъ Зола̀. Видно, что „Улита" писана подъ вліяніемъ этого автора. Это, конечно, было очень странно, потому что Сергѣй Иванычъ имѣлъ самое смутное понятіе о Зола̀. Но онъ несказалъ этого Кульчину.

— Вы, конечно, помните въ Assommoir'ѣ описаніе похоронъ старухи?..—спросилъ Кульчинъ. Авторъ „Улиты" кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ помнитъ.

— Такъ вотъ ваша „Улита" напомнила мнѣ эту сцену!.. Стиль Зола́, совершенно Зола́.

Въ это время въ передней раздался звонокъ. Кульчинъ засуетился.

— Извините, я долженъ немножко переодѣться! Я совершенно забылъ... У меня по субботамъ бываютъ гости... такъ сходятся... поболтать!.. Вы останетесь? Познакомитесь кое-съ-кѣмъ изъ писателей!..

Сергѣй Иванычъ поблагодарилъ, но отказался. Онъ не предупредилъ жену.

— Ахъ, вы женаты! Такъ, пожалуйста, въ другой разъ съ женой, безъ церемоніи! У меня субботы!..

Сергѣй Иванычъ еще разъ поблагодарилъ и распрощался.

V.

Вотъ, Наденька, господинъ критикъ сказалъ, что я въ родѣ какъ бы россійскій Золá!—говорилъ Степовицкій своей женѣ на другой день, вернувшись изъ библіотеки съ кучею книгъ въ рукахъ.—А я его и не читалъ, этого самаго Золà! Надо заняться...

Съ этого времени авторъ „Улиты“ посвятилъ себя изученію Золá. Онъ занялся этимъ дѣломъ съ истиннымъ увлеченіемъ. Перестадъ шляться по Петербургу, только не могъ отказаться отъ ежедневнаго кратковременнаго посѣщенія „кабинета для чтенія“, гдѣ продолжалъ отыскивать отзывы, которыхъ, однако, не находилъ. Остальное время онъ сидѣлъ дома и штудировалъ Золà. такъ что не прошло недѣли, онъ уже исполнилъ свою задачу. Нашелъ онъ, разумѣется, упомянутую критикомъ сцену въ Assommoir'ѣ и былъ пораженъ отсутствіемъ какого бы то ни было сходства съ „Улитой“. Правда, въ „Улитѣ“ описывались похороны, у Золà—тоже; но на этомъ и кончалось сходство. „Откуда же критикъ взялъ это?“ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя авторъ „Улиты“ и отвѣчалъ: „а впрочемъ, не съ вѣтру же! можетъ, мнѣ, какъ автору, незамѣтно, а со стороны виднѣй!“ Онъ нѣсколько разъ перечитывалъ сцену въ Assommoir'ѣ, и странное дѣло, съ каждымъ разомъ находилъ больше и больше сходства и, наконецъ, призналъ, что сходство громадное. Мы отъ себя скажемъ, что въ сущности не было ни малѣйшаго сходства.

Степовицкіе мирно проводили время въ пріятныхъ занятіяхъ. Изрѣдка они вспоминали о Ѳедотѣ. „Неужели онъ не придетъ?“ Но вопросъ этотъ не очень волновалъ ихъ. Однако, мало-по-малу у нихъ назрѣло два вопроса. Во-первыхъ, нужно было подумать о квартирѣ. Не вѣчно же ютиться въ меблированныхъ комнатахъ. Второй вопросъ проистекалъ изъ того обстоятельства, что „Улитинъ гонораръ“ съ каждымъ днемъ истощался и скоро долженъ былъ прійти къ концу. Но Степовицкіе не унывали. Дѣло поправить очень легко. Сергѣй Иванычъ присядетъ и „наваляетъ“ повѣсть въ два листа.

Но онъ не садился. Онъ ждалъ вдохновенія. Это ожиданіе состояло въ томъ, что онъ сосредоточенно ходилъ по обѣимъ комнатамъ и придумывалъ сюжетъ. Онъ мысленно перебиралъ всевозможные случаи изъ своей жизни. Нѣкоторые казались ему подходящими, тогда онъ принимался мысленно „обработывать“, и оказывалось, что тэма слишкомъ обширна, такъ что на нее можно написать огромный романъ. И онъ оставлялъ ее на будущее,

когда у него будетъ много времени. Такимъ образомъ, за три дня у него составилась цѣлая серія будущихъ романовъ, занимательныхъ, длинныхъ и оригинальныхъ. Наконецъ, онъ придумалъ тэму для повѣсти и тогда немедленно пришло вдохновеніе. Онъ засѣлъ и писалъ, почти не выходя изъ дому цѣлую недѣлю. Въ эти дни Наденька почти не входила въ его комнату; дѣвочки говорили въ полголоса, только инфантъ не обращалъ ни на что вниманія и оралъ во все горло. Каждый вечеръ передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Сергѣй Иванычъ обращался къ Наденькѣ:

— Не хочешь ли послушать?! Эта сценка, кажется, очень удалась!..—Наденька, разумѣется, выражала готовность и онъ читалъ ей.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ похоже на Зола́!—говорила она.

— Да?.. Ну, это, конечно, случайность... Вѣроятно, въ моемъ и его талантѣ есть нѣчто общее!..

Наденька была права. Подъ вліяніемъ недавно прочитанныхъ книгъ Сергѣй Иванычъ какъ-то безсознательно усвоилъ себѣ манеру Зола́ и языкъ его новой повѣсти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ самомъ дѣлѣ очень напоминалъ языкъ автора „Нана“, разумѣется, въ переводѣ.

Онъ кончилъ повѣсть, но оказалось, что написалъ не два листа, какъ собирался, а всего листъ съ небольшимъ. На это, разумѣется, претендовать не приходилось, потому что все зависѣло отъ вдохновенія, на которое вѣдь невуда пожаловаться. Наденька переписала повѣсть подъ диктовку автора, и Сергѣй Иванычъ собрался въ редакцію.

— Я попрошу его прочитать сейчасъ же! — сказалъ онъ, уходя:—я увѣренъ, что она пойдетъ въ этомъ мѣсяцѣ!..

Редакторъ принялъ его любезно, но разговаривалъ мало, потому что былъ занятъ и спѣшилъ.

— А! у васъ вещица?! Вы ее оставьте у насъ... мы прочитаемъ... а вы зайдите!..

— А теперь нельзя?.. Я хотѣлъ бы самъ прочитать вамъ...

— Ни, ни!.. Видите, по горло работы!..

— Когда же зайти?—спросилъ Степовицкій совершенно упавшимъ голосомъ.

— Да такъ... Недѣльки черезъ двѣ!..

— Значитъ, она не можетъ пойти въ этомъ мѣсяцѣ?!.—чуть слышно, какъ бы самому себѣ, сказалъ Сергѣй Иванычъ.

— Что вы, батенька? Книжка уже давно печатается! Почти готова!.. Извините, у меня дѣла по горло!..—и редакторъ, глядя

въ какую-то корректуру, протянулъ по его направленію руку. Онъ пожалъ эту руку и вышелъ совершенно убитый.

Часа два ходилъ онъ по петербургскимъ улицамъ. Ему было какъ-то неловко идти домой. Сказать Наденькѣ все, какъ было, да вѣдь это ужасно, она вообразитъ Богъ знаетъ что! Вѣдь въ сущности ничего не случилось. Редакторъ очень занятъ, на то онъ редакторъ. Нельзя же требовать, чтобы онъ бросилъ всѣ свои дѣла и принялся читать его повѣсть. Помнится, когда онъ отослалъ изъ Нелѣповца „Улиту", ему отвѣтили только черезъ мѣсяцъ. Опять же—если книжка уже почти готова, тутъ ничего не подѣлаешь. Прійди онъ недѣлей раньше, его статья, безъ сомнѣнія, попала бы въ эту книжку.

Все-таки Неденькѣ нельзя сказать все это. Не пойметъ вѣдь, перестанетъ вѣрить въ него, въ его талантъ, въ его будущность. А этого онъ никогда не допуститъ. Надо какъ-нибудь примѣниться къ ея ожиданіямъ.

И онъ сказалъ Наденькѣ, когда пришелъ домой:

— Экая досада! Опоздалъ на нѣсколько дней! Редакторъ говоритъ: еслибъ, говоритъ, принесли тремя днями раньше, помѣстили бы безъ разговоровъ, конечно... А теперь книжка готова... Жалѣлъ очень редакторъ!..

Наденька во всемъ этомъ не сомнѣвалась, но... „Улитинъ гонораръ" совсѣмъ истощался, откуда достать денегъ?!..

— Пустое, я возьму впередъ!..—успокоилъ ее Сергѣй Иванычъ:—только нужно подождать двѣ недѣли, пока книжка выйдетъ... Теперь неловко... Всѣ тамъ заняты!..

А пока—пришлось заложить кое-какія вещицы изъ Наденькина туалета. Эти двѣ недѣли были очень мучительны для автора „Улиты". На душѣ у него было не совсѣмъ хорошо, а между тѣмъ онъ изо всѣхъ силъ старался имѣть беззаботный видъ. „Для Наденьки!"—мысленно пояснялъ онъ. Онъ, конечно, не сомнѣвался, что повѣсть напечатаютъ, но, во первыхъ—когда, а во вторыхъ — нѣтъ-нѣтъ да и мелькнетъ въ головѣ: „а вдругъ не напечатаютъ"?..

При этой мысли вся кровь ударяла ему въ голову и онъ ходилъ, какъ помѣшанный.

— Что съ тобой?—спрашивала Наденька, замѣчая, что онъ немного даже похудѣлъ.

— Ничего... это такъ... Должно-быть, петербургскій климатъ!.. надо привыкнуть!..

Въ субботу они вспомнили о приглашеніи Кульчина и поѣхали къ нему. Извощикъ везъ ихъ часа полтора, поэтому они

прибыли въ Измайловскій полкъ въ половинѣ одиннадцатаго. Они подумали, не будетъ ли неприлично въ первый разъ являться такъ поздно. Но Кульчинъ просилъ „безъ церемоній“, притомъ—онъ, какъ передовой литераторъ, долженъ быть лишенъ всякихъ предразсудковъ. И они поднялись въ пятый этажъ.

У Кульчиныхъ было уже много народу. Въ первой комнатѣ за большимъ круглымъ столомъ, уставленнымъ посудой и шипящимъ самоваромъ, сидѣли однѣ только дамы.

Хозяинъ встрѣтилъ ихъ очень любезно и представилъ дамѣ, сидѣвшей у самовара, назвавъ ее шутя „госпожей Кульчиной“. Потомъ представили ихъ всѣмъ прочимъ дамамъ, къ которымъ присоединилась и Наденька, а Сергѣй Иванычъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пошелъ въ кабинетъ. Здѣсь было много мужчинъ и очень много табачнаго дыма. Было три офицера, изъ которыхъ одинъ оказался начинающимъ поэтомъ, другой военнымъ писателемъ, а третій просто артиллеристомъ россійской службы; два студента медицинской академіи и человѣкъ шесть партикулярныхъ людей—почти всѣ писатели и всѣ солиднаго возраста. Кульчинъ представилъ его, какъ начинающаго и подающаго надежды беллетриста, автора „Улиты“. Кое-кто читалъ „Улиту“, и это послужило тэмой для разговора. Впрочемъ, общаго разговора не было. Говорили собственно: хозяинъ, одинъ изъ почтенныхъ литераторовъ, завѣдующій отдѣломъ научной хроники въ какомъ-то толстомъ журналѣ, и военный писатель. Остальные разсѣлись по разнымъ угламъ и, повидимому, предавались размышленіямъ. Впрочемъ, и среди разговаривавшихъ рѣчь смолкала какъ-то слишкомъ часто, а хозяинъ прилагалъ всѣ старанія тянуть разговоръ. Къ Сергѣю Иванычу подсѣлъ поэтъ.

— Я читалъ вашу повѣсть!—сказалъ онъ.

— „Улиту“?—спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Да. Мнѣ понравилась.—Авторъ „Улиты“ хотѣлъ поблагодарить, но поэтъ продолжалъ:—Чтожъ? Вы намѣрены еще чѣмъ-нибудь подарить публику?...—Авторъ „Улиты“ немножко удивился, но ему понравилось это выраженіе.

— Да, я уже сдалъ въ редакцію небольшую повѣсть!..—отвѣтилъ онъ.

— Въ этомъ мѣсяцѣ выйдетъ?..

— Право, я не справлялся... Но, кажется, эта книжка уже готова... Такъ что вѣроятно—въ слѣдующемъ номерѣ!..

— А я въ настоящее время пишу поэму изъ народнаго быта!.. Обширная поэма листа въ два печатныхъ... Боюсь, что не пройдетъ...

— Отчего же?..

— Цензура!.. Ахъ, это мое несчастье!.. Представьте, я написалъ семь большихъ поэмъ и ни одной не могъ напечатать. Не пропускаютъ, хоть ты плачь... Напечаталъ одно стихотвореніе всего въ двѣнадцать строчекъ... А остальное хоть сжигай... Васъ не преслѣдуетъ цензура?..

— Н-нѣтъ!.. да вѣдь я еще одну только вещь напечаталъ!.. Не знаю, какъ будетъ дальше...—автору „Улиты“ было немножко неловко по поводу того, что его не преслѣдуетъ цензура.

— О, вы увидите!.. Я могъ бы издать уже цѣлую книгу поэмъ... Ничего не подѣлаешь!.. Цензура не пропускаетъ!.. У меня, напримѣръ, есть стихотвореніе въ полтора листа; называется: „Пробужденіе льва“. Я изобразилъ въ немъ подъ видомъ льва —русскій народъ, который спитъ и не можетъ проснуться, потому что его давитъ кошмаръ...

— Не можетъ проснуться?.. Такъ почему же „Пробужденіе“?..

— Ну, когда-нибудь долженъ же онъ проснуться!..

— Это очень рѣзко!..—замѣтилъ Сергѣй Иванычъ.

— Что дѣлать? Иначе не могу!.. Это свойство моей музы... Я читалъ эту поэму въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“.

— Какъ?—спросилъ Сергѣй Иванычъ. Ему подумалось, что онъ ослышался.

— Въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“! Вы развѣ никогда тамъ не были?.. Совѣтую!.. Да вотъ что: хотите, я предложу васъ въ члены? Я вѣдь членъ „Литературно-танцовальнаго кружка“!.. Онъ имѣетъ до восьмидесяти членовъ и все это исключительно литераторы...

— И танцоры?—спросилъ Сергѣй Иванычъ безъ всякой ироніи, руководствуясь прямымъ смысломъ названія кружка...

— Нѣтъ, только литераторы... Танцуетъ, видите ли, только публика... Засѣданія его публичны... Литераторы читаютъ, а... публика танцуетъ... У насъ есть имена, напримѣръ...—поэтъ назвалъ нѣсколько именъ, между прочимъ—Бѣляева и Овчинникова, которыхъ Степовицкій зналъ, какъ почтенныхъ и талантливыхъ писателей.—Такъ хотите, я предложу васъ?

— Пожалуйста! Буду очень радъ!.. „Странный кружокъ“!—подумалъ авторъ „Улиты“. „Литераторы читаютъ, а публика танцуетъ!.. Однако — до восьмидесяти литераторовъ!“ А онъ вѣдь думалъ, что ихъ во всемъ Петербургѣ не найдется полъ-сотни. Интересно, очень интересно.

— Неугодно ли закусить, господа!—пригласилъ въ это время хозяинъ. Всѣ какъ будто только этого и ждали, тотчасъ же под-

нялись съ мѣстъ и гуськомъ вышли въ комнату, гдѣ сидѣли дамы. Здѣсь на столѣ уже не было самовара, а на мѣсто его стояли два сорта водки—очищенная и рябиновая, блюдо съ полдюжиной селедокъ, колбаса и сыръ.

Наденька промолчала почти весь вечеръ. Дамы, въ обществѣ которыхъ она оставалась, были преимущественно жены литераторовъ, какъ явствовало изъ рекомендацій. Поэтому въ началѣ она боялась разинуть ротъ. Вѣдь все, должно быть, о высокихъ матеріяхъ говорятъ. И она рѣшила ограничиться ролью скромной слушательницы. Здѣсь также въ разговорѣ преобладала хозяйка, но гостьи единодушно поддерживали ее. Она застала ихъ на разговорѣ о какомъ-то литераторѣ, который, имѣя жену и шестеро дѣтей, содержитъ при этомъ еще подругу, и странное дѣло (по этому поводу всѣ дамы единодушно высказывали изумленіе), эти двѣ особы—жена и подруга—не только не ссорятся, а даже бываютъ другъ у друга и стоятъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на какую-то недавнюю исторію, въ которой фигурировалъ опять-таки литераторъ, побившій кого-то палкой. Много было разсказано исторій въ такомъ родѣ и разговоръ ни на минуту не переставалъ быть литературнымъ, потому что во всѣхъ исторіяхъ фигурировали литераторы. Наденька въ концѣ концовъ перестала трусить, убѣдившись, что литературныя дамы обладаютъ достоинствами и слабостями, свойственными всѣмъ дамамъ на свѣтѣ.

Послѣ выпивки и закуски мужчины уже не удалялись въ кабинетъ; завязался очень оживленный общій разговоръ, въ которомъ всѣ единодушно бранили одну газету. Предводительствовалъ самъ господинъ Кульчинъ, который громилъ газету главнымъ образомъ за то, что въ ней нѣтъ ни одного мало-мальски талантливаго журнальнаго обозрѣвателя, и при этомъ говорилъ очень много и весьма краснорѣчиво о высокомъ значеніи журнальнаго обозрѣвателя, причемъ постоянно упоминалъ Бѣлинскаго, Добролюбова и какимъ-то страннымъ образомъ вставлялъ сюда свое имя. Когда водки не хватило, пили пиво, а потомъ стали пѣть русскія пѣсни, причемъ дамы очень дружно подтягивали, а въ общемъ пѣли довольно громко.

Разошлись часа въ четыре ночи. Хозяинъ сильно жалъ всѣмъ руки и постоянно повторялъ, что у него субботы и что нѣтъ у насъ порядочныхъ журнальныхъ обозрѣвателей.

VI.

Прошла еще недѣля. Сергѣй Иванычъ зашелъ въ редакцію и узналъ, что статья еще не прочитана.

— Масса матеріала, милѣйшій мой! Мы соблюдаемъ очередь! —объяснилъ редакторъ.

Дома онъ не сказалъ объ этомъ ни слова. Наденька уже раза два напоминала ему, что двѣ недѣли прошло и что, слѣдовательно, пора зайти въ редакцію.

— Да мнѣ что-то неохота!.. Далеко вѣдь... Еще недѣльку подождемъ!..—отвѣчалъ Сергѣй Иванычъ. Наконецъ и эта недѣля прошла. Онъ отправился въ редакцію почти съ отчаяньемъ въ груди. „Если и теперь еще... А то, быть можетъ, отказъ!?“... Онъ боялся, что не вынесетъ такого позора и, пожалуй, съ ума сойдетъ. Но все обошлось благополучно. Онъ вернулся изъ редакціи веселый и довольный. Статья понравилась, пойдетъ въ слѣдующей книжкѣ и деньги выдали ему впередъ. Онъ удивлялся, какъ на него могли находить минуты сомнѣнія, и теперь окончательно увѣровалъ въ свой геній.

— Теперь баста заниматься пустяками!—рѣшилъ онъ,—буду писать большую вещь... романъ!

У него есть прекраснѣйшая, оригинальнѣйшая тэма. Онъ поразитъ, всполошитъ весь литературный міръ. Въ самомъ дѣлѣ,— какъ до сихъ поръ никому изъ современныхъ беллетристовъ не пришло это въ голову! Тургеневъ изобразилъ отцовъ и дѣтей шестидесятыхъ годовъ; но съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, дѣти стали отцами, отцы—дѣдами и народились новыя дѣти. Вотъ онъ изобразитъ это поколѣніе отцовъ и дѣтей. Какая благодарная задача!..

Онъ быстро пишетъ и ему ничего не стоитъ накатать романъ въ какихъ-нибудь полтора мѣсяца. Итакъ—рѣшено. Онъ садится за романъ.

Сказано, сдѣлано. Въ первый же вечеръ пришло вдохновеніе, и онъ просидѣлъ часа три, а написалъ одну страницу, да и ту въ концѣ концовъ перечеркнулъ не безъ ожесточенія.

— Самое трудное—начало!—утѣшалъ онъ себя и Надю:— первая глава написана, значитъ написанъ весь романъ.—Остальное само-собой польется. Вѣдь у него все готово: и фабула, и лица, и факты. Цѣлыя сцены проходятъ передъ его умственными очами, сцены энергическія, потрясающія своей жизненной правдой. Трудно только начать. Вѣдь и великіе писатели сидѣли надъ

первой страницей по нѣскольку недѣль и сто разъ перечеркивали первыя строки. Это вѣдь не очеркъ, а цѣлый романъ; не шутка! Начало всегда бываетъ скучное. Всѣ эти—предварительныя свѣдѣнія, біографіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ,—все это тяжело пишется и тяжело читается. Дѣйствіе развивается въ серединѣ, а особенно легко пишется подъ конецъ.

— Да вотъ что!—радостно вскричалъ онъ, ударивъ себя по лбу,—я буду писать безъ порядка! Что просится на бумагу, то и буду изливать. Въ этомъ собственно и заключается вдохновеніе. Такъ, кажется, кто-то писалъ... Не помню кто... Не то Достоевскій, не то Шиллеръ... Сначала напишу конецъ, потомъ середину, а потомъ уже и начало само собой выяснится...

И онъ принялся писать на клочкахъ. Конецъ былъ написанъ въ нѣсколько дней. Главный герой—одинокій, всѣми покинутый—умиралъ гдѣ-то на скалистомъ пустынномъ берегу Волги; выходила очень потрясающая сцена. На другихъ клочкахъ онъ набрасывалъ отрывочныя сцены. „Потомъ все это само собой свяжется?"—думалъ онъ. Три недѣли онъ находился въ страшной ажитаціи. Наденька ни о чемъ не могла говорить съ нимъ; онъ то-и-дѣло читалъ ей написанныя сцены изъ романа и излагалъ не написанныя. Письмо, полученное городской почтой, нарушило однообразное теченіе ихъ жизни. Это было оффиціальное извѣщеніе отъ „Литературно-танцовальнаго кружка" о томъ, что Сергѣй Ивановичъ Степовицкій, по предложенію дѣйствительныхъ членовъ Панчина и Данчина, единогласно избранъ въ члены онаго кружка. Тутъ же прилагался членскій билетъ.

— Чортъ возьми! однако — „единогласно!". Значитъ, меня уже знаютъ въ литературномъ мірѣ и признаютъ!

Что сказалъ бы на это Ѳедотъ?!..

Единодушіе восьмидесяти литераторовъ доставило Степовицкимъ искреннюю радость. Только, что это за особы: Панчинъ и Данчинъ? Панчина, впрочемъ, онъ припомнилъ. Это былъ тотъ самый поэтъ, съ которымъ онъ бесѣдовалъ у Кульчина. Ну, а Данчинъ... Должно быть, тоже поэтъ.

Радость мѣшала ему продолжать свой романъ и работа была отложена. Въ одинъ изъ дней слѣдующей недѣли было назначено публичное собраніе въ „танцовально-литературномъ кружкѣ" и они рѣшили отправиться туда. Наденька принарядилась и даже зашла къ парикмахеру завить локоны. Она любила танцовать и возлагала большія надежды на кружокъ.

Сергѣй Иванычъ при входѣ предъявилъ свой членскій билетъ, а за Наденьку внесъ входную плату. У входа въ залъ

стоялъ небольшой столикъ, за которымъ сидѣла дама среднихъ лѣтъ высокаго роста въ яркомъ платьѣ, съ пунцовымъ цвѣткомъ въ волосахъ и съ бѣлымъ значкомъ на груди; рядомъ съ нею суетливо сидѣлъ юноша съ русыми кудрями, съ красивымъ, совсѣмъ еще молодымъ лицомъ — безъ всякой растительности. На груди у него также былъ распорядительскій значекъ. Оба они продавали билеты, считали деньги, что-то записывали и разговаривали съ мимо-проходившей публикой.

У входа въ залъ Степовицкіе встрѣтили поэта — Панчина; онъ отбиралъ билеты и водворялъ порядокъ.

— А, вы пришли?! Я таки представилъ васъ!..—произнесъ онъ. Сергѣй Иванычъ поблагодарилъ и познакомилъ его съ Наденькой. Въ это время къ нимъ подошелъ высокій блѣдный и худощавый брюнетъ, съ цѣлой кучей волосъ на головѣ, съ наполеоновской бородкой и съ удивленными вопрошающими глазами. Онъ что-то сказалъ Панчину, но изъ его словъ ничего нельзя было понять; онъ говорилъ невѣроятной скороговоркой и какъ бы запыхавшись.

— Мой другъ—Данчинъ!—представилъ его Панчинъ:—тоже поэтъ! Мы вмѣстѣ съ нимъ предложили васъ въ члены!..

Сергѣй Иванычъ хотѣлъ-было поблагодарить и Данчина, но тотъ какъ-то мгновенно исчезъ.

— Онъ немножко изступленный!..—объяснилъ Панчинъ,—но имѣетъ большой талантъ!..

Они прошли въ залъ. Залъ былъ большой и помѣстительный, но публики было немного; больше половины стульевъ оставались пустыми. На эстрадѣ за небольшимъ столикомъ сидѣла какая-то фигура и, уткнувшись въ книжку, что-то читала угрюмымъ, замогильнымъ голосомъ. На столикѣ блестѣли графинъ съ стаканомъ. На второмъ планѣ съ лѣвой стороны эстрады стоялъ рояль. Степовицкіе заняли мѣста въ заднихъ совершенно пустыхъ рядахъ и старались слушать, но до нихъ долеталъ только угрюмый гулъ. Панчинъ принесъ имъ программу, изъ которой они узнали, что имъ предстоитъ прослушать девять нумеровъ чтенія, три нумера пѣнія и одинъ — игры на арфѣ; всего тринадцать нумеровъ. А угрюмый господинъ все читалъ и читалъ, а публика все надѣялась что-нибудь услышать, но потомъ перестала надѣяться и начала выходить. Наконецъ, онъ кончилъ и ушелъ, не получивъ никакихъ знаковъ одобренія. На эстраду вышелъ юноша, сидѣвшій съ дамой у кассы и очень четко и громко продекламировалъ басню своего сочиненія. Басня оказалась смѣшной, и автору много аплодировали, въ особенности дамы, потому что юноша былъ

прекрасно сложенъ и имѣлъ красивое лицо съ печатью вдохновенія. Послѣ него выбѣжалъ изступленный поэтъ Данчинъ, очень долго размахивалъ руками и съ величайшимъ изумленіемъ что-то такое кричалъ, шипѣлъ и, кажется, икалъ даже. Публика не знала, какъ понимать это, и всѣ съ недоумѣніемъ заглядывали въ програму, изъ которой только и узнавали, что это какой-то отрывокъ изъ ненапечатанной и неоконченной трагедіи изъ жизни древнихъ скиѳовъ, сочиненіе Данчина. Такъ онъ и ушелъ, не разгаданный. Послѣ него читалось еще шесть нумеровъ стиховъ и прозы,—все это были большею частью отрывки изъ неизданныхъ поэмъ, главы изъ неоконченныхъ романовъ и т. п.; публика все убывала; наконецъ, вышла арфистка и залъ какъ-то сразу наполнился публикой и при этомъ можно было замѣтить, что лица у вошедшихъ были веселыя и красныя; это объяснялось тѣмъ, что публика пришла изъ буфета. Арфистка произвела фуроръ и играла bis; потомъ вышли два пѣвца и спѣли дуэтъ — ужасно длинный, тягучій и печальный; при томъ пѣвцы въ срединѣ разошлись и, остановившись, къ изумленію публики, принялись пѣть сначала. Послѣдній нумеръ програмы не оставилъ въ буфетѣ ни одной души. Французская опереточная пѣвица изображала: „O Paris!“. Потомъ на bis: „et ceci, et celà“ и многое другое въ такомъ родѣ. Публика стучала стульями отъ восторга.

Стали выносить стулья и всячески очищать залъ для танцевъ. Къ Стеновицкимъ подлетѣлъ Панчинъ.

— Пойдемте въ буфетъ, я кое-съ-кѣмъ изъ членовъ познакомлю васъ!—предложилъ онъ Сергѣю Иванычу. Тотъ съ удовольствіемъ согласился, но прежде чѣмъ уйти въ буфетъ, они пристроили Наденьку къ дамамъ, изъ которыхъ одна оказалась сестрой поэта Панчина, другая—женой поэта Данчина, а третья просто дамой.

Въ буфетѣ, очень тѣсномъ, но богатомъ столиками, было довольно людно. Въ публикѣ преобладали пѣхотные офицеры, весьма юные студенты и студентки, какіе-то люди энергическаго типа, большею частію небрежно одѣтые и съ всклокоченными волосами; эти послѣдніе, по объясненію Панчина, были члены „Литературно-танцовальнаго кружка“. Дамы большею частію были веселы, говорили громко, смѣялись открыто; попадались цѣлыя семейства, а кое-гдѣ можно было замѣтить маменьку съ дочкой, явившихся съ спеціальною цѣлью—познакомиться съ порядочными кавалерами, иначе говоря—найти мужа и зятя. Среди порядочной толкотни Панчинъ то-и-дѣло здоровался и пожималъ руки проходящимъ, иногда онъ обращался къ Сергѣю Иванычу.

— Позвольте васъ познакомить! Одинъ изъ нашихъ членовъ!.. —и онъ называлъ фамилію, а потомъ пояснялъ—поэтъ ли это, или беллетристъ, или репортеръ, или критикъ. Такихъ новыхъ знакомствъ Степовицкій насчиталъ около двадцати, причемъ поэты рѣшительно преобладали. Наконецъ, они протолпились къ столику, за которымъ сидѣли два господина — одинъ средняго роста съ русой бородкой клиномъ, другой поменьше, съ нѣсколько старообразнымъ лицомъ и съ десяткомъ бѣлыхъ волосъ на подбородкѣ. Лица обоихъ показались автору „Улиты" очень симпатичными. Но прежде чѣмъ остановиться у столика, Панчинъ сдѣлалъ конфиденціальное предисловіе.

— Вотъ эти двое—самые старые и самые почтенные члены кружка... Они, можно сказать, основали кружокъ!.. Закадычные друзья!.. Всегда вмѣстѣ и любятъ выпить...

Потомъ онъ подвелъ его къ основателямъ кружка и, назвавъ ихъ фамиліи, представилъ его, какъ новаго члена.

Его пригласили присѣсть, а Панчинъ скрылся. Основатели, повидимому, выпили порядочно. Обладатель русой бородки, по фамиліи Бѣляевъ, сидѣлъ бокомъ, подперши голову одной рукой, и ежеминутно плевалъ въ сторону; очевидно, вино дѣйствовало на него удручающимъ образомъ; за то другой, имѣвшій на подбородкѣ десятокъ бѣлыхъ волосъ и носившій фамилію Овчинникова, былъ чрезвычайно оживленъ, не могъ спокойно усидѣть на мѣстѣ, говорилъ язвительно и изрѣдка употреблялъ ругательныя слова.

— Вы членъ?—прямо спросилъ онъ Степовицкаго.

— Избранъ въ послѣднемъ засѣданіи! — скромно отвѣтилъ авторъ „Улиты".

— Не говорите мнѣ о засѣданіи... ибо ослы не могутъ сидѣть... Они стоятъ или лежатъ!.. Ха, ха, ха! Правда?—обратился онъ къ Бѣляеву.

Тотъ плюнулъ въ отвѣтъ. „Какъ это странно, однако!"—подумалъ Степовицкій.

— Вы что же, настоящій литераторъ, или такъ себѣ?—продолжалъ Овчинниковъ, глядя ему прямо въ глаза.

— То-есть, какъ это?.. Вѣдь здѣсь, кажется, только литераторы могутъ быть членами!..

Бѣляевъ фыркнулъ.

— Такъ вы полагаете, что все это литераторы?.. Вонъ видите, водку пьетъ около стойки... Эдакая фіолетовая физіономія... Вы знаете, что̀ онъ написалъ? Онъ написалъ и помѣстилъ въ одной газеткѣ слѣдующее: „намъ передаютъ изъ достовѣрныхъ

источниковъ, что на самомъ бойкомъ мѣстѣ Невскаго проспекта среди бѣла дня, такого-то числа, огромная свинья прошлась по панели и что находившiеся тутъ двое городовыхъ не только бездѣйствовали, но даже поощряли, оглашая улицу веселымъ хохотомъ"...—Ха, ха, ха!.. А вотъ видите—стоитъ господинъ, лишенный волосъ... Онъ, будучи чухонскаго происхожденiя, написалъ цѣлую драму изъ русскаго быта и помѣстилъ гдѣ-то... Потомъ оказалось, что онъ укралъ ее у одного шведскаго писателя... Такъ вотъ какiе это литераторы, батенька мой! Вотъ почему я васъ спросилъ,—вы какъ будете?..

И онъ опять посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Я, право, не знаю, какъ вамъ сказать!..—не безъ смущенiя промолвилъ Сергѣй Иванычъ,—я новичекъ въ литературѣ!.. Я написалъ всего только одну повѣсть...

— Какую?

— „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ"!..

— Улита-а? Такъ это вы? Позвольте васъ облобызать!..—и онъ трижды облобызалъ автора „Улиты":—„Улита"—талантливая вещь... За „Улиту" вамъ спасибо!.. Бѣлявка!—обратился онъ къ своему другу.—Помнишь „Улиту"? Вчера читали!

— Помню!—не перемѣняя позы, отвѣтилъ Бѣляевъ.

— Лобызай, братъ! Это онъ!.. — Бѣляевъ съ невозмутимымъ спокойствiемъ облобызалъ Сергѣя Иваныча и тоже трижды.

— Ну, надо выпить!..—И онъ заставилъ автора „Улиты" выпить сразу три рюмки водки „для уравновѣшенiя чувствъ", какъ объяснилъ онъ, т.-е. для того, чтобы всѣ были одинаково пьяны.

— И на кой только чортъ залѣзли вы сюда? — продолжалъ Овчинниковъ.

— Какъ? Да вѣдь вы же, кажется, основали...

— Основалъ! Это вѣрно! Вотъ мы съ Бѣлявкой основали! Да еще съ какими надеждами!.. Ха, ха!.. Думали — объединить разрозненные элементы!.. Ну, и напустили всякаго народа... и вышло вонъ что!.. Что было путнаго—заглянуло, понюхало—воняетъ, да и назадъ... И не заглядываютъ, батенька... Такъ иной разъ придутъ изъ снисхожденiя, посмотрятъ съ сожалѣнiемъ!.. Эхъ-эхъ! Мы вотъ съ Бѣлявкой рѣшили наплевать, бросить... Да не бросимъ... Два года собираемся... Жаль какъ-то! Вѣдь это наше дѣтище, какъ хотите! Родительскiя чувства! Все надѣешься, авось что-нибудь выйдетъ, да только ничего не выйдетъ!..

Овчинниковъ много говорилъ еще горькихъ истинъ, причемъ запивалъ ихъ водкой и заставлялъ то же самое дѣлать и автора „Улиты", Бѣляевъ же и самъ не отставалъ. Часа въ два ночи

они вышли изъ буфета всѣ трое обнявшись и, появившись въ залѣ, гдѣ въ это время шли оживленные танцы, произвели большой безпорядокъ. Распорядитель танцевъ энергично пытался унять ихъ, но напрасно. Впрочемъ, ихъ удалось-таки увести въ распорядительскую комнату. Здѣсь Овчинниковъ плакалъ горькими слезами о томъ, что среди россійскихъ литераторовъ нельзя устроить ничего путнаго; а Бѣляевъ совѣтовалъ ему наплевать.

Наденька привезла своего супруга домой въ безчувственномъ состояніи. Но сама была очень довольна вечеромъ, такъ какъ оказалась чрезвычайно пикантной дамочкой, благодаря чему отъ кавалеровъ не было отбою, и она танцовала до головокруженія.

VII.

Степовицкіе сдѣлались постоянными посѣтителями „Литературно-танцовальнаго кружка". Сергѣй Иванычъ уже нѣсколько разъ бывалъ на засѣданіяхъ, гдѣ собирались только члены для обсужденія текущихъ дѣлъ, избранія распорядителей танцевъ и блюстителей порядка. Въ число послѣднихъ скоро былъ выбранъ Сергѣй Иванычъ и былъ очень доволенъ, такъ какъ видѣлъ въ этомъ особую честь; при томъ же ему представлялось довольно заманчивымъ—въ виду многочисленной и разнообразной публики—ходить по залѣ съ распорядительскимъ значкомъ на груди. Это было не больше, какъ невинное тщеславіе.

Наденькѣ тоже было пріятно, что ея супругъ игралъ въ кружкѣ видную роль. Сама она очень скоро перезнакомилась съ женами и сестрами членовъ кружка, и такъ какъ всѣ онѣ были дамы веселыя и любительницы танцевъ, то Наденька очень хорошо сошлась съ ними, ходила къ нимъ въ гости, принимала ихъ, вообще мило проводила время и благословляла тотъ день, въ который познакомилась съ „Литературно-танцовальнымъ кружкомъ". У Степовицкихъ образовался очень обширный кругъ знакомствъ и имъ зажилось довольно весело.

Сергѣю Иванычу давно уже предлагали прочитать что-нибудь на одномъ изъ вечеровъ, но онъ все какъ-то не рѣшался, хотя въ сущности ему очень хотѣлось попробовать свои силы на этомъ поприщѣ. И вотъ онъ, наконецъ, рѣшился, но на первый разъ поставилъ въ программѣ не свое произведеніе, а какой-то отрывокъ изъ Некрасова. Въ тотъ день онъ очень много волновался и вышелъ на эстраду совсѣмъ больной и блѣдный. Голосъ его, благодаря волненію, пріобрѣлъ какую-то нервную выразитель-

ность, и онъ произвелъ большое впечатлѣніе на слушателей. Онъ получилъ много аплодисментовъ, читалъ что-то на bis, пожималъ множество рукъ и принималъ поздравленія. Это были первые въ его жизни аплодисменты. Они вскружили ему голову. Всю недѣлю потомъ онъ готовился къ слѣдующему вечеру, но на этотъ разъ уже выбралъ отрывокъ изъ собственнаго недоконченнаго романа. Онъ взялъ именно ту послѣднюю главу, которую написалъ первой и въ которой изображалась смерть героя романа—на пустынномъ берегу Волги. Въ этотъ вечеръ онъ волновался еще больше и когда вышелъ на эстраду, ничего не видѣлъ, кромѣ лежавшей передъ нимъ тетрадки. Публика не забыла его и встрѣтила аплодисментами. Онъ читалъ выразительно, съ разстановкой и, пожалуй, недурно, и вообще—имѣлъ нѣкоторый успѣхъ.

Послѣ этого онъ уже не могъ пропустить ни одного вечера, чтобъ не выйти на эстраду, и не прочитать что-нибудь. Онъ замѣтилъ, что проза не производитъ большого впечатлѣнія и поэтому сталъ сочинять очень чувствительные стихи спеціально для исполненія на вечерахъ кружка.

Занятый новыми впечатлѣніями и увлеченный новой „общественной дѣятельностью", онъ какъ-то все не могъ возобновить свои прежнія занятія. „Ничего, какъ-нибудь засяду и въ три дня, не вставая, прикончу весь романъ!"—утѣшалъ онъ себя.

Въ этихъ пріятныхъ занятіяхъ прошло полтора мѣсяца. Въ это время онъ пережилъ еще одно жгучее волненіе. Въ „Обозрѣвателѣ" была напечатана его вторая статья. Онъ уже двѣ недѣли посѣщалъ кабинетъ для чтенія, пересматривалъ всевозможныя газеты, но отзыва нигдѣ не нашелъ. Даже Кульчинъ на этотъ разъ не сказалъ ни слова. Для него это было зловѣщимъ признакомъ; онъ не стерпѣлъ и въ одну изъ субботъ отправился къ Кульчину безъ Наденьки.

Кульчинъ принялъ его съ прежней любезностью, но о статьѣ не сказалъ ни слова, будто умышленно избѣгая разговора о ней. Сергѣй Иванычъ не разъ намеками наводилъ рѣчь на этотъ предметъ, но критикъ упорно не понималъ его.

Тогда онъ заговорилъ прямо:

— Я искалъ вашего отзыва въ послѣднихъ номерахъ!..

— Напрасно, милѣйшій, не найдете!..—прямо отвѣтилъ Кульчинъ.

Сергѣй Иванычъ не зналъ что̀ еще сказать, но критикъ заговорилъ уже самъ.

— Ваша статья, милѣйшій мой, меня опечалила. Я пред-

ночелъ выждать чего-нибудь лучшаго и воздержался отъ отзыва... Вѣдь это повтореніе „Улиты“ въ маленькомъ видѣ!.. Знаете что: чтобъ быть писателемъ оригинальнымъ, всегда интереснымъ, живымъ,—мало искры Божіей; нужны знанія, развитіе, широкій горизонтъ... Вотъ этого-то нашимъ писателямъ и не достаетъ... Вѣдь наши таланты чуть только научились читать и писать — уже и валяютъ повѣсти... И читаютъ только самихъ себя... При томъ у васъ этотъ золаизмъ... выходитъ — довольно грубовато!.. Вы, вѣроятно, очень много пишете?..

Сергѣй Иванычъ не отвѣтилъ. Онъ скоро ушелъ отъ критика и, придя домой, былъ очень мраченъ, ходилъ по комнатѣ и не отвѣчалъ на вопросы Наденьки. Кульчина онъ уже считалъ своимъ личнымъ врагомъ и, повидимому, не придавалъ значенія ни одному изъ его словъ. Такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ. Но въ сущности слова критика оставили глубокій слѣдъ въ его душѣ. Онъ молча согласился, что послѣдняя статья напоминаетъ „Улиту“, что она написана слишкомъ спѣшно, съ плеча...

Но это настроеніе удручало его не долго. Взглядъ его упалъ на отрывки романа, разбросанные по этажеркѣ. „Постойте-ка! Я покажу вамъ свою настоящую силу!“... промолвилъ онъ, перебирая отрывки, и съ этой минуты засѣлъ за романъ съ такимъ рвеніемъ, какого не знавалъ прежде.

Двѣ недѣли онъ не выходилъ изъ комнаты. Въ это время онъ никого не принималъ, съ Наденькой обращался грубо, капризничалъ,—но ему все прощалось, потому что онъ находился подъ вліяніемъ вдохновенія. Онъ позабылъ даже о „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“; значительно похудѣлъ и поблѣднѣлъ за это время. Онъ писалъ днемъ и ночью, истребляя массу кофе и крѣпкаго чаю; подъ конецъ нервы его напряглись до послѣдней степени, онъ раздражался при малѣйшемъ шумѣ, а крикъ инфанта, еще недавно такъ ласкавшій его слухъ, приводилъ его въ бѣшенство. Онъ писалъ и переписывалъ въ одно и то же время, и когда, по прошествіи мѣсяца, увидѣлъ передъ собой чистенькую, довольно толстую и очень четко исписанную тетрадь, то вдругъ совершенно измѣнился; на лицѣ его весь тотъ день сіяла улыбка, онъ былъ добръ, любезенъ, нѣженъ и милъ; потому что чувствовалъ себя такъ, какъ будто только-что для спасенія отечества совершилъ трудный и величественный подвигъ. Онъ то-и-дѣло бралъ въ руки рукопись, перелистывалъ, просматривалъ и потрясалъ ею въ воздухѣ.

— Посмотримъ, что они теперь скажутъ! что запоетъ этотъ многорѣчивый господинъ Кульчинъ!—торжественно восклицалъ онъ.

Рукопись была отправлена въ редакцію „Всероссійскаго Обозрѣвателя“, и Сергѣй Иванычъ предался отдохновенію. Нечего и упоминать, что онъ снова надѣлъ распорядительскій значекъ и появился на эстрадѣ въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“. Жизнь Степовицкихъ опять полилась бойкимъ веселымъ потокомъ. Занялись отдачей старыхъ запущенныхъ визитовъ и пріемомъ знакомыхъ. Супруги почти ежедневно возращались домой послѣ двухъ часовъ ночи. Наденька совсѣмъ сдала инфанта на руки Любѣ и Сонѣ, которыя вели поэтому жизнь отшельническую и съ каждымъ днемъ больше и больше отвыкали отъ людского общества и даже отъ Наденьки. Въ это время Сергѣй Иванычъ однажды случайно встрѣтилъ гдѣ-то на улицѣ Рябинина. Онъ выразилъ-было восторгъ, но какъ-то вдругъ спохватился и довольно холодно спросилъ стараго пріятеля, какъ онъ поживаетъ. Рябининъ отвѣчалъ, что живетъ по прежнему и что вообще жизнь не пріучила его къ перемѣнамъ.

— А ты?—спросилъ онъ:—каковы твои успѣхи?

— Мы преуспѣваемъ, — съ снисходительной шутливостью отвѣтилъ Сергѣй Иванычъ:—напечаталъ другую статью, кончилъ большой романъ, избранъ въ члены „Литературно-танцовальнаго кружка“...

— Ну, желаю тебѣ дальнѣйшаго успѣха! — промолвилъ Өедотъ Семенычъ, какъ бы отказываясь выслушивать дальнѣйшее перечисленіе подвиговъ автора „Улиты“. Онъ попросилъ кланяться Наденькѣ и распрощался.

Все было бы прекрасно и Степовицкіе вполнѣ были бы довольны своей судьбой, еслибъ не одно маленькое обстоятельство. Подходилъ срокъ платить за квартиру, а въ кошелькѣ у нихъ пусто. Редакція „Всероссійскаго Обозрѣвателя“ что-то медлила отвѣтомъ, а другихъ источниковъ у нихъ не было. Конечно, это затрудненіе было временное. Какъ только прочтутъ въ редакціи романъ, сейчасъ же впередъ отвалятъ половину гонорара. А пока нужно было опять прибѣгнуть къ залогу нѣкоторыхъ вещицъ. Наконецъ Сергѣй Иванычъ отправился въ редакцію за окончательнымъ отвѣтомъ.

Редактора онъ не засталъ. Въ редакціи были только Григорій, да Семенъ Иванычъ, который принялъ его чрезвычайно любезно.

— Вамъ ничего не говорилъ редакторъ? Здѣсь моя рукопись есть... Я просилъ прочитать!..—обратился онъ къ Семену Иванычу.

— Ничего не сказывалъ!.. А какъ называется ваша рукопись?..

— „Дѣти и внуки",—съ гордостью отчеканилъ Сергѣй Иванычъ.

— Позвольте... Я сейчасъ справлюсь!.. — Семенъ Иванычъ подошелъ къ окну и сталъ рыться въ кучѣ сложенныхъ тамъ рукописей. Изъ середины онъ вытащилъ „Дѣтей и внуковъ" и взглянулъ на обложку.

— Къ возврату!—довольно безпечно промолвилъ онъ.

— Какъ къ возврату?—Сергѣй Иванычъ едва не пошатнулся.

— Написано: „къ возврату!" Вотъ прочитайте! Ну, значитъ—къ возврату! Извольте получить!..

Да, да, онъ видѣлъ собственными глазами; большими буквами синимъ карандашомъ написано: „къ возврату"!

Но этого все-таки не можетъ быть. Тутъ какое-то недоразумѣніе.

— Нѣтъ ли тутъ ошибки? — дрожащимъ голосомъ спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Право—не знаю! Дождитесь редактора!

— Я дождусь!..—Онъ сѣлъ у окна и дѣлалъ видъ, что смотритъ на улицу, но ровно ничего не видѣлъ. Семенъ Иванычъ что-то такое говорилъ о театрѣ; разсказывалъ содержаніе оперетки, которую онъ видѣлъ вчера. Но авторъ „Дѣтей и внуковъ" ничего не слышалъ. Онъ очнулся только тогда, когда раздался звонокъ и вслѣдъ затѣмъ вошелъ редакторъ.

— Вы назначили къ возврату?..—прямо и даже не поздоровавшись спросилъ онъ.

— Къ сожалѣнію, къ сожалѣнію!..—отвѣтилъ редакторъ, нѣсколько удивленный такой стремительностью.

— Но почему же?

— Какъ вамъ сказать?.. Неудобно!..

— Но почему неудобно?

Редакторъ разсердился.

— Потому что нельзя печатать чепуху!..

— Чепуху?—У Сергѣя Иваныча на мгновеніе сердце перестало биться.

— Ахъ, милѣйшій!—поправился редакторъ, видя, что его приговоръ дурно повліялъ на собесѣдника:—и зачѣмъ вы беретесь за разрѣшеніе такихъ грандіозныхъ задачъ?.. Вѣдь это все выдумка, сочиненіе... Я читалъ и удивлялся: куда дѣвался вашъ талантъ? Мораль, сентенція, напыщенность, дѣланность и выдумка, выдумка на каждомъ шагу... И даже не умно! Вы не сердитесь! Я вамъ даю совѣтъ: работайте надъ маленькими сюжетами... Не беритесь за рѣшеніе міровыхъ вопросовъ... „Дѣти

и внуки"! Ха, ха, ха! Нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ такихъ дѣтей и внуковъ, какихъ вы изобразили!.. Давайте намъ что-нибудь въ родѣ „Улиты"... А романъ... Это еще впереди!.. Это вамъ мой дружескій совѣтъ!—Сергѣй Иванычъ поблагодарилъ и, прижимая къ сердцу рукопись „Дѣтей и внуковъ", выбѣжалъ вонъ. Онъ былъ взбѣшенъ и оскорбленъ такимъ исходомъ дѣла. „Все это ложь, пристрастіе!.. Видно, и тутъ нужна протекція!.. Имя нужно!.. Подпиши я подъ своимъ романомъ громкое имя,—до небесъ вознесли бы"! И тутъ же у него явилась мысль немедленно отнести романъ въ другую редакцію. Онъ вынулъ изъ кармана резинку и тщательно вытеръ синій карандашъ на обертвѣ рукописи. Потомъ онъ снесъ ее въ редакцію журнала „Миражъ" съ покорнѣйшей просьбой прочитать какъ можно скорѣе.

Онъ пришелъ домой блѣдный, но съ яснымъ, улыбающимся лицомъ. Боже сохрани—разсказать Наденькѣ всю правду. Она придетъ въ отчаяніе и главное—усомнится въ немъ.

— Все еще не прочитано!.. Масса матеріала!.. Придется еще подождать!..—объяснилъ онъ.

Въ тотъ же день вечеромъ онъ читалъ въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ" сцену изъ романа „Дѣти и внуки" и въ этомъ нашелъ не малое утѣшеніе.

Тѣмъ временемъ вопросъ о деньгахъ все назрѣвалъ. У Степовицкихъ былъ ничтожный запасъ предметовъ роскоши и онъ весь уже перешелъ въ ломбардъ. Наденька прямо заявила, что скоро они останутся безъ хлѣба. Сергѣй Иванычъ уже сдѣлалъ кой-какіе маленькіе долги у сочленовъ по кружку; нужно было думать о болѣе существенномъ источникѣ. Впрочемъ, онъ еще слишкомъ вѣрилъ въ свой романъ и ни на минуту не допускалъ, чтобы онъ не понравился въ редакціи „Миража". Но тамъ тянули ужасно. Онъ уже справлялся раза три. Въ это время у него явилась идея. Онъ пишетъ для кружка много маленькихъ стихотвореній. Почему не пристроить ихъ куда-нибудь въ небольшое еженедѣльное изданіе! И онъ снесъ кое-что въ три журнала разомъ, а черезъ недѣлю узналъ, что половина принята. Это значительно подняло его духъ. Вѣдь это можетъ служить порядочнымъ подспорьемъ. И онъ началъ прилежно строчить маленькіе сонеты и очерки въ стихахъ и прозѣ, басни и даже анекдоты въ лицахъ. Со всѣми этими родами творчества онъ справлялся довольно легко, и нѣкоторые журналы принимали отъ него такого рода работу даже съ благодарностью.

Но самъ онъ смотрѣлъ на это занятіе, какъ на забаву и, конечно, не думалъ дѣлать его своею спеціальностью.

VIII.

Однажды Сергѣй Иванычъ пришелъ домой съ совершенно блѣднымъ лицомъ и съ какимъ-то сумасшедшимъ горячечнымъ видомъ.

— Что съ тобой? Ты нездоровъ? — спросила испуганная Наденька.

Сергѣй Иванычъ глубоко вздохнулъ и вынулъ изъ кармана сложенную вдвое, измятую рукопись „Дѣтей и внуковъ".

— Не приняли?—еще больше испугалась Наденька.

— Цензура... Говорятъ... не пропуститъ!..—тихо процѣдилъ Сергѣй Иванычъ.

— Что-жъ мы будемъ дѣлать?—вырвалось у Наденьки:—вѣдь у насъ ничего, ничего нѣтъ!.. Вѣдь мы должны больше сотни рублей...

Сергѣй Иванычъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ мѣста и забѣгалъ по комнатѣ. Нервнымъ голосомъ оскорбленнаго человѣка онъ говорилъ ужасныя вещи. Вотъ какъ она утѣшаетъ его! Вмѣсто того, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ возмущаться положеніемъ дѣлъ, благодаря которому лучшія произведенія должны лежать подъ спудомъ,—она напоминаетъ ему о долгахъ, о деньгахъ... Извольте послѣ этого искать утѣшенія у семейнаго очага!.. Женщинѣ недоступны высшія побужденія человѣческой души! Она не можетъ подняться выше обыденныхъ удобствъ, довольства, сытости и пр., и пр. Наденька была оскорблена, но молчала, не желая еще больше раздражать мужа. Впрочемъ, онъ скоро раскаялся и началъ извиняться.

— Я говорилъ просто подъ вліяніемъ возмущенія. Въ самомъ дѣлѣ, чтожъ теперь дѣлать?—въ свою очередь спросилъ онъ.

Это былъ очень важный вопросъ. Вѣдь всѣ надежды возлагались на романъ. Въ счетъ огромнаго гонорара заложено много вещей, надѣлана масса долговъ.

Какъ теперь быть? Приходилось усиленно строчить сонеты, басни и разнаго рода четыре-, шести- и восьмистишія въ юмористическомъ родѣ. Но какой ужъ тутъ юморъ, когда на душѣ кошки скребутъ. Притомъ, сколько ни пиши этихъ пустяковъ, дѣла основательно не поправишь. Вѣдь отъ романа ожидался тысячный гонораръ, а тутъ какіе-то гроши...

И онъ ходилъ, опустивъ голову, напрасно придумывая исходъ. Слѣдовало бы сейчасъ же засѣсть и „навалять" какой-нибудь небольшой очеркъ или повѣсть. Но ничего не приходило въ голову.

а о вдохновеніи не могло быть и рѣчи. Какое тутъ вдохновеніе, когда дѣвочки—Соня и Люба—принуждены питаться одной колбасой да чаемъ и даже похудѣли, бѣдныя.

Между тѣмъ, они не переставали бывать въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“. Въ немъ они находили большое утѣшеніе; Наденька забывала о житейскихъ невзгодахъ, когда кружилась въ вальсѣ; Сергѣй Иванычъ совершенно забывался, когда всходилъ на эстраду и декламировалъ одинъ изъ своихъ сонетовъ. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ забывался и другимъ способомъ. Довольно часто его можно было видѣть въ буфетѣ, засѣдающимъ за столикомъ съ какимъ-нибудь поэтомъ или репортеромъ.

Сочлены, давно уже знавшіе о томъ, что онъ пишетъ большой романъ (объ этомъ зналъ весь кружокъ и даже нѣкоторые изъ публики), часто освѣдомлялись о судьбѣ его произведенія.

— Столкновеніе съ цензурой!.. Ничего не подѣлаешь...— мрачно отвѣчалъ Сергѣй Иванычъ.

— Ну вотъ! Я вамъ говорилъ! Говорилъ вѣдь,—подбѣгалъ къ нему поэтъ Панчинъ:—вотъ вы теперь на себѣ испытали!.. Я же вамъ говорю: у меня семь большихъ поэмъ... Ничего не подѣлаешь!..

Однако, это очень мало утѣшало Степовицкаго. Онъ замѣтно худѣлъ и постоянно былъ мрачно настроенъ. Дома, на что ни взглянетъ, все говорило ему о кризисѣ, о долгахъ, о нищетѣ... А взяться за перо у него не хватало силъ. Наденька втихомолку плакала и часто показывалась съ красными глазами. Это раздражало его въ конецъ... „Не можетъ стоически переносить ничтожныя житейскія невзгоды! Хотя бы не показывала!“ И онъ часто, очень часто уходилъ изъ дому, встрѣчалъ какого-нибудь знакомаго поэта, одного изъ тѣхъ, что, повидимому, безропотно посвятили свою жизнь на борьбу съ цензурой, заходилъ въ портерную и тамъ засиживался за полночь.

А здоровье его, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ разстраивалось. То грудь побаливала, то голова, то такъ—сплинъ какой-то.

Самый критическій моментъ наступилъ, когда хозяева потребовали плату за квартиру. Уже два мѣсяца не платили они. Имъ заявили это въ грубой, оскорбительной формѣ. Это было позорно и такъ продолжаться не могло. Наденька молчала, но на лицѣ ея можно было прочитать укоръ. Весь этотъ день Сергѣй Иванычъ не говорилъ съ нею, но въ душѣ его совершалась ужасная работа. Тамъ происходила отчаянная драка между самолюбіемъ, любовью къ Наденькѣ, къ семьѣ, благоразуміемъ и новой привычкой къ легкой, безпечной жизни... Къ вечеру онъ не выдер-

жалъ и, прижавши голову къ Наденькину плечу, разрыдался. Изъ другой комнаты выбѣжали испуганныя дѣвочки. Никогда прежде ничего подобнаго не было. Всѣ старались успокоить его.

— Что это за жизнь! Что за подлая жизнь!..—рыдая восклицалъ онъ:—Наденька! Я подлецъ, я надувалъ тебя... Нехотя надувалъ... Боялся сказать правду!.. Нѣтъ, не цензура!.. глупая отговорка!.. Цензура ни причемъ! просто, чепуха—этотъ мой романъ, выдумка, сочиненіе!.. Вотъ и все!.. Такъ сказали, такъ оно и есть!.. Изолгался, на каждомъ шагу вѣдь ложь, тщеславіе... И этотъ глупый кружокъ... Что въ немъ? Игра маленькихъ, подленькихъ самолюбій!.. Пошленькое самоуслажденіе неудачниковъ... Господи, какъ все это глупо, низко, пошло!..

Онъ вдругъ поднялся и выпрямился во весь ростъ. На лицѣ его не было уже и слѣдовъ малодушія.

— Работать надо! Спину гнуть! Читать, учиться, наблюдать, разсуждать!.. Правда, Наденька? Будемъ работать скромно, тихо, бросимъ это разыгрыванье непризнанныхъ талантовъ!.. О, Ѳедотъ! Онъ тысячу разъ былъ правъ: талантишко, именно талантишко! Работай и тогда кое-что сдѣлаешь! А вѣдь это что? Это значитъ,—смотрѣть на литературу, какъ на дойную корову!.. Какъ бы мнѣ увидѣть Ѳедота!.. Обнять его!..

Онъ тутъ же написалъ Рябинину письмо, въ которомъ заклиналъ его зайти. Ѳедотъ Семенычъ явился въ тотъ же день вечеромъ, и какъ онъ былъ радъ, когда узналъ, что пріятель, наконецъ, образумился. Они горячо обнялись.

— Хочешь, у насъ освободилась вакансія надзирательская? Я похлопочу!—предложилъ онъ.

Сергѣй Иванычъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе. Трудно ему будетъ, отвыкъ вѣдь онъ отъ работы, излѣнился: эта проклятая легкость жизни, которой онъ научился въ кружкѣ, совсѣмъ сбила его съ толку. Сначала лгалъ по немножку и краснѣлъ, потомъ появилась крупная ложь и краснѣть пересталъ. А въ концѣ концовъ еще распьянствовался. Право, это былъ какой-то кошмаръ, а совсѣмъ не жизнь. Долой все это! Къ чорту!.. И какой пошлой, ничтожной показалась ему его дѣятельность въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“! Вѣдь все это—ни больше, ни меньше, какъ щекотаніе маленькихъ самолюбій, не нашедшихъ удовлетворенія ни на какомъ болѣе существенномъ поприщѣ!.. Вспомнились ему Овчинниковъ и Бѣляевъ... Вѣдь вотъ они же ушли изъ кружка, не смотря на то, что сами основали его. А люди они несомнѣнно талантливые, и въ литературѣ ихъ имена считаются почтенными.

Въ этотъ вечеръ Сергѣй Иванычъ часто подходилъ къ Любѣ и Сонѣ и гладилъ ихъ по головкамъ. „Бѣдныя дѣвочки! васъ совсѣмъ забыли!“—думалъ онъ.

Недѣли три прошло съ этого памятнаго дня. Степовицкіе ни разу не пошли въ кружокъ; за то Өедотъ бывалъ у нихъ почти каждый день, а однаъ разъ привезъ къ нимъ сестру, и они проболтали весь вечеръ. Между тѣмъ, хлопоты его насчетъ надзирательскаго мѣста для пріятеля были удачны. Ему обѣщали.

Въ одномъ изъ своихъ „журнальныхъ обозрѣній“, Кульчинъ рядомъ со многими другими именами писателей, „нѣкогда обнаруживавшихъ присутствіе искры Божіей, иначе говоря, подававшихъ надежды, но не оправдавшихъ оныя“, упомянулъ имя нашего героя и тутъ же поставилъ вопросъ: отчего въ нашей литературѣ такъ много дѣятелей этого рода? И разрѣшалъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Искра Божія есть у всякаго, кому Богъ далъ живую, впечатлительную душу. У всякаго непремѣнно найдется нѣчто такое, что̀ онъ можетъ и хочетъ повѣдать міру. Обыкновенные люди повѣряютъ это „нѣчто“ своимъ друзьямъ, знакомымъ, любимому человѣку—въ минуту откровенности,—потому что они не умѣютъ писать, не владѣютъ перомъ. Тотъ же, кто мало-мальски умѣетъ обращаться съ фразой, берется за перо и сообщаетъ міру свое маленькое нѣчто. И это нѣчто—живое слово, потому что оно прочувствовано, продумано, пережито, потому что оно отъ души и оно производитъ впечатлѣніе таланта. Но сказавъ его, онъ сказалъ все и больше онъ уже ничего не скажетъ, а если скажетъ, то или повторитъ прежнее, или это будетъ нѣчто сухое, холодное, придуманное, бездушное. Этимъ, по нашему, и отличается искра Божія, которая есть у всякой живой души, отъ таланта, который видитъ иными, ему только свойственными очами и видитъ то, чего не видятъ другіе; у котораго всегда найдется сказать что-нибудь свое по поводу всякаго, съ виду незамѣтнаго явленія. Вотъ отчего такъ густы ряды „подающихъ надежды“, но никогда не оправдывающихъ оныя“.

Прочитавъ эту тираду, авторъ „Улиты“ впалъ въ глубокую задумчивость. Ужъ не правъ ли въ самомъ дѣлѣ Кульчинъ? Не принадлежитъ ли и онъ, авторъ „Улиты“, къ тѣмъ, у которыхъ хватило „искры Божіей“, чтобы сказать свое маленькое нѣчто и потомъ замолкнуть навсегда? Онъ долго думалъ на эту тэму.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — порывисто промолвилъ онъ, съ

силой ударивъ кулакомъ по столу.—Я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что мое „нѣчто“ еще не все сказано, что я могу еще кое-что повѣдать міру!.. Работать тихо, скромно, терпѣливо, согнувши спину! Смотрѣть на литературу, какъ на храмъ великому, прекрасному и правдивому Богу, а не какъ на выгодную, доходную статью!

Работать, работать, работать!

Таково было его рѣшеніе. А что изъ этого выйдетъ,—мы не знаемъ.

И. Потапенко.

ПЕЧЕНГСКІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ РУССКОЙ ЛАПЛАНДІИ.

Kiostrte i Petschenga Skildringer fra Russisk Lapland, af J. A. Friis.

Окончаніе *)

V.

Друзья Амвросія.

Въ Амвросіѣ было нѣчто такое, что привлекало къ нему всѣхъ. Сѣдовласый старецъ игуменъ Гурій любилъ его какъ сына. Въ средѣ монастырской братіи онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Въ особенности преданы были ему двое изъ жившихъ близъ монастыря инородцевъ, знакомый уже намъ Уннасъ и Юсси, родомъ квенъ [1]). Уннаса Амвросій, какъ было сказано, спасъ отъ смерти, дружбу же Юсси онъ пріобрѣлъ совершенно инымъ путемъ. Въ первый разъ онъ увидѣлъ его въ то время, какъ тотъ готовился бить свою жену. Амвросій остановилъ его, но когда тотъ не слушался, схватилъ его за грудь. Это взбѣсило квена и онъ ударилъ Амвросія и между ними, обладавшими какъ тотъ, такъ и другой значительною силою, завязалась драка. Квенъ былъ крѣпкаго, коренастаго сложенія, какое нерѣдко встрѣчается среди этого племени, и разъ задѣтый за живое, онъ презиралъ всякую опасность и скорѣе готовъ былъ пожертвовать жизнію, чѣмъ признать себя побѣжденнымъ или измѣнить свое намѣреніе. Таковъ

---

*) См. выше: іюль, 253 стр. Смѣсь финской крови съ лопарскою. (Пр. переводчика).

квенъ въ работѣ, на морѣ, въ дракѣ. Разъ квенъ принялся за что-либо серьезно, никакая сила не можетъ заставить его оставить начатое. Какъ въ дружбѣ, такъ и во враждѣ, какъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, такъ и въ злыхъ, квенъ постояненъ. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ противоположность съ лопаремъ, который на нѣкоторое время можетъ быть расторопнѣе и живѣе его, но далеко не такъ терпѣливъ и выносливъ. Квенъ гибокъ и твердъ, какъ сталь, и по своей дикой, волчьей натурѣ способенъ хладнокровно совершать самые звѣрскіе поступки.

Благодаря, однако, своей ловкости и хладнокровію Амвросію удалось сильными ударами кулака, ибо никакого другого оружія не имѣлось, сбить съ ногъ своего противника.

— Сдаешься ли?—закричалъ онъ, сдавливая ему грудь колѣнами.

— Никогда, ни за что!

Амвросій сильно стиснулъ ему горло и чуть не задушилъ его.

— Ну, проси теперь пощады.

— Нѣтъ,—прохрипѣлъ квенъ, стараясь освободиться.

— Ну такъ вставай,—отвѣчалъ Амвросій, начинавшій не на шутку сердиться,—я еще разъ покажу тебѣ, что я сильнѣе тебя.

Квенъ быстро вскочилъ, и драка возобновилась. Чрезъ нѣсколько времени онъ вновь полетѣлъ на землю, увлекая за собой Амвросія.

— Сдаешься ли теперь, хочешь ли мириться?—спрашивалъ тотъ, насѣдая на него.

Квенъ молчалъ.

— Дикій ты звѣрь, но въ твоемъ упрямствѣ есть, по моему, хорошая черта; ты, кажется, можешь быть хорошимъ другомъ. Заключимъ же союзъ, оставимъ ссору, будемъ друзьями на всю жизнь, до гроба. Хочешь?

— Согласенъ,—простоналъ квенъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, между тѣмъ какъ слезы выступили у него на глазахъ.

— Тогда вставай и давай руку,—сказалъ Амвросій.

Съ этого дня Юсси сдѣлался другомъ Амвросія, поступокъ котораго впервые заронилъ въ душу дикаря понятія о благородствѣ. Даже отношенія Юсси къ Уннасу улучшились подъ вліяніемъ Амвросія.

Правда, Уннасъ не спускалъ ни одной каверзы, которыя Юсси ему устраивалъ, но расправлялся съ нимъ уже не такъ жестоко, не такъ сильно пускалъ въ ходъ свои могучіе кулаки.

Слѣдующій случай лучше всего, можетъ быть, обрисуетъ гру-

шаюсь разсказать его читателю лишь для того, чтобы нагляднѣе представить характеръ новаго друга Амвросія.

Юсси жилъ въ своемъ домѣ вблизи монастыря. Разъ какъ-то по веснѣ неподалеку отъ дома спустилось на отдыхъ стадо дикихъ гусей, между которыми былъ одинъ съ подшибеннымъ крыломъ. Дѣти Юсси, мальчикъ и дѣвочка, поймали бѣднягу и заперли его въ сарай, дали ему корму и воды. Гусь скоро оправился и такъ привыкъ къ дѣтямъ, что бѣгалъ за ними по полю. Дѣти очень полюбили его, навязывали ему на шею красныя ленточки, устроили ему особое мѣсто въ сараѣ, куда запирали его на ночь. Цѣлую зиму проживалъ онъ у нихъ.

На слѣдующую весну снова пролетала надъ домомъ стая гусей. Дѣти со своимъ любимцемъ были на дворѣ и онъ привѣтствовалъ крикомъ своихъ старыхъ товарищей. Одинъ откликнулся ему и стадо закружилось надъ домомъ. Домашній гусь расправилъ крылья и попробовалъ полетѣть. Опытъ удался. Съ крикомъ радости присоединился онъ къ товарищамъ, къ великому горю и досадѣ бѣдныхъ дѣтей! Лѣтомъ его уже болѣе не видали, но осенью, когда потянулись къ югу стада всякой перелетной птицы, стадо дикихъ гусей вновь спустилось передъ домомъ и направилось къ стоявшимъ на дворѣ дѣтямъ. Впередъ стада шла гордо большая гусыня съ красной лентой на шеѣ. Га, га, га,—кричала она, какъ будто хотѣла сказать: „здравствуйте, вотъ я снова съ вами, а вотъ и мои дѣти"! Все стадо за нею прошло чрезъ дворъ и остановилось передъ сараемъ. Внѣ себя отъ радости дѣти побѣжали къ Юсси, спѣша разсказать, что милый их Хенни, такъ звали они своего гуся, снова пришелъ къ нимъ и пошелъ на свое старое мѣсто съ гусенятами.

— Пусть идутъ, пусть идутъ,—отвѣчалъ Юсси—не пугайте ихъ.

Гусыня вошла со своимъ стадомъ въ сарай. Она уже, вѣроятно, не разъ разсказывала своимъ дѣтямъ, что знаетъ она на этомъ длинномъ пути отъ полюса до экватора одно хорошее мѣстечко, гдѣ сладко можно отдохнуть часокъ, другой. Бояться тутъ нечего, всѣ ей знакомы, живутъ тамъ милые маленькіе дѣти, которые никакого зла имъ не сдѣлаютъ, а напротивъ, дадутъ имъ еще поѣсть, и они могутъ спокойно провести ночь въ сараѣ, гдѣ она прожила цѣлую зиму. Даже еслибы кому-нибудь изъ нихъ не захотѣлось летѣть до Африки, онъ смѣло можетъ остаться тамъ. Ни одинъ изъ этихъ пернатыхъ путешественниковъ никогда не видывалъ еще людей и потому всѣ они довѣрчиво шли за матерью.

Какъ только послѣдній гусь вошелъ въ сарай, Юсси быстро вбѣжалъ за ними и захлопнулъ за собою двери. Вѣроятно, онъ хотѣлъ полюбоваться ими, погладить стараго знакомца, который спокойно стоялъ среди стада, довѣрчиво смотрѣлъ на него и какъ бы ждалъ ласки? Нѣтъ совсѣмъ не то было въ мысляхъ Юсси, злое дѣло задумалъ онъ.

Сердито схватилъ онъ ножъ и началъ рѣзать головы гусямъ, не исключая и стараго друга съ красною ленточкою на шеѣ, нисколько не обращая вниманія на дѣтей, которыя, предчувствуя бѣду и слыша испуганное гоготанье гусей въ сараѣ, жалобно кричали отцу чрезъ двери:—„отецъ милый, не рѣжь ихъ, не рѣжь Хенни, оставь ее намъ, отпусти ее, она сестра наша!"

Съ окровавленными руками Юсси вышелъ изъ сарая. Онъ перерѣзалъ всѣхъ и въ тотъ же день продалъ ихъ въ монастырь, но не разсказывалъ, какъ онъ досталъ этихъ гусей. Ему было стыдно Амвросія.

Уннасъ этого бы не сдѣлалъ. Онъ оставилъ бы по крайней мѣрѣ въ живыхъ стараго гуся изъ состраданія или изъ разсчета, что, можетъ быть, онъ еще разъ доставитъ ему возможность получить такую добычу.

Насколько жестоко обошелся Юсси съ такими беззащитными существами, какъ гуси, настолько же безстрашно повстрѣчался онъ однажды и съ медвѣдемъ. Въ борьбѣ съ этимъ звѣремъ участвовали всѣ три друга. Происходило это слѣдующимъ образомъ.

У Юсси былъ глубокій шрамъ отъ раны на правой рукѣ между большимъ и указательнымъ пальцемъ. Этотъ шрамъ для него былъ воспоминаніемъ объ Амвросіѣ. Въ одно изъ путешествій ихъ по тундрѣ они совершенно неожиданно повстрѣчались съ медвѣдемъ. Увидя ихъ, звѣрь поднялся на заднія лапы и пошелъ на Амвросія, у котораго ничего не было въ рукахъ, кромѣ топора. Юсси подошелъ сзади къ медвѣдю и сдавилъ ему шею руками изо всей силы, такъ что полузадушенный звѣрь опрокинулся на него. Амвросій взмахнулъ топоромъ, чтобы разсѣчь медвѣдю черепъ, но или топоръ былъ тупъ, или ударъ былъ не вѣренъ, только остріе скользнуло по головѣ звѣря и разсѣкло руку Юсси. „Бей его обухомъ", кричалъ тотъ, не теряя присутствія духа, и продолжалъ давить звѣря за глотку, пряча въ то же время свою собственную голову отъ пасти разъяреннаго животнаго. Сильный ударъ обухомъ свалилъ звѣря и въ то же самое время подоспѣвшій на мѣсто борьбы Уннасъ всадилъ въ бокъ звѣрю свой длинный лопарскій ножъ. Еще ударъ, и звѣрь растянулся мертвый. Слѣдъ отъ раны остался навсегда у Юсси,

но эта борьба еще болѣе сблизила и сдружила его съ Амвросіемъ.

Чтобы дать понятіе также и о характерѣ другого друга, лопаря, я приведу здѣсь одинъ отрывокъ изъ лопскихъ разсказовъ, не имѣющій, впрочемъ, никакой связи съ настоящею повѣстью.

Уннасъ былъ единственный сынъ. Его мать рано умерла и отецъ души не чаялъ въ своемъ ребенкѣ, который былъ ему дороже всего на свѣтѣ. Но на 20-мъ году Уннасъ такъ опасно заболѣлъ, что не надѣялись уже на его выздоровленіе.

Уннасъ былъ окрещенъ въ Печенгскомъ монастырѣ. Отецъ же его былъ язычникъ. Онъ не соглашался принять крещеніе, говоря, что желаетъ умереть по вѣрѣ своихъ предковъ. Онъ былъ притомъ же свѣдущъ въ гаданіяхъ и имѣлъ свои руны или особый таинственный бубенъ, къ которому обращался во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Когда Уннасъ занемогъ, отецъ тотчасъ отправился съ жертвоприношеніемъ къ одному изъ своихъ любимѣйшихъ боговъ, стоявшему въ видѣ грубо обтесаннаго камня, обложеннаго грудой оленьихъ роговъ въ березнякѣ на рѣкѣ Княжухѣ.

Но жертва не помогла. Сыну становилось хуже и хуже. Старикъ сильно тосковалъ и начиналъ опасаться, что причина болѣзни была сверхъестественная. По стариннымъ вѣрованіямъ финновъ болѣзни, угрожающія опасностію жизни человѣка, часто происходятъ отъ того, что какой-либо изъ родственниковъ, умершій отъ этой болѣзни, зоветъ къ себѣ больного на помощь или желаетъ имѣть его своимъ собесѣдникомъ на томъ свѣтѣ. По понятіямъ лопарей о загробной жизни, умершіе живутъ точно также какъ и на землѣ, со всѣмъ своимъ обиходомъ, со своими оленями, и съ тою лишь разницею, что они избавлены тамъ отъ своихъ злѣйшихъ враговъ—волковъ и колдуновъ.

Поэтому въ случаѣ какой-либо серьезной болѣзни, появившейся безъ ясно видимой причины, считалось необходимымъ умилостивить жертвою того или другого умершаго родственника.

Андрей совѣтовался со своей руною и старался различными жертвами возбудить состраданіе въ своихъ умершихъ родственникахъ, но сынъ все-таки чувствовалъ себя плохо и лежалъ въ бреду. Тогда обратился бѣдный отецъ къ своему тестю, который былъ еще болѣе свѣдущъ въ заклинаніяхъ, прося его погадать на рунѣ и указать, какая требовалась въ этомъ случаѣ искупительная жертва.

Тесть пришелъ и совершилъ всѣ возможныя жертвоприношенія. Закололъ, наконецъ, цѣлаго оленя, а дѣло не улучшалось.

Достали кошку, ибо это животное обыкновенно считается самою угодною жертвою, закололи ее, но и это не помогло. Отецъ въ отчаяніи не отходилъ отъ постели сына, между тѣмъ какъ тесть продолжалъ вертѣть руну, но таинственный кругъ останавливался непремѣнно на томъ мѣстѣ, которое означало царство мертвыхъ. Жертвы, молитвы, заклинанія—все было тщетно.

Тогда рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему, крайнему средству. Тесть долженъ былъ самъ сходить въ царство тѣней и переговорить съ тѣнью умершаго родственника. Съ различными таинственными обрядами и наговорами, при помощи особаго одуряющаго питья, колдунъ впалъ въ безсознательное состояніе и оставался въ этомъ положеніи около получаса, между тѣмъ, какъ его душа витала въ загробномъ мірѣ.

Со страхомъ слѣдилъ за нимъ Андрей, и когда тотъ пришелъ въ себя, онъ голосомъ, полнымъ отчаянія, обратился къ нему:

— Ну, чего требуетъ „Ябмекъ“ (умершій)?

— Онъ требуетъ себѣ немедленно въ жертву лошадь или, если ея нѣтъ, то желаетъ человѣческой жертвы,—отвѣчалъ тесть.

Условіе было тяжелое. Достать немедленно лошадь было немыслимо, ну а кто же тогда согласится отдать свою жизнь за спасеніе его сына?

Въ этомъ безъисходномъ положеніи отецъ рѣшился самъ пожертвовать жизнію и идти къ усопшему родственнику, лишь бы только остался живъ его сынъ.

„Если сынъ мой умретъ,—думалъ онъ,—не будетъ у меня уже никакой отрады въ жизни. Я старъ и не много остается мнѣ жить. Отчего же не умереть мнѣ самому, если сынъ мой будетъ отъ этого жить долго и счастливо“.

И вотъ рѣшившись покончить съ собою, обнялъ онъ сына, отправился въ темную ночь къ своему идолу и палъ къ его подножію.

И совершилось чудо, гласитъ преданіе. На утро сыну стало легче, онъ поправился, но отецъ лежалъ мертвый въ лѣсу предъ идоломъ.

Уннасъ, какъ водится, принесъ на могилѣ отца въ жертву взрослаго оленя, ибо у православнаго лопаря существуетъ убѣжденіе, что всякому человѣку, мужчинѣ или женщинѣ, молодому и старому, даже самому страшному преступнику Богъ даетъ семь дней, въ теченіе которыхъ онъ послѣ смерти объѣзжаетъ на жертвенномъ оленѣ всѣ тѣ мѣста, которыя ему были знакомы при жизни. Тамъ онъ какъ бы снова переживаетъ всю свою

жизнь въ это короткое время, вспоминаетъ всю ее съ самаго дѣтства. Вспоминаетъ о всѣхъ пережитыхъ имъ радостяхъ и печаляхъ, объ испытанной имъ любви или ненависти, вспоминаетъ дружбу и вражду; худое и доброе, все проносится, мелькаетъ передъ нимъ. Его душа посѣщаетъ самыя отдаленныя, потаенныя мѣста, чтобъ остановиться здѣсь на мгновеніе и дать усопшему возможность припомнить, раскаяться, простить, или помолиться о прощеніи какого-либо дурного поступка. Когда снова вся жизнь припомнилась, промелькнула передъ глазами, усопшій предстаетъ передъ судомъ Божіимъ и слышитъ праведный судъ надъ собою.

VI.

Разгромъ монастыря шведами [1]).

Происходившая между Іоанномъ III, королемъ шведскимъ, и царемъ Θедоромъ Ивановичемъ война была пріостановлена перемиріемъ, заключеннымъ на 4 года въ 1585 и 1590 г.; но мелкія стычки на границахъ Финляндіи и Кореліи не прекращались. Въ началѣ 1589 года корелы вторглись въ Финляндію, со стороны Каяны, вслѣдствіе чего финны вскорѣ въ свою очередь напали на Корелію.

Они спустились на лодкахъ по р. Ковдѣ числомъ до 700 человѣкъ, разграбили и сожгли Ковду, Умбу, Кереть и другія расположенныя по морскому берегу корельскія селенія, затѣмъ пошли къ югу въ Кемскую волость и разграбили всю ее. Оттуда они повернули назадъ въ рѣку Кемь.

Соловецкая рать числомъ въ 1,300 человѣкъ вторглась за ними въ Финляндію и выжгла много селеній.

Финны въ свою очередь около святокъ снова предприняли походъ, но въ этотъ разъ уже не на востокъ въ Корелію, а на сѣверъ, къ границамъ русской Лапландіи, къ беззащитнымъ погостамъ Энаре, Позрѣку, Печенгѣ, въ Ура-губу и въ Колу.

Эта шайка финновъ, численность которой въ лѣтописяхъ не

---

[1]) Авторъ въ примѣчаніи къ этой главѣ указываетъ на то, что многими разрушеніе монастыря относится къ 1590 году, но, по его мнѣнію, оно произошло въ 1589, потому что письмо изъ Вардэ, въ которомъ разсказано это событіе, помѣчено августомъ 1590 г., а такъ какъ событіе случилось на Рождествѣ, то и должно быть относимо къ предшествующему году.

Авторъ, замѣтимъ мы, очевидно забываетъ, что въ то время новый годъ у насъ начинался не съ января, а съ сентября и его разсчетъ намъ кажется ошибочнымъ. (Прим. переводчика).

опредѣлена, направилась изъ предѣловъ каянской земли прежде всего, по всей вѣроятности, къ Энаре, называемому въ старинныхъ шведскихъ документахъ Innier. Здѣсь они убили одного норманна по имени Tykum Thudesen, платившаго дань Даніи, Швеціи и Россіи.

Отъ Энаре они двинулись, вѣроятно, по р. Пасвигу къ Позрѣцкому погосту, гдѣ стояла часовня, выстроенная пр. Трифономъ въ память св. Бориса и Глѣба, и убили здѣсь 4 мужчинъ, 3 юношей и 1 женщину. Между убитыми юношами одного звали Микель Оттесенъ (судя по имени норманнъ), а женщина называлась Одитта Андріасдаттеръ, также, повидимому, норвежка. Замѣчательно, что они оставили нетронутою часовню, между тѣмъ какъ повсюду въ другихъ мѣстахъ обыкновенно жгли всѣ церкви и дома.

Изъ Пасвига они поплыли по морю въ Волоковую губу (Bomeni) на Рыбачьемъ полуостровѣ. Въ средствахъ передвиженія по океану они, вѣроятно, не встрѣчали затрудненій, такъ какъ въ Позрѣцкой губѣ была устроена монастырская верфь.

Свѣденій о числѣ убитыхъ и о разрушенныхъ финнами въ Волоковой губѣ монастырскихъ постройкахъ не имѣется, ибо, какъ говорится въ одномъ норвежскомъ документѣ, хранящемся въ норвежскомъ государственномъ архивѣ и помѣченномъ: Вардэ, 7-го августа 1590 г., „никого тамъ не было, когда туда по обыкновенію послѣ рождественскихъ праздниковъ пріѣхалъ фогтъ для сбора податей“.

Изъ Волоковой они пошли въ губу Печенгу, гдѣ была монастырская верфь. Всѣ суда, которыя они не могли забрать съ собою, они предали огню, равно какъ и стоявшую здѣсь церковь Пресвятой Дѣвы Маріи, предварительно ограбивъ ее. Отсюда финны поднялись вверхъ по рѣкѣ къ монастырю.

Сюда пришли они въ ночь на Рождество 1590 г. во время всенощной, когда Амвросій готовился принять постриженіе.

Большая часть братіи присутствовала при богослуженіи, равно какъ и всѣ монастырскіе послушники и слуги. Пять монаховъ находились въ отсутствіи и такимъ образомъ избѣжали смерти отъ вражьяго меча. Вѣсть о нашествіи финновъ, конечно, дошла до монастыря и въ немъ на случай нападенія были приняты необходимыя мѣры обороны, но, вѣроятно, не ожидали, чтобы нападеніе было произведено въ Рождественскую ночь.

Торжественный обрядъ начался и около 10 часовъ вечера Амвросій стоялъ уже въ притворѣ храма, гдѣ, согласно уставу, онъ долженъ былъ покинуть свою обычную одежду и остаться

босымъ въ одной рубашкѣ въ знакъ оставленія имъ всего земного и въ знакъ своего возрожденія въ жизни духовной.

Затѣмъ вся монастырская братія приблизились къ нему съ зажженными свѣчами въ знакъ освященія смятенной души его.

. . . .

Обрядъ постриженія подходилъ къ концу, какъ вдругъ, часовъ около 11, съ крикомъ: „враги у воротъ!" въ церковь вбѣжала въ страхѣ толпа монастырскихъ слугъ, и въ то же время до слуха братіи долетѣли удары топоровъ въ толстыя бревна монастырской ограды.

И вдругъ торжественную тишину, съ которою совершался обрядъ, смѣнило невообразимое смятеніе. Монастырскіе слуги бросились изъ церкви и разбѣжались по кельямъ, ища оружія или спасенія.—Враги, разломавъ ворота, ворвались между тѣмъ въ ограду, безъ труда опрокинули встрѣтившую ихъ горсть плохо вооруженныхъ защитниковъ обители и погнали ихъ частію къ церкви, частію къ монастырскимъ службамъ, избивая всѣхъ, кто попадался на дорогѣ, захватывая то, что̀ казалось имѣющимъ какую-либо цѣнность, и поджигая строенія.

Между тѣмъ, монахи съ нѣсколькими служками собрались въ церкви. Толпа разбойниковъ съ своимъ предводителемъ во главѣ бросилась къ храму, но онъ оказался запертъ. Тогда окруживъ церковь со всѣхъ сторонъ, чтобы никто не вышелъ изъ нея, они принялись разбивать толстыя входныя двери, зная, что въ церкви находятся всѣ сокровища, собрана вся монастырская казна и есть, чѣмъ поживиться.

Между тѣмъ, кельи и службы горѣли. Дымъ наполнялъ церковь, охватывая осажденныхъ и осаждающихъ. Церковныя двери не долго, конечно, могли противиться натиску. Враги съ шумомъ вломились въ церковь, гдѣ окруженный иноками въ черныхъ монашескихъ одѣяніяхъ старецъ Гурій стоялъ на колѣняхъ и молилъ злодѣевъ пощадить беззащитную братію, высоко поднявъ передъ врагами золоченый крестъ, который былъ тотчасъ же вырванъ изъ его рукъ предводителемъ шайки, и обезглавленное тѣло старца залило кровью церковный помостъ. Затѣмъ началась рѣзня беззащитныхъ иноковъ.

Но былъ одинъ, вступившій въ бой съ врагами. Это былъ Амвросій. Улучивъ минуту, онъ вбѣжалъ въ алтарь, надѣлъ панцырь и схватилъ мечъ. Въ этомъ вооруженіи онъ бросился на встрѣчу врагамъ и остановилъ ихъ безчеловѣчную погоню за иноками. Обративъ на себя одного ярость извергов и прислонившись спиной въ иконостасу, отчаянно отбивался онъ отъ враже-

скихъ ударовъ, окруженный тѣлами убитыхъ и раненыхъ братьевъ, кровь которыхъ текла ручьями по церкви.

Вдругъ неожиданно изъ алтаря выскочилъ кто-то и всталъ къ нему на помощь. Это былъ другъ его, силачъ Юсси. Онъ проникъ въ церковь чрезъ потаенную дверь и такъ отчаянно махалъ теперь своей желѣзной палицей, что враги попятились отъ него назадъ, но затѣмъ, какъ новый налетѣвшій вихрь, окружили его. Смертельно раненый, онъ обернулся къ Амвросію и, падая въ изнеможеніи, успѣлъ шепнуть ему: „Бѣги, Уннасъ ждетъ, потаенною дверью"... Амвросій отскочилъ отъ враговъ въ сторону и вбѣжалъ въ алтарь, захлопнувъ за собою двери. Это мгновеніе спасло его. Въ ту же минуту изъ потайной двери высунулось страшно испуганное лицо Уннаса.

— Сюда, сюда,—звалъ онъ его, дрожа какъ листъ.

Сильный ударъ вышибъ дверь изъ иконостаса, въ то время, какъ Амвросій спустился въ потайной ходъ, такъ что враги не могли замѣтить, куда онъ скрылся. Но для того, чтобы выбраться за монастырскую ограду, Уннасу и Амвросію предстояло еще пробѣжать черезъ горѣвшія службы.

Уннасъ проскочилъ первый и благодаря своей одеждѣ и толстой шапкѣ отдѣлался очень счастливо, но за то Амвросій, бѣжавшій съ открытой головою, сильно обжегъ себѣ лицо, хотя прыгая въ огонь и закрывался руками.

Они выбѣжали калиткою за ограду и бѣжали теперь вдоль ея въ дыму и во мракѣ ночи къ рѣкѣ, въ то время какъ разбойники грабили алтарь.

Добѣжавъ до рѣки, Уннасъ, бросивъ Амвросію конецъ веревки, прыгнулъ на льдину и, перескакивая съ одной на другую, добѣжалъ до островка, лежащаго посрединѣ рѣки. Амвросій, болѣе тучный, не могъ равняться съ лопаремъ въ умѣньѣ прыгать. Утомленный боемъ, израненый, почти слѣпой, онъ то и дѣло оступался и проваливался въ воду, но съ помощью обвязанной кругомъ стана веревки, другой конецъ которой держалъ Уннасъ, онъ вновь выбирался на льдины и наконецъ добрался до острова, гдѣ лопарь укрылъ его въ стоявшей тамъ землянкѣ.

На рѣкѣ Печенгѣ, противъ того мѣста, гдѣ былъ монастырь, посрединѣ рѣки лежатъ, вѣроятно, и теперь, если ихъ не смыло теченіемъ, два островка, и въ вардэскомъ документѣ, о которомъ мы упоминали выше, такъ и записано: „На этихъ двухъ островкахъ стояли двѣ землянки, которыя остались не тронутыми, ибо шведы не могли дойти до нихъ".

спасены. Изъ своего убѣжища они видѣли, какъ загорѣлась церковь, какъ пламя обхватило весь монастырь и слилось въ одно огненное море.

На слѣдующій день, въ Рождество, отъ монастырской церкви, службъ, дворовъ, амбаровъ и мельницы остались однѣ дымящіяся развалины. Все, что было цѣннаго, разбойники разграбили и унесли съ собою. Остальное сожгли.

Въ вардэскомъ документѣ поименно перечислены убитые монахи. Всего ихъ насчитывается 41. „Вышеозначенные шведы,—говорится въ этомъ документѣ,—убили до смерти монаховъ печенгскаго (Pesantz) монастыря: игумена Гурія, трехъ іеромонаховъ, по имени. Packum (Пахомій?), Foser (?) и Jonno (Іона?) съ иноками:.. Nakarij, Phefyl, Annodij, Annopher", и проч. (Макарій, Ѳеофилъ, Геннадій, Онофрій и т. д.).

Равнымъ образомъ записаны и имена убитыхъ послушниковъ или міранъ. Ихъ считается 51.

По другимъ источникамъ убитыхъ было 51 монахъ и 65 міранъ, а по нѣкоторымъ и еще больше.

Большинство изъ вышеприведенныхъ именъ, какъ не трудно замѣтить, русскія; два-три имени только звучатъ, можетъ быть, по-фински или по-норвежски.

На скотномъ дворѣ убиты были двѣ женщины, кажется, Акулина и Афимья (Kyllenna og Feflemi).

Алчность грабителей была насыщена и они повернули назадъ въ губу, откуда опрокинулись на Urze, вѣроятно на Уру-губу, и здѣсь убили 5 мужчинъ, 3 юношей, 5 женщинъ, и 4 дѣвочекъ. Сохранились слѣдующіе имена убитыхъ: Jörgen, Iffersen, Iver, Ottesen и Thimofe Mickelsen, повидимому, норвежцевъ. Между женщинами была одна по имени: Marin Iffuans Datter, также, кажется, норвежка.

Имена остальныхъ, кажется, русскія. Шайка грабителей не щадила ни мужчинъ, ни женщинъ, но избивала все, что попадалось ей на встрѣчу. Изъ Уры они направились уже къ довольно укрѣпленному, въ то время, Кольскому Острогу. Сюда пришли они на третій день Рождества, но осажденные жители сдѣлали вылазку и хищники были отбиты: 60 изъ нихъ пали на мѣстѣ, остальные обратились въ бѣгство на лодкахъ по рѣкѣ Туломѣ, добрались до Нотъ-Озера и скрылись, вѣроятно, въ предѣлахъ Каянской земли, откуда вышли. По крайней мѣрѣ о дальнѣйшемъ набѣгѣ ихъ свѣденій не имѣется.

Можетъ быть, что кромѣ Амвросія и Уннаса еще нѣсколько

человѣкъ спаслось бѣгствомъ отъ огня и меча, но преданіе не сохранило памяти объ нихъ.

Теперь Амвросій лежалъ больной на сложенныхъ прутьяхъ въ землянкѣ съ повязкою на глазахъ. Ему опалило волосы. На лицѣ и на рукахъ были такіе страшные обжоги, что его трудно было узнать. На другой день Уннасъ отправился на пожарище. Ночью сильно подморозило и ему уже не составляло никакого труда перебраться по льду на берегъ. На мѣстѣ монастыря валялись тлѣвшіеся остатки бревенъ да полуобгорѣлые трупы убитыхъ.

Часть одеждъ и вещей монастырскихъ были раскиданы на снѣгу и служили, вѣроятно, разбойникамъ постелями въ эту страшную ночь. Можетъ быть, они сначала намѣревались захватить ихъ съ собою, но потомъ бросили. Уннасъ подобралъ нѣкоторыя изъ нихъ и снесъ на островъ, чтобы сколько-нибудь получше устроиться тамъ съ Амвросіемъ.

Скотный дворъ былъ сожженъ, животныя перебиты. Часть убитаго скота грабители взяли съ собою, часть побросали въ огонь.

Амвросій и Уннасъ, однако, не терпѣли нужды въ пищѣ. На островѣ былъ порядочный запасъ соленой рыбы. Лѣтомъ монахи ставили около острововъ снасти (гарвы) для ловли семги и, можетъ быть, не рѣдко живали здѣсь по нѣскольку дней вмѣстѣ со слугами. Въ землянкѣ, кромѣ того, имѣлся котелокъ и нѣсколько кухонныхъ принадлежностей, такъ что ни замерзнуть, ни умереть съ голода до прихода людей бояться имъ было нечего.

Чрезъ нѣсколько дней возвратились бывшіе въ отлучкѣ монахи и къ своему ужасу нашли одни развалины отъ монастыря, да обгорѣвшіе трупы своихъ товарищей. Они нашли себѣ пріютъ въ банѣ, стоявшей не вдалекѣ отъ монастыря. Она случайно уцѣлѣла или не была замѣчена разбойниками.

VII.

Свиданіе.

Кому неизвѣстно, сколько странниковъ и богомольцевъ ежегодно проходитъ по святой Руси изъ конца въ конецъ, на поклоненіе святымъ мѣстамъ, мирнымъ обителямъ и угодникамъ божіимъ, ища душевнаго исцѣленія или исполняя обѣтъ, данный Богу при какомъ-либо особомъ случаѣ жизни.

Этотъ вѣковой обычай подвижничества глубоко чтится народомъ. „Божій странникъ или странница“, „доброхотъ“ въ глазахъ православнаго человѣка, въ особенности въ прежнее старое время, считался личностью святою, неприкосновенною. Принятіе такого человѣка въ свой домъ давало надежду на особую благодать божью. Обидѣть странника, значитъ впасть въ тяжкій постыдный грѣхъ. Люди, привязанные къ своему мѣсту жительства, поручали странникамъ исполнять различные обѣты, просили помолиться о душѣ ихъ и о своихъ усопшихъ родственникахъ, надѣляли ихъ на дорогу деньгами, смотря по своему состоянію. Нерѣдко со странниками посылались вклады въ монастыри съ полною увѣренностію, что странникъ если не умретъ то донесетъ вкладъ по назначенію.

Соловецкая обитель до сихъ поръ остается великимъ богомольемъ русской земли. Теперь пароходы довозятъ богомольцевъ въ монастырь изъ Архангельска, изъ Сумы, изъ Онеги, а въ прежнее время средства сообщенія были далеко не такъ удобны. Добраться до Соловокъ было само по себѣ уже великимъ подвигомъ, но ревностные богомольцы не останавливались на этомъ. Нерѣдко они предпринимали отсюда далекое странствіе черезъ Лапландію на Колу, а отсюда на р. Печенгу въ извѣстный по своей крайней отдаленности монастырь пр. Трифона, гдѣ покоится тѣло этого угодника.

Такъ было и въ 1590 году. Небольшая горсть паломниковъ достигла Колы въ то самое время, какъ финско-шведская шайка, разоривъ монастырь и потерпѣвъ неудачу подъ Колою, устремилась вверхъ по р. Туломѣ.

Между странниками были богатые и бѣдные, женщины и мужчины. Изъ Колы они отправились на Печенгу пѣшкомъ или на оленяхъ, на которыхъ крещеные лопари охотно перевозили ихъ задаромъ или за какое-нибудь вознагражденіе. О разрушеніи монастыря еще ничего не было извѣстно.

Легко представить себѣ удивленіе и страхъ, объявшіе бѣдныхъ путниковъ, когда вмѣсто красиваго богатаго монастыря, расположеннаго на высокомъ берегу рѣки, по льду которой они шли теперь, предъ ихъ глазами открылась одна безжизненная тундра, съ обгорѣлыми остатками построекъ и обезображенными человѣческими тѣлами.

Возвратившіеся на мѣсто обители монахи, жившіе, какъ сказано въ банѣ, не успѣли еще убрать тѣлъ убитыхъ, и теперь пришедшіе богомольцы помогали имъ въ этомъ.

Въ средѣ странницъ находилась Анюта. Освободившись послѣ смерти Өедорова отца изъ заточенія въ монастырѣ, она подъ ви-

домъ богомолки отправилась на поиски своего друга и благодѣтеля. Встрѣтившись здѣсь, на развалинахъ Печенгскаго монастыря, съ лопаремъ Уннасомъ, она открыла наконецъ убѣжище Амвросія и нашла его лежащимъ въ темной землянкѣ на островѣ рѣки Печенги, страдающимъ отъ обжоговъ. Лежа съ завязаннымъ лицомъ и глазами, Амвросій не могъ видѣть Анюты, но тотчасъ узналъ ее по голосу. Благодаря заботамъ Анюты, Амвросій скоро выздоровѣлъ и могъ возвратиться съ нею на родину. Такъ какъ обрядъ постриженія надъ нимъ не былъ совершенъ вполнѣ и онъ вслѣдствіе того остался міряниномъ, то онъ женился на Анютѣ и поселился съ нею въ усадьбѣ своей матери.

Въ преданіи о разрушеніи Печенгскаго монастыря сохранилось сказаніе о спасеніи монаха отъ вражьяго меча, о бѣгствѣ его на островъ черезъ рѣку Печенгу, о чудесномъ исцѣленіи его здѣсь отъ ранъ. Преданіе передаетъ это послѣднее событіе въ томъ видѣ, что ангелъ Божій каждую ночь сходилъ къ нему и возлагалъ руки свои на его глаза до тѣхъ поръ, пока онъ не выздоровѣлъ и къ нему снова не возвратилось зрѣніе.

Вотъ этимъ-то преданіемъ Фрисъ воспользовался для вышеприведеннаго разсказа о свиданіи Анюты съ Амвросіемъ.

Въ заключеніи повѣсти Фриса о Печенгскомъ монастырѣ приведена краткая хроника существованія этой обители по ея возобновленіи.

Когда слухъ о разгромѣ Троицко-Печенгскаго монастыря дошелъ до царя, благочестивый Өедоръ Ивановичъ былъ очень опечаленъ этою вѣстію и выразилъ свое искреннее сожалѣніе.

Чтобъ облегчить участь оставшихся въ живыхъ, но не имѣвшихъ пріюта, иноковъ, царь приказалъ построить новый монастырь въ оградѣ Кольскаго Острога для безопасности отъ вражескихъ набѣговъ. Монастырю указано было быть у церкви Пресвятыя Богородицы.

Но въ 1619 году сгорѣли и церковь, и монастырь.

Вновь приказалъ царствовавшій тогда благовѣрный царь Михаилъ Өеодоровичъ возобновить монастырь, но поставить его за городомъ, за рѣкою Колою. Монастырь назывался Ново-Печенгскій или Кольско-Печенгскій монастырь и былъ причисленъ къ Архангельской епархіи.

Въ 1675 году, царь Алексѣй Михайловичъ возобновилъ для этого монастыря привилегіи, дарованныя его предками Печенгскому монастырю.

Вѣроятно это обстоятельство и дало поводъ одному русскому изслѣдователю утверждать, что одновременно существовали два Печенгскіе монастыря.

Въ 1701 году въ Кольскомъ монастырѣ было 13 монаховъ. Изъ письма настоятеля этого монастыря къ архіепископу Аѳанасію видно, что въ этомъ году монастыремъ было отправлено за границу 12,752 шт. сушеной трески, 144 пуда жиру и 2,470 шт. семги. Но это уже послѣднее извѣстіе о промышленной дѣятельности монастыря. Первымъ настоятелемъ въ Ново-Печенгскомъ монастырѣ былъ инокъ Іона, ученикъ пр. Трифона. Монастырь этотъ также чтился богомольцами и мѣстнымъ населеніемъ.

Въ 1724 г. въ г. Колѣ насчитывалось 3 церкви: Св. Троицы, Успенія Божіей Матери и св. апостоловъ Петра и Павла.

Наконецъ въ 1764 году монастырь былъ закрытъ и причисленъ къ Кольскому собору. Манифестомъ отъ 26 февраля того же года императрица Екатерина II объявила отмѣненными всѣ прежнія преимущества монастыря.

Въ настоящее время русскія духовныя и свѣтскія власти заняты мыслію возобновить монастырь на прежнемъ мѣстѣ.

Въ 1881 году въ Архангельскѣ собиралась особая коммиссія для изысканія мѣръ къ развитію различныхъ видовъ промышленности въ сѣверномъ краѣ и къ улучшенію его благосостоянія. Эта коммиссія, между прочимъ, признала дѣломъ первостепенной важности возобновленіе Печенгскаго монастыря, на что святѣйшій синодъ въ 1882 году далъ свое благословеніе. Архангельскій епископъ, преосвященный Серапіонъ особенно интересовался этимъ предпріятіемъ. Говорятъ, онъ на собственный счетъ заказалъ образъ преподобнаго Трифона. Ожидаютъ, что со временемъ возобновленный Печенгскій монастырь будетъ имѣть такое же значеніе для тамошнихъ отдаленныхъ окраинъ, какое Соловецкій монастырь имѣетъ для Бѣлаго моря.

Съ этою цѣлію духовною властію устроенъ особый комитетъ для сбора пожертвованій, которыя желающими способствовать этому дѣлу могутъ быть отсылаемы въ г. Архангельскъ, въ комитетъ по возобновленію Печенгскаго монастыря.

Д. О.

ЛЮДИ ПРОВИНЦІИ.

I.

Мѣстный корреспондентъ.

Я ѣхалъ въ первый разъ по Волгѣ. Погода была чудесная— и я почти не сходилъ съ верхней палубы, любуясь великой рѣкой, этой аортой Россіи, и ея живописными берегами. Пароходъ только-что оставилъ Кинешму. Ярко-кровавое солнце, безъ лучей, висѣло, какъ фонарь, надъ самой поверхностью воды, превращая ее въ слегка колыхавшійся расплавленный металлъ. Вдали, среди огненныхъ чешуй, шевелилась своими веслами, словно ножками попавшее въ медъ насѣкомое, маленькая лодочка. По обоимъ лѣсистымъ берегамъ безконечными цѣпями тянулись, точно крѣпости, двухъ- и трехъ-этажныя громадныя фабрики, обнесенныя бѣлыми каменными стѣнами. При багровомъ свѣтѣ заходящаго солнца онѣ смотрѣли какъ-то особенно мрачно и фантастично, выпуская изъ своихъ высокихъ трубъ сизые клубы дыма.

— Вотъ на Руси, нашей матушкѣ, сказочныя времена вернулись!—раздалось вдругъ около меня.

Я обернулся. Возлѣ стоялъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ кумачевую рубаху съ пестрой каемкой, перехваченную лакированнымъ ремнемъ. Сверху накинута была толстая куртка съ стальной цѣпочкой въ карманѣ. Грубыя, желто-грязныя брюки спускались на нечищенные давно сапоги. Очки и войлочная шапка довершали нарядъ его.

— Я говорю, къ намъ вернулись сказочныя времена,—повторилъ онъ.—Поглядите, какіе волшебные замки понастроили колдуны наши сыромятные. Понастроили на каждой верстѣ, засѣли

въ нихъ за семью дверями и семью замками и плетутъ паутину на всю округу, какъ пауки кровь высасываютъ изъ своихъ же братьевъ!

— Ваше сравненіе удачно,—сказалъ я.—Вы здѣшній житель?

— Да-съ; здѣшній. Я адвокатурой занимаюсь по всему верхнему плёсу. Впрочемъ, я люблю также археологію, и корреспонденціи пописываю.

— Вы, стало-быть, хорошо знаете здѣшнія мѣста?

— Я-то?—произнесъ онъ, усмѣхнувшись.—Я тутъ каждую мышиную норку знаю.—А вы изъ Петербурга?

— Да. Почему вы узнали?

— Еще бы не узналъ! Сразу видно. Только изъ Петербурга въ намъ ѣздятъ, какъ въ Америку какую-то, съ биноклями да съ записными книжками... Жаль, однако, что и съ биноклями вы ничего не видите у насъ!

— Какъ такъ?

— А такъ, что здѣсь нужны совсѣмъ другіе глаза... Здѣсь надо каждую шельму умѣть разобрать по ниточкѣ, чтобы понять какія-такія махинаціи зародились. Ужъ на что я: чорта въ стулѣ видѣлъ, а и то иной разъ ходишь-ходишь вокругъ, носомъ чуешь неладное, а ни зги не видать! Тутъ, я вамъ скажу, народъ пройди-выжига... Хоть бы вотъ эти пауки, купцы-то деревенскіе. Всѣ они изъ мужиковъ, безъ образованія, а милліоны нажили. Ну-съ и сообразите, какіе они плуты послѣ этого.

— Я слышалъ, что они здѣсь настоящіе царьки: что хотятъ, то и дѣлаютъ.

— Дѣлаютъ-то дѣлаютъ, да не всегда даромъ сходитъ. Какъ разнюхаю, сейчасъ—въ газету! А они, у! какъ, не любятъ этого! —произнесъ онъ почти шопотомъ, и хитро прищурился. — Въ самомъ дѣлѣ, не отдавать же имъ на съѣденье беззащитнаго мужичка, даже и не полаявъ издали! Все-таки съ опаской будутъ жрать.

— А какъ же вы разузнаете про ихъ шашни?

— Эге, отецъ мой!.. Въ этомъ-то и суть. Во-первыхъ, слухомъ земля полнится, а во-вторыхъ, у меня своя стратегія есть. Позвольте-съ закурить.

Все его лицо дышало оживленіемъ; видимо, онъ попалъ на своего конька. Я всмотрѣлся въ его черты. Онъ имѣлъ выдающійся лобъ, курносый носъ и разноцвѣтную растительность: борода была красноватая, горсточкой, а на головѣ — какіе-то сѣро-каштановые волосы. Но болѣе всего поражали глаза: дерзко-

смѣлые и вмѣстѣ съ тѣмъ безсильные, какъ у ребенка, старающагося посмотрѣть сердито.

— Вотъ-съ, какая у меня стратегія,—продолжалъ онъ, сѣвъ на скамейку.—Я, какъ вамъ докладывалъ раньше, адвокатъ по профессіи. И не хвастаясь, могу сказать, что извѣстенъ здѣсь. Ну, а эта глупая сволочь безъ нашего брата и шагу ступить не можетъ. Довѣритъ все, а я и ахну! А потомъ—ни гугу. Корреспонденція разлетается, аки дымъ, всѣ читаютъ, начальство ставитъ это на видъ кулю фабричному, онъ на стѣну лѣзетъ отъ злости, а я-то многогрѣшный притаюсь себѣ, — тутъ онъ весь съежился и уткнулъ голову во внутрь, въ плечи,—и потѣшаюсь въ тихомолку... Правда, купчишка иногда догадывается, кто ему напакостилъ, да не смѣетъ тронуть, и даже не заикается, потому знаетъ, что еще хуже будетъ тогда; они у меня всѣ въ рукахъ. Помогаетъ мнѣ также нравъ ихъ собачій: подерутся между собой изъ-за копѣйки, а я и шасть прямо къ нимъ; такъ сейчасъ всю подноготную другъ про друга и повыскажутъ, какъ по книгѣ.— Слава Богу, ихъ-то можно обуздывать маленько; вотъ кабы со всѣми такъ...

— А есть развѣ такіе, которые кусаются?

— Не только кусаются, а совсѣмъ даже неприступны. Бьютъ, мечутъ все, что твои лошади дикія; подойти же къ нимъ и не думай, лучше удирай скорѣй по-добру, по-здорову... Ничего не подѣлаешь: противъ рожна трудно прати!

— Со временемъ, авось, и ихъ обуздаете.

— Дай-то, дай Господи!—сказалъ онъ, крестясь.

— Куда же вы посылаете свои корреспонденціи?—спросилъ я.

— Во всѣ газеты. И въ московскія, и въ петербургскія... Смотря по удобству. Меня всюду знаютъ: въ редакціяхъ какъ дома... Моихъ корреспонденцій даже и не читаютъ, прямо печатаютъ.

— А сами вы бываете въ столицахъ?

— Какъ же, какъ же... У меня тамъ цѣлая куча знакомыхъ литераторовъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, Павелъ Петровичъ, Николай Константиновичъ, Ѳедоръ Иванычъ... не перечтешь всѣхъ! Пріѣду, сейчасъ и начну бѣгать по нимъ. Ну, разумѣется, меня такъ и обсыпаютъ вопросами. „Что у васъ новаго въ провинціи? Какой вопросъ назрѣваетъ? Двигается ли развитіе? Въ какомъ положеніи борьба нашего мужичка съ кулаками?“... Только успѣвай отвѣчать. — Я имъ все говорю: мы, молъ, въ провинціи ничего не пропустимъ, за всѣмъ усмотримъ.

протоколецъ только соорудить, а ваше—заключеніе вывести, представить на судъ публики и кому слѣдуетъ выше. Главное же, не падайте духомъ: у насъ въ рукахъ великое оружіе, печать побѣдитъ скоро самого дьявола.

Городовой отъ литературы помолчалъ немного.

— Славный народъ эти литераторы! — началъ онъ опять.— Вотъ ужъ съ кѣмъ можно душу отвести. Я какъ побываю у Евграфа Иваныча (литераторъ солидный)—просто другимъ человѣкомъ становлюсь. Вотъ гдѣ царство мысли, вотъ талантъ! У... Ха-ха, послѣдній разъ я у него, у Евграфа Иваныча, три рубля занялъ—обстоятельства такъ сложились, не на что было выѣхать изъ Питера,—ну, занялъ, да вотъ до сихъ поръ не знаю какъ отдать. Право, совѣстно немножко! Правда, онъ славный малый и хорошій мой пріятель, но все же...

— Вы за литературой внимательно слѣдите?

— Внимательно-то внимательно, да только проку изъ нея мало! Толкователя нѣтъ, разъяснителя... Пишутъ гибель, есть даже много хорошаго, а все пропадаетъ зря, потому критика никуда не годится. Говорятъ, у насъ теперь нѣтъ великихъ писателей. А отчего прежде были? Оттого, что дѣлали ихъ, оттого, что были Бѣлинскій, Добролюбовъ и Писаревъ. Не стало великихъ критиковъ, нѣтъ и писателей великихъ. По моему, писатели—это второстепенная вещь, сырой матеріалъ, а настоящіе геніи—первоклассные критики. Они выжимаютъ изо всего эссенцію, они же и показываютъ новые пути, новыя задачи и разрѣшенія.

„Оригиналенъ же ты въ пониманіи литературы",—подумалъ я.

— Впрочемъ, — произнесъ онъ немного погодя, по странному теченію своей мысли,—и Бѣлинскій, и Добролюбовъ, и Писаревъ были не совсѣмъ безгрѣшные люди. Конечно, я передъ ними, передъ этими геніями русской литературы — щенокъ, крохами питаюсь отъ стола мысли, но я все-таки смѣю свое сужденіе имѣть и вижу, что они во многомъ ошибались.

Слово „щенокъ" онъ произнесъ особенно звонко.

Въ это время протяжно и глухо заревѣлъ пароходъ. Солнце давно уже ушло подъ горизонтъ, но мелкая рябь воды все еще сверкала мягкимъ серебристымъ блескомъ между темными полосками. Отъ наступившихъ сумерекъ, окутавшихъ матовою мглою берега, Волга точно расширилась сразу. Впереди, на правомъ берегу, виднѣлось большое село и пристань. Старинная, архитектуры временъ Ивана Грознаго, церковь съ оцѣпленными крестами была у самой пристани.

Мой собесѣдникъ снялъ шапку и истово, раза четыре перекрестился.

— Пойдемте въ каюту,—сказалъ онъ,—чаю напьемся, ужъ поздно.—Да,—прибавилъ онъ,—позвольте представиться:—Сергѣй Владимiровичъ Коняевъ.

Я назвалъ себя.

— Я ѣду въ Великій Устюгъ, — говорилъ Коняевъ, спускаясь. — Тамъ, мнѣ передавали, нашли татарскія древности, а между тѣмъ, это невозможно, потому что татары въ немъ никогда не были. Татары вѣдь не покорили только три города: Вятку, Великій Устюгъ и Сунжу. Ну, такъ вотъ я хочу провѣрить.

Въ каютѣ второго класса было много публики и, притомъ, самой разнообразной: помѣщики, купцы, поджарые приказчики, два офицера, священникъ. Все это стремилось на Макарьевскую ярмарку. Воздухъ былъ, по обыкновенію всѣхъ каютъ, душный и затхлый, прѣлостью такъ и шибало въ носъ. Пассажиры сидѣли группами у столиковъ и на койкахъ и свирѣпо чайничали. Православная Русь нѣжилась: парила свое заскорузлое нутро.

Мы тоже потребовали чаю и подсѣли, тѣснясь, къ столику. Я вынулъ изъ кармана „Новое Время“.

— А! у васъ „Новое Время“,—произнесъ Коняевъ.—Здѣсь рѣдко вы увидите петербургскую газету. По всей Волгѣ читаютъ больше московскія, потому Москва ближе, и понятнѣе, попроще. А то „Новое Время“, напримѣръ... его жевать да жевать нужно. Это такая юла, такая!..

Мы принялись пить чай. Коняевъ пилъ въ прикуску, по купечески съ блюдечка. У него быстро выступилъ потъ, и онъ поминутно вытирался большимъ клѣтчатымъ фуляромъ. Выпивъ, молча, стакана четыре, онъ опять заговорилъ.

— Вотъ,—началъ онъ,—намеднись я прочелъ, что въ Ивановѣ-Вознесенскѣ замѣчательная буря была. Такая, какой никто не припомнитъ. Крыши, заборы, деревянные домики—все перекрутило. Сорвала даже колоколъ съ колокольни. Да вѣдь какъ: отбросила за мостъ, на нѣсколько десятковъ шаговъ...

— Вре-ешь... со стула упадешь!—вдругъ воскликнулъ кто-то сзади него.

Мы посмотрѣли. Это былъ парень въ плисовой чуйкѣ, должно быть „молодецъ“, ѣхавшій во второмъ классѣ ради форсу. Онъ глупо улыбался, растягивая свой ротъ чуть не до ушей.

— Это ты, что-ли, сказалъ, что я вру?—произнесъ Коняевъ,

рѣзко повернувшись въ полъ-оборота и бросая на него грозный взглядъ.

— Я. Потому ври, да не завирайся дюже!

— А ты почемъ знаешь, что я вру? Это въ газетѣ написано. На, читай,—прибавилъ онъ, вынимая газету изъ бокового кармана куртки.

— Чаво читать! Самъ читай, коли хочется! Мы и такъ смекнуть можемъ. Нѣшто слыхано...

— Нѣшто слыхано!—передразнилъ Коняевъ.—Такъ по твоему, дура-голова, въ газетѣ неправду пишутъ? А?.. Какъ же ты можешь это сказать? Какъ у тебя языкъ-то бычачій повернулся?.. Ишь куда загнулъ!—кричалъ онъ, не обращая вниманія на пассажировъ.—Что-же послѣ этого будетъ, если и въ газетѣ станутъ неправду писать? Гдѣ-же тогда управу-то вы, мелюзга, найдете?.. Ду-ракъ, ду-ракъ! вотъ, что я тебѣ скажу.

И съ негодованіемъ отвернувшись, Коняевъ приложилъ къ блюдечку дрожавшія губы и ожесточенно потянулъ въ себя горячую, дымившуюся влагу. Онъ еще выпилъ нѣсколько стакановъ чая. Потомъ вынулъ изъ кармана маленькую металлическую чернильницу, перо и два листа писчей бумаги.

— У меня съ собою всегда походная канцелярія,—сказалъ онъ.

— Что вы хотите писать?—спросилъ я.

— Да двѣ корреспонденціи надо написать. Сейчасъ вотъ узналъ, что опять смѣнили капитана на этомъ пароходѣ. Пароходная компанія что ни день выгоняетъ ихъ, какъ собакъ, на подножный кормъ, ну, поэтому, слѣдуетъ ей внушеніе прочесть... А вторую насчетъ приближающихся земскихъ выборовъ. У насъ страшно неразборчиво и нечестно выбираютъ. Чтобы соблюсти интересъ партіи и порадѣть родному человѣчку, иногда просто кикиморъ какихъ-то облекаютъ довѣріемъ. Эхъ, земство, земство!.. Кто могъ думать, что изъ него выйдетъ такая иронія Іеговы!.. Излишнею тягостью только ложится, ей-ей! Всюду слышны жалобы на его чудовищные поборы и дармоѣдство.

Старательно потрогавъ раскепъ пера—не испортилось-ли оно, онъ изогнулся надъ столомъ и быстро сталъ бѣгать рукой по бумагѣ. Слышенъ былъ лишь непріятный скрыпъ, какъ въ канцеляріи.

Работу свою Коняевъ кончилъ менѣе чѣмъ въ часъ и съ сіяющимъ видомъ началъ во всеуслышаніе читать мнѣ, выразительно отчеканивая слова тѣмъ особеннымъ способомъ, какимъ обыкновенно думскіе секретари вразумляютъ прыткихъ гласныхъ. Кор-

респонденціи оказались хлесткими, довольно ск
минаніемъ полныхъ именъ и фамилій. Закончив
Коняевъ назвалъ себя „честнымъ слугою слова

Когда онъ читалъ, всѣ пассажиры прекрати
съ вытянутыми шеями напряженно слушали. Суд
послѣ прочтенія взволнованному, быстрому шопот
нымъ поглядываніямъ на Коняева, эффектъ был
резъ минуту къ нему подошелъ слуга и доложи
Тимоѳеевичъ, буфетчикъ, покорнѣйше проситъ ег
эвту бумажицу". Но Коняевъ отвѣтилъ, что он
шлетъ, потому что письма спѣшныя, а пароходъ
этого момента ясно замѣчалось усиленное вниманіе
ютной прислуги. Спустя часъ, къ нему одному да
съ вопросомъ: не угодно-ли заказать ужинъ? Имѣ
мые свѣжіе рябчики... Хамство русскаго народа пс
кимъ случаемъ, чтобы выказаться наружу.

— Это въ московскія газеты,—сказалъ Коняевъ
на конвертахъ адресы.—Оттуда сильнѣе будетъ дѣй

Когда пароходъ подошелъ къ пристани, онъ вы
вить ихъ.

Я заговорилъ о Коняевѣ съ студентомъ казанск
академіи, робкимъ малымъ, съ которымъ я раньше пс

— Ихъ, этихъ литераторовъ,—сообщилъ онъ мнѣ,
насъ въ Поволжьѣ страсть сколько развелось. Такъ и
ваютъ все. Какъ собаки ищутъ эксплуататоровъ. Ну и
ихъ, словно пугалъ огородныхъ!

— Отчего-же ихъ боятся такъ?—спросилъ я.—Н
же они таскаютъ!

— Хе, русачку хуже суда, когда его дѣлишки вы
чистую водицу да разславятъ по всей Россіи!

Коняевъ проѣхалъ со мной до Юрьевца, гдѣ ему ну
пересѣсть на унженскій пароходъ. Онъ меня сильно за
валъ и я много съ нимъ разговаривалъ. Въ сужденіяхъ
глядывало столько наивности, рѣзкости, отчаяннаго само
достоинства, что онъ положительно былъ забавенъ какъ д
торое сочло себя взрослымъ и важно начинаетъ распор
въ домѣ, воображая, что ему и чортъ не братъ. Иногда
рѣчи примѣшивалась даже нѣкоторая доза бахвальства,
казалось, происходило совершенно безъ его вѣдома. Онъ
любилъ становиться въ позу бреттера, ожидающаго выстрѣ
тивника, причемъ маленькая сутуловатость и выпуклые с

глаза замѣчательно шли къ ней. Разговоръ свой онъ обильно иллюстрировалъ тоже рѣзкими и неожиданными жестами.

Коняевъ сообщилъ мнѣ, что онъ оказалъ большія услуги археологическимъ обществамъ, но для себя коллекцій не собираетъ, потому что ведетъ кочевую жизнь. Потомъ онъ разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ своей адвокатской практики и частной жизни, характеризующіе мѣстные „волчьи нравы". Подъ конецъ мнѣ стали даже извѣстны нѣкоторыя черты его біографіи. Родомъ онъ мѣщанинъ, въ дѣтствѣ работалъ на фабрикѣ, затѣмъ черезъ одного благодѣтеля попалъ въ гимназію. Къ литературѣ прикомандировался совершенно случайно. Негодуя на безобразный поступокъ съ нимъ одного лица и не зная, чѣмъ воздать за это, онъ написалъ корреспонденцію, послѣ чего сразу пристрастился къ роли городового отъ литературы.

— Вы, кромѣ корреспонденцій, ничего не пишете, Сергѣй Владиміровичъ?—спросилъ я Коняева между прочимъ.

— Нѣтъ, пишу. Иногда я стишки катаю. И очень люблю даже. Хотите послушать?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я свои стихотворенія не печатаю; они только по рукамъ ходятъ. Вотъ недавно я сочинилъ:

Все давно готово къ балу.
Лампы тусклыя горятъ...
Только музыки сегодня
Намъ пришлося долго ждать...

Далѣе слѣдовало длиннѣйшее юмористическое описаніе провинціальнаго бала, присутствовавшихъ должностныхъ лицъ, дамъ, кавалеровъ и танцевъ. О полицмейстерѣ было упомянуто, что онъ нюхалъ воздухъ какъ гончая собака.

Затѣмъ онъ прочелъ куплеты на помѣщика Балашева, начинавшіеся такъ:

Говорятъ, что Евгеній Балашъ
Въ своемъ хуторѣ видѣлъ миражъ:
Архимеда верхомъ на кометѣ
И свинью въ полосатомъ жилетѣ.
Но видѣнье вдругъ скрылось въ бурьянъ...
Неужели Евгеній былъ пьянъ?..

— Я часто, знаете, въ компаніи,—сказалъ онъ, прочтя еще нѣсколько своихъ стиховъ,—чтобы развеселить всѣхъ, пойду въ другую комнату на четверть часа, напишу раекъ на какое-нибудь событіе дня и прочту. И выйдетъ съ такимъ сарказмомъ и юморомъ, что у всѣхъ животики выворачиваются отъ смѣха. Ну,

понятно, сейчасъ-же и разорву; потому нельз бываетъ...

— А скажите,—спросилъ я,—вамъ не до за всѣ ваши корреспонденціи, стихи и райки?

— Мнѣ? Отъ кого?.. Желалъ-бы я знать, меня задѣть!—гордо произнесъ онъ, ухарски в согнутой кренделемъ правой руки. Но по неровн по которымъ точно тѣнь пробѣжала, и по излиш тону я ясно видѣлъ, что ему не все сходило да неизвѣстно, какъ нехорошо глядятъ, притѣсняют и клевещутъ на провинціальнаго корреспондента сего.

Наскучивъ о себѣ говорить, Коняевъ сталъ меня: куда я ѣду, зачѣмъ и т. д.

— Въ Нижнемъ, на ярмаркѣ,—сказалъ онъ,— тиры, кабачки и притоны обойдите. Непремѣнно! з учительно. Вы много такого увидите, о чемъ и не всегда такъ путешествую тамъ. Въ такихъ-то мѣст соль всего. Только подбирай! Пріѣду куда-нибудь и водкой арфянокъ, они и ну болтать. Пѣтухъ вѣдь кучѣ нашелъ жемчужное зерно...

На всѣхъ пристаняхъ у Коняева непремѣнно нах комые и не одинъ, а чуть-ли не десятками. Купц капитаны пароходовъ, священники то-и-дѣло подходи. отчаянно тряслись руками и наперегонку сообщали м вости; нѣкоторые же таинственно перешептывались съ подковыляла даже какая-то старушенція.

— Здравствуйте, батюшка Сергѣй Владиміровичъ рила она пѣвучимъ голосомъ.—Какъ, родной, поживае

— Хорошо, хорошо, бабушка! Спасибо,—отвѣтилъ Ну, что подѣлываетъ твой сынъ? Пошли въ прокъ отв деньги?

— Господь Богъ тебя наградитъ за нихъ, батюшка! молю денно и нощно его и Матерь Божію за тебя!..—ег запѣла она, кланяясь земнымъ поклономъ.

Когда пароходъ подходилъ къ Юрьевцу, мы стояли на Лѣтняя ночь величаво царила вокругъ. Еле примѣтный в сладко щекоталъ лицо и слегка прикасался къ темной во чего она, точно пламенный любовникъ, дрожала не на повер только, а будто всей глубью. Звѣзды въ синей вышинѣ трепетали и, казалось, порывались упасть на землю, хвата нее своими нѣжными, тонкими лучами. Все было тихо, н

въ то же время словно сливалось и сообщалось между собой. Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда вмѣстѣ съ Щербиной хочется воскликнуть:

Говорятъ мнѣ и небо, и воды,
И я музыку слышу природы...

Мы молчали и невольно старались проникнуть взоромъ въ таинственную даль. Пароходъ, слабо гудя и вспѣнивая воду, уже поворачивалъ къ пристани. Коняевъ указалъ на темнѣвшійся, покрытый лѣсомъ, лѣвый берегъ Волги.

— Вотъ по этому направленію,—сказалъ онъ,—черезъ Макарьевъ до Архангельска, т.-е. болѣе чѣмъ на тысячу верстъ, вы не встрѣтите ни одного жилья, кромѣ двухъ кордоновъ для ночлега въ лѣсу, — да и то для этого надо свернуть въ сторону. Вотъ какова еще наша матушка Россія! Много, охъ, много придется поработать на нее, чтобы, замѣсто звѣрья, населить ее людьми по образу и подобію Божію!..

II.

Помѣщикъ.

Мнѣ случилось прожить осень въ деревнѣ одной изъ южныхъ губерній, опирающихся на Черное море. Мѣстность эта въ прежнее время кишмя кишѣла помѣщиками, но теперь—увы!—отъ послѣ-реформеннаго измора остались лишь послѣдніе могикане. Можно объѣхать добрую половину уѣзда—и вы не встрѣтите ни капли благородной крови; всюду процвѣтаютъ одни только мужики да ихъ новые пастыри урядники, „ни чей благосклонный не радуя взоръ".

Такимъ образомъ, человѣку, привыкшему къ обществу, приходится жестоко скучать въ деревнѣ. Но я не скучалъ: у меня были книги, ружье и удочки. Съ ружьемъ, впрочемъ, я больше для проформы, такъ себѣ, ходилъ, потому что я не охотникъ въ душѣ, да и дичи-то почти не было. Дѣло въ томъ, что бродить безъ ружья какъ-то неудобно въ деревнѣ, такъ какъ, по неисчезнувшему еще крестьянскому понятію, барскимъ ногамъ иначе неприлично набивать себѣ мозоли, и вслѣдствіе этого, у мужиковъ является подозрѣнье: что это, молъ, за баринъ такой? Ходитъ зря, подсматриваетъ да разспрашиваетъ... Кромѣ того, на мое счастье, вблизи той деревни находилось имѣнье помѣщика Кубрина—и я частенько хаживалъ къ нему изъ любопытства и изъ удовольствія.

Тотчасъ же по пріѣздѣ я сталъ со всѣхъ сторонъ слышать благопріятные отзывы о немъ. Хвалили его и мужики, и урядникъ, и тѣ немногіе дворяне, которыхъ мнѣ пришлось увидѣть. Словомъ, въ глазахъ всего уѣзда это былъ замѣчательный человѣкъ, хозяинъ въ полномъ смыслѣ слова. „Чортъ его знаетъ! — говорилъ предводитель.—Сидитъ на клочкѣ земли, который и мужику въ пору только, дѣтей цѣлая куча, самъ старъ, а еще копитъ, въ банкъ кладетъ! Мы всѣ, что ни годъ, въ трубу вылетаемъ, онъ же хоть бы на копѣйку когда задолжалъ!.. Ужъ не фальшивыя ли деньги дѣлаетъ?“...

— Что и говорить,—отвѣчали мужики на мои разспросы:—баринъ такой, какого поискать надо нонѣ. И къ намъ ласковъ —попросить, всегда поможетъ, — и хозяинъ хорошій; не грѣхъ и нашему брату поучиться у него! Гдѣ, что — все разсчитаетъ, все пригонитъ, какъ есть въ акуратъ! Да и самъ-то на всѣ руки мастеръ... И поди-жъ ты: баринъ, а...

Урядникъ же просто въ восторгѣ былъ отъ него. Благодаря его совѣтамъ, онъ завелъ хозяйство и теперь съ каждымъ годомъ получаетъ все бо̀льшіе барыши.

Наслышавшись такихъ похвалъ, я рѣшился непремѣнно познакомиться съ Кубринымъ. Вскорѣ, взявъ съ собою старое тульское ружьецо Гольтекова, я отправился вдоль рѣчки къ нему въ имѣніе, находившееся всего въ двухъ верстахъ.

Было великолѣпнѣйшее бабье лѣто, не хуже сѣвернаго настоящаго. Уже высокое солнце не жгло, а скорѣе согрѣвало, плывя по чистому бирюзовому небу. Только вдоль горизонта стояла гряда бѣлоснѣжныхъ барашковъ, переходившая на сѣверѣ въ стѣну свѣтло-сизаго тумана, собравшагося тамъ съ поверхности земли. Изъ верхней части этой стѣны очень явственно образовывались сизыя же облачка, которыя, чѣмъ выше, все больше и больше становились бѣлыми. Такое наглядное рожденіе изъ безформенной массы пара красивыхъ, легкихъ и граціозныхъ барашковъ бываетъ очень рѣдко и потому меня чрезвычайно заинтересовало. Я съ напряженіемъ слѣдилъ, какъ выдѣлялись, словно изъ-подъ невидимой руки ваятеля, то вычурная часть какой-то таинственной фигуры, то длинная, едва замѣтная полоса, то, наконецъ, правильный, изящный клубокъ. Такъ собирается иногда при тихомъ прибоѣ пѣна на песчаномъ морскомъ берегу.

Обмелѣвшая рѣчка, подобно большинству другихъ степныхъ рѣчекъ, дѣлилась на плёсы, въ видѣ цѣпи озерковъ, и во многихъ мѣстахъ заросла высокимъ камышемъ и темно-коричневой

валъ на покрытую узловатыми водорослями воду, хотя навѣрно зналъ, что никакой дичи не увижу. Въ послѣднее время на югѣ столько расплодилось охотниковъ изъ мужиковъ.

У Кубрина шла молотьба. Разсчитывая найти его на току, я направился туда. Токъ отдѣлялся отъ усадьбы большой дорогой и былъ окруженъ канавой съ „загатью", стѣнкой изъ мелкой соломы и земли. Посреди возвышалась каменная клуня; немного вправо прерывисто, словно зимняя вьюга, гудѣла конная молотилка, аккомпанируемая стукомъ соломотряса; далѣе стояли ряды скирдъ невымолоченнаго еще хлѣба; а лѣвѣе клуни находились стога соломы и половы. У молотилки возилось десятка два мужиковъ и дѣвокъ съ вилами, граблями и терноломами въ рукахъ. Подойдя къ нимъ, я спросилъ, гдѣ баринъ. „А вонъ рѣшотитъ", — отвѣтили мнѣ.

На маленькомъ взлобкѣ стоялъ высокій треногъ съ подвязаннымъ на веревкѣ рѣшетомъ, которое „кружалъ" человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, сильно сутуловатый—вѣроятно, отъ начала старости,—съ полувосточнымъ типомъ лица, на которомъ блестѣли, точно смѣясь, воспаленные отъ пыли черные глаза. На немъ былъ страшно затасканный военный сюртукъ, безъ погонъ и съ разнокалиберными пуговицами. Широкія пятна масла, дегтя и половы украшали короткія брюки. Въ смоляной бородѣ, перевитой серебряными нитями, также торчала полова. Работая, онъ разговаривалъ съ знакомымъ уже мнѣ урядникомъ.

Я отрекомендовался. Онъ ловко, но съ натугой, выбросилъ вырѣшетенную пшеницу на разостланныя полсти, подставилъ одной рукой рѣшето подъ новую пшеницу, которую насыпала рябая дѣвка, и въ то же время пожалъ мою руку другою. Урядникъ по военному козырнулъ сильно согнутыми пальцами, какъ это дѣлаютъ плохіе солдаты, кренделемъ.

— Наслѣдство получать пріѣхали отъ дяди?—спросилъ меня Кубринъ.

— Да, если можно такъ назвать перезаложенную землю и развалины вмѣсто усадьбы.

— Что-жъ дѣлать! Не въ моготу было покойному Николаю Петровичу заниматься хозяйствомъ. Онъ и такъ, бѣдный, бился какъ рыба объ ледъ!

— Я удивляюсь одному: зачѣмъ онъ не бросалъ его? Гораздо больше выгадалъ бы!

— Знаете пословицу: повадился кувшинъ... Вы молотите теперь? — перемѣнилъ вдругъ онъ тэму, словно она непріятна была ему.

— Нѣтъ, я давно ужъ кончилъ. У дяди вѣдь хлѣба совсѣмъ пустяки было, разъ въ пять меньше вашего. Вотъ вы когда кончите? Только начали, кажется.

— Богъ дастъ какъ-нибудь перебью своей стуколкой. Время терпитъ. Этотъ мѣсяцъ, должно быть, весь будетъ ведренный. Я по лунѣ сужу: рога на-славу заострила и брюхо подтянула... Вотъ еслибъ она брюхо выпустила, какъ въ прошлый мѣсяцъ, тогда бы мнѣ плохо пришлось.

— Зачѣмъ вы конной молотилкой работаете? Паровой несравненно скорѣе и покойнѣе. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Здѣсь всѣ работаютъ ею.

— Они-съ знаютъ, зачѣмъ!—сказалъ урядникъ, изображая на своемъ аляповатомъ лицѣ хитрую улыбку. Лицо его было замѣчательное. Возьмите шаръ круто замѣшеннаго ноздреватаго тѣста, выдавите на немъ шишку вмѣсто носа, проведите ногтемъ узкія ямки для глазъ и рта, причемъ для послѣдняго не жалѣйте пространства—и вотъ вамъ будетъ его физіономія. Бровей, усовъ и бороды не надо, ихъ почти не замѣчалось. Зато хитрые, сѣрые глазки такъ и бѣгали передъ вами, точно выхода искали изъ своихъ узенькихъ щелокъ.

Кубринъ тоже слегка усмѣхнулся.

— Работалъ и я паровою три года,—произнесъ онъ.—Только больше ужъ ни за какія коврижки не буду. Помилуйте, это просто переводъ урожая! И дороже вдвое, и хлѣба пропадаетъ чуть не на половину. Стояли ли вы подъ соломотрясомъ?—тогда бы увидѣли, сколько идетъ зерна въ солому! И опасно къ тому же. Сердце изболится все, пока она молотитъ. Того и гляди, что зажжетъ! Вонъ у Новицкаго недавно еще былъ пожаръ: одиннадцать скирдъ, клуня и часть двора сгорѣло. Нѣтъ ужъ, Господь съ нею, мы лучше помаленьку будемъ. Кто спѣшитъ—людей смѣшитъ.—Коля, не балуйся! Лошадь убьетъ!—закричалъ онъ мальчику лѣтъ восьми, въ ситцевой рубашкѣ и нанковыхъ штанишкахъ, который былъ „погоничемъ“ въ конномъ приводѣ.

Мальчикъ этотъ, ухватившись загорѣлыми рученками за дышло, кувыркался вокругъ него, мелькая босыми ножками и задѣвая головой за хвостъ толстобрюхой клячи. Этими гимнастическими упражненіями онъ разгонялъ скуку монотоннаго хожденія по кругу.

— Это вашъ сынъ?—спросилъ я.

— Да. Такой шалунъ, вѣчно что-нибудь выдумаетъ!

— Но вѣдь онъ очень малъ, ему, вѣроятно, тяжело работать?

— Какое!.. Въ началѣ молотьбы онъ первымъ являлся; такъ, бывало, цѣлый день и проходитъ безъ отдыха. Теперь вотъ только

надоѣдать стало, просится иногда смѣнить... Конечно, ребенку поиграть хочется, но пускай привыкаетъ: это полезно. За этимъ занятіемъ всѣ его братья перебывали съ дѣтства. Это для нихъ первая школа у меня. Тверже будутъ знать, какъ отецъ деньги добываетъ!

Я посмотрѣлъ на Колю. Растягивая для развлеченія шаги, онъ медленно ходилъ по мягкому утоптанному навозу и грызъ подсолнечники. Его мѣднокрасное отъ загара лицо и черные, какъ спѣлая черемуха, глазки выражали задумчивость. Время отъ времени онъ поднималъ волочившійся длинный кнутъ и разсѣянно стегалъ по выпуклымъ костямъ клячи, покрытой уже потеками пота. Лошадь сразу подбирала, какъ струсившая собака, задъ, такъ что спина изгибалась въ кривую, и торопливо принималась ерзать боками о постромки.

— Отчего это у васъ такія плохія лошади?—спросилъ я.

— Для этой работы лучше не надо. На конюшнѣ вотъ есть у меня нѣсколько порядочныхъ. Корней, ты что хочешь дѣлать?— крикнулъ опять онъ проходившему мимо работнику-хохлу, еле передвигавшему ноги, словно за ними тянулись сто-пудовыя гири и тоже медленно чесавшему себѣ поясницу.

— Да я, баринъ, солому хочу скидать. Богато натягали по ту сторону скирды.

— А по эту?

— По сю нѣтъ.

— Ступай лучше за мѣшками во дворъ, тамъ барыня тебѣ дастъ ихъ, да пшеницу насыпай.

— Бѣда съ ними!—обратился онъ ко мнѣ, мотнувъ головой вслѣдъ удалявшемуся по-утиному работнику. Такъ и наровятъ обмануть. Солому скидать—это значитъ просто посидѣть хочется. Зайдетъ за клуню и сядетъ, благо не видно. А мѣсто для соломы, навѣрное, есть, я ужъ знаю, потому что еще рано, не могли навозить.

— Да ужъ такой народъ анаѳемскій, ничего не подѣлаешь съ нимъ! — присовокупилъ отъ себя урядникъ. Онъ курилъ „цыгарку", свернутую не изъ простой бумаги, какъ всѣ мужики дѣлаютъ, а изъ папиросной. Когда я подошелъ, онъ изъ уваженія спряталъ ее въ кулакъ и только изрѣдка попыхивалъ въ сторону. Кончивъ курить, онъ плюнулъ себѣ на ладонь, погасилъ въ слюняхъ окурокъ (предосторожность отъ пожара) и бережно вытеръ руку о полу стараго офицерскаго пальто, которое онъ пріобрѣлъ у отставного пьяницы-офицера.

— Сколько постоянно бываетъ непріятностей съ ними!—

41*

продолжалъ Кубринъ.—Каждый день по стакану крови своей порчу... Я положилъ за правило себѣ: всегда дѣлать какъ разъ наоборотъ тому, что говорятъ мнѣ работники. Только такъ и можно уберечься отъ ихъ хитростей. И какъ ловко, бестіи, иногда проводятъ-то! Совсѣмъ, думаешь, заботятся о моихъ интересахъ, а на повѣрку выходитъ другое.

— Что имъ хозяйское добро! Имъ бы только спать да пьянствовать въ волю,—сказалъ урядникъ. — Вы-съ охотиться изволили?—спросилъ онъ меня.

— Я на „авось" охотился за неимѣніемъ дичи.

— Хи-хи-хи!..—захихикалъ онъ больше, чѣмъ нужно было, чтобы одобрить мое остроуміе. Здѣсь не найдете-съ дичи. Вотъ не угодно-ли я васъ свезу-съ къ Лангинымъ озеркамъ. Ба-альшое удовольствіе получите!

— А вы охотникъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Онъ на рубли охотится,—сказалъ Кубринъ, улыбаясь.

Урядникъ застыдился, какъ красная дѣвушка.

— Вы всегда такъ-съ,—произнесъ онъ дружественнымъ тономъ, желая показать, что они за панибрата.

— Да, да, разсказывайте, а самъ спитъ и бредитъ, какъ бы разбогатѣть. Вы куда теперь поѣдете, Захаръ Игнатьичъ?

— Я поѣду въ Чипиляново-съ. Тамъ драка была, убили одного до смерти.

— А потомъ, подъ вечеръ, заѣзжайте ко мнѣ... и вотъ ихъ, по пути, довезете домой.

— Очень пріятно-съ! — отвѣтилъ урядникъ, какъ-то бокомъ откланиваясь и уходя.

— Дрянной урядникъ!—замѣтилъ по уходѣ его Кубринъ.— Совсѣмъ дѣла своего не знаетъ. Мужиковъ такъ распустилъ, что ни на что не похоже: — дерутся, воруютъ, безобразничаютъ... Ночью никогда и не объѣзжаетъ деревень. Трусишка! Ну и хаптурникъ въ тому-жъ, всякое дѣло согласится покрыть ради взятки. Не такой какъ прежній. Тотъ въ ежовыхъ рукавицахъ держалъ всѣхъ; его нѣсколько разъ убить даже собирались.

— Этотъ урядникъ изъ пѣхотныхъ солдатъ, кажется?

— Да. Полковымъ каптенармусомъ былъ, сирѣчь воришкой. Его опредѣлили сюда по протекціи Рѣпнина, члена земской управы, который женилъ его на своей любовницѣ-экономкѣ.

— Онъ мнѣ говорилъ, что вы будто благоволите къ нему?

Урядникъ, дѣйствительно, разсказывалъ мнѣ, что они пріятели и что Кубринъ помогаетъ ему въ хозяйствѣ: даетъ земли, сѣмянъ.

Сообщая объ этомъ, онъ очень восхвалялъ Кубрина какъ хозяина, но какъ о человѣкѣ, отзывался иронически. „Дворянинъ и офицеръ, а ведетъ себя по мужичьему“, говорилъ онъ.

— Что-жъ, батенька, нельзя иначе. Человѣкъ онъ необходимый—вотъ въ чемъ суть. Живемъ въ глуши, никого нѣтъ въ сосѣдствѣ, кромѣ мужиковъ... А его можно и послать куда понадобится, въ особенности зимой—я часто хвораю тогда,—и присмотрѣть за хозяйствомъ. Онъ-же очень услужливый. Какъ безъ такого человѣка обойтись?

Кубринъ скоро кончилъ рѣшотить, выкурилъ трубку и, вынувъ изъ кармана свистокъ, остановилъ молотилку. Коля съ другими погоничами мигомъ бросились къ поводьямъ и стали осаживать лошадей, крича на разные голоса: „тпру! стой, дьяволъ! да стой ты, проклятая!“ Но пустой барабанъ по инерціи продолжалъ вертѣться, подталкивая дышлами лошадей. Надо было посмотрѣть на усилія и комически-грозные крики этихъ семи- и восьмилѣтнихъ мальчугановъ! Забавны они были также, когда распрягали лошадей, едва доставая руками до шеи.

Около дверей клуни стояло стадо бѣлыхъ, какъ лебеди, гусей.

— Это моя гвардія,—сказалъ Кубринъ, подходя къ нимъ.— Здорово, ребята!

— Га-га-га!.. закричали они, вытягивая шеи и тыча красными носами.

— Сейчасъ принесу, сейчасъ!—говорилъ онъ, отпирая клуню.— Ужасно люблю я эту птицу! Особенно бѣлую... Никогда, шельмы, не пропускаютъ урочнаго часа. Такъ и ждутъ.

Онъ взялъ „отбросковъ“ изъ кучи въ углу клуни и вынесъ гусямъ. Въ клунѣ находились разныя земледѣльческія орудія и экипажи. Я полюбопытствовалъ осмотрѣть ихъ. Здѣсь были разныхъ системъ плуги, сѣялки, вѣялки, грабли и т. п. Кубринъ тотчасъ же принялся объяснять мнѣ ихъ устройство и употребленіе. Онъ говорилъ съ знаніемъ дѣла и, замѣтно, съ большимъ удовольствіемъ.

— Вамъ, вѣроятно, очень дорого стоило обзавестись столькими машинами?—спросилъ я.

— Напротивъ, очень дешево. Я вѣдь новыхъ никогда не покупаю. Все по случаю. Присмотрюсь у сосѣдей или въ складахъ къ какой-нибудь интересной машинкѣ, изучу ее — узнаю, простъ ли механизмъ, легко ли поправлять и окупитъ-ли себя работой — и выжидаю. Глядишь, анъ кто-нибудь промотается и имѣніе съ аукціона продаютъ; а не то машина сломается, а починить не умѣютъ. Я и цапъ-царапъ ее за безцѣнокъ. А почи-

нить всегда умудрюся, не святые горшки лѣпять; это только слава такая, что у нихъ хитрое устройство. А сколько черезъ это другіе убытку несутъ: накупятъ машинъ, пошлютъ работать безъ надзора не понимающаго мужика, онъ и сломаетъ въ тотъ же день, а потомъ весь дворъ заставятъ ломомъ, чтобъ воробьи гнѣзда вили. Кузнецъ, молъ, сказалъ, что въ Россіи нельзя починить аглицкую вещь...

Въ клунѣ же стояли карета и много другихъ экипажей. Карету Кубринъ купилъ по случаю, вскорѣ послѣ своей женитьбы, но вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ на ней не ѣздилъ. „Совѣстно теперь, —говоритъ,—помѣщику ѣздить въ каретахъ".

Когда мы вышли изъ клуни, Кубринъ кликнулъ Колю. Тотъ разбѣжался, перекувырнулся разъ десять колесомъ по току и ввалился въ самую середину гусей, которые съ гоготаньемъ и шипѣньемъ отскочили въ стороны.

— На вотъ тебѣ ключи, отопри амбаръ и вели ссыпать пшеницу,—получилъ онъ приказъ отъ отца.

Мы пошли къ усадьбѣ. На дорогѣ остановилъ Кубрина мужикъ, шедшій изъ примыкавшей слѣва деревни.

— Здравствуйте, Иванъ Миколаичъ! — сказалъ онъ, снимая шапку.

— Здравствуй, Пронька!

— Я къ вашей милости.

— А что, братъ?

— Да вотъ, баринъ, сына задумалъ женить, бабу надо; моя стара стала и все хвораетъ. Задумалъ, а женить нечѣмъ. Помогите, Иванъ Миколаичъ, вѣкъ буду Бога молить за васъ! Мнѣ только сорокъ рублей...

— Отчего же ты къ урядику не обратишься? Вѣдь онъ всѣмъ даетъ!

— Ну его къ лиху, урядника-то этого!.. Узнали мы, что онъ за птица! Егорка Лазуткинъ да Забалочный локотки себѣ кусаютъ теперь — таково больно пришлось расплачиваться. За проценты они ему и посѣяли весь хлѣбъ, и убрали, и смолотили, и еще хочетъ, чтобъ свезли въ городъ. Десять шкуръ содралъ за разъ!.. Да и другимъ не сладко досталось. Потому, хуже жида жаденъ. Кулакъ — одно слово. Кому же, Иванъ Миколаичъ, въ кабалу хочется?.. Сдѣлайте божескую милость!

— Ну, хорошо, хорошо. Ты мужикъ честный, тебѣ можно помочь. Приходи завтра. А проценты отработаешь въ жнитво.

— По какой цѣнѣ, Иванъ Миколаичъ?

— По той, какая будетъ.

— Покорно благодарю, баринъ. Спасибо вамъ, что выручили, —сказалъ мужикъ, нѣсколько разъ поклонившись и не надѣвая шапки, даже когда мы отошли.

Усадьба Кубрина находилась на срытомъ холмѣ, защищенная отъ сѣвернаго вѣтра стѣной гигантскихъ вербъ. Каменный, крытый желѣзомъ домъ, съ фасадомъ въ пять оконъ, высоко стоялъ надъ окрестною мѣстностью. Онъ имѣлъ солидный видъ и казался неприступнымъ, окруженный широкой террасой и съ пристроенными съ двухъ концовъ громадными сѣнями, на подобіе фланковъ крѣпостной баттареи. На дорогу выходилъ палисадникъ съ кудрявымъ берестомъ по серединѣ и сиренью и уксусными деревцами вдоль рѣшотки. Всѣ многочисленные строенія и заборы, обступавшіе чистый и черный дворы, были изъ массивнаго бѣлаго плитняка. На высокихъ воротахъ помѣщался голубятникъ. Всевозможныхъ цвѣтовъ голуби сидѣли на немъ, сосѣднихъ постройкахъ и на дворѣ, гдѣ вмѣстѣ съ курами, индѣйками, утками и воробьями истребляли насыпанный для нихъ кормъ. Время отъ времени небольшія стаи ихъ, громко хлопая крыльями, снимались съ крышъ и съ гулкимъ шумомъ кружились вверху.

Около длиннаго сарая стояли возы и арбы, а у амбара—биржевые вѣсы для хлѣба, показывавшіе, что хозяйство велось со всѣми принадлежностями. Прорѣхъ въ усадьбѣ не видно было: все, хотя сооруженное незатѣйливо и во многихъ мѣстахъ заплатанное, поддерживалось образцово.

На дворѣ работалъ плотникъ. Поговоривъ съ нимъ, Кубринъ повелъ меня въ домъ. Въ первой комнатѣ мы увидѣли слѣдующую картину. Противъ двери помѣщалась печь, на шесткѣ которой находилась чугунная керосиновая плитка съ варившимся кушаньемъ. Въ углу, у входа стояла на колѣняхъ семилѣтняя дѣвочка. Въ глубинѣ комнаты сидѣли за столомъ жена Кубрина,—какъ я догадался, — другая дѣвочка лѣтъ десяти и старая баба въ черномъ платкѣ и съ трехъ-этажными глубокими бороздами на лицѣ, расходившимися отъ глазъ, носа и губъ. Онѣ пили кофе и разговаривали. Возлѣ же шкапа стояла, слушая ихъ, хохлушка въ запаскѣ, кухарка. Кубрина была на рубежѣ старости: кожа еще не ссохлась у нея, но носъ и подбородокъ начали уже заостряться; въ общемъ она казалась простоватой, симпатичной женщиной.

— Что это Лиза стоитъ на колѣняхъ?—спросилъ Кубринъ.

— Капризничала,—отвѣтила его жена.

— Ты капризничала? Не можетъ быть! Она послушная. Встань, Лиза,—сказалъ онъ, поднимая ее.

— Па-па! Мама меня... — плаксиво заговорила она, обхватывая ручками запыленную бороду и шею отца, не недосказала и разрыдалась.

— Не плачь, моя маленькая, не плачь,—уговаривалъ отецъ. —Ужъ эта мнѣ мама! Мы ее!..

— Пускай не капризничаетъ. Ваничка, вотъ къ тебѣ по дѣлу пришла бабка Галька.

— Зачѣмъ?

— Въ судъ меня, баринъ родненькій, требуютъ, — отвѣтила та въ носъ.—Посовѣтуйте, Христа-ради, что дѣлать мнѣ.

— За что же тебя въ судъ требуютъ?

— Да черезъ невѣстку мою, сучку. Вотъ ужъ правду говорятъ: не имѣла баба хлопотъ, да купила порося! Какъ взяла я ее къ себѣ, ни минуточки-то покою нѣтъ. Такая сказенная, что и ладу съ ней не придумаешь. Ты ей слово, а она десять! Тьфу, родимецъ бы тебя взялъ! Грѣха только...

— Да ты не мели языкомъ, а скажи, въ чемъ дѣло,—перебилъ ее Кубринъ.

— Сейчасъ, баринъ родненькій, сейчасъ. Намеднясь выругала это я ее, а она, шельма, стала перечить. Я ее по щекѣ. А она меня. Ну, я схватила туточки мою палку, да палкой, палкой! Она бѣжать, а я за нею. Бѣжимъ по деревнѣ, а на ея крикъ мужики повыскочили. Отецъ тоже подбѣжалъ, заступаться сталъ. Тутъ меня такая, баринъ родненькій, злость взяла, что ужъ и не помню, что дѣлала. Кажись, его побила палкой. Да такъ ему, старой собакѣ, и надо, не плоди такихъ шкуряжекъ!.. Ну, они вотъ и подали мировому.

— Аришка, готовъ обѣдъ? — спросилъ Кубринъ жену, мóя надъ тазомъ руки.

— Готовъ, Ваничка. Столъ ужъ накрытъ.

— Такъ вели подавать.

— Что же мнѣ дѣлать, баринъ родненькій? Не оставьте сироту своею милостью.

— Потомъ поговоримъ. Пойдемте обѣдать, — сказалъ онъ женѣ.—Прошу покорно.

Мы сѣли за столъ.

— Бабка Галька принесла въ подарокъ мнѣ цѣлый мѣшокъ сѣмячекъ,—произнесла Кубрина.

— Ты взяла?

— Да.

— Ну для чего ты это сдѣлала? Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ не брала отъ мужиковъ ничего! Вотъ еще, право,

попадья! Мнѣ и смотрѣть-то на нее противно, а теперь нельзя будетъ отказать. Да и до того ли мнѣ въ молотьбу, чтобы прошенія писать!.. Эхъ!

— Да ты, Ваничка, только посовѣтуй ей.

— Ее утопить надо, какъ вѣдьму, а не совѣтовать. Знаете ли вы,—обратился онъ ко мнѣ,—что это за баба? Это—звѣрь, настоящій звѣрь! Ее всѣ въ деревнѣ боятся. Вы слышали, она говорила, что палкой дралась. Палка эта съ громадной желѣзной гайкой на концѣ, и вотъ ею-то она всѣхъ лупитъ.

Къ обѣду Кубринъ оправилъ свою физіономію и надѣлъ приличный пиджакъ. Въ такомъ видѣ онъ словно помолодѣлъ. Онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, что, однакожъ, ему нисколько не мѣшало безъ умолку болтать; видно было, что онъ любилъ поговорить на досугѣ.

— Это все отъ моихъ дѣтей, — сказалъ онъ, замѣтивъ мой взглядъ на стѣну, увѣшанную фотографическими карточками.— Меня Господь, слава Богу, не обидѣлъ дѣтьми: и много ихъ, и почти всѣми я доволенъ.

— А сколько у васъ дѣтей?—спросилъ я.

— Вотъ здѣсь трое, да по всей Россіи разбросано шестеро. Есть и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ. Всѣхъ разсовалъ по учебнымъ заведеніямъ. И пока идутъ очень хорошо; одинъ уже въ университетѣ. Вотъ и эти скоро улетятъ изъ моего гнѣзда; подготовляю помаленьку.

— Развѣ вы сами подготовляете? Вѣдь у васъ хозяйство на рукахъ!

— Ничего, ухитряемся съ грѣхомъ пополамъ. Я больше съ ними зимою занимаюсь. Видите, въ чемъ дѣло: на первомъ моемъ сынѣ я страшно обжогся, ужасно обжогся! Нанялъ я для него репетитора; думалъ, что самъ не въ силахъ подготовлять, потому что кой-что забылъ, да и хозяйство мѣшало. Ну онъ мнѣ и испортилъ въ конецъ Костю. Заставлялъ долбить, ничего не объяснялъ, кричалъ на него, совсѣмъ памерки забилъ. Такъ бѣдный мальчикъ и погибъ: еле-еле до шестого класса доползъ. Дольше начальство не хотѣло держать въ гимназіи. Нечего дѣлать было, взялъ, пристроилъ на службу. Такъ вотъ я и подумалъ: э, думаю, —дѣло дрянь! Надо иначе дѣйствовать. Поналегъ на себя, освѣжилъ многое въ памяти и теперь, благодаря Бога, вывожу, да вывожу самъ дѣтей на дорогу. Оказывается, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ! А ужъ какъ пріятно видѣть, что изъ трудовъ твоихъ прокъ выходитъ! Точно самъ учишься съ ними и получаешь хорошіе баллы.

— Вы бы поглядѣли на него, когда онъ письма получаетъ отъ дѣтей!—сказала жена.

— Что же, это мое единственное развлеченіе въ деревнѣ. Газетъ не получаю, ничего не знаю, что дѣлается на свѣтѣ, а они описываютъ.

— Да,—помолчавъ, произнесъ онъ.—Кубрины вездѣ теперь есть. Всюду поднимаются. Скоро заговорятъ, пожалуй, объ нихъ въ уѣздѣ. Да и пора подняться, давно пора! Это мнѣ только не повезло...

Онъ задумался, держа на вилкѣ кусокъ жаркого, который такъ и не донесъ до рта.

Обѣдъ былъ отмѣнно сытный. Кушанья поражали своимъ объемомъ: на жаркое подали чуть ли не четверть барана. На столѣ находились двѣ наливки домашняго приготовленія: вишневка и сливянка, разныя соленья и моченья, и среди всего этого особенно выдѣлялся большой моченый арбузъ. Послѣднимъ былъ кисель, этотъ непремѣнный завершитель деревенскихъ обѣдовъ.

— Кушайте, пожалуйста!—упрашивала меня хозяйка.—Вотъ молочникъ. Осторожнѣе только берите, у него ручка приклеена. Это еще покойной мамаши моей молочникъ.

Она протяжно вздохнула.

— Царство ей небесное! Вѣчный покой...—прошептала она. —До сихъ поръ не могу забыть ея смерти!

— Ваша мать давно умерла?—предложилъ я вопросъ, зная, что разговоръ о смерти — любимая тэма для деревенскихъ жительницъ и, вообще, для старухъ; ихъ и сахаромъ не корми, только болтай всякую чепуху на этотъ счетъ.

— Два года тому назадъ. Нѣтъ, не два, безъ трехъ мѣсяцевъ два. Она умерла подъ самое Рождество... Вотъ ужъ тихо умерла! Какъ святая... Все приготовила, обо всемъ позаботилась и тихо-тихо скончалась. Когда она отходила, я сама видѣла, какъ духъ вышелъ, такъ въ видѣ пара и вышелъ, вотъ какъ на морозѣ дыхнешь. И папаша видѣлъ... Упокой Господи...—опять зашептала она, крестясь.—Коля, не лѣзь! Подожди, пока старшіе возьмутъ!—крикнула она сыну, который выпачканной въ жиру рукой протягивалъ ложку къ киселю.—Ишь, какой нетерпѣливый! Попробовалъ бы ты у дѣдушки такъ! Онъ тебѣ задалъ бы перцу! А то отецъ ужъ очень разбаловалъ васъ.

— По моему,—произнесъ Кубринъ,—лучше баловать дѣтей, чѣмъ обращаться съ ними такъ, какъ твой отецъ. Къ чему привела его строгость? Хороши ли вышли твои братья?

— И мой папаша страсть какой строгій!—сказала Кубрина,

точно соглашаясь съ мужемъ.—Бывало, когда одѣваешь его,—мы всѣ, взрослыя дочери, по очереди одѣвали его,—да какъ подать не ту подтяжку, онъ повернется и такъ хватитъ кулакомъ, что отлетишь на нѣсколько шаговъ.

Послѣ обѣда мы съ Кубринымъ пошли въ кабинетъ его покурить.

— Я всегда сюда хожу курить,—сказалъ онъ,—потому что я курю самый что называется самъ-панъ-тре. У меня катарръ легкихъ, а крѣпкій табакъ полезенъ для отдѣленія мокротъ.

Кабинетъ Кубрина рѣзко отличался по убранству отъ прочихъ комнатъ. Послѣднія были довольно прилично меблированы, хотя мебель и поистрепалась-таки отъ времени; но въ кабинетѣ царствовалъ полнѣйшій хаосъ. На стѣнѣ висѣло кавказское, оправленное въ серебро съ чернью оружіе и плотницкая пила. Въ одномъ углу лежала пшеница—выборка для посѣва. Въ другомъ—громадная куча разнаго хлама, преимущественно обломковъ желѣза, стали и дерева. Она сразу напомнила мнѣ знаменитую кучу Плюшкина. Разница заключалась только въ томъ, что куча Плюшкина была покрыта густымъ слоемъ пыли, эта же носила на себѣ слѣды частаго прикосновенія рукъ; во многихъ мѣстахъ она была разрыта.

— Это мой цейхаусъ всякой дряни,—замѣтилъ Кубринъ.— Дрянь, а нужная вещь въ хозяйствѣ! Нѣтъ-нѣтъ да и пригодится что-нибудь.

Около двери стоялъ шкапъ съ книгами вверху и аптекой внизу. Въ четвертомъ же углу находился рабочій столъ съ маленькой наковальней и прикрѣпленными съ боку тисками. На немъ лежала машинка для выкуриванья изъ норъ сусликовъ. Было еще много разныхъ предметовъ, которые говорили о необыкновенномъ разнообразіи дѣятельности хозяина.

Насосавшись въ волю трубки и едва не задушивъ меня дымомъ, Кубринъ ушелъ на токъ. Я остался съ хозяйкою. Она принялась угощать меня розовымъ вареньемъ и положила на блюдце цѣлую гору ароматическаго мѣсива. Вываливъ изъ банки варенье, она обернула вымазанный край и ловко, однимъ разомъ, облизала потеки. Лиза принесла ей жестянку съ табакомъ, изъ котораго она крутила тончайшую папироску.

— Вамъ не тяжело жить въ деревнѣ безъ общества, Арина Григорьевна?—началъ я разговоръ.

— Нѣтъ. По хозяйству столько дѣла всегда, что не знаешь даже, когда отдохнуть. Такъ все лѣто и проходишь на ногахъ— то туда, то сюда. То обѣдъ готовь, то харчи выдавай работни-

вамъ въ поле, то за птицей присмотри, то на огородъ заглянь, то—дѣти, наконецъ. Только успѣвай! Черезъ это сибирное хозяйство и со старыми-то знакомыми раззнакомишься! Въ двадцати верстахъ отъ насъ вотъ семейство одно живетъ, подруга моя, еще въ дѣвицахъ пріятельницами были. А ужъ нѣсколько лѣтъ не видѣлись. Она обѣднѣла, бѣдная, не на чемъ выѣхать, а я никакъ не соберусь все.

— А зимой что вы дѣлаете?

— Да и зимой тоже. Только вечеромъ сидишь. Ваничка съ дѣтьми занимается или тамъ что-нибудь дѣлаетъ: починяетъ, пшеницу выбираетъ, бумаги пишетъ,—а я вотъ здѣсь, около печки, сижу. Это мое любимое мѣсто: тепло такъ, уютно. Сижу и грызу для него сѣмечки—онъ очень любитъ ихъ,—налущу цѣлый стаканъ, полью медомъ и подамъ ему. Деревенское лакомство,—пояснила она, улыбаясь.—Или такъ-себѣ сижу, о дѣтяхъ думаю. Что-то они теперь дѣлаютъ, какъ-то учатся на чужой сторонкѣ? Есть ли деньги у нихъ? Отецъ не очень-то любитъ посылать имъ деньги; баловаться станутъ, говоритъ. Ну и пристану къ нему, что, дескать, посылать пора. А то вспомнишь, что Ѳедя недавно болѣлъ, даже воспитатель писалъ. И сейчасъ же подумаешь: не заболѣлъ ли онъ опять? Господи помилуй!.. И такъ-то грустно станетъ,—подопрешься ладонью, пригорюнишься и чуть-чуть не плачешь.

Она въ самомъ дѣлѣ пригорюнилась; даже зашептала подъ конецъ—вѣрный признакъ грусти. Я молчалъ и давалъ волю ея разболтавшемуся простосердечію.

— Больше всего я думаю о Костѣ,—продолжала она.—Такой онъ бѣдный! Отецъ не любитъ, ничего не удается ему; мечется, словно неприкаянный, изъ стороны въ сторону! Уродился, что ли, онъ несчастливымъ?.. Недавно вотъ, просто грѣхъ, что было. Поссорился это онъ со своимъ начальствомъ и пишетъ, что хочетъ выйти въ отставку. А отецъ отвѣчаетъ: не смѣй. Только онъ, все-таки, пріѣхалъ. Пріѣхалъ ночью, поздоровался со мной, а къ отцу боится идти. Такъ и легъ, не повидавшись съ нимъ. Утромъ Ваничка раньше обыкновеннаго ушелъ на токъ, еще въ четыре часа поднялся. И не видѣлись они до самаго обѣда. Передъ обѣдомъ Костя поздоровался. Отецъ сказалъ ему: здравствуй, но больше не заговаривалъ; а самъ мрачный такой! Ну, сѣли за столъ, поѣли борщу. Они все не разговариваютъ, ни тотъ, ни другой. Одна я разспрашиваю Костю, хотя онъ и неохотно отвѣчалъ. Подали жаркое, наконецъ; Ваничка попробовалъ его вилкой и говоритъ, что подгорѣло. А оно—жаркое какъ жаркое, ни чуточки не подгорѣло. „Что ты, говорю, гдѣ же под-

горѣло?“ — „Если я говорю, что подгорѣло, такъ подгорѣло!“ — ощетинился вдругъ онъ ни съ того, ни съ сего. Я замолчала, потому вижу, что не въ своей тарелкѣ парень; никогда не привередничалъ и вдругъ—на тебѣ. „Костя, не хочешь ли наливки?“ спросила я. Не успѣлъ онъ еще отвѣтить, а Ваничка опять ужъ закричалъ: „Это чортъ знаетъ что такое! Не желаю ѣсть такую гадость. Вотъ тебѣ!“ И что-жъ бы вы думали, схватилъ скатерть и со всѣмъ, что было на столѣ, такъ и вывернулъ на полъ. Я вскочила, дѣти плачутъ, посуда разлетѣлась въ дребезги, всѣхъ залило... „Ты чего смѣешься?“—подскочилъ онъ къ Костѣ, который и не думалъ вовсе смѣяться.—„Вонъ изъ моего дома! А не то—убью!“ Костя сейчасъ къ окну, да въ него — окно было раскрыто—и прямо въ садъ. „Что ты, Ваничка?“—сказала я, а сама трясусь, какъ въ лихорадкѣ, перепугалась. „Я лучше убью моего сына, чѣмъ онъ будетъ шалопаемъ!“—крикнулъ онъ. „Тю! дурной“, отвѣтила я. Такъ и разошлись мы, не обѣдавши. А Костя бѣдненькій изъ сада, безъ шапки, безъ всего, ушелъ на станцію желѣзной дороги и, не простившись даже, уѣхалъ въ городъ. Ваничка ему написалъ туда, чтобы не смѣлъ на глаза показываться и за сына считаться, пока не поступитъ на службу. Ну, Костя попросилъ дядю, тотъ его опредѣлилъ.

Она вздохнула и, глядя въ жестянку, начала вертѣть другую папироску. Въ комнату вошла кухарка.

— Барыня, полудновать работникамъ надо выдавать,—сказала она.—Чи рыби, чи арбузовъ?

— Сейчасъ, сейчасъ,—заторопилась Кубрина.—А вы бы прошли въ садъ,—обратилась она ко мнѣ.—Погуляли бы, посмотрѣли, какой онъ у насъ.

Я отправился въ садъ. Онъ былъ небольшой, скорѣе садикъ, и, стѣсненный дворомъ и рѣчкой, раздался въ ширину. Его насадилъ самъ Кубринъ. Молодыя деревья только-что вошли въ силу: онѣ еще далеко не достигли полнаго своего роста, но, подобно шестнадцатилѣтнимъ дѣвушкамъ, надѣвшимъ длинныя платья, походили больше на совсѣмъ сформировавшихся, чѣмъ на подростковъ—подавались сильнѣе въ стороны, а не вверхъ, густо закудрявились и покрылись сочными, мясистыми листьями. Стволы были гладкіе безъ бороздъ и зубчатыхъ наростовъ, которые появляются на старыхъ деревьяхъ, какъ морщины и бородавки на лицахъ старухъ. Въ зеленыхъ шапкахъ не рѣзала глазъ ни одна сухая вѣтка. Пріятно было взглянуть на эти стройныя колонки, поддерживавшія правильные, точно обстриженные вороха листьевъ и вѣтокъ. Тѣни деревьевъ не сливались вмѣстѣ, а ло-

жились на ровную траву отдѣльными силуэтами, превращая ее въ колеблющееся шашечное поле. Тамъ и сямъ сквозили въ аллеяхъ круглые кусты смородины и крыжовника. Все дышало красотой и свѣжестью первой молодости, которую не успѣла еще изуродовать жизнь.

Меня поразило разнообразіе породъ. Я видѣлъ абрикосы, груши, тутовыя деревья, каштаны; даже кизилъ и маслины. Фруктовыя деревья дробились на участки, обставленные, словно стражею, строевыми деревьями. Главная аллея была кленовая. Она упиралась въ бесѣдку.

Около бесѣдки я нашелъ скрытое, уютное мѣстечко надъ рѣкой. Съ одной стороны обступала его густая сирень; съ другой —кусты малины, которой сморщенные темно-зеленые листья виднѣлись даже на обрывѣ. Надъ всѣмъ этимъ раскинулись двѣ большія бѣлыя акаціи, окруженныя, точно дѣтьми, своею колючею порослью. Я бросился на побурѣвшую уже траву и сталъ нѣжиться въ осеннемъ теплѣ косыхъ лучей солнца. Опавшіе, сухіе листки акаціи тихо шуршали, когда я, щурясь отъ свѣта, сладко потягивался, какъ послѣ сна въ согрѣтой постелѣ. Внизу, вдоль берега тянулся стѣной желтоватый камышъ съ торчавшими въ иныхъ мѣстахъ вербами. Кой-гдѣ онѣ блестѣли серебромъ нижней стороны листьевъ. Неутомимая камышанка заливалась своимъ: кара-кицъ! кара-кара-кицъ-кицъ!.. Возлѣ противуположнаго берега купалъ лошадь голый мужикъ. Загаръ шеи и рукъ его отдѣлялся рѣзкой чертой отъ прочаго тѣла. Лошадь по временамъ фыркала и слегка стонала отъ удовольствія, быстро двигаясь впередъ. Должно быть вода была холодна уже, потому что мужикъ подобралъ ноги на самую спину ея, которая лоснилась, какъ атласъ.

На высокой горѣ, вогнуто поднимавшейся отъ рѣчки, стояла развалившаяся помѣщичья усадьба. Лишенныя рамъ окна черными дырами зіяли въ большомъ двухъ-этажномъ домѣ. На крышѣ лежала битая черепица. Прочія же строенія совсѣмъ расползлись въ груды камня. Передъ усадьбой виднѣлся простой, деревянный крестъ, обнесенной этимъ камнемъ могилы владѣльца имѣнія,— бывшаго предводителемъ дворянства. Его недоросли-сыновья жили въ полуразрушенномъ тоже флигелѣ и мало-по-малу превращались въ мужиковъ, пьянствуя и хороводясь съ ними.

Я невольно вспомнилъ о своемъ впечатлѣніи, когда пріѣхалъ получать оставленное мнѣ наслѣдство. Я глядѣлъ на него, какъ на разлагающагося мертвеца. Мнѣ было и противно, и грустно, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалко, жалко, какъ жалѣютъ исчезнувшаго

человѣка. Но теперь я не почувствовалъ этого. Рядомъ я видѣлъ созидающую крѣпкую силу. Это болѣе совершенный фениксъ возрождается изъ пепла.

Скоро прибѣжалъ ко мнѣ Коля, котораго отпустили поиграть. Онъ принесъ отъ матери арбузъ. Мы разрѣзали его на травѣ и усердно поѣли сладкой, сочной мякоти.

— Хотите, я нарву вамъ клею?—предложилъ онъ мнѣ потомъ.

— Какого клею?

— Вишневаго. Вотъ на этомъ деревѣ страсть сколько его. Вонъ блеститъ шишка.

И не дожидаясь моего согласія, онъ какъ... не какъ бѣлка, а какъ медвѣжонокъ полѣзъ на дерево. Отломавъ большой кусокъ янтарной смолы, онъ бросилъ его мнѣ.

— Хотите, я на самую верхушку взлѣзу? — опять спросилъ онъ.

— Зачѣмъ? Тамъ тонко очень—упасть можно!

— А я не упаду. Я и не на такія еще взлѣзу!

— А вдругъ вѣтка сломается?

— Не упаду, не упаду! Вотъ, смотрите.

Онъ взлѣзъ, дѣйствительно, на самую верхушку, и еще началъ раскачивать дерево, чтобы показать, какой онъ храбрый. Долго онъ потѣшалъ меня своими выдумками. Мы даже катались на лодкѣ, которая была привязана къ корню вербы въ маленькой бухточкѣ среди камыша.

Послѣ заката солнца пришелъ въ садъ и Кубринъ. Онъ кончилъ молотить.

— Это сынъ мой, Миша, на каникулахъ сдѣлалъ,—сказалъ онъ, указывая на солнечные часы, стоявшіе у бесѣдки. Они состояли изъ вбитой въ землю палки съ дощечкой на верху, на которой торчалъ треугольникъ.—Они вѣчно пріѣдутъ и начнутъ выдумывать что-нибудь. Навезутъ книгъ разныхъ, наберутся мыслей... и меня пичкаютъ ими.

Мы начали ходить съ нимъ по кленовой аллеѣ.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Николаичъ,—спросилъ я,—какъ вы ухитряетесь успѣшно вести хозяйство въ теперешнія времена?

Онъ усмѣхнулся довольно долгою усмѣшкой. Знать не въ первый разъ ему задавали такой вопросъ.

— Это моя тайна, — произнесъ онъ.—Деньги фальшивыя дѣлаю: спросите у сосѣдей, они такъ и скажутъ вамъ.

— Нѣтъ, серьезно.

Онъ вынулъ трубку изо рта и медленно выпустилъ дымъ.

— Хм!.. Я право не знаю, какъ растолковать это вамъ... Не лѣнюсь и напрактиковался. Ну и къ тому же приказчиковъ нѣтъ, самъ во все вхожу.

— Мнѣ кажется,—сказалъ я,—что хозяйство—это то же искусство. Имъ надо увлечься, какъ увлекаются поэзіей, музыкой, живописью... Надо всю душу положить въ него. Однимъ словомъ, нужно родиться хозяиномъ.

— Это вы вѣрно. Безъ привычки съ дѣтства и безъ любви ничего не сдѣлаешь. Надоѣстъ скоро. Потому тяжелая очень вещь... У, жутко иной разъ бываетъ! Ажъ небу жарко.

Онъ снова принялся за трубку, которая отъ избытка гари шипѣла и клокотала внутри, точно вода кипятилась.

— А главное,—продолжалъ онъ,—не надо зарываться. Это послѣднее дѣло, сразу вылетишь въ трубу. У меня на этотъ предметъ есть разсчетецъ маленькій, и я ни на шагъ не отступаю отъ него.

— Какой?

— Самый простой. Положимъ, вы посѣяли десять десятинъ и потерпѣли на нихъ убытокъ отъ неурожая. Сѣйте тогда на слѣдующій годъ на столько меньше (ну, пускай шесть десятинъ), чтобы расходы равнялись прошлогоднимъ за вычетомъ убытка. Теперь, если вы получите прибыль, то сѣйте больше и потратьте на это половину прибыли, а другую—держите про запасъ. Такъ вы ни копѣйки не прибавляете къ разъ затраченнымъ деньгамъ, а между тѣмъ, основной капиталъ правильно увеличивается. Понимаете?.. Я еще иначе объясню это вамъ. Пусть въ первый годъ положена на хозяйство тысяча рублей, причемъ понесенъ убытокъ въ триста рублей. На другой годъ ни за что не расходуйте больше семи-сотъ рублей, — потому что, при нашихъ неурожаяхъ, которые бываютъ нѣсколько лѣтъ сподрядъ, вы непремѣнно провалитесь, прибавляя. Конечно, досадно уменьшать посѣвъ, но чтожъ дѣлать! Я даже доходилъ просто до смѣшного хозяйства, а все-таки сокращалъ, и вотъ ужъ сколько разъ черезъ это вынырнулъ.

Я подивился простотѣ этого разсчета и мнѣ стало ясно, что хозяйство далеко не лоттерея, какъ многіе думаютъ. Оно, какъ и всякое дѣло, зависитъ больше отъ людей, чѣмъ отъ обстоятельствъ.

— Теперь рисковать нельзя, — говорилъ Кубринъ.—Теперь помѣщику какъ змѣѣ нужно извиваться. Каждую копѣйку приходится выгадывать. Иной разъ ночи не спишь, все думаешь, какъ бы концы съ концами свести. Такое ужъ время трудное!—

Правда, можно и разбогатѣть быстро, какъ вотъ урядникъ, навѣрное, разбогатѣетъ... Только Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ богатствомъ такимъ! Male cepit, male dilabuntur (зломъ пріобрѣтенное въ злѣ погибаетъ), какъ говорили мы въ гимназіи.

Я навелъ разговоръ на то, какъ онъ сталъ хозяиномъ. Онъ разсказалъ, что въ молодости много горя претерпѣлъ. Долженъ былъ оставить университетъ, потому что отецъ денегъ не присылалъ. Потомъ въ самую тяжелую пору служилъ на Кавказѣ въ полку, гдѣ былъ квартермистромъ. Получивъ рану, онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню тотчасъ по освобожденіи крестьянъ. Здѣсь настала для него не менѣе тяжелая война съ разоренными имѣніемъ и новыми порядками. И только благодаря практичности и умѣнью обходиться съ мужиками, онъ вышелъ побѣдителемъ.

— Да,—заключилъ онъ,—варварскую школу я прошелъ! Не дай Богъ никому.

Дойдя до бесѣдки, мы сѣли въ ней. Было ужъ поздно. Полнолицая луна показалась за вербою, рисуя на серебрѣ своего диска тонкія вѣтки. Казалось, что она висѣла на нихъ. Тѣни вдоль аллеи такъ были черны и рѣзко очерчены, что, заговорившись, я невольно отступалъ назадъ передъ ними, точно боясь столкнуться. Отъ рѣки потянуло сыростью. Изъ-за высокой бѣлой акаціи вылетѣлъ ястребъ, плавно опустился неподалеку на вѣтку клена и долго примащивался на ночлегъ, мелькая въ лунномъ свѣтѣ своимъ желтымъ кошачьимъ глазомъ.

— Сказать вамъ мое задушевное желаніе?—произнесъ вдругъ Кубринъ.—Еслибъ было кому сдать на руки хозяйство, я бы такъ и жилъ все въ саду. Копался бы въ землѣ, садилъ деревья, смотрѣлъ бы за ихъ ростомъ, прививалъ, колеровалъ... Ужъ у меня бы тогда ни одинъ листъ не съѣли гусеницы! Развелъ бы виноградъ тамъ, за ясеневой аллеей... Вы не можете себѣ представить, что за удовольствіе подчищать деревца, видѣть, какъ они съ блѣдной кожей, словно растущія быстро дѣти, поднимаются, что ни день, все выше и выше!.. А какой рай весною возиться въ саду, когда онъ, точно невѣста къ вѣнцу, убирается въ милліоны бѣлыхъ, лиловыхъ и розовыхъ цвѣтовъ. Особенно яблони мнѣ нравятся съ ихъ пахучими цвѣточками, которыхъ прозрачные лепестки будто подрумяниваются внизу. Придешь къ такой яблонькѣ, сядешь подъ низко нависшими, узловатыми вѣтками, вдыхаешь въ изболѣвшуюся катарромъ грудь густой запахъ и словно спишь... Глаза закрываются, руки безсильно лежатъ на колѣняхъ, а сердце щемитъ, щемитъ... Хорошо бываетъ! — вос-

кликнулъ онъ такъ громко, что ястребъ встрепенулся, дернулся въ сторону, но, должно быть, раздумалъ и опять спокойно усѣлся на черной вѣткѣ.—Ужасно, хорошо,—прибавилъ онъ уже тихо, почти шопотомъ.—Эхъ, еслибъ кто-нибудь изъ дѣтей поднялся скорѣе да смѣнилъ меня! Великое спасибо бы сказалъ ему!.. Какъ хотите, старъ становлюсь, устаю... Ну и хочется отдохнуть.

— Ва-нич-ка!.. Ва-ня!!—вдругъ пронзительно раздалось отъ дома.—Идите чай пить!.. Ско-рѣй!

— Ну ужъ, пошла насѣдка кричать! — съ неудовольствіемъ сказалъ Кубринъ.—Сидитъ вѣчно съ дѣтьми дома и только и знаетъ, что—ѣсть да пить!.. А впрочемъ, пойдемте. Пора.

Урядникъ уже пріѣхалъ и пилъ чай. Онъ торопливо приподнялся при нашемъ входѣ и стукнулся шашкой о столъ.

— Ваничка, да возьми ты ее отъ меня! — плаксиво встрѣтила насъ этими словами хозяйка, отталкивая отъ себя старшую дѣвочку, Олю.—Что она не даетъ мнѣ покою! Пристаетъ да пристаетъ...

— А ты прогони ее! Непремѣнно ко мнѣ обращаться! Скажи моей кобылѣ—тпру!

— Да она не слушаетъ меня!

— А отчего же меня слушаетъ?.. Оля, оставь маму! Иди сюда. Мы споемъ съ тобой.

Онъ пошелъ въ гостиную и вынесъ скрипку.

— Не хорошо, Оля, приставать къ мамѣ,—произнесъ онъ, настраивая скрипку.—Взяла бы да почитала или рисовать начала. Вѣдь Коля вонъ рисуетъ!

Коля, дѣйствительно, водилъ карандашомъ по маленькой тетрадкѣ. Но какъ онъ рисовалъ! Забравшись съ ногами на сундукъ, онъ сидѣлъ на колѣняхъ и, склонивъ голову ниже зада, находился почти въ темнотѣ.

— Вотъ молодецъ Коля!—сказалъ мнѣ Кубринъ.—Вы посмотрите, какъ рисуетъ. Покажи, Коля.

Коля, молча, подалъ мнѣ тетрадку и почему-то вздохнулъ. Копіи звѣрей были очень хороши для восьмилѣтняго мальчика.

— Ну-ка, споемъ мы съ тобой старую кавказскую пѣсенку, —обратился Кубринъ къ дочери.

— Здрав-ствуй, ми-ла-я, хо-ро-ша-я моя...—запѣлъ онъ подъ аккомпаниментъ скрипки глухимъ старческимъ, хриповатымъ и обрывающимся, голосомъ.

— Здьяв-ствуй, ми-я-я, ха-ё-са-я моя...—подхватилъ тончайшій, какъ звукъ серебрянаго колокольчика, дискантъ Оли.

Сочетаніе звуковъ было до такой степени забавно, что я, противъ желанія, началъ улыбаться. Смѣялись также и глаза Кубрина — смѣялись энергическимъ, влажнымъ блескомъ. Даже по лицу урядника расползлась, для приличія, вѣроятно, дѣланная, широкая улыбка, точно онъ готовился оскалить зубы по-собачьи. Одна Кубрина равнодушно прихлебывала съ блюдечка чай и разсѣянно глядѣла въ уголъ. Какъ всѣ мелочные люди, она тотчасъ же погружалась въ оцѣпенѣніе, лишь только оставляли ее ежедневныя хлопоты. Такъ, тревожно прорыскавъ весь день и насытивъ, наконецъ, свое брюхо, нѣмѣетъ сразу звѣрь, пока сонъ не превратитъ его совсѣмъ въ бревно.

Въ комнату вошелъ лысый, огромный мужикъ съ узкимъ вѣнцомъ волосъ сзади, крупными чертами лица, умными глазами и сѣдой бородой лопатою. На немъ была только грубая сорочка, спрятанная въ собранныя у пояса шаровары. Изъ ворота виднѣлась часть волосатой груди, на которой висѣлъ довольно большой образокъ.

— А! Прасолъ. Здравствуй, братъ! — сказалъ Кубринъ.

— Желаю здравствовать вашей милости, — отвѣтилъ тотъ груднымъ голосомъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ сидящихъ и безъ приглашенія садясь на стулъ.

— Ну, что скажетъ твоя борода? Хе-хе... Это нашъ богачъ деревенскій, — обратился Кубринъ ко мнѣ. — Я надъ его бородой всегда подшучиваю, потому что онъ, когда думаетъ или говоритъ, непремѣнно глядитъ себѣ въ бороду — словно она ему подсказываетъ. Ариша, дай прасолу чаю.

Старикъ потеръ себѣ ладонью голый черепъ.

— Хорошаго не скажу, баринъ, — произнесъ онъ медленно. — Пропадать приходится! Пшеница увовсе упала въ цѣнѣ. Сѣдни Ѳедька Палашкинъ пріѣхалъ изъ города, говоритъ, ее замѣсто гною принимаютъ, ни за что. Николи не было еще такой напасти! Хоть въ гробъ живой ложись... — докончилъ онъ, причмокнувъ.

— Да не плачь ты, прасолъ! — сказалъ Кубринъ. — Кому другому, а тебѣ стыдно плакать. Мы съ тобой всегда вывернемся... Ну что, ну пускай цѣна упала, а мы возьмемъ да и подождемъ весны. Къ веснѣ навѣрное она подымется — это ужъ какъ Богъ святъ!

— Хорошо вашей милости такъ говорить, когда у васъ заручка есть! А мнѣ за аренду надо платить.

— За аренду, а мнѣ за дѣтей!.. Не хнычь, старый хрѣнъ! А вотъ лучше посовѣтуй, не пора ли озимку сѣять?

— Какъ не пора, давно пора! Скоро заморозки будутъ. Да

вы уже послали работниковъ, я утресь, какъ съ мельницы брелъ, видѣлъ—ѣхали.

— Послалъ-то послалъ, да все не мѣшаетъ посовѣтоваться. Прасолъ мой учитель,—сказалъ мнѣ Кубринъ.—Я вѣдь у него учился хозяйничать. Вотъ золото-человѣкъ! Одинъ только всего сынъ—да и тотъ никуда не годится, совсѣмъ тщедушный, — а посмотрите, какое у него хозяйство!... И въ мошнѣ, должно быть, охъ, какъ не пусто! За то онъ и собака же хозяйничать! Ужъ онъ работнику не дастъ проспать — самъ будетъ сидя дремать, а все-таки рано встанетъ.

— Слухай сюды, баринъ, — прервалъ его прасолъ, допивъ чай и поставивъ на столъ блюдце съ перевернутымъ стаканомъ, на которомъ лежалъ остатокъ сахара.—Не можетъ ли ваша милость похлопотать у Сыча (предсѣдатель земской управы, Сычевъ), чтобъ въ присяжные не записывали меня? У меня года уже, кажись, вышли.

— А, не нравится?.. Вотъ мы съ нимъ боимся общественной службы! Какъ чортъ ладону... Онъ даже на сходки свои не ходитъ!

— Почему?—спросилъ я.

— Да переводъ времени только; ну и упущенія по хозяйству.

Прасолъ скоро ушелъ. Потомъ мнѣ часто приходилось слышать о немъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, сильныхъ и практическихъ умовъ, которые встрѣчаются и между мужиками и которыхъ настоящее назначеніе—дѣлать большое дѣло.

Послѣ чая я попрощался съ радушными хозяевами. Когда мы съ урядникомъ выѣхали изъ усадьбы Кубрина, луна, точно единственный, широко-раскрытый глазъ неба, глядѣла уже съ высшей точки своего пути. Держа одной рукой возжи, урядникъ обернулся ко мнѣ и посмотрѣлъ длиннымъ, страннымъ взглядомъ, но ничего не сказалъ. Затѣмъ онъ еще посмотрѣлъ — и опять ничего не сказалъ. И только въ третій разъ произнесъ:

— Каковъ-съ помѣщикъ?

Въ глазахъ его была такая непонятная смѣсь вопроса, ироническаго подмигиванья, почтительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, панибратства, что эти взгляды глубоко запали мнѣ въ память и долго потомъ вспоминались, какъ вспоминается гибкая ядовитая змѣя, которая, скользнувъ у ногъ, чуть-чуть не укусила васъ.

Влад. Абрамовъ.

КАВЕЛИНЪ

и

РУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ

I.

Трудно представить, говоритъ А. Н. Пыпинъ, условія, менѣе благопріятныя для какихъ-нибудь запросовъ литературы въ смыслѣ освобожденія крестьянъ, чѣмъ были условія Николаевскаго времени,—и, однако, въ литературѣ проходитъ несомнѣнная струя освободительнаго народолюбія; наиболѣе характернымъ выраженіемъ ея остались „Записки Охотника“ и—успѣхи этнографіи [1]). Присоединяясь къ такому мнѣнію, мы, съ своей стороны, пополагаемъ, что однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей, способствовавшихъ успѣхамъ этнографіи, и почти единственнымъ выдающимся дѣятелемъ въ научно-теоретической разработкѣ бытовой этнографіи былъ въ то время и остается до настоящаго времени К. Д. Кавелинъ. Со времени выступленія К. Д. въ качествѣ этнографа, собрана, конечно, масса новаго матеріала, а вслѣдствіе того явились и обобщенія, которыя отчасти видоизмѣняютъ, отчасти дополняютъ выставленныя имъ начала. Но, во-первыхъ, эти измѣненія и дополненія въ области научно-теоретической разработки бытовой этнографіи слишкомъ мало извѣстны даже среди людей, занимающихся этнографіей, а, во-вторыхъ, и что самое главное, эти измѣ-

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, апрѣль, 1885 стр. 784: „Задачи русской этнографіи“, А. Н. Пыпина.

ненія и дополненія, на сколько они правильны, не только не устранили основного остова воззрѣній Кавелина, но составляютъ дальнѣйшее развитіе указанныхъ имъ началъ. Мало того, многія изъ наиболѣе основательныхъ требованій его по отношенію къ разъясненію этнографическихъ данныхъ въ значительной степени игнорируются до настоящаго времени, и притомъ не только у насъ, но и въ Европѣ.

Обратите прежде всего вниманіе на основное начало относительно способа, метода разъясненія бытовыхъ данныхъ, уловленія ихъ дѣйствительнаго смысла, выставленное больше четверти вѣка тому назадъ Кавелинымъ и остающееся столь же цѣннымъ и несокрушимымъ руководителемъ для научнаго изслѣдователя въ области этнографіи въ настоящее время, какимъ оно было въ то отдаленное отъ насъ время, при первыхъ шагахъ изученія этнографическихъ данныхъ. Вотъ это руководящее положеніе, которое должно быть заучено этнографами наизусть и которое избавило бы ихъ отъ многихъ искусственныхъ и натянутыхъ обобщеній въ родѣ теоріи тучъ и громовъ или небесныхъ коровъ. „Прежде понятій, прежде обычаевъ, — говорилъ Кавелинъ, — первой формы правильныхъ общественныхъ и житейскихъ отношеній, нераздѣльно и исключительно преобладалъ непосредственный, грубый фактъ, во всей случайности или внѣшней необходимости: за нимъ ничего не было. Слѣпо покорялся ему первобытный человѣкъ... Здѣсь зародышъ убѣжденій и обычаевъ. Ихъ содержаніе не отвлеченная мысль, не психологическая или философская истина, а непосредственныя отправленія и дѣйствія внѣшней природы или грубыя, случайныя явленія первоначальной общественности“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Кавелинъ излагаетъ ту же мысль короче и яснѣе. „Ищите,—говоритъ онъ,—въ основаніи обрядовъ, повѣрій, обычаевъ—былей, когда-то живыхъ фактовъ, ежедневныхъ, нормальныхъ, естественныхъ условій быта“ [2]). Это основное положеніе, этотъ указанный Кавелинымъ методъ разъясненія бытовыхъ данныхъ игнорировался въ его время, игнорируется донынѣ. Все, что говоритъ Кавелинъ въ первомъ своемъ трудѣ по этнографіи объ извращенномъ способѣ истолкованія обычаевъ, обрядовъ и повѣрій—все это вполнѣ приложимо и къ нынѣшнему времени, къ громадной массѣ статей и изслѣдованій по разнымъ предметамъ этнографіи. „На чисто фактическую, простую, такъ сказать, внѣшнюю основу обычаевъ и убѣжденій,—

¹) Кавелинъ, Сочиненія, т. IV, стр. 59.
²) Тамъ же, стр. 57.

говоритъ Кавелинъ,—изслѣдователи не всегда обращали должное вниманіе... Привыкнувъ во всякомъ, малѣйшемъ явленіи теперешней общественности видѣть плодъ сознательной мысли, анализа, результатъ обдуманной переработки, надъ которой трудились многія поколѣнія, мы невольно смотримъ такими же глазами на бытъ отдаленной древности, ищемъ въ немъ символовъ великихъ истинъ какой-то первобытной мудрости, которая, если не была выше, то навѣрное не ниже теперешней; всюду мерещатся намъ аллегоріи, иносказанія, гіероглифы, разладица между содержаніемъ и формой, какія теперь видимъ... Результатъ такихъ изслѣдованій—призраки, мысли, принадлежащія изыскателю, а не старина, какой она была въ самомъ дѣлѣ. Фактическая основа этой, такъ называемой, мудрости, забытая, затертая на второй планъ, утрачиваетъ подъ перомъ изслѣдователей свои живыя, яркія краски, и простое разумѣніе дѣлается невозможнымъ“ [1]).

Надо сказать правду, что доискаться фактической основы обычая, обряда и т. д. вовсе не такъ легко, какъ это кажется съ перваго взгляда, даже при самомъ сильномъ желаніи отрѣшиться отъ фантазій, отъ искусственнаго разъясненія. Какъ уже указалъ самъ Кавелинъ, „многіе обряды, повѣрья, торжественныя дѣйствія и слова имѣютъ, по понятіямъ народа, извѣстное значеніе, опредѣленный смыслъ. Казалось бы,—говоритъ Кавелинъ,—это должно облегчать изысканія; надъ смысломъ того, что̀ объясняетъ самъ народъ, не для чего ломать себѣ голову,—вотъ, повидимому, прямое и самое естественное заключеніе. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Вмѣсто того, чтобъ облегчить трудъ, такія объясненія часто запутываютъ еще болѣе, вводя въ ошибки, выдавая фантазіи народа за дѣйствительные факты,—словомъ, сбивая критику съ толку на каждомъ шагу“ [2]).

Повторяю, высказанное въ приведенныхъ до сихъ поръ выдержкахъ основное положеніе Кавелина имѣетъ руководящее значеніе для этнографіи и въ будущемъ, не смотря, конечно, на то, что и самъ Кавелинъ въ своихъ работахъ не всегда оставался вѣренъ этому началу, не всегда руководился имъ въ истолкованіи бытовыхъ данныхъ. Ему приходилось совлекать съ каждаго обычая, съ каждаго повѣрья, густой слой замысловатыхъ, а подчасъ и совершенно вздорныхъ комментаріевъ и объясненій, какіе давали ему этнографы въ родѣ Снегирева, Сахарова и Терещенко, а также выступавшій въ его время съ громадной эрудиціей Аѳанасьевъ. Не мудрено, если онъ по временамъ самъ впадалъ въ

[1]) Тамъ же, стр. 60—61.

[2]) Тамъ же, стр. 37—38.

противорѣчія съ самимъ собою и выставленными имъ же руководящими началами.

II.

Я не буду останавливаться здѣсь на заслугахъ Кавелина въ дѣлѣ углубленія идеи объ „историческомъ развитіи". Понятіе объ эволюціи, о развитіи общества, идей, учрежденій существовало и разрабатывалось въ исторіи до Дарвина, такъ какъ безъ понятія о развитіи исторія не имѣетъ смысла. Какъ уже указалъ А. Н. Пыпинъ [1]), эта идея нашла приложеніе къ русской исторіи въ трудахъ Соловьева и Кавелина. Несомнѣнно, что у послѣдняго пониманіе этой идеи было гораздо глубже, чѣмъ у перваго. Это видно, между прочимъ, изъ его отношенія къ вопросу о вліяніи заимствованій на ходъ развитія. Сущность его взгляда на этотъ предметъ заключается въ томъ, что народъ заимствуетъ не все то, что̀ онъ видитъ у другихъ народовъ, и затѣмъ то, что̀ онъ заимствуетъ, онъ перерабатываетъ сообразно соостоянію его развитія въ данный моментъ. Я приведу здѣсь его собственныя слова. „Подобно всякому живому существу, народъ на все смотритъ съ точки зрѣнія, обусловленной его характеромъ, исторіей, особенностями, историческимъ возрастомъ въ данную минуту. Всего, что̀ внѣ этого опредѣленнаго круга его понятій, внѣ окружающей его нравственной атмосферы, онъ не видитъ и не понимаетъ. Внесетъ ли исторія новый элементъ, условіе въ народную жизнь,—случай ли броситъ въ нее данное, выросшее на другой исторической почвѣ, плодъ другого порядка вещей и понятій—они или передѣлываются, или остаются тѣ же, но народъ соединяетъ съ ними другое понятіе, присущее ему; слѣдовательно, внѣшній образъ или смыслъ ихъ,—все равно—становятся другими, и, принимая чужое, вводя въ себя посторонніе элементы, народъ остается собой и себѣ вѣренъ [2])". Я не скажу, чтобы въ этихъ словахъ заключалось полное пониманіе роли заимствованій въ исторической жизни народа и ихъ вліянія на ходъ развитія его,—но имѣйте въ виду, что этого пониманія не существуетъ и въ настоящее время, не только у насъ, но и въ европейской наукѣ.

Наибольшей заслугой Кавелина въ отношеніи къ теоріи развитія, свидѣтельствующей вмѣстѣ съ тѣмъ о глубинѣ пониманія этой теоріи, является, такъ называемая, „теорія остатковъ". Гораздо раньше Дарвина и Тэйлора Кавелинъ развивалъ эту теорію

[1]) Вѣстн. Европы, мартъ. 1883, стр. 275, 282, 284.

[2]) Кавелинъ, Сочиненія, т. IV, стр. 51.

въ своихъ этнографическихъ работахъ. Онъ, очевидно, понималъ и сознавалъ, что, не смотря на существующее соотношеніе въ дѣлѣ роста и развитія разнородныхъ элементовъ въ жизни народа, въ той или другой сторонѣ жизни могутъ оставаться окаменѣлости, слѣды весьма отдаленныхъ эпохъ, нравовъ и обычаевъ весьма отдаленныхъ временъ. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ. „Вслѣдствіе безпрестанной, хотя и медленной, перестройки, наши обычаи и обряды представляютъ самый нестройный хаосъ, самое пестрое, повидимому, безсвязное, сочетаніе разнороднѣйшихъ началъ. Развалины эпохъ, отдѣленныхъ вѣками, памятники понятій и вѣрованій самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ другъ другу, въ нихъ какъ бы набросаны въ одну груду въ величайшемъ безпорядкѣ... Чтобы внести сколько-нибудь свѣта въ эту массу отрывочныхъ, отчасти искаженныхъ и обезсмысленныхъ фактовъ, остается одно средство: разобрать ихъ по эпохамъ, къ которымъ они относятся, по элементамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались, и потомъ съ помощью способовъ, на которые указываетъ историческая критика, возстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этихъ эпохъ и послѣдовательность преемственнаго вліянія этихъ элементовъ. По примѣру геологіи, критика должна найти ключъ къ этимъ ископаемымъ исчезнувшаго историческаго міра“ [1]). Благодаря этой предвосхищенной Кавелинымъ у новѣйшаго времени теоріи остатковъ, онъ обнаруживалъ такое мастерство въ разъясненіи обычаевъ и обрядовъ, въ дѣлѣ возсозданія цѣлыхъ періодовъ первобытной жизни, которое должно быть предметомъ удивленія и въ настоящее время. „Обряды, религіозныя вѣрованія, предразсудки и т. д.,—говорилъ онъ,—упорно хранятъ тайну своего значенія и смысла. Чтобъ заставить ихъ говорить, нужны извѣстные пріемы, извѣстная манера, способъ спрашивать“ [2]). Кавелинъ обладалъ этимъ умѣніемъ спрашивать именно благодаря тому, что руководителемъ его была теорія остатковъ. Столь распространеннаго въ нынѣшней научной разработкѣ этнографіи термина „переживаніе“ онъ не употреблялъ, но слова: „слѣды“, „остатки“, встрѣчаются у него на каждомъ шагу.

III.

Мнѣ остается еще указать здѣсь на громадныя заслуги Кавелина, никѣмъ еще не превзойденныя въ начертаніи самой схемы развитія какъ до-исторической жизни народовъ, такъ и жизни истори-

[1]) Тамъ же, стр. 36.

[2]) Тамъ же, стр. 216, 217.

ческой. Для того, чтобы сдѣлать это вполнѣ удовлетворительно, мнѣ пришлось бы привести здѣсь массу выдержекъ изъ его изслѣдованій. Въ виду этого, отсылая людей, интересующихся вопросомъ о ходѣ развитія культуры и цивилизаціи, къ сочиненіямъ Кавелина, приведемъ здѣсь только слабый очеркъ его идей и отмѣтимъ вкратцѣ ихъ значеніе для этнографіи и исторіи.

Что представляетъ собою населеніе Россіи, если мы отвлечемся отъ этнографическихъ особенностей и отъ различныхъ чертъ государственнаго устройства? Въ городахъ населеніе преимущественно состоитъ изъ собранія семействъ, въ селахъ населеніе состоитъ изъ собранія семействъ и родовъ, т. е. семействъ, въ которыя включены дяди, тетки, племянники и т. д., или большихъ семействъ. Это меньшія или большія клѣтки, изъ которыхъ состоитъ весь организмъ страны. На эти же семьи и роды распадалось населеніе и въ прежнія историческія и до-историческія времена, съ тѣмъ только различіемъ, что, во-первыхъ, чѣмъ дальше мы пойдемъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ меньше мы найдемъ семействъ и тѣмъ больше мы найдемъ родовъ, пока не дойдемъ до такого времени, когда семействъ вовсе не было, а были одни только роды. Иначе говоря, существующія нынѣ семейства образовались вслѣдствіе распаденія родовъ въ теченіе исторической жизни населенія. Во-вторыхъ, эти семьи и роды не были въ прежнія времена такъ объединены между собою, такъ слиты, благодаря общей территоріи и общему государственному управленію, какими они являются въ настоящее время, и опять-таки, чѣмъ дальше мы пойдемъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ больше мы найдемъ вражды и розни между составными элементами населенія даннаго района, до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до такого момента, когда тѣ роды, которые мы называемъ нынѣ клѣтками организма страны, представляли собою обособленные организмы, политическія единицы, враждебно относившіяся ко всѣмъ подобнымъ же безчисленнымъ единицамъ. И напротивъ, если мы, въ видѣ исходной точки, возьмемъ первобытныя времена, то мы увидимъ, что чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нынѣшнему времени, эти клѣтки съ помощью различныхъ способовъ сближаются между собою, объединяются, при чемъ, конечно, нѣкоторыя исчезаютъ или поглощаются другими, образуютъ племена, народы и т. д. Эту схему развитія указалъ Кавелинъ, прослѣдивъ вліяніе объединенія родовъ и распаденія ихъ на семьи въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. При этомъ онъ заплатилъ дань времени и славянофильству, съ которымъ онъ боролся, указавъ на то, что эта схема развитія есть будто бы не общеевропейская и не общечеловѣческая схема развитія, а достояніе спеціально Россіи. Европа будто бы въ тече-

ніе своей исторической жизни занималась только выработкой личности. А, между тѣмъ, процессъ индивидуализированія или распаденія семей на отдѣльныя отрозненныя другъ отъ друга по своимъ интересамъ и стремленіямъ личности, если и совершается въ Европѣ, то именно въ послѣдніе вѣка, какъ онъ начинаетъ совершаться и у насъ. Несомнѣнно, что чѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ процессъ индивидуализаціи совершается сильнѣе, но несомнѣнно и то, что и въ Европѣ этотъ процессъ не восходитъ къ очень отдаленному отъ насъ времени.

Была ли въ исторіи развитія человѣчества ступень, предшествующая образованію родовъ, иначе говоря, были ли организмы, изъ которыхъ впослѣдствіи только выработался извѣстный намъ по историческимъ даннымъ патріархальный родъ? На это современная этнографія отвѣчаетъ: да, были. Это именно то, что́, въ противоположность патріархальному или отцовскому роду, именуется материнскимъ родомъ и что́ я называю „братствомъ". Кавелинъ объ этихъ примитивныхъ группахъ и господствовавшихъ въ нихъ отношеніяхъ не зналъ. Но замѣчательно вотъ что. Въ то время, какъ современный историкъ древняго права, англійскій ученый Мэнъ, не смотря на обиліе доказательствъ, представленныхъ въ настоящее время въ пользу гипотезы о существованіи болѣе примитивной формы общежитія, чѣмъ патріархальный родъ, не признаетъ этой формы, Кавелинъ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ почти предугадывалъ эту примитивную форму на основаніи нѣкоторыхъ остатковъ, найденныхъ имъ въ современныхъ нравахъ и обычаяхъ. Обратите, напримѣръ, вниманіе на слѣдующія слова его. „Мнѣніе, что женскій полъ есть слабѣйшій,—говоритъ онъ, —не вполнѣ оправдывается исторіей, и потому не можетъ быть принято за аксіому въ историческихъ изслѣдованіяхъ о женщинѣ. Напримѣръ, что̀ значитъ сказаніе объ амазонкахъ? Его нельзя признать за чистый вымыселъ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ, ознакомившись съ свидѣтельствомъ Боплана, оставившаго описаніе Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка, о томъ, что въ Малороссіи „на перекоръ всѣмъ народамъ" не мужчины сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы за мужчинъ, а также съ нѣкоторыми свадебными обрядами Малороссіи, въ которыхъ невѣста играетъ роль жениха, Кавелинъ еще сильнѣе предугадываетъ нынѣшнюю теорію материнскаго рода или гетеризма, какъ называетъ этотъ институтъ Лёббокъ. „Пассивная роль жениховъ, говоритъ Кавелинъ,—только окончательно убѣждаетъ, что мнѣніе, будто женскій полъ—слабѣйшая половина человѣческаго рода, и потому занимаетъ въ быту второстепенное

---

[1]) Тамъ же, стр. 87.

мѣсто—далеко не аксіома и не можетъ быть принято исходной точкой въ историческомъ изслѣдованіи" [1]). Не могу не обратить вниманія еще и на слѣдующее мѣсто, въ которомъ Кавелинъ предугадываетъ развитіе позднѣйшихъ формъ брака изъ той формы, которая у современныхъ этнографовъ получила названіе коммунальнаго брака или гетеризма. Дѣлаю я это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что мысль о томъ, что эта форма брака была пріурочена къ извѣстнымъ временамъ года высказанная мною въ 1876 году въ статьѣ, напечатанной въ Zeitschrift für Ethnologie и усвоенная затѣмъ однимъ изъ лучшихъ представителей этнографіи въ Англіи, Тэйлоромъ, очевидно, возникла у меня подъ вліяніемъ идей Кавелина, хотя въ то время, когда я писалъ статью, я не имѣлъ въ виду гипотезы, которая изложена Кавелинымъ въ нижеслѣдующихъ словахъ. „Въ незапамятныя времена,—говоритъ онъ,—свадьбы были существенною частью извѣстныхъ языческихъ праздниковъ, может быть, даже развились изъ вакханалій, которыми сопровождались эти праздники. Не смѣемъ утверждать этого положительно; но нѣкоторыя данныя какъ будто подтверждаютъ догадку. Всѣмъ извѣстно классическое свидѣтельство Нестора о бракахъ у сѣверянъ, радимичей и древлянъ. Едва ли можно сомнѣваться, что лѣтопись говоритъ здѣсь объ языческихъ вакханаліяхъ, служившихъ уже тогда началомъ послѣдующихъ брачныхъ отношеній. Вспомнимъ и то, что и теперь, по народнымъ понятіямъ, есть въ году времена, слывущія временемъ свадебъ: такъ Красная горка. Должна же быть этому причина. Мы думаемъ, что въ эпоху дикаго состоянія племени происходили въ это время года языческія вакханаліи; къ нимъ побуждала природа. Потомъ, когда человѣкъ началъ выходить изъ этого состоянія и стали появляться сколько-нибудь постоянныя отношенія между отдѣльными родами, вакханаліи уже подавали поводъ къ бракамъ. Браки, происходившіе такимъ образомъ, получили религіозное значеніе отъ языческаго торжества, при которомъ совершались въ опредѣленное время. Послѣ они отдѣлились отъ этихъ торжествъ и совершались особливо; но обряды, напоминавшіе поклоненіе извѣстнымъ языческимъ божествамъ, удержались при нихъ, хотя и потеряли первоначальный смыслъ" [2]). Если по отношенію къ этой выдержкѣ и можно сдѣлать поправку къ словамъ Кавелина, то именно указавъ, что онъ въ настоящемъ случаѣ не слѣдовалъ высказанному имъ же правилу, и говоритъ о религіозномъ институтѣ тамъ, гдѣ дѣло

[1]) Тамъ же, стр. 174.
[2]) Тамъ же, стр. 180, 181.

шло о простомъ бытовомъ фактѣ, первобытномъ учрежденіи, впослѣдствіи освященномъ, конечно, религіей.

Итакъ, повторяю, Кавелинъ, благодаря усвоенному имъ методу изслѣдованія и замѣчательному чутью, предугадалъ многое изъ того, что̀ установлено новѣйшею этнографіей на основаніи массы фактовъ изъ жизни первобытныхъ народовъ.

Я не буду говорить здѣсь подробно о томъ мастерствѣ, которое обнаружилъ Кавелинъ въ возсозданіи, на основаніи свадебныхъ обрядовъ и другихъ обычаевъ, патріархально-родового быта и взаимныхъ отношеній между родами. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ сопоставить пользующіяся большимъ авторитетомъ изслѣдованія Мэна „о древнемъ обществѣ“ со статьями Кавелина, найдетъ, что Кавелинъ гораздо раньше Мэна далъ точную и ясную характеристику цѣлаго ряда архаическихъ институтовъ и въ значительной мѣрѣ предвосхитилъ идеи Мэна. Конечно, многое изъ того, что̀ оба эти изслѣдователя относятъ къ патріархально-родовымъ отношеніямъ, должно относиться не къ патріархальному роду, но къ болѣе ранней формѣ общежитія. Но это обстоятельство во всякомъ случаѣ не умаляетъ заслуги Кавелина.

Кавелинъ сталъ заниматься этнографіей въ 1848 году. На эти занятія натолкнула его книга Терещенко „Бытъ Русскаго Народа“. „Съ страстнымъ увлеченіемъ,—говоритъ онъ,—сталъ я вникать въ бытовые памятники Россіи—пѣсни, повѣрья, праздники, обряды, суевѣрія народа, въ которыхъ сохранились живые остатки древнѣйшаго быта“ [1]). К. Д. Кавелинъ понималъ, что именно въ Россіи научная разработка этнографіи, изученіе всевозможныхъ ступеней культуры значительно облегчается, благодаря обилію данныхъ и что въ тоже время это изученіе является насущною потребностью въ Россіи для ознакомленія съ міровоззрѣніемъ народныхъ массъ, оказывающимъ самое рѣшительное вліяніе на судьбы страны и государства. Вынужденный, благодаря условіямъ его жизни, оставить занятія этнографіей и исторіей культуры, Кавелинъ, какъ можно видѣть изъ письма его къ г. Гольцеву, прочитанному въ засѣданіи московскаго юридическаго общества, почти наканунѣ своей смерти собирался снова заняться этимъ предметомъ въ тѣхъ рамкахъ, какія созданы для этнографіи, благодаря сравнительному методу и вновь добытымъ даннымъ. Очевидно, что до послѣднихъ минутъ его жизни его не оставляло чутье новыхъ потребностей жизни, новыхъ задачъ науки.

М. Кулишеръ.

---

[1]) Сочин., т. I, предисловіе.

ВЪ НЕПОЧАТОМЪ УГЛУ

Замѣтки обывателя.

I.

Обитатели села Глушкова, отработавъ шесть дней въ степи на покосѣ, по случаю праздничнаго дня, находились дома и, пообѣдавъ остатками прошлогодняго урожая, наслаждались отдыхомъ. На селѣ было безлюдно и тихо, только на рѣкѣ ключемъ кипѣла молодая жизнь. Купавшіяся дѣти гонялись по водѣ за дворными гусями и утками, которые было такъ мирно укрылись отъ зноя, вмѣстѣ съ молодыми выводками, въ прибрежномъ кустарникѣ и камышахъ. Встревоженная птица, хлопая крыльями, шумно переносилась по водѣ на другія мѣста, а неутомимые преслѣдователи вспугивали ее вновь и гнали дальше.

Въ открытыя окна моей комнаты ясно доносился и плескъ воды, и рѣзкій крикъ птицы, и громкій, смѣшливый говоръ разыгравшихся дѣтей.

Окна эти выходили на площадь такихъ обширныхъ размѣровъ, что окружавшіе ее довольно большіе дома церковнаго причта, волостного правленія, училища и нѣкоторыхъ обывателей казались миніатюрными. Вся площадь, за исключеніемъ гладко наѣзженныхъ дорогъ и протоптанныхъ по разнымъ направленіямъ тропочекъ, густо проросла крупнымъ просвирникомъ; посреди нея, за рѣшетчатою оградою, стояла большая деревянная церковь, совсѣмъ потонувшая въ развѣсистой зелени старыхъ осокорей и ветелъ, изъ-за которыхъ едва виднѣлись куполы съ желтыми крестами.

Съ площади шло нѣсколько улицъ, ширина которыхъ свидѣтельствовала объ изобиліи усадебной земли, въ ущербъ выгона;

улицы убѣгали вдаль версты на двѣ, вплоть до подошвы небольшой возвышенности, заслонявшей село съ сѣверной стороны. Передъ моими глазами пестрѣли прямолинейные ряды почернѣвшихъ отъ времени крестьянскихъ избъ, по большей части въ два небольшихъ оконца съ подъемными или отодвижными рамами, съ неизбѣжными завалинами, разсадниками гнили и сырости, и съ крышами изъ полусгнившей соломы, надъ которыми возвышались небольшія черепичныя трубы. Сплошь почти плетневые заборы и такія же надворныя постройки, крытыя тоже соломою. По мѣстамъ, виднѣлась блѣдная зелень ветелъ, усѣянныхъ гнѣздами грачей, и изогнутые журавли колодцевъ, съ привязанными къ нимъ бадьями.

Промежутки между избъ, введенные какъ средство, противъ распространенія пожаровъ, загромождены были ненужными теперь, по случаю лѣтняго времени, санями и дровнями, остовами поломанныхъ телѣгъ и разсыпавшихся колесъ, исполнившими свой урокъ сохами и боронами, хворостомъ, кизякомъ и разнымъ хламомъ, выброшеннымъ со дворовъ. Все это было свалено безъ всякаго порядка, въ кучу, около плетней и сараевъ, будто ожидая первой искорки, чтобы разомъ вспыхнуть и уничтожить село.

Но, Богъ хранилъ, а глушковцы были народъ не трусливый. Про всякій случай у нихъ отъ временъ еще „казеннаго" управленія уцѣлѣли на воротныхъ столбахъ маленькія черныя дощечки, на которыхъ бѣлою краскою были начертаны всевозможнѣйшія огнегасительныя средства. Такъ, напримѣръ, у домовъ зажиточныхъ крестьянъ изображеніе на дощечкѣ состояло изъ жирно-раскормленной лошади, медленно и важно выступавшей съ бочкою; у домовъ по-бѣднѣе, виднѣлись на дощечкахъ лѣстницы, багры, топоры, ведра, даже ухваты и помело. Ясно какъ день, что если въ случаѣ пожара всѣ обыватели моментально выступятъ кому съ чѣмъ быть надлежитъ, то не дадутъ погибнуть въ пламени не только селу, но даже какой-нибудь „закуткѣ". На основаніи такихъ соображеній, глушковцы имѣли полнѣйшее право считать себя внѣ всякой опасности и въ страдную пору цѣлымъ селомъ откочевывали въ дальнія поля.

Въ правой сторонѣ отъ моей квартиры извивалась рѣчка Студенецъ, а за нею необозримою равниною разстилалась степь, съ волнующимися хлѣбами и на половину уже скошенною травою.

Въ степи, верстахъ въ трехъ отъ Глушкова, словно миражъ въ прозрачномъ маревѣ, выплывала небольшая роща и виднѣлись постройки.

Въ прежнее время это была барская усадьба, расположенная

„на отшибихѣ“ отъ небольшой деревеньки. Впослѣдствіи усадьбу эту стали называть просто хуторомъ Лапкинымъ, по фамиліи обитавшаго въ немъ коммерсанта Василія Никандрыча Лапкина.

II.

Въ смежной съ моею комнатѣ, стѣнные часы громко пробили четыре и вслѣдъ за этимъ на церковной колокольнѣ начался благовѣстъ къ вечерней службѣ.

Пробужденные церковнымъ звономъ сельчане покидали незатѣйливое ложе, освѣжались студененькой колодцевой водицей, утирались исправлявшими должность полотенца обрывками стараго пестрядинаго бѣлья и выползали на свѣтъ. Минутъ черезъ десять улицы и площадь оживились, повсюду показался народъ и пестрыя краски сарпинки и ситца заиграли на солнцѣ яркими цвѣтами. Міряне постарше, направлялись въ церковь помолиться и послушать вечернее собесѣдованіе, а кои помоложе или прямо къ рѣкѣ поразгуляться и позабавиться.

Вышелъ на корридоръ и хозяинъ моей квартиры.

Иванъ Яковлевичъ Большаковъ, а, по сокращенному прозвищу просто Большакъ, какъ истый степнякъ, прежде всего былъ коренной земледѣлецъ и скотоводъ,—сѣялъ онъ помногу, а крупнаго скота водилъ головъ двѣсти; какъ почетный обыватель, пользовавшійся общимъ уваженіемъ крестьянъ, былъ крестнымъ отцомъ чуть ли не всего нарождающагося поколѣнія; какъ общественный человѣкъ состоялъ въ разныхъ должностяхъ. Но къ мірской службѣ онъ относился очень строго и принималъ только тѣ обязанности, которыя отвѣчали его наклонностямъ. Такъ, онъ былъ церковнымъ старостой, членомъ приходского попечительства и попечителемъ сельской школы; два трехлѣтія былъ земскимъ гласнымъ; но при избраніи на третье—отказался... въ виду появленія кандидатовъ изъ людей съ особеннымъ взглядомъ на земство.

Любитель печатнаго слова и немножко механикъ-самоучка, Большаковъ обладалъ большимъ запасомъ свѣденій книжныхъ и практическихъ, которыми охотно дѣлился съ каждымъ. Не разъ приходилось ему путешествовать по Россіи и поѣздки эти не пропали для него даромъ, пополнивъ запасъ его знаній новыми наблюденіями по разнымъ отраслямъ жизни.

Внѣшностію Иванъ Яковлевичъ обладалъ очень солидною. Одѣвался по крестьянски, но ради особенныхъ случаевъ блюлъ въ

„укладкѣ" сюртучную пару, длиннаго покроя, сшитую на заказъ. Жизнь велъ строгую и воздержную, характеръ имѣлъ мягкій и спокойный, но не лишенный упорной настойчивости и энергіи. Вообще говоря, это былъ отживающій типъ солиднаго крестьянина, первообразъ котораго воспитался подъ вліяніемъ историческихъ особенностей степи.

Водилась за Иваномъ Яковлевичемъ и маленькая странность — коверкать слова; но это происходило въ обыкновенныхъ разговорахъ; если же бесѣда начиналась на серьезную тэму, онъ оставлялъ свою привычку и объяснялся правильно, пожалуй, даже краснорѣчиво.

Большаковъ, какъ я сказалъ вышелъ на корридоръ.

Иванъ Яковлевичъ былъ въ синемъ нанковомъ чапанѣ на распашку, красная сарпинковая рубаха опоясывалась плетенымъ изъ шелка пояскомъ, съ кисточками на концахъ, широкіе шаровары изъ полосатаго тика были заправлены въ голенищи высокихъ сапоговъ.

Ступивъ на площадку дворного крыльца, онъ попалъ въ солнечный свѣтъ и стоялъ въ лучезарномъ сіяніи. Высокій, бѣлый лобъ рѣзко отдѣлялся отъ смуглаго и загорѣлаго лица, длинные волосы съ просѣдью падали на самый воротникъ чапана,—затылка онъ не подбривалъ, такъ какъ обычай этотъ составляетъ характерный признакъ только кулаковъ и прасоловъ; широкая борода играла на солнцѣ серебромъ своей сѣдины.

Большаковъ заслонилъ глаза ладонью и зорко взглянулъ кругомъ.

Все оказалось въ образцовомъ порядкѣ, каждый предметъ на своемъ разъ навсегда опредѣленномъ мѣстѣ, дворъ выметенъ.

— Петя, а Петя!—громко позвалъ Иванъ Яковлевичъ.

Минуту спустя изъ калитки садовой изгороди вышелъ кого звали. Это былъ единственный сынъ Большакова—копія отца въ молодомъ видѣ и по наружности, и по характеру. Большаковъ училъ сына такъ: прежде прошелъ онъ сельскую школу, потомъ въ городѣ уѣздное училище и, наконецъ, поступилъ въ училище земледѣльческое. Три года назадъ кончилъ онъ курсъ въ этомъ послѣднемъ и теперь, вмѣстѣ съ отцомъ, занимался сельскимъ хозяйствомъ. Въ домашнемъ быту Петра Иваныча, ради краткости, такъ и называли агрономомъ.

— Что нужно?—спросилъ онъ отца еще на ходу.

— Гдѣ работники?

— Емельянъ со мной въ саду; Селифонтъ съ мамой и Надей на огородѣ полютъ. Звалъ-то зачѣмъ?

— Вели запречь гнѣдого въ роспуски, съѣздимъ на хуторъ къ Лапкинымъ. Да поди-ка вынеси мнѣ шляпу и кушакъ.

Агрономъ вынесъ и то, и другое. Иванъ Яковлевичъ надѣлъ шляпу-гречушникъ и, опоясываясь кушакомъ, пошелъ по корридору къ подъѣзду.

— Да ты дома! — воскликнулъ онъ, поровнявшись съ тѣми окнами моей комнаты, которые выходили на корридоръ:—не желаешь ли прокатиться съ нами на хуторъ?

— Пожалуй,—согласился я.

— Добро. Собирайтесь-же, а я покамѣстъ въ церковь схожу.

Старикъ ушелъ.

Агрономъ, схватившись руками за точеные перила корридора, крикнулъ мнѣ со двора:

— Ѣдемъ!

— Ты радъ?

— Еще-бы! Недѣлю не видѣлъ.

Но въ то же мгновеніе радость его точно смыло. Глубоко задумался онъ и, повернувшись въ сторону, тихо сказалъ:

— Не удастся ли поговорить хоть сегодня... Измучился я...

Въ самомъ дѣлѣ, агрономъ казался мученикомъ и въ послѣднее время съ нимъ произошла большая перемѣна. Всегда тихій, покойный и ровный, онъ то раздражался, то впадалъ въ уныніе, то набрасывался на работу съ какимъ-то ожесточеніемъ, то не въ состояніи былъ шевельнуть пальцемъ и бродилъ, какъ въ туманѣ, не замѣчая окружающаго.

Агрономъ пошелъ опять въ садъ, созданье рукъ своихъ, и прислалъ оттуда Емельяна.

Пока Емельянъ управлялся съ рысакомъ, изъ сада вышелъ Петръ Иванычъ съ различными пилочками и ножницами въ рукахъ. Вмѣстѣ съ нимъ шли мать его, Авдотья Семеновна, очень миловидная и нестарая еще женщина и сестра, подростокъ, Надя.

— Куда это, Петя?—спросила мать, указывая взглядомъ на лошадь.

— Къ Лапкинымъ.

— Возьмите и меня, — запросилась Надя, перебѣжавъ на сторону брата и беря его подъ руку.

— Не знаю какъ, Надя, — отвѣтилъ онъ въ раздумьѣ: — рысакъ застоялся очень, шалить не сталъ бы.

— Нѣтъ, доченька,—поспѣшно вступилась мать:—на рысакѣ

не пущу, долго ли до грѣха! Мы лучше въ поповымъ пойдемъ, спокойнѣе будетъ.

„Поповымъ" называлось семейство священника, о. Іосифа Никольскаго, съ которымъ Большаковы находились въ самой тѣсной дружбѣ, считались кумовьями и видѣлись каждый день, тѣмъ болѣе, что Надя, кончивъ ученье въ сельской школѣ, продолжала брать уроки у дочерей о. Іосифа, воспитывавшихся въ такъ называемомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Вычиствивъ рысака, Емельянъ расчесалъ ему гриву и хвостъ и началъ запрягать.

На качкія дрожины постлали кошму съ ковромъ и пристегнули ихъ ремнями.

Къ этому времени возвратился изъ церкви Иванъ Яковлевичъ и мы всей семьей вышли на крыльцо.

Агрономъ преобразился до неузнаваемости; вымылся, причесался, сбросилъ рабочее платье и облекся въ голубую шелковую рубаху на выпускъ, сверхъ нея надѣлъ поддевку изъ лѣтней матеріи и такіе же шаровары, опускавшіеся на высокіе блестящіе сапоги. На головѣ легонькая фуражка.

Помѣстившись на мѣстѣ кучера, Петръ Иванычъ оперся ногами въ загибы верхней подушки дрогъ и взялъ возжи. Я съ старикомъ тоже сѣли.

— Простите пока! — крикнулъ Иванъ Яковлевичъ, дѣлая общій поклонъ оставшимся.

— Въ добрый часъ!—отвѣтила съ крыльца Авдотья Семеновна,—кланяйтесь тамъ!

— Сашѣ и Олѣ кланяйтесь!—кричала Надя.

— Будемъ кланяться, если увидимъ,—отвѣтилъ старикъ.— Ну, отворяй!—приказалъ онъ.

Селифонтъ, младшій работникъ, обрадованный тѣмъ, что остается дома и можетъ сходить въ хороводъ, распахнулъ ворота; Емельянъ, державшій рысака подъ уздцы, выпустилъ ихъ изъ рукъ и отскочилъ въ сторону; агрономъ чуть, чуть шевельнулъ возжами. Застоявшійся и еще плохо наѣзженный рысакъ взвился на дыбы, закрутилъ головой и со всѣхъ ногъ шарахнулся съ мѣста. Авдотья Семеновна съ Надей вскрикнули и пробѣжали по корридору на уличный подъѣздъ, а работники вышли за ворота посмотрѣть—что будетъ дальше. Гнѣдой продолжалъ упрямиться: вздрагивалъ, фыркалъ, билъ копытомъ о землю и наконецъ пошелъ; но пошелъ какъ-то бочкомъ въ припрыжку.

— Надо хорошенько поразмять его,—сказалъ Иванъ Яков-

левичъ: — поѣзжай, сынокъ, большой дорогой до „малиноваго куста“, а потомъ ужъ и на хуторъ повернемъ.

— Пожалуй,—согласился агрономъ:—сильно застоялся, всѣ руки изрѣзалъ возжами.

Кое-какъ выбрались за околицу. Долго рысакъ горячился и не слушался; версты двѣ проѣхали мы полемъ, пока онъ обошелся и, наконецъ, когда съ него „сошло первое мыло“, агрономъ ослабилъ возжи. Рысакъ мотнулъ головою, вытянулся и— понесся вихремъ.

Передъ нами замелькали съ одной стороны хлѣбныя поля, съ другой—безчисленные ряды скошенной травы. Даль тонула въ синеватомъ туманѣ, а позади темнымъ пятномъ выступало Глушково. На гребнѣ заслонявшей его возвышенности виднѣлись силуэты вѣтряныхъ мельницъ, казавшихся издали огромными птицами, только-что спустившимися на землю и не успѣвшими еще сложить своихъ крыльевъ.

Скошенная трава сохла на солнцѣ и разливала по окрестности ароматъ; нагрѣтый воздухъ струился едва замѣтною дымкою.

III.

Когда я отправлялся въ Глушково и запасался свѣденіями объ этой веси, нѣкоторые изъ городскихъ знакомыхъ говорили:

— Будете жить въ Глушковѣ; познакомитесь тамъ съ Лапкинымъ. Замѣчательный человѣкъ.

— Представьте, — подхватывали другіе,—бывшій дворовый человѣкъ, и какъ образовалъ себя; какое образованіе даетъ дочерямъ; какое положеніе съумѣлъ занять въ „благородномъ кругу“!.. А какая обстановка у него въ домѣ!.. И замѣтьте: никакихъ признаковъ прежняго.

— А какой даръ слова, краснорѣчіе какое!

Другіе, напротивъ, не безъ досады говорили:

— Ахъ, что вы ихъ слушаете! Лапкинъ—это оберъ-кулакъ и только! Мѣстному крестьянству онъ такъ насолилъ, что имъ не расхлебать во-вѣкъ. Топорщится онъ и желаетъ изобразить нѣчто особенное—это точно; но въ результатѣ выходитъ какая-то жалость. Для дочерей дѣйствительно выписывалъ гувернантокъ, но ни съ одной добромъ не разстался, а двѣ изъ нихъ вынуждены были уѣхать тайкомъ, только бы вырваться, а теперь ни одна не идетъ!.. Ну, да сами увидите.

Поэтому я съ любопытствомъ ожидалъ встрѣчи съ Лапкинымъ

и встрѣча эта произошла не дальше, какъ на второй день по пріѣздѣ моемъ въ Глушково. Лапкины были связаны двадцатилѣтнимъ знакомствомъ съ Никольскими и Большаковыми, а, поселившись въ домѣ Ивана Яковлевича, я вступилъ въ этотъ кружокъ, и велъ общую съ нимъ жизнь. Послѣ я подробно узналъ Лапкина, его прошлое и настоящее.

Лапкинъ во времена оны былъ крѣпостнымъ человѣкомъ и служилъ при своемъ господинѣ камердинеромъ, а потомъ, внезапно и противъ желанія повѣнчанный съ одною изъ горничныхъ супруги того же барина, тотчасъ послѣ вѣнчанія сосланъ былъ въ эти края, управляющимъ въ д. Дворики, недалеко отъ Глушкова.

Вѣроятно, по неопытности и незнанію особенностей степного быта, Василій Никандрычъ управительство свое началъ съ превращенія Двориковъ въ бездоходное имѣніе, такъ что вскорѣ послѣ эмансипаціи оставшійся, за „сиротскимъ" надѣломъ (1/4 надѣла) крестьянъ, довольно крупный участокъ земли былъ переданъ господами въ аренду ему же, Лапкину, и притомъ за безцѣнокъ.

Съ этого времени Лапкинъ, державшійся прежде „тише воды, ниже травы", измѣнилъ образъ жизни. Заброшенную помѣщичью усадьбу отдѣлалъ за-ново, обставилъ по-барски и завелъ знакомства, а чтобы „имѣть сюжектъ для образованнаго разговора съ благородными людьми", выписывалъ разныя книжки и между прочимъ „30,000 иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ" Книга эта сдѣлалась для него настольною и зубрилъ онъ ее неустанно.

Освобожденіе крестьянъ, совершавшіяся реформы словно скользили по душѣ Василія Никандрыча, не касались чувства и пробуждали въ его умѣ одну лишь плотоядную поговорку о морской щукѣ, плавающей среди дремавшихъ карасей. Лапкинъ сдѣлался арендаторомъ и виноторговцемъ.

Сохраняя въ душѣ непримиримую злобу и ненависть ко всему и ко всѣмъ, кто былъ выше него, Лапкинъ наружно унижался и льстилъ; за то съ крестьянами не стѣснялся. Онъ былъ убѣжденъ, что въ этой сѣрой средѣ для него все возможно и позволительно; крестьяне иногда роптали, но и только.

Неимовѣрная алчность Василія Никандрыча имѣла прежде только одну цѣль—„пожить въ свое удовольствіе" и, на самомъ дѣлѣ, жилъ онъ широко. Знакомство чуть не съ цѣлымъ городомъ и со всѣмъ уѣздомъ, постоянно то у него гости, то самъ въ гостяхъ, обѣды и ужины, вино и карты. На все это требовались

большіе расходы и Лапкинъ не особенно стѣснялся въ выборѣ средствъ, чтобы увеличивать приходъ.

Въ то время, съ котораго начинается мое знакомство съ нимъ, цѣли измѣнились. Василій Никандрычъ, не сокращая, впрочемъ, прежняго образа жизни, началъ помышлять о возможности сдѣлаться крупнымъ землевладѣльцемъ, и обстоятельства, повидимому, благопріятствовали этому. Арендуемая имъ помѣщичья земля была заложена въ одномъ изъ столичныхъ банковъ и въ слѣдующую осень предназначалась за неплатежъ къ продажѣ. Лапкинъ ухватился за мысль пріобрѣсти эту землю въ собственность и едва-ли по одному экономическому разсчету. По крайней мѣрѣ, онъ самъ говаривалъ:

— Да-съ; магнаты наши одинъ за другимъ улетучиваются, а мы вотъ помаленьку, да помаленьку подбираемъ кое-какія крохи! Ха-ха-ха...

И это не все. Своимъ ли умомъ дошелъ Лапкинъ, или натолковали ему счужа, но мысль о землевладѣніи связалась съ другою—о земствѣ. Василій Никандрычъ не шутя вообразилъ, что онъ предназначенъ для земской дѣятельности и, по мѣрѣ того, какъ приближался срокъ продажи земли, онъ началъ проговариваться даже о предсѣдательствѣ въ земской управѣ. Дальше да больше и мечтанія начали переходить въ дѣло. Лапкинъ сочинялъ уже какой-то проектъ, которымъ надѣялся удивить цѣлый край, и упражнялся въ ораторскомъ искусствѣ.

Упражненія эти совершалъ онъ передъ большимъ зеркаломъ, сложивъ предварительно приличную случаю физіономію и зорко слѣдя за ея измѣненіями. Рѣчи произносилъ многоглаголивыя, съ пересыпкой иностранными словами, съ жестикуляціей и мимикой и доходилъ до такого самоуслажденія, что забывался, точно сектантъ нашихъ мѣстъ во время „радѣнія“.

Разъ я засталъ его за такимъ „радѣніемъ“. На подзеркальномъ столикѣ, у котораго ораторствовалъ Василій Никандрычъ, стоялъ графинъ съ водкой и рюмка.

— Что прикажете дѣлать,—какъ бы извинился онъ:—готовлюсь! За то могу увѣрить васъ, что земское избраніе врасплохъ меня не застанетъ!..

Какъ бы ни было, но чтобы попасть въ земство, необходимымъ оказывался имущественный цензъ, а для пріобрѣтенія его у Лапкина никакихъ запасныхъ капиталовъ не имѣлось; въ этомъ были увѣрены всѣ, а между тѣмъ Василій Никандрычъ о поѣздкѣ въ столицу на торги говорилъ какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. На что онъ разсчитывалъ и на что надѣялся—никто о томъ не зналъ.

Жену Василія Никандрыча звали Анной Александровной. Природа не обдѣлила ее ни умомъ, ни душевными качествами, вызывавшими общее расположеніе къ ней, тѣмъ не менѣе это была вполнѣ несчастная женщина, претерпѣвшая до конца въ чаяніи будущаго спасенія. Словомъ—одна изъ тѣхъ безчисленныхъ игрушекъ крѣпостного права, многія изъ которыхъ, какъ жертвы былыхъ временъ, влачатъ свои дни еще и сейчасъ.

Пока живъ былъ баринъ, Лапкинъ, разсчитывавшій на какія-то особенныя его милости, обращался съ семьею сносно; но внезапная смерть помѣщика обманула надежды Василія Никандрыча и поведеніе его измѣнилось довольно круто. Озлобленіе ли на эту неудачу, сознаніе ли полной независимости, или скрываемая до сихъ поръ нелюбовь къ женщинѣ, съ которой связали его по приказу—трудно сказать, только для семьи его наступили тяжелыя дни. Въ началѣ этого-то гонительнаго періода и скрылись изъ его дома двѣ, слѣдомъ одна за другою, гувернантки, поступившись даже и заработаннымъ ими вознагражденіемъ, котораго Лапкинъ не имѣлъ привычки отдавать въ срокъ.

Въ то время, какъ я переселился въ Глушково, Анна Александровна, истерзанная до неизлечимаго недуга, не могла ужъ ни выѣзжать изъ дома, ни выходить къ часто наѣзжавшимъ гостямъ „въ парадные аппартаменты“ и проводила время въ своемъ углу на диванчикѣ, служившемъ для нея постелью. Въ этомъ скорбномъ положеніи ее мало-по-малу забыли всѣ и навѣщали только Никольскіе, Большаковы, Глушковскій учитель съ женою, да я.

Она принимала насъ въ особыхъ, отведенныхъ для семьи двухъ комнатахъ, гдѣ она помѣщалась съ дочерьми—Сашей, полной уже невѣстой, и Олей, дѣвочкой лѣтъ четырнадцати.

Старшая дочь, дѣвушка съ очень красивымъ, нѣжнымъ и нѣсколько мечтательнымъ обликомъ, считалась любительницею домашняго очага, заботилась о всемъ хозяйствѣ, о семьѣ и ухаживала за больною матерью; Оля, обладавшая иною, нѣсколько рѣзкою, наружностію, была и характера другого. Не уживаясь съ домашними невзгодами, она въ то же время сознавала и собственное безсиліе помочь общему горю, убѣгала изъ дома и въ зимнее время нерѣдко гостила то у Никольскихъ, то у Большаковыхъ, а лѣтомъ цѣлые дни проводила въ полѣ. Въ шутку ее такъ и называли „бродяжкой“ и точно, дома живала она только во время отсутствія отца, а по возвращеніи его скиталась.

Участь дочерей была тѣмъ печальнѣе, что Лапкинъ, въ своемъ новомъ положеніи, считалъ необходимымъ вывозить дочерей въ

„общество“ и вслѣдствіе этого таскалъ ихъ съ собою то въ гости къ сосѣднимъ помѣщикамъ, то въ городъ. Несчастныя дѣвушки всѣми помыслами рвались домой, къ покинутой матери, которой во время ихъ отсутствія часто некому было подать воды или поправить подушку. По возвращеніи домой, сестры ждали отъ родителя обычной ласки за то, что не были нà-людяхъ въ надлежащей степени веселы.

— Я для васъ стараюсь!—кричалъ Лапкинъ на весь домъ: —вывожу васъ въ благородное общество, а вы какой благодарностью платите мнѣ за это?.. Противно смотрѣть на ваши кислыя рожи!.. Долго ли вы будете мучить меня своимъ упрямствомъ?!

Неутѣшно рыдая, въ безнадежномъ отчаяніи разсказывала о подобныхъ сценахъ Оленька, прибѣгавшая къ намъ, или къ Никольскимъ искать прибѣжища, отдыха и защиты.

Защитникомъ выступалъ о. Іосифъ и отправлялся на хуторъ для увѣщанія Лапкина.

О лютости Василія Никандрыча подробно знали только мы, обитатели Глушкова.

— Какая жалость,—говорили другіе его знакомые, — такой милый, пріятный человѣкъ и такъ несчастливъ въ семьѣ. Жена— вѣчно больная женщина, дочери — дикарки какія-то и тоже, должно быть, въ злѣйшей чахоткѣ!

IV.

Не вдалекѣ отъ хутора попалась намъ Оленька, по обыкновенію въ видѣ „бродяжки“, съ непокрытою головою, съ распущенными вьющимися волосами, которые были немного подстрижены, съ перепачканными руками. Въ послѣдней небрежности оправдалась она тѣмъ, что собирала какія-то „лекарственныя“ травы и дѣйствительно изъ кармановъ ея фартучка выставлялись кончики стеблей и корешковъ разныхъ растеній.

Мы пригласили ее сѣсть на дрожки и вмѣстѣ съ нею пріѣхали на хуторъ.

Тамъ на крыльцѣ встрѣтила насъ нѣкая особа, лѣтъ 25-ти, весьма объемистыхъ размѣровъ, заплывшая жиромъ. Свободная блуза изъ прозрачной кисеи съ глубокою выемкою на груди и бѣлый пикейный фартукъ, отороченный оборочками, составляли ея нарядъ; широкіе рукава блузы обнажали мощныя длани съ коротенькими толстыми пальцами, унизанными „супириками съ глазочками“, на рукахъ блестѣли широкіе татарскіе браслеты.

Особа эта, по происхожденію мѣщанская дѣвица нашей метрополіи, по имени Лукерья Степановна, пребывала въ домѣ Лапкина въ должности экономки, но въ сущности никакихъ обязанностей не несла и не исполняла; держала себя болѣе чѣмъ непринужденно. Стоя на крыльцѣ, она „забавлялась“ подсолнечными сѣмечками, всыпая ихъ въ ротъ цѣлою горстью, и грызла такъ проворно, что шелуха летѣла въ разныя стороны точно изъ вѣяльной машины.

Не успѣли мы сойти съ дрожекъ, какъ Лукерья Степановна, изобразивъ на лицѣ своемъ подходящую случаю улыбку, жеманно и на-распѣвъ заговорила:

— Давненько, давненько не видали мы васъ... Здравствуйте!.. Петру Иванычу наше почтеніе...

Раскланялись. Агрономъ повелъ рысака въ тѣнь навѣса. Петръ Иванычъ, привязавъ лошадь, взялъ Оленьку за руку и пошелъ съ ней къ Аннѣ Александровнѣ, а Лукерья Степановна отправилась „докладывать“ о насъ Лапкину.

— Посидите, покамѣстъ,—сказала она намъ:—баринъ-отъ никакъ еще отдыхаютъ.

Но должно быть „баринъ“ ужъ отдохнулъ, потому что насъ сейчасъ же пригласили къ нему въ кабинетъ.

Лапкинъ въ татарскомъ шелковомъ халатѣ и сафьянныхъ сапогахъ сидѣлъ на диванѣ и неистово сопѣлъ. Обрюзглое, но старательно выбритое лицо покрывалось тончайшею сѣтью багровыхъ жилокъ; глаза были заспаны; толстыя губы покрывались нафабренными усами, Лапкинъ не оправился еще отъ тяжелаго послѣобѣденнаго сна и смотрѣлъ довольно непривѣтливо.

Иванъ Яковлевичъ помолился на икону и отвѣсилъ хозяину степенный поклонъ.

— Здорово, старикъ, — коротко отвѣтилъ Лапкинъ:—садись, гостемъ будешь... А-а! здравствуйте,—продолжалъ онъ, зѣвая, и какъ бы только замѣтивъ меня,—пріятно, пріятно... Но извините ужъ, застали не въ порядкѣ, привыкъ поваляться послѣ обѣда.

Иванъ Яковлевичъ сѣлъ.

— Что новенькаго тамъ у васъ?—спросилъ Лапкинъ.

— Ничего не знаемъ,—отвѣтилъ Большаковъ:—газетъ нонѣ почему-то не было.

— Земская почта никуда не годится,—хмуро сказалъ Лапкинъ,—потому и не было; я тоже не получилъ... Но... есть основанія надѣяться, что безпорядки эти скоро прекратятся... Почемъ давеча на базарѣ нанимали косцовъ?

Большаковъ сказалъ.

— Ты нанималъ для себя?

— Какъ же, артель въ 20 человѣкъ нанялъ. Завтра въ вашихъ лугахъ будемъ косить, тамъ сѣнокосилка не пойдетъ.

— Знаю... Мой прикащикъ тоже нанялъ „партію". Самъ я не успѣлъ быть на базарѣ; ѣздилъ вчера въ городъ, вернулся поздно, проспалъ.

— То-то я васъ давеча и не видѣлъ у обѣдни, — сказалъ Большаковъ: — а хотѣлъ пригласить къ себѣ чайку откушать. Теперь вотъ самъ пріѣхалъ.

— Дѣло что-ли какое есть?

— Есть маленькое, на счетъ пастьбы. Жнитву скоро быть, такъ чтобы послѣ того по жнивью-то скотинку попасти, какъ въ позапрошлые года.

— Что же, это можно. Потолкуемъ вотъ, поторгуемся, можетъ, и сойдемся... А теперь извините пока: я пойду искупаюсь и приберусь немножко, къ вечеру какъ бы кто не пріѣхалъ.

Лапкинъ вышелъ изъ кабинета и, проходя корридоромъ, громко крикнулъ:

— Луша! Или—кто тамъ есть еще!.. Распорядитесь подать намъ чаю!

Кабинетъ Лапкина занималъ довольно обширную комнату, съ паркетнымъ поломъ, покрытымъ у дивановъ и письменнаго стола цѣнными коврами. Стѣны были оклеены обоями сѣроватаго цвѣта съ золотомъ; у дверп и оконъ тяжелыя драпировки, съ снурами и кистями; на стѣнахъ два большіе зеркала и по сторонамъ ихъ картинки эротическаго содержанія. Мебель удобная и мягкая, приспособленная больше для покоя и отдыха, но не для работы. Въ простѣнкѣ между оконъ массивный письменный столъ со множествомъ бездѣлушекъ и съ фотографіями какихъ-то дѣвицъ; въ углахъ изящныя этажерки, наполненныя газетами и переводными французскими романами и пр.

Лапкинъ явился изысканно одѣтымъ и благоухающимъ; подошелъ къ зеркалу, надѣлъ очки въ золотой оправѣ и, сдѣлавъ поворотъ на каблукахъ, сталъ передъ нами въ такой позѣ, съ которою „профессора бѣлой и черной магіи" показываютъ публикѣ яичницу въ шляпѣ.

Вошла упомянутая экономка и поставила на круглый столъ, передъ турецкимъ диваномъ, большой подносъ съ чаемъ и всякими добавленіями къ нему.

Василій Никандрычъ помѣстился на диванѣ, мы противъ него въ креслахъ.

— Предоставляю вашему вкусу и выбору,—сказалъ онъ мнѣ, проведя рукою надъ подносомъ, а у Большакова спросилъ: — тебѣ съ какими сливочками, съ бѣленькими или съ красненькими?

Лапкинъ отхлебнулъ большой глотокъ чаю и, дополняя стаканъ ромомъ, который называлъ онъ красненькими сливочками, учительски заговорилъ съ Большаковымъ о томъ, какъ надо держаться хорошаго тона.

— Надо привыкать къ хорошему тону... Ты, старикъ, прислушивайся—какъ умные люди говорятъ,—а то намъ васъ и понимать трудно.

Большаковъ, какъ ни привыкъ онъ къ подобнымъ выходкамъ Лапкина, повторявшимся едва ли не при каждой встрѣчѣ, на этотъ разъ потерялъ терпѣніе и отвѣтилъ:

— Благодарю за науку,—сказалъ онъ,—только не напрасно ли хлопочете? Старенекъ ужъ я для ученья. Да и то еще сказать надо: умные люди, насколько я примѣтилъ, очень хорошо понимаютъ нашъ разговоръ, когда приходится имъ деньги занимать, а въ остальныхъ случаяхъ, какъ нарочно, дѣлаются непонятливыми.

Лапкинъ, не выходившій изъ долга Большакову, проворчалъ:

— Ну, ты какъ знаешь, благочестивый старецъ, пей, пожалуй, съ лимономъ, а я съ ромомъ буду пить.

И онъ дополнилъ стаканъ еще.

Пріемъ этотъ подѣйствовалъ на Лапкина; онъ, по выраженію Большакова, нѣсколько „обмякъ" и старика больше не училъ. Принесли вторые стаканы съ чаемъ. Лапкинъ продолжалъ отхлебывать и добавлять выпитое ромомъ; наконецъ, онъ сказалъ:

— А я вчера въ городѣ съ новымъ инженеромъ познакомился; приглашенъ компаніей на нашу желѣзную дорогу. Человѣкъ большого образованія и знающій свѣтъ, это видно сейчасъ; обѣдали вмѣстѣ съ нимъ въ ресторанѣ; какъ водится, по двѣ бутылочки раздавили; весельчакъ такой, насмѣшилъ!.. Обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ.

— Вы что это надумали въ городъ въ рабочую пору?—спросилъ Большаковъ,—прокатиться захотѣлось?

— Мнѣ, Иванъ Яковлевичъ, — внушительно отвѣтилъ Лапкинъ,—кататься некогда, я человѣкъ дѣловой.—Публикація была въ газетѣ: дѣвица одна ищетъ мѣста гувернантки. Я и поѣхалъ. Нашелъ ее. Бѣднота такая—мерзко взглянуть. И что же вы думаете? При эдакой-то голи 600 руб. проситъ! Давалъ 240—не соглашается.

— На что вамъ гувернантка? — замѣтилъ Большаковъ,—

Оленька многое ужъ прошла, въ остальномъ помогаетъ ей Александра Васильевна.

Лапкинъ усмѣхнулся.

— Для обстановки нужна, старикъ, для декораціи, особенно въ теперешнее время, когда у меня такія задачи впереди. И по наружности—дѣвица самая подходящая, только, воля ваша, но расходовать 600 р. я все-таки не намѣренъ!

Большаковъ выпрямился и въ упоръ посмотрѣлъ на Лапкина. Въ спокойныхъ и ласковыхъ глазахъ старика засвѣтился вдругъ тотъ огонь, который показывалъ въ немъ сильное душевное движеніе. Василій Никандрычъ какъ-то съежился подъ этимъ молніеноснымъ взглядомъ и уткнулся въ стаканъ, а Иванъ Яковлевичъ съ разстановкой спросилъ:

— Что-же, вы такъ и сказали объ этомъ дѣвушкѣ?

Лапкинъ продолжалъ ежиться и, не поднимая, головы отвѣтилъ:

— Ну, какъ это можно, старикъ, какъ можно! Я говорю объ этомъ только между нами, въ дружеской бесѣдѣ.

Мало-по-малу, разговоръ наладился на хозяйственныя дѣла; я всталъ и ушелъ на половину, занимаемую Анною Александровною.

V.

Половина эта не отличалась такою роскошью, какъ пріемныя комнаты, въ которыхъ помѣщался Василій Никандрычъ; за то въ обстановкѣ ея виднѣлось больше простоты и вкуса.

Анну Александровну засталъ я въ полулежачемъ положеніи на неизмѣнномъ ея диванчикѣ. На маленькомъ столикѣ передъ ней остывала чашка съ жидкимъ чаемъ, который она изрѣдка прихлебывала ложечкой. За чайнымъ столомъ хозяйничала Александра Васильевна, а „особа“ сидѣла рядомъ съ нею и аппетитно уничтожала слоеныя ватрушки. Оля, подвижная натура которой не легко подчинялась порядку, пила чай стоя, точно ей по недосугу, и присѣсть было некогда. Агрономъ помѣщался у открытаго окна.

Въ комнатѣ было тихо, слышалось только шипѣнье самовара. Говорить при Лукерьѣ Степановнѣ остерегались, такъ какъ по многимъ причинамъ оказывалось это очень неудобнымъ и приводило къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Такъ и теперь говорили отрывками, только въ тѣ минуты, когда Лукерья Степановна уходила въ кабинетъ за стаканами или относила туда чай.

Въ одну изъ такихъ минутъ я спросилъ у Анны Александровны объ ея здоровьѣ.

— Теперь хорошо,—отвѣтила она болѣзненно улыбаясь: — лихорадки въ эти дни не было, дышется свободнѣе, видите—чай пью.

— Поправляйтесь, и поѣдемте съ нами на покосъ; да на цѣлый день, съ обѣдомъ, съ чаемъ.

— Куда ужъ мнѣ за вами! Вотъ пригласите дѣвочекъ. Оля все-таки еще пользуется воздухомъ, а Саша постоянно около меня и погулять ей не удается.

Агрономъ будто ждалъ этого.

— Не хотите-ли сейчасъ? Поѣдемте кататься.

И онъ просительно взглянулъ на Александру Васильевну.

— Саша, голубчикъ!—тормошила ее Оля: — поѣдемъ, освѣжись хоть немного. Ты посмотри только, какъ хорошо теперь въ поляхъ!

— Хорошо, хорошо, поѣду,—шутила съ ней сестра и потомъ спросила меня:—а вы не соскучитесь посидѣть съ мамой?

Разумѣется, я согласился остаться съ ней.

— Такъ скорѣй, Саша,—запрыгала Оля,—собирайся!

— Погоди, когда чай кончатъ.

— Я Лукерью Степановну попрошу заняться чаемъ, а ты ступай прокатись,—настояла Анна Александровна.

Агрономъ разомъ выпилъ свой чай и пошелъ къ лошади; Александра Васильевна, накинувъ на голову платокъ, подошла къ матери проститься.

— Иди, иди, а то безъ тебя уѣдутъ,—шутила мать.

Оля была ужъ на дворѣ и кричала въ окно: -- до свиданья!

— До свиданья, милыя, Господь надъ вами.

Все это произошло въ минуту, такъ что, когда возвратилась Лукерья Степановна, молодыхъ людей уже не было дома.

— Гдѣ они?—спросила особа.

— Кататься уѣхали,—не безъ страха отвѣтила Анна Александровна.

— Кататься?! А кому прикажете чай разливать?

— Потрудитесь, налейте сами.

Лукерья Степановна надулась; она, какъ говорится, рвала и метала, посуда гремѣла, ложки летѣли на полъ и все это сопровождалось ворчаньемъ: — Вотъ жисть! У людей праздникъ, катанье, а ты тутъ съ чаями возись!

Чай въ кабинетѣ пили, не торопясь, и пока Лукерья Степановна уходила, я имѣлъ возможность говорить съ Анной Алек-

сандровной хотя урывками. Но кончили чай, особа прочно водворилась у окна, поставила передъ собою полную тарелку подсолнечныхъ зеренъ и занялась ими. Продолжать разговоръ оказалось невозможнымъ; Лукерья Степановна не позволяла открыть рта ни Аннѣ Александровнѣ, ни мнѣ, и завела безконечную исторію о томъ счастливомъ времени, когда жила она въ городѣ, пользуясь всевозможными удовольствіями и не зная той тоски и скуки, которыя испытываетъ здѣсь. — „Тамъ однихъ кавалеровъ сколько,—замѣтила она,—до Москвы не перевѣшаешь! А здѣсь что? не съ кѣмъ душу отвести!“

Анна Александровна просто терзалась, а прервать ее не смѣла. По счастью, попалась мнѣ на глаза книга.

— Не хотите ли, Анна Александровна, я почитаю вамъ?

— Пожалуйста,—попросила она.

Но Лукерьѣ Степановнѣ чтеніе не представило никакого интереса и она ушла.

Чтеніе продолжалось недолго; мы заговорили...

— Тишина у насъ теперь въ домѣ,—почти шопотомъ говорила Анна Александровна, боязливо озираясь на дверь и открытое окно:—Василій Никандрычъ на покосѣ, Лукерья Степановна уѣзжаетъ съ нимъ же, мы остаемся однѣ и—пока отдыхаемъ...

Горькія слезы невольнаго униженія и незаслуженнаго стыда покатились по ея исхудалому лицу.

— Успокойтесь,—говорилъ я.

— Андрей Николаичъ! Мнѣ ли успокоиться!—шептала Анна Александровна. — Я вѣдь не за себя тревожусь... Я со всѣми примирилась и всѣмъ давно простила... Немного мнѣ остается терпѣть, долго не проживу. Но дѣвочки, дѣвочки мои! Боже мой! Что ожидаетъ ихъ послѣ моей смерти?.. Вы видите мое положеніе: ничѣмъ я имъ помочь не могу!..

Она закрыла лицо прозрачными, точно восковыми руками и, истерически рыдая, упала на подушки.

„О! если бы тѣ господа могли видѣть тебя въ эту минуту!“— подумалъ я, осиливая свое тяжелое чувство и подавая больной то воду, то спиртъ, то успокоительныя капли.

Прошло нѣсколько минутъ. Страдалица, такимъ мученичествомъ искупавшая чужіе грѣхи, немного освѣжилась, но лежала въ полномъ изнеможеніи: широко раскрытые глаза стояли неподвижно, по тѣлу пробѣгала дрожь, пальцы конвульсивно сжимались, грудь подымалась высоко и часто.

— Помогите приподняться... нечѣмъ дышать...

Я усадилъ ее спокойнѣе.

Она вздохнула глубоко и сильно, перекрестилась дрожавшею рукою и прошептала: — „Слава Богу!.. пережила!“ — И потомъ страдальческое лицо ея просвѣтлѣло въ глазахъ заискрился какой-то неизъяснимый свѣтъ, полный восторженнаго умиленія и безконечной любви; она какъ будто созерцала что-то невидимое для меня... Я въ изумленіи глядѣлъ на больную, не смѣя шелохнуться. Но это продолжалось не больше двухъ-трехъ секундъ; лицо ея приняло обыкновенное выраженіе и немного спустя она опять заговорила слабымъ, прерывающимся голосомъ:

— Какъ хорошо было бы, если бы, послѣ моей смерти, дѣвочки помѣстились въ домѣ у Никольскихъ. Да и это едва ли возможно...

Въ это время послышался мягкій стукъ въѣзжавшихъ во дворъ дрогъ, молодые люди возвратились съ катанья и у меня отлегло отъ сердца.

Александра Васильевна вошла въ комнату быстро и порывисто, взволнованная, блѣдная и со слѣдами слезъ на глазахъ. Въ одно время съ матерью взглянули онѣ одна на другую и разомъ спросили: — „Что съ тобою?“ — Я догадывался, какое будетъ между ними объясненіе и вышелъ на крыльцо.

На ступени сидѣла Олинька и плела для матери вѣнокъ изъ любимыхъ ею васильковъ.

— Въ ржаныхъ поляхъ, значитъ, были? — мимоходомъ спросилъ я.

— Да... Наши потихоньку ѣхали, а я успѣла нарвать цвѣтовъ.

Агрономъ уставлялъ подъ навѣсомъ рысака. Подойдя къ нему, я обомлѣлъ. Задумчивое и въ послѣднее время грустное лицо его было оживлено и сіяло радостію, глаза такъ и искрились, на губахъ играла улыбка.

— Скажи, — слава Богу? — встрѣтилъ онъ меня, снявъ фуражку и отирая влажный лобъ бѣлымъ платкомъ.

— Говорю: — слава Богу.

— Теперь поздравляй.

— Поздравляю.

— А развѣ не спросишь: съ чѣмъ?

— Кажется, видимое дѣло.

Онъ схватилъ мою руку и сжалъ ее крѣпко, крѣпко.

— Если бы ты зналъ — какъ все вышло просто и хорошо... Я боялся сказать Сашенькѣ и не зналъ, какъ... Сколько времени мучился и придумывалъ разныя слова... Но когда насту-

пило это мгновеніе, все забылъ и спутался. А она, моя дорогая... ей стало жаль меня... такъ ласково и спокойно сказала: —„Развѣ ты не замѣтилъ: я давно твоя“... Но потомъ встревожилась и расплакалась; боится отца...

Все это лепеталъ Петръ Иванычъ такъ страстно, въ порывѣ охватившаго его счастія, волнуясь и трепеща. Я не узнавалъ его:—въ немъ не было и тѣни серьезнаго трудового человѣка, онъ жилъ и дышалъ одною только любовью.

— Поговорить бы съ Анной Александровной, да не знаю какъ... Особа тамъ, что ли?

— Нѣтъ; въ саду она.

Петръ Иванычъ еще разъ стиснулъ мою руку и почти бѣгомъ отправился въ комнаты.

Мы съ Олинькой пошли въ садъ. Томящаяся особа отыскалась въ бесѣдкѣ, весь полъ которой былъ усыпанъ кожурой подсолнечныхъ зеренъ.

— Что призадумались, Лукерья Степановна?—спросилъ я.

— Да что! Сѣмечки всѣ сгрызла,—лѣниво отвѣтила она:—пойдемте хоть въ малинникъ ягоды ѣсть; скука смертная!

Пошли. Оля убѣжала впередъ.

— Отчитали что-ли нашу сударыню-то?

— Какъ—отчитали?

— Тоже вѣдь, прости Господи, книжками занимается! По цѣлымъ ночамъ сидятъ съ дочкой за книжками, а обѣ вѣдь на ладонъ дышатъ. Спали бы больше; хворь-то какъ рукой сняло бы.

— Кому какъ, Лукерья Степановна.

— Ужъ сдѣлайте такое одолженіе. Не распинайтесь! Вы всегда за нихъ, нѣтъ что бы меня пожалѣть: бытто и не примѣчаете моей меланхоліи.

— Идите скорѣе; какую крупную малину я нашла!—крикнула Олинька.

Меланхолію Лукерьи Степановны какъ рукой сняло. Спѣшно, переваливаясь какъ уточка, пошла она на зовъ и въ полголоса запѣла:

„Я хочу вамъ разсказать, разсказать, разсказать“...

VI.

Ведреная погода заставляла спѣшить уборкой сѣна и приготовляться къ жнитву. Подолгу засиживаться въ гостяхъ было не время и мы возвратились домой до сумерекъ.

Устроенное, по собственнымъ чертежамъ и соображеніямъ, жилище Большаковыхъ вполнѣ отвѣчало образу жизни и хозяйству владѣльца. Домъ былъ прочень, сухъ и тепелъ. Зимняя непогода и бураны не достигали въ комнаты, а лѣтній зной умѣрялся ставнями. Типъ постройки былъ обычный крестьянскій, дѣлившій все зданіе на три отдѣльныя части: переднюю половину, состоявшую изъ пяти комнатъ, заднюю, гдѣ помѣщалась кухня, и среднюю между ними,—здѣсь были теплыя сѣни и дальше — комната агронома.

Въ комнатѣ не было претензій на щегольство: стѣны и потолки—простые деревянные, гладко выструганные, полы бѣлые, не крашенные; но мебель красивая, изъ полированной березы, въ русскомъ стилѣ, съ деревяннымъ сидѣньемъ.

Мебель эта была работы Петра Иваныча, который, кромѣ агрономическихъ знаній, зналъ ремесла столярное, кузнечное и слесарное. Ему знакомо было также рисованье, музыка и пѣніе,—послѣднее на столько, что онъ управлялъ глушковскимъ хоромъ.

Рабочая его комната была обставлена еще проще, чѣмъ пріемная; это былъ и кабинетъ, и мастерская. Здѣсь были: верстакъ, токарный и сверлильный станки, шкафы съ инструментами, модели машинъ и орудій, гербаріи, книги, рисунки, чертежи, карты, химическіе препараты и пр., и пр.

Строгая простота, составлявшая характерную особенность дома, разнообразилась нѣсколькими рисунками, работы Петра Иваныча, и прекрасными цвѣтами и растеніями, разведенными имъ же. Въ общемъ все было такъ мило и уютно, что при входѣ въ домъ охватывало пріятное впечатлѣніе, вызывавшее добрыя чувства.

Итакъ, мы возвратились еще за-свѣтло и тотчасъ же закипѣла работа. Всѣ обитатели дома были на дворѣ и каждый хлопоталъ надъ своимъ дѣломъ. Кто поилъ и загонялъ на мѣста возвратившійся изъ поля скотъ, кто налаживалъ телѣги и рыдваны, кто приготовлялъ необходимыя для покоса и сбора сѣна орудія.

Партія косцовъ, нанятыхъ на утреннемъ базарѣ, собралась теперь на-лицо и подъ сѣнію широкаго навѣса усаживалась вокругъ большого стола за ужинъ. Иванъ Яковлевичъ, передъ почlínомъ дѣла, собственноручно поднесъ каждому косцу по стакану водки; они по очереди вставали, принимали отъ хозяина стаканъ, истово крестились и, кланяясь, говорили: — „Пошли Господи въ добрый часъ: — вамъ на прибыль, намъ на нашу

нужду", а затѣмъ, выпивъ водки, начинали хлебать горячія щи съ бараниной.

Косцы были народъ пришлый, пропутешествовавшій до нашихъ мѣстъ пѣшеходомъ кто двѣ, а кто и три сотни верстъ и во все время странствія пропитывавшійся черствымъ хлѣбомъ съ водою. Понятно, что, обрадовавшись „ласковому слову" на чужбинѣ и горячей пищѣ, они утоляли голодъ, не стѣсняясь, съ усердіемъ людей, подвергавшихся продолжительному посту.

Ужинъ былъ обильный, вкусный, самъ по себѣ возбуждавшій аппетитъ, а тутъ еще стряпуха Большаковыхъ, какъ бы не довольствуясь вниманіемъ косцовъ къ ея произведенію, поощряла ихъ неотступными просьбами покушать. Поставивъ на столъ новое блюдо, она отходила къ сторонкѣ, наклоняла голову на-бокъ и, подгорюнившись, участливо глядѣла на „странничковъ".— „Покушайте, родименькіе, — говорила она имъ: — покушайте во славу Божію, вспоминаючи своихъ хозяюшекъ и дѣточекъ; не побрезгуйте нашимъ хлѣбомъ-солью". Косцы отвѣчали коротко:— „Благодаримъ на ласкѣ", и продолжали ужинать молча, сосредоточенно. И они, и кухарка очень хорошо знали, что никакихъ дальнѣйшихъ разсужденій не полагается, потому что кто за трапезой говоритъ, тотъ „сатану тѣшитъ" и ѣстъ не хлѣбъ, а „мотылу".

(Что такое „мотыло" — сказать не умѣю; объясненія этого слова я не добился. „Мотыло—и все тутъ!" отвѣчали мнѣ).

Поужинавъ вплотную, до роспуска поясовъ, косцы хлопнули о столъ ложками, разомъ встали, спѣшно помолились на темнѣвшій востокъ, поклонились намъ съ словами: „Благодаримъ за хлѣбъ, за соль; за щи за кашу; за милость вашу" — и начали укладываться спать тутъ-же подъ навѣсомъ. Подбросили на-земь травки, подсунули подъ головы котомки, легли, потянулись и — мгновенно заснули.

Завтра придется имъ отправиться, чуть забрезжится зорька, такъ, чтобы солнышко встрѣтить уже на работѣ.

Авдотья Семеновна съ агрономомъ хлопотали около телѣги, въ которой утромъ, слѣдомъ за косцами, повезутъ на рабочій станъ дневную провизію. Уставляли въ ней кадки и липовыя кадочки съ соленымъ мясомъ и съ кислымъ молокомъ, боченки съ водкой и съ квасомъ; подвязывали къ нахлесткѣ желѣзное ведро, котелъ и треногъ. Емельянъ принесъ нѣсколько караваевъ свѣжаго и теплаго еще хлѣба, мѣшокъ съ пшеномъ, коробокъ

съ свинымъ саломъ, берестяной буракъ съ солью и другія мелочи. Провизію размѣщали въ строгомъ порядкѣ и перекладывали травой, чтобы не попортилось чего въ пути, не расшаталось бы, не расплескалось.

Во время этихъ сборовъ Авдотья Семеновна нѣсколько разъ заговаривала съ сыномъ; но онъ былъ далекъ отъ окружавшей его прозы—„видя не видѣлъ и слыша не разумѣлъ". Въ памяти его проносились сцены свиданія и объясненія съ Александрой Васильевной. Ему надо было уединиться, привести въ порядокъ мысли; на вопросы матери онъ отвѣчалъ часто не-впопадъ.

Ничего еще не знавшая о случившемся, Авдотья Семеновна не мало удивлялась его разсѣянности, заглядывала сыну въ глаза и съ безпокойствомъ покачивала головою.

„Длинный день покончилъ рядъ заботъ". Всѣ отправились по мѣстамъ: прислуга ужинать и спать, а мы, въ ожиданіи того же, посидѣть еще немного...

Веселый шумъ праздничнаго дня умолкалъ и тишина, предвѣстница скораго сна, вступала въ свои права; но съ прибрежной поляны неслась еще хороводная пѣсня, терзая душу своимъ тоскующимъ мотивомъ. Пѣсня порвалась разомъ, короткимъ и громкимъ отзвукомъ, будто тяжкій вздохъ вырвался изъ мощной груди, или лопнула не въ мѣру натянутая струна...

Подавленные впечатлѣніемъ слышаннаго, мы сидѣли молча, ожидая, не запоютъ ли еще; но хороводъ, должно быть, разошелся по домамъ. Вмѣсто него послышался одинокій голосъ запоздалаго гуляки, который, проходя черезъ площадь, уныло тянулъ:

„Нападаютъ то на меня, на меня сиротинушку, да лихіе люди,
Что хотятъ-ли, хотятъ меня, сиротинушку, отдать во солдаты"...

И здѣсь опять та же тоска, та же безнадежная жалоба и слезы!.

Въ комнату вошелъ агрономъ и сталъ въ какой-то нерѣшительности.

— Ты чего, Петя?—спросилъ отецъ.

Петръ Иванычъ, прерываясь отъ волненія, разсказалъ о случившемся.

Старики вздохнули такъ, будто освободились отъ тяжелой ноши. Иванъ Яковлевичъ взялъ сына за руку и посадилъ его на диванъ рядомъ съ собою. Наступило томительное молчаніе. Петръ

Иванычъ, сложивъ руки на колѣняхъ и опустивъ голову, ждалъ, что́ скажетъ отецъ; Авдотья Семеновна кончикомъ шейнаго платка отирала проступавшія изъ глазъ слезы; Иванъ Яковлевичъ былъ погруженъ въ глубокую думу. На лицѣ его уже не видѣлось того радостнаго чувства, которое отразилось въ первую минуту признанія сына; напротивъ, печаль и даже боязнь проглядывали въ каждой его чертѣ; нѣсколько разъ приподнималъ онъ голову, намѣреваясь говорить, и вновь задумывался.

Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Намѣреніе твое и выборъ твой я одобряю вполнѣ; лучшаго и придумать нельзя; но... ты немного поторопился и началъ съ того, чѣмъ слѣдовало кончить. Мнѣ кажется, лучше было бы переговорить прежде всего съ нами, а главное—съ самимъ Лапкинымъ; дѣвушку же смущать не слѣдовало. Ей и безъ того не легко живется и, надѣюсь, ты понимаешь—что́ можетъ выйти, если Лапкинъ не согласится... Ошибка сдѣлана крупная; но теперь, все равно, не вернешь... Скажу о Сашенькѣ—дѣвица она желанная и, знаю я, что у всѣхъ насъ будетъ прежняя любовь, а что придумали вы взять къ себѣ и Анну Александровну съ Олюшей и это опять хорошо; натерпѣлись онѣ, сердечныя, до краевъ полно и положить конецъ ихъ мученію пора... Такъ повторяю: противъ твоего желанія ни я, ни мать разумѣется, ничего не имѣемъ; только вотъ что, родной: ужели ты не подумалъ о томъ, что я и самъ давно бы посовѣтовалъ тебѣ жениться на Сашенькѣ, если бы не видѣлъ, что Лапкинъ мѣтитъ совсѣмъ въ другую сторону и родниться съ мужикомъ не станетъ?

— Онъ и самъ, кажется, не изъ большихъ баръ.

— Знаю, и говорю не о томъ. Только я, видишь ли, хожу въ зипунѣ, а онъ во фракѣ, мы съ тобой можемъ и пить и ѣсть изъ глиняной посуды, а онъ не иначе, какъ съ хрусталя и фарфора; мы съ тобой хлопочемъ какъ бы себя соблюсти, а онъ все ширится и пыжится!.. На нашъ взглядъ, можетъ быть, это и не нужно, а онъ живетъ этимъ, дышать безъ того не можетъ! Какъ же быть съ этимъ? Вѣдь ни мы для него, ни онъ для насъ передѣлывать себя не станемъ?

— Для него это все равно: я жить съ нимъ не стану.

— Надѣюсь. Но ты желаешь быть его зятемъ, а ему для этого нуженъ баринъ.

— А гдѣ его взять, барина-то? – вмѣшалась въ разговоръ Авдотья Семеновна:—господа-то видно только пить да ѣсть пріѣзжають къ нимъ.

— Ну, Семеновна, года Сашенькины еще не ушли, женихи

будутъ. Въ наши времена за деньги все можно достать, а Лапкинъ на это денегъ не пожалѣетъ.

— Яковличъ! — вступилась Авдотья Семеновна: — не терзай ты его понапрасну; почемъ знать, чего не знаешь? Лучше вотъ что: посовѣтуемтесь съ батюшкой.

— Отчего не посовѣтоваться, — охотно согласился Иванъ Яковлевичъ: — и не въ такихъ случаяхъ совѣтовались съ ними, а тутъ дѣло не шуточное, да и крестный отецъ къ тому же. Поговорить можно хоть сейчасъ, пожалуй, теперь еще не очень поздно. Сами что ли къ нимъ пойдемъ, или ихъ къ себѣ пригласимъ?

— Къ намъ лучше.

— Ну, хорошо. Такъ слетай, Петя! Проси къ намъ о. Іосифа съ матушкой. А на счетъ дочекъ, Семеновна, какъ: звать, или нѣтъ?

— Нѣтъ, Яковличъ; разговоръ не такой будетъ, чтобы при дѣвицахъ вести.

— Такъ иди, Петя! А ты, старушка, на счетъ чайку и закусочки похлопочи.

О. Іосифъ съ супругою Варварою Ивановною прибыть не замедлили и послѣ обычныхъ привѣтствій всѣ пристроились къ мѣсту, съ соблюденіемъ традиціонныхъ обычаевъ: хозяйка съ гостьей сѣли къ чайному столу, а мужчины къ закусочному.

Иванъ Яковлевичъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу:

— Молодецъ-то нашъ, что настряпалъ, слышали?

— Какъ же, — отвѣтила Варвара Ивановна: — сказывалъ онъ намъ. Что же, и дай Богъ! Я всегда думала, что это такъ и будетъ.

— Но вопросъ въ томъ: какъ дѣло повести? — сказалъ о. Іосифъ.

— И я о томъ же говорилъ Петру, — поддержалъ его Иванъ Яковлевичъ.

Авдотья Семеновна разлила чай.

— Батюшка, благословите передъ чаемъ-то, — попросилъ Большаковъ, указывая на закуску.

О. Іосифъ благословилъ.

— Просимъ покорно, — продолжалъ хозяинъ: — откушайте чего нибудь.

Иванъ Яковлевичъ, увлеченный гостепріимствомъ, повторялъ гостямъ убѣдительнѣйшія просьбы выпить и закусить.

— У васъ нынче настоящій „запой“,—шутила Варвара Ивановна, закусывая.

— Запой и есть,—отвѣтила хозяйка:—смотрите: и старикъ даже выпилъ. Ты у меня не зашуми во хмѣлю-то!—подсмѣивалась она надъ мужемъ.

— Отчего и не пошумѣть? — отвѣтилъ онъ въ томъ же тонѣ:—сына „пропиваю“.

— А когда будемъ „рукобитье“ справлять, Петя?—спрашивала Варвара Ивановна [1]).

— Не знаю, Варвара Ивановна; на чемъ вотъ условимся, какъ батюшка посовѣтуетъ.

О. Іосифъ замѣтилъ:

— То-то и есть, крестничекъ: сватать самъ полетѣлъ, ни у кого не спросясь, а теперь всѣ тяготы на насъ возлагаешь.

— Помогите уже,—просилъ агрономъ.

— И въ самомъ дѣлѣ надо посовѣтоваться съ чего начать?—сказалъ о. Іосифъ;—назадъ идти нельзя.

— Теперь о задахъ чего же думать,—отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ:—я говорю только, что сомнѣваюсь въ согласіи Лапкина.

— Спора нѣтъ, Лапкинъ заупрямится,—говорилъ о. Іосифъ;—но будемъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, повторять и настаивать. Увидимъ тогда, кто кого одолѣетъ.

Совѣщаніе кончилось тѣмъ, чтобы, не мѣшкая, отправиться Ивану Яковлевичу на переговоры съ Лапкинымъ.

— Ужъ не иначе,—согласился онъ; — при первомъ случаѣ переговорю „съ самимъ“.

— Благословляю тебя,—разрѣшилъ о. Іосифъ, осѣняя Ивана Яковлевича крестомъ.

— Аминь! — заключила Варвара Ивановна и поднялась съ мѣста.—Домой пора; дѣвчата однѣ тамъ у насъ.

Мы пошли проводить Никольскихъ.

Послѣ комнатнаго освѣщенія, на дворѣ казалось совсѣмъ темно; звѣзды слабо мерцали въ недосягаемой высотѣ; село спало мертвымъ сномъ. На колокольнѣ раздался сторожевой звонъ и рѣдкіе удары колокола расплывались въ темномъ пространствѣ унылымъ гудѣньемъ. Мы примолкли и такъ въ молчаніи дошли до жилья священника. У крыльца попрощались и возвратились домой, нравственно утомленные событіями минувшаго дня.

---

[1]) „Запоемъ“ называютъ вечеринку, справляемую по полученіи согласія на предложеніе жениха со стороны невѣсты; вечеринка, замѣняющая обрученіе, называется „рукобитьемъ“.

VII.

Казалось, что въ необозримой равнинѣ, сливавшейся на горизонтѣ съ небосклономъ, нѣтъ конца края тѣмъ лугамъ, на которыхъ теперь въ разныхъ мѣстахъ и по всѣмъ направленіямъ поставлены были партіи косцовъ. Любо смотрѣть на ихъ работу. Словно по командѣ, шагъ за шагомъ, подвигались они впередъ и мѣрно въ-разъ дѣлали широкіе размахи блестящими косами, подъ неумолимымъ лезвеемъ которыхъ ложились ряды высокой травы; скошенныя мѣста принимали тотчасъ же неприглядный, щетинистый видъ, тогда какъ рядомъ луга красовались еще полнымъ уборомъ зелени и цвѣтовъ. Синее, глубокое и безоблачное небо залито ослѣпительнымъ сіяніемъ солнца, подвигавшагося къ полудню; природа млѣла; степь доживала послѣдніе дни своего цвѣтущаго періода.

Косцы работали молча. Рубахи на всѣхъ распоясаны, вороты разстегнуты, головы обнажены; потъ катится градомъ, такъ что солнце не успѣваетъ просушивать взмокшаго на нихъ бѣлья.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ покосъ сдѣланъ раньше, партіи женщинъ сгребали просохшую траву въ копны. Сначала въ рядахъ работницъ шелъ веселый говоръ и даже слышались пѣсни; но къ полудню притомились и онѣ; и у нихъ въ груди и горлѣ будто огнемъ жгло, языкъ ссохся, губы потрескались, слово произносилось съ трудомъ и горловой звукъ рѣзалъ въ гортани будто ножемъ. Женщины давно тоже сняли платки и оставались въ однихъ волосникахъ; сарафаны—и тѣ поснимали. Теперь ужъ не до приличій, у всѣхъ одна только думушка — посвободнѣе бы вздохнуть.

А солнышко точно остановилось на одномъ мѣстѣ въ безоблачной лазури и пригрѣвало все сильнѣе.

Еще дальше—навѣваютъ сѣно въ рыдваны, свозятъ къ одному мѣсту и мечутъ въ стога.

Среди зелени луговъ бѣлѣлось множество палатокъ, около которыхъ стояли телѣги съ провизіей. Часу въ двѣнадцатомъ утра запахло гарью; на солнечномъ лучѣ блеснуло блѣдное пламя костра, прежде въ одномъ мѣстѣ, потомъ въ другомъ, въ третьемъ и вскорѣ повсюду потянулись вверхъ столбы чернаго дыма.

Приготовляли обѣдъ.

Хорошій часъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ тебя усталый и проголодавшійся рабочій, покинувшій семью далеко-далеко.

Рабочіе напрягаютъ надорванныя силы до послѣдней степени

и какъ только солнышко покажетъ полдень—силы эти падаютъ, организмъ слабѣетъ, энергія исчезаетъ. Рабочій становится неспособнымъ къ работѣ—ему нужны пища и отдыхъ.

Я былъ на покосѣ вмѣстѣ съ своими хозяевами и такъ какъ станъ нашъ помѣщался верстахъ въ двухъ отъ стана Лапкина, то имѣлъ случай наблюдать за хозяйственною дѣятельностію Василія Никандрыча.

Въ модной легенькой парѣ соломеннаго цвѣта, съ панамою на головѣ, въ большихъ лакированныхъ сапогахъ, съ биноклемъ черезъ одно плечо и съ нагайкою черезъ другое, гарцовалъ онъ по лугамъ, мыкаясь въ разныя стороны на взмыленномъ конѣ, помахивалъ нагайкою и покрикивалъ на рабочихъ. Выскакалъ на „взлобочекъ", приподнялся въ сѣдлѣ, навелъ бинокль, посмотрѣлъ и понесся во весь опоръ; остановился не вдалекѣ отъ рабочихъ и крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Эй-эй! Правая сторона! у меня—не дремать!

А правая сторона работала ни чуть не хуже лѣвой; но теперь, при окрикѣ хозяина, сочла нужнымъ оказать ему вниманіе—пріостановилась въ работѣ и обернулась въ его сторону.

Лапкинъ издали погрозилъ имъ нагайкой и, повернувъ коня, поскакалъ дальше; рабочіе долго смотрѣли ему вслѣдъ, провожая напутственными нелюбезными эпитетами.

Затѣмъ косцы, поплевавъ на ладони, принялись за свое дѣло, а Лапкинъ шумѣлъ ужъ въ другомъ мѣстѣ.

Обыкновеннымъ результатомъ наблюденій Василій Никандрыча были постоянныя жалобы на рабочихъ: здѣсь ему не додѣлали, тамъ испортили, тамъ—обманули. На самомъ дѣлѣ оно такъ и было, только Лапкинъ никакъ не могъ доискаться настоящей тому причины и всѣ свои хозяйственные промахи относилъ къ испорченности и развращенности рабочаго народа.

Передъ тѣмъ какъ идти обѣдать, Иванъ Яковлевичъ сказалъ сыну:

— Ты, Петя, послѣ обѣда съѣзди на хуторъ, узнай—все ли тамъ по-добру по-здорову?

Петръ Иванычъ мигомъ поймалъ первую попавшуюся лошадь, мирно пощипывавшую траву, снялъ съ нея путы, взнуздалъ и сѣлъ верхомъ безъ сѣдла.

— А обѣдать-то?—спросилъ отецъ.

Агрономъ кивнулъ ему головой, хлестнулъ лошадь поводомъ и поскакалъ.

Старикъ постоялъ въ раздумьѣ; онъ, конечно, не могъ увлекаться обманчивыми надеждами на успѣхъ и пугался предстоящихъ испытаній.

На пути къ своему стану натолкнулись мы съ Иваномъ Яковлевичемъ на партію косцовъ, работавшихъ у Лапкина. Они сидѣли вокругъ котла съ какимъ-то варевомъ, отъ котораго поднимался удушливый паръ; ломти нарѣзаннаго хлѣба лежали нетронутыми и работники съ горькою усмѣшкою посматривали то на хлѣбъ, то на котелъ.

— Хлѣбъ и соль!—сказали мы, поровнявшись съ ними.

— Спасибо!—отвѣтили рабочіе, а одинъ прибавилъ даже:—просимъ откушать съ нами.

Приглашеніе это сдѣлалъ молодой парень, и по одеждѣ, и по разговору походившій на подгородняго крестьянина. Онъ имѣлъ болѣзненный видъ и исхудавшее лицо его окрасилось въ желтый цвѣтъ. Мы поблагодарили за приглашеніе, но парень настаивалъ; въ настойчивости его послышалась мнѣ особенная нотка, я остался и сѣлъ съ ними въ кругъ.

— Что-жъ вы не хлебаете?—спросилъ я.

— Започинь, мы за тобой.

Я счелъ это знакомъ уваженія ко мнѣ, какъ къ гостю и храбро зачерпнулъ изъ котла; но въ ложкѣ моей оказалась мутная вода съ рѣдкими блестками постнаго масла; помѣшавъ въ котлѣ поглубже, я вызвалъ наружу цѣлые клубы картофельной шелухи и нѣсколько сгнившихъ картофелинъ.

Ѣсть такой „супъ“ было невозможно.

— А ты хлѣбъ попробуй, — угощалъ парень:—на-ка вотъ, закуси.

Поданный мнѣ кусокъ не походилъ на хлѣбъ даже по формѣ. Это былъ ломоть какой-то лепешки съ едва затянувшимися корками и совсѣмъ непропеченой серединой; жидкій мякишъ склеивалъ пальцы.

— Ну, довольно съ меня,—сказалъ я, поднимаясь съ мѣста:—спасибо за угощеніе.

Парень пошелъ проводить меня и, подшучивая надъ обѣдомъ, сказалъ:

— Пожалуй, съ эдакой-то ѣды какъ разъ и холера заберетъ.

— Ну, ты и безъ холеры плохъ; болѣлъ, что ли?

— Лихоманка всю весну трясла, инда пожелтѣлъ весь.

— Лечился?

— Какъ же, да толку никакого не вышло; въ часъ молвить—старушка одна помогла.

— Чѣмъ же?

— Заговоромъ. И любезное это дѣло, самое мужицкое; ни мазаться не требуется, ни въ нутро принимать не надо: навязалъ заговоръ на крестъ и носи, только и всего.

— И ты носишь?

— А какъ же!

— Покажи,—попросилъ я.

Парень снялъ съ шеи снурокъ съ крестомъ, около котораго прикрѣпленъ былъ небольшой узелокъ, развязалъ его и вынулъ мелкосвернутую бумажку, исписанную уставомъ. Я прочелъ извѣстный заговоръ противъ злыхъ трясавицъ, двѣнадцати Иродовыхъ дщерей.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ я, возвращая бумажку:—помогло это тебѣ?

— Какъ рукой сняло!—отвѣтилъ парень,—только вотъ „желтѣя" не проходитъ.

— На счетъ желтѣи къ доктору обратись; прочнѣе выйдетъ.

VIII.

Простившись съ желтымъ парнемъ, я на пути къ своему стану встрѣтилъ Лапкина.

— Не пущу,—любезничалъ онъ, поставивъ лошадь бокомъ и заграждая мнѣ дорогу:—идемте ко мнѣ завтракать.

— Пробираюсь домой,—отвѣтилъ я,—къ Большаковымъ.

— Ну, полноте! — словно вознегодовалъ Лапкинъ: — удивляюсь, какъ это вы переносите ихъ мужичій столъ!.. Идемте же, я васъ самымъ тонкимъ завтракомъ угощу!

Съ этими словами Лапкинъ спустился на землю, взялъ меня подъ руку и повернулъ на боковую тропу въ обходъ. Верховой конь его шелъ за нами въ поводу.

— Отчего же не по дорогѣ?—спросилъ я,—тутъ ближе.

— Тамъ... гм... косцы обѣдаютъ... не люблю мѣшать... видѣлся ужъ съ ними сегодня.

— Да; я любовался давеча, какъ вы наблюдали за ними.

— Не могу иначе. Чувствую въ себѣ какое-то возбужденіе, такъ сказать американское что-то. Люблю, чтобы вездѣ самому быть, все видѣть и знать. Да при нынѣшней распущенности народа и нельзя не наблюдать за нимъ. Помилуйте, какой нынче

народъ! Если вы еще не знаете, я могу объяснить вамъ. Извольте считать по пальцамъ: пьяница—разъ, лѣнтяй—два, воръ—три, грубіянъ—четыре, негодяй—пять! Пять добродѣтелей пріобрѣлъ и это—замѣтьте!—послѣ эмансипаціи... Ахъ! Еслибы нѣчто въ родѣ прежняго и дали въ руки намъ—встрепенулась бы тогда Русь-матушка; мы бы поставили ее на настоящую дорожку: нѣмецъ у насъ не пикнулъ бы!..

Въ лощинкѣ изъ-за кустовъ таволожника словно вынырнула палатка Лапкина. Вышелъ кучеръ принять отъ „барина" лошадь.

— Лукерья Степановна гдѣ?—спросилъ Лапкинъ.

— Кушать приготовляютъ-съ, вотъ здѣсь въ кустахъ.

— Скажи, чтобы подавала; ѣсть хотимъ.

Въ палаткѣ расположились по азіатски, т.-е. сѣли на коврѣ, поджавъ ноги. Сейчасъ же подали самоваръ и завтракъ. Въ качествѣ заботливой экономки, явилась и сама Лукерья Степановна, прикрывшаяся отъ зноя бѣлымъ платочкомъ такъ низко, что изъ остававшагося маленькаго отверстія едва виднѣлись глазки, носикъ и губки. Но завтраку нашему помѣшали. За палаткой послышался говоръ, въ которомъ я узналъ голосъ желтаго парня.

— Что тамъ еще?—сурово проворчалъ Лапкинъ и поднявшись на ноги, сталъ у входа въ палату.

Передъ нимъ стояла цѣлая партія косцовъ. Всѣ они заговорили разомъ, жалуясь на плохой обѣдъ.

Лапкинъ слушалъ ихъ молча, поигрывая брелоками часовъ, и когда косцы наговорились вволю и тоже примолкли, онъ отвѣтилъ имъ такъ:

— А вы полегче, господа. Прошу васъ—не забываться и помнить съ кѣмъ говорите. Разберемъ дѣло по порядку. Спрошу васъ: за чѣмъ вы пришли ко мнѣ? Кухарка похлебку плохо сварила, хлѣбъ не допекла, такъ вы не пожелали объясниться по этому предмету съ прикащикомъ и предпочли безпокоить самого меня, а?

— Кучились мы прикащику,—загалдѣла опять вся толпа:—да онъ ругается, а мы вѣдь не ѣвши, работать не въ силахъ...

— Не ѣвши! А позвольте спросить: почему?

— Да вѣдь гнило, и сыро все!..

— По легче, полегче, господа!.. Еще одинъ вопросъ: дома у себя—чѣмъ изволите кормиться?

Косцы замялись; кто-то изъ нихъ пробормоталъ:

— Кормимся... что Господь пошлетъ...

— Да; что Господь пошлетъ!.. Такъ вы, голубчики, этого и не забывайте. Не я къ вамъ, а вы ко мнѣ пришли.

— Ваше степенство! — взмолились косцы: — помилосердуй! Вечоръ безъ ужина спать легли и понѣ до сихъ поръ крохи въ роту не было. И рады бы мы постараться для вашего здоровья, да вѣдь силушки нашей нѣтъ. Сдѣлай милость: хоть по стакашку винца прикажи отпустить. Все бы мы подбодрились маненько.

— Винца захотѣли—прямо съ этого и начали-бы... Антонъ! Отпусти имъ, сколько пожелаютъ.

Обрадованные косцы отправились съ Антономъ за палатку, къ возу съ провизіей, на которомъ, въ числѣ разной поклажи, красовался и боченокъ съ водкой. А Лапкинъ сѣлъ на прежнее мѣсто и, выпивъ изъ серебрянаго стаканчика коньяку, съ раздраженіемъ заговорилъ:

— Мерзавцы!.. Хлѣбъ не пропеченъ! Каково, а?.. Нѣтъ-съ, я серьезно прошу васъ, Андрей Николаичъ:—обратите ваше вниманіе на нравственность нынѣшняго мужика. Да-съ, именно на нравственность! Дома хлѣбъ изъ мякины съ лебедой жретъ, а сюда пришелъ—бараньей котлеты требуетъ!.. Что жъ это за порядки? Ну, не хорошо тебѣ здѣсь, плохо кормятъ—и не ходи, чортовъ сынъ! Никто тебя силой не тащитъ!.. Луша! — повернулся Лапкинъ къ экономкѣ:—распорядись, пожалуйста, къ ужину имъ, чтобы телячьи ножки были!

— Ха, ха, ха! — покатилась Луша: — какой вы шутникъ, право—ужъ непремѣнно подпустите какой нибудь шкандалъ!

Лапкинъ слегка покосился на нее, но не поправилъ, какъ поправлялъ онъ Большакова; такъ это словечко и прошло будто незамѣченнымъ.

Косцы выпили водки и стали опять передъ палаткой.

— Благодаримъ покорно,—начали-было они.

— Не на чѣмъ,—прервалъ ихъ Лапкинъ.—Антонъ сколько они выпили?

— Четвертную.

— Только-то! Что жъ какъ мало?

— Много довольны и на этомъ,—кланялись рабочіе: — если милость будетъ, ужо ввечеру лучше.

— Ну, такъ помните: работаете первый день и за обѣдомъ выпили четверть; я такъ и запишу.

Рабочіе переглянулись.

Зачѣмъ же, ваше степенство, записывать-то? — нерѣшительно спросили они.

— Затѣмъ, что безъ этого нельзя. Денежка счетъ любитъ, для аккуратности и записываю.

— Да нешто это въ плату пойдетъ?

— А вы думали даромъ? Да развѣ я васъ въ гости къ себѣ пригласилъ?.. Идите-ка на свое мѣсто.

Рабочіе медленно пошли отъ палатки; но отойдя саженъ десять, парень обернулся и крикнулъ:

— Отольются тебѣ наши сиротскія слезы!

Въ самомъ ли дѣлѣ не слыхалъ Лапкинъ этихъ словъ или не обратилъ на нихъ вниманія, но разговоръ перешелъ на другую тэму и завтракъ прошелъ безъ дальнѣйшихъ помѣхъ.

На своемъ станѣ засталъ я возвратившагося уже Петра Иваныча въ бесѣдѣ съ отцомъ. Онъ разсказывалъ, что на хуторѣ всѣ здоровы; утромъ навѣстилъ ихъ о. Іосифъ, а теперь тамъ его дочери. Но Анна Александровна съ дочерью томятся и изнываютъ отъ страха, не знаютъ, какъ приметъ его предложеніе Лапкинъ и что скажетъ.

— Стало быть надо поспѣшить?—спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Конечно!

— Ну, если дѣло остановилось за мной, то я постараюсь найти случай повидѣться съ Лапкинымъ и, если можно, сегодня же.

На этомъ и кончили объясненіе; Большаковъ сдѣлался молчаливымъ и на вопросы, съ которыми обращались къ нему, отвѣчалъ неохотно.

IX.

Къ вечеру Иванъ Яковлевичъ еще болѣе призадумался. Тревожила его боязнь оскорбленія со стороны Лапкина и тревожился онъ не столько за себя, сколько за сына, за Александру Васильевну и Анну Александровну, для которыхъ настоящее предложеніе Большаковыхъ являлось единственнымъ выходомъ изъ-подъ гнетущей руки Василія Никандрыча. Что можетъ случиться, если онъ, по обыкновенію, занесется, оборветъ и съ разу безнадежно откажетъ? Положеніе несчастныхъ женщинъ несомнѣнно ухудшится, а причиною тому будетъ не кто иной, какъ самъ же Петръ Иванычъ, поступившій такъ опрометчиво. Думы эти тяготили старика не на шутку. Усилія казаться спокойнымъ оставались напрасными. Чтобы одолѣть свое смущеніе, онъ схватилъ косу, сталъ въ рядъ съ рабочими и началъ дѣлать та-

кіе махи, что удивленные косцы вскорѣ остались далеко назади. Физическое утомленіе заглушило тревожныя думы и успокоило его душу.

Виновникъ этой тревоги, Петръ Ивановичъ, съ приближеніемъ рѣшительной минуты, испытывалъ не меньшія муки; онъ и работать даже не могъ, а скрылся въ долинкѣ, лежалъ тамъ, подложивъ руки подъ голову, и смотрѣлъ на бархатную синеву небесъ. Сколько агрономъ перечувствовалъ въ эти немногіе, но безконечные для него часы можно судить по тому, что когда, передъ отъѣздомъ съ поля, я разыскалъ его, онъ казался совершенно разслабленнымъ и немощнымъ... Я настоялъ, чтобы онъ оправился по крайней мѣрѣ наружно, если ужъ не можетъ осилить душевной тоски. Агрономъ повиновался безпрекословно, какъ ребенокъ; умылся, причесался, надѣлъ фуражку какъ слѣдуетъ и кротко посмотрѣлъ на меня, какъ бы спрашивая: не будетъ ли еще какихъ приказаній?.. Приказаніе послѣдовало отъ Ивана Яковлевича:

— Садись, Петръ, ѣхать надо,—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

Петръ Иванычъ вздрогнулъ, сѣлъ на дроги и опустилъ голову.

Поѣхали по дорогѣ, пролегавшей мимо стана Лапкина, въ томъ предположеніи, что авось-либо благодѣтельная судьба поможетъ столкнуться съ нимъ. Такъ и случилось. Подъѣзжая къ палаткѣ Василія Никандрыча, мы замѣтили, что и онъ собирается домой.

— Отработались?—спросилъ онъ.

— На нонѣшній день, Богъ далъ, управились, — отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— А вѣдь у меня, братецъ, эти мерзавцы-рабочіе чуть не взбунтовались!—поспѣшилъ Лапкинъ сообщить Ивану Яковлевичу, какъ бы забывая, что я былъ свидѣтелемъ этого „бунта“. — Хотѣлъ ужъ за становымъ посылать нарочнаго,—приврал онъ, но вдругъ спохватился: — Да вотъ, на что лучше, при нихъ это было, — продолжалъ онъ, указывая на меня: — вѣдь это правда? Хотѣлъ я за становымъ посылать, хотѣлъ вѣдь?

— Нѣтъ, при мнѣ не хотѣли.

— Ахъ, да! Что же я путаю; послѣ васъ это я хотѣлъ! Да, да; точно: послѣ васъ! Стали знаете ли, на колѣни, начали умолять о пощадѣ, обѣщали пять десятинъ скосить сверхъ ряды, ну я и простилъ. Шутъ съ вами, думаю, работайте; а то еще пойдутъ допросы, да разспросы, глядишь день, другой и пройдетъ.

Слово за словомъ, разговорились; рабочіе — это была безконечная тэма для Лапкина, и потому, когда добрались до хутора, разговоръ былъ въ самомъ разгарѣ. Лапкинъ не могъ разстаться на полсловѣ и пригласилъ насъ къ себѣ. Я хотѣлъ отправиться домой, но Иванъ Яковлевичъ шепнулъ мнѣ:

— Нѣтъ ужъ, не измѣняй; можетъ, онъ при тебѣ-то поподатливѣй будетъ.

Я остался и мы съ хозяиномъ вошли въ его кабинетъ, а Петръ Иванычъ съ Надей отправились на половину Анны Александровны.

Пока пили чай, бесѣда продолжалась на ту же тэму о рабочихъ; Лапкинъ раскрывалъ предъ нами достоинства своего проекта, который предполагалъ внести на обсужденіе земства и главная суть котораго заключалась въ обязательности для крестьянъ работъ у землевладѣльцевъ и арендаторовъ за опредѣленную таксою плату; въ случаѣ нежеланія крестьянъ отбывать такую натуральную повинность по таксѣ, они лишались покровительства земства, теряли право получать страховую премію въ случаѣ пожара и продовольственную ссуду въ случаѣ голода; не смѣли пользоваться ни земскою школою, ни врачебною помощію и—только! Что касается до рабочихъ пришлыхъ, то расправа съ ними была еще короче, и именно: если наниматель останется недоволенъ ихъ трудомъ, они лишаются платы и изгоняются изъ предѣловъ уѣзда въ 24 часа.

— Непремѣнно въ 24 часа,—настаивалъ Лапкинъ:—понимаете?.. Здѣсь политика. Оставьте ихъ на болѣе продолжительный срокъ, или вообще замедлите — можетъ произойти... гм... игра страстей... Понимаете?..

Выпивка и закуска, поданная Лукерьею Степановною, положила предѣлъ административнымъ мечтамъ Василія Никандрыча, онъ возвратился къ дѣйствительности и припалъ къ подносу, проявляя аппетиты, вызывавшіе удивленіе даже въ насъ, знакомыхъ съ его нравами и обычаями довольно коротко.

Хозяинъ переходилъ въ благодушный тонъ, и воспользовавшись такимъ настроеніемъ его, Иванъ Яковлевичъ тихо, не совсѣмъ твердымъ голосомъ сказалъ:

— Василій Никандрычъ, до васъ у меня есть нужда.

— Какая?—встревожился тотъ, ожидая, можетъ быть, что Большаковъ намѣренъ просить о возвратѣ долга.

— Нужда не махонькая,—повторилъ Иванъ Яковлевичъ:— желательно намъ женить сына.

На лицѣ Лапкина выразилось ... этого?" читалось на немъ; однако ж...

— На свадьбу что ли приглasит...

— На свадьбу—это само собою, только теперь рѣчь идетъ пока не о ...

Лапкинъ недоумѣвалъ.

— Ничего не понимаю, выражайс...

— Въ честь молить милости ваше... Яковлевичъ взволнованнымъ голосомъ:—

— Ну?!

— Александру Васильевну,—догово... блѣднѣя и—замеръ.

Водворилась тишина. Положеніе Бо... сравнить съ тѣмъ мучительнымъ состояніем... подсудимый въ минуты совѣщанія прися... живъ, ни мертвъ, лежащіе на колѣняхъ ... ніе словно спиралось въ его груди.

Лапкинъ, когда было произнесено имя Ал... привскочилъ съ мѣста точно ужаленный; но... снялъ очки, протеръ ихъ, снова надѣлъ и ... Большакова съ такимъ вниманіемъ, будто ... какой-нибудь необыкновенный, никогда нев... Лапкина точно столбнякъ нашелъ; казалось, ... лахъ былъ осмыслить словъ Большакова, не мо... ли слышались они ему на яву, или пригрезил... женіе было полное и неизвѣстно сколько вре... бы оно, еслибы Василій Никандровичъ не при... ному своему лекарству и не влилъ въ себя изві... Ошибки, дѣйствительно, не произошло. Широко ... его начали по немногу сжиматься, проступавшіе ... выя пятна исчезали; способность мыслить возвра... пилъ еще, посидѣлъ, подумалъ и—вдругъ улыбну... гадочно и лукаво, что по улыбкѣ этой не трудно ... о внезапно осѣнившей его ехидной мысли.

Большаковъ ничего этого не замѣчалъ и прод... въ качествѣ подсудимаго. А Лапкинъ съ особенно... даже какъ бы съ пріятностію въ голосѣ спросилъ:

— Вы, Иванъ Яковлевичъ, серьезно сказали м...

Большаковъ не слышалъ вопроса.

Лапкинъ повторилъ погромче.

Старикъ встрепенулся словно пробужденный отъ т... но все-таки не обратилъ вниманія на это вы и тих...

— Серьезно. Развѣ такими дѣлами шутятъ.

Та-акъ,—протянулъ Лапкинъ;—убѣждаюсь, любезнѣйшій, что не шутите... Что же, прекрасно придумано; даже очень хорошо... Благодарю, благодарю васъ за честь...

Лапкинъ продолжалъ соображать и, окончательно установивъ планъ дѣйствій, открылъ игру, отъ ходовъ которой зависѣла участь нѣсколькихъ людей и потому требовалось быть на-сторожѣ.

Между тѣмъ и Иванъ Яковлевичъ оправлялся. Не видя поражающихъ молній и не слыша громовъ, онъ сразу почувствовалъ приливъ бодрости и сталъ на твердую почву.

— Нну-съ, можетъ быть и еще что-нибудь скажете?—заигрывалъ Лапкинъ.

— Больше сказать мнѣ нечего; я жду вашего отвѣта.

Лапкинъ закурилъ сигару, усѣлся съ видомъ человѣка, намѣревающагося вести продолжительную бесѣду, закинувъ ногу на ногу и заговорилъ, съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ и такимъ тономъ, будто произносилъ рѣчь въ земскомъ собраніи передъ массою гласныхъ и публики. Длинная тирада о важности поставленнаго вопроса закончилась тѣмъ, что „непреодолимыя затрудненія, препятствующія ему дать опредѣленный отвѣтъ на столь лестное для него предложеніе, заключаются въ отсутствіи необходимыхъ на этотъ предметъ рессурсовъ, и что онъ долженъ будетъ заняться всестороннимъ изученіемъ вопроса“.

— Изучать, Василій Никандрычъ, кажись нечего,—отвѣтилъ ему Большаковъ;—слава Богу, двадцать лѣтъ живемъ сосѣдями, другъ друга знаемъ довольно; дѣти наши росли вмѣстѣ, имъ тоже не привыкать стать. Если же вы о средствахъ только ведете разговоръ, такъ просимъ покорно на этотъ счетъ не сомнѣваться: по милости Божіей, мы имѣемъ достатокъ и желаемъ только получить одну вашу дочку; намъ больше ничего не нужно... Да что тутъ! прямо скажу: если будетъ на то ваше согласіе, всѣ расходы примемъ на себя.

Василій Никандрычъ, внимательно выслушавъ Большакова, казался растроганнымъ до глубины души; онъ перемѣнилъ вы опять на ты и съ чувствомъ заговорилъ:

— Иванъ Яковлевичъ! Я и безъ того всегда считалъ тебя искреннимъ и доброжелательнымъ другомъ; но теперь, въ эту можно сказать великую минуту жизни, убѣждаюсь еще болѣе въ твоемъ ко мнѣ расположеніи; ты истинный христіанинъ и благороднѣйшій человѣкъ! Но, дорогой другъ мой! ты не совсѣмъ ясно

усвоилъ проведенную мною мысль... Можетъ быть, произошло это потому, что я, по щекотливости вопроса, формулировалъ мой взглядъ не совсѣмъ точно; однако же, я не желалъ выразить того, что не въ состояніи выдать замужъ Александру Васильевну, а излагалъ только, что не имѣю на это средствъ теперь, т.-е. въ настоящее время.

Большаковъ хотѣлъ что-то сказать, но Лапкинъ махнулъ на него рукой:—Погоди, дескать, я еще не кончилъ.

— Да. Теперь не имѣю средствъ,—продолжалъ онъ. Положимъ, я надѣюсь, что ты никогда не откажешься ссудить мнѣ сколько тамъ потребуется, точно такъ же, какъ ссужалъ и прежде; но чтобы, слагать всѣ расходы на одного тебя—этого я, какъ человѣкъ благородныхъ убѣжденій, допустить не могу...

— Василій Никандрычъ! намъ желательно знать:—согласны ли вы на счетъ дочки-то?—съ тоскою въ голосѣ спросилъ Большаковъ.

— Гм... Какъ это тебѣ сказать, Иванъ Яковлевичъ?.. Если, напримѣръ, обсуждать дѣло со стороны возможности осуществленія подобной комбинаціи, то не могу отрицать, что дѣйствительная жизнь, конечно, представляетъ примѣры...

— Ахъ, Господи!—воскликнулъ потерявшій терпѣніе Большаковъ:—да вы скажите прямо: согласны или нѣтъ?

Лапкинъ продолжалъ играть съ несчастнымъ старикомъ, трепетавшимъ за участь дѣтей, а самъ въ это время говорилъ:

— То-есть, какъ же это такъ — прямо? Смѣю думать—вы сознаете важность сдѣланнаго вами предложенія и понимаете, что отвѣчать на него не подумавши—нельзя.

— Означаетъ ли это, что намъ и надѣяться не на что? — въ страхѣ спросилъ Большаковъ.

— О-о, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я этого не сказалъ!.. Какъ можно, драгоцѣнный другъ мой, жить безъ надежды.

Лапкинъ весело смѣялся, но, взглянувъ на Большакова, замѣтилъ, что терпѣніе его истощилось: онъ былъ блѣденъ, а глаза загорались тѣмъ огнемъ, какой показывался въ нихъ очень рѣдко. Василій Никандрычъ понималъ значеніе этого взгляда, смѣхъ его порвался; онъ поспѣшно взялъ Ивана Яковлевича за обѣ руки и, переходя въ искренній тонъ, сказалъ:

— Надѣйтесь!

Глаза старика затуманились, будто слезой подернуло ихъ; онъ отрадно вздохнулъ и спросилъ:

— Когда же намъ понавѣдаться!

— И не трудись, Иванъ Яковлевичъ; я вотъ немножко со-

ображусь съ дѣлами и самъ зайду сказать вамъ... порадовать васъ.

Будущіе сватья обнялись и троекратно облобызались.

Иванъ Яковлевичъ повеселѣлъ и шутя сказалъ:

— Такъ и быть, подождемъ, ничего съ вами не подѣлаешь.

— Да; ужъ подождите немного, — съ озабоченнымъ видомъ просилъ Лапкинъ:—дайте немножко сообразиться съ обстоятельствами; теперь вотъ уборка хлѣба на чеку, съ покосомъ еще не управился, а, откровенно сказать: оскудѣлъ; не знаю какъ извернуться; боюсь, чтобы не пришлось хлѣбъ на корню продать.

— Полноте грѣшить, Василій Никандровичъ!—укорилъ его Большаковъ;—каждый годъ говорите вы такъ, а все-таки управляетесь какъ слѣдуетъ, да еще попрежде другихъ.

— Управляюсь, конечно; но какими способами? Самъ, я думаю, знаешь: добрые люди помогаютъ. А теперь мнѣ особенно трудно: предстоитъ покупка земли; по правдѣ сказать: нисколько меня это не утѣшаетъ.

— Не къ рукамъ—не покупайте.

— И радъ бы, да не могу! Еслибы я одинъ былъ — и не подумалъ бы; а то вѣдь—семья; необходимо дать ей положеніе въ обществѣ, вотъ что!.. О ней, другъ, забочусь, для нея изъ послѣднихъ силъ тянусь!

Большакова покоробило; поднявшись съ мѣста, онъ сказалъ:

— Такъ будемъ ожидать васъ къ себѣ, Василій Никандрычъ. А теперь мы зайдемъ на минутку къ Аннѣ Александровнѣ!

— Ахъ, навѣстите, навѣстите ее,—чуть не застоналъ Лапкинъ.—Все она больна у меня, несчастная, и я-то изстрадался съ ней совсѣмъ...

Большаковъ нахмурился и, чтобы положить конецъ стенаніямъ Василія Никандрыча, спросилъ:

— Я переговорю съ ней о нашемъ сватовствѣ?

— Да, да; непремѣнно.

— И скажу, что вы позволили надѣяться?

— Разумѣется; такъ и скажи!

X.

Анну Александровну застали мы окруженною цѣлымъ роемъ дѣвицъ. Кромѣ Александры Васильевны и Оли, здѣсь находились сестры Никольскія и Надя; въ средѣ ихъ замѣшался одинъ только

Петръ Иванычъ. Лукерья Степановна отсутствовала. Нагулявшись за-день, она, къ общему благополучію, „почивала“.

Общество сидѣло вокругъ стола, передъ диванчикомъ, на которомъ помѣщалась Анна Александровна, и—какой странный видъ представляла эта молодежь! Опечаленныя лица, тоскливые взгляды; всѣ думали объ одномъ, мысли сосредоточились на желаніи услышать поскорѣе вѣсть о результатѣ переговоровъ Ивана Яковлевича съ Василіемъ Никандрычемъ. Можете поэтому догадаться какими взглядами нетерпѣнія и любопытства осыпали насъ при входѣ въ комнату. Всѣ поднялись съ мѣстъ и окружили Ивана Яковлевича; кто взялъ его за руки, кто за рукава и полы его чапана.

Старикъ ожидалъ такой встрѣчи, и чтобы съ разу успокоить нетерпѣливо волновавшуюся молодежь, окинулъ ихъ ласковымъ взглядомъ и весело крикнулъ:

— Да погодите вы! Дайте хоть съ хозяйкой-то поздороваться!

Шутливаго окрика его было достаточно, чтобы измѣнить сцену. Словно электрическій токъ пробѣжалъ по нервамъ молодыхъ людей, выраженіе лицъ мгновенно у всѣхъ измѣнилось, глаза засвѣтились радостью, послышались отрывочныя безсвязныя фразы.

Иванъ Яковлевичъ передалъ отвѣтъ Василія Никандрыча и добавилъ, что, судя по этому, можно разсчитывать на успѣхъ, а затѣмъ, отъ себя и жены, сдѣлалъ предложеніе Аннѣ Александровнѣ и Александрѣ Васильевнѣ и, какъ бы ограждаясь отъ послѣдствій, опять добавилъ, что предложеніе это дѣлаетъ онъ съ вѣдома и разрѣшенія Василія Никандрыча.

Что произошло послѣ этого — трудно передать; точно обрушилось „смѣшеніе языковъ“, среди котораго слышались и слезы, и смѣхъ, и общій говоръ; поднялась какая-то безтолковая, но радостная суетня; всѣ поздравляли другъ-друга, пожимали руки, дѣвушки обнимались и цѣловались; Надя съ Олей были неудержимы, онѣ вскакивали на стулья, хлопали въ ладоши и кричали: а потомъ, спрыгнувъ на полъ, душили всѣхъ въ своихъ объятіяхъ и это повторялось нѣсколько разъ.

Вдругъ, среди такихъ восторженныхъ выраженій счастья, распахнулась дверь и въ комнату вошелъ Василій Никандрычъ. Появленіе его было такъ неожиданно, такъ внезапно, что всѣ разомъ смолкли, на лицахъ присутствовавшихъ показалось недоумѣніе, даже испугъ. Но чувство подсказало, что нужно дѣлать. Алек-

сандра Васильевна и Петръ Иванычъ, не давъ Лапкину замѣтить происшедшаго смятенія, подошли къ нему. Съ благодушною улыбкою на устахъ, онъ умилительно взглянулъ въ передній уголъ на образъ, какъ бы испрашивая благословенія свыше, и протянулъ Александрѣ Васильевнѣ правую руку, а Петру Иванычу лѣвую. Александра Васильевна цѣловала руку отца и благодарныя слезы катились по ея лицу.

— Ну полноте, полноте, — успокоивалъ ихъ Лапкинъ, стараясь говорить мягче, насколько позволялъ это его хриплый голосъ: — я слышу у васъ весело и зашелъ, а вы — плачете.

Всѣ были до того поражены такою необычайною ласковостію и благодушіемъ Василія Никандрыча, что всякое желаніе вѣрить его искренности, даже въ такую великую минуту, подрывалось сомнѣніемъ; не хотѣлось бы даже помысломъ оскорбить человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ страннымъ казался такой рѣзкій переходъ отъ необузданнаго произвола къ нѣжности и чувствительности, которыхъ никто и никогда въ немъ не видѣлъ.

Лапкинъ расходился хоть куда и началъ шутить. Веселье, точно долго сдерживаемая и прорвавшаяся вода, полилось неудержимымъ потокомъ; но въ моментъ самаго шумнаго разгара его, Василій Никандрычъ вдругъ поднялся съ мѣста и съ озабоченнымъ видомъ быстро вышелъ изъ комнаты, сдѣлавъ едва замѣтный знакъ Петру Иванычу. Тотъ, съ видомъ смущенія, послѣдовалъ за нимъ. Всѣ притихли, не зная, что это такое, чего ожидать? Но вотъ, двери широко распахнулись, Петръ Иванычъ показался съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ въ бокалахъ искрилось и пѣнилось шампанское, а слѣдомъ за нимъ шелъ самъ Василій Никандрычъ и несъ обернутую въ салфетку бутылку. Испуганные въ началѣ, мы до того обрадовались благополучному исходу нашей тревоги, что привѣтствовали вошедшихъ восторженными криками. Начались чоканья, привѣтствія, пожеланія и веселье опять пошло своимъ порядкомъ.

Часы пробили полночь. Мы начали прощаться. Лошади, еще съ нашимъ приходомъ на хуторъ, были отправлены домой и намъ пришлось возвращаться пѣшкомъ. Надя осталась у Лапкиныхъ.

Такъ завершились эти тяжелые въ началѣ и радостные въ концѣ сутки.

Темною ночью, не спѣша, подвигались мы втроемъ по знакомой дорогѣ. Невозмутимая тишина и мракъ далеко не гармонировали веселому настроенію, вынесенному нами изъ дома Лап-

кина и произвели подавляющее впечатлѣніе. Тотчасъ же почувствовалось и нравственное утомленіе, и нервное разстройство, требовавшія успокоенія и отдыха, а сознаніе одиночества среди пустыни вызывало нѣчто похожее на безотчетный страхъ. Мы шли молча, каждый съ своею думою, повторяя въ памяти разнообразныя событія пережитаго дня; заговорить никто не рѣшался, какъ бы изъ боязни услышать звуки собственнаго голоса; малѣйшій шорохъ въ этой могильной тишинѣ заставлялъ насъ пріостанавливаться, прислушиваться и присматриваться.

Осторожность въ степи въ страдную пору вовсе не лишнее; сотни тысячъ стекаются сюда рабочаго люда, а за каждаго пришлеца ручаться нельзя; мы же были съ пустыми руками.

Послышались шаги.

— Идутъ!—тихо сказалъ Петръ Иванычъ. Мы остановились, начали прислушиваться и съ напряженіемъ вглядываться въ темноту. Опытное ухо Ивана Яковлевича передало, что шли многіе, не по дорогѣ, а цѣлиной; не въ сапогахъ, а въ лаптяхъ. Очевидно, бродили рабочіе; но куда и зачѣмъ въ такую пору ночи?

Пока мы терялись въ догадкахъ, справа отъ насъ начали обрисовываться неясные силуэты человѣческихъ фигуръ, которыхъ въ темнотѣ намъ показалось очень много. Дѣйствительно, это была партія рабочихъ, съ косами на плечахъ и дорожными котомками и мѣшочками, вся поклажа которыхъ заключается обыкновенно изъ точильнаго бруска, паспорта и запасной пары бѣлья „про смертный часъ". Партія шла на перерѣзъ намъ и, замѣтивъ насъ, тоже остановилась.

— А-а!.. Почтенные! услышали мы голосъ того самаго парня, который днемъ приглашалъ насъ обѣдать на становищѣ Лапкина,—откудова это вы?

— Съ хуторовъ,—отвѣтилъ я, не менѣе обрадованный встрѣчей съ знакомыми нѣсколько людьми.

— Это отъ барина, Лапкина?—спросилъ желтый парень.

— Да, а куда же вы идете?

— Куда глаза глядятъ,—заговорили уже всѣ рабочіе:—походимъ по степи, наймемся гдѣ-нибудь.

— Поищемъ хорошей пищи,—пояснилъ желтый парень.

— Что же это вы ночью ушли? Не сказались, значитъ?

— Ну, его тутъ! Съ эдакими людьми у насъ разговоръ коротокъ: ушелъ ночкомъ и ладно. Пачпорты-то при насъ... Какъ нанимали, такъ чего, чего не насулили намъ, а какъ на мѣсто пришли — вы сами видѣли чѣмъ кормитъ! Еслибы мы знали, что это Лапкинъ тотъ самый, про котораго намъ еще дома гово-

рили, такъ ни за какія деньги не пошли бы къ нему, а то вѣдь при наемкѣ прикащикъ-то его обманулъ насъ, сказалъ, что ко Двориковскому управителю, мы и повѣрили. Анъ вышло-то вонъ что!

Разстались.

— Странно,—замѣтилъ я, когда мы пошли своей дорогой:— какъ это онъ не отобралъ у нихъ паспортовъ?

— Когда цѣны высокія, онъ не отбираетъ,—отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ:—отработали день за четверть водки и—ушли. Завтра натолкнутся другіе и съ тѣми тоже будетъ. Въ концѣ-то, глядишь, вся работа на пол-цѣны и сойдетъ. У него всегда такъ.

Н. И.

ПЕССИМИЗМЪ И I

Пессимизмъ есть, безъ сомнѣнія, нео
времени. Никто не рѣшится сказать, ч
остроумная, но досужная выдумка кабин
сомнѣнные факты на каждомъ шагу убѣ
что это—совершенно реальная и притомъ в
число жертвъ которой постоянно возраст
ваетъ собой на весьма глубокое разстройств
въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ до окон
къ жизни и до самоубійствъ, число которы
замѣтно увеличивается, пессимизмъ, может
въ менѣе рѣзкихъ своихъ формахъ. Апатія,
къ жизни и счастью", разочарованность,
собой, недовѣріе къ своимъ силамъ и край
въ лучшія стороны человѣка и жизни — вс
пессимистическаго настроенія опаснѣе тѣхъ
когда человѣкъ доходитъ до самоубійства; у
опаснѣе, что захватываютъ не тысячи людей,
цѣлыя общества и поколѣнія.

Не мудрено, что такія серьезныя явленія ж
еще въ тѣ давнопрошедшія времена, когда
обращали на себя вниманіе мыслителей, а въ
лѣтіи, когда они особенно обострились, вызвали
богатую литературу.

Но, къ сожалѣнію, наиболѣе талантливые п
ставители литературы, посвященной пессимизм
жертвами пессимизма, рѣшаютъ всѣ пессимисти
самымъ предвзято радикальнымъ образомъ. Они
одинъ способъ распутать запутанный и затянутый

пріятныхъ условій жизни, а именно, считаютъ нужнымъ—разрубить его, отказавшись отъ участія въ жизни. Однако, они же, наперекоръ собственнымъ тенденціямъ, представили богатѣйшій матеріалъ, могущій послужить основой для совсѣмъ иного выхода и притомъ не при помощи какихъ-нибудь метафизическихъ тонкостей, а напротивъ—на самой реальной почвѣ. Вдобавокъ, въ послѣднее время въ литературѣ довольно явственно начинаетъ обозначаться направленіе, бросающее въ этомъ отношеніи особенно яркій свѣтъ на пессимистическій вопросъ. На очень интереснаго представителя этого направленія, совершенно неизвѣстнаго у насъ пессимиста Майнлендера, мы и хотимъ обратить вниманіе читателя [1]).

Пусть читатель не подумаетъ, что мы намѣрены предложить ему знакомство съ новой метафизической системой, побѣдоносно разрѣшающей всѣ вопросы пессимизма помощью какой-нибудь остроумной, но совершенно произвольной гипотезы, выдаваемой (какъ это въ обычаѣ у метафизиковъ) за абсолютную истину. Спѣшимъ предупредить читателя о противномъ. Правда, Майнлендеръ—несомнѣнный метафизикъ, хотя самъ онъ и отрицаетъ это; но его метафизику мы оставимъ совсѣмъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что это возможно безъ вреда для дѣла, т.-е. для реальнаго пессимистическаго вопроса. Тѣмъ-то и замѣчательна участь этого вопроса въ литературѣ (эту участь онъ раздѣляетъ со всѣми жизненными вопросами), что каждый новый пессимистъ выступаетъ съ своей собственной метафизикой и не затрудняется перестроить ее для себя заново. Но подъ этой внѣшней оболочкой метафизическихъ хитросплетеній у всѣхъ ихъ съ достойнымъ вниманія упорствомъ повторяется одно и то же живое зерно, тѣ же тенденціи, то же отношеніе къ жизни, тѣ же воззрѣнія на нее. Что касается Майнлендера, то его ученіе тѣмъ дорого, что въ немъ ему удалось подвести замѣчательно полный итогъ всему пессимистическому движенію, всему его реальному (а не метафизическому) содержанію.

Для разрѣшенія пессимистическаго вопроса это весьма крупный шагъ, потому что до сихъ поръ самымъ слабымъ пунктомъ

---

[1]) Майнлендеръ выступилъ въ 1876 г. съ сочиненіемъ: Philosophie der Erlösung von Philipp Mainländer (1-й томъ). Содержаніе этого произведенія распредѣлено на семь слѣдующихъ отдѣловъ: Analytik des Erkenntnisvermögens, Physik, Aesthetik, Ethik, Politik, Metaphysik u. Kritik der Lehren Kant's und Schopenhauer's. Въ томъ же 1876 году Майнлендеръ умеръ, а въ 1883 вышелъ посмертный второй томъ Philosophie der Erlösung, въ которомъ собраны 12 „опытовъ“ о различныхъ вопросахъ философіи и общественной жизни.

пессимистическихъ ученій было именно отсут
дящей мысли, которая дала бы возможность ор
многочисленныхъ и до крайности разнообразн
двигаемыхъ пессимистами противъ жизни. До с
вители пессимизма съ большимъ искусствомъ и
зывали самыя серьезныя изъ этихъ обвинені
метафизическія положенія: по Шопенгауеру, ви
міра служить „міровая воля", по Гартману—„
И эти основныя положенія ихъ философскихъ уч
чтобы служить разъясненіемъ и освѣщеніемъ о
дѣло попадають у нихъ въ роль Прокустова ло
серьезный реальный смыслъ ихъ пессимизма. Что
усвоить себѣ ихъ воззрѣнія, читателю мало уразум
на жизнь, ихъ оцѣнку счастья и жизненные ихъ
ходится еще изучать цѣлыя метафизическія систе
ныя, какъ всѣ системы этого рода. А безъ метаф
ученій остается только рядъ пессимистическихъ х
жизни, лирическихъ выраженій негодованія и не
словомъ, сырой матеріалъ, правда, блестящій и цѣ
которому нельзя еще сдѣлать никакого заключенія
происхожденіи, характерѣ, вообще о реальномъ зна
жизни: по нему еще нельзя судить, дѣйствительно ли
тѣ мрачныя стороны жизни, которыя такъ поражают
стовъ, или же есть возможность бороться съ ними. Д
вами, если оставить въ сторонѣ „волю" Шопенгауера и
тельное" Гартмана, то остается совершенно открыты
о „неизмѣнной причинѣ зла въ мірѣ".

А отказаться отъ этихъ метафизическихъ подпорок
каждый, кому дорого реальное объясненіе источниковъ пе

Что касается Майнлендера, то ему, какъ мы
показать, удалось найти это реальное объясненіе, не с
его метафизическія увлеченія. И онъ достигъ этого н
разрушенія всего созданнаго его предшественниками, а на
—открывши возможность вполнѣ по достоинству оцѣнить
ный реальный смыслъ ихъ ученій.

Для насъ, русскихъ, воззрѣнія Майнлендера представляю
особенный интересъ потому, что они имѣютъ очень серьезныя
соприкосновенія съ оригинальными взглядами графа Льва
стого на тотъ же вопросъ.

I.

Шопенгауеръ далъ такую остроумную и глубокую оцѣнку жизни съ точки зрѣнія пессимистической, что всѣмъ слѣдовавшимъ за нимъ оставалось въ этомъ отношеніи только черпать у него пригоршнями, и разыгрывать болѣе или менѣе хитрыя варіаціи на его тэмы. Майнлендеръ въ этомъ отношеніи не представляетъ самостоятельнаго интереса. Да онъ и не претендуетъ на это и даже скромно самъ сознается, что все лучшее по этой части сказано до него. И дѣйствительно, у Майнлендера нечего искать ни яркой картины бѣдствій жизни, ни тонкаго анализа удовольствія и страданія, ни сколько-нибудь интереснаго сравненія доли того и другого въ жизни. Но за то ему удалось сформировать въ одинъ общій принципъ многочисленныя характеристическія черты того историческаго процесса, который въ различныя времена и во всевозможныхъ странахъ неизмѣнно приводилъ людей къ потерѣ привязанности къ жизни и ея радостямъ.

Основной характеръ этого рокового процесса Майнлендеръ опредѣляетъ при помощи формулы древней индійской религіи, въ которой эта формула имѣетъ чисто символическій смыслъ. Самъ онъ, въ своемъ увлеченіи метафизическими пріемами, тоже не удержался, чтобы не приписать ей универсальное и даже сверхъестественное значеніе. Но мы на ней остновимся исключительно ради ея чисто реальнаго значенія.

Согласно ученію индійскихъ религіозныхъ книгъ, происхожденіе міра и всякой жизни объясняется распаденіемъ первоначальнаго и внѣ-мірового единства на множество. Преданіе говоритъ, что вѣчносущій „единый" задумалъ: да буду я „множествомъ",—и испустилъ изъ себя огонь; огонь испустилъ воду, вода породила пищу, и т. д. По другому варіанту, творецъ міровъ, существовавшій прежде всѣхъ боговъ и всѣхъ существъ и бывшій въ началѣ одинъ, воззвалъ: „стать бы мнѣ множествомъ, породить бы мнѣ тварей". Или, по третьему варіанту—онъ взывалъ съ вожделѣніемъ: „стать бы мнѣ множествомъ, начать расплождаться!" По четвертому варіанту, первобытное существо, будучи одинокимъ, чувствовало себя недовольнымъ, оно пожелало себѣ другого. И такъ какъ оно заключало въ себѣ сущность мужчины и женщины, держащихъ другъ друга въ объятіяхъ, то и раздѣлило эту сущность на двѣ части; изъ нихъ произошли мужъ и жена. Затѣмъ обѣ половины, послѣ человѣческаго образа, послѣдовательно восприняли, какъ мужъ и жена, всѣ образы животныхъ

и воспроизвели животный міръ. Вслѣдъ за тѣмъ такимъ же путемъ произошли огонь, вода, и вообще возникъ весь дѣйствительный міръ.

Таково древне-индійское воззрѣніе на происхожденіе міра. Оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно ученію индійскихъ мудрецовъ, служитъ полнымъ объясненіемъ происхожденія зла и несчастія, которыми преисполненъ міръ. Именно рѣшеніе „*Единаго* всеблаженнаго" проявить себя въ *многообразномъ* мірѣ, именно *распаденіе единства на множество* и сдѣлало міръ несчастнымъ. Это и есть та первоначальная ошибка, тотъ первобытный грѣхъ, который всему существу приходится искупать тяжкими страданіями; именно этотъ-то грѣхъ, создавши все существующее, давши всему бытіе, тѣмъ самымъ ввергнулъ все въ пучину зла и несчастія, спастись отъ которой возможно только однимъ путемъ—прекративши самое бытіе.

Мы не будемъ приводить подробностей относительно того, какимъ образомъ эти положенія развиваются. Считаемъ только необходимымъ прибавить къ предъидущему, что въ тѣхъ же древне-индійскихъ сказаніяхъ переходъ отъ „единства" къ „множеству" обозначается еще, какъ переходъ отъ *однообразія* къ *многообразію*.

И вотъ, на эту-то формулу возникновенія и развитія всякой жизни, Майнлендеръ указываетъ какъ на самую глубокую истину, предвосхищенную древними мудрецами у современной мысли и имѣющую, независимо отъ какихъ бы то ни было преданій или символовъ, самое реальное значеніе.

Въ настоящее время врядъ ли кто станетъ спорить, что приведенная формула,—независимо только отъ вопроса о происхожденіи зла,—дѣйствительно составляетъ неотъемлемое достояніе науки. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія трудами Вольфа, Гёте и фонъ-Бэра установлена та истина, что рядъ измѣненій, чрезъ которыя проходитъ сѣмя, развиваясь до дерева, или яйцо — развиваясь до животнаго, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ переходѣ отъ *однороднаго* строенія къ *разнородному*. Въ первоначальномъ состояніи, каждый зародышъ состоитъ изъ вещества совершенно однообразнаго, какъ по ткани, такъ и по химическому составу. Затѣмъ изъ однообразной массы начинаютъ выдѣляться путемъ уплотнѣнія внутреннее зерно и оболочка; начинается, какъ выражаются физіологи, дифференцированіе. Затѣмъ, каждая изъ дифференцировавшихся частей немедленно сама начинаетъ проявлять различія въ своихъ частяхъ, и происходитъ это непрерывно, совершаясь одновременно во всѣхъ

частяхъ развивающагося зародыша. Въ своей совокупности этотъ процессъ дифференцированія и производитъ то сложное сочетаніе тканей и органовъ, которое образуетъ зрѣлое животное или растеніе. Такова исторія каждаго изъ организмовъ и каждаго органа въ любомъ организмѣ. Вотъ, напримѣръ, почка растенія. Въ началѣ она представляетъ собой просто маленькое полусферическое или коническое возвышеніе. По мѣрѣ того, какъ возвышеніе это увеличивается въ размѣрѣ, въ основаніи его возникаетъ новое возвышеніе—поменьше размѣромъ: это уже зачатокъ листа. Въ то время, какъ центральная часть поднимается выше, это новое (боковое) возвышеніе (т.-е. зачатокъ листа), также увеличиваясь, даетъ начало подчиненнымъ выпуклостямъ, т.-е. зачаткамъ прилистниковъ (если листы снабжены ими). Точно такимъ же образомъ развивается, напримѣръ, рука зародыша человѣка. Какъ и въ почкѣ, на боку зародыша выступаетъ маленькое язычковидное возвышеніе. Продолжая удлинняться, этотъ придатокъ на своемъ концѣ утолщается и образуетъ сплющенный, округленный комокъ: это и есть представитель будущей кисти. Спустя нѣкоторое время на краяхъ комка появляются четыре впадины, раздѣляющія почки будущихъ пальцевъ. И такъ далѣе, одно за однимъ въ однородной массѣ выступаютъ новыя различія, сначала едва замѣтныя и постепенно усиливающіяся.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться дольше на приведенныхъ примѣрахъ или приводить новые. И сказаннаго достаточно, чтобы можно было судить о реальномъ смыслѣ „распаденія первоначальнаго единства на множество". Однако, по сказанному невозможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ необычайно широкомъ примѣненіи, какое получила та же идея въ своемъ приложеніи къ самымъ различнымъ областямъ жизни. Ученые XIX-го столѣтія, точно наперерывъ другъ передъ другомъ, поспѣшили развить эту идею, каждый въ своей сферѣ знаній. Она какъ бы висѣла въ воздухѣ и, чѣмъ бы кто ни занимался, каждый вносилъ свою лепту въ ея пользу. Такъ, въ астрономіи явилась гипотеза, по которой солнце и планеты возникли изъ вещества, бывшаго вначалѣ разсѣяннымъ въ пространствѣ и почти однороднымъ по плотности, температурѣ и прочимъ физическимъ свойствамъ. Съ теченіемъ времени возникло различіе въ плотности и температурѣ между внутренностью и внѣшностью этой массы, и мало-по-малу, шагъ за шагомъ, первоначально почти однородная, она развилась въ цѣлый рядъ чрезвычайно разнородныхъ тѣлъ: въ настоящее время образовавшіяся изъ нея планеты и солнце весьма различаются другъ отъ друга и вѣсомъ,

и плотностью, и скоростью движенія, и температурой, и составомъ. Въ геологіи пришли къ убѣжденію, что земля, будучи въ началѣ въ расплавленномъ состояніи, представляла собой въ то время тѣло крайне однородное по своему составу. Впослѣдствіи внѣшняя оболочка начала отвердѣвать и образовался рядъ слоевъ, самаго различнаго состава. Съ теченіемъ времени дѣйствіе внутренняго раскаленнаго ядра на оболочку, изверженіе вулкановъ, разрывы, поднятіе и опусканіе почвы, наклоненіе осаждавшихся слоевъ коры подъ разными углами—все это привело къ тому, что теперь на поверхности земли нѣтъ двухъ сколько-нибудь значительныхъ пространствъ, одинаковыхъ между собой въ очертаніи, въ геологическомъ строеніи или въ химическомъ составѣ.

Что касается органической жизни въ ея цѣломъ, то еще Бэръ обратилъ самое серьезное вниманіе на тотъ любопытный фактъ, что ступени развитія, которыя проходятся зародышемъ. отличаются замѣтнымъ сходствомъ, или вѣрнѣе, аналогіей съ тѣми ступенями, по которымъ располагается весь животный міръ. Обобщеніе это нельзя считать очень точнымъ; оно не особенно полно выражаетъ истину. Но самая идея получила въ наше время чрезвычайно плодотворное развитіе. Съ половины настоящаго столѣтія въ біологической наукѣ выдвинулась и вскорѣ получила рѣшительный перевѣсъ надъ остальными, теорія, по которой весь органическій міръ потому и можно расположить въ систему возрастающей сложности организаціи, аналогичной съ ходомъ развитія зародыша, что высшіе организмы произошли изъ низшихъ путемъ такого же усложненія организаціи, какъ зрѣлый индивидуумъ изъ зародыша. Только процессъ развитія высшихъ формъ жизни потребовалъ для своего осуществленія не недѣль и не мѣсяцевъ, а цѣлыхъ милліоновъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, и органическій міръ въ его цѣломъ оказался подчиненнымъ закону усложненія организаціи, т.-е. „перехода отъ единства къ множеству“, какъ основной формулѣ развитія жизни.

Наконецъ, та же формула получила примѣненіе къ развитію общественной жизни, общественныхъ учрежденій и отношеній, къ развитію языка, къ развитію искусствъ и наукъ и къ развитію душевной жизни человѣка вообще. Со второй половины столѣтія даже выступилъ мыслитель, весь отдавшійся работѣ сведенія въ одно стройное цѣлое данныхъ изо всѣхъ областей знанія, относящихся къ той же формулѣ т.-е. къ прогрессу и совершенствованію въ смыслѣ усложненія перехода отъ однороднаго къ разнородному. Мыслитель этотъ, извѣстный Гербертъ Спенсеръ, не

ограничился подведеніемъ итога частныхъ изслѣдованій другихъ, но и самъ внесъ богатые оригинальные вклады въ томъ же направленіи въ области общественной науки, и особенно цѣнный вкладъ по части психологіи [1]).

Что касается Майнлендера, то онъ не менѣе Спенсера убѣжденъ, что процессъ развитія жизни неизмѣнно и неизбѣжно подчиняется закону распаденія единства на множество и перехода отъ однороднаго къ разнородному. Но въ то время, какъ Спенсеръ считаетъ этотъ законъ благодѣтельнымъ и отраднымъ, Майнлендеръ, согласно съ индійской философіей, именно въ немъ видитъ вѣчный источникъ всякихъ страданій, такъ или иначе долженствующихъ привести человѣчество къ безнадежному отчаянію въ жизни, къ стремленію избавиться отъ нея, а вмѣстѣ съ нею и отъ ея тягостей.

Объясняется это тѣмъ, что по его убѣжденію процессъ развитія, будучи процессомъ распаденія единства на множество, есть вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно процессъ разложенія, т.-е. разслабленіе всѣхъ силъ и дѣятельностей, составляющихъ основу и сущность жизни. Онъ утверждаетъ, что процессъ этотъ непремѣнно понижаетъ жизненную энергію, т.-е. ослабляетъ самую привязанность къ жизни и стремленіе бороться за счастье.

Подъ вліяніемъ такого взгляда Майнлендеръ даже называетъ извѣстную Шопенгауеровскую „волю къ жизни" волей (т.-е. стремленіемъ) къ смерти на томъ основаніи, что смерть есть обязательный конецъ всякаго разложенія, а послѣднее въ свою очередь представляетъ неизмѣнное содержаніе процесса развитія жизни. Парадоксъ этотъ можетъ служить нагляднымъ примѣромъ, какъ далеко заходитъ Майнлендеръ въ своемъ увлеченіи идеей, что развитіе есть „распаденіе" и слѣдовательно „разложеніе". Мы не будемъ останавливаться на томъ, какъ это увлеченіе привело его къ удивительной попыткѣ распространить свой пессимистическій законъ „ослабленія энергіи" даже на міръ неорганическій; онъ именно пожелалъ доказать, что и въ астрономическихъ явленіяхъ, и въ механическихъ, и въ химическихъ всякое прогрессивное усложненіе ведетъ къ потерѣ силы. Достаточно сказать, что на этомъ пути Майнлендеръ дошелъ до утвержденія, что сила способна пропадать совершенно безслѣдно, т.-е. не побоялся стать въ категорическое противорѣчіе съ закономъ сохраненія силы, составляющимъ справедливую гордость физической науки

---

[1]) Ученіе это въ его цѣломъ прекрасно изложено въ сочиненіи: Natürliche Schöpfungsgeschichte, von Ernst Haeckel.

нашего столѣтія. А отринуть этотъ законъ ему пришлось ради того, чтобы доказать, что необходимый процессъ развитія жизни приводитъ и неорганическій міръ къ потерѣ энергіи. Останавливаться на этомъ значило бы лишній разъ имѣть дѣло съ метафизическими хитросплетеніями, очень мало остроумными и ни въ какомъ отношеніи не интересными [1]). Обратимся прямо къ вопросу о потерѣ жизненной энергіи у человѣка, такъ какъ только этотъ вопросъ имѣетъ дѣйствительное значеніе для пессимизма.

II.

Разсматривая историческія судьбы человѣчества, Майнлендеръ утверждаетъ, что всякій шагъ его движенія впередъ, всякій шагъ его развитія сопровождается разслабленіемъ жизненной энергіи или, какъ онъ любитъ выражаться, когда говоритъ о человѣкѣ, ослабленіемъ „воли“ [2]). Народъ за народомъ выходитъ изъ первобытнаго состоянія и, вступая на арену историческаго развитія и цивилизованной жизни, одинъ за другимъ утрачиваетъ привязанность къ жизни и вообще всякую жизненную энергію. У однихъ это происходитъ медленнѣе, у другихъ быстрѣе, у однихъ однимъ путемъ, у другихъ—инымъ, но у всѣхъ по одной и той же основной причинѣ: и личность, и общество, развиваясь и усложняясь, все больше раскалываются, расшатываются, все больше, по выраженію Майнлендера, удаляются отъ единства, отъ цѣльности, какъ въ организаціи, такъ и въ отправленіяхъ. Усложняющіяся жизненныя условія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше сталкиваются другъ съ другомъ, побужденія человѣка вступаютъ во взаимное треніе, вся жизнь приходитъ въ дисгармонію.

Если перевести мысль Майнлендера на обыкновенный языкъ, независимый отъ его спеціальныхъ терминовъ, то она сведется вотъ къ чему: по мѣрѣ удаленія человѣка отъ первобытной жизни, пропадаетъ, вообще говоря, здоровый жизненный строй организма (какъ общества, такъ и личности), и что̀ особенно важно, разслабляется здоровая душевная основа, отъ которой зависитъ свѣжесть и живость непосредственнаго чувства и непосредственныхъ побужденій, а именно, расшатывается вѣра въ цѣль собственныхъ стремленій.

Въ этомъ и заключается на взглядъ Майнлендера вся раз-

---

[1]) За подробностями отсылаемъ читателя къ отдѣлу Physik.

[2]) Терминъ „воля“ заимствованъ у Шопенгауера.

гадка пессимизма,—конечно, пессимизма Шопенгауера и его последователей, т.-е. того безнадежнаго пессимизма, который не оставляетъ никакой надежды на примиреніе съ жизнью и заставляетъ безусловно отдавать предпочтеніе „небытію" предъ „бытіемъ". Гдѣ еще сохранилась „энергія чувствъ", тамъ нѣтъ мѣста подобному пессимизму—пессимизму, враждебному самой жизни; тамъ недовольство жизнью, какъ бы оно ни было сильно, не переходитъ въ отвращеніе ко всякой жизни, т.-е. въ неспособность даже испытывать счастье, а тѣмъ менѣе отстаивать его. Гдѣ не подкошена еще привязанность къ цѣлямъ собственныхъ стремленій, тамъ сохраняется и энергія для бодрой дѣятельности и, какъ бы при этомъ ни приходилось личности страдать отъ всякихъ невзгодъ житейскихъ, а все же въ ея существованіи остается свѣтлый уголокъ надежды и вѣры въ возможность счастья. Но когда въ побужденіяхъ личности возникаютъ колебанья, когда вслѣдствіе этого въ душу человѣка прокрадываются сомнѣнія относительно достоинства дорогихъ прежде цѣлей и интересовъ, а новыя привязанности и интересы не зарождаются съ достаточной силой, тогда подкашивается самый источникъ жизни, тогда, какъ выражается Майнлендеръ, мы имѣемъ предъ собой ослабленіе „воли", т.-е. разрушеніе жизненной энергіи. А съ потерей привязанности къ цѣлямъ собственныхъ побужденій и съ общею потерей жизненныхъ интересовъ неразрывно связана и потеря довѣрія къ собственнымъ силамъ и вообще ко всей своей личности, что̀ составляетъ очень характеристическую черту разрушенія жизненной энергіи.

Постараемся же внимательнѣе и подробнѣе присмотрѣться къ тому историческому процессу, который, по убѣжденію Майнлендера, неизбѣжно приводитъ человѣчество къ этому состоянію: посмотримъ, какимъ образомъ теченіе исторіи, удаляя человѣка отъ „единства" и „цѣльности" первобытной жизни, лишаетъ его жизненной энергіи, т.-е. съ одной стороны порождаетъ въ немъ пессимистическое убѣжденіе, что жизнь и счастье ничтожны, а съ другой—что бороться за нихъ безполезно.

Это воззрѣніе Майнлендера тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что у великихъ мыслителей и крупнѣйшихъ художниковъ самыхъ различныхъ народовъ мы встрѣчаемъ преклоненіе предъ первобытной жизнью и предъ прошлымъ, и именно во имя какой-то „цѣльности" старины, „гармоничности" людей прошлаго. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на такихъ замѣчательныхъ людей, какъ Жанъ-Жакъ Руссо, Шиллеръ и графъ Левъ Толстой. Ради иллюстраціи къ Майнлендеру, замѣтимъ, что графъ

Толстой, говоря о нашей приверженности къ прогрессу, утверждаетъ, что мы заботимся только о развитіи, а не объ „гармоніи развитія"; и только въ дѣтяхъ, да въ народѣ онъ признаетъ черты „первобытной гармоніи".

Итакъ обратимся къ историческимъ даннымъ и соображеніямъ Майнлендера.

Первобытная жизнь народа,—говоритъ онъ,—характеризуется крайнимъ однообразіемъ, отсутствіемъ сколько-нибудь сильныхъ контрастовъ, нарушающихъ единство мысли и цѣльность чувства. Мысль у первобытнаго человѣка до крайности бѣдна; ея дѣятельность ограничивается изысканіемъ средствъ для удовлетворенія голода, жажды и половой потребности. Чувство отличается чрезвычайной грубостью; ему доступенъ самый небольшой репертуаръ настроеній. Онъ знаетъ только страстную ненависть ко всему, чтó стоитъ поперекъ дороги, а съ другой—расположеніе ко всему, чтò относится къ нему благопріятно. Благодаря этой-то простотѣ чувства и несложности мысли, всѣ пріемы, всѣ дѣйствія и отношенія первобытнаго человѣка отличаются чрезвычайной опредѣленностью и рѣшительностью; нѣтъ въ нихъ тѣхъ колебаній, нѣтъ той неувѣренности, которая замѣчается въ человѣкѣ съ потускнѣвшимъ чувствомъ, съ разслабленной волей и съ расшатанной энергіей. Таковъ характеръ его отношеній и къ природѣ, и къ божеству, и ко всему, съ чѣмъ только ему ни приходится имѣть дѣло.

Мимоходомъ здѣсь весьма не лишнее отмѣтить, что, по словамъ самого Майнлендера, на этой ступени развитія человѣка духу его вовсе не заказаны всѣ пути къ совершенствованію. Напротивъ того, его энергія способна увеличиваться, онъ можетъ становиться сильнѣе и расширять свою власть надъ дѣйствительностью. Такъ, при увеличивающемся опытѣ и при сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ, умъ первобытнаго человѣка способенъ усмотрѣть связь между положеніемъ солнца, временами года и состояніемъ пастбищъ. Точно также онъ способенъ создать религію. Но тѣмъ-то, по словамъ Майнлендера, и замѣчательно первобытное состояніе, что эти шаги на пути развитія духа совершаются у первобытнаго человѣка не на счетъ жизненной энергіи, не цѣною разслабленія чувства и воли, не въ ущербъ его рѣшительности и увѣренности. Возьмемъ, напримѣръ, его религіозныя вѣрованія, т.-е. его отношенія къ божеству. Коль скоро природа къ нему благосклонна, онъ заключаетъ, что добрый духъ заботится о его благоденствіи, и онъ преисполняется чувства благодарности. Если, напротивъ, жизнь дается ему не легко, онъ

видитъ въ этомъ дѣло рукъ злого духа и приноситъ ему умилостивительныя жертвы. Словомъ, вездѣ передъ нимъ ясная и опредѣленная цѣль: онъ хочетъ жить, онъ не потерялъ вкуса къ жизни и, какъ ни ничтоженъ его умъ, какъ ни грубо его чувство, а ему достаетъ того и другого, чтобы бодро отстаивать свое существованіе и наслаждаться тѣми радостями, которыя оно способно дать ему. Другими словами—при всей ограниченности какъ его требованій отъ жизни, такъ и его силъ и способностей, въ тѣхъ и другихъ нѣтъ рѣзкой дисгармоніи. Въ этомъ отношеніи жизнь первобытнаго человѣка можно сравнить съ машиной, хотя не сложной и не особенно сильной, но съ хорошо прилаженными другъ къ другу частями.

Но вотъ населеніе увеличивается и жить становится тяжелѣе. Охота и скотоводство оказываются уже больше недостаточными для пропитанія, и приходится обратиться къ земледѣлію, требующему и бо́льшаго вниманія, и большей опытности, и гораздо бо́льшаго напряженія всѣхъ силъ вообще. При этомъ скоро уже становится невозможнымъ жить обособленной жизнью, отдѣльными семьями или одиночками; является необходимость соединяться въ общества,—обществу и легче бороться съ природой, и легче заботиться о личной безопасности каждаго, чѣмъ отдѣльному человѣку. Здѣсь-то и возникаетъ обстоятельство, имѣющее очень большое значеніе для хода всего дальнѣйшаго. Дѣло въ томъ, что болѣе напряженная и болѣе сложная дѣятельность, требуемая отъ человѣка въ этотъ періодъ развитія, распредѣлится между отдѣльными лицами и классами—происходитъ раздѣленіе труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе всякихъ дѣятелей и отправленій. Возникаютъ отдѣльные классы земледѣльцевъ, купцовъ, ремесленниковъ, судей, воиновъ, жрецовъ и т. д. Кромѣ того, войны создаютъ еще особый классъ рабовъ. Между всѣми этими классами людей образуются крайне разнообразныя и сложныя отношенія. Каждый изъ нихъ въ своей спеціальной дѣятельности и въ своемъ спеціальномъ положеніи вырабатываетъ свои особенныя способности. И въ каждомъ изъ нихъ вырабатываются свои особенныя отношенія къ природѣ, жизни и людямъ. Возьмемъ, напримѣръ, купца и воина; они думаютъ различно, и чувствуютъ различно, и поступаютъ по разному. Каждый изъ нихъ по своему смотритъ на честь, на справедливость, на достоинство; у каждаго свои особенные пріемы разсужденія, наконецъ каждый по своему относится какъ къ своему же брату купцу или воину, такъ и къ представителямъ другихъ классовъ общества. А такъ какъ всѣ эти люди все-таки живутъ вмѣстѣ, и даже очень зависятъ другъ

отъ друга, то въ результатѣ получается до крайности сложная и запутанная цѣпь взаимныхъ отношеній. Вслѣдствіе этого въ организованномъ обществѣ мы встрѣчаемъ не только сложность общественныхъ отношеній и разнообразіе дѣятельностей, но и соотвѣтственное разнообразіе мыслей, чувствъ и настроеній, одолѣвающихъ личность.

Тутъ мы должны сказать, что дальнѣйшій ходъ мысли Майнлендера отличается нѣкоторой сбивчивостью. Приходится очень внимательно разбираться среди неточностей и неясностей, чтобы понять, какимъ же образомъ указанное усложненіе дѣятельностей и душевныхъ процессовъ влечетъ за собой пониженіе энергіи. Въ историческихъ примѣрахъ, которые онъ приводитъ, мы дѣйствительно видимъ несомнѣнное ослабленіе энергіи и не менѣе явное прогрессивное усложненіе жизни. Но нелегко понять, почему одно вытекаетъ изъ другого. Однако, есть полная возможность добраться до той связи, которая тутъ существуетъ.

Какъ на одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ ослабленія жизненной энергіи, Майнлендеръ указываетъ на древнюю Индію. По его мнѣнію, эта черта индійской жизни объясняется кастовымъ устройствомъ страны. Благодаря ему, могъ явиться классъ людей, свободныхъ отъ труда и отъ *дѣятельной* жизни вообще, и преданныхъ исключительно *созерцанію*. Они-то и пришли къ убѣжденію въ ничтожности жизни. Имъ была чужда *дѣятельная* борьба за существованіе, и они рѣшили, что личность должна сокращать свои требованія отъ жизни и, постепенно отказываясь отъ всѣхъ своихъ потребностей, желаній и страстей, погружаться въ блаженное *созерцаніе*. Ихъ,—говоритъ Майнлендеръ,—поражалъ контрастъ между собственнымъ блаженно-созерцательнымъ спокойствіемъ, собственной отрѣшенностью—и безпокойной, дѣятельной суетой тѣхъ, кто работаетъ и борется ради реальныхъ жизненныхъ цѣлей.

Тутъ, значитъ, люди до такой степени отвыкли отъ энергичной борьбы за жизнь, отъ дѣятельнаго отстаиванія своего существованія, что даже потеряли самую потребность въ дѣятельной жизни. А это не могло не отразиться гибельно на всей энергіи человѣка, не могло не лишить его бодрости и увѣренности во всѣхъ отношеніяхъ.

Впрочемъ, такъ какъ и созерцаніе есть тоже извѣстнаго рода дѣятельность (ума и воображенія), то точнѣе было бы сказать, что эти люди не потому потеряли бодрость и энергію, что совсѣмъ были лишены дѣятельности, а потому, что дѣятельность ихъ была *односторонней*, *узко-исключительной*. Собственно, къ

тому же подходитъ и объясненіе самого Майнлендера. Онъ именно говоритъ, что брамины прониклись сознаніемъ ничтожности жизни, благодаря тому, что ихъ умъ усилился на счетъ чувства; а это и есть одностороннее развитіе. Однако объясненіе Майнлендера въ этомъ случаѣ легко можетъ спутать, а именно, благодаря тому, что оно на первый планъ ставитъ развитіе ума (подобно всѣмъ пессимистамъ, Майнлендеръ считаетъ неоспоримымъ, что чѣмъ развитѣе, чѣмъ выше умъ, тѣмъ лучше онъ понимаетъ ничтожность жизни, между тѣмъ, на примѣрѣ паріевъ не трудно убѣдиться, что все дѣло тутъ вовсе не въ развитіи ума, а въ ослабленіи чувства. Странно было бы утверждать, что паріи, эти чистѣйшіе спеціалисты грубой и тяжелой работы, потому презирали жизнь, что у нихъ тоже умъ усилился на счетъ чувствъ. А между тѣмъ, они не менѣе искренно примкнули къ пессимизму и аскетизму, чѣмъ проповѣдники брамины.

Стало быть, изъ примѣра Индіи можно только заключить, что существуетъ какая-то связь между потерей энергіи и одностороннимъ развитіемъ.

Самъ Майнлендеръ опредѣленнѣе указываетъ на односторонность, какъ на источникъ потери жизненной бодрости, когда говоритъ о среднихъ вѣкахъ. Въ его глазахъ, какъ и на взглядъ каждаго пессимиста, крестовые походы представляютъ собой отраднѣйшее зрѣлище; въ нихъ цѣлая толпа, масса была охвачена презрѣніемъ къ земнымъ радостямъ и къ жизни вообще. По словамъ Майнлендера, крестовые походы служатъ нѣкоторымъ ручательствомъ, что со временемъ все человѣчество можетъ быть охвачено подобнымъ же движеніемъ, которое и „избавитъ“ его отъ всѣхъ связей съ жизнью. Благодаря какимъ же, спрашивается, обстоятельствамъ возникло движеніе этого рода?

Категорическимъ отвѣтомъ на это служитъ характеристика, которую Майнлендеръ дѣлаетъ средневѣковому строю. Феодальное государство,—говоритъ онъ,—было очагомъ всяческой разрозненности во всѣхъ областяхъ жизни: всѣ сферы жизни и дѣятельности были рѣзко отгорожены другъ отъ друга и потому въ каждой изъ нихъ человѣкъ развивался односторонне.

Такимъ образомъ, и тутъ мы видимъ—рядомъ съ ослабленіемъ энергіи—одностороннее развитіе личности, т.-е. одностороннее направленіе силъ, способностей, дѣятельностей и, вообще, всей жизни.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ Майнлендеръ ставитъ односторонность жизни личности въ тѣсную связь съ разнородностью общества.

Приведенное объясненіе потери жизненной бодрости въ двухъ разобранныхъ нами случаяхъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ключъ къ той особенности прогрессивно развивающейся жизни, которой Майнлендеръ приписываетъ особенное практическое значеніе и на которую онъ возлагаетъ вообще выдающуюся историческую роль. Такъ именно онъ смотритъ на способность цивилизаціи разслаблять жизненную энергію путемъ избытка удовольствій.

Въ исторіи мы дѣйствительно видимъ цѣлый рядъ государствъ, народовъ и обществъ, въ конецъ обезсиленныхъ роскошью и избыткомъ наслажденій. На это обстоятельство особенно наглядно указываетъ тотъ повсемѣстный фактъ, неизмѣнно повторяющійся во всей исторіи человѣка, что эпохи погрязанія общества въ наслажденіяхъ постоянно сопровождаются появленіемъ аскетовъ, отшельниковъ, монашескихъ орденовъ и вообще всевозможными проявленіями презрѣнія къ жизни и ея радостямъ. Шлоссеръ въ своей „Всемірной Исторіи" указываетъ на цѣлый рядъ примѣровъ этого рода. Въ Индіи самое суровое изъ извѣстныхъ намъ аскетическихъ ученій выросло рядомъ съ совершенно неслыханной роскошью, которой предавались высшіе классы. Въ Греціи философы, проповѣдывавшіе ничтожество всѣхъ чувственныхъ наслажденій и блаженство созерцательнаго покоя, выступили только тогда, когда въ греческой жизни уже успѣли пустить глубокіе корни роскошь и изнѣженность нравовъ. Въ Римской имперіи первое христіанское монашество возникло въ эпоху особенно дикаго разгула страстей. „Этимъ,—говоритъ Шлоссеръ,—отчасти объясняется первоначальная строгость монашества". То же видимъ мы и въ магометанскомъ мірѣ, гдѣ появленіе дервишей и факировъ было вызвано роскошью дворовъ халифовъ, заразившею народные нравы. Въ средніе вѣка, когда монашество уже давно утратило прежнюю чистоту, рыцарство предавалось роскоши и разврату, тампліеры утопали въ самомъ страшномъ распутствѣ, и вся эта гнусная жизнь священниковъ и рыцарей прославлялась въ пѣсняхъ, — тогда-то возникли ордена нищенствующихъ и картезіанскихъ монаховъ, пріобрѣтшихъ всеобщее сочувствіе. Въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ въ Нидерландахъ наступила пора быстраго развитія матеріальнаго благосостоянія; тогда появились благочестивыя секты бегиновъ и бегардовъ, поставившія цѣлью своей жизни покаяніе, — и въ цѣлой странѣ не было мѣстечка, гдѣ бы не было этихъ сектантовъ. Позднѣе въ Нидерландахъ же, среди повсемѣстно господствовавшей роскоши, Ѳома Кемпійскій и другіе проповѣдовали строго созерцательную жизнь. Въ Англіи при роскошныхъ Стюартахъ возникло ученіе квакеровъ и инде-

пендентовъ о воздержаніи, а во Франціи, при Людовикѣ XIV и во времена регентства, появилась секта янсенистовъ.

Такъ вотъ, именно, этотъ самый путь, продѣланный столькими обществами и по которому, какъ убѣжденъ Майнлендеръ, раньше или позже цивилизація должна, точно сквозь строй, прогнать всѣ народы, этотъ-то путь онъ считаетъ самымъ радикальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе практическимъ средствомъ излечить человѣчество отъ привязанности къ жизни. Путь страданій въ этомъ отношеніи не такъ надеженъ, потому что, какъ бы человѣкъ ни страдалъ, а все-таки у него легко можетъ остаться хоть нѣкоторая вѣра, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ могъ бы сдѣлаться счастливымъ, да и не пропадаетъ самое стремленіе къ счастью. А чтобы окончательно уничтожить въ человѣкѣ привязанность къ жизни, разсуждаетъ Майнлендеръ, необходимо разрушить въ немъ эту вѣру, а именно—предоставивши ему возможно полнѣе пользоваться всѣми земными наслажденіями. И только вполнѣ пресытившись ими, испивши ихъ полной чашей, онъ почувствуетъ достаточное къ нимъ отвращеніе, а вмѣстѣ съ этимъ и къ жизни вообще.

Какъ видитъ читатель, это — относительно болѣе гуманный способъ обращать въ пессимизмъ, чѣмъ путь страданій, хотя по коварству онъ напоминаетъ пріемъ кондитеровъ, которые стараются, чтобы ихъ работники въ первое время объѣдались сладкимъ до окончательнаго отвращенія. Но Майнлендеръ тѣмъ не менѣе говоритъ объ этомъ пути обращенія въ пессимизмъ не только совершенно серьезно, но просто съ увлеченіемъ, и съ крайнимъ негодованіемъ отзывается о тѣхъ „лицемѣрахъ", которые проповѣдуютъ неимущимъ воздержаніе. Онъ при этомъ выражаетъ твердое убѣжденіе, что крайне непрактично разсчитывать убѣдить массу въ ничтожествѣ жизни помощью одной проповѣди, т.-е словами. Единственный надежный путь—убѣдить въ этомъ на опытѣ, такъ какъ всякій другой путь „просвѣтлѣнія" доступенъ только исключительнымъ личностямъ.

И вотъ, цивилизація въ этомъ направленіи и дѣйствуетъ — постоянно расширяя кругъ людей, имѣющихъ возможность на личномъ опытѣ испытать и оцѣнить радости жизни.

Поэтому Майнлендеръ, не отступая нисколько отъ своихъ пессимистическихъ тенденцій, горячо отстаиваетъ все, что́, по его мнѣнію, можетъ увеличить благосостояніе общества и доставить всѣмъ возможно широкій доступъ къ благамъ жизни.

При этомъ достойно вниманія, что онъ не надѣется привести общество къ пессимизу силой одного **просвѣщенія**. Онъ твердо

убѣжденъ, что пессимизмъ есть безусловная истина, что эта истина должна быть совершенно очевидной для просвѣщеннаго ума и тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ просвѣщеннѣе умъ. А между тѣмъ, онъ рѣшительно не желаетъ положиться на эту благодѣтельную и свѣтлую силу ума. Всѣ же разсчеты его основаны на томъ, чтобы разслабить чувство и волю. Очень характеристично что того же самаго держался и Шопенгауеръ. Утверждая, что всякій истинный геній непремѣнно пессимистиченъ, онъ объяснялъ это тѣмъ, что у генія умъ великъ; но тотчасъ спѣшилъ прибавить, что величіе ума генія состоитъ никакъ не въ одной силѣ и не въ размѣрахъ его, а главнымъ образомъ въ преобладаніи ума надъ чувствомъ, въ его развитіи на счетъ чувствъ, т.-е. цѣною ослабленія силы чувствъ.

Значитъ, и тутъ дѣло не въ развитіи самомъ по себѣ, а сводится оно опять на односторонность развитія, на прогрессъ однихъ силъ цѣною другихъ.

Правда, Майнлендеръ утверждаетъ, что чувство и само по себѣ, независимо отъ усиленія ума, разслабляется ничѣмъ инымъ, какъ дѣйствіемъ прогресса общественной жизни, а именно, путемъ полнаго удовлетворенія всѣхъ его требованій и какъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого—пресыщеніемъ. Однако, факты, на которые онъ опирается, свидѣтельствуютъ не совсѣмъ то.

Въ самомъ дѣлѣ, въ приведённыхъ нами историческихъ примѣрахъ, подобранныхъ Шлоссеромъ, люди доводили себя до пресыщенія тѣмъ, что исключительно предавались половымъ наслажденіямъ, объѣдались, опивались, облекались въ дорогія ткани, увѣшивались серебромъ и золотомъ; словомъ, пресыщеніе вызывалось въ нихъ хотя и довольно длиннымъ рядомъ удовольствій, но очень ужъ одностороннихъ. Конечно, нельзя спорить противъ того, что римлянинъ временъ упадка, или французъ временъ регентства, даже не выходя изъ сферы удовольствій въ данномъ родѣ, умѣлъ не въ малой мѣрѣ разнообразить ихъ. На то они были „утонченными" гражданами Рима или Парижа, а не „грубыми" дикарями; на то къ услугамъ каждаго изъ нихъ были всѣ успѣхи, вся роскошь и все разнообразіе цивилизованной жизни. Но какъ бы ни казалась богатой и разнообразной ихъ роскошь, а на самомъ дѣлѣ и это богатство, и это разнообразіе нельзя не признать крайне односторонними, если только принять во вниманіе, что̀ необходимо человѣку (и безусловно необходимо) для сохраненія бодраго жизнерадостнаго состоянія. Если это не бросается въ глаза, то только потому, что насъ обманываетъ роскошная внѣшность. Но стоитъ только присмотрѣть-

ся, и мы увидимъ, что „утопавшіе въ наслажденіяхъ“, о которыхъ говоритъ исторія, не знали ни наслажденій дружбы, ни семейныхъ радостей, ни удовольствія, доставляемаго трудомъ, не говоря уже о высокомъ наслажденіи, которое испытываетъ человѣкъ, когда занятъ любимымъ дѣломъ. И какъ они ни разнообразили, какъ ни совершенствовали доступныя имъ категоріи удовольствій, этимъ невозможно было возмѣстить недостатокъ въ тѣхъ радостяхъ, безъ которыхъ жизнь никакъ ужъ не можетъ быть ни бодрой, ни свѣжей, ни свѣтлой. Искусно умножая и усложняя рядъ спеціальныхъ удовольствій (половыхъ, вкусовыхъ и т. п.), они въ то же время легкомысленно подрывали самое основаніе всякаго счастья и довольства жизнью, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ безжалостно сокращали общую сумму своихъ насущныхъ жизненныхъ отправленій. Даже съ точки зрѣнія исканія удовольствій, они напрасно пренебрегали цѣлымъ рядомъ радостей жизни, отмѣченныхъ нами выше. Но въ томъ и дѣло, что „удовольствія“, т.-е. болѣе или менѣе рѣзко опредѣленныя ощущенія, далеко еще не исчерпываютъ того, что́ необходимо человѣку для его благосостоянія. А этого-то и не хотятъ никогда знать жертвы пресыщенія удовольствіями. Они всегда систематически пренебрегаютъ заботой о тѣхъ основныхъ отправленіяхъ тѣла и духа, удовлетворительное состояніе которыхъ не вызываетъ никакихъ специфическихъ, рѣзкихъ „удовольствій“, но отъ которыхъ за то зависитъ нѣчто не менѣе необходимое для наслажденія жизнью, а именно—общее состояніе организма, то, что́ въ душевной области выражается настроеніемъ. Они не хотятъ знать, что отъ здороваго, бодраго „строя“ организма, отъ свѣтлаго „настроенія“ духа зависитъ не только неопредѣленное и полу-безсознательное чувство довольства,—уже само по себѣ весьма цѣнное,—но еще и основной характеръ тѣхъ рѣзко опредѣленныхъ удовольствій, за которыми они такъ неудачно гоняются. Вѣдь при бодромъ строѣ организма, при ясномъ настроеніи духа достаточно самаго незначительнаго обстоятельства, чтобы вызвать то или другое специфическое чувство удовольствія. И наоборотъ, очень не легко пробудить его при неудовлетворительномъ настроеніи. Мало того, разъ удовольствіе уже наступило, оно можетъ имѣть совсѣмъ разный характеръ, смотря по тому, каково настроеніе,—этотъ, по мѣткому выраженію Спенсера, „задній фонъ сознанія“ [1]). Если фонъ этотъ находится въ неудовлетворитель-

[1]) См. Спенсера, Основанія Психологіи, т. II, 339. О значеніи „настроенія“ для счастья очень интересныя указанія можно найти въ книгѣ Шнейдера: Der menschliche Wille vom Standpunkte der neueren Entwickelungstheorien. Berlin, 1882, см. стр. 184—195.

номъ состояніи, то всякое удовольствіе получаетъ болѣе или менѣе тревожный, мучительный характеръ.

Въ виду этихъ соображеній мы можемъ смѣло сказать, что если люди, утопающіе въ наслажденіяхъ, устаютъ жить и разочаровываются, то зависитъ это вовсе не отъ того, что они полнѣе и совершеннѣе испытываютъ радости жизни, а совсѣмъ напротивъ—вслѣдствіе крайней ограниченности круга ихъ наслажденій. Оттого они всегда и предаются чрезмѣрностямъ въ сферѣ доступныхъ наслажденій, что имъ доступна только очень узкая сфера.

Что во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ потеря жизненной бодрости цѣликомъ обусловлена узко-одностороннимъ преобладаніемъ однихъ элементовъ жизни надъ другими, на это съ особенной силой указываетъ еще одинъ историческій примѣръ, пожалуй, болѣе извѣстный, чѣмъ всѣ приведенные нами, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Исторія, можетъ быть, не знаетъ народа съ большей жизненной энергіей, народа болѣе жизнерадостнаго, чѣмъ древніе греки; но она же врядъ ли можетъ представить примѣръ болѣе разносторонняго развитія, болѣе разносторонней жизни и дѣятельности.

Да и помимо историческихъ примѣровъ каждый на личномъ опытѣ весьма легко можетъ испытать, какъ изнурительно дѣйствуетъ всякая исключительность въ образѣ жизни, какъ блекнетъ свѣжее чувство и бодрое настроеніе подъ вліяніемъ одностороннихъ занятій. И въ то же время каждому знакомо, какъ оживаютъ и тѣло, и духъ при своевременной смѣнѣ занятій и какъ много они при этомъ способны проявить жизненныхъ силъ.

III.

Итакъ, отмѣченныя нами со словъ Майнлендера особенности цивилизованной жизни, характеризующія прогрессъ, какъ видимъ, представляютъ собою—всѣ до единой—проявленія односторонности въ процессѣ развитія. А эта особенность процесса развитія, какъ мы уже замѣтили, будучи источникомъ разслабленія энергіи, является въ свою очередь результатомъ разнородности общества. Такимъ образомъ, мы получаемъ здѣсь частное проявленіе формулы Майнлендера, по которой всякое ослабленіе жизненной энергіи есть слѣдствіе преобразованія однороднаго въ разнородное. И въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ этому преобразованію подверглось общество: оно изъ однороднаго и простого путемъ

развитія сдѣлалось разнороднымъ и сложнымъ. Что же касается личности, то оказывается, что она при этомъ переходитъ отъ разносторонней жизни и дѣятельности къ односторонней, т.-е. съ ней происходитъ преобразованіе прямо въ обратномъ направленіи. Вотъ что свидѣтельствуютъ историческія данныя Майнлендера.

Спрашивается теперь: какъ же согласовать это съ его же формулой?

Прямого отвѣта онъ на это не даетъ. Однако, есть полная возможность, слѣдуя за его собственными соображеніями, рѣшить это видимое противорѣчіе. Дѣло вотъ въ чемъ.

Хотя жизнь личности, вслѣдствіе процесса развитія, въ цѣломъ и становится болѣе односторонней, но происходитъ это вслѣдствіе того, что нѣкоторые элементы ея жизни, изъ одностороннихъ становясь разносторонними (значитъ, развиваясь вполнѣ согласно съ формулой Майнлендера), развиваются несоразмѣрно съ общимъ запасомъ силъ личности. Слѣдствіемъ этого и является потеря увѣренности во всемъ строѣ организма, во всѣхъ его отправленіяхъ.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ отвлеченіе силъ изъ одной сферы дѣятельности въ другую сферу того же самаго организма, т.-е. простое перемѣщеніе силъ, можетъ повести къ такому ослабленію организма въ его цѣломъ. Но это можно сравнить вотъ съ чѣмъ: если человѣкъ станетъ на одну ногу, то онъ вѣдь отъ этого нисколько не измѣняется въ своемъ вѣсѣ, а только перемѣститъ центръ тяжести, а между тѣмъ, его устойчивость при этомъ легко можетъ уменьшиться. Аналогичное съ этимъ происходитъ, когда усиленныя мускульныя напряженія настолько ослабляютъ весь организмъ, что не только пропадаетъ энергія мускуловъ, но отказывается работать и желудокъ, теряетъ бодрость нервная система, слабѣютъ всѣ впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ. Подобное этому происходитъ при чрезмѣрномъ развитіи дѣятельности и способностей ума или какихъ бы то ни было душевныхъ функцій. Энергія организма въ цѣломъ при этомъ падаетъ, не смотря на усиленіе частныхъ отправленій, или вѣрнѣе, благодаря такому усиленію.

Мысль свою Майнлендеръ объясняетъ слѣдующимъ примѣромъ. Первобытный человѣкъ, побуждаемый грубымъ эгоизмомъ, не останавливается ни передъ чѣмъ, лишь бы отстоять свое благосостояніе; съ чистой совѣстью онъ убиваетъ, грабитъ, крадетъ, надуваетъ или насилуетъ ради своей непосредственной

пользы, и ничто его не удерживаетъ отъ всего этого, ничто не возбуждаетъ въ немъ сомнѣній въ томъ, что онъ поступаетъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Словомъ, ничто не колеблетъ его увѣренности. У человѣка же, поднявшагося на болѣе высокую ступень, является, если не прямое безкорыстное отвращеніе отъ подобнаго образа дѣйствій, то, по крайней мѣрѣ цѣлый, рядъ побужденій, отвращающихъ отъ него: боязнь закона, преклоненіе предъ общественнымъ мнѣніемъ, тонкій разсчетъ, и т. п.

И то же самое повторяется во всѣхъ сферахъ болѣе развитой жизни. Больше же всего это вызывается усложненіемъ душевной жизни, такъ какъ именно она всего больше и развивается: вѣдь безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что чувство и мысль цивилизованнаго человѣка настолько же сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у первобытнаго человѣка, насколько современная машина сложнѣе первобытнаго орудія. А вѣдь чѣмъ сложнѣе становится механизмъ душевной жизни, тѣмъ больше, по убѣжденію Майнлендера, отнимается силъ у побужденій. Слѣдствіемъ этого и является разслабленіе энергіи, потому что именно на побужденіяхъ цѣликомъ держится жизненная энергія; въ нихъ основа и сущность всего живого и дѣятельнаго въ человѣкѣ, и когда они колеблются, когда въ нихъ проникаетъ неувѣренность, тогда даже высшій успѣхъ всего предпринимаемаго не даетъ полнаго удовлетворенія. А когда это состояніе тянется, тогда постепенно подкашивается самое стремленіе къ счастью и теряется самый вкусъ къ жизни.

При этомъ въ высшей степени важно обратить вниманіе на то, что хотя, по убѣжденію Майнлендера, прогрессивное усложненіе жизненныхъ процессовъ личности въ ихъ совокупности и должно неизбѣжно вести къ ослабленію ея энергіи, однако, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не признать, что силы личности увеличиваются, могущество ея растетъ, сфера ея вліянія на жизнь расширяется – когда прогрессируютъ отдѣльные элементы личности. А вѣдь все это, безъ сомнѣнія, благопріятно для поднятія энергіи. Но въ томъ-то и состоитъ сущность воззрѣнія, Майнлендера что эту уступку въ пользу оптимистической оцѣнки процесса развитія личности онъ согласенъ сдѣлать только по отношенію къ умственному развитію. Онъ допускаетъ, что при развитіи личности единственное, что̀ можетъ прогрессировать · это умъ. И именно на этомъ-то допущеніи цѣликомъ держится его безусловно пессимистическая оцѣнка прогресса.

Однако, не замѣчая того, самъ же онъ приводитъ соображенія и данныя противъ справедливости такого ограниченія. А

именно, рядомъ съ развитіемъ ума, онъ указываетъ на то, что по мѣрѣ развитія личности она становится чувствительнѣе къ страданію. Увеличивается ли при этомъ также и чувствительность къ наслажденію, этого онъ не говоритъ, — надо полагать, потому, что въ глазахъ пессимиста наслажденіе есть нѣчто эфемерное и, стало быть, совершенно все равно, увеличивается ли чувствительность къ нему или уменьшается.

Не лишнее замѣтить, что безпристрастная научная психологія, съ своей стороны, отмѣчаетъ ростъ чувствительности во всѣхъ направленіяхъ [1]). Но во всякомъ случаѣ, даже и увеличеніе чувствительности къ одному только страданію есть само по себѣ все-таки обстоятельство благопріятное усиленію энергіи, потому что чѣмъ чувствительнѣе человѣкъ къ страданію, тѣмъ энергичнѣе онъ его избѣгаетъ. Если въ дѣйствительности мы часто видимъ обратное, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ; вѣдь изъ того, что птицы летаютъ, не слѣдуетъ, что на нихъ не дѣйствуетъ сила тяжести. А съ другой стороны невозможно подвергнуть сомнѣнію, что если ростъ чувствительности къ страданіямъ сопровождается соотвѣтственнымъ развитіемъ другихъ способностей, то въ результатѣ энергія неизбѣжно должна усилиться.

Такимъ образомъ, слѣдуя за Майнлендеромъ, мы убѣждаемся, что ни развитіе ума, ни развитіе чувства само по себѣ нисколько еще не разслабляетъ энергіи. Разслабляется же она только тогда, когда отдѣльныя способности чрезмѣрно развиваются, или другими словами, когда отдѣльныя способности и отправленія, вслѣдствіе усиленнаго развитія, мѣшаютъ дѣятельности остальныхъ, не согласуются съ ними и вообще находятся съ ними въ несоотвѣтствіи.

Это-то и есть то, что Майнлендеръ называетъ недостаткомъ цѣлости, единства, гармоніи и на что онъ указываетъ какъ на результатъ прогресса и какъ на источникъ ослабленія энергіи.

Къ этому необходимо еще прибавить, что когда Майнлендеръ говоритъ о потерѣ цѣльности, то онъ имѣетъ въ виду не только возникновеніе разлада въ способностяхъ и отправленіяхъ, но отчасти также и то, что можно бы назвать потерей цѣлостности, а именно—совершенную утрату нѣкоторыхъ категорій способностей и отправленій, безъ которыхъ жизнь теряетъ весьма значительную долю своей прелести. Чтобы существованіе человѣка было полнымъ, ему нужно обладать и сильнымъ умомъ, и свѣжимъ чувствомъ, и способностью къ практической дѣятель-

[1]) См. Спенсера, Основанія психологіи, II, 45.

ности. А тутъ историческій процессъ цивилизаціи, развивая эти силы и усложняя каждую изъ нихъ въ отдѣльности, въ то же время распредѣляетъ ихъ между многими личностями: однихъ надѣляетъ однимъ умомъ при полной неспособности къ практической дѣятельности, въ другихъ развиваетъ чувство, лишая мыслительныхъ способностей и т. д. Рѣзкій примѣръ явленій, совершенно аналогичныхъ этимъ, представляетъ намъ животный міръ въ лицѣ паразитовъ. Этотъ-то родъ явленій въ мірѣ человѣческомъ, между прочимъ, и имѣетъ въ виду Майнлендеръ, когда указываетъ на роковыя послѣдствія прогресса.

Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что подъ потерей цѣльности онъ разумѣетъ не только разладъ въ средѣ побужденій, способностей и дѣйствій человѣка, но еще и недостатокъ въ нѣкоторыхъ изъ существенно необходимыхъ элементовъ человѣческаго существованія. Одно какъ и другое ведетъ все къ тому же—къ душевной изломанности, къ неувѣренности, къ потерѣ энергіи.

Спѣшимъ прибавить, что мы не хотѣли бы оставить въ читателѣ предположеніе, будто сказанное представляетъ сколько-нибудь полную характеристику значенія, которое имѣетъ „потеря цѣльности“, поскольку она проявляется въ различныхъ сферахъ дѣйствительности. Ограничиться въ этомъ отношеніи сказаннымъ значило бы дать слишкомъ мало осязательное представленіе о томъ, какимъ образомъ „потеря цѣльности“ дѣйствительно можетъ получить серьезное значеніе въ реальныхъ явленіяхъ жизни. Но въ этомъ отношеніи даже все, что мы находимъ у Майнлендера, очень мало помогло бы дѣлу—настолько оно слабо, даже если не сравнивать его съ соотвѣтственными соображеніями у Шопенгауера и Гартманна. Эта сторона ученія Майнлендера, какъ мы надѣемся показать дальше, гораздо рельефнѣе освѣщена именно у Шопенгауера и Гартманна—этихъ блестящихъ изслѣдователей и обличителей дѣйствительной жизни. Сила же Майнлендера заключается въ удачномъ объединеніи частныхъ ихъ указаній подъ однимъ всеобъемлющимъ ученіемъ.

Прослѣдимъ же ходъ его мысли до конца.

Итакъ, мы видѣли, что не только усложненіе общественнаго устройства, но и усложненіе личности ведетъ за собой ослабленіе жизненной энергіи, а именно, въ той степени, въ какой отъ того или другого нарушается ея цѣльность, ея единство, соотвѣтствіе ея способностей и дѣйствій, и полнота ея жизненныхъ отправленій.

Теперь является такой вопросъ: неизбѣжно ли всякое прогрес-

сивное усложненіе жизни ведетъ къ нарушенію ея цѣльности, или же возможно и такое развитіе, при которомъ цѣльность сохранится? Этотъ вопросъ имѣетъ для пессимизма рѣшающее значеніе, потому что-если бы оказалось, что возможно и развитіе послѣдняго рода, то положеніе человѣчества было бы во всякомъ случаѣ не безъисходнымъ.

Но тутъ-то Майнлендеръ, вмѣсто того, чтобы серьезно разобрать вопросъ, отдѣлывается очень поверхностной игрой словъ и ею думаетъ разрѣшить его. Разсуждаетъ онъ такъ. Развитіе есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ однообразія къ многообразію; слѣдовательно, развитіе представляетъ удаленіе отъ единства. И слѣдовательно—всякое развитіе, всякое прогрессивное усложненіе ведетъ къ раскалыванію личности, къ потерѣ гармоніи и цѣльности ея отправленій.

Это все равно, что сказать такъ: у человѣка двѣ ноги, а у кошки четыре,—слѣдовательно, въ движеніяхъ кошки меньше единства и цѣльности, чѣмъ у человѣка. Спора нѣтъ, гармоничность отправленій должна находиться въ нѣкоторой зависимости отъ ихъ количества; но неужели же отношеніе между количествомъ ихъ и цѣльностью можно разрѣшить такъ просто—чѣмъ больше число частей, тѣмъ будто бы меньше единства между ними?

Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, въ сложной паровой мельницѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ сотенъ частей, меньше единства, меньше цѣльности, чѣмъ въ грубой и несложной вѣтряной мельницѣ?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ этомъ вопросѣ Майнлендеръ впалъ въ грубый произволъ. Это можетъ показаться тѣмъ болѣе удивительнымъ, что онъ самъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ остановился предъ личностью древняго грека и рѣшительно утверждаетъ, что она отличалась замѣчательной гармоничностью и цѣльностью. Съ этимъ, къ тому же, согласуется взглядъ всѣхъ историковъ, когда-либо говорившихъ о грекахъ,—всѣ они указываютъ на чрезвычайно гармоническое развитіе ихъ способностей. И въ то же время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ личной, и въ общественной жизни они стояли на весьма высокой ступени развитія. Выходитъ, что высокое развитіе и сложность ихъ жизни не мѣшали имъ быть очень цѣльными.

Съ своей стороны, Майнлендеръ даже очень опредѣленно высказался относительно тѣхъ обстоятельствъ, благодаря которымъ древній грекъ отличался такой цѣльностью. Личность грека,—говоритъ онъ,—не была подавлена ни божествомъ, ни природой, ни

судьбой; она не дрожала въ страхѣ ни передъ какими грозными и темными силами. Поэтому въ ней возникло сознаніе собственной силы и родился ясный взглядъ на окружающее, вмѣстѣ со свѣтлой вѣрой, какъ въ природу, такъ и въ свои собственныя силы. Вотъ почему личность грека развивалась гармонично, и вотъ при какихъ условіяхъ въ ней выработалось въ высокой степени достойное отношеніе къ жизни. И какъ на полную противоположность этому Майнлендеръ указываетъ на восточные народы. Тутъ уже человѣческаго достоинства и въ поминѣ нѣтъ: у нихъ,—по выраженію Майнлендера,—личность не могла „сказать своего слова“, потому что не познала еще своей силы: судьба не давала ей возможности проявить и упражнять свои силы, и такимъ образомъ лишала случая познать ихъ и увѣровать въ нихъ. Какъ результатъ этого, мы видимъ у нихъ рабски покорное отношеніе ко всему—и къ божеству, и къ природѣ, и къ обществу. Личность отказывалась отъ предъявленія своего слова, т.-е. отъ своихъ человѣческихъ требованій; она отказывается отъ дѣятельнаго отстаиванія своего благосостоянія,—и идеаломъ ея становится рабскій идеалъ всѣхъ тѣхъ, кто работаетъ изъ-подъ неволи — бездѣятельность и счастье бездѣйствія. А разъ человѣкъ дошелъ до такой обезсиленности, тогда ему ужъ только и остается, что съ каждымъ шагомъ жаться, сокращаться во всѣхъ направленіяхъ, отказываться отъ всего, давить въ себѣ всѣ живыя проявленія. На этотъ-то путь вышли буддійскіе аскеты, на него вышелъ Шопенгауеръ со всѣми своими послѣдователями, и на него же вышелъ и Майнлендеръ, не смотря на то, что самъ же сдѣлалъ приведенное сейчасъ выразительное сопоставленіе между рабскимъ, восточнымъ отношеніемъ къ жизни и человѣчнымъ греческимъ. Это яркое сопоставленіе не вызвало въ немъ того, что оно невольно возбуждаетъ въ каждомъ, въ комъ еще не изсякла свѣжая струя жизни, и не помѣшала ему стать рѣшительно на точку зрѣнія „восточную“.

Этимъ и объясняется его безнадежный взглядъ на развитіе жизни: такъ должны смотрѣть и такъ смотрятъ всѣ, кого обстоятельства жизни придавили и обезсилили. Съ своей стороны Майнлендеръ своей формулой развитія далъ самую общую и полную формулировку этой точки зрѣнія на жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ ею же выяснилъ, какія обстоятельства неизбѣжно порождаютъ ее.

Постановка пессимистическаго вопроса на эту почву въ высокой степени замѣчательна; она представляетъ весьма значи-

призныхъ частныхъ соображеній, шатко связанныхъ между собой и поддерживаемыхъ метафизическими основаніями, вопросъ переносится на реальную и твердую почву жизненныхъ процессовъ, освѣщенныхъ однимъ неизмѣннымъ руководящимъ принципомъ.

Но для того, чтобы признать за основнымъ принципомъ ученія Майнлендера это капитальное значеніе, необходимо доказать его право на это: необходимо для этого убѣдиться въ томъ, что подъ него можно подвести, по крайней мѣрѣ главнѣйшія положенія другихъ пессимистовъ.

Это мы и надѣемся показать въ слѣдующей статьѣ—въ примѣненіи къ наиболѣе замѣчательнымъ пессимистическимъ ученіямъ. Мы надѣемся показать, что всѣ самые вѣскіе ихъ обвинительные пункты противъ жизни цѣликомъ опираются на положеніе, которое выставлено Майнлендеромъ, съ тою только разницей, что у нихъ оно не высказано такъ прямо.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ этому, мы должны сдѣлать отступленіе. Мы именно хотѣли бы обратить вниманіе читателя на то, что понятіе „цѣльности“, на которое опирается основное положеніе ученія Майнлендера и къ которому мы считаемъ возможнымъ свести всѣ остальныя пессимистическія ученія, что это понятіе въ настоящее время уже не представляетъ собой туманнаго, полу-аллегорическаго выраженія, настолько растяжимаго и неточнаго, что подъ него съ удобствомъ можно подвести что угодно. Напротивъ того, оно теперь становится достояніемъ науки, и притомъ самыхъ точныхъ отраслей ея, біологіи и психо-физіологіи.

IV.

Мы не беремся въ настоящемъ мѣстѣ, мимоходомъ, представить сколько-нибудь полную картину того, въ какомъ состояніи находятся научныя изслѣдованія объ этомъ вопросѣ. Но для нашей цѣли совершенно достаточно взять какое-нибудь частное изслѣдованіе этого рода. И мы для этого остановимся на послѣднемъ произведеніи французскаго ученаго Рибо, посвященномъ болѣзнямъ воли [1]).

Почти излишне говорить, что это не метафизическій трактатъ, а изслѣдованіе, строго придерживающееся фактовъ. Въ немъ Рибо обращается къ процессу, обратному процессу развитія, а именно—къ разложенію (въ противоположность „эволюціи“, т.-е.

[1]) Рибо. Болѣзни воли. Переводъ Черемшанскаго, 1885.

развитію, онъ называетъ его диссолюціей). И въ своей книгѣ онъ изучаетъ его на фактахъ болѣзненнаго извращенія воли.

Имѣвшіяся въ распоряженіи Рибо данныя располагаются имъ въ двѣ ясно отличимыя группы.

Къ первой группѣ относятся тѣ случаи, когда человѣкъ, не потерявши ни одной изъ своихъ умственныхъ способностей и и вполнѣ сохранивши физическую возможность дѣйствовать, тѣмъ не менѣе теряетъ способность дѣйствовать согласно своимъ побужденіямъ, т.-е. такъ, какъ онъ хочетъ.

У больныхъ этого рода замѣчается либо полная апатія побужденій, либо нѣкоторая неувѣренность въ нихъ. Одинъ изслѣдователь говоритъ о нихъ: „они могутъ испытывать желаніе дѣлать что-нибудь, но не могутъ взяться за дѣло съ надлежащей энергіей. Въ основѣ ихъ стремленій лежитъ какое-то безсиліе; они желали бы работать, но не могутъ. Ихъ воля не можетъ переступить за нѣкоторый предѣлъ: „я хочу“ не превращается въ дѣйствіе, въ активное рѣшеніе. Сами больные удивляются безсилію своей воли“. Одинъ изъ нихъ, очень образованный, краснорѣчивый и остроумный человѣкъ, заболѣвшій этой болѣзнью, говоритъ о себѣ: „разсудокъ мой сохраненъ, я знаю, что̀ я долженъ дѣлать, но меня покидаетъ сила, когда приходится дѣйствовать“. Одинъ врачъ разсказываетъ о больномъ этого рода, что тотъ, нерѣдко намѣреваясь раздѣться, часа по два не рѣшался снять съ себя платье. При этомъ всѣ его умственныя способности, какъ и у предъидущихъ, были нормальны. Однажды онъ спросилъ стаканъ воды, а когда ее подали, онъ не могъ рѣшиться взять стаканъ съ подноса и заставилъ слугу простоять передъ собою цѣлыхъ полчаса. Ему казалось,—говорилъ онъ,—что кто-то посторонній завладѣлъ его волей. Извѣстный англійскій писатель де-Квинси, вслѣдствіе злоупотребленія опіумомъ впавшій въ подобное же душевное состояніе, говорилъ о немъ слѣдующее: „потребитель опіума желаетъ и внутренно стремится, какъ никогда прежде, исполнить то, что̀ считаетъ возможнымъ и нужнымъ; но его умственная сила неизмѣримо превосходитъ не только способность дѣйствовать, но даже способность пытаться дѣйствовать“.

Сущность того, что̀ происходитъ при этомъ типѣ душевнаго разстройства, очень характерно отражается въ самочувствіи больного. Одинъ изъ нихъ пишетъ: „существованіе мое не полно; отправленія обыденной жизни сохранились и совершаются своимъ чередомъ, но каждому изъ нихъ чего-то недостаетъ: они не сопровождаются свойственными имъ ощущеніями и не

оставляютъ за собой того удовольствія, которое при нормальныхъ условіяхъ за ними слѣдуетъ. Каждое изъ моихъ чувствъ, каждая часть меня самого какъ будто отдѣлена отъ меня и больше не можетъ доставлять мнѣ никакого ощущенія".

Рибо говоритъ, что болѣзнь тутъ продѣлываетъ для насъ любопытный опытъ: она, такъ сказать, раскалываетъ человѣка на двое. Она оставляетъ нетронутой дѣятельность ума (по крайней мѣрѣ, ничто не указываетъ на ослабленіе въ этой области), дѣятельность мышечной системы и органовъ движенія (такъ, автоматическая дѣятельность, входящая въ повседневную рутину жизни, вполнѣ сохраняется); поврежденными же оказываются чувства, ихъ сила и вліяніе на дѣйствіе. И замѣчательно, что въ исключительныхъ случаяхъ, когда у такихъ больныхъ чувство чѣмъ-нибудь сильно возбуждено, — воля возвращается. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ случай, что больному возвратилась вся его энергія, когда нужно было подать помощь раздавленной женщинѣ.

Но потеря воли замѣчается не только при такомъ способѣ раскалыванія личности, т.-е. не только при ослабленіи чувствъ. И объ этомъ свидѣтельствуетъ вторая группа болѣзненныхъ случаевъ, собранныхъ Рибо. Здѣсь чувство, страсть имѣются въ избыткѣ, и въ такой степени, что мѣшаютъ нормальнымъ отправленіямъ ума. Больные этого типа дѣйствуютъ подъ сильнѣйшимъ напоромъ чувства, но умъ у нихъ отказывается контролировать дѣйствія и руководить ими, вслѣдствіе чего вся энергія расходуется цѣликомъ въ совершенно автоматическую, не непроизвольную дѣятельность.

У нѣкоторыхъ изъ нихъ сознаніе совсѣмъ пропадаетъ въ моменты напора чувства. Льюисъ, напримѣръ, разсказываетъ о больныхъ, которые совершали покушеніе на самоубійство и совершенно не помнили потомъ объ этомъ въ минуты яснаго сознанія. Еще лучшимъ доказательствомъ безсознательности этихъ поступковъ служитъ то,—говоритъ Льюисъ,—что больные не сознаютъ недостаточности употребляемыхъ ими средствъ. Одна дама, пытавшаяся зарѣзаться всякій разъ, когда ей попадался на глаза столовый ножъ, не замѣтила, какъ однажды Льюисъ, присутствуя при ней, подмѣнилъ ножъ другимъ, нерѣжущимъ орудіемъ. Другой больной пытался повѣситься на гнилой веревкѣ, не выдерживавшей самаго слабаго напряженія. У эпилептиковъ, — прибавляетъ Рибо, — подобныя побужденія такъ часты, что ими можно было бы наполнить цѣлыя страницы. Истеричные

больные также представляютъ множество подобныхъ примѣровъ: они обнаруживаютъ неистовое стремленіе къ немедленному удовлетворенію своихъ потребностей и прихотей.

Съ точки зрѣнія физіологіи и психологіи,—говоритъ Рибо,—человѣкъ въ этихъ случаяхъ похожъ на обезглавленное животное или, по крайней мѣрѣ, лишенное мозговыхъ полушарій: дѣятельность мозга сведена тутъ къ своему минимуму.

У нѣкоторыхъ же изъ больныхъ этого рода (т.-е. съ избыткомъ страстнаго чувства), умъ, хотя и работаетъ, но совершенно не въ силахъ руководствовать дѣйствіями. Въ этихъ случаяхъ больной вполнѣ сознаетъ свое положеніе; онъ чувствуетъ, что больше не въ силахъ управлять собою, что имъ завладѣла какая-то сила, неотразимо влекущая его къ совершенію такихъ дѣйствій, которыя имъ же осуждаются. Такъ, напримѣръ, одна дама, испытывавшая по временамъ влеченіе къ убійству, требовала въ подобныя минуты, чтобы на нее надѣвали горячечную рубашку, и затѣмъ сама опредѣляла время, когда опасность миновала и когда она опять могла пользоваться свободой своихъ дѣйствій. Другая женщина, отличавшаяся умственнымъ развитіемъ и страстно любившая своихъ дѣтей, по временамъ начинала бить ихъ помимо своей воли и звала на помощь, умоляя привязать ее. Между обитателями домовъ для помѣшанныхъ встрѣчается вообще не мало лицъ, которыя, мучимыя влеченіемъ убить кого-нибудь изъ дорогихъ себѣ людей, скрывались въ заведеніи для того только, чтобы лишить себя свободы. Непреодолимыя и все-таки сознательныя влеченія къ кражѣ, къ поджогу, къ злоупотребленію алкоголемъ принадлежатъ къ этой категоріи фактовъ и богатое собраніе ихъ приводится въ любомъ курсѣ психіатріи.

Какъ видимъ, во всѣхъ приведенныхъ болѣзненныхъ случаяхъ личность болѣе или менѣе рѣзко расколота, сознаніе ея отдѣлено отъ ея дѣйствій и она либо совсѣмъ не сознаетъ ихъ, либо видитъ въ нихъ нѣчто постороннее своимъ собственнымъ видамъ и намѣреніямъ.

Отсюда естественно заключить, что нормальная жизнь личности обусловливается тѣмъ, что элементы личности дѣйствуютъ во всей своей совокупности или въ преобладающемъ большинствѣ согласно. Ненормальное же преобладаніе нѣкоторыхъ элементовъ, привлекающихъ къ себѣ слишкомъ большую долю дѣятельности, нарушаетъ это согласіе и разрушаетъ единство личности.

Обращаясь затѣмъ къ разбору обстоятельствъ, способствую-

щихъ нарушенію этого единства, Рибо приходитъ къ замѣчательному и чрезвычайно интересному для насъ обобщенію, а именно, онъ отмѣчаетъ тѣсную зависимость между прогрессомъ личности и разрушеніемъ ея единства.

Какъ раньше на болѣзняхъ памяти [1]), такъ и теперь на болѣзняхъ воли Рибо пришелъ къ убѣжденію, что разложеніе душевнаго строя идетъ путемъ, обратнымъ процессу развитія—отъ болѣе сложнаго къ менѣе сложному. То-есть, легче и скорѣе всего разрушаются тѣ отправленія, которыя сложнѣе другихъ; они, значитъ, наименѣе устойчивы. Такъ, напримѣръ, при параличѣ въ его прогрессивной формѣ (она встрѣчается часто у помѣшанныхъ), первыя неточности въ движеніяхъ прежде всего замѣчаются въ области самыхъ тонкихъ движеній, которыя требуютъ для своего выполненія наибольшей точности и совершенства, т.-е. наиболѣе сложныхъ. Больной можетъ ходить и пользоваться своими руками для работъ, требующихъ грубыхъ движеній; но онъ не можетъ выполнить тонкихъ работъ пальцами безъ нѣкотораго дрожанія въ нихъ и сразу безъ повторныхъ попытокъ произвести одно и то же движеніе. Это легко замѣтить, если предложить больному поднять булавку съ земли или завести часы и т. п. Ремесленники, ремесло которыхъ требуетъ отчетливой работы, дѣлаются неспособными заниматься гораздо раньше тѣхъ, которые выполняютъ какую-нибудь грубую работу. То же самое замѣчается и въ нижнихъ конечностяхъ. Въ началѣ паралитическіе помѣшанные ходятъ твердо по прямому направленію, нарушается только способность поворачивать направо и налѣво, и особенно способность поворачиваться вокругъ своей оси. Позднѣе же, даже и по прямому направленію походка ихъ дѣлается тяжелой и обнаруживаетъ разстройство координаціи движеній.

Рядъ фактовъ этого рода привелъ Рибо къ заключенію, что чѣмъ сложнѣе процессъ, тѣмъ онъ менѣе устойчивъ, т.-е. тѣмъ легче онъ разрушается. Наиболѣе простыя дѣйствія,—говоритъ онъ,—суть и наиболѣе постоянныя,—съ анатомической точки зрѣнія потому, что они врождены, такъ-сказать, начерчены на скрижаляхъ организаціи, съ физіологической—потому, что они постоянно повторяются въ предѣлахъ личнаго опыта и въ предѣлахъ опытовъ предковъ. А по мѣрѣ возрастанія сложности строенія и отправленій устойчивость уменьшается.

Законъ этотъ относится не къ однимъ душевнымъ процес-

---

[1]) См. Рибо, Болѣзни памяти.

самъ. Рибо видитъ въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ „великій біологическій законъ". И онъ покоится не на гадательныхъ предположеніяхъ, не на произвольныхъ метафизическихъ хитросплетеніяхъ, а на фактахъ, и не трудно замѣтить, что этотъ законъ представляетъ какъ бы полное подтвержденіе основного положенія Майнлендера, а именно, что личность тѣмъ сильнѣе подлежитъ раскалыванію, чѣмъ она развитѣе, чѣмъ сложнѣе ея силы, способности и отправленія.

Однако, полнаго согласія тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Рибо пришелъ только къ тому заключенію, что когда одностороннее, т.-е. болѣзненное развитіе нарушаетъ цѣльность личности, то наименѣе устойчивыми оказываются тѣ отправленія, которыя сложнѣе и развитѣе остальныхъ,—и они, стало быть, при этихъ условіяхъ, всего больше вносятъ раскола въ жизнь личности. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что въ здоровомъ состояніи личность должна отличаться тѣмъ меньшею цѣльностью, чѣмъ она развитѣе и что, слѣд., всякое прогрессивное усложненіе ведетъ къ нѣкоторой потерѣ въ цѣльности. Этого Рибо не утверждалъ и не могъ утверждать, потому что и психологія, и біологія рѣшительно опровергаютъ это.

Надо, именно, замѣтить, что въ приведенныхъ нами изъ Рибо рѣзкихъ примѣрахъ потери цѣльности, эта потеря состоитъ въ совершенномъ разрушеніи связи между отправленіями, въ менѣе же рѣзкихъ случаяхъ дѣло ограничивается распшатанностью этой связи—ослабляется точность и аккуратность ея. А между тѣмъ, и біологія, и психологія несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что при нормальномъ развитіи, рядомъ съ увеличеніемъ числа частей и усложненіемъ отправленій, возникаетъ цѣлый рядъ приспособленій, устанавливающихъ поразительно точную и тѣсную связь между этими частями и отправленіями.

Еще Гёте успѣлъ отмѣтить это. „Чѣмъ совершеннѣе существо,—пишетъ онъ,—тѣмъ больше его части отличаются другъ отъ друга. А чѣмъ больше части организма похожи другъ на друга, тѣмъ меньше они подчинены другъ другу. Подчиненіе же частей указываетъ на совершенство организма" [1]).

Въ нынѣшнее время Спенсеръ, сравнивая организмы болѣе развитые съ менѣе развитыми, приводитъ цѣлую массу данныхъ въ пользу той же самой истины, т.-е. въ пользу того, что въ болѣе развитомъ организмѣ всѣ части и отправленія гораздо зависимѣе другъ отъ друга, чѣмъ у менѣе развитыхъ [2]).

---

1) Мы цитируемъ по Lange, Geschichte des Materialismus, т. 2, стр. 250.

2) Спенсеръ, Основанія Біологіи, т. II.

Просто трудно повѣрить, до какой степени у несложныхъ животныхъ отдѣльные органы независимы въ своей дѣятельности отъ остальныхъ. Такъ, напримѣръ, если вскрыть тѣло плосковика (очень низкаго по организаціи) и вынуть изъ него горло, то послѣднее еще нѣсколько времени будетъ выполнять свойственное ему отправленіе совершенно такъ же, какъ еслибы оно оставалось на своемъ мѣстѣ: даже если положить въ это горло кусочекъ собственнаго тѣла животнаго, то онъ будетъ продвинутъ сквозь горло или проглоченъ имъ. Точно также кусочекъ, отрѣзанный отъ диска медузы, съ большимъ постоянствомъ продолжаетъ повторять ритмическія сокращенія, которыя мы замѣчаемъ въ цѣломъ дискѣ. Въ несложной по строенію губкѣ взаимная зависимость частей такъ слаба, что если отрѣзать отъ нея кусокъ, то этимъ не оказывается даже сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на дѣятельность и ростъ остального организма. И совсѣмъ другое мы видимъ у высшихъ животныхъ. Какой-нибудь органъ, будучи отдѣленъ отъ тѣла, совершенно утрачиваетъ свою способность къ движенію. У человѣка самое слабое измѣненіе въ одной части мгновенно и сильно дѣйствуетъ на всѣ остальныя,—вызываетъ сокращеніе въ громадномъ количествѣ мышцъ, посылаетъ волну сокращенія по всѣмъ кровеноснымъ сосудамъ, возбуждаетъ бездну мыслей съ сопровождающимъ ихъ потокомъ волненій, вліяетъ на отправленіе легкихъ, желудка и органовъ выдѣленія. Особенно наглядно эта разница видна, если, напримѣръ, сравнить кровеносную систему у низшихъ и у высшихъ животныхъ. У низшаго слизняка кровь гонится взадъ и впередъ по короткой сократительной трубкѣ, которая ни по строенію, ни по отправленіямъ особенно не сплетается съ другими органами животнаго. По мѣрѣ же того какъ мы поднимаемся къ животнымъ съ болѣе сложнымъ кровеноснымъ аппаратомъ, мы замѣчаемъ, что этотъ аппаратъ сплетается съ остальными частями тѣла и дѣлается неспособнымъ выполнять свою работу безъ помощи другихъ частей. Напримѣръ, у человѣка сердце не только зависитъ отъ двигающихъ его мышцъ и не только отъ тѣхъ спеціальныхъ нервовъ, которые приводятъ мышцы въ движеніе, но и отъ состоянія общей нервной системы,—отъ того, какъ она регулируетъ сокращеніе сердца и всѣхъ артерій. Въ свою очередь послѣднее зависитъ отъ, дыхательнаго аппарата. И такъ далѣе.

Исходя изъ фактовъ этого рода, Спенсеръ и могъ поэтому сказать, что „у высоко развитыхъ животныхъ различіе отправ-

леній рѣзко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сочетаніе отправленій очень тѣсно" [1]), т.-е. то же самое, что высказалъ и Гёте.

Пожалуй, намъ скажутъ, что это свойство высшихъ организмовъ не всегда и не во всѣхъ отношеніяхъ служитъ къ ихъ выгодѣ? Но если ужъ говорить объ этомъ, то крайне произвольно было бы утверждать, будто дождевому червяку выгодно, что когда его перерѣзать пополамъ, то обѣ половинки его продолжають еще жить. И крайне проблематичны невыгоды, проистекающія для человѣка изъ того, что у него этой способности нѣтъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ играетъ слишкомъ важную роль въ пессимистическомъ ученіи, чтобы разрѣшить его мимоходомъ. Здѣсь же онъ для насъ не имѣетъ никакого значенія, потому что предъидущимъ мы вовсе не хотѣли доказать выгоду, представляемую бо̀льшимъ единствомъ отправленій у высшихъ организмовъ: мы только имѣли въ виду показать, что нормальное развитіе само по себѣ нисколько не влечетъ за собой уменьшенія единства въ организаціи и отправленіяхъ. Самое сильное, что̀ противъ этого можно возразить, заключается развѣ въ томъ, что для единства болѣе развитого организма, какъ и вообще для его благосостоянія, нужны болѣе богатыя средства; а отсюда какъ бы напрашивается тотъ выводъ, что менѣе развитымъ организмамъ и вообще существовать легче, да еще въ частности легче сохранить цѣльность. Но на самомъ дѣлѣ подобное разсужденіе не выдерживаетъ критики. Это все равно, что сказать такъ: взрослому мужчинѣ труднѣе поддерживать въ себѣ способность поднимать 3 пуда, чѣмъ маленькому ребенку—10 фунтовъ. И это на томъ основаніи, что взрослому для этого необходимо больше ѣсть, имѣть болѣе крупные мускулы, прочнѣе держаться на ногахъ, и т. д. Съ такимъ же правомъ можно бы сказать, что взрослому человѣку труднѣе передвигаться, чѣмъ малому ребенку,—на томъ основаніи, что тѣло его тяжелѣе. Но дѣло въ томъ, что если развитіе идетъ здоровымъ путемъ, то рядомъ съ увеличеніемъ вѣса идетъ и увеличеніе средствъ къ передвиженію. Если же вѣсъ тѣла увеличился, а силы нѣтъ, то неужели можно утверждать, что способность къ передвиженію уменьшилась потому, что таково неизбѣжное слѣдствіе увеличенія вѣса тѣла? На самомъ дѣлѣ она уменьшилась только вслѣдствіе болѣзненнаго характера развитія въ данномъ случаѣ. А то же самое вполнѣ примѣнимо и къ связи между отправленіями у высшихъ организмовъ. Если развитіе идетъ правильнымъ путемъ, то чѣмъ развитѣе и сложнѣе организмъ, тѣмъ

[1]) Основанія Біологіи, I, 116.

больше въ немъ силъ и приспособленій, поддерживающихъ единство его отправленій.

Но въ томъ-то и заключается сущность ученія Майнлендера, что согласно съ нимъ всякое развитіе и всякое усложненіе первобытной жизни обязательно должно быть болѣзненнымъ. Какъ мы видѣли, это положеніе онъ поддерживаетъ теоретическими доводами, построенными на буддистскомъ представленіи развитія въ видѣ „раскалыванія" первобытнаго единства на множество. Гораздо серьезнѣе его ссылка на факты, а именно на фактическій ходъ исторической жизни. Тѣ явленія или, вѣрнѣе, тѣ процессы, которыми сопровождается теченіе исторіи и на которые указываетъ Майнлендеръ, представляютъ настолько крупное и важное значеніе, что нельзя не обратить на нихъ самаго серьезнаго вниманія, нисколько не смущаясь тѣмъ, что они предлагаются намъ метафизикомъ. Поэтому весьма стоитъ того, чтобы приложить къ основному положенію Майнлендера научную мѣрку, не съ предвзятымъ намѣреніемъ бороться съ этимъ положеніемъ, а съ тѣмъ, чтобы выяснить реальное, оправдываемое наукой значеніе его.

Съ своей стороны, не берясь за этотъ вопросъ, отмѣтимъ только тотъ общій и крайне важный выводъ, который можно получить уже изъ приведенныхъ нами данныхъ науки объ этомъ предметѣ.

Изъ нихъ именно мы убѣждаемся, что болѣзненное развитіе не только возможно, но можетъ сдѣлаться совершенно неизбѣжнымъ, и это во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда развитіе и усиленіе отдѣльныхъ отправленій не сопровождается соотвѣтственнымъ увеличеніемъ общей суммы силъ организма. Другими словами, болѣзненное развитіе непремѣнно должно явиться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при развитіи отдѣльныхъ отправленій общій запасъ силъ либо совсѣмъ не увеличивается, либо увеличивается не настолько, чтобы хватало его на соотвѣтственное развитіе другихъ нужныхъ для организма отправленій. Отсюда открывается возможность разрѣшить такой первостепенный вопросъ жизни: если развитіе почему-нибудь приняло болѣзненный характеръ, то какой выходъ изъ этого, т.-е. какъ возстановить потерянную цѣльность?

Изъ предъидущаго ясно, что есть возможность возстановить эту цѣльность, т.-е. устранить невыгоды болѣзненнаго развитія, сохранивши при этомъ всѣ выгоды самого развитія. Для этого необходимо только увеличить общій запасъ силъ организма,—

разумѣется, давши новымъ силамъ нужное для нормальнаго состоянія организма примѣненіе.

Но вотъ этого-то выхода никогда не изберетъ ни одинъ пессимистъ. Такое разрѣшеніе вопроса органически непонятно пессимисту, все равно какъ трусливому органически непонятна храбрость. Осуществленіе его въ жизни требуетъ дѣятельнаго подъема силъ, упорной борьбы и вообще большого запаса жизненной энергіи. А именно недостаткомъ всего этого и характеризуются пессимисты. Поэтому они и стоятъ всегда противъ всякаго расширенія жизненнаго бюджета, противъ увеличенія круга жизненныхъ радостей, противъ поднятія требованій личности отъ жизни. Чувствуя въ себѣ слишкомъ мало силъ, чтобы *дѣятельно* отстаивать свое благо, они рѣшаются стоять за него *пассивно*—цѣной всевозможнаго самоотреченія, цѣной покорнаго приниженія и умаленія своей личности. На этомъ пути человѣкъ не стремится измѣнить внѣшнія обстоятельства и повернуть ихъ согласно своимъ требованіямъ, а гнетъ и сокращаетъ самого себя и свои потребности. Его конечный идеалъ—урѣзать и принизить свою личность до полнаго равнодушія ко всему, что бы ни случилось. При такомъ-то идеалѣ, спасеніе отъ невзгодъ односторонняго развитія они могутъ видѣть никакъ не во всестороннемъ *развитіи*, а напротивъ—во всестороннемъ *сокращеніи* всѣхъ элементовъ жизни человѣка.

Контрастъ между этими двумя идеалами [1]) наглядно проявился на извѣстномъ историческомъ анекдотѣ о встрѣчѣ Александра Македонскаго съ философомъ Діогеномъ. Царь спросилъ философа, не можетъ ли онъ оказать ему какую-нибудь услугу. Философъ отвѣчалъ могущественному царю: „будь такъ добръ, отойди немного отъ солнца!“ Тогда Александръ воскликнулъ: „онъ правъ, —еслибъ я не былъ Александромъ, то хотѣлъ бы быть Діогеномъ!“ Шлоссеръ по этому поводу замѣчаетъ: „Александръ понялъ все величіе человѣка, который такъ же легко могъ обходиться безъ міра, какъ онъ съ своей стороны чувствовалъ достаточно силъ, чтобы покорить міръ и управлять имъ. Этимъ онъ выразилъ ту мысль, что есть два рода величія—*овладѣть* міромъ или быть способнымъ *обойтись безъ него*“.

Такъ какъ пессимизмъ систематически проводитъ именно по-

---

[1]) Эти два направленія обозначены у г. Н. Михайловскаго (Сочиненія, т. V) понятіями—„вольница и подвижники“. Кстати укажемъ, какъ на важныя дополненія къ нашей статьѣ, работы г. Михайловскаго: „Что такое прогрессъ“ (въ IV томѣ) и „Борьба за индивидуальность“ (т. III). Тутъ читатель найдетъ разъясненіе коечего изъ недоговореннаго нами.

слѣдняго рода отношеніе къ жизни, то онъ, конечно, принципіально враждебенъ прогрессу. Но пессимистическое движеніе можетъ сослужить прогрессу великую службу,—если оно откроетъ обществу глаза на то, что мѣшаетъ прогрессивному теченію жизни дать людямъ полное счастье. Отстаивая съ своей точки зрѣнія, что вся бѣда въ излишней сложности развивающейся жизни, пессимизмъ съ каждымъ своимъ шагомъ даетъ новое оружіе въ пользу прямо противоположнаго воззрѣнія,—что зло заключается въ недостаточномъ единствѣ среди сложности.

А. Красносельскій.

ОБЗОРЪ
МАЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

Въ историческомъ очеркѣ русской этнографіи [1]) мы только мимоходомъ коснулись развитія этнографіи малорусской. Естественно, что послѣдняя должна представить многія общія или параллельныя черты съ великорусской; но въ то же время въ ея развитіи были особенности, только ей принадлежавшія. Общность являлась въ самомъ единствѣ племенъ, языкъ, бытъ и поэтическія созданія которыхъ, несмотря на долгое истоическое раздвоеніе, сберегли много общихъ основъ; древность обѣихъ племенныхъ отраслей была одна и та же—кіевская. Новѣйшій интересъ къ народному одинаково и одновременно одушевлялъ ученыхъ и любителей, работавшихъ на сѣверѣ и на югѣ: они чувствовали свою солидарность, находили взаимно опору въ своихъ изслѣдованіяхъ; нерѣдко одни и тѣ же лица трудились въ обѣихъ областяхъ, какъ напр. Срезневскій, Бодянскій, Максимовичъ, Костомаровъ... Но, съ другой стороны, были отличія, происходившія изъ самаго положенія малорусской народности. Русская по своей глубочайшей основѣ, она цѣлые вѣка прожила раздѣльно отъ другой русской отрасли, которой суждено было основать самостоятельное государство и стать господствующей стихіей русскаго міра; и тѣ особенности этнографическія, которыя можно угадывать еще въ древнемъ характерѣ южно-русскаго племени, развились подъ вліяніемъ исторіи въ такія своеобразныя формы, которыя бросались въ глаза самому народу и рѣзко отличили „хохла"

[1]) Вѣстн. Евр. 1881—84 г.

отъ „москаля“. Всѣ различныя условія, дѣйствовавшія на образованіе народности—а именно, свойства и обстановка природы, искони вліявшія на физическій складъ племени и его бытъ (формы земледѣльческой и вообще хозяйственной культуры); племенное сосѣдство въ древніе и средніе вѣка, издавна дѣйствовавшее въ южномъ племени иначе, чѣмъ въ сѣверномъ, на этнологическій составъ народности; остатки первобытной старины, уцѣлѣвшіе на югѣ и забытые на сѣверѣ, или наоборотъ, позднѣйшія историческія отношенія, неизвѣстныя на сѣверѣ и сообщавшія новые понятія и обычаи на югѣ (какъ напр. давнія восточныя, а затѣмъ польскія вліянія XV—XVII вѣка), національная историческая борьба XVI—XVII столѣтій и т. д., все это вмѣстѣ создавало типъ народности, столь отличный отъ сѣвернаго, что при „возсоединеніи“, въ половинѣ XVII-го столѣтія, онъ не могъ слиться съ господствующей народностью и прибавился къ ней особымъ оттѣнкомъ. Нѣкогда княжества удѣльной Руси, подпадавшія московскому объединенію, при всѣхъ (какія бывали иногда) отличіяхъ отъ московскаго люда, сливались съ нимъ въ одной великорусской основѣ; въ крайнихъ случаяхъ, какъ въ Новгородѣ, московская власть помогала объединенію простыми истребленіями неподдающихся населеній, выведеніемъ туземцевъ и переводомъ московскихъ жителей, установленіемъ московскихъ порядковъ управленія и быта. Здѣсь подобныя мѣры были невозможны: слишкомъ велика была масса, которую нужно было бы приводить къ одному знаменателю; самое возсоединеніе сопровождалось политическими условіями, согласіемъ московскаго правительства на сохраненіе мѣстнаго права и обычая, когда притомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кіевскій бытъ стоялъ выше московскаго, напр. въ школѣ и извѣстномъ развитіи образованія. Но присоединеніе къ сильному государству, притомъ одноплеменному, не могло не сглаживать племенныхъ различій. Въ XVIII и первой половинѣ XIX-го столѣтія объединеніе шло большими шагами: мѣстныя особенности не имѣли настолько внутренней силы, чтобы удержаться подъ властью могущественной имперіи, при подавляющемъ господствѣ администраціи, нравовъ, а затѣмъ новаго просвѣщенія и литературы, развивавшихся съ XVIII столѣтія. Малорусская старина политическая, „малороссійскія права“ исчезали окончательно, малорусскіе люди уходили въ русскую службу, военную и гражданскую, поставляли чиновниковъ, государственныхъ дѣльцовъ и даже фаворитовъ; старая войсковая и земельная аристократія стала русскимъ дворянствомъ, какъ народъ, наравнѣ съ русскимъ, дѣлался крѣпостнымъ; умственныя силы вступали въ потокъ

русской науки и литературы;—но на мѣстѣ еще очень долго держалось преданіе бытовое, нравы и обычаи средняго и мелкаго дворянства, среднихъ и мелкихъ горожанъ и, всего болѣе, народной массы. Въ тѣ времена, до самыхъ 60-хъ годовъ нашего вѣка, не задавались тѣми задачами абсолютнаго обрусѣнія, какія ставились въ послѣднія десятилѣтія; правительство довольствовалось полнымъ объединеніемъ административнымъ и не думало, чтобы внѣ этого еще слѣдовало гнаться за истребленіемъ мѣстныхъ бытовыхъ отличій, языка, нравовъ и книжности. Въ литературѣ, развивавшейся съ Петровской реформы подъ разными европейскими вліяніями, малорусскія силы участвовали вмѣстѣ съ великорусскими, работали надъ тѣми же общими образовательными вопросами и литературными направленіями, какъ ложный классицизмъ, сантиментальная школа, романтизмъ, и долго здѣсь совсѣмъ не возникало вопроса о мѣстныхъ народныхъ элементахъ, которые однако еще продолжали жить на мѣстѣ,—точно также ихъ долго еще не касалась и наука.

Такимъ образомъ, вопросъ этнографическій остался незатронутымъ въ старой литературѣ, не былъ возбуждаемъ какими-нибудь внѣшними толчками; въ жизни шелъ постепенно процессъ племенного объединенія, и если съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка, возникли и стали все больше расширяться этнографическія изученія и выростать стремленіе къ своенародному, то побужденіе къ нимъ лежало въ глубокихъ основаніяхъ самой внутренней жизни народности. Говоря объ исторіи русской этнографіи, мы указывали, изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ складывалось то направленіе, которое съ тридцатыхъ годовъ получило названіе „народности“. Самымъ глубокимъ источникомъ былъ тотъ элементъ русскаго содержанія, который не былъ никогда заглушенъ въ самыхъ искусственныхъ и натянутыхъ произведеніяхъ прошлаго вѣка, и напротивъ былъ только усиливаемъ новыми нравственными и общественными понятіями, какія приходили изъ классическихъ произведеній европейской литературы. Соціальная мысль о народѣ, а съ нею и мысль о національномъ характерѣ просвѣщенія и литературы возникаетъ еще съ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ столѣтіи выростала въ цѣлое направленіе подъ вліяніемъ наполеоновскихъ войнъ, романтической школы и политическаго либерализма; наконецъ, интересъ народности поднятъ былъ дошедшими къ намъ отголосками славянскаго возрожденія и вліяніями нѣмецкой историко-филологической науки. Всѣ эти элементы, нравственные, политическіе, литературные, научные, имѣли свое дѣйствіе и на развитіе этнографіи малорусской: когда

разъ въ образованныхъ литературныхъ кругахъ выдѣлилась ясно мысль о народѣ, то особность малорусской стихіи представлялась тотчасъ сама собой — оставалось въ нее вникнуть. При первыхъ этнографическихъ приступахъ къ малорусской народности ярко выступалъ фактъ, что при всемъ единствѣ племенъ исторія провела между ними рѣзкую разницу во всемъ народно-бытовомъ характерѣ, въ языкѣ, преданіи, народной поэзіи и обычаѣ. Все оригинальное, самобытное бросалось въ глаза, и когда этнографическій интересъ сталъ серьезнымъ литературнымъ вопросомъ, онъ естественно расширился съ одной стороны до научнаго изученія народной старины и современности, съ другой до общественной постановки вопроса. Первымъ серьезнымъ началомъ даны были всѣ послѣдующія развѣтвленія этого движенія. Этнографическій интересъ—какъ всегда—переходитъ въ стремленіе къ извѣстнаго рода реставраціи народности.

Этнографическая наука, вытекая изъ желанія познать народъ, доставляетъ обыкновенно матеріалъ для народническихъ стремленій (въ прежнее время романтическихъ, въ новѣйшее—болѣе реальныхъ), оживляетъ и усиливаетъ ихъ; такъ малорусскія этнографическія изученія уже вскорѣ соединились съ стремленіями поднять общественное и нравственное состояніе самого народа, съ этой цѣлью создать для него литературу на народномъ языкѣ; рядомъ съ этимъ шла идеализація малорусской старины. Чѣмъ сильнѣе становилось это народническое стремленіе, тѣмъ больше въ глазахъ энтузіастовъ выростала особность родного племени, даже противорѣчіе двухъ отраслей русской народности; въ тѣхъ болѣе увлекательныхъ очертаніяхъ вставала малорусская старина или патріархально-идиллическая современность, украшенныя изящными произведеніями народной поэзіи... Возникновеніе интереса къ малорусской народности и начатки новой малорусской литературы казались возрожденіемъ старины, паденіе которой являлось какъ бы несправедливостью исторіи. Отсюда рождалось представленіе о томъ, что новое малорусское движеніе вообще равнозначительно съ славянскими возрожденіемъ (съ которымъ и дѣйствительно имѣло многія связи и параллельныя явленія). Въ послѣднее время, этнографическая ревность нѣкоторыхъ южнорусскихъ (особливо галицкихъ) ученыхъ настаивала на полной раздѣльности великорусскаго и малорусскаго племени и языка, какъ особыхъ, независимыхъ отраслей славянскаго корня...

Такія ступени проходило, въ общихъ чертахъ, изученіе малорусской народности. Первоначальный интересъ къ народному, какъ и въ развитіи русской этнографіи, исходилъ изъ простого

продолженія стараго, еще не забытаго обычая, изъ привычки къ той или другой старинѣ, изъ вкуса къ народной пѣснѣ; когда, позднѣе, этотъ интересъ получилъ мѣсто въ кругу литературныхъ понятій, т.-е. занялъ людей образованныхъ, перешелъ въ книгу, то народность сначала привлекала элементомъ патріархальности (которую давно превозносила псевдо-классическая идиллія и эклога, а потомъ теоріи Руссо), потомъ внушала сочувствія соціально-филантропическія (какъ въ русской литературѣ у Радищева), затѣмъ прошла стадіи сантиментальной и романтической школы и оффиціальной народности. Въ послѣднія десятилѣтія, этнографическое движеніе, какъ русское, такъ и малорусское, опять было въ извѣстной связи съ новыми направленіями литературы, западничествомъ и славянофильствомъ, совпадая то съ тѣмъ, то съ другимъ, и, между прочимъ, московская исключительность новѣйшаго славянофильства не мало способствовала развитію того малорусскаго историческаго патріотизма, который (подъ названіемъ украинофильства) въ послѣднее время вызывалъ крайнее раздраженіе не только газетныхъ публицистовъ, но даже и нѣкоторыхъ людей ученыхъ и, по нашему мнѣнію, вовсе не требовалъ бы этого раздраженія.

Племенную своеобразность двухъ народныхъ отраслей видѣлъ издавна и съ обѣихъ сторонъ самъ народъ: съ обѣихъ сторонъ былъ русскій народъ, издавна раздѣлившійся, по политическому положенію и политической мѣркѣ, на великую и малую Русь, но эта Русь на одной сторонѣ были „хохлы“, на другой „москали“ или „кацапы“—простонародныя клички, которыхъ объектъ былъ для обѣихъ сторонъ совершенно ясенъ. Пунктомъ очевиднаго историческаго отдѣленія двухъ племенъ былъ XII—XIII вѣкъ—начало политическаго объединенія на сѣверѣ, и особенно татарское нашествіе. Съ тѣхъ поръ исторія обѣихъ отраслей разошлась на многіе вѣка и политически, и культурно: онѣ стали принадлежать двумъ разнымъ государствамъ, и вступили въ совершенно различныя культурныя условія. Историческія обстоятельства были таковы, что это государственное дѣленіе не казалось удивительнымъ или неправильнымъ, потому что было неизбѣжно и вынуждено силою вещей. Обѣ стороны, велико-княженіе московское, велико-княженіе литовское, были русскія: русская стихія уже вскорѣ возобладала въ строѣ литовскаго княжества; князья литвины стали русскими по вѣрѣ и языку—какъ будто произошла только смѣна династій; но затѣмъ положеніе осложнилось: сближеніе, потомъ окончательное сліяніе великаго княжества литовскаго съ Польшей ввели южно-русское племя въ

связь и вмѣстѣ столкновеніе съ инороднымъ элементомъ племеннымъ и религіознымъ. Высшій классъ, сначала понемногу, потомъ почти поголовно отпалъ въ чужую народность и чужую вѣру, отпалъ отчасти по доброй волѣ, соблазненный матеріальными выгодами и блескомъ общественнаго положенія польскаго магнатства и шляхетства, отчасти вынужденный; но народная масса осталась вѣрна преданію, и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выносила страшный гнетъ религіозный и соціальный, не уступивъ ни своей вѣры, ни народности. Кончилось тѣмъ, что Малая Русь присоединилась къ Москвѣ, съ которой въ томъ и другомъ отношеніи сознавалась давняя связь. Москва приняла политическія условія „воссоединенія", но крайне исключительная вслѣдствіе вѣкового отдаленія отъ цивилизованнаго міра, съ недовѣріемъ смотрѣла на новую для нея разновидность русскаго племени. Отчасти это недовѣріе было понятно: отпаденіе высшаго класса въ католичество, принятіе польскихъ обычаевъ и, наконецъ, языка, заставили москвичей думать, что и вообще западное православіе слабо; но москвичи вообще не могли понять ни несходства иныхъ обычаевъ юго-западной Руси, даже православной, съ московскими, ни южно-русскаго образованія. Это недовѣріе, равнявшееся чистому недружелюбному предубѣжденію, какъ будто живетъ до сихъ поръ въ литературныхъ и административныхъ врагахъ малорусскаго народническаго движенія,—но съ русской точки зрѣнія нужно было бы признать, что „возсоединеніе" было великой побѣдой южно-русскаго племени надъ исключительно тяжелыми обстоятельствами и было заслугой въ самомъ русскомъ смыслѣ: приходилось бороться съ врагомъ очень сильнымъ и упорнымъ въ своихъ стремленіяхъ, притомъ вооруженнымъ гораздо болѣе высокою культурою, и побѣда принесла великую пользу всему русскому цѣлому, потому что та же борьба на западной границѣ предстояла бы самой московской Россіи. Правда, сожительство съ польскимъ обществомъ—кромѣ той потери, которая испытана была отпаденіемъ высшихъ классовъ—оставило и на православной массѣ извѣстный оттѣнокъ польскаго вліянія; но, во-первыхъ, бытовое отличіе южной Руси (приписывавшееся москвичами только этому вліянію) на дѣлѣ выходило вовсе не изъ одного польско-католическаго вліянія, а изъ всѣхъ историческихъ условій южно-русской жизни, а во-вторыхъ, рядомъ съ тѣмъ, чтó казалось не національно-русскимъ для москвичей, были пріобрѣтены изъ польскаго источника важныя культурныя выгоды, опять послужившія для самóй русской народности. Церковная борьба создала потребность въ образованіи; стали заводиться школы по латинско-польскому

схоластическому образцу; южно-русскіе дѣятели XVI—XVII-го вѣка внесли въ латино-польскій обиходъ школы греко-русское православное содержаніе, и новое образованіе уже вскорѣ проникло въ самую Москву, гдѣ кіевскіе ученые были его первыми представителями и начинателями. Языкъ, которымъ говорила южно-русская ученость и книга, былъ своеобразной амальгамой церковнаго славянскаго съ формами рѣчи южно-русской, съ отдѣльными добавками изъ латинскаго и польскаго; въ церковныхъ предметахъ онъ, конечно, больше пользовался церковной стихіей, въ предметахъ историческихъ и житейскихъ ближе подходилъ къ народной рѣчи. На этомъ языкѣ составилась съ XVI-го вѣка цѣлая литература, удовлетворявшая популярнымъ потребностямъ, такъ что новѣйшее возникновеніе малорусской литературы со временъ Котляревскаго, собственно говоря, было только подновленіемъ стараго книжнаго преданія [1]). Выученики кіевской академіи

---

[1]) Въ газетѣ „Кіевлянинъ" явился цѣлый рядъ статей по поводу моихъ замѣчаній о происхожденіи украинофильства, высказанныхъ въ статьѣ: „Волга и Кіевъ" („В. Е.", іюль). Понятно, что газета опрокидывается на меня съ обычной порядочностью ея полемики. Между прочимъ, мысль о малорусскомъ литературномъ преданіи съ XVI вѣка, котораго я тамъ коснулся, показалась газетѣ „просто глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ" и „дѣтски неловкой передержкой". И для блистательнѣйшаго опроверженія, „К—нъ" указываетъ на великую разницу между писателями кіевскаго періода, работавшими будто бы надъ обще-русскимъ языкомъ, и новѣйшими украинофилами, стремящимися обособить малорусскій языкъ.

Возраженіе заключаетъ въ себѣ простую путаницу или извращеніе фактовъ.

Чтобы кіевскіе ученые въ XVII стол. именно заботились объ обще-русскомъ языкѣ, это есть нелѣпость: въ то время не было идеи о русскомъ книжномъ языкѣ въ нашемъ смыслѣ; они просто писали на языкѣ, который образовался въ южной книжной практикѣ—на церковно-славянской основѣ. Но что впослѣдствіи, когда ихъ дѣятельность стала простираться и на сѣверъ, ихъ труды имѣли свою долю участія въ образованіи книжнаго языка обще-русскаго, это извѣстный фактъ, много разъ и мною указанный. А въ данномъ случаѣ, у меня шла рѣчь совсѣмъ о другомъ, именно о присутствіи въ южной письменности чисто малорусской стихіи не только языка, но и содержанія, и о продолженіи ея съ XVI до XIX вѣка. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Напр. писатель, котораго газета не рѣшится вѣроятно обвинить въ попущеніи украинофильству, находитъ, что малорусское литературное движеніе въ концѣ прошлаго вѣка (съ Энеиды Котляревскаго), которое проложило путь новѣйшей украинской литературѣ,—„не есть что-либо новое и является только непосредственнымъ отзвукомъ предидущаго развитія кіевской искусственной литературы XVIII вѣка" (Петровъ, Очерки изъ ист. укр. литерат. XVIII в., стр. 149),—такимъ же образомъ литература XVIII вѣка была продолженіемъ и отзвукомъ предидущей,—что я и говорилъ.

Какъ странно прямое, безъ всякихъ историческихъ церемоній, сопоставленіе XVII-го вѣка съ XIX-мъ, нечего и говорить.

Къ другимъ обвиненіямъ газеты противъ украинофильства и моихъ мнѣній объ немъ, быть можетъ, возвратимся когда-нибудь послѣ.

имѣли свою историческую роль въ московской умственной жизни XVII вѣка, были дѣятелями въ никоновскомъ исправленіи книгъ, въ установленіи славяно-греко-латинской академіи, были придворными учеными и піитами, отъ временъ Алексѣя Михайловича и до Петра; въ эпоху реформъ, это были ревностные сотрудники петровскаго преобразованія; въ теченіе прошлаго вѣка, изъ ихъ среды вышелъ цѣлый рядъ значительныхъ іерарховъ; они были главными дѣятелями въ установленіи духовныхъ школъ. Наконецъ, въ Малороссіи все еще были свои гетманы; до половины царствованія Екатерины II цѣла была Запорожская Сѣчь.

Въ концѣ XVIII и даже началѣ XIX столѣтія старый, спеціально малорусскій бытъ былъ еще цѣлъ, и начинатели новой литературы были еще окружены живыми остатками оригинальной родной старины. Въ то время еще не ставили тонкихъ національныхъ вопросовъ, и не думали видѣть ущерба для достоинства русскаго народа въ признаніи этой малорусской особности: это былъ фактъ, который странно было оспаривать или въ заявленіи его видѣть сепаратизмъ. Такимъ образомъ, съ самой эпохи возсоединенія до начала нашего столѣтія — когда явились первые опыты научной этнографіи и первыя сознательныя попытки литературы на народномъ языкѣ,—племенное и бытовое малорусское преданіе хранилось еще и въ языкѣ, и въ особенностяхъ типа, и въ своеобразномъ обычаѣ, и въ прекрасныхъ произведеніяхъ народной поэзіи, и въ близкихъ еще воспоминаніяхъ историческихъ.

Но исторія дѣлала свое. Старина политическая была уничтожена окончательно съ прекращеніемъ гетманства и Запорожской Сѣчи,—послѣдняя теряла и смыслъ съ завоеваніемъ Крыма, съ раздѣлами Польши; никакихъ протестовъ это паденіе политической старины не вызвало; Малороссія вживалась спокойно въ общіе гражданскіе порядки. Объединеніе совершалось и въ области образованія и литературы съ неоспоримымъ первенствомъ господствующей народности. Сколько ни ушло малорусскихъ силъ на служеніе русской школѣ и литературѣ, въ дальнѣйшемъ развитіи это были школа и литература русскія. Сначала, съ половины XVII-го вѣка, когда началось сильное воздѣйствіе кіевской академіи, и почти до Ломоносова, сама русская литература переживала безформенное переходное состояніе, когда и въ содержаніи ея мѣшались отголоски старины съ начатками новыхъ знаній и общественныхъ интересовъ, и въ языкѣ еще стояло смѣшеніе церковнаго и русскаго языка, съ примѣсями словъ иностранныхъ или тяжело переведенныхъ съ иностраннаго,—но уже съ Петровской реформы

новая литература пріобрѣтаетъ черты, которыя должны были утвердить за ней полное господство. Это былъ притокъ новыхъ реальныхъ знаній всякаго рода, общественныхъ идей и поэтическихъ элементовъ, заимствованныхъ изъ западно-европейскихъ литературъ, и этотъ новый матеріалъ, развивавшійся на широкой государственной почвѣ, въ ученыхъ учрежденіяхъ, какъ наприм. академія наукъ, позднѣе московскій университетъ, и спеціальныя школы, на господствующемъ языкѣ имперіи, въ трудахъ разнородныхъ представителей ея населенія, составилъ умственную силу, у которой должна была заимствоваться сама Малороссія [1]). Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, русская литература дѣлала все болѣе широкія пріобрѣтенія и въ запасѣ научныхъ знаній, и въ развитіи художественныхъ элементовъ, и полагала все болѣе прочныя основы для своего будущаго національнаго значенія; то, что̀ нѣкогда принесено было малорусскими силами, поглощалось въ цѣломъ русскомъ движеніи, а мѣстная малорусская книжность или оставалась застарѣлой схоластикой или впадала въ узкій провинціализмъ. Самъ малорусскій языкъ, — когда образованіе распространялось уже на русскомъ языкѣ, — все больше дѣлался языкомъ низшаго класса, простонародья, — и еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, по наставленіямъ тогдашнихъ піитикъ, этотъ „деревенскій, мужицкій слогъ“ могъ быть употребляемъ только въ низшихъ родахъ литературы, напр. въ комедіяхъ. Итакъ, еще съ прошлаго вѣка высшіе интересы науки, общественности, художества выражались уже на болѣе широкомъ поприщѣ русской литературы: на это поприще сами собой переходили и писатели, которые были уроженцами юга; ихъ образованіе бывало уже русское, ихъ литературный языкъ—русскій.

Въ такомъ броженіи были двѣ народныя силы. Повидимому, южнорусскій племенной элементъ сдѣлалъ свое историческое дѣло, и ему оставалось окончательно слиться съ господствующей народностью и затеряться въ ней. Вмѣсто того, съ той самой поры, когда повидимому истощились ея послѣднія литературно-образовательныя стихіи, мы видимъ живое, оригинальное возрожденіе, которое выразилось — началомъ южно-русской этнографіи и попытками литературы на народномъ языкѣ. Гдѣ источникъ этого возрожденія?—Глубочайшій источникъ его заключается въ жизненной силѣ народнаго существа, въ томъ новомъ соціальномъ и литературно-поэтическомъ интересѣ къ народности, кото-

---

[1]) Ср. Петрова, Очерки изъ украинской литературы XVIII вѣка. Кіевъ, 1880, стр. 11—13.

рый составляетъ знаменательное историческое явленіе не только въ русско-славянской, но всей европейской жизни новаго времени.. Въ то время, когда, какъ мы сказали, стихіи народности казались истощенными, онѣ продолжали жить въ скрытомъ состояніи и обнаружились, какъ скоро явилась возможность ихъ дѣйствія... Этнографическое изученіе указало богатую оригинальность южнорусской народности, исторія раскрывала ея старыя преданія: передъ научнымъ изслѣдованіемъ возставалъ цѣлый особый элементъ русскаго народа, его характера и содержанія, и ихъ изученіе являлось дѣломъ не только мѣстнаго патріотизма, но глубокимъ вопросомъ науки и національнаго самосознанія. Южнорусскіе элементы вступали въ общую русскую жизнь не безъ своего особеннаго дѣйствія; они неуловимо присутствовали и въ трудѣ тѣхъ людей, которые, повидимому, работали только на обще-русской почвѣ, покидая свою мѣстную,—но именно силою своей мѣстной оригинальности они и могли иногда оказывать великія услуги этому обще-русскому дѣлу. Таковъ былъ Гоголь.

Итакъ самый ходъ исторіи пробуждалъ эти народныя силы и вниманіе къ нимъ общества, научное и практическое. Въ средѣ самихъ малоруссовъ создавался этимъ горячій интересъ къ своей старинѣ и народности, и естественное чувство любви къ мѣстной родинѣ стремилось собрать сокровища ея историческаго преданія и поэзіи. Высокое достоинство малорусской народной поэзіи оцѣнено было не одними малоруссами, и не было ничего мудренаго, что у мѣстныхъ патріотовъ съ поэтическимъ настроеніемъ рождалась мысль создать новую литературу для своего народа на языкѣ этой поэзіи, воспользоваться имъ для своихъ новыхъ произведеній, навѣянныхъ жизнью этого же самаго народа—хотя бы не было даже мысли о томъ, чѣмъ можетъ стать дальше эта новая литература. Если бы въ ней явился сильный талантъ, способный увлечь земляковъ и быть вмѣстѣ проводникомъ общечеловѣческаго чувства и идеала, это было бы уже оправданіемъ существованія подобной новой литературы. Такимъ оправданіемъ малорусской литературы былъ Шевченко.

Мы не разъ объясняли, что подобное развитіе мѣстныхъ элементовъ не только не ослабляетъ цѣлую народность, но усиливаетъ ее, раскрывая богатства ея внутренняго содержанія, давая исходъ разнообразію ея оттѣнковъ, поощряя проявленія народной и личной даровитости, расширяя объемъ литературы, обогащая языкъ. Относиться враждебно къ этимъ мѣстнымъ элементамъ значитъ умалять внутреннее достоинство самой господствующей

народности. Ея преобладаніе не уменьшится отъ ихъ развитія, а напротивъ ея собственное содержаніе обогатится свободной дѣятельностью ея отраслей.

Обратимся къ изложенію главныхъ фактовъ этнографическаго изученія южно-русской народности.

I.—Князь Н. А. Цертелевъ.—М. А. Максимовичъ.

Разнообразныя проявленія малорусской народности въ прошломъ вѣкѣ: еще хранившаяся до Екатерины II память политической старины, сберегавшіеся обычаи, малорусскій языкъ въ литературныхъ памятникахъ прежнихъ и попыткахъ новыхъ, естественно могли наводить и на мысль объ описаніи этого быта, объ этнографическомъ наблюденіи [1]). Идущая издавна и продолжавшаяся въ XVIII вѣкѣ малорусская лѣтопись начинаетъ переходить въ пробы историко-географическихъ описаній, какъ у Рубана, Шафонскаго, Якова Маркевича; являются и описанія этнографическія, какъ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“ и пр., Григорія Калиновскаго (Спб. 1777), и др. Когда въ русскомъ литературномъ кругу проявился впервые вкусъ и любопытство къ произведеніямъ народной поэзіи, началось собираніе народныхъ пѣсенъ, или печатаніе рукописныхъ сборниковъ, ходившихъ ранѣе по рукамъ (изданія Чулкова, Новикова), то въ эти сборники тогда уже вносимы были и пѣсни малорусскія. Повидимому, въ самомъ русскомъ обществѣ былъ уже тогда интересъ къ малорусскимъ пѣснямъ и оцѣнивалась ихъ оригинальность: вѣроятно, онѣ и пѣвались въ русскихъ кружкахъ, какъ это было и послѣ [2]).

О первыхъ начаткахъ научной малорусской этнографіи въ нынѣшнемъ столѣтіи мы упоминали уже въ другомъ мѣстѣ [3]). Первый этнографъ, обратившійся къ изученію народной малорусской

---

[1]) О малорусской печатной и письменной литературѣ прошлаго вѣка см. названную книгу Н. Петрова (Кіевъ, 1880).

[2]) Укажемъ, напр., находящійся у насъ подъ руками: „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ, или собраніе всѣхъ употребительныхъ, доселѣ извѣстныхъ новыхъ и старыхъ отборныхъ пѣсенъ лучшихъ въ семъ родѣ сочинителей, въ шести частяхъ, съ присовокупленіемъ арій и хоровъ изъ оперъ и пр. П. Ш“. Спб. 1819, въ тип. И. Глазунова. Во 2-й части, отдѣленіе 2-е: „Пѣсни малороссійскія“, стр. 147—175, № 148—186.

[3]) Изученія русской народности, VIII, въ „Вѣстн. Евр.“ 1882, декабрь, стр. 757 и д.

поэзіи, князь Н. А. Цертелевъ [1]), остановился именно на одной изъ любопытнѣйшихъ ея сторонъ—исторической думѣ. Кн. Цертелевъ, издавая произведенія малорусскаго эпоса, руководился двумя побужденіями—своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ и первыми неясными догадками о научной важности изслѣдованія народно-поэтическихъ памятниковъ этого рода. На первой страницѣ онъ ставитъ эпиграфъ:

„И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, я сердцу чту святымъ"...

Книжка посвящена Трощинскому, который доживалъ свои дни на родинѣ въ Малороссіи и въ домѣ котораго велись преданія малорусской старины. Предисловіе къ книжкѣ кончается заявленіемъ: „...боюсь наскучить читателю предметомъ, который для меня столь занимателенъ; воспоминаніе о родинѣ наполняетъ душу какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ".

Мы упоминали, что относительно теоретическаго объясненія малорусской поэзіи кн. Цертелевъ находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ Калайдовичъ, когда издавалъ „Древнія россійскія стихотворенія" Кирши Данилова. Въ то время еще дѣйствовала безусловно псевдо-классическая піитика, въ которой не было приготовлено мѣста для народной поэзіи, и со стороны кн. Цертелева было уже смѣлымъ подвигомъ и то, что малорусскія думы онъ отнесъ къ эпической поэмѣ, образцомъ которой былъ Гомеръ. Нечего было, конечно, и думать ставить малорусскія думы вровень съ знаменитыми античными произведеніями, и любитель думъ извиняетъ передъ читателями недостатки нашей народной эпопеи.

„Собирая старинныя малороссійскія пѣсни,—говоритъ кн. Цертелевъ [2]),—я увѣренъ былъ, что не отыщу другой Иліады; но не сомнѣвался также въ томъ, что пѣсни, сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ, могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя. Не одни греки и римляне умѣли видѣть и чувствовать"... „Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣнить собранныхъ мною пѣсней; но есть ли стихотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ малороссійской

---

[1]) Бывшій потомъ помощникомъ попечителя харьковскаго университета и игравшій роль, въ какомъ-то соучастіи съ Иннокентіемъ, въ дѣлѣ запрещенія диссертаціи Костомарова объ уніи. Немногія біографическія свѣденія о немъ въ некрологѣ П. Безсонова, „Вѣстн. Евр." 1870, іюнь, стр. 867—871.

[2]) Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней. Спб. 1819, 8 и 64 стр., предисловіе.

исторіи, по крайней мѣрѣ, въ нихъ виденъ піитическій геній народа, духъ его, обычаи описываемаго времени, и, наконецъ, та чистая нравственность, которою всегда отличались малороссіяне и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ, ихъ окружавшихъ!“

Мѣсто малорусскихъ эпическихъ пѣсенъ въ области поэзіи кн. Цертелевъ опредѣляетъ тѣмъ, что онѣ представляютъ „счастливый отпечатокъ первыхъ временъ стихотворства—поэзіи безъискусственной, естественной“. Онъ находитъ только, что эти памятники народнаго генія въ настоящей формѣ очень испорчены, но „по нѣкоторымъ стихамъ, убѣжавшимъ отъ искаженія“, думаетъ, что они заключали въ себѣ „и силу выраженія, и прелесть гармоніи“. Неизвѣстно, что̀ именно онъ считалъ въ пѣсняхъ испорченнымъ и что̀ убѣжавшимъ отъ искаженія; но мѣрка, по всей вѣроятности, была стилистическая: испорченнымъ казалось то, что̀ не подходило подъ наставленія тогдашней піитики и реторики о красотѣ и гармоніи выраженія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Цертелевъ считалъ нужной другую оговорку или извиненіе для малорусскихъ пѣсенъ въ глазахъ обыкновеннаго читателя,—оговорку относительно языка. Этотъ языкъ „далеко отошелъ отъ своего народа, и еще болѣе отъ языка россійскаго“; „но слово есть одежда мыслей: оно измѣняется и временемъ, и политическими переворотами, и самымъ образованіемъ народа“. Издатель хотѣлъ обратить вниманіе читателей не на „слогъ“, но на „силу чувствованій и красоту изображеній“. Для большей части русскихъ читателей „нарѣчіе“ пѣсенъ должно показаться страннымъ и непріятнымъ; но отсюда было бы несправедливо заключать, что и самыя стихотворенія странны и „никуда не годны“. Кн. Цертелевъ напоминаетъ, что и романсы трубадуровъ, пѣсни древнихъ скальдовъ, при всей „необработанности слога“, плѣняютъ новѣйшихъ писателей своими мыслями и выраженіями, и замѣчаетъ, что малорусское нарѣчіе было нѣкогда „такъ сказать, языкомъ отдѣльнымъ и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего“ и не меньше другихъ языковъ способно къ поэзіи.

Итакъ, на первый разъ вниманіе къ народной поэзіи было результатомъ простой любви къ своей мѣстной народности; научная важность ея изученія полагалась въ томъ, что она можетъ „удовлетворить любопытству нашему касательно прошедшаго“; литературный ея характеръ приходилось оправдывать въ виду сравненія съ Гомеромъ, извинять „необработанность слога“, „странности“ языка — ту самую „необработанность“ и „стран-

ности", которыя уже вскорѣ, въ слѣдующемъ поколѣніи этнографовъ, казались вѣрхомъ оригинальнаго поэтическаго изящества.

Книжка кн. Цертелева была первымъ приступомъ къ предмету, который до тѣхъ поръ былъ чуждъ литературѣ русской и малорусской, но самая мысль о народномъ поэтическомъ преданіи и въ то время была уже не нова. Въ это самое время наши любители старины были особенно заинтересованы Словомъ о Полку Игоревѣ; Калайдовичъ переиздавалъ „Древнія Россійскія стихотворенія" (1818), которыя еще раньше (1804), но не сполна напечаталъ Якубовичъ, посвятивъ „сей простой гласъ славенской музы" тому же Трощинскому; въ это же время дошли до нашей литературы свѣденія о сербскихъ пѣсняхъ Вука Караджича и о чешской Краледворской рукописи, которую сталъ переводить Шишковъ (1820). Къ интересу литературному прибавлялся уже и научный: памятники разныхъ народовъ сравнивались и подводились подъ одинъ разрядъ, и угадывалась древняя эпоха народнаго поэтическаго творчества.

Не болѣе какъ черезъ восемь лѣтъ послѣ „Опыта" Цертелева, вышла новая книжка, посвященная малорусской народной поэзіи, въ которой находимъ вторую степень малорусской этнографіи, и именно гораздо болѣе опредѣленный взглядъ на сущность и историческое значеніе народной поэзіи. Издателемъ этой книжки былъ извѣстный Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (1804—1873).

Уроженецъ полтавской губерніи, Максимовичъ происходилъ изъ стараго рода казацкой старшины, превращенной потомъ въ русское дворянство; многіе предки его были въ свое время извѣстными людьми: родоначальникъ фамиліи, Максимъ изъ Васильнова, обновилъ Лаврскую трапезную церковь въ 1694 году; одинъ изъ сыновей Максима былъ извѣстный въ свое время плодовитый писатель, Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ Тобольскій; другіе Максимовичи бывали войсковыми товарищами, сотниками и т. д. [1]). Изъ новгородъ-сѣверской гимназіи, онъ поступилъ въ

---

[1]) Подробная біографія Максимовича написана была С. Пономаревымъ по случаю 50-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, въ 1871 г.: „М. А. Максимовичъ. Біографическій и историко-литературный очеркъ", въ Журн. Минист. Просв. 1871, октябрь, стр. 175—249; краткая, съ подробнымъ перечисленіемъ сочиненій, въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра". Кіевъ, 1884, стр. 379—397. См. также: „Юбилей М. А. Максимовича. 1821—1871". Спб. 1872 (второе изданіе); Некрологъ его, М. П. Драгоманова, Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 442—453. Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія, Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884, стр. 177—183.

1819 въ московскій университетъ, сначала на словесный факультетъ, потомъ на физико-математическій, куда влекла его рано развившаяся любовь къ ботаникѣ. Окончивъ курсъ въ 1823, онъ былъ оставленъ на службѣ при университетѣ; въ 1827, получилъ магистерскую степень и началъ чтеніе лекцій по ботаникѣ; въ 1829, получилъ званіе адъюнкта, а въ 1833—ординарнаго профессора по этой каѳедрѣ. Такъ какъ труды Максимовича по русской словесности дали ему уже тогда извѣстность и въ этой области, то въ 1834, при основаніи кіевскаго университета, министерство предложило ему занять здѣсь каѳедру русской словесности; въ то же время онъ былъ сдѣланъ ректоромъ новаго университета. Но здѣсь онъ оставался недолго: въ слѣдующемъ году онъ уже отказался отъ ректорства, а въ 1841, оставилъ и профессуру, по разстроенному здоровью. Впослѣдствіи, въ 1843—45 годахъ онъ снова занялъ ту же каѳедру въ качествѣ сторонняго преподавателя — и затѣмъ окончательно простился съ университетскою дѣятельностью и поселился въ своемъ небольшомъ имѣньѣ, „Михайловой горѣ", золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, на высокомъ берегу Днѣпра, откуда открывались широкія картины края. Онъ дѣлалъ потомъ отсюда нѣсколько поѣздокъ въ Кіевъ и Москву, гдѣ проживалъ нѣкоторое время, но большею частью пребывалъ въ своемъ уединеніи, поглощенный своими изученіями малорусской старины. Здѣсь онъ и умеръ въ ноябрѣ 1873 г.

Максимовичъ былъ живой, талантливый человѣкъ; пристрастившись въ молодости къ ботаникѣ, онъ не ограничивался этимъ однимъ предметомъ: очень рано развились у него также литературные интересы, и во вкусѣ того времени, самая ботаника не была для него тѣсной спеціальностью, но расширялась до натуръ-философскихъ теорій о жизни природы. Его изложеніе подобныхъ предметовъ, ясное и образное, на первыхъ же порахъ обратило вниманіе въ литературномъ кругу, съ которымъ онъ скоро сошелся. Еще студентомъ, Максимовичъ былъ знакомъ съ Полевымъ, и потомъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ

Въ 1875 г. Кіевскій (нынѣ не существующій) отдѣлъ Географ. Общества предпринялъ изданіе полнаго собранія сочиненій Максимовича (кромѣ устарѣвшихъ естественно-научныхъ); по закрытіи отдѣла, 2-й томъ этого изданія вышелъ подъ вѣдѣніемъ Церковно-археологическаго Общества при кіевской духовной академіи; 3-й томъ изданъ на счетъ кіевскаго университета: „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича". Томъ I, отдѣлъ историческій (подъ ред. В. Б. Антоновича). Кіевъ, 1876; Томъ II, отдѣлы: историко-топографическій, археологическій и этнографическій (подъ ред. того же лица), 1877; Томъ III: языкознаніе, исторія словесности (подъ ред. А. А. Котляревскаго), 1880.—Невошедшія сюда статьи перечислены въ „Біографическомъ Словарѣ".

„Московскомъ Телеграфѣ"; позднѣе, онъ разошелся съ Полевымъ и примкнулъ къ возникшему тогда „Телескопу", журналу его товарища по профессурѣ, Надеждина, съ которымъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ и который, — какъ человѣкъ, гораздо болѣе крупнаго дарованія и учености,—имѣлъ повидимому немалое вліяніе на дальнѣйшее направленіе трудовъ Максимовича. Связи съ этими журналами ввели Максимовича въ лучшій литературный кругъ того времени, звѣздою которою былъ Пушкинъ. Когда Максимовичъ, по тогдашней модѣ, задумалъ издавать альманахъ („Денница", 1830, 1831, 1834), въ числѣ его вкладчиковъ были самъ Пушкинъ, и его ближайшій другъ—Жуковскій, кн. Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, затѣмъ Хомяковъ, Иванъ Кирѣевскій, кн. Одоевскій, С. Т. Аксаковъ, Лажечниковъ, Вельтманъ и др. Впослѣдствіи, онъ вступилъ въ очень дружескія отношенія съ Гоголемъ, съ которымъ соединяла его общая любовь къ малороссійской родинѣ и ея народной поэзіи, далѣе съ Погодинымъ, а въ Кіевѣ съ извѣстнымъ іерархомъ, Иннокентіемъ Борисовымъ; связи съ славянофилами были такъ близки, что одно время его вызвали изъ Михайловой горы, чтобы быть редакторомъ „Русской Бесѣды".

Эти личныя отношенія близко характеризуютъ самый складъ литературныхъ понятій Максимовича. Это было то народно-романтическое направленіе, которое процвѣтало у насъ особливо въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда оно внушало Жуковскому и Пушкину ихъ экскурсіи въ народно-поэтическую старину, когда съ другой стороны Рылѣевъ въ этой старинѣ отыскивалъ и поэтизировалъ политическіе мотивы древней народной свободы. „Народность" была въ воздухѣ; мы имѣли случай,—въ статьяхъ объ исторіи русской этнографіи,—указывать, какой различный смыслъ получало тогда это направленіе въ разныхъ оттѣнкахъ нашего общественнаго мнѣнія и литературы,—до того, что наконецъ оно вошло и въ извѣстную оффиціальную программу, опредѣлявшую обязательный характеръ нашего просвѣщенія, литературы и общественности: провославіе, самодержавіе и народность. Мы разсказывали также, что въ первое время по заявленіи этой программы литература стремилась примыкать къ ней въ вѣрующемъ предположеніи, что наступила эпоха, когда „народность" дѣйствительно получитъ свое право въ общественно-политической жизни и въ просвѣщеніи; литература привѣтствовала наступленіе національной самобытности, которой такъ давно не доставало русской жизни и образованности. Литературные толки о народности даже задолго предшествовали оффиціальной

программѣ. Такія идеи о необходимости самостоятельнаго развитія раціональныхъ началъ, объ освобожденіи отъ европейскаго ига и т. п. проповѣдовалъ Надеждинъ въ своемъ „Телескопѣ“ и, разсказывая объ его дѣятельности, мы упоминали, что рядомъ съ нимъ тѣ же мысли излагалъ и Максимовичъ [1]).

Эти призывы къ самобытности соединялись у Надеждина иной разъ съ слишкомъ гадательными оцѣнками настоящаго, съ преувеличенными ожиданіями, но онъ справедливо угадывалъ (1832), что въ нашей литературѣ „близокъ долженъ быть поворотъ отъ искусственнаго рабства и принужденія, въ коемъ она доселѣ не могла дышать свободно, къ естественности, къ народности“. Его оправдало появленіе разсказовъ Гоголя, которымъ Надеждинъ восхищался и который дѣйствительно своей дѣятельностью ознаменовалъ поворотъ нашей литературы на новую, болѣе обѣщавшую, дорогу. Въ томъ же смыслѣ говоритъ университетская рѣчь Максимовича „О русскомъ просвѣщеніи“, читанная на актѣ 12 января 1832 г. [2]). Основная мысль рѣчи заключается въ томъ, что европейское просвѣщеніе, котораго мы искали, стало нашей потребностью; но это самое стремленіе, дошедши до своего предѣла, должно было привести къ „отчетному сознанію, которое столь прилично европейской просвѣщенности“, и именно проявиться въ обращеніи къ своему, народному. „Самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія“. Со временъ Петра Великаго, „русскій духъ“ заимствовался отъ европейскаго просвѣщенія, но не увлекался окончательно ни однимъ одностороннимъ направленіемъ и только на-время принималъ чуждую физіономію; въ этомъ Максимовичъ видѣлъ ручательство его жизненной крѣпости и способности къ самобытному развитію, при величайшей понятливости и переимчивости. По его мнѣнію, въ русской натурѣ заключается не только способность къ опытному мышленію европейскому, но и та „восточно-пламенная способность, съ которою онъ быстро и живо объемлетъ предметы и прямо ощущаетъ истину“. Уважая чужое, мы не должны забывать своенароднаго; должны не принимать, но понимать европейское, для возвышенія русскаго. Служить человѣчеству можно, только служа Россіи. Авторъ желалъ, чтобы Россія явила въ себѣ самое высокое, полное и прочное, самое жизненное образованіе человѣ-

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1882, іюнь, стр. 629.

[2]) Телескопъ, 1832, кн. I, стр. 167—190.

ческаго духа. Средствомъ къ этому должно было служить просвѣщеніе, „органически цѣльное“ и многостороннее, основанное на религіозно-нравственномъ образованіи сердца и воли...

Взглядъ, выраженный въ рѣчи Максимовича, заключалъ въ себѣ справедливую мысль, что вліяніе европейской образованности въ концѣ концовъ должно было возбудить самостоятельную дѣятельность русскаго образованія въ національномъ смыслѣ. Но какъ у Надеждина, такъ и здѣсь оставались открытыми вопросы: какъ достигнуть этой самобытности, въ чемъ спеціальныя особенности „русскаго духа“, въ чемъ состоитъ и какъ достигается „органическая цѣльность“ и т. д. Максимовичъ ближе не опредѣлялъ этихъ подробностей, и это общее, довольно туманное заявленіе идеальныхъ цѣлей русскаго просвѣщенія, въ сущности вѣрно отражало дѣйствительную туманность этого перваго нашего народничества—въ тѣ времена, да и много послѣ: подъ это обозначеніе новыхъ стремленій подходила и народность оффиціальная (и Максимовичъ, вѣроятно, искренно въ нее вѣрилъ и предполагалъ въ ней тѣже мысли, какія имѣлъ самъ), — которая на дѣлѣ была однако очень казенная и чиновническая, — и настоящее исканіе „многосторонняго просвѣщенія“ въ прогрессивныхъ направленіяхъ литературы, и наконецъ зародыши будущаго славянофильства. Эти разные элементы, сходившіеся около 1830 годовъ на тэмѣ „народности“, впослѣдствіи, и даже весьма скоро, обособились въ совершенно разныя направленія, которыя не замедлили обнаружить взаимную несовмѣстимость. Но въ Максимовичѣ они, повидимому, остались навсегда нераздѣленными. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣтимъ въ его тогдашней и послѣдующей дѣятельности и то, и другое, и третье.

Что касается до перваго, то Максимовичъ по всему характеру, воспитанію, литературнымъ связямъ былъ человѣкъ, не понимавшій иначе своей дѣятельности, какъ въ условіяхъ оффиціально предначертанной программы, въ которую онъ вполнѣ вѣрилъ. Когда основался кіевскій университетъ, которому ставилась оффиціально задача насаждать въ южномъ краѣ русское просвѣщеніе въ противодѣйствіе польскимъ вліяніемъ, гр. Уваровъ не ошибся, назначивъ еще молодого тогда Максимовича ректоромъ этого университета, получавшаго воинствующую роль распространителя русской народности и русскаго просвѣщенія. Правда, Максимовичъ, собственно говоря, не былъ воинственнаго характера,—но пока въ этомъ не настояло надобности. Человѣкъ мягкаго, гуманнаго характера, онъ мирно уживался съ профессорами-поляками (въ первые годы ихъ было огромное большинство),

переведенными въ Кіевъ изъ закрытаго передъ тѣмъ Кременецкаго лицея; по слабости здоровья, онъ не долго остался и ректоромъ; но весь его образъ мыслей, и въ частности взгляды на русское значеніе Кіева, были именно тѣ, какихъ желало министерство. Въ 1837 году, когда въ Кіевъ неожиданно пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія, въ университетѣ происходилъ актъ, на которомъ Максимовичъ читалъ свою рѣчь „Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи“ [1]). „Выборъ тэмы былъ какъ нельзя болѣе кстати,—замѣчаетъ біографъ Максимовича,—ибо возникавшія въ это время политическія волненія обнаружили польскія притязанія на Кіевъ; благовременно было показать всю незаконность этого притязанія. И кому же это лучше было сдѣлать, какъ не служителю науки, профессору университета съ русскою миссіей! Максимовичъ уразумѣлъ знаменіе времени, понялъ свою задачу какъ русскаго человѣка, какъ кіевлянина, и выполнилъ ее блистательно. С. С. Уваровъ такъ былъ одушевленъ этою рѣчью, что когда произнесъ ораторъ послѣднія слова,—онъ былъ уже у каѳедры и привѣтствовалъ Максимовича одобрительными рукопожатіями“. Иннокентій былъ также отъ этой рѣчи въ полномъ восторгѣ. Графъ Уваровъ не былъ изъ людей чувствительныхъ, и его удовольствіе означало полное совпаденіе рѣчи Максимовича съ оффиціальными требованіями [2]).

Но, совпадая съ народностью оффиціальной, Максимовичъ съ другой стороны, остается, кажется, совершенно свободенъ отъ тѣхъ непривлекательныхъ свойствъ, какими отличались обыкновенно, почти всегда, сторонники ея въ литературѣ. Эти сторонники дѣлались обыкновенно ея панегиристами, забѣгали, такъ сказать, ей впередъ и брали на себя роль охранителей истинной русской народности противъ литературныхъ направленій, которыя, по ихъ мнѣнію, не отвѣчали ея духу. Со времени провозглашенія оффиціальной народности (1833), эти литературные охранители получили болѣе прочную опору, чѣмъ имѣли прежде; въ подтвержденіе своихъ нападеній на своихъ противниковъ другого лагеря,

---

[1]) Собраніе сочиненій, т. II, стр. 5—23.

[2]) Ст. Пономарева, стр. 217. Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ, Максимовича, Спб. 1871 (не вошедшія въ Собраніе сочиненій), стр. 75. Тамъ же Максимовичъ разсказываетъ (стр 85—86), что Уваровъ, при отъѣздѣ, прощаясь со студентами, говорилъ въ такомъ тонѣ: „Университетъ св. Владиміра—мое созданіе; но я первый наложу на него руку, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ правительства А назначеніе университета,— говорилъ министръ во всеуслышаніе,—распространять русское образованіе и русскую народность въ ополяченномъ краѣ западной Россіи“.

они стали пользоваться и ссылками на оффиціальную программу, изображая себя самыми подлинными ея истолкователями. Такую роль играли, напримѣръ, „Маякъ" и нерѣдко „Москвитянинъ" въ рукахъ Погодина и Шевырева. Максимовичъ былъ въ большой дружбѣ съ Погодинымъ по ихъ общимъ историко-археологическимъ интересамъ, но не увлекался въ тѣ рискованныя полемическія кампаніи, которыя давали нѣкогда „Москвитянину" не весьма благовидную репутацію. Максимовичъ не сходилъ съ научной почвы и остался свободенъ отъ нареканій, которыя тяготѣли надъ его друзьями.

Подобнымъ образомъ, Максимовичъ издавна былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ славянофильскимъ кружкомъ, главныхъ представителей котораго зналъ еще въ своей и ихъ молодости. Въ складѣ понятій Максимовича до послѣднихъ дней было много общаго съ славянофильскими положеніями. Для него, какъ и для этой школы народная самобытность была высшей цѣлью, къ которой должны были стремиться усилія русской науки и литературы; эта народность освящалась православіемъ и становилась съ нимъ тождественной. „Русская Бесѣда", основавшаяся въ 1856 году, была для него открыта не какъ для гостя, а какъ для своего человѣка; но и здѣсь опять Максимовичъ не увлекался въ теоретическія фантазіи славянофильства; не въ характерѣ его ума были ухищренныя философскія и теологическія разсужденія Хомякова, какъ, вѣроятно, совсѣмъ не въ характерѣ его общественныхъ и литературныхъ понятій были бы тѣ обрусительныя крайности, въ которыя впадало славянофильство позднѣе. Для этого послѣдняго Максимовичъ, вѣроятно, былъ слишкомъ человѣкомъ стараго вѣка, приверженцемъ романтической народности, для которой всякое народное право было священно: если въ рѣчи о Кіевѣ онъ явился врагомъ полонизма, то это относилось къ захватамъ и притязаніямъ послѣдняго на малорусской землѣ, право которой было несомнѣнно; но ему, вѣроятно, въ голову не приходило отрицать польскую народность тамъ, гдѣ она была у себя дома, на своей этнографической и исторической почвѣ. Быть можетъ, присутствіе Максимовича въ славянофильскомъ кругу было отчасти причиной, что этотъ старый кругъ относился сочувственно къ самому малорусскому движенію, на которое эпигоны опрокидываются теперь съ самой дюжинной канцелярско-обрусительной точки зрѣнія.

Но господствующей чертой во всемъ учено-литературномъ характерѣ Максимовича были его малорусскія стремленія. Они овладѣли имъ съ самыхъ первыхъ шаговъ его на книжномъ по-

прищѣ. Біографъ его разсказываетъ, что „тоска по родинѣ“ побуждала Максимовича въ 30-хъ годахъ оставить московскую службу [1]),—и назначеніе въ Кіевъ явилось очень кстати. Съ тѣхъ поръ, старая страсть къ ботаникѣ, повидимому, совершенно удаляется; Максимовичъ попалъ въ ту народно-историческую и народно-поэтическую область, изъ которой уже не выходилъ потомъ никогда и труды въ которой дали ему одно изъ почетнѣйшихъ именъ въ исторіи изученія малорусскаго народа.

Еще въ разгарѣ своихъ ботаническихъ трудовъ, готовясь къ магистерству и ботанической профессурѣ, Максимовичъ работалъ надъ изданіемъ малорусскихъ пѣсенъ. Эта первая работа вышла подъ названіемъ: „Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ“ (М., 1827. XXXVI, 234, и 9 стр. баллады „Твардовскій“). Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ его первыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, которыя даютъ историческій образчикъ тогдашнихъ взглядовъ малорусской этнографіи.

„Наступило, кажется, то время,—говорилъ Максимовичъ въ предисловіи,—когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно Русская! Лучшіе наши Поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

„Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки—гдѣ отсвѣчивается фантазія народная. Въ нихъ часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и нерѣдко событія дѣйствительныя, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились: сказка—складка, а пѣсня—быль, говоритъ пословица. Въ семъ смыслѣ весьма значительны, а посему достойны вниманія и уваженія были бы разысканія слѣдовъ народной миѳологіи, обрядовъ, собраніе пѣсенъ, пословицъ и т. д. Особенно языкъ совершенствуется изслѣдованіями остатковъ отъ прошедшаго, въ коихъ онъ ближе къ своему корню, слѣдовательно, чище въ составѣ и крѣпче въ силѣ. Это можно отнести въ особенности къ пѣснямъ Славянскимъ, кои видимо отличаются своимъ изяществомъ. Сіе изящество ихъ можетъ послужить яснымъ доказательствомъ, что поэзія есть врожденное качество духа человѣческаго, что истинная поэзія можетъ быть его собственнымъ произведеніемъ.

„Съ такимъ образомъ мыслей я обратилъ вниманіе на сіи предметы въ Малороссіи и на первый разъ издаю выборъ пѣсенъ сей страны, полагая, что онѣ будутъ любопытны и даже во многихъ отношеніяхъ полезны для нашей Словесности—будучи совершенно увѣренъ, что онѣ имѣютъ несомнѣнное достоинство и между пѣснями племенъ Славянскихъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ“...

[1]) Ст. Пономарева, стр. 197.

Общій характеръ малорусскихъ пѣсенъ въ связи съ характеромъ народа Максимовичъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Возникшая, подобно кометѣ, Малороссія долго тревожила своихъ сосѣдей, долго перепадала съ одной стороны на другую и была только обуреваема бѣдствіями и безпокойствами, которыя не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волненіе. Массу ея составили не одни племена Славянскія, но и другіе Европейцы, а еще болѣе, кажется, Азіятцы. Недовольство и отчасти угнетеніе свели ихъ въ одно мѣсто; а желаніе хотя скудной независимости, мстительная жажда набѣговъ и какое-то рыцарство сдружили ихъ. Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ Азіятцовъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и теперь, глядя на малороссіянина въ его костюмѣ, съ его привычками. Такимъ образомъ, коренное племя получило совсѣмъ отличный характеръ, облагороженный и возвышенный Богданомъ Хмельницкимъ. Свойства коренного племени, кажется, наиболѣе сохранились между дѣвами и женами, кои, будучи отлучены отъ удалыхъ казаковъ своихъ, въ отношеніи къ нимъ весьма грубыхъ, чуждыхъ всякой домовитости, и не имѣя никакого участія въ общественномъ быту ихъ, находили все въ мирныхъ занятіяхъ домашней сельской жизни.

„Скоропостижное [1]) соединеніе трехъ первоначальныхъ образовъ жизни—нѣкогда наѣзднической, буйной, беззаботной, съ лѣнивымъ однообразіемъ и скудостію жизни пастушеской и осѣдлостію земледѣльческой—вотъ что составило потомъ особенность малороссіянъ, замѣтную еще и до нынѣ, по причинѣ малолюдности. Изъ сего очерка можетъ сдѣлаться нѣсколько понятнымъ и содержаніе и характеръ ихъ пѣсень“.

Онъ указываетъ затѣмъ различные разряды пѣсенъ по ихъ содержанію. Такъ, есть пѣсни, посвященныя собственно казацкому боевому быту—изображающія отъѣздъ на чужбину, тоску по родинѣ, смерть казака, тоску матери о сынѣ, сестры о братѣ; „любовь отцовскую едва ли гдѣ встрѣтите“. Здѣсь же пѣсни о гайдамакахъ, и особенно думы. Далѣе, пѣсни о частыхъ домашнихъ событіяхъ у казаковъ, составляющія переходъ отъ думъ къ „повѣствованіямъ вымышленнымъ или балладамъ“ (какъ пѣсня о Твардовскомъ, о построеніи Кіева и др.). Пѣсни женскія, находящія содержаніе въ разныхъ положеніяхъ и условіяхъ женской жизни, отличаются глубокимъ, страстнымъ чувствомъ; въ числѣ ихъ есть какъ бы повѣствовательныя; мужскія пѣсни любовнаго содержанія кажутся автору болѣе поздними. Къ пѣснямъ женскимъ могутъ быть отнесены праздничныя или обрядныя,—„кои носятъ на себѣ иногда печать древней славянской миѳологіи, но вообще, показывая приверженность къ удовольствіямъ земледѣльческой и семейственной жизни, представляютъ собою образцы весьма изящной, естественной идилліи“, какъ веснянки, пѣсни

[1]) Т.-е. одновременное. А. П.

троицкія, свадебныя, на обжинки и проч. Далѣе, пѣсни „заклинательныя", которымъ онъ придаетъ особенное археологическое значеніе; наконецъ, пѣсни веселыя и каррикатурныя.

По формѣ, малорусскія пѣсни, какъ и самый языкъ, занимаютъ, по мнѣнію Максимовича, средину между русскими и польскими: съ первыми они сходны своимъ тоническимъ размѣромъ, сообщающимъ стиху движеніе, какого не имѣютъ польскія; съ послѣдними—частымъ употребленіемъ риѳмы или, по крайней мѣрѣ, созвучія, уменьшительными словами.

Укажемъ, наконецъ, какъ Максимовичъ сравниваетъ пѣсни русскія и малорусскія по ихъ содержанію и тону.

„Существенное ихъ различіе, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Русскихъ пѣсняхъ выражается духъ покорный своей судьбѣ и готово повинующійся ея велѣніямъ. Русскій не привыкъ брать дѣятельнаго участія въ переворотахъ жизни, потому онъ сдружился съ природою и любитъ живописать ее, часто прикрашивая; ибо здѣсь только можетъ свободно излиться его душа. Онъ не ищетъ выразить въ пѣснѣ обстоятельства жизни дѣйствительной; но напротивъ желаетъ какъ бы отдѣлиться отъ всего существующаго и, закрывъ ухо рукою, хочетъ, кажется, потеряться въ звукѣ. Посему Русскія пѣсни отличаются глубокою унылостію, отчаяннымъ забвеніемъ, какимъ-то раздольемъ и плавною протяженностію. Въ Малороссійскихъ меньше такой роскоши (исключая пѣсни обрядныя, гдѣ часто онѣ сходятся съ Русскими и другими: почему такъ—видно изъ предъидущаго) и протяженности; онѣ, будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются порывами страсти, сжатою твердостію и силою чувства, а равно и естественностію выраженія. Въ нихъ видимъ не забывчивость и не унылость, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствія. Сіе-то дѣйствіе отпечаталось и въ послѣдующихъ пѣсняхъ драматическою формою, и князь Цертелевъ справедливо замѣчаетъ [1]), что въ Русскихъ превосходнѣе описательная поэзія, что въ нихъ встрѣчаемъ разсказъ сочинителя, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Малороссійскихъ находимъ драматическое изложеніе предмета. Сила ихъ много зависитъ отъ лаконизма самаго ихъ языка.

„Тоска, которая составляетъ важнѣйшее свойство Малороссійскихъ пѣсней, не прикрываетъ ихъ, но проницаетъ. Она отзывается во всѣхъ пѣсняхъ; даже иронія, къ коей весьма склонны Малороссіяне, часто смѣшивается съ оною, изъ чего происходитъ совсѣмъ особенный, отлично хорошій родъ пѣсень...

„Пѣсни нѣжныя отличаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностію, которой ни мало не противорѣчатъ безпрерывныя сравненія. Духъ не находя еще въ себѣ самомъ особенныхъ формъ для полнаго выраженія въ его глубинѣ зарождающихся чувствъ, невольно обращается къ природѣ, съ которою онъ, по своему младенчеству, еще друженъ, и въ ея предметахъ видитъ, чувствуетъ подобіе свое гораздо явственнѣе и вѣрнѣе. Посему-то находите столь частыя сравненія съ окружающею безукрашенною природою—столь частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, дрббнымъ дождемъ, черными тучами. Унылая, вѣщая зозуля, одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, крещатый барвинокъ- -сіи эмблемы отдѣльныхъ состояній духа невольно ему напоминаютъ его самого, и онъ выражается ими какъ бы

[1]) Вѣстн. Евр. 1827, № 12, 276.

потому, что не можетъ иначе; когда напротивъ въ метафорахъ Русскихъ пѣсенъ замѣчаемъ больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ и желанје прикрасъ...

„Что касается до пѣнія, то у Русскихъ гораздо лучше поютъ мужчины—это какъ бы ихъ принадлежность; въ Малороссіи сею способностію, и часто въ высшей степени, обладаетъ полъ женскій.

„Самый напѣвъ или музыка, если онъ равно хорошъ и въ Русскихъ, и въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, то должно признаться, что въ послѣднихъ онъ несравненно разнообразнѣе; различіе тоже: въ Малороссійскихъ нѣтъ такого раздолья, но сильнѣе страсть".

Далѣе, Максимовичъ продолжаетъ свой комментарій къ пѣснямъ замѣтками объ ихъ собираніи, о выборѣ лучшихъ текстовъ, о складѣ стиха, о принятомъ у него правописаніи (онъ дѣлалъ нѣкоторыя нововведенія, стараясь дать правописанію характеръ историческій), наконецъ, объ особенностяхъ малорусскаго языка. Въ концѣ книжки онъ прибавилъ словарь малорусскихъ словъ, указывая на сходство ихъ съ другими славянскими нарѣчіями, особенно съ польскимъ,—но еще въ предисловіи оговаривается, что при этомъ имѣлъ въ виду „показаніе, въ какихъ еще языкахъ повторились слова малороссійскія, а не съ какого языка перешли они въ малороссійскій". Его мнѣніе объ этомъ языкѣ было вообще таково, что „во многихъ свойствахъ малороссійскій языкъ ближе великороссійскаго и польскаго къ прочимъ языкамъ славянскаго корня, такъ что его можно почитать дѣйствительно среднимъ въ системѣ сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе странъ, гдѣ говорятъ симъ языкомъ".

Ученая литература, которою могъ тогда воспользоваться Максимовичъ относительно русской народной поэзіи и малорусскаго языка, была очень невелика [1]).

Если сравнить это изданіе Максимовича не только съ тѣмъ,

---

[1]) Статья „О народныхъ пѣсняхъ славянъ" К. Бродзинскаго, очень извѣстнаго тогда и у насъ польскаго поэта, археолога и критика, переведенная въ „Вѣстн. Европы" 1826, № 13 (о Бродзинскомъ см. въ Исторіи слав. литературъ, въ изложеніи польской литературы, г. Спасовича, т. II, стр. 611—615); статья кн. Цертелева, тамъ же въ В. Евр. 1827, № 12; статья Глаголева „О русскихъ народныхъ пѣсняхъ", въ Трудахъ Общества любителей росс. словесности, М. 1818, ч. XI; замѣчанія Гнѣдича въ „Простонар. пѣсняхъ нынѣшнихъ грековъ", Спб. 1825. По языку передъ нимъ была только книга Алексѣя Павловскаго („Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями". Спб. 1818, и „Прибавленіе къ Грамматикѣ малор. нарѣчія или отвѣтъ на рецензію" и пр. Спб. 1822). Въ своемъ второмъ сборникѣ 1834 г., Максимовичъ упоминаетъ вышедшія у галичанъ малорусскія грамматики Левицкаго и Лозинскаго, 1833, но онъ зналъ о нихъ только по извѣщенію въ Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 1834.

чтò работалось тогда у насъ по народной словесности, но и съ подобными изданіями въ остальной литературѣ славянской и даже западной европейской, надо признать за нимъ большую заслугу разумнаго пониманія и исполненія дѣла. Какая громадная разница, напр. съ Сахаровымъ, первыя работы котораго явились нѣсколькими годами позднѣе. Максимовичъ отчетливо представляетъ себѣ тѣ стороны предмета, которыя замѣчены были тогдашней начинающей этнографіей; у него нѣтъ ни пустыхъ, притомъ самохвальныхъ фразъ, ни путаницы въ понятіяхъ о дѣлѣ. Точка зрѣнія его уже значительно ушла отъ взглядовъ его предшественника: онъ ждетъ еще отъ изученія народной поэзіи успѣховъ литературнаго романтизма (въ чемъ и не совсѣмъ ошибся); но понимаетъ и ея самостоятельное значеніе — содержаніе малорусской поэзіи для него есть живое историческое и бытовое явленіе, въ своемъ родѣ единственное, потому что отражаетъ спеціально единичный народъ, съ его особенной судьбой и особенными нравами. Сравненіе съ великорусской поэзіей представляется само собой, и Максимовичъ дѣлаетъ здѣсь нѣсколько замѣчаній, не весьма отчетливыхъ для нашего времени, но важныхъ въ свое и не лишенныхъ истины. Онъ замѣчаетъ археологическую важность народныхъ пѣсенъ, ихъ поэтическую символику (которую потомъ разработывалъ Костомаровъ); его краткія бытовыя объясненія къ нѣкоторымъ пѣснямъ были зачаткомъ этнографическаго комментарія, и т. д.

Сборникъ Максимовича знакомилъ съ новымъ отдѣломъ малорусской поэзіи, лирическо-бытовымъ и обряднымъ. Онъ былъ встрѣченъ въ литературѣ съ большими сочувствіями, и послужилъ однимъ изъ главныхъ основаній для извѣстности Максимовича. Всего больше радовалъ его отзывъ Пушкина; сборникъ его привлекъ также вниманіе Гнѣдича, Шишкова, и повелъ къ дружескимъ связямъ съ Гоголемъ.

Послѣ 1827 года, Максимовичъ не покинулъ этого дѣла, но продолжалъ усердно собирать матеріалъ для новаго сборника. Этотъ второй сборникъ [1]) вышелъ также еще въ Москвѣ, и въ предисловіи Максимовичъ указывалъ, что собраніе его простиралось тогда уже до $2^1/_2$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ. Собраніе его обогатилось сообщеніями другихъ любителей и собирателей, въ ряду которыхъ онъ называетъ кн. Цертелева, Гоголя — „новаго историка Малороссіи и автора вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“,

[1]) Украинскія народныя пѣсни, изданныя Мих. Максимовичемъ. М. 1834.

Срезневскаго—издателя „Запорожской Старины“ [1]), А. Г. Шпигоцкаго, И. В. Крамаренка, Бодянскаго; кромѣ того, Максимовичъ пріобрѣлъ собраніе умершаго передъ тѣмъ извѣстнаго археолога-народника Зоріана Ходаковскаго, богатое пѣснями обрядными и особенно свадебными. Изданіе предполагалось въ четырехъ частяхъ (1—пѣсни былевыя и бытовыя; 2—женскія; 3—„гулливыя“; 4—обрядныя), но вышла только первая часть, занятая думами и бытовыми, собственно казацкими пѣснями. Дальше мы скажемъ подробнѣе о томъ, что въ новомъ сборникѣ оказались и нѣкоторыя поддѣльныя пѣсни, именно заимствованныя изъ „Запорожской Старины“. Тогда никто не замѣтилъ этихъ поддѣлокъ, которыя стали ясны только теперь при внимательномъ изученіи стиля думъ; но по своему времени поддѣлки были искусны и производили впечатлѣніе, даже болѣе сильное, чѣмъ думы настоящія [2]).

Знакомство Максимовича съ Гоголемъ началось въ 1829 въ Петербургѣ и стало особенно тѣснымъ съ 1832, послѣ того, какъ они свидѣлись ближе въ Москвѣ. Самъ Гоголь въ это время былъ увлеченъ Малороссіей, ея стариной и поэзіей, мечталъ писать ея исторію, приходилъ въ восторгъ отъ украинскихъ пѣсенъ. Въ этомъ настроеніи, пѣсни завязали тѣснѣйшую связь между „земляками“, одинаково увлекавшимися родиной; Гоголя тянуло къ Максимовичу, имѣвшему въ рукахъ драгоцѣнное сокровище и готовившему тогда второй свой сборникъ. Одинъ отрывокъ изъ ихъ переписки дастъ понятіе о тогдашнемъ настроеніи Гоголя:

„Теперь я принялся за исторію нашей Украины, — писалъ онъ къ Максимовичу въ ноябрѣ 1833 года.—Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

„Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собранія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ

---

[1]) „Запорожская Старина“ была только-что начата въ это время и продолжалась послѣ (Харьковъ, 1833—1838).

[2]) Въ томъ же 1834 г. Максимовичъ издалъ „Голоса украинскихъ пѣсенъ“, положенныхъ на ноты для пѣнія и фортепьяно Алябьевымъ (25 пѣсенъ). Въ 1849 г. въ Кіевѣ вышелъ послѣдній „Сборникъ украинскихъ пѣсенъ“ — разсчитанный на шесть частей, изъ которыхъ опять вышла только одна первая.

которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть!.. Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ... Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже п... онѣ всё даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, всё разоблачаютъ яснѣе и яснѣе— —прошедшую жизнь и— —прошедшихъ людей... Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ и что̀ замѣчательно—что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые" [1])...

Въ другомъ письмѣ, Гоголь дѣлаетъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно распредѣленія пѣсенъ, принятаго Максимовичемъ въ его второмъ сборникѣ, и даже совсѣмъ считаетъ ненужными какія-нибудь раздѣленія:.. „По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія" [2]). Гоголя влекла не этнографія, а поэтическое дѣйствіе пѣсенъ.

Впечатлѣніе, произведенное сборниками Максимовича на первостепенныя силы русской литературы, было фактомъ большого историческаго значенія. Тогдашніе энтузіасты народности, ожидавшіе литературнаго переворота отъ вліянія этнографическихъ изученій, полагали, что̀ въ поэзіи этотъ переворотъ произойдетъ въ томъ народно-романтическомъ направленіи, какое они сами исповѣдовали. Въ это самое время и дѣйствительно совершался глубокій переворотъ въ нашей литературѣ—подъ вліяніемъ цѣлой совокупности общественно-историческихъ и литературныхъ причинъ: въ ряду ихъ и реставрація народной поэзіи имѣла свое обширное дѣйствіе, потому что принесла живой, глубоко поэтическій отзывъ народа на интересы, возникшіе среди образованнаго класса, въ высшихъ сферахъ литературнаго развитія,—и эта реставрація подѣйствовала не тѣмъ только, что дала новые поэтическіе сюжеты и краски, но тѣмъ, что указала нравственное содержаніе

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, 1857, т. V, стр. 188—189.
[2]) Тамъ-же, стр. 203.

народной жизни, внушила къ ней уваженіе и потребовала вниманія къ ней и въ соціальномъ смыслѣ...

Одинъ изъ біографовъ Максимовича указываетъ на это явленіе слѣдующими замѣчаніями:

„Максимовичъ разсказывалъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ:—„А я обираю ваши пѣсни“, — сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву“, вышедшую въ 1829 г. „Полтава“—одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной (по теперешнимъ понятіямъ) блѣдности изображенія—одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ; нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ Максимовичемъ, засвидѣтельствовано показаніемъ Погодина и письмомъ Гоголя, который говоритъ о сборникѣ 1834 г.: „я похвастаюсь имъ передъ Пушкинымъ“ [1]).

По мнѣнію біографа, еще болѣе тѣсная нравственная связь и аналогія существовала между Максимовичемъ и Гоголемъ. Хотя дѣятельность обоихъ возникала безъ всякаго внѣшняго соотношенія и у каждаго была своя дорога труда и таланта, но внутреннее настроеніе обоихъ въ первые годы было совершенно аналогично и можетъ послужить къ объясненію того значенія, какое имѣли для нашего общественнаго и литературнаго развитія малорусскія пѣсни и преданія, увлекавшія Максимовича и Гоголя. Петербургъ въ первый разъ произвелъ на Гоголя тяжелое впечатлѣніе своей сухой безплодностью, отсутствіемъ національнаго характера; ему припомнилась народная жизнь на его родинѣ, и онъ пишетъ домой просьбы присылать ему народныя пѣсни, преданія, сказки, описывать старинные предметы — „какъ это все дѣлается у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ“. Въ результатѣ этнографическихъ поисковъ Гоголя явились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, одинъ изъ первыхъ фактовъ произведеннаго имъ литературнаго переворота. Извѣстно, что Пушкинъ живо его почувствовалъ; повѣсти Гоголя „изумили“ его: „все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ,—писалъ онъ,—что я доселѣ не образумился“. Есть факты, намекающіе, что дружба Пушкина, плодотворная для Гоголя, сопровождалась и обратнымъ влія-

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1874, мартъ. стр. 447.

ніемъ Гоголя не только на Пушкина, но и на Жуковскаго, старѣйшаго и консервативнаго, и именно, болѣе пристальнымъ вниманіемъ къ народной поэзіи.

Есть и другая сторона въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя создавалъ этнографическій интересъ, возбужденный малорусской народной поэзіей. Гоголь мечталъ написать исторію Малороссіи, даже немного хвастался ею впередъ; исторіи этой онъ не написалъ,—хотя въ этотъ періодъ онъ создалъ „Тараса Бульбу", единственный вполнѣ художественный русскій историческій романъ. „Но,—говоритъ біографъ Максимовича, взглядъ котораго мы приводили,—въ тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями и исторіей, онъ написалъ „Женитьбу", „Ревизора" и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самознанія. Мы никогда не поймемъ причины появленія такихъ вещей а, слѣдовательно, не поймемъ, вѣрно и всей послѣдующей дѣятельности Гоголя,—не поймемъ чтó дало силу недоучившемуся провинціалу, чуждому результатовъ передовой европейской мысли, стать возбудителемъ критическаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, если не обратимъ вниманія на связь появленія „Ревизора" и т. п. вещей съ тѣмъ увлеченіемъ, какому предавался Гоголь, занимаясь пѣснями и исторіей Малороссіи,—и не оцѣнимъ того контраста, каковой представляютъ симпатическіе и грандіозные образы въ этихъ пѣсняхъ и въ этой исторіи, какъ она представлялась Гоголю, съ тѣми „мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь", какія видѣлъ Гоголь около себя въ дѣйствительности. А если такъ, то вотъ какую службу сослужили украинскія народныя пѣсни нашему отечеству! И не мала доля участія въ этой службѣ и Максимовича" [1]).

Эта доля участія выразилась его любящимъ отношеніемъ къ преданіямъ малорусской исторіи и народной поэзіи, и добросовѣстнымъ ихъ изученіемъ. Кромѣ второго и третьяго сборника пѣсенъ [2]), у Максимовича, со времени пребыванія въ Кіевѣ, начинается рядъ разнообразныхъ работъ по древностямъ, исторіи, топографіи, литературѣ и языку южной Руси, работъ, которыя въ свое время, при малой извѣстности источниковъ и при маломъ числѣ дѣятелей, имѣли очень большую цѣну, какъ начало критической разработки фактовъ и возбужденія научныхъ вопросовъ.

[1]) Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 448—450. Этотъ взглядъ на вліяніе малорусскихъ источниковъ и отголосковъ на складъ дѣятельности Гоголя въ русской литературѣ, развитъ въ предисловіи къ вышедшему нѣсколько лѣтъ назадъ малорусскому переводу повѣстей Гоголя.

Въ первый годъ кіевской жизни, Максимовичъ опять встрѣтился съ Гоголемъ, на котораго Кіевъ и его старыя мѣстности и святыни произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Максимовичъ думалъ впослѣдствіи, что именно къ этому пребыванію въ Кіевѣ надо отнести начало извѣстнаго крутого переворота въ мысляхъ Гоголя [1]). Въ Кіевѣ же Максимовича навѣстили Погодинъ, Петръ Кирѣевскій, Надеждинъ; онъ еще засталъ здѣсь и послѣдніе годы знаменитаго митрополита Евгенія Болховитинова (ум. 23 февр. 1838). Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей стараго ученаго круга Александровскихъ временъ: всегда привѣтливый и готовый дѣлиться своими учеными богатствами, митрополитъ Евгеній любилъ подолгу бесѣдовать о старинѣ, снабжалъ Максимовича книгами и рѣдкими рукописями, и этотъ живой примѣръ неутомимаго труда снова побуждалъ Максимовича заняться изученіемъ своего южнаго края, и особенно Кіева.

Максимовичъ уже вскорѣ становится необходимымъ участникомъ возникавшихъ въ Кіевѣ научныхъ предпріятій. Къ концу 1835 г. основался здѣсь комитетъ объ отысканіи древностей, подъ предсѣдательствомъ попечителя университета; Максимовичъ былъ членомъ этого комитета; тогда же онъ былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ статистическаго отдѣленія въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1839 онъ выбранъ былъ въ члены дѣятельнаго тогда Одесскаго общества исторіи и древностей. Въ началѣ 1841, Максимовичъ, вмѣстѣ съ его другомъ, Иннокентіемъ, пришли къ мысли, что и въ Кіевѣ пора быть своему историческому обществу; мысль эта нашла отголосокъ, собрался кружокъ любителей старины, составилась даже программа будущей дѣятельности, — но какія-то, повидимому, оффиціальныя, препятствія не дали основаться этому обществу; притомъ, Максимовичъ и Иннокентій въ это время оставили Кіевъ... Взамѣнъ общества и упомянутаго комитета о древностяхъ учреждена была при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", куда приглашенъ былъ и Максимовичъ (съ Н. Д. Иванишевымъ и Домбровскимъ); онъ принималъ дѣятельное участіе въ ея архивныхъ работахъ и издалъ первые томы ея „Памятниковъ". Позднѣе, въ 1847, по порученію кіевскаго губернатора Фундуклея, Максимовичъ редактировалъ издававшееся тогда „Обозрѣніе Кіева" (текстъ котораго былъ составленъ С. П. Крыжановскимъ), а потомъ другую книгу, изданную тѣмъ же Фундуклеемъ: „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ въ кіевской губерніи"

---

[1]) Ст. Пономарева, стр. 211.

(текстъ былъ составленъ польскимъ писателемъ Мих. Грабовскимъ). Не входя въ подробности трудовъ Максимовича, отмѣтимъ лишь главные предметы, на которыхъ останавливались его изслѣдованія. Въ собраніи его сочиненій (къ сожалѣнію, незаключающемъ нѣкоторыхъ статей, любопытныхъ для его литературной біографіи), труды его распредѣлены на слѣдующіе отдѣлы.

Во-первыхъ, сочиненія историческія. Начиная съ изслѣдованія „Откуда идетъ Русская земля?“ (изданнаго въ Кіевѣ, 1837), гдѣ Максимовичъ утверждалъ славянское происхожденіе варяго-руссовъ противъ норманской теоріи,—въ историческихъ изысканіяхъ Максимовича излагаются разные частные вопросы изъ древней русской исторіи, изъ среднихъ вѣковъ и казацкой эпохи южной Руси. Укажемъ особенно статьи: О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ, 1857; о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ,—письмо къ М. Грабовскому, 1857; изслѣдованіе о гетманѣ Сагайдачномъ, 1843, 1850; письма о Богданѣ Хмельницкомъ, 1859; сказаніе о Коліивщинѣ, написано 1839, напечатано 1875; Бубновская сотня, 1848—вездѣ богатый матеріалъ свѣденій по политической и бытовой исторіи южной Россіи, весьма цѣнный и до настоящаго времени.

Во-вторыхъ, сочиненія историко-топографическія, гдѣ собрано множество отдѣльныхъ изысканій о самомъ Кіевѣ, разныхъ его старыхъ памятникахъ, урочищахъ и мѣстностяхъ, старыхъ городахъ кіевскаго края, и пр.

Въ-третьихъ, отдѣлъ археологическій, — нѣсколько статей, между прочимъ, о предметахъ ископаемой древности, найденныхъ въ южной Россіи.

Въ-четвертыхъ, отдѣлъ этнографическій, гдѣ помѣщены вводныя статьи Максимовича о малорусскихъ пѣсняхъ и думахъ изъ его сборниковъ 1827 и 1834 г., и замѣчательная статья: „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“ (1856), со множествомъ этнографическихъ фактовъ объ украинскомъ бытѣ, народномъ календарѣ, повѣрьяхъ, примѣрахъ, преданьяхъ и т. д.

Въ пятомъ отдѣлѣ, языкознанія, особенно интересны „Письма къ Погодину о старобытности малороссійскаго нарѣчія“ (1856, 1863) противъ мнѣнія, утверждавшаго, что жители древняго Кіева были великоруссы, а что племя малорусское, и съ нимъ его языкъ, являются только послѣ XIII столѣтія, когда въ опустошенную татарами южную Русь надвинулись новые поселенцы изъ-за Карпатъ. Мы дальше возвратимся къ этимъ статьямъ, тѣмъ

которыхъ продолжаетъ быть предметомъ ученой полемики и до послѣднихъ годовъ.

Въ шестомъ отдѣлѣ, исторіи словесности, заключается рядъ трудовъ Максимовича, весьма замѣчательныхъ по своему времени, какъ напр., „Исторія древней русской словесности“, 1839, первая попытка освѣтить древній періодъ нашей литературы; далѣе нѣсколько работъ надъ „Словомъ о полку Игоревѣ“, русскій и малорусскій переводъ его, и комментаріи; наконецъ, рядъ статей о старой малорусской литературѣ.

Многіе изъ трудовъ Максимовича уже совсѣмъ устарѣли въ настоящее время, напр., его филологическія теоріи, его сужденія о древней литературѣ и пр. Это и не могло быть иначе при быстромъ развитіи нашей филологической и этнографической науки съ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, когда она воспользовалась готовыми уроками цѣлой науки европейской и когда новѣйшая усиленная разработка старой письменности и живой народной словесности открыла множество памятниковъ, не только неизвѣстныхъ, но даже совсѣмъ не подозрѣваемыхъ пятьдесятъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ; но въ свое время Максимовичъ былъ самымъ дѣятельнымъ работникомъ въ историко-этнографической области. Наконецъ, рѣдко ученый стараго вѣка сохранялъ такую дружелюбную близость съ молодыми поколѣніями, какъ Максимовичъ. Наука прошла гораздо дальше тѣхъ основаній и пріемовъ, какими онъ нѣкогда руководился; онъ понялъ это, покинулъ старые теоретическіе пріемы и продолжалъ работать надъ собираніемъ и ближайшимъ истолкованіемъ фактовъ, всегда необходимымъ для науки, а его преданность своему дѣлу, живое чувство своей мѣстной народности, остались тѣ же и образовали ту нравственную связь съ новыми поколѣніями, которая, къ сожалѣнію, рѣже встрѣчается въ нашей „ученой республикѣ“, чѣмъ должно бы быть.

Въ Кіевъ, кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, привела Максимовича „тоска по родинѣ“, той родинѣ, гдѣ, по его позднѣйшему выраженію, была „земля и небо его предковъ“. Изъ переписки съ нимъ Гоголя видно, что, когда шелъ вопросъ о кіевской профессурѣ, Максимовичъ зазывалъ туда и Гоголя. „...Туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ!—отвѣчалъ Гоголь. — Тамъ, или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди та-

кого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами“ [1])... Гоголь не попалъ въ Кіевъ, но на Максимовича Кіевъ произвелъ это сильное одушевляющее дѣйствіе. Онъ, видимо, вступилъ въ свою настоящую сферу. Съ первыхъ шаговъ здѣсь его литературная роль опредѣляется навсегда: изученіе родного края, его древности, исторіи, языка становится его исключительнымъ интересомъ, отъ котораго онъ уже ничѣмъ и никуда не отвлекается. Его литературная предпріимчивость продолжается, но пріобрѣтаетъ уже мѣстную складку. Онъ затѣваетъ сборникъ „Кіевлянинъ“ (три книги, 1840, 1841, 1850), гдѣ допущены были, для оживленія изданія, стихи и повѣсти, но основнымъ содержаніемъ были историческія изслѣдованія и матеріалы о Кіевѣ и всей южной Руси, гдѣ главнымъ работникомъ былъ самъ Максимовичъ. Онъ обращался ко всѣмъ, живущимъ въ южно-русскомъ краѣ, прося доставлять ему статьи, относящіяся къ мѣстной исторіи, старинныя записки, грамоты, универсалы, акты, листы, легенды, народныя преданія, пѣсни, рисунки значительныхъ зданій и предметовъ. Съ просьбой о содѣйствіи Максимовичъ обращался и къ своимъ литературнымъ друзьямъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и Хомяковъ, между прочимъ, писалъ ему: „Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ—городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями“. Мы скажемъ дальше, насколько удобно было Максимовичу дѣйствовать „словомъ и мыслью“... Появленіе „Кіевлянина“ встрѣчено было въ нашей исторической литературѣ съ большимъ сочувствіемъ, — между прочимъ, въ критической статьѣ Соловьева [2]), который высказывалъ желаніе, чтобы за „Кіевляниномъ“ послѣдовалъ Смолянинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Казанецъ,— „но за матерью городовъ русскихъ останется честь и слава благого начинанія“.

Біографъ Максимовича прибавляетъ, что кромѣ своего значенія для исторической науки, „Кіевлянинъ“ замѣчателенъ и тѣмъ, что былъ первымъ историко-литературнымъ періодическимъ изданіемъ, явившимся въ Кіевѣ, и послѣ него еще долго не появлялось въ Кіевѣ ни литературныхъ сборниковъ, ни газетъ [3]).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, V, стр. 192—193. Письмо отъ конца 1833 или начала 1834 года.

[2]) Въ Москвитянинѣ, 1844, ч. VI, № 12.

[3]) Ст. Пономарева, стр. 223—224.

Позднѣе, опять въ тѣхъ же интересахъ мѣстнаго изученія, Максимовичъ издаетъ „Украинца“ (двѣ книги, 1859, 1864). И всю свою жизнь, въ Кіевѣ, онъ посвятилъ собиранію южно-русской старины, изученію ея мѣстности, памятниковъ вещественныхъ письменныхъ остатковъ, исторіи старыхъ малорусскихъ фамилій, которыхъ такъ много затерялось въ охватившей южную Русь польской волнѣ, собиранію этнографическому и т. д. Онъ не сомнѣвался, что древнѣйшая русская исторія была дѣломъ южно-русскаго племени и его гордостью, что въ наши средніе вѣка та же южная Русь оказала великія услуги русскому цѣлому, когда съ послѣднимъ напряженіемъ силъ защищала свою вѣру и народность въ XVI—XVII столѣтіяхъ, когда въ кіевской академіи полагала первыя основы русскому просвѣщенію, въ связи съ европейской образованностью. „Слово о полку Игоревѣ“ было въ глазахъ Максимовича памятникомъ спеціально южно-русскимъ; оттого онъ съ особенною любовью занимался изученіемъ этого единственнаго поэтическаго остатка нашей древности и никто до него не съумѣлъ указать его внутренней связи съ чувствомъ и образами еще живущей поэзіи народной, и именно украинской. Наконецъ, Максимовичъ перевелъ его на малорусскій языкъ, чтобы возвратить новому народу полу-книжное созданіе его предковъ...

Эта привязанность къ своей родинѣ и народной жизни, руководившая его историко-этнографическими интересами, соединялась и съ живой потребностью послужить народному образованію, хотя на обще-русскомъ, а не украинскомъ языкѣ. Результатомъ этого желанія былъ извѣстный трудъ Максимовича: „Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ“, 1833, одна изъ лучшихъ книгъ нашей популярной литературы, много разъ потомъ переизданная. Спеціально для украинскихъ народныхъ читателей, онъ переложилъ позднѣе псалмы на малорусскій языкъ (Москва, 1859).

При всемъ томъ, Максимовичъ не былъ украинофиломъ въ болѣе позднемъ смыслѣ этого слова. Въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія, какія читались на 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ его литературной дѣятельности въ 1871 году, Максимовичъ говорилъ о себѣ: „Уроженецъ южной Кіевской Руси, гдѣ земля и небо моихъ предковъ, я преимущественно ей принадлежалъ и принадлежу до нынѣ, посвящая преимущественно ей и мою умственную дѣятельность. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, возмужавшій въ Москвѣ, я такъ же любилъ, изучалъ и сѣверную, Московскую Русь, какъ родную сестру нашей Кіевской Руси, какъ вторую половину одной и той же святой Владиміровой Руси, чувствуя и сознавая, что какъ ихъ бытіе, такъ и уразумѣніе ихъ, одной безъ

другой, недостаточны, односторонни“ [1])... Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли его старыя литературныя связи, отвѣчавшія и тогдашнему складу его идей: онъ развивался въ школѣ русскаго романтизма, начинавшаго принимать народный колоритъ, и съ своей стороны прибавилъ къ нему оттѣнокъ малорусскій, какъ чисто областной, не выдѣляясь ни мало изъ общаго литературнаго движенія. Украинофильство выростало изъ иныхъ историческихъ возбужденій — послѣ болѣе или менѣе успѣшныхъ попытокъ литературы на народномъ языкѣ (съ 1830—40 годовъ), въ ряду которыхъ была поэзія Шевченка, послѣ извѣстныхъ вліяній славянскаго возрожденія, послѣ либеральныхъ увлеченій правительства и общества, вслѣдъ за Крымской войной, послѣ освобожденія крестьянъ, наполнившаго довѣрчивыхъ людей самыми оптимистическими ожиданіями; и когда въ новыхъ поколѣніяхъ жила мечта о болѣе дѣятельномъ служеніи своему народу, и о поднятіи его образованія возвышеніемъ его литературной рѣчи, Максимовичъ оставался вѣренъ своимъ старымъ взглядамъ: онъ былъ убѣжденъ, — говоритъ его біографъ, — что малороссійскій языкъ, оставаясь языкомъ простонародья, можетъ быть языкомъ поэзіи и для современнаго малоросса, но не можетъ быть ни языкомъ общежитія образованнаго общества, ни языкомъ ученыхъ [2]).

Внѣшнія условія дѣятельности Максимовича не всегда однако были благопріятны. Мы видѣли прежде въ біографіи Сахарова, что, при всей его благонамѣренности, при всемъ патріотическомъ усердіи, онъ встрѣчалъ не только препятствія, но, по словамъ его, даже небезопасныя угрозы. У Максимовича дѣло, кажется, не доходило до такихъ крайностей; тѣмъ не менѣе, и ему приводилось испытывать большія цензурныя неудобства. Онъ, котораго самъ гр. Уваровъ привѣтствовалъ какъ писателя и оратора, блестящимъ образомъ изложившаго программу оффиціальной народности относительно значенія Кіева,—долженъ былъ быть очень осмотрителенъ. Біографъ его разсказываетъ, что когда Максимовичъ занятъ былъ своимъ „Кіевляниномъ“, то другъ его, Иннокентій Борисовъ, очень интересовавшійся изданіемъ, самъ исправлялъ статьи этого сборника, опасаясь цензуры, которая была очень строга. Дѣйствительно, цензура не пропустила стихотворенія: „Кіевъ“, присланнаго Хомяковымъ; статьи историческія печатались „съ великими ущербами“; статья Максимовича о Коліевщинѣ 1768 года, по его мнѣнію, самая интересная для читателей,

---

[1]) Юбилей, стр. 61.

[2]) Ст. Пономарева, стр. 241.

не только не была пропущена цензоромъ, но, по его настоянію, отправлена была мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ, при особомъ мнѣніи цензора [1]). При всей осторожности, какая требовалась въ то время, Максимовичъ однажды въ письмѣ къ Иннокентію изъ своей Михайловой горы (въ 1840) говорилъ о печальномъ упадкѣ двухъ сословій тамошняго люда, связанныхъ между собою крѣпостнымъ правомъ съ 1783 года. Иннокентій, посылая отвѣтъ по почтѣ и опасаясь говорить о мудреномъ предметѣ, отвѣчалъ Максимовичу на латинскомъ языкѣ [2]).

На этихъ примѣрахъ подтверждалось еще разъ, какъ мало оффиціальная народность тѣхъ временъ могла удовлетворить самымъ умѣреннымъ идеямъ о народномъ интересѣ. Эта „народность" была народность крѣпостного права, и въ Кіевскомъ краѣ ея обоюдный смыслъ сказывался тѣмъ болѣе странными противорѣчіями. Само правительство считало необходимымъ защищать здѣсь интересы русской народности и русскаго просвѣщенія противъ полонизма; но русскую народность представляла здѣсь малорусская крѣпостная масса, а полонизмъ представляемъ былъ многолюднымъ польскимъ помѣщичьимъ сословіемъ, интересы котораго охранялись защитой крѣпостного права. Хомяковъ совершенно справедливо находилъ, что слово и мысль дѣйствовали бы здѣсь всего лучше; но въ силу указанныхъ обстоятельствъ, слово и мысль не могли не столкнуться съ внутреннимъ противорѣчіемъ положенія вещей, и цензура относилась ко всякому слову и мысли съ крайней подозрительностью. Статья Максимовича о Коліевщинѣ касалась именно больного мѣста въ отношеніяхъ южнаго края, и цензоръ былъ къ ней особенно суровъ: статья, писанная въ 1839 году, напечатана была (по смерти автора) только въ 1875, въ „Русскомъ Архивѣ", какъ архивный матеріалъ. Мы видѣли въ то же время, какимъ угрожающимъ тономъ говорилъ министръ народнаго просвѣщенія въ Кіевскомъ университерѣ въ 1837 году; въ 1839, университетъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ закрытъ — вслѣдствіе того, что нѣсколько польскихъ студентовъ были замѣшаны въ заговорѣ, открытомъ въ сѣверо-западномъ краѣ; извѣстно, какъ атмосфера доноса, вмѣстѣ съ произволомъ администраціи, господствовала здѣсь въ сороковыхъ годахъ, когда была такъ раздута исторія Костомарова, и т. д.

Въ такихъ условіяхъ шла работа Максимовича. Едва ли сомнительно, что они стѣснили эту работу, отклонили ее отъ из-

---

[1]) Ст. Пономарева, стр. 221.
[2]) Тамъ же, стр. 222.

вѣстныхъ сторонъ южно-русской исторіи и дѣйствительности; но Максимовичъ продолжалъ трудиться и былъ въ тѣ десятилѣтія наиболѣе авторитетнымъ представителемъ южно-русской исторической и этнографической науки. Немногіе ученые его поколѣнія соединяли такое разнообразное и вмѣстѣ основательное знаніе своего края, и такую теплую любовь къ его изученію, которая дѣлала его другомъ молодого поколѣнія спеціалистовъ и любителей мѣстной исторіи и этнографіи.

Дальше, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ этихъ изученій, мы еще встрѣтимся съ трудами Максимовича.

А. Пыпинъ.

ОСЕННІЙ ДЕНЬ.

Осенній, сѣрый день. Не слышно вѣтерка,
Не шевелить рѣка волною полусонной,
И, какъ въ процессіи, печальной, похоронной,
По небу тянутся куда-то облака;
Какъ юности мечты, убитыя годами,
Завялъ опавшій листъ, шуршащій подъ ногами;
И лѣсъ, какъ въ рубищѣ, стоитъ передо мной
Въ безсиліи нѣмомъ, исполненъ горькой муки;
Онъ вѣтви голыя мнѣ протянулъ, какъ руки,
И словно говоритъ онъ этой тишиной:
„О не тревожь меня! Зима ужъ недалеко:
Подъ звуки бурь ея хочу заснуть глубоко
И пусть неистово мнѣ вѣтеръ ломитъ грудь,
Пусть окуютъ меня трескучіе морозы,
Пусть леденитъ зима и кровь мою и слезы!
Въ сугробахъ сладкимъ сномъ хочу я отдохнуть!...
Усни и ты, пѣвецъ!.. Когда-жъ дождемся снова
Красавицы-весны,—я разобью оковы!
Слезами радости растаетъ снѣгъ и ледъ,
И зашумятъ ручьи, и все зазеленѣетъ,
Душистый вѣтерокъ вновь жизнію повѣетъ,
И птички заведутъ веселый хороводъ,
— Я призову тебя: и съ пѣснію привѣта
Приди тогда встрѣчать лучи тепла и свѣта!„..

В. Воронецкій.

РОБЕРТЪ ШУМАНЪ

Біографическій очеркъ.

— Robert Schumann, von Wilhelm Joseph v. Wasielewski. Dritte Auflage. Bonn, 1880.
— Robert Schumann, sein Leben und seine Werke, von August Reiszmann. Dritte Auflage. Berlin, 1879.
— Ein Lebensbild Robert Schumann's von Philipp Spitta. Leipzig, 1882.
— Gesammelte Schriften über Musik und Musiker von Robert Schumann. Dritte Auflage. Leipzig, 1875.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія музыкальное искусство вступило въ новый фазисъ своего развитія. Бетховенъ своими геніальными произведеніями совершенно измѣнилъ существовавшіе до него взгляды на задачи и цѣли музыки и, указавъ ей новое направленіе, открывъ для нея новые пути, значительно расширилъ предѣлы ея области. Все, что̀ творилъ Бетховенъ, особенно въ послѣдній періодъ своей композиторской дѣятельности, было до такой степени ново, такъ отличалось отъ музыки его предшественниковъ, что большинство даже музыкантовъ спеціалистовъ отнеслось къ музыкальной реформѣ крайне недовѣрчиво; не было недостатка даже и въ такихъ приверженцахъ рутины, которые въ смѣломъ новаторствѣ геніальнаго композитора видѣли неизбѣжную гибель искусства. Лучшія, величайшія изъ его произведеній были положительно отвергаемы и оцѣнены только спустя долгое время послѣ его смерти. Одинъ въ полѣ не воинъ—говоритъ пословица; какъ ни велико, какъ ни существенно то, что̀ было совершено Бетховеномъ, но встрѣченная имъ упорная оппозиція могла на долгое, неопредѣленное времи отсрочить завершеніе начатой имъ реформы; къ счастью, вскорѣ послѣ него

слѣдовали другіе даровитые дѣятели въ области музыки, которые, продолжая творить въ указанномъ имъ направленіи, могли содѣйствовать торжеству новыхъ идей въ искусствѣ и дальнѣйшему развитію музыки во всѣхъ ея проявленіяхъ. Еще при жизни своей Бетховенъ имѣлъ достойнаго себѣ преемника— Франца Шуберта, умершаго хотя еще въ молодыхъ лѣтахъ, но уже успѣвшаго обогатить искусство прекрасными произведеніями, сродными по направленію, да и по геніальности, съ лучшими произведеніями Бетховена. Вскорѣ появились и другіе послѣдователи новой реформы и въ числѣ ихъ — Робертъ Шуманъ, который по духу и по характеру своего творчества ближе всѣхъ остальныхъ стоялъ какъ къ Бетховену, такъ и къ Шуберту.

Музыкальныя дарованія и влеченіе къ искусству обнаружились въ Шуманѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ; но ему съ дѣтства не была предназначена карьера музыканта, онъ долженъ былъ готовиться къ дѣятельности юриста и только на 21-мъ году жизни онъ имѣлъ возможность послѣдовать своему влеченію и начать спеціальныя занятія музыкой. Съ того времени онъ всецѣло принадлежалъ искусству, работая съ замѣчательною энергіею, обнаруживая изумительное богатство творческой фантазіи и всегда достигая прекрасныхъ результатовъ; нѣтъ ни одного рода музыки, въ которомъ бы Шуманъ не испробовалъ свои силы, и въ каждомъ изъ нихъ онъ давалъ произведенія, свидѣтельствующія о его громадной разносторонней талантливости и составляющія богатый художественный вкладъ въ музыкальное искусство. Однимъ музыкальнымъ творчествомъ не исчерпывалась обширная дѣятельность Шумана; почти одновременно съ началомъ композиторскихъ работъ, онъ принялся за литературные труды по музыкальной критикѣ и по изданію музыкальной газеты и продолжалъ ихъ непрерывно въ теченіе десяти лѣтъ; это были талантливые и вмѣстѣ съ тѣмъ плодотворные труды, составляющіе одну изъ важныхъ заслугъ Шумана въ искусствѣ. Прекративъ литературныя работы въ 1843 г., онъ отдался композиторской дѣятельности почти исключительно, если не считать его непродолжительныя занятія въ качествѣ капельмейстера въ Дюссельдорфѣ. Слишкомъ усиленная творческая дѣятельность и вообще чрезмѣрные труды рано подорвали силы Шумана; уже на 43-мъ году жизни онъ долженъ былъ прекратить всѣ свои занятія и работы, какого бы рода они ни были; его нервная впечатлительная натура не выдержала борьбы противъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ, которыми сопровождалась его трудовая жизнь, и ужасная психическая болѣзнь, застигнувъ его въ сравнительно молодые

годы, свела его въ преждевременную могилу. Тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ сдѣлать очень многое и оказалъ въ искусствѣ великія, неизмѣримыя заслуги, предоставляющія ему одно изъ главныхъ мѣстъ въ исторіи развитія музыки въ девятнадцатомъ столѣтіи. Какъ и большая часть музыкальныхъ художниковъ, отличающихся новизною направленія и не дѣлающихъ уступокъ современнымъ требованіямъ массы, Шуманъ при жизни былъ мало и плохо оцѣненъ. Пропагандировать самого себя онъ не умѣлъ и не хотѣлъ; это было не въ духѣ его натуры и не соотвѣтствовало его сосредоточенному, замкнутому въ себѣ характеру. Это былъ великій художникъ и скромный труженикъ, безвавѣтно преданный искусству, безкорыстно посвятившій музыкѣ всю свою жизнь, создавшій себѣ безсмертное имя своими художественными произведеніями и при жизни не пользовавшійся ни однимъ изъ тѣхъ житейскихъ благъ, которыя нерѣдко выпадають на долю другихъ изъ его собратьевъ, болѣе счастливыхъ и умѣющихъ удачнѣе пользоваться преимуществами своего положенія.

I.

Робертъ-Александръ Шуманъ родился 8 іюня (27-го мая) 1810 г. въ Саксоніи въ г. Цвикау. Его отецъ былъ книгопродавецъ, человѣкъ очень дѣятельный, просвѣщенный, составившій себѣ нѣкоторую извѣстность своими литературными работами. Основанная имъ въ Цвикау фирма „Братья Шуманъ", существовавшая до 1840 г., пользовалась почтенною репутаціею и оставила добрую память многими хорошими и полезными изданіями. Онъ былъ женатъ на дочери хирурга Іоганнѣ Христинѣ Шнабель, женщинѣ доброй, любящей, вообще хорошей, но съ довольно ограниченнымъ умственнымъ развитіемъ и выросшей подъ вліяніемъ узкихъ понятій провинціальной жизни маленькихъ городовъ. У нихъ было пятеро дѣтей: одна дочь и четверо сыновей. Робертъ былъ младшій въ семьѣ; шести лѣтъ отъ роду онъ началъ посѣщать приготовительную школу (такъ называемую Sammelschule) и вѣроятно въ то-же время началъ учиться на фортепіано, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ уже на седьмомъ году дѣлалъ первые опыты музыкальной композиціи, слѣдовательно тогда уже имѣлъ хотя какое-нибудь понятіе о музыкѣ. Первымъ его учителемъ на фортепіано былъ органистъ Кунтчъ (Kuntzsch), которому Шуманъ впослѣдствіи посвятилъ свои „Studien für den Pedalflügel" (op. 56) и въ

1852 г. поздравляя его съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ преподавательской дѣятельности, написалъ ему очень радушное письмо, называя себя его ученикомъ. Но Кунтчъ не былъ достаточно хорошимъ ни музыкантомъ, ни піанистомъ, чтобы успѣшно руководить занятіями такого необыкновенно-талантливаго ученика, какимъ былъ Шуманъ; онъ самъ сознавалъ это и отказался отъ преподаванія, заявивъ, что Робертъ можетъ самостоятельно продолжать занятія музыкой. А музыкальныя способности мальчика были дѣйствительно замѣчательныя. Едва усвоилъ онъ элементарныя понятія на фортепіано, какъ уже началъ примѣнять ихъ къ своимъ собственнымъ фантазіямъ, представляющимъ первые проблески его творчества, причемъ удивлялъ замѣчательно удачными музыкальными характеристиками на фортепіано индивидуальныхъ особенностей своихъ школьныхъ товарищей. Такимъ образомъ уже въ то время музыка представлялась мальчику не простою игрою звуковъ, а какъ-бы языкомъ звуковъ, музыкальною рѣчью, имѣющею ясныя опредѣленныя задачи. Отецъ Шумана одобрительно слѣдилъ за развитіемъ въ сынѣ любви къ музыкѣ, усилившейся еще болѣе послѣ того, какъ Робертъ услышалъ въ Карльсбадѣ знаменитаго въ то время піаниста Мошелеса. Этотъ концертъ въ Карльсбадѣ произвелъ на мальчика глубокое впечатлѣніе и остался въ его памяти на всю его жизнь. Когда Мошелесъ въ 1851 г. посвятилъ ему одно изъ своихъ произведеній [1]), то Шуманъ, благодаря за это посвященіе, писалъ Мошелесу: „болѣе тридцати лѣтъ назадъ, я долгое время сохранялъ какъ святыню концертную афишу, до которой вы прикасались и могъ-ли тогда мечтать, что удостоюсь подобной чести отъ такого знаменитаго композитора".

Перейдя въ 1820 г. изъ приготовительнаго училища въ кварту гимназіи, Робертъ еще усерднѣе предался музыкѣ; отецъ выписалъ для него изъ Вѣны хорошій инструментъ и мальчикъ много игралъ въ четыре руки съ однимъ изъ своихъ гимназическихъ товарищей. Скоро кругъ музыкальныхъ занятій расширился еще болѣе. Въ магазинѣ отца случайно нашлись оркестровыя партіи одной изъ увертюръ итальянскаго композитора прошлаго столѣтія Риччини; Роберту захотѣлось попробовать исполнить ее оркестромъ. Среди его товарищей гимназистовъ нашлись играющіе на скрипкахъ, флейтахъ, кларнетѣ, валторнѣ; партіи, для которыхъ не доставало инструментовъ, Робертъ взялся исполнить на фортепіано. Послѣ перваго удавшагося опыта, собранія маленькихъ

---

1) Соната ор. 121 для фортепіано и віолончели.

музыкантовъ сдѣлались постоянными; Робертъ былъ душою этихъ собраній, онъ дѣлалъ арранжировки разныхъ произведеній, приноравливая ихъ къ силамъ своего маленькаго оркестра, и даже самъ написалъ нѣсколько небольшихъ оркестровыхъ пьэсъ. Въ то время ему было 12 или 13 лѣтъ. Его музыкальныя дарованія сдѣлались извѣстны во всемъ Цвикау. Въ каждомъ семействѣ, гдѣ занимались музыкой, талантливый мальчикъ былъ желаннымъ гостемъ и всѣхъ удивлялъ своей способностью къ импровизаціи на фортепіано. Отецъ желалъ серьезно отнестись къ несомнѣннымъ способностямъ сына и старался доставить ему возможность заниматься подъ руководствомъ К. М. Вебера, который былъ тогда капельмейстеромъ въ Дрезденѣ. Отчего этотъ планъ не осуществился, хотя Веберъ и изъявилъ свое согласіе, осталось неразъясненнымъ. Мальчикъ оставался дома, безъ всякаго руководителя, столь необходимаго для его дальнѣйшаго музыкальнаго развитія, а позднѣе и отецъ измѣнилъ своему намѣренію содѣйствовать артистическому влеченію сына и согласился съ своей женой избрать для него карьеру юриста.

Музыка тѣмъ не менѣе не была оставлена; она по прежнему была любимѣйшимъ занятіемъ Роберта въ свободное время. Также и послѣ смерти отца, умершаго осенью 1826 г., не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ внѣшней жизни юноши. Но бывшія въ дѣтскомъ возрастѣ веселость и живость смѣнились серьезною сосредоточенностью и та молчаливость, та замкнутость, которыя впослѣдствіи составляли отличительное свойство его характера, обнаруживались уже теперь въ своемъ первомъ проявленіи. Вмѣстѣ съ этимъ въ немъ сказалось большое влеченіе къ литературѣ, преимущественно къ поэзіи; юноша не только перечитывалъ массами книги, какія находилъ въ складѣ отца, но и нерѣдко писалъ стихотворенія, обнаруживая несомнѣнное поэтическое дарованіе. Любимѣйшими его поэтами были Эрнестъ Шульце, Францъ фонъ-Зонненбергъ, Байронъ, Шекспиръ; но изъ всѣхъ писателей глубочайшее впечатлѣніе производилъ на него Жанъ-Поль, произведенія котораго значительно вліяли на развитіе Шумана и отразились въ извѣстной степени на всей его дѣятельности, какъ писателя, такъ и композитора. Изъ своихъ знакомыхъ того времени онъ посѣщалъ преимущественно тѣ дома, гдѣ находилъ „хорошую музыку". Чаще другихъ онъ бывалъ въ семействѣ нѣкоего коммерсанта Каруса особенно лѣтомъ 1827 г., когда тамъ гостила невѣстка хозяина дома, жена медика Каруса, профессора въ лейпцигскомъ и впослѣдствіи въ дерптскомъ универ-

ситетахъ, пѣвица-дилеттантка, подъ впечатлѣніемъ пѣнія которой юный Шуманъ написалъ въ томъ году нѣсколько романсовъ.

Не смотря на такое явное влеченіе къ художественной дѣятельности, мать Шумана рѣшительно противилась избранію имъ артистической карьеры и ея мнѣніе настойчиво поддерживалъ опекунъ семейства, купецъ Рудель. Такимъ образомъ будущій композиторъ по окончаніи гимназическаго курса долженъ былъ отправиться въ лейпцигскій университетъ; въ мартѣ 1828 г. онъ записался на юридическій факультетъ, не чувствуя никакого расположенія къ юриспруденціи и мечтая о совершенно другихъ занятіяхъ, болѣе соотвѣтствующихъ его стремленіямъ. До начала университетскихъ лекцій онъ совершилъ небольшое путешествіе въ южную Германію; поѣздка эта не представляетъ ничего особеннаго, но можетъ нѣсколько характеризовать юношу Шумана. Въ Лейпцигѣ онъ познакомился со студентомъ гейдельбергскаго университета Гисбертомъ Розеномъ и быстро подружился съ нимъ, найдя въ немъ такого же горячаго поклонника Жанъ-Поля, какимъ былъ самъ. Юные друзья считали своимъ долгомъ поѣхать въ Байрейтъ, гдѣ жилъ и умеръ три года передъ тѣмъ (въ 1825 г.) ихъ излюбленный писатель; они осмотрѣли всѣ тѣ мѣста въ Байрейтѣ, которыя тѣсно связаны съ воспоминаніемъ о Жанъ-Полѣ, посѣтили его вдову, осчастливившую Шумана подаркомъ портрета покойнаго. Далѣе поѣхали въ Мюнхенъ и провели тамъ нѣсколько чудесныхъ часовъ въ обществѣ Гейнриха Гейне и какъ ни кратко было это путешествіе, но оно осталось для Шумана однимъ изъ лучшихъ воспоминаній. Затѣмъ друзья разстались; Розенъ поѣхалъ въ Гейдельбергъ, а Шуманъ вернулся на короткое время домой въ Цвикау и затѣмъ переселился въ Лейпцигъ.

Первые мѣсяцы студенчества въ Лейпцигѣ Шуманъ, какъ и можно было ожидать, проводилъ въ печальномъ настроеніи. Обычаи буршеншафта, къ которому онъ принадлежалъ весьма недолго, не соотвѣтствовали его характеру и казались ему грубыми и нелѣпыми. Также и начать курсъ юриспруденціи, вовсе его не интересующей, онъ еще не рѣшался и потому проводилъ время преимущественно одинъ, сосредоточенный въ самомъ себѣ. Прошло болѣе полугода, а онъ не былъ ни на одной лекціи; но, какъ писалъ Розену, „исключительно работалъ въ тиши, т.-е. игралъ на фортепіано, писалъ письма и сочинялъ Жанъ-поліады (Jean-Pauliaden)". При такой замкнутой, мало-дѣятельной жизни, постоянное чтеніе произведеній Жанъ-Поля сильно возбуждало и безъ того уже слишкомъ чувствительную, впечатлительную натуру

Шумана, что̀ сознавалъ и онъ самъ, признаваясь въ письмѣ къ Розену, что „чтеніе сочиненій Жанъ-Поля часто доводило его до состоянія близкаго къ безумію“. Тѣмъ не менѣе увлеченіе этимъ авторомъ было очень сильное и Шуманъ навсегда сохранилъ къ нему уваженіе, такъ что уже въ позднѣйшіе годы жизни, не смотря на свою крайнюю сдержанность, приходилъ въ сильный гнѣвъ, когда кто-нибудь рѣшался въ его присутствіи порицать Жанъ-Поля или сомнѣваться въ его величіи. Одиночество Шумана однако не было слишкомъ продолжительно; въ домѣ профессора Каруса, упомянутаго выше, онъ свелъ нѣсколько интересныхъ знакомствъ, въ томъ числѣ съ композиторомъ Маршнеромъ и извѣстнымъ учителемъ музыки Фридрихомъ Викомъ, съ которымъ впослѣдствіи Шуманъ сталъ въ самыя близкія отношенія, женившись на его дочери Кларѣ. Фридрихъ Викъ, родившійся въ 1785 г., изучалъ въ виттенбергскомъ университетѣ теологію; сначала онъ занимался музыкой какъ побочнымъ дѣломъ, но впослѣдствіи всецѣло посвятилъ себя преподаванію музыки и основалъ въ Лейпцигѣ музыкальное училище. Въ 1840 г. онъ переселился въ Дрезденъ, гдѣ много еще лѣтъ продолжалъ свою полезную педагогическую дѣятельность, и умеръ въ концѣ 1873 г. О достоинствѣ его методы преподаванія лучше всего свидѣтельствуютъ его ученицы, обѣ его дочери, Клара и Марія, обѣ прекрасныя піанистки, особенно первая, составившая себѣ еще съ юности громкое имя и справедливо считающаяся геніальной піанисткой. Клара Викъ родилась въ Лейпцигѣ 13/1 сентября 1819 г. и уже 9-ти лѣтъ выступила въ публичномъ концертѣ; на одиннадцатомъ году совершила свое первое концертное путешествіе и скоро пріобрѣла себѣ славу во всей Европѣ. Тѣмъ не менѣе она ревностно стремилась къ наиболѣе разностороннему музыкальному образованію, столь рѣдкому у виртуозовъ, и довольно долго училась также на скрипкѣ и позднѣе пѣнію. Она отличалась какъ прекрасная исполнительница произведеній Бетховена, а впослѣдствіи произведеній Шопена и особенно своего мужа Шумана, много содѣйствуя ознакомленію съ ними публики. Кромѣ того, изъ-подъ ея пера вышло нѣсколько весьма почтенныхъ музыкальныхъ произведеній [1]), доказывающихъ, что она не лишена была также и творческаго дарованія.

Познакомившись съ Фр. Викомъ, Шуманъ немедля началъ

[1]) Какъ выдающіяся можно указать слѣдующія произведенія: фортепіанный концертъ (op. 7), тріо (op. 17), три романса для скрипки (op. 22), прелюдіи и фуги (op. 16), варіяціи на одну изъ тэмъ Р. Шумана (op. 20), нѣсколько романсовъ и т. п.

брать у него уроки на фортепіано и подъ его руководствомъ съ усердіемъ занимался упражненіями и этюдами; но теоретическими занятіями гармоніей, или какъ въ то время называли генералъ-басомъ, которыя Викъ всегда соединялъ съ преподаваніемъ игры на фортепіано, Шуманъ пренебрегалъ, находя ихъ тогда излишними, да къ тому же первоначальныя понятія о композиціи были имъ достаточно усвоены при его прежнихъ композиторскихъ опытахъ. Занятія у Вика продолжались впрочемъ недолго, всего до февраля 1829 г., когда Викъ за неимѣніемъ времени прекратилъ уроки. Тѣмъ не менѣе музыка все болѣе и болѣе увлекала Шумана; въ числѣ его лейпцигскихъ знакомыхъ нашлось не мало любителей, съ которыми онъ могъ часто музицировать, играя въ четыре руки, исполняя тріо и квартеты старыхъ и новыхъ композиторовъ и преимущественно произведенія Фр. Шуберта. Подъ вліяніемъ экихъ послѣднихъ онъ написалъ восемь полонезовъ и нѣсколько варіацій для фортепіано въ 4 руки, нѣсколько романсовъ на тексты Байрона и квартетъ для фортепіано и струнныхъ инструментовъ (произведенія эти остались неизданными). Къ этому же времени относится обстоятельное знакомство Шумана съ фортепіанными произведеніями Себастіана Баха, которыя онъ игралъ съ большимъ усердіемъ и любовью. Что касается до научныхъ занятій Шумана въ лейпцигскомъ университетѣ, то собственно до юридическихъ наукъ онъ и не касался, но посѣщалъ лекціи философіи Круга и изучалъ Фихте, Канта и Шеллинга.

Недолго оставался Шуманъ въ Лейпцигѣ; весной 1829 г. онъ выпросилъ у своей матери позволеніе переселиться на годъ въ Гейдельбергъ, куда его влекли не какія-нибудь особенныя юридическія лекціи, до которыхъ ему въ сущности не было никакого дѣла, но присутствіе тамъ его друга Розена, а главное красивое мѣстоположеніе и близость Швейцаріи и Италіи, куда онъ уже давно намѣревался проѣхать. По пріѣздѣ въ Гейдельбергъ первой заботой Шумана было обзавестись хорошимъ инструментомъ, а затѣмъ, если онъ и выказывалъ тамъ къ чему-либо усердіе, то только къ игрѣ на фортепіано, обнаруживая въ этомъ замѣчательную настойчивость и неутомимость. Просидѣвъ за фортепіано съ утра часовъ семь, онъ послѣ обѣда приглашалъ къ себѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ музицировать вмѣстѣ; отправляясь даже съ пріятелями на загородную прогулку, онъ не упускалъ захватить съ собою въ экипажъ глухую клавіатуру для упражненія пальцевъ. Усвоенное имъ подъ руководствомъ Вика онъ старался довести до степени виртуозности. Вмѣстѣ съ развитіемъ техники онъ достигалъ и бо̀льшаго совершенства исполне-

нія особенно своихъ импровизацій. Одинъ изъ его товарищей по Гейдельбергскому университету, человѣкъ, знающій и понимающій музыку, разсказывалъ впослѣдствіи, что сколько онъ ни слышалъ хорошихъ артистовъ, но никогда не выносилъ такого незабвеннаго (unvergessliche) музыкальнаго впечатлѣнія, какъ отъ импровизацій Шумана. Однажды Шуманъ участвовалъ даже въ публичномъ концертѣ въ Гейдельбергѣ и исполнилъ одну изъ пьесъ Мошелеса съ такимъ успѣхомъ, что вслѣдъ затѣмъ онъ получалъ не мало приглашеній играть и въ другихъ концертахъ, но всѣ эти приглашенія остались безъ послѣдствій, такъ что приведенный случай былъ единственный, когда Шуманъ выступилъ піанистомъ публично.

Въ сентябрѣ 1829 г. Шуманъ предпринялъ небольшое путешествіе въ сѣверную Италію, на которое съ трудомъ выхлопоталъ согласіе своего опекуна, купца Руделя, долго не соглашавшагося прислать необходимыя для поѣздки деньги. Готовясь къ путешествію, Шуманъ занимался итальянскимъ языкомъ и въ короткое время сдѣлалъ такіе блестящіе успѣхи, что перевелъ стихами многіе сонеты Петрарки, съ вѣрнымъ сохраненіемъ характера и размѣра стиховъ оригинала. Приведенные въ біографіи Шумана три письма его изъ Италіи [1]) къ своей невѣсткѣ Терезѣ и къ Розену, даютъ нѣкоторое понятіе о вынесенныхъ Шуманомъ впечатлѣніяхъ. Видно, что прекрасная природа наполняла блаженствомъ душу впечатлительнаго юноши; иногда въ письмахъ его слышится своевольный, беззаботный студентъ, но нерѣдко проглядываетъ глубокая грусть, и въ письмѣ къ Розену (изъ Милана, 4 октября 1829 г.) онъ дѣлаетъ такую характеристику самого себя: „Вотъ уже нѣсколько недѣль (вѣрнѣе, всегда) я чувствую себя такимъ бѣднымъ и такимъ богатымъ, такимъ слабымъ и такимъ сильнымъ, такимъ отжившимъ и такимъ бодрымъ“, — воззрѣніе, давшее ему впослѣдствіи идею создать тѣ два таинственные образа, „Флорестанъ“ и “Эзебіусъ“, въ которыхъ Шуманъ олицетворялъ свою двойственную, по его мнѣнію, натуру. — Та итальянская музыка, которую ему приходилось слушать въ Миланѣ, въ Венеціи, конечно, не могла ничего дать для его музыкальнаго развитія и врядъ-ли могла доставить ему даже удовольствіе; но тамъ онъ въ первый разъ имѣлъ случай слышать Паганини и знаменитый виртуозъ произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что Шуманъ нарочно ѣздилъ весной 1830 г. въ Франкфуртъ, чтобы еще разъ услышать его игру.

---

[1]) См. Schumann, von Wasielewski стр. 43—47.

Зимой 1829—1830 г. Шуманъ занимался музыкой еще болѣе, чѣмъ прежде; въ его дневникѣ часто значится: „viel Klavier gespielt“. Истекалъ уже второй годъ его студенчества, а между тѣмъ онъ не касался спеціальныхъ наукъ своего факультета, какъ совершенно чуждыхъ его артистическимъ стремленіямъ. Иногда онъ посѣщалъ лекціи римскаго права профессора Тибо (Thibaut), но не столько интересовался пандектами, сколько самою личностью Тибо, который, написавъ въ 1825 г. спеціальное сочиненіе по музыкѣ „Ueber Reinheit der Tonkunst“, могъ служить прекраснымъ примѣромъ, что наука права не исключаетъ возможности заниматься искусствомъ и понимать его [1]). Шуманъ былъ лично знакомъ съ Тибо и хорошо былъ принятъ у него въ домѣ; но близко они не могли сойтись; въ одномъ слишкомъ преобладалъ ученый, въ другомъ художникъ, и самъ Тибо совѣтовалъ Шуману оставить юриспруденцію и спеціально посвятить себя музыкѣ. Но чтобы послѣдовать этому благому совѣту, всю важность котораго Шуманъ сознавалъ прекрасно, у него еще не доставало рѣшительности; онъ предвидѣлъ, что желанію перемѣнить карьеру воспротивятся и его мать, и опекунъ, и не рѣшаясь на борьбу съ ними, поддерживалъ въ нихъ увѣренность, что онъ прилежно занимается въ университетѣ юридическими науками. Подобную ложность положенія Шуманъ могъ выносить, конечно, только временно; но это къ тому-же не представляло ничего рѣзко выходящаго изъ нравовъ и обычаевъ нѣмецкаго студенчества. Бóльшая часть студентовъ германскихъ университетовъ ничего не дѣлаютъ первый годъ или два своего студенчества и только въ послѣдніе семестры вознаграждаютъ по возможности потерянное время. Шуманъ жилъ и поступалъ какъ всѣ его товарищи студенты; правда; условія студенческаго „буршеншафта“, съ его отжившими обычаями, были противны его художественной натурѣ и грубоватые студенческіе кутежи не доставляли ему никакого удовольствія; но онъ вполнѣ испытывалъ поэзію студенческаго быта, и какъ истый буршъ, наслаждался настоящимъ согласно своимъ наклонностямъ, не много думая о будущемъ, не вдавался въ буржуазные разсчеты, беззаботно расходуя присылаемыя изъ дому деньги, въ которыхъ всегда нуждался, и дѣлалъ долги, не любя особенно стѣснять свои желанія. Въ письмахъ Шумана изъ Гейдельберга къ его опекуну рисуется натура бойкаго студента, съ удовольствіемъ водящаго за носъ скуповатаго

[1]) Тибо, между прочимъ, собралъ богатую музыкальную библіотеку, каталогъ которой былъ напечатанъ въ 1842 г. и которая куплена королемъ баварскимъ для мюнхенской библіотеки.

опекуна. Сколько настойчивости въ просьбахъ о высылкѣ денегъ, сколько остроумія, сколько юмору. Напримѣръ, не получая долго денегъ для поѣздки домой, на время вакацій, Шуманъ пишетъ слѣдующее письмо: „Я единственный здѣсь студентъ и скитаюсь по улицамъ и лѣсамъ одинокій, покинутый и бѣдный, какъ нищій, съ долгами вдобавокъ. Имѣйте ко мнѣ снисхожденіе, почтеннѣйшій г. Рудель! пришлите мнѣ только на этотъ разъ денегъ, только денегъ и не вынуждайте меня искать для отъѣзда средствъ, которыя не должны быть вамъ пріятны". Уговаривая Руделя прислать денегъ на поѣздку въ Италію, онъ доказываетъ резонность расхода слѣдующей логикой: „когда-нибудь я сдѣлалъ бы это путешествіе, поэтому все равно израсходую ли я деньги теперь или позднѣе". Далѣе онъ прибавляетъ: „Также и здѣсь я могу занять денегъ сколько захочу,—конечно за 10 — 12 процентовъ,—къ какому средству прибѣгну естественно только въ сверхъ-естественномъ случаѣ, т.-е. если не получу денегъ изъ дому". Когда весной 1830 г. Шуманъ просилъ у Руделя разрѣшенія остаться еще на годъ въ Гейдельбергѣ, то желаніе свое онъ мотивировалъ тѣмъ, что „пребываніе въ Гейдельбергѣ несравненно богаче въ научномъ отношеніи, полезнѣе и интереснѣе, чѣмъ въ плоскомъ Лейпцигѣ". Сопоставленіе живописныхъ гористыхъ окрестностей Гейдельберга съ „плоскимъ" Лейпцигомъ достаточно обнаруживаетъ иронію въ понятіи о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ университетовъ, о чемъ Шуманъ въ то время слишкомъ мало заботился.

Однако, когда настать третій годъ студенчества, онъ попробовалъ заняться посерьезнѣе и нанялъ даже репетитора, разсчитывая подъ его руководствомъ скорѣе наверстать то, что было упущено за два года и подъ его вліяніемъ освоиться съ идеей о предстоящей практической дѣятельности въ качествѣ юриста. Но чѣмъ болѣе онъ работалъ надъ юридическими науками, тѣмъ болѣе чувствовалъ къ нимъ отвращеніе. Съ другой стороны, онъ сознавалъ, что если ему суждено было отдаться своимъ влеченіямъ и сдѣлаться музыкантомъ, то долѣе медлить невозможно; ему было уже 20 лѣтъ, а серьезной, систематической подготовки къ художественной дѣятельности онъ еще не имѣлъ; необходимъ былъ какой-нибудь исходъ. Шуманъ наконецъ рѣшился открыть свою душу матери и написалъ ей письмо, такъ прекрасно характеризующее самую личность Шумана, что оно заслуживаетъ быть приведеннымъ во всей своей цѣлости.

„Гейдельбергъ 30 іюля 1830 г. 5 часовъ.

„Съ добрымъ утромъ, мама!

„Какъ описать тебѣ мое блаженство настоящаго мгновенія? Подъ кофейникомъ пылаетъ и брызжетъ спиртъ,—а небо такое чистое и золотистое, что кажется проситъ поцѣлуя, и все это утро проникнуто свѣжестью и бодростью. Къ тому же передо мною лежитъ твое письмо, обнаруживающее цѣлую сокровищницу чувства, ума и добродѣтели—сигара вкусомъ также превосходная—словомъ, жизнь подъ часъ очень хороша или, вѣрнѣе, самъ человѣкъ, еслибы онъ всегда вставалъ рано.

„Солнечнаго свѣта и голубого неба вообще еще достаточно въ моей жизни; но не хватаетъ чичероне, а такимъ былъ Розенъ. Двое другихъ моихъ лучшихъ знакомыхъ ф. Г... изъ Помераніи, два брата, недѣлю назадъ, тоже уѣхали въ Италію и я очень часто чувствую себя одинокимъ, т.-е. по временамъ очень спокойнымъ и очень несчастнымъ. Каждый юноша охотнѣе живетъ безъ возлюбленной, чѣмъ безъ друга. Къ тому же меня иногда охватываетъ пылающимъ жаромъ, когда я подумаю о самомъ себѣ. Вся моя жизнь была двадцатилѣтней борьбой между поэзіей и прозой, т.-е. между музыкой и юриспруденціей. Въ Лейпцигѣ я жилъ, не заботясь о будущемъ, мечтая, кое-какъ влача жизнь и въ сущности не достигая ничего хорошаго; здѣсь я болѣе работалъ, но какъ тамъ, такъ и тутъ все искреннѣе и искреннѣе привязываясь къ искусству. Теперь я стою на перекресткѣ и пугаюсь вопроса: куда?—Если я послѣдую моему влеченію, то оно направляетъ меня къ искусству и, думаю, на вѣрную дорогу. Но мнѣ всегда казалось,—не сердись, я говорю тебѣ это любя и на ухо,—что ты, имѣя свои материнскія основанія, вполнѣ мною оправдываемыя, заграждала мнѣ путь къ тому, что̀ ты называла „шаткою будущностью и невѣрнымъ хлѣбомъ". Но что же далѣе? У человѣка не можетъ быть мысли мучительнѣе той, что онъ самъ себѣ подготовилъ несчастную, мертвую, мелкую будущность. Избрать новый путь жизни, совершенно противуположный прежнему воспитанію и направленію, также не легко и требуетъ терпѣнія, довѣрія и быстраго развитія. Я нахожусь еще въ томъ юношескомъ возрастѣ, когда занятія искусствомъ могутъ идти успѣшно; я увѣренъ, что при прилежаніи и терпѣніи и подъ руководствомъ хорошаго учителя, лѣтъ черезъ шесть буду въ состояніи состязаться съ любымъ піанистомъ; кромѣ того, я не лишенъ фантазіи и, можетъ быть, творческаго дарованія. Но только вопросъ: одно или другое, такъ какъ въ жизни можно избрать только что-нибудь одно, дѣйствительно великое и вѣрное. Я же могу

дать одинъ отвѣтъ: если предпримешь что-нибудь хорошее, то отдаваясь ему со спокойствіемъ и твердостью, прійдешь къ своей цѣли. Моя внутренняя борьба острѣе, чѣмъ когда-либо, моя добрая матушка; иногда я отважно довѣряю своимъ силамъ и своей волѣ,—иногда боюсь, когда подумаю о томъ длинномъ пути, который я бы уже могъ пройти и который мнѣ еще нужно сдѣлать.—Что касается Тибо, то онъ уже давно направлялъ меня къ искусству; твое письмо къ нему было бы мнѣ пріятно и также порадовало бы и его.

„Если я останусь при юриспруденціи, то непремѣнно долженъ пробыть еще годъ здѣсь, чтобы слушать у Тибо пандекты, которые долженъ слушать у него каждый юристъ. Если я останусь при музыкѣ, то я безъ возраженія долженъ уѣхать отсюда обратно въ Лейпцигъ. Въ Лейпцигѣ Викъ, которому я охотно вполнѣ довѣрю себя, который меня знаетъ, можетъ судить о моихъ силахъ, и потому мнѣ слѣдуетъ заниматься у него; позднѣе я поѣхалъ бы на годъ въ Вѣну и, если будетъ возможно, къ Мошелесу. Только одна просьба, моя добрая матушка, которую, быть можетъ, ты охотно исполнишь. Напиши ты сама Вику въ Лейпцигъ и спроси его прямо: что онъ думаетъ обо мнѣ и о моемъ планѣ? Прошу о скорѣйшемъ отвѣтѣ и рѣшеніи, чтобы я могъ ускорить свой отъѣздъ изъ Гейдельберга, хотя мнѣ тяжело будетъ уѣхать отсюда, гдѣ я оставлю много хорошихъ людей, чудесныя грезы и райскую природу. Если хочешь, пошли это письмо Вику. Во всякомъ случаѣ вопросъ долженъ быть рѣшенъ скоро и тогда я вынужденъ буду идти къ предназначенной тобой цѣли, бодрымъ, сильнымъ и безъ слезъ.

„Ты видишь, что это письмо самое серьезное изъ всѣхъ, которыя я писалъ и буду писать, и именно потому не откажи исполнить мою просьбу,—отвѣчай скорѣе. Нельзя терять время.

„Прощай, дорогая матушка, и не бойся. Небо помогаетъ только тогда, когда человѣкъ самъ себѣ помогаетъ.

„Твой, тебя искренно-любящій сынъ Р. Ш."

Это письмо своимъ убѣдительнымъ тономъ доказываетъ всю страстность желанія Шумана отдаться всецѣло и серьезно искусству и его энергическую рѣшимость преодолѣть весь предстоящій ему трудъ, какъ бы великъ онъ ни былъ. Но замѣчательно, что въ то время всѣ его мысли были сосредоточены на виртуозности; о своей склонности къ композиторской дѣятельности онъ упоминаетъ какъ-то неопредѣленно, неувѣренно. Письмо это не могло не убѣдить мать Шумана, что дальнѣйшее сопротивленіе къ из-

бранію сыномъ новой карьеры, болѣе соотвѣтствующей его призванію, было бы по меньшей мѣрѣ безполезно. Удовлетворяя его желанію, она написала Вику, прося его высказать свое мнѣніе относительно задуманнаго ея сыномъ намѣренія. „Отъ вашего мнѣнія,—писала она,—зависитъ все, спокойствіе любящей матери и счастье всей жизни молодого неопытнаго человѣка, который живетъ въ высшихъ сферахъ и не хочетъ спуститься въ практическую жизнь. Я знаю, что вы любите музыку—не позволяйте своему чувству говорить за Роберта; но обсудите его года, его достатки, его силы и его будущность. Прошу, заклинаю васъ, поступите какъ справедливый человѣкъ и выскажите откровенно ваше мнѣніе, чего можетъ Робертъ бояться—или на что имѣть надежду". — Отвѣтъ Вика, благопріятный для Шумана, рѣшилъ его участь. Согласіе матери послѣдовало вслѣдъ за тѣмъ; но опекунъ Рудель долго томилъ юношу, не высылая ему денегъ на отъѣздъ изъ Гейдельберга и не отвѣчая на его горячія посланія. Наконецъ осенью 1830 г. Шуманъ переселился обратно въ Лейпцигъ, чтобы начать ту дѣятельность, къ которой уже давно влекли его художественныя стремленія.

II.

Въ Лейпцигѣ Шуманъ поселился въ квартирѣ своего учителя Вика и усердно предался занятіямъ на фортепіано. Побужденный страстнымъ желаніемъ возможно скорѣе преодолѣть всѣ техническія трудности, онъ цѣлые дни проводилъ за инструментомъ, придумывая разные способы для развитія бѣглости и независимости пальцевъ. Одинъ изъ этихъ способовъ оказался очень неудачнымъ и привелъ къ весьма прискорбнымъ результатамъ. Отъ чрезмѣрныхъ упражненій, съ помощью особыхъ приспособленій [1], произошло растяженіе сухожилій третьяго пальца правой руки, повлекшее за собой анемію всей руки. Послѣ продолжительнаго, терпѣливаго леченія, обладаніе рукой возвратилось, но испорченный палецъ заставилъ его отказаться навсегда отъ намѣренія сдѣлаться виртуозомъ.—Понятно, что такое неожиданное обстоятельство глубоко поразило Шумана, который снова долженъ былъ задуматься надъ вопросомъ, рѣшеннымъ всего годъ назадъ, относительно своей будущности. То, что̀ онъ пережилъ и передумалъ

[1]) Разсказываютъ, что, играя на фортепіано упражненія, Шуманъ подтягивалъ третій палецъ кверху, посредствомъ особо устроеннаго имъ механизма, придѣланнаго къ потолку надъ клавіатурой рояля.

въ этомъ печальномъ положеніи, осталось неизвѣстнымъ: онъ не любилъ высказывать своихъ сокровенныхъ идей. Но тотъ фактъ, что отбросивъ мысль о карьерѣ виртуоза, Шуманъ все-таки рѣшилъ настойчиво слѣдовать музыкальному призванію, доказываетъ, что за это время у него значительно окрѣпло довѣріе къ своимъ творческимъ способностямъ, къ которымъ годъ назадъ онъ относился болѣе чѣмъ скромно. Прекративъ занятія у Вика, онъ началъ изученіе теоріи композиціи подъ руководствомъ Гейнриха Дорна [1]), хорошаго свѣдущаго музыканта, который скоро понялъ выдающееся дарованіе своего ученика и занимался съ нимъ съ большимъ интересомъ. Шуману пришлось начать почти съ азбуки; но благодаря громаднымъ способностямъ и прежней своей композиторской практикѣ, онъ очень скоро освоился съ теоріей гармоніи и особенно усердно занимался контрапунктическими задачами. Шуманъ работалъ съ горячностью, но не особенно систематически, безпрестанно переходя отъ одного къ другому; къ тому же занятія эти и не могли быть особенно продолжительны, такъ какъ въ 1832 г. Дорнъ уѣхалъ изъ Лейпцига, и Шуману вообще не удалось пройти правильнаго законченнаго курса теоріи композиціи. Несравненно полезнѣе всѣхъ теоретическихъ занятій были тѣ лейпцигскія музыкальныя учрежденія [2]), благодаря которымъ Шуманъ имѣлъ возможность часто и много слушать хорошее исполненіе произведеній всѣхъ родовъ музыки. Для такого даровитаго и мыслящаго юноши, какъ Шуманъ, это была лучшая школа,—знакомство съ оперной, симфонической, церковной и камерной музыкой, въ изобиліи исполняемой въ Лейпцигѣ, служило къ лучшему развитію его богатыхъ творческихъ способностей, чѣмъ теоретическія гармоническія и контрапунктическія задачи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дорну, Шуманъ высказывалъ сожалѣніе, что учился у него слишкомъ неправильно; но при этомъ же оговаривался, что все-таки подъ руководствомъ Дорна онъ пріобрѣлъ познаній значительно болѣе, чѣмъ тотъ могъ полагать. И это вполнѣ справедливо; геніальныя музыкальныя спо-

---

[1]) Гейнрихъ Дорнъ родился въ 1804 г. въ Кенигсбергѣ; его музыкальная дѣятельность была преимущественно капельмейстерская: онъ былъ капельмейстеромъ въ Лейпцигѣ (въ 1829 г.), въ Римѣ (1832 г.) въ Гамбургѣ, въ Кельнѣ и въ Берлинѣ. Онъ написалъ около десятка оперъ, нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ и изрядное число романсовъ; сотрудничалъ какъ музыкальный критикъ въ нѣмецкихъ журналахъ и напечаталь свою автобіографію (Aus meinem Leben)

[2]) Извѣстный „Gewandhaus“ съ его 20-ю абонементными концертами, на которые съѣзжались лучшіе артисты; „Thomauerchor“, исполняющій церковную музыку; хорошо поставленная нѣмецкая опера съ разнообразнымъ репертуаромъ; оркестровое общество „Euterpe“, такъ называемая „Quartetakademie“ „Singakademie“ и др.

собности вознаграждали непродолжительность и несистематичность научныхъ музыкальныхъ занятій; то чтò онъ узналъ отъ Дорна, было усвоено имъ хорошо, а остальное было дополнено самостоятельными практическими работами и Шуманъ скоро прекрасно овладѣлъ техникой композиціи, чтò доказывается и самой фактурой его произведеній и той быстротой, съ которою онъ писалъ свои партитуры.

Зиму 1832—1833 гг. Шуманъ прожилъ частью въ Цвикау у матери, частью въ Шнееберґѣ у братьевъ, не прекращая своихъ музыкальныхъ занятій. Тамъ онъ работалъ, между прочимъ, надъ композиціей фортепіаннаго концерта и симфоніи; концертъ, кажется, не былъ оконченъ, но отрывокъ его сохранился въ рукописи; симфонія же была окончена и ея первая часть имѣетъ нѣкоторымъ образомъ историческое значеніе въ біографіи Шумана, такъ какъ это было первое его произведеніе, исполнявшееся публично, даже дважды, именно въ ноябрѣ 1832 г. въ Цвикау и въ Шнееберґѣ въ концертахъ тринадцатилѣтней піанистки Клары Викъ, уже тогда плѣнявшей Шумана и своею дѣтскою прелестью, и необыкновенною артистическою талантливостью. Въ восторженныхъ отзывахъ въ письмахъ того времени Шумана о маленькой Кларѣ, кажется, уже слышенъ зародышъ того глубокаго чувства, которое впослѣдствіи питалъ онъ къ геніальной піанисткѣ. Въ мартѣ 1833 г. Шуманъ возвратился въ Лейпцигъ. Какъ человѣкъ до нѣкоторой степени обезпеченный средствами, т.-е. небогатый, но все-таки имѣющій достаточно для того, чтобы существовать при умѣренныхъ требованіяхъ, не испытывая нужды, онъ могъ жить совершенно свободно и независимо. Все свое время онъ посвящалъ музыкальнымъ занятіямъ, упражняясь въ контрапунктическихъ работахъ, которыя увлекали его все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ произведенія Себастіана Баха. При этомъ и фантазія его все сильнѣе заявляла свои права на самостоятельное, свободное творчество и въ теченіе 1833 года было написано имъ нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ [1]), относящихся къ первому періоду его композиторской дѣятельности. Образъ жизни Шумана въ то время можно назвать тихимъ и однообразнымъ. Знакомствъ въ семейныхъ домахъ у него было очень мало и новыхъ онъ не заводилъ. Кромѣ семейства Викъ, гдѣ его принимали какъ близкаго род-

[1]) Въ 1833 г. окончена, начатая еще въ 1829 г. „Toccata“ (op. 7) написаны: „Improptus“ (op. 5) изданы въ томъ же году, „Etudes de concert nach den Capricen von Paganini“ (op. 10), первая и третья часть сонаты G-moll (op. 22), также была начата соната Fis-moll (op. 11).

ного, онъ часто бывалъ въ домѣ богатаго коммерсанта Фойхта съ женой котораго, прекрасной піанисткою, онъ любилъ часто и много музицировать и относился къ ней, какъ къ искреннему преданному другу [1]). Другихъ знакомыхъ семействъ у Шумана въ то время почти не было. Проработавъ цѣлый день дома, вечеръ онъ проводилъ обыкновенно въ ресторанѣ въ кругу близкихъ пріятелей. Не смотря на свои всего только 23 года, онъ уже и тогда отличался сосредоточенностью и молчаливостью; даже среди близкихъ пріятелей онъ предпочиталъ просиживать совершенно молча, никакимъ внѣшнимъ проявленіемъ не обнаруживая своего участія въ общей дружеской бесѣдѣ и только по временамъ бросаемый имъ на говорящаго выразительный взглядъ доказывалъ, что онъ не совсѣмъ невнимателенъ къ происходящему вокругъ. О замѣчательной молчаливости Шумана существуетъ много интересныхъ разсказовъ. Насколько свободно и хорошо выражался онъ письменно, настолько же затруднялся объясняться на словахъ и даже въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ, напр., небольшого объясненія съ своей квартирной хозяйкой, всегда предпочиталъ письма.

Вечернія собранія молодыхъ людей зимою 1833—1834 гг. не были безплоднымъ времяпрепровожденіемъ; у нихъ создалась идея объ изданіи новаго музыкальнаго журнала. Скоро выработанъ былъ планъ изданія и уже 3 апрѣля 1834 г. вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ „Neue Zeitschrift für Musik". О происхожденіи этой газеты Шуманъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1854 г. собранію своихъ статей о музыкѣ и музыкантахъ даетъ слѣдующія свѣденія: „Въ концѣ 1833 г. въ Лейпцигѣ сходились каждый вечеръ и какъ бы случайно нѣсколько человѣкъ, преимущественно молодыхъ музыкантовъ, частью для товарищескихъ бесѣдъ, но и не менѣе того для взаимнаго обмѣна своихъ идей объ искусствѣ, составлявшемъ насущную потребность ихъ жизни,—о музыкѣ. Нельзя сказать, чтобы тогдашнее состояніе музыки въ Германіи было радостно. На сценѣ еще господствовалъ Россини, въ фортепіанной музыкѣ—почти исключительно Герцъ и Гюнтенъ, не смотря на то, что прошло немного лѣтъ, какъ между нами еще жили Бетховенъ, К. М. Веберъ и Францъ Шубертъ. Хотя уже восходила звѣзда Мендельсона и появились чудесныя произведенія поляка Шопена, но ихъ существенное вліяніе обнару-

[1]) Послѣ ранней смерти Генріетты Фойхтъ въ 1839 г., Шуманъ напечаталъ прекрасную статью „Erinnerung an eine Freundin", въ которой характеризовалъ ее, какъ превосходную артистку, благороднѣйшую женщину съ глубоко-поэтической натурой. (См. Schumann's Ges. Schriften, II, стр. 125—132).

жилось только позднѣе. Тогда однажды въ молодыхъ пылкихъ головахъ создалась идея: не будемъ оставаться праздными, будемъ стремиться къ лучшему положенію вещей, чтобы поэзія искусства снова заняла почетное мѣсто. Такимъ образомъ, возникли первые листы новой газеты". Редакція газеты въ началѣ состояла изъ четырехъ лицъ: Шумана, Фр. Вика, Людвига Шунке и Юліуса Кнорра; издателемъ и собственникомъ газеты былъ лейпцигскій книгопродавецъ Гартманъ. Съ января 1835 г. Шуманъ сталъ собственникомъ и единственнымъ редакторомъ изданія и оставался таковымъ до конца іюля 1844 г., такъ что журнальная дѣятельность его продолжалась съ небольшимъ десять лѣтъ. Съ того времени, кромѣ небольшой статьи о Іоганнѣ Брамсѣ, напечатанной въ 1853 г. подъ заглавіемъ „Neue Bahnen" [1]) онъ ничего болѣе не написалъ для печати.

Новую музыкальную газету Шуманъ совершенно справедливо называлъ органомъ молодости и движенія. Девизомъ для своей газеты онъ выбралъ нѣсколько стиховъ [2]) изъ пролога „Генриха Восьмого" Шекспира, въ которыхъ ясно выражается намѣреніе поднять значеніе художественной критики и бороться противъ безсодержательности пустыхъ, пріятныхъ фразъ, которыми уснащались мягкія угодливыя статьи въ прежнихъ музыкальныхъ журналахъ. „Вѣкъ взаимныхъ комплиментовъ постепенно сходитъ въ могилу, — заявлялъ новый органъ, — и мы ничѣмъ не будемъ содѣйствовать его возрожденію".—„Кто не отваживается нападать на дурное, тотъ только на половину защищаетъ хорошее". Новая газета объявляла первыми врагами искусства: „отсутствіе талантливости, дюжинные таланты и дарованіе къ многописанію";—произведенія позднѣйшаго времени, основанныя только на „внѣшней виртуозности", она признавала „нехудожественными", напротивъ, обращала особенное вниманіе на старое время и его произведенія, находя, что въ этомъ богатомъ источникѣ можно черпать силы для новыхъ художественныхъ красотъ. Задачи новой газеты заключались въ томъ, чтобы подготовить и ускорить наступленіе новаго „поэтическаго времени", обусловливающаго дальнѣйшее развитіе искусства.

Статьи, принадлежавшія перу Шумана, помѣчались обыкно-

---

1) См. Schumann's Ges. Schriften, II, стр 374.

2) Именно слѣдующее мѣсто:

Одни охотники до пьесъ смѣшныхъ, безчинныхъ,
До разныхъ молодцовъ въ кафтанахъ пестрыхъ, длинныхъ,
Обшитыхъ золотомъ, до стуканья щитовъ—
Обманутся у насъ. (Переводъ П. Вейнберга).

венно цифрой 2 или числомъ заключающимъ эту цифру (12, 22, и т. п.) или же были подписываемы псевдонимами: Флорестанъ, Эзебіусъ, мейстеръ Раро, Jeanquirit. Между тѣмъ, характеръ статей позволялъ подразумѣвать, что подъ этими вымышленными именами скрывались дѣйствительно существовавшія отдѣльныя личности, которыя были въ то же время „членами Давидова союза" (Davidsbündler), часто упоминаемаго въ статьяхъ. Но „Давидовъ Союзъ" былъ не болѣе какъ юмористическая фикція и существовалъ только въ фантазіи Шумана, а отдѣльные члены союза, каждый—какъ бы имѣющій свою опредѣленную физіономію, свой отличительный характеръ, были придуманы имъ для лучшаго выраженія разнородныхъ настроеній и различныхъ взглядовъ. Чаще другихъ фигурируютъ Флорестанъ и Эзебіусъ; первый—пылкій, страстный, рѣзкій, второй наоборотъ — тихій, глубокомысленный, мягкій; это два противуположныхъ характера, въ которыхъ Шуманъ старался выразить двѣ разныя стороны своей натуры. Какъ посредникъ между двумя крайностями выступаетъ иногда мейстеръ Раро, примиряющій два элемента. Разъясненіе значенія „Давидова Союза" находимъ въ помѣщенной въ газетѣ въ 1835 г. рѣчи Флорестана по поводу послѣдней симфоніи Бетховена [1]); рѣчь начинается такой фразой: „собравшіеся члены Давидова Союза, т.-е. юноши и мужи, которые должны нанести смертный ударъ вамъ, филистеры музыкальные и другіе". Одно уже слово филистеры, дающее понятіе о буржуазной ограниченности, отсталости и прозаичности, достаточно характеризуетъ ту борьбу, которую велъ Шуманъ на страницахъ своего журнала, подготовляя почву для „новаго поэтическаго времени".—Къ членамъ союза Шуманъ причислялъ не только единомышленныхъ съ нимъ сотрудниковъ журнала и раздѣляющихъ съ нимъ взгляды на искусство близкихъ къ нему артистовъ [2]), а также и всѣхъ тѣхъ, далекихъ отъ него музыкантовъ, въ которыхъ онъ предполагалъ найти сочувствіе его стремленіямъ и цѣлямъ какъ, напр., Берліозъ, Шопенъ и др. Поэтому въ одномъ изъ своихъ писемъ (1836 г.) онъ, между прочимъ, упоминалъ: „на Давидовъ Союзъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на духовное братство, имѣющее, однако же, далекія развѣтвленія и которое, надѣюсь, должно принести многіе золотые плоды".—Сотрудники Шумана по журналу, большею частью то-

---

[1]) См. Ges. Schr., I, стр. 36.

[2]) Своихъ союзниковъ Шуманъ нерѣдко вводилъ въ свои критическія статьи, придавая имъ нѣкоторую фантастичность; такъ, напр., подъ именемъ „Іонатана", вѣроятно, слѣдуетъ подразумѣвать Л. Шунке, „Серпентинъ" означалъ другого музыканта К. Банка, „Felix Meretis"—Мендельсонъ, „Chiara"—Клара Викъ и т. п.

же молодые талантливые люди, также стремящіеся къ поднятію уровня музыкальной критики, вполнѣ согласовались съ направленіемъ и характеромъ статей Шумана. Кромѣ прелести новизны и оригинальности, благодаря поэтическому элементу во всѣхъ критическихъ статьяхъ, новая газета представляла много серьезнаго матеріала и съ каждымъ годомъ, съ расширеніемъ круга читателей, пріобрѣтала все бо́льшее и бо́льшее вліяніе.

Мнѣніе, что журнальная дѣятельность Шумана, поглощая его время и умственныя силы, препятствовала надлежащему развитію его композиторской дѣятельности, составлявшей главное его призваніе, — далеко не вполнѣ основательно. Шуманъ, по собственному его признанію, до изданія журнала проводилъ время преимущественно въ мечтахъ за фортепіано. Его склонность къ мечтательной жизни изо дня въ день, при его несообщительномъ характерѣ и матеріально обезпеченномъ положеніи, были плохими задатками для полнаго развитія его творческихъ силъ, возможнаго только при энергической дѣятельности. Поэтому занятія редактора, сопряженныя съ неумолимою необходимостью еженедѣльно удовлетворять требованія своихъ читателей и съ ежедневнымъ трудомъ, постоянно направленнымъ къ опредѣленной цѣли, служили прекрасной школой для выработки воли и привычки къ труду, гарантируя его отъ возможности жизни недѣятельной или не столько дѣятельной, какъ требовали его богатыя способности. Кромѣ того, фактъ тотъ, что въ періодъ редакторской дѣятельности Шумана была написана значительная часть его музыкальныхъ произведеній, изъ которыхъ многія принадлежатъ къ наиболѣе счастливымъ и удачнымъ. Поэтому не можетъ быть и рѣчи, чтобы одна дѣятельность поглощала или убивала другую, хотя, правда, Шуманъ иногда жаловался на непріятность мелочной редакціонной работы. Еще слѣдуетъ упомянуть, что журналъ составлялъ живую непосредственную связь Шумана съ массой музыкантовъ, художниковъ, всегда благотворно дѣйствующихъ на развитіе творческихъ силъ, чего, при замкнутости характера Шумана, безъ журнала пожалуй бы и не было. Наконецъ черезъ посредство журнальныхъ работъ выказались совершенно особенныя его литературныя дарованія, которыя не были достаточно сильны и богаты для самостоятельныхъ большихъ литературныхъ работъ, однако-жъ были настолько значительны, что обогатили литературу оригинальнѣйшими музыкально-критическими статьями совершенно въ новомъ родѣ.

Одно изъ существенныхъ качествъ въ Шуманѣ было горячее стремленіе впередъ, къ новому, неизвѣданному, такъ что, не смотря на его тихій сосредоточенный характеръ и на его внѣшнюю

флегматичность, въ немъ была черта агитатора въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Онъ не раздѣлялъ мнѣнія большинства тогдашнихъ эстетиковъ, что музыкальное искусство въ Бетховенѣ достигало предѣла и полной законченности своего развитія; напротивъ, онъ вѣрилъ и былъ убѣжденъ, что наступаетъ время новаго дальнѣйшаго прогресса. „На базисѣ Бетховенско-Шубертовскаго романтизма, — писалъ Шуманъ, — опирается сознательно или безсознательно новая, не вполнѣ еще развившаяся школа, отъ которой можно ожидать, что она составитъ особенную эпоху въ исторіи искусства. Ея назначеніе заключается, кажется, въ томъ, чтобы снять оковы съ вѣка, который еще тысячью звеньями связанъ съ старымъ столѣтіемъ". Въ другой разъ онъ употребляетъ такое поэтическое выраженіе: „На небѣ стоитъ особенная заря. Я не знаю, откуда она идетъ. Во всякомъ случаѣ, юноши, творите ради свѣта (schafft fürs Licht!)" —Содѣйствовать новому направленію въ области музыки было внутреннею потребностью Шумана и задачею какъ его журнала, такъ и собственныхъ его музыкально-критическихъ статей, посредствомъ которыхъ онъ знакомилъ своихъ читателей съ произведеніями почти всѣхъ новѣйшихъ композиторовъ, какъ Мендельсонъ, Берліозъ, Шопенъ, Листъ, Гиллеръ, Гензельтъ, Таубертъ, Гаде, Брамсъ и др. О большей части изъ нихъ именно Шуманъ заговорилъ первый на страницахъ своего журнала, разбирая и освѣщая ихъ произведенія и указывая на ихъ значеніе въ развитіи искусства.

Всѣ свои музыкально-критическія статьи Шуманъ издалъ въ 1854 г. у Виганда въ Лейпцигѣ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ „Gesammelte Schriften über Musik und Musiker" [1]), составляющей если не полную, то во всякомъ случаѣ громадную библіографію музыкальныхъ произведеній за цѣлое десятилѣтіе съ 1834 по 1843 г. включительно. Не отрицая въ Шуманѣ способности къ критической оцѣнкѣ музыкальныхъ произведеній, разбираемыхъ имъ нерѣдко съ большимъ пониманіемъ, талантливостью и замѣчательною мѣткостью сужденія, — слѣдуетъ сказать, что большая часть его лучшихъ статей не есть продуктъ анализирующаго ума, критика въ тѣсномъ смыслѣ слова, а скорѣе поэтическія фантазіи, характеризующія и иллюстрирующія разбираемыя имъ музыкальныя произведенія. Всѣ его статьи проникнуты идеальнымъ стремленіемъ содѣйствовать успѣшному развитію новаго періода въ искусствѣ, который онъ характеризуетъ словомъ

---

[1]) Первое изданіе появилось въ 4-хъ томахъ; послѣдующія— второе въ 1871 г. и третье въ 1875 г.,—въ 2-хъ компактныхъ томахъ.

„поэтическій". Между прозой и поэзіей онъ видитъ такое же различіе, какъ между вдохновеніемъ и пошлостью обыденной жизни, между возвышенными грёзами юношества и филистерскимъ эгоизмомъ, между идеальными задачами художника и полезными работами ремесленника. Онъ желаетъ видѣть въ искусствѣ внутреннее содержаніе, жизненность, порицая голую формальность и пустое фразерство; этимъ опредѣляется характеръ и сущность его статей. Шуманъ однажды сдѣлалъ относительно музыкальныхъ рецензентовъ слѣдующее оригинальное сравненіе: „музыка побуждаетъ соловья къ пѣснямъ любви, а мопса къ тявканью". Ничто не можетъ лучше объяснить его собственное положеніе, какъ музыкальнаго критика. Именно соловьиныя пѣсни любви находимъ въ большей части его статей, отличающихся своеобразностью и оригинальностью. Поэтическое мечтательное настроеніе, составляющее главный характеръ всѣхъ литературныхъ работъ Шумана, оживляется прекраснымъ юморомъ и часто поражающимъ остроуміемъ; вмѣстѣ съ глубокою впечатлительностью и мечтательностью видна свѣжесть здоровой молодости. Вводить въ свои статьи, какъ это дѣлалъ Шуманъ, вымышленныя личности съ опредѣленно выраженными характерами (Флорестанъ, Эзебіусъ, Раро и др.), могъ только крупный литературный талантъ. Для своихъ критическихъ статей онъ выбиралъ разнообразныя формы и всѣ онѣ ему удавались. Однажды для разбора массы фортепіанныхъ полонезовъ, мазурокъ, вальсовъ разныхъ композиторовъ, Шуманъ придумываетъ слѣдующее: онъ описываетъ балъ у редактора большого музыкальнаго журнала. Въ числѣ приглашенныхъ находятся артисты, композиторы и, конечно, „члены Давидова Союза"; программа танцевъ составлена изъ разбираемыхъ имъ произведеній, критическая оцѣнка которыхъ является почти непримѣтно между разнообразными эпизодами, то весьма поэтическими, то забавными или юмористическими, составляющими описаніе бала [1]). Въ другой разъ онъ описываетъ, какъ собравшіеся „члены Давидова Союза" проигрываютъ фортепіанныя произведенія, подлежащія рецензіи, и обсуждаютъ ихъ достоинство. Исполненіе „Deutsche Tänze" Фр. Шуберта сопровождается туманными картинами; съ помощью волшебнаго фонаря на стѣнѣ проходитъ рядъ маскарадныхъ сценъ, въ то время какъ Флорестанъ, стоя на столѣ, объясняетъ эти картинки. Трудно представить что-нибудь болѣе оживленное, прелестное и остроумное, чѣмъ эта небольшая статейка [2]). Укажемъ еще на статейку подъ

---

[1]) Ges. Schriften, стр. 255.

[2]) См. Gesam. Schr., т. I, стр. 198.

заглавіемъ „Der alte Hauptmann“ [1]); этотъ разсказъ о старомъ военномъ, большомъ любителѣ музыки написанъ такъ мастерски, что здѣсь мы имѣемъ вполнѣ художественный типъ добраго достойнаго дилеттанта; тихій меланхолическій элементъ придаетъ этому очерку еще бóльшую прелесть. Нерѣдко Шуманъ вдавался и въ подробный детальный анализъ музыкальныхъ произведеній, какъ, напримѣръ, въ большой статьѣ о симфоніи Берліоза „Episode de la vie d'un artiste“ [2]).

Всѣ критическія статьи Шумана отличаются большимъ тактомъ, проникнуты тою порядочностью, которая никогда не допускаетъ рѣзкихъ, грубыхъ порицаній. Самое колкое и суровое изъ всего имъ написаннаго, это — статья объ оперѣ Мейербера „Гугеноты“ [3]); но, быть можетъ, нигдѣ не выразилась болѣе какъ здѣсь вся чистота и все благородство взглядовъ Шумана на задачи искусства. Вообще же, когда ему приходилось разбирать хотя плохія, но въ сущности безвредныя произведенія, онъ необыкновенно удачно умѣлъ пользоваться ироніей и шуткой; вполнѣ же хорошо чувствовалъ себя тогда, если ему приходилось хвалить и ободрять. Въ случаяхъ, когда въ сочувственныхъ ему произведеніяхъ необходимо было также что-нибудь не одобрить, онъ этого не упускалъ, но всегда умѣлъ сдѣлать въ тончайшей формѣ. Случалось иногда, особенно въ первое время критической дѣятельности, что онъ, принимая участіе во всемъ, казавшемся ему молодымъ, свѣжимъ, новымъ, поддерживалъ начинающихъ композиторовъ, которые впослѣдствіи далеко не оправдывали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, но, впрочемъ, это случалось не часто. Въ позднѣйшіе годы богатство поэтическаго элемента въ статьяхъ Шумана смѣнилось спокойною сдержанностью и болѣе разсудочнымъ анализомъ; преобладаніе практическаго музыканта надъ поэтомъ-литераторомъ обнаружилось явственнѣе, и самъ Шуманъ сознавался, что онъ часто простому мнѣнію одного музыканта придавалъ больше значенія, чѣмъ всѣмъ эстетикамъ. Въ общей совокупности, литературная дѣятельность Шумана не только существенно содѣйствовала въ свое время движенію искусства впередъ, но доставляетъ прочное значеніе его статьямъ въ музыкальной литературѣ. Какъ критика-эстетика Шумана нельзя назвать музыкальнымъ Лессингомъ; но въ немъ необыкновенно счастливо были соединены вмѣстѣ и поэтическій талантъ, и громадное музыкальное дарованіе, и эрудиція; кромѣ того, все, что имъ

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 261.
[2]) Тамъ же, стр. 68.
[3]) Gesam. Schr., т. I, стр. 323.

написано, доказываетъ его большую восприимчивость и весьма разностороннее образованіе. Все это вмѣстѣ обусловливаетъ оригинальность и высокое самостоятельное значеніе всѣхъ его литературныхъ работъ.

Кромѣ изданія газеты у Шумана были и другіе планы практической музыкальной дѣятельности. Его записная книжка [1]) доказываетъ, что онъ задумывалъ издать біографіи Бетховена и Баха, съ критическимъ разборомъ ихъ произведеній, біографическій лексиконъ современныхъ композиторовъ и дешевое изданіе „Wohltemperirte Clavier“ Баха, съ указаніемъ и критикой всѣхъ варіянтовъ. Также онъ подумывалъ объ агентурѣ для изданія музыкальныхъ произведеній на болѣе выгодныхъ для композиторовъ условіяхъ, чѣмъ существующія, объ образованіи въ Лейпцигѣ общества музыкальныхъ художниковъ и т. п.

Первое время послѣ начала литературныхъ и редакторскихъ работъ, Шуманъ находилъ мало досуга для композиторскихъ занятій, такъ что въ теченіе 1834—1835 г. изъ-подъ его пера вышло немного фортепіанныхъ произведеній, но, правда, одни изъ лучшихъ [2]). Творческая же дѣятельность его въ слѣдующіе года была значительно обширнѣе; къ періоду 1836—1839 гг. относится масса прекрасныхъ, но опять также исключительно фортепіанныхъ пьесъ [3]). Его художественная фантазія и творческая изобрѣтательность становились все богаче и богаче. „Прежде мудрствовалъ я долго,—писалъ Шуманъ 15 марта 1839 г.:—теперь же едва вычеркиваю одну ноту въ томъ, что́ напишу. Все является само собой и иногда, кажется, я могъ бы играть все дальше и дальше безъ конца“. Литературные пріемы Шумана отразились нѣсколько и въ его композиціяхъ, что́ доказываетъ напр. заглавіе ряда 18-ти небольшихъ фортепіанныхъ пьесокъ „Davidsbündlertänze“; точно также соната Fis-moll носила первоначально такое заглавіе „Pianoforte Sonate Clara zugeeignet von Florestan und Eusebius“ и т. п. Произведенія Шумана въ то время не имѣли особаго распространенія въ публикѣ, для которой оригинальность шумановскаго творчества была непонятною и потому считалась недостойною вниманія. Музыкальная критика большею

[1]) См. Schumann v. Wasielewski, стр. 91.

[2]) Именно: Etudes symphoniques (op. 13), Carnaval (op. 9), соната Fis-moll (начатая еще въ 1833 г.) и нѣсколько мелкихъ вещей.

[3]) Наиболѣе выдающіяся слѣдующія: соната G-moll, соната F-moll (concert sans orchestre), Phantasiestücke (op. 12), Phantasie (op. 17), die Davidsbündler (op. 6). Kinderscenen (op. 15), Kreisleriana (op. 16), Novelletten (op. 21), Humoreske (op. 20), Arabeske (op. 18), Faschingsschwank (op. 26) и др.

частью относилась къ нимъ весьма сдержанно и только Мошелесъ въ „N. Zeitschrift für Musik“ и Листъ въ „Gazette musicale“ напечатали очень хвалебные о Шуманѣ отзывы.

Когда въ 1835 г. Мендельсонъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ и сталъ во главѣ концертовъ „Гевандгауза“, то между нимъ и Шуманомъ скоро установились самыя близкія отношенія. Но эти отношенія не были одинаковы съ той и съ другой стороны; Шуманъ искренно любилъ и уважалъ Мендельсона, относился къ нему съ горячимъ увлеченіемъ и во всѣхъ своихъ статьяхъ о Мендельсонѣ и его произведеніяхъ всегда отзывался о немъ, какъ о величайшемъ изъ современныхъ композиторовъ; въ 1842 г. онъ посвятилъ ему свои три струнныхъ квартета и наконецъ у Шумана есть прочувствованная небольшая фортепіанная пьеска подъ заглавіемъ „Воспоминаніе“ [1]), помѣченная 4 ноября 1847 г. днемъ смерти Мендельсона. Между тѣмъ Мендельсонъ признавалъ въ Шуманѣ только литератора и критика, не замѣчая, случайно или умышленно, музыканта съ дарованіемъ несравненно бо̀льшимъ, чѣмъ его собственное. Напечатанныя-же впослѣдствіи письма Мендельсона доказали, что внѣшнія проявленія его дружбы къ Шуману были далеко не искреннія.

Въ концѣ 1838 г. обыденная дѣятельность Шумана по редакціи газеты была прервана его отъѣздомъ въ Вѣну, предпринятымъ по слѣдующей причинѣ. Уже болѣе двухъ лѣтъ онъ былъ женихомъ Клары Викъ, которую любилъ глубокимъ искреннимъ чувствомъ и которая отвѣчала ему взаимностью. Но отецъ Клары на всѣ просьбы Шумана о согласіи на бракъ отвѣчалъ уклончиво, объясняя, что тогдашнее положеніе и будущность претендента на руку его дочери были слишкомъ еще неопредѣленны и сомнительны для того, чтобы обзавестись своимъ семействомъ. Въ виду этого Шуманъ рѣшилъ перевести изданіе своей газеты въ Вѣну, разсчитывая, что ему удастся тамъ ее расширить и тѣмъ пріобрѣсть и лучшее матеріальное обезпеченіе и болѣе вліятельное положеніе. Съ этою цѣлью въ октябрѣ 1838 г. Шуманъ поѣхалъ въ Вѣну, но его надежды не увѣнчались успѣхомъ. Со стороны цензуры и полиціи онъ встрѣтилъ существенныя препятствія; отъ него потребовали, чтобы издателемъ газеты былъ непремѣнно австрійскій подданный. Старанія Шумана привлечь къ своему предпріятію кого-нибудь изъ вѣнскихъ книгопродавцевъ также были неуспѣшны и послѣ почти шестимѣсячныхъ хлопотъ разнаго рода онъ долженъ былъ отказаться отъ

[1]) См. Album für die Jugend (op. 68) № 28.

своего предпріятія. Неудача эта сильно опечалила Шумана и у него явилось тогда желаніе переселиться навсегда въ Англію. Какія были у него при этомъ планы и намѣренія, осталось неизвѣстнымъ; но въ Англіи Шуманъ никогда не былъ.

Живя въ Вѣнѣ, Шуманъ конечно не могъ не быть подъ впечатлѣніемъ непосредственныхъ воспоминаній объ умершихъ тамъ великихъ композиторахъ недавняго прошлаго, о Бетховенѣ и Францѣ Шубертѣ, къ которымъ онъ питалъ такое глубокое уваженіе. Особенно интересовалъ его послѣдній; желая узнать подробности о Шубертѣ отъ близкихъ ему людей, онъ познакомился съ однимъ изъ его братьевъ, у котораго оказалась цѣлая масса рукописей умершаго композитора и въ томъ числѣ партитура большой симфоніи именно C-dur. Симфонію эту Шубертъ окончилъ въ мартѣ 1828 г., но не дожилъ до ея исполненія; послѣ же его смерти (19 ноября 1828 г.) никто не позаботился объ оставшихся въ рукописяхъ произведеніяхъ. Шуманъ озаботился немедленно издать многія изъ этихъ рукописей, а партитуру симфоніи отправилъ въ Лейпцигъ, гдѣ она была исполнена въ 1-й разъ 21 марта 1839 г. подъ управленіемъ Мендельсона. Такимъ образомъ благодаря Шуману сохранилось одно изъ геніальнѣйшихъ шубертовскихъ произведеній, которое весьма легко могло быть совершенно уничтожено или еще долго оставаться неизвѣстнымъ.

Послѣ неудачнаго предпріятія въ Вѣнѣ, Фр. Викъ, понятно еще менѣе выражалъ согласія на бракъ своей дочери съ Шуманомъ. Тогда Шуманъ, видя, что никакихъ надеждъ на дружеское соглашеніе имѣть нельзя, рѣшилъ обратиться къ помощи суда. Судебный процессъ тянулся цѣлый годъ и хотя Викъ продолжалъ возставать противъ брака, но его доводы были признаны судомъ неосновательными и Шуманъ, выигравъ процессъ, получилъ наконецъ разрѣшеніе жениться на любимой имъ дѣвушкѣ. Всѣ эти обстоятельства и непріятности, сопряженныя съ судебнымъ дѣломъ, отзывались на Шуманѣ крайне тягостно и письма его, относящіяся къ этому времени, доказываютъ, что онъ находился въ самомъ возбужденномъ, напряженномъ состояніи все время до рѣшенія суда. Денежныя средства его въ то время, да и всегда во всю его жизнь, были только умѣренныя и едва обезпечивали его отъ крайней нужды при семейной жизни. Но Шуманъ, скромный въ житейскихъ требованіяхъ, смотрѣлъ на будущность съ бодрою увѣренностью въ свои силы. „Мы молоды,—писалъ онъ 19 февраля 1840 г. [1]),—имѣемъ руки и силы и имена; у меня есть небольшое состояніе, приносящее 500 талеровъ дохода. Га-

[1]) Schumann v. Wasielewski, стр. 379.

зета приноситъ мнѣ столько же, мои произведенія также оплачиваются хорошимъ гонораромъ. Скажите мнѣ, можетъ-ли при этомъ прійти нужда?"—Однако въ то же время его озабочивала одна идея, составлявшая предметъ его горячихъ желаній, именно идея о полученіи почетнаго диплома на званіе если не доктора музыки, то по крайней мѣрѣ доктора философіи. О такомъ дипломѣ онъ усердно хлопоталъ черезъ профессора іенскаго университета Кеферштейна, [1]) соглашаясь сдать экзаменъ или написать спеціально для этого литературное сочиненіе. Здѣсь сказывается характеристическая національная черта нѣмецкаго честолюбія, въ силу котораго только какой-нибудь болѣе или менѣе громкій титулъ даетъ право на почетное положеніе въ обществѣ. Клара Викъ занимала уже такое положеніе; она имѣла почетное званіе придворной піанистки нѣсколькихъ герцогскихъ и велико-герцогскихъ дворовъ и это обстоятельство заставляло Шумана, какъ писалъ онъ Кеферштейну, „часто задумываться надъ своимъ незначительнымъ положеніемъ". Наконецъ завѣтная мечта осуществилась и въ концѣ февраля 1840 г. Шуманъ получилъ отъ іенскаго университета дипломъ доктора философіи, выданный ему за его дѣятельность какъ художника-композитора, такъ и критика и эстетика. „Итакъ все свершилось къ моей радости,—писалъ онъ Кеферштейну 29 февраля.—Дипломъ содержитъ такія почетныя похвалы, что я долженъ благодарить васъ; дипломъ искренно порадовалъ меня и моихъ друзей. Первымъ дѣло было, конечно, послать одинъ экземпляръ на сѣверъ къ моей дѣвушкѣ (Клара Викъ концертировала въ сѣверной Германіи), которая почти еще ребенокъ и запрыгаетъ отъ удовольствія быть невѣстой доктора".—Когда такимъ образомъ всѣ затрудненія, препятствовавшія соединенію Шумана и Клары Викъ, были устранены, они повѣнчались. Бракосочетаніе состоялось въ мѣстечкѣ Шенфельдѣ близъ Лейпцига 12 сентября 1840 г.

Въ томъ же году совершилась неожиданная перемѣна въ творческой дѣятельности Шумана. Если не считать его юношескихъ дилеттантскихъ опытовъ, то до 1840 г. онъ писалъ исключительно для фортепіано. Теперь онъ обратился къ вокальной музыкѣ и отдался ей съ увлеченіемъ. „Я пишу теперь только вокальныя вещи, большія и малыя,—сообщалъ онъ Кеферштейну въ письмѣ отъ 10 февраля 1840 г. — Врядъ ли могу выразить, какое составляетъ для меня наслажденіе писать для голоса и какъ меня волнуетъ (wagt und tobt), когда я сижу за работой". Въ теченіе одного года онъ написалъ болѣе ста пѣсенъ

[1]) Schumann, v. Wasielewski. Письма Шумана къ Кеферштейну, стр. 373—384.

и романсовъ для голоса съ фортепіано, составляющее значительнѣйшее не только по количеству, но и по достоинству изъ всего написаннаго имъ въ этомъ родѣ. Достаточно обратить вниманіе на текстъ большинства этихъ романсовъ, чтобы убѣдиться, что главную роль въ перемѣнѣ творческой дѣятельности играла любовь, которая, послѣ долгихъ ожиданій, сомнѣній и борьбы, наконецъ увѣнчалась побѣдой и принесла счастье и блаженство впечатлительной душѣ музыканта-поэта [1]). Спустя годъ Шуманъ чувствовалъ, что имъ достаточно сдѣлано въ формѣ пѣсни съ акомпаниментомъ фортепіано и, вѣроятно, на вопросъ, имѣетъ ли онъ намѣреніе продолжать въ этомъ же направленіи, онъ отвѣчалъ: „я не отваживаюсь обѣщать болѣе того, что мною сдѣлано (именно въ пѣснѣ) и этимъ остаюсь вполнѣ доволенъ [2]). Дѣйствительно имъ было уже сдѣлано въ области вокальной музыки съ фортепіано очень многое, весьма существенное, оригинальное и самостоятельное; онъ хорошо сознавалъ это и однажды возражалъ одному музыкальному рецензенту въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ вашей статьѣ о пѣснѣ меня немного огорчило, что вы меня поставили во второмъ классѣ. Я не претендую на первый; но на собственное самостоятельное мѣсто, полагаю, могу имѣть право".

Въ слѣдующемъ 1841 году снова находимъ перемѣну въ композиторской дѣятельности Шумана; отъ фортепіанной и вокальной музыки онъ обратился къ музыкѣ симфонической. 31 марта 1841 г. въ концертѣ Клары Шуманъ въ Лейпцигѣ въ первый разъ была исполнена его первая симфонія B-dur, которая имѣла значительный успѣхъ въ публикѣ и была тогда же напечатана. Въ декабрѣ того же года были исполнены еще два оркестровыхъ произведенія; оба они особеннаго успѣха не имѣли, и потому Шуманъ впослѣдствіи ихъ передѣлалъ. Первое изъ нихъ—„симфоническая фантазія" (названная при первомъ исполненіи „2-ю симфоніею") была въ 1851 г. переинструментована и издана какъ 4-я симфонія D-moll. Другое, первоначально названое „sinfonietta", въ переработкѣ, предпринятой въ 1845 г., издана подъ заглавіемъ „Увертюра, Скерцо и Финалъ". Одновременно съ этими произведеніями была написана „Фантазія" для фортепіано съ оркестромъ, составившая впослѣдствіи (въ 1845 г.) первое аллегро извѣстнаго фортепіаннаго концерта A-moll.

[1]) Это доказываютъ многіе изъ его романсовъ, напр. „Myrthen" (op. 25), посвященный авторомъ „своей возлюбленной невѣстѣ"; „Liebesfrühling" (op. 37), „Frauenliebe und Leben" (op. 42), „Dichterliebe" (op. 48).

[2]) Тамъ-же, стр. 389.

Вскорѣ Шуманъ опять перешелъ къ новому роду музыки. 1842 г. былъ посвященъ имъ музыкѣ камерной. Сперва появились три квартета для струнныхъ инструментовъ, посвященные Мендельсону. Хотя это были первые опыты Шумана въ этомъ родѣ, но всѣ три квартета написаны почти въ одинъ мѣсяцъ, быстрота изумительная, доказывающая необыкновенное богатство творческой изобрѣтательности и художественной фантазіи. Квартеты эти тотчасъ же заинтересовали лейпцигскихъ музыкантовъ и скоро они получили болѣе широкое распространеніе. Съ этого времени уваженіе къ Шуману, съ каждымъ новымъ его произведеніемъ, увеличивалось все болѣе и болѣе и, если не во всей Германіи, то по крайней мѣрѣ въ Лейпцигѣ, на него начали смотрѣть какъ на дѣйствительно первокласснаго композитора. Вслѣдъ за квартетами появилось произведеніе, составившее Шуману еще бóльшую извѣстность, именно, квинтетъ для фортепіано и струнныхъ инструментовъ, посвященный Кларѣ Шуманъ и ею же первый разъ публично исполненный 8 января 1843 г. Послѣ квинтета въ томъ же 1842 г. написанъ квартетъ для фортепіано и струнныхъ инструментовъ и тріо, изданное только спустя восемь лѣтъ подъ заглавіемъ „Phantasiestücke“ для фортепіано, скрипки и віолончеля.

Это былъ періодъ наиболѣе богатой и разнообразной композиторской дѣятельности Шумана, когда онъ, испытывая свои силы въ разныхъ родахъ музыки, обогащалъ искусство чудеснѣйшими произведеніями своего творчества. При значительномъ поэтическомъ элементѣ, составлявшемъ одну изъ существенныхъ сторонъ его художественнаго дарованія, при той оригинальности и самостоятельности, которыя онъ проявилъ въ романсахъ,—естественно было ожидать, что онъ предприметъ большое вокальное произведеніе на какой-нибудь поэтическій сюжетъ. Дѣйствительно, въ 1843 г. онъ написалъ „Рай и Пери“ для оркестра, хора и вокальныхъ соло; текстъ для этого произведенія онъ заимствовалъ изъ поэмы „Лалла Рукъ“ Томаса Мура. Это произведеніе, исполненное въ декабрѣ 1843 г. два раза въ Лейпцигѣ, подъ управленіемъ самого Шумана и затѣмъ въ Дрезденѣ — было принято публикой съ энтузіазмомъ. Въ слѣдующемъ году онъ принялся за другую большую партитуру въ этомъ же родѣ, за музыку къ „Фаусту“ Гёте, но слишкомъ напряженные труды за послѣдніе годы разстроили его здоровье до такой степени, что онъ на время долженъ былъ отказаться отъ композиторской дѣятельности.

П. Трифоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа 1885.

Второй годичный отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка. — Положеніе о дворянскомъ земельномъ банкѣ.—Новый текстъ проекта общей части уголовнаго уложенія.—Церковно-приходскія школы въ с.-петербургской губерніи.— Новыя правила о питейной торговлѣ.

Обнародованный недавно отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1884 г. заключаетъ въ себѣ массу характеристичныхъ данныхъ. Немного найдется у насъ учрежденій, которыя въ столь короткое время заняли бы столь выдающееся и прочное мѣсто въ государственной и общественной жизни. Управленіе банкомъ сразу вступило на опредѣленный, ясно намѣченный путь, вполнѣ соотвѣтствующій его назначенію—и этому пути оно остается неуклонно вѣрнымъ, несмотря на ожесточенныя, систематически-недобросовѣстныя нападенія многочисленныхъ враговъ новаго дѣла, несмотря на опасные совѣты вновь обращенныхъ, сомнительныхъ друзей его. Противодѣйствіе, встрѣченное въ извѣстныхъ сферахъ уже первоначальнымъ проектомъ устава поземельнаго банка и обострявшееся съ тѣхъ поръ все больше и больше, принадлежитъ къ числу тѣхъ явленій, которыя знаменуютъ собою цѣлую эпоху или, по крайней мѣрѣ, цѣлое направленіе. Оно служитъ лучшимъ мѣриломъ мудрости нашихъ ультра-консерваторовъ или реакціонеровъ, лучшимъ комментаріемъ къ сладкимъ рѣчамъ нашихъ мнимыхъ народолюбцевъ. Оно показываетъ съ особенною ясностью, чего можно ожидать отъ рыцарей сословности, отъ близорукихъ сторонниковъ привилегированнаго меньшинства. Мы едва ли ошибемся, если назовемъ крестьянскій поземельный банкъ наиболѣе удачнымъ созданіемъ послѣдняго пятилѣтія; тѣмъ знаменательнѣе то обстоятельство, что именно онъ призванъ къ жизни и продолжаетъ существовать не благодаря, а вопреки теченію, господствующему или преобладающему въ настоящую минуту.

„Безземелье и малоземелье, — повторяемъ сказанное нами при разборѣ перваго отчета крестьянскаго банка [1],—вотъ то зло, къ борьбѣ съ которымъ предназначенъ крестьянскій банкъ“. Главная заслуга управленія банкомъ заключается, съ нашей точки зрѣнія, именно въ томъ, что оно дѣйствуетъ въ смыслѣ основной идеи банка, восполняя, насколько это отъ него зависитъ, пробѣлы и несовершенства устава. „Совѣтъ Банка, — читаемъ мы въ отчетѣ за истекшій годъ,—не считаетъ возможнымъ оказывать въ одинаковомъ размѣрѣ помощь всѣмъ крестьянамъ, не дѣлая никакого различія между людьми состоятельными (могущими производить значительныя затраты изъ собственныхъ средствъ) и наиболѣе нуждающимися. Такъ какъ Банкъ учрежденъ для облегченія крестьянамъ покупки земель, то необходимо согласовать степень облегченія покупокъ съ размѣромъ нужды покупщиковъ, выдавая особенно нуждающимся бóльшія, а наиболѣе состоятельнымъ — сравнительно меньшія ссуды и отказывая въ ссудахъ для покупки земли крестьянамъ многоземельнымъ и вообще очень состоятельнымъ... Ссудами Банка пользуются, главнымъ образомъ, крестьяне малоземельные и отчасти безземельные, для коихъ помощь Банка является единственнымъ средствомъ къ выходу изъ крайне затруднительнаго положенія“. Какъ далеко отъ этой руководящей мысли до девиза, изобрѣтеннаго „Русью“: „помогать и содѣйствовать можно только тому, чтó имѣетъ въ себѣ надлежащую хозяйственную состоятельность“! Вмѣсто того, чтобы увеличивать благосостояніе имущихъ, чтобы заботиться объ обогащеніи „исправныхъ хозяевъ“, управленіе банкомъ совершенно основательно и справедливо выдвигаетъ на первый планъ интересы „наиболѣе нуждающихся“. Въ отчетѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы условіемъ выдачи ссуды признавалась наличность дома и хозяйства; напротивъ того, выдача ссудъ крестьянамъ безземельнымъ заставляетъ предполагать, что между получателями ссудъ есть и такіе, которые только намѣреваются еще обзавестись земледѣльческимъ хозяйствомъ. Исходя изъ правильно установленнаго основного начала, Совѣтъ банка отказалъ въ утвержденіи девяти сдѣлокъ, участники которыхъ обладали уже значительнымъ количествомъ собственной земли—столь значительнымъ, что обработать его силами своихъ семействъ не были въ состояніи, и слѣдовательно для хозяйства на вновь купленной землѣ должны были бы обратиться къ наемному труду. Не получили утвержденія, точно также, двѣнадцать сдѣлокъ, по которымъ размѣръ испрашиваемой ссуды и данныя о состоятельности покупщиковъ указывали на то, что ходатайство о

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 6 „В. Евр.“ за 1884 годъ.

ссудѣ возникло не изъ нужды покупщиковъ въ ссудѣ, а лишь изъ желанія избавиться отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ. Одно башкирское общество, состоящее въ значительной части изъ лицъ, земледѣліемъ не занимающихся, сдавало около пятисотъ десятинъ собственной земли въ аренду и, предполагая купить сосѣднюю землю, разсчитывало поступить съ нею такимъ же образомъ. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ управленіе банкомъ отказало обществу въ просимой ссудѣ.

Насколько образъ дѣйствій банка способствуетъ переходу земли въ руки крестьянъ безземельныхъ и малоземельныхъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: помощью банка воспользовалось въ 1884 г. 98,207 душъ. Относительно 36,752 душъ прежній, до покупки земли съ помощью банка, размѣръ землевладѣнія не приведенъ въ извѣстность; изъ числа остальныхъ 61,455 безземельныхъ и малоземельныхъ (т.-е. имѣвшихъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ десятины на душу) было 25,648, т.-е. около 42%[1]). Почти столько же—22,402—имѣли отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 десятинъ на душу; болѣе 3 десятинъ имѣли только 13,405 душъ. По справедливому замѣчанію составителей Отчета, во многихъ губерніяхъ (напр., тверской, смоленской, могилевской, уфимской) надѣлъ, не превышающій 3 десятинъ, можетъ считаться малоземельемъ. Если причислить покупщиковъ этой категоріи къ разряду крестьянъ малоземельныхъ, то процентная цифра послѣднихъ возвысится до 58. Среднимъ числомъ куплено на душу около $2\frac{1}{8}$ десятинъ (сельскими обществами—$1\frac{7}{8}$, товариществами—$2\frac{3}{4}$, отдѣльными крестьянами—$2\frac{7}{8}$). Въ губерніяхъ густо населенныхъ и черноземныхъ (напр., курской, рязанской) средняя цифра причитающейся на душу земли составляетъ не болѣе одной десятины.

Управленіе банкомъ обусловливаетъ иногда выдачу ссудъ не только положеніемъ покупателей и степенью ихъ нужды, но и степенью выгодности покупки; оно не утверждаетъ сдѣлокъ раззорительныхъ, явно убыточныхъ для крестьянъ. Еслибы послѣдствіемъ такого образа дѣйствій было только предупрежденіе сдѣлокъ, необдуманно или легкомысленно проектированныхъ, то и за это можно было бы лишь благодарить управленіе банкомъ. Сдѣлки, невыгодныя для крестьянъ, невыгодны, вмѣстѣ съ тѣмъ, для всего банковаго дѣла; онѣ легко могутъ повлечь за собою несостоятельность покупщиковъ, назначеніе земли въ публичную продажу, а затѣмъ и недовыручку казною выданныхъ въ ссуду денегъ. Стоило бы только подобнымъ случаямъ повториться нѣсколько разъ—и у враговъ кре-

---

[1]) Нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующихъ отчетахъ банка безземельные крестьяне были показываемы отдѣльно отъ малоземельныхъ.

стьянскаго банка очутилось бы опасное оружіе противъ него; не даромъ они заранѣе предвѣщали неисправный взносъ срочныхъ платежей, не даромъ готовы были вѣрить всякому слуху о накопленіи недоимокъ. Отчетъ за 1884 г. не оправдалъ ихъ надежды; данныя, относящіяся къ поступленію платежей, благопріятны сверхъ всякаго ожиданія. Всѣхъ платежей въ 1884 г. должно было поступить 277,851 руб., а поступило въ дѣйствительности 265,601 руб.; изъ этой послѣдней суммы 78,785 р. (болѣе одной четверти) было внесено до срока, 91,607 руб. (одна треть)—въ самый день срока, 72,524 руб.—въ теченіе перваго мѣсяца по срокѣ. Разсроченъ платежъ 706 руб.; изъ числа остальныхъ, невнесенныхъ къ 1 января 1885 г. 11,544 р, перешли за предѣлы льготнаго срока только 476 р. —и эта недоимка въ началѣ января внесена полностью. О болѣе блестящемъ результатѣ нельзя было и мечтать. Не менѣе важнымъ представляется другое обстоятельство, выясняемое Отчетомъ. Отказъ банка въ утвержденіи сдѣлки, невыгодной для крестьянъ, далеко не всегда приводитъ къ полному разстройству сдѣлки; бываютъ случаи, когда предположенная покупка земли съ помощью банка все-таки осуществляется, но при другихъ условіяхъ, гораздо болѣе благопріятныхъ. Такъ, напримѣръ, крестьяне соглашались купить обширный участокъ земли съ доплатой, въ четыре полу-годовыхъ срока, двѣнадцати тысячъ рублей и съ обезпеченіемъ каждаго срочнаго платежа равною ему, т.-е. трехтысячною неустойкою. Управленіе банкомъ объявило, что оно разрѣшитъ ссуду лишь подъ условіемъ разсрочки доплаты на пять лѣтъ, безъ неустоекъ—и продавецъ на это согласился. Иногда усилія банка клонились къ уменьшенію покупной цѣны; въ одномъ случаѣ ему удалось понизить ее съ 185 до 148 тысячъ, въ другомъ—съ 220 до 185 тысячъ, причемъ цифра доплаты была низведена съ 25 тысячъ до 10. Иногда, наконецъ, требованіе банка было выражаемо въ альтернативной формѣ—или уменьшить покупную цѣну, или разсрочить, на льготныхъ для крестьянъ условіяхъ, слѣдующую съ нихъ доплату къ банковой ссудѣ. Изъ нѣсколькихъ десятковъ сдѣлокъ, по которымъ было предъявлено подобное требованіе, разстроились, вслѣдствіе предъявленія его, только двѣ. Процентное отношеніе доплатъ къ банковымъ ссудамъ въ 1884 г. нѣсколько менѣе благопріятно, чѣмъ въ 1883-мъ, но все-таки не внушаетъ опасеній, тѣмъ болѣе, что высокихъ размѣровъ оно по прежнему достигаетъ только при покупкѣ земель отдѣльными крестьянами. На рубль доплаты здѣсь приходится около $1^1/_2$ руб. ссуды, между тѣмъ какъ при покупкѣ земли товариществами цифра доплаты относится къ цифрѣ ссуды какъ $1:4^2/_3$ (въ 1883 г.—1:7), при покупкѣ земли сельскими обществами—какъ $1:8^1/_4$ (въ 1883 г.

—1 : 9⅜). Въ общей сложности цифра доплатъ составляетъ около 13 ½% стоимости купленной земли. Почти двѣ трети доплачиваемой суммы (951 тысяча изъ полутора милліона) внесены при самомъ совершеніи сдѣлокъ; сообразно съ этимъ уменьшается опасность, сопряженная для покупщиковъ съ присоединеніемъ къ банковому долгу значительныхъ обязательствъ передъ частными лицами. Разсрочено до трехъ лѣтъ послѣ совершенія купчей съ небольшимъ двѣсти тысячъ, до шести лѣтъ—около 250 тысячъ, болѣе чѣмъ на шесть лѣтъ — 86 тысячъ рублей. Не благопріятствуетъ разсрочкѣ то принятое банкомъ правило, въ силу котораго онъ только въ исключительныхъ случаяхъ допускаетъ совершеніе второй закладной, обезпечивающей доплату; но правило это вполнѣ раціонально, какъ потому, что оно противодѣйствуетъ обремененію крестьянъ непосильными долгами, такъ и потому, что при существованіи второй закладной земля, купленная съ помощью банковой ссуды, слишкомъ легко можетъ возвратиться, de facto, въ руки прежняго владѣльца.

Главными покупщиками земли при содѣйствіи крестьянскаго банка по прежнему являются сельскія общества; ими пріобрѣтено около 59¾% всей купленной земли (125,260 десятинъ изъ 210,047) и получено въ ссуду около 62½% всѣхъ выданныхъ банкомъ денегъ (почти шесть милліоновъ изъ девяти съ половиной). На долю товариществъ приходится около 39¾% купленной земли и около 37½% выданныхъ денегъ. Покупки, сдѣланныя отдѣльными крестьянами, крайне незначительны; онѣ обнимаютъ собою менѣе тысячи десятинъ, на пріобрѣтеніе которыхъ выдано банкомъ 33,411 рублей. По числу сдѣлокъ первое мѣсто принадлежитъ товариществамъ (377), сельскимъ обществамъ—второе (233). Необходимо замѣтить, однако, что иногда покупки товариществами ничѣмъ не отличаются, на самомъ дѣлѣ, отъ покупокъ обществами. Бываютъ случаи, когда покупка земли не по силамъ одному сельскому обществу—а такъ какъ уставъ банка не допускаетъ совмѣстной покупки земли обществомъ и отдѣльными лицами, то общество, пригласивъ къ участію въ покупкѣ нѣсколькихъ сосѣднихъ крестьянъ, образуетъ съ ними товарищество, которое и является оффиціальнымъ покупщикомъ земли. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, нѣкоторые члены общества не хотятъ или не могутъ участвовать въ покупкѣ—и тогда товарищество составляется изъ всѣхъ остальныхъ общественниковъ. Иногда покупка совершается товариществомъ, состоящимъ изъ всѣхъ жителей даннаго поселенія, возведенію котораго на степень общества мѣшаетъ лишь недостаточность числа душъ, къ нему приписанныхъ.

Одно изъ обычныхъ обвиненій противъ дѣятельности крестьянскаго банка заключается въ томъ, что она ведетъ къ искусственному, не-

нормальному повышенію цѣнъ на землю. Данныя, приводимыя Отчетомъ, не подтверждаютъ этого обвиненія. Средняя цѣна купленной при содѣйствіи банка десятины превышаетъ сто рублей—и то всего шестью рублями—только въ одной курской губерніи. Въ губерніяхъ пензенской, ковенской, подольской, рязанской, полтавской и тамбовской она колеблется между 90 и 100 рублями; въ губерніяхъ тверской, уфимской и могилевской она падаетъ до 20—17 рублей. Для точныхъ выводовъ изъ этихъ цѣнъ необходимо было бы, конечно, сравнить ихъ съ средними цѣнами другихъ продажъ, совершенныхъ въ то же время, въ тѣхъ же мѣстностяхъ; но сомнѣваться въ умѣренности цѣнъ, платимыхъ за покупаемую при содѣйствіи банка землю, и теперь уже не представляется основаній. Сто или менѣе ста рублей за десятину въ лучшихъ мѣстностяхъ Россіи—цѣна очевидно не преувеличенная. Необходимо имѣть въ виду, что въ большинствѣ случаевъ земли, покупаемыя товариществами и сельскими обществами (особенно послѣдними), лежатъ смежно съ прежнимъ владѣніемъ покупщиковъ или весьма отъ него близко, и слѣдовательно представляются для нихъ гораздо болѣе важными и цѣнными, чѣмъ для постороннихъ покупателей. Изъ числа 210,047 купленныхъ десятинъ вполнѣ смежными съ прежнимъ владѣніемъ покупщиковъ были 146,989 (70%), на разстояніи одной версты отъ него или менѣе лежали 9,760 (5%), на разстояніи отъ одной до трехъ верстъ—8,906 десятинъ (4%). Для сельскихъ обществъ эти отношенія еще болѣе благопріятны; вмѣсто 70% смежныхъ земель получается здѣсь 80%, а всѣ три отношенія, вмѣстѣ взятыя, составляютъ уже не 79, а 90%. Изъ числа 31,000 десятинъ, купленныхъ на разстояніи болѣе десятиверстнаго, болѣе 15 тысячъ предназначалось для переселенія.

Разбирая, годъ тому назадъ, первый отчетъ крестьянскаго банка, мы выразили сожалѣніе, что онъ не содержитъ въ себѣ свѣденій о званіи продавцовъ земли, купленной при содѣйствіи банка. Теперь этотъ пробѣлъ почти пополненъ; свѣденій о званіи продавцовъ не собрано лишь относительно 8,078 десятинъ. Изъ числа остальныхъ 201,969 десятинъ крестьянамъ и казакамъ (т.-е. лицамъ тѣхъ сословій, отъ которыхъ наименѣе желательно пріобрѣтеніе земли съ помощью крестьянскаго банка) принадлежала только 4,031 десятина (менѣе 2%). Отъ евреевъ куплено одиннадцать тысячъ, отъ купцовъ и мѣщанъ — двадцать шесть тысячъ, отъ дворянъ и чиновниковъ— болѣе полутораста тысячъ десятинъ. Изъ числа проданныхъ земель по наслѣдству и даренію перешло въ руки продавцовъ не болѣе 45%; другими словами, болѣе половины земель были проданы не коренными землевладѣльцами, а случайными пріобрѣтателями земли, еще не связанными крѣпко и тѣсно съ данною мѣстностью. Въ большинствѣ

случаевъ продавецъ земли самъ хозяйничалъ въ имѣніи, не сдавая его цѣликомъ въ аренду; но, по справедливому замѣчанію составителей Отчета, веденіе самостоятельнаго хозяйства сплошь и рядомъ идетъ рука объ руку съ сдачей части земли въ аренду—и объектомъ продажи во многихъ случаяхъ могла быть именно эта часть. Въ трехъ губерніяхъ всѣ продажи, въ восьми губерніяхъ—большинство продажъ сдѣланы лицами, въ имѣніяхъ не жившими. Отсюда ясно, что значительнымъ уменьшеніемъ числа личныхъ землевладѣльцевъ, живущихъ въ деревнѣ и занимающихся хозяйствомъ, дѣятельность банка вовсе не угрожаетъ.

Когда пробѣлы или недостатки устава не могутъ быть пополнены или исправлены практикою, управленіе банкомъ принимаетъ на себя иниціативу законодательныхъ измѣненій въ текстѣ устава. Такихъ измѣненій въ минувшемъ отчетномъ году проектировано два: одно изъ нихъ направлено къ упрощенію порядка выдачи членами товарищества полномочій на совершеніе покупной сдѣлки, другое — къ распространенію дѣятельности банка на мѣщанъ, постоянно занимающихся хлѣбопашествомъ. И то, и другое вполнѣ цѣлесообразно. Немногія нареканія на крестьянскій банкъ, идущія не изъ систематической къ нему непріязни, касаются всего чаще именно затрудненій, встрѣчаемыхъ товариществами при совершеніи сдѣлокъ съ помощью банка. Необходимость обезпечить за сдѣлкой твердое, безспорное юридическое значеніе обусловливаетъ собою извѣстную сумму формальностей, безъ которыхъ обойтись нельзя — но эта сумма должна быть доведена до минимума, указаннаго опытомъ. Еще важнѣе другое нововведеніе, проектированное управленіемъ банка. Главная цѣль банка — помогать пріобрѣтенію земли лицами, ее воздѣлывающими. Какое наименованіе они носятъ, къ какому сословію они причислены —это, очевидно, безразлично: вновь учрежденный банкъ былъ названъ крестьянскимъ не потому, чтобы правительственная помощь должна была стать исключительнымъ достояніемъ одного общественнаго класса, а потому, что громадная масса землевладѣльцевъ или хлѣбопашцевъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію. Практика скоро напомнила о томъ, что названіе не обнимаетъ собою всего факта, что существуютъ цѣлыя категоріи населенія, по имени отличныя отъ крестьянъ, но на самомъ дѣлѣ совершенно тождественныя съ ними. Уже въ первый годъ дѣятельности банка понадобилось разъяснить, что къ разряду крестьянъ могутъ быть относимы и казаки. Затѣмъ выдвинулись на сцену херсонскіе мѣщане-десятинщики — „забытые пахари“, какъ назвалъ ихъ г. Воропоновъ въ статьѣ, напечатанной въ нашемъ журналѣ (1884, № 3). Единственнымъ въ своемъ родѣ этого явленія признать никакъ нельзя. Можно издавна

жить въ деревнѣ, заниматься однимъ только хлѣбопашествомъ и все-таки носить званіе мѣщанина. Между чиншевиками западныхъ губерній немало мѣщанъ; намъ извѣстна небольшая деревня въ одномъ изъ уѣздовъ петербургской губерніи, вся сплошь населенная мѣщанами. Этого мало: значительная часть городского населенія, по занятіямъ своимъ и промысламъ, находится до сихъ поръ въ однихъ условіяхъ съ крестьянами. Даже въ такихъ торговыхъ городахъ, какъ Хвалынскъ или Вольскъ (саратовской губерніи), многіе жители не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ доставляемыхъ земледѣліемъ. Къ вольскому мѣщанскому обществу приписаны жители нѣсколькихъ сосѣднихъ съ городомъ „хуторовъ", составляющихъ нѣчто среднее между городскимъ предмѣстьемъ и сельскимъ поселеніемъ. Разумныхъ поводовъ къ исключенію всѣхъ этихъ „земледѣльцевъ въ мѣщанствѣ" изъ круга дѣйствій крестьянскаго банка нѣтъ никакихъ, и управленіе банкомъ поступило совершенно правильно, возбудивъ вопросъ о признаніи за мѣщанами-хлѣбопашцами права на полученіе, при наличности всѣхъ необходимыхъ для того условій, банковой ссуды [1]). Есть еще одна перемѣна, которую, какъ намъ кажется, желательно было бы произвести въ уставѣ банка. Мы уже видѣли выше, что когда силъ одного сельскаго общества не хватаетъ на покупку намѣченнаго имъ участка земли, и оно приглашаетъ къ участію въ покупкѣ еще нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, покупка можетъ быть совершена не иначе, какъ на имя товарищества, составленнаго изъ членовъ общества и присоединившихся къ нему покупщиковъ. Гораздо проще и полезнѣе было бы устранить необходимость подобныхъ фикцій, разрѣшивъ покупку земли совмѣстно сельскимъ обществомъ и отдѣльными лицами, или сельскимъ обществомъ и товариществомъ. Въ опредѣленіи отношеній между сельскимъ обществомъ и другими участниками покупки едва ли встрѣтилось бы больше затрудненій, чѣмъ въ опредѣленіи отношеній между членами товарищества. Между тѣмъ, покупка обществомъ представляла бы больше гарантій для каждаго члена общества, больше шансовъ прочности общиннаго владѣнія покупаемою землею, чѣмъ покупка товариществомъ, искусственно сложившимся съ чисто формальною цѣлью.

Къ одиннадцати отдѣленіямъ банка, открытымъ вслѣдъ за введеніемъ въ дѣйствіе положенія 18 мая 1882 г., присоединилось въ 1884 г. еще семь, такъ что содѣйствіемъ банка могли пользоваться крестьяне восемнадцати губерній: пяти западныхъ—подольской, кіевской, волынской, ковенской и могилевской, двухъ малороссійскихъ—

---

[1]) Судя по газетнымъ сообщеніямъ, этотъ вопросъ уже разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

черниговской и полтавской, трехъ южныхъ—херсонской, таврической и екатеринославской, двухъ пограничныхъ съ сѣверною полосою—тверской и смоленской, четырехъ центральныхъ—курской, тамбовской, пензенской и рязанской и двухъ восточныхъ—саратовской и уфимской (подчеркнуты нами тѣ губерніи, въ которыхъ отдѣленія банка открыты въ 1884 г.). Число сдѣлокъ распредѣляется между губерніями крайне неравномѣрно, восходя отъ двухъ (въ ковенской губерніи) или трехъ (въ губерніяхъ волынской и таврической) до 248 (въ полтавской губерніи). По количеству купленныхъ десятинъ на первомъ планѣ стоятъ губерніи полтавская (34 тысячи) и екатеринославская (57 тысячъ), на послѣднемъ—губерніи волынская (1123 десятины) и ковенская (71 десятина); размѣръ выданныхъ ссудъ въ екатеринославской губерніи приближается къ $2^1/_2$ милліонамъ рублей, въ полтавской губерніи—превышаетъ эту цифру, въ волынской губерніи—упадаетъ до 33 тысячъ, въ ковенской—до 3800 рублей. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, прежде всего, что выборъ губерній для открытія дѣятельности банка оказался не вполнѣ удачнымъ и что нѣкоторыя отдѣленія банка пора было бы перенести въ другое мѣсто, если только не имѣется въ виду учредить ихъ, въ скоромъ времени, на всемъ пространствѣ европейской Россіи? Есть ли основаніе, напримѣръ, оставлять отдѣленіе банка въ волынской губерніи, гдѣ число ссудъ за оба отчетные года не превышаетъ пяти? Тоже самое придется сказать и о губерніяхъ ковенской и таврической, если текущій годъ не дастъ для нихъ болѣе благопріятныхъ результатовъ. Скажемъ болѣе: разъ что населеніе многихъ губерній вовсе лишено возможности пользоваться услугами банка, едва ли справедливо сохранять отдѣленія банка въ подольской и черниговской губерніяхъ, гдѣ число сдѣлокъ за два отчетные года составляетъ только 12 и 23 и гдѣ, притомъ, между покупателями очень мало сельскихъ обществъ. Всего правильнѣе, по нашему мнѣнію, было бы теперь же распространить дѣйствіе устава банка на всю европейскую Россію. Только опытъ можетъ показать, гдѣ имѣются на лицо данныя для самаго большаго спроса на землю и самаго большаго предложенія ея. Мы вполнѣ убѣждены, что въ сѣверныхъ, напримѣръ, губерніяхъ (петербургской, новгородской, псковской) не будетъ недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ. Въ одномъ небольшомъ, хорошо извѣстномъ намъ уголкѣ петербургской губерніи, на протяженіи какихъ-нибудь 20—25 квадратныхъ верстъ, совершилось, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, три перехода имѣній изъ однѣхъ частныхъ рукъ въ другія—и во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ имѣнія навѣрное были бы куплены мѣстными сельскими обществами, къ большой для нихъ выгодѣ, еслибы только въ петербургской губер-

ніи существовало отдѣленіе крестьянскаго банка (объ открытіи его петербургское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать еще въ мартѣ 1883 г.). Противъ быстраго расширенія круга дѣйствій банка могутъ быть приведены два главные довода: недостатокъ средствъ для выдачи ссудъ и значительность расходовъ, сопряженныхъ съ открытіемъ каждаго отдѣленія банка. Убѣдительной силы не имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, ни тотъ, ни другой. Пять милліоновъ въ годъ не составляютъ, къ счастію, предѣла дѣятельности крестьянскаго банка; для 1884 г. эта цифра была увеличена вдвое, и сумма выданныхъ ссудъ превысила десять съ половиною милліоновъ рублей. Ничто не мѣшаетъ идти еще дальше по этому пути, особенно въ виду широкихъ размѣровъ, до которыхъ дойдутъ, по всей вѣроятности, операціи дворянскаго земельнаго банка. Еслибы сокращеніе общей цифры выдаваемыхъ ссудъ оказалось почему-нибудь неизбѣжнымъ, то оно могло бы быть достигнуто усиленіемъ разборчивости при выдачѣ ссудъ, т.-е. назначеніемъ ихъ только крайне нуждающимся въ землѣ, понимая подъ именемъ нуждающихся какъ крестьянъ безземельныхъ или малоземельныхъ, такъ и тѣхъ, для которыхъ особенно важно пріобрѣтеніе даннаго участка земли (вслѣдствіе, напримѣръ, смежности его, заставляющей арендовать его за слишкомъ высокую цѣну или безпрестанно служащей поводомъ къ процессамъ). Что касается до расходовъ на содержаніе отдѣленій, то въ сравненіи съ пользой, приносимой расширеніемъ дѣятельности банка, они совершенно ничтожны. Уменьшенію ихъ способствуетъ, притомъ, сочувственное отношеніе къ банку нѣкоторыхъ земствъ, ассигнующихъ добавочныя суммы на канцелярію отдѣленія или оплачивающихъ разъѣзды его членовъ. Косвенную, но весьма цѣнную помощь оказываютъ банку и тѣ земства, которыя назначаютъ достаточное содержаніе земскимъ членамъ банковыхъ отдѣленій (такихъ земствъ семь, а размѣръ содержанія колеблется между 750 и 2400 рублями). Вознаграждаемые за свой трудъ земскіе выборные могутъ посвящать значительную часть своего времени работамъ отдѣленія и существенно облегчать задачу остальныхъ его членовъ. Составители отчета удостовѣряютъ, что всего лучше идетъ и всего быстрѣе развивается дѣло именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ему внимательно и усердно служатъ земскіе дѣятели.

Два мѣсяца тому назадъ, говоря о предстоящемъ открытіи дворянскаго земельнаго банка, мы высказали догадку, что въ основаніе этого учрежденія будутъ положены правила, проектированныя министерствомъ финансовъ для Государственнаго земельнаго банка.

Догадка эта оправдалась: положеніе о дворянскомъ земельномъ банкѣ, утвержденное 3 іюня, представляется—помимо тѣхъ различій, которыя проистекаютъ изъ ограниченія круга дѣятельности банка—почти буквальной копіей съ упомянутыхъ правилъ. Необузданнымъ „сословникамъ" и неумѣреннымъ защитникамъ принципа „воспособленій" не удалось ввести въ уставъ банка ни одной изъ тѣхъ „поправокъ", на которыхъ съ такимъ усердіемъ настаивали до самаго конца достойные ихъ органы въ печати. Не восторжествовала ни безсрочность ссудъ, устраняющая погашеніе, ни выдача ссудъ полностью наличными деньгами (т. е. обращеніе на счетъ государства потерь по реализаціи закладныхъ листовъ), ни передача управленія банка всецѣло въ руки дворянства, ни принятіе на вѣру оцѣнокъ, произведенныхъ частными банками, ни замѣна публичной продажи безсрочной опекой или переходомъ имѣній въ казну, а отъ нея въ другой дворянскій родъ. Не нашли мѣста въ уставѣ банка ни ограниченія завѣщательнаго права заемщиковъ-землевладѣльцевъ, ни запрещеніе продавать заложенныя въ банкѣ имѣнія за долги частнымъ лицамъ, ни искусственныя мѣры, имѣвшія цѣлью затруднить для не-дворянъ пріобрѣтеніе дворянскихъ имѣній. Правда, имѣніе, перешедшее къ не-дворянину — кромѣ случаевъ наслѣдства по закону—должно быть освобождено новымъ владѣльцемъ отъ залога въ дворянскомъ банкѣ; но на это назначенъ пятилѣтній срокъ, вопреки зелотамъ, требовавшимъ немедленнаго выкупа [1]). Министру финансовъ предоставлено разработать вопросъ о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для облегченія, при помощи дворянскаго земельнаго банка, нынѣшняго положенія заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита; но общій духъ положенія о дворянскомъ банкѣ служитъ ручательствомъ въ томъ, что облегченіе одной категоріи частныхъ лицъ не будетъ куплено цѣною жертвъ со стороны казны, т. е. со стороны народа. Полугодичный взносъ на расходы по управленію банкомъ и на образованіе запаснаго капитала пониженъ съ $^1/_4$ до $^1/_8$ % [2]), но за то не допущено уменьшеніе его по мѣрѣ погашенія долга. Увеличеніе ссуды, испрашиваемой для перезалога имѣнія изъ частнаго кредитнаго установленія, съ 60 % оцѣночной стоимости имѣнія до 75 %, разрѣшено не иначе, какъ подъ условіемъ согласія на то двухъ третей голосовъ совѣта банка и затѣмъ самого министра финансовъ. Производство оцѣнокъ можетъ быть поручаемо и членамъ отъ дворянства;

---

[1]) См. „Москов. Вѣдом." № 132.

[2]) Нужно полагать, что по отношенію къ этой льготѣ и нѣкоторымъ другимъ, установляемымъ положеніемъ о дворянскомъ банкѣ, заемщики крестьянскаго банка будутъ уравнены съ заемщиками дворянскаго банка.

но если общее присутствіе отдѣленія или управляющій отдѣленіемъ признають оцѣнку преувеличенною, то отъ управляющаго отдѣленіемъ зависитъ повѣрить оцѣнку лично или чрезъ члена-оцѣнщика, вторичнымъ осмотромъ имѣнія. Въ случаѣ обезцѣненія заложеннаго имѣнія, по винѣ собственника, отъ послѣдняго требуется возвратъ части ссуды, соразмѣрной обезцѣненію имѣнія. Если это требованіе не будетъ исполнено въ мѣсячный срокъ, имѣніе подвергается продажѣ съ публичнаго торга, причемъ недовырученная банкомъ сумма можетъ быть отыскиваема съ собственника судебнымъ порядкомъ.

Оставляя въ сторонѣ основное начало положенія о дворянскомъ земельномъ банкѣ—начало сословности, о которомъ намъ такъ часто уже приходилось говорить на этомъ мѣстѣ,—нельзя не признать, что новый законъ отличается истинно государственнымъ духомъ. Онъ ставитъ на первый планъ интересы казны, интересы цѣлаго, а не интересы одного общественнаго класса или отдѣльныхъ лицъ. Его исходная точка была заранѣе предрѣшена — но въ выводахъ изъ нея онъ соблюдаетъ возможно-бо́льшую умѣренность и осторожность. Отсюда страстныя нападенія, встрѣченныя положеніемъ 3 іюня именно со стороны тѣхъ, которые всего сильнѣе добивались учрежденія спеціально-дворянскаго земельнаго банка. Они хотятъ, повидимому—какъ Австрія въ 1854 г. — „удивить міръ своею неблагодарностью“. Положеніе 3 іюня обезпечило за дворянствомъ весьма серьезное преимущество передъ другими сословіями, открыло для него, и для него одного, дешевый, льготный кредитъ, дало ему возможность удержать и укрѣпить за собою первое мѣсто въ рядахъ землевладѣльцевъ. Для извѣстнаго лагеря этого мало: ему нужны были подарки, ему нужно было обогащеніе на чужой счетъ, ему нужны были не только привилегіи вообще, но привилегіи, прямо и очевидно вредныя для массы. Давно уже нескрываемая вражда къ министру финансовъ достигла, въ извѣстныхъ сферахъ, своего апогея; честь этой вражды раздѣляетъ теперь съ Н. Х. Бунге г. Картавцевъ, управляющій крестьянскимъ банкомъ, назначенный на должность управляющаго дворянскимъ земельнымъ банкомъ. Когда дѣло доходитъ до подслушиванія или сочиненія трактирныхъ разговоровъ, долженствующихъ бросить тѣнь на ненавидимое лицо, то это служитъ выраженіемъ или слабости побѣжденнаго, желающаго во что бы то ни стало отомстить за свою неудачу, или досады побѣдителя, изъ рукъ котораго ускользаютъ лучшіе плоды побѣды.

Осенью 1882 г. редакціонная коммиссія, составляющая проектъ новаго уголовнаго уложенія, окончила первый отдѣлъ своего труда—

общую часть уложенія. Юридическимъ обществамъ, профессорамъ (русскимъ и иностраннымъ), должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства, всѣмъ юристамъ вообще и періодической печати тогда же дана была возможность ознакомиться съ работой коммиссіи и подвергнуть ее всестороннему разбору. Отсюда цѣлая масса замѣчаній, наполнившихъ собою нѣсколько объемистыхъ томовъ, внимательно разсмотрѣнныхъ коммиссіей и послужившихъ основаніемъ къ значительнымъ измѣненіямъ въ первоначальномъ ея проектѣ. Новый текстъ общей части, вмѣстѣ съ окончательными его мотивами, лежитъ теперь передъ нами; не входя въ подробности и не повторяя сказаннаго нами ранѣе [1]), мы остановимся только на нѣкоторыхъ вопросахъ, особенно важныхъ. Первое мѣсто между этими вопросами занимаетъ такъ-называемая лѣстница наказаній. Она вызвала много разнообразныхъ возраженій, но оставлена коммиссіей въ прежнемъ видѣ—на верхней ступени смертная казнь, по срединѣ шесть видовъ лишенія свободы (каторга, заточеніе, поселеніе, исправительный домъ, тюрьма, арестъ), внизу денежная пеня. По отношенію къ смертной казни положеніе коммиссіи остается двойственнымъ: включая ее въ число наказаній, коммиссія продолжаетъ находить, что „Россія могла бы сдѣлать новый, дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка, и не только по возможности ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ“ [2]). Сохраненіе каторги коммиссія признаетъ безусловно необходимымъ, заимствуя доводы въ пользу этого рѣшенія преимущественно изъ отзыва двухъ русскихъ профессоровъ. „Отсутствіе въ нашемъ законодательствѣ смертной казни за такъ-называемыя общія преступленія,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—вызываетъ созданіе особаго вида наказанія съ болѣе суровыми формами, нежели Zuchthaus въ Германіи и Австріи: соединеніе въ одной формѣ каторги и исправительнаго дома было бы очевиднымъ нарушеніемъ того элементарнаго требованія, по которому каждое изъ звеньевъ общей цѣпи наказаній должно соотвѣтствовать извѣстной группѣ преступныхъ дѣяній, и всякое наказаніе должно быть соразмѣрно со степенью внутренней виновности лица“. Элементарное требованіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, совершенно неисполнимо; развѣ возможно установить столько различныхъ видовъ уголовной кары, сколько степеней „внутренней виновности“

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1882 и № 1 за 1883 г.

[2]) За отмѣну смертной казни высказалось, по удостовѣренію коммиссіи, значительное число нашихъ юристовъ-практиковъ.

или сколько „группъ преступныхъ дѣяній“? Ничего подобнаго мы не найдемъ ни въ одномъ уголовномъ кодексѣ, ничего подобнаго нельзя вывести изъ основныхъ началъ уголовнаго права. Что касается до отсутствія у насъ смертной казни за „общія“ преступленія, то значеніе этого аргумента совершенно уничтожается ничтожнымъ числомъ смертныхъ приговоровъ, постановляемыхъ — и тѣмъ болѣе исполняемыхъ — въ Германіи и Австріи. Въ Пруссіи, напримѣръ, въ продолженіе трехъ лѣтъ (1858—60) было исполняемо ежегодно среднимъ числомъ по четыре, въ Австріи, въ продолженіе пяти лѣтъ (1876—80)—по три смертныхъ приговора. Очевидно, что для громадной массы тяжкихъ преступниковъ и въ Пруссіи, и въ Австріи не существуетъ другого наказанія, кромѣ смирительнаго дома (Zuchthaus). Болѣе практичны, но все же неубѣдительны доводы другого профессора, цитируемаго коммиссіею. Главное неудобство слiянія каторги съ исправительнымъ домомъ онъ видитъ въ томъ, что оно потребовало бы устройства въ исправительныхъ домахъ двухъ отдѣленій съ двумя режимами, различествующими по строгости, количеству часовъ дневной работы и размѣру вознагражденія, перепадающаго отъ этой работы арестантамъ. Съ нашей точки зрѣнія такая двойственность вовсе не представляется неизбѣжной. Въ большинствѣ случаевъ достаточнымъ усугубленіемъ наказанія служило бы уже удлинненіе сроковъ заключенія въ исправительномъ домѣ. Свойство работъ, распредѣленіе ихъ по часамъ дня, размѣръ доставляемаго ими вознагражденія — все это обстоятельства второстепенныя, сравнительно съ продолжительностью лишенія свободы. Между заключенными безсрочно или на пятнадцать лѣтъ (высшій размѣръ срочной каторги) и заключенными на шесть лѣтъ (высшій срокъ заключенія въ исправительномъ домѣ) существовало бы, даже при однородности и одинаковой дневной тяжести работъ, огромное различіе, чувствительно оттѣняющее мѣру вины тѣхъ и другихъ. Дальнѣйшимъ усиленіемъ этого различія была бы ссылка первой категоріи заключенныхъ, по окончаніи срока заключенія, на поселеніе, между тѣмъ какъ для второй категоріи тотчасъ по окончаніи срока наступала бы полная свобода. Ничто не мѣшало бы, притомъ, устроить въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи два или три исправительныхъ дома, предназначенныхъ преимущественно для самыхъ тяжкихъ преступниковъ, и завести тамъ порядки нѣсколько болѣе строгіе, чѣмъ въ остальныхъ. Для женщинъ коммиссія попрежнему допускаетъ замѣну каторги содержаніемъ въ особыхъ помѣщеніяхъ при исправительныхъ домахъ,—а возможное по отношенію къ одной категоріи арестантовъ нельзя же считать невозможнымъ по отношенію къ другой. Объ упрощеніи и удешевленіи за-

дачъ тюремнаго управленія, сопряженномъ съ сліяніемъ каторги и исправительнаго дома, мы распространяться не станемъ; оно разумѣется само собою.

Одна принадлежность каторги смягчена коммиссіей согласно съ замѣчаніемъ, къ числу сторонниковъ котораго принадлежалъ и нашъ журналъ. Первоначальный проектъ не предоставлялъ каторжникамъ никакого вознагражденія за отбываемыя ими работы; теперь предполагается обращать въ ихъ пользу одну десятую часть чистаго дохода отъ этихъ работъ. Намъ кажется, что цифра вознагражденія назначена слишкомъ низкая. Деньги, заработанныя каторжниками, будутъ поступать въ ихъ руки, безъ сомнѣнія, лишь при освобожденіи изъ каторжной тюрьмы, т. е. при отправленіи на поселеніе. Чѣмъ больше подспорье, получаемое этимъ путемъ въ самомъ началѣ новаго образа жизни, тѣмъ больше шансовъ для поселенца устроиться безбѣдно и снискивать себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ. Ошибочно было бы думать, что увеличеніе заработка уменьшитъ тяжесть каторжной работы; о такомъ уменьшеніи могла бы быть рѣчь развѣ тогда, если бы заработанными деньгами каторжникъ могъ распоряжаться немедленно или до окончанія срока заключенія. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что чистый доходъ отъ работъ, производимыхъ по принужденію и при условіяхъ вообще мало благопріятныхъ, не можетъ быть значителенъ и что десятая его часть, въ большинствѣ случаевъ, будетъ величиной до крайности минимальной.

Весьма существенная перемѣна къ лучшему произведена коммиссіею въ организаціи заточенія. Первоначальный проектъ установлялъ два вида этого наказанія. Приговоренные къ заточенію на срокъ не свыше шести лѣтъ должны были заниматься работами по собственному выбору, съ обращеніемъ въ ихъ пользу всего чистаго отъ этихъ работъ дохода; приговоренныхъ на срокъ отъ шести до десяти лѣтъ предполагалось занимать работами по назначенію управленія, съ обращеніемъ въ ихъ пользу только двухъ третей чистаго дохода. Еще важнѣе было другое различіе между обоими видами заточенія; заточенные на срокъ менѣе шести лѣтъ получали, по окончаніи срока, полную свободу, безъ всякаго ограниченія правъ, а заточеннымъ на срокъ свыше шести лѣтъ угрожала, наравнѣ съ каторжниками, ссылка на поселеніе, съ лишеніемъ правъ, отчасти срочнымъ, отчасти безсрочнымъ. Разбирая въ свое время эти постановленія проекта, мы старались доказать, что они противорѣчатъ основнымъ свойствамъ заточенія и характеру преступленій, имъ караемыхъ. То же самое мнѣніе было высказано четырьмя юридическими обществами, нѣсколькими профессорами и многими представителями су-

дебнаго міра. Въ новомъ текстѣ общей части различіе между заточенными, смотря по сроку заточенія, совершенно исчезло. Всѣмъ приговореннымъ къ заточенію предоставляется свободный выборъ работъ и весь чистый отъ нихъ доходъ; ссылкѣ на поселеніе и лишенію или ограниченію правъ, продолжающемуся по окончаніи срока заточенія, никто изъ нихъ не подвергается. Въ этомъ видѣ заточеніе является вполнѣ достигающимъ своей цѣли; оно вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ преступленіямъ, которыя совершаются не подъ вліяніемъ корыстныхъ или вообще безчестныхъ мотивовъ и не свидѣтельствуютъ о нравственной испорченности виновнаго. Теперь остается пожелать только одного: примѣненія къ заточенію принципа досрочнаго освобожденія, дѣйствіе котораго новый текстъ общей части ограничиваетъ каторгой и исправительнымъ домомъ. Распространеніе этого принципа на легкіе виды лишенія свободы (тюрьму и арестъ) коммиссія признаетъ неудобнымъ въ виду ихъ краткосрочности, а на заточеніе—„въ виду свойства проступковъ. имъ обложенныхъ". Оба основанія кажутся намъ не выдерживающими критики. Сравнительная краткосрочность и легкость тюремнаго заключенія и ареста не мѣшаетъ имъ быть весьма чувствительными для лицъ, имъ подвергающихся. Для приговореннаго къ аресту на шесть мѣсяцевъ или къ тюрьмѣ на одинъ годъ далеко небезразлично быть освобожденнымъ однимъ или двумя мѣсяцами раньше срока; надежда на такое освобожденіе (обусловливаемое, по смыслу проекта, хорошимъ поведеніемъ) и для нихъ можетъ послужить достаточнымъ побужденіемъ къ усердной работѣ, къ точному соблюденію всѣхъ тюремныхъ правилъ. Еще важнѣе досрочное освобожденіе было бы для заточенныхъ—въ особенности для тѣхъ, которые приговорены къ заключенію на продолжительные сроки. Свойство проступковъ, за которые назначается заточеніе, говоритъ не противъ досрочнаго освобожденія, а скорѣе въ его пользу. Источникъ этихъ проступковъ, въ большинствѣ случаевъ—горячій темпераментъ, пылкость страсти, нежеланье или неумѣнье сдерживать свои порывы, управлять своею волей, оставаться въ предѣлахъ закона. Спокойное подчиненіе дисциплинѣ, установленной для мѣстъ заточенія, безукоризненное, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, исполненіе всѣхъ ея требованій можетъ служить серьезнымъ ручательствомъ въ томъ, что заточенный научился владѣть собою и что досрочное освобожденіе его не представляется рискованнымъ.

Первоначальный проектъ общей части допускалъ прекращеніе супружескихъ правъ и расторженіе брака въ случаѣ присужденія къ смертной казни, каторгѣ, поселенію и заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ; новый проектъ, ничего, въ этомъ отношеніи, не говоря

о заточеніи, допускаетъ расторженіе брака и при присужденіи къ исправительному дому, въ тѣхъ случаяхъ, которые будутъ указаны въ особенной части. Это нововведеніе вызвано многочисленными указаніями (между прочимъ, и въ нашемъ журналѣ) на несправедливость сохраненія безусловной силы за брачнымъ союзомъ, когда одинъ изъ супруговъ совершилъ преступленіе позорное, обезчещивающее, хотя бы оно и каралось только исправительнымъ домомъ. Намъ кажется, что необходимо было бы пойти еще дальше и допустить, въ извѣстныхъ случаяхъ, расторженіе брака (по просьбѣ невиннаго супруга) даже при присужденіи къ наказанію менѣе тяжкому, чѣмъ исправительный домъ. Другими словами, основаніемъ для расторженія брака слѣдовало бы принять какъ свойство наказанія, такъ и свойство преступленія. Виновный въ такихъ преступленіяхъ, какъ кража, мошенничество, жестокое обращеніе съ женою или дѣтьми, нарушеніе нравственности въ сферѣ половыхъ отношеній, не долженъ сохранять за собою, вопреки волѣ невиннаго супруга, всю полноту супружескихъ правъ, хотя бы онъ и былъ присужденъ судомъ только къ тюремному заключенію. Несовмѣстнымъ съ обязательнымъ сохраненіемъ брачной связи, хотя и по инымъ основаніямъ, представляется намъ и заточеніе на продолжительные сроки. Заточеніе влечетъ за собою фактическое разлученіе супруговъ,—а разлученіе, слишкомъ долго продолжающееся, должно быть признано достаточнымъ поводомъ къ расторженію брака, когда о томъ проситъ невинный супругъ. Замѣчаніе это примѣнимо и къ высшимъ срокамъ заключенія въ исправительномъ домѣ.

Мы перечислили далеко не всѣ перемѣны, внесенныя редакціонною коммиссіею въ текстъ общей части,—но для нашей цѣли достаточно и примѣровъ, нами приведенныхъ. Они доказываютъ еще разъ, что гласное, широкое обсужденіе законопроектовъ никогда не проходитъ безслѣдно, что оно должно сдѣлаться нормальнымъ условіемъ всякой законодательной работы. Само собою разумѣется, что оно не можетъ замѣнить собою живого устнаго обмѣна мыслей между составителями законопроекта и представителями различныхъ мнѣній, расходящихся съ нимъ въ подробностяхъ или въ цѣломъ; критика законопроекта въ печати или въ письменныхъ отзывахъ—только суррогатъ, но суррогатъ во всякомъ случаѣ весьма полезный. Нельзя не пожелать, чтобы примѣру редакціонной коммиссіи, составляющей уголовное уложеніе, послѣдовало прежде всего то правительственное учрежденіе, къ которому перешло наслѣдство кахановской коммиссіи—дальнѣйшая разработка административной реформы. Къ сожалѣнію, меньше всего избаловало насъ обращеніемъ къ гласности именно министерство внутреннихъ дѣлъ.

Прошло уже болѣе года со времени изданія новыхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ—а свѣденій объ устройствѣ и дѣятельности ихъ въ печати все еще появляется очень мало. Тѣмъ интереснѣе было для насъ познакомиться съ отчетомъ совѣта петербургскаго православнаго братства во имя пресв. Богородицы за 1884—85 г. Этотъ совѣтъ облеченъ, по отношенію къ петербургской губерніи, правами епархіальнаго училищнаго совѣта; другими словами, ему предоставлено завѣдываніе церковно-приходскими и крестьянскими (домашними) школами губерніи. Въ продолженіе отчетнаго года открыто въ петербургской губерніи, съ пособіемъ отъ синода, двадцать девять, безъ пособія, исключительно на мѣстныя средства—пять церковно-приходскихъ школъ; сверхъ того, ассигновано пособіе еще на три школы. Размѣръ пособія отъ синода составляетъ, въ большинствѣ случаевъ, 145 рублей, въ томъ числѣ деньгами 50 рублей на школьную мебель и наемъ помѣщенія, на 50 рублей русскихъ книгъ и учебныхъ пособій и на 45 рублей церковно-славянскихъ книгъ. Учителями значатся слѣдующія лица: въ девяти школахъ—одинъ священникъ, въ трехъ—священникъ съ кѣмъ-нибудь изъ его семьи (дочерью или сестрою), въ одной—священникъ съ дьякономъ, въ четырехъ—священникъ съ псаломщикомъ, въ одной—дьяконъ съ псаломщикомъ, въ семи—священникъ съ учителемъ не изъ числа членовъ причта, въ одной—священникъ съ учительницей, въ двухъ—одинъ учитель изъ числа свѣтскихъ лицъ, въ одной—учительница; относительно остальныхъ пяти школъ свѣденій по этому предмету въ отчетѣ нѣтъ. Изъ числа девяти учителей свѣтскаго званія трое были воспитанниками духовной семинаріи (изъ какого ея класса они вышли—неизвѣстно), и одинъ окончилъ курсъ въ земской учительской школѣ; объ образовательномъ цензѣ остальныхъ пяти, равно какъ и всѣхъ учительницъ, въ отчетѣ ничего не сказано. Одинъ изъ учителей названъ просто „вольнонаемнымъ помощникомъ“ священника. Относительно двухъ церковно-приходскихъ школъ мы читаемъ въ самомъ отчетѣ, что ихъ вѣрнѣе будетъ отнести къ домашнимъ школамъ грамотности. Весьма вѣроятно, что это замѣчаніе оказалось бы примѣнимымъ и ко многимъ другимъ церковно-приходскимъ школамъ, руководимымъ „вольнонаемными помощниками“ или нигдѣ не учившимися учителями. Среднее число учащихся въ каждой церковно-приходской школѣ равняется тридцати тремъ. Учрежденію домашнихъ школъ грамотности епархіальный совѣтъ содѣйствуетъ разсылкою для нихъ по приходамъ учебныхъ, церковныхъ и назидательныхъ книгъ. Въ отчетномъ году этимъ пособіемъ (цѣною до 28 рублей на каждую школу) воспользовалось 50 школъ, въ 40 приходахъ. На средства совѣта открыто

въ петербургской губерніи двадцать восемь книжныхъ складовъ, находящихся въ завѣдываніи мѣстныхъ священниковъ.

Какъ ни незначительны, покамѣстъ, размѣры и результаты дѣятельности петербургскаго епархіальнаго совѣта, извѣстную долю пользы она, безъ сомнѣнія, уже принесла и приноситъ. Для народнаго образованія сдѣлано еще такъ мало, остается сдѣлать такъ много, что число трудящихся на этой почвѣ не можетъ быть слишкомъ велико. Чѣмъ больше прокладывается на ней новыхъ дорогъ, тѣмъ лучше, лишь бы только ими не заграждались прежнія, уже существующія. Правилами о церковно-приходскихъ школахъ, никакихъ загражденій, къ счастію, не создано,—но въ примѣненіи ихъ къ жизни заградительная политика непремѣнно должна была найти приверженцевъ, и спорнымъ представляется только вопросъ о шансахъ ея успѣха. Когда петербургскій епархіальный совѣтъ обратился къ приходскимъ священникамъ епархіи съ просьбой высказаться о средствахъ къ достиженію цѣлей братства, изъ многихъ приходовъ, имѣющихъ земскія или министерскія школы, получены были заявленія, что народъ (?) желалъ бы замѣны этихъ школъ школами церковно-приходскими. Къ просьбамъ о перечисленіи земскихъ школъ въ церковно-приходскія нѣкоторые священники присоединили ходатайства объ удаленіи учителя или учительницы, опредѣленныхъ инспекціею народныхъ школъ, „причемъ не представили ни желанія прихожанъ (въ формѣ приговора), ни другихъ законныхъ основаній, кромѣ нерасположенія къ учителю или учительницѣ самого священника или несочувствія ихъ программамъ и характеру преподаванія“. Подобныя ходатайства не нашли поддержки со стороны епархіальнаго совѣта, разъяснившаго священникамъ, что входить съ просьбами о перечисленіи и преобразованіи земскихъ и министерскихъ школъ въ церковно-приходскія можно не иначе, какъ по общему желанію прихожанъ, выраженному въ приговорахъ, съ обязательствомъ прихожанъ содержать школу на свой счетъ, или же по предварительномъ, съ согласія прихода, сношеніи священника съ земскою управою и уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. Въ разъясненіи епархіальнаго совѣта упущено изъ виду одно весьма важное обстоятельство: приходъ не составляетъ у насъ правильно организованной юридической единицы, не располагаетъ приходскимъ собраніемъ, способнымъ выразить дѣйствительное желаніе, сознательное мнѣніе прихода. Замѣнить такое собраніе не можетъ ни приходское попечительство, съ своимъ случайнымъ составомъ, ни сельскій или волостной сходъ, обнимающіе собою не всѣхъ прихожанъ и даже территоріально далеко не всегда совпадающіе съ приходомъ. Не лучше ли было бы, поэтому, указать

священникамъ, что возбужденіе вопроса о замѣнѣ земской или министерской школы церковно-приходскою представляется вообще неумѣстнымъ или по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ, что всѣ усилія ихъ должны быть направлены къ устройству церковно-приходскихъ школъ тамъ, гдѣ народу учиться негдѣ, а также къ распространенію и возможно бо̀льшему улучшенію школъ грамотности? Намъ могутъ возразить, что если приходъ, ходатайствующій о замѣнѣ свѣтской школы церковною, соглашается при этомъ принять содержаніе ея на собственныя свои средства, то самая готовность понести матеріальную жертву говоритъ въ пользу серьезности причинъ, вызвавшихъ просьбу, а слѣдовательно и въ пользу ея исполненія. Кто знакомъ съ деревенскою жизнью, тотъ легко пойметъ несостоятельность этого возраженія. Добиться приговора, хотя бы онъ и возлагалъ на общество или собраніе непосильныя, невыгодныя или ненужныя для нихъ обязательства, въ уѣздной глуши вовсе нетрудно, развѣ что въ этомъ заинтересованы вліяніе или власть имѣющія лица. Намъ хорошо извѣстенъ случай, въ которомъ приходъ принялъ на себя, *на бумагѣ*, обязанность вносить ежегодно извѣстную сумму на содержаніе двухкласснаго народнаго училища—и вслѣдъ затѣмъ со стороны крестьянъ, входящихъ въ составъ прихода, возникъ споръ противъ этого обязательства, мотивированный тѣмъ, что на заключеніе его они никогда не соглашались и никого не уполномочивали. На чемъ, вдобавокъ, можетъ быть основано желаніе крестьянъ замѣнить свѣтскую школу церковною? Мы вполнѣ понимаемъ, что крестьяне могутъ быть недовольны преподавателемъ, до извѣстной степени и преподаваніемъ; но отсюда логически вытекаетъ только просьба о смѣнѣ учителя или учительницы, объ усиленномъ изученіи того или другого предмета или части предмета, о прекращеніи того или другого занятія (напр., пѣнія свѣтскихъ пѣсенъ), несимпатичнаго просителямъ. Въ *чьемъ вѣдомствѣ* состоитъ школа, кто управляетъ ею или за ней наблюдаетъ—это для крестьянъ если не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ, совершенно безразлично.

Священники петербургской епархіи, стоящіе за расширеніе круга дѣйствій церковно-приходской школы въ ущербъ свѣтской, разсуждаютъ, какъ видно изъ отчета епархіальнаго совѣта, слѣдующимъ образомъ: „собственно начальная школа, школа грамотности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, составляетъ неотъемлемую заботу и задачу духовенства; высшая же ступень элементарнаго обученія, въ связи съ ремесленнымъ и земледѣльческимъ образованіемъ долженствующая дать просторъ скованному невѣжествомъ народному труду, могла бы составить исключительную заботу мѣстныхъ земствъ, подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія“. Итакъ,

земству милостиво отводится та область, которая до сихъ поръ закономъ для него закрыта—область высшаго элементарнаго обученія, т.-е. двухклассныхъ сельскихъ училищъ и спеціальныхъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ. Предполагать, что доступъ въ эту область будетъ разрѣшенъ земству, духовенство, безъ сомнѣнія, не имѣетъ ни малѣйшей причины; „раздѣленіе труда", имъ рекомендуемое, представляется, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ совершеннымъ вытѣсненіемъ земства изъ сферы, въ которой оно работало и работаетъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ. Если бы начальное народное обученіе могло быть пріурочено къ одному учрежденію, то такимъ учрежденіемъ по праву явилось бы именно земство; оно одно, никѣмъ не понуждаемое и не поощряемое, принялось за забытое дѣло, въ двадцать лѣтъ подвинувшееся впередъ больше, чѣмъ до тѣхъ поръ въ нѣсколько столѣтій. Не странно ли говорить о „неотъемлемой заботѣ", цѣлые вѣка находившейся въ полнѣйшемъ пренебреженіи, да и теперь поставленной на очередь только par ordre, о „неотъемлемой задачѣ", которая либо не исполнялась вовсе, либо исполнялась другими? Мы очень хорошо знаемъ, что долголѣтнее равнодушіе къ народному образованію, къ религіозно-нравственному просвѣщенію массы не можетъ быть поставлено въ вину одному духовенству—но вѣдь мы и не отрицаемъ его права на роль въ начальномъ обученіи. Мы протестуемъ лишь противъ внезапнаго перехода отъ безучастія къ монополіи—монополіи не только несправедливой, но и неосуществимой. Рядомъ съ церковно-приходскими школами всегда найдется мѣсто для школъ всѣхъ другихъ родовъ и наименованій; безусловное господство одного типа народной школы было бы равносильно неудовлетворенію потребности въ народномъ образованіи—не говоря уже о неизбѣжномъ пониженіи его уровня.

Не лишены интереса свѣденія о томъ, какія книги вводятся въ употребленіе въ церковно-приходскихъ школахъ. Для класснаго обихода петербургскій епархіальный совѣтъ высылаетъ славяно-русское евангеліе, новый завѣтъ, учебный часословъ, краткій катихизисъ, псалтырь, сборники молитвъ, новую азбуку графа Л. Толстого и книги для чтенія (первую и вторую) того же автора; для внѣ-класснаго чтенія учащихся, за исключеніемъ брошюръ о табакѣ, пьянствѣ и сквернословіи и словаря непонятныхъ словъ, высылаются исключительно книги духовнаго содержанія. Между книгами, высылаемыми для законоучителя и учителя, есть только одна, могущая дать матеріалъ для класснаго чтенія (разсказы изъ русской исторіи Павловича). Выборъ азбуки заставляетъ предполагать, что обученіе грамотѣ будетъ производиться въ церковно-приходскихъ школахъ не по звуковому методу. Въ этомъ большой бѣды мы еще не видимъ,

такъ какъ знаемъ по опыту хорошія стороны азбуки гр. Л. Толстого; гораздо серьезнѣе, въ нашихъ глазахъ, систематическое пренебреженіе къ „свѣтскому чтенію“, выразившееся въ выборѣ остальныхъ учебныхъ и неучебныхъ книгъ. Нашъ народъ любитъ такъ называемое душеспасительное чтеніе, высоко цѣнитъ церковныя и назидательныя книги—это безспорно; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было закрывать ему доступъ къ книгамъ другого рода, систематически отказывать ему въ общеполезныхъ свѣденіяхъ. Быть можетъ, односторонность выбора зависитъ отчасти отъ ограниченія срока ученья въ церковно-приходской школѣ двумя годами; въ такомъ случаѣ это новый аргументъ противъ сокращенія учебнаго времени, идущаго прямо въ разрѣзъ съ опытомъ земской начальной школы. Утѣшительно только одно—это разсылка въ каждую церковно-приходскую школу по тридцати (въ каждую школу грамотности—по десяти) экземпляровъ славяно-русскаго евангелія, свидѣтельствующая о томъ, что оффиціальнымъ сферамъ чуждо, въ настоящую минуту, недовѣріе нашихъ свѣтскихъ ультра-клерикаловъ къ евангелію въ рукахъ учащихся и народа [1]).

Читая отчетъ петербургскаго епархіальнаго совѣта, нельзя не замѣтить, что всѣ содержащіяся въ немъ данныя почерпнуты изъ письменныхъ сообщеній, что лично члены совѣта не ознакомились ни съ одною изъ школъ, состоящихъ въ его завѣдываніи. Это не удивительно, такъ какъ совѣтъ—одинъ для всей губерніи; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что отдаленность наблюдателей отъ наблюдаемыхъ и бумажный, формальный характеръ наблюденія—плохой залогъ успѣха. Правда, въ скоромъ времени начнется или уже началась дѣятельность мѣстныхъ „наблюдателей“, назначенныхъ въ силу § 21 правилъ о церковно-приходскихъ школахъ; но не слѣдуетъ забывать, что эти наблюдатели будутъ избираться изъ той же среды, къ которой принадлежатъ руководители церковно-приходскихъ школъ—среды, меньше чѣмъ какая-либо другая расположенной къ взаимной критикѣ, къ сомнѣнію въ собственной корпоративной непогрѣшимости. Разобщеніе церковно-приходскихъ школъ со всѣми остальными представляется, съ этой точки зрѣнія, зломъ трудно поправимымъ. Насколько уѣздный училищный совѣтъ, разсматриваемый какъ цѣлое, имѣетъ передъ епархіальнымъ совѣтомъ преимущество сравнительной близости къ народной школѣ, настолько члены уѣзднаго училищнаго совѣта имѣютъ передъ „наблюдателями“ преимущество разнохарактернаго состава, устраняющаго возможность или, по крайней мѣрѣ, вѣроятность систематической снисхо-

[1]) См. Общественную хронику въ № 4 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

дительности къ учителямъ, дружнаго, вмѣстѣ съ ними, служенія девизу: рука руку моетъ. Уменьшить, до извѣстной степени, неудобства системы, созданной правилами 13 іюня 1884 г., могло бы развѣ учрежденіе въ каждомъ уѣздномъ городѣ отдѣленія епархіальнаго совѣта, съ возможно бóльшимъ усиленіемъ въ немъ свѣтскаго элемента.

Насколько понятіе о необходимости личнаго, дѣятельнаго, не бумажнаго наблюденія за ходомъ учебнаго дѣла чуждо средѣ, отъ которой зависитъ непосредственное примѣненіе правилъ 13 іюня 1884 г., объ этомъ можно судить по слѣдующему факту, констатируемому петербургскимъ епархіальнымъ совѣтомъ: „сообщая о существованіи домашнихъ школъ грамотности по деревнямъ, немногіе священники говорятъ о посѣщеніи ими такихъ школъ и направленіи въ нихъ ученья, или какомъ-либо руководствѣ съ ихъ стороны самихъ учителей, по бóльшей части малоспособныхъ“. Отсюда разъясненіе совѣта, что „пастыри церкви обязаны наблюдать за ходомъ преподаванія въ школахъ грамотности и содѣйствовать успѣхамъ обученія своими совѣтами, наставленіями и указаніями“. Необходимость такихъ элементарныхъ разъясненій весьма характеристична. Она доказываетъ наглядно, что подчиненіе школъ грамотности не только наблюденію, но и вѣденію духовнаго начальства—другими словами, полное разобщеніе ихъ съ земствомъ, училищными совѣтами и инспекціей свѣтскихъ народныхъ школъ—составляетъ чуть-ли не самую слабую сторону правилъ 13 іюня. Помогать развитію дѣла, безъ котораго немыслимо быстрое и повсемѣстное распространеніе грамотности, духовное вѣдомство было призвано наравнѣ со всѣми другими; нельзя было отказать ему и въ надзорѣ за характеромъ и духомъ преподаванія, по необходимости соприкасающагося съ вопросами вѣры,—но идти еще дальше не было никакой надобности. Не слѣдовало признавать достояніемъ одного сословія дѣло, требующее дружной поддержки всѣхъ классовъ общества; не слѣдовало останавливать только-что возникавшія попытки инспекціи и земства, направленныя къ установленію живой связи между всѣми ступенями и формами начальнаго обученія. Въ основаніе отношеній между церковно-приходской школой и школой грамотности теперь положенъ приказъ, между тѣмъ какъ при нормальномъ ходѣ вещей значительная часть школъ грамотности свободно, сама собою примкнула бы къ церковно-приходской школѣ. Внутреннее единство принесено въ жертву формальному единообразію.

Разбирать подробно новыя правила о питейной торговлѣ мы не станемъ, потому что это значило бы повторять сказанное нами въ прошломъ году по поводу проекта этихъ правилъ и еще раньше—по поводу питейныхъ коммиссій [1]). Недостатки, указанные нами въ свое время, остались неустраненными; нѣкоторые изъ нихъ обострились еще больше. Такъ напримѣръ, мы возражали противъ правила, по которому право безусловно запрещать питейную торговлю предполагалось предоставить только селеніямъ, имѣющимъ менѣе тысячи душъ обоего пола; новый законъ обусловливаетъ это право населенностью не свыше 500 душъ, т.-е. значительно сокращаетъ число селеній, могущихъ собственною властью, безповоротно и безапелляціонно устранить изъ своей среды питейную торговлю. Мы старались доказать необходимость совершеннаго исключенія пивныхъ лавокъ изъ числа мѣстъ распивочной продажи; новый законъ, сравнительно съ проектомъ, увеличиваетъ, наоборотъ, кругъ дѣйствія этихъ—на практикѣ крайне вредныхъ—лавокъ, разрѣшая открытіе ихъ не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Удовлетвореніе ходатайства сельскихъ обществъ, запретившихъ или желающихъ запретить у себя питейную торговлю, о недопущеніи ея и на близкомъ отъ нихъ разстояніи по-прежнему предоставлено усмотрѣнію уѣздныхъ присутствій; maximum запретнаго разстоянія опредѣленъ, притомъ, крайне незначительный—100 саженъ, т.-е. три минуты ходьбы. Очевидно, что удаленіе питейной торговли на дистанцію такого размѣра рѣшительно никому не помѣшаетъ пользоваться ея „благами". Довольно большимъ шагомъ назадъ кажется намъ разрѣшеніе выносной торговли виномъ только изъ особыхъ винныхъ и ведерныхъ лавокъ, между тѣмъ какъ въ проектѣ предполагалось разрѣшить ее и другимъ лавкамъ, подъ условіемъ взятія патента. Въ лавкѣ, торгующей только виномъ, вѣроятность тайной распивочной продажи, безъ сомнѣнія, гораздо больше, чѣмъ въ лавкѣ, ведущей торговлю сравнительно широкую и разнообразную. Безспорно хорошую сторону новыя правила имѣютъ, затѣмъ, лишь одну: это—уничтоженіе кабака или питейнаго дома, т.-е. заведенія, существующаго только для распивочной торговли хлѣбнымъ виномъ. Значительно парализованная допущеніемъ распивочной продажи пива, портера и меду—въ пивныхъ лавкахъ, русскаго виноградного вина — въ погребахъ соотвѣтствующаго наименованія, эта мѣра все-таки можетъ принести не мало пользы. Многое, почти все зависитъ здѣсь отъ исполненія новыхъ правилъ, предоставленнаго уѣзднымъ и губерн-

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстн. Евр." за 1884 г. и въ № 12 за 1883 г.

скимъ по питейнымъ дѣламъ присутствіямъ. Къ сожалѣнію, больших надеждъ на эти присутствія въ настоящую минуту возлагать нельзя. Ни одно звено уѣздной и губернской администраціи не можетъ дѣйствовать успѣшно, пока не приведена къ концу административная реформа—а этой реформѣ угрожаетъ, повидимому, либо отсрочка на неопредѣленное время, либо поспѣшная и односторонняя развязка въ узко-сословномъ духѣ.

Наше обозрѣніе находилось уже въ печати, когда обнародованъ былъ законъ, разрѣшающій выдачу ссудъ изъ крестьянскаго поземельнаго банка нѣкоторымъ категоріямъ мѣщанъ въ губерніяхъ херсонской и подольской. Нельзя не пожалѣть, что дѣйствіе новаго начала поставлено въ столь тѣсныя границы.

ОТКРЫТІЕ РАДИЩЕВСКАГО МУЗЕЯ,

основаннаго А. П. Боголюбовымъ въ Саратовѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы говорили въ „Вѣстникѣ Европы“ о намѣреніи г. Боголюбова основать въ Саратовѣ художественный музей и при немъ школу техническаго рисованія. Музей долженъ былъ назваться Радищевскимъ, въ память извѣстнаго Радищева, который былъ дѣдомъ жертвователя. Намъ привелось видѣть и самые художественные предметы, предназначенные въ составъ будущаго музея и находившіеся тогда въ домѣ г. Боголюбова въ Москвѣ. Мы сообщили тогда тѣ взгляды, которыми руководился г. Боголюбовъ, давая это назначеніе своей коллекціи, и привели кtаткое указаніе предметовъ, составляющихъ коллекцію. Идея г. Боголюбова была—положить хотя первое начало распространенію художественнаго образованія именно въ нашей провинціи, совершенно обдѣленной въ этомъ отношеніи; дать средства для воспитанія художественнаго вкуса въ обществѣ провинціи, не имѣющей никакихъ галлерей и музеевъ, и открыть возможность художественнаго обученія, въ которомъ чувствуется такой явный и невыгодный недостатокъ въ нашей промышленности. Коллекція г. Боголюбова, которая стала основой музея, въ то время, нѣсколько лѣтъ назадъ, представляла уже замѣчательное, и рѣдкое въ рукахъ частнаго лица, собраніе художественныхъ предметовъ всякаго рода—отъ картинъ, статуй, рисунковъ до художественныхъ старыхъ мебелей, посуды, древностей, художественныхъ изданій и т. д.

Въ настоящее время это прекрасное предпріятіе приведено къ окончанію. 27-го прошлаго іюня „Радищевскій музей“ былъ торжественно освященъ, а 29-го произошло оффиціальное его открытіе.

Въ началѣ іюня г. Боголюбовъ пріѣхалъ въ Саратовъ и вмѣстѣ съ своимъ братомъ Н. П. Боголюбовымъ (извѣстнымъ въ литературѣ, между прочимъ, прекрасной книгой: „Исторія корабля“, 1879—1880) занялся разстановкой своей коллекціи, къ которой, какъ скажемъ, присоединились уже и другія весьма важныя пріобрѣтенія. Къ концу мѣсяца этотъ трудъ былъ оконченъ и музей приготовленъ къ открытію.

Беремъ изъ исторической записки, читанной на актѣ открытія музея г. А. В. Песковымъ (однимъ изъ гласныхъ думы, который избранъ теперь попечителемъ музея) нѣсколько свѣденій о всемъ ходѣ этого дѣла.

„Въ концѣ прошлаго столѣтія,—говорилъ г. Песковъ въ своей исторической запискѣ,—въ числѣ нѣсколькихъ другихъ замѣчательныхъ именъ появилось на Руси почтенное имя Александра Николаевича Радищева, который далеко опередилъ своихъ современниковъ и даже свой вѣкъ всестороннимъ просвѣщеніемъ. Такъ какъ покойный А. Н. по родинѣ своей былъ саратовецъ и принадлежалъ къ числу дворянъ саратовской губерніи, то родной внукъ его, художникъ Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ, вознамѣрился увѣковѣчить именно въ Саратовѣ память своего знаменитаго дѣда — основаніемъ художественнаго музея его имени. Вотъ точка отправленія, съ которой началась дѣятельность Алексѣя Петровича по исполненію этой мысли.

„Предположивъ, кромѣ собственныхъ произведеній, пожертвовать для этого богатыя коллекціи собранныхъ имъ картинъ и прочихъ художественныхъ предметовъ, наполняющихъ нынѣ зданіе музея, а по смерти своей завѣщать, въ видѣ пособія учрежденію рисовальной школы, значительный капиталъ, Алексѣй Петровичъ, чрезъ посредство тайнаго совѣтника Побѣдоносцева и бывшаго саратовскаго губернатора М. Н. Галкина-Враскаго, пожелалъ, чтобы городъ Саратовъ принялъ на себя приспособить, или вновь устроить, помѣщеніе для музея.

„Городскіе представители, какъ и надо было ожидать, горячо отозвались на это предложеніе и городская дума еще 11 января 1878 года постановила: устроить на средства города новое каменное зданіе для помѣщенія музея и школы рисованія. Проектъ этого зданія, по порученію А. П. Боголюбова, а также чертежи и планы были исполнены профессоромъ архитектуры тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Васильевичемъ Штромомъ и въ 24 день апрѣля 1882 года удостоились Высочайшаго одобренія.

„Исполненіе этого проекта, по смѣтѣ, составленной городскимъ архитекторомъ А. М. Салько, въ суммѣ 101,000 руб., постановленіемъ городской думы 15 октября 1882 г. было возложено на особую исполнительную коммиссію... Ближайшее наблюденіе за исполненіемъ работъ принялъ на себя составитель смѣты, городской архитекторъ А. М. Салько.

„По предварительной заготовкѣ матеріаловъ, закладка зданія художественнаго музея имени А. Н. Радищева, въ Саратовѣ, по отправленіи обычнаго богослуженія преосвященнымъ епископомъ саратовскимъ Павломъ, въ присутствіи начальника губерніи А. А. Зубова, городскихъ представителей и почетныхъ гостей, состоялось 1 мая 1883 г. Съ того времени исполнительная коммиссія поставила себѣ долгомъ съ возможнымъ успѣхомъ и заботливостью испол-

нить возложенное на нее порученіе, руководствуясь въ важныхъ случаяхъ совѣтами А. П. Боголюбова и профессора архитектуры Штрома... Такимъ образомъ, по инициативѣ А. П. Боголюбова совершилось построеніе въ Саратовѣ перваго изъ провинціальныхъ художественнаго музея, несомнѣнно имѣющаго наглядно-образовательное значеніе для края, а въ связи съ будущею рисовальною школою еще усиливающаго мѣстныя средства для народнаго просвѣщенія.

„Цѣль этого учрежденія не только была благосклонно принята и одобрена высшимъ правительствомъ, но Радищевскій музей въ Саратовѣ удостоился обратить на себя всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора. По ходатайству Алексѣя Петровича, Его Императорскимъ Величествомъ сдѣланы многія всемилостивѣйшія пожертвованія изъ собственнаго кабинета Е. В., съ дворцовыхъ фарфоровой и гранильной фабрикъ, изъ Императорскаго эрмитажа и Императорской академіи художествъ. Картины и прочіе художественные предметы, составившіе богатыя коллекціи этого пожалованія, еще въ февралѣ мѣсяцѣ были доставлены изъ Петербурга въ Саратовъ особенно уполномоченнымъ для пріема ихъ городскимъ гласнымъ, М. А. Поповымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многія пожертвованія частныхъ лицъ. Все это, въ совокупности съ главнымъ приношеніемъ основателя музея, послужило дѣйствительнымъ обогащеніемъ воздвигнутыхъ городомъ стѣнъ и нынѣ предлагается просвѣщенному вниманію городскихъ представителей, присутствующихъ гостей и публики“...

Возвратимся къ торжеству открытія. Послѣ молебна, первое слово сказано было г. губернаторомъ, А. А. Зубовымъ, который, объявивъ Радищевскій музей открытымъ, произнесъ небольшую рѣчь о томъ значеніи, какое музей долженъ имѣть для Саратова и всей тяготѣющей къ нему мѣстности—„при условіи скораго открытія при этомъ хранилищѣ искусства рисовальной школы“. Сказавши затѣмъ о трехъ идеальныхъ стремленіяхъ человѣческой природы—къ добру, къ истинѣ и прекрасному, г. губернаторъ указалъ, что въ Саратовѣ—„усилія развить и утвердить въ населеніи божественныя понятія христіанскихъ нравственныхъ правилъ, а также попеченіе о народномъ образованіи—далеко опередили старанія удовлетворить природному эстетическому чувству населенія — распространить и развить знаніе и пониманіе искусствъ. Именно этотъ пробѣлъ въ воспитаніи, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе чувствительный, отнынѣ заполняется въ Саратовѣ открытіемъ Радищевскаго музея и при немъ школы техническаго рисованія“. Рѣчь закончилась привѣтствіемъ къ почтенному основателю музея и городскимъ представителямъ, которые съумѣли оцѣнить всю важность этого предпріятія и должнымъ образомъ исполнили свою долю труда.

Далѣе слѣдовало чтеніе исторической записки, изъ которой мы выше привели выдержку, и рѣчь Николая Петровича Боголюбова, который въ немногихъ словахъ сообщилъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Радищева (родившагося въ кузнецкомъ уѣздѣ, саратовской губерніи, въ селѣ Аблязовѣ, 20 августа 1749 года). Не повторяя фактовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, отмѣтимъ только, что изъ дѣтей Радищева отъ второй его жены, сынъ, Аѳанасій Александровичъ, хотя и былъ женатъ, но скончался въ преклонной старости генералъ-лейтенантомъ, бездѣтнымъ, въ родовомъ селѣ Аблязовѣ, въ октябрѣ 1881 года; изъ дочерей только одна, Ѳекла Александровна, вышла въ 1820 году за полковника Боголюбова, отца А. П. и Н. П. Боголюбовыхъ.

Наконецъ, нѣсколько словъ сказалъ самъ основатель музея. Онъ указалъ, что основаніемъ музея и рисовальной школы городъ Саратовъ и онъ обязаны прежде всего просвѣщенному покровительству Государя Императора, которому они должны воздать свою всеподданнѣйшую благодарность; затѣмъ онъ высказалъ свою признательность городскимъ представителямъ за осуществленіе первой половины ихъ общей задачи, и пожеланіе, чтобы и вторая ея половина, т.-е. открытіе школы техническаго рисованія, совершилась также скоро и благополучно, чтобы „прекрасное дѣло послужило на пользу нашей любезной и дорогой родины“.

Торжество заключилось завтракомъ въ коммерческомъ клубѣ, съ обычными тостами и благожеланіями и съ чрезвычайно теплыми привѣтствіями основателю музея.

Основаніе Радищевскаго музея, составляющее великую заслугу А. П. Боголюбова, есть дѣйствительно фактъ, имѣющій полное право на общественное вниманіе и уваженіе. Не говоря о томъ, что у насъ такъ рѣдки столь щедрыя пожертвованія на пользу просвѣщенія, эта жертва внушаетъ великое сочувствіе по своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, наша провинція лишена всякой возможности эстетическаго образованія и удовольствія; не всѣ могутъ побывать въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ сосредоточены наши художественныя школы и собранія, и отсутствіе цѣлой стороны образованія не могло, конечно, не способствовать той умственной и нравственной грубости, которою страдаетъ не только низшій, но и другіе слои населенія. Удовольствіе видѣть хорошую картину, рисунокъ, гравюру, статую, произведеніе художественнаго мастерства и ремесла, не существуетъ для жителя провинціи; а кромѣ того, отсутствіе всякаго пособія для развитія художественнаго чувства, отсутствіе всякаго художественнаго

преподаванія, музея, собранія образцовъ и книгъ по исторіи искусства, несомнѣнно губитъ не мало самородныхъ дарованій, которыя не находятъ себѣ никакой опоры, возбужденія и руководства. Мы не сомнѣваемся, что основаніе музея,—особенно при той оговоркѣ. какая была сдѣлана г. Зубовымъ и самимъ г. Боголюбовымъ, т.-е. при скорѣйшемъ осуществленіи технической школы,—дѣйствительно принесетъ краю ту пользу, какой отъ нихъ ожидаютъ.

Когда мы говорили въ первый разъ о будущемъ музеѣ, мы указывали, въ главныхъ чертахъ, составъ собственной коллекціи г. Боголюбова, которая уже тогда, сама по себѣ, составила бы богатое пріобрѣтеніе для провинціальнаго учрежденія. Мы перечисляли тогда замѣчательнѣйшіе предметы собранія г. Боголюбова—картины, рисунки, скульптурныя произведенія, старыя мебели, посуду, майолики и т. д. Съ новыми вкладами и пріобрѣтеніями, которыя собрались къ открытію Радищевскаго музея, онъ становится по-истинѣ замѣчательнымъ собраніемъ, какого не имѣетъ ни одинъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ. Не повторяя того, что́ было уже нами перечислено прежде въ коллекціи г. Боголюбова, упомянемъ лишь нѣкоторыя главныя вещи изъ новыхъ вкладовъ, собранныхъ г. Боголюбовымъ.

Самыя богатыя пожертвованія были назначены Государемъ Императоромъ—картины изъ Эрмитажа (около 30 картинъ старыхъ школъ), изъ академіи художествъ (также картины старыхъ школъ, и новыя—гг. Полѣнова, Зеленскаго, Клевера и проч.); далѣе: каминъ изъ чернаго порфира; ваза изъ зеленаго порфира; коллекція стекла, производства императорской мануфактуры, всѣхъ образцовъ; коллекція фарфороваго производства, терракотты и пр., и образцы работъ; коллекція издѣлій сибирскихъ заводовъ и образцовъ камней; коллекція, объясняющая все гранильное дѣло, съ оконченными образцами.

Главное богатство музея составляетъ картинное собраніе, составленное издавна самимъ г. Боголюбовымъ (болѣе 200)—гдѣ, кромѣ многихъ цѣнныхъ картинъ старыхъ и новѣйшихъ художниковъ иностранныхъ, русская живопись представлена произведеніями такихъ художниковъ, какъ Брюлловъ, Ивановъ, Бруни, Айвазовскій, Шишкинъ, Крамской, Рѣпинъ, Бронниковъ, Полѣновъ, Ковалевскій, Клеверъ, Орловскій, Маковскіе К., В. и Н., Келлеръ, Савицкій, Дмитріевъ-Оренбургскій. Съ новыми пріобрѣтеніями это собраніе доходитъ теперь до 280 нумеровъ.

Замѣчательны также пожертвованія многихъ частныхъ лицъ—художниковъ и владѣльцевъ художественныхъ произведеній и рѣдкостей: такъ, дали музею свои картины г-да М. П. Боткинъ, Харламовъ, Бронниковъ, Журавлевъ; товарищество передвижныхъ вы-

ставокъ пожертвовало альбомъ изъ 35 оригинальныхъ рисунковъ, составляющихъ иллюстраціи къ каталогу выставки 1884 года; нѣсколько картинъ пожертвовалъ П. М. Третьяковъ, владѣлецъ знаменитой галлереи въ Москвѣ; М. М. Антокольскій далъ бюстъ Тургенева, голову Ивана Грознаго и Христа (послѣдній въ бронзѣ).

Къ старому и новому серебру коллекціи г. Боголюбова, прибавилось замѣчательное пожертвованіе А. П. Базилевскаго—чаша и блюдо XVII-го вѣка.

Далѣе, собраніе старыхъ ковровъ персидскихъ, турецкихъ, индѣйскихъ; нѣсколько старыхъ ковровъ гобеленовъ, итальянскихъ и фламандскихъ; два куска венецейскаго бархата XV-го вѣка (отъ А. В. Звенигородскаго), образцы старой мебели (отъ барона Г. О. Гинцбурга), большія японскія вазы и два шкафа, стиля ренессансъ (отъ г. Воейкова) и пр. Далѣе—модель памятника имп. Николая, что на Маріинской площади, работысамого барона П. К. Клодта, въ $^1/_8$ настоящей величины (отъ гр. Шувалова).

Въ собраніи картинъ, поступившихъ отъ Государя Императора, находятся и оригинальныя современныя рамы, рѣзанныя изъ дерева XVI и XVII столѣтія, представляющія нынѣ большую рѣдкость и цѣнность.

Г-жа Віардо пожертвовала музею рабочій столъ и стулъ Ив. С. Тургенева, и его ягдташъ (которые пока еще не прибыли изъ Парижа); они будутъ поставлены въ одномъ, „тургеневскомъ", уголкѣ, гдѣ находятся портреты Тургенева, подаренные имъ г. Боголюбову, его рисунки и карикатуры.

Отъ А. Г. Рубинштейна полученъ нотный автографъ одной его партитуры для оркестра.

Въ музеѣ находятся также рисунки и автографы В. А. Жуковскаго (одна рукопись получена отъ П. В. Жуковскаго), Пушкина, Лермонтова.

Пожертвованія дѣлаются уже и на мѣстѣ, въ Саратовѣ: кольчуга XVI вѣка, русскаго дѣла; старинный полуштофъ, зеленаго стекла, съ надписями; бердышъ XVII вѣка; башкирскіе колчаны XVII вѣка; и т. д.

Таковы художественныя богатства, произведенія мастерства и рѣдкости, которыя составляютъ содержаніе Радищевскаго музея.

Нѣкоторыя изъ столичныхъ газетъ, упоминая объ открытіи Радищевскаго музея, подсмѣивались надъ своими провинціальными собратами, которые, описывая художественную коллекцію музея, не умѣли правильно назвать гобеленовъ и какихъ-то другихъ рѣдкихъ предметовъ иностраннаго художества. Столичный репортеръ съумѣетъ, пожалуй, правильно назвать „гобелены"; но откуда, въ самомъ дѣлѣ, знать ихъ провинціальному жителю? Надо полагать, что въ коллекціи

г. Боголюбова эти гобелены, какъ и множество другихъ художественныхъ рѣдкостей, впервые съ сотворенія міра попали на берега Волги, „въ глушь, въ Саратовъ". Нечего и взыскивать съ господъ провинціаловъ. Можно было бы скорѣе пожалѣть, что наша провинція была такъ долго и до такой крайности заброшена относительно средствъ художественнаго образованія, что ей мало знакомы даже названія разныхъ предметовъ искусства и художественнаго мастерства, а съ тѣмъ вмѣстѣ мало знакомы, конечно, и многія элементарныя понятія искусства.

Городскому представительству Саратова дѣлаетъ честь, что въ концѣ концовъ оно довело до конца предпріятіе, потребовавшее столь значительныхъ средствъ. Но, повидимому, сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ и по частнымъ сообщеніямъ, дѣло шло не безъ препятствій. Были люди, считавшіе это дѣло праздной, излишней затѣей, самый смыслъ которой былъ мало понятенъ; другіе, съ болѣе серьезной точки зрѣнія, находили, что это—роскошь, которой городъ не долженъ бы позволять себѣ, пока не удовлетворены болѣе настоятельныя реальныя нужды, какъ, напр., благоустроенная больница и т. п. О первыхъ нечего говорить: это было откровенное невѣжество, съ которымъ сосчитаться невозможно. Что касается второго, то, кажется, вопросъ о настоятельныхъ нуждахъ города надо было дѣлать раньше, да и никогда не поздно говорить о нихъ, если онѣ неудовлетворены; а затѣмъ, надо также поставить когда-нибудь и другой вопросъ—о нуждахъ умственныхъ и нравственныхъ, потому что для общества не менѣе важно, чтобы приняты были мѣры и противъ болѣзни, и противъ невѣжественнаго одичанія, которое есть — тоже болѣзнь въ нравственной природѣ человѣка. Едва ли есть мѣрка, по которой можно было бы размѣрять очередь удовлетворенія матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей общества. Напр., въ городскомъ хозяйствѣ Петербурга есть еще много существеннѣйшихъ, первоначальныхъ санитарныхъ нуждъ, еще не удовлетворенныхъ; но городскому управленію Петербурга дѣлаетъ величайшую честь, что не смотря на то, оно съ такой ревностью размножало въ послѣдніе годы число народныхъ школъ... Вѣроятно, и въ Саратовѣ поймутъ со временемъ, что основаніе музея, устройство школы (если, какъ надо желать и ожидать, послѣдняя устроится раціонально и скоро) будутъ именно попеченіемъ о благосостояніи жителей, потому что впервые сообщатъ средства художественнаго воспитанія—и въ томъ смыслѣ, въ какомъ служитъ этому воспитанію всякое художественное, открытое публикѣ собраніе, и въ томъ спеціальномъ смыслѣ, что здѣсь будетъ школа, дающая практически полезныя свѣденія, годныя и для художественнаго мастер-

ства, и для промышленности. Громадный наплывъ учащихся въ подобныя петербургскія школы—Общества поощренія художниковъ и Штиглицовскую—указываетъ, что обѣ, лишь недавно основавшіяся, школы отвѣчаютъ народившейся потребности, а съ другой стороны, открываютъ новые пути труда и приложенія знаній и искусства. Можно думать, что будущая саратовская школа, которая должна быть филіацiей школы Штиглица, будетъ выполнять ту же роль относительно Саратова и его края.

По газетнымъ извѣстіямъ мы знаемъ уже, что открытіе музея уже начало привлекать частныя пожертвованія, и надо желать, чтобы эти пожертвованія умножались: нерѣдко въ частныхъ рукахъ бываютъ замѣчательныя вещи, ненужныя дома, даже мало интересныя по своей единичности и которыя были бы очень встати или даже чрезвычайно важны въ цѣлой коллекціи, и для владѣльца такихъ вещей будетъ гораздо большей честью, даже съ точки зрѣнія его самолюбія—участвовать своимъ вкладомъ въ прекрасномъ учрежденіи, созданномъ на общественную пользу.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ музея должно быть, конечно, изданіе указателя. По настоящему, оно должно бы быть двоякое: краткій и очень дешевый указатель предметовъ, который могъ бы служить руководствомъ для посѣтителей и замѣнялъ бы „проводника“ (газеты говорили уже о желаніи посѣтителей имѣть такого проводника, безъ котораго они не понимаютъ значенія многихъ предметовъ); и другой указатель, болѣе полный, гдѣ было бы отмѣчено происхожденіе предметовъ, ихъ точная или приблизительная эпоха и мѣстность, особенности стиля и т. п. Какъ мы слышали, имѣется въ виду издать описаніе музея съ фотографическими изображеніями наиболѣе любопытныхъ предметовъ: изданіе такого рода, безъ сомнѣнія, любопытно. но краткій и обнимающій всѣ нумера коллекціи указатель для посѣтителей остается тѣмъ не менѣе необходимъ. Степень пользы, какую можетъ принести музей, какъ образовательное средство, очень много будетъ зависѣть отъ устройства его посѣщеній публикою: тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ посѣтителямъ, бо́льшимъ или меньшимъ вниманіемъ къ ихъ любопытству, можно привлечь и оттолкнуть, заинтересовать посѣтителей и охладить въ нихъ всякій интересъ. Въ первое время необходимо обратить вниманіе на это простое, но весьма существенное обстоятельство: посѣтители правы, желая имѣть „проводника“ по музею (проводники есть, напр., по извѣстнымъ днямъ и въ извѣстные часы, въ Публичной Библіотекѣ); если въ настоящую минуту нѣтъ особаго лица, которое могло бы быть постояннымъ руководителемъ публики, то желательно, чтобы она имѣла такое руководство, по крайней мѣрѣ, въ извѣстные дни и часы; вмѣстѣ съ тѣмъ,

для памяти и для справокъ, необходимъ указатель. Весьма разумныя и практическія замѣчанія объ устройствѣ внутреннихъ порядковъ подобныхъ учрежденій относительно публики, т.-е. того общества, которому эти учрежденія должны служить, мы указывали однажды въ запискѣ г. Кельсіева о Ростовскомъ музеѣ.

Въ заключеніе пожелаемъ всякаго успѣха вновь возникшему музею—первому въ своемъ родѣ въ нашей провинціи. Эта провинція такъ небогата и умственными интересами, и образовательными учрежденіями, которыми могли бы питаться эти интересы, что это счастливо завершенное предпріятіе г. Боголюбова не можетъ не возбудить самыхъ теплыхъ сочувствій. Подобныя учрежденія нужны, конечно, не въ одномъ пунктѣ, а во всѣхъ главныхъ пунктахъ нашей провинціи,—какъ нужно было бы еще нѣсколько университетовъ, кромѣ тѣхъ существующихъ, которые поставляютъ такую скудную умственную пищу для населенія огромной имперіи;—порадуемся, по крайней мѣрѣ, что сдѣланъ еще одинъ важный шагъ для возбужденія умственныхъ интересовъ въ нашей областной жизни.

А. Пыпинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1885 г.

Министерство лорда Сольсбери и англо-русскій конфликтъ.—Дипломатическія недоразумѣнія.—Поворотъ въ средне-азіатскихъ заботахъ Англіи.—Внутренняя политика новаго кабинета.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Французскія политическія партіи.—Покровительственная система и принципъ взаимности.—Смерть генерала Гранта.

Новое англійское министерство встрѣчено весьма дружелюбно въ Европѣ: имя маркиза Сольсбери вызываетъ сочувственныя ожиданія не только въ консервативныхъ кружкахъ дипломатіи, но и въ большинствѣ либеральныхъ газетъ. Нѣмецкіе и австрійскіе дѣятели съ удовольствіемъ вспоминаютъ времена константинопольской конференціи и берлинскаго конгресса, когда политика Англіи искала поддержки въ Берлинѣ и Вѣнѣ, когда лордъ Биконсфильдъ входилъ въ секретныя соглашенія съ княземъ Бисмаркомъ и когда Россія вынуждена была жертвовать своими интересами ради сохраненія сомнительной дружбы двухъ сосѣднихъ имперій. Энергическое участіе Англіи въ дѣлахъ материка можетъ вновь оживить надежды вѣнскаго кабинета на дальнѣйшія мирныя завоеванія въ предѣлахъ Балканскаго полуострова; нѣмцы могутъ оказывать давленіе на Россію при помощи косвенной или молчаливой поддержки англійскихъ требованій, а остальныя державы пріобрѣтаютъ возможность разсчитывать на содѣйствіе или вмѣшательство англичанъ въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты вопросы, имѣющіе общее европейское значеніе. Французскіе республиканцы мечтаютъ о союзѣ съ Англіей въ видахъ противовѣса чрезмѣрному преобладанію Германіи; они готовы забыть о безцеремонномъ захватѣ Египта и объ англійскомъ соперничествѣ въ разныхъ краяхъ свѣта, лишь бы сохранить лишній шансъ дипломатическаго успѣха въ будущемъ. Пока правительство Англіи находилось въ рукахъ либеральной партіи, преданной всецѣло заботамъ внутренняго законодательства, до тѣхъ поръ нельзя было надѣяться на самостоятельную роль этой страны въ европейской политикѣ. Гладстонъ не думалъ о внѣшнихъ союзахъ и не обращалъ вниманія на чувства государственныхъ людей континента; принимая тѣ или другія мѣры, онъ не справлялся о взглядахъ чужихъ правительствъ и дѣйствовалъ по личнымъ своимъ впечатлѣніямъ, сообразно настроенію палатъ и печати. Гладстонъ слѣдовалъ за общественнымъ мнѣніемъ, а не руководилъ имъ въ области международныхъ задачъ; оттого

предпріятія его оказывались обыкновенно запоздалыми или безплодными. Невниманіе къ традиціямъ и потребностямъ европейской дипломатіи привело къ совершенному изолированію Англіи; либеральные министры послѣдовательно оттолкнули отъ себя Францію, Германію, Австрію и Италію, вслѣдствіе чего они нигдѣ не нашли себѣ сочувствія при наступленіи опасности англо-русской войны. Крайняя непопулярность Гладстона въ дипломатическихъ сферахъ Европы значительно содѣйствовала его паденію; случайная неудача въ парламентѣ не могла бы служить поводомъ къ перемѣнѣ министерства, еслибы не существовало вѣскихъ постороннихъ вліяній, побудившихъ королеву Викторію немедленно принять отставку престарѣлаго премьера. Нѣкоторыя лондонскія газеты утверждаютъ положительно, что рѣшимость лорда Сольсбёри принять на себя управленіе страною при неудобныхъ для него обстоятельствахъ вызвана была главнымъ образомъ сообщеніями и намеками нѣкоторыхъ иностранныхъ кабинетовъ; между прочимъ, отъ имени князя Бисмарка было заявлено будто бы прямое желаніе видѣть вождя торіевъ во главѣ правительства Англіи. Но и безъ этихъ указаній было очевидно для всякаго, что министерство ближайшаго сотрудника и преемника лорда Биконсфильда сразу облегчитъ и поправитъ международныя отношенія съ наиболѣе могущественными государствами западной Европы. Вражда новаго премьера къ Россіи доставляла ему скрытыя и явныя симпатіи повсюду, гдѣ не любятъ или боятся русскихъ; а намъ не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что чувство недовѣрія и непріязни къ Россіи господствуетъ даже среди такихъ народовъ, которые оффиціально находятся съ нами въ тѣснѣйшей дружбѣ. Этимъ объясняется общая наклонность европейской печати хвалить лорда Сольсбёри за то, что жестоко порицалось въ дѣйствіяхъ Гладстона.

Первая оффиціальная рѣчь новаго главы кабинета мало чѣмъ отличалась отъ послѣднихъ заявленій бывшихъ министровъ; она такъ блѣдно и вяло характеризуетъ будущую политику Англіи, что нѣтъ возможности вывести изъ нея какія-либо опредѣленныя заключенія о намѣреніяхъ правительства,—а между тѣмъ эта рѣчь удостоилась всеобщихъ одобреній въ Европѣ. Въ засѣданіи палаты лордовъ, 6 іюля, маркизъ Сольсбёри объяснилъ отчасти свой взглядъ на разногласія съ Россіею относительно границъ Афганистана. „Споръ касается нынѣ,—говоритъ онъ,—извѣстной пограничной полосы, вѣроятно, не особенно знакомой палатѣ и называемой Зюльфагарскимъ проходомъ. Значеніе этого прохода, велико ли оно или ничтожно, не играетъ роли въ настоящемъ случаѣ; дѣло идетъ не о важности или незначительности прохода для Англіи или для Афганистана, а о фактѣ болѣе существенномъ—о томъ, что Англія обѣщала эмиру включеніе

этой мѣстности въ предѣлы Афганистана, и отъ этого обѣщанія мы отступить не властны. Для насъ имѣетъ жизненную важность утвержденіе среди всѣхъ, кто довѣряетъ намъ или зависитъ отъ насъ, не только въ Азіи, но и въ другихъ мѣстахъ,—утвержденіе вѣры, что слово Англіи, разъ данное ею, будетъ поддержано и исполнено. Это наше обѣщаніе было слѣдствіемъ другого обѣщанія, даннаго Россіею, о включеніи Зюльфагара въ предѣлы Афганистана. Насчетъ точнаго примѣненія этого обязательства возникли разногласія, и объ этомъ предметѣ ведутся еще переговоры". Выразивъ свою увѣренность въ миролюбіи петербургскаго кабинета, министръ заявилъ далѣе, что не слѣдуетъ придавать окончательное или рѣшающее значеніе происходящимъ переговорамъ, если бы они даже были окончены благополучно. „Не вдаваясь въ оцѣнку взглядовъ различныхъ правителей, мы можемъ считать общеизвѣстнымъ, что все положеніе дѣлъ въ тѣхъ странахъ страдаетъ непостоянствомъ и отсутствіемъ равновѣсія. Поэтому не въ трактатахъ и соглашеніяхъ, какъ бы полезны они ни были, должны мы видѣть охрану нашихъ драгоцѣнныхъ интересовъ въ тѣхъ краяхъ; и хотя мы должны поддерживать близость и дружбу съ афганскимъ эміромъ, но не въ дружбѣ эмира заключается гарантія для нашихъ интересовъ. Мы можемъ довѣряться только искусно задуманнымъ и энергично проведеннымъ мѣрамъ для защиты нашей границы во всѣхъ пунктахъ, гдѣ она слаба, а также укрѣпленіямъ, которыя не только будутъ охранять нашу границу, когда она подвергнется нападенію, но будутъ настолько выдаваться впередъ, чтобы теченіе войны не могло доходить до ея подножія".

Въ этихъ немногихъ словахъ предложены три различныя системы, исключающія себя взаимно. Во-первыхъ, споръ о Зюльфагарѣ ведется дружелюбно съ обѣихъ сторонъ, безъ видимой опасности для сохраненія мира, — ибо двѣ великія державы не станутъ воевать изъ-за небольшой пустынной мѣстности въ предѣлахъ чужого государства. Такъ можно заключить по вступительному замѣчанію министра. Но затѣмъ является важная загвоздка, совершенно измѣняющая положеніе вопроса: Англія дала обѣщаніе, основанное на обязательствѣ Россіи, а англичане не могутъ отступиться отъ своего слова. Выражаясь проще,—Россія беретъ назадъ свое обѣщаніе или не намѣрена выполнить его въ точности, что вынуждаетъ Англію добиваться исполненія во что бы то ни стало, ради сохраненія довѣрія афганцевъ къ ея честному слову. Дѣло, значитъ, не въ Зюльфагарѣ, а въ вопросѣ чести, не допускающемъ никакихъ уступокъ. Но, по изложенію лорда Сольсбёри, не Англія, а Россія колеблется исполнить свое обѣщаніе,—такъ-что афганцы и другіе народы могутъ утратить довѣріе не къ англійской, а къ русской добросовѣстности? Какъ могли

англичане брать на себя обязательство, исполненіе котораго зависитъ отъ чужой державы? Нежеланіе или невозможность уступки со стороны Англіи означаютъ въ этомъ случаѣ рѣшимость добиться предположеннаго результата при помощи военной силы, т.-е. начать одну изъ величайшихъ и опаснѣйшихъ войнъ, какую когда-либо вела Англія. И все это будто бы ради сохраненія репутаціи честности въ глазахъ эмира Абдурахмана! Никто не повѣритъ серьезности такихъ предположеній и угрозъ. Самыя разсужденія о честности въ политикѣ —весьма скользкая тэма въ устахъ дипломата по профессіи. Гордое увѣреніе, что Англія не отступается отъ даннаго слова, опровергается массою фактовъ, изъ которыхъ нѣкоторые совершились при участіи самого лорда Сольсбѣри. Всѣмъ памятны торжественныя обѣщанія охранять цѣлость и неприкосновенность Турціи,—обѣщанія, приведшія однако къ отнятію у турокъ Кипра и къ отдачѣ двухъ турецкихъ провинцій австрійцамъ безъ малѣйшаго къ тому повода. Можно указать еще на занатіе Египта подъ предлогомъ охраны общихъ европейскихъ интересовъ и на неоднократныя обѣщанія очистить эту страну отъ англійскихъ войскъ въ опредѣленные сроки, которые однако забывались впослѣдствіи. Не только простыя обѣщанія, но и формальные трактаты не исполняются великими державами, когда это возможно,—и дипломаты считаютъ такой порядокъ вещей вполнѣ естественнымъ и законнымъ. Пруссія не думала обращать вниманіе на V статью подписаннаго ею пражскаго договора 1866 года, относительно сѣверной части Шлезвига, и однако никто не сомнѣвается въ безусловной честности прусскихъ государственныхъ людей. Австрія явно нарушаетъ постановленія берлинскаго конгресса относительно Босніи и Герцеговины, присвоивая себѣ эти провинціи въ полную собственность, и тѣмъ не менѣе никто не протестуетъ противъ такого незаконнаго образа дѣйствій. Дѣйствительная честность обязательна только для государствъ слабыхъ, не имѣющихъ такъ-называемой высшей политики; могущественныя имперіи слѣдуютъ своимъ интересамъ и потребностямъ, выразителями которыхъ въ международныхъ отношеніяхъ являются дипломаты.

Лордъ Сольсбѣри самъ не придаетъ значенія тому обстоятельству, что Англія дала какое-то обѣщаніе эмиру, находящемуся у нея на содержаніи. Послѣ угрожающей ссылки на невозможность отступленія, онъ откровенно заявляетъ, что въ сущности всѣ эти переговоры неважны и непрочны, что не они обезпечатъ безопасность Индіи и что настоящихъ гарантій слѣдуетъ искать въ укрѣпленіи непосредственныхъ индійскихъ границъ. Этотъ третій, наиболѣе надежный способъ дѣйствія, очевидно, отнимаетъ всякую силу у предшествовавшихъ замѣчаній о зюльфагарскомъ вопросѣ и о безусловной

необходимости оправдать довѣріе эмира Абдурахмана, хотя-бы цѣною разлада съ Россіею. Если нельзя полагаться на дружбу афганцевъ и на прочность соглашеній объ ихъ сѣверной границѣ, то зачѣмъ-же хлопотать о такомъ или иномъ результатѣ переговоровъ, предъявлять рѣзкія требованія и пугать противниковъ перспективою напрасной войны? Не только Зюльфагаръ, но и Гератъ оказываются безполезными для Англіи, если брошена фантазія о ключахъ въ Индію и если дѣло идетъ уже объ укрѣпленіи индійскихъ границъ безъ помощи афганцевъ. При такомъ разумномъ взглядѣ на дѣло, мысль объ англо-русской войнѣ отодвигается въ туманную даль будущаго,—до тѣхъ не близкихъ еще временъ, когда русскимъ станетъ тѣсно въ Азіи и въ Европѣ и они двинутся въ благодатный Индостанъ на смѣну англичанамъ и индусамъ, которые встрѣтятъ ихъ въ укрѣпленныхъ пунктахъ, подготовляемыхъ нынѣ лордомъ Сольсбѣри. —Итакъ англійскій премьеръ въ одно и то же время говоритъ о миролюбивомъ ходѣ переговоровъ, объ обязанности принудить Россію къ уступкѣ Зюльфагара и о неважности всѣхъ этихъ пограничныхъ споровъ для упроченія британскаго владычества въ Остъ-Индіи. Чему тутъ вѣрить? Намъ кажется, что настоящая идея консервативнаго кабинета выражена именно въ послѣднемъ указаніи, которое соотвѣтствуетъ все болѣе распространяющимся трезвымъ воззрѣніямъ на задачи охранительной индійской политики. Недавно еще эта мысль была подробно развита герцогомъ Аргайлемъ въ длинной рѣчи, занявшей два засѣданія палаты лордовъ; въ этомъ же смыслѣ высказываются всѣ вообще сторонники мира въ Англіи. Укрѣплять границы Индіи — значитъ отказаться отъ несостоятельной системы нейтральныхъ государствъ, предназначенныхъ будто-бы служить „буферами" между двумя имперіями. Переставъ видѣть защиту для себя въ варварскихъ народцахъ, привыкшихъ дѣлать набѣги въ обѣ стороны и проникнутыхъ ненавистью къ европейцамъ, англичане освобождаютъ себя отъ постоянныхъ безпокойствъ и хроническихъ кризисовъ, связанныхъ съ существованіемъ такихъ союзниковъ, какъ Абдурахманъ-ханъ.

Одна существенная подробность невольно обращаетъ на себя вниманіе въ объясненіи лорда Сольсбѣри. Эта подробность имѣетъ тѣмъ больше значенія, что ее подтвердилъ и Гладстонъ въ палатѣ общинъ. Оказывается, что отвѣтственность за послѣднія усложненія въ афганскомъ вопросѣ возлагается опять-таки на русскую дипломатію, стремящуюся будто-бы уклониться отъ даннаго слова. Такая постановка дѣла несомнѣнно выгодна для англичанъ, и большинство европейскихъ газетъ опять разсуждаетъ о „русскомъ вѣроломствѣ", способномъ истощить терпѣніе миролюбивой и добросовѣстной Англіи.

Такъ какъ съ русской стороны не дѣлается оффиціальныхъ заявленій о внѣшней политикѣ, то публика остается подъ впечатлѣніемъ одностороннихъ указаній и обвиненій противниковъ. А нельзя отрицать, что такъ или иначе общественное мнѣніе господствуетъ въ Европѣ и неотразимо вліяетъ на международныя дѣла. Чтобы отчасти возстановить равновѣсіе между обѣими спорящими сторонами, наше министерство иностранныхъ дѣлъ могло бы отъ времени до времени помѣщать въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" свои фактическія разъясненія. Едва-ли удобно оставлять безъ отвѣта обвинительныя рѣчи министровъ въ чужихъ парламентахъ,—рѣчи, предназначенныя для всеобщаго свѣденія и дающія матеріалъ для сужденій всей европейской печати. Правда, съ лордомъ Сольсбѣри усердно полемизируютъ наши газетные оффиціозы, но голосъ ихъ не имѣетъ авторитета и остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Повсюду между тѣмъ пускаетъ корни убѣжденіе о русскомъ „вѣроломствѣ", не встрѣчая надлежащаго своевременнаго отпора со стороны русской дипломатіи. Новѣйшіе переговоры о Зюльфагарѣ выяснили еще лишній разъ нецѣлесообразность той системы обѣщаній, которой держались у насъ по средне-азіатскому вопросу съ конца шестидесятыхъ годовъ. Всякое обѣщаніе является лишь источникомъ новыхъ затрудненій и замѣшательствъ; оно даетъ поводъ къ противорѣчивымъ толкованіямъ и часто не можетъ быть исполнено по мѣстнымъ обстоятельствамъ, которыхъ нельзя предвидѣть заранѣе. Объ этомъ мы имѣли уже случай говорить въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ обозрѣній (въ іюньской книгѣ журнала за текущій годъ). Но если ужъ даются и принимаются обѣщанія, то по крайней мѣрѣ можно было бы ожидать, что они будутъ точно и ясно формулированы. И это элементарное условіе не соблюдается однако, хотя опытъ повторялся много разъ и постоянно возникали недоразумѣнія, грозившія чуть-ли не разрывомъ. Было обѣщано предоставить Зюльфагаръ афганцамъ, но значеніе и предѣлы этой мѣстности не были вовсе обозначены; англичане имѣли въ виду весь Зюльфагарскій проходъ съ окружающими его высотами, а русскіе желали уступить только самый проходъ въ тѣсномъ смыслѣ, безъ окрестныхъ горъ и долинъ. Почему же не было точнѣе опредѣлено въ свое время, что́ именно разумѣлось подъ Зюльфагаромъ, который предполагалось уступить Афганистану? Трудно объяснить эту неопредѣленность и сбивчивость въ вопросахъ столь важныхъ, въ которыхъ ставятся на карту взаимныя отношенія двухъ великихъ имперій. Напрасно теперь вдаются въ подробности для доказательства того, что къ Зюльфагару не принадлежатъ спорныя мѣста, прилегающія къ проходу съ востока и съ юга; на это легко возразить, что вся уступка теряетъ свою цѣну и дѣлается

совершенно фиктивною, если возвышенныя позиціи, господствующія надъ проходомъ, остаются въ нашихъ рукахъ. Лучше было-бы совсѣмъ не уступать Зюльфагара, чѣмъ давать поводъ къ враждебнымъ обвиненіямъ и подозрѣніямъ; а если ошибка разъ допущена, то поневолѣ нужно подвергнуться всѣмъ неудобнымъ ея послѣдствіямъ. Если значеніе Зюльфагара въ дѣйствительности оказывается шире того, которое имѣлось въ виду русскою дипломатіею, то приходится сказать только одно: il faut s'exécuter. Обязанность точнѣе опредѣлить и ограничить размѣры дѣлаемой уступки лежала очевидно на той сторонѣ, которая давала извѣстное обѣщаніе; необходимыя оговорки не могутъ быть прибавлены позднѣе, когда рѣчь идетъ объ исполненіи даннаго обязательства. Впрочемъ, такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія свѣденій, сообщенныхъ только одною стороною и притомъ явно намъ враждебною. Очень можетъ быть, что обѣщаніе не имѣло того характера, какой придается ему англійскими министрами; но одна уже возможность подобныхъ толкованій и выводовъ свидѣтельствуетъ наглядно о неясной и неопредѣленной постановкѣ спорныхъ вопросовъ.

Что постоянныя домогательства уступокъ съ одной стороны и вынужденныя обѣщанія съ другой, не приводятъ ни къ чему хорошему,—въ этомъ все болѣе убѣждаются сами англичане. Въ іюльской книжкѣ „Nineteenth Century" находимъ въ этомъ отношеніи поучительную статью члена парламента, Джона Слэга. „Одна изъ главныхъ причинъ нашихъ затрудненій съ Россіею, — по словамъ автора, — заключается въ неразумномъ образѣ дѣйствій, принятомъ Англіею относительно поступательнаго русскаго движенія въ средней Азіи, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. За этотъ періодъ времени мы въ громадной степени увеличили нашу индійскую имперію; мы предпринимали войны, низвергали правителей и присоединяли новыя области. Какъ бы сомнительны ни были средне-азіатскія дѣла Россіи, но въ ея дѣйствіяхъ нѣтъ ничего такого, что менѣе допускало-бы оправданіе съ нравственной точки зрѣнія, чѣмъ наши присоединенія Оудской территоріи, наше завоеваніе Синда, наши два похода въ Афганистанъ, нашъ захватъ Берарскихъ земель и многія другія пріобрѣтенія наши въ Индіи. Тѣмъ не менѣе ни одна изъ европейскихъ державъ не считала нужнымъ обращаться къ нашему правительству съ протестами по поводу индійской политики и задаваться вопросами о цѣляхъ нашихъ военныхъ движеній, о томъ, гдѣ мы стоимъ, куда мы намѣрены идти и гдѣ мы должны остановиться. Несомнѣнно, что если бы какая-либо держава обратилась къ намъ по этому предмету, мы кратко и ясно предложили бы ей заняться своими собственными дѣлами. Между тѣмъ, такъ именно относились

мы постоянно къ Россіи впродолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Намъ показалось, что Гератъ служитъ ключемъ въ Индію, и на этомъ основаніи наши министры, наша печать и сама нація прониклись убѣжденіемъ, что мы имѣемъ нѣкоторое „право" вмѣшиваться въ дѣла Россіи въ средней Азіи. Къ сожалѣнію, Россія не объявила съ самаго начала, что она не признаетъ такого „права" на вмѣшательство или разслѣдованіе и что ея дѣйствія въ средней Азіи будутъ направляемы ея собственными интересами, а не британскою подозрительностью. Эта политика разслѣдованія была столь же безплодна, какъ назойлива. Нашъ собственный опытъ въ Индіи могъ убѣдить насъ, что существовалъ одинъ только способъ для остановки русскаго движенія, а именно занятіе средней Азіи нашими собственными силами. Если мы не въ состояніи были сдѣлать это, то намъ оставалось снабдить гарнизонами и укрѣпить пограничную линію, которую мы признали бы необходимою для безопасности нашей индійской имперіи, и затѣмъ молчаливо выжидать русскаго приближенія. Но чтобы избѣгнуть затратъ и трудностей, связанныхъ съ этою задачею, мы предпочли варварскую политику, которая сводится къ тому, чтобы создать вокругъ нашихъ индійскихъ владѣній обширный поясъ пустынной страны, населенный одними лишь хищными туркменами. Воинственные возгласы, которые раздавались у насъ противъ Россіи во время ея похода въ Хиву, взятія Геокъ-тепе и водворенія въ Мервѣ, имѣли своимъ источникомъ постыдную боязнь, чтобы этотъ пустынный поясъ не исчезъ. Заботясь о безопасности Индіи, мы готовы были требовать, чтобы туркменамъ предоставлено было попрежнему дѣлать нападенія на русскихъ и персидскихъ подданныхъ и чтобы первобытная дикость поддерживалась на значительныхъ пространствахъ земель, которыя нѣкогда служили и могутъ вновь служить мѣстопребываніемъ трудящагося населенія. Я не желаю,— спѣшитъ оговориться авторъ,—выступать защитникомъ всего, что совершалось русскими въ средней Азіи; но я утверждаю, что изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ мы имѣемъ наименѣе права упрекать ихъ". Джонъ Слэгъ, какъ и большинство либеральныхъ членовъ палаты общинъ, рѣшительно не вѣритъ въ возможность войны. Онъ не допускаетъ мысли, „чтобы въ Европѣ проливались потоки крови для обезпеченія туркменамъ дальнѣйшаго простора въ торговлѣ невольниками и въ похищеніи скота у сосѣднихъ племенъ". Вопіющая несправедливость такой войны, по его мнѣнію, нисколько не ослаблялась бы ссылками на обязательства по отношенію къ „нашему союзнику эмиру". Если бы мы могли обѣщать туркменамъ и жителямъ Герата лучшее управленіе, чѣмъ предстоящее имъ подъ русскимъ господствомъ, то мы имѣли бы основаніе—продолжаетъ авторъ,—возражать противъ пред-

полагаемыхъ посягательствъ генерала Комарова; но ввергнуть два континента въ войну, пустить въ движеніе весь восточный вопросъ, для того, чтобы ничтожный правитель, подобный Абдурахману, сохранилъ подъ своею властью лишнія пространства пустынной земли, —это было бы преступленіемъ, которое способно заставить поблѣднѣть самаго безразборчиваго политическаго дѣятеля... Мы должны или приготовиться къ встрѣчѣ русскихъ у индійской границы, или предпринять завоеваніе и умиротвореніе Афганистана. Третьяго пути нѣтъ предъ нами. Союзъ съ афганцами, а не только съ манекеномъ-эмиромъ, оказывается невозможнымъ, благодаря нашимъ собственнымъ дѣйствіямъ; мы можемъ вступить въ ихъ страну только какъ завоеватели или совсѣмъ не вступать въ нее".

Жаль только, что такого рода мнѣнія рѣдко пользуются популярностью и съ трудомъ пролагаютъ себѣ дорогу въ общественныя массы. Публика не пойдетъ за скучнымъ проповѣдникомъ благоразумія и человѣчности; она будетъ рукоплескать смѣлымъ выходкамъ и угрозамъ, возбуждающимъ національное самолюбіе, и остановится только передъ явною опасностью непосредственныхъ кровавыхъ жертвъ. Народныя симпатіи легко завоевываются воинственными Чёрчиллями, тогда какъ вѣскій голосъ стараго Брайта остается безъ всякаго вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ. Публика вездѣ одинакова. Во Франціи она не слушала Тьера, возстававшаго противъ войны съ Пруссіею, и увлеклась пустыми звонкими фразами о тріумфальномъ шествіи въ Берлинъ. У насъ существовали патріоты, бравшіеся закидать шапками враждебную Европу. Такъ же точно въ Англіи замѣчается наклонность одерживать громкія побѣды, по крайней мѣрѣ на словахъ, и наносить врагамъ жестокіе удары въ публичныхъ рѣчахъ и въ газетной полемикѣ. Если судить о намѣреніяхъ Англіи по этимъ внѣшнимъ признакамъ, то война должна бы разразиться уже давно; намъ объявляли ее много разъ, постоянно грозили ею прямо или намеками, показывали ее въ перспективѣ во всевозможныхъ видахъ и по различнымъ поводамъ,—и однако войны не было, не смотря на всѣ рѣшительные шаги нашей военной политики въ средней Азіи. Англичане не скоро переходятъ отъ слова къ дѣлу въ случаяхъ серьезныхъ, требующихъ обдуманнаго рѣшенія; они не станутъ воевать съ первоклассною военною державою, пока есть возможность избѣгнуть разрыва и пока не явятся охотники вытаскивать для нихъ каштаны изъ огня, какъ это было въ крымскую кампанію. Не видно теперь въ Европѣ другого Наполеона III, который согласился бы доставить внушительную армію для англійскихъ цѣлей. Оттого воинственные ораторы оппозиціи, какъ Сольсбёри и Чёрчилль, охлаждаются столь быстро при вступленіи во власть; они сразу

мѣняютъ тонъ и довольствуются лишь скромными обвиненіями вмѣсто прежнихъ устрашающихъ филиппикъ. Новый премьеръ уже нѣсколько разъ заявлялъ оффиціально свою увѣренность въ сохраненіи мира и дружбы съ Россіею, хотя это преувеличенное миролюбіе звучитъ какъ-то странно въ его устахъ послѣ недавнихъ выходокъ при министерствѣ Гладстона. Но практическая политика, соединенная съ сознаніемъ отвѣтственности предъ страною, есть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ область личныхъ мнѣній и чувствъ, подогрѣваемыхъ искусственно въ пылу полемическаго краснорѣчія.

Обстоятельства благопріятствуютъ министерству Сольсбёри. Дѣла улучшаются въ Египтѣ, и великія державы согласились предоставить Англіи выпускъ новаго египетскаго займа, что равносильно признанію за нею права оффиціальной опеки надъ злополучною страною. Опасный врагъ Египта, повелитель Судана, извѣстный подъ именемъ Махди, скончался неожиданно отъ оспы, и это значительно облегчаетъ задачи англійской политики на Востокѣ. Одинъ изъ ближайшихъ соратниковъ лорда Чёрчилля, сэръ Друммондъ Вольфъ, отправился въ Константинополь и въ Каиръ, въ качествѣ спеціальнаго уполномоченнаго Англіи, для подготовленія будущей программы дѣйствій по отношенію къ Египту. Замѣтное оживленіе господствуетъ во внѣшней британской политикѣ; но и внутренніе законодательные вопросы получили новый толчекъ, благодаря желанію министровъ провести необходимыя реформы до окончанія парламентской сессіи. Лордъ-канцлеръ Ирландіи, Джибсонъ, возведенный въ званіе пэра подъ именемъ лорда Ашборна, внесъ новый земельный билль, по которому ирландскіе фермеры могутъ выкупать арендные участки въ собственность при помощи государства: казна даетъ лэндлорду почти всю сумму выкупа, которая покрывается затѣмъ ежегодными взносами арендаторовъ въ теченіе продолжительнаго срока (39 лѣтъ). Спеціальныя карательныя мѣры признаны излишними для Ирландіи; въ этомъ отношеніи консервативный кабинетъ оказался либеральнѣе Гладстона. Принципы внутренней политической жизни одинаковы для обѣихъ партій; они служатъ предметомъ разногласія болѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ,—по крайней мѣрѣ въ новѣйшее время, когда аристократія, руководимая дальновидными людьми, ищетъ сближенія съ наиболѣе многочисленными низшими слоями избирателей, надѣясь найти въ нихъ опору для дальнѣйшаго господства. Консерваторы имѣютъ много шансовъ успѣха въ предстоящей избирательной кампаніи, несмотря на то, что во главѣ либеральной оппозиціи стоитъ такой могущественный дѣятель, какъ Гладстонъ. Министры, подлежавшіе переизбранію вслѣдствіе назначенія ихъ на должность, повсюду избраны вновь значительнымъ большинствомъ;

особенно замѣченъ былъ успѣхъ лорда Черчилля въ Вудстокѣ, гдѣ либеральный соперникъ его получилъ гораздо менѣе голосовъ, чѣмъ въ 1880 году. Во всякомъ случаѣ ноябрьскіе парламентскіе выборы обѣщаютъ быть чрезвычайно оживленными, и вопросъ о мирѣ или войнѣ едва ли будетъ играть при этомъ рѣшающую роль: ко времени выборовъ самый этотъ вопросъ, вѣроятно, перестанетъ существовать.

Французскія политическія партіи также готовятся къ выборамъ, которые должны произойти въ сентябрѣ. Министерство Бриссона-Фрейсинэ не можетъ похвалиться особенными удачами внутри и извнѣ, но оно добросовѣстно управляетъ дѣлами страны, дѣлаетъ посильныя сокращенія въ бюджетѣ и старается, по возможности, привести къ концу унаслѣдованныя отъ кабинета Ферри колоніальныя предпріятія. Палата утвердила мирный договоръ съ Китаемъ, хотя выгоды его далеко не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ; Франція отказалась отъ всякаго вознагражденія за понесенныя потери и добилась только косвеннаго признанія протектората надъ Аннамомъ. Французское общество, утомленное безплодными и дорого стоившими приключеніями въ китайскихъ водахъ и въ Тонкинѣ, радо было миру, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы съ достоинствомъ выйти изъ надоѣвшаго всѣмъ кризиса въ далекихъ краяхъ. Общія надежды не совсѣмъ оправдались: въ то самое время, какъ миръ утвержденъ былъ парламентомъ, изъ Аннама пришло извѣстіе, что небольшой отрядъ главнокомандующаго, генерала де-Курси, подвергся ночному нападенію въ столицѣ страны, Гюэ, и съ трудомъ отбилъ аттаку, произведенную съ двухъ сторонъ многочисленнымъ туземнымъ войскомъ. Генералъ де-Курси успѣлъ завладѣть цитаделью Гюэ и взять въ плѣнъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ правительства; королевская фамилія удалилась въ горы вмѣстѣ съ остатками разбитой арміи. Очевидно, Аннамъ, о которомъ французы такъ долго спорили съ китайцами, имѣетъ свое собственное мнѣніе о навязанномъ ему протекторатѣ; онъ не хочетъ подчиниться французамъ добровольно, и для покоренія его понадобятся дальнѣйшія военныя мѣры, обѣщающія нескорый еще успѣхъ. Въ международныхъ предпріятіяхъ, какъ и во многомъ другомъ, гораздо легче сдѣлать первый шагъ, чѣмъ остановиться на второмъ или на третьемъ; то, что въ началѣ казалось неважнымъ, разрослось незамѣтно до угрожающихъ размѣровъ, и изъ мелкихъ столкновеній въ Тонкинѣ вышла цѣлая серія событій, которыхъ менѣе всего желали французскіе политическіе дѣятели. Министерство Ферри было свергнуто именно за эту плодовитость колоніальныхъ усложненій; кабинетъ Бриссона долженъ былъ

прежде всего позаботиться о ликвидаціи ихъ безъ ущерба для достоинства націи. Ночная битва въ Гюэ разрушила иллюзію мирнаго водворенія французской власти надъ аннамитами: не все еще кончилось съ заключеніемъ франко-китайскаго мира. Въ парламентѣ и въ печати высказывается единодушная рѣшимость отречься отъ колоніальныхъ предпріятій на будущее время и сосредоточить силы страны на болѣе близкихъ интересахъ въ Европѣ; около этого пункта будетъ вертѣться, по всей вѣроятности, большинство избирательныхъ программъ. Попытка Жюля Ферри оправдать въ палатѣ свою политику и выяснить значеніе пріобрѣтенныхъ колоній привела только къ шумному обмѣну рѣзкихъ словъ; недавніе союзники бывшаго министра открещиваются отъ солидарности съ его взглядами, а противники, крайніе радикалы и монархисты, не упускаютъ случая доказать превосходство своихъ отрицательныхъ убѣжденій.

Группировка партій во Франціи страдаетъ все тѣмъ же недостаткомъ — чрезмѣрнымъ дробленіемъ и разрозненностью. Приверженцы монархіи дошли до смѣшного въ своей страсти къ распаденію: легитимисты дѣлятся на сторонниковъ графа Парижскаго, принца Донъ-Карлоса и голландскаго лже-Бурбона, Наундорфа (есть и такіе, съ графомъ Дюранти во главѣ); сверхъ того, есть и орлеанисты болѣе либеральные, проповѣдники кандидатуры герцога Омальскаго на постъ президента республики; въ лагерѣ бонапартистовъ ведутъ между собою борьбу приверженцы принца Жерома и его сына Виктора, примѣшивая къ политикѣ печальную семейную распрю; наконецъ, въ каждой изъ этихъ монархическихъ фракцій существуетъ еще не мало оттѣнковъ и различій, могущихъ повести къ дальнѣйшему раздробленію при первой попыткѣ практическаго дѣйствія. Одни изъ монархистовъ—суровые клерикалы, мечтающіе о возстановленіи свѣтской власти папъ; другіе—вольнодумцы въ области религіи, но реакціонеры въ политикѣ; третьи стоятъ за авторитетъ власти вообще, не заботясь объ ея характерѣ и направленіи; есть и либералы, готовые сохранить республиканскія учрежденія при монархическомъ правительствѣ. Всѣ эти люди живутъ болѣе традиціями прошлаго или ожиданіями будущаго, чѣмъ интересами настоящаго: они не разсчитываютъ на близкую гибель республики и не стремятся выйти изъ своего безобиднаго положенія доктринеровъ. Они заняты всецѣло выясненіемъ своихъ взаимныхъ безконечныхъ разногласій: каждый изъ нихъ чувствуетъ себя удовлетвореннымъ, когда ему дана возможность высказаться безъ стѣсненій,—а это общее право обезпечено новѣйшими законами о печати и сходкахъ.

Несравненно болѣе сплоченными представляются партіи въ средѣ

республиканцевъ; потребности управленія создали болѣе или менѣе однородное большинство, дающее тонъ республикѣ и опредѣляющее ея общую физіономію. Но среди этого большинства и рядомъ съ нимъ выдѣляются значительныя группы и фракціи, назначеніе которыхъ не совсѣмъ ясно для посторонняго наблюдателя. Какая разница существуетъ, напримѣръ, между „республиканскимъ союзомъ" и „республиканской лѣвою"? Обѣ группы большею частью одинаково подаютъ голоса въ парламентѣ и несомнѣнно сходятся въ существенныхъ принципахъ и вопросахъ,—однако руководители и члены ихъ ревниво оберегаютъ установившіяся перегородки, считая ихъ какъ-будто необходимыми для общаго блага. Нѣкоторое значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ простая сила привычки; но чаще всего тутъ играетъ роль элементъ чисто личный—наклонность извѣстнаго числа депутатовъ подчиняться тому или другому выдающемуся дѣятелю, или цѣлому кружку дѣятелей, связанныхъ единствомъ прошлаго и общностью симпатій. Такъ, „республиканскій союзъ" былъ спеціально партіею Гамбетты и объединялся главнымъ образомъ его личностью; со смертію вождя, партія сохранила свою организацію подъ руководствомъ его ближайшихъ и наиболѣе авторитетныхъ сотрудниковъ, составляя какъ бы школу великаго патріота. Въ „республиканскую лѣвую" вступали лица, расходившіяся въ чемъ-либо съ Гамбеттою или желавшія дѣйствовать независимо отъ его подавляющаго непосредственнаго вліянія. Далѣе идетъ радикальная партія, распадающаяся на умѣренную „радикальную лѣвую" и на болѣе рѣшительную „крайнюю лѣвую"; душою первой былъ нынѣшній министръ-президентъ Бриссонъ, а во главѣ послѣдней стоитъ энергическій и краснорѣчивый Клемансо. Послѣдній не разъ являлся предводителемъ всего передового республиканскаго меньшинства, которое въ ближайшемъ будущемъ можетъ легко получить преобладаніе въ парламентѣ. Клемансо не имѣлъ еще случая выказать на практикѣ приписываемыя ему качества государственнаго человѣка; но онъ всѣми признается однимъ изъ самыхъ даровитыхъ политическихъ бойцовъ современной Франціи. Рѣчи Клемансо производятъ сильное впечатлѣніе; онъ соединяетъ въ себѣ ѣдкое остроуміе съ сухою дѣловитостью, нервную страстность—съ полнымъ самообладаніемъ, способность импровизацій—съ строгою логичностью въ изложеніи. Клемансо возстаетъ теперь противъ чрезмѣрной розни въ средѣ республиканцевъ; въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ рѣчахъ онъ развивалъ недавно ту мысль, что вмѣсто существующихъ устарѣлыхъ дѣленій необходимо допустить только одно основное—на умѣренныхъ и прогрессистовъ; все различіе между ними заключается не въ свойствахъ требуемыхъ реформъ, а въ степени ихъ осуществле-

нія: первые склоняются къ медленному, осторожному дѣйствію, а вторые настаивають на скорости и рѣшительности преобразованій. Къ прогрессистамъ можно причислить не только обѣ радикальныя фракціи, но и значительную часть „радикальной лѣвой"; а умѣренными остаются оппортунисты и отчасти члены „лѣваго центра", руководимаго ближайшимъ виновникомъ паденія „великаго министерства" Гамбетты, талантливымъ депутатомъ Рибо. Проектъ Клемансо несомнѣнно упрощаетъ распредѣленіе партій и вноситъ извѣстный общественный смыслъ въ случайную классификацію парламентскихъ группъ; но прогрессисты должны были бы имѣть одного общаго предводителя, а такимъ предводителемъ могъ бы быть только Клемансо. Самостоятельныя нынѣ группы несогласны на подобное поглощеніе ихъ болѣе обширными партіями и ихъ вождями; этотъ личный мотивъ является неодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы нынѣшняя дробность партій уступила мѣсто болѣе стройной организаціи, на подобіе англійской. Отсутствіе формальнаго единства между людьми одного образа мыслей не мѣшаетъ однако общему способу дѣйствій, что и выражается постоянно въ голосованіяхъ палаты и въ предварительныхъ рѣшеніяхъ отдѣльныхъ группъ по болѣе важнымъ текущимъ вопросамъ. Наибольшее вниманіе удѣляется теперь во Франціи заботамъ объ устраненіи антагонизма между католическимъ духовенствомъ и республиканскимъ строемъ государства, о возстановленіи нормальнаго бюджета и о приведеніи къ концу предпринятыхъ колоніальныхъ экспедицій. По этимъ тремъ главнымъ категоріямъ интересовъ спѣшатъ теперь высказываться представители различныхъ партій, въ виду приближающихся выборовъ. Какая изъ этихъ партій получитъ перевѣсъ и насколько измѣнится вообще составъ нынѣшней палаты депутатовъ,—объ этомъ трудно судить въ настоящее время. Результатъ будетъ тѣмъ болѣе интересенъ, что на долю новой палаты выпадаетъ щекотливая обязанность участвовать въ избраніи президента французской республики, такъ какъ срокъ президентства Жюля Греви кончается въ будущемъ 1886 году.

Любопытная полемика возникла въ австрійскихъ и германскихъ газетахъ по поводу тѣсной политической дружбы, соединяющей обѣ имперіи центральной Европы. Какое значеніе можетъ имѣть эта дружба, если каждая изъ союзныхъ державъ старается подорвать матеріальные интересы другой при помощи безпощадной таможенной борьбы? Возможенъ-ли въ наше время союзъ чисто-платоническій, рядомъ съ черствымъ промышленнымъ соперничествомъ? Эти вопросы подняты нѣкоторою частью венгерской печати и затѣмъ перешли на

болѣе широкое поле обсужденія. Австро-Венгріи какъ будто надоѣло играть роль односторонней союзницы, послушной и скромной; она начинаетъ заявлять свои требованія, которыхъ нельзя не признать въ извѣстной мѣрѣ основательными. Германія, слѣдуя покровительственной политикѣ, запираетъ свои рынки для иностранныхъ продуктовъ, въ томъ числѣ и австрійскихъ; но справедливо-ли приравнивать Австрію къ другимъ иностраннымъ государствамъ, при исключительныхъ отношеніяхъ, установившихся издавна между Вѣною и Берлиномъ? Значительныя отрасли австрійской промышленности чувствуютъ себя стѣсненными, вслѣдствіе затрудненія ввоза товаровъ въ германскіе предѣлы; высокія пошлины дѣлаютъ доступъ почти невозможнымъ во многихъ случаяхъ. Между тѣмъ, нѣмецкіе рынки издавна снабжались продуктами венгерскаго земледѣлія и австрійскихъ фабрикъ; почему-же не возстановить эту старую свободу торговли спеціально относительно Австріи, во вниманіе къ ея усердной, долговременной и безпорочной дружбѣ? Венгерскія газеты предлагаютъ, въ дополненіе къ политическому союзу, устроить таможенный австрогерманскій союзъ, въ силу котораго обѣ имперіи представляли-бы какъ-будто одно промышленное цѣлое, гарантированное отъ чужой конкурренціи одинаковою системою тарифовъ; при этомъ не требуется даже совершенной отмѣны обоюдныхъ пошлинъ, а только значительное пониженіе ихъ, въ видѣ особой льготы. Мысль о таможенномъ союзѣ понравилась нѣмцамъ по тѣмъ политическимъ воспоминаніямъ, которыя невольно связываются съ этимъ понятіемъ; извѣстно, что таможенный нѣмецкій союзъ послужилъ для Пруссіи первымъ ядромъ позднѣйшаго политическаго единенія. Конечно, никто не думаетъ о поглощеніи Австріи Германскою имперіею, подъ предлогомъ таможеннаго союза, — тѣмъ болѣе, что союзъ обнималъ-бы Австро-Венгрію со всѣми ея неудобоваримыми инородными элементами, которыхъ нѣмцы и даромъ не включили-бы въ свое національное тѣло. Германіи не нужны ни мадьяры, ни южные славяне, ни итальянцы, ни галиційскіе поляки; но извѣстныя австро-нѣмецкія провинціи сами просятся въ лоно общаго могущественнаго отечества, и такое измѣнническое настроеніе проявляется все чаще, по мѣрѣ усиленія враждебныхъ нѣмцамъ народностей въ политической жизни Австріи. Извѣстный вѣнскій депутатъ, фонъ-Шенереръ, давно уже проповѣдывалъ идею присоединенія къ Германіи и даже судился по этому поводу за государственную измѣну; а нѣмецкіе студенты Вѣны восторженно рукоплескали призывамъ отважнаго антисемитскаго оратора. Не повліяетъ-ли таможенный союзъ на ускореніе кризиса, который со временемъ долженъ привести къ обогащенію Германіи новыми нѣмецкими землями? Австрія можетъ вознаградить себя на Балкан-

скомъ полуостровѣ, и она во многомъ даже выиграетъ, сдѣлавшись болѣе прочною славяно-мадьярскою монархіею: — такъ рѣшили уже заранѣе сторонники всеобщаго нѣмецкаго объединенія. Само собою разумѣется, что все это пока—чистѣйшія фантазіи; но живое сочувствіе, съ какимъ встрѣчена была въ германской печати идея венгерскихъ министровъ, разоблачаетъ нѣкоторые закулисные мотивы въ чувствахъ Берлина къ Австріи.

Намъ кажется поучительнымъ самое возбужденіе вопроса о совмѣстимости промышленной борьбы съ политическимъ союзомъ. Страна, закрывающая иностранцамъ доступъ въ свои предѣлы и не допускающая ввоза ихъ произведеній, ставитъ себя въ положеніе враждебное относительно сосѣдей; послѣдніе могутъ дѣйствовать подобнымъ же образомъ, согласно началу взаимности, и изъ этого возникаетъ обоюдное раздраженіе, которое при случаѣ способно вызвать настоящій разрывъ. Если торговыя и промышленныя отношенія съ данною страною безусловно необходимы для значительной части сосѣдняго народа, то запрещеніе или затрудненіе этихъ связей прокладываетъ вѣрный путь къ враждѣ и къ разладу. Покровительственная система, примѣняемая съ безусловною строгостью, становится источникомъ международныхъ смутъ или, по крайней мѣрѣ, содѣйствуетъ возникновенію политическихъ кризисовъ. Промышленная борьба отравляетъ политическую дружбу, гдѣ она существуетъ, и кладетъ начало непріязни, гдѣ ея не было, — подобно тому какъ имущественные споры частныхъ лицъ порождаютъ въ нихъ нехорошія чувства. Государство, интересы котораго нарушены, прибѣгаетъ къ возмездію, и война тарифовъ превращается нерѣдко въ обмѣнъ своеобразныхъ репрессалій. Румынія повысила ввозныя пошлины на французскія издѣлія и не согласилась отмѣнить свое распоряженіе; Франція мститъ за это высылкою румынскихъ студентовъ и другими подобными мѣрами, имѣющими уже политическій характеръ. Что важнѣе для Румыніи — дружба-ли Франціи или поддержка плохого туземнаго винодѣлія насчетъ французскихъ винъ, — это другой вопросъ; но несомнѣнно одно, что покровительственная политика испортила въ данномъ случаѣ отношенія румынъ къ великой европейской державѣ. Принципъ взаимности не позволяетъ государству подрывать матеріальные интересы чужого народа безнаказанно.

Приведемъ болѣе близкій намъ примѣръ. Прусское правительство систематически изгоняетъ массу русскихъ подданныхъ изъ предѣловъ своей территоріи, чтобы освободить мѣстныхъ жителей отъ конкурренціи пришлыхъ рабочихъ рукъ и отъ неблагопріятныхъ политическихъ вліяній. Пруссія имѣетъ полное право поступать такимъ образомъ; она можетъ высылать иностранцевъ, поселившихся на ея

территоріи, и ставить ихъ неожиданно въ безпомощное положеніе,—но тысячи обиженныхъ семействъ, вернувшись на родину, взываютъ къ заступничеству отечественной власти, и власть можетъ въ случаѣ надобности принять такія же мѣры относительно прусскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Россіи въ изобиліи и нашедшихъ себѣ здѣсь источники щедрыхъ заработковъ. Западныя и особенно польскія губерніи переполнены нѣмецкими выходцами, которые пользуются у насъ всѣми правами русскаго гражданства; начало взаимности требовало бы, чтобы сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ этихъ пруссаковъ на родину, соотвѣтственно подобному же распоряженію Пруссіи относительно русскихъ подданныхъ. Достаточно было бы намекнуть на принятіе этой мѣры, чтобы ошибочность дѣйствій прусской полиціи выяснилась сама собою,—ибо для всякаго ясно, что отъ системы обоюдныхъ высылокъ проиграла бы больше Пруссія, чѣмъ Россія. Для избытка нѣмецкаго населенія доступъ въ русскіе предѣлы гораздо важнѣе, чѣмъ пребываніе въ Пруссіи для русскихъ жителей; число нѣмцевъ въ Россіи далеко превышаетъ число русскихъ людей на прусской территоріи, и наконецъ, живущіе здѣсь нѣмцы, какъ принадлежащіе большею частью къ зажиточному классу комерсантовъ и предпринимателей, понесли бы гораздо большій имущественный ущербъ въ случаѣ внезапной высылки, чѣмъ изгнанные изъ Пруссіи россійскіе обыватели и учащіеся. Выводъ отсюда тотъ, что односторонняя крутая мѣра, принятая прусскимъ правительствомъ, можетъ привести къ весьма неудобному для Пруссіи подражанію со стороны Россіи,—подражанію, основанному на общемъ международномъ принципѣ взаимности; а такъ какъ Пруссія, по всей вѣроятности, не желала бы допустить изгнаніе ея подданныхъ изъ предѣловъ дружескаго государства, то она несомнѣнно взяла бы обратно свое собственное неудачное распоряженіе, несогласное съ интересами обоюдной политической дружбы. Если же каждая изъ державъ будетъ дѣйствовать по своему, предоставляя другой прибѣгать къ репрессаліямъ, то взаимныя отношенія правительствъ и народовъ должны существенно пострадать, къ явному матеріальному и политическому вреду для обѣихъ сторонъ. Такъ мститъ за себя узкая прямолинейность покровительственной политики въ области международныхъ отношеній.

Одинъ изъ самыхъ популярныхъ дѣятелей Сѣверной Америки, бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, генералъ Грантъ скончался отъ мучительной болѣзни. Общее сочувствіе американцевъ къ его страданіямъ выражалось въ самыхъ разнообразныхъ и отчасти трогательныхъ формахъ. Ежедневные отчеты газетъ объ его поло-

женіи, о взглядахъ лечившихъ его врачей, объ ихъ надеждахъ и колебаніяхъ, постоянные запросы объ этомъ съ разныхъ концовъ страны,—все это доказывало наглядно, что великія историческія заслуги Гранта живутъ въ общественномъ сознаніи народа и что его личныя слабости и прегрѣшенія забыты. Бывшій рѣшитель судебъ американской націи провелъ свои послѣдніе годы въ весьма печальной обстановкѣ. Потерявъ свое состояніе въ дѣлахъ сомнительнаго банкирскаго дома, онъ не пожелалъ воспользоваться великодушіемъ своего главнаго кредитора, милліонера Вандербильта, отказавшагося отъ полученія долга. Грантъ вынужденъ былъ отдать свои трофеи, почетныя шпаги и знаки отличія для обезпеченія должной суммы. Вандербильтъ, принявшій эти вещи въ видѣ залога, пожертвовалъ ихъ въ Вашингтонскій музей, съ согласія Гранта. Незадолго до своей смерти, генералъ Грантъ успѣлъ окончить свои мемуары, на которые еще при жизни заявлено было требованій въ количествѣ двухсотъ тысячъ экземпляровъ. Съ содержаніемъ этихъ мемуаровъ мы надѣемся еще имѣть случай познакомить нашихъ читателей.

НЕИЗБѢЖНА-ЛИ ВОЙНА?

С. Н. Южаковъ. Англо-русская распря. Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ. Политическій этюдъ. Спб. 1885.—Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб. 1885.

Двѣ книжки, заглавія которыхъ выписаны выше, появились очень кстати въ настоящее время. Газеты переполнены смутными свѣдѣніями и разсужденіями о средне-азіатскихъ дѣлахъ; разладъ между Англіею и Россіею изъ-за границъ Афганистана обѣщаетъ сдѣлаться хроническимъ, вызывая замѣшательство на европейскихъ биржахъ и поддерживая понятное волненіе въ средѣ дипломатіи обѣихъ странъ; толки о войнѣ становятся все болѣе настойчивыми, не смотря на миролюбивыя увѣренія правительствъ,—а весьма немногіе у насъ могутъ отдать себѣ ясный отчетъ въ происхожденіи и характерѣ событій, совершающихся въ далекихъ степяхъ средней Азіи. Наша публика, въ противоположность англійской, обнаруживаетъ очень мало самостоятельнаго интереса къ этимъ отдаленнымъ вопросамъ, столь сильно занимающимъ политическихъ дѣятелей Англіи. Общественное вниманіе, направляемое въ ту сторону военными или дипломатическими комбинаціями и столкновеніями, остается лишь мимолетнымъ и искусственнымъ, какъ ни усиливаются подогрѣвать его нѣкоторыя воинственныя газеты. Между тѣмъ, средне-азіатскія дѣла важны для насъ уже потому, что отъ нихъ зависитъ сохраненіе мира или возможность войны съ одною изъ великихъ державъ Европы. Г. Южаковъ, извѣстный своими дѣльными статьями по соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, взялся объяснить русской публикѣ истинное значеніе англо-русскаго конфликта и въ то же время ознакомить ее съ положеніемъ и исторіею тѣхъ странъ, о которыхъ столь часто и много говорится теперь въ нашей печати.

Книга объ Афганистанѣ заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ очерковъ, преимущественно историческихъ, составленныхъ по имѣющимся на русскомъ языкѣ источникамъ. Географическія и этнографическія свѣденія изложены въ незначительной по объему первой части (не болѣе 31 стр.); это краткое описаніе, по словамъ автора, „сообщитъ читателю свѣденій менѣе, нежели онъ знаетъ о королевствѣ африканскаго Мтезы или океанійскаго Тамеа-меа, но которыя тѣмъ не менѣе не будутъ для большинства лишены интереса

новизны". Мы не раздѣляемъ скромнаго мнѣнія автора; мы думаемъ, что и африканскія, и океанійскія дѣла столь же мало извѣстны нашей публикѣ, какъ и дѣла Афганистана. Главное содержаніе книги посвящено прошлымъ судьбамъ государствъ и народовъ средней Азіи; новѣйшая исторія, отъ начала сороковыхъ годовъ до настоящаго времени, занимаетъ лишь нѣсколько заключительныхъ страницъ (181—7), чтò недостаточно, конечно, для ознакомленія съ послѣдовательнымъ ходомъ афганскаго кризиса. Авторъ даетъ матеріалъ для правильнаго пониманія и оцѣнки современныхъ событій; онъ хочетъ освѣтить настоящее при помощи краснорѣчивыхъ указаній прошедшаго, не вдаваясь въ разборъ дипломатическихъ споровъ новѣйшаго времени. Въ брошюрѣ объ „англо-русской распрѣ" также не находимъ обстоятельнаго изложенія фактической стороны вопроса за послѣднія двадцать лѣтъ; за то приводятся любопытныя данныя для объясненія внутренняго историческаго смысла политики Англіи и Россіи на Востокѣ.

Г. Южаковъ смотритъ на дѣло шире и глубже, чѣмъ большинство газетныхъ публицистовъ; онъ не довольствуется оцѣнкою фактовъ, выступающихъ на поверхность политической жизни, а старается заглянуть въ ту лабораторію, гдѣ эти факты создаются, гдѣ дѣйствуютъ скрытыя пружины международныхъ отношеній и гдѣ видимыя случайности получаютъ свое опредѣленное предназначеніе. Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, кажутся намъ не совсѣмъ вѣрными; его основной взглядъ на исторію страдаетъ чрезмѣрною общностью: въ поискахъ за отдаленными причинами явленій забываются нерѣдко ближайшіе факторы, имѣющіе рѣшающую силу.

Съ первыхъ же страницъ брошюры объ англо-русской распрѣ высказывается убѣжденіе, что война рано или поздно неизбѣжна. Мысль автора является тѣмъ болѣе соблазнительною, что она обставлена подобіемъ научныхъ доводовъ. Необходимо разобрать эти доводы, чтобы выяснить ошибочность идеи, лежащей въ ихъ основѣ. „Вмѣстѣ съ страшными событіями, столь фатально и съ такою роковою необходимостью надвигающимися на смущенный міръ,—говоритъ г. Южаковъ,—надвигается и полная неизвѣстность будущаго... Никто не желаетъ войны, всѣми почитаются поводы къ ней ничтожными и безсмысленными, всѣ опасаются ея и никто не надѣется на нее, даже обѣ спорящія стороны, и тѣмъ не менѣе война надвигается и усилія обѣихъ сторонъ избѣгнуть ея покуда разбиваются о какую-то роковую безсмысленную необходимость воевать. Но точно-ли эта роковая необходимость такъ ужъ безсмысленна? Конечно, искать нравственнаго смысла въ кровопролитіяхъ и взаимныхъ разореніяхъ культурныхъ націй было бы напрасно, и съ этой

точки зрѣнія всякая война безсмысленна; но историческій смыслъ такихъ крупныхъ событій, какъ столкновеніе двухъ міровыхъ державъ, долженъ быть, и историческаго безсмыслія въ этомъ столкновеніи быть не можетъ. Франко-германская война объявлена была изъ-за дипломатической щепетильности, но, конечно, ея смыслъ историческій былъ въ иномъ мѣстѣ. Весь міръ зналъ, что война эта будетъ и что она неизбѣжна. Она и разразилась, а изъ-за чего она была объявлена—къ историческому смыслу самого событія ни мало не относится. То же и теперь. Весь міръ, европейскій и азіатскій, давно ожидаетъ этой войны и давно почитаетъ ее неизбѣжною. Она и будетъ. Сегодня-ли, завтра, или еще позже, изъ-за Пендэ, изъ-за Кореи, изъ-за Босфора, или изъ-за дипломатической щепетильности, но она будетъ,—это всѣ знаютъ и чувствуютъ, хотя и не всѣ высказываютъ и не всѣ сознаются".

Остановимся на минуту надъ приведенною аргументаціею автора. Почему „весь міръ зналъ", что франко-прусская война неизбѣжна? Потому ли, что роковая сила исторіи толкала обѣ націи на путь взаимнаго истребленія? Нѣтъ,—ибо до битвы при Садовой въ 1866 г. велись даже переговоры о союзѣ между Пруссіею и Франціею. Возможность войны появилась только послѣ разгрома Австріи, когда пошатнулось первенствующее положеніе Наполеона III въ Европѣ и когда „императоръ французовъ" сталъ открыто готовиться къ предпріятію, которое должно было возстановить его престижъ внутри и извнѣ. „Весь міръ зналъ" только то, что заявлялось и дѣлалось правительствами обѣихъ странъ; всѣ знали о военномъ планѣ маршала Ніеля, о приготовленіяхъ Мольтке и графа Роона, о заботахъ дипломатіи и о толкахъ печати. Общее ожиданіе войны проистекало вовсе не изъ сознанія какой-то „роковой необходимости", а исключительно изъ предполагаемыхъ намѣреній и интересовъ Тюльерійскаго двора, возвѣщаемыхъ болѣе или менѣе ясно услужливою прессою. Наполеоновскіе министры и публицисты нисколько не скрывали династическаго характера той политики, которая привела Францію къ Седану; война нужна была бонапартистамъ, а не странѣ, захваченной ею въ расплохъ. Еслибъ Франція не вмѣшивалась враждебно въ дѣла Германіи, еслибы она не ставила преградъ стремленіямъ нѣмцевъ къ политическому единству и если бы прусскіе успѣхи не принимались Наполеономъ III за личное оскорбленіе, то самая мысль о войнѣ не могла бы возникнуть, и міръ ничего не зналъ бы о ней, какъ не предвидѣлъ ея до 1866 года. Война вызвана была ненормальнымъ узурпаторскимъ режимомъ во Франціи и скверною политикою ея властителей, а вовсе не чѣмъ-либо другимъ, болѣе глубокимъ или болѣе важнымъ. Заключать о фатальной необходимости

событія только потому, что извѣстнаго рода дѣятели подготовляли его заранѣе и давали поводъ къ постоянному обсужденію его въ печати—столь же неосновательно, какъ называть роковымъ и неизбѣжнымъ всякій пожаръ, устроенный при помощи поджога.

Напомнимъ автору, что „весь міръ",—т.-е. прежде всего міръ журналистики,—долго толковалъ о будущей войнѣ между Германіею и Россіею, послѣ торжества пруссаковъ въ 1870—71 годахъ; эти толки особенно усилились послѣ берлинскаго конгресса и затѣмъ не прекращались до извѣстнаго съѣзда въ Скерневицахъ. Не разъ уже газеты обѣихъ странъ начинали горячую перестрѣлку по всей линіи; нѣкоторая натянутость отношеній давала себя чувствовать и въ оффиціальныхъ сферахъ, благодаря разнымъ причинамъ, и въ печать проникали извѣстія о грозныхъ передвиженіяхъ армій вдоль русско-нѣмецкой границы; „весь міръ" имѣлъ основаніе считать войну неизбѣжною рано или поздно,—и что̀ же? Разсужденія о будущей войнѣ сразу какъ-то оборвались, получили вполнѣ невинный характеръ доктринерскихъ загадокъ и перешли окончательно въ область напрасныхъ иллюзій. Теперь ничего уже не слышно о вѣроятности разрыва между Россіею и Германіею; мирное сожительство этихъ двухъ имперій признается уже однимъ изъ наиболѣе надежныхъ и необходимыхъ элементовъ современнаго международнаго положенія въ Европѣ. Какъ прежде „весь міръ" зналъ и чувствовалъ опасность войны, такъ теперь онъ знаетъ и чувствуетъ безобидность русско-германскаго сосѣдства. Быть можетъ, г. Южаковъ не вѣритъ въ прочность этого мира и ожидаетъ столкновенія въ будущемъ; но во всякомъ случаѣ призракъ войны исчезъ, не смотря на общіе угрожающіе толки, и такъ же точно можетъ сойти со сцены вопросъ объ англо-русской борьбѣ, хотя ее давно ожидаетъ, по словамъ автора, „весь міръ, европейскій и азіатскій". Сказать: „она и будетъ"—значитъ допустить не только фактическую, но и логическую ошибку. Событія совершаются не потому, что ихъ ждутъ и боятся; возможность или неминуемость ихъ зависитъ всецѣло отъ людей, отъ степени благоразумія правительствъ и отъ направленія общественныхъ дѣлъ. Фатализмъ неизмѣримо вреднѣе въ политикѣ, чѣмъ въ частной жизни; у насъ онъ тѣмъ опаснѣе въ вопросахъ войны и мира, что и безъ того существуютъ элементы, расположенные къ исканію сильныхъ ощущеній въ области внѣшней предпріимчивости, и что всякая идея о „роковой необходимости" легко воспринимается обществомъ, не привыкшимъ къ самостоятельному и всестороннему обсужденію политическихъ проблемъ.

Г. Южаковъ имѣетъ свою теорію международныхъ кризисовъ — теорію заманчивую на словахъ, но весьма сомнительную на дѣлѣ.

„Міровыя войны,—разсуждаетъ онъ,—(а предстоящая война должна быть и будетъ міровою въ самомъ полномъ и точномъ смыслѣ слова) имѣютъ міровое значеніе и міровой смыслъ. Міровыя причины управляютъ ихъ теченіемъ, началомъ и окончаніемъ. Міровыя войны конца XVIII и начала XIX столѣтій имѣли такое значеніе и такой смыслъ въ смѣнѣ силъ, управляющихъ судьбами цивилизованныхъ народовъ и направляющихъ ихъ исторію. Франція явилась представительницею новыхъ силъ, потребовавшихъ себѣ мѣста и даже господства въ мірѣ. Третье сословіе, буржуазія, капитализмъ,—таковы были эти силы, и міровыя войны той эпохи окончились торжествомъ новыхъ силъ, хотя ихъ представительница, Франція, и понесла въ концѣ концовъ военное и политическое пораженіе". Если Наполеонъ I представлялъ собою третье сословіе, буржуазію и капитализмъ, то во имя чего боролась съ нимъ Англія, насквозь проникнутая тѣмъ же духомъ „средняго сословія, буржуазіи, капитализма"? Очевидно, есть что-то произвольное или случайное въ гипотезахъ автора. „Міровыя войны, — продолжаетъ онъ,—началомъ которыхъ можетъ быть предстоящая англо-русская, тоже не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ борьбою міровыхъ историческихъ силъ, міровыхъ началъ, принциповъ, общественныхъ группъ и интересовъ... Буржуазный капиталистическій режимъ, дошедшій (въ Европѣ) до самаго крайняго выраженія именно въ Англіи и притомъ именно въ лицѣ Англіи перенесшій свое господство и въ международныя отношенія, этотъ режимъ встрѣчаетъ въ лицѣ Россіи страну не буржуазную и не капиталистическую, а построившую свою культуру на идеѣ крестьянства; борьба между двумя міровыми колоссами по-неволѣ явится борьбою между двумя режимами, провѣркою ихъ состоятельности и ихъ значенія и роли въ будущемъ. Въ этомъ — смыслъ борьбы и въ этомъ же ея причина (?), ибо обѣ страны, слѣдуя каждая не болѣе какъ логикѣ своей культуры и требованіямъ своей исторіи, пришли на Востокѣ въ такое соприкосновеніе, что ужиться рядомъ не могутъ и, покуда не преобразовали своего внутренняго строя по образцу противника, не должны уживаться, не уживутся, какъ бы того государственные люди обоихъ государствъ ни желали" (!).

Вѣдь это настоящая проповѣдь политическаго фатализма! Народы „не уживутся", когда они даже не находятся въ сосѣдствѣ, нигдѣ непосредственно не сталкиваются и играютъ роль соперниковъ только по дѣламъ турокъ, афганцевъ и т. п. Едва ли серьезно полагаетъ авторъ, что существующее соперничество на Востокѣ прекратилось бы, еслибы, напримѣръ, Россія „преобразовала свой внутренній строй по образцу противника", т.-е. усвоила себѣ капиталистическій режимъ со всѣми его принадлежностями; напротивъ, тогда соперничество

сдѣлалось бы болѣе постояннымъ, опираясь на конкурренцію въ торговлѣ. Что касается „идеи крестьянства“, то она менѣе всего повинна въ какихъ-либо международныхъ усложненіяхъ. По мнѣнію г. Южакова, „борьба между ландлордомъ и капиталистомъ съ одной стороны, и русскимъ мужикомъ съ другой — предписывается всею логикою исторіи обоихъ государствъ“ (стр. 106). Эти сантиментальныя противопоставленія по меньшей мѣрѣ несправедливы въ данномъ случаѣ. Какое дѣло русскому мужику до англійскаго ландлорда и капиталиста? Съ какой стати будетъ русскій мужикъ жертвовать собою ради борьбы съ англійскимъ общественнымъ строемъ? Противоположность культуръ не вызываетъ войны и не оправдываетъ ея; земледѣлецъ отлично уживается съ купцомъ, когда они не мѣшаютъ другъ другу. Впрочемъ, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ аллегоріямъ и связывать „идею крестьянства“ съ движеніями русскихъ войскъ въ средней Азіи. Русскій мужикъ не стремился брать Геокъ-тепе, какъ не стремится онъ къ Герату и къ Индіи, куда посылаютъ его по временамъ смѣлые газетные фантазеры, съ которыми г. Южаковъ ничего общаго не имѣетъ.

Г. Южаковъ, повидимому, предполагаетъ существованіе извѣстнаго плана въ исторіи; онъ выдаетъ свои обобщенія за факты и строитъ на нихъ цѣлую систему. Онъ относитъ старинныя культуры Востока къ типу культуръ застоя или кругового движенія, въ противоположность прогрессивному характеру европейской цивилизаціи. „Фатально и неизбѣжно,—говоритъ онъ,—наступаетъ въ исторіи каждой такой культуры (восточнаго типа) моментъ, когда она начинаетъ склоняться къ упадку, государство разлагается, самая раса до извѣстной степени вырождается. Дѣло кончалось обыкновенно появленіемъ новой, свѣжей расы, покорявшей, порабощавшей и истреблявшей старую расу и ея культуру и начинавшей развитіе свизнова“. Не трудно замѣтить, что нашествіе новой расы можетъ совпадать одинаково и съ процвѣтаніемъ и съ упадкомъ культуры въ побѣжденномъ государствѣ; тутъ рѣшаетъ грубая сила, а не степень культурнаго развитія, упадка или разложенія. Полчища Чингисхана или Тамерлана не справлялись, настадъ ли періодъ упадка въ странахъ, которыя они готовились опустошить; они одинаково истребляли и старыя, и новыя культуры, и отжившія, и свѣжія расы, встрѣчавшіяся имъ на пути. Объ этомъ подробно разсказываетъ самъ авторъ въ книгѣ объ Афганистанѣ. Монголы завладѣли Россіею, когда въ ней только зарождалась государственная жизнь. Гдѣ же тутъ послѣдовательная смѣна эпохъ процвѣтанія и упадка, круговое движеніе культуръ и расъ?

А пока Востокъ „вертѣлся въ своемъ заколдованномъ цикдизмѣ,— объясняетъ далѣе авторъ,—Западъ все шелъ впередъ и впередъ и

достигъ, наконецъ, такой высоты матеріальной и умственной культуры, что борьба Востока съ Западомъ (проходящая черезъ древнюю, средневѣковую и даже частью новую исторію) оказалась уже невозможностью". Между тѣмъ, Востокъ все „продолжалъ свое предопредѣленное (?), издревле установившееся историческое движеніе; различные его члены довершали циклъ своей культуры. Этимъ путемъ постепенно одна культура за другой приходила къ упадку, одно государство за другимъ теряло былое могущество, раса за расою вырождалась". Но Европа вмѣшалась въ естественный ходъ восточной исторіи и наложила запретъ на прежній способъ насильственной смѣны культуръ. Отсюда возникло странное положеніе: повсюду въ Азіи „пришла пора старымъ культурамъ и государствамъ рухнуть и уступить мѣсто новымъ", а внѣшняя сила не даетъ совершиться этому необходимому обновленію. Г. Южаковъ прилагаетъ различныя мѣрки къ государствамъ западнымъ и восточнымъ: тамъ онъ говоритъ только о развитіи цивилизаціи. а здѣсь—о политическихъ судьбахъ народовъ. Если имѣть въ виду исторію государствъ, а не культуры вообще, то Европа подвержена тѣмъ же условіямъ „цикличности", какія приписаны авторомъ спеціально Востоку: и европейскія государства переживаютъ свои періоды процвѣтанія, упадка и разложенія, при общемъ умственномъ и матеріальномъ прогрессѣ. Въ политическомъ смыслѣ, современная Испанія. Португалія или Греція находятся въ такомъ же положеніи въ Европѣ, какъ Персія—въ Азіи; великое прошлое смѣнилось у нихъ печальнымъ прозябаніемъ. И однако никакая свѣжая раса не приходитъ на смѣну этимъ отжившимъ европейскимъ народностямъ; никто не пользуется ихъ упадкомъ для своевременнаго завоеванія и обновленія. Здѣсь также наложенъ запретъ на смѣну культуръ,—наложенъ существующею системою международныхъ отношеній; „обезсилѣвшимъ политическимъ тѣламъ", въ родѣ Швеціи, Даніи, Голландіи, Португаліи и пр., „приказано существовать вопреки историческому смыслу и логикѣ", какъ выражается г. Южаковъ относительно сохранившихся старыхъ государствъ Востока. И никакого зла отъ этого въ Европѣ не происходитъ; мы не замѣчаемъ „атмосферы смерти, умершихъ культуръ, безжизненныхъ государствъ, вырождающихся расъ",—всѣхъ этихъ плодовъ истребительныхъ „культурныхъ смѣнъ", принимаемыхъ авторомъ за лекарства отъ политическаго застоя.

Жизненное значеніе Востока для Англіи прекрасно обрисовано въ разбираемой брошюрѣ; весь промышленный строй англичанъ кажется автору чѣмъ-то въ родѣ вавилонской башни, которая, чтобы держаться, должна давить, какъ своихъ строителей, англійскихъ ра-

бочихъ, такъ и населенія восточныхъ странъ, доставляющія средства для постройки. „Но,—говоритъ г. Южаковъ,—поднимаясь выше и выше, вся сложенная изъ нагроможденныхъ въ теченіе столѣтій камешковъ, безъ заранѣе обдуманнаго плана и симметріи, эта новая вавилонская башня должна же когда-нибудь и пошатнуться. Трехсотлѣтняя торговая политика руководителей Британіи привела ее къ тому, что она живетъ и богатѣетъ не на собственный счетъ. Для того, чтобы продолжать свою жизнь въ этомъ видѣ, въ какомъ она сложилась въ наше время, Англія должна самымъ безпощаднымъ образомъ эксплуатировать болѣе слабыя націи всѣхъ пяти частей свѣта. И все это зависитъ отъ господства на морѣ, отъ господства въ Индіи. Пошатнулось первое, поколебалось второе,—и Англія, эта богатая, просвѣщенная Англія, гордость и слава современнаго человѣчества,—безъ куска хлѣба, полный банкротъ". Всякій согласится съ дѣлаемымъ отсюда заключеніемъ, что англичанамъ „есть изъ-за чего бороться на Востокѣ, и борьба эта—не игра государственныхъ высокомудрствованій, какъ у Австріи, а ставка на карту всего современнаго строя Англіи". Но изъ важности обширныхъ и богатыхъ колоній вытекаетъ ли необходимость войны съ какою-либо изъ европейскихъ державъ? Если торговые интересы Англіи играютъ такую исключительную роль въ ея политикѣ, то чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что средніе либеральные классы стоятъ обыкновенно за миръ, а аристократы-торіи отличаются воинственностью? Политическіе дѣятели, принадлежащіе къ купеческому сословію, какъ фабрикантъ Чемберлэнъ, банкиры Гошэнъ и сэръ Джонъ Лёббокъ,—не говоря уже о Брайтѣ и Гладстонѣ,—являются усердными сторонниками мира, а лорды, не имѣющіе никакого соприкосновенія съ торговлею, ратуютъ за энергическую наступательную политику. Трудно предположить, чтобы маркизъ Салисбёри, лордъ Чёрчилль и другіе дѣятели ихъ лагеря ближе принимали къ сердцу коммерческія заботы Англіи, чѣмъ люди непосредственно заинтересованные въ дѣлахъ торговли. Воинственный патріотизмъ торіевъ не можетъ имѣть того значенія, какое слѣдуетъ придавать взглядамъ и тенденціямъ дѣйствительныхъ представителей англійской промышленности. Пока комерсанты Англіи, вслѣдъ за Гладстономъ, Гошеномъ и Чемберлэномъ, стремятся поддерживать миръ съ Россіею, до тѣхъ поръ и мы не имѣемъ повода отыскивать доказательства въ пользу неминуемости войны.

Вѣроятность столкновенія съ Англіею со стороны Россіи оказывается уже совсѣмъ слабою въ разсужденіяхъ автора. Очеркъ русскаго движенія въ глубь средней Азіи даетъ очень мало точекъ опоры для оправданія рискованныхъ выводовъ, о которыхъ мы гово-

рили выше. Авторъ придаетъ земледѣльческій, колонизаціонный характеръ даже чисто-военнымъ предпріятіямъ, вызываемымъ необходимостью обезпечить наши границы отъ набѣговъ хищниковъ; эта послѣдняя сторона вопроса изложена довольно обстоятельно, но связь охранительныхъ и наступательныхъ дѣйствій съ ходомъ колонизаціи есть только продуктъ слишкомъ широкаго обобщенія. Авторъ убѣдительно доказываетъ, что англійская торговля потеряла массу потребителей съ переходомъ средне-азіатскихъ земель подъ власть Россіи,—что приближеніе наше къ Индіи дѣлаетъ ее доступною для враждебной сухопутной арміи, что этимъ будутъ подорваны основы могущества Англіи, что флота будетъ уже недостаточно и придется подумать о новой организаціи военныхъ силъ. Для предупрежденія этихъ опасностей или неудобствъ, англичане могутъ рѣшиться на войну; но обострившійся кризисъ, „хотя и очень мало, все же имѣлъ бы шансы разрѣшиться мирно при обоюдномъ того желаніи",—вопреки тому, чтó сказано авторомъ въ другихъ мѣстахъ брошюры. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, г. Южаковъ кончаетъ мрачнымъ утвержденіемъ, что „покуда Англія свою внутреннюю жизнь, свое богатство и свое могущество строитъ на нынѣшнихъ основахъ, нами выше очерченныхъ, до тѣхъ поръ война между Россіею и Англіею вполнѣ неизбѣжна и является лишь вопросомъ времени". По мнѣнію автора, „только существенныя внутреннія преобразованія Англіи, политическія и соціальныя, могутъ спасти ее и насъ отъ роковой необходимости борьбы на жизнь и смерть".

Всѣ соображенія въ пользу этого кроваваго исхода могутъ быть съ одинаковымъ успѣхомъ примѣнены къ какой угодно изъ великихъ державъ, съ которыми соперничаетъ Англія, — къ Франціи, къ Германіи, къ Италіи, къ Соединеннымъ Штатамъ. Французы также приближаются къ границамъ Индіи со стороны Тонкина и слѣдовательно также уничтожаютъ неуязвимость индійской имперіи; они сверхъ того мѣшаютъ Англіи въ Египтѣ, завоевываютъ колоніи, которыя въ будущемъ могли бы принадлежать англичанамъ, и несомнѣнно отнимаютъ у нихъ милліоны потребителей въ разныхъ частяхъ свѣта. Подобнымъ же образомъ грозятъ англійскому могуществу и англійской торговлѣ—американцы, нѣмцы, итальянцы: неужели со всѣми ими поочередно будутъ воевать англичане? Никто объ этомъ не думаетъ и не говоритъ,—хотя было время, когда газеты серьезно обсуждали шансы войны съ сѣверной Америкой, затѣмъ съ Франціею и наконецъ даже съ Германіею. Нужно полагать, что и возвѣщаемая нынѣ англо-русская война принадлежитъ къ тому же разряду безкровныхъ политическихъ кризисовъ, много разъ пережитыхъ евро-

пейскою дипломатіею. Выводъ г. Южакова можетъ быть даже вѣренъ въ теоріи, вообще: Англія можетъ имѣть сильное желаніе остановить движеніе Россіи, какъ она желала остановить и Францію, и Германію въ ихъ колоніальныхъ предпріятіяхъ; но это еще не значитъ, что война неизбѣжна или даже возможна на практикѣ, въ дѣйствительности. Реальныя условія международнаго положенія, отсутствіе союзниковъ и слабость военныхъ силъ, дѣлаютъ немыслимымъ для Англіи совершеніе того опаснаго шага, роковую необходимость котораго доказываетъ г. Южаковъ. Мы не сомнѣваемся, что англичане съумѣютъ въ концѣ концовъ приноровиться къ новымъ политическимъ обстоятельствамъ и постараются даже извлечь возможныя выгоды изъ непосредственнаго сосѣдства съ Россіею въ средней Азіи.

Л. С—скій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е августа 1885.

— Литературный Сборникъ. Изданіе редакціи „Восточнаго Обозрѣнія". Собраніе научныхъ и литературныхъ статей о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ. Редакторъ Н. М. Ядринцевъ. Спб. 1885.

Редакторъ замѣчаетъ въ предисловіи, что изданіе отдѣльныхъ областныхъ сборниковъ становится потребностью русской жизни, по мѣрѣ большаго изученія Россіи и въ силу поднятія умственной жизни въ областяхъ: въ самой провинціи начинаетъ накопляться научно-литературный матеріалъ и сама провинція живетъ теперь иною жизнью, чѣмъ лѣтъ тридцать тому назадъ.

Въ важности и интересѣ этой литературы нѣтъ сомнѣнія. Надо бы удивляться, что она не развивается шире, тѣмъ это есть,—когда дѣйствительно усиливается и потребность самоизученія и являются литературныя силы, способныя на эту работу. Къ сожалѣнію, дѣятельность мѣстной литературы,—на которой болѣе всего лежитъ трудъ областного изученія,—до сихъ поръ встрѣчается съ немаловажными затрудненіями, которыя иногда стѣсняютъ ее до невозможной степени. Напримѣръ, относительно публицистической литературы, можно представить себѣ положеніе мѣстной газеты, казанской или донской, которой предписывается посылать свои листы на цензуру въ Москву,—какъ это не однажды случалось съ мѣстными изданіями. Съ другой стороны, бываетъ очень тяжела и цензура мѣстная: отдаленная отъ непосредственныхъ указаній высшей цензурной инстанціи, она недоумѣваетъ о степени своихъ полномочій и опасается допускать иныя вещи, которыя безъ всякихъ затрудненій допускаются столичной цензурой; вмѣстѣ съ тѣмъ, зная, по свойствамъ провинціальнаго быта, всякія мѣстныя личныя и административныя отношенія, эта цензура опасается всякихъ личныхъ столкновеній

больше, чѣмъ главное цензурное вѣдомство, и т. д. Въ общихъ вопросахъ, имѣющихъ извѣстный общественный и политическій характеръ, цензура мѣстная опять затрудняется и часто не разрѣшаетъ того, что̀ совершенно обычно въ печати столицъ. Не мудрено, что, наконецъ провинціальная литература ищетъ себѣ пріюта въ столицѣ...

Съ другой стороны, небогаты ученыя силы провинціи. Люди, посвящающіе себя наукѣ, находятся почти только въ университетскихъ городахъ, и въ обыкновенной провинціи, за недостаткомъ средствъ, ученыхъ учрежденій и библіотекъ, они почти не имѣли возможности работы; человѣкъ, собственно ученый, и не находитъ себѣ мѣста и дѣла въ провинціальномъ кругу. Провинціальный ученый есть у насъ рѣдкое исключительное явленіе.—Литературные таланты обыкновенно также сосредоточиваются въ столицахъ.

Такимъ образомъ, провинціальные, областные сборники рѣдко стоятъ на высокомъ научномъ и литературномъ уровнѣ, и обыкновенно требуютъ умѣренной критической мѣрки. Но въ настоящемъ положеніи вещей мѣстнымъ литературнымъ дѣятелямъ приноситъ великую честь и тотъ трудъ, какой они полагаютъ на изученіе своей родины,—потому что это изученіе есть одна изъ самыхъ серьезныхъ потребностей и обязанностей нашего общественнаго и литературнаго развитія. Сибирскіе писатели вообще очень преданы своей родинѣ и ея изученію, и особливо въ послѣднее время положили на это не мало труда.

„Сборникъ" г. Ядринцева займетъ видное мѣсто въ этой областной литературѣ.

Содержаніе его, какъ и естественно, главнымъ образомъ описательное: сибирская старина и литература, инородцы, ссыльные, золотопромышленность и пріисковый бытъ, а въ особенности бытъ сибирскаго крестьянства— таковы предметы, къ которымъ сводятся почти всѣ статьи „Сборника". Назовемъ главныя изъ нихъ: „Древніе памятники и письмена въ Сибири"—Н. Ядринцева; и его же, „Начало осѣдлости—изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ"; „Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей"—А. Оксенова, и его же, „Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ"; „Въ тайгѣ (очерки пріисковой жизни въ Сибири)"—Завиткова; „Олекминская Калифорнія (изъ путешествія на Олекминскіе пріиски)"—Н. Г-ва; „На чужой сторонѣ" (изъ быта ссыльныхъ)—Семилужинскаго; „Наталья Дмитр. фонъ-Визина"—М. С. Знаменскаго; „Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губерніи"—С. Капустина, и его же, „Хозяйственный бытъ сибирскаго

крестьянина"; „Начало печати въ Сибири", статья неизвѣстнаго, и „Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири"—Сибиряка.

Многія изъ этихъ статей исполнены интереса, какъ напр. статьи г. Капустина, Ядринцева, Оксенова, Семилужинскаго, Н. Г-ва, статья неизвѣстнаго о сибирской печати. Мы сдѣлали бы только нѣсколько замѣчаній. Мы не знаемъ, напр., имѣлъ-ли г. Капустинъ,—печатая свѣденія крестьянина Девятова о бытѣ сибирскаго крестьянина,—основаніе такъ строго относиться ко всѣмъ безъ исключенія, писавшимъ ранѣе объ этомъ предметѣ (стр. 304—306); онъ даже думаетъ что „интеллигентный человѣкъ" (это—несчастный человѣкъ, никому онъ не угодитъ) вообще не способенъ сказать объ этомъ что-нибудь правильное. (Причисляетъ ли г. Капустинъ самого себя къ интеллигентнымъ людямъ?) При строгихъ отзывахъ подобнаго рода желательны двѣ вещи: во-первыхъ, чтобы осужденія были доказаны и объяснены примѣрами, и во-вторыхъ, нужно прежнее недостаточное и ложное замѣнить полнымъ и вѣрнымъ; между тѣмъ, въ статьѣ Девятова г. Капустинъ даетъ намъ вовсе не картину того крестьянства, которое, массой въ 3.500.000 человѣкъ, заняло, не разъединяясь, всю срединную Сибирь отъ Урала до границъ Иркутской губерніи (стр. 60) и о которой, съ разныхъ сторонъ, говорили осуждаемые имъ писатели,—а лишь свѣденія объ одной волости Минусинскаго округа, заключающія въ себѣ одинъ простой пересказъ сельскаго и домашняго обихода жителей этой волости. Въ статьѣ самого г. Капустина насъ подивили его соображенія о ненужности желѣзной дороги въ Сибирь (чтобы эта дорога не послужила только для эксплуатаціи страны и для одного вывоза)—до тѣхъ поръ, „пока метрополія не поставитъ своего сельскаго хозяйства на прочныя ноги; когда она сама перестанетъ отчуждать за границу драгоцѣнныя части своей почвы; когда ея землевладѣльцы перестанутъ торговать землею; когда въ ней изведутся аферисты, жаждущіе легкой наживы, экономическіе и торговые хищники" и т. д. (стр. 113), т. е. пока въ метрополіи не основется блаженная Аркадія?

Въ статьѣ г. Ядринцева „Начало осѣдлости" въ высшей степени любопытны сообщенія о формахъ быта у дикарей-инородцевъ, о вліяніи лѣсовъ на возникновеніе осѣдлости и т. д.; въ статьѣ о „Древнихъ памятникахъ" Сибири, мы не знаемъ, насколько точны, или гадательны, или, можетъ быть, иной разъ совсѣмъ произвольны заключенія о древнихъ народахъ Азіи, ихъ переселеніяхъ, взаимныхъ отношеніяхъ, ихъ позднѣйшемъ потомствѣ и т. д.; для провѣрки этой исторіи требуются обширныя и разностороннія знанія въ восточной филологіи.

Въ разсказахъ о „тайгѣ“ — мы предпочли бы отсутствіе беллетристическаго элемента; читателю, который захочетъ себя обманывать этой формой, можетъ быть, она и полезна,—но тому, кто желаетъ имѣть болѣе точныя понятія о предметѣ, пріятнѣе было бы обойтись безъ вымышленныхъ исторій, сценъ, разговоровъ и уродливыхъ фигуръ (стр. 15, напримѣръ).

Статьи о сибирской печати очень любопытны; о новѣйшемъ періодѣ ея исторіи были бы желательны и, кажется, возможны, бо́льшія подробности.

— Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ I. — Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ. Изданіе Второго Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ. Спб. 1885.

Передъ нами огромный томъ, заключающій переписку Добровскаго и Копитара, съ указателями лицъ, словъ и предметовъ (стр. 1—745), и обширное введеніе издателя, разъясняющее эту переписку (стр. I—CVII). Лишь немногимъ изъ обыкновеннаго круга образованныхъ людей извѣстны имена, которымъ посвящено настоящее изданіе; но эти имена принадлежатъ къ числу знаменитѣйшихъ именъ въ исторіи славянской науки. Это—люди, съ которыхъ собственно и начинается эта исторія. Книга г. Ягича будетъ ограничена только кругомъ спеціалистовъ, но для нихъ она составитъ предметъ величайшаго интереса, потому что даетъ множество въ высокой степени любопытнаго матеріала какъ для исторіи многоразличныхъ вопросовъ славянской старины и новѣйшаго славянскаго возрожденія, такъ и для біографіи обоихъ знаменитыхъ начинателей славянской филологіи.

Интересъ этой переписки для исторіи науки и въ частности научныхъ трудовъ самихъ этихъ лицъ, г. Ягичъ указываетъ очень мѣтко слѣдующими словами: „Вся прелесть продолжительной переписки ученыхъ заключается именно въ томъ, что она даетъ возможность поднять завѣсу, скрывающую обыкновенно отъ пытливаго изслѣдователя длинный ходъ приготовительныхъ работъ, трудный процессъ развитія мыслей, выступающихъ въ напечатанномъ трудѣ уже какъ нѣчто вполнѣ законченное. Какъ часто въ самомъ трудѣ уже сглажены слѣды тревогъ и мученій, терзавшихъ автора, какъ часто въ немъ кажется, что уже успокоились колебанія души, или же осторожно припрятаны волновавшія ее чувства страха, надежды, отчаянія, восторга! А между тѣмъ, все это рвется наружу въ заду-

шевномъ словѣ дружеской переписки. Такъ, конечно, и здѣсь. Какими выразительными чертами обрисовался обликъ Копитара въ его страстно-порывистыхъ, вѣчно безпокойныхъ письмахъ, полныхъ нетерпѣливой любознательности и критическаго задора! А какъ рельефно, въ противоположность ему, выступаетъ спокойный, годами подкрадывающейся старости еще болѣе умѣренный, но не доходившій еще до старческой дряхлости, характеръ Добровскаго! Читая его письма, мы еще разъ съ нимъ переживаемъ то внутреннее удовольствіе, которое вынудило 75-лѣтняго старца написать слѣдующія искреннія слова: „Завтра я праздную семдесятъпятый день рожденія, падающій на 18 августа. Еще за три дня до этого я взошелъ на одну высокую, крутую гору. Немногіе выдержатъ мои прогулки пѣшкомъ. Знаю, кому я обязанъ какъ этими, такъ и другими силами. Но сознаю и то, что я воспользовался моимъ разумомъ по мѣрѣ познанія и пріобрѣтенныхъ свѣденій, свободно и безъ предвзятой мысли, отнюдь не добиваясь признательности извѣстныхъ людей, а такъ, какъ приличествуетъ честному человѣку". Немногіе посмѣютъ говорить о себѣ съ такою же увѣренностью, не боясь опроверженія будущихъ поколѣній. Добровскій дѣйствительно принадлежитъ къ числу рѣдкихъ избранниковъ, величина которыхъ только въ непосредственной близости могла казаться приниженною успѣхами другихъ; наблюдаемая же съ извѣстнаго разстоянія, она выступаетъ передъ нашими глазами въ своихъ истинныхъ размѣрахъ, гораздо выше, чѣмъ готовы были допустить его ближайшіе преемники".

Нечего говорить, что изданіе переписки, въ рукахъ столь опытнаго и глубокаго ученаго какъ г. Ягичъ, исполнено съ величайшей отчетливостью. Въ своемъ введеніи акад. Ягичъ перебралъ и освѣтилъ множество заключающихся въ перепискѣ фактовъ изъ тогдашнихъ личныхъ и книжныхъ ученыхъ отношеній Добровскаго и Копитара, и выдѣлилъ такимъ образомъ массу историко-литературныхъ подробностей, очень облегчивъ пользованіе книгой. Для той-же цѣли издатель составилъ, очень обстоятельно, три указателя—лицъ, словъ (изъ разныхъ слав. нарѣчій) и предметовъ, упоминаемыхъ въ перепискѣ.

Любопытный портретъ Добровскаго, факсимилированный (въ нѣсколько уменьшенной величинѣ) съ портрета карандашомъ, давно знакомаго посѣтителямъ русскаго отдѣленія академической библіотеки,—принадлежитъ извѣстному художнику Кипренскому, сдѣлавшему его въ 1823 г., въ Маріенбадѣ (стр. XCI—XCII).—А. В.

— Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій. Проф. И. Иванюкова. Спб., 1885.

Сочиненіе г. Иванюкова представляетъ собою нѣчто среднее между теоретическимъ курсомъ и сборникомъ фактическихъ свѣдeній по политической экономіи. Авторъ, какъ видно изъ предисловія, имѣлъ въ виду теорію, а не практику; онъ желалъ изслѣдовать „закономѣрность важнѣйшихъ экономическихъ явленій современнаго европейскаго общества (включая сюда и Россію) и условій ихъ развитія“. Но содержаніе труда не соотвѣтствуетъ этому намѣренію почтеннаго автора. Быть можетъ, книга только выиграла отъ того, что она не имѣетъ отвлеченнаго теоретическаго характера и, вмѣсто предположенной „закономѣрности“, содержитъ въ себѣ обстоятельные этюды по нѣкоторымъ жизненнымъ вопросамъ нашего народно-хозяйственнаго быта.

Глава объ общинномъ владѣніи была уже напечатана въ „Русской Мысли“ въ видѣ особой статьи, вмѣстѣ съ отзывомъ покойнаго К. Д. Кавелина. Авторъ полагалъ, что „лучшая формулировка экономическаго и соціальнаго значенія господствующей нынѣ въ нашемъ отечествѣ формы общиннаго землевладѣнія находится въ трудахъ К. Д. Кавелина“, и что глава объ этомъ предметѣ „можетъ быть лучше и всестороннѣе написана г. Кавелинымъ“, нежели г. Иванюковымъ. Покойный профессоръ не могъ исполнить просьбу автора и предоставилъ ему право „пользоваться не только мыслью, но и текстомъ всѣхъ его трудовъ“; за то онъ согласился высказать свое мнѣніе о работѣ, которую составитъ самъ г. Иванюковъ. Въ интересномъ письмѣ, помѣщенномъ въ предисловіи къ книгѣ, К. Д. Кавелинъ выражаетъ свой взглядъ на общинное землевладѣніе и на роль его въ будущемъ; онъ „твердо и непоколебимо увѣренъ въ томъ, что этотъ обломокъ старины можетъ, если за него умѣло взяться, сослужить великую службу и стать могучимъ, благодатнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ для правильнаго устройства и обезпеченія быта сельскаго населенія; общинное землевладѣніе, въ рукахъ государей и русскихъ государственныхъ людей, можетъ обратиться въ талисманъ, который избавитъ насъ въ будущемъ и отъ тяжкихъ испытаній, пережитыхъ остальной Европою, и отъ соціальныхъ фантазій. представляющихъ въ наше время серьезную опасность для европейской цивилизаціи и культуры“.

Такого-же мнѣнія держится приблизительно и г. Иванюковъ. Онъ подробно разбираетъ недостатки и преимущества земельной общины. указываетъ на элементы ея внутренняго „самопроизвольнаго“ разло-

женія, приводитъ фактическія данныя о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ и въ заключеніе предлагаетъ реформу, которую проектировалъ К. Д. Кавелинъ въ статьяхъ о „Крестьянскомъ вопросѣ“. Земельные надѣлы должны, по этому проекту, находиться въ безсрочномъ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ, въ видѣ отдѣльныхъ округленныхъ участковъ, безъ права періодическихъ передѣловъ и безъ нынѣшней черезполосности; самая же земля остается неотчуждаемою и неприкосновенною собственностью сельскихъ обществъ. Впрочемъ, авторъ допускаетъ и передѣлы, хотя это едва-ли совмѣстимо съ понятіемъ о безсрочномъ наслѣдственномъ пользованіи: „такъ какъ,—говоритъ онъ,—наслѣдственное участковое пользованіе общинною землею есть безсрочное, а не вѣчное, то безъ согласія владѣльцевъ допускается, по рѣшенію установленнаго закономъ большинства членовъ общества, въ видѣ общихъ мѣръ, обязательныхъ для всѣхъ владѣльцевъ въ обществѣ,—передѣлъ всѣхъ земель, новое распредѣленіе участковъ, увеличеніе или уменьшеніе ихъ размѣра, введеніе новой системы хозяйства и т. п.“ (стр. 192).

Другими словами, общіе передѣлы могутъ происходить по-прежнему въ какіе угодно сроки, а безсрочное наслѣдственное пользованіе будетъ существовать только по имени; но тогда не достигается самая цѣль реформы, заключающаяся въ устраненіи частыхъ передѣловъ, невыгодныхъ для развитія сельскаго хозяйства. Безсрочность и наслѣдственность владѣнія понимаются повсюду въ смыслѣ весьма продолжительнаго, обезпеченнаго пользованія, которое можетъ прекратиться только при нарушеніи какихъ-либо обязанностей или при невзносѣ должныхъ уплатъ со стороны владѣльца; иначе и нельзя понимать предлагаемые термины, если только они должны имѣть какое-либо опредѣленное практическое значеніе. Безсрочность и наслѣдственность пользованія, вмѣстѣ съ правомъ общихъ передѣловъ по желанію большинства—комбинація едва-ли возможная на практикѣ и не совсѣмъ ясная съ логической точки зрѣнія; слѣдовало, по крайней мѣрѣ, принять начало единогласнаго рѣшенія, чтобы хоть въ чемъ-нибудь могло проявиться отличіе „безсрочности и наслѣдственности“ отъ нынѣшняго порядка распредѣленія угодій между членами общинъ. Не лучше-ли было бы, вмѣсто новыхъ сомнительныхъ терминовъ, установить возможно продолжительные сроки для передѣловъ общинныхъ земель? Тогда имѣлъ бы значеніе и тотъ существенный принципъ, что каждый домохозяинъ, лишаясь своего участка и получая взамѣнъ его другой, имѣетъ право на вознагражденіе отъ общины за невырученныя имъ затраты на землю, если вновь отведенное ему мѣсто будетъ худшаго качества. Г. Иваню-

ковъ вводитъ вознагражденіе и на случай уменьшенія размѣровъ отдѣльныхъ участковъ; это указываетъ уже, что, по мысли автора, „право собственности" общинъ превращается отчасти въ фикцію. Передѣлы стали бы невозможностью въ большинствѣ случаевъ, если бы общины должны были платить отдѣльнымъ домохозяевамъ за отходящее отъ нихъ количество земли, при измѣнившемся составѣ семействъ и рабочихъ рукъ въ средѣ сельскаго общества.

Обширный очеркъ „семейной формы производства и мелкихъ предпріятій съ наемнымъ трудомъ" составленъ тверскимъ статистикомъ В. И. Покровскимъ и включенъ въ трактатъ г. Иванюкова, въ видѣ особой главы (стр. 193—270). Г. Покровскій начинаетъ немножко издалека: онъ говоритъ о мелкой промышленности „въ вѣкахъ каменномъ, бронзовомъ, желѣзномъ", о промыслахъ въ древности и въ средніе вѣка, о цехахъ въ Европѣ и позднѣе въ Россіи, и затѣмъ, послѣ историческаго обзора русскаго промышленнаго законодательства, переходитъ къ описанію современнаго состоянія мелкой промышленности въ Россіи. Нѣкоторыя свѣденія могли бы быть съ удобствомъ пропущены авторомъ, напримѣръ, подробныя выписки изъ Городового положенія императрицы Екатерины II относительно устройства ремесленныхъ управъ (стр. 213—216). Описывая наши кустарные промыслы, авторъ вдается въ техническія детали, сообщаетъ массу отдѣльныхъ фактовъ и цифръ, имѣющихъ лишь мѣстное значеніе, и въ концѣ прилагаетъ даже цѣлый рядъ таблицъ съ статистическими данными о кустарной промышленности Московской губерніи, извлеченными изъ земскаго ихъ изслѣдованія (стр. 255—268). Эти таблицы, представляющія сырой, хотя и весьма цѣнный, матеріалъ, могли только по недоразумѣнію или по ошибкѣ попасть изъ земскаго сборника въ „Политическую экономію, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій". Г. Покровскій обстоятельно разсказываетъ объ обработкѣ у насъ волокнистыхъ веществъ, о хлопчатобумажномъ ткачествѣ, о переработкѣ шерсти въ пряжу и ткань, о вязаньѣ чулокъ, варежекъ и перчатокъ, плетеніи кружевъ, о производствѣ мебели и разныхъ орудій, о сапожномъ ремеслѣ, кузнечномъ, гончарномъ и т. д. Все это, конечно, очень интересно, но для теоретическаго курса, какимъ хотѣлъ сдѣлать свою книгу г. Иванюковъ, нужна была другая обработка предмета.

Въ остальныхъ своихъ частяхъ сочиненіе профессора Иванюкова носитъ на себѣ также смѣшанный характеръ; рядомъ съ отвлеченными теоріями идутъ фактическія описанія, группы цифръ, длинныя выписки изъ мѣстныхъ изслѣдованій, безъ надлежащихъ обобщеній, или съ выводами только второстепенными, практическими. Въ главѣ

о „капиталистической формѣ хозяйственнаго предпріятія" весьма точно и ясно изложено содержаніе книги Маркса о „Капиталѣ"; во второй части той же главы авторъ знакомитъ насъ съ положеніемъ русскихъ фабричныхъ рабочихъ на основаніи извѣстнаго отчета московскаго фабричнаго инспектора, профессора Янжула, — причемъ опять-таки допускаетъ излишнія подробности, занимающія сравнительно черезчуръ много мѣста (стр. 323—346). Между прочимъ, г. Иванюковъ приводитъ правила о взаимныхъ обязанностяхъ рабочихъ и хозяевъ, вывѣшиваемыя обыкновенно въ зданіяхъ нашихъ фабрикъ, и по ошибкѣ называетъ эти правила „содержаніемъ нашего законодательства" по данному предмету (стр. 337). Недавно въ нашей печати сдѣлано было другое указаніе, прямо противоположное, — на явную незаконность этихъ правилъ, въ которыхъ дѣлаются ссылки на несуществующія будто бы статьи свода законовъ [1]). Это ошибочное указаніе основано на томъ, что въ правилахъ цитируется старое уложеніе о наказаніяхъ, тогда какъ авторъ замѣтки справлялся въ уложеніи 1866 года, гдѣ общее число статей сокращено на 589 сравнительно съ прежнимъ. Въ книгѣ г. Иванюкова правила помѣщены также безъ оговорки, и читатели могутъ быть поставлены въ недоумѣніе, какимъ образомъ возможно ссылаться на статьи 1787, 1792 и 1864, когда въ уложеніи имѣется всего 1711 статей. Не всякій догадается, что нужно обратиться къ 1352, 1355 и 1358 статьямъ уложенія 1866 года.

Г. Иванюковъ не объясняетъ и не мотивируетъ той системы, которой онъ слѣдовалъ въ распредѣленіи отдѣльныхъ частей своего трактата. Въ первой части дается очеркъ историческаго развитія политической экономіи и характеристика современныхъ экономическихъ школъ, преимущественно нѣмецкихъ, изъ которыхъ наибольшимъ сочувствіемъ автора пользуется, повидимому, „реалистическое" направленіе въ лицѣ Адольфа Вагнера, Шеффле, Шмоллера, Брентано и др. — Вторая часть, о производствѣ, обнимаетъ не только обычныя ученія о природѣ, трудѣ и капиталѣ, но и упомянутыя выше монографіи объ общинномъ землевладѣніи, о кустарной промышленности и о капиталистической формѣ хозяйства. Третій отдѣлъ посвященъ вопросамъ „обмѣна"; одна изъ главъ этой части была напечатана въ нашемъ журналѣ подъ заглавіемъ „Свобода внѣшней торговли и протекціонизмъ". Наименьше мѣста удѣлено послѣднему отдѣлу, наиболѣе важному по обсуждаемымъ предметамъ,—о „распре-

---

[1]) См. „Экономическій журналъ" г. Субботина, вып. II за текущій годъ, замѣтка г. Я. Абрамова.

дѣленіи“; глава о заработной платѣ еще довольно значительна по объему, но о предпринимательской прибыли говорится только на пяти страницахъ, о процентѣ съ капитала три странички, о такомъ первоклассномъ вопросѣ, какъ „земельная рента“,—двадцать страницъ. Почему все это менѣе заслуживало вниманія, чѣмъ кустарные промыслы отъ каменнаго вѣка до Екатерины II, понять трудно; не видно также, для чего нужно было „земельную ренту“ отдѣлить отъ землевладѣнія, процентъ отъ капитала. Несоразмѣрность частей и неясность системы,—два главные недостатка сочиненія г. Иванюкова; но эти недостатки выкупаются большими достоинствами труда, обиліемъ научныхъ и фактическихъ свѣденій, точностью и легкостью изложенія, симпатичнымъ общимъ направленіемъ взглядовъ почтеннаго автора.

— Вокругъ свѣта, томъ первый. По Индіи. Путевыя впечатлѣнія П. И. Пашино. Спб. 1885.

Книга г. Пашино предназначена „для легкаго чтенія“, какъ предупреждаетъ самъ авторъ въ предисловіи; но и серьезный читатель найдетъ въ ней кое-что поучительное. Нужно только читать эту книгу съ большими пропусками, не останавливаясь на множествѣ описаній и разговоровъ, лишенныхъ интереса или не имѣющихъ никакого отношенія къ Индіи.

Повидимому, г. Пашино хотѣлъ показать нашей публикѣ, какъ не слѣдуетъ дѣйствовать въ путешествіи по чужимъ и тѣмъ болѣе азіатскимъ краямъ. Прежде всего читатель узнаетъ, что весьма неудобно путешествовать безъ достаточной суммы денегъ и что имѣющіяся деньги необходимо беречь отъ взоровъ подозрительныхъ персіянъ. Въ противномъ случаѣ, путешественнику предстоятъ непріятныя сцены, о которыхъ подробно повѣствуетъ г. Пашино по своему личному опыту. Онъ просилъ пособія или ссуды у англичанъ: „я рекомендовался,—говорится въ одномъ мѣстѣ,—русскимъ путешественникомъ, объяснилъ причину, по которой желаю представиться губернатору, и заявилъ о своемъ отчаянномъ положеніи. Черезъ пять минутъ меня привели къ губернатору, который заявилъ мнѣ, что онъ все постарается устроить какъ можно лучше, выдастъ мнѣ временное пособіе, пока я получу изъ Петербурга“ и т. д. Наконецъ, одинъ коммерсантъ согласился выдать маленькую сумму. „Ждалъ я, ждалъ денегъ,—описывается далѣе,—наконецъ терпѣніе мое лопнуло; я поѣхалъ снова къ Орди (секретарю губернатора) и просилъ позволенія представиться губернатору.—Да развѣ вы не понимаете (отвѣчалъ секретарь), что

лордъ Гобартъ вовсе не желаетъ васъ видѣть" и т. д. Авторъ отыскалъ одного англичанина, женатаго на русской баронессѣ; тотъ „обѣщалъ сдѣлать ему денежное одолженіе" и просилъ зайти на другой день. „На другой день,—жалуется авторъ,—а встрѣтилъ пріемъ, совершенно противоположный вчерашнему.—Я не могу вамъ положительно ничѣмъ пособить и въ скоромъ времени отправлюсь въ Лондонъ (сказалъ англичанинъ).—Обстоятельства мои чрезвычайно стѣснены, замѣтилъ я" и т. д. Авторъ вновь обратился къ коммерсанту, который разъ уже оказалъ ему довѣріе. „Арботнотъ принялъ меня очень холодно, какъ авантюриста, сказалъ, что денегъ не можетъ мнѣ дать больше, такъ какъ и безъ того онъ уже передавалъ очень много... Я не желаю имѣть съ вами никакого дѣла (заявилъ коммерсантъ). Будьте такъ добры, возвратите мнѣ деньги, возьмите ваши шали и bijouterie, и будьте здоровы—вотъ все, что я могу сказать; денегъ же я вамъ дать не могу". Такой способъ сношеній съ англичанами въ Индіи долженъ быть признанъ весьма оригинальнымъ для русскаго путешественника.

Оригинальнаго вообще очень много въ книгѣ г. Пашино; можно было бы даже заподозрить его въ фантазерствѣ, еслибы въ предисловіи не было сказано прямо: „читатель не найдетъ въ моей книгѣ никакихъ измышленій,—все голая истина". Фантастичнымъ кажется, впрочемъ, только то, что́ касается лично автора, какъ путешественника; онъ очевидно не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли, отправляясь въ Индію и желая оттуда черезъ Гималаи перебраться въ русскія владѣнія. Онъ добылъ себѣ въ Египтѣ паспортъ на имя турецкаго шейха и въ видѣ набожнаго мусульманина поѣхалъ въ Индію; зачѣмъ онъ поступилъ такимъ образомъ—неизвѣстно. А это превращеніе въ турка приводитъ къ цѣлому ряду комическихъ исторій, которыя могли бы произойти и во всякой другой странѣ въ подобныхъ случаяхъ. Затѣмъ г. Пашино переодѣлся въ слугу и исполнялъ домашнія работы у афганца, нанятаго имъ же въ услуженіе,—для отвода глазъ подозрительнаго начальства; отсюда опять цѣлый рядъ смѣшныхъ положеній, которыя словоохотливо описываются добродушнымъ авторомъ.

Все-таки „путевыя впечатлѣнія" читаются съ интересомъ. „Посмотрите,—замѣчаетъ авторъ мимоходомъ,—какія чудеса дѣлаютъ эти англичане, у которыхъ по нашимъ понятіямъ мало войскъ въ Индіи; они открываютъ повсюду школы, коллегіумы, пріюты, и даже въ послѣднее время хлопочутъ объ открытіи университета въ Лагорѣ; они даютъ возможность и право каждому индусу, выдержавшему экзаменъ, поступить на службу, когда угодно, въ какое угодно присут-

ственное мѣсто и въ какой угодно полкъ; они даютъ возможность индусамъ сдѣлаться медиками, юристами, адвокатами, казначеями, депутатами, выборными со стороны народа. Куда ни заглянете, вездѣ видны чалмы индусовъ... Для насъ, русскихъ, кажется даже невѣроятнымъ, что все казначейство Пенджабской губерніи состоитъ не болѣе, какъ изъ пяти чиновниковъ-англичанъ, — остальные все индусы... Англичане до того предупредительны касательно индусовъ, что у нихъ даже каждый чиновникъ обязанъ выдержать экзаменъ изъ индусскаго правовѣденія и языка, такъ-что нѣтъ надобности, чтобы индусы говорили по-англійски" (стр. 148—9). Значитъ, московскія теоріи обрусенія неизвѣстны еще англичанамъ.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е августа, 1885.

Два теченія въ современной общественной жизни.—Полезная сторона двойственности.—Концентрическое движеніе къ свободѣ мысли и слова.—Различіе между путями, по которымъ совершается это движеніе.—Черта сходства между прошедшимъ и настоящимъ.

Въ нашей современной общественной жизни, если присмотрѣться къ ней поближе, можно замѣтить два теченія: одно—поверхностное, бросающееся въ глаза, окрашенное въ одну яркую краску; другое болѣе глубокое и сложное, составленное изъ разноцвѣтныхъ и разнохарактерныхъ потоковъ, не всегда и не вездѣ одинаково доступное для наблюденія. Первое изъ нихъ можно опредѣлить однимъ словомъ: это—теченіе реакціонное, вяло и блѣдно (не смотря на излюбленную рѣзкость формы) повторяющее зады, ищущее спасенія въ давно испытанныхъ и за негодностью оставленныхъ средствахъ. „Я читалъ гдѣ-то и когда-то,—говоритъ Пироговъ въ своемъ дневникѣ, 4 марта 1880 г.,—что новое на свѣтѣ есть ничто иное какъ хорошо забытое старое; но нынче считается за новое и вовсе еще не забытое старое... Возвраты зимы весною и лѣтомъ наносятъ вредъ земледѣльцамъ, возвраты болѣзней опасны для больныхъ — съ стихійными, однако же, силами ничего не подѣлаешь; за то умъ, данный намъ Богомъ для цѣлесообразныхъ дѣйствій, казалось бы, долженъ былъ не на шутку призадуматься, придавая возврату худого и худо-забытаго стараго значеніе благодѣтельной новизны". Эти слова, сказанныя великимъ ученымъ по поводу одной. въ то время предполагавшейся, впослѣдствіи осуществившейся, законодательной мѣры, могли бы получить теперь гораздо болѣе широкое примѣненіе. Модному превознесенію произвола—надъ закономъ и судомъ, бюрократическаго всевластія—надъ самоуправленіемъ, часословной школы—надъ земскою, смиренія—надъ знаніемъ, благонамѣренности—надъ благими намѣреніями, можно было бы противопоставить старинный нѣмецкій афоризмъ: es ist schon alles da gewesen. Общей и полной картины настоящаго такой отвѣтъ, однако, въ себѣ не заключалъ бы. Да, все это было—но было при другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ, при другомъ настроеніи отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго общества. Что теперь составляетъ програму одной партіи или группы, то прежде было фактомъ молчаливо, но покорно признаннымъ со стороны громаднаго большинства. Въ чемъ теперь только на половину убѣждены

сами глашатаи реакціи, то прежде было чуть не догматомъ, предметомъ наивной вѣры. Можно возстановить ту или другую черту прошедшаго, но нельзя воскресить весь складъ и строй его, нельзя возсоздать тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ устоевъ, на которыхъ оно покоилось. Новизна такъ перемѣшалась съ стариною, что отдѣлить послѣднюю отъ первой никому не по силамъ. Не знаменательна ли, напримѣръ, уже та роль, которая принадлежитъ, въ современномъ реакціонномъ лагерѣ, боевымъ его газетамъ? Въ какой бы мѣрѣ онѣ ни замѣняли доводы—инсинуаціями, доказательства—бранью или фразерствомъ, во всякомъ случаѣ имъ приходится аргументировать, разсуждать, слѣдовать за противниками на почву, еще недавно для всѣхъ одинаково запретную. Если въ послѣднее время значительно возрасла сумма печатной лести, то увеличилась и сумма критики—увеличилась именно потому, что въ нее вносятъ изрядный вкладъ органы такъ-называемой консервативной прессы. Никто не идетъ дальше ихъ въ порицаніи нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ, нѣкоторыхъ высоко-поставленныхъ должностныхъ лицъ. Безсознательно и невольно противодѣйствуя самимъ себѣ, своимъ излюбленнымъ принципамъ, они принимаютъ участіе въ воспитаніи общественнаго мнѣнія, въ окончательномъ устраненіи тѣхъ преградъ, передъ которыми почтительно или, по крайней мѣрѣ, бояливо останавливался нѣкогда „ограниченный“, по извѣстному нѣмецкому выраженію, умъ обыкновенныхъ смертныхъ. Еслибы насъ спросили, что̀ болѣе характеристично для настоящей минуты—тѣ ли дѣйствія и распоряженія по части финансовъ, которыя особенно раздражаютъ нашихъ реакціонеровъ, или тѣ газетныя статьи, въ которыхъ изливается это раздраженіе, — мы бы затруднились отвѣтомъ; несомнѣнно только одно: и то, и другое служитъ знаменіемъ эпохи, выраженіемъ той двойственности, которою замѣнена прежняя безповоротно утраченная „цѣльность“.

Съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ возникла мысль о правительственной организаціи крестьянскаго поземельнаго кредита, центромъ оппозиціи этому „вредному новшеству“ былъ и продолжаетъ быть московскій Страстной бульваръ. И что же? Въ то самое время, какъ „бульварная“ газета мечетъ громы противъ ненавистнаго учрежденія и протестуетъ противъ сліянія его органовъ съ органами дворянскаго земельнаго банка, въ „бульварномъ“ журналѣ появляется статья, отрицающая антагонизмъ обоихъ банковъ и намѣчающая тѣ пути, на которыхъ одинъ изъ нихъ можетъ служить дополненіемъ другому. Развѣ это двоегласіе—не признакъ времени?

Свобода печати, при дѣйствіи „временныхъ“ правилъ 1882 г., доведена до уровня, ниже котораго она, быть можетъ, не упадала съ

половины пятидесятыхъ годовъ. Назависимая печать переживаетъ періодъ опалы, число сторонниковъ ея сильно поредѣло и самая мысль о свободномъ, правдивомъ словѣ не возбуждаетъ, повидимому, прежняго сочувствія. И что же? Въ защиту этого слова выступаетъ консервативный авторъ „Россіи и Европы" (г. Н. Данилевскій), въ благонадежнѣйшемъ журналѣ—„Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества". Необходимость полемики, ничѣмъ не стѣсненной, признается имъ особенно настоятельною именно въ той области, гдѣ она теперь всего менѣе возможна — въ области богословскихъ и церковныхъ вопросовъ. Развѣ это не признакъ времени?

„Народность или народный характеръ, какъ положительная сила, присущая всему народу и особенно проявляющаяся въ его лучшихъ людяхъ—это есть одно, а націонализмъ, т.-е. ревнивая и напряженная заботливость о своей національной особенности, усиленное возбужденіе національнаго эгоизма—это есть совсѣмъ другое и даже противоположное... Между народностью и народничаньемъ такая же точно разница, какъ между оригинальностью и оригинальничаньемъ: первое есть нѣчто невольное и хорошее, второе есть нѣчто намѣренное и дурное... Народная самобытность, какъ настоящій кладъ, дается только тѣмъ, кто его не ищетъ; а кто ищетъ, тотъ вмѣсто сокровища приноситъ домой одни негодные уголья". Кому принадлежатъ эти мѣткія, вѣрныя опредѣленія? Не кому другому, какъ г. Владиміру Соловьеву, еще недавно считавшемуся Веніаминомъ славянофильства, сражавшемуся подъ знаменемъ той самой „Руси", противъ которой онъ взводитъ теперь обвиненіе въ „народничаньѣ" [1]). Развѣ это не признакъ времени?

Что скрывается за этими мелкими фактами, далеко не единственными въ своемъ родѣ и характеристичными именно въ своей совокупности? Намъ кажется, что соединительная ихъ черта—концентрическій, если можно такъ выразиться, походъ противъ рутины, противъ старыхъ, узкихъ формулъ національнаго, сословнаго или свѣтобоязненнаго доктринерства. Подводное теченіе, упомянутое въ началѣ нашихъ замѣтокъ, растетъ въ ширину и глубину, несется впередъ, толкаетъ однихъ, увлекаетъ за собою другихъ—и заставляетъ чувствовать все живѣе и живѣе недостатокъ простора въ каналѣ, давно прорытомъ, давно переставшемъ соотвѣтствовать размѣрамъ и потребностямъ движенія. Ничуть не вытѣсняя и не упраздняя собою вопросовъ политическихъ и соціальныхъ, на первый планъ выдви-

---

[1]) Приведенныя нами слова заимствованы изъ открытаго письма г. Соловьева къ И. С. Аксакову, перепечатаннаго въ брошюрѣ г. Соловьева: „Національный вопросъ въ Россіи."

гаются все больше и больше вопросы философіи, нравственности, религіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только назвать имена Кавелина, Пирогова, графа Л. Толстого; за ними идетъ цѣлая вереница другихъ, менѣе громкихъ. Различны исходныя точки, различны пути, различны конечныя цѣли—но вездѣ одинаковъ способъ обращенія: всѣ апеллируютъ къ сознанію, къ совѣсти, къ самостоятельной мысли, къ непринужденному чувству, всѣ хотятъ достигнуть свободнаго согласія съ проповѣдуемымъ или исповѣдуемымъ ими взглядомъ—всѣ, поэтому, одинаково враждебны нетерпимости, запрещеніямъ и приказаніямъ въ сферѣ убѣжденія и вѣры. „Каждый настолько долженъ быть свободенъ,—говоритъ Пироговъ,—чтобы избрать для себя то или другое міровоззрѣніе... Всякій для себя долженъ рѣшить ab ovo, во что̀ онъ вѣруетъ и что̀ признаетъ; всякій долженъ отвѣтить себѣ прямо и откровенно, вѣруетъ ли онъ въ Бога и признаетъ ли Его существованіе. Съ церковной точки зрѣнія это вопросъ, конечно, дерзновенный; но въ переживаемое нами время и церковь, и государство, и общество должны мириться, въ собственныхъ интересахъ, какъ съ дерзостью вопроса, такъ и съ откровенностью отвѣта... Въ области науки никакія церковныя и государственныя запрещенія не должны, да и не могутъ, нарушать свободу совѣсти, мысли и научнаго разслѣдованія. Церковь—паству, а государство—современное общество могутъ оберегать отъ излишковъ и злоупотребленій свободомыслія только нравственными мѣрами“. Убѣжденіе, выраженное въ этихъ словахъ, перестаетъ быть достояніемъ одной партіи, принадлежностью одного образа мыслей. Оно проникаетъ въ умы съ тѣмъ большею силой, чѣмъ яснѣе сознается съ одной стороны потребность нравственнаго освѣженія и укрѣпленія, съ другой—невозможность удовлетворить эту потребность изъ одного источника, для всѣхъ прописаннаго par ordre. „Не будетъ ли уже выигрышемъ и то,—говоритъ г. Данилевскій, возражая противъ запрещенія послѣднихъ сочиненій гр. Л. Толстого,—если кто отъ полнаго невѣрія будетъ приведенъ, и высокимъ авторитетомъ писателя, и его изложеніемъ, къ воспріятію хотя бы одной высокой нравственной стороны христіанскаго ученія?.. Не съ нравственной ли стороны и всегда начинало христіанство свое привлеченіе и свое просвѣтительное воздѣйствіе на умы и сердца людей?.. Въ чистомъ проигрышѣ (отъ запрещенія богословскихъ сочиненій гр. Л. Толстого) остается само движеніе религіозной мысли, лишаемой необходимаго ей жизненнаго возбужденія подъ мертвящимъ покровомъ наружнаго единства, и тѣмъ приводимой къ покою индифферентизма, самаго близкаго сосѣда полному невѣрію“.

Итакъ, къ какимъ бы положительнымъ результатамъ ни привело

броженіе, возникшее у насъ въ области нравственныхъ теорій, однимъ пріобрѣтеніемъ мы, во всякомъ случаѣ, ему уже теперь обязаны: оно вновь поставило на очередь вопросъ о свободѣ печати—поставило его на очередь въ то самое время, когда все, повидимому, клонилось къ торжеству противоположнаго направленія. И дѣйствительно, свобода вѣрованій и мнѣній—необходимая предпосылка движенія, каковы бы ни были его тенденціи и задачи. Возьмемъ, для примѣра, трехъ писателей, ни въ чемъ несходныхъ между собою—ни въ родѣ дѣятельности, ни въ степени таланта, ни въ характерѣ міросозерцанія: г. Владиміра Соловьева, Пирогова и гр. Л. Толстого. Основная идея или мечта г. Соловьева, это—господство теократіи, возможное только при полномъ единствѣ христіанской церкви. Отсюда необходимость сближенія между православіемъ и католицизмомъ—сближенія, немыслимаго безъ самаго широкаго простора въ обсужденіи какъ всего раздѣляющаго обѣ церкви, такъ и всего, могущаго соединить ихъ. „Для духовнаго обновленія Россіи,—говоритъ г. Соловьевъ,—необходимо отреченіе отъ церковной исключительности и замкнутости, необходимо свободное и открытое общеніе съ духовными силами церковнаго запада... Отъ правительства требуется прежде всего снять рѣшительно и окончательно тѣ заборы и заставы, которыми оно загородило нашу церковь отъ возбуждающихъ вліяній церкви западной; требуется, чтобы оно возвратило религіозной истинѣ свободу, безъ которой невозможна религіозная жизнь". Замѣтимъ еще разъ, что къ тому же самому выводу приходитъ и г. Н. Данилевскій, во всемъ остальномъ расходящійся съ г. Соловьевымъ; онъ считаетъ полную свободу церковной полемики „дѣломъ полезнѣйшимъ и необходимѣйшимъ", хотя и ожидаетъ отъ нея не сглаженія недоразумѣній между обѣими церквами, а, напротивъ, бо̀льшаго „выясненія и распространенія въ нашемъ сознаніи истины православія и лжи католицизма".

Мнѣніе Пирогова о свободѣ совѣсти мы уже привели выше; намъ остается только освѣтить связь, соединяющую его съ философіей и жизнью автора „Посмертныхъ записокъ". Пироговъ испыталъ на себѣ все безсиліе механически воспринятыхъ вѣрованій, всю тщету внѣшнихъ охранъ господствующей доктрины. Рожденный и воспитанный въ набожной семьѣ, онъ становится невѣрующимъ, можно сказать, въ мгновеніе ока, почти безъ колебаній и сожалѣній; поступая въ университетъ въ концѣ царствованія Александра 1-го, въ самый разгаръ клерикальной реакціи, онъ встрѣчаетъ тамъ „притонъ нигилистовъ", составленный преимущественно изъ „сыновъ церкви, знать ничего не хотѣвшихъ о Богѣ и церкви". Переходъ отъ матеріализма къ идеализму совершается въ немъ много лѣтъ спустя, путемъ труд-

ной и сложной умственной работы, безъ всякаго участія со стороны факторовъ, оффиціально призванныхъ къ охраненію и распространенію вѣры. Міросозерцаніе, на которомъ онъ окончательно останавливается, заключаетъ въ себѣ много своеобразнаго, отнюдь не во всемъ и не на всѣхъ пунктахъ совпадая съ вѣроученіемъ церкви. Онъ продолжаетъ считать и именовать себя ея членомъ, но подъ условіемъ терпимости къ особенностямъ его личныхъ чувствъ и взглядовъ. „Какъ я самъ,—говоритъ онъ,—не смотря на мое міровоззрѣніе, отличное отъ церковнаго, признаю себя все-таки сыномъ господствующей церкви по рожденію и подданству, считая несправедливымъ и противозаконнымъ покидать ея лоно, такъ и самая церковь вѣрно не захотѣла бы насиловать мою совѣсть, требуя отъ меня отреченія отъ моихъ убѣжденій и вѣрованій, которыхъ я достигъ послѣ долговременной и лютой борьбы съ самимъ собою... Церковь можетъ и должна допускать двойственность, неизбѣжную для вѣрующаго мыслителя. Главная сила церкви въ христіанскомъ принципѣ: кто не противъ насъ, тотъ за насъ“. Весьма можетъ быть, что Пироговъ смѣшиваетъ здѣсь временно-неотвратимое съ естественнымъ и нормальнымъ, узаконяетъ положеніе, въ сущности фальшивое и находящее для себя оправданіе только въ обстоятельствахъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ индивидуальная воля; но для насъ, въ настоящую минуту, незачѣмъ останавливаться на этомъ вопросѣ — намъ нужно только показать, какъ неотразимо все пережитое Пироговымъ должно было вести его къ провозглашенію полной терпимости и свободы въ дѣлахъ вѣры. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ни чѣмъ другимъ, какъ именно отсутствіемъ этой свободы, объясняется молчаніе Пирогова, при жизни, о вопросѣ, вокругъ котораго цѣлые десятки лѣтъ упорно и неотступно вращалась его мысль. Онъ зналъ, что ему не будетъ дано высказать ее со всею ясностью и полнотою; онъ зналъ, что для цѣлой категоріи возможныхъ по отношенію къ ней возраженій вовсе не будетъ мѣста въ печати, что его могутъ обвинить въ косвенномъ нападеніи противъ тѣхъ, кто заранѣе обреченъ на молчаніе. Сколько внутреннихъ переворотовъ проходитъ незамѣтно и безслѣдно вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя такъ долго скрывали отъ насъ душевную жизнь одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей нашего времени! Сколько разъ одна и таже работа повторяется напрасно или останавливается на полъ-дорогѣ, въ невѣденіи о томъ, что она уже исполнена — или оказалась неисполнимой! Мы очень хорошо знаемъ, что вопросы, коренящіеся въ самой глубинѣ душевной жизни, должны быть разрѣшаемы каждымъ за свой собственный рискъ и страхъ, а не подъ чужую диктовку; но нельзя же отрицать и здѣсь возможность и неизбѣжность постороннихъ вліяній, между

которыми одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ примѣру и слову такихъ людей, какъ Пироговъ. Обнародованная послѣ его смерти исповѣдь его теряетъ часть своего значенія; ей недостаетъ того нравственнаго авторитета, который неразрывно соединенъ съ готовностью открыто и смѣло постоять за все сказанное.

Графу Л. Н. Толстому посчастливилось пока меньше, чѣмъ г. Соловьеву и Пирогову; мнѣнія его еще не дошли, оффиціально и гласно, до свѣденія русской публики. Это зависитъ, какъ извѣстно, не отъ самого автора; въ противоположность Пирогову, онъ и не думалъ оставлять своего свѣтильника подъ спудомъ. Исторія совершившагося въ немъ поворота немедленно должна была стать общимъ достояніемъ, вмѣстѣ съ выводами, на которыхъ онъ остановился. Онъ понималъ, что самое свойство этихъ выводовъ не допускаетъ добровольнаго умолчанія о нихъ — не допускаетъ его особенно въ наше смутное и тяжелое время. Не знаемъ, встрѣчается ли у гр. Л. Толстого прямая защита свободы совѣсти и слова; весьма можетъ быть, что не встрѣчается, потому что со стороны систематическаго, абсолютнаго противника всего, похожаго на насиліе и принужденіе, признаніе этой свободы разумѣется само собою. Неотразимо сильнымъ аргументомъ въ ея пользу является, во всякомъ случаѣ, самая судьба „Исповѣди“ и другихъ, слѣдовавшихъ за нею произведеній гр. Л. Толстого. Слишкомъ живо чувствуется всѣми, способными что-либо чувствовать, значеніе пробѣла, образовавшагося такимъ образомъ въ нашей литературѣ или, лучше сказать, въ нашей умственной и нравственной жизни; слишкомъ ясна для всѣхъ ненормальность правилъ, въ силу которыхъ такія произведенія такого писателя уравниваются съ продуктами подпольной печати. Какъ бы широко ни было, de facto, распространеніе въ публикѣ „запрещенныхъ“ сочиненій гр. Толстого, противорѣчіе, указанное нами, не становится отъ этого менѣе вопіющимъ; остается въ полной силѣ не только обусловливаемая имъ затруднительность и неполнота критики, но и все, проводящее столь рѣзкую черту между рукописью и печатной книгой [1]).

Если статьи г. В. Соловьева, посмертныя записки Пирогова и послѣднія произведенія гр. Л. Толстого наводятъ на одну и ту же мысль — о несвоевременности и несостоятельности преградъ, стѣсняющихъ свободу печатнаго слова, то по содержанію своему они представляются выраженіемъ трехъ весьма различныхъ и неравносильныхъ стремленій, существующихъ въ современномъ русскомъ

[1]) Дальше извѣстныхъ предѣловъ обращеніе рукописныхъ сочиненій во всякомъ случаѣ идти не можетъ, и г. Данилевскій едва ли правъ, говоря, что всякій желающій ознакомиться съ послѣдними произведеніями гр. Толстого имѣетъ полную къ тому возможность.

обществѣ. Одно изъ этихъ стремленій направлено къ тому, чтобы укрѣпить цѣлое и черезъ него подѣйствовать на части. Объединеніе церкви, съ цѣлью ея возвышенія и укрѣпленія, въ свою очередь ведущаго къ обновленію всѣхъ ея членовъ — такова программа г. Соловьева. Пироговъ говоритъ съ небольшимъ кружкомъ и для небольшого кружка мыслящихъ людей; онъ требуетъ отъ нихъ усиленной умственной работы надъ основными вопросами бытія и затѣмъ честнаго, безбоязненнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ—разрѣшенія ихъ, если можно такъ выразиться, для своего собственнаго, домашняго обихода, для исполненія долга передъ самимъ собою. Проповѣдь графа Л. Толстого, какъ и рѣчь Пирогова, обращена къ отдѣльнымъ лицамъ—но кругъ, образуемый этими лицами, ничѣмъ не ограниченъ, и задача, имъ предлагаемая, имѣетъ въ виду преимущественно не отношеніе каждаго изъ нихъ къ самому себѣ, а отношеніе ихъ всѣхъ другъ къ другу. Какъ ни фантастична, какъ ни далека отъ дѣйствительности теорія г. Соловьева, она оттѣняетъ собою одинъ пробѣлъ, общій разсужденіямъ Пирогова и порывамъ графа Л. Толстого: она напоминаетъ, что для достиженія умственныхъ и нравственныхъ цѣлей одного человѣка, какъ и всего человѣчества, недостаточно личной дѣятельности, личнаго развитія, личнаго усовершенствованія, а необходимо, сверхъ того, измѣненіе общихъ условій человѣческой жизни — измѣненіе, т.-е. улучшеніе, общественнаго и государственнаго устройства. Само собою разумѣется, что идеалъ этого устройства не имѣетъ ничего общаго съ „теократіей“ г. Соловьева—но столь же несомнѣнно и то, что стремленіе къ нему не должно быть забываемо или удаляемо на задній планъ ни изъ-за работы надъ „проклятыми“ метафизическими вопросами, ни изъ-за помощи, непосредственно идущей отъ лица къ лицу, ни изъ-за добровольныхъ, единичныхъ отреченій отъ благъ и удобствъ жизни.

Разнообразіемъ подводныхъ теченій, мало гармонирующихъ съ поверхностной реакціонной струей, переживаемая нами эпоха рѣзко отличается отъ той, „худо забытой“, образъ которой проносится, по временамъ, передъ нашими глазами; но это еще не значитъ, чтобы между обѣими эпохами не было точекъ соприкосновенія, отчасти скрытыхъ, отчасти явныхъ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ напечатано недавно два чрезвычайно интересныхъ документа, относящихся къ 1858 и 1859 г. — записка московскаго генералъ-губернатора, графа Закревскаго, „о разныхъ неблагонамѣренныхъ толкахъ и неблагонамѣренныхъ людяхъ“, и „списокъ подозрительныхъ людей въ Москвѣ“. Почти всѣ газеты поспѣшили перепечатать эти документы, и мы въ правѣ предположить, что содержаніе ихъ извѣстно нашимъ

читателямъ; напомнимъ только, что въ списокъ „подозрительныхъ людей“ вошли М. Н. Катковъ, К. С. и И. С. Аксаковы (переименованные изъ Сергѣевичей въ Тимофѣевичи), А. С. Хомяковъ, В. А. Кокоревъ („западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ“), М. П. Погодинъ, („литераторъ, стремящійся къ возмущенію“), Ю. С. Самаринъ („литераторъ, желающій безпорядковъ и на все готовый“), Н. Ѳ. фонъ-Крузе („другъ Каткова, готовый на все и желающій переворотовъ“), актеръ М. С. Щепкинъ (съ такой же отмѣткой, какъ и двое предъидущихъ). Все это, съ перваго взгляда, кажется до такой степени антиквированнымъ, заплесневѣлымъ, покрытымъ давностью и пылью, что вызываетъ только улыбку, какъ курьезъ, какъ забавный анекдотъ, какъ отголосокъ другихъ порядковъ и нравовъ, безповоротно отошедшихъ въ вѣчность. Второе впечатлѣніе не совсѣмъ совпадаетъ съ первымъ. Въ дикихъ и злобныхъ ярлыкахъ, неразборчиво приклеиваемыхъ направо и налѣво, начинаетъ слышаться что-то знакомое; понятіе о подозрительныхъ людяхъ начинаетъ отзываться чѣмъ-то современнымъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ оффиціальныхъ сферахъ давно уже не появляется ничего похожаго на „записки“ и „списки“ гр. Закревскаго — но не найдется ли что-нибудь, родственное имъ, въ другой области? Мѣсто регулярной бюрократической арміи не заняли ли, въ этомъ отношеніи, добровольцы? Продолженіе труда, брошеннаго канцеляріями, не взяли ли на себя нѣкоторые органы печати? Mutatis mutandis — да. Изъ нѣсколькихъ десятковъ газетныхъ нумеровъ, окрашенныхъ извѣстной краской, легко можно извлечь коллекцію „аттестатовъ“, напоминающихъ „критическіе отзывы“ до-реформенной московской полиціи. Приведемъ, на выдержку, нѣсколько образцовъ.

Одесскіе присяжные оправдали нѣкоего Повальскаго, обвинявшагося въ убійствѣ жандармскаго капитана Гиждеу. Защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Протопоповъ, старался доказать, что въ данномъ случаѣ, было не убійство, а самоубійство. Московская реакціонная газета, умалчивая о томъ, что именно къ этому выводу клонилось первоначальное заключеніе экспертизы, выставляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто самоубійство выводилось защитникомъ исключительно изъ психопатическаго состоянія Гиждеу, а признаками этого состоянія признавались усердіе Гиждеу въ преслѣдованіи анархистовъ и уваженіе его къ памяти Судейкина и Стрѣльникова. „Вотъ, если бы Гиждеу,—восклицаетъ газета,—раздѣлялъ ненависть анархистовъ къ убитымъ ими Стрѣльникову и Судейкину, не дѣлалъ никакихъ обысковъ и даже потворствовалъ бы анархистамъ,—о, тогда бы онъ былъ примѣрный жандармскій капитанъ, и его „умственныя отправленія“ были бы въ полномъ порядкѣ. Но онъ добросовѣстно

исполнялъ свою честную и столь важную службу Царю и отечеству и анархической сволочи спуску не давалъ: значитъ, онъ психопатъ, и если его нашли убитымъ, то туда ему и дорога, онъ, конечно, самъ себя убилъ. И все это г. Протопоповъ спокойно могъ говорить публично въ судѣ, все это спокойно слушали и судьи, и прокуроръ, а присяжные изъ этого вывели заключеніе, что нельзя обвинять людей, убившихъ такого изверга, который „охотился" на анархистовъ, и лучше солгать передъ своею совѣстью (если въ ихъ совокупности таковая имѣлась)". Многимъ ли эта тирада отличается отъ до-реформеннаго внесенія въ „списокъ подозрительныхъ людей"? Вся разница, въ сущности, сводится къ пріемамъ, значительно утонченнымъ и усовершенствованнымъ противъ прежняго. Прежде такой-то просто, съ-плеча, объявлялся „возмутителемъ, на все готовымъ"; теперь берутся слова, дѣйствительно сказанныя, перетолковываются, переиначиваются, искажаются, приписываются, въ этомъ искаженномъ и небываломъ видѣ, самому оратору—et le tour est fait, защитникъ подсудимаго превращенъ чуть не въ сообщника анархистовъ, публично на судѣ выражающаго имъ свое сочувствіе. Въ снисходительномъ отношеніи къ этому преступленію кстати, en passant, обвинены прокуроръ и судьи, а присяжнымъ брошено въ лицо коллективное оскорбленіе самаго тяжкаго свойства, однимъ ударомъ, какъ говорится, убито нѣсколько зайцевъ, обогащена нѣсколькими именами новая liste des suspects, тщательно пополняемая волонтерами политическаго надзора. Передергиваніе чужихъ словъ сдѣлалось для этихъ волонтеровъ, повидимому, чѣмъ-то привычнымъ. Въ одной газетной статьѣ была высказана мысль, что многіе изъ теперешнихъ „извергов и злодѣевъ", „живи они и дѣйствуй въ болѣе раннюю эпоху исторіи, оказались бы уважаемыми и даже блестящими представителями того или другого племени". Что же дѣлаютъ московскіе блюстители благочинія? Они заставляютъ автора говорить объ „уважаемыхъ представителяхъ до-исторической эпохи", какъ будто бы по мнѣнію автора, „уваженіе къ извергамъ" было чувствомъ питаемымъ въ наше время, и питаемымъ не безъ законной причины!

Петербургскій реакціонный листокъ не отстаетъ отъ своего московскаго собрата. Цитируя, напримѣръ, непріятную ему статью другой газеты, онъ называетъ послѣднюю „однимъ изъ тѣхъ уличныхъ листковъ, который, если бы могъ, не дождался бы завтрашняго дня, чтобы кликнуть: долой всѣ чесанныя головы!" Каково! Причесываясь каждое утро (или, можетъ быть, разсадникъ реакціонныхъ сплетенъ полагаетъ, что „либералы" поголовно игнорируютъ употребленіе щетки?), мы и не знали, что подвергаемъ этимъ опасности

свою голову, что рядомъ съ нами издается органъ людей, отрицающихъ, въ силу одного этого факта, наше право на существованіе!... Непроизвольный комизмъ, присущій всѣмъ выходкамъ петербургской реакціонной газеты, не уничтожаетъ другую, злобную сторону, свойственную имъ ничуть не меньше, чѣмъ мрачнымъ навѣтамъ „Московскихъ Вѣдомостей". Кое-что смѣшное можно, впрочемъ, найти по этой части и у послѣднихъ. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, слѣдующая любезность по адресу нашего журнала: „Вѣстникъ Европы" похвалилъ за это (за уменьшеніе господства древнихъ языковъ) новые уставы нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Но истинно слово древняго мудреца: не красна похвала во устѣхъ грѣшника (Сирах. XV, 9)".

Во времена гр. Закревскаго неблагонамѣренными провозглашались только отдѣльныя лица; современные его подражатели и продолжатели не скупятся на обвиненія противъ цѣлыхъ учрежденій. Объектомъ этихъ обвиненій всего чаще, послѣ новыхъ судовъ и крестьянскаго поземельнаго банка, служатъ университеты, не смотря на введеніе въ дѣйствіе новаго университетскаго устава. Обзывая несимпатичнаго ей писателя „психопатомъ", мнѣнія его—„дичью", московская газета восклицаетъ: „а вѣдь всю эту дичь наши научные психопаты выносятъ изъ императорскихъ университетовъ и императорскихъ высшихъ правительственныхъ училищъ, гдѣ правительство обязываетъ молодыхъ людей учиться этой мудрости и только тѣмъ изъ нихъ даетъ служебныя права, кто ею достаточно, до психопатіи, проникся"!... „Наши судьи,—читаемъ мы нѣсколькими днями позже, —до такой степени проникнуты преподаваемою въ училищахъ правовѣдѣнія новѣйшею наукой, что и не задумываются надъ вопросомъ: чтó дѣлать съ преступниками, а прямо отвѣчаютъ на него принципіальнымъ оправданіемъ изверговъ и злодѣевъ". Послѣ этого остается, очевидно, только одно: строжайше запретить обнародованіе —или даже собираніе — уголовно-статистическихъ данныхъ, обнаруживающихъ ту досадную истину, что оправдательныхъ приговоровъ нашими судами постановляется вовсе не особенно много (около одной трети, а коронными судьями, о которыхъ собственно идетъ дѣло въ приведенной нами тирадѣ, еще гораздо меньше); удалить изъ судовъ всѣхъ образованныхъ юристовъ и замѣнить ихъ людьми, нигдѣ неучившимися—или просто передать судебныя функціи въ руки полицейскихъ чиновниковъ; удалить изъ юридическихъ факультетовъ и равныхъ имъ учебныхъ заведеній всѣхъ теперешнихъ профессоровъ и замѣнить ихъ сотрудниками „Московскихъ Вѣдомостей"—или просто закрыть, за ненадобностью, юридическіе факультеты...

Намъ скажутъ, можетъ быть, что самая необузданность и нелѣ-

ность обвиненій, сыплющихся изъ-подъ пера полицействующей (sit venia verbo) печати, устраняетъ всякую возможность сравненія ихъ съ „записками“ и „списками“ до-реформенной эпохи, что обвиненія эти, притомъ, проходятъ совершенно безслѣдно, не принося никакого вреда обвиняемымъ. Но развѣ кто-нибудь изъ внесенныхъ въ „списокъ“ графа Закревскаго пострадалъ, на самомъ дѣлѣ, отъ сопричисленія его къ разряду „подозрительныхъ людей“? Развѣ свѣденія, на основаніи которыхъ „возмутителями, на все готовыми“, провозглашались Погодинъ и Юрій Самаринъ, отличались бо̀льшею достовѣрностью и документальностью, чѣмъ „чтеніе въ сердцахъ“, производимое нынѣ газетными наблюдателями? Нѣтъ, проведенной нами параллели не противорѣчитъ ни характеръ, ни результатъ новѣйшихъ „наблюденій“. Насколько отзывъ гр. Закревскаго могъ, *при случаѣ*, повліять на судьбу того или другого мнимаго „возмутителя“, настолько же возможно подобное вліяніе и для отзывовъ, приведенныхъ нами выше. Будущему историку нашей эпохи—когда она станетъ доступной для исторіи—не трудно будетъ, быть можетъ, раскрыть и освѣтить ту внутреннюю связь между разнородными, повидимому, фактами, о которой для насъ теперь мыслимы только догадки. Когда, напримѣръ, послѣ систематическихъ нападеній однихъ органовъ печати на другіе наступаетъ внезапное исчезновеніе послѣднихъ, слѣдуетъ ли сказать объ этомъ только: post hoc, или прибавить: et propter hoc?

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 13 мая, 1885 г., по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины Св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, учрежденъ, въ память Славянскихъ первоучителей, конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 1500 р. и другой въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тэму:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ Грековъ, Италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у Словаковъ, у Поляковъ,—польскаго въ Западной Руси: у Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ,—сербскаго у Хорватовъ. Прослѣдить по возможности со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Словенцевъ, Словаковъ, Чеховъ, Сербовъ-Лужичанъ, Поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появлявшіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, неисчезнувшей и непрервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Сочиненія на вышеизложенную тэму должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго славянскаго Благотворительнаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1888 года, безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14 февраля 1889 года.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1500 р., за второе же 500 р.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если Славянское Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и нерусскій.

При присужденіи преміи имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1885.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая.—Августъ.

БИБЛ[illegible]ГРАФИЧЕСК[illegible]ЪКЪ.

Экономическій журналъ, 1885 г. книжки I и II.

Потребность въ особомъ повременномъ изданіи для изученія экономическихъ вопросовъ и задачъ, выдвигаемыхъ жизнью, чувствовалась у насъ уже давно, а дѣлавшіяся до сихъ поръ попытки пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей журналистикѣ имѣли большею частью характеръ слишкомъ односторонній, практическій, причемъ главное вниманіе обращалось на текущіе интересы промышленности и финансовъ. Болѣе общая и широкая точка зрѣнія усвоена новымъ „Экономическимъ журналомъ“, какъ это видно изъ появившихся первыхъ двухъ книжекъ и изъ подробнаго profession de foi редакціи. Журналъ, предпринятый А. П. Субботинымъ, поставилъ себѣ цѣлью „сводить въ одно цѣлое всѣ многообразныя экономическія данныя, разсѣянныя въ массѣ изданій, часто недоступныхъ для большинства читателей, и своевременно констатировать всѣ выдающіяся явленія въ области финансовой политики и народнаго хозяйства“; затѣмъ на первомъ планѣ будетъ стоять „изученіе крестьянскаго хозяйства и обложенія, изслѣдованіе общинной и другихъ формъ землевладѣнія, описаніе различныхъ видовъ промышленности, ознакомленіе съ послѣдними результатами мѣстныхъ изслѣдованій, съ новыми проектами и предположеніями, какъ исходящими изъ правительственныхъ сферъ, такъ и отъ разныхъ обществъ и отъ частныхъ лицъ“. Вышедшія книжки отъ 1 и 15 іюня отличаются обиліемъ статей, замѣтокъ и отчетовъ по разнымъ отдѣламъ народнаго и государственнаго хозяйства; между прочимъ помѣщены статьи г. Скалона по земскимъ вопросамъ, проф. Тарасова — о „мѣрахъ противъ пьянства“, затѣмъ о „Россіи и Англіи на азіатскихъ рынкахъ“, о „фабричныхъ порядкахъ въ сельскомъ быту“, г. Я. Абрамова и др. Безъ сомнѣнія „Экономическій журналъ“ заслуживаетъ полнаго сочувствія всѣхъ, интересующихся экономическими вопросами въ Россіи.

Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Повременное изданіе подъ редакціею проф. И. П. Мержеевскаго. Годъ третій. Выпускъ 1. Спб. 1885.

Судя по количеству появляющихся у насъ работъ по психіатріи, можно полагать, что эта наука процвѣтаетъ въ Россіи: у насъ существуетъ два психіатрическихъ журнала — одинъ издается въ Петербургѣ, подъ редакціею профессора Мержеевскаго, а другой — въ Харьковѣ, подъ редакціею проф. Ковалевскаго. Въ вышедшемъ нынѣ объемистомъ томѣ „Вѣстника“, на ряду съ спеціальными изслѣдованіями и рефератами, помѣщена также статья, представляющая общій интересъ, — о „преступленіи и помѣшательствѣ“, д-ра П. А. Дюкова.

[illegible]черки мелкаго народнаго кредита. Выпускъ III. Ссудо-сберегательныя кассы. А. Мудрова. Москва, 1885. Цѣна 80 к.

Трудъ г. Мудрова заключаетъ въ себѣ обстоя[illegible]льную и добросовѣстную разработку важ[illegible] практическаго вопроса, о которомъ много [illegible]говорилось уже въ нашей печати. Со[illegible]ромъ свѣденія о народномъ кредитѣ, излагаемыя ясно и убѣдительн[illegible] содѣйствовать правильной постановкѣ [illegible] практикѣ и облегчить осуществленіе зад[illegible] стоятельность которой не можетъ под[illegible] спору.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Томъ V. Исполненіе рѣшенія. Спб. 1885. Цѣна 4 руб.

Почтенный трудъ г. Анненкова, приближающійся нынѣ къ концу, представляетъ весьма полезное пособіе для юристовъ-практиковъ, какъ самый полный сводъ существующихъ судебныхъ и литературныхъ разъясненій къ статьямъ устава гражданскаго судопроизводства.

Жизнь и труды В. Г. Барскаго. Сочиненіе Н. Барсукова. Спб. 1885. 8°. 72 стр. Ц.?

Въ „Вѣстникѣ Европы“ было упомянуто объ изданіи извѣстнаго путешествія Барскаго ко святымъ мѣстамъ, изданіи, которое предпринято Палестинскимъ Обществомъ и исполненіе котораго поручено имъ г. Барсукову. Настоящая книжка связана съ этимъ изданіемъ и представляетъ біографію Барскаго, извлеченную главнымъ образомъ изъ его книги, составляющей для этого почти единственный матеріалъ. Біографія составлена очень обстоятельно, насколько служилъ матеріалъ; авторъ указалъ также и то, что было у насъ писано о Барскомъ. Относительно его историческаго значенія, авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Нѣкоторые наши историки и публицисты мрачными красками изображаютъ XVIII вѣкъ нашей исторіи. Не считая нужнымъ входить въ полемику по этому предмету, мы позволимъ себѣ поставить только одинъ вопросъ: не послужитъ ли смягчающимъ обстоятельствомъ ихъ строгихъ приговоровъ тотъ фактъ, что въ XVIII столѣтіи являлись люди, подобные Барскому, которые, по свидѣтельству Судіи вселенной, Александрійскаго патріарха Матоея, „божественною ревностію побуждаемые“, стремились на Святый Востокъ; и что въ теченіе цѣлаго, нашими строгими судіями осуждаемаго, столѣтія всѣми сословіями русскаго народа читалась и перечитывалась, сначала въ рукописяхъ, а потомъ по изданію Рубана, благочестивая книга, ученика Өеофана Прокоповича, Василія Барскаго“? (стр. 68). Намъ кажется, что — не послужитъ, и что авторъ совсѣмъ напрасно ставилъ такой вопросъ. Возможно ли, во-первыхъ, дѣлать какую-то огульную ссылку на строгія сужденія о XVIII вѣкѣ — какія сужденія, и о чемъ именно? Въ самомъ дѣлѣ осужденія XVIII вѣка бывали разныя — по совершенно различнымъ поводамъ. Одни осуждали XVIII вѣкъ съ славянофильской точки зрѣнія, какъ отступленіе отъ національнаго преданія; другіе осуждали какъ время канцелярскаго деспотизма и народнаго угнетенія — безъ всякой славянофильской мысли. Кого изъ двухъ разумѣетъ г. Барсуковъ? И кого бы ни разумѣлъ, обѣ стороны, „строго осуждающія XVIII вѣкъ“, могутъ сказать — и совершенно справедливо — что, какъ бы ни былъ замѣчателенъ благочестивый подвигъ Барскаго и его книга, они составляютъ единичный фактъ, который здѣсь ничего доказать не можетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1885 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За-границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленія, при книжномъ магазинѣ Э. Мелье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
BOOK DUE
AUG 1983
WIDENER
CANCELLED
1985